М. Ю. Лермонтов

Полное собрание сочинений

Копія съ собственно-
ручного портрета
Лермонтова его кисти.

Копія снятая въ имѣніи С. Кочеткова

въ 1837–1838 году
См. біогр. ман стр. 290
и 453.

К 200-летию со дня рождения
М. Ю. ЛЕРМОНТОВА

ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
(ПУШКИНСКИЙ ДОМ)
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

М. Ю. ЛЕРМОНТОВ

собрание сочинений в четырех томах

Санкт-Петербург
2014

ТОМ ПЕРВЫЙ

СТИХОТВОРЕНИЯ
1828–1841

Издательство
Пушкинского Дома

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)1
Л 49

Издание подготовлено и опубликовано при поддержке
Российского гуманитарного научного фонда:
Грант № 12-34-10206, целевой конкурс
«Творческое наследие М. Ю. Лермонтова и современность»

Ответственный редактор тома:
Н. Г. Охотин

Рецезент: Е. О. Ларионова

Л 49 **М. Ю. Лермонтов.** Собрание сочинений: В 4 т. Т. 1. Стихотворения / Отв. ред. тома Н. Г. Охотин. — СПб.: Издательство Пушкинского Дома, 2014 — 776 с.

ISBN 978-5-87781-051-8 (Т. 1)
ISBN 978-5-87781-049-5

Новое собрание сочинений М. Ю. Лермонтова, подготовленное к 200-летию со дня рождения поэта, включает в себя весь корпус его художественных произведений и писем. Тексты Лермонтова заново сверены с источниками и снабжены подробными комментариями. В первый том научного издания входят стихотворения, написанные в 1828–1841 гг. В приложениях помещены произведения, созданные Лермонтовым в соваторстве, а также те, авторство которых в точности не установлено. .

На фронтисписе:
М. Ю. Лермонтов. Автопортрет в мундире Нижегородского драгунского полка. 1837.
Копия О. А. Кочетовой. 1880. Бумага, акварель. ИРЛИ РАН (оригинал: ГЛМ)

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ПРОБЛЕМАТИКА ЛЕРМОНТОВА

В читательском и исследовательском сознании за Лермонтовым установилась репутация «загадочного поэта».

Это мнение имеет основания, но они заключаются не в какой-либо особой «таинственности» творчества и биографии, а в относительной скудости сведений, которыми располагает о Лермонтове современная наука. Если летопись жизни и творчества Пушкина — систематизированный свод биографических и историко-литературных сведений о поэте — за первые двадцать семь лет его жизни занимает около 900 печатных страниц, то о Лермонтове таких сведений в четыре раза меньше и они менее ценны по содержанию. Переписка Пушкина за 1814–1827 годы насчитывает более 350 писем; переписка Лермонтова за 1827–1841 годы — немногим более 60 и почти лишена литературных тем. И творческие, и бытовые связи Лермонтова предстают исследователю и читателю как бы оборванными или, напротив, возникающими словно сами по себе, вне видимых причин и следствий. В этом кажущемся историко-литературном вакууме развивается необыкновенное по своей интенсивности лермонтовское творчество: за неполных тринадцать лет литературной работы им написано более 400 стихотворений, около 30 поэм, 6 драм и 3 романа, один из которых — «Герой нашего времени».

При всем своем многообразии это творческое наследие представляет собою единый художественный мир, со своими законами литературной эволюции, с характерными, ярко выраженными чертами индивидуальности, со своим кругом художественных проблем, которые делают его уникальным и неповторимым. Внутренние законы развития лермонтовского мира не всегда очевидны: они требуют читательского внимания, и их изучение затрудняется теми обстоятельствами, о которых уже шла речь. Тем не менее они уловимы, и познать их — значит глубже понять то явление, которое мы называем лермонтовским творчеством.

1

Духовное становление Лермонтова началось очень рано, и причины тому следует искать не только в его личной одаренности и в исторических особен-

ностях биографии его поколения, но и в обстоятельствах его индивидуальной судьбы.

Будущий поэт родился в ночь со 2 на 3 октября 1814 года в Москве. Его отец, Юрий Петрович Лермонтов, был небогатым и неродовитым армейским капитаном, притом человеком светским и красавцем, пользовавшимся успехом у женщин. Мать, Мария Михайловна, урожденная Арсеньева, была единственной наследницей значительного состояния, которым владела ее мать, бабушка Лермонтова, Елизавета Алексеевна, принадлежавшая к богатому и влиятельному роду Столыпиных. Брак, заключенный против воли Елизаветы Алексеевны, был, по тогдашним понятиям, неравным и к тому же несчастливым: по преданию, Юрий Петрович охладел к жене, не стеснял себя в увлечениях и, кажется, играл. Мальчик рос в обстановке семейных несогласий; через пятнадцать лет смутное воспоминание о них ляжет в основу сюжетной коллизии «Странного человека». Ему было два года с небольшим, когда Мария Михайловна скончалась от чахотки. Сразу же после смерти дочери бабушка взяла внука к себе; отец должен был устраниться от воспитания сына, в противном случае бабушка лишала его наследства, — ситуация другой автобиографической драмы, «Menschen und Leidenschaften» (1830). Мальчик воспитывался в бабушкином имении Тарханы Пензенской губернии.

Мемуаристы оставили выразительный портрет Елизаветы Алексеевны. Женщина твердая и властная, пережившая в свое время самоубийство мужа, а теперь — смерть дочери, она все свои привязанности перенесла на внука. «Нет ничего хуже, как пристрастная любовь, — признавалась она в одном из писем 1836 года, — но я себя извиняю: он один свет очей моих, все мое блаженство в нем»*. Она привлекала молодежь «умом и любезностью», веселостью и снисходительностью; сохранившиеся ее письма несут отпечаток живого и практичного, несколько иронического ума и если не литературного таланта, то, во всяком случае, литературной искушенности. Семейство было не чуждо гуманитарных интересов: дед Лермонтова, Михаил Васильевич Арсеньев, играет на домашнем театре в «Гамлете» Шекспира (во время этого спектакля он и покончил с собой); отец будущего поэта выражает свои чувства, записывая в альбом популярный в 1820-е годы романс, и то же делает Мария Михайловна; бабушка Лермонтова наслаждается в 1835 году «бесподобными» стихами внука в «Хаджи Абреке» — произведении, которое могло бы шокировать человека, воспитанного на сентиментальной литературе, а в 1820-е годы пытается читать вместе с ним греческие тексты и следит за его литературными успехами. Все это не вполне обычно для провинциальной дворянской семьи; это уровень столичного воспитания. Домашнее образование, которое бабушка дает Лермонтову, также не вполне обычно; помимо обязательных французов-гувернеров у него есть немка-бонна, и он с детства свободно владеет немецким языком, а затем к нему приглашается преподаватель-англичанин. Все это уже редкость, в особенности в провинции. И вместе с тем домашнее образование мальчика отнюдь не «блестящее» и даже не литературное по преимуществу: его не окружает ни атмос-

* ЛН. М., 1948. Т. 45–46. С. 648.

фера философского интеллектуализма, как это было, например, у братьев Тургеневых, ни среда высокообразованных дилетантов, в которой воспитывался юный Пушкин. В его юношеской тетради сохранились выписанные явно с учебными целями тексты Лагарпа и Сент-Анжа, французских литераторов, считавшихся образцовыми в XVIII веке, — для конца 1820-х годов это уже почти анахронизм. Среди его домашних наставников по русской словесности мы находим московского семинариста Орлова и будущего известного педагога, тогда еще молодого А. З. Зиновьева, готовившего его к поступлению в Московский благородный пансион.

2

Осенью 1828 года Лермонтов был зачислен полупансионером в 4-й класс Московского университетского благородного пансиона — привилегированного учебного заведения, из которого вышли Жуковский, Грибоедов, Тютчев, В. Ф. Одоевский и целая когорта деятелей декабристского движения. Здесь были сильны и литературные, и философские, и филологические интересы; родственник Лермонтова А. П. Шан-Гирей, посетивший его в это время, впервые видит у него систематическое собрание русских книг: сочинения Ломоносова, Державина, Дмитриева, Озерова, Батюшкова, Крылова, Жуковского, Козлова и Пушкина*. Этот подбор имен характерен не только для учебных чтений: он как бы символически обозначает вкусы пансионской литературной среды, где еще прочно держались традиции старой, классической поэзии. К концу 1820-х годов прежний интеллектуальный центр почти потерял свое значение; и А. Ф. Мерзляков, видный в свое время поэт и эстетик, у которого Лермонтов брал домашние уроки, и С. Е. Раич, руководитель пансионского литературного кружка, отставали от современного литературного движения. Мерзляков, некогда выступавший против баллад Жуковского, тем более не мог принять пушкинской поэзии. За несколько лет до вступления Лермонтова в пансион прежние ученики Раича и Мерзлякова — И. В. Киреевский, Д. В. Веневитинов, С. П. Шевырев, М. П. Погодин, В. Ф. Одоевский — отделились и даже прямо выступали против эстетических принципов своих учителей, образовав особое литературно-философское общество, известное в истории русской литературы как «общество любомудров». Когда в 1826 году в Москву приехал освобожденный из ссылки Пушкин, он нашел в молодых литераторах наиболее близкую себе и творчески активную среду, произошло сближение, и «любомудры» при поддержке Пушкина основали новый журнал «Московский вестник». Со страниц его провозглашалась романтическая философская эстетика, опиравшаяся на учение Шеллинга; здесь делала первые свои шаги русская философская поэзия, печатались статьи по общей теории искусства, истории, фольклористике; здесь появились впервые сцены из «Бориса Годунова», «Пророк», «Зимняя дорога», «Поэт», «Утопленник», «Поэт и толпа» («Чернь»).

* М. Ю. Лермонтов в воспоминаниях современников. М., 1989. С. 35.

«Московский вестник» считался «пушкинским» журналом и в русской журналистике конца 1820-х годов стоял несколько особняком; он противопоставил себя, в частности, «Московскому телеграфу» Н. А. Полевого — едва ли не самому популярному из русских журналов, провозвестнику новейшего французского романтизма и буржуазно-демократических идей. В годы пансионского учения Лермонтова, правда, все яснее стали обозначаться и точки расхождения «любомудров» с Пушкиным, — однако это были внутренние взаимоотношения, о которых мальчик-пансионер вряд ли мог знать.

В этой сложной борьбе противоположных литературных сил ему приходилось определять свои симпатии и антипатии. О них мы можем судить по его раннему творчеству. Еще в 1827 году, накануне поступления в пансион, он вписывает в свою тетрадь «Шильонского узника» Байрона в переводе Жуковского и «Бахчисарайский фонтан» Пушкина. Итак, он приезжает в Москву с отчетливым интересом к Байрону и русской байронической поэме.

В 1828–1829 годах он сам пишет несколько таких поэм — «Черкесы», «Кавказский пленник», «Корсар», «Преступник», «Олег», «Два брата».

Все эти поэмы — факт литературного ученичества, причем не столько у Байрона, сколько у русских «байронистов» 1820-х годов. Основной образец для Лермонтова — «южные поэмы» Пушкина, и интерес к ним поддерживается еще детскими воспоминаниями: к 1828 году Лермонтов дважды побывал с бабушкой на Кавказе, и реальные впечатления вплетались в литературный облик экзотической «романтической страны». Вместе с тем текст ранних поэм Лермонтова буквально пронизан литературными реминисценциями — из Пушкина, байронических поэм И. И. Козлова, А. А. Бестужева; батальные описания создаются под воздействием и доромантической литературы: Ломоносова, И. И. Дмитриева. Это ученичество — вместе с тем и литературная позиция, хотя и не до конца осознанная: Лермонтов выбирает себе учителей в прямом противоречии с направлением пансионского литературного воспитания — ни Раич, ни Мерзляков, ни даже «любомудры» «Московского вестника» отнюдь не сочувствуют русскому байронизму. Тот факт, что творчество Лермонтова начинается под знаком именно поэмы (а не лирических жанров), также заслуживает внимания: поэма считается основным жанром романтического движения.

Байроническая поэма имела свою эстетику, которую усваивает юный поэт. Повествование в такой поэме концентрируется вокруг единого героя, находящегося в состоянии непримиримой войны с обществом. Это изгой, дерзко нарушающий нормы общественной морали; «преступник», повинный в страшных грехах — убийстве, прелюбодеянии, кровосмешении, — и вместе с тем человек, наделенный необыкновенной силой духа и сверхчеловеческими страстями, которые возвышают его над обществом. Он жертва общества и мститель ему, — и поэтому он герой и злодей одновременно, а вина его осмысляется как трагическая вина. Иногда преступление его скрыто от читателя — оно вынесено в предысторию и, облеченное тайной, внешне выступает как беспредельное страдание. Эта романтическая концепция создает свою шкалу ценностей; так, любовь в ней равноценна жизни, а из-

мена — смерти, и потому поэма часто строится как предсмертная исповедь: с крушением любви наступает и конец физического существования героя. Эти две темы у Лермонтова нередко соседствуют и в позднем творчестве: так, в «Дарах Терека» «казачина гребенской», убив свою возлюбленную, едет сложить свою голову на чеченский кинжал, а в «Любви мертвеца» любовь оказывается силой, преодолевающей самую смерть. Такая система художественных представлений во многом определяла собою и структуру поэмы — с единодержавием героя, с повышенным субъективно-лирическим началом и в то же время драматической событийностью, острыми сюжетными коллизиями, составляющими вершинные точки повествования, с сюжетными эллипсисами (разрывами), создающими общую атмосферу тайны. Когда в «Герое нашего времени» Лермонтов будет отказываться от последовательного эпического рассказа, он, в числе других, воспользуется и композиционными принципами байронической поэмы.

Значительно более пеструю картину представляет нам лирическое творчество Лермонтова пансионских лет, — и это естественно. Для занятий у Раича воспитанники писали небольшие стихотворения, на которых сказывалось воздействие литературных вкусов наставника. Среди стихотворений Лермонтова 1828–1829 годов мы находим жанры, уже уходящие из современной поэзии: образцы поэтической «антологии», элегию доромантического типа, «подражания древним», популярный романс. Все это частью усваивалось в детские годы, частью было результатом пансионских уроков. Но, даже подражая «древним», Лермонтов выбирает своими образцами не Мерзлякова, а Батюшкова и Пушкина. Он внимательно читает и «Московский вестник», — и уже в первых его стихах откладываются впечатления от философско-эстетических концепций журнала: так, в «Поэте» (1828) есть след знакомства с интересовавшей «любомудров» концепцией религиозного искусства. Однако ориентироваться одновременно на байроновскую поэму и религиозно-философские искания «Московского вестника» было невозможно: одно противоречило другому. Лермонтов читал стихи «любомудров» уже под сложившимся углом зрения — и иной раз усваивал то, что было как раз наименее характерным для их поэзии: он брал у Веневитинова мотив посмертной, но совершенно земной страсти, а у Шевырева — фольклоризованный тип «героя-преступника». Более того, уже в 1829 году у него складывается комплекс лирических мотивов, которые мы обычно определяем как «богоборческие». Так, в «Молитве» («Не обвиняй меня, всесильный...») пятнадцатилетний мальчик демонстративно отдает предпочтение человеческой, «земной» этике «с ее страстями» перед этикой религиозного бесстрастия и квиетизма. Это, конечно, не атеизм, — это романтическая идея утверждения индивидуального начала в противовес общему и нормативному. Эстетика байронической поэмы вторгается в лирику Лермонтова: «герой-злодей», стоящий над человечеством, приобретает облик Наполеона («Наполеон. Дума») и обобщается в символической фигуре Демона. В «Молитве» демон присутствует незримо («...часто звуком грешных песен / Я, боже, не тебе молюсь»), в «Моем демоне» (первая редакция — 1829 год, вторая — 1830–1831 годы) он предстает открыто. В 1829 году Лермонтов замышляет и поэму «Демон», над которой он будет работать почти до конца жизни.

3

1830–1831 годы — вершинный этап юношеского творчества Лермонтова. В эти годы он оставляет пансион и поступает на нравственно-политическое отделение Московского университета — одного из самых своеобразных и самых демократических учебных заведений тогдашней России. А. И. Герцен, современник и почти ровесник Лермонтова, отводил Московскому университету выдающуюся роль в духовной жизни России подекабрьского периода. В знаменитой статье «О развитии революционных идей в России» он вспоминал об умственной, политической и нравственной апатии, охватившей общество в начале николаевской эпохи; символами нового царствования стали казарма, канцелярия, III Отделение. В этих условиях, писал Герцен, университет становился «храмом русской цивилизации», — живые силы общества, для которых была закрыта политическая жизнь, уходили в науку, литературу, философию. Мысль становилась делом — и делом общественным. «Это уже не были идеи просвещенного либерализма, идеи прогресса, — писал Герцен, — то были сомнения, отрицания, мысли, полные ярости»*. Герцен говорил о Лермонтове и о том поколении, к которому принадлежал он сам.

В Московском университете начала 1830-х годов еще сохранялся дух независимой студенческой корпорации, выдвигавшей из своей среды политических оппозиционеров, бунтарей типа Полежаева, отданного в солдаты, и руководителей философско-политических студенческих кружков — Белинского и Герцена. Лермонтов держится несколько особняком, однако и он захвачен общими настроениями, отнюдь не сочувственными николаевскому режиму, и вместе с другими принимает участие в нашумевшей «маловской истории», когда студенты изгнали из аудитории грубого и невежественного профессора Малова. Дух политической оппозиции сквозит в его стихах; еще в пансионе он пишет антидеспотические и антикрепостнические «Жалобы турка», а в 1830–1831 годах приветствует Июльскую революцию, адресуя гневные инвективы согнанному с трона Карлу X («30 июля. — (Париж) 1830 года») и ядовитые насмешки «царям», восседающим за столом у Асмодея («Пир Асмодея»). Его привлекает лирика Байрона и Т. Мура — излюбленное чтение русских гражданских поэтов — и фигура Андрея Шенье, которая интерпретировалась в революционном духе, — недаром столь сильное впечатление производит на него пушкинская элегия «Андрей Шенье». В стихах и поэмах этих лет слышатся и отзвуки гражданской поэзии предшествующего десятилетия, с ее преимущественным интересом к идеализированной новгородской республике, к легендарному тираноборцу Вадиму и символу деспотизма — Рюрику, со «словами-сигналами», за которыми стоит ясно читаемая система политических понятий. Поэтические реминисценции указывают нам на знакомство его с «Андреем, князем Переяславским» — анонимно появившейся поэмой А. А. Бестужева — и с рылеевскими стихами. Но это уже не декабристская поэзия, — и лермонтовский лирический герой уже далеко отстоит от героя гражданской поэзии 1820-х годов.

* *Герцен А. И.* Собр. соч.: В 30 т. М., 1956. Т. 7. С. 225.

Для Лермонтова как личности и для его поэтического поколения наступала эпоха самопознания. Именно с 1830 года в его творчестве появляется особый жанр, возникающий также под воздействием Байрона, — жанр «отрывка» — лирического размышления (медитации), нередко озаглавленного датой. Эти «отрывки» максимально приближены к лирическому дневнику, но в их центре не событие, а определенный момент непрерывного процесса самоанализа и самоосмысления. Юноша-поэт напряженно всматривается в свою внутреннюю жизнь, пытаясь схватить и выразить словом неуловимые душевные движения. Он касается и общих вопросов бытия, и нравственной жизни личности, — и в его размышлениях сказывается философская выучка, полученная в пансионские и университетские годы. Вместе с тем не следует преувеличивать философский потенциал ранней лермонтовской лирики. За ней не стоит сколько-нибудь целостное мировоззрение, как у Веневитинова или Тютчева: поэт находится в кругу общих идей времени, и все они служат самораскрытию его лирического героя. Его самоанализ не чужд элементов диалектики, — но лишь элементов. Он мыслит антитезами покоя и деятельности, земного и небесного, жизни и смерти, добра и зла. Он ставит себя в центр созданного им поэтического мира и делает это по принципу романтического контраста. Окружающая действительность предстает как враждебная личности поэта, обреченного тем самым на бесконечное одиночество. Единственный путь преодолеть его — любовь, духовное приобщение к чужой личности. Неразделенная любовь, измена предстают тем самым как всеобъемлющая жизненная катастрофа. Это — художественная идея «Демона», растворенная в ранней лирике, где время от времени как бы просвечивает образ падшего ангела (ср. «Один я здесь, как царь воздушной...»; «Одиночество», <1830>). Романтический эгоцентризм юного Лермонтова, конечно, питается литературными истоками, но в то же время он и нечто большее, чем литература: он — факт мироощущения и в какой-то мере даже жизнестроения. Лермонтов осмысляет свою биографию в строго определенных мировоззренческих, философских и эстетических категориях. Байрон — один из его ориентиров; юноша читает жизнеописание английского поэта, отмечая этапы его духовного развития и соотнося их со своими собственными, фиксируя совпадения характерологических черт, привычек, случайных жизненных эпизодов; он то сознательно, то подсознательно даже строит свой жизненный и поэтический путь по байроновскому образцу. Адресаты его лирических стихов имеют у Байрона своих «двойников»; так, одна из них — Е. Сушкова — соответствует Мэри Чаворт, которой посвящено несколько байроновских стихотворений. У Байрона заимствуются поэтические формулы, сквозные лирические мотивы, проходящие почти через всю лермонтовскую лирику (таков, например, мотив единой любви, не вытесняемой новыми привязанностями), о Байроне говорится прямо или косвенно в автобиографических заметках — и в двух стихотворениях с прямой параллелью: «Не думай, чтоб я был достоин сожаленья...» и «Нет, я не Байрон, я другой...». Последние стихотворения показывают, что речь должна идти не о простом подражании, как думали многие из современников поэта, но о соотнесении своего духовного мира с миром Байрона и его героев.

Отсюда проистекают особенности лермонтовского автобиографизма. При всей «искренности» его творчества 1830–1831 годов, оно достоверно как документ внутренней жизни поэта, но отнюдь не как биографический материал в строгом смысле слова. Когда в предисловии к «Странному человеку» он пишет об «истинном происшествии», легшем в основу драмы, и о подлинности действующих лиц, «взятых с природы» и узнаваемых, — это нельзя понимать буквально: подлинны здесь только общие контуры социальных и психологических конфликтов. Владимир Арбенин, наделенный автобиографическими чертами, вырастает в обстановке семейной драмы, подобно Лермонтову, но юноша Лермонтов не был свидетелем охлаждения отца, душевных мук и смерти матери, — и самые отношения с отцом у него складывались иначе. Юрий Петрович скончался именно в 1831 году, и облик его, нарисованный в стихотворении «Ужасная судьба отца и сына...», разительно не соответствует облику Павла Григорьевича Арбенина. И в том, и в другом случае жизненный материал преобразован по законам литературного обобщения.

Все сказанное относится и к любовным «циклам». В эти годы увлечения Лермонтова следуют одно за другим, накладываясь друг на друга. Вступая в пору зрелости, он стремится утвердить себя как личность в сфере духовной и эмоциональной. Шестнадцати лет он влюблен в Е. А. Сушкову, приятельницу своей дальней родственницы А. М. Верещагиной, и пишет ей стихи — лирические исповеди, моментальные снимки эмоций и настроений, складывающиеся в некий вторичный (то есть не предусмотренный заранее) цикл, объединенный единым адресатом и единым развивающимся чувством («Благодарю!», «Зови надежду — сновиденьем...», «Нищий», «К Л.— (Подражание Байрону)» («У ног других не забывал...»), «Я не люблю тебя; страстей...»). И лирический герой, и лирический адресат здесь, как и в других случаях, «стилизованы»: это идеальный, а не реальный и тем более не бытовой регистр взаимоотношений; достаточно сравнить этот «роман в стихах» с воспоминаниями самой Сушковой. В стихах гиперболизировано чувство, и отношения героя и адресата приобрели оттенок драматизма, чего в действительности не было. Вместе с тем любовная неудача переживалась болезненно именно потому, что возникавшее чувство осталось без ответа и даже не было принято всерьез восемнадцатилетней девушкой, смотревшей на Лермонтова как на ребенка и мечтавшей о блестящей партии. Быть может, отчасти этим объясняется особая напряженность следующего «вторичного цикла», адресованного Н. Ф. Ивановой — дочери известного в свое время московского драматурга, приятеля А. Ф. Мерзлякова, — с которой Лермонтов познакомился в том же 1830 году.

Мы мало знаем о том, как протекал этот роман в действительности; однако после разысканий И. Л. Андроникова появилась возможность заново взглянуть на его литературную проекцию, — и прежде всего на драму «Странный человек», своего рода фокус автобиографических мотивов лермонтовской лирики 1830–1831 годов. Ее герой Владимир Арбенин — человек «странный» для общества, то есть живущий не по его законам и исключительно жизнью духа. Он существует словно вне быта; он отделен от общества и ему противопоставлен. Быт полагается почти исключительно как низменная сфера материальных расчетов, бесчувственности и жесто-

кости; дикие помещики, чинящие расправу над крепостными, и столичное общество, полное «зависти к тем, в душе которых сохраняется хотя малейшая искра небесного огня», приравнены друг к другу. Это — концепция и структура ранней шиллеровской драматургии, вполне соответствовавшей «байроническим» настроениям Лермонтова и воспринятой русской романтической литературой. Взаимоотношения героя с обществом — скрытая война, в которой у него есть единственный союзник — любимая им Наталья Федоровна Загорскина; ее-то и отбирает у героя общество в лице коварного друга. Нетрудно уловить здесь уже знакомую нам концепцию байронической поэмы, но переведенную в социально-бытовой план, — и столь же легко уловить сходство и различие с реальными событиями, стоящими за повествованием: Наталья Федоровна Иванова — прототип Загорскиной; начавшаяся взаимная духовная связь ее с Лермонтовым была затем принесена в жертву законам и условностям светского быта. Но реальная Наталья Федоровна Иванова вышла замуж позднее, после 1833 года, когда роман с Лермонтовым был позади, и не за приятеля его (драматизирующий мотив), а за человека много старше себя, чужого лермонтовскому кругу. Реальный быт вновь предстает концептуально и литературно организованным. И то же самое мы видим в так называемом «ивановском цикле»: герой его — враг общества, преследуемый им, ему грозит изгнание, гибель на плахе (мотивы пушкинского «Андрея Шенье»), клевета и позор; возлюбленная его — единственная его «защита» «перед бесчувственной толпой», неспособная, однако, последовать за ним и разделить его страдания. Эти мотивы, восходящие к Байрону и Т. Муру, будут отныне варьироваться вплоть до поздней лирики Лермонтова.

4

В 1830–1831 годы лирическое начало в творчестве Лермонтова достигло своего апогея. Далее начинается спад. Новые тенденции явственно обнаруживаются уже в следующем, 1832 году — в известном смысле переломном году в лермонтовском творчестве и биографии.

Уже в «ивановском» лирическом цикле намечается стремление к «объективизации» лирического героя, к отделению его от автора. В еще большей мере этого требовала природа драмы. В стихах 1832 года мы уже почти не найдем прямых лирических исповедей; лирический монолог заменяется иными, опосредующими формами с большим удельным весом эпического начала. В этом процессе играет свою роль и интерес Лермонтова к фольклорным жанрам, с которыми он знакомится в пансионе и университете: его учителя остро интересовались проблемами народной поэзии. В «Тростнике», «Русалке», «Желанье» Лермонтов обращается к литературной балладе, ориентированной на фольклор.

Конечно, «эпичность» всех этих стихов иллюзорна: за их объективной формой скрывается личный, субъективный смысл, иной раз превращающий их в аллегорию, перерастающую в символ. Однако любовный монолог, произносимый от третьего лица, требует уже иных средств выражения, нежели лирическое самоизлияние.

Быть может, еще важнее, что и субъективные монологи приближенного к автору лирического героя в 1832 году меняются в своем качестве. Лермонтов расширяет эмоциональный диапазон: у него появляются иронические и шуточные интонации («Что толку жить!.. без приключений...»), иной раз скрывающие драматическое содержание и составляющие вместе с ним сложный сплав художественных идей и эмоций, где лирический объект предстает в разных ипостасях и под разными углами зрения. Это был новый этап лирического творчества — и одновременно новый этап самоанализа. Именно в 1832 году Лермонтов впервые пробует свои силы в прозе; первый известный нам роман («Вадим»), еще очень тесно связанный с его поэзией, есть в то же время и опыт эпического повествования, с попыткой наметить социальные характеры и дать картину народного движения в период пугачевщины.

Все эти процессы сказываются и в поэмах Лермонтова. В начале 1830-х годов у него как бы определяются две тематические группы поэм — из кавказской жизни и из русского (редко — западного) средневековья. Различия между ними не только в теме: они касаются и поэтики, и сюжета, и характера. Ранняя «историческая поэма» — типа «Последнего сына вольности» (1830–1831) — во многом связана с традицией декабристской литературы; ее суровый «северный» колорит предопределяет общую тональность: сюжетную однолинейность, отсутствие лирических отступлений. В ней вырисовывается тип сумрачного и сдержанного героя, разрываемого скрытыми страстями. Несколько иначе строится «южная», «кавказская» поэма — с сильным повествовательным элементом, экзотическими описаниями быта и этнографических деталей. Ее герой — «естественный человек», свободный в проявлениях своего чувства, не связанного законами европейской цивилизации. «Измаил-Бей», написанный в 1832 году, генетически принадлежит к этой группе — и вместе с тем возникает как бы на скрещении двух типов: характер героя, горца, воспитанного в России, вдали от родины, объединяет в себе черты «северные» и «южные» в единой, органически сложной системе. Мы находим здесь лирические отступления психологического и даже социально-философского характера, разрушающие сложившийся тип лирической байронической поэмы, сосредоточенной на судьбе одного героя.

В 1832 году наступает и перемена в личной судьбе Лермонтова. Энтузиазм, с которым он начал свои занятия, натолкнулся на казенную рутину тогдашней университетской науки. После нескольких столкновений с профессорами разочаровавшийся Лермонтов почти перестал посещать лекции и, не дожидаясь формального увольнения, покинул университет. Он предполагал продолжить образование в столице и в июле — начале августа вместе с бабушкой выехал в Петербург.

Здесь, однако, возникло новое препятствие. В Петербургском университете Лермонтову отказались зачесть прослушанные в Москве предметы. Предстояло начинать обучение заново. После коротких, но мучительных колебаний Лермонтов принял совет родных — избрать военное поприще и 4 ноября 1832 года сдал вступительный экзамен в Школу гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров.

5

Шуточные стихи «Примите дивное посланье...» и письма Лермонтова этого времени говорят о неблагоприятных впечатлениях от столицы империи. Связанный с Москвой и московским обществом, с его более патриархальным и свободным бытовым укладом, Лермонтов попадает не просто в официальный Петербург, но в петербургское закрытое военное учебное заведение николаевского времени, где «маршировки» и «парадировки» имели почти ритуальный характер. 1832–1834 годы — время учения в юнкерской школе — он называл впоследствии «двумя страшными годами». Эти годы отмечены и спадом творческой активности. Кривая ее начинает идти вверх с 1835 года, после того как Лермонтов был выпущен корнетом в лейб-гвардии Гусарский полк. В 1835 году его имя появляется в печати под поэмой «Хаджи Абрек», он отдает в цензуру первую редакцию «Маскарада», работает над другой драмой — «Два брата», поэмами «Сашка» и «Боярин Орша». Он пишет и оставляет неоконченным роман «Вадим» и начинает другой роман — «Княгиня Лиговская». Лирические стихи за 1833–1836 годы единичны; проза определяет теперь основное направление его творческой деятельности.

«Княгиня Лиговская» несет на себе черты переходности. Здесь впервые Лермонтов отказывается от исключительного героя. Его Григорий Александрович Печорин — «добрый малый» из числа светской золотой молодежи; правда, он имеет романтическую генеалогию. Мы говорили уже о типе «холодного» героя, скрывающего свои страсти, подготовленном байронической поэмой; таков Александр из драмы «Два брата» (1834–1836) — непосредственный предшественник Печорина. Ему противопоставлен герой «страстный», близкий к мелодраматическим персонажам ранних драм и поэм: в «Двух братьях» — Юрий, в «Княгине Лиговской» — Красинский. Конфликт возникает из-за женщины, в которую влюблены оба и которая отдает предпочтение одному. Собственно говоря, эта общая сюжетная схема и контур характеров в основе своей определились еще в «Вадиме». Однако в «Княгине Лиговской» они осложняются моментами социальными: Печорин принадлежит к аристократической верхушке, Красинский — бедный чиновник-дворянин, остро ощущающий свою социальную «неполноценность». Столкновение неизбежно, — и оно, по-видимому, должно было иметь трагическое окончание.

Этот конфликт развертывается в гуще петербургской повседневности, и роль бытовой сферы здесь уже иная, чем в ранних драмах. Здесь герой не отделен от быта, а соотнесен с ним. В «Княгине Лиговской» нет в собственном смысле социально обусловленного характера, но принадлежность героя к той или иной социальной сфере существенна для повествования: она предопределяет привычки персонажа, формы его поведения, личные взаимоотношения; характер его, как говорят, социально маркирован. Отсюда и возросшая роль бытописания в романе: так, Лермонтов со вниманием описывает петербургский свет и — с другой стороны, петербургские углы и трущобы, как это затем станет делать русский физиологический очерк и повесть «натуральной школы». Здесь он во многом опирается на французскую повествовательную традицию, в первую очередь на «шко-

лу Бальзака»; он воспринимает и ее методы «микроскопического» анализа душевной жизни.

Наконец, Лермонтов пытается создать образ автора — повествователя, вторгающегося в рассказ, комментирующего события в тоне непринужденной «болтовни» с читателем. Это многообразие литературных задач, отчасти противоречащих друг другу, приводило к стилевому эклектизму, и может быть, поэтому Лермонтов оставил работу. Вероятно, были и другие причины: текст содержал прямо автобиографические эпизоды, невозможные в печати, — таковы, например, сцены с Негуровой, в которых отразился возобновившийся на короткое время в Петербурге роман Лермонтова с Сушковой.

«Княгине Лиговской» предстояло перерасти в «Героя нашего времени», одновременно создаваемому «Маскараду» — завершить лермонтовское драматическое творчество. Это было первое произведение, которое Лермонтов считал достойным обнародования. До сих пор он не делал никаких попыток опубликовать свои стихи или поэмы и, по некоторым сведениям, был очень недоволен появлением в печати «Хаджи Абрека», переданного в журнал без его ведома. «Маскарад» он трижды подает в театральную цензуру и дважды переделывает, чтобы увидеть его на сцене. Хлопоты, однако, были безуспешны: все редакции драмы были запрещены.

По самому своему жанру и драматическому конфликту «Маскарад» был близок к французской мелодраме и романтической драме, которые вызывали крайнюю настороженность властей и обычно запрещались, как противоречащие официально насаждаемым нормам морали. Не последнюю роль играли и резкие нападки на светское общество; подозревали, что Лермонтов изобразил реальное происшествие.

В «Маскараде» отразились многообразные литературные впечатления от новейшей французской романтической драмы (В. Гюго, А. Дюма), трагедий Шекспира («Отелло», «Ромео и Джульетта») до грибоедовского «Горя от ума» и пушкинских «Цыган». От Грибоедова идет живость эпиграмматических диалогов и острые сатирические панорамы «света», с его психологией и нормами социального поведения. Эти нормы и оказываются причиной гибели Арбенина и Нины: катастрофа закономерна и почти фатальна, ибо она есть результат естественной логики поведения «убийц» и «жертв». Здесь намечается та же социальная мотивировка конфликта, с которой мы имели дело в «Княгине Лиговской». Пушкинские «Цыганы» предвосхищают конфликт. Подобно Алеко, Арбенин порвал с обществом, но унес с собой его представления и способ мышления. Именно это обстоятельство закрывает ему доступ к истине: он не знает иных законов, кроме законов «света», и не может поверить в существование «ангела». Уверяя себя в виновности жены, он, подобно Алеко, сам вершит суд и казнь, уничтожая своими руками все, что ему было дорого. Но далее конфликт осложняется: Лермонтов заставляет своего героя убедиться, что акт высокой мести свелся до уровня обычного «злодейства». Подобно байроническому герою, Арбенин — «преступник-жертва», но здесь акцент перемещен на первую часть формулы. Наказание начинается с осознанием героем своего преступления и завершается не искупительной гибелью, но продолжающейся

жизнью, не романтическим безумием, но сумасшествием. Так Лермонтов делает первый и важный шаг к пересмотру концепции байронического индивидуализма, — и здесь особенно важная роль принадлежит образу героини. Личность и поступки героя в «Маскараде» соотнесены с личностями и поступками других — прежде всего Нины, судьба которой оказывается мерилом его моральной правоты.

Но, сделав этот шаг, Лермонтов должен был пересматривать и самую структуру байронической поэмы. Так оно и происходит. В «Боярине Орше» оказывается поколебленным принцип «единодержавия» героя. «Орша» еще тесно связан с байронической традицией и даже конкретнее — с «Гяуром» Байрона, — и вместе с тем это первая из оригинальных и зрелых поэм Лермонтова. Прежде всего, в ней ясно ощущается древнерусский колорит: он сказывается не только в ее бытовой и этнографической определенности, но и в самой психологии центрального героя, давшего имя поэме. Еще важнее, однако, что в ней не один, а два равноценных героя, не уступающих друг другу ни по силе характера, ни по силе страдания. За каждым из них стоит своя «правда», — но если для Арсения (типично байронического героя) на первом месте «правда» индивидуального чувства, то на стороне Орши «правда» обычая, традиции, общественного закона. Эти ценности соизмеримы, — и авторское и читательское сочувствие равномерно распределяется между центральным героем («протагонистом») и его противником («антагонистом»). Заметим при этом, что центральным героем поэмы должен был бы стать Арсений — прямой наследник героев юношеских поэм, — однако Орша явно выдвигается на передний план: он полнокровнее, живее, индивидуализированнее. Орша — объективный характер, а не рупор авторских эмоций и умонастроений и обрисован средствами эпоса, а не лирики.

Все это было показателем эволюции художественного сознания. Лермонтов вступал в последний, зрелый период своего творчества.

6

Мы почти ничего не знаем о том, с кем из петербургских литераторов общался в 1835–1836 годах корнет лейб-гвардии Гусарского полка Лермонтов. К числу его близких друзей принадлежал С. А. Раевский, впоследствии фольклорист, этнограф, связанный с ранними славянофильскими кружками, приятель молодого А. А. Краевского, уже в 1836 году помогавшего Пушкину в издании «Современника». Раевский, видимо, и познакомил Лермонтова с Краевским. Есть основания думать, что Лермонтов посещал слепого поэта И. И. Козлова; мы знаем и о знакомстве его с А. Н. Муравьевым, в доме которого была написана «Ветка Палестины».

Мы знаем, однако, и другое: Лермонтов в эти годы еще не был вхож в ближайший пушкинский круг и не был знаком с самим Пушкиным. Поэтому реакция его на известие о гибели Пушкина на дуэли имела значение почти символическое: новое поэтическое поколение демонстрировало над гробом своего кумира свою боль, скорбь и негодование. Лермонтовская «Смерть Поэта» стала голосом этого поко-

ления и мгновенно распространилась в списках. Имя Лермонтова, доселе почти неизвестное в литературных кругах, в несколько дней стало популярным.

В «Смерти Поэта» содержалась концепция жизни и гибели Пушкина. Она опиралась на собственные пушкинские стихи и статьи, частью ненапечатанные, как «Моя родословная». Заклеймив Дантеса как заезжего авантюриста, Лермонтов перенес затем тяжесть вины за национальную трагедию на общество, уже описанное им в «Маскараде», и на его правящую верхушку — «новую аристократию», «надменных потомков известной подлостью прославленных отцов», драбантов императора, не имевших за собой национальной исторической и культурной традиции, всю антипушкинскую партию, сохранявшую к поэту и посмертную ненависть. В петербургском обществе заключительные шестнадцать строк произвели впечатление разорвавшейся бомбы, — в них усматривали призыв к революции. Ближайшие друзья Пушкина приветствовали стихи как литературное явление и как гражданский акт.

Правительство поспешило принять жесткие меры. Пока шло дело «о непозволительных стихах», Лермонтов сидел под арестом в комнате Главного Штаба, которая стала колыбелью его «тюремной лирики»: здесь зарождается «Сосед», «Узник» (переработка «Желанья») — мотивы, нашедшие свое завершение в поздних шедеврах — таких, как «Соседка» и «Пленный рыцарь».

В марте 1837 года Лермонтов, переведенный из гвардии в Нижегородский драгунский полк, выехал из Петербурга на Кавказ. Так началась первая кавказская ссылка Лермонтова, неожиданно раздвинувшая границы его творчества. В ноябре–декабре 1837 года он писал Раевскому: «С тех пор как я выехал из России, поверишь ли, я находился до сих пор в беспрерывном странствовании, то на перекладной, то верхом; изъездил линию всю вдоль от Кизляра до Тамани, переехал горы, был в Шуше, в Кубе, в Шемахе, в Кахетии, одетый по-черкесски, с ружьем за плечами, ночевал в чистом поле, засыпал под крик шакалов, ел чурек, пил кахетинское даже...». В Пятигорске, в Ставрополе, в Тифлисе расширяется круг его связей. Он знакомится со ссыльными декабристами и близко сходится с крупнейшим поэтом декабристской каторги — А. И. Одоевским, только что прибывшим из Сибири; с доктором Н. В. Майером, весьма колоритной личностью из декабристского окружения, послужившим потом прототипом доктора Вернера в «Княжне Мери». В Пятигорске он встречается с Н. М. Сатиным, участником кружка Герцена и Огарева, и молодым В. Г. Белинским, только что начавшим свою критическую деятельность. Наконец, в Тифлисе он входит в круг грузинской интеллигенции, группировавшейся около Александра Чавчавадзе — поэта, общественного деятеля, отца Нины Грибоедовой.

О всех этих встречах известно очень мало, и самый характер литературных и дружеских связей Лермонтова приходится устанавливать по косвенным данным и иногда предположительно. Кое-что отразилось в его творчестве: короткое, но тесное общение с Одоевским запечатлелось в прочувствованных стихах, посвященных его памяти. Несомненно, здесь были и контакты чисто литературные: в стихах «Казбеку» («Спеша на север издалека...») есть отзвуки ненапечатанной элегии

Одоевского «Куда несетесь вы, крылатые станицы...» — одной из лучших его элегий 1830-х годов.

Скудные мемуарные свидетельства показывают, однако, что эти контакты не были ни простыми, ни легкими. Мемуаристы в один голос рассказывают, как манера Лермонтова «подтрунивать» над собеседниками постоянно ставила границы серьезным беседам и оттолкнула, в частности, Белинского; она настораживала и некоторых ссыльных декабристов — Лорера, Назимова. При поверхностном знакомстве Лермонтов производил впечатление человека неглубокого, «светского», чуждого серьезному разговору; так его воспринял и Белинский, привыкший к интеллектуальному общению в дружеских философских кружках. Между тем для Лермонтова это был принцип не только личного, но и социального поведения. Оно в чем-то напоминало поведение Пушкина, не терпевшего, когда в светских салонах его представляли как «поэта». Внешнее равнодушие к собственной поэзии, тон иронической «болтовни» и отталкивание от споров эстетического и мировоззренческого свойства были боязнью профанации. Лермонтов намеренно скрывал от окружающих свой внутренний мир. То же самое будут делать и его герои — прежде всего Печорин.

Первый биограф Лермонтова П. А. Висковатый предполагал, что встречи с людьми иного поколения дали Лермонтову пищу для сравнений и породили «Думу»*. Это предположение не лишено вероятия, но лишь до известной степени. Круг жизненных впечатлений и социально-исторических размышлений, отразившихся в «Думе», был шире. Проблема исторической судьбы поколений ставится уже в «Бородине», где рельефно обрисован контраст между «богатырями» 1812 года и «нынешним племенем». На Кавказе Лермонтов столкнулся с людьми разных социально-психологических формаций; галерея типов в «Герое нашего времени» уходит своими истоками сюда, в первую кавказскую ссылку. Он видел ссыльных декабристов, и сохранивших юношеский энтузиазм и социально-политические иллюзии, и испытавших разочарование. Наконец, он впервые близко соприкоснулся с народной жизнью, воочию увидев быт казачьих станиц, русских солдат, многочисленных народностей Кавказа. Результатом было, в частности, оживление фольклористических интересов: в 1837 году Лермонтов записывает народную сказку об Ашик Керибе, стремясь при этом передать колорит восточной речи и самую систему понятий и мышления «турецкого» (то есть азербайджанского) сказителя. Эти же впечатления дали жизнь и балладе «Дары Терека», и «Казачьей колыбельной песне», где фольклор не стилизуется, но оказывается той культурной стихией, из которой вырастает народный характер. Все это неизбежно сказывалось на литературном и историческом мышлении Лермонтова в целом, и беспощадный самоанализ, рефлексия «Думы» — явление уже качественно иного порядка, нежели в ранней лирике: здесь Лермонтов едва ли не впервые поднимается над своим собственным рефлектирующим сознанием, оценивая его со стороны как порождение времени, исторически обусловленный и преходящий этап духовной жизни общества. В этом смысле

* *Висковатый П. А.* М. Ю. Лермонтов: Жизнь и творчество. М., 1891. С. 267.

«Дума» — уже прямой пролог к «Герою нашего времени», замысел которого зарождается во время первой кавказской ссылки.

Хлопоты бабушки и влиятельных знакомых сократили срок пребывания Лермонтова на Кавказе. Уже в январе 1838 года, «прощенный» и переведенный в лейб-гвардии Гродненский полк, Лермонтов возвращается в Петербург.

7

Три с половиной петербургских года — 1838–1840-й и часть 1841-го, — последние в биографии Лермонтова, были годами его литературной славы. Его сопровождала репутация поэтического наследника и защитника имени Пушкина, и, приехав в столицу, он сразу же попадает в пушкинский литературный круг. Уже «Бородино» печатается в «Современнике» — основанном Пушкиным литературном журнале; сразу же по прибытии Лермонтов наносит визит Жуковскому и передает для «Современника» новую поэму «Тамбовская казначейша». Он принят в семействе Карамзиных; он знакомится с Плетневым, Вяземским, Соллогубом, В. Ф. Одоевским, — всеми, кто входил в число близких знакомых и литературных сотрудников Пушкина в его последние годы. Давний ценитель Пушкина, начинавший свой поэтический путь под его знаком, он теперь впервые попадает в атмосферу литературных проблем, исканий и полемик пушкинского кружка и становится свидетелем собирания и издания неизвестных ранее пушкинских сочинений. Нет ничего удивительного, что пушкинские начала вновь оживают в его творчестве; и в прозе, и в стихах его есть следы только что прочитанных посмертных пушкинских публикаций. Так, в «Штоссе» улавливаются вариации мотивов незаконченных повестей Пушкина из светской жизни; в «Тамаре» интерпретирована тема Клеопатры; имя «Галуб» в «Валерике» взято из первой публикации «Тазита». «Журналист, читатель и писатель» содержит отзвуки полемик Пушкина с «торговой словесностью».

Эта связь даже вредит Лермонтову в глазах пушкинских сотрудников: она заслоняет собой новаторский характер творчества. Мнение о прямой подражательности Лермонтова исходит от критиков из прежнего пушкинского лагеря. Между тем Лермонтов шел собственным путем.

В 1838 году в «Литературных прибавлениях к Русскому Инвалиду» печатается его «Песня про царя Ивана Васильевича...». Она была непосредственно связана с «Боярином Оршей», но ее идейная и художественная проблематика была подготовлена тем новым поворотом к фольклору, который произошел у Лермонтова в 1837–1838 годах. В отличие от «Орши», это — стилизация, сказ, ориентированный на фольклорные жанры, но не имитирующий ни один из них. Народное эпическое творчество здесь служит, как в «Бородине», созданию национального характера, причем характера исторического: Калашников, «невольник чести» XVI столетия, подобно Орше, движим законами древнерусской чести, традиции и обычая, и стихийная мощь его личности несет в себе больше общих, национальных, нежели индивидуальных черт. В фигуре его противника — Кирибеевича — мы уже едва

узнаем традиционного «байронического героя», однако эта связь несомненна: подобно Арсению из «Боярина Орши», он исповедует культ индивидуальной храбрости, удали и страсти, и с его образом связана лирическая струя поэмы. Калашников — победитель, отстоявший честь и «закон» перед лицом самого грозного царя, и эта его победа возвеличена преданием. Герой-«антагонист» выдвинулся на передний план. Это был кризис романтического индивидуализма — существеннейший момент в творческой эволюции Лермонтова.

В поздний период творчества личность предстает Лермонтову в совокупности своих социальных и исторических связей и в соотношении с другими личностями; все вместе дает некую социальную меру поведения героя. Эта общая концепция, первоначальный контур которой обозначился в «Маскараде», «Песне про царя Ивана Васильевича...», в «Думе», сказывается во всем зрелом творчестве Лермонтова. Она приводит и к переоценке традиционно романтической проблемы «поэт и толпа». В стихотворении «Не верь себе» решение этой проблемы приобретает заостренно-полемическую, а с точки зрения эпигона-романтика и парадоксальную форму. Для традиционно романтического сознания «поэт» всегда выше «толпы». Для автора «Не верь себе» этот взгляд вовсе не несомненен. Более того, в его глазах «толпа» имеет преимущество над молодым мечтателем, ибо за внешней маской безразличия она скрывает страдание, неведомое поэту и им не испытанное. Здесь — целый комплекс идей, среди которых мы сейчас отметим одну: искупительную, очищающую роль страдания. Страдание поэтому есть мера внутренней ценности личности. Эта мысль повторяется во многих стихах позднего Лермонтова — например, в «Оправдании»; Белинский очень точно уловил ее и в «Герое нашего времени».

Так мы подходим к проблематике последних редакций «Демона». Как мы помним, замысел поэмы возник у Лермонтова еще в 1829 году, и уже тогда определился основной конфликт, сохранившийся в общем виде до последней редакции: падший ангел, несущий на себе бремя вселенского проклятия, влюбляется в смертную, ища в любви перерождения и выхода из космического одиночества. Но его избранница, монахиня, любит ангела, и надежда на возрождение сменяется ненавистью и жаждой мести. Демон обольщает и губит монахиню и торжествует над соперником. В 1829–1831 годах Лермонтов создает или намечает четыре редакции поэмы и разрабатывает близкие темы в других произведениях: в «Азраиле» и «Ангеле смерти». В 1833–1834 годах в Школе юнкеров Лермонтов создает пятую редакцию, а через четыре года, в 1838-м, — шестую. Такой прерывистый характер работы показывает, что замысел не складывался: любовный эпизод приходил в резкое противоречие с глобальной темой и мистериальным характером ее разработки.

Последовательно сравнивая редакции между собой, мы можем уловить, что именно менялось в поэме. Менялся прежде всего облик героини. В первых редакциях — абстрактно-романтическая грешница, которой Демон сумел внушить неистовую страсть, она уже в пятой редакции получает разработанную биографию. Зарождение ее любви к искусителю становится особой, психологически мотивированной темой, и поэтому Лермонтов тщательно работает над «соблазняющим» монологом героя, придавая ему художественную убедительность. Когда в 1838 году Лермонтов

возвращается к оставленному замыслу, он находит для поэмы окончательное место действия — Кавказ и погружает сюжет в сферу народных преданий; он вводит реалии быта и этнографии, но самое важное — он окончательно конкретизирует и материализует образ героини. Тамара получает биографию — и внешнюю, и психологическую, а герой-«протагонист» — Демон — меру ценности своих деяний.

В окончательной редакции фигура Тамары перерастает в почти символический образ, по своему философско-этическому содержанию равновеликий образу Демона. Теперь мотив любви ее к ангелу почти теряет свое значение, а в «грехопадении» ее открывается высший смысл. Она наделена той полнотой переживания, которая исчезла в современном мире (ср. в «Думе»: «И ненавидим мы, и любим мы случайно, / Ничем не жертвуя ни злобе, ни любви»). Она способна к самоотверженной любви и к искупительному жертвенному страданию, которые ставят ее на грань святости; эта концепция закрепляется монологом ангела, впервые введенным в окончательную редакцию:

Она страдала и любила,
И рай открылся для любви!

Демон первых редакций, погубив свою возлюбленную, был наказан безысходным одиночеством. В последней редакции он не только наказан, но и побежден в самый момент своей мнимой победы, ибо его жертва возвысилась над ним. Этот последний этап эволюции замысла был связан с той общей переоценкой индивидуалистической идеи, которая проходит по всему творчеству Лермонтова в конце 1830-х годов.

Переоценка, однако, не означала «разоблачения», дискредитации. Побежденный Демон оказывался существом бунтующим и страдающим. Монолог искусителя, занимавший внимание Лермонтова в течение многих лет, был шире и глубже своего прагматического назначения; в нем проступали ноты отрицания существующего миропорядка, и голос героя начинал сливаться с голосом автора. Так воспринимали «Демона» и первые его читатели.

Именно богоборческий пафос поэмы стал причиной того, что «Демон» не был издан при жизни Лермонтова, хотя широко читался в списках в обществе и даже при дворе.

К 1839 году Лермонтов, по-видимому, считал замысел «Демона» исчерпанным. В 1840 году в «Сказке для детей» он вспомнит о «безумном, страстном, детском бреде», преследовавшем много лет его разум, от которого он «отделался стихами». В «Сказке для детей» появится уже иной демон, «аристократ», «не похожий на черта», умный и ироничный, введенный в бытовую среду. В феврале 1839 года создается окончательная редакция «Демона», а летом того же года Лермонтов уже читает А. П. Муравьеву свою новую поэму — «Мцыри».

Подобно тому как «Демон» завершал эволюцию замысла десятилетней давности, «Мцыри» стоял в конце довольно длинной цепи поэм, берущей начало еще в 1830–1831 годах. В 1831 году Лермонтов намечал план «записок молодого монаха».

«С детства он в монастыре; кроме священных книг не читал. Страстная душа томится. — Идеалы...» В «Исповеди», а затем в монологах Арсения из «Боярина Орши» мы находим обширные фрагменты текста, почти без изменений вошедшие в «Мцыри».

Исследователи Лермонтова много писали об этих «самоповторениях», но здесь нужно иное, более точное понятие. Лермонтов не повторял себя — он совершенствовал замысел и пользовался ранее написанным как черновым материалом. Он не напечатал сам ни одной из своих ранних поэм, — но включил «Мцыри» в сборник своих стихотворений, вышедший в свет в 1840 году.

Образ Мцыри завершал эволюцию героя лермонтовских поэм. Его внутреннее родство с Демоном ощутимо: в нем заложено то же протестующее, бунтарское начало и та же сила духа, которая движет падшим ангелом; подобно Демону, он пытается вырваться из предопределенного ему жизненного круга и терпит катастрофу. Но далее начинаются различия. Мцыри — антипод «байронического героя»; это «естественный человек», привлекавший русскую литературно-общественную мысль еще в XVIII веке и явившийся впоследствии в новом качестве у Льва Толстого. Пафос отрицания в «Мцыри» едва ли не сильнее и не глубже, чем в «Демоне», потому что героя поэмы ничто не заставляет вести войну с обществом: Мцыри окружают не враги, а защитники и покровители. Мцыри и не воюет с ними, — он их не приемлет. Монастырскому закону, утвержденному «рукою Бога», противопоставлен другой, также божественного происхождения — закон «сердца»; общественному человеку — полуребенок, самой своей биографией и воспитанием огражденный от социальных пороков, живущий не разумом, а инстинктом, смутными, полуосознанными и потому естественными, природными влечениями. Бегство Мцыри из монастыря — символический акт неприятия и осуждения: естественное чувство требует свободы, родины, родных, любви, природы и деятельности. Блуждания Мцыри — приобщение к природе; даже в схватку с барсом он вступает без оружия, как первобытный человек, как часть окружающего его теперь природного мира. Мцыри погружается в этот мир как в родную стихию, не осмысляя, но переживая его; полудетское наивное чувство любви пробуждается в юноше при виде первой встреченной девушки и ассоциативно связывается с песнею рыбки, которую он также ощущает как реальность. Каждый сюжетный мотив «Мцыри» символически расширен и насыщен глубинными смыслами; философский потенциал поэмы значительно выше, нежели это было в раннем творчестве. Так, мотив «монастыря-убежища» расширяется до мотива «монастыря-тюрьмы»; мотив «бегства-освобождения» также преобразуется в пространственный мотив бесцельного кругового движения: весь путь Мцыри, с трудами, опасностями и подвигами, совершался в окрестностях монастыря. Самая концовка поэмы как будто соотнесена с концовкой «Демона» по принципу антитезы: Демон живет с проклятием на устах, — Мцыри умирает, «никого не проклиная». Но именно последние строки «Мцыри» резюмируют весь тот заряд отрицания, который заложен в каждой сцене поэмы и который предвосхищает толстовскую критику общества с позиций естественного сознания.

«Мцыри» и «Демон» были высшими достижениями романтической поэмы Лермонтова, — не только по своей проблематике, но и по поэтическому языку. Исповедь Мцыри, монологи Демона были результатом длительной творческой работы, но внешне они предстают читателю как почти импровизация, сплошной речевой поток, повышенно экспрессивный, иной раз «неточный» по сравнению с пушкинскими нормами словоупотребления, но захватывающий и буквально гипнотизирующий читателя. Такое впечатление производил на Белинского «Боярин Орша». В письме В. П. Боткину 1842 года он сравнивал свое впечатление с «опьянением». «Есть места убийственно хорошие, а тон целого — страшное, дикое наслаждение. Мочи нет, я пьян и неистов»*.

Эта неистовствующая лирическая стихия выливалась из-под пера поэта, уже начавшего работу над «Героем нашего времени», который в нашем сознании открывает традицию русского реалистического психологического романа. Однако противоречие здесь кажущееся.

8

Как и поздние поэмы Лермонтова, «Герой нашего времени» был результатом не резких перемен в литературном сознании, но органической его эволюции.

В конце 1830-х годов Лермонтов неоднократно заявлял о своем отказе от «несвязного и оглушающего языка страстей», которому отдал дань в своем раннем творчестве. «Язык» действительно изменился, но внутренний драматизм ситуаций остался прежним и даже усилился. Мы уже упоминали о «Дарах Терека», где намеком дан сюжет целой байронической поэмы, со страстями, убийством из ревности и самоубийством, — сюжет, гораздо более драматичный, чем в раннем «Атамане», где он выражен прямо. Стихотворение «Они любили друг друга так долго и нежно...» едва ли не безнадежнее «Демона», ибо не содержит катарсиса: загробная жизнь, приносящая воздаяние за земные страдания, для глубокого и мучительного взаимного чувства оборачивается забвением, пустотой, абсолютным небытием. Во многих стихах позднего Лермонтова проходит этот мотив неутоленной любви, — не просто «одиночества», но фатально предопределенной невозможности соединения. Старый утес тоскует по тучке, на мгновение прильнувшей к нему и потом забывшей о его существовании («Утес»); сосна, осыпанная снегом, грезит о прекрасной пальме, но и та обречена на одиночество на сожженной солнцем скале («На севере диком...»); убитый воин в Дагестане в посмертном сне видит предмет своих желаний и стремлений, а она в забытьи видит его труп («Сон»); умирающий велит рассказать о себе прежней подруге, чтобы вызвать ее участие, которого он был лишен при жизни («Завещание»)... В этом последнем стихотворении — предсмертная исповедь безымянного армейского офицера, умирающего от ран и плохих лекарей; и жизнь, и смерть его будничны, и изъясняется он прозаически, а не «оглу-

* *Белинский В. Г.* Полн. собр. соч. М., 1958. Т. 12. С. 111.

шающим» языком страстей. Но чувствует он то же, что чувствовал еще герой-изгнанник «ивановского цикла»:

...Моей судьбой,
Сказать по правде, очень
Никто не озабочен.

В 1830–1831 годах организующим мотивом цикла был мотив слезы над прахом изгнанника — единственного посмертного знака сочувствия, исходящего от единственного в мире существа — любимой женщины. Именно этот мотив — центральный в «Завещании», хотя изменился он почти до неузнаваемости:

Пускай она поплачет...
Ей ничего не значит.

За этой подчеркнутой простотой выражения мы едва замечаем, что драматизм ситуации увеличился, потому что возлюбленная давно забыла о герое, и он это знает. Мотив измены возникает как побочный, всплывающий случайно, «к слову». В 1830–1831 годах его было достаточно, чтобы придать стихам лирическую напряженность.

Человек «толпы», скрывающий свои чувства, заговорил в лирике Лермонтова своим языком и перерос лирический образ «молодого мечтателя». Романтические конфликты скрывались в глубине повседневности, и подлинной литературной декларацией Лермонтова оказалось «Не верь себе».

В «Тамбовской казначейше» он обратился к анекдоту из пошлого провинциального быта и, как Пушкин в «Домике в Коломне», закончил его ироническим извинением за отсутствие «действия» и «страстей». Между тем именно «действие» и «страсти» составляют смысл центрального эпизода, где вдруг преображаются пошлые герои и повествование теряет ироническую тональность, становясь серьезным и драматичным. Провинциальная кокетка единым жестом разрывает все свои семейные и общественные связи, живая ставка демонстрирует сборищу игроков свое женское достоинство, а армейский волокита забывает о выигрыше и на мгновение превращается в идеального любовника. Ирония снижает патетику, но ирония же может стать средством возвышения и преображения быта. Не следует поэтому слишком «доверять» лермонтовскому бытописанию: его функция и качество иные, нежели в классических образцах зрелой реалистической литературы, и сквозь него всегда просвечивает романтическое начало.

Все сказанное относится и к «Герою нашего времени».

Лермонтов начал писать свой роман в 1838 году на основе кавказских впечатлений. Это был не роман в традиционном смысле: с единой сюжетной линией, совпадающей с внешней или внутренней биографией героя, — не повествование в духе Вальтера Скотта или психологического романа типа «Адольфа» Б. Констана или «Исповеди сына века» Мюссе. Конечно, все перечисленные типы — и более

всего психологический роман — в той или иной степени подготовили художественный метод «Героя нашего времени», однако они не могли подготовить его своеобразную композиционную структуру. Трудно сказать, предполагал ли Лермонтов изначала предложить читателю цельное и связное повествование: он писал отдельные повести, причем не в том порядке, в каком они предстали в романе, и печатал их в «Отечественных записках». В 1839 году журнал сообщал, что Лермонтов готовит к изданию «собрание своих повестей». Итак, не «роман», а именно «собрание повестей», цикл, подобный, например, «Повестям Белкина», но, в отличие от них, объединенный фигурой главного героя.

Каждая из этих повестей опиралась на определенную литературную традицию. «Бэла» объединила в себе черты путевого очерка типа пушкинского «Путешествия в Арзрум» и романтической новеллы о любви европейца к «дикарке», — сюжет этот получил широкое распространение вместе с руссоистскими идеями. «Княжна Мери» — светская повесть, уже хорошо известная русской литературе, «Тамань» — лирическая новелла, более всего приближенная к «поэтической прозе», со слабо выявленным внешним сюжетом и атмосферой таинственности, придающей повествованию особое напряжение. Наконец, «Фаталист» — повесть о «таинственном случае», также укрепившаяся уже в русской прозе 1830-х годов.

Все эти жанровые формы и сюжетные вариации в романе Лермонтова наполнились особым, новым содержанием, став частью единого целого — исследования духовного мира современного героя. Герой — Печорин — не развивается, а раскрывается, и уже первые исследователи романа, прежде всего Белинский, заметили, что раскрывается он по-разному, последовательно приближаясь к читателю — от рассказа о нем в случайном разговоре дорожных попутчиков («Бэла») к прямому наблюдению внешних черт его поведения («Максим Максимыч») и далее — к его «журналу», дневнику, исповеди. История его дана словно пунктиром, не в связном рассказе, но в нескольких вершинных эпизодах его биографии, причем вне хронологической последовательности: действие «Бэлы» предшествует «Максиму Максимычу» и следует за эпизодом на водах, составившим содержание «Княжны Мери». Впрочем, хронологический ряд здесь выстраивается с трудом и для восприятия романа не нужен, как не нужна и предшествующая биография Печорина, на которую сделан намек в первоначальном тексте «Княжны Мери». Все эти художественные особенности служат одной цели: созданию атмосферы некоторой недосказанности и легкой таинственности вокруг образа главного героя. И самый метод, и «вершинность» композиции идут от байронической поэмы.

Образ Печорина также в известной мере подготовлен поэтическим творчеством Лермонтова. Рефлективные «исповеди» его ранних стихов были тем зерном, из которого развился печоринский самоанализ.

В лирических «отрывках» Лермонтова 1830–1831 годов определились те же «два человека» — действующий и судящий его, — о которых говорил Печорин, и самые автохарактеристики в них иногда близки к размышлениям Печорина. Отсюда идет та субъективность образа, которую отмечал еще Белинский: «Печорин — это он сам». Вместе с тем уже в «Думе» Лермонтов сделал попытку обобщить свои субъективные размышления, осознав их как характерные черты духовного облика

целого поколения, — и образ Печорина явился как их материализованное воплощение, как «тип»; об этом Лермонтов написал в предисловии к роману. Этот тип несет на себе и «байронические» черты, как происходило и с героем ранней лирики; характер и поведение Печорина соотнесены с индивидуальным характером Байрона и с литературным характером его героя. Размышления Печорина впитывают в себя психологический материал байроновских дневников; его облик и отчасти внешнее поведение в чем-то сходны с обликом и поведением байронического героя.

Вместе с тем тип Печорина, конечно, не мог возникнуть в пределах лирического и лиро-эпического творчества: он подготавливался и в прозе, и в драматургии. Можно проследить связь «Героя нашего времени» с незаконченной драмой «Два брата», дающей прямое текстуальное совпадение: слова Печорина княжне Мери («Да, такова была моя участь с самого детства...») прямо перенесены в роман из второго действия «Двух братьев». Их произносит Александр — «холодный» герой, вступивший в любовное соперничество со своим братом, натурой пылкой и страстной, и добившийся победы, результатом которой стала гибель их отца.

Здесь не только формальное совпадение фрагментов текста — здесь совпадение ситуаций. «Два брата» содержат внешний контур и психологическую и художественную концепцию конфликта между Печориным и Грушницким. Наконец, наиболее близкую связь образ Печорина обнаруживает с Григорием Александровичем Печориным из «Княгини Лиговской», откуда в «Герой нашего времени» перешли и другие персонажи — Вера и ее муж и самая фамилия княжны Мери — Лиговская. Вообще «Герой нашего времени» производит впечатление прямого продолжения «Княгини Лиговской»: Жорж Печорин, вступив в конфликт с Красинским и, возможно, убив его на дуэли, сослан на Кавказ и явился читателю уже в виде героя иного романа. В рукописи «Княжны Мери» есть намек на то, что предыстория Печорина мыслилась именно таким образом. Однако эту предысторию Лермонтов отсек — и совершенно сознательно; «Княгиня Лиговская» была своего рода черновой разработкой биографии и психологического типа «героя нашего времени», принадлежавшего уже иной стадии социального и художественного мышления его создателя.

Эта новая стадия сказалась прежде всего в новом угле зрения на героев и традиционные ситуации. Все они подверглись переосмыслению. Так функционально переосмыслен монолог Александра: в «Двух братьях» это — искренняя исповедь, излияние души; в «Герое нашего времени» — исповедь, рассчитанная и на то, чтобы поразить воображение слушательницы. Скептическая ирония Печорина, описывающего эту сцену в дневнике, направлена на него самого, — и она составляет существенный структурный элемент образа. Она отличает Печорина от Грушницкого — его двойника-антагониста: Грушницкий потому и выглядит «пошлым», что он воспроизводит внешние формы поведения «байронического героя», не улавливая их внутреннего психологического содержания. Отсюда стереотипы «романтического» поведения и речевые шаблоны в монологах Грушницкого; эти шаблоны постоянно пародируются Печориным.

Вместе с тем антитеза «Печорин — Грушницкий» сложнее, нежели прямое противопоставление истинного и ложного, органического и наносного. Грушниц-

кий есть часть социального мира, в котором действует Печорин; один из тех «других людей», чья судьба в конечном счете определяет меру правоты или виновности главного героя, как это было в «Маскараде» и поздних редакциях «Демона». К этому миру принадлежит и Максим Максимыч, и безымянная «ундина» из «Тамани», и княжна Мери, и Вера, и доктор Вернер, и «фаталист» Вулич. Логикой событий Грушницкий оказывается жертвой, а Печорин — убийцей товарища, и это факт, которого не могут изгладить ни моральная правота Печорина, ни воспоминания о низостях, совершенных Грушницким. Печорин никому не делает зла сознательно, — оно возникает как бы само собой, из самого хода вещей, и даже как результат благородных побуждений. Эта художественная мысль оказывается центральной в описании всех без исключения взаимоотношений Печорина, и «герой нашего времени» формулирует ее прямо в знаменитом автопризнании в «Княжне Мери»: «С тех пор, как я живу и действую, судьба как-то всегда приводила меня к развязке чужих драм, как будто без меня никто не мог бы ни умереть, ни прийти в отчаяние. Я был необходимое лицо пятого акта; невольно я разыгрывал жалкую роль палача или предателя. Какую цель имела на это судьба?..» Вопрос, заданный отчасти риторически, возникает не случайно, — он, как мы видели, во многом определяет и проблематику «Маскарада». Проблема социальной обусловленности поведения человека, и даже самих форм его психической жизни, и исторической закономерности жизни народа, — все то, что являлось завоеванием социально-философской и исторической мысли лермонтовского времени, неизбежно приводило к вопросу о свободе воли, индивидуальной ответственности личности и, с другой стороны, к вопросу о роли случая и фатальной предопределенности жизни общества и индивидуума. Это отчасти объясняет, почему «Герой нашего времени» оканчивается «Фаталистом», с ясно звучащей и не разрешенной до конца темой человеческой судьбы. Эту проблему Лермонтов решить не мог, но то, что он ее поставил, было важным шагом по пути развития социально-психологического романа, где индивидуальное поведение рассматривалось в его общественном качестве.

Эта установка определила и своеобразный художественный «объективизм» лермонтовского романа: Лермонтов отказывался судить своих героев по общепринятым меркам, ибо он давал анализ психологии общества в целом, отвергая просветительские рецепты его «исправления». Аналитический, а не нормативный характер романа был также величайшим художественным завоеванием, затем усвоенным критическим реализмом, и очень показательно, что современная критика, за исключением одного Белинского, не смогла понять и принять его философской основы.

9

В конце 1830-х годов Лермонтов становится не только известным поэтом, но и литературным деятелем, которому приходится определять свою позицию в противоборстве эстетических течений и группировок.

Дружеские и светские связи естественно вовлекли его в поздний пушкинский круг. Но самый круг этот был неоднороден, и его разрывали центробежные силы. «Современник», в котором он начал печататься, перешел окончательно в руки П. А. Плетнева, обособившегося и от Вяземского, и от Жуковского, и от салона Карамзиных и занявшего в отношении творчества Лермонтова сдержанно-благожелательную позицию. После «Тамбовской казначейши», вышедшей в изуродованном цензурой виде, Лермонтов ничего не печатает в «Современнике». С Вяземским и Жуковским у него не сложилось близких отношений — ни личных, ни литературных; по случайным, косвенным свидетельствам мы можем предполагать, что Лермонтов не был вполне удовлетворен литературной позицией старших поэтов, равно как и они далеко не все принимали в поэзии Лермонтова. Еще сложнее были взаимоотношения Лермонтова с формировавшимися московскими славянофильскими кружками.

«Песня про царя Ивана Васильевича...», отразившая интерес Лермонтова к национальным, народным началам в поэзии, была принята ими восторженно. Со своей стороны Лермонтов внимательно присматривался к их эстетической, социальной и исторической доктрине, которая только начинала зарождаться; в «Умирающем гладиаторе» есть следы знакомства с теорией старения европейского мира, которому противопоставлялся мир пробуждающегося молодого Востока. Однако следующие же произведения Лермонтова должны были вскрыть несовпадение, а во многом и антагонизм литературных позиций, — так и случилось. Славянофильские, а впоследствии «почвеннические» литераторы решительно отвергли «Героя нашего времени» и тип Печорина, как не имеющий корней в русской действительности, и противопоставили ему Максима Максимыча, объявив его воплощением национального характера. Они принимали Лермонтова выборочно — там, где он критиковал буржуазную западную цивилизацию («Последнее новоселье») или сочувственно рисовал патриархальные стороны русской жизни. Зато «отрицательный взгляд» пессимистических рефлективных стихов Лермонтова, типа «И скучно, и грустно», был им глубоко чужд. Такая же «выборочность» ощущается и в отношении к ним Лермонтова. Он охотно общается с Погодиным, Хомяковым, Самариным; он отдает «Спор» в новообразованный «Москвитянин», однако остается холоден к социально-философским и религиозным основам учения славянофилов. Это очень ясно видно в «Родине», где поэт словно намеренно подчеркивает непроизвольность и логическую необъяснимость своего патриотического чувства, существующего вне всяких аргументов социального и исторического порядка. Эти аргументы были основой славянофильского учения; на «заветные преданья» старины, на «полный гордого доверия покой» патриархального самосознания во многом опиралась их философская доктрина. Лермонтов не отрицает их, но без них обходится; он выдвигает взамен их интуицию и эстетическое переживание. Эту философско-художественную концепцию впоследствии высоко оценивал Добролюбов.

Из всех литературно-общественных течений времени наиболее близким Лермонтову оказывается то, которое было представлено «Отечественными записками», где зарождалась будущая «натуральная школа». «Отечественные записки» издавались

А. А. Краевским при ближайшем участии В. Ф. Одоевского. В конце 1839 года ведущим критиком журнала становится приехавший из Москвы Белинский. Именно здесь появляется большинство прижизненных публикаций Лермонтова в стихах и в прозе.

В 1840 году Белинский вторично увидел Лермонтова, — уже не «светского человека», но литератора по преимуществу, — и на долгие годы сохранил восторженное впечатление о его эстетической проницательности и интеллектуальной мощи. Но жить Лермонтову оставалось уже немногим более года.

В марте 1840 года у него произошло столкновение с сыном французского посла Эрнестом де Барантом.

Дуэль имела чисто личные поводы, но психологические корни ее лежали глубже. Это была дуэль с иностранцем, подобная дуэли Пушкина, и она получила своего рода символический смысл. В Лермонтове говорило корпоративное сознание. Еще осенью и зимой 1839 года он принимал участие в так называемом «кружке шестнадцати», включавшем молодежь из аристократических семейств, культивировавшую дух независимости, вольнолюбия и критического отношения к властям. Это была не оформившаяся в организацию группа, предписывавшая своим членам определенного рода нормы этики и поведения, дух товарищества, «esprit de corps», — и во главе ее, по некоторым сведениям, стояли Лермонтов и А. А. Столыпин (Монго), родственник и ближайший друг Лермонтова, пользовавшийся в обществе репутацией человека чести. По неписаному кодексу чести «шестнадцати», дуэль с Барантом представала как защита национального достоинства, и Столыпин принял в ней участие в качестве секунданта. Ссора окончилась дуэлью, не причинившей вреда противникам; тем не менее был назначен военно-полевой суд, по решению которого Лермонтов был переведен в Тенгинский полк, в действующую армию на Кавказе.

В июне 1840 года Лермонтов прибыл в Ставрополь, в главную квартиру командующего войсками Кавказской линии и Черномории генерала Граббе, а в июле он уже участвует в постоянных стычках с горцами и в кровопролитном сражении при реке Валерик. Тем временем в Петербурге печатается сборник его стихотворений.

Сентябрь–октябрь проходят в непрестанных сражениях. Очевидцы писали впоследствии об «отчаянной храбрости» Лермонтова, удивлявшего своей удалью кавказских ветеранов.

В начале февраля 1841 года Лермонтов, получив двухмесячный отпуск, приезжает в Петербург. Его представляют к награде за храбрость, но Николай I отклоняет представление. Поэт проводит в столице три месяца, окруженный вниманием и сохраняя веселое расположение духа; он разговаривает с Краевским о перспективах издания журнала, несколько отличного от «Отечественных записок». Его интересует духовная жизнь Востока, с которой он близко соприкоснулся на Кавказе. Целый ряд его последних стихотворений — «Тамара», «Свиданье», «Спор» — так или иначе подходит к проблеме восточного «миросозерцания».

«...Уже кипучая его натура начинала устраиваться, — вспоминал Белинский, — в душе пробуждалась жажда труда и деятельности, а орлиный взор спокойнее на-

чинал вглядываться в глубь жизни. Уже затевал он в уме, утомленном суетою жизни, создания зрелые; он сам говорил нам, что замыслил написать романическую трилогию, три романа из трех эпох жизни русского общества (века Екатерины II, Александра I и настоящего времени), имеющие между собою связь и некоторое единство, по примеру куперовской тетралогии, начинающейся „Последним из могикан“, продолжающейся „Путеводителем в пустыне“ и „Пионерами“, и оканчивающейся „Степями“»*.

Все эти планы и замыслы были оборваны неожиданной, случайной и чудовищной в своей нелепости гибелью: воин, с отчаянной храбростью бросавшийся при Валерике верхом на завалы, пал не в бою, а в момент краткого отдыха, не от шашки противника, а от пули старого товарища.

10

Смерть Лермонтова была тяжким ударом для русской литературы, и естественно то внимание, с каким биографы поэта отнеслись к исследованию, и даже расследованию ее обстоятельств. Общественные истоки трагедии были очевидны: с 1837 года Лермонтов пользовался репутацией неблагонадежного, и в последние его годы это мнение только укрепилось. И в светском обществе, и при дворе обращали внимание на независимость и дерзость поведения молодого офицера, и Николай I не без основания видел в ней тот самый ненавистный ему дух вольнодумной воинской корпорации, «esprit de corps», о котором нам пришлось говорить в связи с «кружком шестнадцати». К «Герою нашего времени» император отнесся резко отрицательно; по-видимому, Печорин в его глазах был воплощением именно этого духа, резко противоречившего его собственным — а тем самым и официальным — представлениям об идеальном воине-службисте.

Все эти факты давали повод думать, что гибель Лермонтова была уже предрешена в Петербурге и что непосредственные участники его последней дуэли были лишь орудием в руках убийц с гораздо более высоким общественным положением. Но реально дело обстояло иначе.

Не получив ожидаемой отсрочки, Лермонтов был вынужден 14 апреля выехать из Петербурга на Кавказ. Несколько дней он пробыл в Москве. Ю. Ф. Самарин — один из последних, кто видел его в это время, — записал его слова, очень выразительно характеризовавшие его отношение к социальной жизни николаевской России: «Хуже всего не то, что известное количество людей терпеливо страдает, а то, что огромное количество страдает, не сознавая этого»**. В мае он прибывает в Пятигорск и получает от местного начальства разрешение задержаться на минеральных водах для лечения. Это был предлог, чтобы отсрочить возвращение в полк. Лермонтова начинала тяготить военная служба.

* Там же. Т. 5. С. 455.

** М. Ю. Лермонтов в воспоминаниях современников. М., 1989. С. 382.

Все эти недели он испытывает необычайный прилив творческой активности. В записной книжке, подаренной ему при прощании В. Ф. Одоевским, один за другим следуют его поздние шедевры: «Спор», «Сон», «Утес», «Они любили друг друга...», «Тамара», «Свиданье», «Листок», «Выхожу один я на дорогу...», «Морская царевна», «Пророк»... В Пятигорске им овладевает радужное, оптимистическое настроение; он все надеется получить прощение и выйти в отставку. Здесь же, в Пятигорске, он находит общество прежних знакомых, в том числе Н. С. Мартынова, некогда его товарища по Школе юнкеров.

Тем временем из Петербурга идут предписания строжайше наблюдать, чтобы Лермонтов находился налицо в полку; Николай I выразил августейшее неудовольствие по поводу его отлучек.

Приказание императора уже не успели выполнить. 13 июля 1841 года на вечере в пятигорском семействе Верзилиных произошло столкновение между Лермонтовым и Мартыновым. Случайно брошенная шутка уязвила Мартынова, человека неумного и болезненно самолюбивого, и ранее бывавшего предметом насмешек Лермонтова. Не придавая значения размолвке, Лермонтов принял вызов на дуэль, твердо решившись не стрелять в товарища. По преданию, по дороге к месту поединка он рассказывал о своих литературных замыслах.

Он был убит наповал 15 июля 1841 года.

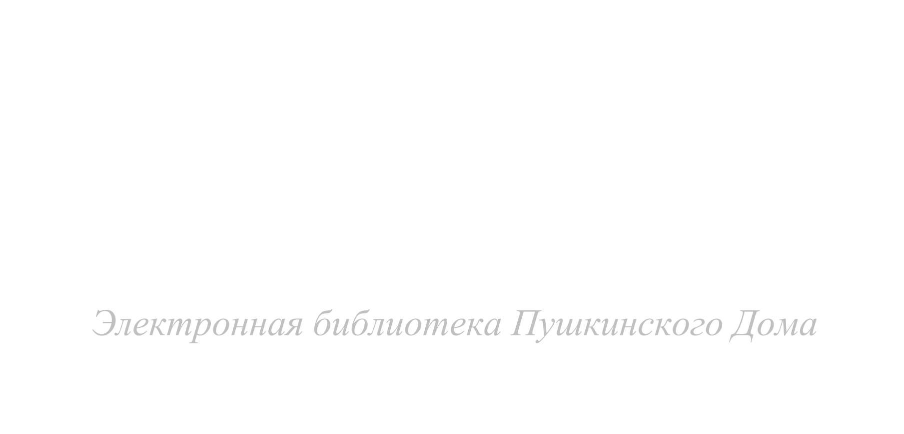
* * *

Вот уже сто с лишним лет биографы Лермонтова скрупулезно пытаются выяснить все детали трагедии, происшедшей июльским вечером 1841 года у подножия горы Машук близ Пятигорска. Не все здесь ясно и известно, и отрывочность и противоречивость отдельных — впрочем, второстепенных — сведений порождает сенсационные догадки о тайном заговоре. Эта версия превращает трагедию в мелодраму и не объясняет, а затемняет ее подлинный социальный смысл.

Ни Николай I, ни Бенкендорф, ни даже Мартынов не вынашивали планов убийства Лермонтова-человека. Но все они — каждый по-своему — создавали атмосферу, в которой не было места Лермонтову-поэту. Самый пафос его творчества был органически враждебен морали, навыкам житейского поведения, даже нормам мышления официальной, императорской России. Ей нужен был поручик Лермонтов, ограниченный рамками воинской дисциплины, — и никак не более, — и она с плохо скрываемой неприязнью или с преступным равнодушием смотрела на то, как в этом поручике росло и укреплялось самосознание писателя, и как русская культура признала его одной из блистательнейших своих надежд. У этой культуры не было сил и возможностей уберечь Лермонтова физически, — но именно она в лице лучших своих представителей, начиная с Белинского, бережно передавала его наследие из рук в руки новым поколениям и донесла его до нашего времени.

В. Э. Вацуро

СТИХОТВОРЕНИЯ

1. ОСЕНЬ

Листья в поле пожелтели,
И кружатся, и летят;
Лишь в бору поникши ели
Зелень мрачную хранят.
Под нависшею скалою
Уж не любит, меж цветов,
Пахарь отдыхать порою
От полуденных трудов.
Зверь, отважный, поневоле
Скрыться где-нибудь спешит.
Ночью месяц тускл и поле
Сквозь туман лишь серебрит.

<1828>

2. ЗАБЛУЖДЕНИЕ КУПИДОНА

Однажды женщины Эрота отодрали;
Досадой раздражен, упрямое дитя,
Напрягши грозный лук и за обиду мстя,
Не смея к женщинам, к нам ярость острой стали,
Не слушая мольбы усерднейшей, стремит.
Ваш подлый род один! — безумный говорит.

С тех пор-то женщина любви не знает!..
И точно как рабов считает нас она...
Так в наказаниях всегда почти бывает:
Которые смирней, на тех падет вина!..

<1828>

3. ЦЕВНИЦА

На склоне гор, близ вод, прохожий, зрел ли ты
Беседку тайную, где грустные мечты
Сидят задумавшись? Над ними свод акаций:
Там некогда стоял алтарь и муз и граций,
И куст прелестных роз, взлелеянных весной.
Там некогда кругом черемухи млечной
Струил свой аромат, шумя, с прибрежной ивой
Шутил подчас зефир и резвый и игривый.
Там некогда моя последняя любовь
Питала сердце мне и волновала кровь!..
Сокрылось всё теперь: так, поутру, туманы
От солнечных лучей редеют средь поляны.
Исчезло всё теперь; но ты осталось мне,
Утеха страждущих, спасенье в тишине,
О милое, души святое вспоминанье!
Тебе ж, о мирный кров, тех дней, когда страданье
Не ведало меня, я сохранил залог,
Который умертвить не может грозный рок,
Мое веселие, уж взятое гробницей,
И ржавый предков меч с задумчивой цевницей!

<1828>

4. ПОЭТ

Когда Рафаэль вдохновенный
Пречистой Девы лик священный
Живою кистью окончал,
Своим искусством восхищенный
Он пред картиною упал!
Но скоро сей порыв чудесный
Слабел в груди его младой,
И утомленный и немой
Он забывал огонь небесный.

Таков поэт: чуть мысль блеснет,
Как он пером своим прольет
Всю душу; звуком громкой лиры

Чарует свет, и в тишине
Поет, забывшись в райском сне,
Вас, вас! души его кумиры!
И вдруг хладеет жар ланит,
Его сердечные волненья
Всё тише, и призрак бежит!
Но долго, долго ум хранит
Первоначальны впечатленья.

<1828>

5. ПОСВЯЩЕНИЕ. N. N.

Вот, друг, плоды моей небрежной музы!
Оттенок чувств тебе несу я в дар.
Хоть ты презрел священной дружбы узы,
Хоть ты души моей отринул жар…
Я знаю всё: ты ветрен, безрассуден,
И ложный друг уж в сеть тебя завлек;
Но вспоминай, что путь ко счастью труден
От той страны, где царствует порок!..
Готов на всё для твоего спасенья!
Я так клялся и к гибели летел;
Но ты молчал и, полный подозренья,
Словам моим поверить не хотел…
Но час придет, своим печальным взором
Ты всё прочтешь в немой душе моей;
Тогда: беги, не трать пустых речей, —
Ты осужден последним приговором!..

<1829>

6. ПИР

Приди ко мне, любезный друг,
Под сень черемух и акаций,
Чтоб разделить святой досуг
В объятьях мира, муз и граций.
Не мясо тучного тельца,
Не фрукты Греции счастливой

Увидишь ты; не мед, не пиво
Блеснут в стакане пришлеца;
Но за столом любимца Феба
Пирует дружба и она;
А снедь — кусок прекрасный хлеба
И рюмка красного вина.

<1829>

7. ВЕСЕЛЫЙ ЧАС

Стихи в оригинале найдены во Франции
на стенах одной государственной темницы

Зачем вы на меня,
Любезные друзья,
В решетку так глядите?
Не плачьте, не грустите!
Пускай умру сейчас,
Коль я в углу темницы
Смочил один хоть раз
Слезой мои ресницы!..
Ликуйте вы одне
И чаши осушайте,
Любви в безумном сне,
Как прежде, утопайте;
Но в пламенном вине
Меня воспоминайте!..

Я также в вашу честь,
Кляня любовь былую,
Хлеб черствой стану есть
И воду пить гнилую!..
Пред мной отличной стол,
И шаткой и старинной;
И музыкой ослиной
Скрыпит повсюду пол.
В окошко свет чуть льется;
Я на стене кругом

Пишу стихи углем,
Браню кого придется,
Хвалю кого хочу,
Нередко хохочу,
Что так мне удается!

Иль если крыса в ночь
Колпак на мне сгрызает,
Я не гоняю прочь:
Меня увеселяет
Ее бесплодный труд.
Я повернусь — и тут!..
Послыша глас тревоги,
Она — давай Бог ноги!..

Я сторожа дверей
Всегда увеселяю,
Смешу — и тем сытей
Всегда почти бываю.
. . . .
. . . .
Тогда я припеваю
. . . .
. . . .
«Тот счастлив, в ком ни раз
Веселья дух не гас.
Хоть он всю жизнь страдает,
Но горесть забывает
В один веселый час!..»

<1829>

8. К ДРУЗЬЯМ

Я рожден с душою пылкой,
Я люблю с друзьями быть,
А подчас и за бутылкой
Быстро время проводить.

*

Я не склонен к славе громкой,
Сердце греет лишь любовь;
Лиры звук дрожащий, звонкой
Мне волнует также кровь.

*

Но нередко средь веселья
Дух мой страждет и грустит,
В шуме буйного похмелья
Дума на сердце лежит.

<1829>

9. ЭПИГРАММА

Дурак и старая кокетка — всё равно:
Румяны, горсть белил — всё знание его!..

<1829>

10. МАДРИГАЛ

«Душа телесна!» — ты всех уверяешь смело;
    Я соглашусь, любовию дыша:
Твое прекраснейшее тело —
    Не что иное, как душа!..

<1829>

11. РОМАНС

Коварной жизнью недовольный,
Обманут низкой клеветой,
Летел изгнанник самовольный
В страну Италии златой.
«Забуду ль вас, сказал он, други?
Тебя, о севера вино?

Забуду ль, в мирные досуги
Как веселило нас оно?

*

Снега и вихрь зимы холодной,
Горячий взор московских дев,
И балалайки звук народной,
И томной вечера припев?
Душа души моей! тебя ли
Загладят в памяти моей
Страна далекая, печали,
Язык презрительных людей?

*

Нет! и под миртом изумрудным,
И на Гельвеции скалах,
И в граде Рима многолюдном
Всё будешь ты в моих очах!»

*

В коляску сел, дорогой скучной,
Закрывшись в плащ, он поскакал;
А колокольчик однозвучной
Звенел, звенел и пропадал!

<1829>

12. К ГЕНИЮ

Когда во тьме ночей мой, не смыкаясь, взор
Без цели бродит вкруг, прошедших дней укор
Когда зовет меня, невольно, к вспоминанью:
Какому тяжкому я предаюсь мечтанью!..
О сколько вдруг толпой теснится в грудь мою
И теней, и любви свидетелей!.. Люблю!
Твержу забывшись им. Но полный весь тоскою
Неверной девы лик мелькает предо мною...

Так, счастье ведал я, и сладкий миг исчез,
Как гаснет блеск звезды падучей средь небес!
Но я тебя молю, мой неизменный *Гений*:
Дай раз еще любить! дай жаром вдохновений
Согреться миг один, последний, и тогда
Пускай остынет пыл сердечный навсегда.
Но прежде там, где вы, души моей царицы,
Промчится звук моей задумчивой цевницы!
Молю тебя, молю, хранитель мой святой,
Над яблоней мой тирс и с лирой золотой
Повесь и начерти: здесь жили вдохновенья!
Певец знавал любви живые упоенья...
...И я приду сюда, и не узнаю вас,
О струны звонкие! . . . .
. . . .
. . . .
Но ты забыла, друг! когда порой ночной
Мы на балконе там сидели. Как немой,
Смотрел я на тебя с обычною печалью.
Не помнишь ты тот миг, как я, под длинной шалью
Сокрывши, голову на грудь твою склонял —
И был ответом вздох, твою я руку жал —
И был ответом взгляд и страстной, и стыдливый!
И месяц был один свидетель молчаливый
Последних и невинных радостей моих!..
Их пламень на груди моей давно затих!..
Но, милая, зачем, как год прошел разлуки,
Как я почти забыл и радости и муки,
Желаешь ты опять привлечь меня к себе?..
Забудь любовь мою! покорна будь судьбе!
Кляни мой взор, кляни моих восторгов сладость!..
Забудь!.. пускай другой твою украсит младость!..
Ты ж, чистый житель тех неизмеримых стран,
Где стелется эфир, как вечный океан,
И совесть чистая с беспечностью драгою,
Хранители души, останьтесь ввек со мною!
И будет мне луны любезен томный свет,
Как смутный памятник прошедших, милых лет!..

<1829>

13. ПОКАЯНИЕ

Д е в а
— Я пришла, святой отец,
Исповедать грех сердечной,
Горесть, роковой конец
Счастья жизни скоротечной!..

П о п
— Если дух твой изнемог
И в сердечном покаянье
Излиешь свои страданья:
Грех простит великий Бог!

Д е в а
— Нет, не в той я здесь надежде,
Чтобы сбросить тягость бед:
Всё прошло, что было прежде, —
Где ж найти уплывших лет?
Не хочу я пред Небесным
О спасенье слезы лить
Иль спокойствием чудесным
Душу грешную омыть;
Я спешу перед тобою
Исповедать жизнь мою,
Чтоб не умертвить с собою
Всё, что в жизни я люблю!
Слушай, тверже будь... скрепися,
Знай, что есть удар судьбы;
Но над мною не молися:
Не достойна я мольбы.
Я не знала, что такое
Счастье юных, нежных дней;
Я не знала о покое,
О невинности детей:
Пылкой страсти вожделенью
Я была посвящена,
И геенскому мученью
Предала меня она!..

Но любови тайна сладость
Укрывалася от глаз;
Вслед за ней бежала младость,
Как бежит за часом час.
Вскоре бедствие узнала
И ничтожество свое:
Я любовью торговала;
И не ведала ее.
Исповедать грех сердечной
Я пришла, святой отец!
Счастья жизни скоротечной
Вечный роковой конец.

П о п
— Если таешь ты в страданье,
Если дух твой изнемог,
Но не молишь в покаянье:
Не простит великий Бог!..

<1829>

14. ПИСЬМО

Свеча горит! дрожащею рукою
Я окончал заветные черты,
Болезнь и парка мчались надо мною,
И много в грудь теснилося — и ты
Напрасно чашу мне несла здоровья,
(Так чудилось) с веселием в глазах,
Напрасно стала здесь у изголовья,
И поцелуй любви горел в устах.
Прости навек! — Но вот одно желанье:
Приди ко мне, приди в последний раз,
Чтоб усладить предсмертное страданье,
Чтоб потушить огонь сомкнутых глаз,
Чтоб сжать мою хладеющую руку...
Далеко ты! не слышишь голос мой!
Не при тебе узнаю смерти муку!
Не при тебе оставлю мир земной!
Когда ж письмо в очах твоих печальных
Откроется... прочтешь его... тогда,

Быть может, я при песнях погребальных
Сойду в мой дом подземный навсегда!..
Но ты не плачь: мы ближе друг от друга,
Мой дух всегда готов к тебе летать
Или, в часы беспечного досуга,
Сокрыты прелести твои лобзать...
Настанет ночь; приедешь из собранья
И к ложу тайному придешь одна;
Посмотришь в зеркало и жар дыханья
Почувствуешь, и не увидишь сна,
И пыхнет огнь на девственны ланиты,
К груди младой прильнет безвестный дух,
И над главой мелькнет призрак забытый,
И звук влетит в твой удивленный слух.
Узнай в тот миг, что это я из гроба
На мрачное свиданье прилетел:
Так, душная земли немой утроба
Не всех теней презрительный удел!..
Когда ж в санях, в блистательном катанье,
Проедешь ты на паре вороных;
И за тобой в любви живом страданье
Стоит гусар безмолвен, мрачен, тих;
И по груди обоих вас промчится
Невольный хлад, и сердце закипит,
И ты вздохнешь, гусара взор затмится,
Он черный ус рукою закрутит;
Услышишь звук военного металла,
Увидишь бледный цвет его чела:
То тень моя безумная предстала
И мертвый взор на путь ваш навела!..
Ах! много, много я сказать желаю;
Но медленно слабеет жизни дух.
Я чувствую, что к смерти подступаю,
И — падает перо из слабых рук...
Прости!.. Я бегал за лучами славы,
Несчастливо, но пламенно любил,
Всё изменило мне, везде отравы,
Лишь лиры звук мне неизменен был!..

<1829>

15. ВОЙНА

Зажглась, друзья мои, война;
И развились знамена чести;
Трубой заветною она
Манит в поля кровавой мести!
Простите, шумные пиры,
Хвалы достойные напевы,
И Вакха милые дары,
Святая Русь и красны девы!
Забуду я тебя, любовь,
Сует и юности отравы,
И полечу, свободный, вновь
Ловить венок небренной славы!

<1829>

16. РУССКАЯ МЕЛОДИЯ

1

В уме своем я создал мир иной
И образов иных существованье;
Я цепью их связал между собой,
Я дал им вид, но не дал им названья;
Вдруг зимних бурь раздался грозный вой, —
И рушилось неверное созданье!

2

Так перед праздною толпой
И с балалайкою народной
Сидит в тени певец простой,
И бескорыстный, и свободный!..

3

Он громкий звук внезапно раздает,
В честь девы, милой сердцу и прекрасной, —
И звук внезапно струны оборвет,

И слышится начало песни! — но напрасно! —
Никто конца ее не допоет!..

<1829>

17. ПЕСНЯ

Светлый призрак дней минувших,
Для чего ты
Пробудил страстей уснувших
И заботы?
Ты питаешь сладострастья
Скоротечность!
Но где взять былое счастье
И беспечность?..
Где вы, дружески обеты
И отвага?
Поглотились бездной Леты
Эти блага!..
Щеки бледностью, хоть молод,
Уж покрылись;
В сердце ненависть и холод
Водворились!

<1829>

18. К . . . . . .

Не привлекай меня красой!
Мой дух погас и состарелся.
Ах! много лет, как взгляд другой
В уме моем напечатлелся!..
Я для него забыл весь мир,
Для сей минуты незабвенной;
Но я теперь как нищий сир,
Брожу один, как отчужденный!
Так путник в темноте ночной,
Когда узрит огонь блудящий,
Бежит за ним... схватил рукой...
И — пропасть под ногой скользящей!..

<1829>

19. РОМАНС

Невинный нежною душою,
Не знавши в юности страстей прилив,
Ты можешь, друг, сказать с какой-то простотою:
                              Я был счастлив!..
Кто, слишком рано насладившись,
Живет, в душе негодованье скрыв,
Тот может, друг, еще сказать забывшись:
                              Я был счастлив!..
Но я, в сей жизни скоротечной,
Так испытал отчаянья порыв,
Что не могу сказать чистосердечно:
                              Я был счастлив!

<1829>

20. ТРИ ВЕДЬМЫ

(Из «Макбета» Ф. Шиллера)

П е р в а я

Попался мне один рыбак:
    Чинил он весел сети!
Как будто в рубище, бедняк,
    Имел златые горы!
И с песнью день и ночи мрак
Встречал беспечный мой рыбак.
Я ж поклялась ему давно,
Что всё сердит меня одно…
Однажды рыбу он ловил,
    И клад ему попался;
Клад блеском очи ослепил,
    Яд черный в нем скрывался.
Он взял его к себе на двор:
И песен не было с тех пор!

Д р у г и е   д в е

Он взял врага к себе на двор:
И песен не было с тех пор!

П е р в а я
И вот где он: там пир горой,
   Толпа увеселений;
И прочь, как с крыльями, покой
   Быстрей умчался тени.
Не знал безумец молодой,
Что деньги ведьмы — прах пустой!

В т о р а я и т р е т ь я
Не знал, глупец, средь тех минут,
Что наши деньги в ад ведут!..

П е р в а я
Но бедность скоро вновь бежит,
   Друзья исчезли ложны;
Он прибегал, чтоб скрыть свой стыд,
   К врагу людей, безбожный!
И на дороге уж большой
Творил убийство и разбой...
Я ныне близ реки иду
   Свободною минутой:
Там он сидел на берегу,
   Терзаясь мукой лютой!..
Он говорил: «Мне жизнь пуста!
   Вы отвращений полны,
Блаженства, злата!.. вы мечта!..»
   И забелели волны.

<1829>

21. К НИНЕ

(Из Шиллера)

Ах! сокрылась в мрак ненастный
Счастья прошлого мечта!..
По одной звезде прекрасной
Млею, бедный сирота.
Но, как блеск звезды моей,
Ложно счастье прежних дней.
. . . .

Пусть, навек с златым мечтаньем,
Пусть тебе глаза закрыть,
Сохраню тебя страданьем:
Ты для сердца будешь жить.
Но увы! ты любишь свет:
И любви моей как нет!
. . . .
Может ли любви страданье,
Нина! некогда пройти?
Бури света волнованье
Чувств горячих унести?
Иль умрет небесный жар,
Как земли ничтожной дар?..
. . . .

<1829>

22. К N. N.

Ты не хотел! но скоро волю рока
Узнаешь ты и в бездну упадешь;
Проколет грудь раскаяния нож.
Предстану я без горького упрека,
Но ты тогда совсем мой взор поймешь;
Но он тебе, как меч, как яд, опасен;
Захочешь ты проступку вновь помочь;
Нет, поздно, друг, твой будет труд напрасен:
Обратно взор тебя отгонит прочь!..
Я оттолкну униженную руку,
Я вспомню дружбу нашу как во сне;
Никто со мной делить не будет скуку;
Таких друзей не надо больше мне;
Ты хладен был, когда я зрел несчастье
Или удар печальной клеветы;
Но придет час: и будешь в горе ты,
И не пробудится в душе моей участье!..
<1829>

23–28. ЭПИГРАММЫ

1

Есть люди странные, которые с друзьями
Обходятся как с сертуками:
Покуда нов сертук: в чести — а там
Забыт и подарен слугам!..

2

Тот самый человек пустой,
Кто весь наполнен сам собой.

3

Поэтом (хоть и это бремя)
Из журналиста быть тебе не суждено;
Ругать и льстить, и лгать в одно и то же время,
Признаться, — очень мудрено!

4. Г-ну П....

Аминт твой на глупца походит,
Когда за счастием бежит;
А под конец так крепко спит,
Что даже сон другим наводит.

5

Стыдить лжеца, шутить над дураком
И спорить с женщиной — всё то же,
Что черпать воду решетом:
От сих троих избавь нас, боже!..

6

Дамон, наш врач, о друге прослезился,
Когда тот кончил жизнь; поныне он грустит;
(Но не о том, что жизни друг лишился):
Пять раз забыл он взять *билеты за визит!..*

<1829>

29. К П.....ну

Забудь, любезный П<етерсо>н,
Мои минувшие сужденья;
Нет! недостоин бедный свет презренья,
Хоть наша жизнь минута сновиденья,
Хоть наша смерть струны порванной звон.
Мой ум его теперь ценить иначе станет.
Навряд ли кто-нибудь из нас страну узрит,
Где дружба дружбы не обманет,
Любовь любви не изменит.
Зачем же всё в сем мире бросить,
Зачем и счастья не найти:
Есть розы, друг, и на земном пути!
Их время злобное не все покосит!..
Пусть добродетель в прах падет,
Пусть будут все мольбы Творцу бесплодны,
Навеки гений пусть умрет, —
Везде утехи есть толпе простонародной;
Но тот, на ком лежит уныния печать,
Кто, юный, потерял лета златые,
Того не могут услаждать
Ни дружба, ни любовь, ни песни боевые!..

<1829>

30. К Д...ВУ

Я пробегал страны России,
Как бедный странник меж людей;
Везде шипят коварства змии;
Я думал: в свете нет друзей!
Нет дружбы нежно-постоянной,
И бескорыстной, и простой;
Но ты явился, гость незваный,
И вновь мне возвратил покой!
С тобою чувствами сливаюсь,
В речах веселых счастье пью;
Но дев коварных не терплю —
И больше им не доверяюсь!..

<1829>

31. К ГРУЗИНОВУ

Скажу, любезный мой приятель,
Ты для меня такой смешной,
Ты муз прилежный обожатель,
Им даже жертвуешь собой!..
Напрасно, милый друг! коварных
К себе не приманишь никак;
Ведь музы женщины — итак,
Кто ж видел женщин благодарных?..

<1829>

32–37. ПОРТРЕТЫ

1

Он некрасив, он невысок,
Но взор горит, любовь сулит,
И на челе оставил рок
Средь юных дней печать страстей.
Власы на нем как смоль черны,
Бледны всегда его уста,
Открыты ль, сомкнуты ль они,
Лиют без слов язык богов.
И пылок он, когда над ним
Грозит бедой перун земной.
Не любит он и славы дым.
Средь тайных мук, свободы друг,
Смеется редко, чаще вновь
Клянет он мир, где вечно сир,
Коварность, зависть и любовь,
Всё бросил он как лживый сон!
Не знал он друга меж людей,
Везде один, природы сын.
Так жертву средь сухих степей
Мчит бури ток сухой листок.

2

Довольно толст, довольно тучен
Наш полновесистый герой.
Нередко весел, чаще скучен,
Любезен, горд, сердит порой.
Он добр, член нашего Парнаса,
Красавицам Москвы смешон,
На крыльях дряхлого Пегаса
Летает в мир мечтанья он.
Глаза не слишком говорливы,
Всегда по моде он одет.
А щечки — полненькие сливы,
Так говорит докучный свет.

3

Лукав, завистлив, зол и страстен,
Отступник Бога и людей;
Холоден, всем почти ужасен,
Своими ласками опасен,
А в заключение — злодей!..

4

Всё в мире суета, он мнит, или отрава,
Возвышенной души предмет стремленья — слава.

5

Всегда он с улыбкой веселой,
Жизнь любит и юность румяну,
Но чувства глубоки питает, —
Не знает он тайны природы.
Открытен всегда, постоянен;
Не знает горячих страстей.

6

Он любимец мягкой лени,
Сна и низких всех людей;

Он любимец наслаждений,
Враг губительных страстей!
Русы волосы кудрями
Упадают средь ланит.
Взор изнежен, и устами
Он лишь редко шевелит!..

<1829>

38. НАПОЛЕОН

Где бьет волна о брег высокой,
Где дикой памятник небрежно положен,
В сырой земле и в яме неглубокой —
Там спит герой, друзья! — Наполеон!..
Вещают так: и камень одинокой,
И дуб возвышенный, и волн прибрежных стон!..

Но вот полночь свинцовый свой покров
По сводам неба распустила,
И влагу дремлющих валов
С могилой тихою Диана осребрила.
Над ней сюда пришел мечтать
Певец возвышенный, но юный;
Воспоминания стараясь пробуждать,
Он арфу взял, запел, ударил в струны...

«Не ты ли, островок уединенный,
Свидетелем был чистых дней
Героя дивного? Не здесь ли звук мечей
Гремел, носился глас его священный?
Нет! рок хотел отсюда удалить
И честолюбие, и кровь, и гул военный;
А твой удел благословенный:
Принять изгнанника и прах его хранить!

Зачем он так за славою гонялся?
Для чести счастье презирал?
С невинными народами сражался?
И скипетром стальным короны разбивал?
Зачем шутил граждан спокойных кровью,
Презрел и дружбой и любовью
И пред Творцом не трепетал?..

Ему, погибельно войною принужденный,
Почти весь свет кричал: ура!
При визге бурного ядра
Уже он был готов — но... воин дерзновенный!..
Творец смешал неколебимый ум,
Ты побежден московскими стенами...
Бежал!.. и скрыл за дальними морями
Следы печальные твоих высоких дум.
. . . .
Огнем снедаем угрызений,
Ты здесь безвременно погас:
Покоен ты; и в тихий утра час,
Как над тобой порхнет зефир весенний,
Безвестный гость, дубравный соловей,
Порою издает томительные звуки,
В них слышны: слава прежних дней,
И голос нег, и голос муки!..

Когда уже едва свет дневный отражен
Кристальною играющей волною
И гаснет день: усталою стопою
Идет рыбак брегов на тихий склон,
Несведущий, безмолвно попирает,
Таща изорванную сеть,
Ту землю, где твой прах забытый истлевает,
Не перестав простую песню петь...»
. . . .
Вдруг!.. ветерок... луна за тучи забежала...
Умолк певец. Струится в жилах хлад;
Он тайным ужасом объят...
И струны лопнули... и тень ему предстала:
«Умолкни, о певец! спеши отсюда прочь,
С хвалой иль язвою упрека:
Мне всё равно; в могиле вечно ночь,
Там нет ни почестей, ни счастия, ни рока!
Пускай историю страстей
И дел моих хранят далекие потомки:
Я презрю песнопенья громки;
Я выше и похвал, и славы, и людей!..»

<1829>

39. ПАН

(В древнем роде)

Люблю, друзья, когда за речкой гаснет день,
Укрывшися лесов в таинственную сень
Или под ветвями пустынныя рябины,
Смотреть на синие, туманные равнины.
Тогда приходит Пан с толпою пастухов;
И пляшут вкруг меня на бархате лугов.
Но чаще бог овец ко мне в уединенье
Является, ведя святое вдохновенье:
Главу рогатую ласкает легкий хмель,
В одной руке его стакан, в другой свирель!
Он учит петь меня; и я в тиши дубравы
Играю и пою, не зная жажды славы.

<1829>

40. ЖАЛОБЫ ТУРКА

(Письмо. К другу, иностранцу)

Ты знал ли дикий край, под знойными лучами,
Где рощи и луга поблекшие цветут?
Где хитрость и беспечность злобе дань несут?
Где сердце жителей волнуемо страстями?
          И где являются порой
Умы и хладные и твердые как камень?
Но мощь их давится безвременной тоской,
И рано гаснет в них добра спокойный пламень.
Там рано жизнь тяжка бывает для людей,
Там за утехами несется укоризна,
Там стонет человек от рабства и цепей!..
          Друг! этот край... моя отчизна!

*

P. S.   Ах! если ты меня поймешь,
          Прости свободные намеки;
          Пусть истину скрывает ложь:
          Что ж делать? — Все мы человеки!..

<1829>

41. К N. N. ***

Не играй моей тоской,
И холодной, и немой.
Для меня бывает время:
Как о прошлом вспомню я,
Сердце (Бог тому судья)
Жмет неведомое бремя!..

*

Я хладею и горю,
Сам с собою говорю;
Внемлю смертному напеву;
Я гляжу на бег реки,
На удар моей руки,
На поверженную деву!

*

Я ищу в ее глазах,
В изменившихся чертах
Искру муки, угрызенья;
Но напрасно! злобный рок
Начертать сего не мог,
Чтоб мое спокоить мщенье!..

<1829>

42. ЧЕРКЕШЕНКА

Я видел вас: холмы и нивы,
Разнообразных гор кусты,
Природы дикой красоты,
Степей глухих народ счастливый
И нравы тихой простоты!

Но там, где Терек протекает,
Черкешенку я увидал, —
Взор девы сердце приковал;

И мысль невольно улетает
Бродить средь милых, дальных скал...

Так дух раскаяния, звуки
Послышав райские, летит
Узреть еще небесный вид;
Так стон любви, страстей и муки
До гроба в памяти звучит.
<1829>

43. ОТВЕТ

Кто муки знал когда-нибудь
И чьи к любви закрылись вежды,
Того от страха и надежды
Вторично не забьется грудь.
Он любит мрак уединенья,
Он больше незнаком с слезой,
Пред ним исчезли упоенья
Мечты бесплодной и пустой.
Он чувств лишен: так пень лесной,
Постигнут молньей, догорает,
Погас — и скрылся жизни сок,
Он мертвых ветвей не питает, —
На нем печать оставил рок.

<1829>

44. ДВА СОКОЛА

Степь, синея, расстилалась
Близ Азовских берегов;
Запад гас, и ночь спускалась;
Вихрь скользил между холмов.
И, тряхнувшись, в поле диком
Серый сокол тихо сел;
И к нему с ответным криком
Брат стрелою прилетел.
«Братец, братец, что ты видел?
Расскажи мне поскорей».

— Ах! я свет возненавидел
И безжалостных людей.
«Что ж ты видел там худого?»
— Кучу каменных сердец:
Деве смех тоска мило́го,
Для детей тиран отец.
Девы мукой слез правдивых
Веселятся, как игрой;
И у ног самолюбивых
Гибнут юноши толпой!..
Братец, братец! ты что ж видел?
Расскажи мне поскорей!
«Свет и я возненавидел
И изменчивых людей.
Ношею обманов скрытых
Юность там удручена;
Вспоминаний ядовитых
Старость мрачная полна.
Гордость, верь ты мне, прекрасной
Забывается порой;
Но измена девы страстной
Нож для сердца вековой!..»

<1829>

45. ГРУЗИНСКАЯ ПЕСНЯ

Жила грузинка молодая,
В гареме душном увядая;
Случилось раз:
Из черных глаз
Алмаз любви, печали сын,
Скатился;
Ах! ею старый армянин
Гордился!..

Вокруг нее кристалл, рубины;
Но как не плакать от кручины
У старика?
Его рука
Ласкает деву всякой день:
И что же?

Скрываются красы как тень.
О боже!..

Он опасается измены.
Его высоки, крепки стены;
Но всё любовь
Презрела. Вновь
Румянец на щеках живой
Явился.
И перл между ресниц порой
Не бился...

Но армянин открыл коварность.
Измену и неблагодарность
Как перенесть!
Досада, месть,
Впервые вас он только сам
Изведал! —
И труп преступницы волнам
Он предал.

<1829>

46. МОЙ ДЕМОН

Собранье зол его стихия.
Носясь меж дымных облаков,
Он любит бури роковые,
И пену рек, и шум дубров.
Меж листьев желтых, облетевших
Стоит его недвижный трон;
На нем, средь ветров онемевших,
Сидит уныл и мрачен он.
Он недоверчивость вселяет,
Он презрел чистую любовь,
Он все моленья отвергает,
Он равнодушно видит кровь,
И звук высоких ощущений
Он давит голосом страстей,
И муза кротких вдохновений
Страшится неземных очей.

<1829>

47. ЖЕНА СЕВЕРА

Покрыта таинств легкой сеткой,
Меж скал полуночной страны,
Она являлася нередко
В года волшебной старины.
И финна дикие сыны
Ей храмины сооружали,
Как грозной дочери богов;
И скальды северных лесов
Ей вдохновенье посвящали.
Кто зрел ее, тот умирал.
И слух в угрюмой полуночи
Бродил, что будто как металл
Язвили голубые очи.
И только скальды лишь могли
Смотреть на деву издали.
Они платили песнопеньем
За пламенной восторга час;
И пробужден немым виденьем
Был строен их невнятный глас!..

<1829>

48. К ДРУГУ

Взлелеянный на лоне вдохновенья,
С деятельной и пылкою душой,
Я не пленен небесной красотой,
Но я ищу земного упоенья.
Любовь пройдет, как тень пустого сна.
Не буду я счастливым близ прекрасной;
Но ты меня не спрашивай напрасно:
Ты, друг, узнать не должен, кто она.
Навек мы с ней разлучены судьбою.
Я победить жестокость не умел.
Но я ношу отказ и месть с собою;
Но я в любви моей закоренел.
Так вор седой заглохшия дубравы

Не кается еще в своих грехах;
Еще он путников, соседей страх,
И мил ему товарищ, нож кровавый!..
Стремится медленно толпа людей,
До гроба самого от самой колыбели,
Игралищем и рока и страстей
К одной, святой, неизъяснимой цели.
И я к высокому, в порыве дум живых,
И я душой летел во дни былые;
Но мне милей страдания земные:
Я к ним привык и не оставлю их!..

<1829>

49. ЭЛЕГИЯ

О! Если б дни мои текли
На лоне сладостном покоя и забвенья,
Свободно от сует земли
И далеко от светского волненья,
Когда бы, усмиря мое воображенье,
Мной игры младости любимы быть могли,
Тогда б я был с весельем неразлучен,
Тогда б я верно не искал
Ни наслаждения, ни славы, ни похвал.
Но для меня весь мир и пуст и скучен,
Любовь невинная не льстит душе моей:
Ищу измен и новых чувствований,
Которые живят хоть колкостью своей
Мне кровь, угасшую от грусти, от страданий,
От преждевременных страстей!..

<1829>

50

Забывши волнения жизни мятежной,
Один жил в пустыне рыбак молодой.
Однажды на скале прибрежной,

Над тихой прозрачной рекой,
Он с удой беспечно
Сидел
И думой сердечной
К протекшему счастью летел.

<1829>

51. К***

Глядися чаще в зеркала,
Любуйся милыми очами,
И света шумная хвала
С моими скромными стихами
Тебе покажутся ясней...
Когда же вздох самодовольной
Из груди вырвется невольно,
Когда в младой душе своей
Самолюбивые волненья
Не будешь в силах утаить,
Мою любовь, мои мученья
Ты оправдаешь, может быть!..

<1829>

52. В ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ N. N.

Чего тебе, мой милый, пожелать?
Учись быть счастливым на разные манеры
И продолжай беспечно пировать
Под сенью Марса и Венеры...

<1829>

53. К ***

Мы снова встретились с тобой...
Но как мы оба изменились!..
Года унылой чередой
От нас невидимо сокрылись.

Ищу в глазах твоих огня,
Ищу в душе своей волненья.
Ах! как тебя, так и меня
Убило жизни тяготенье!..

<1829>

54. МОНОЛОГ

Поверь, ничтожество есть благо в здешнем свете.
К чему глубокие познанья, жажда славы,
Талант и пылкая любовь свободы,
Когда мы их употребить не можем?
Мы, дети севера, как здешние растенья,
Цветем недолго, быстро увядаем...
Как солнце зимнее на сером небосклоне,
Так пасмурна жизнь наша. Так недолго
Ее однообразное теченье...
И душно кажется на родине,
И сердцу тяжко, и душа тоскует...
Не зная ни любви, ни дружбы сладкой,
Средь бурь пустых томится юность наша,
И быстро злобы яд ее мрачит,
И нам горька остылой жизни чаша;
И уж ничто души не веселит.

<1829>

55. ВСТРЕЧА

(Из Шиллера)

1

Она одна меж дев своих стояла,
Еще я зрю ее перед собой;
Как солнце вешнее, она блистала
И радостной и гордой красотой.
Душа моя невольно замирала;
Я издали смотрел на милой рой;
Но вдруг, как бы летучие перуны,
Мои персты ударились о струны.

2

Что я почувствовал в сей миг чудесной,
И что я пел, напрасно вновь пою.
Я звук нашел, дотоле не известной,
Я мыслей чистую излил струю.
Душе от чувств высоких стало тесно,
И вмиг она расторгла цепь свою,
В ней вспыхнули забытые виденья
И страсти юные и вдохновенья.

<1829>

56. БАЛЛАДА

Над морем красавица-дева сидит;
И, к другу ласкаяся, так говорит:

«Достань ожерелье, спустися на дно;
Сегодня в пучину упало оно!

Ты этим докажешь свою мне любовь!»
Вскипела лихая у юноши кровь,

И ум его обнял невольной недуг,
Он в пенную бездну кидается вдруг.

Из бездны перловые брызги летят,
И волны теснятся и мчатся назад,

И снова приходят и о берег бьют,
Вот милого друга они принесут.

О счастье! он жив, он скалу ухватил,
В руке ожерелье, но мрачен как был.

Он верить боится усталым ногам,
И влажные кудри бегут по плечам...

«Скажи, не люблю иль люблю я тебя,
Для перлов прекрасной и жизнь не щадя,

По слову спустился на черное дно,
В коралловом гроте лежало оно. —

Возьми!» — и печальной он взор устремил
На то, что дороже он жизни любил.

Ответ был: «О милый, о юноша мой!
Достань, если любишь, коралл дорогой».

С душой безнадежной младой удалец
Прыгнул, чтоб найти иль коралл, иль конец.

Из бездны перловые брызги летят,
И волны теснятся и мчатся назад,

И снова приходят и о берег бьют,
Но милого друга они не несут.

<1829>

57. ПЕРЧАТКА

(Из Шиллера)

Вельможи толпою стояли
И молча зрелища ждали;
    Меж них сидел
Король величаво на троне;
Кругом на высоком балконе
Хор дам прекрасный блестел.

Вот царскому знаку внимают,
Скрыпучую дверь отворяют,
И лев выходит степной
Тяжелой стопой.
И молча вдруг
Глядит вокруг.
Зевая лениво,
Трясет желтой гривой
И, всех обозрев,
Ложится лев.

И царь махнул снова,
И тигр суровой
С диким прыжком
Взлетел опасной
И, встретясь с львом,
Завыл ужасно;
Он бьет хвостом,
  Потом
Тихо владельца обходит,
Глаз кровавых не сводит...
Но раб пред владыкой своим
Тщетно ворчит и злится:
И невольно ложится
  Он рядом с ним.

Сверху тогда упади
Перчатка с прекрасной руки
Судьбы случайной игрою
Между враждебной четою.

И к рыцарю вдруг своему обратясь,
Кунигунда сказала, лукаво смеясь:
«Рыцарь, пытать я сердца люблю.
Если сильна так любовь у вас,
Как вы твердите мне каждый час,
То подымите перчатку мою!»

И рыцарь с балкона в минуту бежит,
И дерзко в круг он вступает,
На перчатку меж диких зверей он глядит
И смелой рукой подымает.

И зрители в робком вокруг ожиданье,
Трепеща, на юношу смотрят в молчанье.
Но вот он перчатку приносит назад.
Отвсюду хвала вылетает,
И нежной, пылающий взгляд —
Недального счастья заклад —
С рукой девицы героя встречает.

Но, досады жестокой пылая в огне,
Перчатку в лицо он ей кинул:
«Благодарности вашей не надобно мне!»
И гордую тотчас покинул.

<1829>

58. ДИТЯ В ЛЮЛЬКЕ

(Из Шиллера)

Счастлив ребенок! и в люльке
просторно ему: но дай время
Сделаться мужем, и тесен покажется мир.

<1829>

59. К*

(Из Шиллера)

Делись со мною тем, что знаешь,
И благодарен буду я.
Но ты мне душу предлагаешь:
На кой мне чёрт душа твоя!..

<1829>

60. МОЛИТВА

Не обвиняй меня, всесильный,
И не карай меня, молю,
За то, что мрак земли могильной
С ее страстями я люблю;
За то, что редко в душу входит
Живых речей твоих струя,
За то, что в заблужденье бродит
Мой ум далеко от тебя;
За то, что лава вдохновенья
Клокочет на груди моей;
За то, что дикие волненья

Мрачат стекло моих очей;
За то, что мир земной мне тесен,
К тебе ж проникнуть я боюсь,
И часто звуком грешных песен
Я, боже, не тебе молюсь.

Но угаси сей чудный пламень,
Всесожигающий костер,
Преобрати мне сердце в камень,
Останови голодной взор;
От страшной жажды песнопенья
Пускай, Творец, освобожусь,
Тогда на тесный путь спасенья
К тебе я снова обращусь.

<1829>

61. ЛЕШИЙ

В полночь леший лыко драл,
Лапти плел, косил траву,
Сов дразнил и <нрзб>нывал
Да покрикивал ау!
Ай люли, люли,
Ай люли, люли!
Вдруг замолк он и глядит:
Дева юная бежит.
Чует лешего душа,
Что красотка хороша;
Ближе, ближе, вот она,
Как прелестна, как стройна,
Что за глазки, что за взгляд...
Щечки пурпуром горят,
И волнистый шелк кудрей
С белых сыплется плечей.
Леший стал перед красой,
Словно лист перед травой.
Шапку скинул перед ней,
Рот разинул до ушей.
«Стой, голубка! — он вскричал, —

Я давно красотку ждал.
Не уйдешь! я царь лесной,
Будь царицей и женой!
Посмотри: неужто я
Не гожусь тебе в мужья?
Ловок, статен и пригож,
Где подобного найдешь?!»
И пред ней он пел, плясал,
Бил в ладоши, хохотал...
Ай люли, люли, люли!
Ай люли, люли, люли!
Дева юная молчит
И, как веточка, дрожит.
Из потупленных очей
Слезы катятся у ней.
Леший деву утешал,
Переделал всё, что знал:
То он плакал, как дитя,
То крутился, как змея,
То в колоду через пень
Прыгал, точно как олень;
Карлом делался — и глядь
Разом вырастал опять,
Так, что с вековой сосной
Был он вровень головой.
С горы на гору шагал,
Пни с корнями вырывал
И летал в лесу густом
Фосфористым огоньком.
А красотка всё молчит,
Всё как веточка дрожит.
Из потупленных очей
Слезы катятся у ней.
Леший высунул язык
И головушкой поник.
Что тут делать, как тут быть?
Про себя стал говорить.
И, заплакав, чудодей
Повалился в ноги к ней!

«Чем тебя я огорчил? —
Он, рыдая, говорил. —
Что ты плачешь и молчишь
И, как веточка, дрожишь?
Хоть я леший, но не зверь,
И люблю тебя — поверь!
Посмотри: я, царь лесной,
На коленях пред тобой,
Как покорный раб, стою,
О любви тебя молю.
Тронься нежною мольбой,
Будь моею ты женой
И навеки с этих пор
Лес дремучий, темный бор,
Все трущобы, тьма болот,
Звери, птицы, всякий сброд
Как меня — тебя почтут
И царицей назовут».
Говоря, он всё рыдал
И всё в землю лбом стучал,
Наконец, он изнемог
И, как сноп, свалился с ног.
...Вдруг он будто задремал...
Чу!.. храпит, что было мочи!...
Крепким сном сомкнулись очи,
Будто кто околдовал.
Ай люли, люли,
Ай люли, люли.
Солнце встало над поляной.
Леший спал как будто пьяный,
Обхватив чурбан гнилой
Вместо девы молодой.
Но лишь только пробудился,
Он красавицы хватился,
А ее и след простыл —
Он русалку полюбил.
С горя бедный стонет — пляшет,
Через пень в колоду скачет,
Воет громко: ой-ой-ой!
Нету девы молодой!

Где найти ее, не знает
И с досады лес ломает.
Рвет с кореньями дубы,
Сам поднявшись на дыбы.
Снова леший на свободе,
Травку косит и поет;
С той поры молва в народе
Про любовь его идет.
Ай люли, люли, люли,
Ай люли, люли, люли.

<1829–1830 ?>

62

Один среди людского шума,
Возрос под сенью чуждой я,
И гордо творческая дума
На сердце зрела у меня.

И вот прошли мои мученья,
Нашлися пылкие друзья,
Но я, лишенный вдохновенья,
Скучал судьбою бытия.

И снова муки посетили
Мою воскреснувшую грудь,
Изменой душу заразили
И не давали отдохнуть.

Я вспомнил прежние несчастья,
Но не найду в душе моей
Ни честолюбья, ни участья,
Ни слез, ни пламенных страстей.

<1830>

63

Ты помнишь ли, как мы с тобою
Прощались позднею порою?

Вечерний выстрел загремел,
И мы с волнением внимали…
Тогда лучи уж догорали
И на море туман густел;
Удар с усилием промчался
И вдруг за бездною скончался.

Окончив труд дневных работ,
Я часто о тебе мечтаю,
Бродя вблизи пустынных вод,
Вечерним выстрелам внимаю.
И между тем, как чередой
Глушит волнами их седыми,
Я плачу, я томим тоской,
Я умереть желаю с ними…

<1830 ?>

64. КАВКАЗ

Хотя я судьбой на заре моих дней,
О южные горы, отторгнут от вас,
Чтоб вечно их помнить, там надо быть раз:
Как сладкую песню отчизны моей,
Люблю я Кавказ.

В младенческих летах я мать потерял.
Но мнилось, что в розовый вечера час
Та степь повторяла мне памятной глас.
За это люблю я вершины тех скал,
Люблю я Кавказ.

Я счастлив был с вами, ущелия гор;
Пять лет пронеслось: всё тоскую по вас.
Там видел я пару божественных глаз;
И сердце лепечет, воспомня тот взор:
Люблю я Кавказ!..

<1830>

65. ВЕСНА

Когда весной разбитый лед
Рекой взволнованной идет,
Когда среди полей местами
Чернеет голая земля
И мгла ложится облаками
На полуюные поля,
Мечтанье злое грусть лелеет
В душе неопытной моей.
Гляжу, природа молодеет,
Но молодеть лишь только ей;
Ланит спокойных пламень алый
С собою время уведет,
И тот, кто так страдал, бывало,
Любви к ней в сердце не найдет.

<1830>

66. К ***

Не говори: одним высоким
Я на земле воспламенен,
К нему лишь с чувством я глубоким
Бужу забытой лиры звон;
Поверь: великое земное
Различно с мыслями людей.
Сверши с успехом дело злое —
Велик; не удалось — злодей;
Среди дружин необозримых
Был чуть не бог Наполеон;
Разбитый же в снегах родимых
Безумцем порицаем он;
Внимая шум воды прибрежной,
В изгнанье дальном он погас —
И что ж? — Конец его мятежной
Не отуманил наших глаз!..

<1830>

67. ОПАСЕНИЕ

Страшись любви: она пройдет,
Она мечтой твой ум встревожит,
Тоска по ней тебя убьет,
Ничто воскреснуть не поможет.

Краса, любимая тобой,
Тебе отдаст, положим, руку…
Года мелькнут… летун седой
Укажет вечную разлуку…

И беден, жалок будешь ты,
Глядящий с кресел иль подушки
На безобразные черты
Твоей докучливой старушки,

Коль мысли о былых летах
В твой ум закрадутся порою
И вспомнишь, как на сих щеках
Играло жизнью молодою…

Без друга лучше дни влачить
И к смерти радостней клониться,
Чем два удара выносить
И сердцем о двоих крушиться!..

<*1830*>

68. СТАНСЫ

Люблю, когда, борясь с душою,
Краснеет девица моя:
Так перед вихрем и грозою
Красна вечерняя заря.

Люблю и вздох, что ночью лунной
В лесу из уст ее скользит:
Звук тихой арфы златострунной
Так с хладным ветром говорит.

Но слаще встретить средь моленья
Ее слезу очам моим:
Так, зря Спасителя мученья,
Невинной плакал херувим.

<1830>

69. Н. Ф. И....ВОЙ

Любил с начала жизни я
Угрюмое уединенье,
Где укрывался весь в себя,
Бояся, грусть не утая,
Будить людское сожаленье;

Счастливцы, мнил я, не поймут
Того, что сам не разберу я,
И черных дум не унесут
Ни радость дружеских минут,
Ни страстный пламень поцелуя.

Мои неясные мечты
Я выразить хотел стихами,
Чтобы, прочтя сии листы,
Меня бы примирила ты
С людьми и с буйными страстями;

Но взор спокойный, чистый твой
В меня вперился изумленной,
Ты покачала головой,
Сказав, что болен разум мой,
Желаньем вздорным ослепленный.

Я, веруя твоим словам,
Глубоко в сердце погрузился,
Однако же нашел я там,
Что ум мой не по пустякам
К чему-то тайному стремился,

К тому, чего даны в залог
С толпою звезд ночные своды,
К тому, что обещал нам бог
И что б уразуметь я мог
Через мышления и годы.

Но пылкой, но суровой нрав
Меня грызет от колыбели...
И, в жизни зло лишь испытав,
Умру я, сердцем не познав
Печальных дум, печальной цели.

<1830>

70. НОЧЬ. I

Я зрел во сне, что будто умер я;
Душа, не слыша на себе оков
Телесных, рассмотреть могла б яснее
Весь мир — но было ей не до того;
Боязненное чувство занимало
Ее; я мчался без дорог; пред мною
Не серое, не голубое небо
(И мнилося, не небо было то,
А тусклое, бездушное пространство)
Виднелось; и ничто вокруг меня
Различных теней кинуть не могло,
Которые по нем мелькали;
И два противных диких звука,
Два отголоска целыя природы,
Боролися — и ни один из них
Не мог назваться побежденным. Страх
Припомнить жизни гнусные деянья
Иль о добре свершенном возгордиться
Мешал мне мыслить; и летел, летел я
Далеко без желания и цели —
И встретился мне светозарной ангел;
И так, сверкнувши взором, мне сказал:
«Сын праха, ты грешил — и наказанье
Должно тебя постигнуть, как других;

Спустись на землю — где твой труп
Зарыт; ступай и там живи, и жди,
Пока придет спаситель, — и молись…
Молись — страдай… и выстрадай прощенье…
И снова я увидел край земной;
Досадой вид его меня наполнил,
И боль душевных ран, на краткий миг
Лишь заглушенная боязнью, с новой силой
Огнем отчаянья возобновилась;
И (странно мне), когда увидел ту,
Которую любил так сильно прежде,
Я чувствовал один холодной трепет
Досады горькой — и толпа друзей
Ликующих меня не удержала,
С презрением на кубки я взглянул,
Где грех с вином кипел, — воспоминанье
В меня впилось когтями, — я вздохнул,
Так глубоко, как только может мертвой, —
И полетел к своей могиле. Ах!
Как беден тот, кто видит наконец
Свое ничтожество и в чьих глазах
Всё, для чего трудился долго он,
На воздух разлетелось…
И я сошел в темницу, узкой гроб,
Где гнил мой труп, — и там остался я;
Здесь кость была уже видна — здесь мясо
Кусками синее висело — жилы там
Я примечал с засохшею в них кровью…
С отчаяньем сидел я и взирал,
Как быстро насекомые роились
И поедали жадно свою пищу;
Червяк то выползал из впадин глаз,
То вновь скрывался в безобразный череп,
И каждое его движенье
Меня терзало судорожной болью.
Я должен был смотреть на гибель друга,
Так долго жившего с моей душою,
Последнего, единственного друга,
Делившего ее земные муки —
И я помочь ему желал — но тщетно —

Уничтоженья быстрые следы
Текли по нем — и черви умножались;
Они дрались за пищу остальную
И смрадную сырую кожу грызли,
Остались кости — и они исчезли;
В гробу был прах... и больше ничего...
Одною полон мрачною заботой,
Я припадал на бренные останки,
Стараясь их дыханием согреть...
О сколько б я тогда отдал земных
Блаженств, чтоб хоть одну — одну минуту
Почувствовать в них теплоту. — Напрасно,
Они остались хладны — хладны, как презренье!..
Тогда я бросил дикие проклятья
На моего отца и мать, на всех людей, —
И мне блеснула мысль (творенье ада):
Что если время совершит свой круг
И погрузится в вечность невозвратно,
И ничего меня не успокоит,
И не придут сюда простить меня?.. —
И я хотел изречь хулы на небо —
Хотел сказать...
Но голос замер мой — и я проснулся.

<1830>

71. РАЗЛУКА

Я виноват перед тобою,
Цены услуг твоих не знал.
Слезами горькими, тоскою
Я о прощенье умолял,
Готов был, ставши на колени,
Проступком называть мечты:
Мои мучительные пени
Бессмысленно отвергнул ты.
Зачем так рано, так ужасно
Я должен был узнать людей
И счастьем жертвовать напрасно

Холодной гордости твоей?..
Свершилось! вечную разлуку
Трепеща вижу пред собой...
Ледяную встречаю руку
Моей пылающей рукой.
Желаю, чтоб воспоминанье
В чужих людях, в чужой стране
Не принесло тебе страданье
При сожаленье обо мне...

<1830>

72. НОЧЬ. II

Погаснул день! — и тьма ночная своды
Небесные, как саваном, покрыла.
Кой-где во тьме вертелись и мелькали
Светящиеся точки,
И между них земля вертелась наша;
На ней, спокойствием объятой тихим,
Уснуло всё — и я один лишь не спал.
Один я не спал... страшным полусветом,
Меж радостью и горестью срединой,
Мое теснилось сердце — и желал я
Веселие или печаль умножить
Воспоминаньем о убитой жизни:
Последнее, однако, было легче!..

Вот с запада скелет неизмеримый
По мрачным водам начал подниматься
И звезды заслонил собою...
И целые миры пред ним уничтожались,
И всё трещало под его шагами, —
Ничтожество за ними оставалось!
И вот приближился к земному шару
Гигант всесильной — всё на ней уснуло,
Ничто встревожиться не мыслило — единый,
Единый смертный видел, что не дай бог
Созданию живому видеть...

И вот *он* поднял костяные руки —
И в каждой *он* держал по человеку,
Дрожащему — и мне они знакомы были —
И кинул взор на них я — и заплакал!..
И странный голос вдруг раздался: «Малодушный!
Сын праха и забвения, не ты ли,
Изнемогая в муках нестерпимых,
Ко мне взывал — я здесь: я смерть!..
Мое владычество безбрежно!..
Вот двое. — Ты их знаешь — ты любил их...
Один из них погибнет. — Позволяю
Определить неизбежимой жребий...
И ты умрешь, и в вечности погибнешь —
И их нигде, нигде вторично не увидишь —
Знай, как исчезнет время, так и люди,
Его рожденье, — только Бог лишь вечен —
Решись, несчастный!..»

Тут невольный трепет
По мне мгновенно начал разливаться,
И зубы, крепко застучав, мешали
Словам жестоким вырваться из груди;
И наконец, преодолев свой ужас,
К скелету я воскликнул: «Оба, оба!..
Я верю: нет свиданья — нет разлуки!..
Они довольно жили, чтобы вечно
Продлилося их наказанье.
Ах! — и меня возьми, земного червя, —
И землю раздроби, гнездо разврата,
Безумства и печали!..
Всё, всё берет она у нас обманом
И не дарит нам ничего — кроме рожденья!..
Проклятье этому подарку!..
Мы без него тебя бы не знавали,
Поэтому и тщетной, бедной жизни,
Где нет надежд — и всюду опасенья.
Да гибнут же друзья мои, да гибнут!..
Лишь об одном я буду плакать:
Зачем они не дети!..»

И видел я, как руки костяные
Моих друзей сдавили, — их не стало —
Не стало даже призраков и теней...
Туманом облачился образ смерти,
И — так пошел на север. Долго, долго,
Ломая руки и глотая слезы,
Я на творца роптал, страшась молиться!..

<1830>

73. HAD WE NEVER LOVED SO KINDLY

Если б мы не дети были,
Если б слепо не любили,
Не встречались, не прощались,
Мы с страданьем бы не знались.

<1830: 1832>

74

В старинны годы жили-были
Два рыцаря, друзья;
Не раз они в Сион ходили,
Желанием горя,
С огромной ратью, с королями
Его освободить
И крест священный знаменами
Своими осенить...

<1830>

75. НЕЗАБУДКА

(Сказка)

В старинны годы люди были
Совсем не то, что в наши дни;
(Коль в мире есть любовь) любили
Чистосердечнее они.
О древней верности, конечно,

Слыхали как-нибудь и вы,
Но как сказания молвы
Всё дело перепортят вечно,
То я вам точный образец
Хочу представить наконец.
У влаги ручейка холодной,
Под тенью липовых ветвей,
Не опасаясь злых очей,
Однажды рыцарь благородный
Сидел с любезною своей...
Тихонько ручкой молодою
Она красавца обняла.
Полна невинной простотою,
Беседа мирная текла.

«Друг, не клянися мне напрасно, —
Сказала дева: верю я,
Ясна, чиста любовь твоя,
Как эта звонкая струя,
Как этот свод над нами ясной;
Но как она в тебе сильна,
Еще не знаю. — Посмотри-ка,
Там рдеет пышная гвоздика,
Но нет: гвоздика не нужна;
Подалее, как ты унылый,
Чуть виден голубой цветок...
Сорви же мне его, мой милый:
Он для любви не так далек!»

Вскочил мой рыцарь, восхищенный
Ее душевной простотой;
Через ручей прыгнув, стрелой
Летит он цветик драгоценный
Сорвать поспешною рукой...
Уж близко цель его стремленья,
Как вдруг под ним (ужасной вид)
Земля неверная дрожит,
Он вязнет, нет ему спасенья!..
Взор кинув полный весь огня

Своей красавице безгласной,
«Прости, не позабудь меня!»
Воскликнул юноша несчастной;
И мигом пагубный цветок
Схватил рукою безнадежной;
И сердца пылкого в залог
Его он кинул деве нежной.

Цветок печальный с этих пор
Любови дорог; сердце бьется,
Когда его приметит взор.
Он незабудкою зовется;
В местах сырых, вблизи болот,
Как бы страшась прикосновенья,
Он ищет там уединенья;
И цветом *неба* он цветет,
Где смерти нет и нет забвенья...

Вот повести конец моей;
Судите: быль иль небылица.
А виновата ли девица —
Сказала, верно, совесть ей!

<1830>

76. СОВЕТ

Если, друг, тебе сгрустнется,
Ты не дуйся, не сердись:
Всё с годами пронесется —
Улыбнись и разгрустись.
Дев измены молодые,
И неверной путь честей,
И мгновенья скуки злые
Стоят ли тоски твоей?

Не ищи страстей тяжелых;
И покуда Бог дает,
Нектар пей часов веселых;

А печаль сама придет.
И, людей не презирая,
Не берись учить других;
Лучшим быть не воображая,
Скоро ты полюбишь их.

Сердце глупое творенье,
Но и с сердцем можно жить,
И безумное волненье
Можно также укротить...
Беден! кто, судьбы в ненастье
Все надежды испытав,
Наконец находит счастье,
Чувство счастья потеряв.

<1830>

77. ОДИНОЧЕСТВО

Как страшно жизни сей оковы
Нам в одиночестве влачить.
Делить веселье все готовы —
Никто не хочет грусть делить.
Один я здесь, как царь воздушной,
Страданья в сердце стеснены,
И вижу, как, судьбе послушно,
Года уходят, будто сны;
И вновь приходят с позлащенной,
Но той же старою мечтой,
И вижу гроб уединенной,
Он ждет; что ж медлить над землей?
Никто о том не покрушится,
И будут (я уверен в том)
О смерти больше веселиться,
Чем о рождении моем...

<1830>

78. В АЛЬБОМ

1

Нет! — я не требую вниманья
На грустный бред души моей,
Не открывать свои желанья
Привыкнул я с давнишних дней.
Пишу, пишу рукой небрежной,
Чтоб здесь чрез много скучных лет
От жизни краткой, но мятежной
Какой-нибудь остался след.

2

Быть может, некогда случится,
Что, все страницы пробежав,
На эту взор ваш устремится,
И вы промолвите: он прав;
Быть может, долго стих унылый
Тот взгляд удержит над собой,
Как близ дороги столбовой
Пришельца — памятник могилы!..

<*1830*>

79. ГРОЗА

Ревет гроза, дымятся тучи
Над темной бездною морской,
И хлещут пеною кипучей,
Толпяся, волны меж собой.
Вкруг скал огнистой лентой вьется
Печальной молнии змея,
Стихий тревожный рой мятется —
И здесь стою недвижим я.

Стою!.. ужель тому ужасно
Стремленье всех надземных сил,

Кто в жизни чувствовал напрасно
И жизнию обманут был?
Вокруг кого, сей яд сердечной,
Вились сужденья клеветы,
Как вкруг скалы остроконечной,
Губитель-пламень, вьешься ты?

О нет! — летай, огонь воздушной,
Свистите, ветры, над главой;
Я здесь, холодной, равнодушной,
И трепет не знаком со мной.

<1830>

80

Гроза шумит в морях с конца в конец.
Корабль летит по воле бурных вод,
Один на нем спокоен лишь пловец,
Чело печать глубоких дум несет,
Угасший взор на тучи устремлен —
Не ведают, ни кто, ни что здесь он!..

Конечно, он живал между людей
И знает жизнь от сердца своего;
Крик ужаса, моленья, скрып снастей
Не трогают молчания его.

<1830>

81. ЗВЕЗДА

Светись, светись, далекая звезда,
Чтоб я в ночи встречал тебя всегда;
Твой слабый луч, сражаясь с темнотой,
Несет мечты душе моей больной;
Она к тебе летает высоко;
И груди сей свободно и легко...

Я видел взгляд, исполненный огня
(Уж он давно закрылся для меня),

Но, как к тебе, к нему еще лечу;
И хоть нельзя, — смотреть его хочу...

<1830>

82. ЕВРЕЙСКАЯ МЕЛОДИЯ

Я видал иногда, как ночная звезда
    В зеркальном заливе блестит;
Как трепещет в струях, и серебряный прах
    От нее рассыпаясь бежит.

Но поймать ты не льстись и ловить не берись:
    Обманчивы луч и волна.
Мрак тени твоей только ляжет на ней,
    Отойди ж — и заблещет она.

Светлой радости так беспокойный призрак
    Нас манит под хладною мглой;
Ты схватить — он шутя убежит от тебя!
    Ты обманут — он вновь пред тобой.

<1830>

83. ВЕЧЕР ПОСЛЕ ДОЖДЯ

Гляжу в окно: уж гаснет небосклон,
Прощальной луч на вышине колонн,
На куполах, на трубах и крестах
Блестит, горит в обманутых очах;
И мрачных туч огнистые края
Рисуются на небе, как змея,
И ветерок, по саду пробежав,
Волнует стебли омоченных трав...
Один меж них приметил я цветок,
Как будто перл, покинувший восток,
На нем вода блистаючи дрожит,
Главу свою склонивши, он стоит,
Как девушка в печали роковой:
Душа убита, радость над душой;
Хоть слезы льет из пламенных очей,
Но помнит всё о красоте своей.

<1830>

84. НАПОЛЕОН

В неверный час, меж днем и темнотой,
Когда туман синеет над водой,
В час грешных дум, видений, тайн и дел,
Которых луч узреть бы не хотел,
А тьма укрыть, чья тень, чей образ там,
На берегу, склонивши взор к волнам,
Стоит вблизи нагбенного креста?
Он не живой. Но также не мечта:
Сей острый взгляд с возвышенным челом
И две руки, сложенные крестом.

*

Пред ним лепечут волны и бегут,
И вновь приходят, и о скалы бьют;
Как легкие ветрилы, облака
Над морем носятся издалека.
И вот глядит неведомая тень
На тот восток, где новый брезжит день;
Там Франция! — там край ее родной
И славы след, быть может скрытый мглой;
Там, средь войны, ее неслися дни...
О! для чего так кончились они!..

*

Прости, о слава! обманувший друг.
Опасной ты, но чудный, мощный звук;
И скиптр... о вас забыл Наполеон;
Хотя давно умерший, любит он
Сей малый остров, брошенный в морях,
Где сгнил его и червем съеден прах,
Где он страдал, покинут от друзей,
Презрев судьбу с гордыней прежних дней,
Где стаивал он на брегу морском,
Как ныне грустен, руки сжав крестом.

*

О! как в лице его еще видны
Следы забот и внутренной войны,
И быстрой взор, дивящий слабый ум,
Хоть чужд страстей, всё полон прежних дум;
Сей взор как трепет в сердце проникал,
И тайные желанья узнавал,
Он тот же всё; и той же шляпой он,
Сопутницею жизни, осенен.
Но — посмотри — уж день блеснул в струях...
Призрака нет, всё пусто на скалах.

*

Нередко внемлет житель сих брегов
Чудесные рассказы рыбаков.
Когда гроза бунтует и шумит,
И блещет молния, и гром гремит,
Мгновенный луч нередко озарял
Печальну тень, стоящую меж скал.
Один пловец, как не был страх велик,
Мог различить недвижный смуглой лик,
Под шляпою, с нахмуренным челом,
И две руки, сложенные крестом!..

<1830>

85. ЭПИТАФИЯ НАПОЛЕОНА

Да тень твою никто не порицает,
Муж рока! ты с людьми, что над тобою рок;
Кто знал тебя возвесть, лишь тот низвергнуть мог:
Великое ж ничто не изменяет.

<1830>

86. К ГЛУПОЙ КРАСАВИЦЕ

Тобой пленяться издали
Мое всё зрение готово,
Но слышать, боже сохрани,
Мне от тебя одно хоть слово.
Иль смех, иль страх в душе моей
Заменит сладкое мечтанье,
И глупый смысл твоих речей
Оледенит очарованье...

Так смерть красна издалека;
Пускай она летит стрелою.
За ней я следую пока;
Лишь только б не она за мною...
За ней я всюду полечу
И наслажуся в созерцанье.
Но сам привлечь ее вниманье
Ни за полмира не хочу.

<1830>

87. ОЧИ. N. N.

Нет смерти здесь; и сердце вторит нет;
Для смерти слишком весел этот свет.
И не твоим глазам творец судил
Гореть, играть для тленья и могил...
Хоть всё возьмет могильная доска,
Их пожалеет смерти злой рука;
Их луч с небес, и, как в родных краях,
Они блеснут звездами в небесах!

<1830>

88. КАВКАЗУ

Кавказ! далекая страна!
Жилище вольности простой!
И ты несчастьями полна
И окровавлена войной!..

Ужель пещеры и скалы
Под дикой пеленою мглы
Услышат также крик страстей,
Звон славы, злата и цепей?..
Нет! прошлых лет не ожидай,
Черкес, в отечество свое:
Свободе прежде милый край
Приметно гибнет для нее.

<*1830*>

89. УТРО НА КАВКАЗЕ

Светает — вьется дикой пеленой
Вокруг лесистых гор туман ночной;
Еще у ног Кавказа тишина;
Молчит табун, река журчит одна.
Вот на скале новорожденной луч
Зарделся вдруг, прорезавшись меж туч,
И розовый по речке и шатрам
Разлился блеск и светит там и там:
Так девушки, купаяся в тени,
Когда увидят юношу они,
Краснеют все, к земле склоняют взор:
Но как бежать, коль близок милый вор!..

<*1830*>

90

Прости, мой друг!.. как призрак, я лечу
В далекий край: печали я ищу;
Хочу грустить, но лишь не пред тобой,
Ты можешь жить, не слыша голос мой;
Из всех блаженств, отнятых у меня,
Осталось мне одно: видать тебя,
Тот взор, что небо жалостью зажгло.
Всё кончено! — ни бледное чело,
Ни пасмурный и недовольный взгляд
Ничем, ничем его не омрачат!..
Меня забыть прекрасной нет труда, —

И я тебя забуду навсегда;
Я мучусь, если мысль ко мне придет,
Что и тебя несчастие убьет,
Что некогда с ланит и с уст мечта
Как дым слетит, завянет красота,
Забьется сердце медленней, свинец
Тоски на нем — и что всему конец!..
Однако ж я желал бы увидать
Твой хладный труп, чтобы себе сказать:
«Чего еще! желанья отняты,
Бедняк — теперь совсем, совсем оставлен ты!»

<1830>

91. ЧЕЛНОК

Воет ветр и свистит пред недальной грозой;
  По морю, на темный восток,
Озаряемый молньей, кидаем волной,
  Несется неверный челнок.
Два гребца в нем сидят с беспокойным челом,
И что-то у ног их под белым холстом.

*

И вихорь сильней по волнам пробежал,
  И сорван летучий покров.
Под ним человек неподвижно лежал
  И бледный, как жертва гробов;
Взор мрачен и дик, как сражения дым,
Как тучи на небе иль волны под ним.

*

В чалме он богатой, с обритой главой,
  И цепь на руках и ногах,
И рана близ сердца, и ток кровяной
  Не держит опасности страх;
Он смерть равнодушнее спутников ждет,
Хотя его прежде она уведет.

*

Так с смертию вечно: чем ближе она,
  Тем менее жалко нам свет;
Две могилы не так нам страшны, как одна,
  Потому что надежды здесь нет.
И если б не ждал я счастливого дня,
Давно не дышала бы грудь у меня!..

<1830>

92. (ОТРЫВОК)

На жизнь надеяться страшась,
Живу, как камень меж камней,
Излить страдания скупясь:
Пускай сгниют в груди моей.
Рассказ моих сердечных мук
Не возмутит ушей людских.
Ужель при сшибке камней звук
Проникнет в середину их?

*

Хранится пламень неземной
Со дней младенчества во мне.
Но велено ему судьбой,
Как жил, погибнуть в тишине.
Я твердо ждал его плодов,
С собой беседовать любя.
Утихнет звук сердечных слов:
Один, один останусь я.

*

Для тайных дум я пренебрег
И путь любви и славы путь,
Всё, чем хоть мало в свете мог
Иль отличиться, иль блеснуть;
Беднейший средь существ земных,

Останусь я в кругу людей,
Навек лишась достоинств их
И добродетели своей!

*

Две жизни в нас до гроба есть,
Есть грозной дух: он чужд уму;
Любовь, надежда, скорбь и месть:
Всё, всё подвержено ему.
Он основал жилище там,
Где можем память сохранять,
И предвещает гибель нам,
Когда уж поздно избегать.

*

Терзать и мучить любит он;
В его речах нередко ложь;
Он точит жизнь, как скорпион.
Ему поверил я — и что ж!
Взгляните на мое чело,
Всмотритесь в очи, в бледный цвет;
Лицо мое вам не могло
Сказать, что мне пятнадцать лет.

*

И скоро старость приведет
Меня к могиле — я взгляну
На жизнь, на весь ничтожный плод —
И о прошедшем вспомяну:
Придет сей верной друг могил,
С своей холодной красотой:
Об чем страдал, что я любил,
Тогда лишь будет мне мечтой.

*

Ужель единый гроб для всех
Уничтожением грозит?

Как знать: тогда, быть может, смех
Полмертвого воспламенит!
Придет веселость, звук чужой
Поныне в словаре моем:
И я об юности златой
Не погорюю пред концом.

*

Теперь я вижу: пышный свет
Не для людей был сотворен.
Мы сгибнем, наш сотрется след,
Таков наш рок, таков закон;
Наш дух вселенной вихрь умчит
К безбрежным, мрачным сторонам.
Наш прах лишь землю умягчит
Другим, чистейшим существам.

*

Не будут проклинать они;
Меж них ни злата, ни честей
Не будет. Станут течь их дни,
Невинные, как дни детей;
Меж них ни дружбу, ни любовь
Приличья цепи не сожмут,
И братьев праведную кровь
Они со смехом не прольют!..

*

К ним станут (как всегда могли)
Слетаться ангелы. — А мы
Увидим этот рай земли,
Окованы над бездной тьмы.
Укоры зависти, тоска
И вечность с целию одной:
Вот казнь за целые века
Злодейств, кипевших под луной.

<1830>

93

1

Оставленная пустынь предо мной
Белеется вечернею порой.
Последний луч на ней еще горит;
Но колокол растреснувший молчит.
Его (бывало) заунывный глас
Звал братий к всенощне в сей мирной час!
Зеленый мох, растущий над окном,
Заржавленные ставни — и кругом
Высокая полынь, — всё, всё без слов
Нам говорит о таинствах гробов.
. . . .
Таков старик, под грузом тяжких лет
Еще хранящий жизни первый цвет;
Хотя он свеж, на нем печать могил
Тех юношей, которых пережил.

2

Пред мной готическое зданье
Стоит, как тень былых годов;
При нем теснится чувствованье
К нам в грудь того, чему нет слов,
Что выше теплого участья,
Святей любви, спокойней счастья.

Быть может, через много лет
Сия священная обитель
Оставит только мрачной след,
И любопытный посетитель
В развалинах людей искать
Напрасно станет, чтоб узнать,
Где образ божеской могилы
Между златых колонн стоял,
Где теплились паникадилы,
Где лик отшельников звучал
И где пред богом изливали
Свои грехи, свои печали.

И там (как знать) найдет прошлец
Пергамент пыльный. Он увидит,
Как сердце любит по конец
И бесконечно ненавидит,
Как ни вериги, ни клобук
Не облегчают наших мук.

Он тех людей узрит гробницы,
Их эпитафии пройдет,
Времен тогдашних небылицы
За речи истинны почтет,
Не мысля, что в сем месте сгнили
Сердца, которые любили!..

<1830>

94. К...

«Простите мне, что я решился к вам
Писать. Перо в руке, могила —
Передо мной. — Но что ж? всё пусто там.
Всё прах, что некогда она манила
К себе. — Вокруг меня толпа родных,
Слезами жалости покрыты лица.
И я пишу — пишу — но не для них.
Любви моей не холодит гробница.
Любви — но вы не знали мук моих.
Я чувствую, что это труд ничтожный:
Не усладит последних он минут.
Но так и быть — пишу — пока возможно —
Сей труд, души моей любимый труд!
Прими письмо мое. — Твой взор увидит,
Что я не мог стеснить души своей
К молчанью, — так ужасна власть страстей!
Тебя письмо страдальца не обидит...
Я в жизни — много — много испытал,
Ошибся в дружбе — о! храни моих мучений
Слова — прости — и больше нет волнений,
Прости, мой друг» — и подписал:
«Евгений».

<1830>

95. НОЧЬ. III

Темно. Всё спит. Лишь только жук ночной
Жужжа в долине пролетит порой;
Из-под травы блистает червячок,
От наших дум, от наших бурь далек.
Высоких лип стал пасмурней навес,
Когда луна взошла среди небес...
Нет, в первый раз прелестна так она!
Он здесь. Стоит. Как мрамор, у окна.
Тень от него чернеет по стене.
Недвижной взор поднят, но не к луне;
Он полон всем, чем только яд страстей
Ужасен был и мил сердцам людей.
Свеча горит, забыта на столе,
И блеск ее с лучом луны в стекле
Мешается, играет, как любви
Огонь живой с презрением в крови!
Кто ж *он*? кто ж он, сей нарушитель сна?
Чем эта грудь мятежная полна?
О если б вы умели угадать
В его очах, что хочет он скрывать!
О если б мог единый бедный друг
Хотя смягчить души его недуг!

<1830>

96. FAREWELL

(Из Байрона)

Прости! коль могут к небесам
Взлетать молитвы о других,
Моя молитва будет там,
И даже улетит за них!
Что пользы плакать и вздыхать?
Слеза кровавая порой
Не может более сказать,
Чем звук прощанья роковой!..

Нет слез в очах, уста молчат,
От тайных дум томится грудь,
И эти думы вечный яд, —
Им не пройти, им не уснуть!
Не мне о счастье бредить вновь, —
Лишь знаю я (и мог снести),
Что тщетно в нас жила любовь, —
Лишь чувствую — прости! — прости!

<*1830*>

97. ЭЛЕГИЯ

Дробись, дробись, волна ночная,
И пеной орошай брега в туманной мгле.
Я здесь, стою близ моря на скале;
Стою, задумчивость питая.
Один; покинув свет и чуждый для людей
И никому тоски поверить не желая.
Вблизи меня палатки рыбарей;
Меж них блестит огонь гостеприимной;
Семья беспечная сидит вкруг огонька;
И, внемля повесть старика,
Себе готовит ужин дымной!
Но я далек от счастья их душой,
Я помню блеск обманчивой столицы,
Веселий пагубных невозвратимый рой.
И что ж? — слеза бежит с ресницы,
И сожаление мою тревожит грудь,
Года погибшие являются всечасно;
И этот взор, задумчивой и ясной —
Твержу, твержу душе: забудь.
Он всё передо мной: я всё твержу напрасно!..
О если б я в сем месте был рожден,
Где не живет среди людей коварность:
Как много бы я был судьбою одолжен —
Теперь у ней нет прав на благодарность!
Как жалок тот, чья младость принесла
Морщину лишнюю для старого чела
И, отобрав все милые желанья,

Одно печальное раскаянье дала;
Кто чувствовал, как я, — чтоб чувствовать страданья,
Кто рано свет узнал — и с страшной пустотой,
Как я, оставил брег земли своей родной
Для добровольного изгнанья!

<1830>

98. ЭПИТАФИЯ

Простосердечный сын свободы,
Для чувств он жизни не щадил;
И верные черты природы
Он часто списывать любил.

Он верил темным предсказаньям,
И талисманам, и любви,
И неестественным желаньям
Он отдал в жертву дни свои.

И в нем душа запас хранила
Блаженства, муки и страстей.
Он умер. Здесь его могила.
Он не был создан для людей.

<1830>

99. SENTENZ

Когда бы мог весь свет узнать,
Что жизнь с надеждами, мечтами —
Не что иное, как тетрадь
С давно известными стихами.

<1830>

100. ГРОБ ОССИАНА

Под занавесою тумана,
Под небом бурь, среди степей,
Стоит могила Оссиана
В горах Шотландии моей.
Летит к ней дух мой усыпленный
Родимым ветром подышать
И от могилы сей забвенной
Вторично жизнь свою занять!..

<*1830*>

101. ПОСВЯЩЕНИЕ

Прими, прими мой грустный труд
И, если можешь, плачь над ним;
Я много плакал — не придут
Вновь эти слезы — вечно им
Не освежать моих очей.
Когда катилися они,
Я думал, думал всё об ней.
Жалел и ждал другие дни!
Уж нет ее, и слез уж нет —
И нет надежд — передо мной
Блестит надменной, глупый свет
С своей красивой пустотой!
Ужель я для него писал?
Ужели важному шуту
Я вдохновенье посвящал,
Являя сердца полноту?
Ценить он только злато мог
И гордых дум не постигал;
Мой гений сплел себе венок
В ущелинах кавказских скал.
Одним высоким увлечен,
Он только жертвует любви:
Принесть тебе лишь может он
Любимые труды свои.

<*1830*>

102. КЛАДБИЩЕ

Вчера до самой ночи просидел
Я на кладбище, всё смотрел, смотрел
Вокруг себя; — полстертые слова
Я разбирал. Невольно голова
Наполнилась мечтами; — и очей
Я не был в силах оторвать с камней.
Один ушел уж в землю, и на нем
Всё стерлося; там крест к кресту челом
Нагнулся, будто любит, будто сон
Земных страстей узнал в сем месте он!
Вкруг тихо, сладко всё, как мысль о *ней*!
Краснеючи волнуется пырей
На солнце вечера. Над головой
Жужжа со днем прощаются игрой
Толпящиеся мошки, как народ
Существ с душой, уставших от работ.
Стократ велик, кто создал мир! велик!..
Сих мелких тварей надмогильной крик
Творца не больше ль славит иногда,
Чем в пепел обращенные стада?
Чем человек, сей царь над общим злом,
С коварным сердцем, с ложным языком?..

<*1830*>

103. ПОСВЯЩЕНИЕ

Тебе я некогда вверял
Души взволнованной мечты;
Я беден был — ты это знал —
И бедняка не кинул ты.
Ты примирил меня с судьбой,
С мятежной властию страстей;
Тобой, единственно тобой,
Я стал, чем был с давнишних дней.
И муза по моей мольбе
Сошла опять с святой горы. —
Но верь, принадлежат тебе
Ее венок, ее дары!..

<*1830*>

104. МОЯ МОЛЬБА

Да охранюся я от мушек,
От дев, не знающих любви,
От дружбы слишком нежной и —
От романтических старушек.

<1830>

105. К СУ...

Вблизи тебя до этих пор
Я не слыхал в груди огня.
Встречал ли твой прелестный взор —
Не билось сердце у меня.
И что ж? — разлуки первый звук
Меня заставил трепетать;
Нет, нет, он не предвестник мук;
Я не люблю — зачем скрывать!
Однако же хоть день, хоть час
Еще желал бы здесь пробыть,
Чтоб блеском этих чудных глаз
Души тревоги усмирить.

<1830>

106. ГОСТЬ

Как пришлец иноплеменный,
В облаках луна скользит.
Колокольчик отдаленный
То замолкнет, то звенит.
«Что за гость в ночи морозной?» —
Мужу говорит жена,
Сидя рядом, в вечер поздной
Возле тусклого окна...

Вот кибитка подъезжает...
На высокое крыльцо
Из кибитки вылезает
Незнакомое лицо.
И слуга вошел с свечою,

Бедной вслед за ним монах:
Ныне позднею порою
Заплутался он в лесах.

И ему ночлег дается —
Что ж стоишь, отшельник, ты?
Свечки луч печально льется
На печальные черты.
Чудным взор огнем светился,
Он хозяйку вдруг узнал,
Он дрожит — и вот забылся
И к ногам ее упал.

Муж ушел тогда. О! прежде
Жил чернец лишь для нее,
Обманулся он в надежде,
Погубил он с нею всё.
Но промчалось исступление;
Путник в комнате своей,
Чтоб рыданья и мученье
Схоронить от глаз людей.

Но рыдания звучали
Вплоть до белыя зари,
Наконец и замолчали.
Поутру к нему вошли:
На полу он посинелой
Как замученный лежал;
И бесчувственное тело
Плащ печальный покрывал!

<1830>

107. 1830 ГОДА МАЙЯ 16 ДНЯ

Боюсь не смерти я. О нет!
Боюсь исчезнуть совершенно.
Хочу, чтоб труд мой вдохновенной
Когда-нибудь увидел свет;

Хочу — и снова затрудненье!
Зачем? что пользы будет мне?
Мое свершится разрушенье
В чужой, неведомой стране.
Я не хочу бродить меж вами
По разрушении! — творец,
На то ли я звучал струнами,
На то ли создан был певец?
На то ли вдохновенье, страсти
Меня к могиле привели?
И нет в душе довольно власти —
Люблю мучения земли.
И этот образ, он за мною
В могилу силится бежать,
Туда, где обещал мне дать
Ты место к вечному покою.
Но чувствую: покоя нет —
И там, и там его не будет;
Тех длинных, тех жестоких лет
Страдалец вечно не забудет!..

<*1830*>

108. К***

Не думай, чтоб я был достоин сожаленья,
Хотя теперь слова мои печальны; — нет;
Нет! все мои жестокие мученья —
Одно предчувствие гораздо больших бед.

Я молод; но кипят на сердце звуки,
И Байрона достигнуть я б хотел;
У нас одна душа, одни и те же муки;
О если б одинаков был удел!..

Как он, ищу забвенья и свободы,
Как он, в ребячестве пылал уж я душой,
Любил закат в горах, пенящиеся воды,
И бурь земных и бурь небесных вой.

Как он, ищу спокойствия напрасно,
Гоним повсюду мыслию одной.
Гляжу назад — прошедшее ужасно;
Гляжу вперед — там нет души родной!

<*1830*>

109. ЭПИТАФИЯ

(Утонувшему игроку)

Кто яму для других копать трудился,
Тот сам в нее упал — гласит писанье так.
Ты это оправдал, бостонный мой чудак,
        Топил людей — и утопился.

<*1830*>

110. ДЕРЕВУ

Давно ли с зеленью радушной
Передо мной стояло ты,
И я коре твоей послушной
Вверял любимые мечты;
Лишь год назад два талисмана
Светилися в тени твоей,
И ниже замысла обмана
Не скрылося в душе детей!..

Детей! — о! да, я был ребенок! —
Промчался легкой страсти сон;
Дремоты флёр был слишком тонок —
В единой миг прорвался он.
И деревцо с моей любовью
Погибло, чтобы вновь не цвесть;
Я жизнь его купил бы кровью, —
Но как переменить, что *есть*?

Ужели также вдохновенье
Умрет невозвратимо с ним?
Иль шуму светского волненья

Бороться с сердцем молодым?
Нет, нет, — мой дух бессмертен силой,
Мой гений веки пролетит;
И эти ветви над могилой
Певца-страдальца освятит.

<1830>

111. ПРЕДСКАЗАНИЕ

Настанет год, России черный год,
Когда царей корона упадет;
Забудет чернь к ним прежнюю любовь,
И пища многих будет смерть и кровь;
Когда детей, когда невинных жен
Низвергнутый не защитит закон;
Когда чума от смрадных, мертвых тел
Начнет бродить среди печальных сел,
Чтобы платком из хижин вызывать,
И станет глад сей бедный край терзать;
И зарево окрасит волны рек:
В тот день явится мощный человек,
И ты его узнаешь — и поймешь,
Зачем в руке его булатной нож:
И горе для тебя! — твой плач, твой стон
Ему тогда покажется смешон;
И будет всё ужасно, мрачно в нем,
Как плащ его с возвышенным челом.

<1830>

112

Всё тихо — полная луна
Блестит меж ветел над прудом,
И возле берега волна
С холодным резвится лучом.

<1830>

113

Никто, никто, никто не усладил
В изгнанье сем тоски мятежной!
Любить? — три раза я любил,
Любил три раза безнадежно.

<1830>

114. 1830 ГОД. ИЮЛЯ 15-го

(Москва)

Зачем семьи родной безвестный круг
Я покидал? Всё сердце грело там,
Всё было мне наставник или друг,
Всё верило младенческим мечтам.
Как ужасы пленяли юный дух,
Как я рвался на волю к облакам!
Готов лобзать уста друзей был я,
Не посмотрев, не скрыта ль в них змея.

Но в общество иное я вступил,
Узнал людей и дружеский обман,
Стал подозрителен и погубил
Беспечности душевной талисман.
Чтобы никто теперь не говорил:
Он будет друг мне! — боль старинных ран
Из груди извлечет не речь, но стон;
И не привет, упрек услышит он.

Ах! я любил, когда я был счастлив,
Когда лишь от любви мог слезы лить.
Но эту грудь, страданьем напоив,
Скажите мне, возможно ли любить?
Страшусь, в объятья деву заключив,
Живую душу ядом отравить
И показать, что сердце у меня
Есть жертвенник, сгоревший от огня.

Но лучше я, чем для людей кажусь,
Они в лице не могут чувств прочесть;
И что молва кричит о мне... боюсь! —
Когда б я знал, не мог бы перенесть.
Противу них во мне горит, клянусь,
Не злоба, не презрение, не месть.
Но... для чего старалися они
Так отравить ребяческие дни?..

Согбенный лук, порвавши тетиву,
Гремит — но вновь не будет прям, как был.
Чтоб цепь их сбросить, я, подняв главу,
Последнее усилие свершил;
Что ж. — Ныне жалкий, грустный я живу
Без дружбы, без надежд, без дум, без сил,
Бледней, чем луч бесчувственной луны,
Когда в окно скользит он вдоль стены.

<1830>

115. БУЛЕВАР

С минуту лишь с бульвара прибежав,
Я взял перо — и, право, очень рад,
Что плод над ним моих привычных прав
Узнает вновь бульварной маскерад;
Сатиров я для помощи призвав —
Подговорю, — и всё пойдет на лад.
Ругай людей, но лишь ругай остро;
Не то — ...ко всем чертям твое перо!..

Приди же из подземного огня,
Чертенок мой, взъерошенной остряк,
И попугаем сядь вблизи меня.
«Дурак» скажу — и ты кричи «дурак».
Не устоит бульварная семья —
Хоть морщи лоб, хотя сожми кулак,
Невинная красотка в 40 лет —
Пятнадцати тебе всё нет как нет!

И ты, мой старец с рыжим париком,
Ты, депутат столетий и могил,
Дрожащий весь и схожий с жеребцом,
Как кровь ему из всех пускают жил,
Ты здесь бредешь и смотришь сентябрем,
Хоть там княжна лепечет: как он мил!
А для того и силится хвалить,
Чтоб свой порок в Ч**** извинить!..

Подалее на креслах там другой;
Едва сидит согбенный сын земли;
Он как знаток глядит в лорнет двойной;
Власы его в серебряной пыли.
Он одарен восточною душой,
Коль душу в нем в сто лет найти могли.
Но я клянусь (пусть кончив — буду прах),
Она тонка, когда в его ногах.

И что ж? — он прав, он прав, друзья мои.
Глупец, кто жил, чтоб на диете быть;
Умен, кто отдал дни свои любви;
И этот муж копил: чтобы любить.
Замен души он находил в крови.
Но тот блажен, кто может говорить,
Что он вкушал до капли мед земной,
Что он любил и телом и душой!..

И я любил! — опять к своим страстям!
Брось, брось свои безумные мечты!
Пора склонить внимание на дам,
На этих кандидатов красоты,
На их наряд — как описать всё вам?
В наряде их нет милой простоты,
Всё так высоко, так взгромождено,
Как бурею на них нанесено.

Приметна спесь в их пошлой болтовне,
Уста всегда сказать готовы: *нет.*
И холодны они, как при луне
Нам кажется прабабушки портрет;

Когда гляжу, то, право, жалко мне,
Что вкус такой имеет модной свет.
Ведь думают тенетом лент, кисей,
Как зайчиков, поймать моих друзей.

Сидел я раз случайно под окном,
И вдруг головка вышла из окна,
Незавита, и в чепчике простом —
Но как божественна была она.
Уста и взор — стыжусь! в уме моем
Головка та ничем не изгнана;
Как некий сон младенческих ночей
Или как песня матери моей.

И сколько лет уже прошло с тех пор!..
О, верьте мне, красавицы Москвы,
Блистательной ваш головной убор
Вскружить не в силах нашей головы.
Все платья, шляпы, букли ваши вздор.
Такой же вздор, какой твердите вы,
Когда идете здесь толпой комет,
А маменьки бегут за вами вслед.

Но для чего кометами я вас
Назвал, глупец тупейший то поймет
И сам Башуцкой объяснит тотчас.
Комета за собою хвост влечет;
И это всеми признано у нас,
Хотя — что в нем, никто не разберет:
За вами ж хвост оставленных мужьев,
Вздыхателей и бедных женихов!

О женихи! о бедный Мосолов;
Как не вздохнуть, когда тебя найду,
Педантика, из рода петушков,
Средь юных дев как будто бы в чаду;
Хотя и держишься размеру слов,
Но ты согласен на свою беду,
Что лучше всё не думав говорить,
Чем глупо думать и глупей судить.

Он чванится, что точно русский он;
Но если бы таков был весь народ,
То я бы из Руси пустился вон.
И то сказать, чудесный патриот;
Лишь своему языку обучен,
Он этим край родной не выдает:
А то б узнали всей земли концы,
Что есть у нас подобные глупцы.

<1830>

116. ПЕСНЬ БАРДА

I

Я долго был в чужой стране,
  Дружин Днепра седой певец,
И вдруг пришло на мысли мне
  К ним возвратиться наконец.
Пришел — с гуслями за спиной —
  Былую песню заиграл...
Напрасно! — князь земли родной
  Приказу ханскому внимал...

II

В пустыни, где являлся враг,
  Понес я старую главу,
И попирал мой каждой шаг
  Окровавленную траву.
Сходились к брошенным костям
  Толпы зверей и птиц лесных,
Затем что больше было там
  Число убитых, чем живых.

III

Кто мог бы песню спеть одну?
  Отчаянным движеньем рук
Задев дрожащую струну,
  Случалось, исторгал я звук;

Но умирал так скоро он!
И если б слышал сын цепей,
То гибнущей свободы стон
Не тронул бы его ушей.

IV

Вдруг кто-то у меня спросил:
Зачем я часто слезы лью,
Где человек так вольно жил?
О ком бренчу, о ком пою?
Пронзила эта речь меня —
Надежд пропал последний рой;
На землю гусли бросил я
И молча раздавил ногой.

<1830>

117. 10 ИЮЛЯ. (1830)

Опять вы, гордые, восстали
За независимость страны,
И снова перед вами пали
Самодержавия сыны,
И снова знамя вольности кровавой
Явилося, победы мрачной знак,
Оно любимо было прежде славой:
Суворов был его сильнейший враг.

<1830>

118. БЛАГОДАРЮ!

Благодарю!.. вчера мое признанье
И стих мой ты без смеха приняла;
Хоть ты страстей моих не поняла,
Но за твое притворное вниманье
Благодарю!

*

В другом краю ты некогда пленяла,
Твой чудный взор и острота речей
Останутся навек в душе моей,
Но не хочу, чтобы ты мне сказала:
Благодарю!

*

Я б не желал умножить в цвете жизни
Печальную толпу твоих рабов
И от тебя услышать, вместо слов
Язвительной, жестокой укоризны:
Благодарю!

*

О, пусть холодность мне твой взор укажет,
Пусть он убьет надежды и мечты
И всё, что в сердце возродила ты;
Душа моя тебе тогда лишь скажет:
Благодарю!

<1830>

119. НИЩИЙ

У врат обители святой
Стоял просящий подаянья
Бедняк иссохший, чуть живой
От глада, жажды и страданья.

Куска лишь хлеба он просил,
И взор являл живую муку,
И кто-то камень положил
В его протянутую руку.

Так я молил твоей любви
С слезами горькими, с тоскою;
Так чувства лучшие мои
Обмануты навек тобою!

<*1830*>

120. НОЧЬ

Один я в тишине ночной;
Свеча сгоревшая трещит,
Перо в тетрадке записной
Головку женскую чертит;
Воспоминанье о былом,
Как тень, в кровавой пелене,
Спешит указывать перстом
На то, что было мило мне.

Слова, которые могли
Меня тревожить в те года,
Пылают предо мной вдали,
Хоть мной забыты навсегда.
И там скелеты прошлых лет
Стоят унылою толпой;
Меж ними есть один скелет —
Он обладал моей душой.

Как мог я не любить тот взор?
Презренья женского кинжал
Меня пронзил... но нет — с тех пор
Я всё любил — я всё страдал.
Сей взор невыносимой, он
Бежит за мною, как призрак;
И я до гроба осужден
Другого не любить никак.

О! я завидую другим!
В кругу семейственном, в тиши,
Смеяться просто можно им
И веселиться от души.

Мой смех тяжел мне, как свинец:
Он плод сердечной пустоты.
О, боже, вот что наконец,
Я вижу, мне готовил ты.

Возможно ль! первую любовь
Такою горечью облить;
Притворством взволновав мне кровь,
Хотеть насмешкой остудить?
Желал я на другой предмет
Излить огонь страстей своих.
Но память! слезы первых лет!
Кто устоит противу них?

<*1830*>

121. К . . .

Не говори: я трус, глупец!..
О! если так меня терзало
Сей жизни мрачное начало,
Какой же должен быть конец?..

<*1830*>

122. ЧУМА В САРАТОВЕ

I

Чума явилась в наш предел;
Хоть страхом сердце стеснено,
Из миллиона мертвых тел
Мне будет дорого одно.
Его земле не отдадут,
И крест его не осенит;
И пламень, где его сожгут,
Навек мне сердце охладит.

II

Никто не прикоснется к ней,
Чтоб облегчить последний миг;
Уста волшебницы очей
Не приманят к себе других;
Лобзая их, я б был счастлив,
Когда б в себя яд смерти впил,
Затем что, сластость их испив...
Я деву некогда забыл.

<*1830*>

123

Плачь! плачь! Израиля народ,
Ты потерял звезду свою;
Она вторично не взойдет —
И будет мрак в земном краю;
По крайней мере есть *один*,
Который всё с ней потерял;
Без дум, без чувств среди долин
Он тень следов ее искал!..

<*1830*>

124. 30 ИЮЛЯ 1830-го ГОДА

Ты мог быть лучшим королем,
Ты не хотел. — Ты полагал
Народ унизить под ярмом.
Но ты французов не узнал!
Есть суд земной и для царей.
Провозгласил он твой конец;
С дрожащей головы твоей
Ты в бегстве уронил венец.

И загорелся страшный бой,
И знамя вольности как дух
Идет пред гордою толпой.
И звук один наполнил слух;
И брызнула в Париже кровь.

О! чем заплатишь ты, тиран,
За эту праведную кровь,
За кровь людей, за кровь граждан.

Когда последняя труба
Разрежет звуком синий свод;
Когда откроются гроба
И прах свой прежний вид возьмет;
Когда появятся весы
И их подымет судия...
Не встанут у тебя власы?
Не задрожит рука твоя?..

Глупец! что будешь ты в тот день,
Коль ныне стыд уж над тобой?
Предмет насмешек ада, тень,
Призрак, обманутый судьбой!
Бессмертной раною убит,
Ты обернешь молящий взгляд,
И строй кровавый закричит:
Он виноват! он виноват!

<1830>

125. СТАНСЫ

I

Взгляни, как мой спокоен взор,
Хотя звезда судьбы моей
Померкнула с давнишних пор
И с нею думы светлых дней.
Слеза, которая не раз
Рвалась блеснуть перед тобой,
Уж не придет, как этот час,
На смех подосланный судьбой.

II

Смеялась надо мною ты,
И я презреньем отвечал —

С тех пор сердечной пустоты
Я уж ничем не заменял.
Ничто не сблизит больше нас,
Ничто мне не отдаст покой...
Хоть в сердце шепчет чудный глас:
Я не могу любить другой.

III

Я жертвовал другим страстям,
Но если первые мечты
Служить не могут снова нам, —
То чем же их заменишь ты?..
Чем успокоишь жизнь мою,
Когда уж обратила в прах
Мои надежды в сем краю,
А может быть и в небесах?..

<1830>

126. ЧУМА
(Отрывок)

79

Два человека в этот страшной год,
Когда всех занимала смерть одна,
Хранили чувство дружбы. Жизнь их, род
Незнания хранила тишина.
Толпами гиб отчаянный народ,
Вкруг них валялись трупы — и страна
Веселья — стала гроб — и в эти дни
Без страха обнималися они!..

80

Один был юн годами и душой,
Имел блистающий и быстрой взор,
Играла кровь в щеках его порой,
В движениях и в мыслях он был скор

И мужествен с лица. Но он с тоской
И ужасом глядел на гладный мор,
Молился, плакал он, и день и ночь
Отталкивал и сон и пищу прочь!

81

Другой узнал, казалось, жизни зло;
И разорвал свои надежды сам.
Высокое и бледное чело
Являло наблюдательным очам,
Что сердце много мук перенесло
И было прежде отдано страстям.
Но, несмотря на мрачный сей удел,
И он как бы невольно жить хотел.

82

Безмолвствуя, на друга он взирал,
И в жилах останавливалась кровь;
Он вздрагивал, садился. Он вставал,
Ходил, бледнел и вдруг садился вновь,
Ломал в безумье руки — но молчал.
Он подавлял в груди своей любовь
И сердца беспокойный вещий глас,
Что скоро бьет неизбежимой час!

83

И час пробил! его нежнейший друг
Стал медленно слабеть. Хоть говорить
Не мог уж юноша, его недуг
Не отнимал еще надежду жить;
Казалось, судрожным движеньем рук
Старался он кончину удалить.
Но вот утих... взор ясной поднял он,
Закрыл — хотя б один последний стон!

84

Как сумасшедший, руки сжав крестом,
Стоял его товарищ. Он хотел
Смеяться... и с открытым ртом
Остался — взгляд его оцепенел.
Пришли к ним люди: зацепив крючком
Холодной труп, к высокой груде тел
Они без сожаленья повлекли,
И подложили бревен, и зажгли...

<*1830*>

127

Нередко люди и бранили,
И мучили меня за то,
Что часто им прощал я то,
Чего б они мне не простили.

И начал рок меня томить.
Карал безвинно и за дело —
От сердца чувство отлетело:
И я не мог ему простить.

Я снова меж людей явился
С холодным, сумрачным челом;
Но взгляд, куда б ни обратился,
Встречался с радостным лицом!

<*1830*>

128. РОМАНС

В те дни, когда уж нет надежд,
А есть одно воспоминанье,
Веселье чуждо наших вежд
И легче на груди страданье.

<*1830*>

129. ОТРЫВОК

Приметив юной девы грудь,
Судьбой случайной, как-нибудь,
Иль взор, исполненный огнем,
Недвижно сердце было в нем,
Как сокол, на скале морской
Сидящий позднею порой,
Хоть недалеко и блестят
(Седой пустыни вод наряд)
Ветрила бедных челноков,
Движенье дальних облаков
Следит его прилежной глаз.
И так проходит скучной час!
Он знает: эти челноки,
Что гонят мимо ветерки,
Не для него сюда плывут,
Они блеснут, они пройдут!..

<1830>

130. БАЛЛАДА

(Из Байрона)

Берегись! берегись! над Бургосским путем
   Сидит один черной монах;
Он бормочет молитву во мраке ночном,
   Панихиду о прошлых годах.
Когда *Мавр* пришел в наш родимой дол,
   Оскверняючи церкви порог,
Он без дальних слов выгнал всех чернецов;
   Одного только выгнать не мог.

Для добра или зла (я слыхал не один,
   И не мне бы о том говорить),
Когда возвратился тех мест господин,
   Он никак не хотел уходить.
Хоть никто не видал, как по замку блуждал
   Монах, но зачем возражать?
Ибо слышал не раз я старинной рассказ,
   Который страшусь повторять.

Рождался ли сын, он рыдал в тишине,
Когда ж прекратился сей род,
Он по звучным полам при бледной луне
Бродил и взад и вперед.

<1830>

131. К***

Когда к тебе молвы рассказ
Мое названье принесет
И моего рожденья час
Перед полмиром проклянет,
Когда мне пищей будет кровь
И стану жить среди людей,
Ничью не радуя любовь
И злобы не боясь ничьей;

Тогда раскаянья кинжал
Пронзит тебя; и вспомнишь ты,
Что при разлуке я сказал.
Увы! то были не мечты!
И если, если наконец
Моя лишь грудь поражена,
То, верно, прежде знал Творец,
Что ты терпеть не рождена.

<1830>

132

Передо мной лежит листок
Совсем ничтожный для других,
Но в нем сковал случайно рок
Толпу надежд и дум моих.
Исписан он твоей рукой,
И я вчера его украл,
И для добычи дорогой
Готов страдать — как уж страдал!

<1830>

133

Свершилось! полно ожидать
Последней встречи и прощанья!
Разлуки час и час страданья
Придут — зачем их отклонять!
Ах, я не знал, когда глядел
На чудные глаза прекрасной,
Что час прощанья, час ужасной,
Ко мне внезапно подлетел.
Свершилось! голосом бесценным
Мне больше сердца не питать,
Запрусь в углу уединенном
И буду плакать... вспоминать!

<1830>

134

Итак, прощай! впервые этот звук
Тревожит так жестоко грудь мою.
Прощай! — шесть букв приносят столько мук,
Уносят всё, что я теперь люблю!
Я встречу взор ее прекрасных глаз,
И, может быть... как знать в последний раз!

<1830>

135. НОВГОРОД

Сыны снегов, сыны славян,
Зачем вы мужеством упали?
Зачем?.. Погибнет ваш тиран,
Как все тираны погибали!..
До наших дней при имени свободы
Трепещет ваше сердце и кипит!..
Есть бедной град, там видели народы
Всё то, к чему теперь ваш дух летит.

<1830>

136. ГЛУПОЙ КРАСАВИЦЕ

1

Амур спросил меня однажды,
Хочу ль испить его вина, —
Я не имел в то время жажды,
Но выпил кубок весь до дна.

2

Теперь желал бы я напрасно
Смочить горящие уста,
Затем что чаша влаги страстной,
Как голова твоя, — пуста.

<1830>

137. МОГИЛА БОЙЦА

I

Он спит последним сном давно,
   Он спит последним сном,
Над ним бугор насыпан был,
   Зеленой дерн кругом.

II

Седые кудри старика
   Смешалися с землей;
Они взвевались по плечам,
   За чашей пировой,

III

Они белы, как пена волн,
   Биющихся у скал;
Уста, любимицы бесед,
   Впервые хлад сковал.

IV

И бледны щеки мертвеца,
Как лик его врагов
Бледнел, когда являлся он
Один средь их рядов.

V

Сырой землей покрыта грудь,
Но ей не тяжело,
И червь, движенья не боясь,
Ползет через чело.

VI

На то ль он жил и меч носил,
Чтоб в час вечерней мглы
Слетались на курган его
Пустынные орлы?

VII

Хотя певец земли родной
Не раз уж пел об нем,
Но песнь всё песнь, а жизнь всё жизнь,
Он спит последним сном.

<1830>

138. СМЕРТЬ

Закат горит огнистой полосою,
Любуюсь им безмолвно под окном,
Быть может, завтра он заблещет надо мною,
Безжизненным, холодным мертвецом;
Одна лишь дума в сердце опустелом,
То мысль об *ней*. — О, далеко она;
И над моим недвижным, бледным телом
Не упадет слеза ее одна.

Ни друг, ни брат прощальными устами
Не поцелуют здесь моих ланит;
И сожаленью чуждыми руками
В сырую землю буду я зарыт.
Мой дух утонет в бездне бесконечной!..
Но ты! — О, пожалей о мне, краса моя!
Никто не мог тебя любить, как я,
Так пламенно и так чистосердечно.

<1830>

139. РУССКАЯ ПЕСНЯ

1

Клоками белый снег валится,
Что ж дева красная боится
С крыльца сойти
Воды снести?
Как поп, когда он гроб несет,
Так песнь метелица поет,
Играет,
И у тесовых у ворот
Дворовый пес всё цепь грызет
И лает...

2

Но не собаки лай печальной,
Не вой метели погребальной
Рождают страх
В ее глазах:
Недавно милой схоронен,
Бледней снегов предстанет он
И скажет:
«Ты изменила» — ей в лицо
И ей заветное кольцо
Покажет!..

<1830 ?>

140. РОМАНС К И ...

Когда я унесу в чужбину
Под небо южной стороны
Мою тяжелую кручину,
Мои обманчивые сны
И люди с злобой ядовитой
Осудят жизнь мою порой,
Ты будешь ли моей защитой
Перед бесчувственной толпой?

*

О, будь!.. о, вспомни нашу младость,
Злословья жертву пощади,
Клянися в том! чтоб вовсе радость
Не умерла в моей груди,
Чтоб я сказал в земле изгнанья:
Есть сердце, лучших дней залог,
Где почтены мои страданья,
Где мир их очернить не мог.

<1830 ?>

141. ЧЕРНЫ ОЧИ

Много звезд у летней ночи,
Отчего же только две у вас,
Очи юга! черны очи!
Нашей встречи был недобрый час.

Кто ни спросит, звезды ночи
Лишь о райском счастье говорят;
В ваших звездах, черны очи,
Я нашел для сердца рай и ад.

Очи юга, черны очи,
В вас любви прочел я приговор,
Звезды дня и звезды ночи
Для меня вы стали с этих пор!

<1830 ?>

142. К *

Когда твой друг с пророческой тоскою
Тебе вверял толпу своих забот,
Не знала ты невинною душою,
Что смерть его позорная зовет,
Что голова, любимая тобою,
С твоей груди на плаху перейдет;

Он был рожден для мирных вдохновений,
Для славы, для надежд; — но меж людей
Он не годился; и враждебный гений
Его душе не наложил цепей;
И не слыхал Творец его молений,
И он погиб во цвете лучших дней;

И близок час... и жизнь его потонет
В забвенье, без следа, как звук пустой;
Никто слезы прощальной не уронит,
Чтоб смыть упрек, оправданный толпой,
И лишь волна полночная простонет
Над сердцем, где хранился образ твой!

<1830 ?>

143. ЗВЕЗДА

Вверху одна
Горит звезда;
Мой ум она
Манит всегда;
Мои мечты
Она влечет
И с высоты
Мне радость льет.
Таков же был
Тот нежный взор,
Что я любил
Судьбе в укор.
Мук никогда
Он зреть не мог,

Как та звезда,
Он был далек.
Усталых вежд
Я не смыкал,
Я без надежд
К нему взирал!

<1830–1831 ?>

144. РАСКАЯНЬЕ

К чему мятежное роптанье,
Укор владеющей судьбе?
Она была добра к тебе,
Ты создал сам свое страданье.
Бессмысленный, ты обладал
Душою чистой, откровенной,
Всеобщим злом не зараженной,
И этот клад ты потерял.

Огонь любви первоначальной
Ты в ней решился зародить
И далее не мог любить,
Достигнув цели сей печальной.
Ты презрел всё; между людей
Стоишь, как дуб в стране пустынной,
И тихой плач любви невинной
Не мог потрясть души твоей.

Не дважды бог дает нам радость,
Взаимной страстью веселя;
Без утешения, томя,
Пройдет и жизнь твоя, как младость.
Ее лобзанье встретишь ты
В устах обманщицы прекрасной,
И будут пред тобой всечасно
Предмета первого черты.

О, вымоли ее прощенье,
Пади, пади к ее ногам,
Не то ты приготовишь сам
Свой ад, отвергнув примиренье.

Хоть будешь ты еще любить,
Но прежним чувствам нет возврату,
Ты вечно первую утрату
Не будешь в силах заменить.

<1830–1831 ?>

145. ВЕНЕЦИЯ

1

Поверхностью морей отражена,
Богатая Венеция почила,
Сырой туман дымился, и луна
Высокие твердыни осребрила.
Чуть виден бег далекого ветрила,
Студеная вечерняя волна
Едва шумит под веслами гондолы
И повторяет звуки баркаролы.

2

Мне чудится, что это ночи стон,
Как мы, своим покоем недовольной,
Но снова песнь! и вновь гитары звон!
О бойтеся, мужья, сей песни вольной.
Советую, хотя мне это больно,
Не выпускать красавиц ваших жен;
Но если вы в сей миг неверны сами,
Тогда, друзья! да будет мир меж вами!

И мир с тобой, прекрасной чичизбей,
И мир с тобой, лукавая Мелина.
Неситеся по прихоти морей,
Любовь нередко бережет пучина;
Хоть и над морем царствует судьбина,
Гонитель вечный счастливых людей,
Но талисман пустынного лобзанья
Уводит сердца темные мечтанья.

3

Рука с рукой, свободу дав очам,
Сидят в ладье и шепчут меж собою;
Она вверяет месячным лучам
Младую грудь с пленительной рукою,
Укрытые досель под епанчою,
Чтоб юношу сильней прижать к устам;
Меж тем вдали, то грустной, то веселый,
Раздался звук обычной баркаролы:

Как в дальнем море ветерок,
Свободен вечно мой челнок;
Как речки быстрое русло,
Не устает мое весло.

Гондола по воде скользит,
А время по любви летит;
Опять сравняется вода,
Страсть не воскреснет никогда.

<1830–1831 ?>

146

Я видел раз ее в веселом вихре бала;
Казалось, мне она понравиться желала;
Очей приветливость, движений быстрота,
Природный блеск ланит и груди полнота —
Всё, всё наполнило б мне ум очарованьем,
Когда б совсем иным, бессмысленным желаньем
Я не был угнетен; когда бы предо мной
Не пролетала тень с насмешкою пустой,
Когда б я только мог забыть черты другие,
Лицо бесцветное и взоры ледяные!..

<1830–1831 ?>

147. ПОДРАЖАНИЕ БАЙРОНУ

Не смейся, друг, над жертвою страстей,
Венец терновый я сужден влачить;
Не быть ей вечно у груди моей,
И что ж, я не могу другой любить.
Как цепь гремит за узником, за мной
Так мысль о будущем, и нет иной.

Я вижу длинной ряд тяжелых лет,
А там людьми презренный гроб, он ждет.
И до него надежды нет, и нет
За ним того, что ожидает тот,
Кто жил одной любовью, погубил
Всё в жизни для нее, а всё любил.

И вынесть мог сей взор ледяный я
И мог тогда ей тем же отвечать.
Увижу на руках ее дитя
И стану я при ней его ласкать,
И в каждой ласке мать узнает вновь,
Что время не могло унесть любовь!..

<1830–1831 ?>

148. К ДУРНОВУ

Довольно любил я, чтоб вечно грустить,
   Для счастья же мало любил,
Но полно, что пользы мне душу открыть,
   Зачем я не то, что я был?

В вечернее время, в час первого сна,
   Как блещет туман средь долин,
На месте, где прежде бывала она,
   Брожу беспокоен, один.

Тогда ты глаза и лицо примечай,
   Движенья спеши понимать,

И если тебе удалось... то ступай!
  Я больше не мог бы сказать.

<1830–1831 ?>

149. АРФА

I

Когда зеленой дерн мой скроет прах,
Когда, простясь с недолгим бытием,
Я буду только звук в твоих устах,
Лишь тень в воображении твоем;
Когда друзья младые на пирах
Меня не станут поминать вином,
Тогда возьми простую арфу ты,
Она была мой друг и друг мечты.

II

Повесь ее в дому против окна,
Чтоб ветер осени играл над ней
И чтоб ему ответила она
Хоть отголоском песен прошлых дней;
Но не проснется звонкая струна
Под белоснежною рукой твоей,
Затем что тот, кто пел твою любовь,
Уж будет спать, чтоб не проснуться вновь.

<1830–1831 ?>

150

На темной скале над шумящим Днепром
Растет деревцо молодое;
Деревцо мое ветер ни ночью, ни днем
Не может оставить в покое;
И, лист обрывая, ломает и гнет,
Но с берега в волны никак не сорвет.

Таков несчастливец, гонимый судьбой;
Хоть взяты желанья могилой,

Он должен влачить, одинок под луной,
Обломки сей жизни остылой;
Он должен надежды свои пережить
И с любовию в сердце бояться любить!

<1830–1831 ?>

151. ПЕСНЯ

I

Не знаю, обманут ли был я,
   Осмеян тобой или нет,
Но клянуся, что сам любил я,
   И остался от этого след.
Заклинаю тебя всем небесным,
   И всем, что не сбудется вновь,
И счастием, мне неизвестным,
   О, прости мне мою любовь.

II

Ты не веришь словам без искусства,
   Но со временем эти листы
Тебе объяснят мои чувства
   И то, что отвергнула ты.
И ты вздохнешь, может статься,
   С слезою на ясных очах
О том, кто не будет нуждаться
   Ни в печали чужой, ни в слезах.

III

И мир не увидит холодной
   Ни желанье, ни грусть, ни мечты
Души молодой и свободной,
   С тех пор как не видишь их ты.
Но если бы я возвратился
   Ко дням позабытых тревог,
Вновь так же страдать я б решился
   И любить бы иначе не мог.

<1830–1831 ?>

152. ПИР АСМОДЕЯ

(Сатира)

У беса праздник. Скачет представляться
Чертей и душ усопших мелкой сброд,
Кухмейстеры за кушаньем трудятся,
Прозябнувши, придворной в зале ждет.
И вот за стол все по чинам садятся,
И вот лакей картофель подает,
Затем что самодержец Мефистофель
Был родом немец и любил картофель.

По правую сидел приезжий <Павел>,
По левую начальник докторов,
Великой Фауст, муж отличных правил
(Распространять сужденья дураков
Он средство нам превечное доставил).
Сидят. Вдруг настежь дверь и звук шагов:
Три демона, войдя с большим поклоном,
Кладут свои подарки перед троном.

1-ый демон *(говорит)*
Вот сердце женщины: она искала
От неба даже скрыть свои дела
И многим это сердце обещала
И никому его не отдала.
Она себе беды лишь не желала,
Лишь злобе до конца верна была.
Не откажись от скромного даянья,
Хоть эта вещь не стоила названья.

«C’est trop commun!» — воскликнул бес державной
С презрительной улыбкою своей.
«Подарок твой подарок был бы славной,
Но новизна царица наших дней;
И мало ли случалося недавно,
И как не быть приятных мне вестей;
Я думаю, слыхали даже стены
Про эти бесконечные измены».

2-ой демон
На стол твой я принес вино свободы;
Никто не мог им жажды утолить,
Его земные опились народы
И начали в куски короны бить;
Но как помочь? кто против общей моды?
И нам ли разрушенье усыпить?
Прими ж напиток сей, земли властитель,
Единственный мой царь и повелитель.

Тут все цари невольно взбеленились,
С тарелками вскочили с мест своих,
Боясь, чтобы черти не напились,
Чтоб и отсюда не прогнали их.
Придворные в молчании косились,
Смекнув, что лучше прочь в подобной миг;
Но главной бес с геройскою ухваткой
На землю выплеснул напиток сладкой.

3-ий демон
В Москву болезнь холеру притащили.
Врачи вступились за нее тотчас,
Они морили и они лечили
И больше уморили во сто раз.
Один из них, которому служили
Мы некогда, вовремя вспомнил нас,
И он кого-то хлору пить заставил
И к прадедам здорового отправил.

Сказал и подает стакан фатальной
Властителю поспешною рукой.
«Так вот сосуд любезной и печальной
Драгой залог науки докторской.
Благодарю. Хотя с полночи дальной,
Но мне милее всех подарок твой».
Так молвил Асмодей и всё смеялся,
Покуда пир вечерний продолжался.

<1830–1831 ?>

153. СОН

Я видел сон: прохладный гаснул день,
От дома длинная ложилась тень,
Луна, взойдя на небе голубом,
Играла в стеклах радужным огнем;
Всё было тихо, как луна и ночь,
И ветр не мог дремоты превозмочь.
И на большом крыльце меж двух колонн
Я видел деву; как последний сон
Души, на небо призванной, она
Сидела тут пленительна, грустна;
Хоть, может быть, притворная печаль
Блестела в этом взоре, но едва ль.
Ее рука так трепетна была,
И грудь ее младая так тепла;
У ног ее (ребенок, может быть)
Сидел... ах! рано начал он любить,
Во цвете лет, с привязчивой душой,
Зачем ты здесь, страдалец молодой?
И он сидел, и с страхом руку жал,
И глаз ее движенья провожал.
И не прочел он в них судьбы завет,
Мучение, заботы многих лет,
Болезнь души, потоки горьких слез,
Всё, что оставил, всё, что перенес;
И дорожил он взглядом тех очей,
Причиною погибели своей...

<1830–1831 ?>

154. НА КАРТИНУ РЕМБРАНДТА

Ты понимал, о мрачный гений,
Тот грустной безотчетный сон,
Порыв страстей и вдохновений,
Всё то, чем удивил Байрон.
Я вижу лик полуоткрытой
Означен резкою чертой;
То не беглец ли знаменитой

В одежде инока святой?
Быть может, тайным преступленьем
Высокий ум его убит;
Всё темно вкруг: тоской, сомненьем
Надменной взгляд его горит.
Быть может, ты писал с природы
И этот лик не идеал!
Или в страдальческие годы
Ты сам себя изображал?
Но никогда великой тайны
Холодной не проникнет взор,
И этот труд необычайной
Бездушным будет злой укор.

<1830–1831 ?>

155. К ***

О, полно извинять разврат!
Ужель злодеям щит порфира?
Пусть их глупцы боготворят,
Пусть им звучит другая лира;
Но ты остановись, певец,
Златой венец — не твой венец.

Изгнаньем из страны родной
Хвались повсюду, как свободой;
Высокой мыслью и душой
Ты рано одарен природой;
Ты видел зло, и перед злом
Ты гордым не поник челом.

Ты пел о вольности, когда
Тиран гремел, грозили казни;
Боясь лишь вечного суда
И чуждый на земле боязни,
Ты пел, и в этом есть краю
Один, кто понял песнь твою.

<1830–1831 ?>

156. ПРОЩАНЬЕ

Прости, прости!
О, сколько мук
Произвести
Сей может звук.
В далекой край
Уносишь ты
Мой ад, мой рай,
Мои мечты.
Твоя рука
От уст моих
Так далека,
О, лишь на миг,
Прошу, приди
И оживи
В моей груди
Огонь любви.
Я здесь больной,
Один, один,
С моей тоской,
Как властелин.
Разлуку я
Переживу ль,
И ждать тебя
Назад могу ль?
Пусть я прижму
Уста к тебе
И так умру
Назло судьбе.
Что за нужда?
Прощанья час
Пускай тогда
Застанет нас!

<1830–1831 ?>

157. К ПРИЯТЕЛЮ

Мой друг, не плачь перед разлукой
И преждевременною мукой

Младое сердце не тревожь,
Ты сам же после осмеешь
Тоску любови легковерной,
Которая закралась в грудь.
Что раз потеряно, то, верно,
Вернется к нам когда-нибудь.
Но невиновен рок бывает,
Что чувство в нас неглубоко,
Что наше сердце изменяет
Надеждам прежним так легко,
Что, получив опять предметы,
Недавно взятые судьбой,
Не узнаём мы их приметы,
Не прельщены их красотой;
И даже прежнему пристрастью
Не верим слабою душой,
И даже то относим к счастью,
Что нам казалося бедой.

<1830–1831 ?>

158. СМЕРТЬ

Оборвана цепь жизни молодой,
Окончен путь, бил час, пора домой,
Пора туда, где будущего нет,
Ни прошлого, ни вечности, ни лет;
Где нет ни ожиданий, ни страстей,
Ни горьких слез, ни славы, ни честей;
Где вспоминанье спит глубоким сном,
И сердце в тесном доме гробовом
Не чувствует, что червь его грызет.
Пора. Устал я от земных забот.
Ужель бездушных удовольствий шум,
Ужели пытки бесполезных дум,
Ужель самолюбивая толпа,
Которая от мудрости глупа,
Ужели дев коварная любовь
Прельстят меня перед кончиной вновь?
Ужели захочу я жить опять,
Чтобы душой по-прежнему страдать

И столько же любить? всесильной бог,
Ты знал: я долее терпеть не мог;
Пускай меня обхватит целой ад,
Пусть буду мучиться, я рад, я рад,
Хотя бы вдвое против прошлых дней,
Но только дальше, дальше от людей.

<1830–1831 ?>

159. ВОЛНЫ И ЛЮДИ

Волны катятся одна за другою
С плеском и шумом глухим;
Люди проходят ничтожной толпою
Также один за другим.
Волнам их неволя и холод дороже
Знойных полудня лучей;
Люди хотят иметь души... и что же? —
Души в них волн холодней!

<1830–1831 ?>

160. ЗВУКИ

Что за звуки! неподвижен внемлю
Сладким звукам я;
Забываю вечность, небо, землю,
Самого себя.
Всемогущий! что за звуки! жадно
Сердце ловит их,
Как в пустыне путник безотрадной
Каплю вод живых!
И в душе опять они рождают
Сны веселых лет
И в одежду жизни одевают
Всё, чего уж нет.
Принимают образ эти звуки,
Образ, милой мне;
Мнится, слышу тихой плач разлуки,
И душа в огне.
И опять безумно упиваюсь
Ядом прежних дней,

И опять я в мыслях полагаюсь
  На слова людей.

<1830–1831 ?>

161. 11 ИЮЛЯ

Между лиловых облаков
Однажды вечера светило
За снежной цепию холмов,
Краснея ярко, заходило,
И возле девы молодой,
Последним блеском озаренной,
Стоял я бледный, чуть живой,
И с головы ее бесценной
Моих очей я не сводил.
Как долго это я мгновенье
В туманной памяти хранил.
Ужель всё было сновиденье:
И ложе девы, и окно,
И трепет милых уст, и взгляды,
В которых мне запрещено
Судьбой искать себе отрады?
Нет, только счастье ослепить
Умеет мысли и желанья,
И сном никак не может быть
Всё, в чем хоть искра есть страданья!

<1830–1831 ?>

162. ПЕРВАЯ ЛЮБОВЬ

В ребячестве моем тоску любови знойной
Уж стал я понимать душою беспокойной;
На мягком ложе сна не раз во тьме ночной,
При свете трепетном лампады образной,
Воображением, предчувствием томимой,
Я предавал свой ум мечте непобедимой.
Я видел женской лик, он хладен был как лед,
И очи — этот взор в груди моей живет;
Как совесть, душу он хранит от преступлений;

Он след единственный младенческих видений.
И деву чудную любил я, как любить
Не мог еще с тех пор, не стану, может быть.
Когда же улетал мой призрак драгоценный,
Я в одиночестве кидал свой взгляд смущенный
На стены желтые, и мнилось, тени с них
Сходили медленно до самых ног моих.
И мрачно, как они, воспоминанье было
О том, что лишь мечта и между тем так мило.

<1830–1831 ?>

163. ПОЛЕ БОРОДИНА

1

Всю ночь у пушек пролежали
Мы без палаток, без огней,
Штыки вострили да шептали
Молитву родины своей.
Шумела буря до рассвета;
Я, голову подняв с лафета,
   Товарищу сказал:
«Брат, слушай песню непогоды:
Она дика, как песнь свободы».
Но, вспоминая прежни годы,
   Товарищ не слыхал.

2

Пробили зорю барабаны,
Восток туманный побелел,
И от врагов удар нежданный
На батарею прилетел.
И вождь сказал перед полками:
«Ребята, не Москва ль за нами?
   Умремте ж под Москвой,
Как наши братья умирали».
И мы погибнуть обещали,
И клятву верности сдержали
   Мы в бородинской бой.

3

Что Чесма, Рымник и Полтава?
Я, вспомня, леденею весь,
Там души волновала слава,
Отчаяние было здесь.
Безмолвно мы ряды сомкнули,
Гром грянул, завизжали пули,
   Перекрестился я.
Мой пал товарищ, кровь лилася,
Душа от мщения тряслася,
И пуля смерти понеслася
   Из моего ружья.

4

Марш, марш! пошли вперед, и боле
Уж я не помню ничего.
Шесть раз мы уступали поле
Врагу и брали у него.
Носились знамена, как тени,
Я спорил о могильной сени,
   В дыму огонь блестел,
На пушки конница летала,
Рука бойцов колоть устала,
И ядрам пролетать мешала
   Гора кровавых тел.

5

Живые с мертвыми сравнялись;
И ночь холодная пришла,
И тех, которые остались,
Густою тьмою развела.
И батареи замолчали,
И барабаны застучали,
   Противник отступил:
Но день достался нам дороже!
В душе сказав: помилуй боже!
На труп застывший, как на ложе,
   Я голову склонил.

6

И крепко, крепко наши спали
Отчизны в роковую ночь.
Мои товарищи, вы пали!
Но этим не могли помочь.
Однако же в преданьях славы
Всё громче Рымника, Полтавы
   Гремит *Бородино*.
Скорей обманет глас пророчий,
Скорей небес погаснут очи,
Чем в памяти сынов полночи
   Изгладится оно.

<1830–1831 ?>

164. МОЙ ДОМ

Мой дом везде, где есть небесный свод,
   Где только слышны звуки песен,
Всё, в чем есть искра жизни, в нем живет,
   Но для поэта он не тесен.

До самых звезд он кровлей досягает,
   И от одной стены к другой
Далекий путь, который измеряет
   Жилец не взором, но душой.

Есть чувство правды в сердце человека,
   Святое вечности зерно:
Пространство без границ, теченье века
   Объемлет в краткой миг оно.

И всемогущим мой прекрасный дом
   Для чувства этого построен,
И осужден страдать я долго в нем,
   И в нем лишь буду я спокоен.

<1830–1831 ?>

165. СМЕРТЬ

Ласкаемый цветущими мечтами,
Я тихо спал и вдруг я пробудился,
Но пробужденье тоже было сон;
И думая, что цепь обманчивых
Видений мной разрушена, я вдвое
Обманут был воображеньем, если
Одно воображение *творит*
Тот новый мир, который заставляет
Нас презирать бесчувственную землю.
Казалось мне, что смерть дыханьем хладным
Уж начинала кровь мою студить;
Не часто сердце билося, но крепко,
С болезненным каким-то содроганьем,
И тело, видя свой конец, старалось
Вновь удержать души нетерпеливой
Порывы, но товарищу былому
С досадою душа внимала, и укоры
Их расставанье сделали печальным.
Между двух жизней в страшном промежутке
Надежд и сожалений, ни об той,
Ни об другой не мыслил я, одно
Сомненье волновало грудь мою,
Последнее сомненье! я не мог
Понять, как можно чувствовать блаженство
Иль горькие страдания далеко
От той земли, где в первой раз я понял,
Что я живу, что жизнь моя безбрежна,
Где жадно я искал самопознанья,
Где столько я любил и потерял,
Любил согласно с этим бренным телом,
Без коего любви не понимал я.
Так думал я и вдруг душой забылся,
И чрез мгновенье снова жил я,
Но не видал вокруг себя предметов
Земных и более не помнил я
Ни боли, ни тяжелых беспокойств
О будущей судьбе моей и смерти:

Всё было мне так ясно и понятно
И ни о чем себя не вопрошал я,
Как будто бы вернулся я туда,
Где долго жил, где всё известно мне,
И лишь едва чувствительная тягость
В моем полете мне напоминала
Мое земное краткое изгнанье.

Вдруг предо мной в пространстве бесконечном
С великим шумом развернулась книга
Под неизвестною рукой. И много
Написано в ней было. Но лишь мой
Ужасный жребий ясно для меня
Начертан был кровавыми словами:
Бесплотный дух, иди и возвратись
На землю. Вдруг пред мной исчезла книга,
И опустело небо голубое;
Ни ангел, ни печальный демон ада
Не рассекал крылом полей воздушных,
Лишь тусклые планеты, пробегая,
Едва кидали искру на пути.

Я вздрогнул, прочитав свой жребий.
Как? Мне лететь опять на эту землю,
Чтоб увидать ряды тех зол, которым
Причиной были детские ошибки?
Увижу я страдания людей
И тайных мук ничтожные причины,
И к счастию людей увижу средства,
И невозможно будет научить их.

Но так и быть, лечу на землю. Первый
Предмет — могила с пышным мавзолеем,
Под коим труп мой люди схоронили.
И захотелось мне во гроб проникнуть,
И я сошел в темницу, длинной гроб,
Где гнил мой труп, и там остался я.
Здесь кость была уже видна, здесь мясо
Кусками синее висело, жилы там
Я примечал с засохшею в них кровью.

С отчаяньем сидел я и взирал,
Как быстро насекомые роились
И жадно поедали пищу смерти.
Червяк то выползал из впадин глаз,
То вновь скрывался в безобразной череп.
И что же? каждое его движенье
Меня терзало судорожной болью.
Я должен был смотреть на гибель друга,
Так долго жившего с моей душою,
Последнего, единственного друга,
Делившего ее печаль и радость,
И я помочь желал, но тщетно, тщетно.
Уничтоженья быстрые следы
Текли по нем, и черви умножались,
И спорили за пищу остальную,
И смрадную, сырую кожу грызли.
Остались кости, и они исчезли,
И прах один лежал наместо тела.

Одной исполнен мрачною надеждой,
Я припадал на бренные остатки,
Стараясь их дыханием согреть
Иль оживить моей бессмертной жизнью;
О, сколько б отдал я тогда земных
Блаженств, чтоб хоть одну, одну минуту
Почувствовать в них теплоту. Напрасно,
Закону лишь послушные, они
Остались хладны, хладны, как презренье.

Тогда изрек я дикие проклятья
На моего отца и мать, на всех людей.
С отчаяньем бессмертья долго, долго,
Жестокого свидетель разрушенья,
Я на творца роптал, страшась молиться,
И я хотел изречь хулы на небо,
Хотел сказать...
Но замер голос мой, и я *проснулся*.

<1830–1831 ?>

166. СТАНСЫ

Мне любить до могилы творцом суждено,
   Но по воле того же творца
Всё, что любит меня, то погибнуть должно
   Иль, как я же, страдать до конца.
Моя воля надеждам противна моим,
Я люблю и страшусь быть взаимно любим.

На пустынной скале незабудка весной
   Одна без подруг расцвела,
И ударила буря и дождь проливной,
   И как прежде недвижна скала;
Но красивой цветок уж на ней не блестит,
Он ветром надломлен и градом убит.

Так точно и я под ударом судьбы,
   Как утес, неподвижен стою,
Но не мысли никто перенесть сей борьбы,
   Если руку пожмет он мою;
Я не чувств, но поступков своих властелин,
Я несчастлив пусть буду — несчастлив один.

<1830–1831 ?>

167. 1831-го ИЮНЯ 11 ДНЯ

1

Моя душа, я помню, с детских лет
Чудесного искала. Я любил
Все обольщенья света, но не свет,
В котором я минутами лишь жил;
И те мгновенья были мук полны,
И населял таинственные сны
Я этими мгновеньями. Но сон,
Как мир, не мог быть ими омрачен.

2

Как часто силой мысли в краткой час
Я жил века и жизнию иной
И о земле позабывал. Не раз,
Встревоженный печальною мечтой,
Я плакал; но все образы мои,
Предметы мнимой злобы иль любви,
Не походили на существ земных.
О нет! всё было ад иль небо в них.

3

Холодной буквой трудно объяснить
Боренье дум. Нет звуков у людей
Довольно сильных, чтоб изобразить
Желание блаженства. Пыл страстей
Возвышенных я чувствую, но слов
Не нахожу, и в этот миг готов
Пожертвовать собой, чтоб как-нибудь
Хоть тень их перелить в другую грудь.

4

Известность, слава, что они? — а есть
У них над мною власть; и мне они
Велят себе на жертву всё принесть,
И я влачу мучительные дни
Без цели, оклеветан, одинок;
Но верю им! — неведомый пророк
Мне обещал бессмертье, и, живой,
Я смерти отдал всё, что дар земной.

5

Но для небесного могилы нет.
Когда я буду прах, мои мечты,
Хоть не поймет их, удивленной свет
Благословит; и ты, мой ангел, ты

Со мною не умрешь: моя любовь
Тебя отдаст бессмертной жизни вновь;
С моим названьем станут повторять
Твое: на что им мертвых разлучать?

6

К погибшим люди справедливы; сын
Боготворит, что проклинал отец.
Чтоб в этом убедиться, до седин
Дожить не нужно. Есть всему конец;
Не много долголетней человек
Цветка; в сравненье с вечностью их век
Равно ничтожен. Пережить одна
Душа лишь колыбель свою должна.

7

Так и ее созданья. Иногда,
На берегу реки, один, забыт,
Я наблюдал, как быстрая вода,
Синея, гнется в волны, как шипит
Над ними пена белой полосой;
И я глядел, и мыслию иной
Я не был занят, и пустынный шум
Рассеивал толпу глубоких дум.

8

Тут был я счастлив... О, когда б я мог
Забыть, что незабвенно! женской взор!
Причину стольких слез, безумств, тревог!
Другой владеет ею с давных пор,
И я другую с нежностью люблю,
Хочу любить, — и небеса молю
О новых муках: но в груди моей
Всё жив печальной призрак прежних дней.

9

Никто не дорожит мной на земле,
И сам себе я в тягость, как другим;
Тоска блуждает на моем челе,
Я холоден и горд; и даже злым
Толпе кажуся; но ужель она
Проникнуть дерзко в сердце мне должна?
Зачем ей знать, что в нем заключено?
Огонь иль сумрак там — ей всё равно.

10

Темна проходит туча в небесах,
И в ней таится пламень роковой;
Он, вырываясь, обращает в прах
Всё, что ни встретит. С дивной быстротой
Блеснет и снова в облаке укрыт;
И кто его источник объяснит,
И кто заглянет в недра облаков?
Зачем? они исчезнут без следов.

11

Грядущее тревожит грудь мою.
Как жизнь я кончу, где душа моя
Блуждать осуждена, в каком краю
Любезные предметы встречу я?
Но кто меня любил, кто голос мой
Услышит и узнает? И с тоской
Я вижу, что любить, как я, порок,
И вижу, я слабей любить не мог.

12

Не верят в мире многие любви
И тем счастливы; для иных она
Желанье, порожденное в крови,
Расстройство мозга иль виденье сна.

Я не могу любовь определить,
Но это страсть сильнейшая! — любить
Необходимость мне; и я любил
Всем напряжением душевных сил.

13

И отучить не мог меня обман;
Пустое сердце ныло без страстей,
И в глубине моих сердечных ран
Жила любовь, богиня юных дней;
Так в трещине развалин иногда
Береза вырастает молода
И зелена, и взоры веселит,
И украшает сумрачный гранит.

14

И о судьбе ее чужой пришлец
Жалеет. Беззащитно предана
Порыву бурь и зною, наконец
Увянет преждевременно она;
Но с корнем не исторгнет никогда
Мою березу вихрь: она тверда;
Так лишь в разбитом сердце может страсть
Иметь неограниченную власть.

15

Под ношей бытия не устает
И не хладеет гордая душа;
Судьба ее так скоро не убьет,
А лишь взбунтует; мщением дыша
Против непобедимой, много зла
Она свершить готова, хоть могла
Составить счастье тысячи людей:
С такой душой ты бог или злодей...

16

Как нравились всегда пустыни мне.
Люблю я ветер меж нагих холмов,
И коршуна в небесной вышине,
И на равнине тени облаков.
Ярма не знает резвой здесь табун,
И кровожадной тешится летун
Под синевой, и облако степей
Свободней как-то мчится и светлей.

17

И мысль о вечности, как великан,
Ум человека поражает вдруг,
Когда степей безбрежной океан
Синеет пред глазами; каждой звук
Гармонии вселенной, каждой час
Страданья или радости для нас
Становится понятен, и себе
Отчет мы можем дать в своей судьбе.

18

Кто посещал вершины диких гор
В тот свежий час, когда садится день,
На западе светило видит взор
И на востоке близкой ночи тень,
Внизу туман, уступы и кусты,
Кругом всё горы чудной высоты,
Как после бури облака, стоят,
И странные верхи в лучах горят.

19

И сердце полно, полно прежних лет
И сильно бьется; пылкая мечта
Приводит в жизнь минувшего скелет,
И в нем почти всё та же красота.

Так любим мы глядеть на свой портрет,
Хоть с нами в нем уж сходства больше нет,
Хоть на холсте хранится блеск очей,
Погаснувших от время и страстей.

20

Что на земле прекрасней пирамид
Природы, этих гордых снежных гор?
Не переменит их надменный вид
Ничто: ни слава царств, ни их позор;
О ребра их дробятся темных туч
Толпы, и молний обвивает луч
Вершины скал; ничто не вредно им.
Кто близ небес, тот не сражен земным.

21

Печален степи вид, где без препон,
Волнуя лишь серебряный ковыль,
Скитается летучий аквилон
И пред собой свободно гонит пыль;
И где кругом, как зорко ни смотри,
Встречает взгляд березы две иль три,
Которые под синеватой мглой
Чернеют вечером в дали пустой.

22

Так жизнь скучна, когда боренья нет.
В минувшее проникнув, различить
В ней мало дел мы можем, в цвете лет
Она души не будет веселить.
Мне нужно действовать, я каждой день
Бессмертным сделать бы желал, как тень
Великого героя, и понять
Я не могу, что значит отдыхать.

23

Всегда кипит и зреет что-нибудь
В моем уме. Желанье и тоска
Тревожат беспрестанно эту грудь.
Но что ж? Мне жизнь всё как-то коротка,
И всё боюсь, что не успею я
Свершить чего-то! — жажда бытия
Во мне сильней страданий роковых,
Хотя я презираю жизнь других.

24

Есть время — леденеет быстрый ум;
Есть сумерки души, когда предмет
Желаний мрачен: усыпленье дум;
Меж радостью и горем полусвет;
Душа сама собою стеснена,
Жизнь ненавистна, но и смерть страшна.
Находишь корень мук в себе самом,
И небо обвинить нельзя ни в чем.

25

Я к состоянью этому привык,
Но ясно выразить его б не мог
Ни ангельской, ни демонской язык:
Они таких не ведают тревог,
В одном всё чисто, а в другом всё зло.
Лишь в человеке встретиться могло
Священное с порочным. Все его
Мученья происходят оттого.

26

Никто не получал, чего хотел
И что любил, и если даже тот,
Кому счастливый небом дан удел,
В уме своем минувшее пройдет,

Увидит он, что мог счастливей быть,
Когда бы не умела отравить
Судьба его надежды. Но волна
Ко брегу возвратиться не сильна.

27

Когда, гонима бурей роковой,
Шипит и мчится с пеною своей,
Она всё помнит тот залив родной,
Где пенилась в приютах камышей,
И, может быть, она опять придет
В другой залив, но там уж не найдет
Себе покоя: кто в морях блуждал,
Тот не заснет в тени прибрежных скал.

28

Я предузнал мой жребий, мой конец,
И грусти ранняя на мне печать;
И как я мучусь, знает лишь творец;
Но равнодушной мир не должен знать.
И не забыт умру я. Смерть моя
Ужасна будет; чуждые края
Ей удивятся, а в родной стране
Все проклянут и память обо мне.

29

Все. Нет, не все: созданье есть одно,
Способное любить, — хоть не меня;
До этих пор не верит мне оно,
Однако сердце, полное огня,
Не увлечется мненьем, и мое
Пророчество припомнит ум ее,
И взор, теперь веселой и живой,
Напрасной отуманится слезой.

30

Кровавая меня могила ждет,
Могила без молитв и без креста,
На диком берегу ревущих вод
И под туманным небом; пустота
Кругом. Лишь чужестранец молодой,
Невольным сожаленьем и молвой
И любопытством приведен сюда,
Сидеть на камне станет иногда.

31

И скажет: отчего не понял свет
Великого, и как он не нашел
Себе друзей, и как любви привет
К нему надежду снова не привел?
Он был ее достоин. И печаль
Его встревожит, он посмотрит вдаль,
Увидит облака с лазурью волн,
И белой парус, и бегучий челн.

32

И мой курган! — любимые мечты
Мои подобны этим. Сладость есть
Во всем, что не сбылось, — есть красоты
В таких картинах; только перенесть
Их на бумагу трудно: мысль сильна,
Когда размером слов не стеснена,
Когда свободна, как игра детей,
Как арфы звук в молчании ночей!

<1830–1831 ?>

168. СОЛНЦЕ ОСЕНИ

Люблю я солнце осени, когда,
Меж тучек и туманов пробираясь,
Оно кидает бледный, мертвый луч

На дерево, колеблемое ветром,
И на сырую степь. Люблю я солнце,
Есть что-то схожее в прощальном взгляде
Великого светила с тайной грустью
Обманутой любви; не холодней
Оно само собою, но природа
И всё, что может чувствовать и видеть,
Не могут быть согреты им; так точно
И сердце: в нем всё жив огонь, но люди
Его понять однажды не умели,
И он в глазах блеснуть не должен вновь
И до ланит он вечно не коснется.
Зачем вторично сердцу подвергать
Себя насмешкам и словам сомненья?

<1830–1831 ?>

169. ПОТОК

Источник страсти есть во мне
   Великой и чудесной;
Песок серебряный на дне,
   Поверхность лик небесной;
Но беспрестанно быстрый ток
Воротит и крутит песок,
   И небо над водами
   Одето облаками.

Родится с жизнью этот ключ
   И с жизнью исчезает;
В ином он слаб, в другом могуч,
   Но всех он увлекает;
И первый счастлив, но такой
Я праздной отдал бы покой
   За несколько мгновений
   Блаженства иль мучений.

<1830–1831 ?>

170. К ***

Не ты, но судьба виновата была,
   Что скоро ты мне изменила,
Она тебе прелести женщин дала,
   Но женское сердце вложила.

Как в море широком следы челнока,
   Мгновенье его впечатленья,
Любовь для него, как веселье, легка,
   А горе не стоит мгновенья.

Но в час свой урочный узнает оно
   Цепей неизбежное бремя.
Прости, нам расстаться теперь суждено,
   Расстаться до этого время.

Тогда я опять появлюсь пред тобой,
   И речь моя ум твой встревожит,
И пусть я услышу ответ роковой,
   Тогда ничего не поможет.

Нет, нет! милой голос и пламенный взор
   Тогда своей власти лишатся;
Вослед за тобой побежит мой укор,
   И в душу он будет впиваться.

И мщенье, напомнив, что я перенес,
   Уста мои к смеху принудит,
Хоть эта улыбка всех, всех твоих слез
   Гораздо мучительней будет.

<1830–1831 ?>

171. НОЧЬ

В чугун печальный сторож бьет,
Один я внемлю. Глухо лают
Вдали собаки. Мрачен свод
Небес, и тучи пробегают

Одна безмолвно за другой,
Сливаясь под ночною мглой.
Колеблет ветер влажный, душной
Верхи дерев, и с воем он
Стучит в оконницы. Мне скушно,
Мне тяжко бденье, страшен сон;
Я не хочу, чтоб сновиденье
Являло мне ее черты;
Нет, я не раб моей мечты,
Я в силах перенесть мученье
Глубоких дум, сердечных ран,
Всё, — только не ее обман.
Я не скажу «прости» надежде,
Молве не верю; если прежде
Она могла меня любить,
То ей ли можно изменить?
Но отчего же? Разве нету
Примеров, первой ли урок
Во мне теперь дается свету?
Как я забыт, как одинок.
<Шуми>, шуми же, ветер ночи,
Играй свободно в небесах
И освежи мне грудь и очи.
В груди огонь, слеза в очах,
Давно без пищи этот пламень,
И слезы падают на камень.

<1830–1831 ?>

172. 1831-го ЯНВАРЯ

Редеют бледные туманы
Над бездной смерти роковой.
И вновь стоят передо мной
Веков протекших великаны.
Они зовут, они манят,
Поют — и я пою за ними,
И, полный чувствами живыми,
Страшуся поглядеть назад, —

Чтоб бытия земного звуки
Не замешались в песнь мою,
Чтоб лучшей жизни на краю
Не вспомнил я людей и муки;
Чтоб я не вспомнил этот свет,
Где носит всё печать проклятья,
Где полны ядом все объятья,
Где счастья без обмана нет.

<1830–1831 ?>

173. К СЕБЕ

Как я хотел себя уверить,
Что не люблю ее, хотел
Неизмеримое измерить,
Любви безбрежной дать предел.

Мгновенное пренебреженье
Ее могущества опять
Мне доказало, что влеченье
Души нельзя нам побеждать;

Что цепь моя несокрушима,
Что мой теперешний покой
Лишь глас залетный херувима
Над сонной демонов толпой.

<1830–1831 ?>

174

Душа моя должна прожить в земной неволе
Не долго. Может быть, я не увижу боле
Твой взор, твой милой взор, столь нежный для других,
Звезду приветную соперников моих;
Желаю счастья им. Тебя винить безбожно
За то, что мне нельзя всё, всё, что им возможно;
Но если ты ко мне любовь хотела скрыть,
Казаться хладною и в тишине любить,

Но если ты при мне смеялась надо мною,
Тогда как внутренно полна была тоскою,
То мрачной мой тебе пускай покажет взгляд,
Кто более страдал, кто боле виноват!

<1830–1831 ?>

175. ПЕСНЯ

Колокол стонет,
Девушка плачет,
И слезы по четкам бегут.
Насильно,
Насильно
От мира в обители скрыта она,
Где жизнь без надежды и ночи без сна.

Так мое сердце
Грудь беспокоит
И бьется, бьется, бьется.
Велела,
Велела
Судьба мне любовь от него оторвать
И деву забыть, хоть тому не бывать.

Смерть и бессмертье,
Жизнь и погибель
И деве и сердцу ничто;
У сердца
И девы
Одно лишь страданье, один лишь предмет:
Ему счастья надо, ей надобен свет.

<1830–1831 ?>

176

Пускай поэта обвиняет
Насмешливой, безумной свет,
Никто ему не помешает,

Он не услышит мой ответ.
Я сам собою жил доныне,
Свободно мчится песнь моя,
Как птица дикая в пустыне,
Как вдаль по озеру ладья.
И что за дело мне до света,
Когда сидишь ты предо мной,
Когда рука моя согрета
Твоей волшебною рукой;
Когда с тобой, о дева рая,
Я провожу небесной час,
Не беспокоясь, не страдая,
Не отворачивая глаз.

<1830–1831 ?>

177. СЛАВА

К чему ищу так славы я?
Известно, в славе нет блаженства,
Но хочет всё душа моя
Во всем дойти до совершенства.
Пронзая будущего мрак,
Она, бессильная, страдает
И в настоящем всё не так,
Как бы хотелось ей, встречает.
Я не страшился бы суда,
Когда б уверен был веками,
Что вдохновенного труда
Мир не обидит клеветами;
Что станут верить и внимать
Повествованью горькой муки
И не осмелятся равнять
С земным небес живые звуки.
Но не достигну я ни в чем
Того, что так меня тревожит:
Всё кратко на шару земном,
И вечно слава жить не может.
Пускай поэта грустной прах
Хвалою освятит потомство,

Где ж слава в кратких похвалах?
Людей известно вероломство.
Другой заставит позабыть
Своею песнию высокой
Певца, которой кончил жить,
Который жил так одинокой.

<1830–1831 ?>

178. ВЕЧЕР

Когда садится алый день
За синий край земли,
Когда туман встает и тень
Скрывает всё вдали,
Тогда я мыслю в тишине
Про вечность и любовь
И чей-то голос шепчет мне:
Не будешь счастлив вновь.
И я гляжу на небеса
С покорною душой,
Они свершали чудеса,
Но не для нас с тобой,
Не для ничтожного глупца,
Которому твой взгляд
Дороже будет до конца
Небесных всех наград.

<1830–1831 ?>

179

Унылой колокола звон
В вечерний час мой слух невольно потрясает,
Обманутой душе моей напоминает
И вечность, и надежду он.
И если ветер, путник одинокой,
Вдруг по траве кладбища пробежит,
Он сердца моего не холодит:

Что в нем живет, то в нем глубоко.
Я чувствую — судьба не умертвит
Во мне возросший деятельной гений;
Но что его на свете сохранит
От хитрой клеветы, от скучных наслаждений,
От истощительных страстей,
От языка ласкателей развратных
И от желаний, непонятных
Умам посредственных людей?
Без пищи должен яркой пламень
Погаснуть на скале сырой:
Холодной слушатель есть камень,
Попробуй раз, попробуй и открой
Ему источники сердечного блаженства,
Он станет толковать, что должно ощутить;
В простом не видя совершенства,
Он не привык прекрасное ценить,
Как тот, кто в грудь втеснить желал бы всю природу,
Кто силится купить страданием своим
И гордою победой над земным
Божественной души безбрежную свободу.

<1830–1831 ?>

180

Хоть давно изменила мне радость,
Как любовь, как улыбка людей,
И померкнуло прежде, чем младость,
Светило надежды моей;
Но судьбу я и мир презираю,
Но нельзя им унизить меня,
И я хладно приход ожидаю
Кончины иль лучшего дня.
Словам моим верить не станут,
Но клянусь в нелживости их:
Кто сам был так часто обманут,
Обмануть не захочет других.
Пусть жизнь моя в бурях несется,

Я беспечен, я знаю давно,
Пока сердце в груди моей бьется,
Не увидит блаженства оно.
Одна лишь сырая могила
Успокоит того, может быть,
Чья душа слишком пылко любила,
Чтобы мог его мир полюбить.

<1830–1831 ?>

181. ЗВУКИ И ВЗОР

О, полно ударять рукой
По струнам арфы золотой.
Смотри, как сердце воли просит,
Слеза катится из очей;
Мне каждой звук опять приносит
Печали пролетевших дней.

Нет, лучше с трепетом любви
Свой взор на мне останови,
Чтоб роковое вспоминанье
Я в настоящем утопил
И всё свое существованье
В единой миг переселил.

<1830–1831 ?>

182. ЗЕМЛЯ И НЕБО

Как землю нам больше небес не любить?
Нам небесное счастье темно;
Хоть счастье земное и меньше в сто раз,
Но мы знаем, какое оно.

О надеждах и муках былых вспоминать
В нас тайная склонность кипит;
Нас тревожит неверность надежды земной,
А краткость печали смешит.

Страшна в настоящем бывает душе
   Грядущего темная даль;
Мы блаженство желали б вкусить в небесах,
   Но с миром расстаться нам жаль.

Что во власти у нас, то приятнее нам,
   Хоть мы ищем другого порой,
Но в час расставанья мы видим ясней,
   Как оно породнилось с душой.

<1830–1831 ?>

183. К ***

Дай руку мне, склонись к груди поэта,
Свою судьбу соедини с моей:
Как ты, мой друг, я не рожден для света
И не умею жить среди людей;
Я не имел ни время, ни охоты
Делить их шум, их мелкие заботы,
Любовь мое всё сердце заняла,
И что ж, взгляни на бледной цвет чела.

На нем ты видишь след страстей уснувших,
Так рано обуявших жизнь мою;
Не льстит мне вспоминанье дней минувших,
Я одинок над пропастью стою,
Где всё мое подавлено судьбою;
Так куст растет над бездною морскою
И лист, грозой оборванный, плывет
По произволу странствующих вод.

<1830–1831 ?>

184. ИЗ АНДРЕЯ ШЕНЬЕ

За дело общее, быть может, я паду
Иль жизнь в изгнании бесплодно проведу;
Быть может, клеветой лукавой пораженный,
Пред миром и тобой врагами униженный,

Я не снесу стыдом сплетаемый венец
И сам себе сыщу безвременный конец;
Но ты не обвиняй страдальца молодого,
Молю, не говори насмешливого слова.
Ужасной жребий мой твоих достоин слез,
Я много сделал зла, но больше перенес.
Пускай виновен я пред гордыми врагами,
Пускай отмстят; в душе, клянуся небесами,
Я не злодей, о нет, судьба губитель мой;
Я грудью шел вперед, я жертвовал собой;
Наскучив суетой обманчивого света,
Торжественно не мог я не сдержать обета;
Хоть много причинил я обществу вреда,
Но верен был тебе всегда, мой друг, всегда;
В уединении, среди толпы мятежной,
Я всё тебя любил и всё любил так нежно.

<1830–1831 ?>

185. К ***

Не медли в дальной стороне,
Молю, мой друг, спеши сюда.
Ты взгляд мгновенный кинешь мне,
А там простимся навсегда.

И я, поймавши этот взор
И речь последнюю твою,
Хотя б она была укор,
Их вместе в сердце схороню.

И в день печали роковой
Твой взор, умеющий язвить,
Воображу перед собой
И стану речь твою твердить.

И вновь мечтанье сблизит нас,
И вспомню, вспомню я тогда,
Как встретились мы в первой раз
И как расстались навсегда.

<1830–1831 ?>

186. СОСЕД

Погаснул день на вышинах небесных,
Звезда вечерняя лиет свой тихой свет;
Чем занят бедный мой сосед?
Чрез садик небольшой, между ветвей древесных,
Могу заметить я, в его окне
Блестит огонь; его простая келья
Чужда забот и светского веселья,
И этим нравится он мне.
Прохожие об нем различно судят,
И все его готовы порицать,
Но их слова соседа не принудят
Лампаду ранее иль позже зажигать.
И только я увижу свет лампады,
Сажусь тотчас у своего окна,
И в этот миг таинственной отрады
Душа моя мятежная полна.
И мнится мне, что мы друг друга понимаем,
Что я и бедной мой сосед,
Под бременем одним страдая, увядаем,
Что мы знакомы с давных лет.

<1830–1831 ?>

187. СТАНСЫ

Не могу на родине томиться,
Прочь отсель, туда, в кровавый бой.
Там, быть может, перестанет биться
Это сердце, полное тобой.

Нет, я не прошу твоей любови,
Нет, не знай губительных страстей;
Видеть смерть мне надо, надо крови,
Чтоб залить огонь в груди моей.

Пусть паду, как ратник, в бранном поле.
Не оплакан светом буду я,
Никому не будет в тягость боле
Буря чувств моих и жизнь моя.

Юных лет святые обещанья
Прекратит судьба на месте том,
Где без дум, без вопля, без роптанья
Я усну давно желанным сном.

Так, но если я не позабуду
В этом сне любви печальной сон,
Если образ твой всегда повсюду
Я носить с собою осужден;

Если там, в пределах отдаленных,
Где душа должна блаженство пить,
Тяжких язв, на ней напечатленных,
Невозможно будет излечить;

О, взгляни приветно в час разлуки
На того, кто с гордою душой
Не боится ни людей, ни муки,
Кто умрет за честь страны родной;

Кто, бывало, в тайном упоенье,
На тебя вперив свой влажной взгляд,
Возбуждал людское сожаленье
И твоей улыбке был так рад.

<1830–1831 ?>

188. МОЙ ДЕМОН

1

Собранье зол его стихия;
Носясь меж темных облаков,
Он любит бури роковые,
И пену рек, и шум дубров;
Он любит пасмурные ночи,
Туманы, бледную луну,
Улыбки горькие и очи,
Безвестные слезам и сну.

2

К ничтожным хладным толкам света
Привык прислушиваться он,
Ему смешны слова привета
И всякой верящий смешон;
Он чужд любви и сожаленья,
Живет он пищею земной,
Глотает жадно дым сраженья
И пар от крови пролитой.

3

Родится ли страдалец новый,
Он беспокоит дух отца,
Он тут с насмешкою суровой
И с дикой важностью лица;
Когда же кто-нибудь нисходит
В могилу с трепетной душой,
Он час последний с ним проводит,
Но не утешен им больной.

4

И гордый демон не отстанет,
Пока живу я, от меня,
И ум мой озарять он станет
Лучом чудесного огня;
Покажет образ совершенства
И вдруг отнимет навсегда
И, дав предчувствия блаженства,
Не даст мне счастья никогда.

<1830–1831 ?>

189. РОМАНС

Хоть бегут по струнам моим звуки веселья,
   Они не от сердца бегут;
Но в сердце разбитом есть тайная келья,
   Где черные мысли живут.

Слеза по щеке огневая катится,
Она не из сердца идет.
Что в сердце, обманутом жизнью, хранится,
То в нем и умрет.

Не смейте искать в сей груди сожаленья,
Питомцы надежд золотых;
Когда я свои презираю мученья, —
Что мне до страданий чужих?

Умершей девицы очей охладевших
Не должен мой взор увидать;
Я б много припомнил минут пролетевших,
А я не люблю вспоминать!

Нам память являет ужасные тени,
Кровавый былого призрак,
Он вновь призывает к оставленной сени,
Как в бурю над морем маяк,

Когда ураган по волнам веселится,
Смеется над бедным челном,
И с криком пловец без надежд воротиться
Жалеет о крае родном.

<1830–1831>

190

Я не крушуся о былом
Оно меня не усладило
Мне нечего запомнить в нем
Чего б тоской не отравило.

Как настоящее оно
Страстями чудными облито
И вьюгой зла занесено
Как снегом крест в степи забытый.

Ответа на любовь мою
Напрасно жаждал я душою
И естли о любви пою
Она была одной мечтою

Как метеор в вечерней мгле
Она очам моим блестнула
И бывши всё мне на земле
Как всё земное обманула.

<1830; 1831 ?>

191

Возьми назад тот нежный взгляд,
Который сердце мне зажег
И нынче бы зажечь не мог, —
Вот для чего возьми назад,
    Возьми назад.
Слова любви возьми назад,
Другого ими успокой!
Я знаю, лгут они порой,
Хотя б не знать был очень рад!
    Возьми назад.

<1830–1831 ?>

192. КРЕСТ НА СКАЛЕ

В теснине Кавказа я знаю скалу,
Туда долететь лишь степному орлу,
Но крест деревянный чернеет над ней,
Гниет он и гнется от бурь и дождей.

И много уж лет протекло без следов
С тех пор, как он виден с далеких холмов.
И каждая кверху подъята рука,
Как будто он хочет схватить облака.

О если б взойти удалось мне туда,
Как я бы молился и плакал тогда;
И после я сбросил бы цепь бытия,
И с бурею братом назвался бы я!

<1830 –1833 ?>

193

Послушай! вспомни обо мне,
Когда, законом осужденный,
В чужой я буду стороне —
Изгнанник мрачный и презренный.

И будешь ты когда-нибудь
Один, в бессонный час полночи,
Сидеть с свечой... и тайно грудь
Вздохнет — и вдруг заплачут очи;

И молвишь ты: когда-то он,
Здесь, в это самое мгновенье,
Сидел, тоскою удручен,
И ждал судьбы своей решенье!

<1831>

194. ЗАВЕЩАНИЕ

(из Гёте)

1

Есть место: близ тропы глухой,
В лесу пустынном, средь поляны,
Где вьются вечером туманы,
Осеребренные луной...
Мой друг! ты знаешь ту поляну;
Там труп мой хладной ты зарой,
Когда дышать я перестану!

2

Могиле той не откажи
Ни в чем, последуя закону;
Поставь над нею крест из клену
И дикой камень положи;
Когда гроза тот лес встревожит,
Мой крест пришельца привлечет;
И доброй человек, быть может,
На диком камне отдохнет.

<1831>

195

Сижу я в комнате старинной
Один с товарищем моим,
Фонарь горит, и тенью длинной
Пол омрачен. Как легкий дым,
Туман окрестность одевает,
И хладный ветер по листам
Высоких лип перебегает.
Я у окна. Опасно нам
Заснуть. — А как узнать? быть может,
Приход нежданный нас встревожит!
Готов мой верный пистолет,
В стволе свинец, на полке порох.
У двери слушаю… чу! — шорох
В развалинах… и крик! — но нет!
То мышь летучая промчалась!
То птица ночи испугалась!
На темной синеве небес
Луна меж тучками ныряет.
Спокоен я. Душа пылает
Отвагой: ни мертвец, ни бес,
Ничто меня не испугает.
Ничто… волшебный талисман
Я на груди ношу с тоскою;
Хоть не твоей любовью дан,
Он освящен *твоей* рукою!

<1831>

196. К***

Всевышний произнес свой приговор,
Его ничто не переменит;
Меж нами руку мести он простер
И беспристрастно всё оценит.
Он знает, и ему лишь можно знать,
Как нежно, пламенно любил я,
Как безответно всё, что мог отдать,
Тебе на жертву приносил я.
Во зло употребила ты права,
Приобретенные над мною,
И мне, польстив любовию сперва,
Ты изменила — бог с тобою!
О нет! я б не решился проклянуть!
Всё для меня в тебе святое:
Волшебные глаза и эта грудь,
Где бьется сердце молодое.
Я помню, сорвал я обманом раз
Цветок, хранивший яд страданья, —
С невинных уст твоих в прощальной час
Непринужденное лобзанье;
Я знал: то не любовь — и перенес;
Но отгадать не мог я тоже,
Что всех моих надежд и мук и слез
Веселый миг тебе дороже!
Будь счастлива несчастием моим,
И, услыхав, что я страдаю,
Ты не томись раскаяньем пустым.
Прости! — вот всё, что я желаю...
Чем заслужил я, чтоб твоих очей
Затмился свежий блеск слезами?
Ко смеху приучать себя нужней:
Ведь жизнь смеется же над нами!

<1831>

197. ЖЕЛАНИЕ

Зачем я не птица, не ворон степной,
   Пролетевший сейчас надо мной?
Зачем не могу в небесах я парить
   И одну лишь свободу любить?

На запад, на запад помчался бы я,
   Где цветут моих предков поля,
Где в замке пустом, на туманных горах,
   Их забвенной покоится прах.

На древней стене их наследственной щит
   И заржавленной меч их висит.
Я стал бы летать над мечом и щитом
   И смахнул бы я пыль с них крылом;

И арфы шотландской струну бы задел,
   И по сводам бы звук полетел;
Внимаем одним, и одним пробужден,
   Как раздался, так смолкнул бы он.

Но тщетны мечты, бесполезны мольбы
   Против строгих законов судьбы.
Меж мной и холмами отчизны моей
   Расстилаются волны морей.

Последний потомок отважных бойцов
   Увядает средь чуждых снегов;
Я здесь был рожден, но нездешний душой...
   О! зачем я не ворон степной?..

<1831>

198. К ДЕВЕ НЕБЕСНОЙ

Когда бы встретил я в раю
   На третьем небе образ твой,
Он душу бы пленил мою
   Своей небесной красотой;

И я б в тот миг (не утаю)
Забыл о радости земной.

Спокоен твой лазурный взор,
Как вспоминание об нем;
Как дальной отзыв дальных гор,
Твой голос нравится во всем;
И твой привет, и твой укор,
Всё полно, дышит божеством.

Не для земли ты создана,
И я могу ль тебя любить?
Другая женщина должна
Надежды юноши манить;
Ты превосходней, чем она,
Но так мила не можешь быть!

<1831>

199. С<В.> ЕЛЕНА

Почтим приветом остров одинокой,
Где часто, в думу погружен,
На берегу о Франции далекой
Воспоминал Наполеон!
Сын моря, средь морей твоя могила!
Вот мщение за муки стольких дней!
Порочная страна не заслужила,
Чтобы великой жизнь окончил в ней.

*

Изгнанник мрачной, жертва вероломства
И рока прихоти слепой,
Погиб как жил — без предков и потомства —
Хоть побежденный, но герой!
Родился он игрой судьбы случайной
И пролетел, как буря, мимо нас;
Он миру чужд был. Всё в нем было тайной,
День возвышенья — и паденья час!

<1831>

200. К ДРУГУ В. Ш.

«До лучших дней!» — перед прощаньем,
Пожав мне руку, ты сказал;
И долго эти дни я ждал,
Но был обманут ожиданьем!..

Мой милой! не придут они,
В грядущем счастия так мало!..
Я помню радостные дни,
Но всё, что помню, то пропало.

Былое бесполезно нам.
Таков маяк, порой ночною
Над бурной бездною морскою
Манящий к верным берегам,

Когда на лодке, одинокой,
Несется трепетный пловец
И видит — берег недалекой
И ближе видит свой конец.

Нет! обольстить мечтой напрасной
Больное сердце мудрено;
Едва нисходит сон прекрасной,
Уж просыпается оно!

<1831>

201

Блистая пробегают облака
По голубому небу. Холм крутой
Осенним солнцем озарен. Река
Бежит внизу по камням с быстротой.
И на холме пришелец молодой,
Завернут в плащ, недвижимо сидит
Под старою березой. Он молчит,
Но грудь его подъемлется порой;
Но бледной лик меняет часто цвет;
Чего он ищет здесь?— спокойствия?— о нет!

Он смотрит вдаль: тут лес пестреет, там
Поля и степи, там встречает взгляд
Опять дубраву или по кустам
Рассеянные сосны. Мир, как сад,
Цветет, надев могильной свой наряд:
Поблекнувшие листья; жалок мир!
В нем каждой средь толпы забыт и сир;
И люди все к ничтожеству спешат, —
Но, хоть природа презирает их,
Любимцы есть у ней, как у царей других.

И тот, на ком лежит ее печать,
Пускай не ропщет на судьбу свою,
Чтобы никто, никто не смел сказать,
Что у груди своей она змею
Согрела. — «О! когда б одно „люблю“
Из уст прекрасной мог подслушать я,
Тогда бы люди, даже жизнь моя
В однообразном северном краю,
Всё б в новой блеск оделось!» — так мечтал
Беспечной... но просить он неба не желал!

<1831>

202. АТАМАН

1

Горе тебе, город Казань,
Едет толпа удальцов
Сбирать невольную дань
С твоих беззаботных купцов.
   Вдоль по Волге широкой
      На лодке плывут;
   И веслами дружными плещут,
      И песни поют.

2

Горе тебе, русская земля,
Атаман между ними сидит;

Хоть его удалая семья,
Как волны, шумна, — он молчит;
   И краса молодая,
      Как саван, бледна
   Перед ним стоит на коленах.
      И молвит она:

3

«Горе мне, бедной девице!
Чем виновна я пред тобой?
Ты поверил злой клеветнице;
Любим мною не был другой.
   Мне жребий неволи
      Судьбинушкой дан;
   Не губи, не губи мою душу,
      Лихой атаман».

4

— Горе девице лукавой, —
Атаман ей нахмурясь в ответ, —
   У меня оправдается правой,
Но пощады виновному нет;
   От глаз моих трудно
      Проступок укрыть,
   Всё знаю!.. и вновь не могу я,
      Девица, любить!..

5

Но лекарство чудесное есть
У меня для сердечных ран…
Прости же! — лекарство то: месть!
На что же я здесь атаман?
   И заплачу ль, как плачет
      Любовник другой?..
   И смягчишь ли меня ты, девица,
      Своею слезой?

6

Горе тебе, гроза-атаман,
Ты свой произнес приговор.
Средь пожаров ограбленных стран
Ты забудешь ли пламенный взор!..
   Остался ль ты хладен
      И тверд, как в бою,
   Когда бросили в пенные волны
      Красотку твою?

7

Горе тебе, удалой!
Как совесть совсем удалить?
Отныне он чистой водой
Боится руки умыть.
   Умывать он их любит
      С дружиной своей
   Слезами вдовиц беззащитных
      И кровью детей!

<1831>

203. ИСПОВЕДЬ

Я верю, обещаю верить,
Хоть сам того не испытал,
Что мог монах не лицемерить
И жить, как клятвой обещал;
Что поцелуи и улыбки
Людей коварны не всегда,
Что ближних малые ошибки
Они прощают иногда,
Что время лечит от страданья,
Что мир для счастья сотворен,
Что добродетель не названье
И жизнь поболее, чем сон!..

Но вере теплой опыт хладный
Противуречит каждой миг,
И ум, как прежде безотрадный,
Желанной цели не достиг;
И сердце, полно сожалений,
Хранит в себе глубокий след
Умерших, но святых видений,
И тени чувств, каких уж нет;
Его ничто не испугает,
И то, что было б яд другим,
Его живит, его питает
Огнем язвительным своим.

<1831>

204. НАДЕЖДА

Есть птичка рая у меня,
На кипарисе молодом
Она сидит во время дня,
Но петь никак не станет днем;
Лазурь небес — ее спина,
Головка — пурпур, на крылах
Пыль золотистая видна,
Как отблеск утра в облаках.
И только что земля уснет,
Одета мглой в ночной тиши,
Она на ветке уж поет
Так сладко, сладко для души,
Что поневоле тягость мук
Забудешь, внемля песни той,
И сердцу каждый тихой звук
Как гость приятен дорогой;
И часто в бурю я слыхал
Тот звук, который так люблю;
И я всегда надеждой звал
Певицу мирную мою!

<1831>

205. ВИДЕНИЕ

Я видел юношу: он был верхом
На серой, борзой лошади — и мчался
Вдоль берега крутого Клязьмы. Вечер
Погас уж на багряном небосклоне,
И месяц в облаках блистал и в волнах;
Но юной всадник не боялся, видно,
Ни ночи, ни росы холодной; жарко
Пылали смуглые его ланиты,
И черной взор искал чего-то всё
В туманном отдаленье — тёмно, смутно
Являлося минувшее ему —
Призрак остерегающий, который
Пугает сердце страшным предсказаньем,
Но верил он — одной своей любви.
Он мчится. Звучный топот по полям
Разносит ветер; вот идет прохожий;
Он путника остановил, и этот
Ему дорогу молча указал
И скрылся, удаляяся в дубраве.
И всадник примечает огонек,
Трепещущий на берегу противном,
И различил окно и дом, но мост
Изломан… и несется быстро Клязьма.
Как воротиться, не прижав к устам
Пленительную руку, не слыхав
Волшебной голос тот, хотя б укор
Произнесли ее уста? о! нет! —
Он вздрогнул, натянул бразды, толкнул
Коня — и шумные плеснули воды
И с пеною раздвинулись они;
Плывет могучий конь — и ближе — ближе…
И вот уж он на берегу другом
И на гору летит. — И на крыльцо
Соскакивает юноша — и входит
В старинные покои… нет ее!
Он проникает в длинной коридор,
Трепещет… нет нигде… ее сестра
Идет к нему навстречу. — О! когда б

Я мог изобразить его страданье!
Как мрамор бледный и безгласный, он
Стоял... Века ужасных мук равны
Такой минуте. — Долго он стоял,
Вдруг стон тяжелой вырвался из груди,
Как будто сердца лучшая струна
Оборвалась... Он вышел мрачно, твердо,
Прыгнул в седло и поскакал стремглав,
Как будто бы гналося вслед за ним
Раскаянье... И долго он скакал,
До самого рассвета, без дороги,
Без всяких опасений — наконец
Он был терпеть не в силах... и заплакал:
Есть вредная роса, которой капли
На листьях оставляют пятна, — так
Отчаянья свинцовая слеза,
Из сердца вырвавшись насильно, может
Скатиться, — но очей не освежит!
К чему мне приписать виденье это?
Ужели сон так близок может быть
К существенности хладной? нет!
Не может сон оставить след в душе,
И как ни силится воображенье,
Его орудья пытки ничего
Против того, что есть и что имеет
Влияние на сердце и судьбу.

*

Мой сон переменился невзначай:
Я видел комнату; в окно светил
Весенний, теплый день; и у окна
Сидела дева, нежная лицом,
С очами, полными душой и жизнью;
И рядом с ней сидел в молчанье мне
Знакомый юноша; и оба, оба
Старалися довольными казаться,
Однако же на их устах улыбка,
Едва родившись, томно умирала;
И юноша спокойней, мнилось, был,

Затем что лучше он умел таить
И побеждать страданье. Взоры девы
Блуждали по листам открытой книги,
Но буквы все сливалися под ними...
И сердце сильно билось — без причины, —
И юноша смотрел не на нее,
Хотя об ней лишь мыслил он в разлуке,
Хотя лишь ею дорожил он больше
Своей непобедимой гордой чести;
На голубое небо он смотрел,
Следил сребристых облаков отрывки,
И, с сжатою душой, не смел вздохнуть,
Не смел пошевелиться, чтобы этим
Не прекратить молчанья; так боялся
Он услыхать ответ холодный или
Не получить ответа на моленья.
Безумный! ты не знал, что был любим,
И ты о том проведал лишь тогда,
Как потерял ее любовь навеки;
И удалось привлечь другому лестью
Все, все желанья девы легковерной!

<1831>

206. ЧАША ЖИЗНИ

1

Мы пьем из чаши бытия
   С закрытыми очами,
Златые омочив края
   Своими же слезами;

2

Когда же перед смертью с глаз
   Завязка упадает,
И всё, что обольщало нас,
   С завязкой исчезает;

3

Тогда мы видим, что пуста
   Была златая чаша,
Что в ней напиток был — мечта
   И что она — не наша!

<1831>

207. К Л.—

(Подражание Байрону)

1

У ног других не забывал
   Я взор твоих очей;
Любя других, я лишь страдал
   Любовью прежних дней;
Так память, демон-властелин,
   Всё будит старину,
И я твержу один, один:
   Люблю, люблю одну!

2

Принадлежишь другому ты,
   Забыт певец тобой;
С тех пор влекут меня мечты
   Прочь от земли родной;
Корабль умчит меня от ней
   В безвестную страну,
И повторит волна морей:
   Люблю, люблю одну!

3

И не узнает шумный свет,
   Кто нежно так любим,
Как я страдал и сколько лет
   Я памятью томим;

И где бы я ни стал искать
  Былую тишину,
Всё сердце будет мне шептать:
  Люблю, люблю одну!

<1831 ?>

208. К Н. И. . . . . .

Я не достоин, может быть,
Твоей любви: не мне судить;
Но ты обманом наградила
Мои надежды и мечты,
И я всегда скажу, что ты
Несправедливо поступила.
Ты не коварна, как змея,
Лишь часто новым впечатленьям
Душа вверяется твоя.
Она увлечена мгновеньем;
Ей милы многие, вполне
Еще никто; но это мне
Служить не может утешеньем.
В те дни, когда, любим тобой,
Я мог доволен быть судьбой,
Прощальной поцелуй однажды
Я сорвал с нежных уст твоих;
Но в зной, среди степей сухих,
Не утоляет капля жажды.
Дай бог, чтоб ты нашла опять,
Что не боялась потерять;
Но... женщина забыть не может
Того, кто так любил, как я;
И в час блаженнейший тебя
Воспоминание встревожит!
Тебя раскаянье кольнет,
Когда с насмешкой проклянет
Ничтожный мир мое названье!
И побоишься защитить,
Чтобы в преступном состраданье
Вновь обвиняемой не быть!

<1831>

209. А. Д. З. . . . .

О ты, которого клеврет твой верный Павел
В искусстве ёрников в младенчестве наставил;
О ты, к которому день всякий Валерьян
На ваньке приезжал ярыгой, глуп и пьян;
Которому служил лакеем из лакеев
Шут, алырь, женолаз, великий Теличеев,
Приветствую тебя и твой триумвират:
И кто сказать бы смел, что чёрт тебе не брат?

<1831>

210. ВОЛЯ

Моя мать — злая кручина,
Отцом же была мне — судьбина;
Мои братья, хоть люди,
Не хотят к моей груди
Прижаться;
Им стыдно со мною,
С бедным сиротою,
Обняться.

Но мне богом дана
Молодая жена,
Воля-волюшка,
Вольность милая,
Несравненная;
С ней нашлись другие у меня
Мать, отец и семья;
А моя мать — степь широкая,
А мой отец — небо далекое;
Они меня воспитали,
Кормили, поили, ласкали;
Мои братья в лесах —
Березы да сосны.
Несусь ли я на коне, —
Степь отвечает мне!
Брожу ли поздней порой, —
Небо светит мне луной!

Мои братья в летний день,
Призывая под тень,
Машут издали руками,
Кивают мне головами;
И вольность мне гнездо свила,
Как мир — необъятное!

<1831>

211. СЕНТЯБРЯ 28

Опять, опять я видел взор твой милой,
   Я говорил с тобой,
И мне былое, взятое могилой,
   Напомнил голос твой;
К чему? — другой лобзает эти очи
   И руку жмет твою;
Другому голос твой во мраке ночи
   Твердит: люблю! люблю!

Откройся мне: ужели непритворны
   Лобзания твои?
Они правам супружества покорны,
   Но не правам любви;
Он для тебя не создан; ты родилась
   Для пламенных страстей.
Отдав ему себя, ты не спросилась
   У совести своей.

Он чувствовал ли трепет потаенный
   В присутствии твоем;
Умел ли презирать он мир презренный,
   Чтоб мыслить об одном;
Встречал ли он с молчаньем и слезами
   Привет холодный твой,
И лучшими ль он жертвовал годами
   Мгновениям с тобой?

Нет! я уверен, твоего блаженства
   Не может сделать тот,

Кто красоты наружной совершенства
   Одни в тебе найдет.
Так! ты его не любишь… тайной властью
   Прикована ты вновь
К душе печальной, незнакомой счастью,
   Но нежной, как любовь.

<1831>

212

Не верь хвалам иувереньям,
Неправдой истину зови,
Зови надежду сновиденьем…
Но верь, о, верь моей любви.

Такой любви нельзя не верить,
А взор не скроет ничего:
Ты не способна лицемерить,
Ты слишком ангел для того.

<1831>

213

Прекрасны вы, поля земли родной,
Еще прекрасней ваши непогоды;
Зима сходна в ней с первою зимой,
Как с первыми людьми ее народы!..
Туман здесь одевает неба своды!
И степь раскинулась лиловой пеленой,
И так она свежа, и так родня с душой,
Как будто создана лишь для свободы…

Но эта степь любви моей чужда;
Но этот снег, летучий, серебристой
И для страны порочной — слишком чистой,
Не веселит мне сердца никогда.
Его одеждой хладной, неизменной
Сокрыта от очей могильная гряда
И позабытый прах, но мне, но мне бесценный.

<1831>

214

Метель шумит и снег валит,
Но сквозь шум ветра дальний звон
Порой, прорвавшися, гудит;
То отголосок похорон.

То звук могилы над землей,
Умершим весть, живым укор,
Цветок поблекший гробовой,
Который не пленяет взор.

Пугает сердце этот звук
И возвещает он для нас
Конец земных недолгих мук,
Но чаще новых первый час...

<1831>

215. ПЕСНЯ

Ликуйте, друзья, ставьте чаши вверх дном,
    Пейте!
На пиру этой жизни, как здесь на моем,
    Не робейте!
Как чаши, не бойтесь всё ставить вверх дном.
Что стоит уж вверх дном, то не может мешать
    Плутам!
Я советую детям своим повторять
    (Даже с прутом):
Что стоит уж вверх дном, то не может мешать.
Я люблю очень дно доставать на пирах
    В чаше!
И даже в других, больше нежных местах
    У Параши!
На дне лишь есть жемчуг в морских глубинах!

<1831>

216. НЕБО И ЗВЕЗДЫ

Чисто вечернее небо,
Ясны далекие звезды,
Ясны, как счастье ребенка;
О! для чего мне нельзя и подумать:
Звезды, вы ясны, как счастье мое!

Чем ты несчастлив? —
Скажут мне люди.
Тем я несчастлив,
Добрые люди, что звезды и небо —
Звезды и небо! — а я человек!..

Люди друг к другу
Зависть питают;
Я же, напротив,
Только завидую звездам прекрасным,
Только их место занять бы желал.

<1831>

217. СЧАСТЛИВЫЙ МИГ

Не робей, краса младая,
Хоть со мной наедине;
Стыд ненужный отгоняя,
Подойди — дай руку мне.
Не тепла твоя светлица,
Не мягка постель твоя,
Но к устам твоим, девица,
Я прильну — согреюсь я.

От нескромного невежды
Занавесь окно платком;
Ну, — скидай свои одежды,
Не упрямься, мы вдвоем;
На пирах за полной чашей,
Я клянусь, не расскажу
О взаимной страсти нашей;
Так скорее ж... я дрожу.

О! как полны, как прекрасны,
Груди жаркие твои,
Как румяны, сладострастны
Пред мгновением любви;
Вот и маленькая ножка,
Вот и круглый гибкой стан,
Под сорочкой лишь немножко
Прячешь ты свой талисман;

Перед тем чтобы лишиться
Непорочности своей,
Так невинна ты, что, мнится,
Я, любя тебя, — злодей.
Взор, склоненный на колена,
Будто молит пощадить;
Но ужасным, друг мой Лена,
Миг один не может быть.

Полон сладким ожиданьем
Я лишь взор питаю свой;
Ты сама, горя желаньем,
Призовешь меня рукой;
И тогда душа забудет
Всё, что в муку ей дано,
И от счастья нас разбудит
Истощение одно.

<1831>

218

1

Когда б в покорности незнанья
Нас жить создатель осудил,
Неисполнимые желанья
Он в нашу душу б не вложил,
Он не позволил бы стремиться
К тому, что не должно свершиться,
Он не позволил бы искать

В себе и в мире совершенства,
Когда б нам полного блаженства
Не должно вечно было знать.

2

Но чувство есть у нас святое,
Надежда, бог грядущих дней, —
Она в душе, где всё земное,
Живет наперекор страстей;
Она залог, что есть поныне
На небе иль в другой пустыне
Такое место, где любовь
Предстанет нам, как ангел нежной,
И где тоски ее мятежной
Душа узнать не может вновь.

<1831>

219. К КН. Л. Г-ОЙ

Когда ты холодно внимаешь
Рассказам горести чужой
И недоверчиво качаешь
Своей головкой молодой,
Когда блестящие наряды
Безумно радуют тебя
Иль от ребяческой досады
Душа волнуется твоя,
Когда я вижу, вижу ясно,
Что для тебя в семнадцать лет
Всё привлекательно, прекрасно,
Всё — даже люди, жизнь и свет,
Тогда, измучен вспоминаньем,
Я говорю душе своей:
Счастлив, кто мог земным желаньям
Отдать себя во цвете дней!
Но не завидуй: ты не будешь
Довольна этим, как она;
Своих надежд ты не забудешь,

Но для других не рождена;
Так! мысль великая хранилась
В тебе доныне, как зерно;
С тобою в мир она родилась:
Погибнуть ей не суждено!

<1831>

220

Кто видел Кремль в час утра золотой,
Когда лежит над городом туман,
Когда меж храмов с гордой простотой,
Как царь, белеет башня-великан?

<1831>

221

Я видел тень блаженства; но вполне,
Свободно от людей и от земли,
Не суждено им насладиться мне.
Быть может, манит только издали
Оно надежду; получив, — как знать? —
Быть может, я б его стал презирать;
И увидал бы, что ни слез, ни мук
Не стоит счастье, ложное, как звук.

Кто скажет мне, что звук ее речей
Не отголосок рая? что душа
Не смотрит из живых очей,
Когда на них смотрю я, чуть дыша?
Что для мученья моего она,
Как ангел казни, богом создана?
Нет! чистый ангел не виновен в том,
Что есть пятно тоски в уме моем;

И с каждым годом шире то пятно;
И скоро всё поглотит, и тогда

Узнаю я спокойствие, оно,
Наверно, много причинит вреда
Моим мечтам и пламень чувств убьет,
Зато без бурь напрасных приведет
К уничтоженью; — но до этих дней
Я волен — даже — если раб страстей!

Печалью вдохновенный, я пою
О ней одной — и всё, что чуждо ей,
То чуждо мне; я родину люблю
И больше многих: средь ее полей
Есть место, где я горесть начал знать;
Есть место, где я буду отдыхать,
Когда мой прах, смешавшися с землей,
Навеки прежний вид оставит свой.

О мой отец! где ты? где мне найти
Твой гордый дух, бродящий в небесах;
В твой мир ведут столь разные пути,
Что избирать мешает тайной страх.
Есть рай небесный! звезды говорят;
Но где же? вот вопрос — и в нем-то яд;
Он сделал то, что в женском сердце я
Хотел сыскать отраду бытия.

<1831>

222. К ***

О, не скрывай! ты плакала об нем —
И я его люблю; он заслужил
Твою слезу, и если б был врагом
Моим, то я б с тех пор его любил.

И я бы мог быть счастлив; но зачем
Искать условий счастия в былом!
Нет! я доволен должен быть и тем,
Что зрел, как ты жалела о другом!

<1831>

223. К***

Ты слишком для невинности мила,
И слишком ты любезна, чтоб любить!
Полмиру дать ты счастие б могла,
Но счастливой самой тебе не быть;
Блаженство нам не посылает рок
Вдвойне. — Видала ль быстрой ты поток?
Брега его цветут, тогда как дно
Всегда глубоко, хладно и темно!

<1831>

224

Кто в утро зимнее, когда валит
Пушистой снег и красная заря
На степь седую с трепетом глядит,
Внимал колоколам монастыря?
В борьбе с порывным ветром этот звон
Далеко им по небу унесен, —
И путникам он нравился не раз,
Как весть кончины иль бессмертья глас.

И этот звон люблю я! — он цветок
Могильного кургана, мавзолей,
Который не изменится; ни рок,
Ни мелкие несчастия людей
Его не заглушат; всегда один,
Высокой башни мрачной властелин,
Он возвещает миру всё, но сам —
Сам чужд всему, земле и небесам.

<1831>

225. АНГЕЛ

По небу полуночи ангел летел
   И тихую песню он пел;
И месяц, и звезды, и тучи толпой
   Внимали той песне святой.

Он пел о блаженстве безгрешных духов
   Под кущами райских садов;
О Боге великом он пел, и хвала
   Его непритворна была.

Он душу младую в объятиях нес
   Для мира печали и слез,
И звук его песни в душе молодой
   Остался — без слов, но живой.

И долго на свете томилась она,
   Желанием чудным полна;
И звуков небес заменить не могли
   Ей скучные песни земли.

<1831>

226. СТАНСЫ

1

Я не могу ни произнесть,
Ни написать твое названье:
Для сердца тайное страданье
В его знакомых звуках есть;
Суди ж, как тяжко это слово
Мне услыхать в устах другого.

2

Какое право им дано
Шутить святынею моею?
Когда коснуться я не смею,
Ужели им позволено?
Как я, ужель они искали
Свой рай в тебе одной? — едва ли!

3

Ни перед кем я не склонял
Еще послушного колена;

То гордости была б измена:
А ей лишь робкий изменял;
И не поникну я главою,
Хотя б то было пред судьбою!

4

Но если ты перед людьми
Прикажешь мне унизить душу,
Я клятвы юности нарушу,
Все клятвы, кроме клятв любви.
Пускай им скажут, дорогая,
Что это сделал для тебя я!

5

Улыбку я твою видал,
Она мне сердце восхищала,
И ей, так думал я сначала,
Подобной нет — но я не знал.
Что очи, полные слезами,
Равны красою с небесами.

6

Я видел их! и был вполне
Счастлив — пока слеза катилась;
В ней искра божества хранилась,
Она принадлежала мне;
Так! всё прекрасное, святое,
В тебе — мне больше чем родное.

7

Когда б миры у наших ног
Благословляли нашу волю,
Я эту царственную долю
Назвать бы счастием не мог,
Ему страшны молвы сужденья,
Оно цветок уединенья.

8

Ты помнишь вечер и луну,
Когда в беседке одинокой
Сидел я с думою глубокой,
Взирая на тебя одну...
Как мне мила тех дней беспечность!
За вечер тот я б не взял вечность.

9

Так за ничтожный талисман,
От гроба Магомета взятой,
Факиру дайте жемчуг, злато
И все богатства чуждых стран —
Закону строгому послушной,
Он их отвергнет равнодушно!

<1831>

227

Ужасная судьба отца и сына
Жить розно и в разлуке умереть,
И жребий чуждого изгнанника иметь
На родине с названьем гражданина!
Но ты свершил свой подвиг, мой отец,
Постигнут ты желанною кончиной;
Дай бог, чтобы, как твой, спокоен был конец
Того, кто был всех мук твоих причиной!
Но ты простишь мне! я ль виновен в том,
Что люди угасить в душе моей хотели
Огонь божественный, от самой колыбели
Горевший в ней, оправданный Творцом?
Однако ж тщетны были их желанья:
Мы не нашли вражды один в другом,
Хоть оба стали жертвою страданья!
Не мне судить, виновен ты иль нет, —
Ты светом осужден. Но что такое свет?
Толпа людей, то злых, то благосклонных,

Собрание похвал незаслуженных
И стольких же насмешливых клевет.
Далеко от него, дух ада или рая,
Ты о земле забыл, как был забыт землей;
Ты счастливей меня; перед тобой
Как море жизни — вечность роковая
Неизмеримою открылась глубиной.
Ужели вовсе ты не сожалеешь ныне
О днях, потерянных в тревоге и слезах?
О сумрачных, но вместе милых днях,
Когда в душе искал ты, как в пустыне,
Остатки прежних чувств и прежние мечты?
Ужель теперь совсем меня не любишь ты?
О если так, то небо не сравняю
Я с этою землей, где жизнь влачу мою;
Пускай на ней блаженства я не знаю,
По крайней мере я люблю!

<1831>

228

Пусть я кого-нибудь люблю:
Любовь не красит жизнь мою.
Она, как чумное пятно
На сердце, жжет, хотя темно;
Враждебной силою гоним,
Я тем живу, что смерть другим:
Живу — как неба властелин —
В прекрасном мире — но один.

<1831>

229. К ДРУГУ

Забудь опять
Свои надежды;
Об них вздыхать —
Судьба невежды;
Она дитя:
Не верь на слово;

Она шутя
Полюбит снова;
Всё, что блестит,
Ее пленяет;
Всё, что грустит,
Ее пугает;
Так облачко
По небу мчится
Светло, легко;
Оно глядится
В волнах морских
Поочередно;
Но чужд для них
Прошлец свободной;
Он образ свой
Во всех встречает,
Хоть их порой
Не замечает.

<1831>

230

Пора уснуть последним сном,
Довольно в мире пожил я;
Обманут жизнью был во всем,
И ненавидя и любя.

<1831>

231. ИЗ ПАТКУЛЯ

Напрасна врагов ядовитая злоба,
Рассудят нас бог и преданья людей;
Хоть розны судьбою, мы боремся оба
За счастье и славу отчизны своей.
Пускай я погибну… близ сумрака гроба
Не ведая страха, не зная цепей.
Мой дух возлетает всё выше и выше
И вьется, как дым над железною крышей!

<1831 ?>

232. <Н. Н. АРСЕНЬЕВУ>

Дай Бог, чтоб ты не соблазнялся
Приманкой сладкой бытия,
Чтоб дух твой в небо не умчался,
Чтоб не иссякла плоть твоя;
Пусть покровительство судьбины
Повсюду будет над тобой,
Чтоб ум твой не вскружили вины
И взор красавицы младой;
Ланиты и вино нередко
Фальшивой краскою блестят;
Вино поддельное, кокетка —
Для головы и сердца яд!

<1831 ?>

233

Я не для ангелов и рая
Всесильным богом сотворен;
Но для чего живу страдая,
Про это больше знает он.

Как демон мой, я зла избранник,
Как демон, с гордою душой,
Я меж людей беспечный странник,
Для мира и небес чужой;

Прочти, мою с его судьбою
Воспоминанием сравни
И верь безжалостной душою,
Что мы на свете с ним одни.

<1831>

234. ПОРТРЕТ

Взгляни на этот лик; искусством он
Небрежно на холсте изображен,
Как отголосок мысли неземной,
Не вовсе мертвый, не совсем живой;
Холодный взор не видит, но глядит
И всякого, не нравясь, удивит;
В устах нет слов, но быть они должны!
Для слов уста такие рождены;
Смотри: лицо как будто отошло
От полотна, — и бледное чело
Лишь потому не страшно для очей,
Что нам известно: не гроза страстей
Ему дала болезненный тот цвет,
И что в груди сей чувств и сердца нет.
О боже, сколько я видал людей,
Ничтожных — пред картиною моей,
Душа которых менее жила,
Чем обещает вид сего чела.

<1831>

235

Настанет день — и миром осужденный,
  Чужой в родном краю,
На месте казни — гордый, хоть презренный —
  Я кончу жизнь мою;
Виновный пред людьми, не пред тобою,
  Я твердо жду тот час;
Что смерть? — лишь ты не изменись душою —
  Смерть не разрознит нас.
Иная есть страна, где предрассудки
  Любви не охладят,
Где не отнимет счастия из шутки,
  Как здесь, у брата брат.
Когда же весть кровавая примчится
  О гибели моей

И как победе станут веселиться
   Толпы других людей;
Тогда... молю! — единою слезою
   Почти холодный прах
Того, кто часто с скрытною тоскою
   Искал в твоих очах
Блаженства юных лет и сожаленья;
   Кто пред тобой открыл
Таинственную душу и мученья,
   Которых жертвой был.
Но если, если над моим позором
   Смеяться станешь ты
И возмутишь неправедным укором
   И речью клеветы
Обиженную тень, — не жди пощады;
   Как червь, к душе твоей
Я прилеплюсь, и каждый миг отрады
   Несносен будет ей,
И будешь помнить прежнюю беспечность,
   Не зная воскресить,
И будет жизнь тебе долга, как вечность,
   А всё не будешь жить.

<1831>

236. К Д.

Будь со мною, как прежде бывала;
   О, скажи мне хоть слово одно,
Чтоб душа в этом слове сыскала,
   Что хотелось ей слышать давно;

Если искра надежды хранится
   В моем сердце — она оживет;
Если может слеза появиться
   В очах — то она упадет.

Есть слова — объяснить не могу я,
   Отчего у них власть надо мной;

Их услышав, опять оживу я,
   Но от них не воскреснет другой;

О, поверь мне, холодное слово
   Уста оскверняет твои,
Как листки у цветка молодого
   Ядовитое жало змеи!

<1831>

237. ПЕСНЯ

Желтый лист о стебель бьется
      Перед бурей;
Сердце бедное трепещет
      Пред несчастьем.

Что за важность, если ветер
Мой листок одинокой
Унесет далеко, далеко;
   Пожалеет ли об нем
      Ветка сирая;

Зачем грустить мóлодцу,
Если рок судил ему
Угаснуть в краю чужом?
   Пожалеет ли об нем
      Красна девица?

<1831>

238. К НЭЕРЕ

Скажи, для чего перед нами
   Ты в кудри вплетаешь цветы?
Себя ли украсишь ты розой,
   Прелестной, минутной, как ты?
Зачем приводить нам на память,
   Что могут ланиты твои

Увянуть; что взор твой забудет
   Восторги надежд и любви?
Дивлюсь я тебе: равнодушно,
   Беспечно ты смотришь вперед;
Смеешься над временем, будто
   Нэеру оно обойдет.
Ужель ты безумным весельем
   Прогнать только хочешь порой
Грядущего тени? ужели
   Чужда ты веселью душой?
Пять лет протекут: ни лобзаньем,
   Ни сладкой улыбкою глаз
К себе на душистое ложе
   Опять не заманишь ты нас.
О, лучше умри поскорее,
   Чтоб юный красавец сказал:
«Кто был этой девы милее?
   Кто раньше ее умирал?»

<1831>

239. ОТРЫВОК

Три ночи я провел без сна — в тоске,
В молитве, на коленах — степь и небо
Мне были храмом, алтарем курган;
И если б кости, скрытые под ним,
Пробуждены могли быть человеком,
То обожженные моей слезой,
Проникнувшей сквозь землю, мертвецы
Вскочили б, загремев одеждой бранной!
О боже! как? — одна, одна слеза
Была плодом ужасных трех ночей?
Нет, эта адская слеза, конечно,
Последняя, не то три ночи б я
Ее не дожидался. Кровь собратий,
Кровь стариков, растоптанных детей
Отяготела на душе моей,
И приступила к сердцу, и насильно

Заставила его расторгнуть узы
Свои, и в мщенье обратила всё,
Что в нем похоже было на любовь;
Свой замысел пускай я не свершу,
Но он велик — и этого довольно;
Мой час настал — час славы, иль стыда;
Бессмертен, иль забыт я навсегда.

Я вопрошал природу, и она
Меня в свои объятья приняла,
В лесу холодном в грозный час метели
Я сладость пил с ее волшебных уст,
Но для моих желаний мир был пуст,
Они себе предмета в нем не зрели;
На звезды устремлял я часто взор
И на луну, небес ночных убор,
Но чувствовал, что не для них родился;
Я небо не любил, хотя дивился
Пространству без начала и конца,
Завидуя судьбе его творца;
Но, потеряв отчизну и свободу,
Я вдруг нашел себя, в себе одном
Нашел спасенье целому народу;
И утонул деятельным умом
В единой мысли, может быть напрасной
И бесполезной для страны родной,
Но, как надежда, чистой и прекрасной,
Как вольность, сильной и святой.

<1831>

240. БАЛЛАДА

В избушке позднею порою
Славянка юная сидит.
Вдали багровой полосою
На небе зарево горит...
И люльку детскую качая,
Поет славянка молодая...

«Не плачь, не плачь! иль сердцем чуешь,
Дитя, ты близкую беду!..
О, полно, рано ты тоскуешь:
Я от тебя не отойду.
Скорее мужа я утрачу.
Дитя, не плачь! и я заплачу!

Отец твой стал за честь и Бога
В ряду бойцов против татар,
Кровавый след ему дорога,
Его булат блестит, как жар.
Взгляни, там зарево краснеет:
То битва семя смерти сеет.

Как рада я, что ты не в силах
Понять опасности своей,
Не плачут дети на могилах;
Им чужд и стыд и страх цепей;
Их жребий зависти достоин...»
Вдруг шум, — и в двери входит воин.

Брада в крови, избиты латы.
«Свершилось! — восклицает он, —
Свершилось! торжествуй, проклятый!..
Наш милый край порабощен,
Татар мечи не удержали —
Орда взяла, и наши пали».

И он упал — и умирает
Кровавой смертию бойца.
Жена ребенка поднимает
Над бледной головой отца:
«Смотри, как умирают люди,
И мстить учись у женской груди!..»

<1831>

241. СИЛУЭТ

Есть у меня твой силуэт,
Мне мил его печальный цвет;
Висит он на груди моей
И мрачен он, как сердце в ней.

В глазах нет жизни и огня,
Зато он вечно близ меня;
Он тень твоя, но я люблю,
Как тень блаженства, тень твою.

<1831>

242

Как дух отчаянья и зла,
Мою ты душу обняла;
О! для чего тебе нельзя
Ее совсем взять у меня?

Моя душа твой вечной храм;
Как божество, твой образ там;
Не от небес, лишь от него
Я жду спасенья своего.

<1831>

243

Я не люблю тебя; страстей
И мук умчался прежний сон;
Но образ твой в душе моей
Всё жив, хотя бессилен он;

Другим предавшися мечтам,
Я всё забыть его не мог;
Так храм оставленный — всё храм,
Кумир поверженный — всё бог!

<1831>

244–260. <НОВОГОДНИЕ МАДРИГАЛЫ И ЭПИГРАММЫ>

1. Н. Ф. И.

Дай бог, чтоб вечно вы не знали,
Что значат толки дураков,
И чтоб вам не было печали
От шпор, мундира и усов;
Дай бог, чтоб вас не огорчали
Соперниц ложные красы,
Чтобы у ног вы увидали
Мундир, и шпоры, и усы!

2. Бухариной

Не чудно ль, что зовут вас Вера?
Ужели можно верить вам?
Нет, я не дам своим друзьям
Такого страшного примера!..
Поверить стоит раз... но что ж?
Ведь сам раскаиваться будешь,
Закона веры не забудешь —
И старовером прослывешь!

3. Трубецкому

Нет! мир совсем пошел не так;
Обиняков не понимают;
Скажи не просто: ты дурак, —
За комплимент уж принимают!
Всё то, на чем ума печать,
Они привыкли ненавидеть!
Так стану ж умным называть,
Когда захочется обидеть!..

4. Г<осподину> Павлову

Как вас зовут? ужель поэтом?
Я вас прошу в последний раз,

Не называйтесь так пред светом.
Фигляром назовет он вас!

Пускай никто про вас не скажет:
Вот стихотворец, вот поэт:
Вас этот титул только свяжет,
С ним привилегий вовсе нет.

5. Алябьевой

Вам красота, чтобы блеснуть,
            Дана;
В глазах душа, чтоб обмануть,
            Видна!..
Но звал ли вас хоть кто-нибудь:
            Она?

6. Нарышкиной

Всем жалко вас: вы так устали!
Вы не хотели танцевать —
И целый вечер танцевали!
Как наконец не перестать?..
Но если б все ценить умели
Ваш ум, любезность ваших слов, —
Клянусь бессмертием богов —
Тогда б мазурки опустели.

7. Толстой

Не даром она, не даром
С отставным гусаром.

8. Бартеневой

Скажи мне: где переняла
Ты обольстительные звуки
И как соединить могла
Отзывы радости и муки?

Премудрой мыслию вникал
Я в песни ада, в песни рая,
Но что ж? — нигде я не слыхал
Того, что слышал от тебя я!

9. Мартыновой

Когда поспорить вам придется,
Не спорьте никогда о том,
Что невозможно быть с умом
Тому, кто в этом признается;
Кто с вами раз поговорил,
Тот с вами вечно спорить будет,
Что ум ваш вечно не забудет
И что другое всё забыл!

10. Додо

Умеешь ты сердца тревожить,
Толпу очей остановить,
Улыбкой гордой уничтожить,
Улыбкой нежной оживить;
Умеешь ты польстить случайно
С холодной важностью лица
И умника унизить тайно,
Взяв пылко сторону глупца!
Как в *Талисмане* стих небрежной,
Как над пучиною мятежной
Свободный парус челнока,
Ты беззаботна и легка.
Тебя не понял север хладной;
В наш круг ты брошена судьбой,
Как божество страны чужой,
Как в день печали миг отрадной!

11. Башилову

Вы старшина собранья верно,
Так я прошу вас объявить,
Могу ль я здесь нелицемерно
В глаза всем правду говорить?

Авось, авось займет нас делом
Иль хоть забавит новый год,
Когда один в собранье целом
Ему навстречу не солжет;
Итак, я вас не поздравляю;
Что год сей даст вам — знает бог.
Зато минувший, уверяю,
Отмстил за вас как только мог!

12. Кропоткиной

Я оклеветан перед вами;
Как оправдаться я могу?
Ужели клятвами, словами?
Но как же! — я сегодня лгу!..

13. Щербатовой

Поверю ль я, чтоб вы хотели
Покинуть общество Москвы,
Когда от самой колыбели
Ее кумиром были вы? —
Что даст вам скучной брег Невы:
Ужель там больше веселятся,
Ужели балов больше там?
Нет! как мудрец скажу я вам:
Гораздо лучше оставаться.

14. Булгакову

На вздор и шалости ты хват
   И мастер на безделки,
И, шутовской надев наряд,
   Ты был в своей тарелке;
За службу долгую и труд
   Авось на место класса
Тебе, мой друг, по смерть дадут
   Чин и мундир паяса.

15. Сабуровой

Как? вы поэта огорчили
И не наказаны потом?
Три года ровно вы шутили
Его любовью и умом?
Нет! вы не поняли поэта,
Его души печальный сон;
Вы небом созданы для света,
Но не для вас был создан он!..

16. Уваровой

Вы мне однажды говорили,
Что не привыкли в свете жить:
Не спорю в этом; — но не вы ли
Себя заставили любить?
Всё, что привычкою другие
Приобретают, — вы душой;
И что у них слова пустые,
То не обман у вас одной!

17

Вы не знавали князь Петра;
Танцует, пишет он порою,
От ног его и от пера
Московским дурам нет покою;
Ему устать бы уж пора,
Ногами — но не головою.

<1831>

261

Люблю я цепи синих гор,
Когда, как южной метеор,
Ярка без света и красна
Всплывает из-за них луна,
Царица лучших дум певца

И лучший перл того венца,
Которым свод небес порой
Гордится, будто царь земной.
На западе вечерний луч
Еще горит на ребрах туч
И уступить всё медлит он
Луне — угрюмой небосклон;
Но скоро гаснет луч зари...
Высоко месяц. Две иль три
Младые тучки окружат
Его сейчас... вот весь наряд,
Которым белое чело
Ему убрать позволено.
Кто не знавал таких ночей
В ущельях гор иль средь степей?
Однажды при такой луне
Я мчался на лихом коне
В пространстве голубых долин,
Как ветер, волен и один;
Туманный месяц и меня,
И гриву, и хребет коня
Сребристым блеском осыпал;
Я чувствовал, как конь дышал,
Как он, ударивши ногой,
Отбрасываем был землей;
И я в чудесном забытьи
Движенья сковывал свои,
И с ним себя желал я слить,
Чтоб этим бег наш ускорить;
И долго так мой конь летел...
И вкруг себя я поглядел:
Всё та же степь, всё та ж луна:
Свой взор ко мне склонив, она,
Казалось, упрекала в том,
Что человек с своим конем
Хотел владычество степей
В ту ночь оспоривать у ней!

<1832>

262. СОЛНЦЕ

Как солнце зимнее прекрасно,
Когда, бродя меж серых туч,
На белые снега напрасно
Оно кидает слабый луч!..

Так точно, дева молодая,
Твой образ предо мной блестит;
Но взор твой, счастье обещая,
Мою ли душу оживит?

<1832>

263

Я счастлив! — тайный яд течет в моей крови,
Жестокая болезнь мне смертью угрожает!..
Дай бог, чтоб так случилось!.. ни любви,
   Ни мук умерший уж не знает;
Шести досток жилец уединенный,
Не зная ничего, оставленный, забвенный,
   Ни славы зов, ни голос твой
Не возмутит надежный мой покой!..

<1832>

264. ПРОЩАНЬЕ

— Не уезжай, лезгинец молодой;
Зачем спешить на родину свою?
Твой конь устал, в горах туман сырой;
А здесь тебе и кровля и покой,
   И я тебя люблю!..

Ужели унесла заря одна
Воспоминанье райских двух ночей;
Нет у меня подарков: я бедна,
Но мне душа создателем дана,
   Подобная твоей.

В ненастный день заехал ты сюда;
Под мокрой буркой, с горестным лицом...
Ужели для меня сей день, когда
Так ярко солнце, хочешь навсегда
   Ты мрачным сделать днем?

Взгляни: вокруг синеют цепи гор,
Как великаны, грозною толпой;
Лучи зари с кустами — их убор:
Мы вольны и добры; — зачем твой взор
   Летит к стране другой?

Поверь, отчизна там, где любят нас;
Тебя не встретит средь родных долин,
Ты сам сказал, улыбка милых глаз:
Побудь еще со мной хоть день, хоть час.
   Послушай! час один!

— Нет у меня отчизны и друзей,
Кроме булатной шашки и коня;
Я счастлив был любовию твоей,
Но все-таки слезам твоих очей
   Не удержать меня.

Кровавой клятвой душу я свою
Отяготив, блуждаю много лет:
Покуда кровь врага я не пролью,
Уста не скажут никому: люблю.
   Прости: вот мой ответ.

<1832>

265

Она была прекрасна, как мечта
Ребенка под светилом южных стран;
Кто объяснит, что значит красота:
Грудь полная, иль стройной, гибкой стан,
Или большие очи? — но порой
Всё это не зовем мы красотой:

Уста без слов — любить никто не мог;
Взор без огня — без запаха цветок!

О небо, я клянусь, она была
Прекрасна!.. я горел, я трепетал,
Когда кудрей, сбегающих с чела,
Шелк золотой рукой своей встречал,
Я был готов упасть к ногам ее,
Отдать ей волю, жизнь, и рай, и всё,
Чтоб получить один, один лишь взгляд
Из тех, которых всё блаженство — яд!

<1832>

266

Время сердцу быть в покое
От волненья своего
С той минуты, как другое
Уж не бьется для него;
Но пускай оно трепещет —
То безумной страсти след:
Так всё бурно море плещет,
Хоть над ним уж бури нет!..

Неужли ты не видала
В час разлуки роковой,
Как слеза моя блистала,
Чтоб упасть перед тобой?
Ты отвергнула с презреньем
Жертву лучшую мою,
Ты боялась сожаленьем
Воскресить любовь свою.

Но сердечного недуга
Не могла ты утаить;
Слишком знаем мы друг друга,
Чтоб друг друга позабыть.
Так расселись под громами,
Видел я, в единой миг

Пощаженные веками
Два утеса бреговых;
Но приметно сохранила
Знаки каждая скала,
Что природа съединила,
А судьба их развела.

<1832>

267

1

Склонись ко мне, красавец молодой!
Как ты стыдлив! — ужели в первый раз
Грудь женскую ласкаешь ты рукой?
В моих объятьях вот уж целый час
Лежишь — а страха всё не превозмог...
Не лучше ли у сердца, чем у ног?
Дай мне одну минуту в жизнь свою...
Что злато? — я тебя люблю, люблю!..

2

Ты так хорош! — бывало, жду, когда
Настанет вечер, сяду у окна...
И мимо ты идешь, бывало, да, —
Ты помнишь? — Серебристая луна,
Как ангел средь отверженных, меж туч
Блуждала, на тебя кидая луч,
И я гордилась тем, что наконец
Соперница моя небес жилец.

3

Печать презренья на моем челе,
Но справедлив ли мира приговор?
Что добродетель, если на земле
Проступок не бесчестье — но позор?

Поверь, невинных женщин вовсе нет,
Лишь по желанью случай и предмет
Не вечно тут. Любить не ставит в грех
Та одного, та многих — эта всех!

4

Родителей не знала я своих,
Воспитана старухою чужой,
Не знала я веселья дней младых, —
И даже не гордилась красотой;
В пятнадцать лет, по воле злой судьбы,
Я продана злодею — ни мольбы,
Ни слезы не могли спасти меня.
С тех пор я гибну, гибну — день от дня.

5

Мне мил мой стыд! он право мне дает
Тебя любить, тебя на миг один
Отторгнуть от мучительных забот!
О, наслаждайся! — ты мой господин!
Хотя тебе случится, может быть,
Меня в своих объятьях задушить,
Блаженством смерть мне будет от тебя.
Мой друг! — чего не вынесешь любя!

<*1832*>

268

Девятый час; уж темно; близ заставы
Чернеют рядом старых пять домов,
Забор кругом. Высокой, худощавый
Привратник на завалине готов
Уснуть; — дождя не будет, небо ясно, —
Весь город спит. Он долго ждал напрасно;
Темны все окна — блещут только два —
И там — чем не богата ты, Москва!

Но, чу! — к воротам кто—то подъезжает.
Лихие дрожки, кучер с бородой
Широкой, кони черные. — Слезает,
Одет плащом, проказник молодой;
Скрыпит за ним калитка; под ногами
Стучат, колеблясь, доски. (Между нами
Скажу я, он ничей не прервал сон.)
Дверь отворилась, — свечка. — Кто тут? — Он.

Его узнала дева молодая,
Снимает плащ и в комнату ведет;
В шандале медном тускло догорая,
Свеча на них свой луч последний льет,
И на кровать с высокою периной,
И на стену с лубошною картиной;
А в зеркале с противной стороны
Два юные лица отражены.

Она была прекрасна, как мечтанье
Ребенка под светилом южных стран.
Что красота? — ужель одно названье?
Иль грудь высокая и гибкой стан,
Или большие очи? — но порою
Всё это не зовем мы красотою:
Уста без слов — любить никто не мог,
Взор без огня — без запаха цветок!

Она была свежа, как розы Леля,
Она была похожа на портрет
Мадоны — и мадоны Рафаэля;
И вряд ли было ей осьмнадцать лет;
Лишь святости черты не выражали.
Глаза огнем неистовым пылали,
И грудь, волнуясь, поцелуй звала;
Он был не папа — а она была...

Ну что же? — просто дева *молодая*,
Которой всё богатство — красота!..
И впрочем, замуж выйти не желая,
Что было ей таить свои лета?

Она притворства хитрости не знала
И в этом лишь другим не подражала!..
Не всё ль равно? — любить не ставит в грех
Та одного — та многих — эта всех!

Я с женщиною делаю условье
Пред тем, чтобы насытить страсть мою:
Всего нужней, во-первых, мне здоровье,
А во-вторых, я мешкать не люблю;
Так поступил Парни питомец нежной:
Он снял сертук, сел на постель небрежно,
Поцеловал, лукаво посмотрел —
И тотчас раздеваться ей велел!

<1832>

269

Как в ночь звезды падучей пламень,
   Не нужен в мире я.
Хоть сердце тяжело как камень,
   Но всё под ним змея.

Меня спасало вдохновенье
   От мелочных сует;
Но от своей души спасенья
   И в самом счастье нет.

Молю о счастии, бывало,
   Дождался наконец,
И тягостно мне счастье стало,
   Как для царя венец.

И все мечты отвергнув, снова
   Остался я один —
Как замка мрачного, пустого
   Ничтожный властелин.

<1832>

270. К*

Я не унижусь пред тобою;
Ни твой привет, ни твой укор
Не властны над моей душою.
Знай: мы чужие с этих пор.
Ты позабыла: я свободы
Для заблужденья не отдам;
И так пожертвовал я годы
Твоей улыбке и глазам,
И так я слишком долго видел
В тебе надежду юных дней
И целой мир возненавидел,
Чтобы тебя любить сильней.
Как знать, быть может, те мгновенья,
Что протекли у ног твоих,
Я отнимал у вдохновенья!
А чем ты заменила их?
Быть может, мыслию небесной
И силой духа убежден,
Я дал бы миру дар чудесный,
А мне за то бессмертье он?
Зачем так нежно обещала
Ты заменить его венец?
Зачем ты не была сначала,
Какою стала наконец?
Я горд!.. прости! люби другого,
Мечтай любовь найти в другом;
Чего б то ни было земного
Я не соделаюсь рабом.
К чужим горам под небо юга
Я удалюся, может быть;
Но слишком знаем мы друг друга,
Чтобы друг друга позабыть.
Отныне стану наслаждаться
И в страсти стану клясться всем;
Со всеми буду я смеяться,
А плакать не хочу ни с кем;
Начну обманывать безбожно,
Чтоб не любить, как я любил;

Иль женщин уважать возможно,
Когда мне ангел изменил?
Я был готов на смерть и муку
И целой мир на битву звать,
Чтобы твою младую руку —
Безумец! — лишний раз пожать!
Не знав коварную измену,
Тебе я душу отдавал;
Такой души ты знала ль цену?
Ты знала — я тебя не знал!

<1832>

271

Как луч зари, как розы Леля,
Прекрасен цвет ее ланит;
Как у мадоны Рафаэля
Ее молчанье говорит.
С людьми горда, судьбе покорна,
Не откровенна, не притворна,
Нарочно, мнилося, она
Была для счастья создана.
Но свет чего не уничтожит?
Что благородное снесет,
Какую душу не сожмет,
Чье самолюбье не умножит?
И чьих не обольстит очей
Нарядной маскою своей?

<1832>

272

Синие горы Кавказа, приветствую вас! вы взлелеяли детство мое; вы носили меня на своих одичалых хребтах, облаками меня одевали, вы к небу меня приучили, и я с той поры всё мечтаю об вас да о небе. Престолы природы, с которых как дым улетают громовые тучи, кто раз лишь на ваших вершинах творцу помолился, тот жизнь презирает, хотя в то мгновенье гордился он ею!..

Часто во время зари я глядел на снега и далекие льдины утесов; они так сияли в лучах восходящего солнца, и в розовый блеск одеваясь, они, между тем как внизу всё темно, возвещали прохожему утро. И розовый цвет их подобился цвету стыда: как будто девицы, когда вдруг увидят мужчину купаясь, в таком уж смущенье, что белой одежды накинуть на грудь не успеют.

[Как я любил твои бури, Кавказ! те пустынные громкие бури, которым пещеры, как стражи ночей, отвечают!.. На гладком холме одинокое дерево, ветром, дождями нагнутое, иль виноградник, шумящий в ущелье, и путь неизвестный над пропастью, где, покрываяся пеной, бежит безымянная речка, и выстрел нежданый, и страх после выстрела: враг ли коварный иль просто охотник... всё, всё в этом крае прекрасно.]

Воздух там чист, как молитва ребенка. И люди, как вольные птицы, живут беззаботно; война их стихия; и в смуглых чертах их душа говорит; в дымной сакле, землей иль сухим тростником покровенной, таятся их жены и девы и чистят оружье, и шьют серебром — в тишине увядая душою — желающей, южной, с цепями судьбы не знакомой.

<1832>

273. РОМАНС

Стояла серая скала на берегу морском;
Однажды на чело ее слетел небесный гром.
И раздвоил ее удар, — и новою тропой
Между разрозненных камней течет поток седой.
Вновь двум утесам не сойтись, — но всё они хранят
Союза прежнего следы, глубоких трещин ряд.
Так мы с тобой разлучены злословием людским,
Но для тебя я никогда не сделаюсь чужим.
И мы не встретимся опять, и если пред тобой
Меня случайно назовут, ты спросишь: кто такой?
И, проклиная жизнь мою, на память приведешь
Былое... и одну себя невольно проклянешь.
И не изгладишь ты никак из памяти своей
Не только чувств и слов моих — минуты прежних дней!..

<1832>

274. ПРЕЛЕСТНИЦЕ

Пускай ханжа глядит с презреньем
На беззаконный наш союз,
Пускай людским предубежденьем
Ты лишена семейных уз,
Но перед идолами света
Не гну колена я мои,
Как ты, не знаю в нем предмета
Ни сильной злобы, ни любви.
Как ты, кружусь в веселье шумном,
Не чту владыкой никого,
Делюся с умным и безумным,
Живу для сердца своего;
Живу без цели, беззаботно,
Для счастья глух, для горя нем,
И людям руки жму охотно,
Хоть презираю их меж тем!..
Мы смехом брань их уничтожим,
Нас клеветы не разлучат:
Мы будем счастливы, как можем,
Они пусть будут, как хотят!

<1832>

275

Ты молод. Цвет твоих кудрей
Не уступает цвету ночи,
Как день твои блистают очи
При встрече радостных очей;
Ты, от души смеясь смешному,
Как скуку гонишь прочь печаль,
Что бред ребяческий другому,
То всё тебе покинуть жаль.
Волною жизни унесенный
Далеко от надежд былых,
Как путешественник забвенный,
Я чуждым стал между родных;
Пред мною носятся виденья,
Жизнь обманувшие мою,

И, не рожденный для забвенья,
Я вновь черты их узнаю.
И время их не изменило,
Они всё те же! — я не тот:
Зачем же гибнет всё, что мило,
А что жалеет, то живет?

<1832>

276. ЭПИТАФИЯ

Прости! увидимся ль мы снова?
И смерть захочет ли свести
Две жертвы жребия земного,
Как знать! итак, прости, прости!..
Ты дал мне жизнь, но счастья не дал;
Ты сам на свете был гоним,
Ты в людях только зло изведал...
Но понимаем был одним.
И тот один, когда, рыдая,
Толпа склонялась над тобой,
Стоял, очей не обтирая,
Недвижный, хладный и немой.
И все, не ведая причины,
Винили дерзостно его,
Как будто миг твоей кончины
Был мигом счастья для него.
Но что ему их восклицанья?
Безумцы! не могли понять,
Что легче плакать, чем страдать
Без всяких признаков страданья.

<1832>

277

Измученный тоскою и недугом
И угасая в полном цвете лет,
Проститься я с тобой желал как с другом,
Но хладен был прощальный твой привет;

Но ты не веришь мне, ты притворилась,
Что в шутку приняла слова мои;
Моим слезам смеяться ты решилась,
Чтоб с сожаленьем не явить любви;
Скажи мне, для чего такое мщенье?
Я виноват, другую мог хвалить,
Но разве я не требовал прощенья
У ног твоих? но разве я любить
Тебя переставал, когда, толпою
Безумцев молодых окружена,
Горда одной своею красотою,
Ты привлекала взоры их одна?
Я издали смотрел, почти желая,
Чтоб для других очей твой блеск исчез;
Ты для меня была, как счастье рая
Для демона, изгнанника небес.

<1832>

278

Когда последнее мгновенье
Мой взор навеки омрачит
И в мир, где казнь или спасенье,
Душа поэта улетит,
Быть может, приговор досадной
Прикажет возвратиться ей
Туда, где в жизни безотрадной
Она томилась столько дней;
Тогда я буду всё с тобою
И берегись мне изменить;
. . . .

<1832>

279. <В АЛЬБОМ Д. Ф. ИВАНОВОЙ>

Когда судьба тебя захочет обмануть
И мир печалить сердце станет —
Ты не забудь на этот лист взглянуть
И думай: тот, чья ныне страждет грудь,
Не опечалит, не обманет.

<1832 ?>

280. <В АЛЬБОМ Н. Ф. ИВАНОВОЙ>

Что может краткое свиданье
Мне в утешенье принести?
Час неизбежный расставанья
Настал, и я сказал: прости.

И стих безумный, стих прощальный
В альбом твой бросил для тебя,
Как след единственный, печальный,
Который здесь оставлю я.

<1832 ?>

281

Нет, я не Байрон, я другой,
Еще неведомый избранник,
Как он, гонимый миром странник,
Но только с русскою душой.
Я раньше начал, кончу ране,
Мой ум не много совершит;
В душе моей, как в океане,
Надежд разбитых груз лежит.
Кто может, океан угрюмый,
Твои изведать тайны? кто
Толпе мои расскажет думы?
Я — или бог — или никто!

<1832 ?>

282. РОМАНС

1

Ты идешь на поле битвы,
Но услышь мои молитвы,
   Вспомни обо мне.
Если друг тебя обманет,
Если сердце жить устанет
И душа твоя увянет,
   В дальной стороне
   Вспомни обо мне.

2

Если кто тебе укажет
На могилу и расскажет
   При ночном огне
О девице обольщенной,
Позабытой и презренной,
О, тогда, мой друг бесценной,
   Ты в чужой стране
   Вспомни обо мне.

3

Время прежнее, быть может,
Посетит тебя, встревожит
   В мрачном, тяжком сне;
Ты услышишь плач разлуки,
Песнь любви и вопли муки
Иль подобные им звуки...
   О, хотя во сне
   Вспомни обо мне!

<1832 ?>

283. СОНЕТ

Я памятью живу с увядшими мечтами,
Виденья прежних лет толпятся предо мной,

И образ твой меж них, как месяц в час ночной
Между бродящими блистает облаками.

Мне тягостно твое владычество порой;
Твоей улыбкою, волшебными глазами
Порабощен мой дух и скован, как цепями,
Что ж пользы для меня, — я не любим тобой.

Я знаю, ты любовь мою не презираешь,
Но холодно ее молениям внимаешь;
Так мраморной кумир на берегу морском

Стоит, — у ног его волна кипит, клокочет,
А он, бесчувственным исполнен божеством,
Не внемлет, хоть ее отталкивать не хочет.

<1832 ?>

284

Болезнь в груди моей, и нет мне исцеленья,
   Я увядаю в полном цвете!
Пускай! — я не был раб земного наслажденья,
   Не для людей я жил на свете.
Одно лишь существо душой моей владело,
   Но в разный путь пошли мы оба,
И мы рассталися, и небо захотело,
   Чтоб не сошлись опять у гроба.
Гляжу в безмолвии на запад: догорает,
   Краснея, гордое светило;
Мне хочется за ним: оно, быть может, знает,
   Как воскрешать всё то, что мило.
Быть может, ослеплен огнем его сиянья,
   Я хоть на время позабуду
Волшебные глаза и поцелуй прощанья,
   За мной бегущие повсюду.

<1832 ?>

285. К*

Мы случайно сведены судьбою,
Мы себя нашли один в другом,
И душа сдружилася с душою,
Хоть пути не кончить им вдвоем!

Так поток весенний отражает
Свод небес, далекой, голубой,
И в волне спокойной он сияет
И трепещет с бурною волной.

Будь, о, будь моими небесами,
Будь товарищ грозных бурь моих;
Пусть тогда гремят они меж нами,
Я рожден, чтобы не жить без них.

Я рожден, чтоб целый мир был зритель
Торжества иль гибели моей,
Но с тобой, мой луч-путеводитель,
Что хвала иль гордой смех людей!

Души их певца не постигали,
Не могли души его любить,
Не могли понять его печали,
Не могли восторгов разделить.

<1832 ?>

286

Поцелуями прежде считал
   Я счастливую жизнь свою,
Но теперь я от счастья устал,
   Но теперь никого не люблю.

И слезами когда-то считал
   Я мятежную жизнь мою,
Но тогда я любил и желал,
   А теперь никого не люблю!

И я счет своих лет потерял
   И крылья забвенья ловлю:

Как я сердце унесть бы им дал!
  Как бы вечность им бросил мою!

<1832 ?>

287

Послушай, быть может, когда мы покинем
Навек этот мир, где душою так стынем,
Быть может, в стране, где не знают обману,
Ты ангелом будешь, я демоном стану!
Клянися тогда позабыть, дорогая,
Для прежнего друга всё счастие рая!
Пусть мрачной изгнанник, судьбой осужденный,
Тебе будет раем, а ты мне — вселенной!

<1832 ?>

288. К *

Оставь напрасные заботы,
Не обнажай минувших дней:
В них не откроешь ничего ты,
За что б меня любить сильней!
Ты любишь — верю — и довольно;
Кого, — ты ведать не должна;
Тебе открыть мне было б больно,
Как жизнь моя пуста, черна.
Не погублю святое счастье
Такой души и не скажу,
Что недостоин я участья,
Что сам ничем не дорожу;
Что всё, чем сердце дорожило,
Теперь для сердца стало яд,
Что для него страданье мило,
Как спутник, собственность иль брат.
Промолвив ласковое слово,
В награду требуй жизнь мою;
Но, друг мой, не проси былого,
Я мук своих не продаю.

<1832 ?>

289. БАЛЛАДА
(С немецкого)

Из ворот выезжают три витязя в ряд,
увы!
Из окна три красотки вослед им глядят:
прости!
Напрасно в боях они льют свою кровь —
увы!
Разлука пришла — и девичья любовь
прости!
Уж три витязя новых в ворота спешат,
увы!
И красотки печали своей говорят:
прости!

<1832 ?>

290. БОЙ

Сыны небес однажды надо мною
Слетелися, воздушных два бойца;
Один — серебряной обвешан бахромою,
Другой — в одежде чернеца.
И видя злость противника второго,
Я пожалел о воине младом;
Вдруг поднял он концы сребристого покрова,
И я под ним заметил — гром.
И кони их ударились крылами,
И ярко брызнул из ноздрей огонь;
Но вихорь отступил перед громами,
И пал на землю черный конь.

<1832 ?>

291

Я жить хочу! хочу печали
Любви и счастию назло;
Они мой ум избаловали
И слишком сгладили чело.

Пора, пора насмешкам света
Прогнать спокойствия туман;
Что без страданий жизнь поэта?
И что без бури океан?
Он хочет жить ценою муки,
Ценой томительных забот.
Он покупает неба звуки,
Он даром славы не берет.

<1832 ?>

292

Смело верь тому, что вечно,
Безначально, бесконечно,
Что прошло и что настанет,
Обмануло иль обманет.

Если сердце молодое
Встретит пылкое другое,
При разлуке, при свиданье
Закажи ему молчанье.

Всё на свете редко стало:
Есть надежды — счастья мало;
Не забвение разлука:
То — блаженство, это — мука.

Если счастьем дорожил ты,
То зачем его делил ты?
Для чего не жил в пустыне?
Иль об этом вспомнил ныне?

<1832>

293. ЖЕЛАНЬЕ

Отворите мне темницу,
Дайте мне сиянье дня,
Черноглазую девицу,
Черногривого коня.

Дайте раз по синю полю
Проскакать на том коне;
Дайте раз на жизнь и волю,
Как на чуждую мне долю,
Посмотреть поближе мне.

Дайте мне челнок дощатой
С полусгнившею скамьей,
Парус серой и косматой,
Ознакомленный с грозой.
Я тогда пущуся в море
Беззаботен и один,
Разгуляюсь на просторе
И потешусь в буйном споре
С дикой прихотью пучин.

Дайте мне дворец высокой
И кругом зеленый сад,
Чтоб в тени его широкой
Зрел янтарный виноград;
Чтоб фонтан, не умолкая,
В зале мраморной журчал
И меня в мечтаньях рая,
Хладной пылью орошая,
Усыплял и пробуждал.

<1832; 1837–1838 ?>

294

Приветствую тебя, воинственных славян
Святая колыбель! пришлец из чуждых стран,
С восторгом я взирал на сумрачные стены,
Через которые столетий перемены
Безвредно протекли; где вольности одной
Служил тот колокол на башне вечевой,
Который отзвонил ее уничтоженье
И столько гордых душ увлек в свое паденье!..
— Скажи мне, Новгород, ужель их больше нет?
Ужели Волхов твой не Волхов прежних лет?
. . . .

<1832>

295. К *

Мой друг, напрасное старанье!
Скрывал ли я свои мечты?
Обыкновенной звук, названье,
Вот всё, чего не знаешь ты.
Пусть в этом имени хранится,
Быть может, целой мир любви...
Но мне ль надеждами делиться?
Надежды... о! они мои,
Мои — они святое царство
Души задумчивой моей...
Ни страх, ни ласки, ни коварство,
Ни горькой смех, ни плач людей,
Дай мне сокровища вселенной,
Уж никогда не долетят
В тот угол сердца отдаленной,
Куда запрятал я мой клад.
Как помню, счастье прежде жило
И слезы крылись в месте том:
Но счастье скоро изменило,
А слезы вытекли потом.
Беречь сокровища святые
Теперь я выучен судьбой;
Не встретят их глаза чужие,
Они умрут во мне, со мной!..

<1832>

296. К *

Печаль в моих песнях, но что за нужда?
Тебе не внимать им, мой друг, никогда.
Они не прогонят улыбку святую
С тех уст, для которых живу и тоскую.

К тебе не домчится ни слово, ни звук,
Отзыв беспокойный неведомых мук.
Певца твоя ласка утешить не может,
Зачем же он сердце твое потревожит?

О нет! одна мысль, что слеза омрачит
Тот взор несравненной, где счастье горит,
Безумные б звуки в груди подавила,
Хоть прежде за них лишь певца ты любила.

<1832>

297. ДВА ВЕЛИКАНА

В шапке золота литого
Старой русской великан
Поджидал к себе другого
Из далеких чуждых стран.

За горами, за долами
Уж гремел об них рассказ,
И померяться главами
Захотелось им хоть раз.

И пришел с грозой военной
Трехнедельной удалец,
И рукою дерзновенной
Хвать за вражеский венец.

Но улыбкою одною
Русской витязь отвечал:
Посмотрел — тряхнул главою...
Ахнул дерзкой — и упал!

И упал он в дальнем море
На неведомый гранит,
Там, где буря на просторе
Над пучинами шумит.

<1832; 1836–1837 ?>

298. К *

1

Прости! — мы не встретимся боле,
   Друг другу руки не пожмем;
Прости! — твое сердце на воле...
   Но счастья не сыщет в другом.
Я знаю: с порывом страданья
   Опять затрепещет оно,
Когда ты услышишь названье
   Того, кто погиб так давно!

2

Есть звуки — значенье ничтожно
   И презрено гордой толпой —
Но их позабыть невозможно:
   Как жизнь, они слиты с душой;
Как в гробе, зарыто былое
   На дне этих звуков святых;
И в мире поймут их лишь двое,
   И двое лишь вздрогнут от них!

3

Мгновение вместе мы были,
   Но вечность — ничто перед ним;
Все чувства мы вдруг истощили,
   Сожгли поцалуем одним;
Прости! — не жалей безрассудно,
   О краткой любви не жалей:
Расстаться казалось нам трудно,
   Но встретиться было б трудней!

<1832>

299

Слова разлуки повторяя,
Полна надежд душа твоя;
Ты говоришь: есть жизнь другая,
И смело веришь ей… но я?..

Оставь страдальца! — будь покойна:
Где б ни был этот мир святой,
Двух жизней сердцем ты достойна!
А мне довольно и одной.

Тому ль пускаться в бесконечность,
Кого измучил краткий путь?
Меня раздавит эта вечность,
И страшно мне не отдохнуть!

Я схоронил навек былое,
И нет о будущем забот,
Земля взяла свое земное,
Она назад не отдает!..

<1832>

300

Безумец я! вы правы, правы!
Смешно бессмертье на земли.
Как смел желать я громкой славы,
Когда вы счастливы в пыли?
Как мог я цепь предубеждений
Умом свободным потрясать
И пламень тайных угрызений
За жар поэзии принять?
Нет, не похож я на *поэта!*
Я обманулся, вижу сам;
Пускай, как он, я чужд для света,
Но чужд зато и небесам!
Мои слова печальны: знаю;
Но смысла их вам не понять.

Я их от сердца отрываю,
Чтоб муки с ними оторвать!
Нет... мне ли властвовать умами,
Всю жизнь на то употребя?
Пускай возвышусь я над вами,
Но удалюсь ли от себя?
И позабуду ль самовластно
Мою погибшую любовь,
Всё то, чему я верил страстно,
Чему не смею верить вновь?

<1832>

301

Она не гордой красотою
Прельщает юношей живых,
Она не водит за собою
Толпу вздыхателей немых.
И стан ее — не стан богини,
И грудь волною не встает,
И в ней никто своей святыни,
Припав к земле, не признает.
Однако все ее движенья,
Улыбки, речи и черты
Так полны жизни, вдохновенья,
Так полны чудной простоты.
Но голос душу проникает,
Как вспоминанье лучших дней,
И сердце любит и страдает,
Почти стыдясь любви своей.

<1832>

302. ТРОСТНИК

Сидел рыбак веселый
   На берегу реки;
И перед ним по ветру
   Качались тростники.

Сухой тростник он срезал
И скважины проткнул;
Один конец зажал он,
В другой конец подул.

И будто оживленный,
Тростник заговорил;
То голос человека
И голос ветра был.
И пел тростник печально:
«Оставь, оставь меня;
Рыбак, рыбак прекрасный
Терзаешь ты меня!

И я была девицей,
Красавица была,
У мачехи в темнице
Я некогда цвела,
И много слез горючих
Невинно я лила;
И раннюю могилу
Безбожно я звала.

И был сынок любимец
У мачехи моей;
Обманывал красавиц,
Пугал честных людей.
И раз пошли под вечер
Мы на берег крутой,
Смотреть на сини волны,
На запад золотой.

Моей любви просил он!..
Любить я не могла,
И деньги мне дарил он —
Я денег не брала;
Несчастную сгубил он,
Ударил в грудь ножом;
И здесь мой труп зарыл он
На берегу крутом;

И над моей могилой
   Взошел тростник большой,
И в нем живут печали
   Души моей младой;
Рыбак, рыбак прекрасной,
   Оставь же свой тростник;
Ты мне помочь не в силах,
   А плакать не привык».

<1832>

303. РУСАЛКА

1

Русалка плыла по реке голубой,
   Озаряема полной луной;
И старалась она доплеснуть до луны
   Серебристую пену волны.

2

И шумя и крутясь, колебала река
   Отраженные в ней облака;
И пела Русалка — и звук ее слов
   Долетал до крутых берегов.

3

И пела Русалка: «На дне у меня
   Играет мерцание дня;
Там рыбок златые гуляют стада,
   Там хрустальные есть города.

4

И там на подушке из ярких песков,
   Под тенью густых тростников,
Спит витязь, добыча ревнивой волны,
   Спит витязь чужой стороны.

5

Расчесывать кольца шелковых кудрей
   Мы любим во мраке ночей,
И в чело и в уста мы, в полуденный час,
   Целовали красавца не раз.

6

Но к страстным лобзаньям, не знаю зачем,
   Остается он хладен и нем;
Он спит — и, склонившись на перси ко мне,
   Он не дышит, не шепчет во сне!..»

7

Так пела Русалка над синей рекой,
   Полна непонятной тоской;
И, шумно катясь, колебала река
   Отраженные в ней облака.

<1832; 1839 ?>

304. ЧЕЛНОК

По произволу дивной власти
Я выкинут из царства страсти,
Как после бури на песок
Волной расчибенный челнок.
Пускай прилив его ласкает,
В обман не вдастся инвалид;
Свое бессилие он знает
И притворяется, что спит;
Никто ему не вверит боле
Себя иль ноши дорогой;
Он не годится — и на воле!
Погиб — и дан ему покой!..

<1832>

305

Примите дивное *посланье*
Из края дальнего сего;
Оно не *Павлово* писанье —
Но Павел вам отдаст его.
Увы! как скучен этот город,
С своим туманом и водой!..
Куда ни взглянешь, красной ворот,
Как шиш, торчит перед тобой;
Нет милых сплетен — всё сурово,
Закон сидит на лбу людей;
Всё удивительно и ново —
А нет не пошлых новостей!
Доволен каждый сам собою,
Не беспокоясь о других,
И что у нас зовут душою,
То без названия у них!..

И наконец я видел море,
Но кто поэта обманул?..
Я в роковом его просторе
Великих дум не почерпнул;
Нет! как оно, я не был волен;
Болезнью жизни, скукой болен
(Назло былым и новым дням),
Я не завидовал, как прежде,
Его серебряной одежде,
Его бунтующим волнам.

<1832>

306. ПОСВЯЩЕНЬЕ

Опять явилось вдохновенье
Душе безжизненной моей
И превращает в песнопенье
Тоску, развалину страстей.
Так, посреди чужих степей,

Подруг внимательных не зная,
Прекрасный путник, птичка рая
Блестя лазоревым крылом;
Сидит на дереве сухом;
Пускай шумит, бушует вьюга...
Она поет лишь об одном,
Она поет о солнце юга!

И ты, звезда любви моей,
Товарищ бурь моих суровых,
Послушай песни прежних дней...
Давно уж нет у сердца новых;
Ни мрачных дум, ни дум святых
Не изменила власть разлуки —
Тобою полны счастья звуки,
Меня узнаешь ты в других.

<1832>

307

Что толку жить!.. без приключений
И с приключеньями — тоска
Везде, как беспокойный гений,
Как верная жена, близка;
Прекрасно с шумной быть толпою,
Сидеть за каменной стеною,
Любовь и ненависть сознать,
Чтоб раз об этом поболтать;
Невольно узнавать повсюду
Под гордой важностью лица
В мужчине глупого льстеца
И в каждой женщине Иуду.
А потрудитесь рассмотреть —
Всё веселее умереть.

Конец! как звучно это слово,
Как много — мало мыслей в нем;
Последний стон — и всё готово,
Без дальних справок — а потом?

Потом вас чинно в гроб положат,
И черви ваш скелет обгложут,
А там наследник в добрый час
Придавит монументом вас.
Простит вам каждую обиду
По доброте души своей,
Для пользы вашей (и церквей)
Отслужит, верно, панихиду,
Которой (я боюсь сказать)
Не суждено вам услыхать.

И если вы скончались в вере,
Как христианин, то гранит
На сорок лет, по крайней мере,
Названье ваше сохранит;
Когда ж стеснится уж кладбище,
То ваше узкое жилище
Разроют смелою рукой...
И гроб поставят к вам другой.
И молча ляжет с вами рядом
Девица нежная, одна,
Мила, покорна, хоть бледна;
Но ни дыханием, ни взглядом
Не возмутится ваш покой —
Что за блаженство, боже мой!

<1832>

308

Для чего я не родился
Этой синею волной?
Как бы шумно я катился
Под серебряной луной,
О! как страстно я лобзал бы
Золотистый мой песок,
Как надменно презирал бы
Недоверчивый челнок;
Всё, чем так гордятся люди,
Мой набег бы разрушал;

И к моей студеной груди
Я б страдальцев прижимал;
Не страшился б муки ада,
Раем не был бы прельщен;
Беспокойство и прохлада
Были б вечный мой закон;
Не искал бы я забвенья
В дальном северном краю;
Был бы волен от рожденья
Жить и кончить жизнь мою!

<*1832*>

309. ПАРУС

Белеет парус одинокой
В тумане моря голубом!..
Что ищет он в стране далекой?
Что кинул он в краю родном?..

Играют волны — ветер свищет,
И мачта гнется и скрыпит...
Увы! он счастия не ищет
И не от счастия бежит!..

Под ним струя светлей лазури,
Над ним луч солнца золотой...
А он, мятежный, просит бури,
Как будто в бурях есть покой!

<*1832*>

310. БАЛЛАДА

Куда так проворно, жидовка младая?
   Час утра, ты знаешь, далек...
Потише, распалась цепочка златая,
   И скоро спадет башмачок.

Вот мост! вот чугунные влево перилы
   Блестят от огня фонарей;
Держись за них крепче, устала, нет силы!..
   Вот дом — и звонок у дверей.

Безмолвно жидовка у двери стояла,
   Как мраморный идол бледна;
Потом, за снурок потянув, постучала...
   И кто-то взглянул из окна!..

И страхом и тайной надеждой пылая,
   Еврейка глаза подняла,
Конечно, ужасней минута такая
   Столетий печали была;

Она говорила: «Мой ангел прекрасный!
   Взгляни еще раз на меня...
Избавь свою Сару от пытки напрасной,
   Избавь от ножа и огня...

Отец мой сказал, что закон Моисея
   Любить запрещает тебя.
Мой друг, я внимала отцу не бледнея,
   Затем, что внимала любя...

И мне обещал он страданья, мученья,
   И нож наточил роковой;
И вышел... Мой друг, берегись его мщенья,
   Он будет, как тень, за тобой...

Отцовского мщенья ужасны удары,
   Беги же отсюда скорей!
Тебе не изменят уста твоей Сары
   Под хладной рукой палачей.

Беги!..» Но на лик, из окна наклоненный,
   Блеснул неожиданный свет...
И что-то сверкнуло в руке обнаженной,
   И мрачен глухой был ответ;

И тяжкое что-то на камни упало,
И стон раздался под стеной;
В нем всё улетающей жизнью дышало
И больше, чем жизнью одной!

Поутру, толпяся, народ изумленный
Кричал и шептал об одном:
Там в доме был русской, кинжалом пронзенный,
И женщины труп под окном.

<1832>

311

Он был рожден для счастья, для надежд
И вдохновений мирных! — но, безумной,
Из детских рано вырвался одежд
И сердце бросил в море жизни шумной;
И мир не пощадил — и бог не спас!
Так сочный плод, до времени созрелый,
Между цветов висит осиротелый,
Ни вкуса он не радует, ни глаз;
И час их красоты — его паденья час!

И жадный червь его грызет, грызет,
И между тем, как нежные подруги
Колеблются на ветках, — ранний плод
Лишь тяготит свою... до первой вьюги!
Ужасно стариком быть без седин;
Он равных не находит; за толпою
Идет, хоть с ней не делится душою;
Он меж людьми ни раб, ни властелин,
И всё, что чувствует, он чувствует один!

<1832>

312

Прости! — забудь, что ты певца
Так пламенно любила.

<1832 –1834>

313. ГУСАР

Гусар! ты весел и беспечен,
Надев свой красный доломан.
Но знай: покой души не вечен
И счастье на земле туман.

Крутя лениво ус задорной,
Ты вспоминаешь стук пиров,
Но берегися думы черной —
Она черней твоих усов.

Пускай судьба тебя голубит
И страсть безумная смешит;
Но и тебя никто не любит,
Никто тобой не дорожит.

Когда ты, ментиком блистая,
Торопишь серого коня,
Не мыслит дева молодая:
«Он здесь проехал для меня».

Когда ты вихрем на сраженье
Летишь, бесчувственный герой,
Ничье, ничье благословенье
Не улетает за тобой.

Гусар! ужель душа не слышит
В тебе желания любви?
Скажи мне, где твой ангел дышит?
Где очи милые твои?

Молчишь — и ум твой безнадежней,
Когда полнее твой бокал!
Увы — зачем от жизни прежней
Ты разом сердце оторвал!..

Ты не всегда был тем, что ныне,
Ты жил, ты слишком много жил,
И лишь с последнею святыней
Ты пламень сердца схоронил.

<1832–1834>

314

На серебряные шпоры
Я в раздумии гляжу;
За тебя, скакун мой скорой,
За бока твои дрожу.

Наши предки их не знали
И, гарцуя средь степей,
Толстой плеткой погоняли
Недоезжаных коней.

Но с успехом просвещенья
Вместо грубой старины
Введены изобретенья
Чужеземной стороны;

В наше время кормят, холят,
Берегут спинную честь...
Прежде били — нынче колют!..
Что же выгодней? — бог весть!..

<1832 –1834>

315

В рядах стояли безмолвной толпой,
Когда хоронили мы друга,
Лишь поп полковой бормотал, и порой
Ревела осенняя вьюга.
Кругом кивера над могилой святой
Недвижны в тумане сверкали;
Уланская шапка да меч боевой
На гробе дощатом лежали.
И билося сердце в груди не одно,
И в землю все очи смотрели,
Как будто бы всё, что уж ей отдано,
Они у ней вырвать хотели.
Напрасные слезы из глаз не текли,
Тоска наши души сжимала;

И горсть роковая прощальной земли,
    Упавши на гроб, застучала.
Прощай, наш товарищ, не долго ты жил,
    Певец с голубыми очами;
Лишь крест деревянный себе заслужил
    Да вечную память меж нами!

<1833–1834 (?)>

316. ЮНКЕРСКАЯ МОЛИТВА

Царю небесный!
Спаси меня
От куртки тесной,
Как от огня.
От маршировки
Меня избавь,
В парадировки
Меня не ставь.
Пускай в манеже
Алехин глас
Как можно реже
Тревожит нас.
Еще моленье
Прошу принять —
В то воскресенье
Дай разрешенье
Мне опоздать.
Я, Царь Всевышний,
Хорош уж тем,
Что просьбой лишней
Не надоем.

<1833–1834 ?>

317. ОДА К НУЖНИКУ

О ты, вонючий храм неведомой богини!
К тебе мой глас... к тебе взываю из пустыни,
Где шумная толпа теснится столько дней
И где так мало я нашел еще людей!
Прими мой фимиам летучий и свободный,
Незрелой, слабой цвет поэзии народной!
Ты покровитель наш; в святых стенах твоих
Я не боюсь врагов завистливых и злых,
Под сению твоей не причинит мне страха
Ни взор Михайлова, ни голос Шлипенбаха!

Едва от трапезы восстанут юнкера,
Хватают чубуки — бегут, кричат: пора!
Народ заботливо толпится за дверями....
Вот искры от кремня посыпались звездами,
Из рукава чубук уж выполз как змея....
Гостеприимная отдушина твоя
Открылась бережно... огонь табак объемлет,
Приемная труба заветный дым приемлет!

Когда ж Ласковского приходит грозный класс,
От поисков его ты вновь скрываешь нас,
И жопа скромная красавца молодого
Является тебе отважно без покрова!

Но вот над школою ложится мрак ночной,
Клерон уж совершил дозор обычный свой,
Давно у фортепьян не распевает Феля...
Последняя свеча на койке Беливеля
Угасла... и луна кидает медный свет
На койки белые и лаковый паркет.
Вдруг шорох! слабый звук! и легкие две тени
Скользят по каморе к твоей знакомой сени, —
Вошли... и в тишине раздался поцелуй...
< . . . . >
< . . . . >

<. . . . .>
<. . . . .>
<. . . . .>
<. . . . .>
<. . . . .>
<. . . . .>
<. . . . .>
<. . . . .>
Но занавес пора задернуть над картиной,
Пора, чтоб похвалу неумолимый рок
Не обратил тебе в язвительный упрек.

<1834>

318. К Т***

Не води так томно оком,
Круглой жопкой на верти,
Сладострастьем и пороком
Своенравно не шути.
Не ходи к чужой постеле
И к своей не подпускай,
Ни шутя, ни в самом деле
Нежных рук не пожимай.
Знай, прелестный наш чухонец,
Юность долго не блестит!
<Хоть любовник твой червонец
Каждый раз тебе дарит>,
Знай: когда рука господня
Разразится над тобой,
Все, которых ты сегодня
Зришь у ног своих с мольбой,
Сладкой влагой поцелуя
Не уймут тоску твою...
Хоть тогда за кончик <...>
Ты бы отдал жизнь свою.

<1834>

319

Он был в краю святом,
На холмах Палестины.
Стальной его шелом
Иссекли сарацины.

Понес он в край святой
Цветущие ланиты;
Вернулся он домой
Плешивый и избитый.

Неверных он громил
Обеими руками —
Ни жен их не щадил,
Ни малых с стариками.

Встречаясь с ним подчас,
Смущалися красотки;
Он пялил их не раз,
Перебирая четки.

Вернулся он в свой дом
Без славы и без злата;
Глядит — детей содом,
Жена его брюхата.

Пришибло старика...

<1834 ?>

320

Ах! – ныне я не тот совсем,
Меня друзья бы не узнали,
И на челе тогда моем
Власы седые не блистали.
Я был еще совсем не стар;
А иссушил мне сердце жар
Страстей, явилися морщины

И ненавистные седины,
Но и теперь преклонных лет
Я презираю тяготенье.
Я знал еще души волненье —
Любви минувшей грозный след,
Но говорю: краса Терезы...
Теперь среди сердечной грезы
Мне кажется: идет она
Между каштанов и черешен...
Катится по небу луна...
Как я доволен и утешен!
Я вижу кудри, — взор живой
Горячей влагою оделся, —
Как жемчуг перси белизной.
Так живо образ дорогой
В уме моем напечатлелся!
Стан невысокой помню я
И азиятские движенья,
Уста пурпурные ея,
Стыда румянец и смятенье.
Но полно! полно! я любил,
Я чувств своих не изменил!..
. . . .
Любовь, сокрывшись в сердце диком,
В одних лишь крайностях горит,
И вечно —тщетно рок свирепый
Восстал — меня не охладит,
И тень минувшего бежит
Поныне всюду за Мазепой.

<1834 ?>

321

Когда, надежде недоступный,
Не смея плакать и любить,
Пороки юности преступной
Я мнил страданьем искупить;
Когда былое ежечасно
Очам являлося моим

И всё, что свято и прекрасно,
Отозвалося мне чужим;
Тогда молитвой безрассудной
Я долго Богу докучал
И вдруг услышал голос чудный.
«Чего ты просишь? — он вещал. —
Ты жить устал? — но я ль виновен;
Смири страстей своих порыв;
Будь, как другие, хладнокровен,
Будь, как другие, терпелив.
Твое блаженство было ложно;
Ужель мечты тебе так жаль?
Глупец! где посох твой дорожный?
Возьми его, пускайся в даль;
Пойдешь ли ты через пустыню
Иль город пышный и большой,
Не обожай ничью святыню,
Нигде приют себе не строй».

<1833–1834 ?>

322. А-РУ А-ЧУ ФАДДЕЕВУ

О ты, которого зовут
Мошенник, пьяница и плут,
Подлец, баран и мародер,
На сей листок склони свой взор,
И знай: его не я один,
Но все писали, сукин сын!
Есть подлецы, которых бьют,
Которым в рожу все плюют,
Но, униженные, они
Во тьме свои скрывают дни,
А ты оплеван, ты и бит,
Но всё хранишь свой гордый вид.
В жилище смрада и говна
Твои блистают имена;
Но прилагательными их
Я не хочу марать свой стих…

<1834–1836 ?>

323

1

Опять, народные витии,
За дело падшее Литвы
На славу гордую России
Опять шумя восстали вы.
Уж вас казнил могучим словом
Поэт, восставший в блеске новом
От продолжительного сна,
И порицания покровом
Одел он ваши имена.

2

Что это: вызов ли надменный,
На битву ль бешеный призыв?
Иль голос зависти смущенной,
Бессилья злобного порыв?..
Да, хитрой зависти ехидна
Вас пожирает; вам обидна
Величья нашего заря;
Вам солнца Божьего не видно
За солнцем русского царя.

3

Давно привыкшие венцами
И уважением<?> играть,
Вы мнили грязными руками
Венец блестящий запятнать.
Вам непонятно, вам несродно
Всё, что высоко, благородно;
Не знали вы, что грозный щит
Любви и гордости народной
От вас венец тот сохранит.

<4>

Безумцы мелкие, вы правы,
Мы чужды ложного стыда!
. . . .

<5>

Но честь России невредима.
И вам смеясь внимает свет...
Так в дни воинственные Рима,
Во дни торжественных побед,
Когда триумфом шел Фабриций
И раздавался по столице
Восторга благодарный клик,
Бежал за светлой колесницей
Один наемный клеветник.

<1834–1836 ?>

324. ГОСТЬ

(Быль)

(Посвящается *****)

Клариссу юноша любил,
   Давно тому назад.
Он сердце девы получил:
   А сердце — лучший клад.
Уж громкой колокол гудёт,
   И в церкви поп с венцами ждёт.

И вдруг раздался крик войны,
   Подъяты знамена:
Спешат отечества сыны —
   И ноги в стремена!
Идет Калмар, томим тоской,
Проститься с девой молодой.

«Клянись, что вечно, — молвил он, —
Мне не изменишь ты! —
Пускай холодной смерти сон,
О дева красоты,
Нас осеняет под землёй,
Коль не венцы любви святой!»

Кларисса клятву говорит,
Дрожит слеза в очах,
Разлуки поцелуй горит
На розовых устах:
«Вот поцелуй последний мой —
С тобою в храм и в гроб с тобой!»

— Итак, прости! жалей меня:
Печален мой удел! —
Калмар садится на коня
И вихрем полетел...
Дни мчатся... снег в полях лежит...
Всё дева плачет да грустит...

Вот и весна явилась вновь,
И в солнце прежний жар.
Проходит женская любовь,
Забыт, забыт Калмар!
И должен получить другой
Ее красу с ее рукой.

С невестой под руку жених
Пирует за столом,
Гостей обходит и родных
Стакан, шипя вином.
Пир брачный весело шумит;
Лишь молча гость один сидит.

На нем шелом избит в боях,
Под хладной сталью лик,
И плащ изорван на плечах,
И ржавый меч велик.

Сидит он прям и недвижим,
И речь начать боятся с ним...

«Что гость любезный наш не пьет, —
   Кларисса вдруг к нему, —
И что он нить не перервет
   Молчанью своему?
Кто он? откуда в нашу дверь?
Могу ли я узнать теперь?»

Не стон, не вздох он испустил —
   Какой-то странный звук
Невольным страхом поразил
   Мою невесту вдруг.
Все гости: ах! — открыл пришлец
Лицо свое: — то был мертвец.

Трепещут все, спасенья нет,
   Жених забыл свой меч.
«Ты помнишь ли, — сказал скелет, —
   Свою прощальну речь:
Калмар забыт не будет мной;
С тобою в храм и в гроб с тобой!

Калмар твой пал на битве — там,
   В отчаянной борьбе.
Венец, девица, в гробе нам:
   Я верен был тебе!..»
Он обхватил ее рукой,
И оба скрылись под землей.

В том доме каждый круглый год
   Две тени, говорят,
(Когда меж звезд луна бредет,
   И все живые спят)
Являются, как легкий дым,
Бродя по комнатам пустым!..

<1835–1836 ?>

325

И на театре, как на сцене света,
Мы не выходим из балета,
Захочется ль кому
К честям и званиям пробить себе дорогу,
Работы нет его уму —
Умей он поднимать лишь ногу.

<1835–1836 ?>

326

Это случилось в последние годы могучего Рима.
Царствовал грозный Тиверий и гнал христиан
беспощадно;
Но ежедневно на месте отрубленных ветвей, у древа
Церкви Христовой юные вновь зеленели побеги.
В тайной пещере, над Тибром ревущим, скрывался
в то время
Праведный старец, в посте и молитве свой век доживая;
Бог его в людях своей благодатью прославил.
Чудный он дар получил: исцелять от недугов телесных
И от страданий душевных. Рано утром, однажды,
Горько рыдая, приходит к нему старуха простого
Звания, — с нею и муж ее, грусти безмолвной исполнен,
Просит она воскресить ее дочь, внезапно во цвете
Девственной жизни умершую... — Вот уж два дня
и две ночи, —
Так она говорила, — мы наших богов неотступно
Молим во храмах и жжем ароматы на мраморе хладном,
Золото сыплем жрецам их и плачем, — но всё бесполезно!
Если б знал ты Виргинию нашу, то жалость стеснила б
Сердце твое, равнодушное к прелестям мира: как часто
Дряхлые старцы, любуясь на белые плечи,
волнистые кудри,
На темные очи ее — молодели; юноши страстным
Взором ее провожали, когда, напевая простую
Песню, амфору держа над главой, осторожно, тропинкой
К Тибру спускалась она за водою; иль, в пляске

Перед домашним порогом, подруг побеждала искусством,
Звонким ребяческим смехом родительский слух утешая.
Только в последнее время приметно она изменилась:
Игры наскучили ей, и взор отуманился думой,
Из дома стала она уходить до зари, возвращаясь
Вечером темным, и ночи без сна проводила. При свете
Поздней лампады я видела раз, как она, на коленах,
Тихо, усердно и долго молилась... кому?.. неизвестно...

<1835–1841 ?>

327. УМИРАЮЩИЙ ГЛАДИАТОР

I see before me the gladiator lie...
Byron

Ликует буйный Рим... торжественно гремит
Рукоплесканьями широкая арена:
А он — пронзенный в грудь — безмолвно он лежит,
Во прахе и крови скользят его колена...
И молит жалости напрасно мутный взор:
Надменный временщик и льстец его сенатор
Венчают похвалой победу и позор...
Что знатным и толпе сраженный гладиатор?
Он презрен и забыт... освистанный актер.

И кровь его течет — последние мгновенья
Мелькают, — близок час... вот луч воображенья
Сверкнул в его душе... пред ним шумит Дунай...
И родина цветет... свободный жизни край;
Он видит круг семьи, оставленный для брани,
Отца, простершего немеющие длани,
Зовущего к себе опору дряхлых дней...
Детей играющих — возлюбленных детей.
Все ждут его назад с добычею и славой,
Напрасно — жалкий раб, — он пал, как зверь лесной,
Бесчувственной толпы минутною забавой...
Прости, развратный Рим, — прости, о край родной...

Не так ли ты, о европейский мир,
Когда-то пламенных мечтателей кумир,
К могиле клонишься бесславной головою,
Измученный в борьбе сомнений и страстей,
Без веры, без надежд — игралище детей,
Осмеянный ликующей толпою!

И пред кончиною ты взоры обратил
С глубоким вздохом сожаленья
На юность светлую, исполненную сил,
Которую давно для язвы просвещенья,
Для гордой роскоши беспечно ты забыл:
Стараясь заглушить последние страданья,
Ты жадно слушаешь и песни старины,
И рыцарских времен волшебные преданья —
Насмешливых льстецов несбыточные сны.

<1836>

328. ЕВРЕЙСКАЯ МЕЛОДИЯ

(Из Байрона)

Душа моя мрачна. Скорей, певец, скорей!
   Вот арфа золотая:
Пускай персты твои, промчавшися по ней,
   Пробудят в струнах звуки рая.
И если не навек надежды рок унес,
   Они в груди моей проснутся,
И если есть в очах застывших капля слез —
   Они растают и прольются.

Пусть будет песнь твоя дика. Как мой венец,
   Мне тягостны веселья звуки!
Я говорю тебе: я слез хочу, певец,
   Иль разорвется грудь от муки.
Страданьями была упитана она,
   Томилась долго и безмолвно;
И грозный час настал — теперь она полна,
   Как кубок смерти, яда полный.

<1836 ?>

329. В АЛЬБОМ

(Из Байрона)

Как одинокая гробница
Вниманье путника зовет,
Так эта бледная страница
Пусть милый взор твой привлечет.

И если после многих лет
Прочтешь ты, как мечтал поэт,
И вспомнишь, как тебя любил он,
То думай, что его уж нет,
Что сердце здесь похоронил он.

<1836 ?>

330. ВЕТКА ПАЛЕСТИНЫ

Скажи мне, ветка Палестины:
Где ты росла, где ты цвела?
Каких холмов, какой долины
Ты украшением была?

У вод ли чистых Иордана
Востока луч тебя ласкал,
Ночной ли ветр в горах Ливана
Тебя сердито колыхал?

Молитву ль тихую читали
Иль пели песни старины,
Когда листы твои сплетали
Солима бедные сыны?

И пальма та жива ль поныне?
Всё так же ль манит в летний зной
Она прохожего в пустыне
Широколиственной главой?

Или в разлуке безотрадной
Она увяла, как и ты,
И дольний прах ложится жадно
На пожелтевшие листы?..

Поведай: набожной рукою
Кто в этот край тебя занес?
Грустил он часто над тобою?
Хранишь ты след горючих слез?

Иль, Божьей рати лучший воин,
Он был, с безоблачным челом,
Как ты, всегда небес достоин
Перед людьми и Божеством?..

Заботой тайною хранима,
Перед иконой золотой
Стоишь ты, ветвь Ерусалима,
Святыни верный часовой!

Прозрачный сумрак, луч лампады,
Кивот и крест, символ святой…
Всё полно мира и отрады
Вокруг тебя и над тобой.

<1836 ?>

331

Никто моим словам не внемлет… я один.
День гаснет… красными рисуясь полосами,
На запад уклонились тучи, и камин
Трещит передо мной. — Я полон весь мечтами
О будущем… и дни мои толпой
Однообразною проходят предо мной,
И тщетно я ищу смущенными очами
Меж них хоть день один, отмеченный судьбой!

<1836–1837 ?>

332

Мое грядущее в тумане,
Было<е> полно мук и зла...
Зачем не позже иль не ране
Меня природа создала?
К чему творец меня готовил,
Зачем так грозно прекословил
Надеждам юности моей?..
Добра и зла он дал мне чашу,
Сказав: я жизнь твою украшу,
Ты будешь славен меж людей!..

И я словам его поверил,
И, полный волею страстей,
Я будущность свою измерил
Обширностью души своей;
С святыней зло во мне боролось,
Я удушил святыни голос,
Из сердца слезы выжал я;
Как юный плод, лишенный сока,
Оно увяло в бурях рока
Под знойным солнцем бытия.

Тогда, для поприща готовый,
Я дерзко вник в сердца людей
Сквозь непонятные покровы
Приличий светских и страстей.

<1836–1837 ?>

333

....
Великий муж! Здесь нет награды,
Достойной доблести твоей!
Ее на небе сыщут взгляды,
И не найдут среди людей.

Но беспристрастное преданье
Твой славный подвиг сохранит,

И, услыхав твое названье,
Твой сын душою закипит.

Свершит блистательную тризну
Потомок поздний над тобой
И с непритворною слезой
Промолвит: «Он любил отчизну!»

<1836–1838 ?>

334. СМЕРТЬ ПОЭТА

Погиб поэт! — невольник чести —
Пал, оклеветанный молвой,
С свинцом в груди и жаждой мести,
Поникнув гордой головой!..
Не вынесла душа поэта
Позора мелочных обид,
Восстал он против мнений света
Один как прежде... и убит!
Убит!.. к чему теперь рыданья,
Пустых похвал ненужный хор
И жалкий лепет оправданья?
Судьбы свершился приговор!
Не вы ль сперва так злобно гнали
Его свободный, смелый дар
И для потехи раздували
Чуть затаившийся пожар?
Что ж? веселитесь... — он мучений
Последних вынести не мог:
Угас, как светоч, дивный гений,
Увял торжественный венок.

Его убийца хладнокровно
Навел удар... спасенья нет.
Пустое сердце бьется ровно,
В руке не дрогнул пистолет.
И что за диво?.. издалека,
Подобный сотням беглецов,

На ловлю счастья и чинов
Заброшен к нам по воле рока;
Смеясь, он дерзко презирал
Земли чужой язык и нравы;
Не мог щадить он нашей славы;
Не мог понять в сей миг кровавый,
На что он руку поднимал!..

И он убит — и взят могилой,
Как тот певец, неведомый, но милой,
Добыча ревности глухой,
Воспетый им с такою чудной силой,
Сраженный, как и он, безжалостной рукой.

Зачем от мирных нег и дружбы простодушной
Вступил он в этот свет завистливый и душный
Для сердца вольного и пламенных страстей?
Зачем он руку дал клеветникам ничтожным,
Зачем поверил он словам и ласкам ложным,
Он, с юных лет постигнувший людей?..

И прежний сняв венок, — они венец терновой,
Увитый лаврами, надели на него:
Но иглы тайные сурово
Язвили славное чело;
Отравлены его последние мгновенья
Коварным шопотом насмешливых невежд,
И умер он — с напрасной жаждой мщенья,
С досадой тайною обманутых надежд.
Замолкли звуки чудных песен,
Не раздаваться им опять:
Приют певца угрюм и тесен,
И на устах его печать.

А вы, надменные потомки
Известной подлостью прославленных отцов,
Пятою рабскою поправшие обломки
Игрою счастия обиженных родов!
Вы, жадною толпой стоящие у трона,
Свободы, Гения и Славы палачи!

Таитесь вы под сению закона,
Пред вами суд и правда — всё молчи!..
Но есть и Божий суд, наперсники разврата!
Есть грозный суд: он ждет;
Он не доступен звону злата,
И мысли и дела он знает наперед.
Тогда напрасно вы прибегнете к злословью:
Оно вам не поможет вновь,
И вы не смоете всей вашей черной кровью
Поэта праведную кровь!

<1837>

335. УЗНИК

Отворите мне темницу,
Дайте мне сиянье дня,
Черноглазую девицу,
Черногривого коня.
Я красавицу младую
Прежде сладко поцалую,
На коня потом вскочу,
В степь, как ветер, улечу.

Но окно тюрьмы высоко,
Дверь тяжелая с замком;
Черноокая далеко,
В пышном тереме своем;
Добрый конь в зеленом поле
Без узды, один, по воле
Скачет весел и игрив,
Хвост по ветру распустив.

Одинок я — нет отрады:
Стены голые кругом,
Тускло светит луч лампады
Умирающим огнем;
Только слышно: за дверями,
Звучномерными шагами,

Ходит в тишине ночной
Безответный часовой.

<1837; 1839 ?>

336. СОСЕД

Кто б ни был ты, печальный мой сосед,
Люблю тебя, как друга юных лет,
   Тебя, товарищ мой случайный,
Хотя судьбы коварною игрой
Навеки мы разлучены с тобой
   Стеной теперь — а после тайной.

Когда зари румяный полусвет
В окно тюрьмы прощальный свой привет
   Мне умирая посылает
И, опершись на звучное ружье,
Наш часовой, про старое житье
   Мечтая, стоя засыпает,

Тогда, чело склонив к сырой стене,
Я слушаю — и в мрачной тишине
   Твои напевы раздаются.
О чем они — не знаю; но тоской
Исполнены, и звуки чередой,
   Как слезы, тихо льются, льются...

И лучших лет надежды и любовь —
В груди моей всё оживает вновь,
   И мысли далеко несутся,
И полон ум желаний и страстей,
И кровь кипит — и слезы из очей,
   Как звуки друг за другом, льются.

<1837>

337

Когда волнуется желтеющая нива
И свежий лес шумит при звуке ветерка,
И прячется в саду малиновая слива
Под тенью сладостной зеленого листка;

Когда росой обрызганный душистой,
Румяным вечером иль утра в час златой,
Из-под куста мне ландыш серебристый
Приветливо кивает головой;

Когда студеный ключ играет по оврагу
И, погружая мысль в какой-то смутный сон,
Лепечет мне таинственную сагу
Про мирный край, откуда мчится он, —

Тогда смиряется души моей тревога,
Тогда расходятся морщины на челе, —
И счастье я могу постигнуть на земле,
И в небесах я вижу Бога...

<1837>

338. МОЛИТВА

Я, Матерь Божия, ныне с молитвою
Пред Твоим образом, ярким сиянием,
Не о спасении, не перед битвою,
Не с благодарностью иль покаянием,

Не за свою молю душу пустынную,
За душу странника в свете безродного;
Но я вручить хочу деву невинную
Теплой Заступнице мира холодного.

Окружи счастием душу достойную;
Дай ей сопутников, полных внимания,
Молодость светлую, старость покойную,
Сердцу незлобному мир упования.

Срок ли приблизится часу прощальному
В утро ли шумное, в ночь ли безгласную,
Ты восприять пошли к ложу печальному
Лучшего ангела душу прекрасную.

<1837>

339

Расстались мы; но твой портрет
Я на груди моей храню:
Как бледный призрак лучших лет,
Он душу радует мою.

И, новым преданный страстям,
Я разлюбить его не мог:
Так храм оставленный — всё храм,
Кумир поверженный — всё бог!

<1837>

340. <ЭПИГРАММА НА Н. КУКОЛЬНИКА>

В Большом театре я сидел,
Давали Скопина: — я слушал и смотрел.
Когда же занавес при плесках опустился,
Тогда сказал знакомый мне один:
Что, братец! жаль! — вот умер и Скопин!..
Ну, право, лучше б не родился.

<1837>

341. ПОСЛАНИЕ

Катерина, Катерина!
Удалая голова!
Из святого Августина
Ты заимствуешь слова.

Но святые изреченья
Помрачаются грехом,

Изменилось их значенье
На листочке голубом;

Так, я помню, пред амвоном
Пьяный поп отец Евсей,
Запинаясь, важным тоном
Поучал своих детей;

Лишь начнет — хоть плачь заране...
А смотри, как силен Враг!
Только кончит — все миряне
Отправляются в кабак.

<*1837*>

342. БОРОДИНО

«Скажи-ка, дядя, ведь недаром
Москва, спаленная пожаром,
   Французу отдана?
Ведь были ж схватки боевые?
Да, говорят, еще какие!
Недаром помнит вся Россия
   Про день Бородина!»

— Да, были люди в наше время,
Не то, что нынешнее племя:
   Богатыри — не вы!
Плохая им досталась доля:
Немногие вернулись с поля...
Не будь на то Господня воля,
   Не отдали б Москвы!

Мы долго молча отступали,
Досадно было, боя ждали,
   Ворчали старики:
«Что ж мы? на зимние квартиры?
Не смеют что ли командиры
Чужие изорвать мундиры
   О русские штыки?»

И вот нашли большое поле:
Есть разгуляться где на воле!
  Построили редут.
У наших ушки на макушке!
Чуть утро осветило пушки
И леса синие верхушки —
  Французы тут как тут.

Забил заряд я в пушку туго
И думал: угощу я друга!
  Постой-ка, брат, мусью!
Что тут хитрить, пожалуй к бою;
Уж мы пойдем ломить стеною,
Уж постоим мы головою
  За родину свою!

Два дня мы были в перестрелке.
Что толку в этакой безделке?
  Мы ждали третий день.
Повсюду стали слышны речи:
«Пора добраться до картечи!»
И вот на поле грозной сечи
  Ночная пала тень.

Прилег вздремнуть я у лафета,
И слышно было до рассвета,
  Как ликовал француз.
Но тих был наш бивак открытый:
Кто кивер чистил весь избитый,
Кто штык точил, ворча сердито,
  Кусая длинный ус.

И только небо засветилось,
Всё шумно вдруг зашевелилось,
  Сверкнул за строем строй.
Полковник наш рожден был хватом:
Слуга царю, отец солдатам...
Да, жаль его: сражен булатом,
  Он спит в земле сырой.

И молвил он, сверкнув очами:
«Ребята! не Москва ль за нами?
   Умремте ж под Москвой,
Как наши братья умирали!»
— И умереть мы обещали,
И клятву верности сдержали
   Мы в бородинский бой.

Ну ж был денёк! Сквозь дым летучий
Французы двинулись как тучи,
   И всё на наш редут.
Уланы с пестрыми значками,
Драгуны с конскими хвостами,
Все промелькнули перед нами,
   Все побывали тут.

Вам не видать таких сражений!..
Носились знамена как тени,
   В дыму огонь блестел,
Звучал булат, картечь визжала,
Рука бойцов колоть устала,
И ядрам пролетать мешала
   Гора кровавых тел.

Изведал враг в тот день немало,
Что значит русский бой удалый,
   Наш рукопашный бой!..
Земля тряслась — как наши груди;
Смешались в кучу кони, люди,
И залпы тысячи орудий
   Слились в протяжный вой...

Вот смерклось. Были все готовы
Заутра бой затеять новый
   И до конца стоять...
Вот затрещали барабаны —
И отступили басурманы.
Тогда считать мы стали раны,
   Товарищей считать.

Да, были люди в наше время,
Могучее, лихое племя:
Богатыри — не вы.
Плохая им досталась доля:
Немногие вернулись с поля.
Когда б на то не Божья воля,
Не отдали б Москвы!

<1837>

343. <ЭПИГРАММА НА Ф. БУЛГАРИНА, I>

Россию продает Фадей
Не в первый раз, как вам известно,
Пожалуй он продаст жену, детей,
И мир земной, и рай небесной,
Он совесть продал бы за сходную цену,
Да жаль — заложена в казну.

<1837>

344. <ЭПИГРАММА НА Ф. БУЛГАРИНА, II>

Россию продает Фадей
И уж не в первый раз, злодей.

<1837>

345

Тебе, Кавказ, суровый царь земли,
Я снова посвящаю стих небрежный.
Как сына, ты его благослови
И осени вершиной белоснежной.
Еще ребенком, чуждый и любви,
И дум честолюбивых, я беспечно
Бродил в твоих ущельях, грозный, вечный,
Угрюмый великан, меня носил
Ты бережной, как пестун, юных сил
Хранитель верный — [и мечтою
Я страстно обнимал тебя порою].

И мысль моя, свободна и легка,
Бродила по утесам, где, блистая
Лучом зари, сбирались облака,
Туманные вершины омрачая,
Косматые, как перья шишака;
А вдалеке, как вечные ступени
С земли на небо, в край моих видений,
Зубчатою тянулись полосой,
Таинственней, синей одна другой,
Всё горы, чуть приметные для глаза,
Сыны и братья грозного Кавказа.

<1837>

346

Се Маккавей водопийца кудрявые речи раскинул,
как сети;
Злой сердцелов! ожидает добычи, рекая <?> в пустыне,
Сухосплетенные мышцы расправил и, корпий
Вынув клоком из чутких ушей, уловить замышляет
Слово обидное, грозно вращая зелено-сереющим оком,
Зубом верхним о нижний, как уголь черный, щелкая.

<1837>

347

Остаться без носу — наш Маккавей боялся,
Приехал на воды — и с носом он остался.

<1837>

348. <А. ПЕТРОВУ>

Ну что скажу тебе я спросту?
Мне не с руки хвала и лесть:
Дай Бог тебе побольше росту —
Другие качества все есть.

<1837 ?>

349

Слышу ли голос твой
Звонкий и ласковый,
Как птичка в клетке
Сердце запрыгает;

Встречу ль глаза твои
Лазурно-глубокие,
Душа им навстречу
Из груди просится,

И как-то весело,
И хочется плакать,
И так на шею бы
Тебе я кинулся.

<1837 ?>

350

Спеша на север издалека,
Из теплых и чужих сторон,
Тебе, Казбек, о страж востока,
Принес я, странник, свой поклон.

Чалмою белою от века
Твой лоб наморщенный увит,
И гордый ропот человека
Твой гордый мир не возмутит.

Но сердца тихого моленье
Да отнесут твои скалы
В надзвездный край, в твое владенье,
К престолу вечному Аллы.

Молю, да снидет день прохладный
На знойный дол и пыльный путь,
Чтоб мне в пустыне безотрадной
На камне в полдень отдохнуть.

Молю, чтоб буря не застала,
Гремя в наряде боевом,
В ущелье мрачного Дарьяла
Меня с измученным конем.

Но есть еще одно желанье!
Боюсь сказать! — душа дрожит!
Что если я со дня изгнанья
Совсем на родине забыт!

Найду ль там прежние объятья?
Старинный встречу ли привет?
Узнают ли друзья и братья
Страдальца, после многих лет?

Или среди могил холодных
Я наступлю на прах родной
Тех добрых, пылких, благородных,
Деливших молодость со мной?

О если так! своей метелью,
Казбек, засыпь меня скорей
И прах бездомный по ущелью
Без сожаления развей.

<1837 ?>

351

Как небеса, твой взор блистает
   Эмалью голубой,
Как поцелуй, звучит и тает
   Твой голос молодой;

За звук один волшебной речи,
   За твой единый взгляд
Я рад отдать красавца сечи,
   Грузинской мой булат;

И он порою сладко блещет,
   И сладостней звучит,
При звуке том душа трепещет
   И в сердце кровь кипит.

Но жизнью бранной и мятежной
   Не тешусь я с тех пор,
Как услыхал твой голос нежный
   И встретил милый взор.

<1837–1838 ?>

352

Гляжу на будущность с боязнью,
Гляжу на прошлое с тоской
И, как преступник перед казнью,
Ищу кругом души родной;
Придет ли вестник избавленья
Открыть мне жизни назначенье,
Цель упований и страстей,
Поведать — что мне бог готовил,
Зачем так горько прекословил
Надеждам юности моей.

Земле я отдал дань земную
Любви, надежд, добра и зла;
Начать готов я жизнь другую,
Молчу и жду: пора пришла;
Я в мире не оставлю брата,
И тьмой и холодом объята
Душа усталая моя;
Как ранний плод, лишенный сока,
Она увяла в бурях рока
Под знойным солнцем бытия.

<1837 –1838 ?>

353. КИНЖАЛ

Люблю тебя, булатный мой кинжал,
Товарищ светлый и холодный.
Задумчивый грузин на месть тебя ковал,
На грозный бой точил черкес свободный.

Лилейная рука тебя мне поднесла
В знак памяти, в минуту расставанья,
И в первый раз не кровь вдоль по тебе текла,
Но светлая слеза — жемчужина страданья.

И черные глаза, остановясь на мне,
Исполненны таинственной печали,
Как сталь твоя при трепетном огне,
То вдруг тускнели, то сверкали.

Ты дан мне в спутники, любви залог немой,
И страннику в тебе пример не бесполезный:
Да, я не изменюсь и буду тверд душой,
Как ты, как ты, мой друг железный.

<1837–1838; 1841>

354

Она поет — и звуки тают,
Как поцалуи на устах,
Глядит — и небеса играют
В ее божественных глазах;
Идет ли — все ее движенья,
Иль молвит слово — все черты
Так полны чувства, выраженья,
Так полны дивной простоты.

<1837–1838 ?>

355

Я не хочу, чтоб свет узнал
Мою таинственную повесть;
Как я любил, за что страдал,
Тому судья лишь Бог да совесть!..

Им сердце в чувствах даст отчет;
У них попросит сожаленья;
И пусть меня накажет тот,
Кто изобрел мои мученья;

Укор невежд, укор людей
Души высокой не печалит;
Пускай шумит волна морей,
Утес гранитный не повалит;

Его чело меж облаков,
Он двух стихий жилец угрюмый,
И кроме бури да громов
Он никому не вверит думы...

<1837–1838 ?>

356

Не смейся над моей пророческой тоскою;
Я знал: удар судьбы меня не обойдет;
Я знал, что голова, любимая тобою,
   С твоей груди на плаху перейдет;
Я говорил тебе: ни счастия, ни славы
Мне в мире не найти; — настанет час кровавой,
   И я паду; и хитрая вражда
С улыбкой очернит мой недоцветший гений;
         И я погибну без следа
         Моих надежд, моих мучений;
Но я без страха жду довременный конец.
   Давно пора мне мир увидеть новой;
   Пускай толпа растопчет мой венец:
      Венец певца, венец терновый!..
      Пускай! я им не дорожил.

<1837–1838 ?>

357. ПОЭТ

Отделкой золотой блистает мой кинжал;
 Клинок надежный, без порока;
Булат его хранит таинственный закал —
 Наследье бранного востока.
Наезднику в горах служил он много лет,
 Не зная платы за услугу;
Не по одной груди провел он страшный след,
 И не одну прорвал кольчугу.
Забавы он делил послушнее раба,
 Звенел в ответ речам обидным.
В те дни была б ему богатая резьба
 Нарядом чуждым и постыдным.
Он взят за Тереком отважным казаком
 На хладном трупе господина,
И долго он лежал заброшенный потом
 В походной лавке армянина.
Теперь родных ножон, избитых на войне,
 Лишен героя спутник бедный;
Игрушкой золотой он блещет на стене —
 Увы, бесславный и безвредный!
Никто привычною, заботливой рукой
 Его не чистит, не ласкает,
И надписи его, молясь перед зарей,
 Никто с усердьем не читает...

В наш век изнеженный не так ли ты, поэт,
 Свое утратил назначенье,
На злато променяв ту власть, которой свет
 Внимал в немом благоговеньи?
Бывало, мерный звук твоих могучих слов
 Воспламенял бойца для битвы;
Он нужен был толпе, как чаша для пиров,
 Как фимиам в часы молитвы.
Твой стих, как Божий дух, носился над толпой;
 И отзыв мыслей благородных
Звучал, как колокол на башне вечевой
 Во дни торжеств и бед народных.

Но скучен нам простой и гордый твой язык, —
   Нас тешат блёстки и обманы;
Как ветхая краса, наш ветхий мир привык
   Морщины прятать под румяны...
Проснешься ль ты опять, осмеянный пророк?
   Иль никогда, на голос мщенья,
Из золотых ножон не вырвешь свой клинок,
   Покрытый ржавчиной презренья?

<1837–1838 ?; 1839>

358. ЭКСПРОМТ М. И. Ц.

Русский немец белокурый
Едет в дальную страну,
Где косматые гяуры
Вновь затеяли войну.
Едет он, томим печалью,
На могучий пир войны;
Но иной, не бранной *Сталью*
Мысли юноши полны.

<1838>

359. ВИД ГОР ИЗ СТЕПЕЙ КОЗЛОВА

(Из Мицкевича)

П и л и г р и м
Аллах ли там среди пустыни
Застывших волн воздвиг твердыни,
Престолы ангелам своим;
Иль дивы словом роковым
Стеной умели так высоко
Громады скал нагромоздить,
Чтоб путь на север прекратить
Звездам, кочующим с востока.
         Вот свет всё небо озарил,
         То не пожар ли Цареграда,

Иль Бог ко сводам пригвоздил
Тебя, полночная лампада,
Маяк спасительный, отрада
Плывущих по морю светил.

Мирза
Там был я, там со дня созданья
Бушует вечная метель;
Потоков видел колыбель;
Дохнул, и мерзнул пар дыханья,
Я проложил мой смелый след,
Где для орлов дороги нет
И дремлет гром над глубиною,
И там, где над моей чалмою
Одна сверкала лишь звезда.
То Чатырдаг был!..

Пилигрим
А!..

<1838>

360

Quand je te vois sourire,
Mon cœur s'épanouit,
Et je voudrais te dire,
Ce que mon cœur me dit!

Alors toute ma vie
A mes yeux apparaît;
Je maudis, et je prie,
Et je pleure en secret.

Car sans toi, mon seul guide,
Sans ton regard de feu
Mon passé paraît vide,
Comme le ciel sans Dieu.

Et puis, caprice étrange,
Je me surprends bénir
Le beau jour, oh mon ange,
Où tu m'as fait souffrir!..

<1838 ?>

361. <А. Г. ХОМУТОВОЙ>

Слепец, страданьем вдохновенный,
Вам строки чудные писал,
И прежних лет восторг священной,
Воспоминаньем оживленный,
Он перед вами изливал.
Он вас не зрел, но ваши речи,
Как отголосок юных дней,
При первом звуке новой встречи
Его встревожили сильней.
Тогда признательную руку
В ответ на ваш приветный взор
Навстречу радостному звуку
Он в упоении простер.

И я, поверенный случайной
Надежд и дум его живых,
Я буду дорожить, как тайной,
Печальным выраженьем их;
Я верю: годы не убили,
Изгладить даже не могли,
Всё, что вы прежде возбудили
В его возвышенной груди.
Но да сойдет благословенье
На вашу жизнь, за то, что вы
Хоть на единое мгновенье
Умели снять венец мученья
С его преклонной головы.

<1838>

362

Смотрите, как летит, отвагою пылая...
Порой обманчива бывает старина!
Так мхом покрытая бутылка вековая
Хранит струю кипучего вина.

<1838>

363. <К Н. И. БУХАРОВУ>

Мы ждем тебя, спеши, Бухаров,
Брось царскосельских соловьев,
В кругу товарищей гусаров
Обычный кубок твой готов;
Для нас в беседе голосистой
Твой крик приятней соловья;
Нам мил и ус твой серебристый,
И трубка плоская твоя,
Нам дорога твоя отвага,
Огнем душа твоя полна,
Как вновь раскупренная влага
В бутылке старого вина.
Столетья прошлого обломок,
Меж нас остался ты один,
Гусар прославленных потомок,
Пиров и битвы гражданин.

<1838 ?>

364

Расписку просишь ты, гусар, —
Я получил твое посланье;
Родилось в сердце упованье,
И легче стал судьбы удар;
Твои пленительны картины
И дерзкой списаны рукой;
В твоих стихах есть запах винный —
А рифмы льются малафьей.

Бордели грязная свобода
Тебя в пророки избрала;
Давно для глаз твоих природа
Покров обманчивый сняла;
Чуть тронешь ты жезлом волшебным
Хоть отвратительный предмет,
Стихи звучат ключом целебным
И люди шепчут: он поэт!

Так некогда в степи безводной
Премудрый пастырь Аарон
Услышал плач и вопль народный
И жезл священный поднял он,
И на челе его угрюмом
Надежды луч блеснул живой,
И тронул камень он немой, —
И брызнул ключ с приветным шумом
Новорожденною струей.

<1838 ?>

365

Тебе, Кавказ, суровый царь земли,
Я посвящаю снова стих небрежный.
Как сына, ты его благослови
И осени вершиной белоснежной;
От юных лет к тебе мечты мои
Прикованы судьбою неизбежной;
На севере — в стране тебе чужой,
Я сердцем твой — всегда и всюду твой.

Еще ребенком, робкими шагами
Взбирался я на гордые скалы,
Увитые туманными чалмами,
Как головы поклонников Аллы́.
Там ветер машет вольными крылами,
Там ночевать слетаются орлы,
Я в гости к ним летал мечтой послушной
И сердцем был — товарищ их воздушный.

С тех пор прошло тяжелых много лет,
И вновь меня меж скал своих ты встретил,
Как некогда ребенку, твой привет
Изгнаннику был радостен и светел.
Он пролил в грудь мою забвенье бед,
И дружно я на дружний зов ответил;
И ныне здесь, в полуночном краю,
Всё о тебе мечтаю и пою.

<1838 ?>

366

Ma cousine,
Je m'incline
A genoux
à cette place!
qu'il est doux
de faire grâce!
Pardonnez
ma paresse, etc., etc.
<1838>

367. КАЗАЧЬЯ КОЛЫБЕЛЬНАЯ ПЕСНЯ

Спи, младенец мой прекрасный,
   Баюшки-баю.
Тихо смотрит месяц ясный
   В колыбель твою.
Стану сказывать я сказки,
   Песенку спою;
Ты ж дремли, закрывши глазки,
   Баюшки-баю.

По камням струится Терек,
   Плещет мутный вал;
Злой чечен ползет на берег,
   Точит свой кинжал;
Но отец твой старый воин,
   Закалён в бою:

Спи, малютка, будь спокоен,
   Баюшки-баю.

Сам узнаешь, будет время,
   Бранное житье;
Смело вденешь ногу в стремя
   И возьмешь ружье.
Я седельце боевое
   Шелком разошью...
Спи, дитя мое родное,
   Баюшки-баю.

Богатырь ты будешь с виду
   И казак душой.
Провожать тебя я выйду —
   Ты махнешь рукой...
Сколько горьких слез украдкой
   Я в ту ночь пролью!..
Спи, мой ангел, тихо, сладко,
   Баюшки-баю.

Стану я тоской томиться,
   Безутешно ждать;
Стану целый день молиться,
   По ночам гадать;
Стану думать, что скучаешь
   Ты в чужом краю...
Спи ж, пока забот не знаешь,
   Баюшки-баю.

Дам тебе я на дорогу
   Образок святой:
Ты его, моляся Богу,
   Ставь перед собой;
Да, готовясь в бой опасный,
   Помни мать свою...
Спи, младенец мой прекрасный,
   Баюшки-баю.

<*1838*>

368. ДУМА

Печально я гляжу на наше поколенье!
Его грядущее — иль пусто, иль темно,
Меж тем, под бременем познанья и сомненья,
В бездействии состарится оно.
Богаты мы, едва из колыбели,
Ошибками отцов и поздним их умом,
И жизнь уж нас томит, как ровный путь без цели,
Как пир на празднике чужом.
К добру и злу постыдно равнодушны,
В начале поприща мы вянем без борьбы;
<Перед опасностью позорно-малодушны,
И перед властию — презренные рабы.>
Так тощий плод, до времени созрелый,
Ни вкуса нашего не радуя, ни глаз,
Висит между цветов, пришлец осиротелый,
И час их красоты — его паденья час!

Мы иссушили ум наукою бесплодной,
Тая завистливо от ближних и друзей
Надежды лучшие и голос благородный
Неверием осмеянных страстей.
Едва касались мы до чаши наслажденья,
Но юных сил мы тем не сберегли;
Из каждой радости, бояся пресыщенья,
Мы лучший сок навеки извлекли.

Мечты поэзии, создания искусства
Восторгом сладостным наш ум не шевелят;
Мы жадно бережем в груди остаток чувства —
Зарытый скупостью и бесполезный клад.
И ненавидим мы, и любим мы случайно,
Ничем не жертвуя ни злобе, ни любви,
И царствует в душе какой-то холод тайный,
Когда огонь кипит в крови.
И предков скучны нам роскошные забавы,
Их добросовестный, ребяческий разврат;
И к гробу мы спешим без счастья и без славы,
Глядя насмешливо назад.

Толпой угрюмою и скоро позабытой
Над миром мы пройдем без шума и следа,
Не бросивши векам ни мысли плодовитой,
Ни гением начатого труда.
И прах наш, с строгостью судьи и гражданина,
Потомок оскорбит презрительным стихом,
Насмешкой горькою обманутого сына
Над промотавшимся отцом.

<1838>

369. <А. О. СМИРНОВОЙ>

В простосердечии невежды
Короче знать вас я желал;
Но эти сладкие надежды
Теперь я вовсе потерял.
Без вас — хочу сказать вам много,
При вас — я слушать вас хочу:
Но молча вы глядите строго,
И я в смущении молчу!
Что делать? — речью безыскусной
Ваш ум занять мне не дано...
Всё это было бы смешно,
Когда бы не было так грустно.

<1838–1839>

370

Ребенка милого рожденье
Приветствует мой запоздалый стих.
Да будет с ним благословенье
Всех ангелов небесных и земных!
Да будет он отца достоин,
Как мать его, прекрасен и любим;
Да будет дух его спокоен
И в правде тверд, как Божий херувим!
Пускай не знает он до срока
Ни мук любви, ни славы жадных дум;

Пускай глядит он без упрека
На ложный блеск и ложный мира шум;
Пускай не ищет он причины
Чужим страстям и радостям своим,
И выйдет он из светской тины
Душою бел и сердцем невредим!

<1839>

371. НЕ ВЕРЬ СЕБЕ

Que nous font après tout les vulgaires abois
De tous ces charlatans, qui donnent de la voix,
Les marchands de pathos et les faiseurs d'emphase,
Et tous les baladins qui dansent sur la phrase?

A. Barbier

Не верь, не верь себе, мечтатель молодой,
Как язвы, бойся вдохновенья...
Оно — тяжелый бред души твоей больной
Иль пленной мысли раздраженье.
В нем признака небес напрасно не ищи:
То кровь кипит, то сил избыток!
Скорее жизнь свою в заботах истощи,
Разлей отравленный напиток!

Случится ли тебе в заветный, чудный миг
Отрыть в душе давно безмолвной
Еще неведомый и девственный родник,
Простых и сладких звуков полный, —
Не вслушивайся в них, не предавайся им,
Набрось на них покров забвенья:
Стихом размеренным и словом ледяным
Не передашь ты их значенья.

Закрадется ль печаль в тайник души твоей,
Зайдет ли страсть с грозой и вьюгой,
Не выходи тогда на шумный пир людей
С своею бешеной подругой;
Не унижай себя. Стыдися торговать
То гневом, то тоской послушной

И гной душевных ран надменно выставлять
   На диво черни простодушной.

Какое дело нам, страдал ты или нет?
   На что нам знать твои волненья,
Надежды глупые первоначальных лет,
   Рассудка злые сожаленья?
Взгляни: перед тобой играючи идет
   Толпа дорогою привычной;
На лицах праздничных чуть виден след забот,
   Слезы не встретишь неприличной.

А между тем из них едва ли есть один,
   Тяжелой пыткой не измятый,
До преждевременных добравшийся морщин
   Без преступленья иль утраты!..
Поверь: для них смешон твой плач и твой укор,
   С своим напевом заучённым,
Как разрумяненный трагический актёр,
   Махающий мечом картонным...

<1839>

372. ТРИ ПАЛЬМЫ

(Восточное сказание)

В песчаных степях аравийской земли
Три гордые пальмы высоко росли.
Родник между ними из почвы бесплодной
Журча пробивался волною холодной,
Хранимый, под сенью зеленых листов,
От знойных лучей и летучих песков.

И многие годы неслышно прошли;
Но странник усталый из чуждой земли
Пылающей грудью ко влаге студёной
Еще не склонялся под кущей зеленой,
И стали уж сохнуть от знойных лучей
Роскошные листья и звучный ручей.

И стали три пальмы на Бога роптать:
«На то ль мы родились, чтоб здесь увядать?
Без пользы в пустыне росли и цвели мы,
Колеблемы вихрем и зноем палимы,
Ничей благосклонный не радуя взор?..
Не прав твой, о небо, святой приговор!»

И только замолкли — в дали голубой
Столбом уж крутился песок золотой,
Звонков раздавались нестройные звуки,
Пестрели коврами покрытые вьюки,
И шел, колыхаясь, как в море челнок,
Верблюд за верблюдом, взрывая песок.

Мотаясь, висели меж твердых горбов
Узорные полы походных шатров;
Их смуглые ручки порой подымали,
И черные очи оттуда сверкали...
И, стан худощавый к луке наклоня,
Араб горячил вороного коня.

И конь на дыбы подымался порой,
И прыгал, как барс, пораженный стрелой;
И белой одежды красивые складки
По плечам фариса вились в беспорядке;
И с криком и свистом несясь по песку,
Бросал и ловил он копье на скаку.

Вот к пальмам подходит шумя караван:
В тени их веселый раскинулся стан.
Кувшины звуча налилися водою,
И, гордо кивая махровой главою,
Приветствуют пальмы нежданных гостей,
И щедро поит их студёный ручей.

Но только что сумрак на землю упал,
По корням упругим топор застучал,
И пали без жизни питомцы столетий!
Одежду их сорвали малые дети,
Изрублены были тела их потом,
И медленно жгли их до утра огнём.

Когда же на запад умчался туман,
Урочный свой путь совершал караван;
И следом печальным на почве бесплодной
Виднелся лишь пепел седой и холодной;
И солнце остатки сухие дожгло,
А ветром их в степи потом разнесло.

И ныне всё дико и пусто кругом —
Не шепчутся листья с гремучим ключом:
Напрасно пророка о тени он просит —
Его лишь песок раскаленный заносит,
Да коршун хохлатый, степной нелюдим,
Добычу терзает и щиплет над ним.

<1839>

373. <А. А. ОЛЕНИНОЙ>

Ах! Анна Алексевна,
Какой счастливый день!
Судьба моя плачевна,
Я здесь стою как пень.
И что сказать не знаю,
А мне кричат: plus vite!
Я счастья вам желаю
Et je vous félicite.

<1839>

374

Есть речи — значенье
Темно иль ничтожно,
Но им без волненья
Внимать невозможно.

Как полны их звуки
Безумством желанья!
В них слезы разлуки,
В них трепет свиданья.

Не встретит ответа
Средь шума мирского
Из пламя и света
Рожденное слово;

Но в храме, средь боя
И где я ни буду,
Услышав его, я
Узнаю повсюду.

Не кончив молитвы,
На звук тот отвечу
И брошусь из битвы
Ему я навстречу.

<1839; 1840>

375. ПАМЯТИ А. И. О-ГО

1

Я знал его: мы странствовали с ним
В горах востока, и тоску изгнанья
Делили дружно; но к полям родным
Вернулся я, и время испытанья
Промчалося законной чередой;
А он не дождался минуты сладкой:
Под бедною походною палаткой
Болезнь его сразила, и с собой
В могилу он унес летучий рой
Еще незрелых, темных вдохновений,
Обманутых надежд и горьких сожалений!

2

Он был рожден для них, для тех надежд,
Поэзии и счастья... Но, безумный —
Из детских рано вырвался одежд
И сердце бросил в море жизни шумной,
И свет не пощадил — и Бог не спас!

Но до конца среди волнений трудных,
В толпе людской и средь пустынь безлюдных,
В нем тихий пламень чувства не угас:
Он сохранил и блеск лазурных глаз,
И звонкий детский смех, и речь живую,
И веру гордую в людей и жизнь иную.

3

Но он погиб далеко от друзей...
Мир сердцу твоему, мой милый Саша!
Покрытое землей чужих полей,
Пусть тихо спит оно, как дружба наша
В немом кладбище памяти моей!
Ты умер, как и многие, без шума,
Но с твердостью. Таинственная дума
Еще блуждала на челе твоем,
Когда глаза закрылись вечным сном;
И то, что ты сказал перед кончиной,
Из слушавших тебя не понял ни единый...

4

И было ль то привет стране родной,
Названье ли оставленного друга,
Или тоска по жизни молодой,
Иль просто крик последнего недуга,
Кто скажет нам?.. Твоих последних слов
Глубокое и горькое значенье
Потеряно. Дела твои, и мненья,
И думы, — всё исчезло без следов,
Как легкий пар вечерних облаков:
Едва блеснут, их ветер вновь уносит —
Куда они? зачем? откуда? — кто их спросит...

5

И после их на небе нет следа,
Как от любви ребенка безнадежной,
Как от мечты, которой никогда
Он не вверял заботам дружбы нежной...

Что за нужда? Пускай забудет свет
Столь чуждое ему существованье:
Зачем тебе венцы его вниманья
И терния пустых его клевет?
Ты не служил ему. Ты с юных лет
Коварные его отвергнул цепи:
Любил ты моря шум, молчанье синей степи —

6

И мрачных гор зубчатые хребты...
И, вкруг твоей могилы неизвестной,
Всё, чем при жизни радовался ты,
Судьба соединила так чудесно:
Немая степь синеет, и венцом
Серебряным Кавказ ее объемлет;
Над морем он, нахмурясь, тихо дремлет,
Как великан, склонившись над щитом,
Рассказам волн кочующих внимая,
А море Черное шумит не умолкая.

<1839>

376

На буйном пиршестве задумчив он сидел
Один, покинутый безумными друзьями,
И в даль грядущую, закрытую пред нами,
   Духовный взор его смотрел.

И помню я, исполнены печали,
Средь звона чаш, и криков, и речей,
И песен праздничных, и хохота гостей,
   Его слова пророчески звучали.

Он говорил: ликуйте, о друзья!
Что вам судьбы дряхлеющего мира?..
Над вашей головой колеблется секира,
   Но что ж!.. из вас один ее увижу я.

<1839>

377. <Э. К. МУСИНОЙ-ПУШКИНОЙ>

Графиня Эмилия —
Белее чем лилия,
Стройней ее талии
На свете не встретится.
И небо Италии
В глазах ее светится,
Но сердце Эмилии
Подобно Бастилии.

<1839>

378. МОЛИТВА

В минуту жизни трудную
Теснится ль в сердце грусть:
Одну молитву чудную
Твержу я наизусть.

Есть сила благодатная
В созвучьи слов живых,
И дышит непонятная,
Святая прелесть в них.

С души как бремя скатится,
Сомненье далеко —
И верится, и плачется,
И так легко, легко...

<1839>

379. ДАРЫ ТЕРЕКА

Терек воет, дик и злобен,
Меж утесистых громад,
Буре плач его подобен,
Слезы брызгами летят.
Но, по степи разбегаясь,
Он лукавый принял вид

И, приветливо ласкаясь,
Морю Каспию журчит:

«Расступись, о старец-море,
Дай приют моей волне!
Погулял я на просторе,
Отдохнуть пора бы мне.
Я родился у Казбека,
Вскормлен грудью облаков,
С чуждой властью человека
Вечно спорить был готов.
Я, сынам твоим в забаву,
Разорил родной Дарьял
И валунов им, на славу,
Стадо целое пригнал».

Но, склонясь на мягкий берег,
Каспий стихнул, будто спит,
И опять, ласкаясь, Терек
Старцу на ухо журчит:

«Я привез тебе гостинец!
То гостинец не простой:
С поля битвы кабардинец,
Кабардинец удалой.
Он в кольчуге драгоценной,
В налокотниках стальных:
Из Корана стих священный
Писан золотом на них.
Он угрюмо сдвинул брови,
И усов его края
Обагрила знойной крови
Благородная струя;
Взор открытый, безответный,
Полон старою враждой;
По затылку чуб заветный
Вьется черною космой».

Но, склонясь на мягкий берег,
Каспий дремлет и молчит;

И, волнуясь, буйный Терек
Старцу снова говорит:

«Слушай, дядя: дар бесценный!
Что другие все дары?
Но его от всей вселенной
Я таил до сей поры.
Я примчу к тебе с волнами
Труп казачки молодой,
С темно-бледными плечами,
С светло-русою косой.
Грустен лик ее туманный,
Взор так тихо, сладко спит,
А на грудь из малой раны
Струйка алая бежит.
По красотке-молодице
Не тоскует над рекой
Лишь один во всей станице
Казачина гребенской.
Оседлал он вороного,
И в горах, в ночном бою,
На кинжал чеченца злого
Сложит голову свою».

Замолчал поток сердитый,
И над ним, как снег бела,
Голова с косой размытой,
Колыхаяся, всплыла.

И старик во блеске власти
Встал, могучий, как гроза,
И оделись влагой страсти
Темно-синие глаза.

Он взыграл, веселья полный, —
И в объятия свои
Набегающие волны
Принял с ропотом любви.

<1839>

380

1-е января

Как часто, пестрою толпою окружен,
Когда передо мной, как будто бы сквозь сон,
При шуме музыки и пляски,
При диком шепоте затверженных речей,
Мелькают образы бездушные людей,
Приличьем стянутые маски,

Когда касаются холодных рук моих
С небрежной смелостью красавиц городских
Давно бестрепетные руки, —
Наружно погружась в их блеск и суету,
Ласкаю я в душе старинную мечту,
Погибших лет святые звуки.

И если как-нибудь на миг удастся мне
Забыться, — памятью к недавней старине
Лечу я вольной, вольной птицей;
И вижу я себя ребенком; и кругом
Родные всё места: высокий барский дом
И сад с разрушенной теплицей;

Зеленой сетью трав подернут спящий пруд,
А за прудом село дымится — и встают
Вдали туманы над полями.
В аллею темную вхожу я; сквозь кусты
Глядит вечерний луч, и желтые листы
Шумят под робкими шагами.

И странная тоска теснит уж грудь мою:
Я думаю об ней, я плачу и люблю,
Люблю мечты моей созданье
С глазами, полными лазурного огня,
С улыбкой розовой, как молодого дня
За рощей первое сиянье.

Так царства дивного всесильный господин —
Я долгие часы просиживал один,
И память их жива поныне
Под бурей тягостных сомнений и страстей,
Как свежий островок безвредно средь морей
Цветет на влажной их пустыне.

Когда ж, опомнившись, обман я узнаю,
И шум толпы людской спугнет мечту мою,
На праздник не́званную гостью,
О, как мне хочется смутить веселость их
И дерзко бросить им в глаза железный стих,
Облитый горечью и злостью!..

<1840>

381. И СКУЧНО, И ГРУСТНО

И скучно, и грустно, и некому руку подать
В минуту душевной невзгоды...
Желанья!.. что пользы напрасно и вечно желать?..
А годы проходят — все лучшие годы!

Любить... но кого же?.. на время — не стоит труда,
А вечно любить невозможно.
В себя ли заглянешь? — там прошлого нет и следа:
И радость, и муки, и всё там ничтожно...

Что страсти? — ведь рано иль поздно их сладкий недуг
Исчезнет при слове рассудка;
И жизнь, как посмотришь с холодным вниманьем вокруг —
Такая пустая и глупая шутка...

<1840>

382

Посреди небесных тел
Лик луны туманной.

Как он кругл и как он бел!
Точно блин с сметаной...

Кажду ночь она в лучах
Путь проходит млечной...
Видно, там на небесах
Масляница вечно.

<1840>

383. К ПОРТРЕТУ

Как мальчик кудрявый, резва,
Нарядна, как бабочка летом;
Значенья пустого слова
В устах ее полны приветом.

Ей нравиться долго нельзя:
Как цепь, ей несносна привычка,
Она ускользнет, как змея,
Порхнет и умчится, как птичка.

Таит молодое чело
По воле — и радость и горе.
В глазах — как на небе светло,
В душе ее темно, как в море!

То истиной дышит в ней всё,
То всё в ней притворно и ложно!
Понять невозможно ее,
Зато не любить невозможно.

<1840>

384. И. П. МЯТЛЕВУ

На здешних дам морозных
С досадой я смотрю,
Их чинных и серьезных
Фигур я не люблю.

Вот дама: Курдюкова!
Рассказ ее так мил.
Я от слова до слова
Его бы затвердил;

Мой ум скакал за нею...
И часто был готов
Я броситься на шею
Madame de Курдюков!

<1840 ?>

385. ВОЗДУШНЫЙ КОРАБЛЬ

(Из Зейдлица)

По синим волнам океана,
Лишь звезды блеснут в небесах,
Корабль одинокий несется,
Несется на всех парусах.

Не гнутся высокие мачты,
На них флюгера не шумят,
И молча в открытые люки
Чугунные пушки глядят.

Не слышно на нем капитана,
Не видно матросов на нем;
Но скалы и тайные мели
И бури ему нипочем.

Есть остров на том океане —
Пустынный и мрачный гранит;
На острове том есть могила,
А в ней император зарыт.

Зарыт он без почестей бранных
Врагами в сыпучий песок,
Лежит на нем камень тяжелый,
Чтоб встать он из гроба не мог.

И в час его грустной кончины,
В полночь, как свершается год,
К высокому берегу тихо
Воздушный корабль пристает.

Из гроба тогда император,
Очнувшись, является вдруг;
На нем треугольная шляпа
И серый походный сюртук.

Скрестивши могучие руки,
Главу опустивши на грудь,
Идет и к рулю он садится
И быстро пускается в путь.

Несется он к Франции милой,
Где славу оставил и трон,
Оставил наследника-сына
И старую гвардию он.

И только что землю родную
Завидит во мраке ночном,
Опять его сердце трепещет
И очи пылают огнем.

На берег большими шагами
Он смело и прямо идет,
Соратников громко он кличет
И маршалов грозно зовет.

Но спят усачи-гренадеры —
В равнине, где Эльба шумит,
Под снегом холодной России,
Под знойным песком пирамид.

И маршалы зова не слышат:
Иные погибли в бою,
Другие ему изменили
И продали шпагу свою.

И, топнув о землю ногою,
Сердито он взад и вперед
По тихому берегу ходит,
И снова он громко зовет:

Зовет он любезного сына,
Опору в превратной судьбе;
Ему обещает полмира,
А Францию только себе.

Но в цвете надежды и силы
Угас его царственный сын,
И долго, его поджидая,
Стоит император один —

Стоит он и тяжко вздыхает,
Пока озарится восток,
И капают горькие слезы
Из глаз на холодный песок.

Потом на корабль свой волшебный,
Главу опустивши на грудь,
Идет и, махнувши рукою,
В обратный пускается путь.

<1840>

386. ЖУРНАЛИСТ, ЧИТАТЕЛЬ И ПИСАТЕЛЬ

Les poètes ressemblent aux ours,
qui se nourrissent en suçant leur patte.
Inédit

(Комната писателя; опущенные шторы. Он сидит в больших креслах перед камином. Читатель, с сигарой, стоит спиной к камину. Журналист входит.)

Ж у р н а л и с т
Я очень рад, что вы больны:
В заботах жизни, в шуме света

Теряет скоро ум поэта
Свои божественные сны.
Среди различных впечатлений,
На мелочь душу разменяв,
Он гибнет жертвой общих мнений.
Когда ему в пылу забав
Обдумать зрелое творенье?..
Зато какая благодать,
Коль Небо вздумает послать
Ему изгнанье, заточенье,
Иль даже долгую болезнь:
Тотчас в его уединеньи
Раздастся сладостная песнь!
Порой влюбляется он страстно
В свою нарядную печаль...
Ну, что вы пишете? нельзя ль
Узнать?

П и с а т е л ь
Да ничего...

Ж у р н а л и с т
Напрасно!

П и с а т е л ь
О чем писать? Восток и юг
Давно описаны, воспеты;
Толпу ругали все поэты,
Хвалили все семейный круг;
Все в небеса неслись душою,
Взывали с тайною мольбою
К N. N., неведомой красе, —
И страшно надоели все.

Ч и т а т е л ь
И я скажу — нужна отвага,
Чтобы открыть... хоть ваш журнал
(Он мне уж руки обломал):
Во-первых, серая бумага,
Она, быть может, и чиста;

Да как-то страшно без перчаток…
Читаешь — сотни опечаток!
Стихи — такая пустота;
Слова без смысла, чувства нету,
Натянут каждый оборот;
Притом — сказать ли по секрету?
И в рифмах часто недочёт.
Возьмешь ли прозу? перевод.
А если вам и попадутся
Рассказы на родимый лад —
То, верно, над Москвой смеются
Или чиновников бранят.
С кого они портреты пишут?
Где разговоры эти слышат?
А если и случалось им,
Так мы их слышать не хотим…
Когда же на Руси бесплодной,
Расставшись с ложной мишурой,
Мысль обретет язык простой
И страсти голос благородной?

Журналист
Я точно то же говорю,
Как вы, открыто негодуя,
На музу русскую смотрю я.
Прочтите критику мою.

Читатель
Читал я. Мелкие нападки
На шрифт, виньетки, опечатки,
Намёки тонкие на то,
Чего не ведает никто.
Хотя б забавно было свету!..
В чернилах ваших, господа,
И желчи едкой даже нету —
А просто грязная вода.

Журналист
И с этим надо согласиться.
Но верьте мне, душевно рад

Я был бы вовсе не браниться —
Да как же быть?.. меня бранят!
Войдите в наше положенье!
Читает нас и низший круг:
Нагая резкость выраженья
Не всякий оскорбляет слух;
Приличье, вкус — всё так условно;
А деньги все ведь платят ровно!
Поверьте мне: судьбою несть
Даны нам тяжкие вериги.
Скажите, каково прочесть
Весь этот вздор, все эти книги, —
И всё зачем? чтоб вам сказать,
Что их не надобно читать!..

Читатель
Зато какое наслажденье,
Как отдыхает ум и грудь,
Коль попадется как-нибудь
Живое, свежее творенье!
Вот, например, приятель мой:
Владеет он изрядным слогом,
И чувств и мыслей полнотой
Он одарен всевышним Богом.

Журналист
Всё это так, да вот беда:
Не пишут эти господа.

Писатель
О чем писать?.. Бывает время,
Когда забот спадает бремя,
Дни вдохновенного труда,
Когда и ум и сердце полны,
И рифмы дружные, как волны,
Журча, одна вослед другой
Несутся вольной чередой.
Восходит чудное светило
В душе проснувшейся едва:
На мысли, дышащие силой,

Как жемчуг нижутся слова...
Тогда с отвагою свободной
Поэт на будущность глядит,
И мир мечтою благородной
Пред ним очищен и обмыт.
Но эти странные творенья
Читает дома он один,
И ими после, без зазренья,
Он затопляет свой камин.
Ужель ребяческие чувства,
Воздушный, безотчетный бред
Достойны строгого искусства?
Их осмеет, забудет свет...
Бывают тягостные ночи:
Без сна, горят и плачут очи,
На сердце — жадная тоска;
Дрожа, холодная рука
Подушку жаркую объемлет;
Невольный страх власы подъемлет;
Болезненный, безумный крик
Из груди рвется — и язык
Лепечет громко, без сознанья,
Давно забытые названья;
Давно забытые черты
В сияньи прежней красоты
Рисует память своевольно:
В очах любовь, в устах обман —
И веришь снова им невольно,
И как-то весело и больно
Тревожить язвы старых ран...
Тогда пишу. Диктует совесть,
Пером сердитый водит ум:
То соблазнительная повесть
Сокрытых дел и тайных дум;
Картины хладные разврата,
Преданья глупых юных дней,
Давно без пользы и возврата
Погибших в омуте страстей,
Средь битв незримых, но упорных,
Среди обманщиц и невежд,

Среди сомнений ложно-черных
И ложно-радужных надежд.
Судья безвестный и случайный,
Не дорожа чужою тайной,
Приличьем скрашенный порок
Я смело предаю позору;
Неумолим я и жесток...
Но, право, этих горьких строк
Неприготовленному взору
Я не решуся показать...
Скажите ж мне, о чем писать?
К чему толпы неблагодарной
Мне злость и ненависть навлечь,
Чтоб бранью назвали коварной
Мою пророческую речь?
Чтоб тайный яд страницы знойной
Смутил ребенка сон покойный
И сердце слабое увлёк
В свой необузданный поток?
О нет! преступною мечтою
Не ослепляя мысль мою,
Такой тяжелою ценою
Я вашей славы не куплю...

<1840>

387. СОСЕДКА

Не дождаться мне видно свободы,
А тюремные дни будто годы;
И окно высоко над землей!
И у двери стоит часовой!

Умереть бы уж мне в этой клетке,
Кабы не было милой соседки!..
Мы проснулись сегодня с зарей,
Я кивнул ей слегка головой.

Разлучив, нас сдружила неволя,
Познакомила общая доля,

Породнило желанье одно
Да с двойною решеткой окно;

У окна лишь поутру я сяду,
Волю дам ненасытному взгляду...
Вот напротив окошечко: стук!
Занавеска подымется вдруг.

На меня посмотрела плутовка!
Опустилась на ручку головка,
А с плеча, будто сдул ветерок,
Полосатый скатился платок,

Но бледна ее грудь молодая,
И сидит она долго вздыхая,
Видно, буйную думу тая,
Всё тоскует по воле, как я.

Не грусти, дорогая соседка...
Захоти лишь — отворится клетка,
И, как Божии птички, вдвоем
Мы в широкое поле порхнем.

У отца ты ключи мне украдешь,
Сторожей за пирушку усадишь,
А уж с тем, что поставлен к дверям,
Постараюсь я справиться сам.

Избери только ночь потемнея,
Да отцу дай вина похмельнея,
Да повесь, чтобы ведать я мог,
На окно полосатый платок.

<1840>

388. ПЛЕННЫЙ РЫЦАРЬ

Молча сижу под окошком темницы;
Синее небо отсюда мне видно:
В небе играют всё вольные птицы;
Глядя на них, мне и больно и стыдно.

Нет на устах моих грешной молитвы,
Нету ни песни во славу любезной:
Помню я только старинные битвы,
Меч мой тяжелый да панцирь железный.

В каменный панцирь я ныне закован,
Каменный шлем мою голову давит,
Щит мой от стрел и меча заколдован,
Конь мой бежит, и никто им не правит.

Быстрое время — мой конь неизменный,
Шлема забрало — решетка бойницы,
Каменный панцирь — высокие стены,
Щит мой — чугунные двери темницы.

Мчись же быстрее, летучее время!
Душно под новой бронею мне стало!
Смерть, как приедем, подержит мне стремя;
Слезу и сдерну с лица я забрало.

<1840 ?; 1841>

389. М. П. СОЛОМИРСКОЙ

Над бездной адскою блуждая,
Душа преступная порой
Читает на воротах рая
Узоры надписи святой.

И часто тайную отраду
Находит муке неземной,
За непреклонную ограду
Стремясь завистливой мечтой.

Так, разбирая в заточенье
Досель мне чуждые черты,
Я был свободен на мгновенье
Могучей волею мечты.

Залогом вольности желанной,
Лучом надежды в море бед
Мне стал тогда ваш безымянный,
Но вечно-памятный привет.

<1840 ?>

390. <М. А. ЩЕРБАТОВОЙ>

   На светские цепи,
На блеск утомительный бала
   Цветущие степи
Украйны она променяла,

   Но юга родного
На ней сохранилась примета
   Среди ледяного,
Среди беспощадного света.

   Как ночи Украйны,
В мерцании звезд незакатных,
   Исполнены тайны
Слова ее уст ароматных,

   Прозрачны и сини,
Как небо тех стран, ее глазки;
   Как ветер пустыни,
И нежат и жгут ее ласки.

   И зреющей сливы
Румянец на щечках пушистых,
   И солнца отливы
Играют в кудрях золотистых.

   И следуя строго
Печальной отчизны примеру,
   В надежду на Бога
Хранит она детскую веру;

Как племя родное,
У чуждых опоры не просит
И в гордом покое
Насмешку и зло переносит;

От дерзкого взора
В ней страсти не вспыхнут пожаром,
Полюбит не скоро,
Зато не разлюбит уж даром.

<1840 ?>

391. ТУЧИ

Тучки небесные, вечные странники!
Степью лазурною, цепью жемчужною
Мчитесь вы, будто как я же, изгнанники
С милого севера в сторону южную.

Кто же вас гонит: судьбы ли решение?
Зависть ли тайная? злоба ль открытая?
Или на вас тяготит преступление?
Или друзей клевета ядовитая?

Нет, вам наскучили нивы бесплодные...
Чужды вам страсти и чужды страдания;
Вечно холодные, вечно свободные,
Нет у вас родины, нет вам изгнания.

<1840>

392. ОТЧЕГО

Мне грустно, потому что я тебя люблю,
И знаю: молодость цветущую твою
Не пощадит молвы коварное гоненье.
За каждый светлый день иль сладкое мгновенье
Слезами и тоской заплатишь ты судьбе.
Мне грустно... потому что весело тебе.

<1840>

393. БЛАГОДАРНОСТЬ

За всё, за всё тебя благодарю я:
За тайные мучения страстей,
За горечь слёз, отраву поцалуя,
За месть врагов и клевету друзей;
За жар души, растраченный в пустыне,
За всё, чем я обманут в жизни был...
Устрой лишь так, чтобы тебя отныне
Недолго я еще благодарил.

<1840>

394. ИЗ ГЁТЕ

Горные вершины
Спят во тьме ночной;
Тихие долины
Полны свежей мглой;
Не пылит дорога,
Не дрожат листы...
Подожди немного,
Отдохнешь и ты.

<1840>

395. РЕБЕНКУ

О грёзах юности томим воспоминаньем,
С отрадой тайною и тайным содроганьем,
Прекрасное дитя, я на тебя смотрю...
О, если б знало ты, как я тебя люблю!
Как милы мне твои улыбки молодые,
И быстрые глаза, и кудри золотые,
И звонкий голосок! — Не правда ль, говорят,
Ты на нее похож? — Увы! года летят;
Страдания ее до срока изменили,
Но верные мечты тот образ сохранили
В груди моей; тот взор, исполненный огня,
Всегда со мной. А ты, ты любишь ли меня?
Не скучны ли тебе непрошеные ласки?

Не слишком часто ль я твои цалую глазки?
Слеза моя ланит твоих не обожгла ль?
Смотри ж, не говори ни про мою печаль,
Ни вовсе обо мне. К чему? Ее, быть может,
Ребяческий рассказ рассердит иль встревожит...

Но мне ты всё поверь. Когда в вечерний час,
Пред образом с тобой заботливо склонясь,
Молитву детскую она тебе шептала
И в знаменье креста персты твои сжимала,
И все знакомые, родные имена
Ты повторял за ней, — скажи, тебя она
Ни за кого еще молиться не учила?
Бледнея, может быть, она произносила
Название, теперь забытое тобой...
Не вспоминай его... Что имя? — звук пустой!
Дай Бог, чтоб для тебя оно осталось тайной.
Но если как-нибудь, когда-нибудь, случайно
Узнаешь ты его, — ребяческие дни
Ты вспомни и его, дитя, не прокляни!

<*1840*>

396. ЗАВЕЩАНИЕ

Наедине с тобою, брат,
Хотел бы я побыть:
На свете мало, говорят,
Мне остается жить!
Поедешь скоро ты домой:
Смотри ж... Да что? моей судьбой,
Сказать по правде, очень
Никто не озабочен.

А если спросит кто-нибудь...
Ну, кто бы ни спросил,
Скажи им, что навылет в грудь
Я пулей ранен был;
Что умер честно за царя,
Что плохи наши лекаря
И что родному краю
Поклон я посылаю.

Отца и мать мою едва ль
Застанешь ты в живых...
Признаться, право, было б жаль
Мне опечалить их;
Но если кто из них и жив,
Скажи, что я писать ленив,
Что полк в поход послали
И чтоб меня не ждали.

Соседка есть у них одна...
Как вспомнишь, как давно
Расстались!.. обо мне она
Не спросит... всё равно,
Ты расскажи всю правду ей,
Пустого сердца не жалей;
Пускай она поплачет...
Ей ничего не значит!

<1840>

397

Я к вам пишу случайно; право,
Не знаю как и для чего.
Я потерял уж это право.
И что скажу вам? — ничего!
Что помню вас? — но, Боже правый,
Вы это знаете давно;
И вам, конечно, всё равно.

И знать вам также нету нужды,
Где я? что я? в какой глуши?
Душою мы друг другу чужды,
Да вряд ли есть родство души.
Страницы прошлого читая,
Их по порядку разбирая
Теперь остынувшим умом,
Разуверяюсь я во всем.
Смешно же сердцем лицемерить
Перед собою столько лет;
Добро б еще морочить свет!

Да и притом что пользы верить
Тому, чего уж больше нет?..
Безумно ждать любви заочной?
В наш век все чувства лишь на срок;
Но я вас помню — да и точно,
Я вас никак забыть не мог!

Во-первых, потому, что много
И долго, долго вас любил,
Потом страданьем и тревогой
За дни блаженства заплатил;
Потом в раскаянье бесплодном
Влачил я цепь тяжелых лет;
И размышлением холодным
Убил последний жизни цвет.
С людьми сближаясь осторожно,
Забыл я шум младых проказ,
Любовь, поэзию, — но вас
Забыть мне было невозможно.

И к мысли этой я привык,
Мой крест несу я без роптанья:
То иль другое наказанье?
Не все ль одно. Я жизнь постиг;
Судьбе, как турок иль татарин,
За всё я ровно благодарен;
У Бога счастья не прошу
И молча зло переношу.
Быть может, небеса востока
Меня с ученьем их пророка
Невольно сблизили. Притом
И жизнь всечасно кочевая,
Труды, заботы ночь и днем,
Всё, размышлению мешая,
Приводит в первобытный вид
Больную душу: сердце спит,
Простора нет воображенью...
И нет работы голове...
Зато лежишь в густой траве
И дремлешь под широкой тенью
Чинар иль виноградных лоз;

Кругом белеются палатки;
Казачьи тощие лошадки
Стоят рядком, повеся нос;
У медных пушек спит прислуга,
Едва дымятся фитили;
Попарно цепь стоит вдали;
Штыки горят под солнцем юга.
Вот разговор о старине
В палатке ближней слышен мне;
Как при Ермолове ходили
В Чечню, в Аварию, к горам;
Как там дрались, как мы их били,
Как доставалося и нам;
И вижу я неподалеку
У речки, следуя пророку,
Мирной татарин свой намаз
Творит, не подымая глаз;
А вот кружком сидят другие.
Люблю я цвет их желтых лиц,
Подобный цвету ноговиц,
Их шапки, рукава худые,
Их темный и лукавый взор
И их гортанный разговор.
Чу — дальний выстрел! прожужжала
Шальная пуля... славный звук...
Вот крик — и снова всё вокруг
Затихло... но жара уж спала,
Ведут коней на водопой,
Зашевелилася пехота;
Вот проскакал один, другой!
Шум, говор. Где вторая рота?
Что, вьючить? — что же капитан?
Повозки выдвигайте живо!
Савельич! Ой ли? — Дай огниво! —
Подъем ударил барабан —
Гудит музыка полковая;
Между колоннами въезжая,
Звенят орудья. Генерал
Вперед со свитой поскакал...
Рассыпались в широком поле,
Как пчелы, с гиком казаки;

Уж показалися значки
Там на опушке — два, и боле.
А вот в чалме один мюрид
В черкеске красной ездит важно,
Конь светло-серый весь кипит,
Он машет, кличет — где отважный?
Кто выдет с ним на смертный бой!..
Сейчас, смотрите: в шапке черной
Казак пустился гребенской;
Винтовку выхватил проворно,
Уж близко... выстрел... легкий дым...
Эй вы, станичники, за ним...
Что? ранен!.. — Ничего, безделка...
И завязалась перестрелка...

Но в этих сшибках удалых
Забавы много, толку мало;
Прохладным вечером, бывало,
Мы любовалися на них
Без кровожадного волненья,
Как на трагический балет;
Зато видал я представленья,
Каких у вас на сцене нет...

Раз — это было под Гихами,
Мы проходили темный лес;
Огнем дыша, пылал над нами
Лазурно-яркий свод небес.
Нам был обещан бой жестокий.
Из гор Ичкерии далекой
Уже в Чечню на братний зов
Толпы стекались удальцов.
Над допотопными лесами
Мелькали маяки кругом;
И дым их то вился столпом,
То расстилался облаками;
И оживилися леса;
Скликались дико голоса
Под их зелеными шатрами.
Едва лишь выбрался обоз
В поляну, дело началось;

Чу! в арьергард орудья просят;
Вот ружья из кустов выносят,
Вот тащат за ноги людей
И кличут громко лекарей;
А вот и слева, из опушки,
Вдруг с гиком кинулись на пушки;
И градом пуль с вершин дерев
Отряд осыпан. Впереди же
Всё тихо — там между кустов
Бежал поток. Подходим ближе.
Пустили несколько гранат;
Еще подвинулись; молчат;
Но вот над бревнами завала
Ружье как будто заблистало;
Потом мелькнуло шапки две;
И вновь всё спряталось в траве.
То было грозное молчанье,
Не долго длилося оно,
Но в этом странном ожиданье
Забилось сердце не одно.
Вдруг залп... глядим: лежат рядами,
Что нужды? здешние полки
Народ испытанный... В штыки,
Дружнее! раздалось за нами.
Кровь загорелася в груди!
Все офицеры впереди...
Верхом помчался на завалы,
Кто не успел спрыгнуть с коня...
Ура — и смолкло. — Вон кинжалы,
В приклады! — и пошла резня.
И два часа в струях потока
Бой длился. Резались жестоко,
Как звери, молча, с грудью грудь,
Ручей телами запрудили.
Хотел воды я зачерпнуть...
(И зной и битва утомили
Меня), но мутная волна
Была тепла, была красна.

На берегу, под тенью дуба,
Пройдя завалов первый ряд,

Стоял кружок. Один солдат
Был на коленах; мрачно, грубо
Казалось выраженье лиц,
Но слезы капали с ресниц,
Покрытых пылью... на шинели,
Спиною к дереву, лежал
Их капитан. Он умирал;
В груди его едва чернели
Две ранки; кровь его чуть-чуть
Сочилась. Но высоко грудь
И трудно подымалась, взоры
Бродили страшно, он шептал...
«Спасите, братцы. — Тащат в горы.
Постойте — ранен генерал...
Не слышат...» Долго он стонал,
Но всё слабей и понемногу
Затих и душу отдал Богу;
На ружья опершись, кругом
Стояли усачи седые...
И тихо плакали.... потом
Его остатки боевые
Накрыли бережно плащом
И понесли. Тоской томимый,
Им вслед смотрел я недвижимый.
Меж тем товарищей, друзей
Со вздохом возле называли;
Но не нашел в душе моей
Я сожаленья, ни печали.
Уже затихло всё; тела
Стащили в кучу; кровь текла
Струею дымной по каменьям,
Ее тяжелым испареньем
Был полон воздух. Генерал
Сидел в тени на барабане
И донесенья принимал.
Окрестный лес, как бы в тумане,
Синел в дыму пороховом.
А там вдали грядой нестройной,
Но вечно гордой и спокойной,
Тянулись горы — и Казбек
Сверкал главой остроконечной.

И с грустью тайной и сердечной
Я думал: жалкий человек.
Чего он хочет!.. небо ясно,
Под небом места много всем,
Но беспрестанно и напрасно
Один враждует он — зачем?
Галуб прервал мое мечтанье,
Ударив по плечу; он был
Кунак мой: я его спросил,
Как месту этому названье?
Он отвечал мне: «*Валерик*,
А перевесть на ваш язык,
Так будет речка смерти: верно,
Дано старинными людьми».
— А сколько их дралось примерно
Сегодня? — Тысяч до семи.
— А много горцы потеряли?
— Как знать? — зачем вы не считали!
«Да! будет, — кто-то тут сказал, —
Им в память этот день кровавый!»
Чеченец посмотрел лукаво
И головою покачал.

Но я боюся вам наскучить,
В забавах света вам смешны
Тревоги дикие войны;
Свой ум вы не привыкли мучить
Тяжелой думой о конце;
На вашем молодом лице
Следов заботы и печали
Не отыскать, и вы едва ли
Вблизи когда-нибудь видали,
Как умирают. Дай вам Бог
И не видать: иных тревог
Довольно есть. В самозабвенье
Не лучше ль кончить жизни путь?
И беспробудным сном заснуть
С мечтой о близком пробужденье?

Теперь прощайте: если вас
Мой безыскусственный рассказ

Развеселит, займет хоть малость,
Я буду счастлив. А не так? —
Простите мне его как шалость
И тихо молвите: чудак!..

<1840–1841>

398. ЭПИГРАММА

Под фирмой иностранной иноземец
Не утаил себя никак —
Бранится пошло: ясно немец,
Похвалит: видно, что поляк.

<1840–1841 ?>

399. ДОГОВОР

Пускай толпа клеймит презреньем
Наш неразгаданный союз,
Пускай людским предубежденьем
Ты лишена семейных уз.

Но перед идолами света
Не гну колени я мои;
Как ты, не знаю в нем предмета
Ни сильной злобы, ни любви.

Как ты, кружусь в веселье шумном,
Не отличая никого:
Делюся с умным и безумным,
Живу для сердца своего.

Земного счастья мы не ценим,
Людей привыкли мы ценить;
Себе мы оба не изменим,
А нам не могут изменить.

В толпе друг друга мы узнали;
Сошлись и разойдемся вновь.
Была без радостей любовь,
Разлука будет без печали...

<1840–1841 ?>

400

Из-под таинственной холодной полумаски
Звучал мне голос твой отрадный, как мечта,
Светили мне твои пленительные глазки
И улыбалися лукавые уста.

Сквозь дымку легкую заметил я невольно
И девственных ланит и шеи белизну.
Счастливец! видел я и локон своевольный,
Родных кудрей покинувший волну!..

И создал я тогда в моем воображеньи
По легким признакам красавицу мою;
И с той поры бесплотное виденье
Ношу в душе моей, ласкаю и люблю.

И всё мне кажется: живые эти речи
В года минувшие слыхал когда-то я;
И кто-то шепчет мне, что после этой встречи
Мы вновь увидимся, как старые друзья.

<1840–1841 ?>

401

Не плачь, не плачь, мое дитя,
Не стоит он безумной муки.
Верь, он ласкал тебя шутя,
Верь, он любил тебя от скуки!
И мало ль в Грузии у нас
Прекрасных юношей найдется?
Быстрей огонь их черных глаз,
И черный ус их лучше вьется!

Из дальней, чуждой стороны
Он к нам заброшен был судьбою;
Он хочет славы и войны, —
И что ж он мог найти с тобою?
Тебя он золотом дарил,
Клялся, что вечно не изменит,

Он ласки дорого ценил —
Но слез твоих он не оценит!

<1840–1841 ?>

402. ОПРАВДАНИЕ

Когда одни воспоминанья
О заблуждениях страстей,
На место славного названья,
Твой друг оставит меж людей, —

И будет спать в земле безгласно
То сердце, где кипела кровь,
Где так безумно, так напрасно
С враждой боролася любовь, —

Когда пред общим приговором
Ты смолкнешь, голову склоня,
И будет для тебя позором
Любовь безгрешная твоя, —

Того, кто страстью и пороком
Затмил твои младые дни,
Молю: язвительным упреком
Ты в оный час не помяни.

Но пред судом толпы лукавой
Скажи, что судит вас Иной
И что прощать святое право
Страданьем куплено тобой.

<1841>

403. РОДИНА

Люблю отчизну я, но странною любовью,
   Не победит ее рассудок мой.
         Ни слава, купленная кровью,
Ни полный гордого доверия покой,

Ни темной старины заветные преданья
Не шевелят во мне отрадного мечтанья.

Но я люблю — за что, не знаю сам —
Ее степей холодное молчанье,
Ее лесов безбрежных колыханье,
Разливы рек ее, подобные морям;
Проселочным путем люблю скакать в телеге
И, взором медленным пронзая ночи тень,
Встречать по сторонам, вздыхая о ночлеге,
Дрожащие огни печальных деревень.
Люблю дымок спалённой жнивы,
В степи ночующий обоз
И на холме, средь желтой нивы,
Чету белеющих берез.
С отрадой, многим незнакомой,
Я вижу полное гумно,
Избу, покрытую соломой,
С резными ставнями окно;
И в праздник, вечером росистым,
Смотреть до полночи готов
На пляску с топаньем и свистом
Под говор пьяных мужичков.

<1841>

404. <А. А. УГЛИЦКОЙ>

Ma chère Alexandrine,
Простите, же ву при,
За мой армейский чин
Всё, что je vous écris;

Меж тем же ву засюр,
Ich wünsche счастья вам,
Surtout beaucoup d'amour,
Quand vous serez *Мадам.*

<1841>

405. ЛЮБОВЬ МЕРТВЕЦА

Пускай холодною землёю
Засыпан я,
О друг! всегда, везде с тобою
Душа моя.
Любви безумного томленья,
Жилец могил,
В стране покоя и забвенья
Я не забыл.

Без страха в час последней муки
Покинув свет,
Отрады ждал я от разлуки —
Разлуки нет.
Я видел прелесть бестелесных
И тосковал,
Что образ твой в чертах небесных
Не узнавал.

Что мне сиянье Божьей власти
И рай святой?
Я перенёс земные страсти
Туда с собой!
Ласкаю я мечту родную
Везде одну;
Желаю, плачу и ревную,
Как в старину.

Коснётся ль чуждое дыханье
Твоих ланит,
Душа моя в немом страданье
Вся задрожит.
Случится ль, шепчешь засыпая
Ты о другом,
Твои слова текут пылая
По мне огнём.

Ты не должна любить другого,
Нет, не должна,
Ты с мертвецом святыней слова
Обручена.
Увы! твой страх, твои моленья —
К чему оне?
Ты знаешь, мира и забвенья
Не надо мне.

<1841>

406

На севере диком стоит одиноко
На голой вершине сосна
И дремлет качаясь, и снегом сыпучим
Одета, как ризой, она.

И снится ей всё, что в пустыне далекой,
В том крае, где солнца восход,
Одна и грустна на утесе горючем
Прекрасная пальма растет.

<1841>

407. ПОСЛЕДНЕЕ НОВОСЕЛЬЕ

Меж тем, как Франция, среди рукоплесканий
И кликов радостных, встречает хладный прах
Погибшего давно среди немых страданий
В изгнаньи мрачном и в цепях;
Меж тем, как мир услужливой хвалою
Венчает позднего раскаянья порыв
И вздорная толпа, довольная собою,
Гордится, прошлое забыв, —
Негодованию и чувству дав свободу,
Поняв тщеславие сих праздничных забот,
Мне хочется сказать великому народу:
Ты жалкий и пустой народ!

Ты жалок, потому что вера, слава, гений,
Всё, всё великое, священное земли,
С насмешкой глупою ребяческих сомнений
Тобой растоптано в пыли.
Из славы сделал ты игрушку лицемерья,
Из вольности — орудье палача,
И все заветные отцовские поверья
Ты им рубил, рубил сплеча, —
Ты погибал... и он явился, с строгим взором,
Отмеченный божественным перстом,
И признан за вождя всеобщим приговором,
И ваша жизнь слилася в нем, —
И вы окрепли вновь в тени его державы,
И мир трепещущий в безмолвии взирал
На ризу чудную могущества и славы,
Которой вас он одевал.
Один, — он был везде, холодный, неизменный,
Отец седых дружин, любимый сын молвы,
В степях египетских, у стен покорной Вены,
В снегах пылающей Москвы.
А вы что делали, скажите, в это время,
Когда в полях чужих он гордо погибал?
Вы потрясали власть избранную, как бремя,
Точили в темноте кинжал!
Среди последних битв, отчаянных усилий,
В испуге не поняв позора своего,
Как женщина, ему вы изменили,
И, как рабы, вы предали его!
Лишенный прав и места гражданина,
Разбитый свой венец он снял и бросил сам,
И вам оставил он в залог родного сына —
Вы сына выдали врагам!
Тогда, отяготив позорными цепями,
Героя увезли от плачущих дружин,
И на чужой скале, за синими морями,
Забытый, он угас один —
Один, замучен мщением бесплодным,
Безмолвною и гордою тоской,
И, как простой солдат, в плаще своем походном
Зарыт наемною рукой...

Но годы протекли, и ветреное племя
Кричит: «Подайте нам священный этот прах!
Он наш; его теперь, великой жатвы семя,
  Зароем мы в спасенных им стенах!»
И возвратился он на родину; безумно,
Как прежде, вкруг него теснятся и бегут
И в пышный гроб, среди столицы шумной,
  Остатки тленные кладут.
Желанье позднее увенчано успехом!
И краткий свой восторг сменив уже другим,
Гуляя, топчет их с самодовольным смехом
  Толпа, дрожавшая пред ним.

И грустно мне, когда подумаю, что ныне
Нарушена святая тишина
Вокруг того, кто ждал в своей пустыне
  Так жадно, столько лет — спокойствия и сна!
И если дух вождя примчится на свиданье
С гробницей новою, где прах его лежит,
Какое в нем негодованье
  При этом виде закипит!
Как будет он жалеть, печалию томимый,
О знойном острове под небом дальних стран,
Где сторожил его, как он непобедимый,
  Как он великий, океан!

<1841>

408. <ИЗ АЛЬБОМА С. Н. КАРАМЗИНОЙ>

Любил и я в былые годы,
В невинности души моей,
И бури шумные природы,
И бури тайные страстей.

Но красоты их безобразной
Я скоро таинство постиг,
И мне наскучил их несвязный
И оглушающий язык.

Люблю я больше год от году,
Желаньям мирным дав простор,
Поутру ясную погоду,
Под вечер тихий разговор,

Люблю я парадоксы ваши,
И хахаха, и хихихи,
С<мирновой> штучку, фарсу Саши
И Ишки М<ятлева> стихи...

<1841 ?>

409. ГРАФИНЕ РОСТОПЧИНОЙ

Я верю: под одной звездою
Мы с вами были рождены;
Мы шли дорогою одною,
Нас обманули те же сны.
Но что ж! — от цели благородной
Оторван бурею страстей,
Я позабыл в борьбе бесплодной
Преданья юности моей.
Предвидя вечную разлуку,
Боюсь я сердцу волю дать;
Боюсь предательскому звуку
Мечту напрасную вверять...

Так две волны несутся дружно
Случайной, вольною четой
В пустыне моря голубой:
Их гонит вместе ветер южный;
Но их разрознит где-нибудь
Утеса каменная грудь...
И, полны холодом привычным,
Они несут брегам различным,
Без сожаленья и любви,
Свой ропот сладостный и томный,
Свой бурный шум, свой блеск заемный
И ласки вечные свои.

<1841>

410

Прощай, немытая Россия,
Страна рабов, страна господ,
И вы, мундиры голубые,
И ты, им преданный народ.

Быть может, за стеной Кавказа
Сокроюсь от твоих пашей,
От их всевидящего глаза,
От их всеслышащих ушей.

<1841 ?>

411. СПОР

Как-то раз перед толпою
   Соплеменных гор
У Казбека с Шат-горою*
   Был великий спор.
«Берегись! — сказал Казбеку
   Седовласый Шат, —
Покорился человеку
   Ты недаром, брат!
Он настроит дымных келий
   По уступам гор;
В глубине твоих ущелий
   Загремит топор;
И железная лопата
   В каменную грудь,
Добывая медь и злато,
   Врежет страшный путь.
Уж проходят караваны
   Через те скалы,
Где носились лишь туманы
   Да цари-орлы.
Люди хитры! Хоть и труден
   Первый был скачок,

* Шат — Элбрус (*примечание Лермонтова*).

Берегися! многолюден
И могуч Восток!»
— Не боюся я Востока! —
Отвечал Казбек, —
Род людской там спит глубоко
Уж девятый век.
Посмотри: в тени чинары
Пену сладких вин
На узорные шальвары
Сонный льет грузин;
И склонясь в дыму кальяна
На цветной диван,
У жемчужного фонтана
Дремлет — Тегеран.
Вот — у ног Ерусалима,
Богом сожжена,
Безглагольна, недвижима
Мертвая страна;
Дальше, вечно чуждый тени,
Моет желтый Нил
Раскаленные ступени
Царственных могил.
Бедуин забыл наезды
Для цветных шатров
И поет, считая звезды,
Про дела отцов.
Всё, что здесь доступно оку,
Спит, покой ценя.
Нет! не дряхлому Востоку
Покорить меня!

«Не хвались еще заране, —
Молвил старый Шат, —
Вот на Севере в тумане
Что-то видно, брат!»

Тайно был Казбек огромный
Вестью той смущён;

И, смутясь, на Север тёмный
   Взоры кинул он;
И туда в недоуменье
   Смотрит, полный дум:
Видит странное движенье,
   Слышит звон и шум.
От Урала до Дуная,
   До большой реки,
Колыхаясь и сверкая,
   Движутся полки;
Веют белые султаны,
   Как степной ковыль;
Мчатся пестрые уланы,
   Подымая пыль;
Боевые батальоны
   Тесно в ряд идут,
Впереди несут знамёны,
   В барабаны бьют;
Батареи медным строем
   Скачут и гремят,
И дымясь, как перед боем,
   Фитили горят.
И, испытанный трудами
   Бури боевой,
Их ведет, грозя очами,
   Генерал седой.
Идут все полки могучи,
   Шумны, как поток,
Страшно-медленны, как тучи,
   Прямо на Восток.

И томим зловещей думой,
   Полный черных снов,
Стал считать Казбек угрюмой,
   И не счел врагов.
Грустным взором он окинул
   Племя гор своих,

Шапку* на́ брови надвинул —
И навек затих.

<1841>

412. УТЕС

Ночевала тучка золотая
На груди утеса-великана;
Утром в путь она умчалась рано,
По лазури весело играя;

Но остался влажный след в морщине
Старого утеса. Одиноко
Он стоит, задумался глубоко
И тихонько плачет он в пустыне.

<1841>

413. ПРОРОК

С тех пор как вечный судия
Мне дал всеведенье пророка,
В очах людей читаю я
Страницы злобы и порока.

Провозглашать я стал любви
И правды чистыя ученья:
В меня все ближние мои
Бросали бешено каменья.

Посыпал пеплом я главу,
Из городов бежал я нищий,
И вот в пустыне я живу,
Как птицы, даром божьей пищи;

* Горцы называют шапкою облака, постоянно лежащие на вершине Казбека (*примечание Лермонтова*).

Завет предвечного храня,
Мне тварь покорна там земная;
И звезды слушают меня,
Лучами радостно играя.

Когда же через шумный град
Я пробираюсь торопливо,
То старцы детям говорят
С улыбкою самолюбивой:

«Смотрите: вот пример для вас!
Он горд был, не ужился с нами.
Глупец, хотел уверить нас,
Что бог гласит его устами?

Смотрите ж, дети, на него:
Как он угрюм и худ и бледен!
Смотрите, как он наг и беден,
Как презирают все его!»

<1841>

414

1

На бурке под тенью чинары
Лежал Ахмет Ибрагим,
И руки скрестивши, татары
Стояли молча пред ним.

2

И брови нахмурив густые,
Лениво молвил Ага:
О слуги мои удалые,
Мне ваша жизнь дорога!

3

....

Лилейной рукой поправляя
Едва пробившийся ус,
Краснеет, как дева младая,
Капгар, молодой туксус.
....

<1841>

415. СОН

В полдневный жар в долине Дагестана
С свинцом в груди лежал недвижим я;
Глубокая еще дымилась рана,
По капле кровь точилася моя.

Лежал один я на песке долины;
Уступы скал теснилися кругом,
И солнце жгло их желтые вершины
И жгло меня — но спал я мертвым сном.

И снился мне сияющий огнями
Вечерний пир, в родимой стороне.
Меж юных жен, увенчанных цветами,
Шел разговор веселый обо мне.

Но в разговор веселый не вступая,
Сидела там задумчиво одна,
И в грустный сон душа ее младая
Бог знает чем была погружена;

И снилась ей долина Дагестана;
Знакомый труп лежал в долине той;
В его груди дымясь чернела рана,
И кровь лилась хладеющей струей.

<1841>

416. ТАМАРА

В глубокой теснине Дарьяла,
Где роется Терек во мгле,
Старинная башня стояла,
Чернея на черной скале.

В той башне высокой и тесной
Царица Тамара жила:
Прекрасна, как ангел небесный,
Как демон, коварна и зла.

И там сквозь туман полуночи
Блистал огонёк золотой,
Кидался он путнику в очи,
Манил он на отдых ночной.

И слышался голос Тамары:
Он весь был желанье и страсть,
В нем были всесильные чары,
Была непонятная власть.

На голос невидимой пери
Шел воин, купец и пастух:
Пред ним отворялися двери,
Встречал его мрачный евнух.

На мягкой пуховой постели
В парчу и жемчуг убрана,
Ждала она гостя — шипели
Пред нею два кубка вина.

Сплетались горячие руки,
Уста прилипали к устам,
И странные, дикие звуки
Всю ночь раздавалися там.

Как будто в ту башню пустую
Сто юношей пылких и жен
Сошлися на свадьбу ночную,
На тризну больших похорон.

Но только что утра сиянье
Кидало свой луч по горам,
Мгновенно и мрак и молчанье
Опять воцарялися там.

Лишь Терек в теснине Дарьяла
Гремя нарушал тишину;
Волна на волну набегала,
Волна погоняла волну;

И с плачем безгласное тело
Спешили они унести;
В окне тогда что-то белело,
Звучало оттуда: прости.

И было так нежно прощанье,
Так сладко тот голос звучал,
Как будто восторги свиданья
И ласки любви обещал.

<1841>

417

Sie liebten sich beide, doch keiner
Wollt'es dem andern gestehn.

Heine

Они любили друг друга так долго и нежно,
С тоской глубокой и страстью безумно-мятежной!
Но, как враги, избегали признанья и встречи,
И были пусты и хладны их краткие речи.

Они расстались в безмолвном и гордом страданье
И милый образ во сне лишь порою видали. —
И смерть пришла: наступило за гробом свиданье...
Но в мире новом друг друга они не узнали.

<1841>

418. ЛИСТОК

Дубовый листок оторвался от ветки родимой,
И в степь укатился, жестокою бурей гонимый;
Засох и увял он от холода, зноя и горя;
И вот наконец докатился до Черного моря.

У Черного моря чинара стоит молодая;
С ней шепчется ветер, зеленые ветви лаская;
На ветвях зеленых качаются райские птицы;
Поют они песни про славу морской царь-девицы.

И странник прижался у корня чинары высокой;
Приюта на время он молит с тоскою глубокой,
И так говорит он: я бедный листочек дубовый,
До срока созрел я и вырос в отчизне суровой.

Один и без цели по свету ношуся давно я,
Засох я без тени, увял я без сна и покоя.
Прими же пришельца меж листьев своих изумрудных,
Немало я знаю рассказов мудреных и чудных.

На что мне тебя? — отвечает младая чинара,
Ты пылен и желт, — и сынам моим свежим не пара.
Ты много видал — да к чему мне твои небылицы?
Мой слух утомили давно уж и райские птицы.

Иди себе дальше; о странник! тебя я не знаю!
Я солнцем любима; цвету для него и блистаю;
По небу я ветви раскинула здесь на просторе,
И корни мои умывает холодное море.

<1841>

419. СВИДАНЬЕ

1

Уж за горой дремучею
   Погас вечерний луч,

Едва струей гремучею
   Сверкает жаркий ключ;
Сады благоуханием
   Наполнились живым,
Тифлис объят молчанием,
   В ущелье мгла и дым.
Летают сны-мучители
   Над грешными людьми,
И ангелы-хранители
   Беседуют с детьми.

2

Там за твердыней старою
   На сумрачной горе
Под свежею чинарою
   Лежу я на ковре.
Лежу один и думаю:
   Ужели не во сне
Свиданье в ночь угрюмую
   Назначила ты мне?
И в этот час таинственный,
   Но сладкий для любви,
Тебя, мой друг единственный,
   Зовут мечты мои.

3

Внизу огни дозорные
   Лишь на мосту горят,
И колокольни черные,
   Как сторожи, стоят;
И поступью несмелою
   Из бань со всех сторон
Выходят цепью белою
   Четы грузинских жен;
Вот улицей пустынною
   Бредут, едва скользя…
Но под чадрою длинною
   Тебя узнать нельзя!..

4

Твой домик с крышей гладкою
   Мне виден вдалеке;
Крыльцо с ступенью шаткою
   Купается в реке;
Среди прохлады, веющей
   Над синею *Курой*,
Он сетью зеленеющей
   Опутан плющевой;
За тополью высокою
   Я вижу там окно...
Но свечкой одинокою
   Не светится оно!

5

Я жду. В недоумении
   Напрасно бродит взор:
Кинжалом в нетерпении
   Изрезал я ковер;
Я жду с тоской бесплодною,
   Мне грустно, тяжело...
Вот сыростью холодною
   С востока понесло,
Краснеют за туманами
   Седых вершин зубцы,
Выходят с караванами
   Из города купцы...

6

Прочь, прочь, слеза позорная,
   Кипи, душа моя!
Твоя измена черная
   Понятна мне, змея!
Я знаю, чем утешенный
   По звонкой мостовой
Вчера скакал как бешеный
   Татарин молодой.

Недаром он красуется
   Перед твоим окном
И твой отец любуется
   Персидским жеребцом.

7

Возьму винтовку длинную,
   Пойду я из ворот:
Там под скалой пустынною
   Есть узкой поворот.
До полдня за могильною
   Часовней подожду
И на дорогу пыльную
   Винтовку наведу.
Напрасно грудь колышется!
   Я лег между камней;
Чу! близкой топот слышится...
   А! это ты, злодей!

<1841>

420. L'ATTENTE

Je l'attends dans la plaine sombre;
Au loin je vois blanchir une ombre,
Une ombre qui vient doucement...
Eh non! — trompeuse espérance —
C'est un vieux saule, qui balance
Son tronc desséché et luisant.

Je me penche, et longtemps j'écoute:
Je crois entendre sur la route
Le son, qu'un pas léger produit...
Non, ce n'est rien! C'est dans la mousse
Le bruit d'une feuille, que pousse
Le vent parfumé de la nuit.

Rempli d'une amère tristesse,
Je me couche dans l'herbe épaisse

Et m’endors d’un sommeil profond…
Tout-à-coup, tremblant, je m’éveille:
Sa voix me parlait à l’oreille,
Sa bouche me baisait au front.

<1841>

421

1

Нет, не тебя так пылко я люблю,
Не для меня красы твоей блистанье:
Люблю в тебе я прошлое страданье
И молодость погибшую мою.

2

Когда порой я на тебя смотрю,
В твои глаза вникая долгим взором:
Таинственным я занят разговором,
Но не с тобой я сердцем говорю.

3

Я говорю с подругой юных дней;
В твоих чертах ищу черты другие;
В устах живых уста давно немые,
В глазах огонь угаснувших очей.

<1841>

422

1

Выхожу один я на дорогу;
Сквозь туман кремнистый путь блестит;
Ночь тиха. Пустыня внемлет Богу,
И звезда с звездою говорит.

2

В небесах торжественно и чудно!
Спит земля в сияньи голубом...
Что же мне так больно и так трудно?
Жду ль чего? жалею ли о чем?

3

Уж не жду от жизни ничего я,
И не жаль мне прошлого ничуть:
Я ищу свободы и покоя!
Я б хотел забыться и заснуть!

4

Но не тем холодным сном могилы...
Я б желал навеки так заснуть,
Чтоб в груди дремали жизни силы,
Чтоб дыша вздымалась тихо грудь;

5

Чтоб всю ночь, весь день мой слух лелея,
Про любовь мне сладкий голос пел,
Надо мной чтоб вечно зеленея
Темный дуб склонялся и шумел.

<1841>

423. МОРСКАЯ ЦАРЕВНА

В море царевич купает коня;
Слышит: «Царевич! взгляни на меня!»

Фыркает конь и ушами прядет,
Брызжет и плещет и дале плывет.

Слышит царевич: «Я царская дочь!
Хочешь провесть ты с царевною ночь?»

Вот показалась рука из воды,
Ловит за кисти шелковой узды.

Вышла младая потом голова;
В косу вплелася морская трава.

Синие очи любовью горят;
Брызги на шее как жемчуг дрожат.

Мыслит царевич: «Добро же! постой!»
За косу ловко схватил он рукой.

Держит, рука боевая сильна:
Плачет и молит и бьется она.

К берегу витязь отважно плывет;
Выплыл; товарищей громко зовет.

«Ей вы! сходитесь, лихие друзья!
Гляньте, как бьется добыча моя...

Что ж вы стоите смущенной толпой?
Али красы не видали такой?»

Вот оглянулся царевич назад:
Ахнул! померк торжествующий взгляд.

Видит, лежит на песке золотом
Чудо морское с зеленым хвостом;

Хвост чешуею змеиной покрыт,
Весь замирая, свиваясь дрожит;

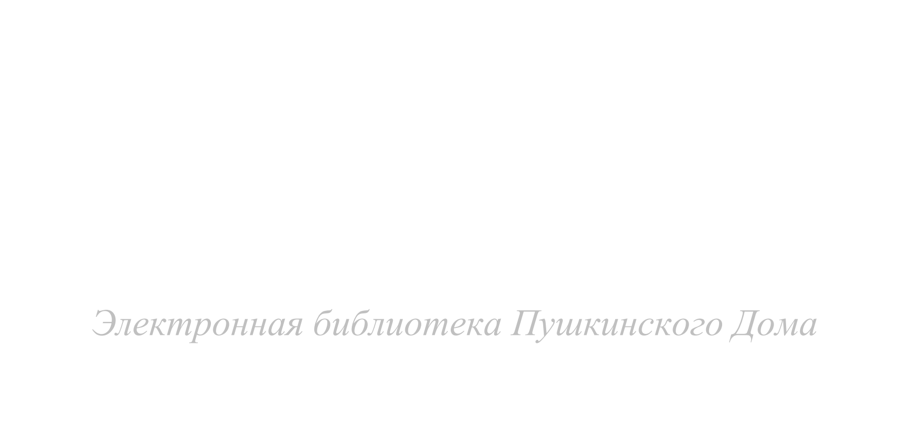
Пена струями сбегает с чела,
Очи одела смертельная мгла.

Бледные руки хватают песок;
Шепчут уста непонятный упрек...

Едет царевич задумчиво прочь.
Будет он помнить про царскую дочь!

<1841>

ПРИЛОЖЕНИЯ

КОЛЛЕКТИВНОЕ

424

Благодарим тебя, <Тевес>
И будем помнить вечно Ямки,
Где каждый неудачно влез
На брюхо оскорбленной самки
И где потом, потупив взор,
Он возвратился к мирной келье
И утопил он свой позор
В веселом дружеском похмелье.

<1833–1834 ?>

425. БАЛЛАДА

До рассвета поднявшись, перо очинил
   Знаменитый Югельский барон,
И кусал он, и рвал, и писал и строчил
Письмецо к своей Сашиньке он.
И он крикнул: «Мой паж! мой малютка! скорей!
   Подойди — что робеешь ты так!» —
И к нему подошел долговязый лакей,
   Тридцатипятилетний дурак.
«Вот, возьми письмецо ты к невесте моей
   И на почту его отнеси.
И потом пирогов, сухарей, кренделей —
   Чего хочешь, в награду проси!»
«Сухарей не хочу и письма не возьму,
   Хоть расплачься, высокий барон,
А захочешь узнать, я скажу почему,
   Нет!.. уж лучше смолчать», — и поклон.

«Паж!.. хочу я узнать!..» — «Нет!.. позволь мне смолчать!..»
— «Говори!» — «За невестой твоей
Обожателей рать, кто бы мог сосчитать?
И в разлуке ты вверился ей!
Не девица ль она?.. и одна ли верна?
Нам ли думать: на севере, там,
Всё вздыхает она, одинока, бледна;
Нам ли веровать женским словам?
Иль один обольщен, изумлен, увлечен
Ты невестою милой своей?
Нет!.. высокий барон, ты порой мне смешон,
И письма не отправлю я к ней!»
Рассмеялся барон, так уверен был он:
«Ты малютка, мой паж молодой!
Знай!.. ты сам ослеплен! знай! у северных жен
Не в размолвке обеты с душой!
Там девица верна, постоянна жена;
Север силой ли только велик?
Жизнь там веры полна, счастья там сторона,
И послушен там сердцу язык!
Мелких птиц, как везде, нет в орлином гнезде,
Там я выбрал невесту себе.
Не изменит нигде; — Ей, как вечной звезде,
Ей вверяюсь, как самой судьбе!
Так!.. снегов в стороне, будет верною мне!»
Паж невольно барону внимал,
И без слов, в тишине, он сознался в вине
И на почту с письмом побежал!
<1837>

426

О, как прохладно и весело нам
Вечером плыть по заснувшим волнам.
Солнце погасло в туманной дали,
Звезды лампады ночные зажгли.
Резво играя в вершинах холмов,
Ветер приносит дыханье цветов.

О, как чудно, прохладно с песнями плыть
И влажные кудри над морем сушить.

  Остался ли кто в морской глубине?
  Луна, улыбаясь, глядится в волне.
  И звезды, украсив чертог голубой,
  Сверкают и гаснут одна за другой.
Радостно, весело поплывем по волне,
Видишь в водах, как дрожат и как гаснут оне.
<1839 ?>

DUBIA

427

Любить вас долго было б скучно,
Любить до гроба — право, смех.
Пройти ж вас мимо равнодушно —
Перед собою тяжкий грех.

<1829–1830 ?>

428

Три грации считались в древнем мире,
Родились вы... всё три, а не четыре!

<1830–1831 ?>

429

Хвала тебе, приют лентяев,
Хвала, ученья дивный храм,
Где цвел наш бурный Полежаев
На зло завистливым властям.
Хвала и вам, студенты-братья...

<1830–1832 ?>

430. ЭКСПР<ОМТ>

Ах, как мила моя княгиня!
За ней волочится француз;

У нее лицо — как дыня,
Зато ж<оп>а — как арбуз.

<1832–1834 ?; 1839–1840 ?>

431

Когда легковерен и молод я был,
Браниться и драться я страстно любил.
Обедать однажды сосед меня звал;
Со мною заспорил один генерал.
Я света не взвидел... Стакан зазвенел
И в рожу злодея стрелой полетел.
. . . .
Мой раб, вечерком, как свершился удар,
Ко мне, на гауптвахту, принес самовар.

<1837 ?>

432. ХРИСТОС ВОСКРЕСЕ

Умолкнул стон, и цепи сокрушились
Святою кровию Христа,
И ветви мира распустились
На древе честнаго Креста.
Христос воскрес! Природа вся ликует
И славит Господа чудес,
Невольно радостью волнует
Святая песнь — Христос Воскрес!
Христос воскрес! в восторге повторяет
Богач с убогим наравне,
И все друг друга обнимают,
Лишь грустно мне — лишь грустно мне.
Лишь я угрюм в час общего веселья:
Кого люблю, тех нет со мной,
И светлый праздник Воскресенья
Я встретил с грустною слезой.

<1829–1830 ?; 1840–1841 ?>

433. ТОЛБИНУ

Ты помнишь ли былые шашни,
Когда у Сухаревой башни
Ты и дневал и ночевал;
Теперь переменилась дневка,
И от Мещанской на Петровку
Дежурство сердца передал.

<1841 ?>

434–450. <ЭКСПРОМТЫ 1841 ГОДА>

1

Куда, седой прелюбодей,
Стремишь своей ты мысли беги?
Кругом с арбузами телеги
И нет порядочных людей!

2

Очарователен кавказский наш Монако!
Танцоров, игроков, бретеров в нем толпы;
В нем лихорадят нас вино, игра и драка,
И жгут днем женщины, а по ночам — клопы.

3

В игре, как лев, силен
   Наш Пушкин Лев,
Бьет короля бубен,
   Бьет даму треф.
Но пусть всех королей
   И дам он бьет:
«Ва-банк!» — и туз червей
   Мой — банк сорвет!

4

Милый Глебов,
Сродник Фебов,
   Улыбнись,
Но на Наде,
Христа ради,
   Не женись!

5

Скинь бешмет свой, друг Мартыш,
   Распояшься, сбрось кинжалы,
Вздень броню, возьми бердыш
   И блюди нас, как хожалый!

6

Смело в пире жизни надо
   Пить фиал свой до конца.
Но лишь в битве смерть — награда,
   Не под стулом, для бойца.

7

Велик князь Ксандр и тонок, гибок он,
   Как колос молодой,
Луной сребристой ярко освещен,
   Но без зерна — пустой.

8

Наш князь Василь-
   Чиков — по батюшке,
Шеф простофиль,
   Глупцов — по дядюшке,
Идя в кадриль,
   Шутов — по зятюшке,
В речь вводит стиль
   Донцов — по матушке.

9

За девицей Emilie
Молодежь как кобели.
У девицы же Nadine
Был их тоже не один;
А у Груши в целый век
Был лишь Дикий человек.

10

Надежда Петровна,
Отчего так неровно
Разобран ваш ряд,
И локон небрежный
Над шейкою нежной…
На поясе нож.
C’est un vers qui cloche.

11

Он прав! Наш друг Мартыш не Соломон,
    Но Соломонов сын,
Не мудр, как царь Шалима, но умен,
    Умней, чем жидовин.
Тот храм воздвиг, и стал известен всем
    Гаремом и судом,
А этот храм, и суд, и свой гарем
    Несет в себе самом.

12

С лишком месяц у Мерлини
  Разговор велся один:
Что творится у княгини,
  Здрав ли верный паладин.

Но с неделю у Мерлини
  Перемена — речь не та,

И вкруг имени княгини
   Обвилася клевета.

Пьер обедал у Мерлини,
   Ездил с ней в Шотландку раз,
Не понравилось княгине,
   Вышла ссора за Каррас.

Пьер отрекся... и Мерлини,
   Как тигрица, взбешена,
В замке храброй героини,
   Как пред штурмом, тишина.

13

Он метил в умники, попался в дураки,
Ну, стоило ли ехать для того с Оки!

14

Зачем, о счастии мечтая,
   Ее зовем мы: гурия?
Она, как дева, — дева рая,
   Как женщина же — фурия.

15

Мои друзья вчерашние — враги,
      Враги — мои друзья,
Но, да простит мне грех Господь Благий,
      Их презираю я...

Вы также знаете вражду друзей
      И дружество врага,
Но чем ползущих давите червей?..
      Подошвой сапога.

16

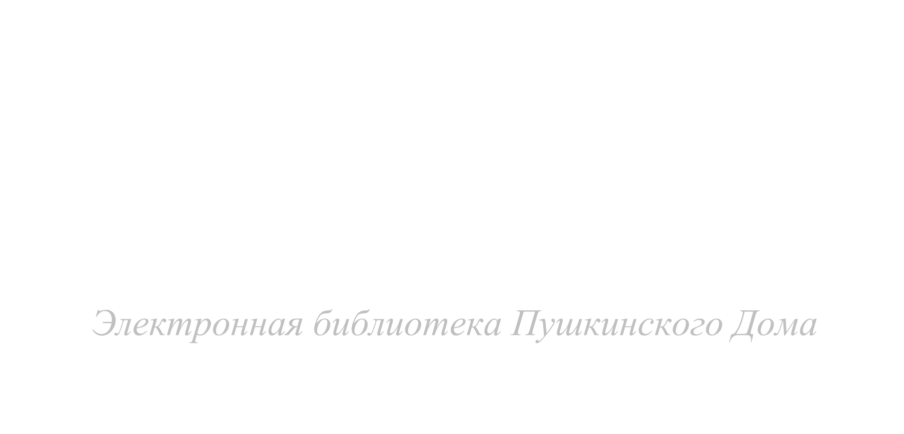
Им жизнь нужна моя, — ну, что же, пусть возьмут,
Не мне жалеть о ней!
В наследие они одно приобретут —
Клуб ядовитых змей.

17

Ну, вот теперь у вас для разговоров будет
Дня на три тема,
И, верно, в вас к себе участие возбудит
Не Миллер — Эмма.

<1841>

КОММЕНТАРИИ

ОТ РЕДКОЛЛЕГИИ

Полное собрание сочинений М. Ю. Лермонтова в четырех томах, которое подготовлено Пушкинским Домом к 200-летию поэта, основывается, с одной стороны, на тех эдиционных традициях, которые сложились в академических изданиях лермонтовского наследия в XX столетии, но, с другой стороны, расширяет и осовременивает эти традиции и в текстологическом, и в комментаторском плане.

Лермонтовский эдиционный канон сложился в своих основных чертах к середине XX века и был зафиксирован в так называемом Большом академическом собрании сочинений (*Лермонтов М. Ю.* Сочинения: В 6 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1954–1957), подготовка которого осуществлялась под руководством Н. Ф. Бельчикова и Б. В. Томашевского. Этот канон не претерпел существенных изменений и через 20 лет, во втором издании так называемого Малого академического собрания (*Лермонтов М. Ю.* Собрание сочинений: В 4 т. Л.: Наука, 1979–1981), подготовленном коллективом авторов под руководством В. А. Мануйлова: принятые в Большом академическом собрании текстологические решения здесь уже не пересматривались, если за истекший период не были обретены новые источники текста.

Хотя текстологические принципы академических изданий Лермонтова (по отношению к которым нынешнее собрание демонстрирует определенную преемственность) остаются вполне надежными, редколлегия юбилейного собрания пришла к выводу, что сверка основного текста с рукописными и печатными источниками, так же, как проверка и уточнение принятых датировок, учет всех авторитетных и значимых источников текста, безусловно, необходимы. Ограниченный объем и сжатые сроки подготовки издания заставили отказаться от текстологического максимализма: сплошной пересмотр лермонтовских рукописей и авторитетных копий для создания нового, полного и проверенного, свода черновых редакций и вариантов остается сегодня делом неисполнимым. Ждать подобных результатов можно

только от нового «большого» академического собрания, планировать которое в современной филологической ситуации было бы безрассудством. В нынешнем же четырехтомнике — в приложениях и в комментариях — печатаются только те из черновых и предварительных редакций, которые составляют определенную художественную целостность, а варианты отдельных строк и слов, за исключением специальных казусов, не воспроизводятся (полный свод вариантов, помещенный в издании 1954–1957 гг., доступен в Интернете).

Сам корпус текстов Лермонтова в основной своей части давно сложился, однако на его периферии назрели некоторые обновления: за десятилетия, прошедшие с последнего академического издания, в научный оборот были введены новые источники, позволяющие включить в корпус несколько неизвестных ранее текстов и пересмотреть статус других с дубиального на основной (и наоборот). Появилась также возможность включить в собрание ряд произведений, не входивших ранее в авторитетные издания по цензурным соображениям. Однако, наряду с дополнениями, лермонтовский корпус постигли и некоторые утраты: ряд поэтических и эпистолярных текстов, которые ранее твердо атрибутировались Лермонтову или, по крайней мере, печатались в разделе Dubia, были исключены из собрания, поскольку было установлено их истинное авторство или возникли серьезные сомнения в достоверности исходных источников.

Частичный пересмотр источников текста повлек за собой определенные коррекции и в сфере подачи текста, и в области датировок. В ряде случаев текст печатается не по тем источникам, которые были выбраны в предыдущих изданиях. При сверке текстов были уточнены многие чтения, изменены некоторые датировки, что повлекло за собой, в частности, и изменение порядка текстов в хронологически организованном корпусе. Наиболее серьезные сдвиги в этом отношении коснулись текстов первого тома: анализ тетрадей Лермонтова и многочисленных копий заставил серьезно пересмотреть хронологию и, следственно, композицию текстов раннего Лермонтова (см. специальную текстологическую преамбулу к комментарию первого тома).

Существенного обновления потребовал комментарий к лермонтовским произведениям. Большое академическое собрание в своей комментаторской части было сконцентрировано на текстологических проблемах (подробные легенды, обоснование датировок, полный свод редакций и вариантов и т. д.). Реальный комментарий сводился к небогатым биографическим деталям и справкам энциклопедического или словарного характера, а историко-литературный, как правило, отсутствовал. Исключение составляли преамбулы к некоторым текстам большой формы (в частности, к «Герою нашего

времени»), где давались сведения об основных историко-литературных характеристиках произведения. В четырехтомнике 1979–1981 гг., наоборот, была существенно сокращена текстологическая часть комментария: сняты сведения об источниках текста, сохранены только наиболее важные и обширные варианты, убраны обоснования датировок. В то же время был несколько расширен реальный и историко-литературный комментарий, хотя подача материала была ориентирована на широкого читателя. В реальном комментарии превалировали сведения энциклопедического и пояснительного характера, часть историко-литературной информации также представлялась в недетализированном виде, без ссылок и учета различных мнений, существующих по тому или другому вопросу в исследовательской литературе; целям популяризации служили и обзорные очерки, сопровождавшие каждый том издания и раскрывающие разные аспекты творческой эволюции Лермонтова.

Составляя комментарий к новому изданию, редколлегия решила отказаться от редукционистского подхода к текстологическим примечаниям. Легенда к текстам Лермонтова дается полностью: точное указание на источник печатаемого текста, на другие автографы и авторитетные копии произведения, точное описание первой публикации, обоснованная датировка, в случае проблем с атрибуцией, датировкой, выбором основного текста — изложение этих проблем.

Историко-литературный комментарий по возможности расширен и уточнен по новым данным, снабжен ссылками на исследовательскую литературу. В необходимых случаях даны указания на принципиальные расхождения в исследовательских позициях. Особое внимание уделено литературным источникам лермонтовской лирики (Т. 1): отмечаются не только случаи прямых переводов и подражаний, но и частные реминисценции и параллели, которые удалось обнаружить и обосновать. При этом — по соображениям объема — тексты-источники приводятся полностью только в самых необходимых случаях.

В реальный комментарий также внесены многочисленные уточнения, но его существенное расширение произведено лишь в томе прозаических произведений. По традиции в комментариях указываются адресаты того или иного лермонтовского текста, хотя во многих случаях (особенно это касается любовной лирики) такие указания, к сожалению, базируются на произвольных умозаключениях исследователей прошлых лет и, как правило, не могут быть подтверждены документально.

По академической традиции в комментарии практически отсутствует интерпретационная и оценочная составляющая. Однако комментарий к каждому тексту, помимо тех или иных примечаний, снабжен дополнитель-

ным списком литературы, так что при желании читатель может самостоятельно ознакомиться с основными оценками, разборами и толкованиями того или иного произведения. В конце каждого тома приводится полный библиографический список цитируемой и рекомендуемой литературы. Эта новация, нетипичная для академических комментариев, подсказана успешным опытом «Лермонтовской энциклопедии» (М., 1981).

В то же время в данном издании решено было отказаться от обзорных очерков к каждому тому, ибо подобные тексты популяризаторского и оценочного характера очень быстро теряют научную актуальность. Настоящее собрание предваряется единственной обзорной статьей, принадлежащей перу Вадима Эразмовича Вацуро (1935–2000). Печатая это строгое и емкое предисловие, мы отдаем дань памяти замечательному исследователю, без трудов которого немыслимо современное лермонтоведение.

В своей фактографической части комментарий опирается на исследовательскую и справочную литературу, в том числе новейшую, а также на комментарии в предшествующих научных изданиях Лермонтова. Это, прежде всего, собрание сочинений в 5-ти томах, вышедшее под редакцией Б. М. Эйхенбаума в издательстве «Academia» (1935–1937), и вышеупомянутые Большое и Малое академические собрания сочинений, вышедшие под грифом Пушкинского Дома (Лермонтов 1954–1957 и Лермонтов 1979–1981). Регулярно учитывались и материалы «Лермонтовской энциклопедии» (М., 1981). Библиографическая часть комментария основы-вается в значительной степени на картотеках Лермонтовского кабинета ИРЛИ РАН, а также на библиографических справочниках, вышедших под эгидой института.

* * *

Тексты Лермонтова в настоящем издании печатаются по правилам современной орфографии, но с сохранением маркированных особенностей источника. Отдельно следует оговорить режим употребления прописных букв: в 1830–1840-х годах с прописной буквы писались не только имена собственные, но и многие слова сакральной семантики (относящиеся к религии или к царствующему дому), названия народов и племен (Чеченец, Русский), многие абстрактные понятия (Природа, Литература), и т. п. При этом употребление прописных могло колебаться от издания к изданию и даже от текста к тексту. В настоящем издании прописные буквы, кроме позиции после точки, сохраняются только при написании понятий сугубо религиозного значения и только в тех случаях,

когда они зафиксированы в источнике, по которому воспроизводится текст.

Пунктуация также приближена к современной, за исключением тех случаев, когда необходимо сохранение синтаксических и интонационных особенностей источника.

Специальной оговорки требует вопрос о подаче нецензурной лексики. Первоначально редколлегия планировала ввести в собрание все обсценные тексты Лермонтова в их полном виде. Однако, по независящим от нас обстоятельствам, реализовать эти намерения оказалось невозможным: сами тексты включены в собрание, но нецензурная лексика (основные матерные корни) и наиболее грубые порнографические сцены вырезаны и обозначены знаком купюры (< >, по числу слов и строк). Мы надеемся в дальнейшем выпустить корпус лермонтовской обсценики без цензурных купюр — в качестве отдельного малотиражного приложения к настоящему собранию.

При передаче текста в настоящем издании используются следующие обозначения:

Курсивом передаются фрагменты текстов, выделенные в источнике подчеркиванием. Курсив в примечаниях обозначает выделенное комментатором.

< > — В угловые скобки заключаются слова, пропущенные в источнике, части недописанных слов, пропущенные буквы, восстанавливаемые по смыслу. В угловые скобки также заключаются редакторские названия произведений, то есть отсутствующие в источнике текста, но либо достоверно восстанавливаемые на основании документальной информации, либо закрепившиеся в результате длительной эдиционной традиции (все такие случаи оговариваются в комментарии).

<*не дописано*>, <*нрзб*> — В угловые скобки заключаются пометы редактора, обозначающие незаконченность или неразборчивость текста.

<?> — В угловые скобки заключается знак вопроса в тех случаях, когда чтение текста вызывает сомнение.

<*1830–1832*> — В угловые скобки заключаются датировки текстов (точные даты или интервалы дат), установленные редактором. Авторские даты передаются без скобок. Даты со знаком вопроса <*1830 ?*> обозначают предположительные датировки, в тех случаях, когда установление точной даты невозможно.

<...> — Тремя точками в угловых скобках передается знак купюры.

[   ] — В квадратные скобки заключаются вычеркнутые фрагменты текста.

При оформлении библиографических ссылок в тексте комментария установлена система сокращений (сигл), включающая фамилию автора(ов), год(ы) издания, том и страницу(ы) публикации (если характер ссылки не требует указания на конкретные страницы, сигла состоит только из первых двух элементов). Римскими цифрами обозначается номер тома, арабскими — страницы. В конце каждого тома приложен библиографический список, в котором дается полное описание цитируемых изданий и раскрываются основные сокращения.

Переводы иноязычных текстов помещены в комментариях, посвященных данному прозведению. Изолированные лексемы из числа наиболее распространенных, а также собственные имена и топонимы, как правило, не переводятся.

Все тексты собрания печатаются в сплошной нумерации (кроме писем к Лермонтову). Перекрестные ссылки внутри собрания даются с указанием тома и номера, а если текст под одним номером занимает несколько страниц, то и страницы: например, *Т. 1. № 316*; или *Т. 4. С. 187*. Ссылки внутри тома оформляются без указания номера тома: *с. 405* или *№ 519*).

* * *

Редколлегия пользуется случаем поблагодарить участников проекта и добровольных помощников, которые присоединились к нашей работе.

Прежде всего, благодарим тех сотрудников, которые осуществляли текстологическую подготовку лермонтовского корпуса, проверяли факты, редактировали и дополняли комментарий, — А. С. Бодрову, Е. А. Глуховскую, Н. Л. Дмитриеву, Н. А. Дроздова, Н. И. Коваленко, И. Д. Опарину и С. А. Степину. Специальные благодарности приносим тем, кто отвечал за библиографическое обеспечение проекта, — М. Д. Андриановой, Н. С. Беляеву, К. С. Овериной, Т. С. Соколовой и Т. А. Тачковой.

Приносим свои благодарности рецензентам нашего издания, высказавшим немалое количество полезнейших замечаний: Н. Н. Акимовой (Ин-т им. Репина), Е. И. Анненковой (РГПУ), М. Н. Виролайнен (ИРЛИ), А. А. Карпову (СПбГУ), Е. О. Ларионовой (ИРЛИ).

За постоянные научные консультации выражаем признательность Л. Г. Агамалян (Лит. музей ИРЛИ), А. Б. Блюмбауму (ЕУ СПб.), Е. Н. Грачевой (гимназия № 610, СПб.), А. А. Добрицыну (Université de Lausanne), А. А. Долинину (University of Wisconsin-Madison), Е. В. Кардаш (ИРЛИ), Ю. Р. Клочковой, А. А. Костину (ИРЛИ), Н. Н. Мазур (ЕУ СПб.), В. А. Мильчиной (ИВГИ РГГУ), и многим другим, кто не отказывал нам в совете и помощи.

За благожелательное содействие искренне благодарим также сотрудников архивов, где хранятся лермонтовские рукописи: РО ИРЛИ, РГАЛИ, НИОР РГБ, ОР РНБ, ОПИ ГИМ, ОРФ ГЛМ. Отдельное спасибо Е. М. Варенцовой (ОРФ ГЛМ), Т. М. Горяевой (РГАЛИ), Т. И. Краснобородько (РО ИРЛИ), Н. А. Стрижковой (РГАЛИ), Л. А. Шевцовой (НИОР РГБ).

За финансовую и организационную поддержку проекта редколлегия признательна руководству Российского гуманитарного научного фонда, в особенности В. Н. Фридлянову и В. Н. Захарову, чье взыскательное и внимательное отношение к проекту способствовало его успешному выполнению.

В состав первого тома настоящего собрания вошли все известные стихотворения М. Ю. Лермонтова, написанные им в период с 1828 по 1841 год. В Приложении к основному корпусу печатаются стихотворения, написанные Лермонтовым в соавторстве (раздел «Коллективное»), а также произведения, принадлежность которых Лермонтову окончательно не установлена («Dubia»).

По сравнению с предыдущими изданиями основной корпус стихотворений пополнился стихотворением «Леший» (1830; № 61) и незаконченным отрывком «Прости, забудь...» (1835; № 312). В качестве единого текста публикуется стихотворение «Посвящение» (1832; № 306), отдельные фрагменты которого обычно печатались в примечаниях к другим текстам. Фрагментами единого целого признаны два известных отрывка 1841 г.: «На бурке под тенью чинары...» и «Лилейной рукой поправляя...» (№ 414). В общем корпусе также помещены (к сожалению, с купюрами) несколько обсценных стихотворений юнкерского периода (№ 317, 318, 322), которые в предыдущих академических изданиях либо печатались в отдельных приложениях (см. раздел «Юнкерские стихотворения» в: Лермонтов 1935–1937: I, 405–407), либо вовсе не воспроизводились. В то же время, из основного корпуса выведено французское стихотворение «Non, si j'en crois mon espérance...» (1832), представляющее собой, как было установлено (Охотин 2014), выписку из водевиля Э. Скриба и Ф. де Курси «Simple histoire» (1826).

В раздел «Коллективное» введено шуточное стихотворение юнкерского периода «Благодарим тебя, <Тевес>...» (1833–1834; № 424), давно известное, но не включавшееся в собрания сочинений. Раздел «Dubia» пополнен стихотворением «Христос Воскрес» (<1840?>; № 432), приписанным Лермонтову в копии Н. А. Долгорукова. С другой стороны, из корпуса «Dubia» были окончательно выведены некоторые тексты, которые ранее безосновательно приписывались Лермонтову и традиционно печатались в этом разделе; к их числу относятся стихотворения «Поверю совести присяжного дьяка...», «Винтовка пулю верную послала...», «Приветствую тебя

я, злое море...», известные только по поздней записи Н. Ф. Щербины со слов кавказского офицера Трофимовича (см.: Лермонтов 1935–1937: II, 156–157, 272–273; Лермонтов 1954–1957: II, 252–253, 378–379; Лермонтов 1979–1981: I, 527–528, 626).

Комментарий к лирике Лермонтова существенно расширен с учетом историко-литературных исследований последних десятилетий. Особое внимание было уделено текстологической и источниковедческой информации. Датировки текстов, по мере возможности, обоснованы. Комментарий к каждому стихотворению сопровождается списком литературы (помимо библиографических ссылок, введенных по необходимости в текст комментария), отражающим изучение данного произведения в хронологическом порядке.

Тексты стихотворений подготовили: А. С. Бодрова и С. А. Степина. Комментарий составили: А. С. Бодрова, О. В. Миллер, Н. Г. Охотин, И. С. Чистова. Редакционно-техническая подготовка тома — Н. И. Коваленко. Ответственный редактор тома — Н. Г. Охотин.

О ПРИНЦИПАХ ПУБЛИКАЦИИ И ДАТИРОВКИ СТИХОТВОРЕНИЙ ЛЕРМОНТОВА

Состав и композиция корпуса стихотворений Лермонтова, выбор источников основного текста, — в эдиционной практике составляют определенную трудность. В связи с этим мы сочли необходимым поместить здесь небольшое пояснение текстологических принципов, в соответствии с которыми в настоящем издании подаются тексты стихотворений и устанавливаются их датировки.

1

Согласно общепринятым эдиционным нормам в основном корпусе печатаются последние авторские редакции. Однако в ряде случаев (подробнее см. ниже) установить точную хронологию источников текста не представляется возможным — в таких случаях текст печатается по наиболее позднему точно датируемому автографу/авторизованной копии; все случаи таких затруднений специально оговариваются в примечаниях к конкретным текстам.

Цензурные купюры восстанавливаются по автографам или иным авторитетным источникам только в тех случаях, когда цензурный или автоцензурный характер пропусков неоспорим (как, например, в случае со стихотворением «Дума» (№ 368), в котором в обеих прижизненных публикациях ст. 11–12 были заменены рядом точек). Восстановленные фрагменты заключены в угловые скобки.

Тексты печатаются по правилам современной орфографии, но с сохранением ряда маркированных особенностей источника. К числу таких особенностей относятся, прежде всего, устойчивые авторские написания, а также орфографические варианты, допускаемые правилами и практикой 1830–1840-х гг. (например, *поцалуй*, *мятель*, *масляница*). В соответствии с источником последовательно сохраняются 1) написание безударной флек-

сии прилагательных мужского рода в им. и вин. падеже *–ой* вместе *–ый* вне зависимости от положения в строке («Всё жив печальн*ой* призрак прежних дней»; «Ни ангельск*ой*, ни демонск*ой* язык»; «Почтим приветом остров одинок*ой*»), 2) альтернативная форма окончания предложного падежа ед. числа имен существительных среднего рода *–ьи* («Внимал в немом благовен*ьи*»).

Буква «ё», употребление которой вообще характерно для индивидуальной орфографии Лермонтова, также воспроизводится в соответствии с источником текста. Исключение составляет определительное местоимение среднего рода / наречие «всё», которое всегда печатается с «ё» во избежание омонимии с местоимением множественного числа «все». В дореформенной орфографии в данном случае омонимии не возникало благодаря орфографической оппозиции «всѣ» (множ. число) *vs* «все» (местоим. ср. рода / наречие). В современном правописании в ряде случаев может возникать ситуация неопределенности (ср. «А годы проходят — *все* лучшие годы»), которая может быть графически разрешена только при последовательном разграничении «все/всё» — ср. «А годы проходят — *все* лучшие годы» (ср. в Лермонтов 1840: 109 «А годы проходятъ — *всѣ* лучшiе годы»), но «В небе играют *всё* вольные птицы» (ср. в «Въ небѣ играютъ все вольныя птицы» в ОЗ. 1841. Т. 17. № 8. Отд. 3. С. 268).

Прописные буквы, употребление которых в лермонтовскую эпоху было гораздо шире, чем в современном правописании (названия народов и племен, месяцев, дней недели, ряд абстрактных и религиозных понятий), сохраняются в позиции не после точки только в словах, относящихся к сакральной сфере, и только в тех случаях, когда они зафиксированы в источнике, по которому воспроизводится текст («Коль *Н*ебо вздумает послать / Ему изгнанье, заточенье», «Теплой *З*аступнице мира холодного»).

Пунктуация также приближена к современной, однако учтены синтаксические и интонационные особенности источника. В тех случаях, когда однозначная синтаксическая интерпретация невозможна, сохранена пунктуация оригинала, допускающая вариативные прочтения — ср., например: «Твой стих, как Божий дух, носился над толпой; / И отзыв мыслей благородных / Звучал, как колокол на башне вечевой / Во дни торжеств и бед народных». Вопреки пунктуации в единственной прижизненной публикации, в ряде изданий «отзыв мыслей благородных» выделяется запятыми с обеих сторон как приложение, чем предполагается однозначная трактовка этого оборота как определения к «твой стих» (см.: Лермонтов 1979–1981: I, 408). В большинстве изданий отсутствующая в оригинале запятая также поставлена в конце третьей строки. Таким образом, сопоставление ограничивается простым сравнением с вечевым колоколом: «Звучал, как колокол

на башне вечевой, / <звучал когда?> Во дни торжеств...» (см.: Там же; ср.: Лермонтов 1954–1957: II, 119), между тем как оригинал допускает более развернутое сравнение — «...как колокол на башне вечевой / Во дни торжеств и бед народных», т. е. стих не просто сравнивается с колоколом, но с колоколом, звучавшим в дни торжеств или скорби.

Тексты основного корпуса и каждого из разделов приложения располагаются в хронологическом порядке, то есть в порядке создания наиболее ранних законченных редакций текста, хотя в качестве основного текста печатается наиболее поздняя авторская редакция. Такое традиционное издательское решение, хотя и уязвимое с точки зрения исторического подхода к тексту, продиктовано необходимостью представить наиболее обработанный (т. е. более поздний) авторский текст и невозможностью воспроизвести тексты всех редакций в полном объеме.

В тех случаях, когда позднейшая (по отношению ко времени создания текста) переработка была значительной, в датировку вводится вторая дата или интервал, обозначающие время переработки или доработки текста, а в примечаниях приводится текст ранней редакции или наиболее значимые разночтения. Если время написания текста точно не известно, устанавливается интервал, в течение которого оно могло быть написано; в таких случаях стихотворение располагается в корпусе под более ранней из дат этого интервала. Причем тексты, не имеющие точной годовой датировки, помещаются после текстов, точно датированных тем годом, которым открывается предполагаемый интервал. Так, тексты 1830 г. предшествуют стихотворениям, написанным предположительно в промежуток между 1830–1831 гг.; а тексты, надежно датируемые 1831 г., в свою очередь, помещены вслед за корпусом 1830–1831 гг. Такое композиционное решение, отчасти носящее технический характер, обусловлено установкой на максимально корректное выстраивание хронологического ряда. При традиционном расположении раздела стихотворений 1830–1831 гг. между корпусом текстов 1831 и 1832 гг. (см.: Лермонтов 1935–1937: I, 256–323; Лермонтов 1954–1957: II, 262–320; Лермонтов 1979–1981: I, 241–294) хронология нарушается в большей степени, так как ряд текстов, вероятно, написанных в 1830 г., печатаются уже *после* текстов 1831 г.

2

Установка на выстраивание хронологической последовательности текстов корпуса заставила пересмотреть имеющиеся датировки стихотворений Лермонтова, которые в основном ограничивались указанием года, без дальней-

шей конкретизации. В ряде случаев (прежде всего для стихотворений 1829–1831 гг.) при имеющейся источниковой базе более точная датировка, действительно, невозможна, однако — для существенной части корпуса — датировки удалось скорректировать и сузить на основании документальных и эпистолярных источников, анализа истории заполнения лермонтовских тетрадей.

Для текстов, напечатанных при жизни Лермонтова, датировка (а точнее, нижняя ее граница, terminus ante quem) указывалась с точностью до половины месяца — в соответствии с датой цензурного разрешения изданий, в которых эти тексты появились, — при отсутствии иных документальных свидетельств (датированный автограф, упоминание в письмах Лермонтова или его знакомых, документах цензурного комитета, авторитетное свидетельство современника и т. д.).

Датировка текстов, известных только по рукописям, также в целом ряде случаев была уточнена, как и статус ряда источников.

2.1. Записная книжка Лермонтова, подаренная В. Ф. Одоевским (ОР РНБ. Ф. 429. № 12; часто упоминающаяся в литературе под сокращенным названием «Записная книжка Одоевского»), содержащая черновые и беловые автографы всех последних шедевров 1841 г. (от «Спора» до «Морской царевны», см. № 411–423). Традиционно все тексты, в ней находящиеся (за исключением стихотворений «Утес» и «Спор»), датировались одним временным промежутком — между 13 апреля 1841 г. (когда Одоевский, согласно его дарственной надписи, вручил книгу Лермонтову) и 15 июля 1841 г. Между тем, и этот относительно компактный интервал можно конкретизировать, исходя из расположения текстов в тетради, сведений из письма Лермонтова С. Н. Карамзиной от 10 мая 1841 г. и свидетельства Ю. С. Самарина о передаче ему стихотворения «Спор» самим Лермонтовым перед его отъездом из Москвы.

Тетрадь заполнялась с обеих сторон — как от лицевой, так и от задней обложки: с лицевой стороны — это в основном чернильные беловики, в другой части — черновые карандашные наброски. Логично предположить, что заполнение тетради было начато от передней обложки; тогда первым текстом, в ней появившимся, был черновой карандашный автограф стихотворения «Спор» (Л. 2 об.–5), который затем был перебелен чернилами в той же части тетради (Л. 6–7). Если не сомневаться в достоверности сообщения Самарина о том, что Лермонтов отдал ему оконченный текст «Спора» (беловой автограф на отдельном листе) перед отъездом из Москвы, работу над этим стихотворением можно датировать 13–23 апреля 1841 г. (временем между получением тетради от Одоевского и отъездом Лермонтова из

Москвы на Кавказ). Вероятно, после беловой записи «Спора» Лермонтов решил оставить эту «лицевую» часть тетради для беловиков, а для черновой работы использовать ту же тетрадь, но с обратной стороны.

Двадцатые числа апреля, таким образом, — верхняя граница (terminus post quem) для основного массива черновых карандашных записей в той части тетради (№ 412–419), которая заполнялась от задней обложки. Нижняя граница их датировки (terminus ante quem) может быть установлена исходя из того, что одним из последних в этой части вписано французское стихотворение «L'Attente» (№ 420), беловой автограф которого Лермонтов послал в письме С. Н. Карамзиной от 10 мая 1841 г. (см.: Т. 4. № 589). Единственный карандашный черновик, следующий за «L'Attente», — стихотворение «Нет, не тебя так пылко я люблю...» (№ 421), которое, соответственно, можно также датировать около 10 мая 1841 г.

В «беловую» часть Записной книжки Лермонтов переносил тексты непоследовательно и не все (так, не было перебелено в «передней» части тетради стихотворение «L'Attente»; не двинулся дальше первоначальных черновых фрагментов набросок «На бурке тенью чинары...», № 414). Не вполне ясно, были ли стихотворения «Выхожу один я на дорогу...» и «Морская царевна» (Л. 11 об.–13), идущие вслед за беловиком «Нет, не тебя так пылко я люблю...», записаны в этой тетради сразу набело или же их черновики набрасывались в другом месте и до нас не дошли. Но, как бы то ни было, эти беловые записи (как и беловой автограф «Пророка», № 413), безусловно, самые поздние и, вероятно, могут быть датированы второй половиной мая — началом июля 1841 г. (верхняя граница — по времени вероятной перебелки «Нет, не тебя так пылко я люблю...», карандашная запись которого в черновой (т. е. «задней») части тетради датируется около 10 мая 1841 г.).

В ряде изданий тексты из Записной книжки Одоевского располагались в соответствии с их последовательностью в беловой части тетради. В настоящем издании, исходя из общего хронологического принципа, предполагающего датировку по ранним редакциям, мы располагаем и эту группу текстов в соответствии с последовательностью появления карандашных автографов (при их наличии) в черновой, «задней» части Записной книжки.

2.2. Юношеские тетради (РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 1. № 2–8, 10, 11, 21, 21а, 22), включающие основной массив ранних стихотворений 1828–1832 гг., традиционно датируются с точностью до года, хотя в преамбулах к соответствующим комментариям иногда оговариваются уточнения таких широких датировок на основании дат, содержащихся в заглавиях и подзаголовках стихотворений, биографических записях и т. д.

Стоит специально отметить, что далеко не всегда даты, вынесенные в заглавие или подзаголовок, соответствуют реальному времени написания стихотворений. Это хорошо видно на примере текста, озаглавленного в автографе «30 июля. — (Париж). 1830 года» (№ 124), который не мог быть написан раньше десятых чисел августа 1830 г., когда сообщения об июльской революции во Франции стали появляться в русских газетах, или, с другой стороны, стихотворения «1831-го июня 11 дня» (№ 167), сам объем которого свидетельствует о многодневной работе. В случаях, сходных с «1831-го июня 11 дня», когда дата в заглавии призвана, по-видимому, обозначить дневниковую природу текста, ее следует считать верхней границей (terminus post quem) датировки, но не точной датировкой для данного текста.

2.2.1. Тетради, содержащие корпус наиболее ранних лермонтовских текстов, — **тетради 2 и 3** — могут быть датированы только в пределах года. Тексты из **тетради 2** датируются 1829 г., согласно помете Лермонтова на обложке «Мелкие стихотворения. Москва. В 1829 году»; в ту же тетрадь, согласно датирующим пометам Лермонтова, были переписаны и несколько стихотворений 1828 г. (см. № 1–4). Устоявшаяся датировка **тетради 3** основана на комплексе фактов: тетрадь состоит из листов бумаги с водяным знаком 1828 г. (Лермонтов 1910–1913: V, 27), т. е. заполнялась не ранее конца 1828–1829 гг.; в тетради находятся автографы поэмы «Олег», создание которой устойчиво связывается с успехами русских войск в русско-турецкую войну 1828–1829 гг. (см. примеч. к поэме: Т. 2. № 455), а также первый набросок «Демона», чья датировка определяется соотношением со второй его редакцией, датированной в автографе «в начале 1830 года» (см. примеч. к поэме : Т. 2. № 475).

2.2.2. К этим тетрадям хронологически примыкает так называемая **тетрадь Солоницкого** (ОР РГБ. Ф. 298/IV. Карт. 1. № 24) — рукописный сборник, составленный Лермонтовым и подаренный А. С. Солоницкому, учителю рисования, который готовил Лермонтова к поступлению в Университетский благородный пансион и занимался с ним позднее в пансионские годы. По свидетельству Солоницкого, в конце 1847 г. приславшего в редакцию «Отечественных записок» копию с сохранившихся у него текстов Лермонтова, эта тетрадь была ему подарена поэтом «перед вступлением в Московский Университет, в 1829 году» (РО ИРЛИ 524. Оп. 2. № 39. Л. 1–1 об.; см. также: ОР РНБ. Ф. 73. № 673). Хотя сообщение Солоницкого, очевидно, не вполне точно (поступление Лермонтова в университет относится к 1830, а не 1829 г.), судя по содержащимся текстам, тетрадь под-

водит итог ранним дружеским стихам, связанным с пансионской средой и, как следует из сопоставления с другими тетрадями Лермонтова, за пределы 1829 г. не выходит. В силу того, что почти все тексты из тетради Солоницкого также представлены в тетради 2, они не были выделены в отдельный корпус внутри 1829 г. Те стихотворения, которые известны только по автографам в тетради Солоницкого (№ 29–30, 32–37), помещены среди текстов тетради 2, между текстами, которые имеются в обоих этих источниках (см. примеч. к № 23–28, 31, 32).

2.2.3. Гораздо более дифференцированные датировки возможны для стихотворений 1830 г., находящихся **в тетрадях 5, 6, 7, 8**. Так, стихотворение «Кавказ» («Хотя я судьбой на заре моих дней...», № 64), помещающееся в **тетради 5** вслед за текстом поэмы «Джюлио», датированной «(1830 года) (великим постом и после)», относится, очевидно, к весне 1830 г.

В летние месяцы того же года заполнялись тетради 6 и 7, изначально, по-видимому, составлявшие единое целое. **Тетрадь 6** озаглавлена «Разные стихотворения (1830 год)». Датированные заметки и биографические пояснения к отдельным стихотворениям позволяют предположительно сузить датировку до июня — начала августа 1830 г. На Л. 30 об.–31 располагается автобиографическая заметка «Кто мне поверит, что я знал уже любовь имея 10 лет...» (№ 529), датированная «1830 г. 8 июля. Ночь». К стихотворению «Оставленная пустынь предо мною...» (№ 93) сделано пояснение: «в Воскресенске. Написано на стенах жилища Никона» (Л. 23) — по воспоминаниям Е. А. Сушковой, эта поездка в Ново-Иерусалимский монастырь состоялась летом 1830 г. (Сушкова 1928: 110). Стихотворение «Ночь. III» (Л. 24 об.; № 95) сопровождается пояснением: «сидя в Середникове у окна», стихотворение «К Су<шковой>» («Вблизи тебя до этих пор...», № 105) — пометой «при выезде из Середникова к miss blac<k> eys» (Л. 29), — в Середникове, как известно, Лермонтов проводил летние месяцы 1830 г. Тетрадь эта, однако, заполнялась непоследовательно, иногда записи делались на оставшихся свободными частях листа, а часть дат, по всей видимости, расставлялась задним числом. Но, хотя стихотворения, по-видимому, не могут быть надежно датированы исходя из порядка их следования в тетради, в отсутствие иных источников мы печатаем тексты тетради 6 в соответствии с расположением в этом источнике.

Сходным образом дело обстоит со стихотворениями, находящимися в **тетради 7**. Даты в заглавиях «1830 год. Июля 15-го (Москва)» («Зачем семьи родной безвестный круг...», Л. 1 об.–2; № 114) и «10 июля (1830)» («Опять вы, гордые, восстали...», Л. 5 об.; № 117), по всей вероятности, относятся не ко времени записи текстов, но отсылают к значимым датам, по-

служившим импульсом к их созданию. Стихотворения также печатаются в соответствии с порядком следования в тетради; наиболее вероятная их датировка: вторая половина июля — август 1830 г.

Еще одна тетрадь стихотворений 1830 г. — **тетрадь 8** — изначально была заведена для серии прозаических переводов с английского. Так, на Л. 2 был начат французский перевод фрагмента из VIII письма Йорика Элизе, который, однако, не был завершен — и для его продолжения, по всей видимости, был оставлен чистым оборот листа. Следующие Л. 3–9 об. заняты русскими прозаическими переводами из Байрона (Т. 4. № 522–525), связанными с увлечением Лермонтова английским поэтом летом 1830 г. Лишь затем, начиная с Л. 9 об. в тетради появляются автографы оригинальных стихотворений, записи которых следует датировать второй половиной — концом августа. Дата «1830 года августа 15 дня», поставленная при стихотворении «Чума в Саратове» (№ 122), не обязательно соответствует времени записи этого текста, так как новости о распространении холеры в Нижнем Поволжье стали появляться в Москве только в самом конце августа — начале сентября 1830 г. (см. примеч. к № 122). Датировку этой группы автографов концом августа подтверждает и помета на Л. 12 при стихотворении «Стансы» (№ 125), датированном «(1830 года)» и «(26 августа)». Не вполне ясно, когда именно на Л. 1 была сделана запись стихотворения «Ночь» («Один я в тишине ночной…», № 120), датированного «(1830 года ночью. Августа 28)», — нельзя исключать, что текст был вписан позднее заполнения основной части тетради на листе, оставленном пустым в качестве обложки. Наконец, последними в тетради появились автографы трех стихотворений — «Новгород», «Глупой красавице», «Могила бойца» (№ 135–137), помеченные началом октября и вписанные на остававшемся незаполненным Л. 2 об.

2.2.4. Тетради, содержащие тексты 1831 г., по-видимому, заполнялись более последовательно. По крайней мере, **в тетради 11** даты, проставленные при помещенных в ней текстах, выстраиваются в непротиворечивый хронологический ряд. На Л. 1 об., при стихотворении «Желание» («Зачем я не птица, не ворон степной…», № 197), — пометы «(Средниково. Вечер на бельведере)» и «(29 июля)», на Л. 3, где расположен автограф стихотворения «Блистая пробегают облака…» (№ 201), — датирующая запись: «(7-го августа. В деревне на холме; у забора)». Следующую хронологическую привязку дает первоначальный автограф поэмы «Ангел смерти» (Т. 2. № 462) (Л. 10 об.–18 об., 19) — перебеленный ее текст Лермонтов подарил А. М. Верещагиной, датировав беловой автограф «1831 года Сентября 4-го дня» (см.: Андроников 1963: 20). Таким образом, тексты, располагающиеся в тетради 11 между Л. 3 и 10, могут быть датированы августом — началом

сентября 1831 г. На этом фоне правдоподобно точной выглядит дата в заглавии стихотворения «Сентября 28» (№ 211), расположенного на Л. 20–20 об. Последующие тексты, находящиеся на Л. 21–30 об., очевидно, относятся к промежутку между самым концом сентября и началом декабря 1831 г. На Л. 30 об. — датированная биографическая запись «2-го декабря: св. Варвары вечером, возвратясь...» (Т. 4. № 537). Подтверждается это и биографическими подразумеваниями стихотворений «Прекрасны вы, поля земли родной...» (№ 213; Л. 23) и «Ужасная судьба отца и сына...» (№ 227; Л. 29 об.), связанных со смертью Ю. П. Лермонтова 1 октября 1831 г.

Как установил еще Б. М. Эйхенбаум, рубежом 1831–1832 гг. должна быть датирована **тетрадь 4** (см.: Лермонтов 1935–1937: I, 417–418). Такая датировка основана прежде всего на том, что на Л. 14 об.–17 находятся автографы <«Новогодних мадригалов и эпиграмм»>, сочиненных для маскарада в Благородном собрании накануне нового 1832 г. (см. примеч. к № 244–260). Кроме того, запись сюжета о Мстиславе («Молодежь, разговаривают....»; Л. 13 об.–14; см.: Т. 4. № 513), очевидно, продолжает первоначальный набросок плана «Имя героя Мстислав...» (РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 1. № 11. Л. 31; Т. 4. № 512) в тетради 11, надежно датируемой июлем–декабрем 1831 г (см. выше); с памятью об умершем отце, по всей видимости, связано стихотворение «Эпитафия» (№ 276). Таким образом, тексты, расположенные перед «Новогодними мадригалами», датируются концом 1831 г., следующие за ними — началом 1832 г.

2.2.5. Наибольшие сложности и разноречия в датировках издавна вызывает **тетрадь 20** (РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 1. № 21), представляющая собой собрание текстов 1829–1832 гг., отобранных самим Лермонтовым из корпуса ранних стихотворений. В большинстве своем тетрадь заполнялась рукой неустановленного переписчика, чью работу Лермонтов затем просмотрел (не слишком внимательно, судя по довольно многочисленным опискам, оставшимся неисправленными) и внес отдельные поправки. Автографы Лермонтова появляются только на нескольких последних листах этой весьма объемной тетради.

Общая датировка рукописи основывается на том, что, с одной стороны, сюда вошли некоторые тексты из тетради 2, относящейся к 1829 г., с другой стороны — завершается она рядом стихотворений, написанных уже в июле — августе 1832 г. после отъезда Лермонтова из Москвы в Петербург. Однако тексты в тетради, особенно в первой ее части, расположены явно не в хронологическом порядке (так, ряд текстов 1829 г. из тетради 2 — «Жена Севера», «К другу», «Русская мелодия» и др. — расположены после текстов, датируемых летом 1830 г., — «30 июня 1830 г.», «Чума (Отрывок)» и т. д.),

и к тому же существенная часть стихотворений не имеет никаких других источников текста и известна только по этим авторизованным копиям. То есть, по всей видимости, существовала еще одна или несколько тетрадей автографов Лермонтова, где велась работа над этими текстами, но эти автографы до нас не дошли (ср.: Лермонтов 1935–1937: I, 418).

Определить хотя бы приблизительно датировки этих копийных текстов позволяют анализ состава и композиции тетради и ее сопоставление с другими тетрадями применительно к тем текстам, автографы которых сохранились.

По-видимому, сама тетрадь 20 заполнялась весной — летом 1832 г., перед отъездом Лермонтова из Москвы в Петербург, и должна была служить, наряду с тетрадями 21а (открывавшейся авторизованной копией поэмы «Литвинка»), 22 (беловой автограф поэмы «Аул Бастунджи») и 23 (автограф «черкесской повести» «Каллы»), краткой антологией наиболее значительных стихотворных сочинений молодого автора. На этом основании, учитывая несомненно авторский отбор текстов, их частичную переработку относительно известных автографов и более позднюю датировку, тетрадь 20 была последовательно выбрана в качестве источника основного текста для стихотворений, в ней содержащихся, исходя из установки на воспроизведение позднейших авторских редакций в качестве основного текста.

Появление в тетради автографов самого Лермонтова (на Л. 47 об, начиная со стихотворения «Баллада (с немецкого)», № 289), причем записанных беглым, не вполне аккуратным почерком, правдоподобно связать со временем его отъезда из Москвы в начале июля 1832 г. Подтверждается это и посылкой отрывка из стихотворения «Я жить хочу, хочу печали...» (Л. 48; № 291) в письме С. А. Бахметевой из Петербурга от начала — середины августа (см.: Т. 4. № 544), где упоминается о том, что эти стихи он написал «месяц назад», т. е. в начале — середине июля. На этом основании корпус автографов в тетради 20 (Л. 47 об.–50, см. № 289–301) датируется июлем–августом 1832 г.

Другую вполне монолитную группу внутри тетради 20 образует серия копий на Л. 36 об.–45 об., представляющая собой тексты, последовательно переписанные из тетради 10 («Завещание. (Из Гете)» (№ 194), датирующееся летом 1831 г.), тетради 11, заполнявшейся в конце июля — декабре 1831 г. (см.: Л. 36 об.–42 об.; от стихотворения «Желание» до «Пусть я кого-нибудь люблю...»), и из тетради 4, датирующейся концом 1831 — началом 1832 г. (см.: Л. 42 об.–45 об.; от «Песни» до «Ты молод, цвет твоих кудрей...»). Таким образом, в этой части тетради (начиная с Л. 36 об.), по-видимому, налицо хронологический принцип расположения текстов: *лето 1831 г.* (текст из тетради 10) — *июль–декабрь 1831 г.* (тексты из тетради 11) — *конец 1831* —

начало 1832 г. (тексты из тетради 4) — *июль–август 1832 г.* (автографы). На этом основании компактную серию не подтвержденных соответствующими автографами копий на Л. 45 об.–47 об. (см. № 281–288, от «Нет, я не Байрон, я другой...» до «К:» («Оставь напрасные заботы...»)), располагающихся между текстами из тетради 4 и автографами, можно датировать не ранее начала 1832 г. — не позднее начала июля 1832 г.

Гораздо сложнее дело обстоит с массивом копий в начале тетради 20, которые можно условно разделить на две подгруппы. В первой части (31 стихотворение) преобладают тексты, автографы которых известны и находятся в тетрадях 2, 3, 5, 6, 8 с незначительным вкраплением копийных текстов, известных только по тетради 20. Во второй подгруппе (42 текста), напротив, всего несколько стихотворений имеют другие источники текста — «Песнь Барда» (автограф в тетради 7), «Могила бойца» (автограф в тетради 8), «Русская песня» (автограф на отдельном листе), «1831-го января» (копия А. Д. Закревского в альбоме Ю. Н. Бартенева). Как отметил Э. Э. Найдич, среди текстов первой подгруппы нет стихотворений, автографы которых датировались бы позже лета 1830 г. Таким образом, оставшуюся и основную часть «уникальных» стихотворений, известных только по копиям в тетради 20, вероятно, можно датировать второй половиной 1830 — первой половиной 1831 г. (см.: Найдич 1952b: 394–395). Согласно остроумному предположению Найдича, возможно даже провести демаркационную линию между текстами 1830 и 1831 гг. — очень вероятно, что новый годовой раздел был начат программным стихотворением «1831-го июня 11 дня» (Там же: 395). Однако при всей своей изящности эта гипотеза не может быть надежно обоснована, тем более, что среди следующих за «1831-го июня 11 дня» текстов находится «Русская песня», датированная в автографе не 1831, а 1830 г. Исходя из этого, в настоящем издании мы сохраняем общий раздел 1830–1831 гг., состоящий из копийных текстов, известных только по тетради 20, но помещаем его между текстами 1830 и 1831 гг., что, по всей видимости, в большей степени отражает реальную хронологию работы Лермонтова над текстами, чем традиционное расположение раздела 1830–1831 гг. после текстов 1831 г. (другие аргументы в пользу такого расположения годовых разделов см. также выше).

Отчасти сходна с историей заполнения тетради 20, хотя и менее сложна, хронология записей в **тетради 21а** (так называемой Казанской тетради; об истории рукописи см.: Эйхенбаум 1948: 3–10). Тетрадь открывается авторизованной копией поэмы «Литвинка» («Литвинка. Повесть. 1832 год»), сделанной тем же почерком, что и копии стихотворений в тетради 20, что позволяет датировать копию весной — летом (не позднее начала июля) 1832 г. Затем, вслед за текстом поэмы, идут автографы стихотворений

(№ 302–311) — черновые и беловые с правкой. Их легко можно датировать серединой августа — началом октября 1832 г. (более точные датировки конкретных стихотворений см. в примечаниях к ним), так как существенную часть текстов Лермонтов посылает в датированных письмах С. А. Бахметевой и М. А. Лопухиной. По-видимому, несколько позднее этого времени появились два автографа на последней странице тетради — набросок «Прости! — забудь, что ты певца...» и стихотворение «Гусар» (№ 312–313), которые отличаются от остальных автографов по почерку и цвету чернил.

2.3. Отдельного комментария заслуживают датировки **автографов Лермонтова в альбоме А. М. Верещагиной**, хранящемся в библиотеке Колумбийского университета (Columbia University Libraries. Rare Book & Manuscript Library. Ms Coll \ Lermontov. Album 2). Этот альбом, содержащий рисунки Лермонтова (на Л. 53, 101, 102, 141, 152, 155, 165, 166, 174) и автографы 8 стихотворений («Звезда», «Ангел», «К***» («Когда к тебе молвы рассказ»), «К Л.—» («У ног других не забывал»), «К:» («Зови надежду сновиденьем»), «К:» («Я не люблю тебя; страстей»), «Желание», «Челнок»), был de visu доступен — из всех отечественных издателей Лермонтова — только П. А. Висковатову, который и ввел эти материалы в научный оборот. Затем долгое время альбом, находившийся в частном собрании, у потомков Верещагиной, исчез из поля зрения исследователей, пока в начале 1960-х гг. не стало известно, что этот альбом Верещагиной, наряду с альбомом ее матери, Е. А. Верещагиной-Анненковой, и альбомом предположительно В. А. Лопухиной, поступил в собрание рукописей библиотеки Колумбийского университета (историю альбомов см.: Андроников 1963: 12–13; Голованова 1979: 8–14).

К сожалению, во время подготовки настоящего издания мы не смогли ознакомиться с альбомом Верещагиной de visu и были вынуждены пользоваться комплектом фотокопий автографов из этого альбома (РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 2. № 167) и опираться на наиболее развернутое описание состава и структуры этого альбома, выполненное Е. Михайлофф (Michailoff 1974: 370–373; см. также: Жернакова 1990: 125–135). Из этого описания очевидно, что альбом заполнялся непоследовательно, о чем свидетельствуют редкие датированные записи (так, на л. 30 — дата: «Марта 20, 1831»; на л. 122 — «Октября 18, 1830», а на л. 126 — «Москва, 1833»), с пропусками страниц, многие из которых так и остались незаполненными (Michailoff 1974: 370). Таким образом, положение автографов в альбоме не позволяет — без дополнительных разысканий — датировать их точнее, чем в интервале 1830–1833 г. С другой стороны, мы сочли невозможным основывать предположения о датировке и статусе альбомных автографов на эстетиче-

ских критериях и интерпретациях (более или менее «совершенная» редакция/вариант по сравнению с другими известными источниками текста; ср. противоречащие друг другу предположения Т. П. Головановой и А. Глассе о месте альбомной редакции стихотворения «К Л.—» (№ 207) в истории текста: Голованова 1979: 17–18; Глассе 1979: 98–99). Исходя из этого, в тех случаях, когда, помимо автографа из альбома Верещагиной, в нашем распоряжении есть иной авторитетный точно датируемый источник текста (автограф или авторизованная копия), предпочтение в выборе основного текста отдавалось ему, а не альбомной редакции.

2.4. Наконец, существенные проблемы с точной датировкой возникают в случае с автографами, входящими в **тетрадь Чертковской библиотеки** (ОПИ ГИМ. Ф. 445. № 227а; в коллекцию А. Д. Черткова тетрадь попала от В. Д. Арнольди, урожд. Свербеевой). Эта тетрадь в сафьяновом переплете, под заглавием «Собственноручные бумаги Лермонтова», представляет собой сброшюрованные разнородные листы разного формата — автографы Лермонтова и авторизованные копии Владельцем тетради изначально был Л. И. Арнольди (о нем см.: ЛЭ 1981: 36), который, как следует из его пояснительной записки (Л. 1), получил эту связку бумаг «покойного Лермонтова» от его двоюродного брата А. П. Шан-Гирея.

История рукописей, попавших к Арнольди, уточняется благодаря воспоминаниям Шан-Гирея, рассказывавшего о том, что перед последним отъездом Лермонтова на Кавказ в 1841 г. они с ним «сделали подробный пересмотр всем бумагам, выбрали несколько как напечатанных уже, так и еще не изданных и составили связку», которую в 1842 г. Шан-Гирей по просьбе Арнольди «оставил ему на некоторое время» (Воспоминания 1989: 52–53). Эти рукописи Арнольди предоставил в 1845–1846 гг. В. А. Соллогубу, опубликовавшему в двух сборниках «Вчера и сегодня» ряд произведений (как стихотворных, так и прозаических), содержавшихся в тетради. Причем, очевидно, что в тот момент в тетради Арнольди было большее число листов и текстов, чем нам известно теперь, так как автографы части текстов, напечатанных Соллогубом, ныне утрачены. Подтверждается это предположение и обращением к рукописной копии (РГАЛИ. Ф. 276. Оп. 1. № 67а), также сделанной с бумаг, хранившихся у Арнольди (на л. 1 копии запись рукой С. А. Соболевского: «сообщено Графине Ростопчиной Львом Ивановичем Арнольди»), и переданной Е. П. Ростопчиной и С. А. Соболевским А. Н. Афанасьеву для публикации в «Библиографических записках» (точной датировке эта копия не поддается, она могла быть сделана как в 1840-е гг., так и в первой половине 1850-х; к Афанасьеву она, очевидно, попала в 1857–1858 гг., о чем говорят его рукописные пометы со ссылками на издание

1856 г. и подготовленная на основе этой тетради публикация в БЗ в начале 1859 г.). Из сопоставления состава тетради Чертковской библиотеки с публикациями во «Вчера и сегодня» и копией Афанасьева следует, что среди тех же бумаг находились автографы стихотворений «Это случилось в последние годы могучего Рима...» (№ 326), «Экспромт М. И. Ц.» (№ 358), «Вид гор из степей Козлова» (№ 359), «Quand je te vois sourire...» (№ 360), другая (видимо, ранняя) редакция стихотворения «Есть речи — значенье...» (см. примеч. к № 374).

В силу того, что автографы из тетради Чертковской библиотеки изначально представляли собой разрозненные рукописи разных лет, точная датировка текстов по положению в тетради невозможна. Соотносительная датировка работает только в пределах одного листа и/или оборота. Однако, исходя из сведений, сообщенных Шан-Гиреем, можно предположить, что среди этих отобранных рукописей были в основном тексты последних лет, по крайней мере после выпуска из Юнкерской школы (ноябрь 1834 г.). Отметим также, что среди стихотворных текстов в этом корпусе нет ни одного, написанного позднее конца 1839 г., причем основной их массив составляют сочинения 1837–1838 гг. При отсутствии иных оснований для датировки некоторое число стихотворений было предположительно датировано этим промежутком.

А. Бодрова

СТИХОТВОРЕНИЯ

1. Осень («Листья в поле пожелтели...»).

Автограф: РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 1. № 2. Л. 1 об. — беловой, с поправкой в ст. 3, в тетради 2 «Мелкие стихотворения. Москва. В 1829 году». Вероятно, стихотворение имело продолжение на следующем, утраченном листе тетради.
Копия: РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 2. № 33. Л. 37 об.–38 — в тетради копий юношеских стихотворений, с автографа ИРЛИ.
Печатается по беловому автографу.
Датируется по позднейшей авторской помете в автографе: «(1828)».
Впервые: Лермонтов 1889–1891: I, 1.

Стихотворение, возможно, является отрывком учебного поэтического задания: топика *осени* — стандартный материал для дидактических и элегических опытов: вслед за общей мрачной экспозицией (картина умирающей природы) в подобных текстах обычно следовала либо похвала сельским трудам и добродетелям, которые вознаграждены обильным урожаем, либо рассуждения о бренности человека (природа возрождается, а человек умирает окончательно и может возродиться только в лучшем мире; об элегической интерпретации осенних мотивов см.: Вацуро 1994: 40–41). Относительная новация Лермонтова — употребление 4-стопного хорея, не слишком типичного для разработки «осенней» темы в рус. поэзии конца XVIII — нач. XIX в.

Лит.: ЛЭ 1981: 356–357; Максимов 1964: 134; Удодов 1973: 290.

2. Заблуждение Купидона («Однажды женщины Эрота отодрали...»).

Автограф: РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 1. № 2. Л. 3 — беловой, в тетради 2 «Мелкие стихотворения. Москва. В 1829 году».
Копия: РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 2. № 33. Л. 38 — в тетради копий юношеских стихотворений, с автографа ИРЛИ.
Печатается по беловому автографу.
Датируется по позднейшей авторской помете в автографе: «(1828)».
Впервые: Лермонтов 1889–1891: I, 1.

Антологическая эпиграмма аллегорического характера. Обращение к античным образам, как и некоторая архаичность языка, — дань юного Лермонтова литературной школе, которую представляли пансионские преподаватели А. Ф. Мерзляков (1778–1830) и С. Е. Раич (1792–1855). Высказывались предположения, что стихотворение имеет переводное происхождение, но источник заимствования до сих пор не установлен. В основе эпиграммы — сюжет «наказания Амура» (Венера бьет своевольного сына розгой, рукой или розовым букетом), известный с античности и чрезвычайно распространенный в европейском искусстве и литературе Нового времени (А. Караччи, Д.-Ф. Пармеджанино, Ф. Буше, А. Кауфман), в частности, представленный и в галантной гравюре XVIII в. (обычно в составе многочисленных сюит «Воспитание Амура»; там же встречается и сюжет «Месть Амура»: выстрелом из лука бог любви мстит за пренебрежение); среди литературных репрезентаций широко известна анакреонтическая ода П.-Ж Бернара (Bernard; 1708–1775) «L’Amour

fouetté». Реже фиксируется вариация сюжета, где бога любви ловят и наказывают несколько женщин, например, нимфы из свиты Дианы; ср. картину Никола Флейгельса (Vleighels, 1668–1737) «Наказание Амура» («La Punition de l'Amour») из собрания Эрмитажа. В качестве мотивной параллели к первой части эпиграммы отмечался аллегорический пассаж С. Н. Глинки о порке Амура Грациями (Мечтатель [Глинка С. Н.]. Анекдоты, мысли и замечания // Дамский журнал. 1829. Март. № 14. С. 5; Вацуро 2008: 219–220). Однако развитие сюжета, предложенное Лермонтовым в пуанте, выходит за рамки мифологических аллегорий.

Лит.: ЛЭ 1981: 172; Бродский 1945: 80–81; Вацуро 1964: 46–47; Кибальник 1990: 96–97; Вацуро 2008: *54–55*; 220–221.

3. Цевница («На склоне гор, близ вод, прохожий, зрел ли ты...»).

Автограф: РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 1. № 2. Л. 3 об. — беловой, с поправкой в ст. 7, в тетради 2 «Мелкие стихотворения. Москва. В 1829 году».
Копия: РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 2. № 33. Л. 38–38 об. — в тетради копий юношеских стихотворений, с автографа ИРЛИ.
Печатается по беловому автографу.
Датируется по позднейшей авторской помете в автографе: «(1828)».
Впервые: БЗ. 1861. Т. 3. № 16. Стб. 487.

Элегия в александрийских стихах. В стихотворении явственно заметно влияние двух поколений поэтов из «школы гармонической точности» — с одной стороны, К. Н. Батюшкова и В. А. Жуковского, а с другой, — А. С. Пушкина и Е. А. Боратынского (см.: Вацуро 2008: 55–56).

Ст. 3–4. *...Над ними свод акаций: / Там некогда стоял алтарь и муз и граций...* — Ср. в «Беседке муз» К. Н. Батюшкова (1787–1855): «Под тению черемухи млечной / И золотом блистающих акаций / Спешу восстановить олтарь и муз и граций...» (1817; Батюшков 1977: 333).

Ст. 15. *...О милое, души святое вспоминанье!* — Здесь Лермонтов в сгущенном виде воспроизводит излюбленные мотивы Жуковского; ср.: «В святой залог воспоминанья» («К Воейкову», 1814), «Кто разбудил воспоминанье, <...> О милый гость, святое *Прежде»* («Песня», 1818), «О милое воспоминанье», («Мотылек и цветы», 1824; отмечено: Городецкий 1974: 41); см.: Жуковский 1999–2013: I, 313; II, 103, 241.

Ст. 19–20. *...Мое веселие, уж взятое гробницей, / И ржавый предков меч с задумчивой цевницей!* — В концовке стихотворения, по замечанию В. Э. Вацуро (2008: 56), используется топика элегии Е. А. Боратынского «Я возвращусь к вам, поля моих отцов...» (опубл. 1821): «Там дружба некогда сокроет пепел мой / И вместо мрамора положит на гробницу / И мирный заступ мой, и мирную цевницу» (Боратынский 2000–2012: I, 170; в свою очередь Боратынский «варьирует здесь финал „Моих пенатов" Батюшкова»: «Иль бросьте на гробницы / Богов домашних лик. / Две чаши, две цевницы, / С листами павилик» — Батюшков 1977: 269).

Лит.: ЛЭ 1981: 606–607; Гербель 1861: *563–564*; Бродский 1945: 80–81; Вацуро 1964: 46–49; Пейсахович 1964: 422; Вацуро 1985а: 79–81; Кибальник 1990: 96–97; Буранок 1996: 98; Вацуро 2008: 55–56.

4. Поэт («Когда Рафаэль вдохновенный...»).

Автографы: 1) ОР РНБ. Ф. 429. № 28. Л. 2 — беловой, под заглавием «Поэт» и подписью «М. Л.» в письме Лермонтова к его двоюродной тетке М. А. Шан-Гирей (урожд. Хастатовой), от декабря (около 21-го) 1828 г. Записи текста предпослано пояснение: «Прилагаю вам, милая тетинька, стихи, кои прошу поместить к себе в Альбом, а картинку я еще не нарисовал. На вакации надеюсь исполнить свое обещание. Вот стихи» (Т. 4. № 539); 2) РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 1. № 2. Л. 3 — беловой, в тетради 2 («Мелкие стихотворения. Москва. В 1829 году»), ст. 10–20; начало стихотворения, очевидно, было записано на вырванном листе. В ст. 14–15 другой вариант: «Забывшись в сладком, райском сне, / Поет души своей кумиры».

Печатается по автографу РНБ, дающему полный текст стихотворения.

Датируется не позднее 20-х чисел декабря 1828 г. по содержанию письма к М. А. Шан-Гирей.

Впервые: РС. 1872. № 2. С. 294–295.

Прямым источником «Поэта» послужила, скорее всего, новелла «Видение Рафаэля», из книги В. Г. Ваккенродера (Wackenroder, 1773–1798) и Л. Тика (Tieck, 1773–1853) «Об искусстве и художниках: Размышления Отшельника, любителя изящного» («Phantasien über die Kunst von einem kunstliebenden Klosterbruder», 1814; рус. перевод — М., 1826 —сделан членами московского «Общества любомудрия» С. П. Шевыревым, В. П. Титовым и Н. А. Мельгуновым). Согласно легенде, Рафаэль (Raffaello Santi; 1483–1520) сумел воспроизвести на полотне преследовавший его образ мадонны лишь в состоянии религиозного экстаза (см.: Вацуро 2008: 417). Кроме Лермонтова, к этой легенде обращались и другие поэты, входившие в существовавший в Университетском пансионе литературный кружок, которым руководил С. Е. Раич, — ср. «Видение Рафаэля» Н. Н. Колачевского в пансионском альманахе «Цефей» (М., 1829; цит. по: Левит 1948: 229):

Тускла, бледна, чуть теплится лампада
Пред образом владычицы святой.
С ее очей небесная отрада
Страдальцу в грудь эфирною струей
Течет — и мир, заглохший в злодеяньи,
Окованный ничтожеством земным,
Как темный миг в бессмертном ликованьи,
В величии вскрывает перед ним!
Гул мчится. Бьет протяжно час полночной.
Чуть освещен лампадой мрачный храм.
Кто, распростерт пред ликом непорочной,
Далек земли, весь предан небесам...

а также стихотворение «Поэт» И. Р. Грузинова, изданное значительно позже:

Окончен труд, и сам он удивился;
Склонился он возвышенным челом,
Перед созданием своим молился
Он сам в благоговении немом!
Таков поэт всегда во всем.
Ждет вдохновенья свыше он.
Вдруг грудь его полна огнем,
Мечтой живой он окрилен...
(Грузинов И. Р. Отблески поэзии. М., 1849. С. 13–14)

Эти пансионские экзерсисы можно рассматривать как отзвуки большой литературной полемики о сути истинного гения, в которой легенда о Рафаэле (в ее высокой и низкой вариациях) была одним из ключевых пунктов (об этой полемике с участием Шевырева и Пушкина, каждый из которых оставил стихотворение о Рафаэле, см.: Мазур 2001: 80–91, 102–105; Пушкин 1999–2010: II, 617–619).

Ст. 14–15. *Поет <...> / Вас, вас! души его кумиры!* — Ср. интонационно близкую формулу в Посвящении к «Руслану и Людмиле» (1820): «Для вас, души моей царицы» (Пушкин 1937–1959: IV, 3; см. также примеч. к № 12). Любовная поэзия, адресованная поэтом «кумирам своей души» (расхожий галлицизм «idole de mon âme») в понимании Лермонтова равноправна поэзии высокой одической, адресованной монарху или обществу («...звуком громкой лиры чарует свет»; «громкая лира», фр. «lyre éclatante», — традиционный символ оды; см.: Клейн 2005: 224–229).

Лит.: ЛЭ 1981: 440–441; Вакенродер 1914; Бродский 1945: 145; Левит 1948: 238; Иванова 1957: 86–88; Вацуро 1964: 51–55; Ломинадзе 1976: 343–385; Вацуро 2008: 417; Абрамова 2008: 20; Луткова 2008: 122–132.

5. Посвящение. N. N. («Вот, друг, плоды моей небрежной музы!..»).

Автограф: РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 1. № 2. Л. 1 — беловой, в тетради 2 «Мелкие стихотворения. Москва. В 1829 году». В автографе у заглавия позднейшая помета Лермонтова: «(При случае ссоры с Сабуровым)». Этим стихотворением открывается тетрадь 2.
Копия: РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 2. № 33. Л. 37 — в тетради копий юношеских стихотворений, с автографа ИРЛИ.
Печатается по автографу.
Датируется 1829 г. согласно авторской помете на тетради 2.
Впервые: Лермонтов 1889–1891: I, 22–23.

Послание обращено к товарищу Лермонтова по Университетскому благородному пансиону Михаилу Ивановичу Сабурову (1812 — после 1870), который является адресатом еще нескольких стихотворений поэта, образующих своеобразный «сабуровский» цикл 1829 г. («Пир», № 6; «К N. N.***», № 22; «К N. N.***», № 41; последние два — предположительно). Драматизируя реальные приятельские размолвки, Лермонтов выстраивал в лирике традиционную романтическую ситуацию — разрыв с вероломным другом, способным на обман и предательство.

Ст. 15–16. *Тогда: беги, не трать пустых речей, — / Ты осужден последним приговором!..* — Неточная цитата из стихотворения Пушкина «Коварность» (1824), напечатанного в «Московском вестнике» (МВ. 1828. Ч. VIII. № 6. Март. С. 137): «Тогда ступай, не трать пустых речей — / Ты осужден последним приговором» (Пушкин 1937–1959: II, 336).

Лит.: ЛЭ 1981: 435, 495; Нейман 1914а: 65; Майский 1941: 641; Розанов 1942: 26–27; Катанов 1975: 128–129; Непомнящий 1987: 360.

6. Пир («Приди ко мне, любезный друг…»).

Автограф: РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 1. № 2. Л. 1 об. — беловой, в тетради 2 «Мелкие стихотворения. Москва. В 1829 году». В автографе позднейшая помета Лермонтова: «К *Сабурову*. (Как он не понимал моего пылкого сердца?)».
Копия: РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 2. № 33. Л. 37–37 об. — в тетради копий юношеских стихотворений, с автографа ИРЛИ.
Печатается по автографу.
Датируется началом 1829 г. согласно авторской помете на тетради 2.
Впервые: ОЗ. 1859. Т. 125. № 7. Отд. 1. С. 14.

Стихотворение обращено к М. И. Сабурову (см. примеч. к № 5). Одна из анакреонтических пьес Лермонтова, варьирующих мотивы поэзии Батюшкова.

Ст. 2. *Под сень черемух и акаций.* — прямая цитата из «Беседки Муз» Батюшкова (1817), в свою очередь использованная Пушкиным в «Евгении Онегине» (Пушкин 1937–1959: VI, 120).

Лит.: ЛЭ 1981: 415; Нейман 1914а: 65–66; Вацуро 1964: 47; Пейсахович 1964: 433.

7. Веселый час («Зачем вы на меня…»).

Автограф: РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 1. № 2. Л. 4–5 — беловой, в тетради 2 «Мелкие стихотворения. Москва. В 1829 году».
Копия: РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 2. № 33. Л. 39–40 — в тетради копий юношеских стихотворений, с автографа ИРЛИ.
Печатается по автографу.
Датируется 1829 г. согласно авторской помете на тетради 2.
Впервые: Лермонтов 1889–1891: I, 24–25.

В стихотворении традиционно усматривают связь с лирикой французского поэта П. Ж. Беранже (Béranger, 1780–1857), известного своими оппозиционными настроениями. Сборник стихов 1821 г. навлек на Беранже судебное преследование, которое окончилось трехмесячным тюремным заключением за оскорбление нравственности, церкви и королевской власти. Вторичному заключению (9 месяцев тюрьмы) Беранже подвергся за поэтический сборник 1828 г. Оба процесса способствовали невероятному подъему популярности поэта; его тюремная камера сделалась местом паломничества многочисленных почитателей. Поводом к созданию стихотворения Лермонтова могло послужить известие об аресте французского поэта в 1828 г., о чем сообщали «Северная пчела» (1828. № 152. 20 декабря) и

«Journal de St. Pétersbourg» (1828. № 151, № 155. 18, 27 декабря). Лермонтов, используя в создании лирической ситуации характерные для поэзии Беранже анакреонтические мотивы, усиливает их подробностями первого заключения французского поэта, о которых в свое время сообщалось в прессе; так, П. А. Вяземский утверждал, что Беранже и в тюрьме «живет припеваючи, и многие из песен его писанных под затворами тюремными, так же свободны и милы, как и прежние» (МТ. 1826. Ч. XII. С. 63–64).

Хотя импульсом к созданию стихотворения, вероятно, послужили именно злоключения Беранже, текстуально «Веселый час» представляет собой вольное переложение стихотворения другого поэта — Жозефа Бершу (Berchoux, 1765–1839), чье «Сочинение о сострадании к узникам» (Oeuvre de misericorde envers les prisonniers), было напечатано впервые в «Mercure de France» (An XI / 1802. № 71. 15 Brumaire) и впоследствии публиковалось в качестве приложения к его поэме «Гурманство» («La gastronomie», 1801). Стихотворение получило известность благодаря частичному включению в примечания к поэме Ж. Делиля «Сострадание» (La Pitié; 1803). В этой же редакции, но с различными названиями стихотворение Бершу входило в 1800–1820 гг. во многие французские антологии, в том числе предназначенные для детского чтения (напр., Bibliothéque poétique de la jeunesse … par [J. Reyre]. Paris, 1805; Choix de poésies, ou recueil de morceaux propres à orner la mémoire et à former le coeur. Paris, 1826, и др.). Версия, перепечатанная Делилем, послужила источником для перевода Д. О. Баранова «Веселость» (Любитель словесности. 1806. № 5. С. 119), включенного затем в хрестоматии: «Собрание русских стихотворений» (1811) и «Собрание образцовых русских сочинений» (1817). Лермонтов использовал текст Бершу лишь частично, произвольно меняя порядок следования исходных стихов французского текста. Подробнее см.: Костин 2014: 6–12.

Стихи в оригинале найдены во Франции на стенах одной государственной темницы. —Для подзаголовка Лермонтов использовал примечание к стихотворению Баранова, помещенное как предисловие переводчика (о переводе Баранова и возможном знакомстве с ним Лермонтова см.: Вацуро 2008: 224–230).

Лит.: ЛЭ 1981: 84; Иванова 1957: 89–90; Любович 1952а: 373–77; Дмитриев 1973: 38; Вацуро 2008: 224–230.

8. К друзьям («Я рожден с душою пылкой…»).

Автографы: 1) РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 1. № 2. Л. 5 — беловой, в тетради 2 («Мелкие стихотворения. Москва. В 1829 году»); 2) ОР РГБ. Ф. 298/IV. Карт. 1. № 24. Л. 7–7 об. — беловой, в тетради А. С. Солоницкого; текст идентичен автографу ИРЛИ; стихотворение записано первым в разделе «Послания».
Копии: 1) РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 2. № 39. Л. 6 — с тетради Солоницкого; прислана А. С. Солоницким Краевскому для публикации в ОЗ (см. ниже); 2) ОР РНБ. Ф. 73. № 673. Л. 2 — корректура несостоявшейся публикации текстов из тетради Солоницкого в ОЗ (1848. № 1); 3) РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 2. № 33. Л. 40–40 об. — в тетради копий юношеских стихов; с автографа ИРЛИ в тетради 2.
Печатается по автографу ИРЛИ.

Датируется 1829 г. согласно авторской помете на тетради 2; такая датировка поддерживается включением стихотворения в тетрадь А. С. Солоницкого (подробнее см. в преамбуле «О принципах публикации и датировки стихотворений Лермонтова» (далее: Преамбула), п. 2.2.2).
Впервые: РМ. 1881. Кн. 12. С. 12 (первые две строки; без заглавия); Лермонтов 1889–1891: I, 25–26 (полностью).

Анакреонтический канон поддержан здесь у Лермонтова стихотворным размером и инициальной формулой, — ср., например, сходные приметы в «Песне» Д. В. Давыдова: «Я люблю кровавый бой, / Я рожден для службы царской!», 1815 (Давыдов 1984: 75–76) и «Веселом пире» А. С. Пушкина: «Я люблю вечерний пир, / Где веселье председатель...», 1819 (Пушкин 1999–2010: II, 65). В то же время эпикурейский оптимизм разбавлен в финале элегическими сомнениями, что сближает стихи Лермонтова с одноименным опусом Н. Ф. Павлова (1803–1864), опубликованным в 1828 г. и содержащим текстуальные совпадения с лермонтовской пьесой: «За утехами земными / Пьяный юноша бежит, / Но какая, вслед за ними, / *Дума нá сердце лежит*?» (МВ. 1828. Ч. X. С. 9).

Лит.: ЛЭ 1981: 209; Нейман 1914b: 203–205.

9. Эпиграмма («Дурак и старая кокетка — всё равно...»).

Автограф: РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 1. № 2. Л. 5 — беловой, в тетради 2 «Мелкие стихотворения. Москва. В 1829 году».
Печатается по автографу.
Датируется 1829 г. согласно авторской помете на тетради 2.
Впервые: Лермонтов 1889–1891: I, 27.

Эпиграмма является стихотворным переложением одного из афоризмов, входящих в подборку «Мысли, выписки и замечания», которая была напечатана за подписью NN. в пансионском альманахе «Цефей. Альманах на 1829 год» (М., 1829. С. 144–161): «Дурак то же, что и старая красавица: его ученость — белила, его начитанность — румяна, а умничанье — кокетство» (Лермонтов 1954–1957: VI, 397). Выдвигалось предположение, что автором «Мыслей...» мог быть сам Лермонтов (Левит 1948: 244–246), однако альманах, издававшийся под патронатом С. Е. Раича, объединял исключительно учеников старших курсов Благородного пансиона; лермонтовских однокурсников среди авторов не наблюдается. Вероятно, авторство «Мыслей...», вслед за рецензентом «Дамского журнала» (1829. № 16. С. 48), следует приписать В. М. Строеву, который под псевдонимом Виктор Стройский поместил в альманахе еще две повести (Вацуро 2008: 215, 246).

Лит.: ЛЭ 1981: 631; Розанов 1942: 28–29; Левит 1948: 244; Пейсахович 1964: 425.

10. Мадригал («„Душа телесна!“ — ты всех уверяешь смело...»).

Автограф: РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 1. № 2. Л. 5 об. — беловой с незначительными исправлениями, в тетради 2 «Мелкие стихотворения. Москва. В 1829 году».
Печатается по автографу.

Датируется 1829 г. согласно авторской помете на тетради 2.
Впервые: Лермонтов 1889–1891: I, 27 (с искажениями в ст. 1–2).

Мадригал, вероятно, носит переводной характер, однако его источник, как и адресат лермонтовской версии, — не установлены. Близкую игру, но с кощунственными коннотациями ср. в эпиграмме А. С. Пушкина на архимандрита Фотия и гр. Орлову (1822?), широко разошедшейся в списках: «„Внимай, что я тебе вещаю: / Я телом евнух, муж душой“. — / „Но что ж ты делаешь со мной?“ — / „Я тело в душу превращаю“» (Пушкин 1937–1959: II, 496).

Ст. 1. *«Душа телесна!» — ты всех уверяешь смело...* — Смелость тезиса о телесности души состоит в том, что он противоречит христианской догматике.

Лит.: ЛЭ 1981: 269.

11. Романс («Коварной жизнью недовольный...»).

Автограф: РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 1. № 2. Л. 5 об.–6 — беловой, в тетради 2 «Мелкие стихотворения. Москва. В 1829 году».
Копия: РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 2. № 33. Л. 40 об.–41 — в тетради копий юношеских стихотворений, с автографа ИРЛИ.
Печатается по автографу.
Датируется 1829 г. согласно авторской помете на тетради 2.
Впервые: Лермонтов 1889–1891: I, 28.

Высказывалось предположение, что Лермонтов имел в виду поэта С. П. Шевырева, уехавшего в Италию в феврале 1829 г. (Лермонтов 1935–1937: I, 423–426). Однако, настойчивый мотив изгнанничества, не применимый к Шевыреву (сопровождавшему своего воспитанника, сына З. А. Волконской), заставляет усомниться в этой адресации: поводом к написанию «Романса», вероятнее всего, послужил отъезд в Италию Адама Мицкевича (1798–1855) весной 1829 г.: об этом много говорили в близких Лермонтову литературных и светских кругах, неоднократно сообщали в прессе (см.: Вацуро 2008: 183–201). Существует и еще одна, остроумная, но зыбкая гипотеза, согласно которой прототипом героя стихотворения является тяжело больной К. Н. Батюшков, в августе 1828 г. вернувшийся в Москву после службы в Италии (с 1818 г.) и последующего лечения в Германии (Сергеева-Клятис 2001: 98–101): по мнению исследовательницы, Лермонтов инвертирует ситуацию и от имени лирического героя реконструирует мотивы батюшковского «добровольного изгнания», опираясь на поэтический прецедент — известное квазипослание П. А. Плетнева «Батюшков из Рима» (1821).

Ст. 1. *Коварной жизнью недовольный... ~ Летел изгнанник самовольный...* — По общепринятому мнению, первая строка варьирует начало стихотворения А. И. Подолинского (1806–1886) «Надежда», опубликованного в альманахе «Подснежник» (СПб., 1829): «Бесплодной жизнью недовольный...» (на этом основании предпринималась попытка уточнить датировку «Романса»: с «Подснежником» Лермонтов мог ознакомиться не ранее середины апреля 1829 — см.: Вацуро 2008: 187). Однако более вероятно заимствование поэтических формул и рифмы у Пушкина: «...я

слез не проливал, / Но понимаю их; *изгнанник самовольный*, / И светом, и собой, и *жизнью недовольный*» («К Овидию», опубл. 1823 — Пушкин 1937–1959: II, 219). Ср. также рифму «недовольный — самовольный» в другом произведении, связанном с темой изгнания, а именно, в «Войнаровском» К. Ф. Рылеева (опубл. 1825): «Я много горя испытал, / Но, тяжкой *жизнью недовольный*, / Как трус презренный, не искал / Спасенья в смерти *самовольной*» (Рылеев 1971: 217).

Ст. 11. *И балалайки звук народной...* — Эта строка варьируется в стихотворении «Русская мелодия», которое записано в той же тетради: «...И с балалайкою народной / Сидит в тени певец простой» (см. № 16).

Ст. 18. *И на Гельвеции скалах...* — Гельвеция — латинское название северо-западной части современной Швейцарии. В XVIII в. это название стало употребляться как синоним Швейцарии.

Ст. 21, 23. *...Дорогой скучной... ~ А колокольчик однозвучной...* — Строки восходят к стихотворению Пушкина «Зимняя дорога» (1826), опубликованному в 1828 г.: «По дороге длинной, скучной / Тройка борзая бежит, / Колокольчик однозвучной / Утомительно гремит» (МВ. 1828. Ч. VII. № 4. С. 405–406).

Лит.: ЛЭ 1981: 473; Нейман 1914а: 64–65; Лермонтов 1935–1937: I, 423–426; Азадовский 1941: 230; Розанов 1942: 27; Бродский 1945: 85–86; Вацуро 2008: 183–201; Никкарева 2009: 106–112.

12. К Гению («Когда во тьме ночей мой, не смыкаясь, взор...»).

Автограф: РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 1. № 2. Л. 6 об.–7 об. — беловой с правкой, в тетради 2 «Мелкие стихотворения. Москва. В 1829 году».
Копия: РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 2. № 33. Л. 42–43 — в тетради копий юношеских стихотворений, с автографа ИРЛИ.
Печатается по автографу.
Датируется 1829 г. согласно авторской помете на тетради 2.
Впервые: ОЗ. 1859. Т. 125. № 7. Отд. 1. С. 15–16.

В автографе позднейшая приписка Лермонтова: «(Напоминание о том, что было в ефремовской деревне в 1827 году — где я во второй раз полюбил *12 лет — и поныне люблю*)». Помета, вероятно, сделана под влиянием автобиографических заметок Байрона, который писал о том, что около двенадцати лет без памяти влюбился в свою кузину Маргарет Паркер и позднее посвятил ей элегию (см.: Moor 1830: 17; подробнее о байроновских моделях в лермонтовской автобиографической рефлексии см.: Т. 4, примеч. к № 527–537). «Ефремовская деревня» — вероятно, Кропотово, имение отца поэта, находившееся в Ефремовском уезде Тульской губ.

Стихотворение, написанное по канонам любовной элегии 1810-х — нач. 1820-х гг., адресовано, вероятнее всего, Софье Ивановне Сабуровой (с 1832 — Клушиной; 1816–1864), сестре соученика Лермонтова по Университетскому пансиону М. И. Сабурова (подробнее см.: Андроников 1967: 198, 210, 212–214.). Сабуровой посвящены также один из новогодних мадригалов Лермонтова (1831, № 258) и стихотворение «К***» (1829, № 51); см. также примеч. к № 41. Выдвигались предположения,

что адресат элегии и драм «Испанцы» и «Menschen und Leidenschaften» — одно и то же лицо, однако доказательств тому не отыскано.

Ст. 15. *Но прежде там, где вы, души моей царицы...*— Строка восходит к посвящению «Руслана и Людмилы» А. С. Пушкина: «Для вас, души моей царицы» (Пушкин 1937–1959: IV, 9; см. также примеч. к № 4).

Лит.: ЛЭ 1981: 208, 495; Розанов 1942: 34; Вацуро 1964: 49; Пейсахович 1964: 422–423.

13. Покаяние («— Я пришла, святой отец...»).

Автограф: РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 1. № 2. Л. 7 об.–8 об. — беловой, в тетради 2 «Мелкие стихотворения. Москва. В 1829 году».
Копия: РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 2. № 33. Л. 43–44 — в тетради копий юношеских стихотворений, с автографа ИРЛИ.
Печатается по автографу.
Датируется 1829 г. согласно авторской помете на тетради 2.
Впервые: Лермонтов 1889–1891: I, 32–33.

Стихотворение (наряду с поэмами «Исповедь», «Боярин Орша», «Мцыри») принято относить к жанру романтической исповеди, ставшему популярным благодаря «восточным поэмам» Байрона середины 1810-х гг. Однако «Покаяние» типологически ближе к более узкой традиции — к исповедям «падших женщин» в произведениях французской «неистовой» словесности конца 1820-х — нач. 1830-х гг.

Лит.: ЛЭ 1981: 423–424; Максимов 1964: 135; Пейсахович 1964: 449; Архипов 1965: 86; Удодов 1973: 291–292; Буранок 1990: 106–118.

14. Письмо («Свеча горит! дрожащею рукою...»).

Автограф: РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 1. № 2. Л. 8 об.–9 об. — беловой с поправками, в тетради 2 «Мелкие стихотворения. Москва. В 1829 году». В автографе позднейшая помета рукой Лермонтова: «*Это вздор*».
Копия: РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 2. № 33. Л. 44 об.–45 об. — в тетради копий юношеских стихотворений, с автографа ИРЛИ.
Печатается по автографу.
Датируется 1829 г. согласно авторской помете на тетради 2.
Впервые: ОЗ. 1859. Т. 125. № 7. Отд. I. С. 17–18 (ст. 21–22, 25–30, с искажениями); РС. 1872. № 2. С. 290–291 (полностью).

Тема стихотворения обнаруживает знакомство Лермонтова с элегией К. Н. Батюшкова «Привидение» (1810), в свою очередь восходящей к «Le revenant» Эвариста Парни (Parny, 1753–1814). Несмотря на определенную текстуальную близость, тон стихотворения Батюшкова и Лермонтова различен: вместо батюшковской элегической меланхолии — мрачный трагизм в духе классической баллады; разрушает элегический тон образца и конкретная, почти бытовая, обстановка действия в лермонтовских стихах (Вацуро 2008: 58–60, 348). В. Д. Спасович (1911: 51) проводил также сопоставление «Письма» со стихотворением А. Мицкевича «Do M***» («Precz

z moich oczu...», 1822), однако связь этих текстов имеет весьма отдаленный и скорее типологический характер.

Ст. 22–24. *Мой дух всегда готов к тебе летать / Или, в часы беспечного досуга, / Сокрыты прелести твои лобзать...* — Ср. у Батюшкова: «Буду вкруг тебя летать; / На груди твоей под дымкой / Тайны прелести лобзать...» (Батюшков 1977: 217).

Лит.: ЛЭ 1981: 417; Лермонтов 1935–1937: I, 427–428; Федоров 1941: 200–201; Розанов 1942: 35; Вацуро 1964: 50–51; Пейсахович 1964: 435; Чередниченко 1986: 89–92; Колесова 2007: 39–41; Вацуро 2008: 58–60.

15. Война («Зажглась, друзья мои, война...»).

Автограф: РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 1. № 2. Л. 10 — беловой, в тетради 2 «Мелкие стихотворения. Москва. В 1829 году». В автографе позднейшая приписка рукой Лермонтова: «(В пансионе)».
Копия: РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 2. № 33. Л. 46 — в тетради копий юношеских стихотворений, с автографа ИРЛИ.
Печатается по автографу.
Датируется 1829 г. согласно авторской помете на тетради 2.
Впервые: Лермонтов 1889–1891: I, 35–36.

Стихотворение написано, вероятно, в связи с событиями на Балканском фронте во время русско-турецкой войны 1828–1829 гг.

Ст. 1–4. *Зажглась, друзья мои, война; / И развились знамена чести; / Трубой заветною она / Манит в поля кровавой мести!* — Ср. с начальными строками элегии Пушкина «Война» (1821): «Война! Подъяты наконец, / Шумят знамены бранной чести! / Увижу кровь, увижу праздник мести...» (Пушкин 1937–1959: II, 166; отмечено: Нейман 1914a: 62–64). У Пушкина также заимствован мотив *отравы* (с рифмой *славы* — ст. 12, 14): «Я таю, жертва злой отравы» — стих, почти буквально повторенный в «Демоне» (см.: Т. 2. С. 402).

Лит.: ЛЭ 1981: 91; Лермонтов 1935–1937: I, 428; Дурылин 1941b: 176–177; Пейсахович 1964: 433.

16. Русская мелодия («В уме своем я создал мир иной...»).

Автограф: РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 1. № 2. Л. 10–10 об. — беловой, в тетради 2 «Мелкие стихотворения. Москва. В 1829 году».
Копии: 1) РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 1. № 21. Л. 11 — в тетради 20; 2) РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 2. № 33. Л. 46–46 об. — в тетради копий юношеских стихотворений, с автографа ИРЛИ.
Печатается по копии в тетради 20 как позднейшему авторизованному источнику.
Датируется 1829 г. согласно авторской помете на тетради 2.
Впервые: ОЗ. 1859. Т. 125. № 7. Отд. 1. С. 18.

Как следует из позднейшего примечания Лермонтова в автографе ИРЛИ, стихотворение связано с занятиями литературного кружка в Университетском пансионе: «(Эту пьесу подавал за свою Раичу Дурнов — друг — которого поныне люблю

и уважаю за его открытую и добрую душу — он мой первый и последний)» (о Дурнове см. прим. к № 30). Возможно, чередование размеров и числа строк в строфах обуславливается именно учебным заданием (при этом автор явно не справился с версификацией: в предпоследней строке стихотворения вместо пятистопного ямба появляется шестистопный).

Название соотносит стихотворение Лермонтова с микрожанром «мелодий» (коротких лирических пьес, по своему типу близких к романсу), ставшим модным после появления «Еврейских мелодий» Дж.-Г. Байрона («The Hebrew Melodies», 1814–1815) и, особенно, «Ирландских мелодий» («The Irish Melodies», 1807–1834) и «Народных мотивов» («The National Airs», 1818–1827) Томаса Мура (Moore, 1779–1852). Однако зависимость «Русской мелодии» от английских образцов ограничивается заголовком — ни тематических, ни текстуальных совпадений с произведениями Байрона и Мура здесь не обнаруживается.

Лит.: ЛЭ 1981: 492–493; Эйхенбаум 1940: 327; Азадовский 1941: 230; Штокмар 1941: 274; Проблемы мировоззрения 1973: 31–32; Вацуро 2008: 75, 108; Яшина 2012.

17. Песня («Светлый призрак дней минувших...»).

Автограф: РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 1. № 2. Л. 10 об. — беловой, в тетради 2 «Мелкие стихотворения. Москва. В 1829 году», на одном листе с текстом «Русской мелодии».
Копия: РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 2. № 33. Л. 46 об.–47 — в тетради копий юношеских стихотворений, с автографа ИРЛИ.
Печатается по автографу.
Датируется 1829 г. согласно авторской помете на тетради 2.
Впервые: Лермонтов 1889–1891: I, 37.

А. Н. Гиривенко (1991: 113–114) указывал, что стихотворение восходит к «Песне шута» («A Buffo Song») Томаса Мура из цикла «Неопубликованные песни» («Unpublished songs», 1819). Однако, в собрании сочинений Мура, вышедшем в 1819 г., такого раздела нет, а «Песня шута» впервые зафиксирована в печати в 1841 г. (Moore 1840–1841: V, 296–297; раздел «Unpublished songs»). Весьма отдаленное сходство текстов может иметь тем самым лишь чисто типологический характер. Существующее мнение о том, что в «Песне» Лермонтова отразились материал и стилистика русского фольклора, также безосновательно.

Чередование строк четырехстопного и двустопного хорея (Х4ж+Х2ж) — довольно редкую в рус. поэзии стиховую форму — в безрифменном варианте использовал до Лермонтова Е. А. Боратынский в своей «Русской песне» (1821): «Страшно воет, завывает / Ветр осенний; / По поднебесью далече / Тучи гонит...» (Боратынский 2000–2012: I, 197).

Ст. 1. *Светлый призрак дней минувших...* — Подобные формулы отсылали к поэтическому языку школы Жуковского. Ср., например: «Дней минувших привиденья / Скрылись легкой тенью сна»; «Минувших дней очарованье, / Зачем опять воскресло ты?» (В. А. Жуковский, «Элизиум», 1812; «Песня», 1818 — Жуковский

1959: I, 113, 310); «Ты ли, ты ли возвратился, / Светлый призрак юных лет?» (В. И. Козлов. «Весеннее чувство», 1817 — Благонамеренный. 1819. № 12. С. 345); «Летая думой вдохновенной / В заветный мрак минувших дней, / Опять узнал мой дух смятенный / Тревогу томную страстей. / Хоть светлый призрак жизни юной / Печаль и годы унесли...» (И. И. Козлов, «Княгиня Наталья Борисовна Долгорукая», 1827 — Козлов 1960: 407). «Дней минувших светлый гений» (П. Г. Волков, «Мечта», 1830 — СЦ на 1831 год. СПб., 1830. С. 39). Характерно, что уже в середине 1820-х годов подобные элегические штампы могли восприниматься как предмет пародии; см., например, у С. П. Шевырева в полемическом «разговоре» «Водевиль и Елегия»: «По милых, по мечтах, / По светлом призраке давно протекшей славы, / По юности и по любви! / Слеза горячая и вздох — мои забавы; / В унылой горести текут все дни мои» (ВЕ. 1825. № 5. С. 4).

Ст. 13–14. *Щеки бледностью, хоть молод, / Уж покрылись...* — Вероятно, реминисценция из «Привидения» К. Н. Батюшкова (1810): «Посмотрите! в двадцать лет / Бледность щеки покрывает» (Батюшков 1977: 217).

Лит.: ЛЭ 1981: 410; Эйхенбаум 1924а: 31–32; Розанов 1941: 461; Гиривенко 1991: 113–114.

18. К....... («Не привлекай меня красой!..»).

Автограф: РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 1. № 2. Л. 11 — беловой, в тетради 2 «Мелкие стихотворения. Москва. В 1829 году».
Копия: РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 2. № 33. Л. 47–47 об. — в тетради копий юношеских стихотворений, с автографа ИРЛИ.
Печатается по автографу.
Датируется 1829 г. согласно авторской помете на тетради 2.
Впервые: ОЗ. 1859. Т. 125. № 7. Отд. 1. С. 18–19.

Согласно позднейшей лермонтовской помете в автографе, адресатом стихотворения является некая А. С.: «(А. С.) (*Хотя я тогда этого не думал*)». Точную идентификацию адресата провести не представляется возможным. По одной из версий, это инициалы двоюродной тетки Лермонтова по матери, Анны Григорьевны Столыпиной (в замужестве Философовой, 1815–1892). Альтернативная версия предполагает, что «А. С.» — это другая родственница поэта, Агафья Александровна Столыпина (в замужестве Дохтурова, 1809–1874). См. также стихотворение «Дереву» (№ 110) и примеч. к нему.

Лит.: ЛЭ 1981: 206; Чичерин 1974: 407–408.

19. Романс («Невинный нежною душою...»).

Автограф: РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 1. № 2. Л. 11–11 об. — беловой, в тетради 2 «Мелкие стихотворения. Москва. В 1829 году», с позднейшей авторской пометой: «(Дурнову)».
Копия: РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 2. № 33. Л. 47 об.–48 — в тетради копий юношеских стихотворений, с автографа ИРЛИ.
Печатается по автографу.

Датируется 1829 г. согласно авторской помете на тетради 2.
Впервые: Лермонтов 1889–1891: I, 38.

Согласно позднейшей лермонтовской помете в автографе, стихотворение адресовано соученику по Университетскому пансиону Д. Д. Дурнову (см. примеч. к № 30). В «Романсе» очевидно влияние поэзии И. И. Дмитриева (1760–1837), заметное и в первой из дошедших до нас поэм Лермонтова «Черкесы» (1828; см.: Т. 2. № 451). Лермонтов опирался здесь на стихотворение Дмитриева «Стансы» («Я счастлив был во дни невинности беспечной», 1805; Дмитриев 1967: 352), которое, в свою очередь восходит к «Стансам» («Stances», 1800) малоизвестного франц. стихотворца Буше (Boucher) — см.: Добрицын 2010: 112–117. Лермонтов варьирует форму стихотворения Дмитриева, в целом ориентированную на рондо (подобные формы романса были широко распространены в 1800–1810-х гг.):

Я счастлив был во дни невинности беспечной,
Когда мне бог любви и в мысль не приходил;
О возраст детских лет! почто ты был не вечной?
Я счастлив был.

Однако если у Дмитриева схема строфы [Я6ж+Я6м+Я6ж+Я2м], а начало первой строки регулярно дублируется в сквозном усеченном рефрене (антеперифора «Я счастлив был»), то у Лермонтова строфическая схема, с одной стороны, более сложная: [Я4ж+Я5м+Я6ж+Я2м] (тенденция к вольному ямбу), а с другой, — более простая: усеченный рефрен не поддерживается началом строф (т. е. антеперифора отсутствует):

Лит.: ЛЭ 1981: 473; Розанов 1942: 29; Пейсахович 1964: 438; Добрицын 2010: 112–117.

20. Три ведьмы (из «Макбета» Ф. Шиллера)

(«Попался мне один рыбак...»).

Автограф: РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 1. № 2. Л. 11 об.–12 — беловой, в тетради 2 «Мелкие стихотворения. Москва. В 1829 году».
Копия: РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 2. № 33. Л. 48–49 — в тетради копий юношеских стихотворений, с автографа ИРЛИ.
Печатается по автографу.
Датируется 1829 г. согласно авторской помете на тетради 2.
Впервые: Шиллер 1860: 325–326.

Сокращенный перевод отрывка из трагедии Шекспира «Макбет» («Macbeth», 1606) в переделке Шиллера (1801; акт I, явление 4, ст. 105–142). К 1829 г. относятся и другие переводы Лермонтова из Шиллера — «К Нине» («An Emma», 1796 — № 21), «Встреча» («Die Begegnung», 1797 — № 55), «Баллада», («Der Taucher», 1797 — № 56), «Перчатка» («Der Handschuh», 1797 — № 57), «Дитя в люльке» («Das Kind in der Wiege», 1796 — № 58), «К*» («An*, 1796 — № 59).

Увлечение Шиллером характерно для того эстетического направления, которое сформировалось в России в конце 1820-х гг. под влиянием немецкой философии, в частности Ф.-В. Шеллинга (Schelling, 1775–1854). На страницах «Московского вестника» — журнала, который Лермонтов внимательно читал в пансионские годы, — переводы из Шиллера занимали значительное место. В 1828–1829 гг. здесь печатались в отрывках «Смерть Валленштейна» («Wallensteins Tod», пост. 1799), «Дон Карлос» («Don Carlos», 1787), «Вильгельм Телль» («Wilhelm Tell», 1804), «Мессинская невеста» («Die Braut von Messina», 1803).

Лит.: ЛЭ 1981: 579; Лермонтов 1935–1937: I, 428–429; Федоров 1941: 140–141; Федоров 1967: 234–236; Буранок 1990: 106–118; Данилевский 2013: 264–265.

21. К Нине (Из Шиллера) («Ах! сокрылась в мрак ненастный...»).

Автограф: РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 1. № 2. Л. 12 об. — беловой, в тетради 2 «Мелкие стихотворения. Москва. В 1829 году».
Копия: РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 2. № 33. Л. 49–49 об. — в тетради копий юношеских стихотворений, с автографа ИРЛИ.
Печатается по автографу.
Датируется 1829 г. согласно авторской помете на тетради 2.
Впервые: Шиллер 1860: 316–317.

Вольный перевод стихотворения Ф. Шиллера «К Эмме» («An Emma», 1796), содержащий, помимо нескольких ошибок, сознательные смысловые изменения: так, Лермонтов переводит слово «Licht» («свет») как «светское общество»: «Но увы! ты любишь свет...» — тот же семантический сдвиг см., например, у И. И. Козлова, произведения которого входили в круг чтения Лермонтова-подростка: «Но ах! собою свет пленя, / Ты в нем живешь не для меня» («К Эмме. Из Шиллера», 1822; Козлов 1960: 70–71); ср. в пер. В. А. Жуковского: «Ты живешь в сиянье дня! / Ты живешь не для меня!» («К Эмме», 1819, опубл. 1828; Жуковский 1959: I, 321–322). О переложениях Лермонтова из Шиллера см. примеч. к № 20.

Лит.: ЛЭ 1981: 210; Лермонтов 1935–1937: I, 429; Федоров 1941: 135–137; Пейсахович 1964: 460; Федоров 1967: 237; Данилевский 2013: 265.

22. К N. N. («Ты не хотел! но скоро волю рока...»).

Автограф: РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 1. № 2. Л. 13 — беловой, в тетради 2 «Мелкие стихотворения. Москва. В 1829 году».
Копия: РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 2. № 33. Л. 49 об.–50 — в тетради копий юношеских стихотворений, с автографа ИРЛИ.
Печатается по автографу.
Датируется 1829 г. согласно авторской помете на тетради 2.
Впервые: РМ. 1881. № 12. С. 12–13 (с искажениями в ст. 5, 7, 8 и пропуском ст. 6, 9)

Согласно позднейшему авторскому примечанию в рукописи, стихотворение обращено к пансионскому соученику М. И. Сабурову (см. примеч. к № 5), драматические отношения с которым неоднократно находили отражение в лирике Лер-

монтова: «(К Сабурову — наша дружба смешана с столькими разрывами и сплетнями — что воспоминания об ней совсем не веселы. — Этот человек имеет женский характер. — Я сам не знаю, отчего так дорожил им)».

Лит.: ЛЭ 1981: 210, 495; Соколов 1964: 181–182.

23–28. Эпиграммы (1. «Есть люди странные, которые с друзьями...»;
2. «Тот самый человек пустой...»;
3. «Поэтом (хоть и это бремя)...»;
4. «Г-ну П....» («*Аминт* твой на глупца походит...»);
5. «Стыдить лжеца, шутить над дураком...»;
6. «Дамон, наш врач, о друге прослезился...»).

Автографы: 1) РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 1. № 2. Л. 13–13 об. — беловой, в тетради 2 («Мелкие стихотворения. Москва. В 1829 году»), под общим заглавием «Эпиграммы»; 2) ОР РГБ. Ф. 298/IV. Карт. 1. № 24. Л. 10 об. — беловой, в тетради А. С. Солоницкого, текст 6-го стихотворения под заглавием «Эпиграмма»; ст. 3–4 читаются иначе: «Но, ах! не потому, что жизни друг лишился: / Дамон уж не возмет билета за визит!».
Копии: 1) РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 2. № 39. Л. 8 об. — с тетради Солоницкого; прислана А. С. Солоницким Краевскому для публикации в ОЗ (см. ниже); стихотворение 6 («Дамон, наш врач, о друге прослезился...») под заглавием «Эпиграмма»; 2) ОР РНБ. Ф. 73. № 673. Л. 2 — корректура несостоявшейся публикации текстов из тетради Солоницкого в ОЗ (1848. № 1); стихотворение 6 под заглавием «Эпиграмма»; 3) РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 2. № 33. Л. 50–51 — в тетради копий юношеских стихов, с автографа ИРЛИ в тетради 2 (стихотворения 1–6, заглавие «Эпиграммы»).
Печатаются по автографу ИРЛИ.
Датируются 1829 г. согласно авторской помете на тетради 2 и по положению в тетради Солоницкого (подробнее см. в Преамбуле, п. 2.2.2).
Впервые: ОЗ. 1859. Т. 125. № 7. Отд. 1. С. 19 (5-я); РС. 1872. № 2. С. 291 (3-я); РМ. 1881. № 12. С. 13 (1-я), С. 6 (6-я, текст по тетради Солоницкого); Лермонтов 1889–1891: I, 39 (2-я и 4-я).

Эпиграммы 1 (№ 23), 2 (№ 24) и 5 (№ 26) являются стихотворным переложением афоризмов, напечатанных в пансионском альманахе «Цефей на 1829 год» с подписью «N. N.», автором которых, видимо, был старший соученик Лермонтова В. М. Строев (Вацуро 2008: 215, 246). При этом Строев, в свою очередь, иногда опирался на европейские образцы афористического жанра: например, Эпиграмма 2 (№ 24) через посредство Строева («Некто очень хорошо заметил, что тот самый пустой человек, кто наполнен собою» — Лермонтов 1954–1957: VI, 398) восходит к французскому изречению: «Il n'e point de gens plus vides qui ceux pleins d'eux-mêmes» («Нет людей более пустых, чем те, кто полны собой»). А. А. Добрицын, впервые указавший на сходство этих трех текстов, атрибутировал французский афоризм Огюсту де Лабуиссу (Auguste de Labouïsse, 1778–1852), который напечатал его в 1803 г. и перепечатал в 1809 (Добрицын 2008: 452). Однако, та же сентенция была опубликована по крайней мере еще в 1789 г., как анонимный перевод с

английского (Journal de Paris. 1789. № 116. P. 528); широко известный англ. оригинал («None so empty as those who are full of themselves») вышел из-под пера пуританскогопроповедника Бенджамина Уичкота (Whichcote, 1609–1683) и был опубликован в его посмертном сб.: «Moral and Religious Aphorisms...» (London, 1703; переизд. в 1753).

Существует мнение, что адресат Эпиграммы 3 (№ 25) — московский поэт и журналист кн. П. И. Шаликов (1767–1852; см.: Лермонтов 1914–1915: I, 268).

В. В. Каллаш высказывал предположение, что Эпиграмма 4 (№ 26), возможно, направлена против поэта, переводчика, прозаика Н. Ф. Павлова (1803–1864; см.: Лермонтов 1954–1957: I, 390). С нач. 1820-х гг. Павлов интенсивно занимался переводческой деятельностью. В студенческие годы он перевел франц. переделку «Марии Стюарт» Ф. Шиллера (1825). В «Драматическом альбоме для любителей театра и музыки на 1826 г.» (М., 1826) Павлов опубликовал в своем переводе отрывок из трагедии Ж.-Б. Расина (Racine, 1639–1699) «Андромаха» («Andromaque», 1667). В Большом театре, который часто посещал Лермонтов, в переводах Павлова в 1829 г. ставились франц. водевили — «Дипломат» («Le diplomat») Э. Скриба (Scribe, 1791–1861) и Ж. Делавиня (Delavigne, 1793–1843), «Молод и стар, женат и нет» («Jeune et vieille ou le prèmier le dernier chapitre») Э. Скриба, Мельвиля и Байара (Mélesville et Bayarde). Переводами Павлов занимался и позднее; его опыты в этом жанре вызывали резкое неприятие Лермонтова (см. ниже, примеч. к № 247). Не исключено, что Павлов взялся переводить и драматическую пастораль Торквато Тассо (Tasso, 1544–1595) «Аминта» («Aminta», 1573) либо какую-то из ее многочисленных французских перелицовок, однако никаких сведений ни о таком переводе, ни о его постановке на театре не сохранилось (в пользу того, что эпиграмма могла ориентироваться именно на сюжет тассовой пасторали, говорит мотив *погони за счастьем*: несчастная любовь пастуха Аминты к пастушке Сильвии обретает взаимность лишь после мнимой смерти героя). Высказывалась также гипотеза (О. В. Миллер), что эпиграмма связана с интересом литераторов круга С. Е. Раича к творчеству Тассо, однако какие-либо данные о попытках перевести пастораль в кружке Раича также отсутствуют. Наконец, существует вероятность, что острие эпиграммы Лермонтова направлено не против чьих-либо театральных или переводческих проектов, а против идиллических опусов, весьма популярных в 1810–1820-х гг. Имя пастуха Аминта (Аминты) вслед за Тассо и Гесснером взяли на вооружение авторы рус. идиллий и буколик (см.: Горохова 1980: 154–155), в частности, и наиболее известный из них, В. И. Панаев: напр., его «Аминт и Хлоя» (1819) вошла в итоговый сборник поэта (Идиллии Владимира Панаева. М., 1820) и несколько раз перепечатывалась в хрестоматиях. Хотя для текущего литературного процесса тексты Панаева были не слишком актуальны, в ученическом литературном быту конца 1820-х гг. они могли быть востребованы и вызывать разнонаправленные отзывы.

Лит.: ЛЭ 1981: 631; Лермонтов 1914–1915: I, 268; Левит 1948: 242–248; Лермонтов 1964–1965: IV, 472–474; Найдич 1994а: 236–244.

29. К П...ну («Забудь, любезный П<етерсо>н...»).

Автограф: ОР РГБ. Ф. 298/IV. Карт. 1. № 24. Л. 7 об.–8 — беловой, в тетради А. С. Солоницкого.

Копии: 1) РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 2. № 39. Л. 6–6 об. — с тетради Солоницкого; прислана А. С. Солоницким Краевскому для публикации в ОЗ (см. ниже); 2) ОР РНБ. Ф. 73. № 673. Л. 2 — корректура несостоявшейся публикации текстов из тетради Солоницкого в ОЗ (1848. № 1); стихотворение под заглавием «К Пу..... ну» <так!>, полностью вычеркнуто цензором.

Печатается по автографу.

Датируется 1829 г. по положению автографа в тетради Солоницкого (подробнее см. в Преамбуле, п. 2.2.2).

Впервые: Лермонтов 1889–1891: I, 26 (под ошибочным заглавием «К П...ву»). Ранее послание предназначалось для публикации в «Отечественных записках» (№ 1 за 1848 г.), но было запрещено цензурой.

Стихотворение обращено к товарищу поэта по Университетскому благородному пансиону Дмитрию Васильевичу Петерсону (1813—?).

Ст. 1–2. *Забудь, любезный П<етерсо>н, / Мои минувшие сужденья.* — Реминисценция из стихотворения А. С. Пушкина «К Каверину» (1817): «Забудь, любезный мой Каверин, / Минутной резвости нескромные стихи» (Пушкин 1999–2010: I, 253).

Ст. 5. *Хоть наша смерть струны порванной звон.* — Отсылка к финалу стихотворения А. А. Дельвига «Романс» («Не говори: любовь пройдет...», опубл.: Полярная звезда на 1824 год. СПб., 1823. С. 315): «Любви дни краткие даны, / Но мне не зреть ее остылой; / Я с ней умру, как звук унылый / Внезапно порванной струны» (Дельвиг 1986: 63).

Ст. 8–9. *Где дружба дружбы не обманет, / Любовь любви не изменит.* — Прямое заимствование из стихотворения А. С. Хомякова (1804–1860) «Три стакана шампанского» («При прощаниях», ч. 2), напечатанного в МВ (1828. Ч. X. № 13. С. 3).

Лит.: ЛЭ 1981: 210–211; Нейман 1914b: 205; Краткий отчет 1940: 182; Майский 1941: 633–643; Бродский 1945: 153–154; Пейсахович 1964: 451; Киселева 1997: 62–70.

30. К Д...ву («Я пробегал страны России...»).

Автограф: ОР РГБ. Ф. 298/IV. Карт. 1. № 24. Л. 8–8 об. — беловой, в тетради А. С. Солоницкого; в ст. 8 пропущено слово «покой».

Копии: 1) РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 2. № 39. Л. 6 об. — 7 — с тетради Солоницкого; прислана А. С. Солоницким Краевскому для публикации в ОЗ (см. ниже); в ст. 8 «покой» вписано более крупным почерком; в ст. 12 «поверяюсь» затем исправлено на «доверяюсь»; 2) ОР РНБ. Ф. 73. № 673. Л. 2 — корректура несостоявшейся публикации текстов из тетради Солоницкого в ОЗ (1848. № 1).

Печатается по автографу с исправлением в ст. 8 по копии ИРЛИ. Замена в ст. 12 «поверяюсь» на «доверяюсь», произведенная вслед за копией ИРЛИ во всех публикациях, безосновательна: словоупотребление эпохи допускает обе формы.

Датируется 1829 г. по положению автографа в тетради Солоницкого (подробнее см. в Преамбуле, п. 2.2.2)

Стихотворение адресовано товарищу Лермонтова по Университетскому благородному пансиону Дмитрию Дмитриевичу Дурнову (1813 — после 1842), душевную открытость и доброту которого Лермонтов особенно ценил. Дурнову посвящены и другие стихотворения: «К другу» (№ 48), «Романс» (№ 19), по-видимому, пятый набросок в «Портретах» (№ 36) и «К Дурнову» (№ 148). Литературный источник послания — посвящение поэмы К. Ф. Рылеева «Войнаровский» («Как странник грустный, одинокий...»; 1823–1824), адресованное А. А. Бестужеву и напечатанное при полном издании поэмы (Войнаровский. Сочинение К. Рылеева. М., 1825). См.: Рылеев 1971: 185.

Лит.: ЛЭ 1981: 149, 209; Майский 1941: 637–639; Бродский 1945: 119–120, 153; Майский 1947: 241; Иванова 1957: 41, 81–82; Эйхенбаум 1961: 293; Федоров 1967: 61–62; Удодов 1973: 290.

31. К Грузинову («Скажу, любезный мой приятель...»).

Автографы: 1) ОР РГБ. Ф. 298/IV. Карт. 1. № 24. Л. 8 об. — беловой, в тетради А. С. Солоницкого, под заглавием: «К Г.....ву»; 2) РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 1. № 2. Л. 14 — беловой, с позднейшей правкой Лермонтова, в тетради 2 («Мелкие стихотворения. Москва. В 1829 году»), заглавие «К Г...нову» исправлено рукой Лермонтова на «К Грузинову».

Копии: 1) РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 2. № 39. Л. 7 — с тетради Солоницкого; прислана А. С. Солоницким Краевскому для публикации в ОЗ (см. ниже); заглавие «К Г......ву»; 2) ОР РНБ. Ф. 73. № 673. Л. 2 — корректура несостоявшейся публикации текстов из тетради Солоницкого в ОЗ (1848. № 1); стихотворение под заглавием «К Г.....ву»; 3) РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 2. № 33. Л. 51 — в тетради копий юношеских стихов, с автографа ИРЛИ в тетради 2.

Печатается по автографу ИРЛИ, отражающему более поздний этап работы над текстом.

Датируется 1829 г. согласно авторской помете на тетради 2 и по положению в тетради Солоницкого (подробнее см. в Преамбуле, п. 2.2.2); предположительно не позднее начала апреля, так как 6 апреля 1829 г. Грузинов оставил Университетский пансион.

Впервые: ОЗ. 1859. Т. 125. № 7. Отд. 1. С. 19 (заглавие: «К Гр...нову», текст по автографу ИРЛИ).

Ироническое послание обращено к Иосифу Романовичу Грузинову (1812–1860), соученику Лермонтова по Университетскому благородному пансиону (4 и 5 класс, 1829). Впоследствии служил в канцелярии Московского горного управления, в Тамбовском земском суде. Продолжал заниматься литературой, в частности, были опубликованы три его поэтических сборника: «Цитра» (1830), «Мечты и звуки поэзии» (1842), «Отблески поэзии» (1849), а также две прозаические книги: «Были и повести» (1840), «Записки покойного Якова Васильевича Базлова» (1863).

Ст. 3. *Ты муз прилежный обожатель...* — Реминисценция из стихотворения Н. М. Языкова «В альбом А. Н. Очкину» (1821, опубл. в «Невском альманахе на 1828 год»): «Муз неверных обожатель, / Им я жертвовал собой» (Языков 1964: 60).

Ст. 7–8. *Ведь музы женщины — итак, / Кто ж видел женщин благодарных?..* —Указывалось (ЛЭ 1981: 208), что эти стихи, возможно, восходят к посланию П. А. Вяземского «К друзьям» (1814): «Но музы — женщины, не нужны объясненья!» (Вяземский 1986: 71). Однако данные строки, как и все стихотворение, скорее всего, опираются на известное изречение Д. Дидро, включенное в эссе «О критике» (1776–1777): «Les muses sont femmes, elles n'accordent pas toujours leurs faveurs à ceux qui les sollicitent le plus opiniâtrément» (Diderot 1821: X, 172; «Музы женщины, и они не всегда даруют свою благосклонность тем, кто упорнее всех ее домогается» — Дидро 1935–1947: VI, 544); подробнее см.: Охотин 2015.

Лит.: ЛЭ 1981: 122, 208; Лермонтов 1935–1937: I, 427, 430; Бродский 1945: 126–127; Майский 1947: 240–241, 258; Тынянов 1964: 105; Пешков 1971: 246–250; Вацуро 1992а: 50–51.

32–37. Портреты (1. «Он некрасив, он невысок…»;
2. «Довольно толст, довольно тучен…»;
3. «Лукав, завистлив, зол и страстен…»;
4. «Все в мире суета, он мнит, или отрава…»;
5. «Всегда он с улыбкой веселой…»;
6. «Он любимец мягкой лени…»).

Автографы: ОР РГБ. Ф. 298/IV. Карт. 1. № 24. Л. 9–10 об. — беловой (стихотворения 1–6, под заглавием «Портреты»), в тетради А. С. Солоницкого; 2) РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 1. № 2. Л. 6–6 об. — беловой с поправками, в тетради 2 («Мелкие стихотворения. Москва. В 1829 году»), текст первого стихотворения под заглавием «Портрет»; вместо ст. 16–20 следует:

Все проклял он как лживый сон!
Как призрак дымныя мечты.
Холодный ум, средь мрачных дум,
Не тронут слезы красоты.
Везде один, природы сын.
Не знал он друга меж людей.
Так бури ток, сухой листок,
Мчит жертвой посреди степей!..

Копии: 1) РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 2. № 39. Л. 7 об.–8 об. — с тетради Солоницкого; прислана А. С. Солоницким Краевскому для публикации в ОЗ (см. ниже); 2) ОР РНБ. Ф. 73. № 673. Л. 2 — корректура несостоявшейся публикации текстов из тетради Солоницкого в ОЗ (1848. № 1); 3) РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 2. № 33. Л. 41–41 об. — в тетради копий юношеских стихов, с автографа ИРЛИ; текст 1-го стихотворения под заглавием «Портрет».
Печатается по автографу РГБ, дающему полный текст всех стихотворений цикла, с исправлениями: в стихотворении 1 — «славы» вместо «славу» (ст. 11), в ст. 16 восстановлен пропуск: «Все бросил <он>»; в стихотворении 4 «души» вместо «душой» (ст. 2).
Датируется 1829 г. согласно авторской помете на тетради 2 и по положению в тетради Солоницкого (подробнее см. в Преамбуле, п. 2.2.2).

Впервые: ОЗ. 1859. Т. 125. № 7. Отд. 1. С. 14–15 (стихотворение 1, под заглавием «Портрет»); РМ. 1881. № 12. С. 5–6 (стихотворения 2–6, заглавие «Портреты»).

По всей вероятности, «Портреты» написаны в рамках какой-то литературной игры и посвящены пансионским товарищам поэта, однако данные для однозначной идентификации прототипов отсутствуют. Характерные для всей лирики Лермонтова автоописательные мотивы заставляют предполагать, что в первом стихотворении цикла скорее всего изображен сам поэт, хотя позднее он — не без некоторого лукавства — отрицал это в своем примечании в тетради 2 (ИРЛИ): «(Этот портрет был доставлен одной девушке: она в нем думала узнать меня: вот за какого эгоиста принимают обыкновенно поэта)». Менее вероятно, что второй портрет списан с одноклассника Лермонтова, члена пансионского литературного кружка И. Р. Грузинова (см. примеч. к № 31). 5-й портрет, возможно, изображает Д. Д. Дурнова (ср. № 30 и примеч.).

Ст. 19–20. *Так жертву средь сухих степей / Мчит бури ток сухой листок.* — Здесь впервые появляется образ гонимого бурей одинокого листка. Этот мотив, скорее всего заимствован из басни А.-В. Арно «Листок» (1815), чрезвычайно популярной в России (подробнее см. примеч. к стихотворению «Листок», 1841; № 418).

Лит.: ЛЭ 1981: 434; Михайлова 1941: 154–55; Розанов 1942: 163; Иванова 1959: 24; Пейсахович 1964: 425, 432, 439, 452; Кирпотин 1970: 182; Гришунин 1998: 98.

38. Наполеон («Где бьет волна о брег высокой...»).

Автограф: РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 1. № 2. Л. 14–15 об. — беловой с правкой, в тетради 2 «Мелкие стихотворения. Москва. В 1829 году».
Копия: РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 2. № 33. Л. 51–53 — в тетради копий юношеских стихотворений, с автографа ИРЛИ.
Печатается по автографу.
Датируется 1829 г. согласно авторской помете на тетради 2.
Впервые: РМ. 1881. № 11. С. 152 (ст. 1–4, 24–26, 58–65); Лермонтов 1889–1891: I, 362–364 (полностью, с искажением ст. 20, 35).

Первое из стихотворений Лермонтова, образующих так называемый «наполеоновский цикл»: «К***» (1830, № 66), «Наполеон. (Дума)» (1830, № 84), «Эпитафия Наполеона» (1830, № 85), «Св. Елена» (1831, № 199), «Воздушный корабль» (1840, № 385), «Последнее новоселье» (1841, № 407).

В стихотворении использован канон исторической элегии 1810-х гг. (с элементами героиды) и характерный для этого жанра «оссианический» стиль (мрачный ночной пейзаж, певец с арфой над могилой, явление призрака, etc.). В этом смысле образцом для Лермонтова могло быть, вероятно, стихотворение Пушкина «Наполеон на Эльбе» (1815), однако младший поэт сознательно отказывается от осмысления исторической роли Наполеона, рисуя его как «героя дивного», чьи дела и страсти не подвластны суду потомков.

В экспозиции стихотворения (первая строфа) использован зачин оды А. де Ламартина «Бонапарт» («Bonaparte», 1823; Lamartine 1830: 38):

Sur un écueil battu par la vague plaintive,
Le nautonier de loin voit blanchir sur la rive
Un tombeau près du bord par les flots déposé ;
Le temps n'a pas encor bruni l'étroite pierre,
Et sous le vert tissu de la ronce et du lierre
On distingue… un sceptre brisé !

Ср. в переводе А. И. Полежаева, опубликованном в 1833 г. (Полежаев 1987: 399–400):

Есть дикая скала на лоне океана,
С крутых ея брегов, под ризою тумана,
Приветствует тебя, задумчивый пловец,
Гробница мрачная, обмытая волнами,
Вблизи ея лежат обросшие цветами
Разбитый скипетр и венец!..

Лит.: ЛЭ 1981: 331–332; Dechamps 1929: 285–307; Эйхенбаум 1961: 318; Архипов 1965: 203–204; Проблемы мировоззрения 1973: 89; Фризман 1973: 119; Соловьева 2006а: 155–160.

39. Пан (В древнем роде)

(«Люблю, друзья, когда за речкой гаснет день…»).

Автограф: РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 1. № 2. Л. 15 об. — беловой с правкой, в тетради 2 «Мелкие стихотворения. Москва. В 1829 году».

Копия: РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 2. № 33. Л. 51–53 об. — в тетради копий юношеских стихотворений, с автографа ИРЛИ.

Печатается по автографу.

Датируется 1829 г. согласно авторской помете на тетради 2. Судя по более поздней помете Лермонтова — «(В Середникове)», стихотворение написано летом 1829 г. в подмосковном имении Столыпиных, родственников поэта со стороны бабушки.

Впервые: БЗ. 1861. Т. 3. № 16. Стб. 488.

По предположению С. А. Кибальника (1990: 110), стихотворение написано под непосредственным влиянием антологических фрагментов Андре Шенье, прежде всего, 3-го фрагмента идиллии (Пан обучает героя игре на свирели, т. е. поэзии):

Toujours ce souvenir m’attendrit et me touche,
Quand lui-même, appliquant la flûte sur ma bouche,
Riant et m’asseyant sur lui, près de son coeur,
M’appelait son rival et déjà son vainqueur.
Il façonnait ma lèvre inhabile et peu sûre
A souffler une haleine harmonieuse et pure;

Et ses savantes mains prenaient mes jeunes doigts,
Les levaient, les baissaient, recommençaient vingt fois,
Leur enseignant ainsi, quoique faibles encore,
A fermer tour à tour les trous du buis sonore.

И в прошлом вижу я душою умиленной,
Как, приложив свирель к моим устам, склоненный,
Меня с улыбкою он на колени брал
И победителем уже именовал.
Он управлял моим неопытным дыханьем,
И звуки полнились живым очарованьем.
И мог подолгу он со мною повторять,
Как робкие персты умело расставлять,
Чтоб, слабые, они искусством овладели
Отверстья зажимать отзывчивой свирели.

(Chénier 1819: 70; Шенье 1995: 60–61, 558–559; пер. Е. П. Гречаной)

Пушкинское подражание тому же отрывку Шенье («Муза», 1821) не было, видимо, учтено Лермонтовым при создании его стихотворения, однако это не исключает стилистического воздействия антологических опытов К. Н. Батюшкова и А. С. Пушкина (Вацуро 2008: 435). Тематически «Пан» соотносится также с «Гимном Пану» А. Ф. Мерзлякова (ср.: Мерзляков 1826: 54–55).

Ст. 2. *...Укрывшися лесов в таинственную сень...* — Реминисценция из «Евгения Онегина»: «Лесов таинственная сень / С печальным шумом обнажалась» (Пушкин 1937–1959: 6: 89).

Лит.: ЛЭ 1981: 364, 624; Гербель 1861: 563–564; Блок 1934: 399–400; Бродский 1945: 80–81; Иванова 1957: 78; Вацуро 1964: 46–48; Пейсахович 1964: 422–423; Кибальник 1990: 96–97, 110; Вацуро 2008: 435.

40. Жалобы турка. (Письмо. К другу, иностранцу)

(«Ты знал ли дикий край, под знойными лучами...»).

Автограф: РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 1. № 2. Л. 16 — беловой, в тетради 2 «Мелкие стихотворения. Москва. В 1829 году».
Копия: РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 2. № 33. Л. 53 об. — в тетради копий юношеских стихотворений, с автографа ИРЛИ.
Печатается по автографу.
Датируется 1829 г. согласно авторской помете на тетради 2.
Впервые: Лермонтов 1862: 6 (без заглавия и заключительных четырех стихов); Лермонтов 1889–1891: I, 41 (полностью).

Заглавие переводит стихотворение в разряд политических иносказаний: некоторые черты восточной деспотии, образцом которой считалась Турция, применены здесь Лермонтовым к русской действительности. Подобные «применения»

не были редкостью в европейской литературе XVIII в.: авторы сатир, памфлетов и политических инвектив, содержащих критику отечественных обычаев, нередко использовали для маскировки квази-восточный антураж (ср., например, «Персидские письма» Монтескье, 1721).

Однако описание турецких нравов у Лермонтова было, вероятно, не только сатирической фикцией. Оттоманская Порта как поработитель греков и враг России была на протяжении 1820-х годов постоянным объектом критики, и тот негативный стереотип, который создавался в русских журналах, возможно, нашел отражение в лермонтовских стихах. Показателен в этой связи набор суждений, сконцентрированных в переводной статье, публиковавшейся в журнале «Славянин» в середине 1829 г.: «О состоянии Европейской Турции, в отношении к нынешней войне с Россией. Соч. Г. Лозе, издано в свет в начале 1828 года» (Славянин. 1829. Ч. 10. № 16–23). Приведем несколько выдержек, обнаруживающих, как представляется, определенную близость к лермонтовским концептам: «Большое плодородие прежних времен, как уверяют, более уже не существует. <...> Летний несносный зной наводит усыпление на всю органическую природу. <...> Вдали от городов целые поля лежат в запустении <...> Когда земля истощится, ее оставляют лежать впусте <...> Беспечность жителей и уверенность их в неизбежности рока...» (№ 16–17. С. 75–76). «Каждый гражданин отдан в жертву тиранскому самоуправству, жизнь его столь же мало безопасна, как и собственность <...> Дарования и способности здесь ставятся ни во что <...> Паши не делают никакого исключения из этого правила: цель их усилий есть удовлетворение страстей, и особенно ненасытного корыстолюбия» (№ 18–19. С. 154, 157).

Ст. 1. *...Ты знал ли дикий край, под знойными лучами...* — Эти строчки соотносятся с началом «Песни Миньоны» («Kennst du das Land...») И. В. Гете из романа «Годы учения Вильгельма Мейстера» («Wilhelm Meisters Lehrjahre»; 1795–1796). Эта инициальная формула получила широчайшее распространение в романтической поэзии.

Лит.: ЛЭ 1981: 159; Кирпотин 1939: 13–14; Иванова 1957: 80–81; Морозова 1965: 85–93; Gronicka 1966: 572; Дмитриев 1973: 44–45; Удодов 1973: 292; Маймин 1975: 116–117; Гаджиев 1986: 172–173; Резник 1996: 29–35.

41. К N. N. *** («Не играй моей тоской...»).

Автограф: РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 1. № 2. Л. 16–16 об. — беловой, в тетради 2 «Мелкие стихотворения. Москва. В 1829 году».
Копия: РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 2. № 33. Л. 54 — в тетради копий юношеских стихотворений, с автографа ИРЛИ.
Печатается по автографу.
Датируется 1829 г. согласно авторской помете на тетради 2.
Впервые: Лермонтов 1889–1891: I, 42.

Стихотворение, благодаря тематике и метрико-строфической структуре, тяготеет к жанру литературной любовной песни (ср., например, «Песню» А. А. Дельвига «Наяву и в сладком сне...», 1824; также см. выше № 21 и его источники). Однако

автор раздвигает жанровые рамки, вводя в текст элементы повествовательного сюжета — убийство из мести, поверженная дева на берегу реки, — мотивы, отсылающие как к балладе А. С. Пушкина «Черная шаль» (1820), так и к поэме «Кавказский пленник» самого Лермонтова (1828; Т. 2. № 452). Ср. тот же мотив в рисунке Лермонтова в тетради юнкерского периода (1832—1834): Ковалевская 1980: 95.

Выдвигалось предположение, что возможным адресатом стихотворения является М. И. Сабуров и что любовный мотив стихотворения имеет реальную основу — безответное увлечение Лермонтова сестрой своего соученика, Софьей Сабуровой (см. примеч. к № 12 и 51), однако твердых оснований для подобных выводов нет.

Лит.: ЛЭ 1981: 210; Лермонтов 1964: I, 668–669; Вацуро 2008: 426.

42. Черкешенка («Я видел вас: холмы и нивы...»).

Автограф: РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 1. № 2. Л. 16 об.–17 — беловой с правкой, в тетради 2 «Мелкие стихотворения. Москва. В 1829 году».
Копия: РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 2. № 33. Л. 54 об. — в тетради копий юношеских стихотворений, с автографа ИРЛИ.
Печатается по автографу.
Датируется 1829 г. согласно авторской помете на тетради 2.
Впервые: Лермонтов 1889–1891: I, 42–43.

Стихотворение тематически примыкает к поэмам 1828 г. — «Черкесам» (Т. 2. № 451) и, в наибольшей степени, «Кавказскому пленнику» (№ 452); может интерпретироваться как своего рода интродукция к последней из названных поэм. Соотнесение «Черкешенки» с детскими впечатлениями от поездки на Горячие воды летом 1825 г. не имеет под собой документальных оснований.

Лит.: ЛЭ 1981: 613; Пейсахович 1964: 452; Удодов 1973: 292.

43. Ответ («Кто муки знал когда-нибудь...»).

Автограф: РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 1. № 2. Л. 17 — беловой, в тетради 2 «Мелкие стихотворения. Москва. В 1829 году».
Копия: РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 2. № 33. Л. 54 об.–55 — в тетради копий юношеских стихотворений, с автографа ИРЛИ.
Печатается по автографу.
Датируется 1829 г. согласно авторской помете на тетради 2.
Впервые: Лермонтов 1889–1891: I, 43.

Лит.: ЛЭ 1981: 357.

44. Два сокола («Степь, синея расстилалась...»).

Автограф: РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 1. № 2. Л. 17–17 об. — беловой, в тетради 2 «Мелкие стихотворения. Москва. В 1829 году».
Копия: РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 2. № 33. Л. 55–56 — в тетради копий юношеских стихотворений, с автографа ИРЛИ.
Печатается по автографу.

Датируется 1829 г. согласно авторской помете на тетради 2.
Впервые: ОЗ. 1859. Т. 125. № 7. Отд. 1. С. 20–21.

Одно из первых обращений Лермонтова к формам фольклорной имитации. Отмечалась близость текста к стихотворению Пушкина «Ворон к ворону летит...» (1828), в свою очередь восходящему к балладе Вальтера Скотта (Scott, 1771–1832) «Два ворона» («The Two Corbies», 1803).

Лит.: ЛЭ 1981: 128; Нейман 1914а: 64; Якубович 1935: 243–272; Эйхенбаум 1940: 323.

45. Грузинская песня («Жила грузинка молодая...»).

Автограф: РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 1. № 2. Л. 18–18 об. — беловой с правкой, в тетради 2 «Мелкие стихотворения. Москва. В 1829 году».
Копии: 1) РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 2. № 41. Л. 3 об.–4 — в тетради из собрания А. А. Краевского, текст стихотворения зачеркнут; 2) РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 2. № 33. Л. 56–56 об. — в тетради копий юношеских стихотворений, с автографа ИРЛИ.
Печатается по автографу.
Датируется 1829 г. согласно авторской помете на тетради 2.
Впервые: ОЗ. 1859. Т. 125. № 7. Отд. 1. С. 21 (ст. 1–13); Лермонтов 1862: 128–129 (ст. 13–32); Лермонтов 1889–1891: I, 44–45 (полностью).

Позднейшая помета Лермонтова в автографе — «(Слышано мною что-то подобное на Кавказе)» — должна была, видимо, придать тексту статус фольклорной подлинности, однако достоверность детских воспоминаний (поэт жил на Кавказе в 1825 г.) вызывает некоторое сомнение. В сюжетном отношении данное стихотворение ближе к балладе в духе «Черной шали» Пушкина (1820), однако изощренная форма отсылает скорее к традициям франц. «летучей поэзии» (poésie fugitive).

Лит.: ЛЭ 1981: 122; Эйхенбаум 1940: 327; Розанов 1942: 29; Андроников 1958: 381–383; Чичеров 1959: 127–158; Пейсахович 1964: 476; Вацуро 2008: 108.

46. Мой демон («Собранье зол его стихия...»).

Автограф: РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 1. № 2. Л. 18 об. — беловой с правкой, в тетради 2 «Мелкие стихотворения. Москва. В 1829 году».
Копия: РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 2. № 33. Л. 57 — в тетради копий юношеских стихотворений, с автографа ИРЛИ.
Печатается по автографу.
Датируется 1829 г. согласно авторской помете на тетради 2.
Впервые: ОЗ. 1859. Т. 125. № 7. Отд. 1. С. 21.

Стихотворение относится к тому же году, что и первые наброски поэмы «Демон», и намечает философскую проблематику поэмы (см. т. 2, примеч. к № 475). Тему «демонизма», восходящую к библейской легенде о падшем ангеле, восставшем против Бога и превратившемся в духа зла, Лермонтов развивает на протяжении почти всей жизни. В ее первоначальном художественном осмыслении очевидна роль стихотворений Пушкина «Демон» (1823; под заглавием «Мой демон» было

опубликовано в «Мнемозине», 1824, ч. 3) и «Ангел» (1827). Отмечались также типологические параллели со стихотворением А. И. Полежаева «Живой мертвец» (1826–1828; опубл. 1830).

Лит.: ЛЭ 1981: 282; Замотин 1914: 22, 31, 34; Нейман 1914а: 81–83; Блок 1921: 491–492; Бем 1926: 765–766; Благой 1941: 365–366; Кирпотин 1941: 31; Гиреев 1958: 43–48; Вацуро 1964: 46–56; Коровин 1973: 38–39; Удодов 1973: 274–275, 290, 299, 305; Ильинский 1990: 3–18; Васильев 1992: 122; Юсупова 2005: 122–123.

47. Жена севера («Покрыта таинств легкой сеткой...»).

Автограф: РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 1. № 2. Л. 19 — беловой, в тетради 2 «Мелкие стихотворения. Москва. В 1829 году».
Копии: 1) РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 1. № 21. Л. 10 об. — в тетради 20; 2) РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 2. № 33. Л. 57 об. — в тетради копий юношеских стихотворений, с автографа ИРЛИ.
Печатается по копии в тетради 20 как более позднему авторизованному источнику с исправлением по автографу в ст. 1 («Покрыта таинств легкой сеткой» вместо «Покрыто таинство легкой сеткой»).
Датируется 1829 г. согласно авторской помете на тетради 2.
Впервые: Лермонтов 1889–1891: I, 46.

Стихотворение представляет собой мифологическую аллегорию; в ее основе — якобы существовавшее «древнее предание» о загадочной женщине, которой поклонялись «финны» (Вацуро 2008: 364–365). Произведение отражает увлечение Лермонтова Оссианом (см. примеч. к стих. «Гроб Оссиана», 1830; № 100).

Заглавие. *«Жена севера»* — Эта парафраза восходит, видимо, к «Портрету» Пушкина (1828): «О жены Севера, меж вами...» (Пушкин 1937–1959: III, 112).

Лит.: ЛЭ 1981: 163; Удодов 1973: 167–168; Шарыпкин 1980: 163–171; Хьетсо 1995: 71–76; Vickery 2001: 93–94.

48. К другу («Взлелеянный на лоне вдохновенья...»).

Автограф: РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 1. № 2. Л. 19 об. — беловой с правкой, в тетради 2 «Мелкие стихотворения. Москва. В 1829 году». Первоначальное заглавие в автографе (зачеркнуто): «Эпилог (к Д.....ву)».
Копии: 1) РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 1. № 21. Л. 10 об.–11 — в тетради 20; 2) РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 2. № 33. Л. 58–58 об. — в тетради копий юношеских стихотворений, с автографа ИРЛИ.
Печатается по копии в тетради 20 как позднейшему авторизованному источнику.
Датируется 1829 г. согласно авторской помете на тетради 2.
Впервые: РС. 1872. № 2. С. 291 (ст. 17–24, с разночтениями); РМ. 1881. № 12. С. 13–14 (полностью; под заглавием «Эпилог (к Д.....ву)» и подзаголовком «К другу»).

Стихотворение обращено к пансионскому однокашнику Лермонтова — Д. Д. Дурнову (см. примеч. к №. 30).

Ст. 7–8. *Но ты меня не спрашивай напрасно: / Ты, друг, узнать не должен, кто она...* — Реминисценция из стихотворения В. И. Астафьева «М. А. Д<митрие>ву»: «Не спрашивай меня напрасно — / Ты не узнаешь, кто она!» (Северная лира на 1827 год. М., 1827. С. 284).

Лит.: ЛЭ 1981: 149, 209.

49. Элегия («О! Если б дни мои текли...»).

Автограф: РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 1. № 3. Л. 3 — беловой с правкой, в тетради 3.
Печатается по автографу.
Датируется предположительно 1829 г. по расположению автографа в тетради 3 (подробнее см. в Преамбуле, п. 2.2.1).
Впервые: Лермонтов 1889–1891: I, 9.

Лит.: ЛЭ 1981: 630; Эйхенбаум 1961: 290; Фризман 1973: 121.

50. «Забывши волнения жизни мятежной...».

Автограф: РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 1. № 3. Л. 3 об. — незавершенный набросок, в тетради 3, текст зачеркнут.
Печатается по автографу.
Датируется 1829 г. по расположению автографа в тетради 3 (подробнее см. в Преамбуле, п. 2.2.1).
Впервые: Лермонтов 1889–1891: I, 9.

Набросок представляет собой вольный перевод четырех начальных строк баллады И. В. Гете «Рыбак» («Der Fischer», 1779; Goethe 1828–1830: I, 171):

Das Wasser rauscht', das Wasser schwoll,
ein Fischer saß daran,
sah nach dem Angel ruhevoll,
kühl bis ans Herz hinan.

Лит.: ЛЭ 1981: 172; Пейсахович 1964: 469; Федоров 1967: 243–244.

51. К*** («Глядися чаще в зеркала...»).

Автографы: 1) РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 1. № 3. Л. 4 — беловой с правкой, в тетради 3; 2) ОР РГБ. Ф. 456. Карт. 1. № 1. Л. 1 — беловой под заглавием «К С. С...ой», на отдельном листке, на обороте которого автограф стихотворения «Один среди людского шума...» (№ 62).
Печатается по автографу ИРЛИ.
Датируется 1829 г. по расположению автографа в тетради 3 (подробнее см. в Преамбуле, п. 2.2.1).
Впервые: Лермонтов 1889–1891: I, 20.

Мадригал посвящен С. И. Сабуровой, сестре пансионского однокашника Лермонтова (о ней см. примеч. к № 12).

Лит.: ЛЭ 1981: 205; Андроников 1967: 198, 210–215.

52. В день рождения N. N. («Чего тебе, мой милый, пожелать?..»).

Автограф: РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 1. № 3. Л. 4 об. — беловой, в тетради 3.
Печатается по автографу.
Датируется 1829 г. по расположению автографа в тетради 3 (подробнее см. в Преамбуле, п. 2.2.1).
Впервые: Лермонтов 1889–1891: I, 27.

Кому посвящен экспромт — неизвестно; упоминание бога войны Марса косвенно указывает на род занятий адресата.

Лит.: ЛЭ 1981: 75; Лермонтов 1964: I, 668–669.

53. К*** («Мы снова встретились с тобой...»).

Автограф: РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 1. № 3. Л. 4 об. — беловой, в тетради 3.
Печатается по автографу.
Датируется 1829 г. по расположению автографа в тетради 3 (подробнее см. в Преамбуле, п. 2.2.1).
Впервые: Лермонтов 1889–1891: I, 21.

Лит.: ЛЭ 1981: 206; Розанов 1942: 28; Пейсахович 1964: 433.

54. Монолог («Поверь, ничтожество есть благо в здешнем свете...»).

Автограф: РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 1. № 3. Л. 5 — беловой с правкой, в тетради 3.
Печатается по автографу.
Датируется 1829 г. по расположению автографа в тетради 3 (подробнее см. в Преамбуле, п. 2.2.1).
Впервые: ОЗ. 1859. Т. 125. № 7. Отд. 1. С. 28.

Фрагмент медитативного характера с некоторыми признаками драматического монолога. По образному и поэтическому строю предваряет более позднее стихотворение «Дума» (1838; № 368).

Ст. 5—6. *Мы, дети севера, как здешние растенья, / Цветем недолго, быстро увядаем...* — Эти строки позволяют усмотреть в «Монологе» отдаленный отзвук дискуссий вокруг климатической теории Ш. Монтескье («О духе законов», 1748), согласно которой темперамент и нравы разных народов детерминируются окружающими природными условиями; см. утрированное и сжатое изложение этих взглядов в очерке К. Н. Батюшкова «Вечер у Кантемира» (1816), в частности, тот пассаж, где в уста Монтескье вкладываются следующие слова «Власть климата есть первая из властей. <...> Положим, что правительство откроет все пути к просвещению, что будет беспрестанно призывать иностранцев для воспитания юношества, построит теплые домы для училищ, и из сих парников и теплиц просвещения соберет несколько незрелых и несочных плодов» (Батюшков 1977: 40—41).

Ст. 15. *...И нам горька остылой жизни чаша...*— Реминисценция из стихотворения Пушкина «Кривцову» (1817): «Пусть остылой жизни чашу / Тянет медленно другой» (Пушкин 1999–2010: II, 18).

Лит.: ЛЭ 1981: 284–285; Эйхенбаум 1940: 315; Дурылин 1941b: 234–235; Нейман 1941b: 327, 342; Архипов 1965; Федоров 1967: 63–64; Коровин 1973: 28; Boele 1996: 176–177; Резник 1996: 29–35; Колесова 2009: 96–103.

55. Встреча (из Шиллера) («Она одна меж дев своих стояла...»).

Автограф: РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 1. № 3. Л. 5 об.–6 — беловой с правкой, в тетради 3.
Печатается по автографу.
Датируется 1829 г. по расположению автографа в тетради 3 (подробнее см. в Преамбуле, п. 2.2.1).
Впервые: Шиллер 1860: 321–322.

Вольный перевод двух первых строф стихотворения Ф. Шиллера «Встреча» («Die Begegnung», 1797; Schiller 1817–1819: IX, 3). Размер и строфика оригинала сохранены.

О переложениях Лермонтова из Шиллера см. примеч. к № 20.

Лит.: ЛЭ 1981: 95; Лермонтов 1935–1937: I, 435; Федоров 1967: 237–238; Данилевский 2013: 265.

56. Баллада («Над морем красавица-дева сидит...»).

Автограф: РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 1. № 3. Л. 6–7 — беловой с правкой, в тетради 3.
Печатается по автографу.
Датируется 1829 г. по расположению автографа в тетради 3 (подробнее см. в Преамбуле, п. 2.2.1).
Впервые: Шиллер 1860: 327–328.

Написано под влиянием двух баллад Ф. Шиллера: «Водолаз» («Der Taucher», 1797) и «Перчатка» («Der Handschuh», 1797). В стихотворении объединены сюжеты о юноше, дважды бросавшемся в море («Водолаз»), и о красавице-девушке, которая посылает юношу на верную смерть («Перчатка»). См. № 57. О переложениях Лермонтова из Шиллера см. примеч. к № 20.

Лит.: ЛЭ 1981: 47–48; Лермонтов 1935–1937: I, 436; Гаркави 1959: 276–277; Федоров 1967: 240–242; Данилевский 2013: 265.

57. Перчатка (Из Шиллера) («Вельможи толпою стояли...»).

Автограф: РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 1. № 3. Л. 7 об.–8 об. — беловой с поправками, в тетради 3.
Копия: РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 1. № 21. Л. 1–2 — в тетради 20.
Печатается по копии в тетради 20 как позднейшему авторизованному источнику.
Датируется 1829 г. по расположению автографа в тетради 3 (подробнее см. в Преамбуле, п. 2.2.1).
Впервые: Шиллер 1860: 319–321.

Вольный перевод баллады Ф. Шиллера «Перчатка» («Der Handschuh», 1797). По сравнению с оригиналом текст перевода сокращен: исключены 11 стихов, опуще-

ны собственные имена двух действующих лиц — короля и рыцаря; в то же время введены некоторые стихи, отсутствующие у Шиллера (ст. 37 и 52). В 1820–1830-х гг. появилось еще несколько русских переложений шиллеровского «рассказа» — И. Г. Покровского (Благонамеренный. 1822. Ч. 17. № 6. С. 238–241), М. П. Загорского (СЦ на 1825 год. СПб., 1825. С. 326–329), Н. П. Девитте (ДЖ. 1829. Ч. 27. № 31. С. 74–75), В. А. Жуковского (Муравейник. 1831. № 3. С. 13–14). По мнению Р. Ю. Данилевского, Лермонтов, возможно, ориентировался на перевод, выполненный Загорским (Данилевский 2013: 267–268). О переложениях Лермонтова из Шиллера см. примеч. к № 20.

Лит.: ЛЭ 1981: 409; Лермонтов 1935–1937: I, 436; Шувалов 1941: 274–275; Иванова 1957: 96–97; Гаркави 1959: 276; Рубанович 1963: 83–85; Kostka 1965: 50–51; Федоров 1967: 238–240; Vickery 2001: 85–86, 92.

58. Дитя в люльке (Из Шиллера)
(«Счастлив ребенок! и в люльке просторно ему...»).

Автограф: РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 1. № 3. Л. 9 — беловой с поправкой в ст. 1, в тетради 3.
Печатается по автографу.
Датируется 1829 г. по расположению автографа в тетради 3 (подробнее см. в Преамбуле, п. 2.2.1).
Впервые: Шиллер 1860: 321.

Перевод философского двустишия Ф. Шиллера «Дитя в люльке» («Das Kind in der Wiege», 1795): «Glücklicher Säugling! Dir ist ein unendlicher Raum noch die Wiege, / Werde Mann, und dir wird eng die unendliche Welt» (Schiller 1817–1819: VI, 113). Незадолго до обращения Лермонтова к этой антологической миниатюре ее перевод появился под криптонимом Г. С. в альманахе «Венок Граций» (М., 1829. С. 40). О переложениях Лермонтова из Шиллера см. примеч. к № 20.

Лит.: ЛЭ 1981: 140; Лермонтов 1935–1937: I, 437; Федоров 1967: 235; Грибушин 1976: 125–127; Кибальник 1990: 96, 110; Данилевский 2013: 266.

59. К* (Из Шиллера) («Делись со мною тем, что знаешь...»).

Автограф: РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 1. № 3. Л. 9 — беловой с поправкой в ст. 1, в тетради 3.
Печатается по автографу.
Датируется 1829 г. по расположению автографа в тетради 3 (подробнее см. в Преамбуле, п. 2.2.1).
Впервые: Шиллер 1860: 322.

Вольный перевод двустишия Ф. Шиллера «К*» («An*», 1796) из цикла «Вотивные таблички» («Votivtafeln»): «Teile mir mit, was du weißt, ich werd’ es dankbar empfangen. / Aber du gibst mir dich selbst; damit verschone mich, Freund!» (Schiller 1817–1819: V, 191). О переложениях Лермонтова из Шиллера см. примеч. к № 20.

Лит.: ЛЭ 1981: 205; Федоров 1941: 138–140; Федоров 1967: 242–243; Воронина 2010: 32–33; Данилевский 2013: 266.

60. Молитва («Не обвиняй меня, всесильный...»).

Автограф: РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 1. № 3. Л. 9–9 об. — беловой с поправками, в тетради 3.

Печатается по автографу.

Датируется 1829 г. по расположению автографа в тетради 3 (подробнее см. в Преамбуле, п. 2.2.1).

Впервые: ОЗ. 1859. Т. 125. № 7. Отд. 1. С. 28–29.

Высказывалось мнение, что стихотворение является полемическим откликом на «Мою молитву» Д. В. Веневитинова (опубл. 1827): «демоническая концепция» лермонтовского произведения («бунтующий дух во имя свободы восстает против божественного правопорядка») противопоставлена «религиозно-примиренному тону» этих стихов Веневитинова (Гинзбург 1940, 66, 69). Однако, в ряд текстов, с которыми полемизирует здесь Лермонтов, видимо, с бóльшим правом можно поставить другое стихотворение Венивитинова, опубликованное в посмертном собрании сочинений поэта (вышло в январе 1829 г.):

Я чувствую, во мне горит
Святое пламя вдохновенья,
Но к тёмной цели дух парит...
Кто мне укажет путь спасенья?
Я вижу, жизнь передо мной
Кипит, как океан безбрежной...
Найду ли я утес надежной,
Где твердой обопрусь ногой?
Иль, вечного сомненья полный,
Я буду горестно глядеть
На переменчивые волны,
Не зная, что любить, что петь?
<...>
(Веневитинов 1829: 84–85).

Конфликт, обозначенный и снятый Веневитиновым (святой поэтический дар, увлеченный кипящим океаном жизни, может служить темной цели; творческое равновесие приходит по мере осознания гармонических начал в жизни и природе), Лермонтов показывает как неразрешимый (без утраты поэтического дара внутренняя гармония недостижима). Характерно, что строки из этого стихотворения Веневитинова были использованы В. Г. Белинским, как эпиграф к большой рецензии на поэтический сборник Лермонтова 1840 г.: «Теперь гонись за жизнью дивной / И каждый миг в ней воскрешай, / На каждый звук ее призывной / Отзывной песнью отвечай!» (ОЗ. 1841. Т. 14. № 2. Отд. 5. С. 35). У. Викери (Vickery 2001: 88–91, 105–107, 167–168) усматривал в стихотворении Лермонтова модернизированную традицию духовной оды и сближал ряд мотивов «Молитвы» со стихотворением Гете «Was wär ein Gott, der nur von außen stieße...» (1812; цикл «Gott, Gemüt und Welt») и «Одой к радости» Шиллера («An die Freude», 1785).

Лит.: ЛЭ 1981: 283–284; Шувалов 1914b: 148; Никитин 1915: 13–14; Розанов 1942: 35–36; Эйхенбаум 1961: 338–339; Асмус 1941: 116, 125; Герштейн 1964: 223–224; Максимов 1964: 94–95; Удодов 1973: 185, 292–293; Кулешов 1989: 51–52; Штайн 1997: 74–82; Лотман 1996: 764; Лотман 1998: 234–237; Вацуро 2008: 67–68.

61. Леший («В полночь леший лыко драл...»).

Автограф неизвестен.
Копия: РГИА. Ф. 931. Оп. 3. № 720. Л. 88 об.–90 — рукой Н. А. Долгорукова, в тетради стихов и переводов 1865–1871 гг. В копии подзаголовок: «Для оперы Ведьма. 1838»; под текстом примечание: «Написано для оперы М. Ив. Сабурова „Ведьма“ в 1829 или 1830 в Университетском Благородном Пансионе». Печатается по копии Долгорукова.
Датируется предположительно 1829–1830 гг. по помете в копии.
Впервые: Чистова 1992: 85–87.

М. И. Сабуров, товарищ Лермонтова по Московскому университетскому благородному пансиону (см. о нем примеч. к № 5), поэт и музыкант, до конца жизни не оставил своего увлечения домашними спектаклями и представлениями — и в Кишиневе, куда его забросила судьба, и позднее в Кременчугском уезде, где он особенно сблизился с семьей доктора медицины кн. Николая Александровича Долгорукова (1833–1873), племянника соученика Лермонтова по Московскому пансиону и Школе юнкеров К. А. Булгакова (1812–1862). Именно тогда Долгоруков, вероятно, и получил от Сабурова текст «Лешего» — как воспоминание о юношеских творческих опытах пансионеров (см. либретто пансионской оперы «Цыганы», также, вероятно, задуманное вместе с Сабуровым — Т. 3. № 483). Возможно, именно «Лешего» Долгоруков хотел предложить Краевскому для публикации в «Отечественных записках» в 1865 г. (и еще раньше — для собрания сочинений): «маленькая, вполне законченная поэма, написанная в 1829 или 1830 годах <...> для одного товарища <...> по университетскому пансиону» (ЛН. 1949. Т. 51–52. С. 481; письмо от 16/28 марта 1865, публ. Э. Э. Найдича). Эти свидетельства Н. А. Долгорукова и авторитетный статус восходящих к нему источников делают корректным включение «Лешего» в основной корпус сочинений поэта, несмотря на заметное несовершенство этого ученического сочинения.

Как следует из примечания в копии, стихотворение «Леший» связано с замыслом волшебной оперы, однако жанровые характеристики текста (баллада или поэма-сказка) не позволяют считать его готовым номером музыкального представления (вокальной или хоровой партией). Возможно, «Леший» — это повествовательное развитие одного из ответвлений задуманного оперного сюжета (с рефлексами музыкально-драматического замысла, ср. например, рефрен «Ай люли, люли»).

Лит.: Чистова 1992: 81–95.

62. «Один среди людского шума...».

Автограф: ОР РГБ. Ф. 456. Карт. 1. № 1. Л. 1 об. — беловой с правкой, на отдельном листке (на обороте рукой Лермонтова записано стихотворение «Глядися чаще в зеркала...», № 51).

Печатается по автографу.
Датируется по помете Лермонтова в автографе: «1830 года в начале».
Впервые: Андроников 1962.

Лит.: ЛЭ 1981: 351; Андроников 1967: 198–200.

63. «Ты помнишь ли, как мы с тобою...».

Автограф неизвестен.
Авторитетных копий не имеется (копия ОПИ ГИМ. Ф. 111. № 7. Л. 26 об. сделана, по всей видимости, с посмертной публикации).
Печатается по первой публикации.
Предположительно датируется 1830 г. (по воспоминаниям В. С. Межевича — см. ниже).
Впервые: ОЗ. 1842. Т. 21. № 3. Отд. I. С. 203.

Вольный перевод стихотворения английского поэта Т. Мура (Moore, 1779–1852) «Вечерний выстрел» («The evening gun...», 1829) из цикла «A set of Glees» (Moore 1840–1841: V, 138).

Писатель и критик В. С. Межевич (1814–1849) сообщал: «Я помню, что в 1830 году в Университетском пансионе существовали четыре [рукописных] издания: „Арион“, „Улей“, „Пчелка“ и „Маяк“ <...> Из этих-то *детских журналов* <...> узнал я в первый раз имя Лермонтова <...> Не могу вспомнить теперь первых опытов Лермонтова, но кажется, что ему принадлежат читанные мною отрывки из поэта Томаса Мура „Лалла-Рук“ и переводы некоторых мелодий того же поэта (из них я очень помню одну, под названием „Выстрел“)» (Воспоминания 1989: 84–85). Для своего переложения Лермонтов, видимо, воспользовался русским прозаическим переводом «Вечернего выстрела» (Атеней. 1829. Ч. 3. № 17. С. 497), т. к. и стихотворение Лермонтова, и этот перевод содержат сходные отступления от оригинала.

Лит.: ЛЭ 1981: 585–586; Ханенко 1888: 500–501; Сушкова 1928: 89; Сигал 1941: 343; Мануйлов 1948: 82–87; Bowra 1955: 178–179; Вацуро 1965: 184–192; Яшина 2012: 57–58.

64. Кавказ («Хотя я судьбой на заре моих дней...»).

Автограф: РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 1. № 5. Л. 13 об. — беловой с поправками, в тетради 5.
Копия: РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 1. № 21. Л. 12 — в тетради 20.
Печатается по копии в тетради 20 как позднейшему авторизованному источнику.
Датируется весной 1830 г. по положению автографа в тетради 5 — после поэмы «Джюлио» (Л. 1–13), вступление к которой датировано Лермонтовым «(1830 года) (великим постом и после)».
Впервые: БдЧ. 1845. Т. 68. № 1. Отд. 1. С. 11 (в числе текстов под общим заголовком «Одиннадцать стихотворений, приписываемых Лермонтову», с неточностью в ст. 7).

Ст. 6–8. *В младенческих летах я мать потерял. / Но мнилось, что в розовый вечера час / Та степь повторяла мне памятный глас.* — С этими строками соотносится

автобиографическая запись, сделанная Лермонтовым в 1830 г.: «Когда я был трех лет, то была песня, от которой я плакал... Ее певала мне покойная мать» (Т. 4. № 530).

Ст. 12–14. *Пять лет пронеслось... / Там видел я пару божественных глаз; / И сердце лепечет, воспомня тот взор...* — Лето 1825 г. Лермонтов провел на Северном Кавказе. Одно из наиболее сильных впечатлений этого времени — знакомство с девятилетней девочкой, дочерью «одной дамы»: «Белокурые волосы, голубые глаза, быстрые, непринужденность... я никогда так не любил, как в тот раз. Горы кавказские для меня священны...» («Записка 1830 г., 8 июля. Ночь»; Т. 4. № 529).

Лит.: ЛЭ 1981: 212–213; Гуревич 1964: 158–159; Удодов 1973: 53; Глассе 1979: 92–93.

65. Весна («Когда весной разбитый лед...»).

Автограф неизвестен.
Копии: 1) РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 1. № 21. Л. 3 об. — в тетради 20; 2) РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 2. № 41. Л. 7 об. — в тетради из собрания А. А. Краевского, без заглавия, под текстом подпись «М. Лермонтов», имитирующая почерк поэта.
Печатается по первой публикации.
Датируется не позднее 10 мая 1830 г. на основании даты цензурного разрешения 4-й части «Атенея».
Впервые: Атеней. 1830. Ч. 4. № 19–21. С. 113 (подпись: «L»); см. также: ОЗ. 1843. Т. 31. № 12. Отд. 1. С. 342; БдЧ. 1844. Т. 64. № 6. Отд. 1. С. 130–131 (в подборке стихотворений «Из альбома Е. А. Сушковой»).

Это первое попавшее в печать произведение Лермонтова. По утверждению Е. А. Сушковой, стихотворение было написано для нее осенью 1830 г. в Москве и прислано с надписью «Ей, верно» (Сушкова 1928: 96), однако к этому времени стихи уже давно были опубликованы. (О Сушковой и стихах, ей посвященных, см. примеч. к № 105).

Публикация 1830 г. долгое время оставалась незамеченной: впервые указана в анонимной периферийной публикации 1940 г., сообщившей о находке сотрудника музея-домика Лермонтова С. И. Недумова (Редкая библиографическая находка // Курортная газета. Сочи, 1940. № 139. 18 июня. С. 4; см. также: Неизвестное стихотворение Лермонтова [«Весна»] // Огонек. 1945. С. 4; Лермонтов 1954–1957: I, 397). Ранее стихотворение печаталось по копии в тетради 20.

Лит.: ЛЭ 1981: 84; Сквозников 1975: 345–346; Воскресенский 1989: 49.

66. К *** («Не говори: одним высоким...»).

Автограф: РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 1. № 6. Л. 1 — беловой, в тетради 6 «Разные стихотворения (1830 год)».
Печатается по автографу.
Датируется предположительно летом 1830 г. на основании авторской пометы на тетради 6 и примечаний к отдельным текстам, в ней содержащимся (подробнее см. в Преамбуле, п. 2.2.3).
Впервые: Лермонтов 1887: II, 83–84 (с разночтениями в ст. 11, 13).

Стихотворение входит в «наполеоновский цикл» стихотворений Лермонтова (см. примеч. к № 38).

Ст. 5–8. *Поверь: великое земное / Различно с мыслями людей. / Сверши с успехом дело злое — / Велик; не удалось — злодей...* — Ср. в «Испанцах»: «я должен достигать / Предположенной цели. Я достиг — / И умный человек. Не удалось — глупец!» (Т. 3. С. 82–83). Этот тезис восходит, вероятно, к часто цитируемым максимам Сенеки и Ювенала: «Prosperum et felix scelus virtus vocatur» (Sen. Herc. fur., 251; *пер.:* «Выгодное и удачное преступление зовут добродетелью»); «Honesta quaedam scelera successus facit» (Sen. Hippol.; *пер.:* «Успех и порочные деяния делает почетными»); «Ille crucem sceleris pretium tulit, hic diadema» (Juv. XIII, 105; *пер.:* «Иному за преступление — распятие, этому — диадема»). См.: Михельсон 1903: II, 408.

Лит.: ЛЭ 1981: 206; Лермонтов 1935–1937: I, 438–439.

67. Опасение («Страшись любви: она пройдет...»).

Автограф: РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 1. № 6. Л. 1 об.–2 — беловой с поправками, в тетради 6 «Разные стихотворения (1830 год)».
Печатается по автографу.
Датируется предположительно летом 1830 г. на основании авторской пометы на тетради 6 и примечаний к отдельным текстам, в ней содержащимся (подробнее см. в Преамбуле, п. 2.2.3).
Впервые: Лермонтов 1889–1891: I, 76–77.

Ст. 5–8: *Краса, любимая тобой, / Тебе отдаст, положим, руку... / Года мелькнут... летун седой / Укажет вечную разлуку...* — Ср.: «Взгляните: свежестью младой / И в осень лет она пленяет, / И у нее летун седой / Ланитных роз не похищает...» («Женщине пожилой, но все еще прекрасной», 1819; в данной ред. переиздано в кн.: Стихотворения Евгения Боратынского. М., 1827. С. 93). И Боратынский и Лермонтов разрабатывают разные вариации распространенного в искусстве и литературе аллегорического сюжета «Время похищает красоту», в котором Хронос (Сатурн), нередко изображается в виде крылатого старика, лысого или седого (подробнее см.: Боратынский 2000–2012: I, 73–74, 303–305).

Лит.: ЛЭ 1981: 355; Пейсахович 1964: 433; Федоров 1967: 87–88.

68. Стансы («Люблю, когда, борясь с душою...»).

Автограф: РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 1. № 6. Л. 2 — беловой, в тетради 6 «Разные стихотворения (1830 год)».
Печатается по автографу.
Датируется предположительно летом 1830 г. на основании авторской пометы на тетради 6 и примечаний к отдельным текстам, в ней содержащимся.
Впервые: Лермонтов 1889–1891: I, 77.

По мнению В. Э. Вацуро, в стихотворении наблюдается влияние поэтической «школы Раича» и, в частности, усматриваются близкие параллели со стихами Тютчева «Слезы (1823) и С. И. Стромилова «Романс» (1829):

Люблю, когда лицо прекрасной
Зефир лобзаньем пламенит,
То кудрей шелк взвевает сладострастный,
То в ямочки впивается ланит!

Но что все прелести Пафосския царицы,
И гроздий сок, и запах роз,
Перед тобой, святый источник слез,
Роса божественной денницы!
(Сев. лира на 1827 год. М., 1984. С. 100)

Люблю тебя, краса-девица,
Когда ты мой досуг живишь!
Люблю тебя, души царица,
Люблю тебя, когда грустишь!

Люблю, когда твои ланиты
Осеребряются слезой:
Так в ночь цветы всегда покрыты
Блестящей, влажною росой!
(Стромилов 1830: 31)

Все три стихотворения восходят, видимо, к зачину эпиграммы Павла Силенциария (Anth. Pal. V, 250) в переводе К. Н. Батюшкова (опубл.: 1820; Батюшков 1977: 346):

В Лаисе нравится улыбка на устах,
Ее пленительны для сердца разговоры.
Но мне милей ее потупленные взоры
И слезы горести внезапной на очах.

Этот мотив был также разработан у Петрарки и ряда других поэтов (подробнее см.: Вацуро 2008: 237–240).

Лит.: ЛЭ 1981: 526; Пейсахович 1964: 432.

69. Н. Ф. И<вано>вой («Любил с начала жизни я...»).

Автограф: РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 1. № 6. Л. 2 об.–3 — беловой с поправками, в тетради 6 «Разные стихотворения (1830 год)».

Печатается по автографу.

Датируется предположительно летом 1830 г. на основании авторской пометы на тетради 6 и примечаний к отдельным текстам, в ней содержащимся (подробнее см. в Преамбуле, п. 2.2.3).

Впервые: ОЗ. 1859. Т. 127. № 11. Отд. 1. С. 250 (с искаженным заглавием: «М. Ф. М...вой»).

Первое стихотворение, обращенное к Наталье Федоровне Ивановой (1813–1875), дочери драматурга Ф. Ф. Иванова (1777–1816). Это юношеское увлечение Лермонтова, судя по всему, продолжалось до лета 1831 г. Стихотворения «ивановского цикла» (всего около тридцати стихотворений, см. № 140, 146, 168, 173 и др.) можно рассматривать как своего рода лирический дневник, однако соотношение поэтических событий с реальными остается непроясненным. См. также драму «Странный человек», — Т. 3. С. 182–236, 552). В 1835 г. Н. Ф. Иванова вышла замуж за Н. М. Обрескова (Обрезкова, 1800/1802–1866), состоятельного помещика, во время службы в Арзамасском конно-егерском полку (1826) замешанного в краже драгоценностей у воронежской губернаторши, за это разжалованного и лишенного дворянства (прощен в 1833 г., потомственное дворянство возвращено в 1846-м). Портреты Н. Ф. Ивановой-Обресковой сер. 1830-х гг. работы В. Ф. Бинеманна и А. И. Гинца см.: Каталог 2014: 204–205.

Лит.: ЛЭ 1981: 180–181, 345; Дурылин 1941b: 165–166; Андроников 1967: 119; Кирпотин 1970: 229–231; Гинзбург 1974: 154; Серяев 1976: 107–114; Алексеев 2013: 584–589.

70. Ночь. I («Я зрел во сне, что будто умер я...»).

Автограф: РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 1. № 6. Л. 3 об.–5 — беловой с правкой, в тетради 6 «Разные стихотворения (1830 год)».
Печатается по автографу.
Датируется предположительно летом 1830 г. на основании авторской пометы на тетради 6 и примечаний к отдельным текстам, в ней содержащимся (подробнее см. в Преамбуле, п. 2.2.3).
Впервые: Лермонтов 1889–1891: I, 361–362 (ст. 1–47, 80–87; в примечании к тексту стихотворения «Смерть»).

Стихотворение текстуально близко ранней редакции стихотворения «Смерть» (№ 165) и вместе с ним и стихотворением «Ночь. II» (№ 72) входит в своего рода «байроновский метафизический цикл». Знакомство Лермонтова с поэзией Дж. Г. Байрона относится к лету 1830 г.; в это время он, по словам Е. А. Сушковой, был «неразлучен с огромным Байроном» (Сушкова 1928: 88). Свидетельство Сушковой подтверждается выполненным в это время прозаическим переводом стихотворения «Darkness» (1816) под заголовком «Мрак. Тьма» (см.: Т. 4. № 522), а также заметкой: «Memor: перевесть в прозе: „The Dream, of Lord Byron“» (1816). Влияние именно этих пьес Байрона наиболее ощутимо в стихотворениях «ночного» цикла («Ночь. I» и «Ночь. II», № 72, менее заметно в «Ночь. III», № 95). Кроме того, здесь усматриваются параллели из стихотворений «Мне призрак явился» («A Spirit passed before me», 1815) и «Стихи, начертанные на чаше из черепа» («Lines Inscribed upon a Cup Formed from a Scull», 1808) — см.: Воробьев 2009: 27–28.

Лит.: ЛЭ 1981: 345; Дюшен 1914: 67; Бем 1924: 275; Сушкова 1928: 88; Нольман 1941: 476; Федоров 1941: 183–186; Лермонтов 1954–1957: II, 241–242; VI, 375; Любович 1960: 82–90; Максимов 1964: 39–41; Пейсахович 1964: 423; Федоров 1967: 323–327; Коровин 1973: 26; Козьмина 1985: 24–40; Семенова 2004a: 55; Пеньковский 2005: 82, 87, 93, 95; Тихомирова 2010: 16–17.

71. Разлука («Я виноват перед тобою...»).

Автограф: РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 1. № 6. Л. 5 об. — беловой, в тетради 6 «Разные стихотворения (1830 год)»; текст зачеркнут; сбоку вписана, а позже зачеркнута цифра «16».

Печатается по автографу.

Датируется предположительно летом 1830 г. на основании авторской пометы на тетради 6 и примечаний к отдельным текстам, в ней содержащимся (подробнее см. в Преамбуле, п. 2.2.3).

Впервые: Лермонтов 1889–1891: I, 82–83.

Возможно, стихотворение посвящено М. И. Сабурову, однокашнику Лермонтова по Университетскому пансиону (см. примеч. к № 5).

Ст. 3. *Слезами горькими, тоскою...* — Строка, в слегка измененном виде, повторена в стихотворении «Нищий» (№ 119).

Лит.: ЛЭ 1981: 461; Пейсахович 1964: 432; Гиршман 1999: 110–117.

72. Ночь. II («Погаснул день! — и тьма ночная своды...»).

Автограф: РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 1. № 6. Л. 6–7 — беловой с правкой, в тетради 6 «Разные стихотворения (1830 год)», под заглавием «Ночь. II».

Копия: РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 1. № 21. Л. 7 об.–8 об. — авторизованная, в тетради 20, под заглавием «Ночь».

Печатается по авторизованной копии в тетради 20 как позднейшему авторитетному источнику, с исправлением в ст. 36, 42 и уточнением заглавия по автографу.

Датируется предположительно летом 1830 г. на основании авторской пометы на тетради 6 и примечаний к отдельным текстам, в ней содержащимся (подробнее см. в Преамбуле, п. 2.2.3).

Впервые: ОЗ. 1859. Т. 127. № 11. Отд. 1. С. 251–252 (без заглавия).

Составляет единый цикл со стихотворением «Ночь. I» (подробнее см. в примеч. к № 70).

Лит.: ЛЭ 1981: 345; Сушкова 1928: 88; Нольман 1941: 476; Федоров 1941: 183–186; Любович 1960: 82–90; Максимов 1964: 39–41; Пейсахович 1964: 423; Федоров 1967: 323–327; Коровин 1973: 26; Козьмина 1985: 24–40; Буранок 1990: 111; Семенова 2004а: 55; Тихомирова 2010: 16–17; Воробьев 2009: 27–29.

73. Had we never loved so kindly.

Автографы: 1) РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 1. № 6. Л. 7 об. — беловой, в тетради 6 «Разные стихотворения (1830 год)»; текст зачеркнут; между текстом и заглавием поставлена цифра 1, ст. 3–4 читаются: «Не встречали, не кидали: / Никогда б мы не страдали»; 2) РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 1. № 4. Л. 22 об. — беловой, в тетради 4.

Копия: РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 2. № 33. Л. 35 об. — в тетради копий юношеских стихотворений, с автографа ИРЛИ в тетради 4.

Печатается по автографу в тетради 4, отражающему более поздний этап работы над текстом.

Датируется предположительно летом 1830 г. на основании авторской пометы на тетради 6 и примечаний к отдельным текстам, в ней содержащимся (подробнее см. в Преамбуле, п. 2.2.3). Доработка текста в тетради 4, очевидно, была произведена в начале 1832 г. (обоснование датировки текстов в тетради 4 см. в Преамбуле, п. 2.2.4).
Впервые: ОЗ. 1859. Т. 127. № 7. Отд. 1. С. 62.

Вольный перевод четырех строк из стихотворения Роберта Бернса «Поцелуй — и до могилы мы расстанемся...» («Ae fond kiss, and we never..», 1791); в некоторых изданиях называется «Прощальная песнь Кларинде» («Parting song to Clarinda»):

Had we never lov'd sae kindly,
Had we never lov'd sae blindly,
Never met — or never parted,
We had ne'er been broken-hearted.

Байрон использовал это четверостишие в качестве эпиграфа к своей поэме «Абидосская невеста» («The bride of Abydos», 1813), где с ним, видимо, и познакомился Лермонтов (Byron 1828: 146). В первой строке «kindly» (англ. «нежно») Лермонтов перевел как «дети» (от немецкого «kind» — ребенок).

Лит.: ЛЭ 1981: 605; Бахтин 1908: 149–150; Чуковский 1919: 21; Федоров 1967: 257–258; Левин 1990: 236; Жаткин 2008: 280–284.

74. «В старинны годы жили-были...».

Автограф: РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 1. № 6. Л. 7 об. — беловой с поправкой в ст. 4, в тетради 6 «Разные стихотворения (1830 год)».
Печатается по автографу.
Датируется предположительно летом 1830 г. на основании авторской пометы на тетради 6 и примечаний к отдельным текстам, в ней содержащимся (подробнее см. в Преамбуле, п. 2.2.3).
Впервые: Лермонтов 1889–1891: I, 85.

По предположению Б. М. Эйхенбаума, — незавершенный отрывок, вероятно, переводной баллады о рыцарях-крестоносцах (Лермонтов 1935–1937: I, 441), источник которой остается неустановленным.

Лит.: ЛЭ 1981: 76; Азадовский 1941: 249; Гаркави 1959: 277; Ермоленко 1988: 31–44.

75. Незабудка (Сказка) («В старинны годы люди были...»).

Автограф: РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 1. № 6. Л. 7 об.–9 — беловой с правкой, в тетради 6 «Разные стихотворения (1830 год)». Концовка, зачеркнутая в автографе:

Вы, верно, спросите: девица
Жила, грустила мало дней?

Конечно, ранняя могила
Горючи слезы осушила? —
Нет — беспристрастно посмотрев
На нынешних прелестных дев,
Вы это отгадайте сами:
Они (весь мир тому судья)
В своем характере, друзья,
Не изменяются веками!..

Копия: РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 2. № 41. Л. 2–3 — в тетради из собрания А. А. Краевского, с разночтением в ст. 58: «Затем, что в небе нет забвенья!»; отсутствуют заключительные ст. 59–62; имеется подпись «М. Лермонтов», имитирующая почерк поэта.
Печатается по автографу.
Датируется предположительно летом 1830 г. на основании авторской пометы на тетради 6 и примечаний к отдельным текстам, в ней содержащимся (подробнее см. в Преамбуле, п. 2.2.3).
Впервые: ОЗ. 1843. Т. 31. № 12. Отд. 1. С. 195–196.

Переложение одноименного «романса» немецкого поэта Августа фон Платена (Graf von Platen, 1796–1835) «Vergißmeinnicht» («Es ging ein liebend Paar am See...», 1813; Platen 1821: 110–112; отмечено: Семенов 1942: 17–21). Сохранив балладный сюжет, Лермонтов несколько сократил текст и отошел от формальной структуры оригинала: исчезла регулярная строфика (в оригинале — семистрочные строфы), изменился стихотворный размер (в оригинале — чередование четырехстопного и трехстопного ямба). Более раннюю и еще более вольную переделку Б. М. Федорова см.: Незабудка. Баллада // Невский альманах на 1826 год. СПб., 1825. С. 123–132.

Сюжетообразующий мотив — девушка из каприза посылает возлюбленного на смерть — сближает «Незабудку» с двумя подражаниями Шиллеру — «Балладой» (№ 56) и Перчаткой» (№ 57).

Лит.: ЛЭ 1981: 338, 421; Гаркави 1959: 277; Пейсахович 1964: 451.

76. Совет («Если, друг, тебе сгрустнется...»).

Автограф: РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 1. № 6. Л. 9 об.–10 — беловой с правкой, в тетради 6 «Разные стихотворения (1830 год)».
Печатается по автографу.
Датируется предположительно летом 1830 г. на основании авторской пометы на тетради 6 и примечаний к отдельным текстам, в ней содержащимся (подробнее см. в Преамбуле, п. 2.2.3).
Впервые: Лермонтов 1889–1891: I, 87–88.

Метрически и лексически «Совет» близок к «анакреонтической песне» Пушкина «Если жизнь тебя обманет» (1825), которую поет гусар Заруцкий в трагедии Лермонтова «Menschen und Leidenschaften», 1830 (Т. 3. С. 135–136). Сходство особенно заметно в начале текста (ст. 1–2): «Если, друг, тебе сгрустнется, / Ты не

дуйся, не сердись...» — ср. у Пушкина: «Если жизнь тебя обманет, / Не печалься, не сердись...» (Пушкин 1937–1959: II, 415).

Лит.: ЛЭ 1981: 514; Кирпотин 1939: 5–6; Кирпотин 1941: 9–10; Донская 1999: 33–35.

77. Одиночество («Как страшно жизни сей оковы...»).

Автограф: РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 1. № 6. Л. 10–10 об. — беловой с поправками, в тетради 6 «Разные стихотворения (1830 год)».
Печатается по автографу.
Датируется предположительно летом 1830 г. на основании авторской пометы на тетради 6 и примечаний к отдельным текстам, в ней содержащимся (подробнее см. в Преамбуле, п. 2.2.3).
Впервые: Нива. 1884. № 12. С. 270.

Ст. 5. *Один я здесь, как царь воздушной.* — Ср. у В. Н. Щастного: «Кто одинок, как царь воздушный...» («Кто приподнял нескромною рукой...» // СЦ на 1829 год. СПб., 1828. С. 130). *Царь воздушной* здесь — солнце (ср. например, у Державина: «Подобно, утра царь воздушный, / Выходит солнце в подвиг свой» («На новый 1797 год» — Державин 1865–1883: II, 18).

Ст. 13–16. *Никто о том не покрушится, / И будут (я уверен в том) / О смерти больше веселиться, / Чем о рождении моем...* — Ср. в финальном монологе Юрия Волина: «О! я умру, об смерти моей, верно, больше будут радоваться, нежели о рожденьи моем» («Menschen und Leidenschaften», 1830. — Т. 3. С. 178; отмечено: Эйхенбаум 1961: 334).

Лит.: ЛЭ 1981: 351; Висковатов 1884: 270; Кирпотин 1941: 9; Колотаев 1996: 74–81.

78. В альбом («Нет! — я не требую вниманья...»).

Автографы: 1) РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 1. № 6. Л. 10 об. — беловой с правкой, в тетради 6 «Разные стихотворения (1830 год)»; первая редакция стихотворения под заглавием «В Альбом», текст зачеркнут; 2) РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 1. № 6. Л. 11 об. — беловой с правкой, в тетради 6, текст второй редакции, также зачеркнут.

Печатается по автографу на Л. 11 об. (вторая редакция).

Датируется предположительно летом 1830 г. на основании авторской пометы на тетради 6 и примечаний к отдельным текстам, в ней содержащимся (подробнее см. в Преамбуле, п. 2.2.3).

Впервые: БдЧ. 1844. Т. 64. № 5. Отд. 1. С. 6–7 (в подборке стихотворений «Из альбома Е. А. Сушковой», с подзаголовком «Подражание Байрону», датой: «1830» и разночтениями в ст. 3–4, 14).

Вторая строфа альбомного «экспромта» Лермонтова представляет собой вольный перевод стихотворения Дж. Г. Байрона «Строки, написанные в альбом на Мальте» («Lines written in an Album, at Malta», 1809; Byron 1828: 519):

1.
As o’er the cold sepulchral stone
Some name arrests the passer-by;
Thus, when thou view’st this page alone,
May mine attract thy pensive eye!

2.
And when by thee that name is read,
Perchance in some succeeding year,
Reflect on me as on the dead,
And think my heart is buried here.

Текст первой, краткой редакции сохранил членение оригинала, хотя первый катрен к байроновским стихам отношения не имел:

1.
Прими, хотя и без вниманья,
Моей души печальный бред;
Чудак безумный, в цвете лет,
Я вяну жертвою страданья.

2.
Пусть эти строки над собой
На миг удержат взор твой милый,
Как близ дороги столбовой
Пришельца памятник могилы.

В лермонтовском кругу эти байроновские стихи пользовалась определенной популярностью: в так называемом «середниковском альбоме» А. М. Верещагиной (1830) были вписаны переложения И. И. Козлова (1822) и А. Бистрома (1825). Е. А. Сушкова, вписавшая текст Козлова, сообщает, что Лермонтов, в свою очередь, записал свое стихотворение в ее альбом, подаренный Верещагиной (Сушкова 1928: 135). Возможно, интерес Лермонтова к байроновской пьесе был поддержан не только альбомным соперничеством, но и публикацией пушкинского подражания: «Что в имени тебе моем?» (ЛГ. 1830. № 10. 6 апр.). В 1836 г. Лермонтов вновь переводит это стихотворение, с бóльшим приближением к оригиналу (см. № 329 и примеч. к нему).

Лит.: ЛЭ 1981: 75; Глассе 1979: 89–91.

79. Гроза («Ревет гроза, дымятся тучи...»).

Автограф: РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 1. № 6. Л. 12 — беловой с правкой, в тетради 6 «Разные стихотворения (1830 год)».
Копия: РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 1. № 21. Л. 8 об.–9 — в тетради 20.

Печатается по копии в тетради 20 как более позднему авторизованному источнику.
Датируется предположительно летом 1830 г. на основании авторской пометы на тетради 6 и примечаний к отдельным текстам, в ней содержащимся (подробнее см. в Преамбуле, п. 2.2.3).
Впервые: СВ. 1889. № 2. С. 129–130.

Распространенный топос «одинокий герой на скале во время бури» восходит, видимо, к оссианической традиции, ср., например, у Н. И. Гнедича в «Красотах Оссиана» (1804):

Громы с громами встречалися,
Потрясали горы дикие.
Пламя вкруг меня, лиющееся,
Освещало ужас ночи сей...
Из-за туч проглянул месяц вдруг...
На утесе, вкруг которого
Клокотала пена белая...

Данный топос часто используется в романтической иконографии Наполеона: см., например: «Один во тьме ночной над дикою скалою / Сидел Наполеон» (А. С. Пушкин. «Наполеон на Эльбе», 1815); и у самого Лермонтова: «Когда гроза бунтует и шумит, / И блещет молния, и гром гремит, / Мгновенный луч нередко озарял / Печальну тень, стоящую меж скал» (№ 84). В более широком применении, ср. у Пушкина: «Предтеча бури, гром гремел. / Как часто пленник над аулом / Недвижим на горе сидел! / У ног его дымились тучи, / В степи взвивался прах летучий» («Кавказский пленник», 1822; Пушкин 1937–1959: IV, 98–99); и позднее у самого Лермонтова: «Я здесь стою близ моря на скале, / Стою, задумчивость питая, / Один, покинув свет, и чуждый для людей, / И никому тоски поверить не желая» («Элегия», № 97); «И ударила буря и дождь проливной, / <...> Так точно и я под ударом судьбы, / Как утес, неподвижен стою» («Стансы», № 166). Ряд примеров см. также: Виноградов 1941: 56–61.

Лит.: ЛЭ 1981: 121; Удодов 1973: 176–177.

80. «Гроза шумит в морях с конца в конец...».

Автограф: РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 1. № 6. Л. 12 об. — беловой с поправкой в ст. 2, в тетради 6 «Разные стихотворения (1830 год)».
Печатается по автографу.
Датируется предположительно летом 1830 г. на основании авторской пометы на тетради 6 и примечаний к отдельным текстам, в ней содержащимся (подробнее см. в Преамбуле, п. 2.2.3).
Впервые: Лермонтов 1889–1891: I, 90 (как продолжение стихотворения «Гроза»).

Стихотворение, видимо, не окончено. По мнению А. В. Федорова, пятистопный ямб со сплошными мужскими клаузулами указывает здесь на влияние английской поэтической традиции, прежде всего, Байрона (Федоров 1941: 189). Тематически близко к № 79.

Лит.: ЛЭ 1981: 121; Удодов 1973: 176–177; Лейтон 2004: 51.

81. Звезда («Светись, светись, далекая звезда...»).

Автограф: РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 1. № 6. Л. 13 — беловой с поправками, в тетради 6 «Разные стихотворения (1830 год)».

Печатается по автографу ИРЛИ.

Датируется предположительно летом 1830 г. на основании авторской пометы на тетради 6 и примечаний к отдельным текстам, в ней содержащимся (подробнее см. в Преамбуле, п. 2.2.3).

Впервые: Лермонтов 1889–1891: I, 91.

Одна из вариаций Лермонтова на тему «далекой звезды», восходящих к стихотворению Байрона «Солнце неспящих» («Sun of the Sleepless», 1815) из цикла «Еврейские мелодии» («Hebrew Melodies»; Byron 1828: 511–512). См. также стихотворение «Еврейская мелодия» (№ 82).

Лит.: ЛЭ 1981: 175; Пейсахович 1964: 423; Аринштейн 1985: 32–34.

82. Еврейская мелодия («Я видал иногда, как ночная звезда...»).

Автографы: 1) РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 1. № 6. Л. 13 об. — беловой с поправками, в тетради 6 «Разные стихотворения (1830 год)»; под заглавием «Звезда», ст. 1 читается: «Видали ль когда, как ночная звезда», ст. 3 — «Как трепещет в струях как серебряный прах»; 2) РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 1. № 39. Л. 1 — беловой с поправкой в ст. 1; на отдельном листе, из собрания Н. И. Шенига.

Копии: 1) РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 1. № 21. Л. 9 — в тетради 20, под заглавием «Звезда»; текст соответствует автографу (1); 2). РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 2. № 32. Л. 20–20 об. — в тетради В. Шульца, с посмертной публикации.

Печатается по беловому автографу из собрания Шенига.

Датируется предположительно летом 1830 г. на основании авторской пометы на тетради 6 и примечаний к отдельным текстам, в ней содержащимся (подробнее см. в Преамбуле, п. 2.2.3).

Впервые: БдЧ. 1844. Т. 64. № 5. Отд. 1. С. 8 (в подборке стихотворений «Из альбома Е. А. Сушковой», с датой: «1830»).

Заимствуя жанровое название байроновского цикла («Hebrew Melodies», 1815) и мотив далекого света «печальной звезды» из стихотворения «Солнце неспящих» («Sun of the Sleepless», 1815), Лермонтов, однако, разрабатывает образную систему своей пьесы совершенно самостоятельно (в отличие от стихотворения «Звезда» — № 81, более зависимого от байроновского прототипа). Сложная метрическая схема стихотворения не коррелирует с прототипом и для рус. поэзии начала XIX в. уникальна: на регулярное чередование четырех- и трехстопных строк накладывается иррегулярное чередование амфибрахия и анапеста; четырехстопные строки снабжены внутренними рифмами.

Лит.: ЛЭ 1981: 156; Сушкова 1928: 152; Розанов 1941: 446–447; Пейсахович 1964: 445; Глассе 1979: 104; Морозов 1981: 277–280; Аринштейн 1985: 32–34; Демиденко 2010: 59–63;

83. Вечер после дождя («Гляжу в окно: уж гаснет небосклон...»).

Автограф: РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 1. № 6. Л. 13 об.–14 — беловой с правкой, в тетради 6 «Разные стихотворения (1830 год)».
Копия: РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 1. № 21. Л. 9–9 об. — в тетради 20.
Печатается по копии в тетради 20, как позднейшему авторизованному источнику с исправлениями по автографу в ст. 6 («рисуются» вместо «рисуют») и 10 («покинувший» вместо «покинул»).
Датируется предположительно летом 1830 г. на основании авторской пометы на тетради 6 и примечаний к отдельным текстам, в ней содержащимся (подробнее см. в Преамбуле, п. 2.2.3).
Впервые: Лермонтов 1889–1891: I, 92.

В этой миниатюре, по мнению В. Э. Вацуро, отразились поэтические установки Батюшкова, который считал «эротические параллели такого рода принадлежностью стиля Петрарки и „восточного стиля“» (Вацуро 2008: 82–83).

Лит.: ЛЭ 1981: 85; Вацуро 2008: 82–83.

84. Наполеон (Дума) («В неверный час, меж днем и темнотой...»).

Автограф: РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 1. № 6. Л. 14 об.–16 — беловой с правкой, в тетради 6 «Разные стихотворения (1830 год)».
Копия: РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 1. № 21. Л. 9 об.–10 — авторизованная, в тетради 20.
Печатается по копии в тетради 20 как позднейшему авторизованному источнику с исправлениями по автографу в ст. 19 («неслися» вместо «несли») и 23 («забыл» вместо «разбил»).
Датируется предположительно летом 1830 г. на основании авторской пометы на тетради 6 и примечаний к отдельным текстам, в ней содержащимся (подробнее см. в Преамбуле, п. 2.2.3).
Впервые: РМ. 1881. № 11. С. 152–154 (с искажением отдельных стихов).

Стихотворение входит в «наполеоновский цикл» стихотворений Лермонтова (см. примеч. к № 38). Несмотря на подзаголовок, отсылающий к рылеевским «Думам», и некоторые черты оссианизма, которые также свойственны лиро-эпическим опытам Рылеева, в жанровом отношении лермонтовское стихотворение остается в рамках лирики — это историческая элегия с сильной медитативной составляющей. Отдельные пассажи «Думы» (прежде всего, экспозиция) перекликаются с «поэтической медитацией» А. де Ламартина «Бонапарт» («Bonaparte», 1823).

Ст. 9–10 и 49–50. *Сей острый взгляд с возвышенным челом (*ст. 49: *Под шляпою, с возвышенным челом) / И две руки, сложенные крестом* — парафраза пушкинских стихов из «Евгения Онегина»: «Под шляпой с пасмурным челом, / С руками сжатыми крестом!» (гл. VII, строфа XIX, ст. 13–14: Пушкин 1937–1959: VI, 147).

Лит.: ЛЭ 1981: 332; Нейман 1914а: 74–75; Dechamps 1929: 285–307; Пумпянский 1941: 409; Эйхенбаум 1961: 318–319; Архипов 1965: 205–220.

85. Эпитафия Наполеона («Да тень твою никто не порицает...»).

Автограф: РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 1. № 6. Л. 16 — беловой с поправками, в тетради 6 «Разные стихотворения (1830 год)»; текст зачеркнут.
Печатается по автографу.
Датируется предположительно летом 1830 г. на основании авторской пометы на тетради 6 и примечаний к отдельным текстам, в ней содержащимся (подробнее см. в Преамбуле, п. 2.2.3).
Впервые: РМ. 1881. № 11. С. 154.

Стихотворение входит в «наполеоновский цикл» стихотворений Лермонтова (см. примеч. к № 38). Идея неподсудности Наполеона людскому суду уже встречалась у Лермонтова — в финале более раннего стихотворения из наполеоновского цикла: «Я выше и похвал, и славы, и людей!..» (№ 38). Идея эта не была оригинальна: ее, в частности, высказывал А. де Ламартин в последней строфе стихотворения «Бонапарт» (1823; Lamartine 1830: 39):

Son cercueil est fermé! Dieu l'a jugé! Silence!
Son crime et ses exploits pèsent dans la balance:
Que des faibles mortels la main n'y touche plus!
Qui peut sonder, Seigneur, ta clémence infinie?
Et vous, fléaux de Dieu! qui sait si le génie
N'est pas une de vos vertus ?..

Ср. в переводе А. И. Полежаева, опубликованном в 1833 г. (Полежаев 1987: 404):

Но гроб его закрыт!.. Он там уже... Молчанье!
Пред Богом на весах добро и злодеянье!..
Он там!.. С лица земли исчез великий муж!..
О Боже, кто постиг пути Твоих велений?
Что значит человек? Увы, быть может, гений
Есть добродетель падших душ!.

Лит.: ЛЭ 1981: 633; Пейсахович 1964: 447.

86. К глупой красавице («Тобой пленяться издали...»).

Автограф: РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 1. № 6. Л. 17 — беловой с правкой, в тетради 6 «Разные стихотворения (1830 год)».
Печатается по автографу.
Датируется предположительно летом 1830 г. на основании авторской пометы на тетради 6 и примечаний к отдельным текстам, в ней содержащимся (подробнее см. в Преамбуле, п. 2.2.3).
Впервые: Лермонтов 1889–1891: I, 95.

В автографе имеется позднейшая помета Лермонтова: «Меня спрашивали, зачем я не говорю с одной девушкой, а только смотрю...» (адресат неизвестен). Од-

нако, скорее всего, повод к написанию стихотворения был чисто литературным. Первая строфа стихотворения носит эпиграмматический характер и ориентирована на французскую легкую поэзию XVIII в.: ср., например, широко растиражированные эпиграммы, на глупых красавиц, коими приятно любоваться, но которых лучше не слушать (по сообщению А. А. Добрицына, широко известны тематически сходные тексты, приписывавшиеся Экушару Лебрену (Le Brune) и аббату Лебо де Шону (Lebeau de Schosne)). Непосредственным же источником сюжета для Лермонтова, возможно, послужила эпиграмма А. Д. Илличевского «Болтливая красавица» (Невский альманах на 1829 год. СПб., 1828. С. 172):

«Прекрасна Лила, нет сомненья,
Но мелет вздор и дребедень,
И слушать Лилу всякий день,
Как у тебя стает терпенья?»
— Не удивляйся! Страсть сильна,
В прелестной все влюбленным мило:
Не слушаю, что мелет Лила,
Гляжу, как говорит она.

Вторая строфа лермонтовского стихотворения, где стандартный сатирический топос первой строфы осложнен метафизическим параллелизмом, видимо, оригинальна.

Лит.: ЛЭ 1981: 208; Пейсахович 1964: 449, 475.

87. Очи. N. N. («Нет смерти здесь; и сердце вторит нет...»).

Автограф: РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 1. № 6. Л. 17 об. — беловой с правкой, в тетради 6 «Разные стихотворения (1830 год)».
Печатается по автографу.
Датируется предположительно летом 1830 г. на основании авторской пометы на тетради 6 и примечаний к отдельным текстам, в ней содержащимся (подробнее см. в Преамбуле, п. 2.2.3).
Впервые: Лермонтов 1889–1891: I, 95.

Стихотворение, возможно, посвящено Е. А. Сушковой (см.: Сушкова 1928: 113); ср. также стихотворения того же года «К Су<шковой>» (№ 105) и «Черны очи» (№ 141), где также звучит тема прекрасных глаз адресата. (О Сушковой и стихах, ей посвященных, см. примеч. к № 105).

Лит.: ЛЭ 1981: 360; Асмус 1941: 98; Пейсахович 1964: 423.

88. Кавказу («Кавказ! далекая страна!..»).

Автограф: РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 1. № 6. Л. 17 об. — беловой с правкой, в тетради 6 «Разные стихотворения (1830 год)».
Печатается по автографу.

Датируется предположительно летом 1830 г. на основании авторской пометы на тетради 6 и примечаний к отдельным текстам, в ней содержащимся (подробнее см. в Преамбуле, п. 2.2.3).
Впервые: Лермонтов 1889–1891: I, 96.

По предположению С. В. Обручева (1965: 28–30), стихотворение было написано как отклик на военные события на Кавказе в феврале — апреле 1830 г.: восстание Кази-муллы (Гали-Мухаммеда) в Чечне и Дагестане, экспедиция И. Ф. Паскевича для усмирения лезгин, населяющих аулы Джара и Закатала. На этом основании предлагалось уточнить датировку и отнести создание текста к весне 1830 г.

Лит.: ЛЭ 1981: 213.

89. Утро на Кавказе («Светает — вьется дикой пеленой...»).
Автограф: РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 1. № 6. Л. 18 — беловой с правкой, в тетради 6 «Разные стихотворения (1830 год)».
Печатается по автографу.
Датируется предположительно летом 1830 г. на основании авторской пометы на тетради 6 и примечаний к отдельным текстам, в ней содержащимся (подробнее см. в Преамбуле, п. 2.2.3).
Впервые: Лермонтов 1889–1891: I, 96.

Развернутое сравнение утренней зари с краской стыдливости на лице молодой девушки, восходящее к античным образцам, повторено Лермонтовым в опыте метрической прозы «Синие горы Кавказа, приветствую вас!..» (1832; см. № 272).

Лит.: ЛЭ 1981: 592; Пейсахович 1964: 423; Жогин, Жогина 1996: 112–117.

90. «Прости, мой друг!.. как призрак, я лечу...».
Автограф: РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 1. № 6. Л. 19–19об. — беловой с правкой, в тетради 6 «Разные стихотворения (1830 год)».
Печатается по автографу.
Датируется по расположению автографа в тетради.
Впервые: Лермонтов 1889–1891: I, 98.

Элегия написана в период увлечения Е А. Сушковой (см. примеч. к № 105), однако, в ее альбоме среди других стихов Лермонтова записано не было.

Лит.: ЛЭ 1981: 450.

91. Челнок («Воет ветр и свистит пред недальной грозой...»).
Автограф: РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 1. № 6. Л. 19 об.–20 — беловой с правкой, в тетради 6 «Разные стихотворения (1830 год)».
Копия: РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 1. № 21. Л. 5 об. — в тетради 20.
Печатается по копии в тетради 20 как позднейшему авторизованному источнику с исправлениями по автографу в ст. 9 («лежал» вместо «летал») и 19 («с смертию» вместо «с смертью»).

Датируется предположительно летом 1830 г. на основании авторской пометы на тетради 6 и примечаний к отдельным текстам, в ней содержащимся (подробнее см. в Преамбуле, п. 2.2.3).
Впервые: Лермонтов 1889–1891: I, 98–99.

Наметки повествовательного сюжета совмещаются в стихотворении с медитативной концовкой; метрика (чередование Амф4м и Амф3м) и строфика (ababcc) отсылают к балладной традиции 1810–1820 гг.

Ст. 4. *...Несется неверный челнок.* — О мотиве челнока в бурном море, в частности, у Лермонтова см.: Лейтон 2004: 50–54.

Лит.: ЛЭ 1981: 612; Дурылин 1934: 27; Розанов 1941: 446–447; Эйхенбаум 1961: 344; Пейсахович 1964: 450, 461.

92. (Отрывок) («На жизнь надеяться страшась...»).

Автограф: РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 1. № 6. Л. 20 об.–22 — беловой с правкой, в тетради 6 «Разные стихотворения (1830 год)»; заглавие заключено в скобки.
Печатается по автографу.
Датируется предположительно летом 1830 г. на основании авторской пометы на тетради 6 и примечаний к отдельным текстам, в ней содержащимся (подробнее см. в Преамбуле, п. 2.2.3).
Впервые: ОЗ. 1859. Т. 127. № 11. Отд. 1. С. 252–253 (последние три строфы); Лермонтов 1889–1891: I, 99–101 (полностью).

Впоследствии мотивы «Отрывка» будут развиты в стихотворении «Дума» (1838, № 368); например, ст. 59: «Мы сгибнем, наш сотрется след...» — ср.: «Над миром мы пройдем без шума и следа...» в «Думе».

Ст. 2. *Живу, как камень меж камней...* — Ср. у Байрона в «Шильонскому узнике», 1816: «Among the stones I stood a stone...» (Эйхенбаум 1924а: 187; Byron 1828: 210); вероятно посредничество перевода В. А. Жуковского (1822): «В оцепенении стоял... / Меж камней хладным камнем я» (Жуковский 1999–2013: IV, 43). С «Шильонским узником» можно связать и стих «Отрывка»: четырехстопный ямб со сплошными мужскими клаузулами (в переводе Жуковского последовательно введена парная рифмовка, которая в оригинале перемежалась другими рифменным конструкциями).

Лит.: ЛЭ 1981: 359; Гинзбург 1940: 64; Эйхенбаум 1961: 334–335; Максимов 1964: 3; Коровин 1973: 13–14, 20–21; Удодов 1973: 59, 86–87; Воробьев 2009: 29–30.

93. «Оставленная пустынь предо мной...».

Автограф: РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 1. № 6. Л. 23–23 об. — беловой с поправками, в тетради 6 «Разные стихотворения (1830 год)».
Печатается по автографу.
Датируется предположительно летом 1830 г. на основании авторской пометы на тетради 6 и примечаний к отдельным текстам, в ней содержащимся (подробнее см. в Преамбуле, п. 2.2.3).

Впервые: ОЗ. 1859. Т. 127. № 11. Отд. 1. С. 253 (первая часть стихотворения; под заглавием «В Воскресенске (жилище Никона)»); РМ. 1882. № 2. С. 179–180 (вторая часть без последней строфы, с разночтениями).

В автографе примечания Лермонтова: «(В Воскресенске. Написано на стенах [п**у**стыни] жилища Никона). 1830 года» и — перед второй частью стихотворения — «(Там же в монастыре)». Стихотворение написано по впечатлениям от посещения Ново-Иерусалимского Воскресенского монастыря, основанного патриархом Никоном недалеко от Москвы (Воскресенск, ныне г. Истра). Гипотетически можно отнести это путешествие к лету 1830 г. (июнь—первая неделя августа), когда Лермонтов с бабушкой жили в Середникове (имение стояло недалеко от дороги на Воскресенск). В жанровом отношении стихотворение восходит к традиции «кладбищенской элегии» (размышления о бренности бытия на кладбище или на руинах; см., например, элегию В. И. Туманского «Монастырь», 1818), однако некоторые детали обнаруживают замысел сюжетного развития: мотив «исповедь монаха» характерен для романтической поэмы («...найдет пришлец / Пергамент пыльный. Он увидит, / Как сердце любит по конец / И бесконечно ненавидит...»); такой сюжетный ход находим, в частности, в лермонтовских поэмах «Исповедь» (1831; Т. 2. № 463) и «Мцыри» (1838–1839; Т. 2. № 476).

Ст. 1. *Оставленная пустынь предо мной...* — имеется в виду каменный скит — «отходная пустынь», построенная в некотором отдалении от монастыря; здесь Никон, сложивший с себя сан патриарха, жил с 1658 по 1664 г.

Ст. 11–14. — *Таков старик, под грузом тяжких лет / Еще хранящий жизни первый цвет; / Хотя он свеж, на нем печать могил / Тех юношей, которых пережил.* — Высказывалось предположение (Ходанен 2011: 135–136), что эти строки могли быть навеяны портретом патриарха Никона, который еще в в 1830-х гг. показывали посетителям монастыря. По словам А. Н. Муравьева, посетившего Новый Иерусалим в то время, патриарх, изображенный на амвоне в окружении учеников, производил впечатление живого: его «огненные черные глаза и через слишком полтора столетия по его смерти <...> как будто еще говорят и проницают душу» (Муравьев 1836: 98).

Ст. 15. *Пред мной готическое зданье...* — в нач. XIX в. *готическими* нередко называли постройки древнерусской и вообще архаичной внеордерной архитектуры (например, готическими считали соборы Владимира, башни московского Кремля и др.).

Ст. 30. *Где лик отшельников звучал...* — Лик — собрание, сонм святых, ангелов, монахов; также употреблялось в значении ‘хор’.

Лит.: ЛЭ 1981: 357; Иванова 1950: 109–110; Иванова 1967: 51–58; Пейсахович 1964: 423, 459; Вацуро 2008: 358.

94. К... («Простите мне, что я решился к вам...»).

Автограф: РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 1. № 6. Л. 24 — беловой с правкой, в тетради 6 «Разные стихотворения (1830 год)».
Печатается по автографу.

Датируется предположительно летом 1830 г. на основании авторской пометы на тетради 6 и примечаний к отдельным текстам, в ней содержащимся (подробнее см. в Преамбуле, п. 2.2.3).
Впервые: Лермонтов 1889–1891: I, 103–104.

Высказывалось предположение, что стихотворение является переделкой письма Онегина к Татьяне (Нейман 1941b: 330–331; 341), однако, эпистолярный модус и подпись «Евгений» — недостаточные аргументы для доказательства сходства: в целом лермонтовская пьеса ни тематически (предсмертная исповедь), ни формально (пятистопный ямб) с пушкинским романом не соотносится.

Лит.: ЛЭ 1981: 207.

95. Ночь. III («Темно. Всё спит. Лишь только жук ночной...»).

Автограф: РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 1. № 6. Л. 24 об. — беловой с правкой, в тетради 6 «Разные стихотворения (1830 год)».
Печатается по автографу.
Датируется предположительно летом 1830 г. на основании авторской пометы на тетради 6 и примечаний к отдельным текстам, в ней содержащимся (подробнее см. в Преамбуле, п. 2.2.3).
Впервые: Лермонтов 1889–1891: I, 104.

В автографе позднейшая помета Лермонтова: «(Сидя в Середникове у окна)». Стихотворение входит в «ночной» цикл, написанный под влиянием Байрона (см. примеч. к стих. «Ночь. I», № 70), однако «Ночь. III» связана с Байроном в меньшей степени, чем два других стихотворения цикла.

Ст. 1–2. *Темно. Всё спит. Лишь только жук ночной / Жужжа в долине пролетит порой.* — Описание вечернего пейзажа, возможно, соотносится с XV строфой 7-й главы «Евгения Онегина»: «Был вечер. Небо меркло. Воды / Струились тихо. Жук жужжал» (Пушкин 1937–1959: VI, 122).

Лит.: ЛЭ 1981: 345; Сушкова 1928: 88; Нольман 1941: 476; Федоров 1941: 182–188; Иванова 1959: 30; Любович 1960: 82–90; Максимов 1964: 39–41; Пейсахович 1964: 423; Коровин 1973: 26; Тихомирова 2010: 16–17.

96. Farewell (Из Байрона) («Прости! коль могут к небесам...»).

Автограф: РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 1. № 6. Л. 25 — беловой с правкой, в тетради 6 «Разные стихотворения (1830 год)», под заглавием «(Прости) из Байрона»; ранняя редакция. Ст. 9–16 читаются:

Уста молчат, засох мой взор,
Но подавили грудь и ум
Непроходимых мук собор,
С толпой неусыпимых дум.
О страсти не жалею вновь;
Лишь знаю я — и мог снести,
Что тщетно в нас жила любовь, —
Лишь чувствую — прости! — прости!

Копия: РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 1. № 21. Л. 12 об. — в тетради 20, под заглавием «Farewell (Из Байрона)».
Печатается по копии в тетради 20 как самому позднему из авторизованных источников.
Датируется предположительно летом 1830 г. на основании авторской пометы на тетради 6 и примечаний к отдельным текстам конвоя. Поздняя редакция, зафиксированная текстом в тетради 20, предположительно датируется 1830–1832 гг. (о датировке текстов в тетради 20 см. в Преамбуле, п. 2.2.5).
Впервые: ОЗ. 1859. Т. 127. № 11. Отд. 1. С. 253–254.

Перевод стихотворения Байрона «Farewell! If ever fondest prayer» (1808; Byron 1828: 533). Стихи Лермонтова высоко ценил Достоевский: «Это не перевод, как у тех, — у Гербеля и прочих, — это Байрон живым, как он есть, Гордый, ни для кого не проницаемый, гений... Даже у Лермонтова глубже, по-моему, вышло...» (Достоевский 1972–1990: XXVI, 422).

Лит.: ЛЭ 1981: 594–595; Федоров 1941: 148, 150; Глассе 1979: 90; Кашкин 1987: 331–332; Королева 2003: 166–170.

97. Элегия («Дробись, дробись, волна ночная...»).
Автограф: РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 1. № 6. Л. 25 об.–26 — беловой с правкой, в тетради 6 «Разные стихотворения (1830 год)».
Копия: РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 1. № 21. Л. 6 — авторизованная (?), в тетради 20.
Печатается по копии в тетради 20 как позднейшему из авторизованных источников.
Датируется предположительно летом 1830 г. на основании авторской пометы на тетради 6 и примечаний к отдельным текстам, в ней содержащимся (подробнее см. в Преамбуле, п. 2.2.3).
Впервые: БдЧ. 1845. Т. 68. № 1. Отд. 1. С. 10 (в числе текстов под общим заголовком «Одиннадцать стихотворений, приписываемых Лермонтову»).

Отдельные мотивы и формальные жанровые приметы сближают стихотворение с элегией Пушкина «Погасло дневное светило» (1820).

Ст. 1–2. *Дробись, дробись, волна ночная, / И пеной орошай брега в туманной мгле.* — Возможно, реминисценция из стихотворения К. Н. Батюшкова «Пленный» (1814): «Шуми, шуми волнами, Рона, / И жатвы орошай...» (Батюшков 1977: 244).

Ст. 32. *Для добровольного изгнанья*! — Возможно, отсылка к поэме Пушкина «Цыганы» (1824): «С тобой делить любовь, досуг / И добровольное изгнанье!» (Пушкин 1937–1959: IV, 186); эта реминисценция проявляет концептуальный пласт «Элегии», где романтические оппозиции, разработанные в пушкинской поэме, получают дальнейшее развитие: «добровольное изгнанье» отторгает лермонтовского героя не только от «неволи шумных городов», но и от «беспечной семьи рыбарей».

Лит.: ЛЭ 1981: 630; Нейман 1914a: 77; Нейман 1917b: 49; Кирпотин 1941: 12; Максимов 1964: 134: Пейсахович 1964: 451; Удодов 1973: 302; Варзаева 2004: 29–31; Вацуро 2008: 200–201, 248.

98. Эпитафия («Простосердечный сын свободы...»).

Автограф: РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 1. № 6. Л. 26 об. — беловой с поправкой в ст. 7, в тетради 6 «Разные стихотворения (1830 год)»; над текстом помета «1».
Копия: РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 1. № 21. Л. 6–6 об. — в тетради 20.
Печатается по копии в тетради 20 как позднейшему авторизованному источнику.
Датируется предположительно летом 1830 г. на основании авторской пометы на тетради 6 и примечаний к отдельным текстам, в ней содержащимся (подробнее см. в Преамбуле, п. 2.2.3).
Впервые: ОЗ. 1859. Т. 127. № 11. Отд. 1. С. 254.

Высказывалось предположение (Найдич 1948: 366–367), что «Эпитафия» посвящена поэту и критику Д. В. Веневитинову (1805–1827), безвременная смерть которого породила в московских литературных кругах (в том числе и в кругу Раича — поэтического наставника Лермонтова в пансионе) романтический культ юноши-гения (см., например: Мазур 2001; 61–62). В «Эпитафии» Лермонтов предпринял попытку создать поэтический образ Веневитинова, используя как материал его творчества, так и черты его реальной и легендарной биографии — предчувствие безвременной кончины, неразделенное чувство к кн. З. А. Волконской (1789–1862), историю с перстнем-талисманом, отразившуюся в стихотворениях «К моему перстню» (1827) и «Завещание» (1827). Вместе с тем черты Веневитинова легко проецируются на лирический портрет самого Лермонтова, отзываясь, в частности, и в автобиографической трагедии «Menschen und Leidenschaften» (1830; Т. 3. № 485), и в драме «Странный человек» (1831; Т. 3. № 486). О влиянии Веневитинова на раннее творчество Лермонтова см.: Эйхенбаум 1961: 47–56.

Ст. 2. *Для чувств он жизни не щадил...* — Парафраз строки из стихотворения Веневитинова «Поэт и друг» (1827): «Кто жизни не щадил для чувства» (Веневитинов 1980: 75).

Ст. 11–12. *Он умер. Здесь его могила. / Он не был создан для людей.* — Ср. предсмертные слова Юрия Волина: «Мы с тобой не были созданы для людей» («Menschen und Leidenschaften», действие 5, явление 10 — Т. 3. С. 180).

Лит.: ЛЭ 1981: 632–633; Найдич 1948: 366–367; Нейман 1960: 193–194; Никитина 1960: 76–77; Грибушин 1968: 193; Андроников 1975: 240–241; Найдич 1994а: 16–20.

99. Sentenz («Когда бы мог весь свет узнать...»).

Автограф: РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 1. № 6. Л. 26 об. — беловой, в тетради 6 «Разные стихотворения (1830 год)»; над текстом помета «2».
Печатается по автографу.
Датируется предположительно летом 1830 г. на основании авторской пометы на тетради 6 и примечаний к отдельным текстам, в ней содержащимся (подробнее см. в Преамбуле, п. 2.2.3).
Впервые: ОЗ. 1859. Т. 127. № 11. Отд. 1. С. 254.

Четверостишие, так же как предыдущее стихотворение, по всей видимости, связано с поэтической фигурой Д. В. Веневитинова (см. примеч. к № 98); об этом

свидетельствуют как формальные приметы (пометы «1» и «2» в тетради), так и аллюзии на стихи Веневитинова в тексте. Заглавие «Sentenz» (сентенция, афоризм — *нем.*) приписано сбоку позднее; вначале, вероятно, предполагалось, что стихотворение явится еще одной эпитафией Веневитинову.

Ст. 2–4. *...жизнь с надеждами, мечтами — / Не что иное, как тетрадь / С давно* известными *стихами.* — Этот образ соотносится с концовкой стихотворения Веневитинова «Жизнь» (1826): «...жизнь постыла нам: / Ее загадка и завязка / Уже длинна, стара, скучна, / Как пересказанная сказка / Усталому пред часом сна» (Веневитинов 1980: 42).

Лит.: ЛЭ 1981: 501; Guski 1970: 102–104.

100. Гроб Оссиана («Под занавесою тумана...»).

Автограф: РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 1. № 6. Л. 27 — в тетради 6 «Разные стихотворения (1830 год)»; в автографе позднейшая помета: «(узнав от путешественника описание сей могилы)».
Печатается по автографу.
Датируется предположительно летом 1830 г. на основании авторской пометы на тетради 6 и примечаний к отдельным текстам, в ней содержащимся (подробнее см. в Преамбуле, п. 2.2.3).
Впервые: РС. 1873. № 4. С. 562.

В стихотворении отразилось увлечение Лермонтова Оссианом, легендарным бардом кельтов, жившим, по преданию, в III в. н.э. Приписываемые ему сказания существовали в устной традиции в Шотландии и Ирландии, однако в литературу это имя вошло в результате мистификации шотландского учителя Дж. Макферсона (Macpherson; 1736–1796), который «открыл» Оссиана, опубликовав «Сочинения Оссиана, сына Фингала» («The Works of Ossian, the Son of Fingal», 1765). Особое внимание к Оссиану, в начале 1830-х гг. уже несколько архаичное, сохранилось в литературной среде Московского Университетского благородного пансиона; примечательно, что выпускник пансиона А. М. Мансуров (1800–1825?) был автором одноименного стихотворения, опубликованного в альманахе «Каллиопа» (М., 1817. С. 153–156) и перепечатанного в сборнике лучших пансионских сочинений: «Избр. соч. и переводы в прозе и стихах» (М., 1825. Ч. III. С. 195–198). Черты оссианизма заметны также в стихотворениях «Наполеон» (1829; № 38), «Желание» (1831; № 197) и в ряде других текстов (подробнее см.: Левин 1980: 141).

Интерес Лермонтова к Оссиану и Шотландии, которую он называет «моей» и «родимой», вероятно, объяснялся убеждением поэта в том, что его род восходит к шотландскому барду Томасу Лермонту (см. примеч. к № 197).

Ст. 3–4. *...Стоит могила Оссиана / В горах Шотландии моей.* — Считается, что могила легендарного Оссиана находится в Северной Ирландии (вблизи от местечка Cushendall в графстве Антрим) и представляет из себя группу мегалитов, сохранившихся с каменного века. Однако, есть и другие памятные места, связанные с именем Оссиана. В частности, близ городка Glen Almond в Пертшире (Горная Шотландия) стоит Камень Оссиана (Ossian's Stone), неоднократно описанный в раз-

личных травелогах; в частности, ему было посвящено одно из стихотворений В. Вордсворта из цикла «Memorials of a tour in Scotland» («Воспоминания о путешествии в Шотландию», 1803): «In this still place, remote from men, / Sleeps Ossian, in the Narrow Glen...» (Wordsworth 1827: III, 15; *пер.*: «Здесь, в покое, вдали от людей / Спит Оссиан в Нэрроу Глен»).

Лит.: ЛЭ 1981: 121; Дюшен 1914: 56, 114; Лермонтов 1935–1937: I: 452; Пейсахович 1964: 432.

101. Посвящение («Прими, прими мой грустный труд...»).

Автограф: РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 1. № 6. Л. 27 об. — беловой с правкой, в тетради 6 «Разные стихотворения (1830 год)».
Печатается по автографу.
Датируется предположительно летом 1830 г. на основании авторской пометы на тетради 6 и примечаний к отдельным текстам, в ней содержащимся (подробнее см. в Преамбуле, п. 2.2.3).
Впервые: ОЗ. 1859. Т. 127. № 11. Отд. 1. С. 254–255.

Возможно, что это — посвящение к трагедии «Испанцы», список действующих лиц которой записан на том же листе, что и автограф стихотворения. Но не исключено также, что стихотворение является первоначальным вариантом посвящения к трагедии «Menschen und Leidenschaften» (1830), над которой Лермонтов в это время работал (черновые наброски к ней находятся в той же тетради).

Ст. 1. *Прими, прими мой грустный труд...* — Начало стихотворения соответствует стиху «Я строки грустные писал» из окончательного текста посвящения к «Menschen und Leidenschaften» (Т. 3. С. 132).

Ст. 7–9. *Я думал, думал всё об ней. / Жалел и ждал другие дни! / Уж нет ее, и слез уж нет.* — Здесь отразилось воспоминание поэта о матери, умершей, когда ему было три года. Об этой утрате много говорится и в трагедии «Menschen und Leidenschaften», имеющей автобиографические черты (см.: Т. 3. № 485).

Лит.: ЛЭ 1981: 435; Миллер 1991.

102. Кладбище («Вчера до самой ночи просидел...»).

Автограф: РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 1. № 6. Л. 28 — беловой с правкой, в тетради 6 «Разные стихотворения (1830 год)». В автографе помета: «(На кладбище написано)» и дата: «1830».
Копия: РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 1. № 21. Л. 6 об. — в тетради 20.
Печатается по копии в тетради 20 как позднейшему авторизованному источнику.
Датируется предположительно летом 1830 г. на основании авторской пометы на тетради 6 и примечаний к отдельным текстам, в ней содержащимся (подробнее см. в Преамбуле, п. 2.2.3).
Впервые: Лермонтов 1889–1891: I, 107–108.

Судя по помете в автографе, стихотворение имеет биографическую основу, однако реальные впечатления от посещения кладбища получили поэтическое во-

площение в традиционных сентенциях и образах «кладбищенской» лирики, известной в России благодаря переводам из Э. Юнга (Young, 1683–1765) и Т. Грея (Gray, 1716–1771) и по русским образцам (см.: В. А. Жуковский. «Сельское кладбище», 1802; «Вечер», 1806; «Славянка», 1815). Во второй части стихотворения образы кладбищенской элегии соединены с мотивами медитативной оды. По наблюдению В. Э. Вацуро, «тема заката, пробуждающего меланхолию и религиозное воодушевление, характерна для английской „кладбищенской поэзии“; во Франции она была развита Ж.-Ж. Руссо, Бернарденом де Сен-Пьером, Шатобрианом, и к нач. XIX в. стала своеобразным клише» (Французская элегия 1989: 661). В качестве типологических параллелей к лермонтовскому «Кладбищу» можно привести, например, элегии «Сентябрь» Уильяма Вордсворта («September», 1819) и «Молитва» Ламартина («La prière», 1819; восходит к «Вечерней молитве» А. Поупа, 1738), а также русское переложение стихотворения Ламартина, выполненное Д. П. Глебовым в элегической стилистике Жуковского (опубл. в 1823 г. под названием «Ночное размышление» — Там же. С. 369–375).

Ст. 18–19. *Сих мелких тварей надмогильной крик / Творца не больше ль славит иногда...* — Традиция поэтических «рассуждений о Божьем величии», как правило, широко использует мотивы Псалмов Давидовых. В данном случае можно усмотреть отсылки к 148-му и 150-му псалмам: «Хвалите Господа <...> Звѣріе вси и скоти, гади и птицы пернаты» (Пс. 148, 10); «Всякое дыханіе да хвалитъ Господа!» (Пс. 150, 6).

Ст. 20. *...в пепел обращенные стада...* — Видимо, имеются в виду массовые жертвоприношения домашнего скота в Древней Греции, так называемые гекатомбы (заколотых животных сваливали в ямы и сжигали). Связь этого образа с описанием «казней египетских» («И предаде граду скоты ихъ, и имѣніе ихъ огню» — Пс. 77, 48), устанавливаемая некоторыми комментаторами, представляется ошибочной.

Лит.: ЛЭ 1981: 222; Фризман 1973: 121–122. Косяков 1999: 142–152; Прусова 1999: 119–123.

103. Посвящение («Тебе я некогда вверял...»).

Автограф: РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 1. № 6. Л. 28 об. — беловой с правкой, в тетради 6 «Разные стихотворения (1830 год)».
Печатается по автографу.
Датируется предположительно летом 1830 г. на основании авторской пометы на тетради 6 и примечаний к отдельным текстам, в ней содержащимся (подробнее см. в Преамбуле, п. 2.2.3).
Впервые: ОЗ. 1859. Т. 127. № 11. Отд. 1. С. 255.

Адресат стихотворения неизвестен. Высказывалось предположение, что это близкий друг Лермонтова, литератор и этнограф С. А. Раевский (1808–1876).

Лит.: ЛЭ 1981: 435; Найдич 1994а: 23.

104. Моя мольба («Да охранюся я от мушек...»).

Автограф: РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 1. № 6. Л. 29 — беловой с поправками, в тетради 6 «Разные стихотворения (1830 год)».
Печатается по автографу.
Датируется предположительно летом 1830 г. на основании авторской пометы на тетради 6 и примечаний к отдельным текстам, в ней содержащимся (подробнее см. в Преамбуле, п. 2.2.3).
Впервые: ОЗ. 1843. Т. 31. № 12. Отд. 1. С. 279 (без заглавия, с разночтениями в ст. 1–2); Ефремов 1880: II, 95.

В автографе помета: «(После разговора с одной известной очень мне старухой, которая восхищалась и читала и плакала над Грандисоном)». Упоминание Грандисона, героя романа английского писателя-сентименталиста С. Ричардсона (Richardson, 1689–1761) «История сэра Чарльза Грандисона» («The History of Sir Charles Grandison, 1754»), в конце XVIII — в самом начале XIX вв. весьма популярного в России, вызывало иронию, поскольку в 20-е гг. восхищение Ричардсоном уже было признаком архаичности литературного вкуса (ср. у Пушкина в «Евгении Онегине», гл. 2, строфы 29, 30; гл. 3, строфы 9, 10).

Лит.: ЛЭ 1981: 312–313; Нейман 1941с: 40–41; Пейсахович 1964: 447; Афанасьева 2000: 22–25.

105. К Су... («Вблизи тебя до этих пор....»).

Автограф: РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 1. № 6. Л. 29 — беловой с поправками, в тетради 6 «Разные стихотворения (1830 год)». В автографе после ст. 4 зачеркнута строфа:

В лесах, по узеньким тропам,
Нередко я бродил с тобой.
Их шумом любовался там —
Меня не трогал голос твой.

Копия: РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 2. № 32. Л. 19 — в тетради В. Шульца, под заглавием «Черноокой».

Печатается по автографу.

Датируется предположительно летом 1830 г. на основании авторской пометы на тетради 6 и примечаний к отдельным текстам, в ней содержащимся (подробнее см. в Преамбуле, п. 2.2.3). С опорой на свидетельство Сушковой датировка может быть уточнена: 12 августа 1830 г. — по времени отъезда Лермонтова из Середникова (см. ниже), однако не все сведения, сообщенные в «Записках» Сушковой, точны и подтверждаются другими источниками.

Впервые: БдЧ. 1844. Т. 64. № 5. Отд. 1. С. 5 — в подборке стихотворений «Из альбома Е. А. Сушковой»; под заглавием «Черноокой». Здесь после ст. 4 в текст включена строфа, отсутствующая в автографе, но содержащаяся в «Записках» Сушковой (с вариантом ст. 1: «И пламень звездочных очей» — РВ. 1857. Т. 11. Кн. 2. С. 397–398):

И пламень черных сих очей,
Который вечно, может быть,
Останется в груди моей,
Не мог меня воспламенить.

В «Записках» Сушковой, начиная с первой публикации в РВ (см. также: ВЕ. 1869. Т. 4. Кн. 8. С. 728; Сушкова 1928: 113), стихотворению предпослан эпиграф из «Бахчисарайского фонтана»: «Твои пленительные очи / Яснее дня, чернее ночи». Очень вероятно, что он был введен в текст самой мемуаристкой — ср. рассказ Сушковой о том, что те же строки «Бахчисарайского фонтана» Лермонтов адресовал ей во время вечера экспромтов тем же летом 1830 г. (см. Сушкова 1928: 121–122, а также примеч. к стихотворению «Три грации считались в древнем мире...», № 428).

Стихотворение обращено к Екатерине Александровне Сушковой (в замужестве Хвостова; 1812–1868), что подтверждается припиской Лермонтова в автографе рядом с заглавием: «(При выезде из Середникова к Miss black-eys. Шутка — предположенная от М. Корд)». Сушкова, с которой Лермонтов познакомился весной 1830 г. в Москве, в доме своей родственницы А. М. Верещагиной (о ней см. примеч. к стих. «В альбом», 1830, № 78), — одна из известных московских красавиц, «Miss black-eyes (черноокая)», как ее называли в свете (см. примеч. к № 87). С именем Сушковой связан цикл ранних стихов Лермонтова (около двадцати стихотворений, см. № 87, 90, 113, 118–120, 122 и др.; некоторые из этих текстов связываются с Сушковой предположительно). История взаимоотношений поэта с Сушковой в годы пребывания Лермонтова в Университетском благородном пансионе и в 1834–1835 гг. в Петербурге была описана в «Записках» последней, ценных, в частности, как источник некоторых текстов Лермонтова. Стихотворение «К Су<шковой>» написано перед отъездом Лермонтова из Середникова в Москву для поступления в университет (12 августа 1830). «Накануне отъезда я сидела с Сашенькой <Верещагиной> в саду, — вспоминала Сушкова, — к нам подошел Мишель...обменявшись несколькими словами, он вдруг опрометью убежал от нас... Я...увидела у ног своих не очень щегольскую бумажку...это были первые стихи Лермонтова, поднесенные мне таким оригинальным образом» (Сушкова 1928: 89).

Лит.: ЛЭ 1981: 211; Висковатов 1891: 99; Сушкова 1928: 89, 112–113; Пейсахович 1964: 433; Глассе 1979: 90.

106. Гость («Как пришлец иноплеменный...»).

Автограф: РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 1. № 6. Л. 29 об.–30 об. — беловой с правкой, в тетради 6 «Разные стихотворения (1830 год)».
Печатается по автографу.
Датируется предположительно летом 1830 г. на основании авторской пометы на тетради 6 и примечаний к отдельным текстам, в ней содержащимся (подробнее см. в Преамбуле, п. 2.2.3).
Впервые: Лермонтов 1889–1891: I, 109–110.

Один из ранних опытов Лермонтова в жанре баллады; варьирует мотивы баллад Жуковского, прежде всего баллады «Пустынник» (1813), которая, в свою оче-

редь, была переводом одноименного стихотворения английского писателя-сентименталиста О. Голдсмита (Goldsmith, 1728–1774). Проводились параллели «Гостя» с близкими ему ритмически стихотворениями Пушкина «Зимняя дорога» (1828) и «Утопленник» (1828) — Нейман 1914а: 75–77.

Лит.: ЛЭ 1981: 118; Гаркави 1959: 277–279; Пейсахович 1964: 468–469.

107. 1830 года майя 16 дня («Боюсь не смерти я. О нет!..»).

Автограф: РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 1. № 6. Л. 31 об. — беловой с поправками, в тетради 6 «Разные стихотворения (1830 год)», под заглавием «1830. Майя. 16 число».

Копия: РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 1. № 21. Л. 6 об.–7 — в тетради 20.

Печатается по копии в тетради 20 как позднейшему авторизованному источнику.

Датируется предположительно летом 1830 г. на основании авторской пометы на тетради 6 и примечаний к отдельным текстам, в ней содержащимся (подробнее см. в Преамбуле, п. 2.2.3). Дата, вынесенная в заглавие и обозначающая «дневниковую» природу текста, не может быть однозначно признана указанием на время написания стихотворения.

Впервые: Лермонтов 1887: II, 89 (начальные шесть стихов с заголовком «Предчувствие (Отрывок)»); Лермонтов 1889–1891: I, 112 (полностью).

Первое из так называемых «дневниковых» стихотворений Лермонтова, написанных в разные годы и неоднородных по жанру (см. № 114, 161, 167, 172, 211). Нередко даты, стоящие в заголовке, интерпретируются как время написания стихотворений, однако чаще всего они маркируют то событие (переживание), которое послужило поводом к созданию текста. Манеру снабжать свои стихи точными датами Лермонтов мог заимствовать у Байрона.

Лит.: ЛЭ 1981: 586; Удодов 1973: 195.

108. К*** («Не думай, чтоб я был достоин сожаленья...»).

Автограф: РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 1. № 6. Л. 32 — беловой с правкой, в тетради 6 «Разные стихотворения (1830 год)». В автографе помета Лермонтова: «(Прочитав жизнь Байрона, <написанную> Муром)» и дата: «(1830)».

Копии: 1) РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 1. № 21. Л. 7 об. — авторизованная, в тетради 20; 2) РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп 4. № 85. Л. 17 об. — с копии в тетради 20 в «Материалах для биографии М. Ю. Лермонтова» В. Х. Хохрякова

Печатается по копии в тетради 20 как позднейшему авторизованному источнику.

Датируется предположительно летом 1830 г. на основании авторской пометы на тетради 6 и примечаний к отдельным текстам, в ней содержащимся (подробнее см. в Преамбуле, п. 2.2.3).

Впервые: ОЗ. 1859. Т. 127. № 11. Отд. 1. С. 255–256.

Стихотворение, сосредоточившее в себе основные мотивы юношеской романтической лирики: чувство одиночества и отторжения от враждебного мира, предчувствие трагического конца, мечты о высокой миссии поэта, идеальным образцом кото-

рого для Лермонтова явился Байрон (см. примеч. к стих. «Ночь. I», № 70). Помета Лермонтова в автографе поясняет обстоятельства создания стихотворения: «(Прочитав жизнь Байрона, <написанную> Муром)». Лермонтов имеет в виду книгу «Письма и дневники лорда Байрона», изданные с подробными биографическими примечаниями Томаса Мура (Letters and Journals of Lord Byron with Notices of His Life, by Thomas Moore. Vol. 1–2. London, 1830). В том же году эта книга вышла по-английски в нескольких европейских столицах, а в Париже также и в переводе на французский язык.

Ст. 10. Как *он, в ребячестве пылал уж я душой.* — Источником этой строки послужил рассказ Мура о детской любви Байрона: «Это было в то время, когда ему еще не исполнилось восьми лет, как чувство более сходное с любовью, чем это можно подозревать в ребенке этого возраста, охватило, как он это рассказывает сам, полностью его мысли, указывая на то, как рано эта страсть, как и многие другие страсти, проснулась в его характере» (Глассе 1979: 93; Byron 1830: I, 17). Подробнее см. примеч. к автобиографической заметке Лермонтова от 8 июля 1830 г. (Т. 4. № 529).

Ст. 11–12. *Любил закат в горах, пенящиеся воды, / И бурь земных и бурь небесных вой.* — «Когда Байрону было восемь лет, мать повезла его в горы — поправиться после тяжелой болезни. С этого времени, писал он позже, „у меня появилась любовь к горным местам“. „Пробуждение его поэтического таланта можно отнести к диким и величественным местам, среди которых он провел свое детство“, — отмечает Мур» (Глассе 1979: 92; Byron 1830: I, 15). Любовь к горам и рефлексия этой любви отразились во многих текстах Лермонтова; ср., например, хрестоматийное: «Хотя я судьбой на заре моих дней, / О южные горы, отторгнут от вас, / Чтоб вечно их помнить, там надо быть раз. / <…> Я счастлив был с вами, ущелия гор...» (№ 64).

Лит.: ЛЭ 1981: 206; Кирпотин 1941: 13–14; Нольман 1941: 470–471; Бродский 1945: 181; Эйхенбаум 1961: 15, 339; Архипов 1965: 129–131; Андроников 1967: 118–119, 537; Федоров 1967: 314–315; Глассе 1979: 91–95; Толстогузова 2004: 108–120.

109. Эпитафия (Утонувшему игроку)

(«Кто яму для других копать трудился...»).

Автограф: РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 1. № 6. Л. 32 об. — беловой с поправками, в тетради 6 «Разные стихотворения (1830 год)».
Печатается по автографу.
Датируется предположительно летом 1830 г. на основании авторской пометы на тетради 6 и примечаний к отдельным текстам, в ней содержащимся (подробнее см. в Преамбуле, п. 2.2.3).
Впервые: Лермонтов 1889–1891: I, 113.

Известен еще один опыт Лермонтова в жанре сатирической эпитафии — набросок, посвященный плодовитому писаке (1830; Т. 4. № 501).

Ст. 2. *...гласит писанье так.* — Ср. в Псалтири: «Ровъ изры и ископа и, и падетъ въ яму, юже содѣла» (Пс. 7. 16); «ископаша предъ лицемъ моимъ яму, и впадоша въ ню» (Пс.:56. 7).

Лит.: ЛЭ 1981: 632.

110. Дереву («Давно ли с зеленью радушной...»).

Автограф: РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 1. № 6. Л. 34–34 об. — беловой с правкой, в тетради 6 «Разные стихотворения (1830 год)»; в автографе дата: «(1830)».
Печатается по автографу.
Датируется предположительно летом 1830 г. на основании авторской пометы на тетради 6 и примечаний к отдельным текстам, в ней содержащимся (подробнее см. в Преамбуле, п. 2.2.3).
Впервые: РМ. 1882. № 2. С. 170 (с разночтениями в ст. 7 и 21).

Реальным комментарием к тексту служит заметка на следующем листе тетради, озаглавленная «[Моя эпитафия]. Мое завещание (Про дерево, где я сидел с А. С.)» (см.: Т. 4. № 534), которая представляет собой вольный прозаический перевод стихотворения Дж.-Г. Байрона «Отрывок (A Fragment», 1803). По разным версиям, стихотворение посвящено либо А. Г. Столыпиной, либо другой родственнице Лермонтова — А. А. Столыпиной (см. примеч. к № 18). Высказывалось мнение, что стихотворение «Дереву» имеет точки соприкосновения с лирической пьесой Байрона «Дубу в Ньюстеде» («To an Oak at Newstead», 1807), однако та была впервые напечатана лишь в 1832 г.

Ст. 1–8. *Давно ли с зеленью радушной... ~ Не скрылося в душе детей!..* — Мотивы этой строфы восходит к 3-й элегии из 4-й книги «Эротических стихотворений» Эвариста Парни (1781; Parny 1808: I, 89):

Bel arbre, pourquoi conserver	Береза дикая, к чему ты удержала
Ces deux noms qu'une main trop chère	Столь долго наши имена,
Sur ton écorce solitaire	Которые изображала
Voulut elle-même graver?	Рукой неверною — она?
Ne parle plus d'Eléonore;	Ты их напрасно сохранила:
Rejette ces chiffres menteurs:	Неумолимою косой
Le temps a désuni les cœurs	Судьба два сердца разделила,
Que ton écorce unit encore.	Соединенные тобой.

Вольный пер. Н. А. Маркевича (1829); известны также переводы О. М. Сомова (1821) и А. А. Крылова (1828) — см.: Французская элегия 1989: 118–119, 450, 615. Об истории поэтического мотива «имя на дереве» см.: Николаев 2002: 46–65.

Лит.: ЛЭ 1981: 138–139; Аничков 1925–1926: 547–550; Лермонтов 1964–1965: I, 611; Пейсахович 1964: 467; Глассе 1979: 95; Афанасьева 2011: 129–133.

111. Предсказание («Настанет год, России черный год...»).

Автограф: РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 1. № 6. Л. 35 об. — беловой с правкой, в тетради 6 «Разные стихотворения (1830 год)». В автографе рядом с заглавием помета Лермонтова «(Это мечта)».
Печатается по автографу.
Датируется предположительно летом 1830 г. на основании авторской пометы на тетради 6 и примечаний к отдельным текстам, в ней содержащимся (подробнее см. в Преамбуле, п. 2.2.3).

Впервые: Лермонтов 1862: 19 (без заключительных ст. 17–18 и с разночтениями в ст. 8, 10); РМ. 1883. № 4. С. 56 (полный текст).

Первое из серии стихотворений Лермонтова, созданных в год политических потрясений в Европе (революция во Франции) и в Российской империи (восстание в Польше, холерные бунты). Вероятно, написано под впечатлением так называемого «чумного» (холерного) бунта в Севастополе, во время которого был убит ряд офицеров гарнизона и даже военный губернатор (Николай Алексеевич Столыпин, 1781–1830, родной брат бабушки Лермонтова). Информация о кровавых событиях 3–7 июня 1830 г. появилась в столичных газетах только через месяц и в смягченном виде (см., например: СП. 1830. № 79. 3 июля. С. 1–2; МВед. 1830. 12 июля. С. 2506–2507), но события могли подробно обсуждаться в семье Столыпиных гораздо раньше.

Литературной основой стихотворения могла стать «Песня вайделота» (вещего певца) из поэмы Адама Мицкевича «Конрад Валленрод» («Konrad Wallenrod», 1828), где дана эсхатологическая картина гибели Литвы под ударами Ордена крестоносцев. Общий сюжетный план песни не соотносится с сюжетом «Предсказания», однако отдельные элементы обоих текстов обнаруживают явственное сходство (см. ниже). Лермонтов познакомился с поэмой Мицкевича, скорее всего, по прозаическому переводу С. П. Шевырева, опубликованному вскоре после выхода в свет оригинала (МВ. 1828. Ч. VIII. № 7. С. 290–303, 354–356; № 8. С. 369–390, 464–466; Ч. IX. № 9. С. 13–35; № 10. С. 124–143, 226–229). Стихотворные переложения «Песни вайделота», опубликованные В. И. Любичем-Романовичем, В. Н. Щастным, А. А. Шишковым в 1828–1830 гг., более далеки от лермонтовских стихов, чем прозаический перевод Шевырева. Подробнее см.: Охотин 2015.

Ст. 7–9. *Когда чума от смрадных, мертвых тел ~ Чтобы платком из хижин вызывать...* Изображение чумы, как «моровой девы», разъезжающей по селениям и машущей платком, имеет следующее соответствие у Мицкевича:

Kiedy zaraza Litwę ma uderzyć,
Jej przyjście wieszcza odgadnie źrenica;
Bo jeśli słuszna wajdelotom wierzyć,
Nieraz na pustych smętarzach i błoniach
Staje widomie morowa dziewica,
W bieliźnie, z wiankiem ognistym na skroniach,
Czołem przenosi białowieskie drzewa,
A w ręku chustką skrwawioną powiewa.
<...>
Dziewica stąpa kroki złowieszczemi
Na sioła, zamki i bogate miasta;
A ile razy krwawą chustką skinie,
Tyle pałaców zmienia się w pustynie,
Gdzie nogą stąpi, świeży grób wyrasta.

(Mickiewicz 1828: 39)

Когда чума грозит Литве, ее приход угадывает вещее око; ибо, коль верить Вайделотам, не раз на пустых кладбищах и полянах видна бывает дева язвы, в белой одежде, с огнистым венком на главе; челом превышает она Беловежские деревья, в руке машет кровавым платом. <...> Дева ступает шагами зловещими на села, на замки, на грады богатые; сколько раз ни махнет кровавым платом, столько палат обратит в пустыни; где ни ступит ногою, там свежий гроб вырастает.

(МВ. 1828. Ч. VIII. № 8. С. 386–387)

При этом Мицкевич, как он сам писал в примечаниях к поэме, основывался на литовских народных преданиях (Mickiewicz 1828: 91; МВ. 1828. Ч. VIII. № 8. С. 464–466). Сюжет о «моровой деве» распространен в литовских и граничных с ними восточно-польских регионах (см.: Афанасьев 1869: III, 109–110).

Ст. 12–18. *В тот день явится мощный человек ~ Как плащ его с возвышенным челом.* — Этот образ также восходит к «Песне вайделота»:

Lecz po co zbiegłe wywoływać wieki?
I swoich czasów śpiewak nie obwini,
Bo jest mąż wielki, żywy, niedaleki,
O nim zaśpiewam, uczcie się, Litwini!
(Mickiewicz 1828: 43)

Но почто вызывать века минувшие? Певец не обвиняет своих времен: и у нас есть муж великий, живой, близкий; о нем запою, — научайтесь, Литовцы!
(МВ. 1828. Ч. VIII. № 8. С. 390)

Однако, если литовский певец намекает на Конрада Валленрода, то характеристики «мощного человека» у Лермонтова сближают его с Наполеоном: «Сей острый взгляд с возвышенным челом» («Наполеон», 1830, № 84).

Лит.: ЛЭ 1981: 444; Иванова 1957: 108; Архипов 1965: 125–128; Федоров 1967: 78–79; Кирпотин 1970: 190–193; Шарыпкин 1980: 141–142; Ильин 1996: VI_2, 247.

112. «Всё тихо — полная луна...».

Автограф: РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 1. № 7. Л. 1 — беловой с поправками, в тетради 7.
Печатается по автографу.
Датируется предположительно летом 1830 г. по положению в тетради (см. в Преамбуле, п. 2.2.3).
Впервые: РМ. 1882. № 2. С. 172.

Лит.: ЛЭ 1981: 95; Пейсахович 1964: 433.

113. «Никто, никто, никто не усладил...».

Автограф: РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 1. № 7. Л. 1 — беловой, в тетради 7.
Печатается по автографу.
Датируется предположительно летом 1830 г. по положению в тетради (см. в Преамбуле, п. 2.2.3).

Впервые: РМ. 1882. № 2. С. 172 (как вторая часть стихотворения «Всё тихо — полная луна...»).

Ст. 3. *...три раза я любил...* — О первой, детской, любви Лермонтов написал в автобиографической заметке «Записка 1830 года, 8 июля. Ночь» (см.: Т. 4. № 529). Второе увлечение поэта — С. И. Сабурова (см. примеч. к № 12); третье — возможно, Е. А. Сушкова (см. примеч. к № 105).

Лит.: ЛЭ 1981: 342–343; Пейсахович 1964: 433; Андроников 1967: 211–212.

114. 1830 год. Июля 15-го (Москва)
(«Зачем семьи родной безвестный круг...»).

Автограф: РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 1. № 7. Л. 1 об.–2 — беловой с правкой, в тетради 7.
Печатается по автографу.
Датируется летом 1830 г. по положению в тетради (см. в Преамбуле, п. 2.2.3). «Дневниковая» дата, вынесенная в заглавие, не обязательно прямо относится ко времени написания стихотворения, хотя, очевидно, маркирует верхнюю границу датировки (terminus post quem).
Впервые: ОЗ. 1859. Т. 127. № 11. Отд. 1. С. 246–247.

Относится к стихотворениям «дневникового» характера (см. примеч. к № 107). При этом коллизия, лежащая в его основе (предательство друзей, злословие света) — условно-романтическая; она, скорее всего, имеет не биографическое, но книжное происхождение. В жанровом отношении стихотворение близко элегии.

Лит.: ЛЭ 1981: 586.

115. Булевар («С минуту лишь с бульвара прибежав...»).

Автограф: РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 1. № 7. Л. 2 об.–4 об. — беловой с правкой, в тетради 7.
Печатается по автографу.
Датируется предположительно летом 1830 г. по положению в тетради (см. в Преамбуле, п. 2.2.3).
Впервые: Лермонтов 1889–1891: I, 119–121.

Перед текстом стихотворения заметка Лермонтова: «В следующей сатире всех разругать, и одну грустную строфу. Под конец сказать, что [они] я напрасно писал и что если б это перо в палку обратилось, а какое-нибудь божество новых времен приударило в них, оно — лучше» (см. Т. 4. № 502). После текста приписка «(Продолжение впредь)».

Сатирические описания гуляний и балов были широко распространены в европейской литературе конца XVIII — нач. XIX в.: нередко такие панорамы, осмеивающие конкретных лиц, включались в водевили и нравоописательные очерки; см. например, очерк К. Н. Батюшкова «Прогулка по Москве» (1811–1812), где дается шаржированное описание бульварных завсегдатаев (офицер, провинциальный щеголь, кокетливые московские красавицы и женихи, старая вестовщица, и т. д.). По упоминаниям известны неподцензурные стихи 1810–1820-х гг. с характеристи-

кой гуляний на Тверском бульваре, Пресненских прудах, в Марьиной роще, в Сокольницком парке (ср., например, сатиру кн. Волконского «Тверской бульвар» — РС. 1897. № 4. С. 67–72). Из более близких по времени русских параллелей следует назвать сатиру «Васильевский бульвар» (1824), которая приписывалась А. И. Полежаеву (см.: Баранов 1934: 254–257). Стихотворная форма лермонтовского стихотворения (октава), вероятно, заимствована у Байрона; образцом для русского поэта могли послужить сатирические описания великосветских обедов и приемов в «Дон Жуане».

Ст. 25–32....*Подалее на креслах там другой... ~ Она тонка, когда в его ногах.* — По-видимому, имеется в виду князь П. И. Шаликов (1768–1852), издатель «Дамского журнала», объект многочисленных эпиграмм и карикатур.

Ст. 73–74. *Но для чего кометами я вас / Назвал...* — Уподобление женщин кометам широко распространилось в европейской словесности с «года кометы» (1811). В частности, стоит отметить, что в английской журналистике 1810-х гг. печатались специальные юмористические скетчи, построенные на развернутых сравнениях такого рода. Некоторые из них продолжали и позднее перепечатываться в расхожих альманахах и хрестоматиях (см., например: Comets and women // Cupid's album. London, 1826. P. 60–61), так что к началу 1830-х гг. подобные сопоставления перешли в разряд банальностей. Версия сравнения, избранная Лермонтовым, видимо, была распространена в Москве в начале 1830-х гг. — во всяком случае, молва приписывала схожую словесную игру А. С. Пушкину, который вскоре после свадьбы (февраль 1831 г.) якобы урезонивал свою молодую жену, окруженную поклонниками: «Мой друг! для твоего поэта / Уже настал великий пост; / Люблю тебя, моя комета, / Но не люблю твой длинный хвост!» (Иваницкий 1910: 32). Стоит напомнить, что ранее Пушкин уже сравнивал в стихах женщину с кометой: «Как беззаконная комета / В кругу расчисленном светил» («Портрет», 1828; Пушкин 1937–1959: III: 112).

Ст. 74–75. *...глупец тупейший то поймет / И сам Башуцкой объяснит тотчас.* — имеется в виду П. Я. Башуцкий (1771–1836), комендант Санкт-Петербурга в 1803–1833 гг.; преувеличенные анекдоты о его глупости были широко распространены (см., в частности: Анекдот 1990: 106–107). Распространено ошибочное мнение, что Лермонтов ссылается здесь на его сына — журналиста и автора нравоописательных очерков А. П. Башуцкого (1801–1876): литературная деятельность Башуцкого-младшего началась лишь через несколько лет после создания данного стихотворения.

Ст. 81.....*О женихи! О бедный Мосолов...* — Ф. И. Мосолов (ок. 1771–1844), генерал, старый холостяк, проживавший на Тверском бульваре.

Лит.: ЛЭ 1981: 72; Иванова 1950: 46–51; Иванова 1957: 199, 204; Иванова 1962: 45–46; Рубанович 1971: 174–177; Муравьев 1996: 20–51; Анненкова 2004: 57–61.

116. Песнь барда («Я долго был в чужой стране...»).

Автограф: РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 1. № 7. Л. 5–5 об. — беловой с правкой, в тетради 7, без нумерации строф.

Копия: РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 1. № 21. Л. 19–19 об. — в тетради 20.

Печатается по копии в тетради 20 как позднейшему из авторизованных источников с исправлением по автографу в ст. 8 («ханскому» вместо «панскому»).
Датируется предположительно летом 1830 г. по положению в тетради (см. в Преамбуле, п. 2.2.3).
Впервые: СВ. 1889. № 3. С. 86–87.

Сюжетообразующий мотив баллады — уничтожение певцом своего музыкального инструмента в знак отказа от творчества на родине, захваченной врагами, — сближает ее со стихотворением Томаса Мура «Молодой певец» («The Minstrel Boy»). В стихотворении Лермонтова гражданская тема окрашена в «славянские» тона, что отсылает к приемам декабристской поэзии; существуют также точки соприкосновения с «Песнью барда во время владычества татар в России» (1823) Н. М. Языкова (1803–1846), где также присутствует мотив отказа от творчества в порабощенной стране (Вацуро 2008: 75–76). Очевидна связь «Песни барда» с поэмой «Последний сын вольности» (1831).

Лит.: ЛЭ 1981: 409; Ефимова 1949: 145–146; Никитина 1960: 74–75; Пейсахович 1964: 433, 470; Вацуро 1965: 188–189; Уманская 1971: 262–263; Прийма 1980: 196–210; Вацуро 2008: 75–76.

117. 10 июля. (1830) («Опять вы, гордые, восстали...»).

Автограф: РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 1. № 7. Л. 5 об. — беловой с поправками, в тетради 7.
Печатается по автографу.
Датируется предположительно летом 1830 г. по положению в тетради (см. в Преамбуле, п. 2.2.3). О статусе даты, вынесенной в заглавие, см. ниже.
Впервые: Лермонтов 1862: 118 (ст. 1–7, с подзаголовком: «(Франц. революция)» и примечанием: «Конец утрачен»), Лермонтов 1880: II, 98–99 (полностью).

Окончание стихотворения неизвестно (лист, следующий за начальными строками, в тетради вырван). Отсутствие полного текста не дает возможности однозначно установить, о каком восстании говорит поэт. Все высказанные до сих пор гипотезы не вполне согласуются либо с авторской датировкой, либо с реалиями стихотворения. Э. Э. Найдич, опираясь на авторитет П. А. Висковатова (1891: 119), утверждал, что стихотворение является откликом на события Июльской революции 1830 г. во Франции; это мнение базируется на допущении, что Лермонтов заменил месяц создания текста месяцем, когда произошли события (см.: ЛЭ 1981: 139; Лермонтов 1989: I, 647–648). Б. М. Эйхенбаум склонялся к версии, что тематически стихотворение связано с польским восстанием 1830 г. (Лермонтов 1935–1937: I, 458): строки о поражении царских войск («И снова перед вами пали / Самодержавия сыны») и А. В. Суворове, скорее всего, отсылают к событиям польского восстания 1794 г. под руководством Тадеуша Костюшко (1746–1816), когда первоначальные успехи восставших сменились поражениями и окончательным их разгромом войсками Суворова. Однако новое восстание в Польше, которое могло вызвать эти ассоциации, началось в ноябре, а не в июле 1830 г. Такой анахронизм может поставить под сомнение датировку стихотворения (фиктивные даты у Лер-

монтова не редкость), однако документальных оснований для установления альтернативной даты у нас не имеется. Также выдвигались гипотезы о том, что в стихотворении шла речь о восстании горцев на Кавказе (Бродский 1945: 228; Обручев 1965: 30–39) или о национально-освободительном движении 1830 г. в Албании (Иванова 1979: 75–76; Любович 1952b: 378–386).

Ст. 5. *...Знамя вольности кровавой...* — Реминисценция из поэмы Пушкина «Полтава» (1828): «И знамя вольности кровавой / Я подымаю на Петра» (Пушкин 1837–1859: I, 36).

Лит.: ЛЭ 1981: 139; Висковатов 1891: 119; Лермонтов 1935–1937: I,: 457–458; Бродский 1945: 228; Любович 1952b: 378–386; Лермонтов 1964: I, 676–677; Пейсахович 1964: 432; Обручев 1965: 30–39; Орлик 1968: 102; Орлик 1973: 133; Лермонтов 1989: I, 647–648.

118. Благодарю! («Благодарю!.. вчера мое признанье...»).

Автограф неизвестен.

Печатается по публикации «Записок» Е. А. Сушковой в «Вестнике Европы» (1869. Т. 4. Кн. 8. С. 729), сделанной по рукописи и более исправной по сравнению с публикациями стихотворения в БдЧ и отрывка из мемуаров Сушковой в РВ (см. ниже).

Датируется 12–13 августа 1830 г. по воспоминаниям Е. А. Сушковой (в ее воспоминаниях стихотворение датировано 12 августа, хотя из рассказа следует, что оно было написано днем позже).

Впервые: БдЧ. 1844. Т. 64. № 5. Отд. 1. С. 6 (в подборке стихотворений «Из альбома Е. А. Сушковой», с разночтениями в ст. 11, 16, 17); РВ. 1857. Т. 11. Кн. 2. С. 398 (по сообщению Сушковой, под заглавием «Благодарность», с пометой: «Средниково 12-го августа 1830», и отличиями от текста, опубликованного в БдЧ).

В разных публикациях, восходящих к Сушковой, заглавие стихотворения дается по-разному: при первой публикации стихотворения в БдЧ, а также в публикации «Записок» 1869 г. (1869. Т. 4. Кн. 8. С. 729) текст озаглавлен «Благодарю!», в то же время в публикации «Записок» Сушковой в РВ — заглавие «Благодарность». Вероятно, таким образом, что заглавие в данном случае не авторское, а публикаторское.

Стихотворение, написанное в форме романса с элементами рондо (см. примеч. к № 19), обращено к Е. А. Сушковой (Сушкова 1928: 8–9) (см. примеч. к № 105). Прием иронически утрированной благодарности с настойчивым рефреном слова «благодарю» Лермонтов использует еще раз десять лет спустя: «За всё, за всё тебя благодарю я...» (№ 393).

Ст. 7. *Твой чудный взор...* — Лермонтов отметил характерную особенность внешности Сушковой, известной под именем «Miss black-eyes» («черноокая») (см. примеч. к № 87, 105).

Лит.: ЛЭ 1981: 63; Сушкова 1928: 113–114; Максимов 1964: 43; Удодов 1973: 169.

119. Нищий («У врат обители святой...»).

Автограф неизвестен.
Копии: 1) РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 1. № 21. Л. 12 — авторизованная, в тетради 20; 2) РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 2. № 32. Л. 21 об. — в тетради В. Шульца, под заглавием «К Е.... А....» (вероятно, сделана с первой публикации).
Печатается по авторизованной копии в тетради 20.
Датируется серединой августа 1830 г. по воспоминаниям Е. А. Сушковой (см. ниже).
Впервые: БдЧ. 1844. Т. 64. № 6. Отд. 1. С. 132 (под заглавием «К Е... А...е», в подборке стихотворений «Из альбома Е. А. Сушковой», с разночтениями в ст. 3, 9).

Обращено к Е. А. Сушковой (см. примеч. к № 105). Написано после посещения Троице-Сергиевой лавры (17 августа 1830?), монастыря, основателем которого был св. Сергий Радонежский (сер. XIV в.); из подмосковных святынь Лавра считалась наиболее важным объектом религиозного паломничества. Эпизод, легший в основу стихотворения, описан Сушковой: «На паперти встретили мы слепого нищего. Он дряхлою дрожащею рукою поднес нам свою деревянную чашечку, все мы надавали ему мелких денег; услыша звук монет, бедняк крестился, стал нас благодарить, приговаривая: „Пошли вам бог счастие, добрые господа; а вот намедни приходили сюда тоже господа, тоже молодые, да шалуны, насмеялись надо мною: наложили полную чашечку камушков. Бог с ними!“. Помолясь святым угодникам, мы поспешно возвратились домой, чтоб пообедать и отдохнуть. Все мы суетились около стола, в нетерпеливом ожидании обеда, один Лермонтов не принимал участия в наших хлопотах; он стоял на коленях перед стулом, карандаш его быстро бегал по клочку серой бумаги <...> Окончив писать, он вскочил, тряхнул головой, сел на оставшийся стул против меня и передал мне нововышедшие из-под его карандаша стихи» (Сушкова 1928: 91).

Ст. 5, 7. ...*Куска лишь хлеба он просил... ~ И кто-то камень положил / В его протянутую руку.* — Ср. в Нагорной проповеди: «Есть ли между вами такой человек, который, когда сын его попросит у него хлеба, подал бы ему камень?» (Мф., 7, 9).

Лит.: ЛЭ 1981: 343; Столыпин 1914: 2–4; Сушкова 1928: 91; Шувалов 1941: 261–262; Розанов 1942: 60–69; Иванова 1962: 39–40; Архипов 1965: 93–98; Удодов 1973: 79; Зырянов 1994: 18–19; Киселева 1997: 62–70; Мельников-Давыдов 2004а: 113–119.

120. Ночь («Один я в тишине ночной...»).

Автограф: РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 1. № 8. Л. 1–1 об. — беловой с правкой, в тетради 8; в автографе помета Лермонтова: «(1830 года ночью. Августа 28)». После ст. 6 вычеркнуты 2 строки: «Рождает страх в уме моем / Хотя сей вид знаком уж мне».
Копия: РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 1. № 21. Л. 5–5 об. — авторизованная, в тетради 20.
Печатается по копии в тетради 20 как позднейшему авторизованному источнику.

Датируется концом августа 1830 г. по помете Лермонтова в автографе и другим датам в тетради 8 (см. примеч. к № 121). Нельзя исключать, что текст был вписан позднее заполнения основного массива тетради на листе, оставленном пустым в качестве обложки (но ранее записей текстов № 135–137 на Л. 2 об., помеченных началом октября) — тогда хронология датировок внутри тетради не нарушается. Однако даты в заглавиях не обязательно соответствуют времени записи текстов.

Впервые: СВ. 1889. № 3. С. 83–84.

Стихотворение, вероятно, обращено к Е. А. Сушковой (см. примеч. к № 105): заключительное восьмистишие соотносится с позднейшим признанием Лермонтова в письме к его кузине А. М. Верещагиной (весна 1835 г., № 554) в том, что «кокетство m-lle С.» было причиной его «слез» (см.: Т. 4. С. 333).

Лит.: ЛЭ 1981: 345; Эйхенбаум 1924а: 64–65.

121. К... («Не говори: я трус, глупец!..»).

Автограф: РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 1. № 8. Л. 9 об. — беловой с поправками, в тетради 8.

Печатается по автографу.

Датируется концом августа 1830 г. по расположению автографа в тетради 8: на Л. 1 — стихотворение «Ночь» (№ 120), датированное «(1830 года ночью. Августа 28)», на Л. 12 — «Стансы», датированные в автографе «(1830 года)» и «(26 августа)». Судя по положению текста на листе (написано сразу вслед незаконченному переводу из «Беппо», на остававшейся пустой части листа), нельзя исключать, что оно было вписано уже после того, как на Л. 10 появился текст стихотворение «Чума в Саратове» (№ 122).

Впервые: Лермонтов 1889–1891: I, 132.

Лит.: ЛЭ 1981: 206; Пейсахович 1964: 447.

122. Чума в Саратове («Чума явилась в наш предел...»).

Автограф: РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 1. № 8. Л. 10 — беловой с правкой, в тетради 8; в автографе пометы: «(Colera <!> -morbus)», «1830 года августа 15 дня».

Печатается по автографу.

Датируется концом августа 1830 г. по расположению автографа в тетради 8. Дата «августа 15 дня», проставленная при заглавии, вероятно, обозначает не время написания стихотворения, но время, которым были датированы новости о появлении холеры в Саратове (см. ниже).

Впервые: РМ. 1883. № 4. С. 76–77 (с разночтениями в ст. 7 и 16).

Вероятно, написано в связи с известиями об эпидемии холеры, распространившейся в Нижнем Поволжье. Дата «августа 15 дня», проставленная при заглавии, видимо, обозначает время, которым были датированы первые слухи о появлении холеры в Саратове. В эти дни, судя по мемуарам Сушковой, Лермонтов, вместе с бабушкой и кузинами, совершал паломничество в Троице-Сергиеву Лавру (Летопись 2003: 81–82); возможно, молва о холере распространялась среди паломников.

В столичных газетах новости о появлении холеры в разных областях южной России начинают появляться лишь в конце августа — начале сентября 1830 г. См., например, объявление в «Московских ведомостях»: «Санкт-Петербург, Августа 28. Здесь получены печальные известия о появлении в разных странах южной России жестокой болезни, известной под названием холера (cholera morbus), которая в прошедшем году показалась было в Оренбурге, а за несколько лет перед тем являлась в Астрахани. По всей вероятности, вошла она ныне к нам из Персии <...>. Сверх того появилась болезнь сия в Саратове и в Царицыне, в некоторых местах Симбирской губернии и на Дону...» (МВед. 1830. № 72. 6 сентября. С. 3186; подробности о холере в Тифлисе — С. 3187–3190). В прибавлении к № 74 МВ (13 сентября), напечатанном «от Медицинской конторы», власти успокаивали публику и обещали, что в первопрестольной столице холеры не будет. Первые случаи болезни были зафиксированы 16 сентября.

Ст. 1. *Чума явилась в наш предел...* — Термин «чума» нередко использовался в быту как синоним любой смертельной эпидемии, «морового поветрия». Ср., например, в дневниках московского почт-директора А. Я. Булгакова: «В половине июня сего [1830] года открылась в сопредельных с Персиею провинциях наших ужасная болезнь, известная под именем холера морбус. Это род чумы, возникающей обыкновенно в Индии. Болезнь начинается головокружением, потом делается сильная рвота и понос, кровь обращается в воду, человек истлевает и умирает в короткое время. Болезнь, как сказывают, не сообщается прикосновением, но в поветрии» (Булгаков 2010: 68).

Ст. 3–4. *Из миллиона мертвых тел / Мне будет дорого одно.* — Существует предположение, что здесь Лермонтов имел в виду Е. А. Сушкову (см. примеч. к № 5) (Лермонтов 1964–1965: I, 613).

Лит.: ЛЭ 1981: 616.

123. «Плачь! плачь! Израиля народ...».

Автограф: РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 1. № 8. Л. 10 об. — беловой, в тетради 8.
Печатается по автографу.
Датируется концом августа 1830 г. по положению автографа в тетради 8.
Впервые: Лермонтов 1880: 318; Лермонтов 1887: II, 176.

Первоначальный набросок «Еврейской мелодии» для драмы «Испанцы» (см.: Т. 3. С. 70). Восходит к «Еврейским мелодиям» Байрона («Hebrew Melodies», 1815, № V, XVII и XXI), однако лирический сюжет Лермонтов развивает вполне самостоятельно.

Лит.: ЛЭ 1981: 421; Гречишникова 1941; Пейсахович 1964: 433, 470.

124. 30 июля 1830-го года («Ты мог быть лучшим королем...»).

Автограф: РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 1. № 8. Л. 10 об. — 11 — беловой с правкой, в тетради 8, под заглавием «30 июля. — (Париж). 1830 года».

Копия: РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 1. № 21. Л. 3 об.–4 — в тетради 20; текст ошибочно озаглавлен: «30 июня 1830-го года».

Печатается по копии в тетради 20 как позднейшему авторизованному источнику с исправлением даты в заглавии по автографу в тетради 8.

Датируется серединой — концом августа 1830 г. по положению автографа в тетради и по содержанию (см. ниже).

Впервые: РМ. 1883. № 4. С. 54 (с искажениями и пропуском ст. 7).

Написано по поводу событий Июльской революции во Франции 27–30 июля 1830 г. Сообщения об июльских событиях во Франции дошли до Москвы в самом начале августа 1830 г., подробные публикации в газетах стали появляться начиная с 10-х чисел августа. Так, «Московские ведомости» сообщали 13 августа: «Из Парижа. Июля 31/19 н. ст. — По обнародовании Королевских постановлений 25/13 июля случились в Париже плачевные происшествия. Мы замедлили обнародованием оных для того, чтоб сообщить точнейшее о них известие. <...> 25/13-го Июля, в четыре часа по полудни, начались в улице Сент-Оноре драки между народом и войсками, которые сильно ему сопротивлялись. <...> Город объявлен был состоящим на осадном положении <...> Число убитых и раненых солдат и жителей еще неизвестно. <...> Находящиеся в Париже Депутаты <...> собрались 27/15 числа у г-на Казимира Перрье и там подписали протестацию против Королевских постановлений 25 июля <...> Король и Фамилия его выехали из Сен-Клу в ночи на 30/18 июля. <...> Национальная гвардия Руанская идет на Париж» (МВед. 1830. № 65. 13 августа. С. 2916–2917).

16 августа «Ведомости» писали: «К ночи <26-го июля> дом Министерства Иностранных дел, в котором живет Князь Полиньяк, был окружен толпами народа, который хотел нанесть ему оскорбление. Жандармы подоспели вовремя и предохранили здание от бо́льших повреждений. Король и фамилия Королевская находились уже несколько дней в Сен-Клу. <...> Около полудня <27 июля> начались между народом и войсками упорные сражения в разных местах столицы. Выстрелы ни на минуту не умолкали; везде лилась кровь. К вечеру во вторник огонь утих, но ни чьей стороною не был одержан верх. <...> Находившиеся в Париже Депутаты, соединяясь с новым начальством столицы, просили Герцога Орлеанского принять на себя звание Наместника Королевства, надев трехцветную кокарду. Сей Принц, находившийся в Нёльи, прибыл в Париж 30-го Июля вечером, и обнародованною на другой день прокламациею возвестил, что он принимает предлагаемое ему звание <...>. Король и Фамилия его оставили 31-го июля Сен-Клу и отправились в Рамбульет. <...> Король <...> издал в тот же день <1 августа> декларацию <...>, коею он отменил постановления 25-го Июля, одобрил собрание обеих Палат к 3-му числу Августа, и даровал Герцогу Орлеанскому звание Наместника Королевства. <...> Его Высочество, открыв заседания Палат 3-го августа, объявил им, в речи, об отречении Короля Карла X от короны, а Дофина от прав наследства. — Во время отправления сих известий из Парижа неизвестно еще было, какие решения будут приняты впоследствии; но все полагают, что Король и его Фамилия решатся оставить Францию. Говорят, что уже приняты меры для облегчения отправления их морем, и для охранения Августейших путешественников до прибытия их на корабль» (МВед. 1830. № 66. 16 августа. С. 2957–2959).

20 августа в официальной московской газете была помещена информация из «Journal de St.-Petersbourg» об отречении Карла X и его приказе «уволить небольшое число храбрых воинов, пребывших ему верными, и пригласить их покориться главе правительства»; «Августа 3-го. В речи, произнесенной Герцогом Орлеанским, при открытии Палат 3-го Августа, в звании Наместника Королевства, Его Высочество не только возвестил об отречении Короля и Дофина от короны в пользу Герцога Бордосского, но и изложил необходимость сделать некоторые перемены в Хартии, коих требуют нынешние чрезвычайные обстоятельства Франции» (МВед. 1830. № 67. 20 августа. С. 2991–2992; также см.: МВед. 1830. № 68. 23 августа. С. 3032–3034, и далее в последующих номерах).

Ст. 1–8. *Ты мог быть лучшим королем ~ ты в бегстве уронил венец.* — 30 июля палата депутатов объявила наместником королевства Луи-Филиппа, герцога Орлеанского; 2 августа 1830 г. Карл X (1757–1836) отрекся от престола; впоследствии бежал в Англию.

Ст. 3. *...Народ унизить под ярмом...* — 25 июля король Карл X издал так называемые ордонансы — шесть указов, согласно которым распускался парламент, ужесточался избирательный закон, усиливалась цензура, ограничивалась свобода собраний.

Ст. 13. *...И брызнула в Париже кровь.* — 28 июля по приказанию короля были произведены расстрелы демонстрантов, после чего вспыхнуло вооруженное восстание.

Лит.: ЛЭ 1981: 581; Иванова 1957: 114–117, 156; Владимирская 1962: 67–70; Кирпотин 1970: 194–195.

125. Стансы («Взгляни, как мой спокоен взор...»).

Автограф: РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 1. № 8. Л. 12 — беловой с правкой, в тетради 8; рядом с заглавием даты: «(1830 года)» и «(26 августа)». Рядом с текстом нарисован пером портрет девушки, по всей вероятности, Е. А. Сушковой.

Копия: РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 2. № 32. Л. 19 об. — 20 — в тетради В. Шульца.

Печатается по автографу.

Датируется концом августа 1830 г. по помете в автографе и положению в тетради 8. Нельзя исключать, что помета «26 августа» соответствует не времени записи текста, а обозначает дату, связанную каким-либо важным для автора событием.

Впервые: БдЧ. 1844. Т. 64. № 5. Отд. 1. С. 7–8 (в подборке стихотворений «Из альбома Е. А. Сушковой», под заглавием «Станс», с многочисленными разночтениями; в подборке стихотворений «Из альбома Е. А. Сушковой»).

Обращено к Е. А. Сушковой (см. примеч. к № 105). Сцена ревности, послужившая поводом к созданию стихотворения, в подробностях описана адресаткой (см.: Сушкова 1928: 124–126).

Ст. 16, 17 *...Я не могу любить другой ~ Я жертвовал другим страстям...* — Вариация мотивов стихотворения Байрона: «Стансы К***, написанные при отплытии из Англии» («Stanzas to a Lady on leaving England», 1809).

Лит.: ЛЭ 1981: 526; Сушкова 1928: 97; Пейсахович 1964: 433, 470; Глассе 1979: 98; Гиршман 1999: 110–117.

126. Чума (Отрывок) («Два человека в этот страшной год...»).

Автограф: РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 1. № 8. Л. 12 об.–13 об. — беловой с правкой, в тетради 8; строфы в рукописи пронумерованы: 79–85; текст последней (85-й) строфы зачеркнут:

Когда ж потом в себя пришел живой
И увидал, что унесен мертвец,
Он завернулся в плащ широкий свой,
Чтоб ожидать бестрепетно конец.
И стал в глазах двоиться луч дневной,
Глава отяжелела как свинец,
И душу рок от тела оторвал —
И будто сноп на землю он упал!

Копия: РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 1. № 21. Л. 4–4 об. — авторизованная, в тетради 20, с ошибками и разночтениями в ст. 2 («страсть» вместо «смерть»), 47 («она без сожаленья повлекла»), 48 («подложила»).

Печатается по копии в тетради 20 как позднейшему авторизованному источнику с исправлениями по автографу в тетради 8 в ст. 2 и 47–48.

Датируется концом августа 1830 г. на основании позднейшей авторской пометы в автографе у ст. 1: «(1830. Августа)» и положению в тетради 8.

Впервые: РМ. 1883. № 4. С. 77–78.

Написано в связи с эпидемией холеры (в просторечии «чумы»), двигавшейся с юга России; слухи о ней стали доходить до Москвы в августе 1830 г. (в самой Москве холера появилась в середине сентября). Подробнее см. примеч. к № 122. Стихотворение имитирует фрагмент из середины поэмы, написанной нестрогими октавами. Сюжет, едва намеченный в отрывке, реконструировать затруднительно; связь его с биографическими обстоятельствами поэта (разлука с отцом и трагическое переживание ее — см. № 227) остается неподтвержденной.

Лит.: ЛЭ 1981: 616; Пумпянский 1941: 398; Вацуро 1985b: 17–21.

127. «Нередко люди и бранили...».

Автограф: РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 1. № 8. Л. 13 об. — беловой с правкой, в тетради 8.
Печатается по автографу.
Датируется концом августа 1830 г. по расположению автографа в тетради 8.
Впервые: Лермонтов 1889–1891: I, 134.

Лит.: ЛЭ 1981: 339–340; Пейсахович 1964: 448–449.

128. Романс («В те дни, когда уж нет надежд...»).

Автограф: РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 1. № 8. Л. 14 — беловой, в тетради 8.
Печатается по автографу.
Датируется концом августа 1830 г. по положению автографа в тетради 8.
Впервые: Лермонтов 1889–1891: I, 134.

Стихотворение, видимо, не закончено: жанровые характеристики романса предусматривают большее количество строф.

Лит.: ЛЭ 1981: 473; Пейсахович 1964: 483.

129. Отрывок («Приметив юной девы грудь...»).

Автограф: РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 1. № 8. Л. 14 — беловой с правкой, в тетради 8.
После ст. 6 зачеркнуты следующие строки:

Когда ветрила челноков
Под бурным кровом облаков
Мелькают мимо. Он сидит,
Как тень, и на море глядит.

Печатается по автографу.
Датируется концом августа 1830 г. по положению автографа в тетради 8.
Впервые: Лермонтов 1891а: I, 187.

Стихотворение, видимо, имеет автобиографическую основу и связано с Е. А. Сушковой (см. примеч. к № 105).

Лит.: ЛЭ 1981: 359–360.

130. Баллада (Из Байрона)
(«Берегись! берегись! над Бургосским путем...»).

Автограф: РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 1. № 8. Л. 14 об. — беловой с поправками, в тетради 8. После текста приписка: «(Продолжение впредь)».
Печатается по автографу.
Датируется концом августа 1830 г. по положению автографа в тетради 8.
Впервые: Лермонтов 1862: 22–23.

Незавершенный вольный перевод баллады из «Дон-Жуана» Байрона («Don Juan», 1819–1824; песнь XVI, 36–41). Лермонтов перевел 1-ю, 3-ю и половину 4-й строфы, придав повествованию испанский колорит, но пытаясь, в целом, следовать за ритмикой оригинала (дольник; местами внутренняя рифма, подчеркнутая цезурой). Судя по приписке в автографе, Лермонтов предполагал продолжить работу над текстом, однако больше к переводу не возвращался. Не исключено, что баллада предназначалась для драмы «Испанцы», работа над которой велась в это время, однако в окончательный текст пьесы была включена другая испанская баллада, но с теми же ритмико-строфическими характеристиками — «Гвадьяна бежит по цветущим полям...» (Т. 3. С. 43–44).

Ст. 1. *Берегись! берегись! над Бургосским путем...* — Бургос — город в Испании, основанный в конце IX в.; в X в. стал центром одноименного графства, в средние века Бургос — важный транзитный пункт. В провинции Бургос находился замок герцога Лермы, потомком которого Лермонтов себя в те годы считал.

Ст. 5. *Когда Мавр пришел в наш родимой дол.* — Испания в начале VIII в. была завоевана арабами.

Лит.: ЛЭ 1981: 47; Розанов 1941: 446–448; Шувалов 1941: 275; Федоров 1967: 250–251; Wilkinson 1977: 146–157; Ермоленко 1988: 31–44.

131. К*** («Когда к тебе молвы рассказ...»).

Автограф: Библиотека Колумбийского университета (Нью-Йорк, США): Columbia University Libraries. Rare Book & Manuscript Library. Ms Coll \ Lermontov. Album 2. Sheet 95 — в альбоме А. М. Верещагиной-Хюгель, беловой, без заглавия. Фотокопия: РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 2. № 167. Л. 1.

Печатается по автографу.

Предположительно датируется началом сентября 1830 г. по свидетельству Е. А. Сушковой, не противоречащему времени заполнения альбома А. М. Верещагиной — 1830–1833 гг.

Впервые: РВ. 1857. Т. 11. Кн. 2. С. 405 (текст по сообщению Е. А. Сушковой, с разночтениями в ст. 5, 6, 11, 13, 16).

По утверждению Сушковой (см. примеч. к № 105), стихотворение посвящено ей и написано в начале сентября 1830 г. — через неделю после создания «Стансов» («Взгляни, как мой спокоен взор...», № 125), которые в автографе датированы 26 августа (Сушкова 1928: 126–127). Здесь, как и в некоторых других текстах «сушковского» цикла, варьируются мотивы стихотворения Байрона «Послание к другу в ответ на стихи, увещевающие автора быть веселым» («Epistle to a friend, in answer to some lines exhorting the author to be cheerful...», 1811), воспринятые в контексте биографии Байрона, составленной Т. Муром (1830).

Лит.: ЛЭ 1981: 227; Сушкова 1928: 126–127; Пейсахович 1964: 433; Андроников 1977: 202–203; Глассе 1979: 100.

132. «Передо мной лежит листок...».

Автограф неизвестен.

Печатается по публикации «Записок» Е. А. Сушковой в «Вестнике Европы» (1869. Т. 4. Кн. 8. С. 739), сделанной по рукописи и более исправной по сравнению с первой публикацией отрывка из ее мемуаров в РВ.

Датируется предположительно началом сентября 1830 г. по свидетельству Е. А. Сушковой.

Впервые: РВ. 1857. Т. 11. Кн. 2. С. 406 (текст по сообщению Е. А. Сушковой).

Е. А. Сушкова (см. примеч. к № 105) в своих «Записках» сообщает, что это стихотворение, посвященное ей, написано в начале сентября 1830 г.: «...я сидела у окошка, как вдруг к ногам моим упал букет из желтого шиповника, а в середине торчала знакомая серая бумажка...» (Сушкова 1928: 128–129).

Лит.: ЛЭ 1981: 409; Сушкова 1928: 128–129.

133. «Свершилось! полно ожидать...».

Автограф неизвестен.

Печатается по публикации «Записок» Е. А. Сушковой в «Вестнике Европы» (1869. Т. 4. Кн. 8. С. 740), сделанной по рукописи и более исправной по сравнению с первой публикацией отрывка из ее мемуаров в РВ.

Датируется 1 октября 1830 г. по свидетельству Е. А. Сушковой (см. ниже).
Впервые: РВ. 1857. Т. 11. Кн. 2. С. 407 (текст по сообщению Е. А. Сушковой, датирующая помета, видимо, дана с опечаткой: «2-е октября 1830»).

Е. А. Сушкова (см. примеч. к № 105) в своих «Записках» сообщает, что стихотворение написано 1 октября 1830 г. в связи с ее отъездом из Москвы, где свирепствовала холера, в Петербург (Сушкова 1928: 130).

Лит.: ЛЭ 1981: 499–500; Сушкова 1928: 100, 130, 131; Пейсахович 1964: 448–449.

134. «Итак, прощай! впервые этот звук...».

Автограф неизвестен.
Копия: РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 2. № 32. Л. 20 об. — в тетради В. Шульца, под заглавием «К Е.... А....», копия сделана с первой публикации.
Печатается по публикации «Записок» Е. А. Сушковой в «Вестнике Европы» (1869. Т. 4. Кн. 8. С. 740), сделанной по рукописи и более исправной по сравнению с публикациями стихотворения в БдЧ и отрывка из мемуаров Сушковой в РВ.
Датируется 1 октября 1830 г. по свидетельству Е. А. Сушковой (см. ниже).
Впервые: БдЧ. 1844. Т. 64. № 6. Отд. 1. С. 129 (в подборке стихотворений «Из альбома Е. А. Сушковой», под заглавием «К Е..... А.....е»).

В своих «Записках» Е. А. Сушкова (см. примеч. к № 105) сообщает, что это стихотворение, как и предыдущее, написано 1 октября 1830 г. в связи с ее отъездом из Москвы в Петербург (Сушкова 1928: 131).

Лит.: ЛЭ 1981: 204; Сушкова 1928: 131–132; Пейсахович 1964: 460.

135. Новгород («Сыны снегов, сыны славян...»).

Автограф: РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 1. № 8. Л. 2 об. — беловой, в тетради 8; текст зачеркнут и, видимо, не завершен; заглавие приписано позднее; в автографе датирующая помета Лермонтова: «3 октября 1830».
Печатается по автографу.
Датируется 3 октября 1830 г. по помете в автографе (см. подробнее в Преамбуле, п. 2.2.3, а также примеч. к стихотворениям «Ночь» (№ 120) и «Стансы» (№ 125)).
Впервые: РМ. 1883. № 4. С. 55–56.

В «Новгороде» просматривается традиция декабристской гражданской поэзии с характерной темой новгородской вольности. Идейно и тематически стихотворение связано с поэмой «Последний сын вольности» (кон. 1830 — нач. 1831; Т. 2. С. 459). Существует документально не подтвержденное предположение, что стихотворение обращено к сосланным декабристам (см.: Жаворонков 1965: 107).

Лит.: ЛЭ 1981: 343; Нейман 1941а: 439; Архипов 1965: 155–156; Клейн 1966: 190–192; Усок 1973а: 153; Прийма 1980: 196–210.

136. Глупой красавице («Амур спросил меня однажды...»).

Автограф: РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 1. № 8. Л. 2 об. — беловой, в тетради 8; под текстом датирующая помета Лермонтова: «1830 года — 4 октября».

Печатается по автографу.

Датируется 4 октября 1830 г. согласно помете в автографе (о вероятной хронологии заполнения тетради 8 см. в Преамбуле, п. 2.2.3).

Впервые: Лермонтов 1889–1891: I, 130.

Эпиграмма, возможно, имеет переводной характер, однако источник заимствования не выявлен.

Лит.: ЛЭ 1981: 113; Пейсахович 1964: 431–432.

137. Могила бойца («Он спит последним сном давно...»).

Автограф: РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 1. № 8. Л. 2 об. — беловой с поправками, в тетради 8, с подзаголовком («Дума»), с разночтениями в ст. 11, 23, 25; под текстом приписка «1830 год — 5-го октября. Во время холеры-morbus».

Копии: 1) РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 1. № 21. Л. 18 об.–19 — авторизованная, в тетради 20; 2) ОР РГБ. Ф. 456. Карт. 1. № 3. Л. 12–12 об. — рукой А. М. Верещагиной (?), под заглавием «Песнь», с разночтениями относительно автографа и копии ИРЛИ; текст без нумерации строф, под текстом подпись: «Михаил Лермантов» и запись тем же почерком: «Copie de l'autographe que j'ai donné à Mr Fernand Schiekler. — Je ne crois pas que cette poésie soit imprimée» («Копия с автографа, который я отдала г-ну Фернану Шиклеру. Не думаю, что это стихотворение напечатано» — *фр.*).

Печатается по копии в тетради 20 как позднейшему авторизованному источнику с исправлением в ст. 11 («любимицы» вместо «любимцы») по автографу.

Датируется 5 октября 1830 г. согласно помете в автографе (о вероятной хронологии заполнения тетради 8 см. в Преамбуле, п. 2.2.3). Стихотворение было доработано Лермонтовым не позднее первой половины 1832 г. — времени заполнения тетради 20. Датировка редакции копии РГБ из архива Верещагиной затруднительна; судя по совпадению отдельных строк с редакцией автографа ИРЛИ можно предположить, что она представляет собой промежуточную редакцию между автографом тетради 8 и авторизованной копией в тетради 20.

Впервые: Лермонтов 1862: 20–21 (без подзаголовка и деления на строфы).

Опираясь на жанровый подзаголовок («Дума»), имевшийся в автографе, стихотворение нередко связывают с лиро-эпическими опытами Рылеева, однако отсутствие повествовательного сюжета заставляет сопоставить этот текст с микрожанром надгробных песен и баллад, получившим развитие в английской литературе в 1810–1820-е годы, в том числе, и в рамках оссианической традиции (конкретный источник не обнаружен). Возможная связь с замыслом поэмы о Мстиславе (Азадовский 1941: 229) также не документирована.

Лит.: ЛЭ 1981: 281–282; Нейман 1941а: 440; Розанов 1942: 52–53; Андроников 1967: 227–228; Турбин 1978: 89–90.

138. Смерть («Закат горит огнистой полосою...»).

Автограф неизвестен.

Копия: РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 2. № 41. Л. 4 об.–5 — в тетради из собрания А. А. Краевского; в копии помета: «1830, октября 9».

Печатается по копии ИРЛИ.

Датируется согласно помете в копии.

Впервые: ОЗ. 1843. Т. 31. № 12. Отд. 1. С. 279.

Стихотворение, возможно, связано с появлением в Москве холеры (сентябрь 1830 г.; см. примеч. к № 122).

Лит.: ЛЭ 1981: 511; Пейсахович 1964: 449; Удодов 1973: 170–171.

139. Русская песня («Клоками белый снег валится...»).

Автограф неизвестен.

Копии: 1) РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 1. № 40. Л. 1 об. — авторизованная, на отдельном листе, под заглавием «Русская песня. 1830 год», без нумерации строф, с разночтениями в ст. 6, 7, 10, 19; 2) РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 1. № 21. Л. 33 об. — в тетради 20; 3) РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 2. № 41. Л. 7 — в тетради из собрания А. А. Краевского, с копии (1); текст зачеркнут, дата: «1830».

Печатается по копии в тетради 20, дающей более исправный текст, чем авторизованная копия (1) (в ст. 7 в копии 1 сверхкороткая строка, нарушающая метрическую схему: «ноет» — ср. в копии 2 «играет»; в ст. 6 «там» вместо «так»).

Датируется предположительно 1830 г. на основании помет в копиях 1 и 3.

Впервые: СВ. 1889. № 3. С. 91 (текст по копии в тетради 20)

В основе стихотворения — балладный сюжет о мертвом женихе. Наиболее известный претекст — «Ленора» («Lenore», 1773) Г.-А. Бюргера (Bürger, 1747–1794), в русской литературе обработанная, в частности, В. А. Жуковским («Людмила», 1808; «Светлана», 1811; «Ленора», 1831) и П. А. Катениным («Наташа», 1813; «Ольга», 1816). Лермонтов конструирует сложную балладную форму, вступающую в очевидное противоречие с жанровым маркером в названии (в то же время заголовок «русская песня» гармонично сочетается с условными фольклорными формулами — «дева красная», «у тесовых у ворот» и т. п.).

Лит.: ЛЭ 1981: 493; Эйхенбаум 1924а: 32; Кретов 1964: 116; Гроссман 1948: 276; Уилкинсон 1985: 251–254.

140. Романс к **** («Когда я унесу в чужбину...»).

Автограф: РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 1. № 40. Л. 1 — беловой, под заглавием «Романс к ****»; на отдельном листе. На обороте этого листа авторизованная копия стихотворения «Русская песня» (№ 139).

Копии: 1) РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 1. № 46. Л. 18 об. — авторизованная, под заглавием «Романс к И...», в тетради из собрания В. Н. Шеншина, ст. 2 читается: «Мою жестокую кручину»; 2) РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 2. № 41. Л. 6–6 об. — в тетради из собрания А. А. Краевского; текст соответствует автографу.

Печатается по автографу.

Датируется предположительно 1830 г. по расположению автографа на обороте листа, где находится авторизованная копия стихотворения «Русская песня» с пометой в заглавии «1830».

Впервые: ОЗ. 1843. Т. 31. № 12. Отд. 1. С. 280 (заглавие «Романс к ****», в ст. 2: «Мою мятежную кручину»).

Стихотворение обращено к Н. Ф. Ивановой (см. примеч. к № 69). Несколько строк из него вошло в стихотворение Арбенина «Когда одни воспоминанья...» в драме Лермонтова «Странный человек» (Т. 3. С. 227). Оба текста, в особенности стихотворение, включенное в драму, варьируют темы стихотворения Томаса Мура «Когда тот, кто обожает тебя» («When he who adores thee») из первой книги цикла «Ирландские мелодии» («Irish Melodies»; 1807).

Лит.: ЛЭ 1981: 474; Нейман 1916: 61–70; Кирпотин 1941: 19; Белинский 1953–1959: VIII, 94; Андроников 1967: 119–120, 140; Гиривенко 1992: 9.

141. Черны очи («Много звезд у летней ночи...»).

Автограф: ОР РГБ. Ф. 500. Карт. 1. № 1. Л. 2 — беловой, с правкой, на одном листе с авторизованной копией поэмы «Две невольницы» и автографом стихотворения «К *» («Когда твой друг с пророческой тоскою...», № 142).
Печатается по автографу.
Датируется предположительно 1830 г. на основании гипотезы об адресации стихотворения Е. А. Сушковой (о ней см. примеч. к № 105).
Впервые: Русское слово. 1910. № 66. 21 марта. С. 3.

Лит.: ЛЭ 1981: 613; Чистова 1981: 178–182.

142. К * («Когда твой друг с пророческой тоскою...»).

Автограф: ОР РГБ. Ф. 500. Карт. 1. № 1. Л. 2 об. — беловой с правкой, на одном листе с авторизованной копией поэмы «Две невольницы» (см.: Т. 2. С. 58, 593) и автографом стихотворения «Черны очи» (№ 141).
Печатается по автографу.
Датируется предположительно 1830 г. (см. обоснование датировки № 141).
Впервые: Русское слово. 1910. № 66. 21 марта. С. 3 (заглавие: «К ***»).

Ст. 1–6. *Когда твой друг с пророческой тоскою ~ С твоей груди на плаху перейдет...* — Строки сходны с началом стихотворения «Не смейся над моей пророческой тоскою...» (№ 356; 1837).

Ст. 7–8. *Он был рожден для мирных вдохновений, / Для славы, для надежд; — но меж людей...* — Ср. ст. 1–2 в стихотворении «Он был рожден для счастья, для надежд...» (1832, № 311) и ст. 12–13 в «Памяти А. И. О<доевско>го» (1839, № 375).

Лит.: ЛЭ 1981: 205; Удодов 1978: 3–21; Вольперт 2008: 75–85.

143. Звезда («Вверху одна...»).

Автограф: Библиотека Колумбийского университета (Нью-Йорк, США): Columbia University Libraries. Rare Book & Manuscript Library. Ms Coll \ Lermontov. Album 2. Sheet 20 — беловой, в альбоме А. М. Верещагиной-Хюгель (фотоко-

пия листа: РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 2. № 167. Л. 2). Текст с разночтениями в ст. 3, 8, 19.
Копии: 1) РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 2. № 40. Л. 3 — П. А. Висковатого с альбома А. М. Верещагиной, без заглавия; 2) РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 1. № 21. Л. 1 — авторизованная, в тетради 20; 3) РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 2. № 32. Л. 20 об—21 — в тетради В. Шульца, с посмертной публикации; 4) РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 4. № 85. Л. 17 — с копии в тетради 20 в «Материалах для биографии М. Ю. Лермонтова» В. Х. Хохрякова.
Печатается по авторизованной копии в тетради 20 с исправлением описки в ст. 17 («усталых» вместо «устылых») по автографу (о выборе источника текста см. ниже).
Датируется предположительно 1830–1831 гг. по положению автографа в альбоме Верещагиной и свидетельству Е. А. Сушковой.
Впервые: БдЧ. 1844. Т. 64. № 6. Отд. 1. С. 130 (в подборке стихотворений «Из альбома Е. А. Сушковой», с разночтением в ст. 20).

Одна из лермонтовских вариаций на тему «далекой звезды»; ср.: «Звезда» («Светись, светись, далекая звезда», № 81) и «Еврейская мелодия» («Я видал иногда, как ночная звезда», № 82). Е. А. Сушкова (см. примеч. к № 105) в своих мемуарах сообщает, что «Звезда» была посвящена ей: «Я тогда имела привычку все смотреть вверх, и Лермонтов смеялся надо мной и часто повторял, что стоит быть у моих ног, чтоб никогда не быть мной замечену» (Сушкова 1928: 135).

Хронологическое соотношение копии в тетради 20 и автографа в альбоме Верещагиной, заполнявшегося в течение 1830–1833 гг., не вполне ясно: записи в альбоме делались непоследовательно, с пропусками листов, так что установить их точную хронологию по расположению автографов невозможно. По воспоминаниям Е. А. Сушковой, стихотворение «Звезда» вместе с «Нет, я не требую вниманья...» (№ 78) и «Я не люблю тебя; страстей...» (№ 243) было вписано Лермонтовым в альбом, присланный ей весной–летом 1831 г. А. М. Верещагиной и их общими московскими приятельницами (Сушкова 1928: 134–135). На этом основании можно предположить, что запись в альбоме Верещагиной датируется тем же временем, и в таком случае копия в тетради 20, заполнявшейся, по-видимому, в 1832 г. (см. Преамбулу, п. 2.3) дает более поздний вариант текста.

Лит.: ЛЭ 1981: 175; Michailoff 1974: 371; Аринштейн 1985: 35; Кузнецова 2002: 449–453; Кузьмина 2004а: 110–112.

144. Раскаянье («К чему мятежное роптанье...»).

Автограф неизвестен.
Копия: РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 1. № 21. Л. 2–2 об. — авторизованная, в тетради 20.
Печатается по авторизованной копии.
Датируется 1830–1831 гг. по расположению копии в тетради 20 (подробнее см. в Преамбуле, п. 2.2.5).
Впервые: БдЧ. 1845. Т. 68. № 1. Отд. 1. С. 5–6 (в числе текстов под общим заголовком «Одиннадцать стихотворений, приписываемых Лермонтову»).

Лит.: ЛЭ 1981: 462; Эйхенбаум 1961: 312–13; Андроников 1977: 140; Пейсахович 1964: 475.

145. Венеция («Поверхностью морей отражена...»).

Автограф неизвестен.
Копия: РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 1. № 21. Л. 2 об.–3 — авторизованная, в тетради 20. Последние восемь строк вставной баркаролы зачеркнуты:

Случалось, с вихрем и грозой
Носились тучи надо мной;
Хоть я один в челне моем,
Вас не боюсь я, дождь и гром.

Не так с душою! — Если в ней
Кипит опасный бой страстей,
Ты не мечтай, чтоб он затих,
И жалости не жди от них.

Печатается по авторизованной копии с исправлением описки в ст. 40 («воскреснет» вместо «воскресает»).
Датируется 1830–1831 гг. по расположению копии в тетради 20 (подробнее см. в Преамбуле, п. 2.2.5).
Впервые: СВ. 1889. № 3. Отд. 1. С. 81–82.

Тематически связано с поэмой «Джюлио» (1830; Т. 2. С. 61, 593) Возможно, венецианские октавы лермонтовского отрывка указывают на замысел в роде байроновского «Беппо» («Beppo. A Venetian Story», 1818), об интересе к которому свидетельствует прозаический перевод первой октавы, выполненный Лермонтовым в 1830 г. (см.: Т. 4. №. 525).

Лит.: ЛЭ 1981: 82; Wilkinson 1977: 193–194.

146. «Я видел раз ее в веселом вихре бала...».

Автограф неизвестен.
Копия: РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 1. № 21. Л. 3 — авторизованная, в тетради 20.
Печатается по авторизованной копии с исправлением в ст. 8 («насмешкою» вместо «насмешкой»).
Датируется 1830–1831 гг. по расположению копии в тетради 20 (подробнее см. в Преамбуле, п. 2.2.5).
Впервые: Саратовский справочный листок. 1875. № 256. 29 ноября. С. 1.

Высказывалось мнение, что стихотворение, возможно, посвящено Н. Ф. Ивановой (см. примеч. к № 69).

Лит.: ЛЭ 1981: 640; Андроников 1977: 140; Чичерин 1974: 408; Чичерин 1977: 367; Болдина 2005: 126–130.

147. Подражание Байрону («Не смейся, друг, над жертвою страстей...»).

Автограф неизвестен.
Копия: РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 1. № 21. Л. 7–7 об. — в тетради 20.
Печатается по копии.

Датируется 1830–1831 гг. по расположению копии в тетради 20 (подробнее см. в Преамбуле, п. 2.2.5).
Впервые: СВ. 1889. № 2. Отд. 1. С. 121.

Некоторые мотивы «Подражания...» сближают его со стихотворениями Байрона «Послание к другу в ответ на несколько строк, увещевающих автора быть веселым» («Epistle to a friend, in answer to some lines exhorting the author to be cheerful...», 1811) и «Стансы к одной даме, написанные при отплытии из Англии» («Stanzas to a lady on leaving England»; 1809). Третья строфа «Подражания...» впоследствии использована в стихотворении «Ребенку» (1840, № 395).

Лит.: ЛЭ 1981: 423; Замотин 1914: 20; Розанов 1914b: 343–84; Гинзбург 1940: 34–35; Нольман 1941: 474–75, 513–14; Федоров 1941: 148; Глассе 1979: 100.

148. К Дурнову («Довольно любил я, чтоб вечно грустить...»).
Автограф неизвестен.
Копия: РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 1. № 21. Л. 11 об. — в тетради 20.
Печатается по копии.
Датируется 1830–1831 гг. по расположению копии в тетради 20 (подробнее см. в Преамбуле, п. 2.2.5). Однако нельзя исключать и более ранней датировки, исходя из того, что на предшествующих листах тетради 20 переписаны стихотворения 1829 г., автографы которых находятся в тетради 2 — «Жена Севера» (Л. 10 об.; см. № 47), «К другу» (Л. 10 об.–11; см. № 48), «Русская мелодия» (Л. 11; см. № 16).
Впервые: СВ. 1889. № 3. Отд. 1. С. 84.

Стихотворение адресовано Д. Д. Дурнову, соученику Лермонтова по Университетскому пансиону (см. примеч. к № 30).

Лит.: ЛЭ 1981: 149, 209.

149. Арфа («Когда зеленой дерн мой скроет прах...»).
Автограф неизвестен.
Копии: 1) РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 1. № 21. Л. 11 об. — в тетради 20; 2) РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 4. № 85. Л. 18–18 об. — с копии в тетради 20 в «Материалах для биографии М. Ю. Лермонтова» В. Х. Хохрякова.
Печатается по копии в тетради 20.
Датируется 1830–1831 гг. по расположению копии в тетради 20 (подробнее см. в Преамбуле, п. 2.2.5).
Впервые: СВ. 1889. № 2. Отд. 1. С. 122.

Образ арфы, звучащей после смерти певца, стал особенно популярен в русской поэзии после «оссианической» баллады В. А. Жуковского «Эолова арфа» (1814). Высказывались предположения о сближении лермонтовского стихотворения с «Завещанием» («The Legacy», 1808) Томаса Мура (см.: Гиривенко 1987: 224–226; Яшина 2012: 60–61).

Лит.: ЛЭ 1981: 39; Шувалов 1925: 68; Пейсахович 1964: 477; Удодов 1973: 185; Соловьева 2006b: 27–30; Бауэр 2014: 70–73.

150. «На темной скале над шумящим Днепром...».

Автограф неизвестен.
Копия: РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 1. № 21. Л. 12–12 об. — в тетради 20.
Печатается по копии.
Датируется 1830–1831 гг. по расположению копии в тетради 20 (подробнее см. в Преамбуле, п. 2.2.5).
Впервые: СВ. 1889. № 3. Отд. 1. С. 84.

Метрические и строфические параметры текста сближают стихотворение с балладной традицией, однако отсутствие сюжета и элегические мотивы сдвигают его к жанру лирического фрагмента. Характерно, что Лермонтов воспользовался близкой стиховой формой в другом квази-балладном фрагменте, также построенном на сравнении лирического героя с одиноким растением (деревцем или цветком) на скале — см. «Стансы» (1830–1831; № 166).

Ст. 1. *На темной скале над шумящим Днепром...* — Ср. в поэме «Боярин Орша»: «А под окном меж диких скал / Днепр беспокойный бушевал» (1835–1836; Т. 3. С. 265).

Лит.: ЛЭ 1981: 331; Пейсахович 1964: 460; Wilkinson 1977: 194–196.

151. Песня («Не знаю, обманут ли был я...»).

Автограф неизвестен.
Копия: РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 1. № 21. Л. 13–13 об. — в тетради 20.
Печатается по копии.
Датируется 1830–1831 гг. по расположению копии в тетради 20 (подробнее см. в Преамбуле, п. 2.2.5).
Впервые: СВ. 1889. № 3. Отд. 1. С. 85.

Лит.: ЛЭ 1981: 409–410; Дурылин 1934: 26; Чичеров 1959: 127–158; Рубанович 1972: 78–84.

152. Пир Асмодея (Сатира)
(«У беса праздник. Скачет представляться...»).

Автограф неизвестен.
Копия: РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 1. № 21. Л. 13 об.–14 об. — в тетради 20.
Печатается по копии в тетради 20.
Датируется 1830–1831 гг. по расположению копии в тетради 20 (подробнее см. в Преамбуле, п. 2.2.5). Указание на московскую холеру позволяет сделать вывод, что стихотворение написано не ранее конца сентября 1830 г. (см. примеч. к № 122).
Впервые: Лермонтов 1889–1891: I, 145–147.

Неоднократно отмечалось, что отдельные детали и строфика (октавы) сближает текст Лермонтова с «Видением суда» Дж.-Г. Байрона («The Vision of Judgment», 1821), однако никакого сюжетного сходства между текстами не наблюдается.

В качестве сюжетной рамки Лермонтов использует известную сатирическую ситуацию — праздник у Сатаны. Значимым претекстом для Лермонтова мог быть эпизод из пятой песни «Орлеанской Девственницы» Вольтера (1730), где описы-

вается пир у Сатаны и его гости — священники и цари. Более близкие параллели содержатся в романе Ф.-М. Клингера (1752–1731) «Фауст, его жизнь, деяния и низвержение в ад» («Fausts Leben, Thaten und Höllenfahrt», 1791; книга много раз переиздавалась на немецком и французском языках). В 4–6 главах романа развернута сатирическая панорама пиршества в преисподней — с детальным описанием напитков, кушаний, гостей и развлечений (конкретные переклички см. ниже). Стоит отметить, что в то время, когда Лермонтов создает свою сатиру, во Франции распространяется мода на diablerie: в литературе, журналистике, театре, изобразительном и прикладном искусстве на протяжении 1830-х гг. широко эксплуатируется фигура дьявола, показанная в разных стилистических модальностях (от «смешного» до «ужасного»). Один из ранних образцов литературной diablerie — сатирическая сказка О. де Бальзака «Comédie du diable», фрагменты из которой появились в парижских журналах в середине ноября 1830 г. (книжное издание — 1831). Пир у Сатаны описан здесь с явной оглядкой на Вольтера, острие сатиры направлено на литературные и театральные нравы Парижа, но, тем не менее, для лермонтовского стихотворения бальзаковский фон может быть не безразличен (русские современники Лермонтова сразу заметили эту сказку Бальзака: слабое подражание ей — «Большой выход у Сатаны» О. И. Сенковского было написано уже в 1832 г.).

Пир Асмодея. — Имя дьявола отсылает к традиции сатирического романа, а именно к «Хромому бесу» В. де Гевары (1641) и его более известному французскому аналогу — «Le Diable Boiteux» (1709) А.-Р. Лесажа (Lesage, 1668–1747). Бес Асмодей, поднимающий крыши и демонстрирующий герою-наблюдателю тайны и пороки городской жизни, — этот прием был востребован и отрефлектирован при создании сборника нравоописательных очерков «Париж, или Книга ста одного» (1-й вып. — 1831), к которому Жюль Жанен написал предисловие от имени Асмодея (при переизданиях название сборника получило префикс «Le Diable Boiteux»).

Ст. 7. *...самодержец Мефистофель...* — Имя Мефистофеля прочно связано с немецким сюжетом о докторе Фаусте в его народной и литературной обработке (Гете, Клингер и др.). В литературной демонологической классификации ни Асмодей, ни Мефистофель не замещают друг друга и не являются «самодержцами» преисподней, они подчиненные духи, хотя и высокого ранга (вопрос о персонификации чертей в богословской традиции первой половины XIX в. не ставился).

Ст. 9. *По правую сидел приезжий ****...* — Имя, замененное в рукописи четырьмя звездочками, обычно восстанавливается (по рифме) как *Павел*. Предположение, что речь идет об императоре Павле I, остается неподтвержденным (в нач. 1830-х гг. фигура Павла не была уже политически актуальной). Стоит, однако, обратить внимание на то, что у Вольтера в описании адского пира среди прочих знатных гостей поминается некий «король Севера» («D'un roi du Nord» — Voltaire 1819–1825: IX, 93), который у русских читателей XIX в. мог, несмотря на явный анахронизм, ассоциироваться с Павлом I, путешествовавшим по Европе под именем Comte du Nord (Граф Северный).

Ст. 10—13. *...По левую начальник докторов, / Великой Фауст, муж отличных правил. / (Распространять сужденья дураков / Он средство нам превечное доста-*

вил). — Речь идет об изобретении книгопечатания. В европейской и русской литературной традиции доктор Фауст иногда ошибочно отождествлялся с первопечатником Иоганном Фаустом (или Фустом), начавшим печатать книги почти одновременно с Гуттенбергом (около 1447 г.). В романе Клингера именно изобретение книгопечатания является главной заслугой Фауста перед дьяволом и причиной внимания к нему потусторонних сил: благодаря книгам увеличивается число грешников (Фауст вызывает адского духа в то время, когда его изобретение обсуждают на пиру у сатаны; см. Клингер 1961: 33–45).

Ст. 25. *«C'est trop commun!»* — Это слишком пошло! (*фр.*).

Ст. 33—36. *На стол твой я принес вино свободы ~ И начали в куски короны бить...* — В речи второго демона, вероятно, содержится намек на революционные события 1830 г. во Франции, Бельгии, Польше.

Ст. 33, 48. *На стол твой я принес вино свободы... На землю выплеснул напиток сладкой*. — Метафорические напитки на столе Сатаны описаны и у Клингера: «Бутылки были наполнены слезами лицемеров и неверных вдов, ханжей, людей, особо чувствительных и кающихся из слабодушия. Тут были также бутылки, наполненные слезами завистников, пролитыми при виде чужого счастья, слезами эгоистов, пролитыми при виде чужого горя от радости, что не их оно постигло. Были и слезы смеющихся наследников, и слезы сыновей, проливаемые над гробом скупого жестокого отца», etc. (Клингер 1961: 35–36).

Ст. 49—52. *В Москву болезнь холеру притащили. / Врачи вступились за нее тотчас, / Они морили и они лечили / И больше уморили во сто раз.* — Традиционный сатирический мотив (врач опаснее болезни) накладывается здесь на ситуацию в Москве и многих других российских городах во время эпидемии 1830–1831 гг. (см. примеч. к № 122), когда простой народ обвинял в распространении смертельной болезни медиков и администрацию, пытавшихся устроить карантины и провести другие санитарные мероприятия. В некоторых местах слухи переросли в волнения и прямые бунты (Севастополь, Новгород, Старая Русса, Петербург, Тамбов, и пр.). Показательно, что Бальзак в своем описании пира у Сатаны упоминает недавнюю холеру-морбус, сильно пополнившую население ада (Balzac 1831: 330; однако в первой публикации 1830 г. слова о холере еще отсутствовали).

Лит.: ЛЭ 1981: 415; Розанов 1914b: 378; Нольман 1941: 471–472; Эйхенбаум 1961: 321; Уманская 1971: 27; Буранок 1990: 110–111; Анненкова 2004: 57–61; Федотов 2010: 121–130.

153. Сон («Я видел сон: прохладный гаснул день...»).

Автограф неизвестен.
Копия: РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 1. № 21. Л. 14 об. — в тетради 20.
Печатается по копии.
Датируется 1830–1831 гг. по расположению копии в тетради 20 (подробнее см. в Преамбуле, п. 2.2.5).
Впервые: СВ. 1889. № 2. Отд. 1. С. 122–123.

В стихотворении варьируются мотивы стихотворения Байрона «Сон» («The Dream», 1816). На уровне отдельных образов и формул обнаруживаются также переклички со стихотворением «Тьма» («Darkness»), поэмами «Лара» и «Абидосская невеста» (Воробьев 2009: 41–44).

Ст. 5–6. *Всё было тихо, как луна и ночь, / И ветр не мог дремоты превозмочь...* — Переделка стихов Пушкина: «Тиха украинская ночь ~ / Своей дремоты превозмочь / Не хочет воздух...» из второй песни поэмы «Полтава», напечатанной в конце марта 1829 г. (Пушкин 1937–1957: V, 39).

Лит.: ЛЭ 1981: 523; Иванова 1950: 78–79; Удодов 1973: 169–70; Андроников 1977: 121; Глассе 1979: 97–98; Семенова 2004a: 45; Субботина 2004: 257–267; Ситдикова 2006b: 554–559.

154. На картину Рембрандта («Ты понимал, о мрачный гений...»).

Автограф неизвестен.
Копия: РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 1. № 21. Л. 15 — авторизованная (?), в тетради 20.
Печатается по копии.
Датируется 1830–1831 гг. по расположению копии в тетради 20 (подробнее см. в Преамбуле, п. 2.2.5).
Впервые: БдЧ. 1845. Т. 68. № 1. Отд. 1. С. 6–7 (в числе текстов под общим заголовком «Одиннадцать стихотворений, приписываемых Лермонтову»).

Высказывалось предположение, что в стихотворении имеется в виду картина Харменса ван Рейна Рембрандта (Rembrandt Harmensz van Rijn; 1606–1669) «Молодой монах-капуцин в высоком капюшоне». В 1830-е гг. картина находилась в художественной галерее Строгановых в Петербурге (в настоящее время хранится в Рейксмюзеуме, Амстердам). В 1830–1831 гг. Лермонтов жил в Москве, но представление о картине можно было получить, например, из иллюстрированного печатного описания галереи: Collection d'estompes d'après à quelques de la Galerie de son exc. m-r le compte A. Stroganoff. St.-Petersbourg, 1897, где, в частности, эта картина воспроизведена в виде гравюры (см.: Гроссман 1946: 61–74; Лермонтов 1989: I, 851).

Ст. 1–4. *Ты понимал, о мрачный гений, ~ Все то, чем удивил Бейрон.* — Определение Рембрандта, как художника «мрачного», «сумрачного», «темного», стало к эпохе Лермонтова общим местом. Однако сравнение мрачной манеры Рембрандта с английским поэтом восходит, видимо, к эссе Ш. Нодье, которое предваряло первый том сочинений Байрона на французском языке (Œuvres de lord Byron. Paris, 1830. Vol. 1. P. L).

Лит.: ЛЭ 1981: 329–330; Врангель 1913: 213; Гроссман 1946: 61–74; Иванова 1957: 134–35; Вацуро 1964: 55–56; Пейсахович 1964: 432; Ваняшова 1968: 269–287; Швачич 2005: 29–35.

155. К*** («О, полно извинять разврат!..»).

Автограф неизвестен.
Копия: РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 1. № 21. Л. 15–15 об. — авторизованная, в тетради 20.
Печатается по копии.

Датируется 1830–1831 гг. по расположению копии в тетради 20 (подробнее см. в Преамбуле, п. 2.2.5).
Впервые: СВ. 1889. № 1. Отд. 1. С. 10 (в ст. 2 слово «порфира» заменено точками).

Прямых указаний на то, кому посвящено это стихотворение, не имеется. Высказывалось мнение, что оно обращено к А. И. Полежаеву, однако серьезных аргументов в пользу этой точки зрения высказано не было. Возможно, что стихотворение адресовано А. С. Пушкину, автору стихотворений «Стансы» (1826), «Друзьям» (1828), «К вельможе» (1830), расцененных некоторыми из современников поэта, как ренегатство и низкая лесть. Вероятно, искать в этих стихах прямую адресацию непродуктивно; при этом, как показал В. Э. Вацуро, имеет смысл рассматривать «К***» в контексте стихотворения Пушкина «Андрей Шенье», что позволяет выявить здесь автобиографический пласт: «Адресат стихов не Шенье, но фигура поэта, наделенного чертами Шенье, наряду с чертами автобиографическими, как это было и в элегии „Из Андрея Шенье“» (Вацуро 2008: 295).

Ст. 7–8. *Изгнаньем из страны родной / Хвались повсюду, как свободой.* — Вероятно, здесь отразился заключительный пассаж из гимна Франции А. Шенье («À la France»), начинающийся словами: «Non, je ne veux plus vivre en ce séjour servile; / J'irai, j'irai bien loin me chercher un asile» (Chenier 1819: 241; «Нет, этих рабских стран отныне я не житель / Уйду, уйду я вдаль искать себе обитель...» — пер. Л. Остроумова: Шенье 1995: 167), за которыми следует описание вожделенного края, где царствует свобода и справедливость.

Лит.: ЛЭ 1981: 207; Маслов 1926: 309–312; Горький 1939: 161–162, 313; Кирпотин 1939: 32; Благой 1941: 378–379; Найдич 1952b: 393–400; Эйхенбаум 1961: 322–323; Обручев 1965: 9–26; Федоров 1967: 113–115; Васильев 1992: 125; Гиршман 1999: 110–117; Шанский 2002: 150–154; Вольперт 2008: 76–85, 295.

156. Прощанье («Прости, прости!..»).

Автограф неизвестен.
Копия: РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 1. № 21. Л. 15 об.–16. — в тетради 20.
Печатается по копии.
Датируется предположительно 1830–1831 гг. по расположению копии в тетради 20 (подробнее см. в Преамбуле, п. 2.2.5).
Впервые: СВ. 1889. № 3. Отд. 1. С. 85–86.

На основании стихотворного размера и отдельных лексических перекличек это и ряд других произведений Лермонтова, написанных двухстопным ямбом (№ 143, 229), сближались с аналогичными по стиховой форме текстами А. И. Полежаева (Васильев 1992: 125). Однако русская традиция двухстопных ямбов, восходящая, прежде всего, к элегическим опытам Парни, делает это сопоставление иррелевантным: более ранние и тематически близкие тексты этого размера можно найти у А. С. Пушкина, А. А. Дельвига, Е. А. Боратынского, Н. М. Языкова, А. Н. Глебова и др. (см.: Гаспаров 2000: 119–120; Мазур 2013: 135–137).

Лит.: ЛЭ 1981: 453.

157. К приятелю («Мой друг, не плачь перед разлукой...»).

Автограф неизвестен.
Копия: РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 1. № 21. Л. 16. — в тетради 20.
Печатается по копии.
Датируется предположительно 1830–1831 гг. по расположению копии в тетради 20 (подробнее см. в Преамбуле, п. 2.2.5).
Впервые: БдЧ. 1845. Т. 68. № 1. Отд. 1. С. 7–8 (в числе текстов под общим заголовком «Одиннадцать стихотворений, приписываемых Лермонтову»).

Адресат стихотворения не установлен.

Лит.: ЛЭ 1981: 211.

158. Смерть («Оборвана цепь жизни молодой...»).

Автограф неизвестен.
Копия: РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 1. № 21. Л. 16–16 об. — в тетради 20.
Печатается по копии.
Датируется предположительно 1830–1831 гг. по расположению копии в тетради 20 (подробнее см. в Преамбуле, п. 2.2.5).
Впервые: СВ. 1889. №2. Отд. 1. С. 123–124.

Лит.: ЛЭ 1981: 511; Асмус 1941: 108; Бродский 1945: 339; Пейсахович 1964: 423; Федоров 1967: 82, 323–28; Милевская 2003: 193–199; Фомина 2003: 107–112; Фомина 2004: 40–46.

159. Волны и люди («Волны катятся одна за другою...»).

Автограф неизвестен.
Копия: РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 1. № 21. Л. 16 об. — в тетради 20.
Печатается по копии.
Датируется предположительно 1830–1831 гг. по расположению копии в тетради 20 (подробнее см. в Преамбуле, п. 2.2.5).
Впервые: БдЧ. 1845. Т. 68. № 1. Отд. 1. С. 8 (в числе текстов под общим заголовком «Одиннадцать стихотворений, приписываемых Лермонтову»; текст соответствует копии ИРЛИ).

Ст. 5, читающаяся в копии «Волнам их *не*воля и холод дороже», вызывала сомнения издателей и комментаторов, полагавших, что в копии переписчик по ошибке заменил антонимом слово «воля», т. е. строка должна читаться: «Волнам их *воля* и холод дороже» (впервые замена была произведена П. А. Ефремовым (Ефремов 1873: II, 116), то же решение принято в Лермонтов 1954–1957 (I, 284, 439) и Лермонтов 1979–1981 (I, 260, 576); наиболее подробная, хотя и не всегда убедительная аргументация в пользу этого решения предложена в работе: Николева 1947: 70–71). Такая конъектура мотивировалась как на смысловом уровне (волны в поэтическом языке чаще предстают символом свободы, воли), так и на формальном («неволя» предполагает перебой ритма в тексте, написанном правильными дактилическими строками). Но, как отметил еще Эйхенбаум (Лермонтов 1935–1937, I: 507), подобные перебои ритма в трехсложниках или полиметрия из разных трехсложных размеров — характерная черта юношеской лирики Лермонтова, а образ волн мог связываться и

с темой несвободы (ср., например, в стихотворении Лермонтова «Примите дивное посланье...», № 305, а также, например, в хрестоматийном стихотворении В. А. Жуковского «Море»), которая соответствует мотиву холодности волн и предзаданности их движения (ср. «Волны катятся одна за другою...»). Более того, исходя из орфоэпической нормы эпохи, гораздо более вероятной является форма «волна́м», а не «во́лнам» (как следует ставить ударение, если принять конъектуру «Во́лнам их воля...»): по данным Поэтического подкорпуса Национального корпуса русского языка, для периода 1740-х–1840-х гг. не зафиксировано ни одного словоупотребления с корневым ударением в этой форме, все примеры, в том числе в лирике Лермонтова, дают только ударение «волна́м». На этом основании в настоящем издании конъектура в ст. 5 не вносится.

Лит.: ЛЭ 1981: 91; Эйхенбаум 1940: 494; Николева 1947: 70–76; Лермонтов 1964: I, 682; Жирмунский 1975: 480–481; Чагин 2003: 217.

160. Звуки («Что за звуки! неподвижен внемлю...»).

Автограф неизвестен.
Копия: РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 1. № 21. Л. 16 об. — 17 — в тетради 20.
Печатается по копии ИРЛИ.
Датируется предположительно 1830–1831 гг. по расположению копии в тетради 20 (подробнее см. в Преамбуле, п. 2.2.5).
Впервые: Саратовский справочный листок. 1875. № 256. 29 ноября. С. 1.

По не вполне достоверным сведениям, стихотворение навеяно игрой известного московского гитариста М. Т. Высотского (ок. 1791–1837), с которым Лермонтов, будучи студентом, встречался в 1830 г. и которому преподнес автограф «Звуков» (с датой «1830»; утрачен еще при жизни гитариста). Рассказ об этом со слов некоего Голикова записал историк гитары в России В. А. Русанов (Русанов 1899: 17–19).

Лит.: ЛЭ 1981: 176; Канн 1945: 12; Эйгес 1948: 516; Мануйлов 1954: 322–324; Пейсахович 1964: 439; Муз. энциклопедия 1973: 850; Чередниченко 1986: 89–92; Магидсон 1990: 25; Перси 2003: 162–189; Федоров 2004: 40.

161. 11 июля («Между лиловых облаков...»).

Автограф неизвестен.
Копия: РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 1. № 21. Л. 17 — авторизованная, в тетради 20.
Печатается по авторизованной копии.
Датируется предположительно 1830–1831 гг. по расположению копии в тетради 20 (подробнее см. в Преамбуле, п. 2.2.5).
Впервые: БдЧ. 1845. Т. 68. № 1. Отд. 1. С. 8–9 (в числе текстов под общим заголовком «Одиннадцать стихотворений, приписываемых Лермонтову».

Возможно, обращено к Н. Ф. Ивановой (см. примеч. к № 69), так же как и текстуально близкая 2-я часть «Видения» (№ 205). В тексте прослеживаются отдельные мотивы из стихотворений Байрона «The Dream» и «Darkness» (см.: Воробьев 2009: 41, 44–45). См. также примеч. к № 107.

Лит.: ЛЭ 1981: 351; Пейсахович 1964: 433; Глассе 1979: 96.

162. Первая любовь («В ребячестве моем тоску любови знойной...»).

Автограф неизвестен.
Копия: РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 1. № 21. Л. 17 об. — в тетради 20.
Печатается по копии.
Датируется предположительно 1830–1831 гг. по расположению копии в тетради 20 (подробнее см. в Преамбуле, п. 2.2.5).
Впервые: Саратовский справочный листок. 1875. № 256. 29 ноября. С. 1.

В «Первой любви» отмечались отдаленные переклички с песней Байрона «When I Roved a Young Highlander» («Когда я как горец...», 1808; Byron 1828: 4) — см.: Глассе 1979: 94; Воробьев 2009: 46, 59–60.

Лит.: ЛЭ 1981: 370; Эйхенбаум 1961: 303–304; Пейсахович 1964: 422–423; Сахаров 1993: 61–62.

163. Поле Бородина («Всю ночь у пушек пролежали...»).

Автограф неизвестен.
Копии: 1) РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 1. № 21. Л. 17 об.–18 об. — в тетради 20; 2) РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 4. № 85. Л. 19–21 — с копии в тетради 20 в «Материалах для биографии М. Ю. Лермонтова» В. Х. Хохрякова.
Печатается по копии в тетради 20 с исправлением в ст. 31 («тряслася» вместо «тряслась»).
Датируется предположительно 1830–1831 гг. по расположению копии в тетради 20 (подробнее см. в Преамбуле, п. 2.2.5).
Впервые: Лермонтов 1860: II, 102–105 (под заглавием «Бородино»).

Ранняя редакция стихотворения «Бородино» (1837; № 342). Возможно, обращение Лермонтова к данной теме связано с событиями в Польше 1830–1831 гг. Русские войска овладели предместьем Варшавы 26 августа 1831 г., в день годовщины Бородинской битвы, что вызвало появление многочисленных стихов, посвященных бородинской теме (см., например, брошюру «На взятие Варшавы. Три стихотворения В. А. Жуковского и А. С. Пушкина», СПб., 1831). Считается, что на замысел Лермонтова также оказала влияние поэма Вальтера Скотта «Поле Ватерлоо» (1815, рус. пер. 1827), с которой поэт познакомился в 1830 г. — видимо, именно к произведению В. Скотта восходит 11-строчная строфа «Поля Бородина».

В материалах В. Х. Хохрякова (РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 4. № 85. Л. 21) после текста стихотворения «Поле Бородина» следует запись: «К обработке этого сюжета относится и сохранившаяся записка о Бородинском сражении: „Le champ de Borodino“». Затем на французском языке приводится сама записка, содержащая компилятивный прозаический рассказ о Бородинской битве. Та же записка помещена в другой хохряковской тетради (РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 4. № 26. Л. 2) с подписью Лермонтова на французском языке: «M. Lermantoff». См.: Т. 4. № 592.

Лит.: ЛЭ 1981: 424; Дурылин 1934: 30–33; Дурылин 1941b: 180–184; Виноградов 1938: 289–291; Гинзбург 1940: 205; Азадовский 1960: 250; Бродский 1948: 24–27, 60–68; Ефимова 1961: 89–95; Эйхенбаум 1961: 72–73; Максимов 1964: 136–137; Пейсахович 1964: 484–485; Архипов 1965: 394–401; Ломинадзе 1985:

227–229; Серман 1997: 126–129; Кормилов 2014: 27–38.

164. Мой дом («Мой дом везде, где есть небесный свод...»).

Автограф неизвестен.
Копия: РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 1. № 21. Л. 19 об.–20 — в тетради 20.
Печатается по копии.
Датируется предположительно 1830–1831 гг. по расположению копии в тетради 20 (подробнее см. в Преамбуле, п. 2.2.5).
Впервые: СВ. 1889. № 3. Отд. 1. С. 88.

По наблюдению А. Н. Веселовского (1906: 183) тема стихотворения заимствована из «Паломничества Чайльд-Гарольда» Байрона (песнь IV, строфа 178; ср.: Byron 1828: 84). Подробнее см.: Воробьев 2009: 46–48.

Лит.: ЛЭ 1981: 283; Баак 1995: 144; Евчук 2002: 10–16; Пименова 2006: 276–285; Радомская 2006: 187–209; Ситдикова 2006а: 170–179; Котельников 2010: 153–154.

165. Смерть («Ласкаемый цветущими мечтами...»).

Автограф неизвестен.
Копия: РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 1. № 21. Л. 20–21 — в тетради 20.
Печатается по копии с исправлением в ст. 69 («во гроб» вместо «в гроб»), и конъектурами в ст. 76 («роились» вместо «рылись»), 77 («поедали» вместо «глодали»).
Датируется предположительно 1830–1831 гг. по расположению копии в тетради 20 (подробнее см. в Преамбуле, п. 2.2.5).
Впервые: СВ. 1889. № 2. Отд. 1. С. 124–127; Лермонтов 1889–1891: I, 79–82 (под заглавием «Ночь I» как вторая редакция этого стихотворения).

Вторая половина стихотворения (со стиха 70) повторяет с некоторыми изменениями текст стихотворения 1830 года «Ночь. I» (№ 70). Здесь усматривается непосредственное влияние стихотворения Байрона «The Darkness» («Тьма»).

Лит.: ЛЭ 1981: 511; Гинзбург 1940: 109; Федоров 1941; Эйхенбаум 1961: 334; Удодов 1973: 170, 302; Козьмина 1985: 24–40; Милевская 1996: 36–54; Фомина 2004: 40–46.

166. Стансы («Мне любить до могилы творцом суждено...»).

Автограф неизвестен.
Копия: РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 1. № 21. Л. 21 об. — авторизованная, в тетради 20.
Печатается по авторизованной копии.
Датируется предположительно 1830–1831 гг. по расположению копии в тетради 20 (подробнее см. в Преамбуле, п. 2.2.5).
Впервые: СВ. 1889. № 2. Отд. 1. С. 127.

Лит.: ЛЭ 1981: 527; Розанов 1941: 450; Евзерихина 1957: 221; Пейсахович 1964: 460.

167. 1831-го июня 11 дня («Моя душа, я помню, с детских лет...»).

Автограф неизвестен.

Копии: 1) РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 1. № 21. Л. 21 об.–25 — авторизованная, в тетради 20; 2) РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 4. № 85. Л. 23–29 с копии в тетради 20 в «Материалах для биографии М. Ю. Лермонтова» В. Х. Хохрякова.

Печатается по авторизованной копии с исправлением описок в ст. 26 («над мною» вместо «надо мною»), ст. 153 («прекрасней» вместо «прекрасной») и ст. 156 («Ничто» вместо «Но что»).

Датируется не ранее 11 июня 1831 г., исходя из даты, вынесенной в заглавие и, очевидно, обозначающей верхнюю границу датировки текста (terminus post quem). Эта дата, скорее, обозначает «дневниковую» природу текста, а не непосредственное время написания стихотворения (объем которого свидетельствует о многодневной работе).

Впервые: Лермонтов 1860: II, 105–115 (с купюрами в ст. 28, 29, 30); Лермонтов 1873: II, 88–96 (полностью).

По мнению Б. М. Эйхенбаума (1961: 48–49), жанр и строфическая организация стихотворения восходят к «Посланию к Августе» Байрона («Epistle to Augusta»; 1816; publ. 1830). Строфы 1, 2, 5 включены в драму «Странный человек» (1831; № 486), строфы 22, 24, 25 отчасти повторяют стихи поэмы «Джюлио» (1830; № 458). См. также примеч. к № 107.

Ст. 9–10. *Как часто силой мысли в краткой час / Я жил века и жизнию иной...* — Близкие мотивы, по наблюдению В. П. Воробьева (2009: 33–35), встречаются в нескольких текстах Байрона, ср.: «...for I had the share / Of life which might have fill’d a century...» («Epistle to Augusta»; Byron 1830: 304; *пер.:* «У меня была частичка жизни, которая могла бы вместить столетие»); «...for in itself a thought, / A slumbering thought, is capable, of years, — / And curdles a long life into one hour («The Dream», 1816; Byron 1828: 517; *пер.:* «потому что мысль сама по себе, дремлющая мысль, способна преодолевать года, и свертывать долгую жизнь в один час»); «And gather in that drop of time / A life of pain, an age of crime. <...> / Such moment pours the grief of years <...> / Though in Time’s record nearly nought, / It was Eternity to Thought!» («The Giaour», 1813; Byron 1828: 134; *пер.:* «И сходятся в такой капельке времени жизнь, наполненная болью, и эпоха, наполненная преступлениями. <...> Такое мгновение изливает горечь многих лет <...> Хотя в потоке времени почти ничто, оно было Вечностью для Мысли!»).

Ст. 25. *Известность, слава, что они? — а есть / У них над мною власть; и мне они / Велят себе на жертву всё принесть...* — Ср. у Байрона: «With false Ambition what had I to do? / Little with Love, and least of all with Fame; / And yet they came unsought, and with me grew, / And made me all which they can make — a Name» («Epistle to Augusta»; Byron 1830: 303; *пер.*: «Что мне было до ложного честолюбия, любви и, менее всего, до славы? И все-таки они пришли незваные, и вместе со мной выросли, и сделали все, что могли сделать мне — Имя»). Отмечено: Воробьев 2009: 33.

Ст. 57–59. *...О, когда б я мог / Забыть, что незабвенно! женской взор! / Причину стольких слез, безумств, тревог!* — Считается, что эти строки посвящены Н. Ф. Ивановой (см. примеч. к № 69).

Ст. 101–102. *Так в трещине развалин иногда / Береза вырастает молода...* — Как показал Б. М. Эйхенбаум (1924а: 66–67), это распространенное сравнение, несколько трансформируясь, переходит у Лермонтова из произведения в произведение: в данном стихотворении оно появляется из посвящения к трагедии «Испанцы» (1829–1830; Т. 3. С. 9), а затем встречается в финале поэмы «Литвинка» (1832; Т. 2. С. 221) и в поэме «Боярин Орша» (1835–1836; Т. 2. С. 259).

Лит.: ЛЭ 1981: 586–587; Ефремов 1861: 488–497; Тынянов 1924: 63, 69; Эйхенбаум 1924а: 40, 61, 62; Эйхенбаум 1961: 48–49, 56–57, 61–62; Гинзбург 1940: 64–65, 107–108; Нольман 1941: 478–479; Гинзбург 1962: 145–146; Пейсахович 1964: 472–473; Архипов 1965: 142–153; Коровин 1973: 39–41; Удодов 1973: 64, 105, 177, 302, 534; Журавлева 1978: 11–13.

168. Солнце осени («Люблю я солнце осени, когда...»).

Автограф неизвестен.
Копия: РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 1. № 21. Л. 25 об. — авторизованная, в тетради 20.
Печатается по авторизованной копии.
Датируется предположительно 1830–1831 гг. по расположению копии в тетради 20 (подробнее см. в Преамбуле, п. 2.2.5).
Впервые: СВ. 1889. № 3. Отд. 1. С. 88–89.

Предполагается, что адресатом стихотворения является Н. Ф. Иванова (см. примеч. к № 69).

Лит.: ЛЭ 1981: 520; Розанов 1942: 150–151, 153; Эйхенбаум 1961: 312; Удодов 1973: 139, 165.

169. Поток («Источник страсти есть во мне...»).

Автограф неизвестен.
Копия: РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 1. № 21. Л. 25 об.–26 — авторизованная, в тетради 20; последние восемь стихов зачеркнуты:

Пускай же мчится мой поток,
Неистовый и бурной,
Пускай от берега цветок
Отмоет он лазурной,
И увлечет с собою в путь,
И с ним погибнет где-нибудь
Вдвоем, забыт вселенной
В пустыне отдаленной.

Печатается по авторизованной копии.
Датируется предположительно 1830–1831 гг. по расположению копии в тетради 20 (подробнее см. в Преамбуле, п. 2.2.5).
Впервые: СВ. 1889. № 1. Отд. 1. С. 9.

Лит.: ЛЭ 1981: 438; Голованова 1972: 99; Удодов 1973: 390; Хетсо 1973: 49–56; Мурьянов 1978: 65; Манышева 2005: 144–147; Афанасьева, Скутина 2008: 86–93.

170. К*** («Не ты, но судьба виновата была...»).

Автограф неизвестен.

Копия: РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 1. № 21. Л. 26–26 об. — авторизованная (?), в тетради 20.

Печатается по копии с исправлением в ст. 18 («лишатся» вместо «лишится»).

Датируется предположительно 1830–1831 гг. по расположению копии в тетради 20 (подробнее см. в Преамбуле, п. 2.2.5).

Впервые: СВ. 1889. № 1. Отд. 1. С. 18–19.

Вероятно, обращено к Н. Ф. Ивановой (см. примеч. к № 69). Мнение Н. С. Пятковой (2008: 448–450), что стихотворение является вольным переложением одной из элегий Проперция (кн. II, эл. 5), в которой речь идет о любовной измене и мщении, представляется недостаточно обоснованным.

Лит.: ЛЭ 1981: 207; Андроников 1977: 121, 140; Красикова 2004: 104–112; Пяткова 2008: 448–450.

171. Ночь («В чугун печальный сторож бьет...»).

Автограф неизвестен.

Копия: РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 1. № 21. Л. 26 об.— в тетради 20.

Печатается по копии.

Датируется предположительно 1830–1831 гг. по расположению копии в тетради 20 (подробнее см. в Преамбуле, п. 2.2.5).

Впервые: СВ. 1889. № 1. Отд. 1. С. 10–11.

Стихотворение, вероятно, посвящено Н. Ф. Ивановой (см. примеч. к № 69); обнаруживает ряд сближений со стихотворениями «К ***» (№ 196) и и «К Н. И.......» (№ 208).

Лит.: ЛЭ 1981: 344–345; Пейсахович 1964: 449; Лермонтов 1964–1965: I, 619; Уразаева 1994: 28–29; Семенова 2004а: 47.

172. 1831-го января («Редеют бледные туманы...»).

Автограф неизвестен.

Копии: 1) РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 1. № 21. Л. 27 — в тетради 20; 2) РО ИРЛИ. Ф. 244. Оп. 1. № 124. Л. 93 — рукой А. Д. Закревского, университетского товарища Лермонтова, в альбоме Ю. Н. Бартенева, с разночтениями в ст. 7, 15; запись датирована 15 августа 1831 г., вместе со стихотворением в альбом Бартенева вписаны фрагменты поэм Лермонтова «Демон» и <«Азраил»>.

Печатается по копии в тетради 20 как позднейшему авторизованному источнику.

Датируется предположительно январем 1831 г. в соответствии с заглавием.

Впервые: СВ. 1889. Отд. 1. № 1. С. 15.

См. примеч. к № 107.

Лит.: ЛЭ 1981: 587–588; Лермонтов 1935–1937: I,: 319; Асмус 1941: 108; Бродский 1941:41–42.

173. К себе («Как я хотел себя уверить...»).

Автограф неизвестен.
Копия: РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 1. № 21. Л. 31–31 об. — в тетради 20.
Печатается по копии.
Датируется предположительно 1830–1831 гг. по расположению копии в тетради 20 (подробнее см. в Преамбуле, п. 2.2.5).
Впервые: СВ. 1889. № 1. Отд. 1. С. 19.

Вероятно, стихотворение адресовано Н. Ф. Ивановой (см. примеч. к № 69).

Лит.: ЛЭ 1981: 211; Бродский 1945: 197; Андроников 1977: 140; Детков 2002: 149–150.

174. «Душа моя должна прожить в земной неволе...».

Автограф неизвестен.
Копия: РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 1. №. Л. 31 об. — авторизованная (?), в тетради 20.
Печатается по копии.
Датируется предположительно 1830–1831 гг. по расположению копии в тетради 20 (подробнее см. в Преамбуле, п. 2.2.5).
Впервые: СВ. 1889. № 1. Отд. 1. С. 19.

Адресатом стихотворения, возможно, является Н. Ф. Иванова (см. примеч. к № 69).

Лит.: ЛЭ 1981: 149; Асмус 1941: 108–109; Бродский 1945: 186–187; Андроников 1977: 140.

175. Песня («Колокол стонет...»).

Автограф неизвестен.
Копия: РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 1. № 21. Л. 31 об.–32 — в тетради 20.
Печатается по копии.
Датируется предположительно 1830–1831 гг. по расположению копии в тетради 20 (подробнее см. в Преамбуле, п. 2.2.5).
Впервые: СВ. 1889. № 3. Отд. 1. С. 89.

Распространено мнение, что «Песня» является фольклорной имитацией, однако ни лексический инвентарь, ни стиховые формы не демонстрируют специфически фольклорных признаков. Наоборот, усложненная и интонационно затрудненная метрико-строфическая структура отчетливо расподобляет текст с русскими фольклорными образцами. Не обнаруживает фольклорной природы и сквозное, текстообразущее сравнение (сердце, как девушка, заключенная в монастыре): антропоморфный параллелизм не свойственен лирической фольклорной песне.

Лит.: ЛЭ 1981: 409; Эйхенбаум 1924а: 32; Песни 1936: 424; Шувалов 1941: 275; Чичеров 1959: 127–158; Гроссман 1948: 276–277; Пейсахович 1964: 464.

176. «Пускай поэта обвиняет...».

Автограф неизвестен.
Копия: РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 1. № 21. Л. 32 — в тетради 20.
Печатается по копии.
Датируется предположительно 1830–1831 гг. по расположению копии в тетради 20 (подробнее см. в Преамбуле, п. 2.2.5).
Впервые: Саратовский справочный листок. 1876. № 43. 26 февраля. С. 1.

Лит.: ЛЭ 1981: 455; Андроников 1977: 140; Ломинадзе 1985: 106–109.

177. Слава («К чему ищу так славы я?..»).

Автограф неизвестен.
Копия: РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 1. № 21. Л. 32–32 об. — в тетради 20.
Печатается по копии с исправлением в ст. 26 («песнию» вместо «песнью»).
Датируется предположительно 1830–1831 гг. по расположению копии в тетради 20 (подробнее см. в Преамбуле, п. 2.2.5).
Впервые: СВ. 1889. № 3. Отд. 1. С. 90–91.

Лит.: ЛЭ 1981: 508; Гуревич 1964: 159; Gurski 1970: 54–56; Удодов 1973: 63–64, 402.

178. Вечер («Когда садится алый день...»).

Автограф неизвестен.
Копия: РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 1. № 21. Л. 32 об. — в тетради 20.
Печатается по копии в тетради 20 с конъектурой в ст. 13 («Не для ничтожного глупца» вместо «Но для ничтожного глупца»).
Датируется предположительно 1830–1831 гг. по расположению копии в тетради 20 (подробнее см. в Преамбуле, п. 2.2.5).
Впервые: СВ. 1889. № 1. Отд. 1. С. 15–16.

Лит.: ЛЭ 1981: 85; Рубанович 1963: 143; Удодов 1973: 186.

179. «Унылой колокола звон...».

Автограф неизвестен.
Копия: РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 1. № 21. Л. 32 об.–33 — в тетради 20.
Печатается по копии.
Датируется предположительно 1830–1831 гг. по расположению копии в тетради 20 (подробнее см. в Преамбуле, п. 2.2.5).
Впервые: СВ. 1889. № 1. Отд. 1. С. 11–12.

Экспозиция стихотворения восходит к английской «кладбищенской» элегии XVIII в., воспринятой в России через поэзию В. А. Жуковского. Однако дальнейшее развитие текста заставляет ассоциировать его с той категорией стихотворных посланий (сатир), в которых обсуждаются задачи поэта и поэзии. Такая жанровая гибридизация — одна из характерных черт раннего творчества Лермонтова (см., например, стихотворение «Кладбище», № 102).

Лит.: ЛЭ 1981: 591; Эйхенбаум 1961: 337; Пейсахович 1964: 448.

180. «Хоть давно изменила мне радость...».

Автограф неизвестен.
Копия: РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 1. № 21. Л. 33–33 об. — в тетради 20.
Печатается по копии.
Датируется предположительно 1830–1831 гг. по расположению копии в тетради 20 (подробнее см. в Преамбуле, п. 2.2.5).
Впервые: СВ. 1889. № 1. Отд. 1. С. 16.

Предположение, что в стихотворении используются мотивы «Стансов к Августе» Байрона («Stanzas to Augusta», 1816), не представляется убедительным.

Нерегулярность смены трехсложников (анапеста и амфибрахия) и обилие внесхемных ударений приближает ритм стихотворения к дольнику.

Лит.: ЛЭ 1981: 604; Розанов 1942: 56; Пейсахович 1964: 445.

181. Звуки и взор («О, полно ударять рукой...»).

Автограф неизвестен.
Копия: РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 1. № 21. Л. 33 об.–34 — в тетради 20.
Печатается по копии.
Датируется предположительно 1830–1831 гг. по расположению копии в тетради 20 (подробнее см. в Преамбуле, п. 2.2.5).
Впервые: СВ. 1889. № 1. Отд. 1. С. 20.

Высказывалось предположение (Эйгес 1948: 518), что в стихотворении контрастно отразились мотивы одной из «Еврейских мелодий» Байрона («My soul is dark — Oh! quickly string...», 1815) — той самой, которую Лермонтов переведет в 1836 г. («Душа моя мрачна. / Скорей, певец, скорей! / Вот арфа золотая...»; № 328).

Лит.: ЛЭ 1981: 176; Сакулин 1914: 21–32; Эйгес 1948: 518; Коровин 1973: 18; Удодов 1973: 390; Мансурова 2003: 81–86; Берия 2004:128–137; Семенова 2004b: 25; Штайн 2004b: 533–537; Перси 2003: 162–189; Войтехович 2010: 115.

182. Земля и небо («Как землю нам больше небес не любить?..»).

Автограф неизвестен.
Копия: РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 1. № 21. Л. 34 — в тетради 20.
Печатается по копии.
Датируется предположительно 1830–1831 гг. по расположению копии в тетради 20 (подробнее см. в Преамбуле, п. 2.2.5).
Впервые: СВ. 1889. № 3. Отд. 1. С. 92.

Название стихотворения и его основной идейный конфликт отсылают к мистерии Байрона «Heaven and Earth» (1821), однако прямых текстуальных перекличек между этими произведениями отмечено не было.

Лит.: ЛЭ 1981: 176; Сакулин 1914; Асмус 1941: 114–115; Розанов 1941: 448; Бродский 1945: 187; Максимов 1964: 40; Эйхенбаум 1969: 441; Коровин 1973: 15–21; Удодов 1973: 302; Петросов 1989: 74–76; Харитонов 2004: 127–132; Ситдикова 2005: 578–580; Пименова 2006: 276–285.

183. К*** («Дай руку мне, склонись к груди поэта...»).

Автограф неизвестен.
Копия: РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 1. № 21. Л. 34–34 об. — в тетради 20.
Печатается по копии.
Датируется предположительно 1830–1831 гг. по расположению копии в тетради 20 (подробнее см. в Преамбуле, п. 2.2.5).
Впервые: СВ. 1889. № 1. Отд. 1. С. 20.

Лит.: ЛЭ 1981: 205.

184. Из Андрея Шенье («За дело общее, быть может, я паду...»).

Автограф неизвестен.
Копия: РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 1. № 21. Л. 34 об. — в тетради 20.
Печатается по копии.
Датируется предположительно 1830–1831 гг. по расположению копии в тетради 20 (подробнее см. в Преамбуле, п. 2.2.5).
Впервые: СВ. 1889. № 1. Отд. 1. С. 12–13.

Заглавие стихотворения отсылает к лирике казненного якобинцами французского поэта и публициста Андре Мари Шенье (Chénier; 1762–1794). При этом у Шенье отсутствует текст, который явился бы непосредственным источником лермонтовских стихов — биографический и поэтический опыт Шенье был воспринят Лермонтовым прежде всего всего через историческую элегию Пушкина «Андрей Шенье» (1825). Однако отдельные лермонтовские формулы и мотивы находят некоторое соответствие в поэзии Шенье. Так, мотивы самоубийства («Я сам себе сыщу безвременный конец...») отсылают к элегии XXXVI («O nécessité dure...»); мотивы изгнания и возможной смерти на чужбине перекликаются с элегией VI («Peut-être errant au loin sous le nouveaux climats...», etc.); формула «Ужасный жребий мой твоих достоин слез», которая варьируется в лермонтовском стихотворении «Когда одни воспоминанья...» (включено в драму «Странный человек»; см.: Т. 3. С. 227, 559), обычно возводится к стихотворению Т. Мура «When he who adores thee», однако ее следы прослеживаются и в VII элегии Шенье (Французская элегия 1989: 672–673).

Лит.: ЛЭ 1981: 182; Дюшен 1914: 127; Кирпотин 1970: 226; Гинзбург 1940: 65–66; Эйхенбаум 1940: 314; Пейсахович 1964: 422–423; Федоров 1967: 339; Французская элегия 1989: 672–673; Шенье 1995: 559; Нилова 2007 а: 249–252; Вольперт 2008: 68–85.

185. К*** («Не медли в дальной стороне...»).

Автограф неизвестен.
Копия: РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 1. № 21. Л. 35 — в тетради 20.
Печатается по копии.
Датируется предположительно 1830–1831 гг. по расположению копии в тетради 20 (подробнее см. в Преамбуле, п. 2.2.5).
Впервые: СВ. 1889. № 2. Отд. 1. С. 130.

Один из текстов Лермонтова, в которых отразилось влияние Байрона, в частности, здесь прослеживаются некоторые мотивы стихотворения «Farewell! If ever fondest prayer» (1808).

Лит.: ЛЭ 1981: 206.

186. Сосед («Погаснул день на вышинах небесных...»).

Автограф неизвестен.
Копия: РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 1. № 21. Л. 35–35 об. — в тетради 20.
Печатается по копии.
Датируется предположительно 1830–1831 гг. по расположению копии в тетради 20 (подробнее см. в Преамбуле, п. 2.2.5).
Впервые: СВ. 1889. № 1. Отд. 1. С. 13.

Стихотворение опирается на многочисленные «послания к соседу» — русские вариации одной из од Горация (II, 18). Переложения и оригинальные тексты Г. Р. Державина (1791), В. В. Капниста (1806), Н. М. Шатрова (1810), А. Ф. Мерзлякова (1815), и др. постулировали идеал счастья, построенный на умеренности, простоте и независимости (эпикурейский извод того же идеала вослед Грессе и Дюси разработал Батюшков в «Моих пенатах», 1811). Образ соседа у Лермонтова буквально смонтирован из горацианских топосов (и соответствующих русских поэтических формул), однако жизненная стратегия, построенная на умеренности и независимости, приводит (в истолковании Лермонтова) к тому же результату, что и мятеж романтического героя, — к экзистенциальному одиночеству. Подробнее см.: Охотин 2015.

Лит.: ЛЭ 1981: 523; Максимов 1964: 144–145; Сырица 2005: 267–272.

187. Стансы («Не могу на родине томиться...»).

Автограф неизвестен.
Копия: РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 1. № 21. Л. 35 об.–36 — в тетради 20.
Печатается по копии.
Датируется предположительно 1830–1831 гг. по расположению копии в тетради 20 (подробнее см. в Преамбуле, п. 2.2.5).
Впервые: СВ. 1889. № 1. Отд. 1. С. 16–17.

Считается, что стихотворение посвящено Н. Ф. Ивановой (см. примеч. к № 69).

Лит.: ЛЭ 1981: 527; Болдаков 1889; Андроников 1977: 140.

188. Мой демон («Собранье зол его стихия...»).

Автограф неизвестен.
Копия: РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 1. № 21. Л. 36–36 об. — в тетради 20.
Печатается по копии.
Датируется предположительно 1830–1831 гг. по расположению копии в тетради 20 (подробнее см. в Преамбуле, п. 2.2.5).
Впервые: СВ. 1889. № 1. Отд. 1. С. 13–14.

В 1829 г. было написано одноименное стихотворение (см. № 46), от которого в новой версии остались только первые четыре строки: Лермонтов существенно расширил и усложнил текст, а полемика с «Демоном» Пушкина (1824) стала резче и очевиднее. Стихотворение соотносится с рядом произведений, создававшихся синхронно: со 2-й редакцией поэмы «Демон», стихотворением «Я не для ангелов и рая» (№ 233) и поэмой «Ангел смерти» (особенно 3-я строфа; Т. 2. С. 114).

Лит.: ЛЭ 1981: 282; Замотин 1914: 22, 31, 34; Нейман 1914а: 81–83; Блок 1921: 491–92; Бем 1926: 765–766; Благой 1941: 365–366; Кирпотин 1941: 31; Гиреев 1958: 43–45; Удодов 1973: 274–275, 290, 299, 305; Коровин 1973: 38–39; Сиротин 2002: 423–508; Тицкая 2002: 164–165; Интизаров 2003: 190–196; Сахаров 2004: 137–164; Чекалина 2005: 104; Юсупова 2005: 122–123; Красюк 2009: 39–48; Сахарова 2009: 295–301; Лаптева 2010: 456–459; Головенкина 2012: 146–160.

189. Романс («Хоть бегут по струнам моим звуки веселья...»).

Автограф неизвестен.

Копия: РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 2. № 32. Л. 21–21 об. — с посмертной публикации, в тетради В. Шульца.

Печатается по публикации «Записок» Е. А. Сушковой в «Вестнике Европы» (1869. Т. 4. Кн. 8. С. 306–307), сделанной по рукописи и более исправной по сравнению с публикацией стихотворения в БдЧ.

Датируется предположительно 1830–1831 гг. по свидетельству Е. А. Сушковой (мемуаристка относит «Романс» к 1831 г.; но там же находим указание на то, что стихи хранились у А. М. Верещагиной с 1830 г. — см.: Сушкова 1928: 152–153).

Впервые: БдЧ. 1844. Т. 64. № 6. Отд. 1. С. 131 (в подборке стихотворений «Из альбома Е. А. Сушковой», с разночтением в ст. 9).

По уверению Е. А. Сушковой (см. примеч. к № 105) (Сушкова 1928: 152–153), «Романс» был адресован ей. А. Глассе (1979: 104–105) прослеживала в стихотворении переклички с текстами Байрона — «Стансы для музыки» («Stanzas for Music» («I speak not, I trace not...», 1814; «Stanzas for Music» («There's not a joy...», 1815); В. П. Воробьев (2009: 48–50) усматривал здесь также отдельные мотивы из стихотворения «Ирландская аватара» («The Irish Avatar», 1821). Ср.: Byron 1828: 533–534, 515–516.

Лит.: ЛЭ 1981: 474; Шувалов 1925: 68; Сушкова 1928: 152–153; Пейсахович 1964: 445; Никкарева 2009: 106–112.

190. «Я не крушуся о былом...».

Автограф: РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 1. № 6. Л. 18–18 об. — беловой, в тетради 6, текст ранней редакции, под заглавием «Стансы» (см. ниже).

Копии: 1) РГАЛИ. Ф. 1336. Оп. 1. № 21. Л. 38 — в альбоме М. Д. Жединской, под заглавием «Стансы» и пометой под текстом «1831 г.». Первый катрен читался иначе, чем в автографе: «Мгновенно пробежав умом / Всю цепь того, что прежде было — / Я не жалею о былом: / Оно меня не усладило», ст. 5–12 совпадали с текстом автографа (с отличием в ст. 6: «Страстями бурными»), а

вместо финальных ст. 15–28 следовало одно четверостишие: «Как метеор в вечерней мгле, / Она очам моим блеснула, / И бывши все мне на земле, / Как все земное обманула»; на соседних листах — копии стихотворений «<В альбом Д. Ф. Ивановой>» («Когда судьба тебя захочет обмануть...»; № 279) и «<В альбом Н. Ф. Ивановой>» («Что может краткое свиданье...»; № 280); 2) ОР РГБ. Ф. 456. Карт. 1. № 3. Л. 1 об. — без заглавия, на отдельном листке, рукой А. М. Верещагиной, ст. 1–12; на том же листке копия стихотворения «Возьми назад тот нежный взгляд...» (ст. 1–10), оба текста записаны на обороте счета, датированного «1835 года февраля 14»; 3) ОР РГБ. Ф. 456. Карт. 1. № 3. Л. 2 — без заглавия, на отдельном листке, рукой А. М. Верещагиной, вместе с копией стихотворения «Возьми назад тот нежный взгляд...» (ст. 1–7); ст. 1–16 (редакцию этой копии см. ниже).

Печатается по копии Верещагиной (3), отражающей наиболее позднюю редакцию стихотворения.

Датируется 1830 г. по времени записи ранней редакции в тетради 6; стихотворение перерабатывалось, судя по известным копиям, в последующие годы.

Впервые: Лермонтов 1889–1891: I, 97 (редакция автографа; заглавие «Стансы»); ЛГ. 1939. № 57. 15 октября (редакция альбома Жедринской); Гладыш, Динесман 1963: 57 (редакция копии Верещагиной).

Текст ранней редакции:

Я не крушуся о былом,
Оно меня не усладило.
Мне нечего запомнить в нем,
Чего б тоской не отравило!

Как настоящее, оно
Страстями чудными облито
И вьюгой зла занесено,
Как снегом крест в степи забытый!

Ответа на любовь мою
Напрасно жаждал я душою.
И если о любви пою —
Она была моей мечтою.

Я к одиночеству привык,
Я б не умел ужиться с другом;
Я б с ним препровожденный миг
Почел потерянным досугом.

Мне скучно в день, мне скучно в ночь.
Надежды нету в утешенье;
Она навек умчалась прочь,
Как жизни каждое мгновенье.

На светлый запад удалюсь,
Вид моря грусть мою рассеет.
Ни с кем в отчизне не прощусь —
Никто о мне не пожалеет!..

Быть может, будет мне о ком
Тогда вздохнуть, — и Провиденье
Заплатит мне спокойным днем
За долгое мое мученье.

Биографический подтекст стихотворения предельно обобщен, что позволяет лишь предположительно называть его адресатом Н. Ф. Иванову (см. примеч. к № 69).

Лит.: ЛЭ 1981: 526–527; Эйхенбаум 1940: 41; Гладыш, Динесман 1963: 57; Андроников 1977: 138–139.

191. «Возьми назад тот нежный взгляд...».

Автограф неизвестен.

Копии: 1) ОР РГБ. Ф. 456. Карт. 1. № 3. Л. 1 об. — на отдельном листке, рукой А. М. Верещагиной, вместе с копией стихотворения «Я не крушуся о былом...». Оба стихотворения записаны на обороте счета, датированного «1835 года февраля 14»; ст. 1–10; 2) ОР РГБ. Ф. 456. Карт. 1. № 3. Л. 2 — на отдельном листке, рукой А. М. Верещагиной, вместе с копией стихотворения «Я не крушуся о былом...»; ст. 1–7.

Печатается по копии 1, представляющей более полный текст (в копии 2 нет рефренов).

Датируется предположительно 1830–1831 гг. по аналогии с записанным на тех же листах стихотворением «Я не крушуся о былом...», однако редакция, зафиксированная копиями Верещагиной, может относиться и к более позднему времени.

Впервые: Гладыш, Динесман 1963: 59; как несомненно лермонтовское введено в собрание сочинений Э. Э. Найдичем: Лермонтов 1989: I, 239–240 (с датировкой <1831?>).

Первые публикаторы полагали, что стихотворение инспирировано разрывом поэта с Е. А. Сушковой (см. примеч. к № 105); впоследствии это мнение было оспорено Э. Э. Найдичем, считавшим, что адресат романса — Н. Ф. Иванова (см. примеч. к № 69) (Лермонтов 1989: I, 662). Не исключено, однако, что оба эти предположения справедливы: посвящение со временем могло сменить адресата (таким образом, предписание отвергнутой героине — «другого ими успокой» — может трактоваться как проекция любовного поведения самого Лермонтова).

В стихотворении используется форма романса, ориентированная на рондо, но без строгого соблюдения антепериформы (сквозного повторения слов в начале каждой строфы и в рефрене). Подобные формы были довольно распространены в русской поэзии начала XIX в. (см. примеч. к «Романсу»; № 19), однако избранная

Лермонтовым строфическая конструкция (Я44442 abbaa) для данного периода едва ли не уникальна.

Лит.: Гладыш, Динесман 1963: 59; Лермонтов 1989: I, 662.

192. Крест на скале («В теснине Кавказа я знаю скалу…»).

Автограф неизвестен.

Копии: 1) ОР РНБ. Ф. 429. № 64. Л. 28 — в тетради из собрания В. Х. Хохрякова, над заглавием помета: «Mlle Soushkoff»; перед ст. 11–12 сначала вписан другой вариант: «И гордо я сбросил бы цепь бытия / И душу б в небесные бросил края»; он аккуратно зачеркнут, и сделана помета: «Зачеркнуто в рукописи»; 2) РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 4. № 26. Л. 28 — в тетради В. Х. Хохрякова, его рукой; над текстом помета: «Mlle Souchkoff». Ст. 11–12 читаются: «И гордо я сбросил бы цепь бытия / И душу б в небесные бросил края», но затем они аккуратно зачеркнуты чернилами и все стихотворение перечеркнуто крест-накрест карандашом. Текст идентичен копии РНБ.

Печатается по копии ИРЛИ.

Датируется 1830 — маем 1833, в соответствии с адресацией стихотворения Е. П. Сушковой, а также по расположению стихотворения в обеих копиях рядом с новогодним мадригалом, обращенным к Е. П. Сушковой («Умеешь ты сердца тревожить…», № 253).

Впервые: Лермонтов 1889–1891: I, 57–58.

В копии ИРЛИ на правом поле запись П. А. Висковатова: «Это писано <?> к Додо Сушковой, как и следующее стихотворение <„Умеешь ты сердца тревожить…“> озаглавленное в черновой тетрадочке <?> „Додо“». Имеется в виду Евдокия Петровна Сушкова (в замужестве гр. Ростопчина; 1811–1858) — поэтесса, близкая знакомая Лермонтова (см. примеч. к № 226, 409).

Ст. 3–4. *Но крест деревянный чернеет над ней, / Гниет он и гнется от бурь и дождей.* — Эти стихи близки строкам 54–55 пятой редакции «Демона». («Чернеет ржавый крест, нагбенный / Усильем бури и дождей» — Т. 2. С. 499).

Ст. 11–12. *И после я сбросил бы цепь бытия, / И с бурею братом назвался бы я!* — Строки повторяются с изменением в поэме «Боярин Орша» («Забыл печали бытия / И бурю братом назвал я» — Т. 2. С. 272) и в поэме «Мцыри» («О, я как брат / Обняться с бурей был бы рад!» — Т. 2. С. 430).

Лит.: ЛЭ 1981: 233; Розанов 1941: 444; Баевский 1983: 471–474; Леснов 2001: 16.

193. «Послушай! вспомни обо мне…».

Автограф: РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 1. № 41. Л. 23 — беловой, в альбоме Н. И. Поливанова; в автографе приписка Поливанова с поправками рукой Лермонтова (выделено курсивом): «23-го марта 1831 г. Москва. Михайла Юрьевич Лермонтов написал *эти строки* в моей комнате во флигеле нашего дома на Молчановке, ночью, когда вследствие какой-то университетской шалости *он ожидал строгого наказания*».

Копия: РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 2. № 70. Л. 1 — неизвестной рукой, на отдельном листке, под заглавием «В альбом Н. И. Поливанова», из собрания П. Я. Дашкова. Под текстом примечание переписчика: «[Сообщено Н. И. Поливановым]. Стихи эти написаны были М. Ю. Лермонтовым 28 марта 1831 г., под впечатлением одной университетской истории, в которой он был замешан».

Печатается по автографу.

Датируется согласно авторизованной приписке в автографе.

Впервые: РС. 1875. № 4. С. 812.

«Университетская шалость», о которой упоминает Поливанов, — это так называемая «маловская история», в которой участвовал и Лермонтов: 16 марта 1831 г. студенты изгнали из университетской аудитории профессора уголовного права М. Я. Малова (1790–1849). Новые документы об этом скандале см.: Алексеев 2014: 202–215.

Николай Иванович Поливанов (1814–1874) — московский приятель Лермонтова в студенческие годы, учился вместе с ним в Школе гвардейских прапорщиков и кавалерийских юнкеров (герой «юнкерских поэм» по прозвищу Лафа).

Лит.: ЛЭ 1981: 425–426, 437; Поливанов 1875: 812–814; Бюлер 1876: 220–221; Кирпотин 1941: 18–19; Иванова 1957: 149–150; Эйхенбаум 1961: 294; Загорулько 1995: 22–24.

194. Завещание (Из Гёте) («Есть место: близ тропы глухой...»).

Автограф: РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 1. № 10. Л. 37 — беловой с исправлениями, в тетради 10, под заглавием «Завещание», вслед за автографом драмы «Странный человек» (Т. 3. № 486); на л. 1, который служит обложкой тетради, запись рукой Лермонтова: «Странный человек. Романтическая драма. 1831 года кончена 17 июля. Москва». В автографе помета: «(Середниково: ночью; у окна)».

Копии: 1) РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 1. № 21. Л. 36 об. — в тетради 20; с подзаголовком «(Из Гете)»; 2) РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 2. № 33. Л. 82 — в тетради копий юношеских стихотворений, с автографа ИРЛИ.

Печатается по копии в тетради 20 как позднейшему авторизованному источнику.

Датируется июлем–августом 1831 г. в соответствии с записью Лермонтова на л. 1 тетради 10.

Впервые: Саратовский справочный листок. 1876. № 43. 26 февраля. С. 1.

Заглавие в копии «Завещания» сопровождается указанием «(Из Гете)», однако у Гете нет стихотворения, которое могло служить Лермонтову образцом. Существует предположение, что это вольное переложение последней просьбы Вертера (в письме к Лотте) из романа Гете «Страдания молодого Вертера» («Die Leiden des jungen Werther»; 1774), при этом сходство стихотворения Лермонтова с письмом Вертера самое общее и выражается тематически: предчувствие смерти, просьба похоронить в пустынном месте и надежда на то, что это место и могила привлекут внимание путников (см.: Эйгес 1933: 72–74; Жирмунский 1981: 48–49).

Лит.: ЛЭ 1981: 172–173; Лермонтов 1935–1937: I,: 472–473; Федоров 1967: 244–246; Стадников 1997: 108–114.

195. «Сижу я в комнате старинной...».

Автограф: РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 1. № 10. Л. 37 об. — беловой, в тетради 10; в автографе помета «(Средниково) (В мыльне) (Ночью, когда мы ходили попа пугать)».

Копия: РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 2. № 33. Л. 82–82 об. — в тетради копий юношеских стихотворений, с автографа ИРЛИ.

Печатается по автографу.

Датируется июлем–августом 1831 г. в соответствии с записью Лермонтова на л. 1 тетради 10 и содержанием приписки.

Впервые: РМ. 1882. № 2. С. 167.

По свидетельству П. А. Висковатова, Лермонтов, «...много и серьезно читая..., в то же время находил забаву в том, чтобы... ходить... в глухие места воевать с воображаемыми духами» (Висковатов 1891: 90). Подобный ночной поход описан в данном стихотворении и дополнен припиской в автографе (мыльня — развалины бани; поп — священник середниковской церкви М. П. Зерцалов).

Ст. 1–2. *Сижу я в комнате старинной / Один с товарищем моим...*— Товарищ, о котором упоминается в стихотворении, — сын помещика Лаптева, имение которого находилось неподалеку от Середникова.

Ст. 24. *...Хоть не твоей любовью дан...* — Парафраз строки из стихотворения Пушкина 1827 г. «Талисман» («Он тебе любовью дан»; см.: Пушкин 1937–1959: III, 83).

Ст. 22–25. *Ничто... волшебный талисман ~ Он освящен твоей рукою!* — В этих четырех стихах, по-видимому, говорится о перчатке Е. А. Сушковой. Она вспоминала, что отдавала Лермонтову на сохранение шляпу, зонтик и перчатки, «но перчатки он часто затеривал» (Сушкова 1928: 109).

Лит.: ЛЭ 1981: 502–503; Висковатов 1891: 90; Иванова 1957: 133; Иванова 1959: 64–68; Пейсахович 1964: 451.

196. К*** («Всевышний произнес свой приговор...»).

Автограф: РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 1. № 11. Л. 1 — беловой с правкой, в тетради 11.

Копия: РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 2. № 33. Л. 82 об.–83 — в тетради копий юношеских стихотворений, с автографа ИРЛИ.

Печатается по автографу.

Датируется концом июля 1831 г. по расположению автографа в тетради (на л. 1 об. — помета: «29 июля»).

Впервые: ОЗ. 1859. Т. 127. № 11. Отд. 1. С. 259.

Стихотворение, видимо, обращено к Н. Ф. Ивановой (см. примеч. к № 69; упоминание о прощальном поцелуе и измене повторяется в ряде других стихотворений, адресованных ей).

Лит.: ЛЭ 1981: 205.

197. Желание («Зачем я не птица, не ворон степной...»).

Автограф: РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 1. № 11. Л. 1 об. — беловой с правкой, в тетради 11; с пометами: «(Средниково. Вечер на бельведере)», «(29 июля)».
Копии: 1) РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 1. № 21. Л. 36 об.–37 — в тетради 20; 2) РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 2. № 34. Л. 2–2 об. — в тетради копий юношеских стихотворений, копия с автографа ИРЛИ.
Печатается по копии в тетради 20 как позднейшему из авторизованных источников.
Датируется 29 июля 1831 г. согласно авторским пометам в тетради 11.
Впервые: ОЗ. 1859. Т. 127. № 11. Отд. 1. С. 259–260.

Стихотворение написано под впечатлением семейной легенды о предке Лермонтовых — знаменитом шотландском барде XIII в. Томасе Лермонте (Learmonth; ок. 1220–1298); представители этого рода поступили в русскую службу в начале XVII в. (см., например: ЛЭ 1981: 467–468; Лермонтов 2001–2002: X, 372–392). Для своей стилизации, в которой звучат отчетливые оссианические обертона, Лермонтов избрал уникальную метрическую схему (Аф4м+Ан3м), косвенно отсылающую, по мнению Дж. Уилкинсона, к балладам Жуковского, в частности, к балладе «Иванов вечер» (Wilkinson 1977: 197–200).

Лит.: ЛЭ 1981: 162; Трубицын 1912: 471, 502, 516; Эйхенбаум 1924а: 292; Эйхенбаум 1961: 292; Эйхенбаум 1936: 45; Сигал 1941: 343; Розанов 1942: 448; Бродский 1945: 342–343; Бродский 1964: 114; Штейнпресс 1959: 94; Уманская 1971: 268–270; Удодов 1973: 304–305.

198. К деве небесной («Когда бы встретил я в раю...»).

Автограф: РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 1. № 11. Л. 2 — беловой с правкой, в тетради 11.
Копии: 1) РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 1. № 21. Л. 37–37 об. — в тетради 20; 2) РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 2. № 33. Л. 83 об. — в тетради копий юношеских стихотворений, с автографа ИРЛИ.
Печатается по копии в тетради 20 как позднейшему из авторизованных источников.
Датируется концом июля — началом августа 1831 г. по расположению автографа в тетради 11 (на л. 1 об. датирующая помета «29 июля», на л. 3 — «7 августа»).
Впервые: Лермонтов 1889–1891: I, 179.

Адресат мадригала неизвестен.

Ст. 1–2. *Когда бы встретил я в раю / На третьем небе образ твой...* — Третье небо — евангельский образ, который встречается в одном из посланий Апостола Павла («восхищен был до третьего неба» — 2 Кор. 12, 2) и восходит к ветхозаветным апокрифам (в частности, к «Книге Еноха»). Однако в любовном контексте более актуальны дантовские представления о третьем небе (третья сфера рая под знаком Венеры), как месте, где обитают души любящих. Лермонтов, скорее всего, подразумевал образ Петрарки, опирающийся на концепцию Данте, в одном из сонетов на смерть мадонны Лауры: «Levommi il mio penser in parte ov’era / quella ch’io cerco, et non ritrovo in terra: / ivi, fra lor che ‘l terzo cerchio serra, / la rividi piú bella et

meno altera» (Canzoniere: CCCII; «Взнесусь я мыслями в страны небесны днесь, / Где та, которую вотще ищу я здесь... / Вот, в третьей высоте эфира голубова, / Она прекраснее и менее сурова» — пер. А. С. Норова: СО. 1821. № 8. С. 39–40; известен также пер. И. И. Козлова, 1835). Тексты Лермонтова и Петрарки объединяет мотив встречи героя с девой, пребывающей на третьем небе, однако этим сходство и ограничивается. Петраркианский мотив мог дойти до Лермонтова не непосредственно, а через целую цепочку текстов-посредников, восстановить которую не представляется возможным. Однако следует помнить, что данный сонет относился к числу романтически маркированных: именно его Тереза Гвиччиоли читала лорду Байрону на могиле Петрарки (1819).

Лит.: ЛЭ 1981: 209; Розанов 1942: 55; Максимов 1964: 40.

199. С<в.> Елена («Почтим приветом остров одинокой...»).

Автографы: 1) РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 1. № 10. Л. 37 об. — черновой набросок ст. 9–16 в тетради 10; 2) РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 1. № 11. Л. 2–2 об. — беловой с правкой, в тетради 11.

Копии: 1) РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 1. № 21. Л. 37 об. — в тетради 20; 2) РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 2. № 34. Л. 2 об.–3 — в тетради копий юношеских стихотворений, с автографа ИРЛИ в тетради 11.

Печатается по копии в тетради 20 как позднейшему из авторизованных источников.

Датируется концом июля — началом августа 1831 г. по расположению белового автографа в тетради 11 (на л. 1 об. датирующая помета: «29 июля», на л. 3 — «7 августа»).

Впервые: ОЗ. 1859. Т. 127. № 11. Отд. 1. С. 260.

Стихотворение входит в «наполеоновский цикл» стихотворений Лермонтова (см. примеч. к № 38). Написано, по-видимому, в связи с 10-летием смерти Наполеона (5 мая 1821 г.). В своем стихотворении Лермонтов, возможно, использовал ряд мотивов из оды В. Гюго «Два острова» («Les deux îles», 1825).

Ст. 7–8. *Порочная страна не заслужила, / Чтобы великий жизнь окончил в ней.* — Этот мотив подробнее развит в стихотворении «Последнее новоселье» (1841; № 407).

Лит.: ЛЭ 1981: 499; Пумпянский 1941: 409; Эйхенбаум 1961: 319; Пейсахович 1964: 468; Архипов 1965: 207–208; Фризман 1973: 120.

200. К другу В. Ш. («До лучших дней!» — перед прощаньем...»).

Автограф: РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 1. № 11. Л. 2 об. — беловой с правкой, в тетради 11.

Копия: РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 2. № 34. Л. 3–3 об. — в тетради копий юношеских стихотворений, с автографа ИРЛИ.

Печатается по автографу.

Датируется концом июля — началом августа 1831 г. по расположению автографа в тетради 11 (на л. 1 об. датирующая помета: «29 июля», на л. 3 — «7 августа»).

Впервые: ОЗ. 1859. Т. 127. № 11. Отд. 1. С. 261.

Обращено к Владимиру Александровичу Шеншину (1814–1873) — другу Лермонтова по Московскому университету. В стихотворении содержится намек на отношения с Н. Ф. Ивановой (см. примеч. к № 69).

Лит.: ЛЭ 1981: 209; Бродский 1945: 284; Лермонтов 1954–1957: VI, 699.

201. «Блистая пробегают облака...».

Автограф: РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 1. № 11. Л. 3 — беловой с правкой, в тетради 11, в автографе помета Лермонтова над текстом: «(7-го августа. В деревне на холме; у забора)».
Копия: РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 2. № 34. Л. 3 об.–4 — в тетради копий юношеских стихотворений, с автографа ИРЛИ.
Печатается по автографу.
Датируется 7 августа 1831 г. по помете в автографе.
Впервые: ОЗ. 1859. Т. 127. № 11. Отд. 1. С. 261–262.

Стихотворение написано в Середникове, подмосковной усадьбе Столыпиных, родственников Лермонтова, где поэт в 1829–1831 гг. проводил летние каникулы.

Лит.: ЛЭ 1981: 63; Кирпотин 1970: 224; Дурылин 1941b: 168–169; Пейсахович 1964: 482.

202. Атаман («Горе тебе, город Казань...»).

Автограф: РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 1. № 11. Л. 3 об.–4 — беловой с правкой, в тетради 11.

Копии: 1) РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 1. № 21. Л. 37 об.–38 об. — в тетради 20; ст. 11 читается: «Хоть его удалая семья»; 2) РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 2. № 34. Л. 4–5 — в тетради копий юношеских стихотворений, с автографа ИРЛИ.

Печатается по копии в тетради 20 как позднейшему авторизованному источнику с исправлениями описок в ст. 5 («вдоль» вместо «вдаль»), ст. 16 («молвит» вместо «молит») и ст. 43 («средь» вместо «среди») по автографу в тетради 11.

Датируется первой половиной августа 1831 г. по расположению автографа в тетради 11 (на л. 3 — датирующая помета «7 августа»).

Впервые: ОЗ. 1859. Т. 127. № 11. Отд. 1. С. 262–264.

Хотя материал народных песен разинского цикла был Лермонтову, вероятно, доступен, баллада «Атаман» ориентирована прежде всего на литературные имитации фольклорных текстов. Видимо, важным претекстом для лермонтовской баллады послужила «Русская разбойничья песня» С. П. Шевырева, опубликованная в «Московском вестнике» в 1828 г. Это был характерный образчик «литературной интерпретации фольклорных мотивов, с чертами поэтики „ужасного“, с „героем-злодеем“, с экспериментальным ритмическим рисунком». Такие свойства соответствовали творческим поискам самого Лермонтова и отразились, прежде всего, в поэме «Преступник» (1829), а затем в «Атамане» и «Воле» (Вацуро 1976: 217–218).

Ст. 45–48. *Остался ль ты хладен / И тверд, как в бою, / Когда бросили в пенные волны / Красотку твою?* — В песенном фольклоре мотив гибели разинской пленницы был зафиксирован значительно позже. Однако он мог быть известен Лер-

монтову по переводу рассказа голландского путешественника Я. Стрюйса, опубликованному в 1824 г. Пушкин включил этот эпизод в свои «Песни о Степане Разине» (1826), запрещенные к напечатанию, но известные в списках в московских литературных кругах.

Лит.: ЛЭ 1981: 39–40; Владимиров 1892: 11, 13; Мендельсон 1914: 169–170; Эйхенбаум 1940: 327; Чичеров 1959: 127–158; Вацуро 2008: 111–113.

203. Исповедь («Я верю, обещаю верить...»).

Автограф: РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 1. № 11. Л. 4 об.–5 — беловой с поправками, в тетради 11.
Копия: РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 2. № 34. Л. 5 об. — в тетради копий юношеских стихотворений, с автографа ИРЛИ.
Печатается по автографу.
Датируется началом августа 1831 г. по расположению автографа в тетради 11 (на л. 3 — датирующая помета «7 августа»).
Впервые: ОЗ. 1859. Т. 127. № 11. Отд. 1. С. 264.

Лит.: ЛЭ 1981: 202; Висковатов 1887: 107–126; Замотин 1914: 31-32; Алексеев 1940: 421, 423–426; Гинзбург 1940: 137; Уманская 1971: 223–226.

204. Надежда («Есть птичка рая у меня....»).

Автограф: РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 1. № 11. Л. 5 — беловой с правкой, в тетради 11.
Копии: 1) РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 1. № 21. Л. 38 об. — в тетради 20; 2) РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 2. № 34. Л. 6 — в тетради копий юношеских стихотворений, с автографа ИРЛИ.
Печатается по копии в тетради 20 как позднейшему авторизованному источнику.
Датируется первой половиной августа 1831 г. по расположению автографа в тетради 11 (на л. 3 — датирующая помета «7 августа»).
Впервые: СВ. 1889. № 2. Отд. 1. С. 127–128.

Отмечалось, что в стихотворении, вероятно, развернута и переработана метафора из повести А. А. Бестужева-Марлинского «Изменник» (1825): «Райская птичка — надежда летела передо мной и манила вперед своими блестящими крыльями» (Бестужев-Марлинский 1958: I, 145; Семенов 1914а: 622). Однако, у Марлинского мы видим всего лишь вариант расхожей метафоры или аллегорической фигуры: надежда (как и мечта), в поэзии и живописи той эпохи нередко обладали золотыми или радужными крыльями, изображалась в виде птицы, etc. Ср., например: «Надежды и мечты златые / Как птички быстро улетят» — Карамзин 1966: 136; «И вдруг вдали взлетит на радужных крылах / Надежда. — и, сквозь мрак судьбины злонаветной, / С восторгом человек течет во след безсмертной» — И. Ч<еславский>. Надежда // Подснежник на 1830 год. СПб., 1830. С. 95; «Как слабым смертным ты играешь, / Надежда, в целый век его! / Всечасно птичкой вкруг летаешь; / Но он к тебе — ты от него!» — Шаликов 1819: 173.

У Лермонтова затертая поэтическая метафора развертывается в детальное символическое описание. Это отчасти связывает стихотворение с традицией литературных волшебных сказок, прежде всего французских. Возможно, образ восходит к одной из многочисленных трактовок знаменитой сказки «Голубая птица» («L'Oiseau Bleu») баронессы М.-К. Онуа (d'Aulnoy, 1650 / 1651–1705) из сб. «Les Contes des Fées» (1697). Например, в сказке «Маленькая зеленая лягушка» («La petite Grenouille verte», 1731) из «Нового кабинета фей» разноцветная птичка появляется, чтоб оживить надежды больного овдовевшего короля: «A peine eut-il été seul quelques momens, qu'un oiseau, dont le plumage étoit éblouissant, vint, après avoir voltigé quelque tems, se poser sur sa fenêtre. Son plumage était bleu céleste et or*;* ses pieds et son bec étaient de rubis ; mais d'un si grand poli, que l'on n'en pouvait soutenir la vue; ses yeux effaçaient par leur éclat le feu des diamants les plus brillants; il avait sur sa tête une couronne; en bonne foi, je ne sais pas de quoi elle étoit; mais je sais sûrement qu'elle étoit encore plus écla tante que tout le reste» (Cabinet des fées 1786: 180–181; пер. И. Стаф: «Как только его на несколько минут оставили одного, на окно вспорхнула птица с ослепительным оперением. Перья у нее были небесно-голубые с золотом; лапы и клюв — рубиновые, и сверкали так, что невозможно было на них смотреть; глаза блеском затмевали самые яркие бриллианты, а на голове у птицы была корона; по правде говоря, я не знаю, из чего была эта корона, но зато мне достоверно известно, что сверкала она ярче всего остального. Я не в силах подобрать сравнения, чтобы вы представили себе, сколь приятным и ладным был весь ее облик. Про голос ее я ничего не могу сказать, ибо птица не пела; она только смотрела на короля, и от ее взгляда к нему возвратились силы» — Франц. лит. сказка XVII—XVIII вв. М., 1991. С. 279). Однако репертуар детского чтения (сказки из «Кабинета фей» читали в России еще в середине XIX в.) мог быть опосредован новой романтической словесностью. Возможно, отдаленным ориентиром для русского поэта был эпизод из восточной поэмы Роберта Саути (Southey, 1774–1843) «Талаба-разрушитель» («Thalaba the destroyer», 1801, book XI), где героя выводит из пустыни зеленая райская птичка («Green Bird of Paradise», «Green Warbler of the Bowers of Paradise»), символизирующая любовь и надежду. Ср. в этой связи в «Посвященье» (1832, № 306): «Так, посреди чужих степей, <...> / Прекрасный путник, птичка рая / Блестя лазоревым крылом, / Сидит на дереве сухом» (здесь *птичка рая* ассоциируется с поэтическим вдохновением). Более отдаленная параллель — в «Шильонском узнике» Байрона (1816), где к отчаявшемуся герою является птичка с лазоревыми крыльями и обнадеживает его своей песней: «But through the crevice where it came / That bird was perch'd, as fond and tame, / And tamer than upon the tree; / A lovely bird, with azure wings, / And song that said a thousand things, / And seem'd to say them all for me!» (Byron 1828: 133; пер. В. А. Жуковского, 1822: «Но там же, в свете, на стене / И мой певец воздушный был; / Он трепетал, он шевелил / Своим лазоревым крылом; / Он озарен был ясным днем; / Он пел приветно надо мной... / Как много было в песни той!» — Жуковский 1999–2013: IV, 44). Подробнее см.: Кардаш, Охотин 2015.

Ст. 9–12. *И только что земля уснет, / Одета мглой в ночной тиши, / Она на ветке уж поет / Так сладко, сладко для души...* — Ночное пение типологически сближает птичку Лермонтова с символическим соловьем английских поэтов: ср., например, в «Защите поэзии» П. Б. Шелли (1821): «Поэт — это соловей, который сидит в темноте

и поет, чтобы развеять собственное одиночество сладкими звуками» («A Defence of Poetry»; первая публикация: Shelley 1840: 14); сходный образ см. также у Дж. Китса в «Оде соловью» («Ode to Nightingale», 1819). Впрочем, символическое отождествление соловья с поэтом, встречается еще у античных авторов.

Лит.: ЛЭ 1981: 331; Сакулин 1914: 6; Пейсахович 1964: 433; Coyaud 1991: 79; Погосян 1992: 100.

205. Видение («Я видел юношу: он был верхом...»).

Автограф: РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 1. № 11. Л. 5 об.–7 — беловой с правкой, в тетради 11; заглавие заключено в скобки. После ст. 14 зачеркнуты следующие строки:

В тот самый миг, когда б решился бросить
К ногам любимого предмета жизнь,
Земное счастье и блаженство рая. —
Увы! он был душой далек от неба:
Ужасные кипели страсти в ней,
И гордый ум мятежно восставал
Противу власти бога или рока.

После ст. 21 зачеркнуто:

Он ищет переправы — не находит,
И сердце жмет досада. Деревянный видит он
На берегу другом давно знакомый
Чернеет дом, в одном окне свеча
И чья-то тень проходит — может быть
Она? — [тяжелые] [мучительные как]
[ужели] ему ли воротиться?

Копия: РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 2. № 34. Л. 6–8 — в тетради копий юношеских стихотворений, с автографа ИРЛИ.
Печатается по автографу.
Датируется первой половиной августа 1831 г. по расположению автографа в тетради 11 (на л. 3 — датирующая помета «7 августа»).
Впервые: РВ. 1857. Т. 9. № 11. С. 321–323 (в тексте драмы «Странный человек», с разночтениями); Лермонтов 1935–1937: I, 200–202 (как самостоятельное произведение).

Поэтическим образцом для стихотворения послужил «Сон» («The Dream», 1816) Байрона, посвященный Мэри Чаворт (см. примеч. к № 241). Вероятно, об этом стихотворении Байрона Лермонтов разговаривал с А. М. Верещагиной и настолько заинтересовал ее, что она просила сделать для нее перевод (поэт пометил в своей тетради: «Memor: перевесть в прозе: The Dream of Lord Byron pour miss Alexandrine» — Т. 4. С. 290). Биографическую подоснову «Видения» составляют действительные события летних месяцев 1831 г. (увлечение Н. Ф. Ивановой; см. примеч. к № 69). Стихотворение, видимо, в более ранней редакции, было включено в текст драмы «Странный человек» (1831; см.: Т. 3. С. 199, 557), но затем переработано в самостоятельное произведение. В эпиграф пьесы был поставлен фрагмент из байронова «Сна» (Т. 3. С. 182, 553–554).

Ст. 8–10. *...Пылали смуглые его ланиты, / И черной взор искал чего-то всё / В туманном отдаленье...* — Герою стихотворения приданы черты внешнего облика самого Лермонтова.

Ст. 22–23. *...И различил окно и дом, но мост / Изломан... и несется быстро Клязьма.* — На берегу Клязьмы находилось имение Ивановых.

Ст. 37–38. *...ее сестра / Идет к нему навстречу.* — Речь идет о Дарье Федоровне Ивановой (в замужестве Островской; 1815 / 1816?—1872).

Лит.: ЛЭ 1981: 86; Власов 1937: 14–15; Дурылин 1941b: 167–168; Иванова 1962: 63; Федоров 1967: 326–327; Андреев-Кривич 1973: 98–100; Махлевич 1977: 111; Глассе 1979: 96; Воробьев 2009: 35–41.

206. Чаша жизни («Мы пьем из чаши бытия...»).

Автограф: РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 1. № 11. Л. 7 об. — беловой с поправкой, в тетради 11.

Копии: 1) РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 1. № 21. Л. 39 — в тетради 20; 2) РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 2. № 34. Л. 8 об. — в тетради копий юношеских стихотворений, с автографа ИРЛИ.

Печатается по копии в тетради 20 как позднейшему авторизованному источнику.

Датируется августом 1831 г. по расположению автографа в тетради 11 (на л. 3 — датирующая помета «7 августа»).

Впервые: ОЗ. 1859. Т. 127. № 11. Отд. 1. С. 264–265.

Стихотворение представляет собой романтическую аллегорию, вероятно, переводного характера (источник не обнаружен). Отмечались мотивные параллели (скорее, типологического характера) со стихотворением С. П. Шевырева «Две чаши» (1826).

Лит.: ЛЭ 1981: 612; Розанов 1942: 56; Эйхенбаум 1961: 323, 336; Григорьева 1979: 191–197; Лилли 1997: 108–109; Жаткин 2001.

207. К Л.— (Подражание Байрону) («У ног других не забывал...»).

Автографы: 1) РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 1. № 11. Л. 9 об. — беловой, в тетради 11; заглавие и подзаголовок заключены в скобки; 2) Библиотека Колумбийского университета (Нью-Йорк, США): Columbia University Libraries. Rare Book & Manuscript Library. Ms Coll\Lermontov. Album 2. Sheet 107 — беловой, в альбоме А. М. Верещагиной, под заглавием «К*...»; краткая редакция стихотворения: ст. 9–16 отсутствуют, разночтения в ст. 5, 20–22.

Копии: 1) РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 2. № 40. Л. 6 — П. А. Висковатова с автографа (2) в альбоме А. М. Верещагиной; 2) РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 2. № 34. Л. 9 — в тетради копий юношеских стихотворений, с автографа ИРЛИ в тетради 11.

Печатается по автографу в тетради 11 (подробнее см. ниже).

Датируется августом — началом сентября 1831 года по положению автографа в тетради 11 (см. Преамбулу, п. 2.2.4), но, вероятно, начало работы над стихотворением относится еще к лету 1830 г.

Впервые: РВ. 1857. Т. 11. Кн. 2. С. 405–406 (по сообщению Е. А. Сушковой, без заглавия и ст. 9–16, с разночтениями в ст. 5, 7, 20–22, 24); ОЗ. 1859. Т. 127. № 11. Отд. 1. С. 265.

Хронологическое соотношение редакции тетради 11 и редакции в альбоме Верещагиной представляет серьезную проблему (ср. противоположные точки зрения Т. П. Головановой, считавшей альбомную версию более поздней — Голованова 1979: 17–18), и А. Глассе, полагавшей, что автограф в альбоме Верещагиной более ранний, чем текст тетради 11 — Глассе 1979: 98–99), так как записи в альбоме делались непоследовательно, с пропусками листов в течение 1830–1833 гг. (подробнее см. в Преамбуле, п. 2.3). В пользу датировки альбомного автографа 1830 г. свидетельствует Е. А. Сушкова, относившая в своих «Записках» время создания стихотворения к концу августа — началу сентября 1830 г. (Сушкова 1928: 127), однако нельзя исключать аберрации памяти в ее воспоминаниях. Исходя из этого в качестве источника основного текста выбран более надежно датируемый автограф в тетради 11, по которому традиционно печатается текст стихотворения.

Мотив разлуки, образ корабля и рефрен «Люблю, люблю одну» восходят к стихотворению Байрона «Стансы к***, написанные при отплытии из Англии» («Stanzas to a Lady on leaving England»; 1809). Возможно, под буквой «Л» в заглавии скрыто имя Варвары Александровны Лопухиной (в замужестве Бахметевой; 1815–1851), многолетнюю любовь к которой Лермонтов описывал в «Княгине Лиговской» (1836; Т. 4. № 490) и «Княжне Мери» (1839; Т. 4. С. 201), младшей дочери в семействе Лопухиных, жившем по соседству с бабушкой поэта Елизаветой Алексеевной Арсеньевой на Малой Молчановке. Е. А. Сушкова считала, что стихотворение обращено к ней и ошибочно датировала его 1830 г. Существует предположение, что Верещагина сознательно мистифицировала Сушкову, потому в альбоме Верещагиной и в записках Сушковой отсутствуют стихи 9–16 (упоминание корабля, отъезд из родной страны) и буква «Л» в заглавии. Существует также предположение, что стихотворение посвящено Н. Ф. Ивановой (см. примеч. к № 69), а буква «Л» в заглавии означает «Любимой».

Лит.: ЛЭ 1981: 209–210; Лермонтов 1889–1891: VI: 148; Аничков 1925–1926: 560–566; Сушкова 1928: 128; Лермонтов 1935–1937: I: 478–479; Нольман 1941: 475; Розанов 1942: 166; Федоров 1941: 150; Федоров 1967: 249–250; Комарович 1941: 644, 648; Голованова 1979: 17–18.

208. К Н. И..... («Я не достоин, может быть...»).

Автограф: РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 1. № 11. Л. 9 об.–10 — беловой с поправками, в тетради 11.
Копия: РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 2. № 34. Л. 9 об.–10 — в тетради копий юношеских стихотворений, с автографа ИРЛИ.
Печатается по автографу.
Датируется августом — началом сентября 1831 года по положению автографа в тетради 11 (см. Преамбулу, п. 2.2.4).
Впервые: Лермонтов 1889–1891: I, 187–188.

Стихотворение обращено к Н. Ф. Ивановой (см. примеч. к № 69).

Лит.: ЛЭ 1981: 210; Андроников 1977: 120–121.

209. А. Д. З..... («О ты, которого клеврет твой верный Павел...»).

Автограф: РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 1. № 11. Л. 10 — беловой, в тетради 11.
Копия: РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 2. № 33. Л. 86 — в тетради копий юношеских стихотворений, с автографа ИРЛИ.
Печатается по автографу.
Датируется августом — началом сентября 1831 года по положению автографа в тетради 11 (см. Преамбулу, п. 2.2.4).
Впервые: РБ. 1913. № 8. С. 79.

Стихотворение можно отнести к жанру сатиры, обращено оно к Андрею Дмитриевичу Закревскому (1813— после 1850), товарищу Лермонтова по Московскому университету. Закревский известен был в Москве как автор анонимной книжки «Подарок ученым на MDCCCXXXIV год... О Царе-Горохе...» (1834), в которой вышучивались профессора М. Г. Павлов, М. Т. Каченовский, М. П. Погодин, И. И. Давыдов, журналистские повадки Н. А. Полевого, тематика повестей некоторых тогдашних писателей. Особенно остро высмеивались в памфлете Закревского Булгарин и Греч — главные представители коммерциализированной прессы.

Ст. 1. *...клеврет твой верный Павел* — слуга А. Д. Закревского.

Ст. 3. *Валерьян* — Кн. Валериан Павлович Гагарин (1812— после 1848, ранее 1872), студент словесного отделения университета, член дружеского кружка, в который входил Лермонтов.

Ст. 6. *Алырь* (просторечное) — обманщик, фокусник, гуляка. *...великий Теличеев* — Дмитрий Павлович Тиличеев (1812–1861), соученик и знакомый Лермонтова по Московскому университету.

Лит.: ЛЭ 1981: 27; Лернер 1913: 79–81; Бродский 1941: 40–68; Пейсахович 1964: 467.

210. Воля («Моя мать — злая кручина...»).

Автограф: РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 1. № 11. Л. 19 об.–20 — беловой с поправками, в тетради 11; заглавие в скобках.
Копии: 1) РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 1. № 21. Л. 39–39 об. — в тетради 20; 2) РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 2. № 34. Л. 10–10 об. — в тетради копий юношеских стихотворений, с автографа ИРЛИ в тетради 11.
Печатается по копии в тетради 20 как позднейшему авторизованному источнику.
Датируется сентябрем 1831 года по положению автографа в тетради 11 (см. Преамбулу, п. 2.2.4).
Впервые: ОЗ. 1859. Т. 127. № 11. Отд. 1. С. 265–266.

Имитация народной песни, ориентированная, видимо, на стихотворение С. П. Шевырева «Русская разбойничья песня» (1828). Текст с некоторыми изменениями вошел в текст романа «Вадим» в качестве песни пугачевцев (Т. 4. С. 41–42).

Лит.: ЛЭ 1981: 92; Дурылин 1934: 27; Эйхенбаум 1940: 327; Розанов 1942: 157–159; Елеонский 1956: 150; Вацуро 1976: 218.

211. Сентября 28 («Опять, опять я видел взор твой милой...»).

Автограф: РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 1. № 11. Л. 20–20 об. — беловой с правкой, в тетради 11; после ст. 16 зачеркнуты следующие строки:

Они так сходны! как! ужели годы
Разрознить могут нас?..
Что значит власть против цепей природы?
Один счастливый час
Сильней закона, клятв и обещаний —
[Нет буду]
Я буду награжден

Копии: 1) РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 1. № 21. Л. 39 об.–40 — в тетради 20; 2) РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 2. № 34. Л. 11–11 об. — в тетради копий юношеских стихотворений, с автографа ИРЛИ.
Печатается по копии в тетради 20 как позднейшему авторизованному источнику.
Датируется по расположению автографа в тетради 11 и дате в заглавии.
Впервые: БЗ. 1861. Т. 3. № 16. Стлб. 495–496.

Указывалось, что в стихотворении описываются отношения поэта с Н. Ф. Ивановой (в таком случае супружество героини — поэтическая условность: Иванова вышла замуж в 1835 г.; см. примеч. к № 69). См. также примеч. к № 107.

Лит.: ЛЭ 1981: 501; Ефремов 1861; Висковатов 1891: 150; Аничков 1925–1926: 741; Лермонтов 1935–1937: I: 481; Бродский 1945: 339; Андроников 1977: 140.

212. «Не верь хвалам и увереньям...».

Автографы: 1) РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 1. № 11. Л. 21 — беловой с правкой, в тетради 11; под заглавием «К:»; 2) Библиотека Колумбийского университета (Нью-Йорк, США): Columbia University Libraries. Rare Book & Manuscript Library. Ms Coll\Lermontov. Album 2. Sheet 110 (фотокопия: РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 2. № 167. Л. 4) — беловой, в альбоме А. М. Верещагиной-Хюгель, другая редакция, под заглавием «К:» (см. ниже).

Копии: 1) РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 2. № 40. Л. 7 — П. А. Висковатова с альбома А. М. Верещагиной (см. автограф 2), здесь озаглавлено «К»; 2) РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 2. № 32. Л. 20 об. — в тетради В. Шульца, под заглавием «К ней же» (т. е. к Е. А. Сушковой); копия с первой публикации; 3) РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 2. № 34. Л. 10 об. — в тетради копий юношеских стихотворений, с автографа ИРЛИ в тетради 11, под заглавием «К N».

Датируется концом сентября — началом октября 1831 г. по положению автографа в тетради 11 (см. Преамбулу, п. 2.2.4).

Впервые: БдЧ. 1844. Т. 64. № 6. Отд. 1. С. 129 (в подборке стихотворений «Из альбома Е. А. Сушковой», под заглавием «К ней же» и датой: «1830», ст. 6–7 читаются: «Мой взор не скроет ничего: / С тобою грех мне лицемерить»).

Редакция автографа (2) в альбоме Верещагиной:

Зови надежду сновиденьем,
Неправду истиной зови,
Не верь хвалам и увереньям,
Но верь, о верь моей любви! —
Такой любви нельзя не верить,
Мой взор не скроет ничего:
Ты не способна лицемерить,
Ты слишком ангел для того.

Хронологическое соотношение редакции тетради 11 и редакции в альбоме Верещагиной не может быть в точности установлено, так как записи в альбоме делались непоследовательно, с пропусками листов в течение 1830–1833 гг. (подробнее см. в Преамбуле, п. 2.3). По воспоминаниям Е. А. Сушковой (см. примеч. к № 105), приведшей в своих записках иную версию текста, отличную от обоих автографов (см.: Сушкова 1928: 124), стихотворение было написано Лермонтовым летом 1830 г., что не противоречит времени заполнения альбома Верещагиной. В таком случае редакция тетради 11 оказывается более поздней.

Адресат не установлен. По свидетельству Е. А. Сушковой, стихотворение обращено к ней (Сушкова 1928: 124). Текст, приведенный в «Записках» Сушковой, расходится со всеми другими источниками и, возможно, опубликован ею по памяти. Более вероятно, что стихотворение, написанное в 1831 г. и связано с «ивановским» циклом (см. примеч. к № 69), а к Сушковой могло попасть от Верещагиной. Вместе с тем, вторая строфа стихотворения с некоторыми изменениями вошла в посвящение к третьей редакции «Демона», обращенное к В. А. Лопухиной (см. примеч. к № 207).

Ст. 1–4. *Не верь хвалам и увереньям, / Неправдой истину зови, / Зови надежду — сновиденьем... / Но верь, о, верь моей любви.* — Парафраз стихов из письма Гамлета к Офелии в переводе М. П. Вронченко (акт II, явл. 2): «Не верь, что огнь горит в звездах, / Что солнце ходит в небесах; / Неправдой истину зови, / Но верь, о верь моей любви» (Шекспир 1828: 55).

Ст. 5–8. *Такой любви нельзя не верить, / А взор не скроет ничего. / Ты не способна лицемерить, / Ты слишком ангел для того.* — Эти стихи Лермонтов перерабатывал для включения в одну из ранних редакций «Демона» — см. черновой набросок в той же тетради 11 (Л. 30) перед двумя отрывками из поэмы (см.: Т. 2. С. 638; примеч. к № 475): «Тебе нельзя мне не поверить, / А взор не скроет ничего; / Ты не способна лицемерить, / Ты слишком ангел для того!»; в несколько измененном виде эти строки вошли в посвящение к 3-й редакции «Демона» («Прими мой дар, моя мадона!..»; РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 1. № 27. Л. 2; Т. 2. С. 479).

Лит.: ЛЭ 1981: 177–178; Сушкова 1928: 92; Иванова 1950: 33, 115, 120; Пейсахович 1964: 432; Эйхенбаум 1968: 70; Удодов 1973: 311–314; Голованова 1979: 7–23.

213. «Прекрасны вы, поля земли родной...».

Автограф: РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 1. № 11. Л. 23 — беловой с правкой, в тетради 11; текст зачеркнут.

Печатается по автографу.

Датируется октябрем–ноябрем 1831 г. по расположению автографа в тетради 11 (см. Преамбулу, п. 2.2.4) и по предположению о том, что в стихотворении идет речь о смерти отца поэта, Ю. П. Лермонтова (1 октября 1831 г.; см. ниже).

Впервые: Лермонтов 1889–1891: I, 191.

Ст. 15. *И позабытый прах, но мне, но мне бесценный.* — Вероятно, речь идет о смерти Ю. П. Лермонтова (1 октября 1831) — см. примеч. к стих. «Ужасная судьба отца и сына...» (№ 227) и «Эпитафия» (№ 276).

Лит.: ЛЭ 1981: 444; Дурылин 1941b: 193–194.

214. «Метель шумит и снег валит...».

Автограф: РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 1. № 11. Л. 23 — беловой с поправками, в тетради 11; после ст. 12 зачеркнуты следующие строки:

Нет, не меня зовет сей звук;
Я для могилы не созрел;
Ей надо много, много мук,
Но столько же преступных дел.

Печатается по автографу.

Датируется октябрем–ноябрем 1831 г. по расположению автографа в тетради 11 (см. Преамбулу, п. 2.2.4).

Впервые: ОЗ. 1859. Т. 127. № 11. Отд. 1. С. 266.

Стихи, возможно, связаны со смертью Ю. П. Лермонтова.

Лит.: ЛЭ 1981: 279; Эйхенбаум 1940: 317.

215. Песня («Ликуйте, друзья, ставьте чаши вверх дном...»).

Автограф: РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 1. № 11. Л. 23 об. — беловой с поправками, в тетради 11.

Копии: 1) РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 1. № 21. Л. 40 — в тетради 20; 2) РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 2. № 34. Л. 11 об. — в тетради копий юношеских стихотворений, с автографа ИРЛИ.

Печатается по копии в тетради 20 как позднейшему авторизованному источнику.

Датируется октябрем — ноябрем 1831 г. по расположению автографа в тетради 11 (см. Преамбулу, п. 2.2.4).

Впервые: Лермонтов 1889–1891: I, 176.

Написано в традиции застольных и заздравных песен конца XVIII — нач. XIX в. Можно предположить воздействие анакреонтической лирики Пушкина.

Лит.: ЛЭ 1981: 409; Пейсахович 1964: 455.

216. Небо и звезды («Чисто вечернее небо...»).

Автограф: РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 1. № 11. Л. 23 об. — беловой с поправкой в ст. 15, в тетради 11.
Копии: 1) РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 1. № 21. Л. 40–40 об. — в тетради 20; ст. 15 читается: «Только их место занять бы желал»; 2) РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 2. № 34. Л. 12 — в тетради копий юношеских стихотворений, с автографа ИРЛИ.
Печатается по копии в тетради 20 как позднейшему авторизованному источнику.
Датируется октябрем–ноябрем 1831 г. по расположению автографа в тетради 11 (см. Преамбулу, п. 2.2.4).
Впервые: БдЧ. 1845. Т. 68. № 1. Отд. 1. С. 9.

Лит.: ЛЭ 1981: 337–338; Висковатов 1891: 146–147; Розанов 1901: 2–3; Розанов 1942: 153–154; Пейсахович 1964: 453–454; Рубанович 1968: 41; Лотман 1996: 810–815.

217. Счастливый миг («Не робей, краса младая...»).

Автограф: РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 1. № 11. Л. 24 — беловой с правкой, в тетради 11. После ст. 24 в автографе следовало:

Жалко мне очей бесценных
Яркой пламень затемнять
И в объятьях вожделенных
Эти прелести измять.

Копия: РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 2. № 34. Л. 12–13 — в тетради копий юношеских стихотворений, с автографа ИРЛИ.
Печатается по автографу.
Датируется октябрем–ноябрем 1831 г. по расположению автографа в тетради 11 (см. Преамбулу, п. 2.2.4).
Впервые: РБ. 1913. № 8. С. 79–80 (строфы 3–4 напечатаны в обратной последовательности).

Выдвигалось предположение (Васильев 1992: 124), что «Счастливый миг» написан под влиянием эротических стихов Полежаева («Дженни», 1826?), распространявшихся в списках среди московского студенчества, однако, формальных оснований для такого сближения не много (тексты объединяет лишь одна общая черта: описание сексуальных действий передается синхронной речью героя, обращенной к неопытной любовнице).

Лит.: ЛЭ 1981: 557; Лернер 1913; Пейсахович 1964: 468–469.

218. «Когда б в покорности незнанья...».

Автограф: РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 1. № 11. Л. 24 об. — беловой с правкой, в тетради 11.
Копии: 1) РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 1. № 21. Л. 40 об. — в тетради 20; 2) РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 2. № 34. Л. 13–13 об. — в тетради копий юношеских стихотворений, с автографа ИРЛИ.
Печатается по копии в тетради 20 как позднейшему авторизованному источнику.
Датируется октябрем– ноябрем 1831 г. по расположению автографа в тетради 11 (см. Преамбулу, п. 2.2.4).
Впервые: ОЗ. 1859. Т. 127. № 11. Отд. 1. С. 267.

По предположению У. Викери, это стихотворение, написанное одической строфой (AbAbCCdEEd), в содержательном плане контрастно корреспондирует с более поздним текстом Лермонтова «Гляжу на будущность с боязнью...» (№ 352), где также используется эта строфическая форма (Vickery 2001: 165–168).

Лит.: ЛЭ 1981: 226–227; Эйхенбаум 1961: 336; Максимов 1964: 14, 39; Пейсахович 1964: 483; Удодов 1973: 311, 432.

219. К кн. Л. Г-ой («Когда ты холодно внимаешь...»).

Автограф: РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 1. № 11. Л. 25 об. — беловой с поправками, в тетради 11.
Копия: РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 2. № 34. Л. 13 об.–14 — в тетради копий юношеских стихотворений, с автографа ИРЛИ.
Печатается по автографу.
Датируется октябрем — ноябрем 1831 г. по расположению автографа в тетради 11 (см. Преамбулу, п. 2.2.4).
Впервые: БЗ. 1859. Т. 2. № 12. Стлб. 383–384.

Возможно, стихотворение обращено к кн. Елизавете Павловне Горчаковой (1812–1889), двоюродной сестре Н. Ф. Ивановой (см. примеч. к № 69).

Лит.: ЛЭ 1981: 209; Лермонтов 1935–1937: I: 484; Андроников 1936: 208; Бродский 1945: 339; Удодов 1973: 186–188.

220. «Кто видел Кремль в час утра золотой...».

Автограф: РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 1. № 11. Л. 26 об. — беловой, в тетради 11.
Печатается по автографу.
Датируется октябрем–ноябрем 1831 г. по расположению автографа в тетради 11 (см. Преамбулу, п. 2.2.4).
Впервые: Лермонтов 1889–1891: I, 194.

Вероятно, начало незаконченного или не дошедшего до нас стихотворения. Первый подступ Лермонтова к московской теме, развитой в поэме «Сашка» (1835; строфы 6–8: Т. 2. С. 289–290), очерке «Панорама Москвы» (1834; Т. 4. № 496) и др. См. также примечания к № 297 («Два великана»).

Лит.: ЛЭ 1981: 236.

221. «Я видел тень блаженства; но вполне...».

Автограф: РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 1. № 11. Л. 26 об.–27 — беловой с правкой, в тетради 11.
Копия: РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 2. № 34. Л. 14–14 об. — в тетради копий юношеских стихотворений, с автографа ИРЛИ.
Печатается по автографу.
Датируется октябрем — ноябрем 1831 г. по расположению автографа в тетради 11 (см. Преамбулу, п. 2.2.4) и по содержанию (см. ниже).
Впервые: ОЗ. 1859. Т. 127. № 11. Отд. 1. С. 267–268.

В стихотворении речь идет, по-видимому, о любви автора к Н. Ф. Ивановой (см. примеч. к № 69).

Ст. 33–34. *О мой отец! где ты? где мне найти / Твой гордый дух, бродящий в небесах...* — Эти строки содержат упоминание о смерти отца поэта, последовавшей 1 октября 1831 г. (см. примеч. к стих. «Ужасная судьба отца и сына», 1831; № 227).

Лит.: ЛЭ 1981: 640; Пейсахович 1964: 472.

222. К*** («О, не скрывай! ты плакала об нем...»).

Автограф: РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 1. № 11. Л. 27 — беловой с правкой, в тетради 11. После первой строфы в автографе следовали зачеркнутые стихи:

Все, все улыбки, виданные мной,
Ничто против одной слезы твоей.
Однако ж плакать я б не смел с тобой,
Хотя б то было о судьбе моей;
О если бы слеза твоя могла
Скатиться на чело мое, в тот час,
Когда луна сребристая плыла
Над нами, — свет не разлучил бы нас!

Копии: 1) РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 1. № 21. Л. 40 об.–41 — авторизованная, в тетради 20; 2) РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 2. № 34. Л. 15 — в тетради копий юношеских стихотворений, с автографа ИРЛИ.
Печатается по копии в тетради 20 как позднейшему авторизованному источнику.
Датируется октябрем — ноябрем 1831 г. по расположению автографа в тетради 11 (см. Преамбулу, п. 2.2.4).
Впервые: СВ. 1889. № 2. Отд. 1. С. 128.

Считается, что стихотворение посвящено Н. Ф. Ивановой (см. примеч. к № 69).

Лит.: ЛЭ 1981: 207.

223. К** («Ты слишком для невинности мила...»).

Автограф: РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 1. № 11. Л. 27 об. — беловой с правкой, в тетради 11.
Копия: РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 2. № 34. Л. 15 — в тетради копий юношеских стихотворений, с автографа ИРЛИ.
Печатается по автографу.
Датируется октябрем — ноябрем 1831 г. по расположению автографа в тетради 11 (см. Преамбулу, п. 2.2.4).
Впервые: РМ. 1881. № 12. С. 30.

Перед стихотворением записан немецкий оригинал первых четырех стихов (автор не установлен):

Sie ist zu schön um tugendhaft zu sein,
Um treu zu lieben ist zu lieblich sie;
Wohl tausend Herzen könnte sie erfreun,
Doch selbst, — selbst glücklich wird sie nie.

На полях приписка Лермонтова: «L'âme de mon âme» («Душа моей души» — *фр.*). Это выражение по-русски встречается ранее в «Романсе» («Коварной жизнью недовольный», 1829): «Душа души моей! тебя ли / Загладят в памяти моей...» (№ 11).

Лит.:: ЛЭ 1981: 207; Пейсахович 1964: 207.

224. «Кто в утро зимнее, когда валит...».

Автограф: РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 1. № 11. Л. 27 об. — беловой с правкой, в тетради 11.
Копия: РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 2. № 34. Л. 15 об. — в тетради копий юношеских стихотворений, с автографа ИРЛИ в тетради 11.
Печатается по автографу.
Датируется октябрем–ноябрем 1831 г. по расположению автографа в тетради 11 (см. Преамбулу, п. 2.2.4).
Впервые: Русь. 1881. № 10. 17 января. С. 21.

Лит.: ЛЭ 1981: 236; Аксаков 1881: 21; Эйхенбаум 1961: 336.

225. Ангел («По небу полуночи ангел летел...»).

Автографы: 1) РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 1. № 11. Л. 28 — беловой с правкой, в тетради 11, под заглавием «Песнь ангела» (ранняя редакция); 2) Библиотека Колумбийского университета (Нью-Йорк, США): Columbia University Libraries. Rare Book & Manuscript Library. Ms Coll \ Lermontov. Album 2. Sheet 93 — в альбоме А. М. Верещагиной-Хюгель (фотокопия листа: РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 2. № 167. Л. 7); 3) ОР РГБ. Ф. 500. Карт. 1. № 3. Л. 1 — беловой (часть последней строки оторвана, продолжение в автографе ОПИ ГИМ); 4) ОПИ ГИМ. Ф. 445. № 227а. Л. 56 — беловой, в тетради Чертковской библиотеки, запись последней строки, верхняя часть листа — в ОР РГБ (фотокопия: РГАЛИ. Ф. 276. Оп. 1. № 66. Л. 10).

Копии: 1) РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 1. № 15. Л. 3 — авторизованная, в тетради 15, с поправками рукой Лермонтова; 2) РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 1. № 21. Л. 41 — в тетради 20, с автографа ранней редакции в тетради 11; 3) РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 2. № 34. Л. 15 об.–16 — в тетради копий юношеских стихов, с автографа ранней редакции в тетради 11; 4) РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 2. № 40. Л. 4 — копия П. А. Висковатова с альбома А. М. Верещагиной (см. автограф 2).

Печатается по прижизненной публикации.

Датируется октябрем–ноябрем 1831 г. по расположению автографа в тетради 11 (см. Преамбулу, п. 2.2.4).

Впервые: Одесский альманах на 1840 г. Одесса, 1839. С. 702–703 (заглавие: «Ангел»).

В ранней редакции (см. автограф 1) после ст. 12 следовала еще одна строфа, затем выпущенная:

Душа поселилась в твореньи земном,
Но чужд был ей мир. Об одном
Она все мечтала, о звуках святых,
Не помня значения их.

Одесский альманах на 1840 г. составлял возвратившийся из ссылки Н. И. Надеждин (1804–1856) — профессор Московского университета, критик, историк искусства, редактор журнала «Телескоп», пострадавший за публикацию «Философического письма» П. Я. Чаадаева. Желая принять участие в альманахе, Лермонтов отдал Надеждину, лекции которого он слушал в годы студенчества, юношеское стихотворение «Ангел». Это единственное раннее стихотворение Лермонтова, которое было напечатано им самим и за его полной подписью. В первое собрание стихотворений Лермонтова (1840) текст не вошел, очевидно, в связи с резкой оценкой, которую дал В. Г. Белинский стихотворениям «Ангел» и «Узник» в рецензии на «Одесский альманах» (ОЗ. 1840. Т. 9. № 3).

В стихотворении нашло отзвук восходящее к Платону учение о предсуществовании душ и об их «небесной родине». Биографическая основа стихотворения — воспоминание поэта о песне, которую ему пела в детстве мать.

Лит.: ЛЭ 1981: 29–30; Афанасьев 1859: 378–384; Висковатов 1891: 144; Браиловский 1893: 1–2; Отчет 1894: 39–40; Михайлова 1941: 149–150; Шувалов 1941: 302; Мордовченко 1941: 757–758; Розанов 1942: 66–70; Дурылин 1948: 545; Эйгес 1948: 514–515; Белинский 1953–1959: IV, 123, XI, 475; Иванова 1957: 311–314; Пейсахович 1964: 428–429; Коровин 1973: 18–20; Удодов 1973: 54; Чичерин 1974: 413; Michailoff 1974: 371; Жирмунский 1977: 72; Франк 1993: 85–87; Гершензон 2000: 296–299; Жирмунский 2001: 133; Перси 2003: 162–189.

226. Стансы («Я не могу ни произнесть...»).

Автограф: РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 1. № 11. Л. 28 об.–29 — беловой с правкой, в тетради 11, под заглавием «Стансы к Д ***».
Копии: 1) РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 1. № 21. Л. 41 об.–42 — авторизованная, в тетради 20; 2) РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 2. № 34. Л. 16–17 — в тетради копий юношеских стихотворений, с автографа ИРЛИ.
Печатается по копии в тетради 20 как позднейшему авторизованному источнику.
Датируется октябрем — ноябрем 1831 г. по расположению автографа в тетради 11 (см. Преамбулу, п. 2.2.4).
Впервые: ОЗ. 1859. Т. 127. № 11. Отд. 1. С. 268–270.

Кому посвящено стихотворение, однозначно не установлено. Адресатом называли Е. П. Сушкову (в замужестве Ростопчину, известную поэтессу; см. примеч. к № 409): начальная буква ее домашнего имени — Додо — совпадала с инициалом

в заглавии, а поэтический образ 9-й строфы («Так за ничтожный талисман...»), отсылал к стихотворению Сушковой «Талисман», опубликованному П. А. Вяземским в альманахе «Северные цветы» на 1831 г. Очевидно также сходство некоторых мотивов в стансах и в мадригале, обращенном к Додо в том же 1831 году (см. примеч. к № 253). При этом многие мотивы стихотворения (например, воспоминание о прошедших счастливых днях, проведенных с любимой, и ее измена) сближают его с лирикой «ивановского» цикла (см. примеч. к № 69). Третий вероятный адресат стихотворения — В. А. Лопухина (см. примеч. к № 207). Показателен в этом отношении прозаический парафраз некоторых фрагментов стихотворения, вложенный Лермонтовым в уста Юрия Радина, героя драмы «Два брата» (1835), импульсом к написанию которой послужила встреча с вышедшей замуж В. А. Лопухиной. Здесь важен байронический мотив «утаенного имени», устойчиво связанный с Лопухиной: она, в отличие, например, от Н. Ф. Ивановой (см. примеч. к № 69) и Е. А. Сушковой (см. примеч. к № 105), не обозначена в текстах Лермонтова даже инициалом, а при упоминании ее тезки в «Сашке» (1835), Лермонтов делает специальную оговорку: «Она звалась Варюшею. Но я / Желал бы ей другое дать названье: / Скажу ль, при этом имени, друзья, / В груди моей шипит воспоминанье, / Как под ногой прижатая змея...» (Т. 2. С. 296). Заглавие с инициалом «Д ***» вместо имени можно раскрыть, как «Стансы. К Другу» — так Лермонтов в стихах нередко обращался к женщинам (ср., например, обращение к Лопухиной: «Мой друг, напрасное старанье...», 1832, № 295).

Ст. 1–4. *Я не могу ни произнесть, / Ни написать твое названье: / Для сердца тайное страданье / В его знакомых звуках есть...* — Стихи, вероятно, навеяны начальными строками стихотворения Байрона «Стансы для музыки» (1814) : «I speak not, I trace not, I breathe not thy name, / There is grief in the sound, there is guilt in the fame» («Заветное имя сказать, начертать / Хочу — и не смею молве нашептать» — пер. В. И. Иванова); возможно, у Байрона Лермонтов взял для своей пьесы и жанровое название «Стансы» (см.: Глассе 1979: 104–105). Ср. в драме «Два брата»: «...имя же ее для меня трудно произнесть <...> от нее осталось мне одно только имя, которое в минуты тоски привык я произносить как молитву; оно моя собственность» (Т. 3. С. 360).

Ст. 49–54. *Так за ничтожный талисман, ~ Он их отвергнет равнодушно!* — Ср. в пьесе «Два брата»: «Я его храню, как образ благословения матери, как татарин хранит талисман с могилы пророка» (Т. 3. С. 360).

Лит.: ЛЭ 1981: 527; Комарович 1941: 642–644; Андреев-Кривич 1973: 95–97.

227. «Ужасная судьба отца и сына...».

Автограф: РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 1. № 11. Л. 29 об. — беловой с правкой, в тетради 11.

Копии: 1) РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 1. № 21. Л. 42–42 об. — в тетради 20; 2) РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 2. № 34. Л. 17 об.–18 — в тетради копий юношеских стихотворений, с автографа ИРЛИ.

Печатается по копии в тетради 20 как позднейшему авторизованному источнику.

Датируется октябрем — ноябрем 1831 г. по расположению автографа в тетради 11 (см. Преамбулу, п. 2.2.4) и по содержанию (см. ниже).
Впервые: РА. 1872. № 9. Стлб. 1849–1852.

Написано по поводу смерти отца поэта, Юрия Петровича Лермонтова, скончавшегося 1 октября 1831 г. в деревне Кропотово Тульской губернии.

Ст. 10–14. *...люди угасить в душе моей хотели / Огонь божественный, от самой колыбели / Горевший в ней, оправданный творцом? / Однако ж тщетны были их желанья: / Мы не нашли вражды один в другом...* — Намек на семейные распри, приведшие к разлуке Лермонтова с отцом (прежде всего, конфликт отца с тещей, Е. А. Арсеньевой, приведший к расставанию с сыном).

Лит.: ЛЭ 1981: 589; Бартенев 1872: 1850–1852; Аничков 1925–1926: 742–743; Лермонтов 1935–1937: I: 487–489; Эйхенбаум 1961: 290; Бродский 1945: 341–342; Пейсахович 1964: 449, 451; Коровин 1973: 31.

228. «Пусть я кого-нибудь люблю...».

Автограф: РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 1. № 11. Л. 30 об. — беловой с правкой, в тетради 11, под заглавием: («Стансы»).
Копии: 1) РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 1. № 21. Л. 42 об. — в тетради 20 (2-я строфа); 2) РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 2. № 34. Л. 18 об. — в тетради копий юношеских стихотворений, с автографа ИРЛИ (3 строфы).
Печатается по копии в тетради 20 как позднейшему авторизованному источнику.
Датируется концом ноября 1831 г. по расположению автографа в тетради 11 (см. Преамбулу, п. 2.2.4) и по содержанию (см. ниже).
Впервые: Лермонтов 1880: II, 253–254 (3 строфы).

В автографе текст первоначально записан в составе 3 строф, 1-я и 3-я строфы зачеркнуты:

Гляжу вперед сквозь сумрак лет,
Сквозь луч надежд, которым нет
Определенья, и они
Мне обещают годы, дни,
Подобные минувшим дням,
Ни мук, ни радостей, а там
Конец — ожиданный конец:
Какая будущность, творец!
Я сын страданья. Мой отец
Не знал покоя по конец,
В слезах угасла мать моя:
От них остался только я,
Ненужный член в пиру людском,
Младая ветвь на пне сухом; —
В ней соку нет, хоть зелена, —
Дочь смерти — смерть ей суждена! —

Семейная трагедия, о которой говорится в стихотворении, частично освещена Лермонтовым в драмах «Menschen und Leidenschaften» (1830; Т. 3. № 485) и «Странный человек» (1831; Т. 3. № 486). Родители Лермонтова вскоре после брака разъехались. Мать поэта — Мария Михайловна — умерла в 1817 г. в возрасте 21 года. Юрий Петрович Лермонтов пережил ее на 14 лет, умер в одиночестве, вдали от сына (см. примеч. к предыдущему стихотворению).

Ст. 6 (3-й строфы). *Ненужный член в пиру людском* — Ср. у А. И. Полежаева: «И, член ненужный бытия» («Живой мертвец», опубл. 1830). Выражение *ненужный член* может быть галлицизмом (membre inutile).

Лит.: ЛЭ 1981: 455; Эйхенбаум 1924а: 54–55; Шувалов 1941: 302; Бродский 1945: 202; Васильев 1992: 124.

229. К другу («Забудь опять...»).

Автограф: РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 1. № 11. Л. 31 — беловой с правкой, в тетради 11.
Копия: РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 2. № 34. Л. 28 — в тетради копий юношеских стихотворений, с автографа ИРЛИ.
Печатается по автографу.
Датируется декабрем 1831 г. по расположению автографа в тетради 11 (на л. 30 об. — запись Лермонтова: «2-го декабря: Св. Варвары. Вечером, возвратясь. Вчера еще я дивился продолжительности моего счастья! — Кто бы подумал, взглянув на нее, что она может быть причиной страданья?», см.: Т. 4. № 537).
Впервые: РМ. 1884. № 4. С. 59–60.

Адресат стихотворения не установлен. Предположение, что в тексте идет речь о В. А. Лопухиной (см. примеч. к № 207), не находит веских подтверждений (Комарович 1941: 644).

Лит.: ЛЭ 1981: 209; Пейсахович 1964: 431.

230. «Пора уснуть последним сном...».

Автограф: РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 1. № 11. Л. 31 об. — беловой, в тетради 11.
Копия: РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 2. № 34. Л. 28 — в тетради копий юношеских стихотворений, с автографа ИРЛИ.
Печатается по автографу.
Датируется первой декабрем 1831 г. по расположению автографа в тетради 11 (на л. 30 об. запись Лермонтова: «2-го декабря: Св. Варвары. Вечером, возвратясь. Вчера еще я дивился продолжительности моего счастья! — Кто бы подумал, взглянув на нее, что она может быть причиной страданья?» — Т. 4. № 537).
Впервые: РМ. 1882. № 2. С. 180.

Ст. 1. *Пора уснуть последним сном...* — Строка близка пушкинскому стиху «Заснула ты последним сном» («Для берегов отчизны дальной», 1830).

Ст. 3. *Обманут жизнью был во всем...* — В измененном виде («За все, чем я обманут в жизни был») вошло в стихотворение «Благодарность» (1840; № 393).

Лит.: ЛЭ 1981: 426–27; Эйхенбаум 1940: 297; Пейсахович 1964: 433.

231. Из Паткуля («Напрасна врагов ядовитая злоба...»).

Автограф: РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 1. № 19. Л. 27 об. — беловой с правкой, в тетради 18, вслед за беловым автографом драмы «Странный человек» (Т. 3. № 486); на первом листе тетради помета рукой Лермонтова: «Странный человек. Романтическая драма. Москва. 1831 года».

Печатается по автографу.

Датируется предположительно осенью 1831 г. по расположению автографа в тетради 18; однако нельзя исключать, что текст стихотворения был вписан позже времени записи «Странного человека», законченного 17 июля 1831 г., на остававшемся свободным листе тетради.

Впервые: Лермонтов 1880: 321 (ст. 1–4); Лермонтов 1889–1891: I, 203 (полностью).

Иоганн-Рейнгольд фон Паткуль (1660–1707) — лифляндский политический деятель, генерал-поручик, с 1702 на русской службе. Возглавил борьбу против шведского господства в Прибалтике, казнен за измену по приказу Карлом XII. Романтическим ореолом окружено имя Паткуля в романе И. И. Лажечникова «Последний новик», первые две части которого вышли из печати в августе 1831 г. Хотя последняя часть романа, где передавались его предсмертные слова о клевете врагов и верности отечеству, вышла только в 1833 г., идеологический портрет этого героя был уже достаточно ясно выписан в главах, доступных Лермонтову в конце 1831 г. Однако возможен и более прямой источник — письма Паткуля, изданные в 1806 г. (Письма нещастнаго графа Ивана Рейнольда Паткуля, полководца и посланника российскаго императора Петра Великаго. Ч. 1–2. М., 1806; франц. изд.: Le martyr de la liberté. Lettres originales de l'infortuné Patkul, ambassadeur et général de Pierre le Grand. Paris, 1790; обширные цитаты из писем сочувственно приводил Вольтер в своей многократно изданной «Истории Карла XII»). В письмах из тюрьмы Паткуль изображал себя борцом за счастье отчизны («свято хранил долг свой и жертвовал всем для блага отечества» — Ч. 1. С. 132) и жертвой злобных интриг. Знакомство с текстами самого «мученика свободы» может объяснить и употребление предлога «из» в названии лермонтовской октавы.

Лит.: ЛЭ 1981: 183, 239; Любович 1952с: 387–92; Иванова 1957: 197–98; Пейсахович 1964: 478; Иванов 1964: 93–94.

232. <Н. Н. Арсеньеву> («Дай Бог, чтоб ты не соблазнялся...»).

Автограф: РГАЛИ. Ф. 276. Оп. 2. № 3. — беловой с правкой и подписью: «М. Лермантов»; был записан в альбоме Н. Н. Арсеньева, затем перенесен в альбом его дочери Е. Н. Ляссотович (фотокопия страницы с автографом: РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 2. № 119).

Печатается по автографу.

Предположительно датируется 1831 г. по указанию Е. В. Купфер, внучки Н. Н. Арсеньева (Двинянинов 1964: 4).

Впервые: РА. 1871. № 7–8. Стб. 1271–1272 (заглавие: «Новонайденные стихи Лермонтова к Николаю Николаевичу Арсеньеву»).

Николай Николаевич Арсеньев (1809–1840) — троюродный брат Лермонтова по матери, офицер л.-гв. кавалергардского полка.

Лит.: ЛЭ 1981: 37; Двинянинов 1964: 4; Пешков 1971: 246–250.

233. «Я не для ангелов и рая...».

Автограф: РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 1. № 4. Л. 11 — беловой с правкой, в тетради 4.
Печатается по автографу.
Датируется концом 1831 г. по расположению автографа в тетради 4 (см. Преамбулу, п. 2.2.4); дополнительную аргументацию см. также: Лермонтов 1935–1937: I, 417–418.
Впервые: ОЗ. 1859. Т. 125. № 7. Отд. 1. С. 48.

По смыслу стихотворение является послесловием или одним из вариантов посвящения к поэме «Демон» и в рукописи следует непосредственно за третьей редакцией поэмы (Т. 2. С. 479–494).

Лит.: ЛЭ 1981: 640–641; Пейсахович 1964: 432.

234. Портрет («Взгляни на этот лик; искусством он...»).

Автограф: РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 1. № 4. Л. 11 об. — беловой с правкой, в тетради 4; заглавие заключено в скобки.
Копия: РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 2. № 33. Л. 15 — в тетради копий юношеских стихотворений, с автографа ИРЛИ.
Печатается по автографу.
Датируется концом 1831 г. по расположению автографа в тетради 4 (см. Преамбулу, п. 2.2.4).
Впервые: Лермонтов 1889–1891: I, 48.

Стихотворение относится к распространенному в нач. XIX в. микрожанру «надпись к портрету», который не предполагает экфрасиса определенной картины, а призван дать внешнее, психологическое или нравственное описание конкретного или воображаемого человека. Прототип «Портрета» нам неизвестен, возможно, Лермонтов изображал здесь самого себя (ср. в автоописательном стихотворении «1831-го июня 11 дня» (№ 167): «Так любим мы глядеть на свой портрет, / Хоть с нами в нем уж сходства больше нет, / Хоть на холсте хранится блеск очей, / Погаснувших от время и страстей»; см. также юношеский автопортрет в третьем лице: «Он некрасив, он невысок...», 1829 — № 32). В «Портрете» усматривают некоторое сходство с эпиграммой Е. А. Боратынского «Надпись» (1824–1825): «Взгляни на лик холодный сей, / Взгляни: в нем жизни нет; / Но как на нем былых страстей / Еще заметен след!» (Боратынский 2000–2012: II, 125; до 1831 г. текст публиковался трижды).

Лит.: ЛЭ 1981: 428; Семенов 1915: 235; Асмус 1941: 122.

235. «Настанет день — и миром осужденный...».

Автограф: РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 1. № 4. Л. 11 об.–12 — беловой с правкой, в тетради 4.

Копия*:* РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 2. № 33. Л. 15 об.–16 — в тетради копий юношеских стихотворений, с автографа ИРЛИ.
Печатается по автографу.
Датируется концом 1831 г. по расположению автографа в тетради 4 (см. Преамбулу, п. 2.2.4).
Впервые: ОЗ. 1859. Т. 125. № 7. Отд. 1. С. 49.

Некоторые мотивы стихотворения восходят к стихотворению Т. Мура «Когда тот, кто обожает тебя» («When he who adores thee») из первой книги цикла «Ирландские мелодии» (Irish Melodies, 1807); к этим стихам Мура Лермонтов обращался неоднократно: см. «Романс к ****» (1835. № 140) и «Оправдание» (1841. № 402).

Ст. 30–32. *...Как червь, к душе твоей / Я прилеплюсь, и каждый миг отрады / Несносен будет ей...* — Реминисценция из «Завещания» (1827) Д. В. Веневитинова: «К душе прилипну вероломной, / В ней пищу мщения найду / И будет сердцу грустно, томно, / А я, как червь, не отпаду» (Веневитинов 1980: 47).

Лит.: ЛЭ 1981: 334; Эйхенбаум 1924b: 58–59; Кирпотин 1941: 24; Пейсахович 1964: 437; Вацуро 1965: 184–192; Коровин 1973: 36–37; Удодов 1978: 3–21.

236. К Д. («Будь со мною, как прежде бывала...»).

Автограф: РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 1. № 4. Л. 12 — беловой с правкой, в тетради 4.
Копия: РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 2. № 33. Л. 16 об. — в тетради копий юношеских стихотворений, с автографа ИРЛИ.
Печатается по автографу.
Датируется концом 1831 г. по расположению автографа в тетради 4 (см. Преамбулу, п. 2.2.4).
Впервые: ОЗ. 1859. Т. 125. № 7. Отд. 1. С. 49–50.

Адресат стихотворения однозначно не установлен (см. примеч. к стихотворению «Стансы», 1831; № 226).

Лит.: ЛЭ 1981: 208–209; Комарович 1941: 642–644; Андроников 1967: 141.

237. Песня («Желтый лист о стебель бьется...»).

Автограф: РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 1. № 4. Л. 12 об. — беловой с правкой, в тетради 4.
Копии: 1) РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 1. № 21. Л. 42 об.–43 — в тетради 20; 2) РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 2. № 33. Л. 17 — в тетради копий юношеских стихотворений, с автографа ИРЛИ.
Печатается по копии в тетради 20 как более позднему авторизованному источнику.
Датируется концом 1831 г. по расположению автографа в тетради 4 (см. Преамбулу, п. 2.2.4).
Впервые: ОЗ. 1859. Т. 125. № 7. Отд. 1. С. 50.

Стихотворение имитирует поэтику фольклорного жанра: белый тонический стих (наряду с литературным песенным хореем), аллегоричность и психологиче-

ский параллелизм, характерные для народной песни. Мотив уносимого ветром листка, восходящий к элегии Арно (см. примеч. к № 418), позднее будет развит в стихотворении «Листок» (1841; № 418).

Лит.: ЛЭ 1981: 409; Песни 1936: 423–428; Эйхенбаум 1940: 327; Вацуро 2008: 108.

238. К Нэере («Скажи, для чего перед нами...»).

Автограф: РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 1. № 4. Л. 12 об. — беловой, в тетради 4.
Копия: РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 2. № 33. Л. 22–22 об. — в тетради копий юношеских стихотворений, с автографа ИРЛИ.
Печатается по копии в тетради 20 как более позднему авторизованному источнику.
Датируется концом 1831 г. по расположению автографа в тетради 4 (см. Преамбулу, п. 2.2.4).
Впервые: Лермонтов 1862: 17–18.

В стихотворении используется развернутый топос «минутной розы» (rosa brevis), восходящий к Горацию (Carm. II, 3, 13–14) и широко распространенный в европейской поэзии XVI — нач. XIX вв., от Малерба до Пушкина, особенно в традиции poésie fugitive (подробнее см.: Мазур 2007). В разработке основных мотивов этого топоса (уподобление девушки розе, краткое цветение которой подчеркивает скоротечность человеческой жизни, утрату молодости и красоты) Лермонтов вполне традиционен. Единственное отличие от стандартного развития топоса — трактовка мотива ранней смерти: наряду с обычным печально-утешительным модусом известны и позитивные интерпретации этого мотива (ср. в эпитафии Дельвига на смерть Веневитинова, 1827: [*Говорит роза:*] «Счастлив, кто прожил, как он, век соловьиный и мой!» — Дельвиг 1986: 28), однако Лермонтов вносит в свою трактовку неожиданные нотки раздраженного императива: «О, лучше умри поскорее». Высказывалось предположение (Нилова 2012), что Лермонтов ориентировался на оду Горации «К Пирре» (Carm.: I, 5), однако основные для этой оды мотивы отвергнутой любви, слабо соотносятся с центральным в стихах Лермонтова мотивным комплексом memento mori.

К Нэере. — Нэера или Неера («юная») — в греческой мифологии так именуется нимфа, возлюбленная Гелиоса, бога солнца. В поэзии чаще всего употребляется как условное имя юной красавицы, возлюбленной поэта. Лермонтов мог заимствовать это имя из множества источников — у Тибулла (напр., Carm.: III, 1, 3; ср. пер. А. Киреева 1829 г. — «К Нэере»: МТ. 1829. Ч. XXVII. № 12. С. 452–453), Горация (Carm.: III, 14, 15), А. Шенье (идиллия «Néère», опубл. 1819), А. Ф. Мерзлякова («К Нэере», 1811), etc., однако ни один из этих текстов не сходен с лермонтовским по содержанию.

Ст. 19–20. *К себе на душистое ложе / Опять не заманишь ты нас*. — Ср. отдаленную параллель у Боратынского: «Дитя крылатое захочешь как-нибудь / Вновь приманить... но не приманишь!» («Делии», 1822; Боратынский 2000–2012: I, 266).

Лит.: ЛЭ 1981: 210; Краков 1914: 10–11; Лермонтов 1935–1937: I, 493; Шефер 2004: 59–72; Горбачева 2006: 98–100; Нилова 2012: 77–79.

239. Отрывок («Три ночи я провел без сна — в тоске...»).

Автограф: РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 1. № 4. Л. 13 — беловой с правкой, в тетради 4; первоначальное заглавие «Монолог» в автографе зачеркнуто.

Копии: 1) РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 1. № 21. Л. 43–43 об. — в тетради 20; 2) РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 2. № 33. Л. 22 об. –23 об. — в тетради копий юношеских стихотворений, с автографа ИРЛИ.

Печатается по копии в тетради 20 как более позднему авторизованному источнику с исправлениями по автографу в ст. 7 («проникнувшей» вместо «проникнувший»), ст. 16 («приступила» вместо «приступило»), ст. 40 («напрасной» вместо «напрасный») и ст. 41 («бесполезной» вместо «бесполезный).

Датируется концом 1831 г. по расположению автографа в тетради 4 (см. Преамбулу, п. 2.2.4).

Впервые: ОЗ. 1859. Т. 125. № 7. Отд. 1. С. 50–51 (с пропуском ст. 35); Лермонтов 1862: I, 70–72 (полностью).

Стихотворение представляет собой особую жанровую форму, которая восходит к Байрону и сочетает в себе черты поэмы-исповеди и лирической медитации (Вацуро 2008: 361). Является наброском к задуманной Лермонтовым в 1831 г. исторической поэме о Мстиславе Черном из времен татарского нашествия» (Т. 4. № 512, 513). Видимо, «Отрывок» мыслился как монолог Мстислава на кургане.

Лит.: ЛЭ 1981: 360; Слонь 2006: 203–207.

240. Баллада («В избушке позднею порою...»).

Автограф неизвестен.

Копия: РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 2. № 41. Л. 5–6 — в тетради из собрания А. А. Краевского, текст зачеркнут.

Печатается по копии ИРЛИ.

Датируется предположительно концом 1831 г., так как, по всей видимости, представляет собой сюжетную вариацию одного из пунктов плана замысла о Мстиславе («Молодежь, разговаривают....»), записанного в тетради 4 (Л. 13 об.–14): «Мстислав проходит мимо деревни; одна женщина поет, баюкая ребенка <...> он радуется тому, что эта песня вдохнет ребенку ненависть против татар; и что если он погибнет, то останется еще мститель за отечество» (Т. 4. № 513); ср. также приписку к плану «Имя героя Мстислав...» (РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 1. № 11. Л. 31): «Он израненный лежит в хижине, хозяйка-крестьянка баюкает ребенка песнью *Что за пыль пылит*...» (Т. 4. № 512). Однако нельзя исключать, что стихотворный текст на этот сюжет был написан раньше, еще в 1830 г., — по крайней мере, все остальные тексты в тетради из собрания Краевского, где помещена единственная сохранившаяся копия «Баллады», относятся к 1830 г. («Незабудка», № 75; «Моя мольба», № 104; «Смерть», № 138; «Романс к ****», № 140; «Русская песня», № 130; «Весна», № 65), и даже к 1829 г. («Грузинская песня», № 45).

Впервые: РМ. 1881. № 12. С. 20–21.

Содержательно связано с замыслом исторической поэмы о Мстиславе Черном и его борьбе с татарами (см. № 239, 512, 513). Из сохранившихся планов этой поэмы очевидно, что Лермонтов намечал несколько возможных ситуаций, сходных

с ситуацией баллады: «Мстислав проходит мимо деревни; одна женщина поет, баюкая ребенка...»; «Он израненный лежит в хижине, хозяйка-крестьянка баюкает ребенка песнью *Что за пыль пылит*... Выходит муж ее израненный» (Т. 4. № 512 и примеч). Однако песня славянки, инкорпорированная в «Балладу», при очевидной связи ее сюжета с замыслом «Мстислава», видимо, не должна была войти в поэму: в соответствующих местах плана упоминается подлинная народная песня, один из вариантов которой, возможно, записал сам Лермонтов (к 1831 г. ни одной записи этой песни в печати не появлялось), подвергнув ее легкой литературной обработке, — «Что в поле за пыль пылит» (РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 1. № 21. Л. 12 об.–13; опубл.: Саратовский справочный листок. 1875. № 246. 16 ноября. С. 1; долгое время входила в собр соч., как авторский текст). Приводим текст этой записи:

ПЕСНЯ

Что в поле за пыль пылит,
Что за пыль пылит, столбом валит?
Злы татарывья полон делят,
То тому, то сему по добру коню;
А как зятю теща доставалася,
Он заставил ее три дела делать:
А первое дело гусей пасти,
А второе дело бел кужель прясти,
А третье дело дитя качать.
И я глазыньками гусей пасу,
И я рученьками бел кужель пряду,
И я ноженьками дитя качаю;
Ты баю-ба́ю, мило дитятко,
Ты по батюшке злой татарченок,
А по матушке родной внучеток,
У меня ведь есть приметочка,
На белой груди что копеечка.
Как услышала моя доченька,
Закидалася, заметалася;
Ты родная моя матушка,
Ах ты что давно не сказалася?
Ты возьми мои золоты ключи,
Отпирай мои кованые ларцы
И бери казны, сколько надобно,
Жемчугу да злата-серебра.
Ах ты милое мое дитятко,
Мне не надобно твоей золотой казны,
Отпусти меня на святую Русь;
Не слыхать здесь петья церковного,
Не слыхать звону колокольного.

Лит.: ЛЭ 1981: 47; Дурылин 1941b: 173–176; Ефимова 1949: 145–146; Рубанович 1963: 90–92; Максимов 1964: 136; Водовозов 1966: 19; Кедровский 1967: 99–101; Маймин 1975: 117–118; Ложкова 2004: 92–117; Чернышев 2008: 303–308.

241. Силуэт («Есть у меня твой силуэт...»).

Автограф: РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 1. № 4. Л. 13 об. — беловой с правкой, в тетради 4; текст ранней редакции:

Есть у меня твой силуэт;
На память я его чертил,
И мнится этот черный цвет —
Родня с моей душою был;
Висит он на груди моей,
И мрачен он, как сердце в ней:
Души в глазах, ланит огня
Не различите вы на нем,
Зато он вечно близ меня
И взор его не на другом;
Он тень твоя, но я люблю,
Как тень блаженства, тень твою.

Копии: 1) РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 1. № 21. Л. 43 об. — авторизованная, в тетради 20; 2) РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 2. № 33. Л. 17 об. — в тетради копий юношеских стихотворений, с автографа ИРЛИ.
Печатается по копии в тетради 20 как более позднему авторизованному источнику.
Датируется концом 1831 г. по расположению автографа в тетради 4 (см. Преамбулу, п. 2.2.4).
Впервые: ОЗ. 1859. Т. 125. № 7. Отд. 1. С. 53 (ранняя редакция); Лермонтов 1889–1891: I, 52.

Лермонтов, видимо, варьирует здесь мотивы анонимного мадригала «Sur un portrait à la silhouette», часто печатавшегося во французских поэтических хрестоматиях первой трети XIX в.:

Que j’aime ce portrait! malgré sa couleur sombre,
Qu’il est précieux à mon cœur!
On a dit bien souvent: Le bonheur n’est qu’une ombre;
Mais je dis à mon tour: Une ombre est le bonheur.

(Anthologie française. T. 1. Paris, 1816. P. 398; впервые, в несколько иной редакции, текст зафиксирован в печати в 1795 г.; *пер.*: «Как я люблю этот портрет! Несмотря на его мрачный цвет, / Как он дорог моему сердцу! / Часто говорят: счастье — это не что иное, как призрак; / Но я скажу в свою очередь: тень — это счастье»; показательно, что первоначальный вариант последней строки в лермонтовском автографе: «Как призрак счастья, тень твою» — Лермонтов 1954–1957: I, 366). Подробнее см.: Охотин 2015.

Мотив портрета, сохраненного при разлуке с возлюбленной, сближает «Силуэт» со стихотворением «Расстались мы; но твой портрет...» (1837; № 339). По мнению А. Глассе (1979: 119), в обоих текстах отразился рассказ Байрона о портрете-миниатюре Мэри Чаворт (Mary Ann Chaworth, 1785–1832), который он всегда носил при себе (см., например: Medwin 1824: 58–60).

По предположению И. Л. Андроникова, мадригал обращен к Н. Ф. Ивановой (см. примеч. к № 69), однако в качестве адресата называлось также имя Е. А. Сушковой (см. примеч. к № 105) (Глассе 1979: 119).

Ст. 7–8. *Он тень твоя, но я люблю, / Как тень блаженства, тень твою.* — Используя метафору тени, Лермонтов, вслед за автором оригинального мадригала, обыгрывает здесь и саму технику силуэта — обведение контура тени, которая появлялась на специальной ширме при ярком подсвечивании модели (силуэтные портреты нередко и назывались *тенью* — Афанасьева 2013: 206).

Лит.: ЛЭ 1981: 503; Андроников 1967: 140; Удодов 1973: 136–139; Афанасьева 2013: 199–206.

242. «Как дух отчаянья и зла...».

Автограф: РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 1. № 4. Л. 14 об. — беловой с поправкой в ст. 8, в тетради 4.
Копия: РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 2. № 33. Л. 18 — в тетради копий юношеских стихотворений, с автографа ИРЛИ.
Печатается по автографу.
Датируется концом 1831 г. по расположению автографа в тетради 4 (см. Преамбулу, п. 2.2.4).
Впервые: ОЗ. 1859. Т. 125. № 7. Отд. 1. С. 53.

Лит.: ЛЭ 1981: 214–215; Удодов 1973: 136–139.

243. «Я не люблю тебя; страстей...».

Автографы: 1) РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 1. № 4. Л. 14 об. — беловой, в тетради 4; 2) Библиотека Колумбийского университета (Нью-Йорк, США): Columbia University Libraries. Rare Book & Manuscript Library. Ms Coll \ Lermontov. Album 2. Sheet 140 — беловой, в альбоме А. М. Верещагиной-Хюгель, (фотокопия: РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 2. № 167. [Л. 3]), под заглавием «К:»; с разночтениями в ст. 4, 6.

Копии: 1) РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 2. № 40. Л. 8 — копия П. А. Висковатова с альбома А. М. Верещагиной (см. автограф 2); 2) РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 2. № 32. Л. 21 об. — в тетради В. Шульца, под заглавием «К ней же», следует за стихотворением «К Е.... А....» («У врат обители святой»); 3) РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 2. № 33. Л. 18 — в тетради копий юношеских стихотворений, с автографа ИРЛИ.

Печатается по автографу в тетради 4. По воспоминаниям Е. А. Сушковой, «Я не люблю тебя; страстей...» было вместе со стихотворениями «Звезда» («Вверху одна...», № 143) и «Нет, я не требую вниманья...» (№ 78) вписано Лермонтовым в альбом, присланный весной–летом 1831 г. А. М. Верещагиной и их

общими московскими приятельницами (Сушкова 1928: 134–135). Тем же временем, вероятно, можно датировать и запись в альбоме Верещагиной (о трудностях датировки автографов Лермонтова в этом альбоме см. в Преамбуле, п. 2.3). Таким образом, по всей видимости, автограф в тетради 4 представляет более позднюю авторскую редакцию текста.

Датируется серединой — концом 1831 г. по воспоминаниям Е. А. Сушковой и расположению автографа в тетради 4 (см. Преамбулу, п. 2.2.4).

Впервые: БдЧ. 1844. Т. 64. № 6. Отд. 1. С. 132 (в подборке стихотворений «Из альбома Е. А. Сушковой», под заглавием «К ней же»).

Стихотворение обращено к Е. А. Сушковой (см. примеч. к № 105) и было вписано в альбом адресата. В своих воспоминаниях Сушкова писала, что напомнила о нем Лермонтову на одном из танцевальных вечеров в 1834-м или 1835 г. — в связи с разговором о двух похожих по лирическому содержанию элегиях — «Я вас любил...» (1828) Пушкина и «Уверение» («Нет, обманула вас молва...», опубл. 1829) Боратынского: «Вам, Михаил Юрьевич, нечего завидовать этим стихам... вы еще лучше выразились:

Так храм оставленный — все храм,
Кумир поверженный — все бог!»

Лермонтов попросил Сушкову вернуть текст: «Вы помните мои стихи, вы сохранили их? Ради бога отдайте мне их, я некоторые забыл, я переделаю их получше и вам же посвящу» (Сушкова 1928: 175–176). В 1837 г. Лермонтов кардинально переработал стихотворение (см.: «Расстались мы; но твой портрет...», № 339) и затем включил его в сборник стихотворений 1840 г.

Ст. 7–8. *Так храм оставленный — всё храм, / Кумир поверженный — всё Бог!* — Происхождение концовки стихотворения связано с афоризмом Ф.-Р. Шатобриана (Chateaubriand, 1768–1848): «Есть алтари, подобные алтарю чести, которые и заброшенные, требуют жертв: бог не уничтожен оттого, что храм его пуст» («...il est des autels comme celui de l'honneur, qui, bien qu'abandonnés, réclament encore des sacrifices; le Dieu n'est point anéanti parce que le temple est désert» — Mercure de France. T. 29. № 311. 1807. 4 juillet. P. 13); этот пассаж входил в статью, начало которой содержало резкий выпад против Наполеона («Нерон благоденствует, но где-то уже родился Тацит!»); впоследствии текст Шатобриана много раз переиздавался и цитировался. Ср. также в «Вадиме» (гл. XVII: «...мир без тебя? что такое!.. храм без божества...» (Т. 4. С. 57).

Лит.: ЛЭ 1981: 641; Сушкова 1928: 175–176; Бем 1924: 283; Эйхенбаум 1961: 43; Michailoff 1974: 371; Удодов 1973: 8.

244–260. <Новогодние мадригалы и эпиграммы>.

Датируются последними днями 1831 г. по расположению автографа в тетради № 4 и по свидетельству А. П. Шан-Гирея. Источник текста и место первой публикации указаны в легенде к каждому стихотворению.

Эти семнадцать мадригалов и эпиграмм написаны Лермонтовым в конце 1831 г. и оглашены им на новогоднем маскараде в Благородном собрании. Друг и родственник поэта А. П. Шан-Гирей рассказывает об этом следующее: «Мне известно, что они были написаны по случаю одного маскарада в Благородном собрании, куда Лермонтов явился в костюме астролога, с огромной книгой судеб под буквы, вырезанные мною из черной бумаги, срисованные в колоссальном виде с чайного ящика и вклеенные на каждой странице; под буквами вписаны были <...> стихи, назначенные разным знакомым, которых было вероятно встретить в маскараде» (Воспоминания 1989: 37). Отчет о празднике см.: Дамский журнал. 1832. Ч. 37. № 3. С. 46–48.

Лит.: ЛЭ 1981: 343–344; Эйхенбаум 1948: 295–298; Лермонтов 1954–1957: I, 430–435; Найдич 1964: 17; Пейсахович 1964: 425, 432, 433, 447, 458, 467, 470; Андроников 1977: 155, 172, 226, 493; Бойко, Яценко 2001: 302–311; Белова 2003: 30–33; Левагина 2003: 46–56; Глассе 2005: 17–29; Скобелева 2005: 67–69; Скобелева 2006: 20–24; Ермоленко 2006: 36–40; Нилова 2006: 122–133; Анненкова 2009: 17–19.

244. Н. Ф. И <вановой> («Дай Бог, чтоб вечно вы не знали...»).

Автограф: РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 1. № 4. Л. 14 об. — беловой с поправками, в тетради 4; перед этим стихотворением вычеркнуты 2 строки, не имеющие отношения к эпиграмме: «Я ждал тебя, жена разврата, / С боязнью глупой новичка».
Копия: РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 2. № 33. Л. 18 об. — в тетради копий юношеских стихотворений, с автографа ИРЛИ, под заглавием «Н. Ф. И.».
Печатается по автографу.
Впервые: ОЗ. 1859. Т. 125. № 7. Отд. I. С. 54.

См. примеч. к № 69.

245. Бухариной («Не чудно ль, что зовут вас Вера?..»).

Автограф: РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 1. № 4. Л. 15. — беловой с правкой, в тетради 4; перед ст. 1 зачеркнуты строки: «Вас монастырь не научил / Как жить с людьми».
Копия: РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 2. № 33. Л. 18 об. — 19 — в тетради копий юношеских стихотворений, с автографа ИРЛИ.
Печатается по автографу.
Впервые: ОЗ. 1859. Т. 125. № 7. Отд. I. С. 54 (под заглавием «Б...ной»).

Вера Ивановна Бухарина (1813–1902) — дочь сенатора И. Я. Бухарина, автор воспоминаний о Лермонтове, где о новогоднем мадригале не упоминается (Воспоминания 1989: 162–164). С осени 1830 г. жила в Москве. В 1832 г. вышла замуж за И. Н. Анненкова, дальнего родственника Лермонтова.

Ст. 8. ... *старовером прослывешь* — Вероятно, реминисценция из стихотворения Е. А. Боратынского «Уверение» (опубл. 1829): «Молился новым образам, / Но с беспокойством староверца» (Боратынский 2000–2012: I, 51).

246. Трубецкому («Нет! мир совсем пошел не так...»).

Автограф: РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 1. № 4. Л. 15. — беловой с правкой, в тетради 4, первоначальное заглавие «Павлову» зачеркнуто; перед ст. 1 зачеркнута строка: «Случалось с вами что со мной!».
Копия: РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 2. № 33. Л. 19 — в тетради копий юношеских стихотворений, с автографа ИРЛИ.
Печатается по автографу.
Впервые: ОЗ. 1859. Т. 125. № 7. Отд. I. С. 54 (под заглавием «Т......ому»).

Николай Николаевич Трубецкой (1812–1879) — общий знакомый Лермонтова и его друзей — Лопухиных. В 1833 г. Трубецкой женился на Е. А. Лопухиной (см. письмо Лермонтова к М. А. Лопухиной от 4 августа 1833 г. — Т. 4. № 551; М. А. Лопухина — старшая сестра В. А. Лопухиной, о ней см.: Т. 4, примеч. к № 546).

247. Г<осподину> Павлову («Как вас зовут? ужель поэтом?..»).

Автограф: РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 1. № 4. Л. 15. — беловой с правкой, в тетради 4, ст. 6–10 зачеркнуты.
Копия: РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 2. № 33. Л. 19 об. — в тетради копий юношеских стихотворений, с автографа ИРЛИ, под заглавием «Павлову».
Печатается по автографу.
Впервые: Лермонтов 1889–1891: I, 58 (под заглавием «Павлову», с восстановлением зачеркнутых строк).

Эпиграмма обращена к литератору Н. Ф. Павлову (подробнее см. примеч. к № 23–28).

248. Алябьевой («Вам красота, чтобы блеснуть...»).

Автограф: РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 1. № 4. Л. 15. — беловой с правкой, в тетради 4; первоначальные заглавия зачеркнуты: «Булгаровой», «Щербатовой».
Копия: РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 2. № 33. Л. 19 об. — в тетради копий юношеских стихотворений, с автографа ИРЛИ.
Печатается по автографу.
Впервые: Лермонтов 1880: II. С. 70.

Стихотворение посвящено известной красавице — Александре Васильевне Алябьевой (1812–1891), которая упомянута в стихотворении Пушкина «К вельможе» (1830): «...С восторгом ценишь ты / И блеск Алябьевой и прелесть Гончаровой» (Пушкин 1937–1959: III, 219).

249. Нарышкиной («Всем жалко вас: вы так устали!»).

Автограф: РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 1. № 4. Л. 15 об. — беловой с поправкой в ст. 5, в тетради 4.
Копии: 1) ОР РНБ. Ф. 429. № 64. Л. 27 — рукой В. Х. Хохрякова (?), под заглавием «Е. Нарышкиной»; 2) ОР РГБ. Ф. 138. № 307. Л. 63 — в дневнике А. П. Петрова, сделанная в мае–июле 1843 г., под заглавием «A M-lle E. Narichkine»; 3) РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 4. № 26. Л. 3 — в тетради В. Х. Хохрякова, под заглавием «A M-lle E. Narichkine», с разночтениями; 4) РО ИРЛИ.

Ф. 524. Оп. 2. № 33. Л. 20 об. — в тетради копий юношеских стихотворений, с автографа ИРЛИ.
Печатается по автографу.
Впервые: ОЗ. 1859. Т. 125. № 7. Отд. 1. С. 54–55 (под заглавием «Н......ной»).

По всей вероятности, стихотворение обращено к Елизавете Ивановне Нарышкиной (1791–1858 / 1859), фрейлине, дочери Ивана Александровича Нарышкина, действительного камергера и обер-церемониймейстера, жившего в отставке в Москве.

250. Толстой («Не даром она, не даром...»).
Автограф: РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 1. № 4. Л. 15 об. — беловой, в тетради 4.
Копия: РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 2. № 33. Л. 20 об. — в тетради копий юношеских стихотворений, с автографа ИРЛИ.
Печатается по автографу.
Впервые: ОЗ. 1859. Т. 125. № 7. Отд. 1. С. 55 (под заглавием «Т–ой»).

Адресат стихотворения не установлен.

251. Бартеневой («Скажи мне: где переняла...»).
Автографы: 1) РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 1. № 4. Л. 15 об. — беловой с правкой, в тетради 4; перед ст. 1 зачеркнут незавершенный фрагмент из 6 строк:

Ужели ты посланник рая,
Минутный гость в толпе людской,
Ужель ты дева неземная,
Как говорит нам голос твой!..
О нет, ты создана для света!
И лишь умела перенять

2) РО ИРЛИ. Ф. 244. Оп. 1. № 923. Л. 64–64 об. — беловой, в альбоме П. А. Бартеневой, без заглавия, на отдельном листке, вклеенном в альбом между Л. 56 и 57.
Копия*:* РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 2. № 33. Л. 21 — в тетради копий юношеских стихотворений, с автографа ИРЛИ в тетради 4.
Печатается по автографу в альбоме Бартеневой, с заглавием из тетради 4.
Впервые: Лермонтов 1889–1891: I, 55–56.

Прасковья Арсеньевна Бартенева (1811–1872) — известная певица, часто выступала на великосветских концертах и балах. Позднее получила звание камер-фрейлины.

252. Мартыновой («Когда поспорить вам придется...»).
Автограф: РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 1. № 4. Л. 16. — беловой, в тетради 4, первоначальное заглавие «Щербатовой» зачеркнуто.
Копия: РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 2. № 33. Л. 21–21 об. — в тетради копий юношеских стихотворений, с автографа ИРЛИ.

Печатается по автографу.
Впервые: ОЗ. 1859. Т. 125. № 7. Отд. 1. С. 55 (под заглавием «М......вой»).

Стихотворение обращено к одной из сестер Н. С. Мартынова, убийцы Лермонтова, — Елизавете Соломоновне (1812–1891) или Екатерине Соломоновне (р. 1813).

253. Додо («Умеешь ты сердца тревожить...»).

Автограф: РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 1. № 4. Л. 16 — беловой с правкой, переходящий в черновик, в тетради 4; перед ст. 1 зачеркнута строка: «Ваш взор горит воображеньем»; после ст. 8 зачеркнуто:

Опасна ты как вспоминанье,
Как неизменная любовь
И как безумное желанье
Того, чего не будет вновь.

Копии: 1) ОР РНБ. Ф. 429. № 64. Л. 28–28 об. — в тетради В. Х. Хохрякова; 2) РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 2. № 33. Л. 24 — в тетради копий юношеских стихотворений, с автографа ИРЛИ, под заглавием «К NN».
Печатается по автографу.
Впервые: ОЗ. 1859. Т. 125. № 7. Отд. 1. С. 55 (под заглавием «Додо (?)»).

Стихотворение обращено к Евдокии Петровне Сушковой (1811–1858), в замужестве Ростопчиной, поэтессе, другу Лермонтова (см. примеч. к № 409).

Ст. 9. *Как в Талисмане стих небрежной...* — Имеется в виду стихотворение Ростопчиной «Талисман», напечатанное под анаграммой в альманахе «Северные цветы» на 1831 г.

254. Башилову («Вы старшина собранья верно...»).

Автограф: РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 1. № 4. Л. 16 — беловой с правкой, в тетради 4; перед ст. 1 зачеркнуты следующие строки: «Давно мне кто-то говорил»; «Вы умны, я это знаю»; после ст. 4 следовали строки: «Могу ль сказать без опасенья, / Что вы умны, что вы смешны?»; после ст. 9 — «И с чем бы я поздравить мог. / Что новый год вам даст — не знаю».

Копии: 1) ОР РНБ. Ф. 429. № 64. Л. 27 об. — в тетради В. Х. Хохрякова, под заголовком «Его Превосходительству М. Башилову»; 2) ОР РГБ. Ф. 138. № 307. Л. 62 об. — 63 — в дневнике А. П. Петрова, сделанная в мае–июле 1843 г., под заглавием «A Son Ex<cellence> Mr Bachiloff» («Вы старшина собранья верно?..»); 3) РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 4. № 26. Л. 3–3 об. — в тетради В. Х. Хохрякова, под заголовком: «A Son Ex<cellence> M-r Bachiloff»; 4) РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 2. № 33. Л. 24 об. — в тетради копий юношеских стихотворений, с автографа ИРЛИ.

Печатается по автографу.

Впервые: ОЗ. 1859. Т. 125. № 7. Отд. 1. С. 55 (под заголовком «Б........ву»).

Александр Александрович Башилов (1777–1847) — участник Отечественной войны 1812 г., в 1831 г. — сенатор и тайный советник, директор Комиссии строений в Москве, один из старшин Благородного собрания.

Ст. 10. *Что год сей даст вам — знает бог.* — А. А. Башилов-старший хлопотал об облегчении участи сына Александра (см. ниже).

Ст. 11–12. *Зато минувший, уверяю, / Отмстил за вас как только мог!* — В 1830 г. сын Башилова, поэт (1807–1854) за вольные высказывания о верховной власти и сочувствие Июльской революции во Франции был сослан рядовым в Егерской полк на Аландские острова. В этом же году в России распространилась эпидемия холеры.

255. Кропоткиной («Я оклеветан перед вами...»).

Автограф: РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 1. № 4. Л. 16 об. — беловой, в тетради 4; в рукописи текст зачеркнут.
Печатается по автографу.
Впервые: Лермонтов 1889–1891: I, 56.

К какой Кропоткиной обращается Лермонтов, окончательно не установлено. Возможно, это племянница кн. А. П. Кропоткина, Елизавета Ивановна, тогда невеста, а впоследствии жена Д. П. Тиличеева, товарища Лермонтова по Московскому университету.

256. Щербатовой («Поверю ль я, чтоб вы хотели...»).

Автографы: 1) РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 1. № 4. Л. 15 об. — черновой, в тетради 4, под заглавием «Щербатовой»; первоначальная редакция; текст зачеркнут:

Вам знакома вся Москва,
Все московские паркеты:
Вас взлелеяла молва
Под названием Анеты;
[Но предсказываю вам]
Близь Невы не [примут] встретят вас,
[Как княжну бы надо встретить]
Как московские проводют:
Там прекрасным не находют,
Что [прекрасно так] божественно для глаз!..

2) РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 1. № 4. Л. 15 об. — черновой, в тетради 4, без заглавия; 2-я редакция, рядом с автографом (1):

[Зачем вы едете]
[Зачем вам ехать в Петербург]
[Вы уезжаете от нас,
Поверьте, не годится]
Вы уезжаете — напрасно!
Здесь понимают, что прекрасно.
Здесь ваш наряд — [Москве] для всех закон;
Здесь привыкли уж дивиться! —
[Примите общий наш поклон...]
Зачем хотите вы, чтоб он
Не знал, чем даже похвалиться?..

3) РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 1. № 4. Л. 16 об. — беловой с правкой, в тетради 4, под заглавием «Щербатовой»; текст окончательной редакции; после ст. 4 зачеркнуты следующие строки: «Не дам в дорогу я, княжна, / Вам своего благословенья!».

Копии: 1) ОР РНБ. Ф. 429. № 64. Л. 27–27 об. — в тетради В. Х. Хохрякова, с автографа (3), под заголовком «Княжне А. Щербатовой»; 2) ОР РГБ. Ф. 138. № 307. Л. 63 об.— в дневнике А. П. Петрова, сделанная в мае–июле 1843 г., заглавие «A la Princesse A. Stcherbatoff», текст соответствует автографу (3); 3) РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 4. № 26. Л. 3. — в тетради В. Х. Хохрякова, под заголовком «A la Princesse A. Tcherbatoff», с автографа (3); 4) РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 2. № 33. Л. 20 — в тетради копий юношеских стихотворений, с автографа (1); 5) РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 2. № 33. Л. 20 — 20 об. — в тетради копий юношеских стихотворений, с автографа (2); 6) РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 2. № 33. Л. 24 об.–25 — в тетради копий юношеских стихотворений, с автографа (3).

Печатается по автографу.

Впервые: РМ. 1882. № 2. С. 174.

Княжна Анна Александровна Щербатова (1808–1870) — известная московская красавица, фрейлина, в 1833 г. вышла замуж за кн. Леона Радзивилла.

257. Булгакову («На вздор и шалости ты хват...»).

Автограф: РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 1. № 4. Л. 16 об. — беловой с правкой, в тетради 4; перед ст. 1 зачеркнуты следующие строки: «Недавно в платье арлекина / Ты молодецки танцевал».
Копия: РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 2. № 33. Л. 25 — в тетради копий юношеских стихотворений, с автографа ИРЛИ, под заглавием «Булгарову», которое впоследствии исправлено неизвестной рукой.
Печатается по автографу.
Впервые: ОЗ. 1859. Т. 125. № 7. Отд. 1. С. 56 (под заглавием «Б.......ву»).

Обращено к сыну московского почт-директора А. Я. Булгакова — Константину Александровичу Булгакову (1812–1862), с которым Лермонтов учился в Московском университетском пансионе, а впоследствии и в Школе гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров. К. А. Булгаков имел в Москве громкую репутацию повесы и остроумца. Незадолго до написания эпиграммы, 11 ноября 1831 г., Булгаков, как лучший танцор, был выбран с пятью товарищами на бал к кн. С. М. Голицыну.

Ст. 6. *Авось на место класса...* — Класс — гражданский чин, студентам Университетского пансиона до 1830 г. при выпуске присваивали чины от 14-го до 10-го (в зависимости от успехов). В апреле 1830 г., когда Пансион преобразовали в гимназию, многие ученики стали покидать учебное заведение, не получив классного чина.

258. Сабуровой («Как? вы поэта огорчили...»).

Автограф: РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 1. № 4. Л. 16 об. — беловой, в тетради 4.
Копия: РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 2. № 33. Л. 25. — в тетради копий юношеских стихотворений, с автографа ИРЛИ.

Печатается по автографу.
Впервые: РМ. 1882. № 2. С. 173.

Посвящено, вероятно, Софье Ивановне Сабуровой (1816–1864), сестре пансионского товарища Лермонтова, которой поэт был увлечен в 1830 г. (см. примеч. к № 12). Последнее четверостишие — аллюзия на строки из стихотворения Н. Ф. Павлова «К N. N.» («Нет, ты не поняла поэта...»), напечатанного в «Телескопе» в 1831 г. (Ч. VI, №20) и, возможно, обращенного к тому же адресату:

Кружись, блистай на сцене света:
На ней так сладко торжество!..
Нет, ты не поняла поэта,
И не понять тебе его!..

На лирические инвективы Павлова в 1832 г. (в том же «Телескопе») ответила Е. П. Сушкова (Ростопчина) (см. примеч. к № 409) своим стихотворением «Отринутому поэту»:

Она не поняла поэта!
Но он зачем ее избрал?
Зачем, безумец, в вихре света
Подруги по сердцу искал?

259. Уваровой («Вы мне однажды говорили...»).

Автограф: РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 1. № 4. Л. 17. — беловой, в тетради 4.
Копия: РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 2. № 33. Л. 21 об. — в тетради копий юношеских стихотворений, с автографа ИРЛИ.
Печатается по автографу.
Впервые: РМ. 1882. № 2. С. 173.

Адресаткой Лермонтова была Александра Сергеевна Уварова (1813/1814–1865; в замужестве кн. Урусова), одна из дочерей С. С. Уварова (1786–1855), который в это время был сенатором, управляющим Государственным Заемным и Коммерческим банками, президентом Императорской Академии наук, жил в Петербурге, а его жена и дочери оставались в Москве.

260. «Вы не знавали князь Петра...».

Автограф: РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 1. № 4. Л. 17. — беловой с поправками, в тетради 4.
Копии: 1) РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 4. № 26. Л. 2 об. — в тетради В. Х. Хохрякова; 2) ОР РГБ. Ф. 138. № 307. Л. 62 об.— в дневнике А. П. Петрова, сделанная в мае–июле 1843 г.; 3) РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 2. № 33. Л. 25 об. — в тетради копий юношеских стихотворений, с автографа ИРЛИ.
Печатается по автографу.
Впервые: ОЗ. 1859. Т. 125. № 7. Отд. I. С. 56.

Возможным адресатом эпиграммы является князь Петр Андреевич Вяземский (1792–1878), поэт, критик, друг Пушкина. Существует и другая — менее вероятная — версия о том, что адресатом мог быть кн. Петр Иванович Шаликов (1767–1852), издатель «Дамского журнала» (ср. № 3 в «Эпиграммах» 1829 г. и стихотворение «Булевар», где Шаликов описан как дряхлый старец). Шаликов присутствовал на балу, а Вяземский 25 декабря уехал в Петербург, чего, впрочем, Лермонтов мог не знать. Сам Вяземский, по позднейшему сообщению его родственника С. Шереметева, считал, что эпиграмма относится к нему.

261. «Люблю я цепи синих гор...».

Автографы: 1) РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 1. № 4. Л. 17–17 об. — беловой с правкой, в тетради 4; 2) ОР РГБ. Ф. 500. Карт. 1. № 2. Л. 1–1 об. — беловой с поправками, неполный (ст. 1–11, 26–37).

Копии: 1) ОР РГБ. Ф. 622. Карт. 2. № 4. Л. 1–1 об. — на отдельном листке из собрания Н. П. Смирнова-Сокольского, вместе со стихотворением «Не смейся над моей пророческой тоскою...» (№ 356), запись ст. 1–22, чернилами и карандашом (начиная со ст. 11), под стихотворением подпись: Лермонтов; 2) РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 2. № 33. Л. 26–27 — в тетради копий юношеских стихотворений, с автографа ИРЛИ.

Печатается по автографу ИРЛИ.

Датируется началом 1832 г. по расположению в тетради 4 (см. Преамбулу, п. 2.2.4).

Впервые: ОЗ. 1859. Т. 125. № 7. Отд. 1. С. 57–58.

Стихотворение, возможно, является авторским отступлением, не вошедшим в окончательную редакцию поэмы «Измаил-Бей» (Т. 2. № 465). Описание скачки по степи в известной мере предвосхищает аналогичный эпизод в «Княжне Мери» (Т. 4. С. 216). Соотнесение лермонтовского текста с горными описаниями Байрона остается проблематичным (см.: Глассе 1979: 92–93; Воробьев 2009: 50–51).

Лит.: ЛЭ 1981: 268; Лермонтов 1964–1965: I, 628; Евсеева 2004: 30–33.

262. Солнце («Как солнце зимнее прекрасно...»).

Автограф: РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 1. № 4. Л. 17 об. — беловой с поправкой в ст. 4, в тетради 4.

Копия: РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 2. № 33. Л. 27 — в тетради копий юношеских стихотворений, с автографа ИРЛИ.

Печатается по автографу.

Датируется началом 1832 г. по расположению в тетради 4 (см. Преамбулу, п. 2.2.4).

Впервые: Лермонтов 1889–1891: I, 60.

Ст. 5–8. *Так точно, дева молодая, / Твой образ предо мной блестит; / Но взор твой, счастье обещая, / Мою ли душу оживит?* — Эти строки, возможно, посвящены Н. Ф. Ивановой (см. примеч. к № 69).

Лит.: ЛЭ 1981: 519–520; Иванова 1957: 232; Пейсахович 1964: 432; Удодов 1973: 139, 165.

263. «Я счастлив! — тайный яд течет в моей крови...».

Автограф: РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 1. № 4. Л. 17 об. — беловой, в тетради 4; текст зачеркнут.
Печатается по автографу.
Датируется началом 1832 г. по расположению в тетради 4 (см. Преамбулу, п. 2.2.4).
Впервые: Лермонтов 1889–1891: I, 60.

Лит.: ЛЭ 1981: 641; Пейсахович 1964: 473; Кузнецова 2003: 28–38; Пугачев 2004: 125–130.

264. Прощанье («— Не уезжай, лезгинец молодой...»).

Автограф: РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 1. № 4. Л. 17 об.–18 — беловой с правкой, в тетради 4.
Копия*:* РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 2. № 33. Л. 27 об.–28 — в тетради копий юношеских стихотворений, с автографа ИРЛИ.
Печатается по автографу.
Датируется началом 1832 г. по расположению в тетради 4 (см. Преамбулу, п. 2.2.4).
Впервые: Лермонтов 1889–1891: I, 62–63 (с пометой «она» перед 1-й строфой и «он» — перед 6-й строфой).

Сюжетная ситуация стихотворения — отказ от любви во имя мести; была использована Лермонтовым в поэме «Измаил-Бей» (1832; Т. 2. № 465) — в сцене прощания героев. Отмечалось также некоторое сходство «Прощанья» с «Прощанием аравитянки» («Les adieux de l’hôtesse arabe») Виктора Гюго (Дюшен 1914: 131–133).

Ст. 21. *Поверь, отчизна там, где любят нас...* — Сентенцию, которую Лермонтов почти дословно повторяет в поэмах «Измаил-Бей» (Т. 2. С. 160) и «Хаджи Абрек» (Т. 2. С. 252), обычно возводят к «Дон Жуану» Дж.-Г. Байрона («Don Juan», 1819–1824; песнь 3, строфа 52): «He enter’d in the house — his home no more, / For without hearts there is no home» (Byron 1828: 596; пер. Т. Гнедич: «Он в дом вошел бездомный и унылый — / Без любящего сердца дома нет!»). Однако есть и более раннее немецкое соответствие: «Der Mensch lebt nicht dort, wo er lebt, sondern wo er liebt» («Человек живет не там, где живет, а там, где любит»), которое неоднократно приписывалась Жан Полю (Рихтеру) и Гете, но скорей всего восходит к латинскому речению, которое традиционно атрибутировалось Св. Августину («Anima magis est, ubi amat, quam ubi animat» — «Душа живет больше там, где любит, нежели там, где живет»).

Лит.: ЛЭ 1981: 452; Дюшен 1914: 131–133; Киселев 1916: 147; Гинзбург 1940: 114; Пейсахович 1964: 453; Юсуфов 1970: 168, 171–172.

265. «Она была прекрасна, как мечта...».

Автограф: РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 1. № 4. Л. 18 — беловой с правкой, в тетради 4.

Копия: РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 2. № 33. Л. 28 об.— в тетради копий юношеских стихотворений, с автографа ИРЛИ.
Печатается по беловому автографу.
Датируется началом 1832 г. по расположению в тетради 4 (см. Преамбулу, п. 2.2.4).
Впервые: Лермонтов 1862: 26 (с искажениями); Лермонтов 1891а: I, 132 (полный текст).

Предполагается, что стихотворение посвящено Н. Ф. Ивановой (см. примеч. к № 69).

Ст. 1–8. *Она была прекрасна, как мечта ~ Взор без огня — без запаха цветок!* — Строфа с некоторыми изменениями перенесена в стихотворение «Девятый час; уж темно; близ заставы...» (1832; № 268).

Лит.: ЛЭ 1981: 354; Пейсахович 1964: 472.

266. «Время сердцу быть в покое...».

Автограф: РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 1. № 4. Л. 18 об. — беловой с правкой, в тетради 4. После ст. 8 следовал зачеркнутый текст:

Мой проступок перед миром,
Пред людьми моя вина,
Для которых ты кумиром,
Но не другом быть должна;
И поклонников ты встретишь,
И, блистая пред толпой,
Меж рабов ты не заметишь
Для себя души родной.

Копия*:* РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 2. № 33. Л. 29 — в тетради копий юношеских стихотворений, с автографа ИРЛИ.
Печатается по беловому автографу.
Датируется началом 1832 г. по расположению в тетради 4 (см. Преамбулу, п. 2.2.4).
Впервые: ОЗ. 1859. Т. 125. № 7. Отд. 1. С. 58 (ст. 21–28 опущены).

Стихотворение, по-видимому, относится к Н. Ф. Ивановой (см. примеч. к № 69): строки «Слишком знаем мы друг друга, / Чтоб друг друга позабыть» с небольшим изменением повторяются в адресованном Н. Ф. Ивановой послании «К*» («Я не унижусь пред тобою...», 1832, № 270). В его черновом автографе первоначально повторялась с небольшим изменением и вся первая строфа стихотворения «Время сердцу быть в покое».

Ст. 1–4. *Время сердцу быть в покое / От волненья своего / С той минуты, как другое / Уж не бьется для него...* — Вольный перевод первой строфы стихотворения Байрона «В этот день я завершил свой тридцать шестой год» («On this day I complete my thirty-sixth year», 1824): «'T ɪs time this heart should be unmoved, / Since others it hath ceased to move: / Yet, though I cannot be beloved, / Still let me love!» (Byron 1828:

541); пер. И. М. Ивановского: «Должно бы сердце стать глухим / И чувства прежние забыть, / Но, пусть никем я не любим, / Хочу любить!»).

Ст. 21–28. *Так расселись под громами ~ А судьба их развела.* — Мотивы этой строфы, по наблюдению Б. В. Неймана (1915: 285–286), восходят к поэме С. Т. Кольриджа (Coleridge, 1772–1834) «Кристабель» («Christabel», 1797), отрывок из второй части которой Байрон поставил эпиграфом к стихотворению «Прощай» («Fare thee well», 1816). Лермонтов использовал только вторую половину эпиграфа, где содержалось развернутое сравнение расстающихся друзей с расколотыми утесами:

They stood aloof, the scars remaining,
Like cliffs which had been rent asunder;
A dreary sea now flows between.
But neither heat, nor frost, nor thunder,
Shall wholly do away, I ween,
The marks of that which once hath been.

(Цит. по: Byron 1828: 534; ср. вольный пер. И. И. Козлова, 1823: «Друг с другом розно, а тоскою / Сердечны язвы все хранят, / Так два расторгнутых грозою / Утеса мрачные стоят; Их бездна с ревом разлучает, / И гром разит и потрясает, — / Но в них ни гром, ни вихрь, ни град, / Ни летний зной, ни зимний хлад / Следов того не истребили, / Чем некогда друг другу были» — Козлов 1960: 77). Тот же мотив прослеживается в стихотворении «Романс» (1832, № 273) и поэме «Мцыри» (1839; Т. 2. С. 428), а также переосмыслен в стихотворении «Графине Ростопчиной» (1841, № 409).

Лит.: ЛЭ 1981: 93; Нейман 1915: 285–286; Эйхенбаум 1924а: 48–49; Пейсахович 1964: 468–469; Рогова 2008: 236–241; Рябова 2012: 11–13.

267. «Склонись ко мне, красавец молодой!..».

Автограф: РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 1. № 4. Л. 19 — беловой с правкой, в тетради 4, ст. 30 читается: «Я продана мужчине...».
Копии: 1) РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 1. № 21. Л. 43 об.–44 — авторизованная, в тетради 20; ст. 30 («Я продана злодею — ни мольбы») был вписан Лермонтовым позднее основного текста; 2) РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 2. № 33. Л. 29 об.–30 об. — в тетради копий юношеских стихотворений, с автографа ИРЛИ.
Печатается по копии в тетради 20 как более позднему авторизованному источнику с исправлением по автографу в ст. 13 («меж туч» вместо «между туч»).
Датируется началом 1832 г. по расположению в тетради 4 (см. Преамбулу, п. 2.2.4).
Впервые: ОЗ. 1859. Т. 125. № 7. Отд. 1. С. 58–59 (частично: ст. 1–2, 9–14, 17–20, 25–26, 29–34); Лермонтов 1862: 24 (полностью).

Последние два стиха третьей строфы повторяются с небольшим изменением в стихотворении «Девятый час; уж темно; близ заставы...» (1832; № 268). Развитие темы «падшей женщины» см. также в стихотворениях «Прелестнице» (1832; № 274), «Договор» (1841; № 399) и в поэме «Сашка» (1835–1836; Т. 2. № 470) (сюжетная линия, связанная с Тирзой).

Высказывалось предположение, что «Склонись ко мне, красавец молодой!» восходит к «Песне вакханки» (1829) А. Г. Ротчева (1806 или 1807–1873), которая, в свою очередь, представляет собой вольный перевод идиллии А. Шенье «Лида» («Lydé»). При этом тему Ротчева — Шенье (любовь вакханки к равнодушному юноше) Лермонтов изменил: в его стихотворении она перенесена в современность, усложнена социально и психологически.

Лит.: ЛЭ 1981: 507; Гершензон 1915: 514–515; Бем 1924: 284; Дурылин 1934: 38; Пейсахович 1964: 472; Лермонтов 1964–1965: I, 629; Федоров 1967: 339.

268. «Девятый час; уж темно; близ заставы...».

Автограф: РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 1. № 4. Л. 19 об.–20 — беловой с правкой, в тетради 4.
Копия*:* РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 2. № 33. Л. 30 об.–31 — в тетради копий юношеских стихотворений, с автографа ИРЛИ.
Печатается по автографу.
Датируется началом 1832 г. по расположению в тетради 4 (см. Преамбулу, п. 2.2.4).
Впервые: РС. 1872. Т. 5. № 2. С. 292–293 (ст. 25–39); Лермонтов 1889–1891: I, 63–64 (без последней строфы); Лермонтов 1935–1937: I, 335–336 (полностью).

В стихотворении заметно сильное повествовательное начало, однако сюжетные линии почти не обозначены; возможно, это один из набросков к поэме «Сашка» (1835–1836; Т. 2. № 470), где есть схожие эпизоды. (ср. также текстуальные переклички со стихотворениями «Склонись ко мне, красавец молодой!..» (1832, № 267), «Она была прекрасна, как мечта...» (1832, № 265), «Как луч зари, как розы Леля...» (1832, № 271).

Ст. 53. *Так поступил Парни питомец нежный.* — Имеется в виду, что герой воспитан на эротической поэзии французского поэта Э. Парни (Parny, 1753–1814).

Лит.: ЛЭ 1981: 128–129; Бродский 1945: 321–322; Дурылин 1941а: 213–214; Пейсахович 1964: 471–472.

269. «Как в ночь звезды падучей пламень...».

Автограф: РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 1. № 4. Л. 20 — беловой с правкой, в тетради 4.
Копия: РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 2. № 33. Л. 32–32 об. — в тетради копий юношеских стихотворений, с автографа ИРЛИ.
Печатается по автографу.
Датируется началом 1832 г. по расположению в тетради 4 (см. Преамбулу, п. 2.2.4).
Впервые: ОЗ. 1859. Т. 125. № 7. Отд. 1. С. 59.

Лит.: ЛЭ 1981: 214.

270. К* («Я не унижусь пред тобою...»).

Автограф: РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 1. № 4. Л. 20 об.–21 — беловой с правкой, в тетради 4.
Копии: 1) РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 1. № 21. Л. 44 об. –45 — в тетради 20;

2) РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 2. № 33. Л. 32 об.–33 об. — в тетради копий юношеских стихотворений, с автографа ИРЛИ, под заглавием «К N.N.».
Печатается по копии в тетради 20 как более позднему авторизованному источнику.
Датируется началом 1832 г. по расположению в тетради 4 (см. Преамбулу, п. 2.2.4).
Впервые: ОЗ. 1859. Т. 125. № 7. Отд. I. С. 59–60 (под заглавием «К***», с пропуском ст. 21–38; Лермонтов 1889–1891: I, 68 (полностью).

Стихотворение, возможно, обращено к Н. Ф. Ивановой (см. примеч. к № 69): в автографе после ст. 40 зачеркнуты следующие строки, сходные с первой строфой стихотворения «Время сердцу быть в покое...» (№ 266):

Но время сердцу быть в покое
От счастья, муки, от всего,
С того мгновенья, как другое
Не бьется больше для него!
И если снова затрепещет
Оно — то прежнего лишь след:
Так всё волнами море плещет,
Хотя над ним уж бури нет.

Лит.: ЛЭ 1981: 208; Эйхенбаум 1940: 298; Эйхенбаум 1961: 313; Бродский 1945: 340–341; Иванова 1957: 233; Андроников 1967: 141–142; Архипов 1965: 118; Удодов 1973: 394; Фризман 1973: 123–124; Есин 2003: 62–63; Жолковский 2005: 208; Мироычева 2005: 148–154.

271. «Как луч зари, как розы Леля...».
Автограф: РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 1. № 4. Л. 21 — беловой с поправками, в тетради 4.
Копия: РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 2. № 33. Л. 34 — в тетради копий юношеских стихотворений, с автографа ИРЛИ.
Печатается по автографу.
Датируется началом 1832 г. по расположению в тетради 4 (см. Преамбулу, п. 2.2.4).
Впервые: ОЗ. 1859. Т. 125. № 7. Отд. 1. С. 60.

Принадлежность стихотворения к «ивановскому» лирическому циклу (см. примеч. к № 69) (Андроников 1977: 139) проблематична. Онегинская строфа, примененная здесь Лермонтовым, указывает скорее на эксперименты с повествовательной формой (что подтверждается и перекличками с «рассказом в стихах» «Девятый час; уж тёмно; близ заставы...», № 268).

Ст. 1. *Как луч зари, как розы Леля...* — В псевдославянской мифологии, сконструированной в XVIII в., Лель — бог любви, аналог Амура; розы — его постоянный поэтический атрибут (ср.: «Венчали розы, розы Леля, / Мой первый век, мой век младой», 1828, — Боратынский 2000–2012: II, 193).

Ст. 1–3. *Как луч зари, как розы Леля… ~ Как у мадоны Рафаэля…* — Ср. в стихотворении «Девятый час; уж тёмно; близ заставы…» (№ 268): «Она была свежа, как розы Леля / Она была похожа на портрет / Мадонны — и мадонны Рафаэля». Редкая рифма *Леля ~ Рафаэля*, возможно, заимствована из стихотворения А. С. Пушкина «Ее глаза» (1828), опубликованного без разрешения автора в альманахе «Северная Звезда» (СПб., 1829. С. 161–162): «Потупит их с улыбкой Леля — / В них скромных граций торжество; / Поднимет — ангел Рафаэля / Так созерцает божество» (Пушкин 1937–1959: III, 108).

Лит.: ЛЭ 1981: 215; Пейсахович 1969: 25–38; Болдина 2003: 142–147.

272. «Синие горы Кавказа, приветствую вас!..».

Автограф: РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 1. № 4. Л. 21–21 об. — беловой с правкой, в тетради 4; третий абзац зачеркнут.
Копия*:* РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 2. № 33. Л. 85 об.–86 — в тетради копий юношеских стихотворений, с автографа ИРЛИ.
Печатается по автографу с восстановлением вычеркнутого абзаца.
Датируется началом 1832 г. по расположению в тетради 4 (см. Преамбулу, п. 2.2.4).
Впервые: ОЗ. 1859. Т. 125. № 7. Отд. 1. С. 60–61 (последний абзац разбит на стихотворные строки).

Отрывок представляет собой редкий в лермонтовскую эпоху опыт метрической прозы. Наблюдаются текстуальные и мотивные соответствия с первыми строфами поэмы «Измаил-бей» (1832; Т. 2. № 465), над которой в это время работал поэт.

Ст. 18. *Воздух там чист, как молитва ребенка.* — В несколько измененном виде фраза включена в текст «Княжны Мери» (Т. 4. С. 201).

Лит.: ЛЭ 1981: 505–506; Дурылин 1934: 26; Шувалов 1941: 276; Нейман 1941b: 328; Удодов 1973: 593; Сухая 2002: 162–164; Евсеева 2004: 30–33; Недумов 2004: 339–413; Виноградов 2004; Хубиева 2005: 231–233; Захаров 2006: 221–222.

273. Романс («Стояла серая скала на берегу морском…»).

Автограф: РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 1. № 4. Л. 21 об. — беловой с правкой, в тетради 4.
Копия: РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 2. № 33. Л. 34–34 об. — в тетради копий юношеских стихотворений, с автографа ИРЛИ.
Печатается по автографу.
Датируется началом 1832 г. по расположению в тетради 4 (см. Преамбулу, п. 2.2.4).
Впервые: ОЗ. 1859. Т. 125. № 7. Отд. 1. С. 61.

В стихотворении, как принято считать, ретроспективно оцениваются отношения с Н. Ф. Ивановой (см. примеч. к № 69); автобиографические мотивы трансформированы литературными ассоциациями: мотив скалы, рассеченной молнией надвое, восходит к поэме С.-Т. Колриджа «Кристабель»; близкий мотив «разобщенных утесов» повторен Лермонтовым в поэме «Мцыри» (см. примеч. к № 266).

Романс написан редчайшим для первой половины XIX в. стихотворным размером — семистопным ямбом.

Лит.: ЛЭ 1981: 473; Нейман 1915: 285–288; Эйхенбаум 1924а: 48–49; Розанов 1941: 440; Федоров 1941: 156–157, 181–182; Лермонтов 1975–1976: I, 584; Аринштейн 1985: 35–36; Рогова 2008: 236–241; Рябова 2012: 11–13.

274. Прелестнице («Пускай ханжа глядит с презреньем...»).

Автограф: РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 1. № 4. Л. 22 — черновой, в тетради 4; ст. 13–15 читаются: «Живу, как сокол, беззаботно, / И не тревожимый ничем, / Я людям руки жму охотно», ст. 17: «Мы брань их смехом уничтожим». После ст. 4 зачеркнуты следующие строки:

а) Пускай ни дочери ни сына
Ты вечно не прижмешь [к] груди
И с нищетой тебя судьбина
Ждет неизбежно впереди
б) Пускай ни к дочери ни к сыну
Ты груди вечно не прижмешь
За то, что каждого мужчину
За кучу злата обоймешь.

Копии: 1) РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 1. № 21. Л. 45 — авторизованная, в тетради 20; 2) РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 2. № 33. Л. 34 об.–35 — в тетради копий юношеских стихотворений, с автографа ИРЛИ; 3) РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 4. № 85. Л. 30 об.–31 — с копии в тетради 20 в «Материалах для биографии М. Ю. Лермонтова» В. Х. Хохрякова.

Печатается по копии в тетради 20 как более позднему авторизованному источнику.

Датируется началом 1832 г. по расположению в тетради 4 (см. Преамбулу, п. 2.2.4).

Впервые: ОЗ. 1859. Т. 125. № 7. Отд. 1. С. 61–62.

Текст переработан Лермонтовым в 1841 г. — ср. первые три строфы стихотворения «Договор» (№ 399). Тематически близко к стихотворению Пушкина «Когда твои младые лета...» (1829).

Лит.: ЛЭ 1981: 444; Лернер 1911: XXVII; Дурылин 1934: 41–42; Эйхенбаум 1941а: 72; Иконников 1962: 58–60; Пейсахович 1964: 431–432; Удодов 1973: 139–140, 166.

275. «Ты молод. Цвет твоих кудрей...».

Автограф: РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 1. № 4. Л. 22 об. — беловой с правкой, в тетради 4; ст. 1–8 первоначально читались:

Я молод. Цвет моих кудрей
Не уступает цвету ночи
Сквозь слез мои пылают очи
При встрече радостных очей;

Я от души смеюсь смешному,
Коль тяжела моя печаль,
Что бред ребяческий другому,
То мне еще покинуть жаль.

Копии*:* 1) РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 1. № 21. Л. 45–45 об. — в тетради 20; 2) РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 2. № 33. Л. 35–35 об. — в тетради копий юношеских стихотворений, с автографа ИРЛИ.
Печатается по копии в тетради 20 как более позднему авторизованному источнику.
Датируется началом 1832 г. по расположению в тетради 4 (см. Преамбулу, п. 2.2.4).
Впервые: БдЧ. 1845. Т. 68. № 1. Отд. 1. С. 11–12 (соответствует тексту копии в тетради 20).

Окончательная редакция стихотворения композиционно близка к «Посланию к Загорскиной» Владимира Арбенина, которое включено в драму «Странный человек» («К чему волшебною улыбкой» — Т. 3. С. 198, 557).

Лит.: ЛЭ 1981: 585; Удодов 1974: 86–87.

276. Эпитафия («Прости! увидимся ль мы снова?..»).
Автограф: РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 1. № 4. Л. 22 об. — беловой с поправкой в ст. 17, в тетради 4.
Копия: РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 2. № 33. Л. 36 — в тетради копий юношеских стихотворений, с автографа ИРЛИ.
Печатается по автографу.
Датируется началом 1832 г. по расположению в тетради 4 (см. Преамбулу, п. 2.2.4).
Впервые: ОЗ. 1859. Т. 125. № 7. Отд. 1. С. 62.

Стихотворение посвящено памяти отца Лермонтова (см. примеч. к № 227).

Лит.: ЛЭ 1981: 632; Эйхенбаум 1961: 232; Пейсахович 1964: 432; Милевская 2003: 193–199.

277. «Измученный тоскою и недугом...».
Автограф: РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 1. № 4. Л. 23 — беловой с поправками, в тетради 4.
Копия*:* РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 2. № 33. Л. 36 об. — в тетради копий юношеских стихотворений, с автографа ИРЛИ.
Печатается по автографу.
Датируется началом 1832 г. по расположению в тетради 4 (см. Преамбулу, п. 2.2.4).
Впервые: РМ. 1884. № 4. С. 60.

Стихотворение, как предполагается, входит в «ивановский» цикл (см. примеч. к № 69). Отмечалось некоторое сюжетное сходство с «Оправданием» Е. А. Боратынского («Решительно печальных строк моих...», 1824, 1827).

Лит.: ЛЭ 1981: 189; Андроников 1967: 140.

278. «Когда последнее мгновенье...».

Автограф: РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 1. № 4. Л. 1 об. — черновой, в тетради 4; незавершенный набросок, на обороте обложки тетради; по предположению Б. М. Эйхенбаума, текст записан после заполнения других ее листов (Лермонтов 1935–1937: I, 519).

Печатается по черновому автографу.

Датируется началом 1832 г. по расположению автографа в тетради 4, заполнявшейся в конце 1831 — начале 1832 гг. (см. Преамбулу, п. 2.2.4).

Впервые: Лермонтов 1889–1891: I, 75.

Стихотворение не закончено. Существует предположение, что оно обращено к Н. Ф. Ивановой (см. примеч. к № 69) (см.: Андроников 1977: 148–149); здесь Лермонтов продолжает тему «загробной» любви и ревности, начатую стихотворением «Письмо» (1829; № 14) и завершенную в стихотворении «Любовь мертвеца» (1841; № 405).

Лит.: ЛЭ 1981: 228; Шувалов 1941: 302; Андроников 1967: 140; Пейсахович 1964: 432.

279. <**В альбом Д. Ф. Ивановой**>
(«Когда судьба тебя захочет обмануть...»).

Автограф неизвестен.

Копия: РГАЛИ. Ф. 1336. Оп. 1. № 21. Л. 38 об. — в альбоме М. Д. Жедринской, заглавие: «В альбом Д. Ф. Ивановой», с датой под текстом «1832 г.»; на предыдущем листе — копия стихотворения «Стансы» («Мгновенно пробежав умом...»; см. примеч. к № 190), на том же листе — стихотворения «<В альбом Н. Ф. Ивановой>» («Что может краткое свиданье...», № 280).

Печатается по копии в альбоме Жедринской.

Датируется не позднее начала июля 1832 г. по помете в копии (год) и времени возможной встречи Лермонтова, уезжавшего в начале июля 1832 г. из Москвы в Петербург, с Н. Ф. и Д. Ф. Ивановыми.

Впервые: ЛГ. 1939. № 57. 15 октября.

Обращено к Дарье Федоровне Ивановой (см. примеч. к № 205), сестре Н. Ф. Ивановой (см. примеч. к № 69).

Лит.: ЛЭ 1981: 75; Андроников 1967: 136–138; Пейсахович 1964: 453; Андреев-Кривич 1973: 89.

280. <**В альбом Н. Ф. Ивановой**> («Что может краткое свиданье...»).

Автограф неизвестен.

Копия: РГАЛИ. Ф. 1336. Оп. 1. № 21. Л. 38 об.–39 — в альбоме М. Д. Жедринской, с датой «1832 г.»; на том же листе копия стихотворения «<В альбом Д. Ф. Ивановой>» («Когда судьба тебя захочет обмануть...», № 279).

Печатается по копии в альбоме Жедринской.

Датируется не позднее начала июля 1832 г. по помете в копии (год) и времени возможной встречи Лермонтова, уезжавшего в начале июля 1832 г. из Москвы в Петербург, с Н. Ф. и Д. Ф. Ивановыми.

Впервые: ЛГ. 1939. № 57. 15 октября.

Ст. 5–6. *И стих безумный, стих прощальный / В альбом твой бросил для тебя...* — Имеется в виду стихотворение «К*» («Я не унижусь пред тобою...», № 270), незадолго до того вписанное в альбом Н. Ф. Ивановой.

Лит.: ЛЭ 1981: 75; Андроников 1967: 136–37, 141; Андреев-Кривич 1973: 89.

281. «Нет, я не Байрон, я другой...».

Автограф неизвестен.
Копия: РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 1. № 21. Л. 45 об. — в тетради 20.
Печатается по копии.
Датируется предположительно 1832 г., не позднее начала июля, по расположению копии в тетради 20 (подробнее см. в Преамбуле, п. 2.2.5).
Впервые: БдЧ. 1845. Т. 68. № 1. Отд. 1. С. 12 (в ст. 12, очевидно, цензурная замена: «Или поэт — или никто!..»).

В автобиографических заметках 1830 г. Лермонтов прямо говорит о своем сходстве с Байроном: «Когда я начал марать стихи в 1828 году, я как бы по инстинкту переписывал и прибирал их, они еще теперь у меня. Ныне я прочел в жизни Байрона, что он делал то же — это сходство меня поразило!», «Еще сходство в жизни моей с *лордом* Байроном. Его матери в Шотландии предсказала старуха, что он будет *великий человек* и будет два раза *женат;* про меня на Кавказе предсказала *то же самое* старуха моей Бабушке. Дай бог, чтоб и надо мной сбылось; хотя б я был так же несчастлив, как Байрон» (см.: Т. 4. № 535; см. также: Глассе 1979: 91–101).

Ст. 9–10. *Кто может, океан угрюмый / Твои изведать тайны?..* — Возможно, здесь содержится отклик на финальные строфы «Паломничества Чайльд-Гарольда» Байрона (песнь IV, строфы 178–184), где воспевается непознаваемость и непреоборимая мощь океана. Формула «угрюмый океан», скорее всего, заимствована из пушкинской элегии «Погасло дневное светило...» (1820): «Волнуйся подо мной, угрюмый океан...» (Пушкин 1937–1959: III, 146–147).

Лит.: ЛЭ 1981: 341; Блок 1934: 406; Гинзбург 1940: 67; Дурылин 1941b: 171–172; Нольман 1941: 473–474; Федоров 1967: 314–315; Giusti 1968: 157–158; Григорьев 2002: 200–219; Андреев 2003: 231–236; Александрова 2004: 12–20; Семенова 2004b: 14–15; Толстогузова 2004: 108–120; Воробьев 2009: 9.

282. Романс («Ты идешь на поле битвы...»).

Автограф неизвестен.
Копия: РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 1. № 21. Л. 45 об.–46 — в тетради 20.
Печатается по копии.
Датируется предположительно 1832 г., не позднее начала июля, по расположению копии в тетради 20 (см. в Преамбуле, п. 2.2.5).
Впервые: Саратовский справочный листок. 1876. № 43. 26 февраля. С. 1.

В «Романсе» обнаруживаются мотивы стихотворения Т. Мура «Иди туда, где ждет тебя слава» («Go where glory waits thee»), которое открывает цикл «Ирландские мелодии» («Irish Melodies», 1807–1834). Одновременно заметно и знакомство с образцами популярной в 1820–1830-е гг. романсной лирики: ср. песню Х.-А. Тидге

(Tiedge, 1752–1841) «Не забудь меня. К Арминии» («Vergiee mein nicht. An Arminia», 1790), которая была переведена Жуковским («Песня» — «О милый друг! Теперь с тобою радость...», 1811), а также романс А. Ф. Мерзлякова «Разлука» (1815). Есть данные, что в 1820-х гг. в московском обществе пели французский романс, близкий стихотворению Лермонтова по содержанию и фразеологии (см.: Вацуро 2008: 430).

Ст. 7–8. *...В дальной стороне / Вспомни обо мне.* — Возможно, здесь имеет место реминисценция из стихотворения А. Ф. Мерзлякова «Разлука» (1815), каждая строфа которого заканчивается рефреном: «...Но в дальней стороне / Ты и не вспомнишь обо мне» (Мерзляков 1958: 86–88).

Лит.: ЛЭ 1981: 473–474; Вацуро 1965: 191–192; Вацуро 1985а: 68.

283. Сонет («Я памятью живу с увядшими мечтами...»).

Автограф неизвестен.
Копия: РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 1. № 21. Л. 46–46 об. — в тетради 20.
Печатается по копии.
Датируется предположительно 1832 г., не позднее начала июля, по расположению копии в тетради 20 (см. в Преамбуле, п. 2.2.5).
Впервые: СВ. 1889. № 1. Отд. 1. С. 21.

Единственный у Лермонтова случай обращения к форме сонета, которая здесь тяготеет к классическим французским образцам (см.: Саришвили 1999: 46–48). Возможно, стихотворение относится к «ивановскому» циклу (см. примеч. к № 69).

Лит.: ЛЭ 1981: 523; Андроников 1967: 140; Пейсахович 1964: 430; Останкович 1994: 76–86; Зырянов 2006: 253–255.

284. «Болезнь в груди моей, и нет мне исцеленья...».

Автограф неизвестен.
Копия: РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 1. № 21. Л. 46 об. — авторизованная (?), в тетради 20.
Печатается по копии.
Датируется предположительно 1832 г., не позднее начала июля, по расположению копии в тетради 20 (см. в Преамбуле, п. 2.2.5).
Впервые: СВ. 1889. № 1. Отд. 1. С. 17–18.

Предполагается, что стихотворение обращено к Н. Ф. Ивановой (см. примеч. к № 69). Лермонтов применил здесь уникальную для русской поэзии XVIII — нач. XIX вв. стиховую форму — чередование строк шести- и четырехстопного ямба со сплошной женской рифмой.

Лит.: ЛЭ 1981: 67; Пейсахович 1964: 436.

285. К* («Мы случайно сведены судьбою...»).

Автограф неизвестен.
Копия: РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 1. № 21. Л. 46 об.–47 — авторизованная, в тетради 20.
Печатается по копии.

Датируется предположительно 1832 г., не позднее начала июля, по расположению копии в тетради 20 (см. в Преамбуле, п. 2.2.5).
Впервые: СВ. 1889. № 1. Отд. 1. С. 21–22.

Стихотворение обращено к В. А. Лопухиной (см. примеч. к № 207).

Ст. 10. *Будь товарищ грозных бурь моих...* — Этот стих сходен со стихом «Товарищ бурь моих суровых» из чернового автографа посвящения к поэме «Измаил-Бей» (Т. 2. С. 606). См. также стихотворение «Посвященье» (1832, № 306).

Лит.: ЛЭ 1981: 206; Максимов 1964: 32–37; Матвиевская 1977: 71–72; Ломинадзе 1985: 243–244; Видяева 2004: 22–26.

286. «Поцелуями прежде считал...».
Автограф неизвестен.
Копия: РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 1. № 21. Л. 47 — в тетради 20.
Печатается по копии.
Датируется предположительно 1832 г., не позднее начала июля, по расположению копии в тетради 20 (см. в Преамбуле, п. 2.2.5).
Впервые: СВ. 1889. № 3. Отд. 1. С. 93.

Лит.: ЛЭ 1981: 438; Фишер 1914: 218–219; Розанов 1942: 56–57; Ермилова 1970: 370; Ломинадзе 1976: 345; Козьмина 1978: 27–36.

287. «Послушай, быть может, когда мы покинем...».
Автограф неизвестен.
Копия: РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 1. № 21. Л. 47 — авторизованная, в тетради 20.
Печатается по авторизованной копии.
Датируется предположительно 1832 г., не позднее начала июля, по расположению копии в тетради 20 (см. в Преамбуле, п. 2.2.5).
Впервые: СВ. 1889. № 1. Отд. 1. С. 22.

Обращено, по всей вероятности, к В. А. Лопухиной (см. примеч. к № 207). В стихотворении обнаруживаются тематические и мотивные параллели с поэмой «Демон» (1829–1839; Т. 2. № 475).

Лит.: ЛЭ 1981: 437; Удодов 1973: 321.

288. К * («Оставь напрасные заботы...»).
Автограф неизвестен.
Копия: РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 1. № 21. Л. 47 об. — в тетради 20.
Печатается по копии.
Датируется предположительно 1832 г., не позднее начала июля, по расположению копии в тетради 20 (см. в Преамбуле, п. 2.2.5).
Впервые: Саратовский справочный листок. 1876. № 43. 26 февраля. С. 1.

Стихотворение обращено к В. А. Лопухиной (см. примеч. к № 207). Указывалось на его сюжетное сходство с «Разуверением» (1821) Е. А. Боратынского.

Лит.: ЛЭ 1981: 207; Гинзбург 1940: 63–64.

289. Баллада (с немецкого) («Из ворот выезжают три витязя в ряд...»).

Автограф: РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 1. № 21. Л. 47 об. — беловой, в тетради 20; текст зачеркнут.
Печатается по автографу.
Датируется предположительно началом–серединой июля 1832 г. по расположению автографа в тетради 20 (см. в Преамбуле, п. 2.2.5).
Впервые: Лермонтов 1889–1891: I, 367.

Первый и частично второй стихи — перевод начала немецкой народной песни «Три рыцаря» — «Die drei Ritter»; впервые опубликована в сборнике Ахима фон Арнима (Achim von Arnim, 1781–1831) и Клеменса Брентано (Clemens Brentano, 1778–1842) «Волшебный рог мальчика» («Des Knaben Wunderhorn», 1806–1808). Существует предположение, что в стихотворении пародируются баллады в духе В. А. Жуковского (см.: Гаркави 1959: 281–282).

Лит.: ЛЭ 1981: 47; Илюшин 1984: 31–38; Ермоленко 1988: 31–44; Ложкова 2004: 92–117.

290. Бой («Сыны небес однажды надо мною...»).

Автограф: РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 1. № 21. Л. 48 — беловой, в тетради 20.
Печатается по автографу.
Датируется предположительно началом–серединой июля 1832 г. по расположению автографа в тетради 20 (с см. в Преамбуле, п. 2.2.5).
Впервые: СВ. 1889. № 3. Отд. 1. С. 94–95; Лермонтов 1889–1891: I, 226.

Ср. автобиографическую запись Лермонтова, относящуюся к 1830 г.: «Я помню один сон; когда я был еще 8-ми лет, он сильно подействовал на мою душу. В те же лета я один раз ехал в грозу, куда-то; и помню облако, которое небольшое, как бы оторванный клочок черного плаща, быстро неслось по небу: это так живо передо мною, как будто вижу. Когда я еще мал был, я любил смотреть на луну, на разновидные облака, которые в виде рыцарей с шлемами теснились будто вокруг нее; будто рыцари, сопровождающие Армиду в ее замок, полные ревности и беспокойства» (Т. 4. № 531). Как отмечал Л. П. Семенов (2007: 121–122), соперничество или битва облачных витязей встречается у Лермонтова неоднократно, ср., например, в драме «Испанцы» (1830; Т. 3. С. 30–31). Близкие мотивы разрабатывались Лермонтовым и в поэмах, см., например, распространенную метафору сражения в «Измаил-Бее» (1832; Т. 2. С. 194).

Лит.: ЛЭ 1981: 67; Любович 1964: 109–110.

291. «Я жить хочу! хочу печали...».

Автографы: 1) ОПИ ГИМ. Ф. 445. № 227а. Л. 65 — беловой, в письме С. А. Бахметевой от конца июля — начала августа 1832 г., ст. 1–8; 2) РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 1. № 21. Л. 48 — беловой, в тетради 20.
Печатается по автографу в тетради 20.
Датируется предположительно июлем 1832 г. по письму к С. А. Бахметевой, в котором Лермонтов, посылая эти стихи, заметил, что написал их «месяц тому назад» (Т. 4. № 544).

Впервые: Современник. 1854. Т. 43. № 1. Отд. 1. С. 6. (ст. 1–8); Лермонтов 1889–1891: I, 235 (полностью).

Посылка текста стихотворения в письме Бахметевой и параллельная его запись в тетради 20 дают основания для датировки автографов, содержащихся в этой тетради: наиболее ранние из них — «Баллада» (№ 289), «Бой» (№ 290) и «Я жить хочу! хочу печали...» (№ 291), располагающиеся на Л. 47 об.–48, могут быть соответственно датированы началом–серединой июля. Такая датировка поддерживается и биографическими обстоятельствами: в начале–середине июля Лермонтов отправился из Москвы в Петербург для поступления в Юнкерскую школу и, по-видимому, взял с собой несколько тетрадей (тетрадь 20, 21а, 22), в которых парадным почерком были переписаны его наиболее важные стихотворные произведения. После отъезда из Москвы работа в тетради 20 была продолжена, но теперь Лермонтов заполнял ее сам, более беглым почерком. На этих основаниях автографы, следующие в тетради 20 за «Я жить хочу! хочу печали...», предположительно датируются июлем–августом 1832 г.

Ст. 1. *Я жить хочу! хочу печали...* — Ср. у Пушкина: «Я жить хочу, чтоб мыслить и страдать...» («Элегия», 1830; опубл. 1834 — Пушкин 1937–1959: III, 228; см.: (Vickery 2001: 126–127).

Лит.: ЛЭ 1981: 640; Пейсахович 1964: 432–434; Удодов 1973: 178; Владимирская 1983: 100.

292. «Смело верь тому, что вечно...».

Автограф: РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 1. № 21. Л. 48 — беловой, в тетради 20.
Печатается по автографу.
Датируется предположительно июлем–августом 1832 г. по расположению автографа в тетради 20 на одном листе со стихотворением «Я жить хочу! хочу печали...» (см. № 291), фрагмент которого был послан Лермонтовым в письме С. А. Бахметевой от начала августа 1832 г. с указанием, что оно написано «месяц тому назад» (см.: Т. 4. № 544).
Впервые: Саратовский справочный листок. 1876. № 1. 1 января. С. 1.

Одно из немногих стихотворений Лермонтова, написанных сплошными женскими рифмами.

Лит.: ЛЭ 1981: 511; Розанов 1941: 460.

293. Желанье («Отворите мне темницу...»).

Автографы: 1) РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 1. № 21. Л. 48 об. — беловой, в тетради 20; текст в составе одной строфы (ст. 1–8); ст. 5–8 отличается от всех других источников: «Чтоб я с ней по синю полю / Ускакал на том коне. / Дайте волю — волю, волю — / И не надо счастья мне!»; 2) Библиотека Колумбийского университета (Нью-Йорк, США): Columbia University Libraries. Rare Book & Manuscript Library. Ms Coll \ Lermontov. Album 2. Sheet 143 — в альбоме А. М. Верещагиной-Хюгель, без заглавия (фотокопия: РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 2. № 167. [Л. 5]); ст. 1–25.

Копии: 1) ОПИ ГИМ. Ф. 445. № 227а. Л. 42 об. — рукой С. А. Раевского в тетради Чертковской библиотеки, заглавие: «Желанья», текст в иной редакции по сравнению с автографом 2; 2) РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 1. № 15. Л. 10 — на отдельном листе, вложенном в тетрадь 15; на том же листе — копия стихотворения «На севере диком...» (№ 406); на обороте листа — копии стихотворений «Парус» (№ 309) и «На светские цепи...» (№ 390); текст совпадает с копией Раевского, за исключением ст. 10, 17, 23, 24; 3) РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 2. № 40. Л. 9 — П. А. Висковатова с автографа в альбоме А. М. Верещагиной (автограф 2), с отдельными неточностями.

Печатается по копии Раевского (1), отражающей наиболее позднюю стадию работы над текстом и дающую наиболее исправное чтение.

Начало работы над стихотворением предположительно датируется июлем–августом 1832 г. по положению автографа 1 в тетради 20. Промежуточную редакцию стихотворения, по-видимому, дает текст в альбоме Верещагиной (о трудностях его датировки см. в Преамбуле, п. 2.3). Судя по сохранившимся копиям — в том числе сделанной рукой Раевского, — стихотворение дорабатывалось в последующие годы — 1834–1839 гг. (к этому промежутку относятся поэтические тексты в тетради Чертковской библиотеки — ГИМ).

Впервые: ОЗ. 1841. Т. 19. № 11. Отд. 3. С. 1–2 — текст по копии в тетради 15; БдЧ. 1845. Т. 68. № 1. Отд. 1. С. 12 — без заглавия; текст, соответствующий автографу 1.

Происхождение копии в тетради 15, составленной из бумаг, в разное время полученных Краевским, не вполне ясно. Может быть, «Желанье» вместе с находящимися на том же листке стихотворениями «На севере диком...» (№ 406), «Парус» (№ 309) и «На светские цепи...» (№ 390) было оставлено Краевскому для публикации самим Лермонтовым перед его отъездом на Кавказ в 1841 г. (см. упоминания об оставленных редактору «Отечественных записок» рукописях в рецензии Белинского на 2-е издание «Героя нашего времени»: «Найдется пьес десяток первых его опытов, кроме большой его поэмы „Демон“; пьес пять новых, которые подарил он редактору „Отечественных записок“ перед отъездом своим на Кавказ <...> „Отечественные записки“ почтут священным долгом скоро поделиться ими со своими читателями» — Белинский 1953–1959: V, 455). Но нельзя исключать, что эти копии были получены Краевским позднее, от кого-то из знакомых Лермонтова.

Ст. 1–4. *Отворите мне темницу, ~ Черногривого коня.* — Эти четыре стиха были перенесены в стихотворение «Узник» (1837; № 335).

Ст. 10–18. *Дайте мне челнок дощатой ~ С дикой прихотью пучин*. — Вторая строфа перекликается со стихотворением Н. М. Языкова «Пловец» («Нелюдимо наше море...», 1829).

Лит.: ЛЭ 1981: 162; Максимов 1891: 367–368; Дурылин 1934: 33–35; Виноградов 1941: 291; Азадовский 1941: 251–252; Максимов 1964: 207–208; Пейсахович 1964: 479–480; Архипов 1965: 157–159; Коровин 1973: 43–44; Найдич 1973b: 124–125; Удодов 1973: 79, 140, 166, 584; Голованова 1979: 19–20; Вацуро 1976: 224–225; Горланова 2003: 14–18; Каганович 2006: 36–41; Дроздова 2007: 40–42.

294. «Приветствую тебя, воинственных славян...».

Автограф: РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 1. № 21. Л. 48 об. — беловой, в тетради 20.
Печатается по беловому автографу.
Датируется предположительно июлем–августом 1832 г. по положению в тетради 20 (на л. 48 — автограф стихотворения «Я жить хочу! хочу печали...» (№ 291), написанного не позднее середины июля 1832 г.).
Впервые: Современник. 1857. Т. 65. № 10. Отд. 1. С. 190 (без двух последних строк); РМ. 1883. № 4. С. 55 (полностью).

Стихотворение задумано, вероятно, в связи с посещением Лермонтовым Новгорода во время поездки в июле — начале августа 1832 г., из Москвы в Петербург. К «новгородской» теме, в трактовке которой Лермонтов следовал традициям декабристской литературы, поэт уже обращался в 1830 г. (см. примеч. к стих. «Новгород» (№ 135) и поэме «Последний сын вольности» (Т. 2. С. 595)).

Ст. 5–6 *...вольности одной / Служил тот колокол на башне вечевой.* — Лермонтов вслед за декабристами воспринимал вечевой колокол как символ древней вольности новгородцев, ассоциировавшейся с идеалом политической свободы и республиканского правления. Ср. тот же образ в более позднем стихотворении «Поэт» (1837–1838): «Звучал, как колокол на башне вечевой / Во дни торжеств и бед народных» (№ 357).

Лит.: ЛЭ 1981: 445; Кирпотин 1970: 195–196; Нейман 1941а: 439; Пейсахович 1964: 422–423; Архипов 1965: 155–156; Федоров 1967: 72–74; Лермонтов 1964–1965: I, 585.

295. К* («Мой друг, напрасное старанье!..»).

Автограф: РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 1. № 21. Л. 48 об. — беловой, в тетради 20.
Печатается по автографу.
Датируется предположительно июлем–августом 1832 г. по положению автографа в тетради 20 (на л. 48 — автограф стихотворения «Я жить хочу! хочу печали...» (№ 291), написанного не позднее начала августа 1832 г.).
Впервые: СВ. 1889. № 2. Отд. 1. С. 128–129.

Стихотворение, возможно, обращено к В. А. Лопухиной (см. примеч. к № 207).

Ст. 24. *Они умрут во мне, со мной!..* — Позднее почти без изменений перенесен в поэмы «Боярин Орша» (Т. 2. С. 273) и «Мцыри» (Т. 2. С. 434).

Лит.: ЛЭ 1981: 205–206; Пейсахович 1964: 432; Чичерин 1977: 365–366.

296. К* («Печаль в моих песнях, но что за нужда?..»).

Автограф: РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 1. № 21. Л. 49 — беловой с поправками, в тетради 20.
Печатается по автографу.
Датируется предположительно июлем–августом 1832 г. по положению автографа в тетради 20 (на л. 48 — автограф стихотворения «Я жить хочу! хочу печали...» (№ 291), написанного не позднее начала августа 1832 г.).
Впервые: Саратовский справочный листок. 1876. № 1. 1 января. С. 1.

Лит.: ЛЭ 1981: 207; Пейсахович 1964: 427.

297. Два великана («В шапке золота литого...»)

Автограф: РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 1. № 21. Л. 49 — беловой с правкой, в тетради 20.

Копии: 1) ОПИ ГИМ. Ф. 445. № 227а. Л. 42 — авторизованная, рукой С. А. Раевского с поправками Лермонтова в тетради Чертковской библиотеки, промежуточная редакция текста; 2) РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 1. № 15. Л. 6 об. — неустановленным почерком, в тетради 15, подпись «Лермонтов»; вероятно, наиболее поздняя редакция стихотворения.

Печатается по копии в тетради 15.

Датируется предположительно июлем–августом 1832 г. по положению автографа в тетради 20 (см. выше, примеч. к № 291); датировка последней редакции текста предположительно устанавливается по дате в первой публикации (1836) и расположению авторизованной копии в тетради Чертковской библиотеки, состоящей из автографов 1834–1839 гг.

Впервые: ОЗ. 1842. Т. 22. № 5. Отд. 1. С. 1–2 (по копии в тетради 15, с датой под текстом: «1836»).

В автографе после ст. 8 была еще одна строфа, впоследствии вычеркнутая:

Страшны миру были оба
С гордым пасмурным челом;
Но в одном таилась злоба,
А презрение в другом.

Причина изъятия строфы может объясняться тем, что она нарушала четкую и оценочно маркированную оппозицию двух героев. Кроме того, объединяющая характеристика («с гордым пасмурным челом») легко связывалась только с Наполеоном — благодаря пушкинским стихам из 7-й главы «Евгения Онегина»: «Под шляпой с пасмурным челом / С руками, сжатыми крестом» (Пушкин 1937–1959: VI, 147); показательно, что ранее и сам Лермонтов использовал близкий оборот в стихах о Наполеоне: «Под шляпою, с нахмуренным челом, / И две руки, сложенные крестом» (1830; № 84).

Написано по поводу двадцатилетней годовщины Отечественной войны 1812 г.; переработка текста также, вероятно, была связана с юбилейными датами (25-летие событий праздновалось в 1837 г.). Историческая концепция стихотворения, спрятанная за аллегорическим сюжетом, в более явном виде выражена в строфах из поэмы «Сашка», посвященных Москве (1835–1836; Т. 2. С. 290):

Напрасно думал чуждый властелин
С тобой, столетним русским великаном,
Померяться главою и — обманом
Тебя низвергнуть. Тщетно поражал
Тебя пришлец: ты вздрогнул — он упал!
Вселенная замолкла... Величавый,
Один ты жив, наследник нашей славы.

Отмечалось, что фольклорные формулы, просторечная лексика («хвать», «удалец») и характерный стихотворный размер (Х4) «Двух великанов» отсылают к традиции квази-народных песен 1812–1814 гг., однако ни в содержательном, ни в жанровом отношении сближать лермонтовское стихотворение с песенными (а тем более со сказочно-былинными) формами, видимо, не следует.

Ст. 1. *В шапке золота литого...* — Под золотой шапкой подразумевается, очевидно, «златая шапка Мономахова», старинный коронационный венец русских царей, хранящийся в Оружейной палате Московского кремля (см., например: Карамзин 1816–1829: II, 145). Возможно, что в образе *золотой шапки*, как и в образе *русского великана,* ассоциативно отразились купол и колокольня Ивана Великого в Кремле, которая в литературе о событиях 1812 года иногда выступала как символ Москвы и России: см., например, воспоминания Ф. Ф. Вигеля о возвращении в Москву в 1814 г.: «Золотая шапка Ивана Великого горела вся в солнечных лучах, как бы венец сей новой великомученицы [Москвы]» (Вигель 1891–1893: IV, 121; отмечено: Бродский 1964: 143), или воспоминания о взрыве Кремля при отступлении Наполеона: «Наконец, взошло солнышко, а вскоре после него показалась и золотая глава Ивана Великого; он стоял по-прежнему богатырем к нашей радости и к досаде французов» (Кичеев 1858: 83). Ср. также у А. Н. Муравьева в более позднем описании Кремля: «Отрадно стоять на высотах Кремля в час всенощной, когда на зов златоглавого великана внезапно и со всех сторон откликаются его бесчисленные дети» (Муравьев 1840а: 164). У самого Лермонтова колокольня также становится поэтическим символом, сближаясь с центральным образом «Двух великанов»: «Кто видел Кремль в час утра золотой, / Когда лежит над городом туман, / Когда меж храмов с гордой простотой, / Как царь, белеет башня-великан?» (Т. 2. С. 200). Ср. у А. И. Полежаева в стихотворении «Иван Великий» (1833): «Опять она, опять Москва! / Редеет зыбкий пар тумана, / И засияла голова / И крест Великого Ивана! / Вот он — огромный Бриарей, / Отважно спорящий с громами, / Но друг народа и царей / С своими ста колоколами! <...> И он, супруг твой, Жозефина, / Железный волей и рукой, / На векового исполина / Взирал с невольною тоской!» (Полежаев 1987: 147; о связи лермонтовского и полежаевского текстов см.: Илюшин 1994: 11–14).

Ст. 2. *Старой русской великан...* — Помимо обобщенного аллегорического образа (*Россия — великан*), который использовался Лермонтовым неоднократно (уподобление России спящему богатырю Еруслану Лазаревичу в наброске 1831 г. (Т. 4. № 521), сравнение русского народа со «сторуким исполином» в «Вадиме», 1832–1833. — Т. 4. С. 13), здесь можно усмотреть и более узкое подразумевание, а именно фигуру М. И. Кутузова. В поэтических текстах, посвященных Отечественной войне, Кутузову регулярно приписывались, с одной стороны, признаки старости и опытности («украшен сединами», «герой под сединами», «старец грозный», и т. п.), а с другой, —характеристики гипертрофированной мощи («исполин», «колосс», «новый Геркулес», «Атлант»). Нередко фигура вождя, согласно правилам одической поэтики, метонимически сближалась с образом русского воинства и страны в целом. В более отдаленной перспективе бой старого русского великана (богатыря) с «трехнедельным удальцом» можно сопоставить с былиною о борьбе соста-

ришегося Ильи Муромца с неузнанным сыном, молодым иноземным богатырем (Кирша Данилов 1818: 360–367).

Ст. 5. *За горами, за долами…* — Квази-фольклорный зачин, зафиксированный в популярной литературной песне С. М. Митрофанова «За горами, за долами, / За лесами, меж кустами / Лужочек там был…» (1799, в песенниках — с 1811). Однако, непосредственным источником заимствования для Лермонтова послужила, вероятно, сатирическая переделка И. М. Коваленского «За горами, за долами, / Бонапарте с плясунами / вздумал вровень встать…» (1814, неоднократно перепечатывалась), изображающая французское нашествие в танцевальных терминах (Лермонтов 1935–1937: I, 368; о бытовании этих песен см.: Киреевский 1860–1874: X, 134–152).

Ст. 10. *…Трехнедельной удалец…* — Возможно, реминисценция из «Песни народной» неизвестного автора: «И теперь, как ополчился / Против нас Наполеон, / Удалец сей посрамился, / и не чуть уже, где он» (СО. 1814. № 20. С. 202; перепечатывалась в хрестоматиях и песенниках).

Ст. 17. *Но упал он в дальнем море…* — Наполеон был отправлен в ссылку на остров Св. Елены, где скончался в 1821 г.

Лит.: ЛЭ 1981: 128; Гинцбург 1915: 124–125; Эйхенбаум 1940: 330; Пумпянский 1941: 409–410; Пейсахович 1964: 439, 440; Ефимова 1961: 94–95; Бродский 1964: 143–145; Шагалов 1970: 195, 211; Илюшин 1994: 11–14; Шестопалова 1996: 59–64; Powelstock 2005: 65–66.

298. К* («Прости! — мы не встретимся боле…»).

Автограф: РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 1. № 21. Л. 49 об. — беловой с поправками, в тетради 20.

Печатается по автографу.

Датируется предположительно июлем–августом 1832 г. по положению автографа в тетради 20 (см. выше, примеч. к № 291).

Впервые: Саратовский справочный листок. 1876. № 1. 1 января. С. 1.

Обращено, по всей вероятности, к Н. Ф. Ивановой (см. примеч. к № 69).

Ст. 9–11. *Есть звуки — значенье ничтожно ~ Но их позабыть невозможно.* — Эти строки вошли с некоторыми изменениями в стихотворение «Есть речи — значенье / Темно иль ничтожно…» (1840; № 374), адресованное П. А. Бартеневой.

Лит.: ЛЭ 1981: 207; Бем 1924: 289; Андроников 1967: 140; Андреев-Кривич 1973: 97–98; Удодов 1973: 389–390.

299. «Слова разлуки повторяя…».

Автограф: РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 1. № 21. Л. 49 об. — беловой с правкой, в тетради 20.

Печатается по автографу.

Датируется предположительно июлем–августом 1832 г. по положению автографа в тетради 20 (см. выше, примеч. к № 291).

Впервые: Саратовский справочный листок. 1876. № 1. 1 января. С. 1.

Высказывалось предположение, что адресат стихотворения — В. А. Лопухина (см. примеч. к № 207), однако никаких доказательств этого не обнаружено.

Лит.: ЛЭ 1981: 510.

300. «Безумец я! вы правы, правы!..».

Автограф: РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 1. № 21. Л. 50 — беловой с поправками, в тетради 20; первоначальное название «Толпе» зачеркнуто.
Печатается по автографу.
Датируется предположительно июлем–августом 1832 г. по положению автографа в тетради 20 (см. выше, примеч. к № 291).
Впервые: Саратовский справочный листок. 1875. № 246. 16 ноября. С. 1.

Лит.: ЛЭ 1981: 53; Иванова 1957: 212; Пейсахович 1964: 432; Gurski 1970: 56–57; Реизов 1986: 199.

301. «Она не гордой красотою...».

Автограф: РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 1. № 21. Л. 50 — беловой с правкой в ст. 9, в тетради 20.
Печатается по автографу.
Датируется предположительно июлем–августом 1832 г. по положению автографа в тетради 20 (см. выше, примеч. к № 291).
Датируется августом 1832 г. по расположению автографа в тетради 20.
Впервые: Саратовский справочный листок. 1876. № 1. 1 января. С. 1.

Стихотворение, видимо, посвящено В. А. Лопухиной (см. примеч. к № 207); высказывалось предположение, что в нем дана сравнительная характеристика Лопухиной и Н. Ф. Ивановой (см. примеч. к № 69) (Бродский 1945: 344–345).

Ст. 9–12. *Однако все ее движенья ~ Так полны чудной простоты.* — Эти строки с некоторыми изменениями перенесены в стихотворение «Она поет — и звуки тают...» (1837–1838; № 354), а также соотносятся с описанием пляски Тамары в поэме «Демон»: «И были все ее движенья / Так стройны, полны выраженья, / Так полны милой простоты» (Т. 2. С. 395).

Лит.: ЛЭ 1981: 354; Эйхенбаум 1961: 314; Максимов 1964: 44; Рубанович 1980: 43; Гулова 1994: 53–59; Бурцева 2007: 377–381.

302. Тростник («Сидел рыбак веселый...»).

Автограф: РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 1. № 21а. Л. 10 — беловой с правкой, в Казанской тетради.
Копии: 1) ОР РНБ. Ф. 429. № 64. Л. 26–27 — писарским почерком, в тетради из собрания В. Х. Хохрякова; 2) РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 4. № 26. Л. 13 об.–14 об. — в тетради В. Х. Хохрякова, с автографа в Казанской тетради; 3) РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 2. № 42. Л. 2–3 — в тетради копий, принадлежавшей Н. Н. Буковскому; 4) РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 2. № 43. Л. 4 — писарским почерком, в тетради выписок из разных лермонтовских бумаг, подпись: «М. Л.».
Печатается по автографу.

Датируется не позднее середины августа 1832 г. по положению автографа в Казанской тетради: на обороте листа — автограф стихотворения «Челнок» (№ 304), посланного в письме С. А. Бахметевой от начала — середины августа 1832 г. (№ 304).

Впервые: Саратовский справочный листок. 1875. № 246. 16 ноября. С. 1.

В балладе использован распространенный сказочный и балладный сюжет ATh 780: об убийстве рассказывает музыкальный инструмент, сделанный из растения, выросшего на могиле убитого, или из его волос / кости. Варианты этого сюжета широко распространены в европейском фольклоре; в литературный обиход раньше остальных (с конца XVII в.) вошли английские и шотландские баллады из цикла «Две сестры» («Биннори» — обзор вариантов и публикаций см.: Child 1965: I, 118–126), затем французские вариации сюжета (Лермонтов 1940–1941: I), а в конце XVIII в. в песенниках зафиксированы и русский вариант (Зарезанный голубочек // Чулков 1780–1781: VI, 195). Однако, непосредственный литературный источник Лермонтова до сих пор не выявлен. «„Тростник“ оказался одним из редчайших примеров фольклоризации стихов раннего Лермонтова. Стихотворение вошло в народно-песенный репертуар именно в силу своей сюжетной близости к уже бытовавшим балладам» (Вацуро 2008: 113, 142; см. также: Виноградов 1941: 365–366).

Лит.: ЛЭ 1981: 581–582; Андреев 1936: XXI; Соболев 1928: 59–60; Гаркави 1959: 285; Иванова 1959: 88; Рубанович 1963: 103–104; Копылова 1976: 115–116; Мартыненко 1980: 43–47; Левченко 1988: 111; Сеченых 1995: 106–113; Изотова 2006: 14–18; Вацуро 2008: 113–114, 142.

303. Русалка («Русалка плыла по реке голубой...»).

Автограф: РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 1. № 21а. Л. 10 об. — беловой с правкой, в Казанской тетради; текст с разночтениями относительно прижизненных публикаций (см. ниже).

Копия: РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 1. № 15. Л. 1 — авторизованная, в тетради 15, с поправкой рукой Лермонтова в ст. 15, текст, соответствующий редакции автографа, но с отличиями от окончательного текста.

Печатается по последней прижизненной публикации.

Датируется не позднее середины августа 1832 г. по положению автографа в Казанской тетради (на том же листе — автограф стихотворения «Челнок» (№ 304), посланного в письме С. А. Бахметевой от начала — середины августа 1832 г.). Авторская датировка 1836 г. в Лермонтов 1840, вероятно, фиктивная или, может быть, указывает на время доработки текста относительно редакции автографа 1832 г.

Впервые: ОЗ. 1839. Т. 3. № 4. Отд. 3. С. 131–132; вошло в прижизненный сборник стихотворений: Лермонтов 1840: 49–51 (с датировкой: 1836).

В стихотворении разработана тема, характерная для немецкой романтической поэзии: ср., например, с более поздним текстом Г. Гейне «Русалки» («Die Nixen») из цикла «Романсы» («Romanzen», опубл. 1839). Известны и другие обращения Лермонтова к «русалочьему» мотиву — в поэме «Мцыри» (1839; Т. 2. С. 442–443) и стихотворении «Морская царевна» (1841; № 423).

Лит.: ЛЭ 1981: 480–481; Гинцбург 1915: 132–135; Эйхенбаум 1924а: 105–106; Лермонтов 1935–1937: II, 165; Федоров 1940: 108–109; Сигал 1941: 345; Михайлова 1941: 150; Шувалов 1941: 273–274; Розанов 1941: 450; Эйгес 1948: 518–519; Иванова 1959: 82–88; Рубанович 1963: 105–106; Пейсахович 1964: 429–430; Коровин 1973: 91–92; Найдич 1973b: 129–130; Копылова 1976: 115–116; Kerndl 1955: 144–154; Сибиновић 1969: 93–96; Ермоленко 1986: 23–25; Гильманов 1989: 82; Жижина 1989: 49–56; Ходанен 1994b: 11–25; Черная 1996: 69–70; Киселева 1997: 62–70; Приказчикова 1998: 232–234; Подкорытова 1999: 68–72; Федотов 2001: 114–123; Грушевская 2005: 143–144; Демешкина 2006: 13–14; Шабанова 2006: 143–148; Немзер 2008: 209–214; Кошелева 2009: 82–84.

304. Челнок («По произволу дивной власти...»).

Автографы: 1) РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 1. № 21а. Л. 10 об. — беловой, в Казанской тетради, под заглавием «Челнок»; 2) РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 1. № 24. Л. 1 об. — беловой, с правкой, без заглавия, в письме Лермонтова С. А. Бахметевой от начала — середины августа 1832 г. (Т. 4. № 545); 3) Библиотека Колумбийского университета (Нью-Йорк, США): Columbia University Libraries. Rare Book & Manuscript Library. Ms Coll\Lermontov. Album 2. Sheet 161 — в альбоме А. М. Верещагиной-Хюгель, без заглавия, текст из двух строф, ст. 1–4 и 9–12 (фотокопия: РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 2. № 167. Л. 6).

Копии: 1) ОР РНБ. Ф. 429. № 64. Л. 21 — в тетради из собрания В. Х. Хохрякова, заглавие: «Челнок»; текст, соответствующий беловому автографу 1; 2) РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 2. № 40. Л. 10 — копия П. А. Висковатова с альбома А. М. Верещагиной.

Печатается по автографу в Казанской тетради (обоснование см. ниже).

Датируется началом — серединой августа 1832 г. по письму Лермонтова к С. А. Бахметевой.

Впервые: Современник. 1854. Т. 43. № 1. Отд. 1. С. 7 (не полностью, ст. 1–10, по письму Бахметевой); РС. 1872. № 2. С. 288 (полностью).

Автограф в альбоме Верещагиной, представляющий сокращенную, двухстрофную редакцию, вероятно, отражает более поздний этап работы над текстом (в пользу этого предположения свидетельствует исключение двусмысленных ст. 5–8, а также исправление архаичного «Волной расчибенный челнок» на «Волною брошенный челнок»), однако точная датировка записей в альбоме Верещагиной, заполнявшемся в 1830–1833 гг., невозможна (см. об этом в Преамбуле, п. 2.3), поэтому в качестве источника публикации выбрана Казанская тетрадь, дающая авторитетный текст, имеющий надежную датировку. В пользу более поздней датировки автографа Казанской тетради по сравнению с письмом Бахметевой говорит отчетливо беловой характер записи и появление заглавия; ср. также слова Лермонтова, косвенно свидетельствующие в пользу экспромтной природы текста в письме Бахметевой: « <...> если б я начал писать к вам за час прежде то, быть может, писал бы вовсе другое; каждый миг у меня новые фантазии» (Т. 4. С. 319).

Стихотворение сопровождалось в письме авторской оценкой: «Мне кажется, что это недурно вышло; пожалуйста, не рвите этого письма на нужные вещи» (Т. 4. С. 319).

Лит.: ЛЭ 1981: 612; Эйхенбаум 1961: 314; Пейсахович 1964: 450.

305. «Примите дивное *посланье*...».

Автограф: РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 1. № 24. Л. 1 — в письме к С. А. Бахметевой от начала–середины августа 1832 г. (см.: Т. 4. № 545).
Печатается по автографу ИРЛИ.
Датируется началом–серединой августа 1832 г. по письму к Бахметевой.
Впервые: Современник. 1854. Т. 43. № 1. Отд. 1. С. 5–7 (со значительными купюрами); Колокол. 1860. 15 мая. Л. 71. С. 598 (ст. 5–17); РС. 1873. № 3. С. 402 (полностью).

Стихотворение написано по приезде Лермонтова в Петербург в августе 1832 г. Было переслано в Москву с П. А. Евреиновым. Посылка стихотворения сопровождалась пояснением: «Экспромтом написал я вам эти стихи, любезная Софья Александровна, и не имею духу продолжать таким образом. — В самом деле; не знаю отчего, поэзия души моей погасла» (Т. 4. С. 319; далее записан текст стихотворения «Челнок», № 304).

Ст. 3–4. *...Оно не Павлово писанье — Но Павел вам отдаст его.* — Каламбур, в основе которого сопоставление имен апостола Павла, автора 14 посланий, вошедших в Новый завет, и Павла Александровича Евреинова (1805–1857) — двоюродного дяди Лермонтова, офицера л.-гв. Измайловского полка. По просьбе Лермонтова он должен был отвезти письмо в Москву.

Ст. 5–6. *Увы! как скучен этот город, / С своим туманом и водой!..* — ср. у Пушкина: «Город пышный, город бедный <...> Свод небес зелено-бледный, / Скука, холод и гранит» (опубл: СЦ на 1829 год. СПб., 1828. Отдел: Поэзия. С. 134)

Ст. 7–8. *Куда ни взглянешь, красной ворот, / Как шиш, торчит перед тобой.* — Лермонтов имеет в виду полицейские мундиры.

Ст. 17–20. *И наконец я видел море, / Но кто поэта обманул?.. Я в роковом его просторе / Великих дум не почерпнул.* — Лермонтов возражал против традиционно—романтического изображения моря. В полемических целях он использовал выражение из стихотворения Н. М. Языкова «Пловец» («Нелюдимо наше море...», 1829): «В роковом его просторе / Много бед погребено» (Языков 1964: 281–282). Эта цитата тем более любопытна, что «Пловец» был напечатан лишь в 1833 г. (вероятно, Лермонтову стал доступен какой-либо рукописный список языковского произведения).

Лит.: ЛЭ 1981: 445; Кирпотин 1970: 238; Черная 1996: 58–59.

306. Посвященье («Опять явилось вдохновенье...»).

Автограф: РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 1. № 21а. Л. 11 — черновой, в Казанской тетради; первоначальное заглавие — «Вдохновение» (зачеркнуто). Фотокопия: РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 2. № 120. Л. 2.

Копии: 1) ОР РНБ. Ф. 429. № 64. Л. 21–21 об. — в тетради из собрания В. Х. Хохрякова; 2) РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 2. № 42. Л. 3–3 об. — в тетради копий, принадлежавшей Н. Н. Буковскому; 3) РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 2. № 43. Л. 4 об. — в тетради выписок из разных лермонтовских бумаг; без заглавия, подпись «Лерм.».

Печатается по автографу ИРЛИ.

Датируется не позднее конца августа 1832 г. по расположению чернового автографа в Казанской тетради (на том же листе — автограф стихотворения «Что толку жить!.. без приключений...» (№ 307), которое было послано в письме М. А. Лопухиной от 28 августа 1832 г.).

Впервые: РС. 1872. № 12. С. 288 (полностью, как отдельное стихотворение).

Традиционно стихотворение не печаталось как отдельный текст, так как ст. 1–12 (с отдельными разночтениями) совпадают с посвящением к поэме «Измаил-бей» (см.: Т. 2. С. 139), но соотношение — в том числе хронологическое — этих двух замыслов не позволяет счесть автограф в Казанской тетради черновиком посвящения к поэме. Согласно выпискам В. Х. Хохрякова, сделанным, по-видимому, с утраченного автографа, поэма была озаглавлена «Измаил-Бей. Восточная повесть» и содержала авторскую дату «1832 год 10 мая. М. Лермонтов». Таким образом, текст посвящения (ст. 1–12) может быть датирован не позднее этого времени, между тем как автограф в Казанской тетради появился не раньше середины августа, исходя из датировки текстов, соседствующих с «Опять явилось вдохновенье...» (см. примеч. к № 304, 307). По-видимому, автограф в Казанской тетради фиксирует более поздний этап работы над текстом, который мог представлять собой как доработку посвящения к «Измаил-бею», т. е. продолжал мыслиться в непосредственной связи с поэмой, так и трансформироваться в самостоятельный замысел (ср. первоначальное заглавие в автографе «Вдохновение»).

Ст. 7. *Прекрасный путник, птичка рая...* — См. примеч. к стихотворению «Надежда» (№ 204).

Лит.: Миллер 1994: 9–11; Кардаш, Охотин 2015.

307. «Что толку жить!.. без приключений...».

Автографы: 1) РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 1. № 21а. Л. 11–11 об. — беловой с правкой, в Казанской тетради (фотокопия: РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 2. № 120. Л. 2–3); 2) ОР РНБ. Ф. 429. № 17. Л. 2–2 об. — беловой, в письме Лермонтова к М. А. Лопухиной от 28 августа 1832 г. (Т. 4. № 546), в том же письме — стихотворение «Для чего я не родился...» (№ 308).

Копии: 1) ОР РНБ. Ф. 429. № 64. Л. 21об.–22 об. — в тетради из собрания В. Х. Хохрякова, текст соответствует автографу Казанской тетради (1); 2) РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 2. № 42. Л. 3 об.–4 об. — в тетради копий, принадлежавшей Н. Н. Буковскому.

Печатается по автографу в Казанской тетради.

Датируется концом августа 1832 г. по письму Лермонтова к М. А. Лопухиной (см. выше) и по положению автографа в тетради 1832 г.

Впервые: РА. 1863. № 3. Стб. 266 (редакция письма к Лопухиной); РС. 1872. № 2. С. 289 (текст по автографу в Казанской тетради).

Написано вскоре после переезда Лермонтова из Москвы в Петербург. По словам поэта, это стихотворение (так же как и стихи «Для чего я не родился...», помещенные в том же письме от 28 августа 1832 г.) выражает его «...душевное состояние лучше, чем [он] бы мог это сделать в прозе» (Т. 4. № 546).

Текст, посланный в письме, содержит существенные отличия от автографа в Казанской тетради: ст. 1–14 отсутствуют, текст начинается со строки «Конец! как звучно это слово...», ст. 24–25 («По доброте души своей, / Для пользы вашей (и церквей)») отсутствуют, в ст. 26 разночтение («Отслужит в церкви панихиду»), после ст. 32 — иное окончание:

С двумя плачевными стихами,
Которых, к счастию, вы сами
Не прочитаете вовек.
Когда ж чиновный человек
Захочет место на кладбище,
То ваше тесное жилище
Разроет заступ похорон
И грубо выкинет нас вон;
И, может быть, из вашей кости,
Подлив воды, подсыпав круп,
Кухмейстер изготовит суп
(Все это дружески, без злости).
А там голодный аппетит
Хвалить вас будет с восхищеньем;
А там желудок вас сварит,
А там — но с вашим позволеньем
Я здесь окончу мой рассказ;
И этого довольно с вас.

По-видимому, первоначальный текст стихотворения был послан в письме Лопухиной, а затем доработан в Казанской тетради (см.: Лермонтов 1979–1981: I, 585–586; Фридрих 2014) — в пользу чего говорит характер рукописи (строки, соответствующие начальному фрагменту редакции письма Лопухиной, записаны с минимальными исправлениями, в отличие от первой и последней строф, появившихся только в Казанской тетради) и формальная организация текста: редакция Казанской тетради представляет собой три полные онегинские строфы (см.: Пейсахович 1964: 491).

В стихотворении присутствуют характерные для юношеских произведений Лермонтова «кладбищенские» мотивы, однако, в отличие от медитативной лирики 1830–1831 гг., эти мотивы получают здесь ироническую трактовку. В редакции письма к Лопухиной появляется редкий в ранней лирике Лермонтова бытовой гротеск («Когда ж чиновный человек / Захочет место на кладбище, / То ваше тес-

ное жилище / Разроет заступ похорон / И грубо выкинет вас вон»). Ироническая тональность стихотворения, по-видимому, восходит к «Евгению Онегину» (ср. гл. II, строфы XXXVII–XXXVIII).

Ст. 2–4 *...И с приключеньями — тоска / Везде, как беспокойный гений, / Как верная жена, близка* — Ср.: «Хандра ждала его [Онегина] на страже / И бегала за ним она, / Как тень иль верная жена» (Гл. 1, строфа LIV; Пушкин 1937–1959: VI, 28; отмечено: Фридрих 2014).

Лит.: ЛЭ 1981: 616; Эйхенбаум 1940: 317; Скибин 1980: 27.

308. «Для чего я не родился...».

Автограф: ОР РНБ. Ф. 429. № 17. Л. 1 об.–2 — беловой с поправками, в письме Лермонтова к М. А. Лопухиной от 28 августа 1832 г. (Т. 4. № 546), в том же письме — автограф стихотворения «Что толку жить!.. Без приключений...» (№ 307).

Печатается по автографу.

Датируется концом августа 1832 г. по письму Лопухиной.

Впервые: РА. 1863. № 3. Стб. 265–266 (без заглавия, в составе письма к Лопухиной).

По указанию самого поэта в письме, стихотворение было сочинено под впечатлением от небольшого наводнения в Петербурге, произошедшего 27 августа 1832 г.: «Вчера в 10 часов вечера произошло небольшое наводнение, и даже стреляли из пушек — по два выстрела три раза с промежутками по мере того как вода прибывала и убывала. Ночь была лунная, я сидел у окна, выходящего на канал; вот, что я написал!» (Т. 4. № 546).

Лит.: ЛЭ 1981: 140; Яцевич 1935: 366–67; Пейсахович 1964: 439; Назарова 1959: 205–206; Найдич 1973b: 125–126; Коровин 1973: 42–43.

309. Парус («Белеет парус одинокой...»).

Автографы: 1) ОР РНБ. Ф. 429. № 18. Л. 1 об.–2 — беловой, в письме Лермонтова к М. А. Лопухиной от 2 сентября 1832 г., где текст сопровождался следующим пояснением: «Вот еще стихи, которые я написал на берегу моря» (Т. 4. № 547). 2) РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 1. № 21а. Л. 11 об. — беловой с правкой, в Казанской тетради.

Копия: РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 1. № 15. Л. 10 об. — на отдельном листе, вложенном в тетрадь 15, на том же листе — копия стихотворения «На светские цепи...» (№ 390), на обороте листа — копии стихотворений «Желание» (№ 293) и «На севере диком...» (№ 406); по этой копии текст был посмертно напечатан в «Отечественных записках» 1841 г.

Печатается по автографу 2 в Казанской тетради.

Датируется не позднее начала сентября 1832 г. на основании письма Лермонтова к М. А. Лопухиной и по расположению автографа в Казанской тетради.

Впервые: ОЗ. 1841. Т. 18. № 10. Отд. 3. С. 161.

Ст. 1. *Белеет парус одинокой...* — Эта строка совпадает с 19-м стихом первой главы поэмы А. А. Бестужева (Марлинского) «Андрей, князь Переяславский» (отд.

изд. 1828; Бестужев-Марлинский 1948: 72). Образ белеющего в морском тумане паруса получил в творчестве Лермонтова и живописное воплощение — в акварельном рисунке, относящемся к концу 1820-х — нач. 1830-х годов (Ковалевская 1980: 19). Несколько лет спустя Лермонтов вновь вернулся к этому образу, использовав его в концовке «Княжны Мери» (Т. 4. С. 260).

Ст. 11–12. *А он, мятежный, просит бури, / Как будто в бурях есть покой!* — В. Н. Фойницкий (1993: 112–113) предполагал, что прямым источником этих строк и всей концепции стихотворения является рассуждение Б. Паскаля о стремлении человека к опасностям и треволнениям, как к средству не оставаться в покое, наедине с собственным несовершенством (Паскаль 1974: 194; Pascal 1814: II, 3435). Признавая справедливость наблюдений Паскаля над человеческой натурой, следует все же отвести гипотезу о прямой их реминисценции в «Парусе»: оппозиция бури и покоя, имеющаяся в русском переводе Э. Л. Линецкой, на который опирался В. Н. Фойницкий, во французском оригинале отсутствует (слово *agitation*, употребленное Паскалем, означает — в контексте его рассуждений — скорее внутреннее волнение или возбуждение, а не внешнюю, стихийную бурю или уподобленные ей жизненные невзгоды; возможно, семантический сдвиг допущен переводчиком намеренно, под влиянием лермонтовского текста). Более близкие параллели к «Парусу» можно найти в современной ему русской поэзии. Ср., например, у Е. А. Боратынского в «Буре» (1824, опубл. 1827): «Меж тем от медленной отравы бытия, / В покое раболепном я / Ждать не хочу своей кончины; / На яростных волнах, в борьбе со гневом их, / Она отраднее гордыне человека! / Как жаждал радостей младых / Я на заре младого века, / Так ныне, океан! я жажду бурь твоих» (Боратынский 2000–2012: II, 104–105); ср. также у В. Г. Теплякова: «Что нужды! Челн готов, натянут парус мой — / Пускай бунтует ветр! Мне сладок бури вой; / Мне горе жизни надоело!» («Последний вечер в ***», 1824, опубл. в 1830; Тепляков 2004: 71). Как полагал Б. Г. Реизов (1986: 204–209), в рамках романтической традиции этот мотив восходил, скорее всего, к «наполеоновским» строфам III песни «Паломничества Чайльд-Гарольда» Байрона (1816): «But quiet to quick bosoms is a hell», etc. («Покой для сильных духом — ад», и т. д. — Byron 1828: 61).

Лит.: ЛЭ 1981: 366; Будрин 1941: 113–121; Михайлова 1941: 144–145; Гаркави 1959: 289–290; Шаталов 1961: 25–29; Рез 1963: 33–37; Пейсахович 1964: 432–435; Архипов 1965: 154–175; Маранцман 1969: 97–125; Коровин 1973: 44–47; Найдич 1973b: 122–134; Чичерин 1974: 414–415; Маркович 1985: 122–132; Лотман 1996: 549–552; Шанский 2002: 126–137; Потебня 2003: 135–139; Кузнецов 2003: 93–95; Новиков 2003: 66–73; Одиноков 2003: 69–90; Сухов 2003: 148–152; Щеблыкин 2003a: 112–117; Ельницкая 2004: 249–250; Черная 2004: 169–174; Удодов 2004: 228–229; Штайн 2004c: 513–523; Киселева 2006: 40–48; Котельников 2010: 119–120; Есипов 2010: 128–138; Заславский 2010; Савинков 2010: 90–95; Лейтон 2004: 54; Литвинова 2012: 69–74; Очман 2012: 48–69.

310. Баллада («Куда так проворно, жидовка младая?..»).

Автограф: РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 1. № 21а. Л. 11 об.–12 — беловой с правкой, в Казанской тетради.

Копии: 1) ОР РНБ. Ф. 429. № 64. Л. 23–24 — в тетради из собрания В. Х. Хохрякова; 2) РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 2. № 42. Л. 4 об.–5 об. — в тетради копий, принадлежавшей Н. Н. Буковскому.
Печатается по автографу ИРЛИ.
Датируется сентябрем — началом октября 1832 г. по расположению автографа в Казанской тетради (на соседнем Л. 11 — автограф стихотворения «Парус» (№ 309), посланного в письме М. А. Лопухиной от 2 сентября 1832 г., на Л. 12 — автограф стихотворения «Он был рожден для счастья, для надежд...» (№ 311), которое было отправлено тому же адресату в письме от начала октября 1832 г.).
Впервые: Саратовский справочный листок. 1876. № 1. 1 января. С. 1.

Литературных текстов, которые могли послужить для Лермонтова источником сюжета, не выявлено. Сходный сюжет, восходящий к реальному факту, имевшему место в 1832 г. в Вильне, позднее разработан Т. Г. Шевченко в стихотворении «У Вільні, городі преславнім...» (1848).

Лит.: ЛЭ 1981: 47; Гроссман 1941: 716–717; Рубанович 1963: 101–103; ; Пейсахович 1964: 442.

311. «Он был рожден для счастья, для надежд...».

Автографы: 1) РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 1. № 21а. Л. 12 — беловой с правкой, в Казанской тетради; 2) ОР РНБ. Ф. 429. № 19. Л. 2 об. — беловой, в письме Лермонтова М. А. Лопухиной от первой половины октября 1832 г. (см.: Т. 4. № 548).
Копии: 1) ОР РНБ. Ф. 429. № 64. Л. 24 — в тетради из собрания В. Х. Хохрякова; 2) РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 2. № 42. Л. 6 — в тетради копий, принадлежавшей Н. Н. Буковскому. Копии сделаны с Казанской тетради.
Печатается по автографу в письме Лопухиной; автограф с правкой в Казанской тетради. по-видимому, предшествовал тексту, посланному в письме.
Датируется началом октября 1832 г. по письму Лопухиной и по расположению автографа в Казанской тетради.
Впервые: РА. 1863. № 4. Стб. 293 (в составе письма Лопухиной).

В письме Лермонтова к М. А. Лопухиной стихотворение предварено авторским признанием: «Несколько дней тому назад я был в тревоге, но теперь это прошло: я успокоился; всё кончено; я жил, я слишком рано созрел, и грядущие дни не принесут мне новых впечатлений...» (Т. 4. № 548).

Ст. 1–5. *Он был рожден для счастья, для надежд ~ И мир не пощадил — и бог не спас!* — Эти стихи почти без изменений вошли в стихотворение «Памяти А. И. О<доевско>го (1839; № 375).

Ст. 6–9. *Так сочный плод, до времени созрелый ~ И час их красоты — его паденья час!* — Эти строки варьируются в стихотворении «Дума» (1838; № 368).

Ст. 15–16. *Он равных не находит; за толпою / Идет, хоть с ней не делится душою...* — Возможно, реминисценция из Евгения Онегина» Пушкина: «И вслед за чинною толпою / Идти, не разделяя с ней / Ни общих мнений, ни страстей» (Пушкин 1937–1959: VI, 169–170).

Лит.: ЛЭ 1981: 354; Бем 1924: 277, 286, 287; Пейсахович 1964: 480; Миллер 1980: 19–20.

312. «Прости! — забудь, что ты певца...».

Автограф: РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 1. № 21а. Л. 12 об. — черновой незавершенный набросок в Казанской тетради; зачеркнут.

Копия: РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 2. № 42. Л. 6 — в тетради копий, принадлежавшей Н. Н. Буковскому.

Печатается по автографу.

Датируется предположительно не ранее середины октября 1832 г. по расположению в Казанской тетради: на л. 12 — автограф стихотворения «Он был рожден для счастья, для надежд...» (№ 311), посланного Лермонтовым в письме М. А. Лопухиной от первой половины октября 1832 г. (Т. 4. № 548). Судя по характеру почерка и цвету чернил, отличающихся от основного массива автографов в Казанской тетради, нельзя исключать, что набросок был сделан несколько позже предыдущих записей.

Впервые: ЛН. 1948. Т. 45–46. С. 8.

313. Гусар («Гусар! ты весел и беспечен...»).

Автограф: РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 1. № 21а. Л. 12 об. — беловой с правкой, в Казанской тетради.

Копии: 1) ОР РНБ. Ф. 429. № 64. Л. 24 об.–25 — в тетради из собрания В. Х. Хохрякова; 2) РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 2. № 42. Л. 6 об.–7 — в тетради копий, принадлежавшей Н. Н. Буковскому.

Печатается по автографу.

Датируется предположительно не ранее середины октября 1832 г. по расположению в Казанской тетради: на л. 12 — автограф стихотворения «Он был рожден для счастья, для надежд...» (№ 311), посланного Лермонтовым в письме М. А. Лопухиной от первой половины октября 1832 г. (№ 548). Судя по характеру почерка и цвету чернил, отличающихся от основного массива автографов в Казанской тетради, нельзя исключать, что набросок был сделан несколько позже предыдущих записей. Отмечавшиеся переклички мотивов стихотворения с письмом Лермонтова А. М. Верещагиной начала 1835 г. (ср. «такой у меня вид, счастливый и беззаботный, довольный собою и всем миром; этот контраст между душою и наружностью не кажется ли вам странным?» — Т. 4. № 554) не могут быть признаны надежным основанием для датировки.

Впервые: Саратовский справочный листок. 1876. № 1. 1 января. С. 1.

Образ гусара, описание его формы и снаряжения (красный доломан, блистающий золотом ментик, серые кони) созданы по личным впечатлениям: это была форма лейб-гвардии Гусарского полка, в который Лермонтов был формально зачислен в 1832 г. по вступлении в Школу гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров. Существует более поздний живописный портрет Лермонтова в полковом вицмундире работы неизвестного художника (1838–1839; Литературный музей ИРЛИ; приписывался Ф. О. Будкину, П. З. Захарову; см.: Каталог 2014: 134–135).

Лит.: ЛЭ 1981: 123–124; Эйхенбаум 1948: 3–10; Пейсахович 1964: 432; Миллер 2008: 11–16.

314. «На серебряные шпоры...»

Автограф: РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 1. № 22. Л. 10 об. — беловой, в тетради 21, с поправкой в ст. 13.
Копия: РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 2. № 42. Л. 7 об. — в тетради копий, принадлежавшей Н. Н. Буковскому.
Печатается по автографу ИРЛИ.
Датируется предположительно 1832–1834 гг. по положению в тетради 21, которая содержит автограф поэмы «Аул Бастунджи» (Т. 2. № 467), и, судя по типу бумаги и характеру почерка, заполнялась одновременно с Казанской тетрадью (21а) и тетрадью 20, т. е. летом–осенью 1832 г. Однако нельзя исключать, что запись стихотворения была сделана некоторое время спустя после записи текста «Аула Бастунджи», — вероятно, в 1832–1834 гг., во время обучения Лермонтова в Юнкерской школе.
Впервые: Саратовский справочный листок. 1876. № 1. 1 января. С. 1.

Серебряные или посеребренные шпоры входили в обмундирование кавалерийского офицера. Первый офицерский чин — корнета — Лермонтов получил только 22 ноября 1834 г. (объявлен приказ 4 декабря — Летопись 2003: 190–193). Однако, разговор с конем о преимуществе шпор над плеткой может и не иметь прямого отношения к производству автора в офицеры.

Лит.: ЛЭ 1981: 330; Гинцбург 1915: 127–128; Занько 1940: 219–220.

315. «В рядах стояли безмолвной толпой...».

Автограф неизвестен.
Копии*:* 1) РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 4. № 85. Л. 16–16 об. — В. Х. Хохрякова, в его тетради «Материалы для биографии М. Ю. Лермонтова», с указанием, что стихотворение находилось в той же тетради, что и «Каллы. Черкесская повесть» (Т. 2. № 460); этот лист теперь утрачен; 2) РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 2. № 42. Л. 9–9 об. — в тетради копий, принадлежавшей Н. Н. Буковскому.
Печатается по копии из тетради Хохрякова.
Датируется предположительно концом 1833 — началом 1834 г. по содержанию (см. ниже).
Впервые: Лермонтов 1889–1891: I, 243.

Существует предположение, что стихотворение написано в связи со смертью 5 декабря 1833 г. юнкера Егора Сиверса (см.: Мануйлов 1950: 393). Литературным образцом Лермонтов избрал перевод И. И. Козлова из ирландского поэта Чарльза Вулфа (Wolfe, 1791–1823) «На погребение английского генерала сира Джона Мура» («The burial of sir J. Moore», 1810): «Не бил барабан перед смутным полком, / Когда мы вождя хоронили...» (1825; Козлов 1960: 99–100).

Ст. 7–8. *...Уланская шапка да меч боевой / На гробе дощатом лежали.* — Сиверс был зачислен в Школу юнкеров по лейб-гвардии Уланскому полку.

Лит.: ЛЭ 1981: 75–76; Шувалов 1914а: 301; Гроссман 1928: 22; Мануйлов 1950: 393–394; Пейсахович 1964: 442.

316. Юнкерская молитва («Царю небесный!..»).

Автограф неизвестен.

Копии: 1) РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 2. № 68. Л. 2 — рукой П. А. Висковатова, под текстом дата: «1833». Копия сопровождается заметкой Висковатова: «Текст этой Молитвы сохранился у Якима Павл. Шан Гирея, воспитывавшегося с М. Ю. и отлично помнившего случай, при каком была сочинена молитва двоюродным братом. — В собрании соч. Молитва напечатана не полно и с вариантами. — Пав. Висковатов. 18 дек<абря> 1883. С.-Петерб<ург>» (Там же. Л. 2 об.).); 2) ОР РГБ. Ф. 622. Карт. 2. № 11. Л. 64–64 об. — копия в сб. «Записки Николая Орлова... 1839 года» (запись не ранее 1846); текст неполный, с иным вариантом окончания.

Печатается по копии ИРЛИ.

Датируется 1833–1834 г. по дате, проставленной в копии Висковатова, и по свидетельству А. Ф. Тирана (см. ниже).

Впервые: Атеней. 1858. Ч. 6. № 48. С. 289 (неполная публикация, ст. 1–17); РМ. 1884. № 7. С. 61 (окончание стихотворения); Ефремов 1887: II, 331–332 (полный текст).

По свидетельствам товарищей Лермонтова по Юнкерской школе, А. М. Меринского и А. Ф. Тирана, «молитва» сочинена во время пребывания в Школе гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров (см.: Воспоминания 1989: 172, 149). Согласно воспоминаниям Тирана, стихотворение было помещено в одном из номеров рукописного журнала «Школьная заря», издававшегося в 1834 г. (см.: Воспоминания 1989: 149; также примеч. к № 317). Вариант по копии Тирана:

Отец небесный!
Спаси меня
От куртки тесной,
Как от огня.

Вели день целый
На койке спать
И каши белой
Мне не давать.

В парадировку
Меня не ставь,
От маршировки
Меня избавь.

Еще моленье:
Дай позволенье
Раз в воскресенье
Мне опоздать...

Ст. 1–2. *Царю небесный! / Спаси меня...* — Лермонтов, по-видимому, пародирует псалмические формулы обращения к Богу; ср., например: «Услыши, Господи, гласъ мой, имже воззвахъ...» (Пс 26: 7), «Изъ глубины воззвахъ къ тебѣ, Господи...

услыши гласъ мой...» (Пс. 129: 1–2), «Отъ востающихъ на мя избави мя» (Пс. 58: 2), «Боже мой, избави мя изъ руки грѣшнаго» (Пс. 70: 4).

Ст. 7–8. *В парадировки / Меня не ставь...* — Парадировка (парадирование) — та часть развода караулов, когда подразделение церемониальным маршем проходит по площадке к месту, откуда назначенные в караул следуют далее к назначенным постам. Поскольку разводы часто производились в присутствии вышестоящего начальства, то парадировка была своего рода публичным испытанием строевых навыков солдат и офицеров. Учащиеся Школы гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров регулярно участвовали в праздничных разводах, где присутствовали члены императорской фамилии.

Ст. 9–12. *Пускай в манеже / Алехин глас / Как можно реже / Тревожит нас.* — Алексей Степанович Стунеев (1800–1851) — командир кавалерийского эскадрона в Школе (1832—1840), с 1833 — полковник, в 1840—1846 — командир л.-гв. Псковского кирасирского полка. Известны два графических портрета Стунеева, сделанных Лермонтовым: Стунеев изображен в манеже с бичом в руках (см.: Ковалевская 1980: 63; Каталог 2014: 95, 106–107).

Лит.: ЛЭ 1981: 639; Мануйлов 1936: 184; Пейсахович 1964: 431; Меринский 2004: 52–58; Элиасов 1973: 276–279; Клейбер 1958: 45–46; Афанасьева 2000: 22–25; Морихин 2003: 73.

317. Ода к нужнику («О ты, вонючий храм неведомой богини!..»).

Автограф неизвестен.

Копии: 1) РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 2. № 82. Л. 5 об.–6 — в копии 4-й книжки рукописного юнкерского журнала «Школьная заря» 1834 г. из собрания М. И. Семевского; на обложке тетради Семевского его запись: «Это выписка из подлинного журнала „*Школьная заря*“, рукопись какового находится вместе с рисунками-карикатурами, исполненными Лермонтовым — пером, у его школьного товарища Князя Николая Сергеевича *Вяземского* в СПб. То, что здесь выписано, принадлежит М. Ю. Лермонтову»; 2) РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 2. № 83. Л. 8 об.–10 — в тетради копий Н. Н. Буковского «Стихотворения и проза М. Ю. Лермонтова», датированной 1884 г.; 3) РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 2. № 144. Л. 5 об.–6 — в рукописной копии 4-й книжки журнала «Школьная заря» 1834 г., сделанной с копии Семевского (1).

Печатается по копии из собрания Семевского как наиболее ранней и послужившей источником для других известных списков. По независящим от редакции причинам при публикации купирована нецензурная лексика и откровенная гомосексуальная сцена в финале.

Датируется 1834 г. по году издания юнкерского рукописного журнала.

Впервые: Erot Russe. Русский Эрот. Не для дам. [Женева, 1879]. С. 12–14 (полный текст).

Во всех копиях текст подписан «Жрец нужника Инвалид Николай Иванов». Авторство Лермонтова устанавливается по свидетельству его соученика по Юнкерской школе Н. С. Вяземского (см. выше), однако нельзя исключать и коллективной природы этого и других юнкерских текстов.

Ст. 2. *К тебе мой глас... к тебе взываю из пустыни.* — Лермонтов, вероятно, пародирует библейские формулы обращения к Богу — ср. «Услыши, Господи, глас мой, имже воззвах...» (Пс 26: 7), «Из глубины воззвах к тебе, Господи: Господи, услыши глас мой» (Пс. 129: 1–2), а также устойчивый библейский фразеологизм «глас вопиющаго в пустыне» (Ис. 40: 3, Ин. 1: 23 и др.).

Ст. 10. *Ни взор Михайлова, ни голос Шлипенбаха!* — Выдвигалось предположение, что под Михайловым Лермонтов подразумевал вел. князя Михаила Павловича (1798–1849), в это время главу Совета военно-учебных заведений, который курировал Школу гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров. Барон Константин Антонович Шлиппенбах (1795–1859) — участник кампаний 1812–1814 гг., с 1831 г. ген.-майор и директор Школы (до 1843), впоследствии ген.-лейтенант, член Совета и инспектор военно-учебных заведений.

Ст. 19. *Когда ж Ласковского приходит грозный класс...* — Штабс-капитан Федор Федорович Ласковский (1802–1870), военный инженер, адъюнкт-профессор Военной академии, вел в Школе уроки фортификации. Впоследствии ген.-лейтенант (1862), автор военно-исторических трудов.

Ст. 24. *Клерон уж совершил дозор обычный свой...* — В копии пояснение: «Клерон — дядька, Эскадронный офицер Клерон». Клерон Иван Степанович (?–1852), француз-эмигрант, уроженец Эльзаса, ротмистр лейб-гвардии Уланского полка, прикомандированный к школе юнкеров (1833–1834), впоследствии командир одного из армейских уланских полков. Блестящий наездник, веселый и компанейский человек, Клерон пользовался симпатией и доверенностию юнкеров. О Клероне см.: Бурнашев 1872, а также примеч. к № 430.

Ст. 26. *Последняя свеча на койке Беливеля...* — В копиях стихотворения встречается пояснение: «Беливель [иногда Белавель] — Абамелик». Вероятно, имеется в виду князь Семен Давыдович Абамелек–Лазарев (1815–1888), соученик Лермонтова и его сослуживец по л.-гв. Гусарскому полку (впоследствии — полковник этого полка). Во время службы в полку Лермонтов и Абамелек вместе занимались живописью, писали портреты знакомых. Портрет Абамелека работы А. И. Клюндера 1830-х гг. см.: Каталог 2014: 211–212.

Лит.: Hopkins 1976: 39–40; Бессмертных 1994: 298–303; Бакалдин 2010: 93–95; Бодрова 2014: 76.

318. К Т*** («Не води так томно оком...»).

Автограф неизвестен.

Копии: 1) РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 2. № 82. Л. 6–6 об. — в рукописной копии юнкерского журнала «Школьная заря» 1834 г. из собрания М. И. Семевского; 2) РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 2. № 83. Л. 10–10 об. — в тетради копий Н. Н. Буковского «Стихотворения и проза М. Ю. Лермонтова», датированной 1884 г.; 3) РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 2. № 144. Л. 6–6 об. — в рукописной копии 4-й книжки журнала «Школьная заря» 1834 г., сделанной с копии Семевского (1).

Печатается по копии из собрания Семевского как наиболее ранней и послужившей источником для других известных списков, с восстановлением ст. 11–12

(«Хоть любовник твой червонец / Каждый раз тебе дарит») по первой публикации в «Русском Эроте».

Датируется 1834 г. по году издания юнкерского рукописного журнала.

Впервые: Erot Russe. Русский Эрот. Не для дам. [Женева, 1879]. С. 10–11 (полный текст).

Во всех копиях под текстом дано примечание, раскрывающее имя адресата: «Т.*** — Тизенгаузен»; подпись под текстом «Гр. Диарбекир». Принадлежность стихотворения Лермонтову устанавливается на основании свидетельства его соученика по Юнкерской школе Н. С. Вяземского (см. выше. примеч. к № 317). Значение псевдонима «Гр<аф> Диарбекир» не вполне ясно: Диарбекир (тур. Diyarbakır) — административный центр одноименной провинции на юго-востоке Турции, фактически столица турецкого Курдистана; этот топоним упоминался в периодике в связи с событиями русско-турецкой войны 1828–1829 гг., встречался в мемуарах русских и европейских путешественников, однако связать его с прозвищем Лермонтова не удается (малоубедительна и недавняя попытка увязать псевдоним с именем героя одной из сказок В. М. Дорошевича, написанной в начале XX в., — см.: Алексеев 2014).

Граф Петр Павлович Тизенгаузен (1815 — после 1842) — соученик Лермонтова по юнкерской школе (входил вместе с ним в так называемый «Нумидийский эскадрон» — подробнее см.: Воспоминания 1989: 179), выпущен корнетом в л.-гв. Кавалергардский полк 22 ноября 1834 г., откуда в 1837 г. был за безнравственное поведение переведен в л.-гв. Гродненский гусарский полк. Причиной послужил гомосексуальный скандал: Тизенгаузена застигли на любовном свидании с Ардалионом Николаевичем Новосильцевым (1816–1878), тоже выпускником юнкерской школы (1835) и кавалергардом (их связь началась, видимо, еще в училище). Впоследствии воевал на Кавказе, где тоже, вероятно, встречался с Лермонтовым. Принадлежность Тизенгаузена к «кружку шестнадцати» (1838–1840) остается под сомнением. Кружок «шестнадцати» — компания петербургской аристократической молодежи (1838—1840), участником которого был Лермонтов. В литературе деятельность кружка оценивается по-разному, в частности, есть мнение, что деятельность кружка имела политически оппозиционный характер; более вероятно, что либертинаж блестящих молодых людей отражался не столько в их политических мнениях, сколько в нравах и манере поведения. Кроме Лермонтова, достоверно известно еще одиннадцать участников кружка: К. В. Браницкий-Корчак, П. А. Валуев, И. С. Гагарин, Б. Д. Голицын, А. Н. Долгорукий, С. В. Долгорукий, Н. А. Жерве, Ф. И. Паскевич, А. А. Столыпин (Монго), Д. П. Фредерикс, А. П. Шувалов (ЛЭ 1981: 234–235).

Ст. 1–4. *Не води так томно оком, ~ Своенравно не шути.* — Вероятно, аллюзия на пушкинские строки: «Не косись пугливым оком, / Ног на воздух не мечи, / В поле гладком и широком / Своенравно не скачи» («Кобылица молодая, честь кавказского тавра...», 1828 Пушкин 1937–1959: III, 107).

Лит.: ЛЭ 1981: 574; Hopkins 1976: 39–40; Воспоминания 1989: 179, 267; Бессмертных 1994: 298–303; Бодрова 2014: 76.

319. «Он был в краю святом...».

Автограф неизвестен.
Копия: РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 4. № 25. Л. 125 об.–125а — в тетради П. А. Ефремова с подготовительными материалами к изданию Лермонтова.
Печатается по копии Ефремова.
Датируется предположительно 1834 г. по связи с литературным контекстом (см. ниже).
Впервые: БЗ. 1861. Т. 3. № 1. Стб. 19 (заглавие: «Неоконченное стихотворение Лермонтова»).

Принадлежность стихотворения Лермонтову традиционно не подвергалась сомнению, хотя публикация в БЗ не сопровождалась ни ссылкой на источник, ни редакторским примечанием. В тетради Ефремова с выписками и копиями для изданий Лермонтова стихотворение переписано в составе подборки под общим заглавием «Из черновой тетради М. Ю. Лермонтова (От В. И. Касаткина)» (Ф. 524. Оп. 4. № 25. Л. 120) — вместе с выписками из первоначальной редакции поэмы «Сашка» (Т. 2. № 470), краткой характеристикой автографа «Я, Матерь Божия, ныне с молитвою...» («Молитва», № 338) и стихотворением «Ах! ныне я не тот совсем...» (№ 320; см. подробнее в примеч. к этому стихотворению). Об источнике Ефремова подробнее см. в примеч. к № 320.

В редакторском примечании к заметке Ефремова «Еще по поводу издания сочинений Лермонтова» (БЗ. 1861. Т. 3. № 18. Стб. 556–563), где также было упомянуто стихотворение «Он был в краю святом...», список которого содержался в принадлежавшем Ефремову рукописном сборнике, сообщалось: «так как наш рукописный список сделан с черновых подлинников Лермонтова и, кроме приведенных вариантов и пропусков, совершенно сходен с „списком“ г. Ефр., то это служит достаточным ручательством в достоверности последнего» (Там же. Стб. 563). По всей видимости, автором примечания был В. И. Касаткин, который в конце 1861 — начале 1862 гг. фактически был издателем «Библиографических записок» (Эйдельман 1966: 150) и от которого, согласно помете Ефремова, тот получил рукописный сборник.

Набросок представляет собой пародию на традиционную романтическую балладу, воспевающую воинскую доблесть средневекового рыцарства. Пародируемые образцы — баллады И. И. Козлова «Возвращение крестоносца» (1834; впервые опубл.: Новоселье. Ч. 2. СПб., 1834. С. 363–368; выход в свет 19–21 апреля 1834 г.) и В.А. Жуковского «Старый рыцарь» (1832; впервые опубл.: БдЧ. 1834. Т. 2. № 2. Отд. 1. С. 17–18; номер вышел 1 февраля 1834 г.), которая затем отозвалась и в «Ветке Палестины» (см. примеч. к № 330). Если стихотворение Козлова имеет лишь отдаленные сюжетные пересечения с текстом Лермонтова (отъезд в Святую землю, долгое отсутствие, внезапное возвращение), то баллада Жуковского, написанная тем же размером (3Ямжмж), обнаруживает не только сюжетную, но и образно-фразеологическую близость к «Он был в краю святом...» и, по-видимому, послужила основным претекстом для лермонтовского пародийного стихотворения. Источник Жуковского — баллада Людвига Уланда (1787—1862) «Боярышник гра-

фа Эбергарда» (L. Uhland. «Graf Eberhards Weißdorn», 1810), — при создании пародии Лермонтовым, видимо, не учитывался.

Ст. 3–4. *Стальной его шелом / Иссекли сарацины.* — Ср. сходный рыцарский атрибут в балладе Жуковского «Старый рыцарь»: «На шлем железный свой / Ту ветку навязал он» (Жуковский 1999–2013: III, 213).

Ст. 9–10. *Неверных он громил / Обеими руками*... — Ср. в «Старом рыцаре» Жуковского: «С неверным он врагом, / Нося ту ветку, бился» (Там же).

Ст. 5–8, 17–18. *Понес он в край святой / Цветущие ланиты; / Вернулся он домой / Плешивый и избитый. <...> Вернулся он в свой дом / Без славы и без злата*... — Ср. в балладе Жуковского: «И с нею в отчий дом / Прославлен возвратился <...> Он стал старик седой, / И сила мышц пропала...» (Там же).

Лит.: ЛЭ 1981: 354; Мнимая поэзия 1931: 423; Гаркави 1959: 282–283.

320. «Ах! ныне я не тот совсем...».

Автограф неизвестен.

Копия: РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 4. № 25. Л. 125–125 об. — в тетради П. А. Ефремова с подготовительными материалами к изданию Лермонтова.

Печатается по копии Ефремова.

Датируется предположительно 1834 г. на основании свидетельства П. А. Ефремова (см. ниже) о том, что стихотворение находилось в одной черновой тетради вместе со стихотворением «Он был в краю святом...» (см. примеч. к № 319) и начальными набросками поэмы «Сашка», начатой, по-видимому, еще в Юнкерской школе.

Впервые: БЗ. 1861. Т. 3. № 16. Стб. 496–497.

Начиная с издания Ефремов 1880 (II: 392–393), стихотворение традиционно включается в основной корпус сочинений Лермонтова, хотя сведения об источнике, помещенные при публикации, весьма туманны (на что указал еще Н. О. Лернер: Лернер 1916: 78) — «рукописный сборник, составленный преимущественно из сочинений Пушкина и Лермонтова <...> из трех книг, весьма почтенных размеров <...> В отделе стихотворений Лермонтова собраны мелкие стихотворения ранней эпохи, поэмы (за исключением „Монго“ и „Казначейши“ и немногие стихотворения последней поры деятельности поэта, а в отделе прозы помещена только драма „Странный человек“» (БЗ. 1861. Т. 3. № 16. Стб. 488–489). В заметке Ефремова «Ах! ныне я не тот совсем...» помещено сразу следом за стихотворением «Опять, опять я видел взор твой милый...» («Сентября 28», № 211), которое Ефремов сопроводил следующим примечанием: «Это стихотворение я выписал для образца, так как подобных ему находится в моем сборнике до десяти; но выписывать их я не решился, потому что кроме названной рукописи нигде не встречал их с именем Лермонтова». Сразу же за тем следует пояснение, относящееся к комментируемому стихотворению и приводится его текст: «Замечательно еще следующее стихотворение, как *подражание* или *перевод* из Байрона...» (БЗ. 1861. Т. 3. № 16. Стб. 496–497).

Однако в позднейшей заметке в тех же «Библиографических записках» Ефремов уточнял, что в одном из принадлежавших ему сборников, материалы которых

он напечатал в 16-м номере журнала, «есть отдел, озаглавленный „Список с черновой тетради М. Ю. Лермонтова“», где, «кроме некоторых известных стихотворений <...> находятся черновые наброски стихотворений, не являвшихся в печати и, вероятно, так и оставшихся неотделанными» (Там же. № 18. Стб. 556). В состав этого отдела входили первоначальная редакция поэмы «Сашка» (Т. 2. № 470) (которую Ефремов счел набросками к стихотворению «Памяти А. И. О<доевско>го», № 375), текст «Молитвы» (№ 338; с перестановкой строф и поправками), а также стихотворения «Ах! ныне я не тот совсем...» и «Он был в краю святом...» (№ 319) (см.: Там же. Стб. 556–563). Эти тексты были скопированы Ефремовым в тетрадь подготовительных материалов к изданиям Лермонтова, где они переписаны в составе подборки под общим заглавием «Из черновой тетради М. Ю. Лермонтова (От В. И. Касаткина)» (Ф. 524. Оп. 4. № 25. Л. 120–125а.). Хотя оригинал «черновой тетради Лермонтова» так и не был разыскан, копия Ефремова и его публикация первоначальных вариантов «Сашки» в БЗ считаются безусловно авторитетным источником, восходящим к подлинной рукописи Лермонтова. Исходя из этого, и копии стихотворений, помещавшихся, по указаниям Ефремова, в той же тетради, можно также счесть достоверным источником, на основе которого допустимо включить и «Ах! ныне я не тот совсем...» и «Он был в краю святом...» (№ 319) в основной корпус.

Как указали еще редакторы БЗ (Там же. Стб. 497), стихотворение представляет собой подражание 5-й песни поэмы Байрона «Мазепа» («Mazeppa», 1819; Byron 1828: 222), интерес к которой, вероятно, мог быть актуализирован выходом «Полтавы» Пушкина (1829).

Ст. 14. *Теперь среди сердечной грезы...* — В публикации БЗ иной эпитет: «среди полночной грезы», вероятно, исправленный Ефремовым из содержательных соображений; в копии же, однако, — «среди сердечной грезы».

Ст. 22–23. *Так живо образ дорогой / В уме моем напечатлелся*! — Ср. сходный фразеологический оборот в элегии Лермонтова «К.....» («Не привлекай меня красой», 1829; № 18): «Ах! много лет как взгляд другой / В уме моем напечатлелся!..».

Лит.: ЛЭ 1981: 40; Лернер 1916: 77–78.

321. «Когда, надежде недоступный...».

Автограф: ОР РНБ. Ф. 429. № 34. Л. 58 об.–59 — черновой, карандашом, в тетради «Лекции по географии». В той же тетради — черновые наброски поэмы «Сашка» (Т. 2. № 470). После ст. 20 зачеркнуто намеченное продолжение:

Когда тебя во имя бога
Кто пригласит на пир простой,
Страшися мирного порога
Коснуться грешною ногой;
Смотреть привыкни равнодушно...

Копия: РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 2. № 43. Л. 1 — рукой П. А. Ефремова (?) в тетради подготовительных выписок из лермонтовских бумаг, с автографа РНБ.

Печатается по автографу.
Датируется предположительно 1833–1834 гг. — по положению в тетради с лекциями по географии «Л. Г. Гусарского Полка Юнкера Лермонтова», которая, скорее, заполнялась во время пребывания поэта в Юнкерской школе, чем после выхода из нее.
Впервые: РС. 1872. № 2. С. 287–288 (без пяти последних зачеркнутых стихов); Лермонтов 1889–1891: I, 239–240 (полный текст, включая зачеркнутые строки).

Лит.: ЛЭ 1981: 227–228; Жезлова 1988: 6.

322. А-ру А-чу Фаддееву («О ты, которого зовут...»).

Автограф неизвестен.
Копия на отдельном листке в тетради П. А. Ефремова: РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 4. № 25. Л. 116 — под текстом дата: 1836.
Печатается по копии П. А. Ефремова.
Датируется по указаниям П. А. Ефремова, опиравшегося на мемуарные свидетельства (см. ниже).
Впервые: Лермонтов 1862: 80.

В копии стихотворение сопровождается припиской П. А. Ефремова (Л. 116–116 об.): «Стихи эти (продиктованные Ф<едором> Кр<естьянычем> М<и́нуто>м) написаны Лермонтовым по просьбе Шан-Гирея, бывшего в 1836 г. в юнкерской школе. Эпитеты взяты Л-м у Шан-Гирея, ибо действительно ими называли юнкера́ Фаддеева. Они везде писали их с его именем: в нужниках, в комнатах и даже на оловянных тарелках, которые поэтому начальство должно было перелить. Бараном и мародером назвал Фад-ва Ив. Он. Сухозанет, во время одного из посещений школы. Алдр. Алдр. Фаддеев теперь Генерал Майор (1862 — V)».

А. А. Фаддеев (1811–1898) преподавал в Михайловском артиллерийском училище, где учился в то время А. П. Шан-Гирей (1818–1883). Впоследствии сделал хорошую военную (генерал от артиллерии — 1879) и ученую карьеру, был известен как разработчик различных методов хранения и применения пороха и пироксилина. Судя по тому, что карьера Фаддеева не пострадала, конфликт с учащимися, вопреки свидетельству Ефремова, не заинтересовал вышестоящее начальство.

Генерал Иван Онуфриевич Сухозанет (1788–1861), как член Совета о военно-учебных заведениях, постоянно инспектировал петербургские военные школы.

Лит.: Hopkins 1976: 39–40; Бессмертных 1994: 298–303.

323. «Опять, народные витии...».

Автограф: ОПИ ГИМ. Ф. 445. № 227а. Л. 59–60 — черновой, в тетради Чертковской библиотеки. На л. 59 после стиха «Мы чужды ложного стыда» зачеркнут следующий текст:

Так нераздельны в деле славы
Народ и царь его всегда.

Веленьям власти благотворной
Мы повинуемся покорно
И верим нашему царю!
И будем все стоять упорно
За честь его как за свою.

Копии: 1) РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 2. № 142. Л. 1 — неполный текст на отдельном листке, соответствующий публикации в «Современнике» (с пропусками, без нумерации строф); 2) РГАЛИ. Ф. 276. Оп. 1. № 67а. Л. 2 об.–4 — в тетради стихотворений Лермонтова, полученных Е. П. Ростопчиной от Л. И. Арнольди и затем переданных А. Н. Афанасьеву для публикации в БЗ; текст из пяти полных строф, вместо строфы 5 — три строки точек (ср. ниже копию ИРЛИ и публикацию в БЗ); 3) РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 4. № 25. Л. 117–118 — копия рукой П. А. Ефремова в тетради «Список с черновых тетрадей Лермонтова», копия с текста, сообщенного Афанасьевым (см. копию РГАЛИ)
Печатается по автографу.
Предположительно датируется 1834–1836 гг. по биографическим и историческим основаниям (см. ниже).
Впервые: Современник. 1854. Т. 45. № 5. Отд. 1. С. 5 (отрывок, без заглавия и нумерации строф); БЗ. 1859. Т. 2. № 1. Стб. 21–22 (полностью, с пронумерованными строфами; вместо строфы 5 две строки точек с примечанием: «Этой строфы недостает в доставленном нам списке», далее под номером 6 идет текст 5-й строфы). Ранее стихотворение предполагалось к публикации в 1-м сборнике «Вчера и сегодня» (СПб., 1845), однако — по представлению цензора А. И. Фрейганга — было запрещено цензурным комитетом на заседании 6 марта 1845 г. (см.: Здобнов 1939: 264; РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 3. № 82. Л. 1; РГИА. Ф. 777. Оп. 1. № 1828. Л. 13).

На обороте автографа набросан список имен: «Шлиппенбах, Новос<ильцев>, Кат<ерина> Ал<ександровна>, Алекс. Алекс. (?) Торсуков, Лонгинов, *Киреeву* обед, *Веч.* Щерб<атову>, Пономареву, к Столыпину, Устимов». По остроумной догадке В. А. Захарова, этот список — перечень формальных визитов, которые Лермонтов должен был нанести, вступая в свет после окончания юнкерской школы (недаром во главе списка — директор школы, генерал Шлиппенбах) (Летопись 2003: 191–192). Однако некоторые из названных лиц — близкие знакомые бабушки (см. ее письма 1836 г. к П. А. Крюковой: Воспоминания 1989: 242–243), контакты с которыми не обязательно могли быть привязаны к акту светской инициации. Активная светская жизнь молодого гусара продолжалась с конца 1834-го до конца 1835 г., поэтому момент соединения стихотворной и бытовой записей может быть условно ограничен лишь этими, довольно широкими хронологическими границами, если не учитывать возможности, что бумага могла быть использована для записи стихов через много месяцев после составления списка визитов.

По воспоминаниям А. П. Шан-Гирея, стихотворение написано «незадолго до смерти Пушкина, по случаю политической тревоги на Западе» (Воспоминания 1989: 45). О нем же упоминал друг Лермонтова С. А. Раевский (1808–1876), давая показания по делу о «Смерти поэта» в 1837 г. Стремясь отвести от Лермонтова подо-

зрения в политической неблагонадежности, Раевский писал: «Услышав, что в каком-то французском журнале напечатаны клеветы на государя императора, Лермонтов в прекрасных стихах обнаружил русское негодование <…>. Начала стихов не помню — они писаны, кажется, в 1835 году…» (Воспоминания 1989: 485).

Стихотворение представляет собой политическую оду — инвективу, тема которой, что и педалируется Лермонтовым в первой строфе, разрабатывалась А. С. Пушкиным в его политических стихах — «Клеветникам России» (1831) и «Бородинской годовщине» (1831). Весьма вероятно, что обращение Лермонтова к «народным витиям», которые «опять», «шумя», восстали за «дело падшее Литвы» на «славу гордую России», было вызвано антирусскими выступлениями во французской печати по «польскому вопросу». Этот вопрос во французской прессе с 1831 г. почти не затухал. Так, 13 (25) января 1834 г. в Брюсселе с речью по случаю трехлетия свержения Николая I с польского престола выступил глава демократического крыла польской эмиграции, историк Иоахим Лелевель (1786–1861). 4 (16) февраля 1834 г. в парижской газете «Le Temps» был напечатан памфлет под названием «Nicolas et ses apologistes», принадлежавший князю Адаму Чарторыскому (Czartoryscy, 1770–1861). В апреле того же года журнал «Revue de Paris» поместил оскорбительную статью Тайо о Николае I («Esquisses historiques: Alexandre et Nicolas»). В ответ на эти выступления в зарубежном органе русского правительства «Journal de Francfort» 1 (12) апреля 1834 г. появилась передовая статья — с изложением речи Лелевеля. Пушкин в своем дневнике (запись 11 (23) апреля) приводит выдержку из этой статьи, в которой о нем говорилось как о борце с монархией Николая I (Пушкин 1937–1959: XII, 325, 487). Возможно, что непосредственным поводом для написания стихотворения «Опять, народные витии» явилась эта самая статья о речи Лелевеля в «Journal de Francfort», перепечатанная — полностью или частично — в петербургских и варшавских газетах. Обсуждение польского вопроса в европейской печати продолжалось и в 1835 г. В декабре 1835 г. петербургская газета «Journal de S.-Pétersbourg» перепечатала октябрьское выступление «Journal des Debats». Нельзя исключить, что Раевский и Шан-Гирей связывали стихотворение Лермонтова именно с этим периодом журнальной борьбы. Однако гораздо более острый момент в истории «польского вопроса» начался в январе 1836 г., после того, как члены Объединения польского народа убили в Кракове русского агента Яна Бегренс-Павловского. Разразившийся кризис привел к тому, что 7 февраля в «вольный город» Краков вошли австрийские, а 20 февраля русские и прусские войска. Поскольку акция противоречила решениям Венского конгресса, французское и английское правительства предприняли определенные дипломатические шаги для разрешения конфликта, но особую остроту новая польская проблема приобрела в бурных парламентских и общественных дебатах, которые, естественно, публиковались и обсуждались в газетах. Эта кампания, направленная в значительной степени против России и подогреваемая польским лобби, продолжалась весь март и апрель 1836 г. и, вероятно, горячо обсуждалась в петербургском обществе (публикации в подцензурной прессе были при этом весьма сдержанными). Можно предположить, что именно этот эпизод русско-польско-европейской по-

литики и послужил импульсом для создания стихотворения «Опять, народные витии...». Тем самым, гипотетически можно определить время его написания весной 1836 г., а если учитывать другие — биографические и текстологические — аргументы, то эту узкую датировку следует корректно расширить до границ периода «конец 1834 — сер. 1836 г.» (более сомнительной представляется предположительная датировка И. З. Сермана — апрель–май 1833 г., увязанная с публикацией в газете «Journal de Francfort» от 17 февраля 1833 г., где русское правительство порицалось с лоялистских позиций — за отказ от публичной полемики по польскому вопросу; подробнее см.: Серман 1997: 95–97).

Ст. 1–4. *Опять, народные витии... ~ Опять шумя восстали вы.* — Ср. начало стихотворения Пушкина «Клеветникам России» (1831): «О чем шумите вы, народные витии?» и «Но вы, мутители палат, / Легкоязычные витии» в «Бородинской годовщине» (Пушкин 1937–1959: III, 269, 274).

Ст. 9. *...Одел он ваши имена.* — Лексическое и ритмическое соответствие парадоксально сближает эту строчку с неподцензурными стихами из послания «К Чедаеву» (1818), широко разошедшегося в списках: «И на обломках самовластья / Напишут наши имена!» (Пушкин 1937–1959: II, 72).

С. 32–38. *Так в дни воинственные Рима ~ Один наемный клеветник.* — Ссылка Лермонтова на обстоятельства триумфа римского консула Гая Фабриция Лусцина (278 г. до н. э.), не подкрепляется историческими источниками. Нет и свидетельств о появлении «наемных клеветников» во время чьих-либо триумфов в республиканский и императорский периоды римской истории. Одним из элементов Римского триумфального церемониала являлось присутствие «государственного раба», который, стоя на колеснице за спиной триумфатора, должен был время от времени напоминать последнему о том, что он такой же человек, как и все прочие, грешен и смертен — см. описания этого обычая у Плиния Старшего (XXVIII: 4), Диона Кассия (Fragm.: 8), Исидора Севильского (Orig.: XVIII, 2) и Тертуллиана (Apolog.: 33); подробнее: Beard 2007: 85–92. Сам ли Лермонтов трансформировал фигуру раба-резонера в наемного клеветника или прочел об этом в каком-либо вторичном источнике, остается неизвестным. Появление в русской литературе и публицистике конца XIX в. описаний триумфов с «наемным клеветником» (Д. Л. Мордовцев, Е. П. Блаватская, А. С. Суворин, Н. К. Рерих) объясняется, видимо, уже лермонтовским влиянием.

Лит.: ЛЭ 1981: 356; Нейман 1914a: 94–95; Нейман 1941b: 322; Эйхенбаум 1924a: 104; Здобнов 1939: 264; Шувалов 1941: 266; Голованова 1958: 711–714; Пейсахович 1964: 480; Лермонтов 1964–1965: I, 636–638; Борсукевич 1970: 50–51; Азбелев 1995: 11–18.

324. Гость (Быль) (Посвящается *****) («Кларису юноша любил...»).

Автограф неизвестен, до 1951 г. находился в частном собрании семьи фон Кёниг, потомков А. М. Верещагиной-Хюгель (Германия, Бавария, замок Вартхаузен). Факсимиле (ст. 1–6): Андроников 1964: 205.

Копия: РО ИРЛИ 524. Оп. 2. № 64. Л. 2–3 об. — рукой П. А. Висковатова, с автографа, предоставленного наследниками А. М. Верещагиной.

Печатается по копии П. А. Висковатова с уточнением текста по фотокопии автографа (ст. 1–6).

Стихотворение, известное по копии, полученной П. А. Висковатовым от наследников А. М. Верещагиной, предположительно датировалось 1832 г. Между тем находящееся в каталоге антикварной мюнхенской фирмы «Karl und Faber» (Мюнхен, 1951) факсимиле лермонтовского автографа (заглавие и 6 первых строк) позволяет думать, что баллада относится к более позднему времени (характер почерка); возможно, она была написана в 1835 г. при известии о предстоящем замужестве В. А. Лопухиной (о ней см. примеч. к № 207).

Впервые: РС. 1882. № 8. С. 389–390.

Сюжет о явлении невесте мертвого жениха восходит к балладе Г. А. Бюргера (G. A. Bürger, 1747–1794) «Ленора» («Lenore», 1773), но в балладе «Гость», так же, как в «Русской песне» (1830, № 139), Лермонтов меняет смысл первоисточника — это наказание невесты за измену, чего у Бюргера нет. Ближе всего текст Лермонтова к французскому переводу баллады М. Г. Льюиса (M. G. Lewis, 1775–1818) об Алонзо и Имогене (см.: Вацуро 2008: 338–341). Вариант этого сюжета Лермонтов включил в роман «Вадим» (1832–1834) как народное предание (Т. 4. С. 29).

Лит.: ЛЭ 1981: 118; Эйхенбаум 1940: 327–328; Гаркави 1959: 279–281; Пейсахович 1964: 460; Андроников 1967: 204–205; Ермоленко 1988: 31–44; Вацуро 2002: 488–496.

325. «И на театре, как на сцене света...».

Автограф неизвестен.

Копия: РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 4. № 26. Л. 24 об. — в тетради выписок В. Х. Хохрякова.

Печатается по копии В. Х. Хохрякова.

Датируется предположительно серединой 1830-х гг., не позднее 1836 г., так как четверостишие — в несколько измененном виде — вошло в текст позднего варианта драмы «Маскарад» («Арбенин», 1836) в качестве реплики 2-го гостя (д. II, явл. 1 — Т. 3. С. 479; см. также примечания к драме «Маскарад» — Т. 3. С. 584).

Впервые: Лермонтов 1889–1891: I, 360.

При публикации четверостишие сопровождалось следующим примечанием П. А. Висковатова: «Несомненно лермонтовским является следующее, находящееся в материалах г. Хохрякова стихотворение, полученное им от С. А. Раевского. К какому году оно относится, нельзя определить, — вероятно, ко второй половине 30-х годов». По предположению И. Л. Андроникова, эпиграмма, возможно, была сочинена Лермонтовым вне связи с работой над «Маскарадом», а затем в несколько расширенном виде введена в последнюю редакцию драмы (Лермонтов 1964–1965: I, 645–646).

Лит.: ЛЭ 1981: 179.

326. «Это случилось в последние годы могучего Рима...».

Автограф неизвестен.

Копия: РГАЛИ. Ф. 276. Оп. 1. № 67а. Л. 5–6 — в тетради стихотворений Лермонтова, полученных Е. П. Ростопчиной от Л. И. Арнольди и затем переданных А. Н. Афанасьеву для публикации в «Библиографических записках».

Печатается по первой публикации, дающей более исправный текст, чем копия РГАЛИ (ср. в копии РГАЛИ — в ст. 3–4 «...у древа / Церкви, *красиво* юные вновь зеленели побеги...», в ст. 29–30: «При свете / Поздней лампады *сидела я раз; как она*, на коленях...»). Однако, по всей видимости, источником как публикации,так и копии послужил автограф Лермонтова, впоследствии утраченный.

Датировка затруднена отсутствием как рукописи и фактических свидетельств об истории текста, так и убедительной историко-литературной интерпретации этого лермонтовского замысла. Копия в тетради Ростопчиной, восходящая к Арнольди и представляющая собой список с части собрания лермонтовских автографов, ныне известных как «тетрадь из Чертковской библиотеки», может лишь косвенно свидетельствовать о датировке — середина 1830-х гг.: наиболее ранние художественные тексты из входящих в тетрадь из Чертковской библиотеки относятся к 1834–1836 гг. («Опять народные витии...», № 323), наиболее поздние — к концу 1839 г. (наброски стихотворения «Памяти А. И. О-го», № 375).

В копии РГАЛИ текст завершался стихом, отсутствовавшим в первой публикации: «Созвали мы стариков и родных для совета; решили...».

Впервые: Вчера и сегодня. 1845. Кн. 1. С. 92–93 (заглавие «Отрывок», без последнего стиха); БЗ. 1859. Т. 2. № 1. Стб. 20 (последний стих).

Источники сюжета, едва намеченного в этом незаконченном стихотворении, не выявлены. Выдвигалось предположение, что аналоги отдельных элементов лермонтовского повествования можно обнаружить в книге А. Н. Муравьева «Первые четыре века христианства» (СПб., 1840), с которой Лермонтов был, по всей вероятности, знаком (см.: Миллер 1998: 58–61). Однако отмеченные параллели не выходят за рамки типологически обусловленных: сюжеты о чудесном исцелении или воскрешении, совершенном святым праведником (отшельником), в историографии раннего христианства являются общим местом; к тому же прямого отношения к намеченному Лермонтовым сюжету они не имеют — о воскрешении Виргинии в тексте говорится лишь как о желательном событии, и такое развитие сюжета в высшей степени гипотетично (подробный вариант такого сюжетного развития предложен в работе: Заславский 1998).

Отмечалось, что данное стихотворение — единственное обращение Лермонтова к гекзаметру (что не совсем точно: в эпиграмме «Се Маккавей-водопийца...» (1837; № 346), содержатся еще несколько гекзаметрических строк). Ю. Г. Оксман связывал стих Лермонтова с «разговорными» гекзаметрами В.А. Жуковского, использованными в переводной повести «Ундина» (прозаический немецкий оригинал принадлежал перу Ф. де ла Мотт Фуке (Friedrich de La Motte-Fouqué), 1777–1843), и даже датировал лермонтовский отрывок 1838 годом, исходя из того факта, что отдельное издание «Ундины» вышло в 1837 г. и тогда же было подарено переводчиком Лермонтову (Оксман 1967: 319; следует отметить, что отрывки из «Ундины»

печатались в журналах с 1835 г.). Эту позицию поддержал Э. Э. Найдич, усмотревший формульные и фабульные переклички двух произведений: «обращает на себя внимание сходство первой строки „Это случилось в последние годы могучего Рима“ (у Жуковского: „Лет за пятьсот и поболе это случилось“). Действующие лица повести Лермонтова — „старуха простого званья“ и ее муж. Они просят праведного старца воскресить внезапно умершую дочь. Это в известной степени перекликается с началом „Ундины“, где старый рыбак и его жена внезапно потеряли любимую дочь и при таинственных обстоятельствах „получили взамен“ девочку „чудной прелести“ — Ундину» (Лермонтов 1989: II, 625–626). Представляется, что чрезвычайно слабые лексические и фабульные соответствия не могут служить надежным свидетельством генетической связи произведений, а тем более — основанием для датировки одного из них. Что касается сходств в ритмической организации стиха, то кроме общей повествовательности и отказа от архаизации стиля ничего общего в гекзаметрах Жуковского и Лермонтова нет; более того, в «Ундине» регулярность шестистопника строго выдерживается, а в «Отрывке» шестистопные строки иногда разбиваются пятистопными и семистопными (справка В. А. Плунгяна).

Не выдерживает критики и другая попытка датировать стихотворение на основании биографических соображений. О. В. Миллер (1998: 61) предложила отнести создание текста ко времени общения Лермонтова с художником Г. Г. Гагариным (лето–осень 1840). До этого Григорий Гагарин (1810–1893) несколько лет жил в Риме, в частности, в Гротта-Феррато, летней резиденции русского посла, расположенной поблизости от Крипто-Ферратской греко-католической обители, которую основал Нил-Пещерник Калабрийский (ум. в 1005 г.). Рассказы Гагарина о здешних святых пещерах и римских катакомбах должны были, по мнению исследовательницы, послужить импульсом для создания стихотворения. К сожалению, никаких документальных свидетельств о разговорах Гагарина с Лермонтовым до нас не дошло и, тем самым, нет никаких оснований учитывать гипотетические беседы при обсуждении творческой истории данного текста.

Ст. 1–2. *Это случилось в последние годы могучего Рима. / Царствовал грозный Тиверий и гнал христиан беспощадно...* — Неоднократно отмечались допущенные здесь анахронизмы: во-первых, хотя Христа распяли во времена римского императора Тиберия (Tiberius Julius Caesar Augustus, 14–37 гг. н. э.), последний не был гонителем христианства и христиан; во-вторых, правление Тиберия приходится на период расцвета империи, а не на «последние дни» ее могущества. Если попытаться совместить два условия — гонение на христиан и относительный упадок империи, то время, описываемое в стихотворении, можно, скорее всего, отнести к началу IV в. н. э., то есть к правлению императоров Диоклетиана и Галерия, когда и происходило, по версии историков церкви, «Великое гонение» на христиан. Можно осторожно предположить, что Лермонтов заменил имя Галерия (Gaius Galerius Valerius Maximianus, император в 293–311 гг.) на эквиметрическое и гораздо более известное имя второго императора Рима. Не исключено, однако, что хронологическая аберрация содержалась уже в том источнике, откуда была почерпнута историческая канва лермонтовского стихотворения.

Ст. 3–4. *Но ежедневно на месте отрубленных ветвей, у древа / Церкви Христовой юные вновь зеленели побеги.* — А. М. Гаркави (1959: 294) связывал эту аллегорию с золотой ветвью» из «Энеиды» Вергилия:

...latet arbore opaca
aureus et foliis et lento vimine ramus,
Iunoni infernae dictus sacer; hunc tegit omnis
lucus et obscuris claudunt convallibus umbrae.
sed non ante datur telluris operta subire
auricomos quam quis decerpserit arbore fetus.
hoc sibi pulchra suum ferri Proserpina munus
instituit. primo avulso non deficit alter
aureus, et simili frondescit virga metallo.

(Aen., VI, 136–144).

...В чаще таится
Ветвь, из золота вся, и листы на ней золотые.
Скрыт златокудрый побег, посвященный дольней Юноне,
В сумраке рощи густой, в тени лощины глубокой.
Но не проникнет никто в потаенные недра земные,
Прежде чем с дерева он не сорвет заветную ветку.
Всем велит приносить Прозерпина прекрасная этот
Дар для нее. Вместо сорванной вмиг вырастает другая,
Золотом тем же на ней горят звенящие листья.

(Пер. С. А. Ошерова).

Однако можно предложить и другую отдаленную параллель, более подходящую к раннехристианской теме стихотворения, а именно пассаж из послания Блаженного Августина к Бонифацию против ереси донатистов (Ep. CLXXXV, 32; 417 г.), в котором единство церкви изъяснялось с помощью сложной метафоры великого дерева (magna arbor), его ветвей и побегов — засыхающих и живых (по наблюдениию И. Вайсмана, Августин, в свою очередь, опирался, видимо, на стихи из книги Иова (14. 7–9)). Подробнее см.: Охотин 2015.

В сочинениях Св. Августина этого периода распространенные аллегории Церкви, как дерева, встречаются неоднократно; большинство из этих писаний переводились на европейские языки, цитировались и переиначивались во множестве клерикальных и светских текстов, поэтому непосредственным источником лермонтовской образности мог быть, разумеется, и какой-либо текст-посредник. О знакомстве людей лермонтовского круга с сочинениями Св. Августина свидетельствуют записи в альбоме А. М. Верещагиной (см. примеч. к № 341).

Ст. 5. *В тайной пещере...* — Ср. у Пушкина: «В пещере тайной в день гоненья / Читал я сладостный Коран» (1825–1826 г., опубл.: 1855).

Ст. 5. *...над Тибром ревущим...* — Бурливый, свивающий водовороты Тибр встречается у Вергилия: «Thybris ea fluvium, quam longa est, nocte tumentem / leniit...»;

пер. С. А. Ошерова: «Воды Тибр укротил, всю ночь бурлившие грозно» (Aen., VIII, 86–87; ср. также: VII, 30–32; отмечено: Гаркави 1959: 293–294). В «Энеиде» упоминаются и пещеры над Тибром (I, 166–168; VIII, 190–194).

Ст. 13. *...Вот уж два дня и две ночи...* — Очевидно, что это указание — ключ к сюжетным ожиданиям: пуант повествования явно запланирован автором на третий день (напрашивается параллель со сроками воскресения Христа, как они отражены в Евангелии и Символе веры).

Ст. 15. *...жжем ароматы на мраморе хладном...* — Имеется в виду языческий ритуал сожжения ароматических веществ в жертву богам (то же, что курение фимиама). Ср. у Е. А. Боратынского: «Он ароматы жжет без веры / Богам, чужим душе своей» (Боратынский 2000–2012: III, 250; опубл. 1827).

Ст. 17. *Если б знал ты Виргинию нашу...* — Используя римское имя со значением «дева», «девственница» Лермонтов (или его источник) отсылает не столько к имени римской героини Ве(и)ргинии, заколотой отцом, чтобы избежать рабства и поругания (около 449 до н. э. — Liv., III, 44–50), сколько к титулатуре Марии Пречистой (Sancta Virgo Virginis — из первой литании Богородице). Также в западной традиции были две святые этого имени (XII и XVII вв.), и соименная им литературная героиня — образец невинности и целомудрия (роман Бернардена де Сен-Пьера «Поль и Вирджиния», 1788).

Ст. 19–21. *Дряхлые старцы, любуясь на белые плечи, волнистые кудри, / На темные очи ее — молодели; юноши страстным / Взором ее провожали...* — По наблюдению А. М. Гаркави (1959: 293), эти строки находят соответствие в идиллии А. А. Дельвига «Конец золотого века» (опубл. 1829): «Старцы от радости плакали, ею любуясь, покорно / Юноши ждали, кого Амарилла сердцем заметит?» (Дельвиг 1986: 74).

Ст. 21–23. *... напевая простую / Песню, амфору держа над главой, осторожно, тропинкой / К Тибру спускалась она за водою...* — Ср. описание грузинки в поэме «Мцыри»: «Держа кувшин над головой, / Грузинка узкою тропой / Сходила к берегу. Порой / Она скользила меж камней, / Смеясь неловкости своей» (Т. 2. С. 434).

Ст. 31. *Тихо, усердно и долго молилась... кому?.. неизвестно...* — Высказывалось предположение, что ответом на заданный вопрос является анаграмма имени Христа, содержащаяся в первых словах стиха: *ТиХо, уСеРдно* (Заславский 1998: 45).

Лит.: ЛЭ 1981: 639; Краков 1914: 21–23; Здобнов 1939: 264; Гаркави 1959: 291–295; Заславский 1998: 43–52; Миллер 1998: 58–61; Гаспаров 1999: 188–265.

327. Умирающий гладиатор

(«Ликует буйный Рим... торжественно гремит...»).

Автограф неизвестен.

Копия: РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 1. № 15. Л. 9–9 об. — авторизованная, в тетради 15; два последних строфоида зачеркнуты, год и эпиграф к стихотворению вписаны рукой Лермонтова.

Печатается по авторизованной копии.

Датируется по помете в копии: «2 февраля 1836 г.».

Впервые: ОЗ. 1842. Т. 21. № 4. Отд. 1. С. 378 (без последних 15 стихов); Русь. 1884. № 5. 1 марта. С. 35–36 (полностью).

Первые 20 строк представляют собой вольное переложение из Байрона — строфы 139–141 песни IV «Паломничества Чайльд-Гарольда» («Child-Harold's Piligrimage»; 1812–1817), опубликованной в 1818 г. М. Брейтман (1922: 9–10) указал на сходство стихотворения Лермонтова со стихотворным подражанием французского поэта Шендолле (Charles-Julien Lioult de Chênedollé, 1769–1833) «Le gladiateur mourant» (1820), которое, как признавался позднее сам Шендолле, в свою очередь было подражанием Байрону (вопреки мнению Эйхенбаума, который считал текст Шендолле более ранним: Лермонтов 1935–1937: II, 162). Тексты английского и французского поэтов представляют собой экфрасис скульптуры «Умирающий гладиатор», однако если Байрон ориентируется на знаменитую римскую копию греческой статуи III в. до н. э., реплики с которой стояли в музеях и парках большинства европейских столиц, то Шендолле, судя по некоторым деталям (его гладиатор еще пытается встать), описывает луврский вариант того же скульптурного сюжета — работу Пьера Жюльена (Julien, 1731–1804) «Gladiateur mourant», выполненную в 1778–1779 гг. Лермонтов, хотя он мог видеть копию римской скульптуры в Царском Селе, уходит от точного экфрастического описания: фигура гладиатора у него лишена пластических черт и целиком зависит от психологических реконструкций, почерпнутых у Байрона и/или Шендолле. Вопрос о том, чьи именно стихи послужили импульсом для создания лермонтовского стихотворения, остается открытым. Единственная деталь, отличающая стихи Байрона и Шендолле и одновременно сближающая последнего с Лермонтовым, — фигура престарелого отца, появляющаяся в воспоминаниях гладиатора, однако незначительность этой детали не позволяет делать однозначные выводы, тем более, что сам Лермонтов обозначил приоритет Байрона, поставив в эпиграф своего стихотворения строку из «Чайльд-Гарольда». Нет также оснований сближать стихи Лермонтова с переводом строф Байрона, сделанным В. Н. Щастным (Умирающий гладиатор. Из IV песни Байронова «Чайльд-Гарольда» // Невский Альманах на 1830 год. СПб., 1829. С. 397).

Историософские идеи второй, вычеркнутой в автографе части стихотворения долгое время связывали с воззрениями ранних славянофилов. Однако, как показал А. А. Долинин (2010: 30–42; там же история вопроса), источником лермонтовских антиевропейских инвектив стал литературный манифест Шарля Нодье (Nodier, 1780–1844) «О фантастическом в литературе» («Du fantastique en litterature», 1830 — Nodier 1832: 70–112). «„Постоянно увеличивающиеся беды современного общества возвестили о его гибели приговоренному к казни поколению с такой ясностью, с какой не прозвучала бы даже труба Ангела Апокалипсиса“, — писал Нодье. Все гении современной литературы — Байрон, Шатобриан, Виктор Гюго, Ламартин — „услышали предупреждение музы гибнущего общества и повиновались ее повелениям, как непререкаемому голосу умирающего, которого ждет уже отверстая могила“. Особо Нодье выделяет немецких романтиков, чьи блистательные фантазии,

по его слову, „возрождают для старческих часов нашего упадка (pour les vieux jours de notre décrépitude) свежие и сияющие вымыслы нашего детства. На уставшую от предсмертной агонии душу смятенных народов, которые борются с неизбежным концом, чтение этих писателей действует как светлый сон, исполненный пленительных грез, убаюкивающий и приносящий облегчение“. Очевидно, что в концовке „Умирающего гладиатора“ Лермонтов точно — вплоть до явных мотивных перекличек (ср.: светлая юность / „сияющие вымыслы нашего детства“, „светлый сон“; заглушить последние страданья / „предсмертная агония, приносящая облегчение“; пред кончиною / „борются с неизбежным концом“, „голос умирающего, которого ждет отверстая могила“; несбыточные сны / „сон, исполненный пленительных грез“) — повторяет рассуждение Нодье о „наркотической“ функции романтической литературы в гибнущем обществе, дополняя его лишь напоминанием об амбивалентной, окрашенной иронией позиции романтических писателей по отношению к „европейскому миру“ (насмешливые льстецы)» (Долинин 2010: 42). Сомнительно предположение И. З. Сермана, что импульсом к созданию стихотворения была для Лермонтова публикация отрывков из «Введения во всеобщую историю» Ж. Мишле (МТ. 1833. Ч. XIL. № 1. С. 3–37), к которому строфы Байрона о гладиаторе были якобы предпосланы в качестве эпиграфа (Серман 1997: 133). Ни в переводе, ни в оригинале статьи Мишле нет эпиграфа, стихи Байрона цитируются в середине текста (МТ. 1833. Ч. XIL. № 1. С. 29–30; Michelet 1831: 22, 81), причем в контексте, сугубо отличном по своему историософскому смыслу от концепции Лермонтова—Нодье.

Эпиграф. *I see before me the gladiator lie... Byron* («Я вижу перед собой лежащего гладиатора...») — взят у Байрона («Паломничество Чайльд-Гарольда», строфа 110, ст. 1).

Ст. 5. *И молит жалости напрасно мутный взор...* — По мнению В. Э. Вацуро (2008: 444–445), эта строка восходит не к Байрону, а к русскому переводу главы из романа Э. Бульвер-Литтона «Последние дни Помпеи», напечатанному в 1835 г.: «Побежденный гладиатор медленно провел по всему амфитеатру мутные, исполненные тоски и отчаяния глаза. Увы... ни в одном из взоров, на него устремленных, не видал он и следов жалости и милосердия» (МН. 1835. Июнь. Кн. 2. С. 582; в том же номере опубликовано стихотворение А. С. Хомякова «Мечта», которое традиционно называют среди историософских источников лермонтовского «Гладиатора»).

Ст. 6. *Надменный временщик и льстец его сенатор.* — Строка соотносится с началом стихотворения К. Ф. Рылеева «К временщику» (1820): «Надменный временщик... Монарха хитрый льстец...» (Рылеев 1971: 57).

С. 12. *Сверкнул в его душе... пред ним шумит Дунай...* — В 1840–1850-х гг. русские (С. П. Шевырев) и, особенно, польские (А. Мицкевич, Б. Залеский) интерпретаторы римской скульптуры настаивали на том, что умирающий гладиатор — славянского происхождения. Источник такого толкования — прежде всего, упоминание Дуная и даков в стихах Байрона (иногда фракийское племя даков причисляли к числу древних славянских племен — в славянской историографии эта ошибочная концепция была весьма популярна). Ретроспективно и в стихотворение Лермон-

това «вчитывались» славянские коннотации — так, по лермонтовским мотивам была написана и представлена на выставке в Академии художеств картина Ф. А. Бронникова «Гладиатор-славянин, умирающий на арене цирка» (1857), где гладиатору приданы отчетливо славянские черты лица, а его мечта о доме получает вид крестьянского семейства у беленой хаты, крытой соломою. Влияние Лермонтова отчетливо прослеживается в стихотворении А. А. Фета «Даки» (1856), в котором гибнущие на арене гладиаторы-славяне явно ассоциируются с Россией, изнемогающей в сражениях Крымской войны, а издевательски ликующие зрители — с бывшими европейскими союзниками — Австрией и Пруссией, сохранившими свой «предательский» (с точки зрения России) нейтралитет (Фет 1986: 218–219).

Ст. 22. *...Не так ли ты, о европейский мир... — Мир* (міръ) здесь анаграмматически перекликается с *Римом* в предыдущей строке и в зачине стихотворения (Кожевникова 2009: 54).

Лит.: ЛЭ 1981: 589–590; Лермонтов 1935–1937: II, 162–164; Гинзбург 1940: 199–202; Азадовский 1941: 238–239; Шувалов 1941: 260–266; Божков 1958: 70–79; Прийма 1961: 119; Shaw 1961: 1–10; Эйхенбаум 1961: 323–324; Максимов 1964: 141–142; Пейсахович 1964: 481; Федоров 1967: 259–260; Кирпотин 1970: 279–281; Guski 1970: 104–111; Андреев-Кривич 1973: 150–152; Вацуро 1973: 57–59; Коровин 1973: 49–50; Рубанович 1980: 49; Буранок 1996: 99–100; Graziadei 2000: 19–60; Долинин 2010: 30–42.

328. Еврейская мелодия (Из Байрона)

(«Душа моя мрачна. Скорей, певец, скорей!..»).

Автограф неизвестен.
Печатается по последней прижизненной публикации.
Датируется 1836 г. по помете в: Лермонтов 1840: 62.
Впервые: ОЗ. 1839. Т. 4. № 6. Отд. 3. С. 80; вошло в прижизненный сборник стихотворений: Лермонтов 1840: 61–62.

Вольный перевод стихотворения Байрона «Моя душа темна» («My soul is dark») из цикла «Еврейские мелодии» («Hebrew Melodies», IX, 1815; Byron 1828: 510):

I.
My soul is dark — Oh! quickly string
    The harp I yet can brook to hear;
And let thy gentle fingers fling
    Its melting murmurs o'er mine ear.
If in this heart a hope be dear,
    That sound shall charm it forth again:
If in these eyes there lurk a tear,
    'Twill flow, and cease to burn my brain.

II.
But bid the strain be wild and deep,
 Nor let thy notes of joy be first:
I tell thee, minstrel, I must weep,
 Or else this heavy heart will burst;
For it hath been by sorrow nursed,
 And ached in sleepless silence long;
And now 'tis doomed to know the worst,
 And break at once — or yield to song.

Источник стихов Байрона — эпизод из 1-й Книги царств (гл. 16), где речь идет о терзаниях царя Саула и о юном Давиде, разгонявшем игрой на арфе мрачные думы царя. Лермонтов в своем переводе приблизил текст к библейскому первоисточнику, упомянув о царственном сане лирического персонажа («Как мой венец, / Мне тягостны веселья звуки»), чего нет у Байрона. Указывалось также на отражение в стихотворении некоторых мотивов и фразеологии Экклезиаста (Гинцбург 1915: 135–138). До Лермонтова это стихотворение Байрона переводил Н. И. Гнедич (1824).

Лит.: ЛЭ 1981: 156; VII, 260; Зотов 1863: 348–349; Спасович 1889: 379–380; Дюшен 1914: 70; Гинцбург 1915: 135–138; Гроссман 1941: 719; Дурылин 1948: 564; Эйгес 1948: 518; Белинский 1953–1959: IV, 533; Пейсахович 1964: 470; Финкель 1970: 169–200; Морозов 1981: 277; Langleben 1994: 152–180; Демиденко 2010: 59–63.

329. В альбом (Из Байрона) («Как одинокая гробница...»).

Автограф неизвестен.
Печатается по последней прижизненной публикации.
Датируется 1836 г. по помете в: Лермонтов 1840: 64.
Впервые: ОЗ. 1839. Т. 4. № 6. Отд. 3. С. 81; вошло в прижизненный сборник стихотворений: Лермонтов 1840: 63–64.

Вольный перевод восьмистишия Байрона «Строки, написанные в альбом на Мальте» («Lines written in Album at Malta», 1809; Byron 1828: 519). К этому стихотворению Лермонтов уже обращался в 1830 г. (см. № 78). До Лермонтова стихотворение Байрона переводили И. И. Козлов (1822), П. А. Вяземский (1822), А. Бистром (1825), Ф. И. Тютчев (1827), М. Д. Суханов (1828), П. П. Шкляревский (1831).

Лит.: ЛЭ 1981: 75; Лермонтов 1935–1937: II, 165–166; Эйхенбаум 1940: 294; Нольман 1941: 501; Гнедич 1964: 278–280; Пейсахович 1964: 451–452; Удодов 1973: 169; Аринштейн 1985: 32; Харитонов 2001: 122–130.

330. Ветка Палестины («Скажи мне, ветка Палестины...»).

Автограф неизвестен.
Копии: 1) ОР РГБ. Ф. 456. Карт. 1. № 3. Л. 3–3 об. — на отдельном листке рукой Е. А. Верещагиной, подпись «М. Лермонтов»; 2) РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 1. № 15. Л. 5 об.–6 — в тетради 15; под заглавием было вписано, а затем зачеркнуто: «Посвящается А. М — ву» (т. е. А. Муравьеву); 3) РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 2. № 60. Л. 1–1 об. — неизвестной рукой, на отдельном листке из собрания Г. П. Блока.

Печатается по последней прижизненной публикации.
Датируется предположительно 1836 г. по помете в: Лермонтов 1840: 55, а также на основании свидетельства А. Н. Муравьева (см.: Муравьев 1872: 8). В мемуарном очерке «Знакомство с русскими поэтами» Муравьев сообщал, что стихотворение «Ветка Палестины» Лермонтов послал ему с запиской в феврале 1837 г. (Воспоминания 1989: 238), однако сам факт посылки текста (к тому же документально не подтвержденный) не может противоречить более ранней датировке создания стихотворения.
Впервые: ОЗ. 1839. Т. 3. № 5. Отд. 3. С. 275–276; вошло в прижизненный сборник стихотворений: Лермонтов 1840: 53–55.

Андрей Николаевич Муравьев (1806–1874), которому вначале посвящено было стихотворение (о чем свидетельствует зачеркнутая помета в копии), утверждает в своих воспоминаниях (Муравьев 1871), что «Ветка Палестины» была написана у него на квартире в феврале 1837 г., перед арестом Лермонтова, когда тот приезжал к нему в связи с начавшимся следствием по делу о стихотворении «Смерть поэта». По свидетельству родственника и друга Лермонтова А. П. Шан-Гирея, «пальмовую, искусно сплетенную ветку Палестины» Муравьев привез из своих путешествий «ко святым местам» (РО. 1890. Т. 4. № 8. С. 747). При виде этой ветки перед образами в доме Муравьева Лермонтов «по внезапному вдохновению» записал стихотворение на том же листке, где он набросал и записку хозяину дома (см.: Воспоминания 1989: 238). Существует, правда, еще одно свидетельство того же А. Н. Муравьева относительно истории создания стихотворения — оно не связывается с событиями 1837 г., и текст датируется 1836 г. (см.: Муравьев 1872: 8). Так же датируется «Ветка Палестины» в издании «Стихотворения М. Лермонтова» (СПб., 1840). В настоящее время нет оснований отдать предпочтение той или иной версии.

Риторическая структура текста, построенного на серии вопросов («Скажи мне, ветка Палестины: / Где ты росла, где ты цвела?..»), сближает «Ветку Палестины» со стихотворением Пушкина «Цветок» (1828): «Где цвел? Когда? Какой весною? / И долго ль цвел?» (Пушкин 1937–1959: III, 137). Эту параллель отметил С. П. Шевырев в рецензии на лермонтовский сборник стихотворений 1840 г. (Шевырев 1841: 531–532; подробный разбор риторических приемов в обоих стихотворениях см.: Рогачевский 1990: 223–230).

Свое путешествие по Святым местам (1830) и обряд сплетания пальмовых веток Муравьев описал еще в 1832 г.: «Многие поклонники заключились на ночь в храме Воскресения, чтобы там отслушать вербную утреню и быть свидетелями шумного плетения ваий из финиковых ветвей. Пальмы сии, с которыми одни только поклонники по возвращении на родину имеют право стоять на утрени вербной в знак своего странствия, дали им с давних времен красноречивое название пальмников или паломников» (Муравьев 1832: I, 292). О перекличках лермонтовского произведения с книгой Муравьева см.: Сафатова 2008; о библейских подтекстах см.: Фомичев 2015.

Ветка Палестины — один из первых лермонтовских текстов, вошедших в русский литературный канон: на протяжении XIX в. это стихотворение зафиксировано в 30 разных хрестоматиях (без учета переизданий), уступая в этом только «Казачьей колыбельной» (Вдовин 2013: 311).

Ст. 7–8. *Ночной ли ветр в горах Ливана / Тебя сердито колыхал?* — По предположению С. А. Фомичева, стихи отсылают к одному из псалмов Давидовых: «Праведникъ яко финиксъ <пальма> процвѣтетъ: яко кедръ, иже въ Ливанѣ, умножится» (Пс. 91, 13).

Ст. 13—16. *И пальма та жива ль поныне? ~ Широколиственной главой?* — Ср. у Е. А. Боратынского в восточной сказке «Переселение душ»: «И вот приметен кров жилой, / Над коим пальма вековая / Стоит, роскошно помавая / Широколиственной главой» (СЦ на 1829 г. СПб., 1828. С. 19).

Ст. 33–36. *Прозрачный сумрак, луч лампады ~ Вокруг тебя и над тобой.* — Эта строфа перекликается с позднейшим описанием Муравьева: «Так называемые ваии или плетеные пальмы <...> на память своего паломничества я поставил внутри готического кивота, украшенного гербом Иерусалимским, где хранятся наиболее драгоценные иконы и теплится неугасимая лампада» (Муравьев 1872: 8). В то же время у Лермонтова был и поэтический образец — строки «Бахчисарайского фонтана»: «Лампады свет уединенный, / Кивот, печально озаренный, / Пречистой девы кроткий лик / И крест, любви символ священный» (Пушкин 1937—1959: IV, 164).

Лит.: ЛЭ 1981: 84–85; Орлов 1883: 38–39; Лернер 1911: XII—XIII, XXVI—XXVII; Соловьев 1914: 36–37; Гинцбург 1915: 142–143; Никитин 1915: 5, 10–11; Благой 1941: 382–384; Гроссман 1941: 718; Нейман 1941b: 327; Эйхенбаум 1941a: 35–37; Иванова 1957: 311; Баранов 1960: 55–61; Кедровский 1964: 128–139; Эйхенбаум 1969: 383–385; Коровин 1973: 122–126; Ломинадзе 1985: 179–183; Воспоминания 1989: 238; Эткинд 1992: 12–13; Серман 1997: 183–188; Хохлова 2004: 46–58; Дубин, Бройтман 2004: 79.

331. «Никто моим словам не внемлет... я один...».

Автограф: РГАЛИ. Ф. 276. Оп. 1. № 53. Л. 1 — беловой с правкой, на отдельном листке, из архива Е. А. Карлгоф-Драшусовой, получившей его летом 1844 г. от С. А. Раевского (см.: ЛН. 1935. Т. 19–21. С. 505). На том же листке автограф стихотворения «Мое грядущее в тумане...» (№ 332).

Копия: ОР РГБ. Ф. 231/III. Карт. 7. № 36. Л. 1 — на отдельном листке, вместе со стихотворением «Мое грядущее в тумане...», под которым подпись: «Лермонтов».

Печатается по автографу.

Датируется предположительно 1836–1837 гг., исходя из того, что стихотворение «Мое грядущее в тумане...», записанное на том же листе, послужило основой для стихотворения «Гляжу на будущность с боязнью...» (№ 352), датируемого 1837 — началом 1838 гг. по расположению в тетради из Чертковской библиотеки (см. примеч. к последнему стихотворению). Дополнительную аргументацию в пользу такой датировки см. также в комментариях Н. П. Пахомова к первой публикации: ЛН. 1935. Т. 19–21. С. 505–510.

Впервые: Вестник АН СССР. 1934. № 10. С. 15 (ст. 1–4); ЛН. 1935. Т. 19–21. С. 505.

Листок с автографом был послан С. А. Раевским хозяйке литературного салона в Петербурге Е. А. Карлгоф-Драшусовой в письме от 10 июля 1844 г.: «...как ни была бы глубока, как ни долговременно таилась в душе его мысль, он обнаруживал ее ки-

стью или пером изумительно легко — и я бывал свидетелем, как во время размышлений противника его в шахматной игре Лермантов писал драматические отрывки <...>. Для сохранения воспоминаний об этой отличительной черте Раевский с отличным почтением посылает ее превосходительству Елизавете Алексеевне собственноручный листок Лермантова, согласно желанию ее» (ЛН. 1935. Т. 19–21. С. 505).

Лит.: ЛЭ 1981: 342; Пахомов 1935: 502–510; Лермонтов 1954–1957: II, 368; Пейсахович 1964: 476.

332. «Мое грядущее в тумане...».

Автограф: РГАЛИ. Ф. 276. Оп. 1. № 53. Л. 1 — беловой с правкой, на отдельном листке из архива Е. А. Карлгоф-Драшусовой. После ст. 10 два стиха зачеркнуты: «Огонь в уста твои вложу я / Дам власть мою твоим словам».

Копия: ОР РГБ. Ф. 231/III. Карт. 7. № 36. Л. 1–1 об. — на отдельном листке, вместе со стихотворением «Никто моим словам не внемлет...» (№ 331), подпись: «Лермонтов».

Печатается по автографу.

Датируется предположительно 1836–1837 гг. по соотношению со стихотворением «Гляжу на будущность с боязнью...» (№ 352), представляющим собой переработку комментируемого текста и датируемым 1837 — началом 1838 гг. по расположению в тетради из Чертковской библиотеки. Дополнительную аргументацию в пользу такой датировки см. также в комментариях Н. П. Пахомова к первой публикации: ЛН. 1935. Т. 19–21. С. 505–510.

Впервые: ЛН. 1935. Т. 19–21. С. 505–506.

Лит.: ЛЭ 1981: 282; Пахомов 1935: 502–510; Герштейн 1985а: 131–151; Лотман 1997: 815–816.

333. «Великий муж! Здесь нет награды...».

Автограф: ОПИ ГИМ. Ф. 445. № 227а. Л. 65 — беловой, в тетради Чертковской библиотеки. Верхняя часть листа, на которой, по всей видимости, было записано еще одно четверостишие, оторвана. Вероятно, сначала стихотворение насчитывало два катрена — не сохранившийся и последний, затем перед строкой «Свершит блистательную тризну...» был сделан значок вставки, и ниже под последней строкой записаны восемь строк: «Великий муж!.. ~ Твой сын душою закипит».
Печатается по автографу.
Датируется предположительно 1836–1838 гг. по расположению автографа в тетради Чертковской библиотеки.
Впервые: РС. 1875. № 9. С. 58.

К кому обращено стихотворение, не установлено (возможно, адресат был указан в утраченной верхней части листа). Здесь в самом общем виде эксплуатируется известный топос о непризнанном или изгнанном вожде (носителе гражданских добродетелей, гении, пророке, etc.). Именно универсальность топической конструкции позволяет легко спроецировать ее на любое конкретное историческое лицо, чья репутация позволяет сделать такую подстановку. Отсюда множественность интерпре-

таций данного текста Лермонтова — на роль «великого мужа» исследователи и читатели прочили не менее десяти исторических и даже литературных героев.

Так, существует версия, что Лермонтов, говоря о «великом муже», имел в виду гос. деятеля, автора проекта конституционного устройства России М. М. Сперанского (1772–1839); в 1812 г. Сперанский был отстранен от дел и сослан (см.: Попов 1984: 185–187). Высказывалось также предположение, что адресатом стихотворения был П. Я. Чаадаев (1794–1856), писатель и ученый, автор «Философических писем» (1829–1831). За публикацию в 1836 г. в журнале «Телескоп» первого письма, носившего резко обличительный характер, Чаадаев был официально объявлен сумасшедшим (см.: Лермонтов 1935–1937: II, 167; Найдич 1991: 72–82). В качестве «великого мужа» называли и М. Б. Барклая-де-Толли (1761–1818), заслуги которого как главнокомандующего русской армией в начале Отечественной войны 1812 г. не были должным образом оценены современниками. В возвышении непризнанного Барклая большую роль сыграло стихотворение Пушкина «Полководец», опубликованное в третьей книжке «Современника» (1836) и вызвавшее волну обсуждений, лишь отчасти проникших в печать из-за цензурных препятствий (Андроников 1951: 91–102). В менее аргументированных версиях рассматривались кандидатуры А. П. Ермолова, М. И. Кутузова, К. Ф. Рылеева, П. И. Пестеля, А. Н. Радищева, Н. Н. Раевского, П. А. Катенина, Н. С. Мордвинова и др. Само обилие возможных кандидатов (к числу которых легко можно прибавить и некоторое количество европейских или античных персонажей), возможно, свидетельствует о том, что у Лермонтовского «великого мужа» не было никакого реального прототипа.

Лит.: ЛЭ 1981: 81; Лермонтов 1935–1937: II, 166–169; Мануйлов, Модзалевский 1939: 125–164; Бродский 1948: 39–40; Закруткин 1957: 261–270; Иванова 1957: 269–279; Попов 1957: 76–79; Эйхенбаум 1961: 325–326; Пейсахович 1964: 432–434; Тарле 1965: 187–189; Мануйлов 1966: 66–68; Андроников 1967: 86–89; Ениколопов 1971: 157–160; Найдич 1991: 72–82; Эльзон 1996b: 204–206; Кормилов 2012: 7–29; Маркелов 2012: 128–134.

334. Смерть поэта («Погиб поэт! — невольник чести...»).

Автографы: 1) РГАЛИ. Ф. 427. Оп. 1. № 986. Л. 67–68 — черновой (ст. 1–56), без заглавия, в альбоме автографов С. А. Рачинского; 2) ОР РНБ. Ф. 429. № 8. Л. 1–1 об. — беловой (ст. 1–56), на отдельном листе, из архива В. Ф. Одоевского (в рукописи помета рукой Одоевского: «Стихотворение Лермонтова, которое не могло быть напечатано»); высказывалось предположение, что это не автограф, а копия; 3) РГАЛИ. Ф. 501. Оп. 1. № 140. Л. 1 — беловой (ст. 21–33), в письме Лермонтова к А. И. Тургеневу от середины ноября — второй половины декабря 1839 г. (см.: Т. 4. № 575).

Наиболее авторитетные копии, содержащие полный текст стихотворения: 1) ОР РГБ. Ф. 456. Карт. 1. № 3. Л. 14–15 — рукой М. А. Лопухиной, заглавие «На смерть Пушкина», подпись: «Михаил Лермантов», эпиграф отсутствует; 2) РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 3. № 9. Л. 26–27 об. — в деле «О непозволительных стихах, написанных корнетом лейб-гвардии гусарского полка Лермантовым, и о распространении оных губернским секретарем Раевским»; заглавие «На Смерть поэта», подпись: «М. Лермонтов» и дата под текстом: «28 Генваря 1837»;

эпиграф с пометой «Из трагедии»; 3) РО ИРЛИ. Ф. 244. Оп. 20. № 20. Л. 53–54 — неизвестной рукой, на отдельном листке, вклеенном в альбом С. Л. Пушкина, заглавие «На смерть А. С. Пушкина», подпись «Лермантов», эпиграф отсутствует; 4) РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 2. № 140. Л. 1–2 об. — на отдельном листке из собрания А. Е. Бурцева, заглавие «На смерть А. С. Пушкина», подпись: «М. Ю. Лермонтов», эпиграф отсутствует; 5) ОР РНБ. Ф. 429. № 60 — на отдельном листке, заглавие: «На смерть Пушкина», подпись: «Лермантов», под текстом дата: «1837 Года. Марта 25 дня»; эпиграф с пометой «Из трагедии».

Печатается по автографу из бумаг Одоевского (РНБ), последние 16 строк — по копии М. А. Лопухиной (РГБ). Копия из «Дела о непозволительных стихах...», обычно выбиравшаяся в качестве источника последних 16 стихов, содержит описки и пропуски и, очевидно, представляет собой один из множества списков, попавший в руки чиновников III Отделения. Более того, на неточности отдельных вариантов финальных строк указал товарищ Лермонтова А. М. Меринский (см. его письмо П. А. Ефремову от 3 февраля 1862 г. — РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 4. № 25. Л. 134–135), чьи свидетельства традиционно признаются авторитетными. Во избежание дополнительной контаминации в качестве источника ст. 57–72 был выбран список М. А. Лопухиной, текст которого дает варианты, совпадающие с указанными Меринским поправками.

Датируется 29 января — началом февраля 1837 г. по содержанию.

Впервые: ПЗ на 1856 г. 1856. Кн. 2. С. 31–32 (заглавие «На смерть Пушкина»; полный текст, без эпиграфа); БЗ. 1858. Т. 1. № 20. Стб. 635–636 (по черновому автографу из альбома С. А. Рачинского; без заглавия и последних 16 стихов); полностью — Лермонтов 1860: I, 61–63 (заглавие «На смерть Пушкина», без эпиграфа, с пропуском одного стиха).

Отклик на трагическую гибель Пушкина — дуэль и смерть, последовавшую 29 января 1837 г. Лермонтов был болен, когда до него дошла весть о роковой дуэли. О последних днях Пушкина он узнал от лечившего его доктора Н. Ф. Арендта, который навещал тяжело раненного поэта. Стихотворение создавалось не сразу: сначала, как законченное произведение, были написаны первые 56 строк, а после недолгого перерыва добавлена последняя, инвективная часть.

Только в некоторых копиях, например, копиях 2 и 5, имеется эпиграф к стихотворению, переведенный из трагедии французского писателя Ж. Ротру (Rotrou, 1609–1650) «Венцеслав» («Venceslas», 1648; Act IV. Sc. 5; см.: Rotrou 1820: 237):

Отмщенья, государь, отмщенья!
Паду к ногам твоим:
Будь справедлив и накажи убийцу,
Чтоб казнь его в позднейшие века
Твой правый суд потомству возвестила,
Чтоб видели злодеи в ней пример.

Grand roi, de l'innocence auguste protecteur,
Des peines et des prix juste dispensateur,
Exemple de justice inviolable et pure,
Admirable à la race et présente et future,
Prince et père à la fois, vengez-moi, vengez-vous,

Avec votre pitié mêlez votre courroux,
Et rendez aujourd'hui d'un juge inexorable
Une marque aux neveux à jamais mémorable.

Считается, что русский перевод заимствован Лермонтовым из переделки трагедии Ротру, осуществленной А. А. Жандром (1789–1873) в 1824 г. Однако соответствующий фрагмент пьесы Жандра, целиком не допущенной цензурой ни к постановке, ни к печати, — не сохранился, поэтому остается вероятность, что стихи для эпиграфа переведены с французского самим Лермонтовым (см.: Иванова 1970: 91–105).

С эпиграфом стихотворение стало печататься с 1887 г., когда были опубликованы следственные материалы по делу «О непозволительных стихах...» и среди них копия стихотворения. По своему характеру эпиграф не противоречит 16-ти заключительным строкам. Обращение к царю с требованием сурово покарать убийцу было неслыханной дерзостью: по словам А. Х. Бенкендорфа, «вступление <эпиграф> к этому сочинению дерзко, а конец — бесстыдное вольнодумство, более чем преступное» (Воспоминания 1989: 486). Нет оснований полагать поэтому, что эпиграф приписан с целью смягчить остроту заключительной части стихотворения, однако его текстологический статус делает сомнительным его включение в основной текст стихотворения, и без того контаминированный из двух источников.

Стихотворение разошлось во множестве списков; один из них с надписью «Воззвание к революции», по свидетельству современников, был доставлен Николаю I. Лермонтова и его друга, чиновника Министерства финансов С. А. Раевского, принимавшего участие в распространении стихов, арестовали и отдали под суд. 25 февраля 1837 г. по высочайшему повелению был вынесен приговор: «Л<ейб> гв<ардии> гусарского полка корнета Лермантова <...> перевесть тем же чином в Нижегородский драгунский полк, а губернского секретаря Раевского <...> выдержать под арестом в течение одного месяца, а потом отправить в Олонецкую губернию для употребления на службу, по усмотрению тамошнего гражданского губернатора» (ЛН. 1948. Т. 45–46. С. 349). В марте Лермонтов отправился в действующую армию на Кавказ, где в то время находился Нижегородский драгунский полк.

Ст. 1. *Погиб поэт! — невольник чести...* — Последнее выражение заимствовано из поэмы Пушкина «Кавказский пленник» (1820), содержащей известный автобиографический элемент: «Невольник чести беспощадной, / Вблизи видал он свой конец, / На поединках твердый, хладный, / Встречая гибельный свинец» (Пушкин 1937–1959: IV, 102–103).

Ст. 2, 13–14. *Пал, оклеветанный молвой <...> / Не вы ль сперва так злобно гнали / Его свободный, смелый дар...* — Тематическая линия клеветы, увязанной со смертью гения, возможно, отсылает к «Монодии на смерть Шеридана» Байрона («Monody on the Death of R. B. Sheridan», 1816; Byron 1828: 514–515) — подробнее см.: Воробьев 2009: 52–53. Близкое сопряжение см., однако, в более ранних стихах Жуковского о трагической судьбе В. А. Озерова, несомненно, релевантных для Лермонтова (см. ниже, примеч. к ст. 45–48).

Ст. 4. *Поникнув гордой головой...* — Вероятно, реминисценция из Пушкина, ср.: «Не клонит гордой головы» («Поэт», 1827; с рифмой *молвы*); «Ты не поник главой послушной» («Андрей Шенье», 1825).

Ст. 21–22. *Его убийца хладнокровно / Навел удар.* — Жорж Шарль Дантес (D'Anthès, 1812–1895), поручик л.-гв. Кавалергардского полка (с 1834). Усыновивший его нидерландский посланник барон Луи де Геккерен (Heeckeren, 1791–1884) ввел Дантеса в столичные аристократические салоны. За дуэль с Пушкиным Дантес был выслан во Францию.

Ст. 25–28. *...издалека, / Подобный сотням беглецов, / На ловлю счастья и чинов / Заброшен к нам по воле рока...* — Дантес прибыл в Петербург в 1833 г. после вандейского мятежа, как политический эмигрант.

Ст. 29–30. *Смеясь, он дерзко презирал / Земли чужой язык и нравы...* — Дантес сохранил французское подданство, русского языка он не знал. Эти и последующие строки, а также всю риторическую конструкцию и социальный пафос лермонтовского стихотворения У. Викери (2001: 140) сближал с инвективой В. К. Кюхельбекера «На смерть Чернова» (1825); см.: Кюхельбекер 1967: I, 207; стихотворение распространялось в списках.

Ст. 35–38. *Как тот певец, неведомый, но милой...* — В этом и следующих стихах — напоминание о Владимире Ленском из романа в стихах Пушкина «Евгений Онегин» (1823–1830). Иногда эти строки трактуются как намек на судьбу Андре Шенье (Гинзбург 1930: 92–94). Ю. М. Лотман (1996: 756–758) усматривал здесь, видимо, бессознательную аллюзию на стихи К. Н. Батюшкова из послания к П. И. Шаликову (1822): «Как Пушкина герой / Воспетый им столь сильными стихами» (Батюшков 1977: 377; автор имел в виду В. Л. Пушкина и его героя Буянова из поэмы «Опасный сосед»).

Ст. 39–41. *Зачем от мирных нег и дружбы простодушной ~ Для сердца вольного и пламенных страстей?* — Сознательная перекличка со строками из стихотворения Пушкина «Андрей Шенье» (1825): «Зачем от жизни сей, ленивой и простой, / Я кинулся туда, где ужас роковой, / Где страсти дикие, где буйные невежды, / И злоба и корысть!..» (Пушкин 1937–1952: II, 400).

Ст. 45–48. *И прежний сняв венок, — они венец терновой, / Увитый лаврами, надели на него: / Но иглы тайные сурово / Язвили славное чело...* — Цветочный венок — обычный атрибут поэта в анакреонтической традиции, символ беспечного веселья и любовных утех. Терновый венец, венец мученичества (твердо ассоциирующийся с распятием Христа) соединен с лавровым венцом, венцом славы. Некоторые из этих словосочетаний заставляют вспомнить послание В. А. Жуковского «К кн. Вяземскому и В. Л. Пушкину» (1814), где говорится о трагической судьбе драматурга В. А. Озерова (1769–1816), чье сумасшествие современники приписывали той атмосфере зависти и клеветы, которая создалась вокруг его последней трагедии «Поликсена» (1808): «Пусть Дружба нежными перстами / Из лавров ей венок свила — / В них Зависть терния вплела; / И торжествует: растерзали / Их иглы славное чело...» (Тынянов 1964: 103–106; Жуковский 1999–2013: I, 347; 705).

Ст. 57. *А вы, надменные потомки / Известной подлостью прославленных отцов...* — Этот и следующие за ним 15 стихов были написаны позже, чем начальные строфы — в ответ на суждения тех, кто оправдывал Дантеса. Точку зрения защитников Дантеса отстаивал, в частности, камер-юнкер Николай Аркадьевич Столыпин (1814–1884), родственник Лермонтова, навестивший поэта в первой половине

февраля. Впервые о «прибавлении» упоминается в письме старшего друга Пушкина, литератора и общественного деятеля А. И. Тургенева (1784–1845) к псковскому гражданскому губернатору А. Н. Пещурову (1779–1849) от 13 февраля (см.: ПиС. 1908. Вып. VI. С. 113). О том, кого имел в виду Лермонтов, говоря о «надменных потомках», дает представление один из списков стихотворения, в котором названы фамилии тех, кто, унаследовав «известную подлость» отцов, сочетал в себе «надменность» и «рабство»: графы Орловы, Бобринские, Воронцовы, Завадовские, князья Барятинские и Васильчиковы, бароны Энгельгардты и Фредериксы. В целом концепция этих строк опирается на пушкинские исторические представления о «новой аристократии», захватившей ключевые позиции в обществе и оттеснившей «старое дворянство», с судьбой которого Пушкин связывал национальную историческую и культурную традицию. К «обломкам игрою счастия обиженных родов» Лермонтов относил и самого Пушкина.

Ст. 65–67. *...Но есть и Божий суд... ~ Он не доступен звону злата...* — Высказывалось предположение (Лотман 1996: 544–545), что апелляция к «Божьему суду», который «недоступен звону злата», имеет в подтексте слова из покаянного монолога короля-убийцы Клавдия («Гамлет», д. III, сц. 3) и тем самым прямо целит в Николая I:

In the corrupted currents of this world
Offense's gilded hand may shove by justice,
And oft 'tis seen the wicked prize itself
Buys out the law. But 'tis not so above.
There is no shuffling. There the action lies
In his true nature...

(Shakespeare 1824: 1011)

...На нечистом
Потоке света может позлащенной
Преступник правду отклонить рукой,
Купить закон добычею богатства;
Но там не так! Там тщетны все предлоги,
Там в наготе дела порока видны...

(Шекспир 1828: 109; пер. М. П. Вронченко)

Ст. 66. *...Есть грозный суд: он ждет...* — По традиции, идущей от П. А. Ефремова, ссылавшегося на приятеля Лермонтова А. М. Меринского, этот стих в некоторых изданиях печатался: «Есть грозный судия: он ждет». Между тем в большинстве ранних копий стихотворения и в первых публикациях текста читается «суд», а не «судия». Сохранилось также стихотворение поэта П. А. Гвоздева (1815–1851), учившегося вместе с Лермонтовым в Юнкерской школе. Гвоздев 22 февраля 1837 г. написал ответ Лермонтову, содержавший строки, косвенно подтверждающие правильность первоначального чтения: «Не ты ль сказал: „Есть грозный суд!“ / И этот суд есть суд потомства...» (РС. 1896. № 10. С. 132; толкование Гвоздева не должно, однако, проецироваться на семантику лермонтовского текста).

Лит.: ЛЭ 1981: 511–513; Висковатов 1891: 237–251; Юшков 1893: 93; Терновский 1898: 116–118; Duchesne 1910: 359; Нейман 1914a: 105–106; Гинцбург 1915: 143–146; Котляревский 1915: 155–158; Эйхенбаум 1924a: 106–109; Щеголев 1929: I, 249–290; Блок 1934: 385–386; Дурылин 1934: 43–52; Бархин 1937: 16–35; Здобнов 1939: 269; Гинзбург 1940: 82–94; Ефимов 1940: 140–141; Благой 1941: 376–377, 380; Дурылин 1941b: 195–197; Нейман 1941c: 38–40; Нейман 1941b: 315–316, 322; Пумпянский 1941: 400–402; Эйхенбаум 1941a: 34–36; Боричевский 1948; Попов 1954: 21–23; Bowra 1955: 174; Иванова 1957: 212–213; Андроников 1958: 5–7; Иконников 1960: 75–78; Качурин, Шнеерсон 1961: 147–154; Эйхенбаум 1961: 326–327; Иконников 1962: 10–12, 68; Гладыш, Динесман 1963: 59–60; Архипов 1965: 227–303; Островская 1965; Андроников 1967: 5–76; Девицкий 1967: 45–47; Федоров 1967: 129–150; Giusti 1968: 286–287; Полотай 1968: 188–191; Девицкий 1970: 60–73; Кирпотин 1970: 264–267; Рейсер 1970: 182–183; Бочаров 1972: 50–54; Недзвецкий 1972: 239–247; Альбеткова 1973: 59–62; Удодов 1973: 202–209; Фризман 1973: 124–127; Сандомирская 1974; Чичерин 1977: 365–381; Рубанович 1980: 41–42; Мануйлов, Назарова 1984: 112–127; Ломинадзе 1985: 131–138, 183–188; Палкин 1986: 150–151; Макогоненко 1987: 3–9; Розанов 1990: 181–188; Эткинд 1992: 21–24; Найдич 1994a: 96–104; Полякова 1994; Эльзон 1996a: 113; Серман 1997: 134–139; Левинтон 1998: 190–215; Эткинд 1998: 175–177; Мурьянов 1999: 300–304; Долинин 2004b: 381–396; Кантор 2005: 198; Нилова 2007a: 249–252.

335. Узник («Отворите мне темницу...»).

Автограф: ОПИ ГИМ. Ф. 445. № 227а. Л. 62 — черновой (карандашом), без заглавия, в тетради Чертковской библиотеки.

Копия: РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 1. № 15. Л. 1 об. — в тетради 15.

Печатается по последней прижизненной публикации.

Датируется второй половиной февраля 1837 г. по свидетельству А. П. Шан-Гирея (см. ниже) и помете в: Лермонтов 1840: 41. Стихотворение, вероятно, было доработано перед его первой публикацией, т. е. не позднее начала декабря 1839 г., учитывая дату цензурного разрешения «Одесскому альманаху» (22 декабря 1839 г.) и время, необходимое для присылки текста из Петербурга, где находился Лермонтов, в Одессу.

Впервые: Одесский альманах на 1840 г. Одесса, 1839. С. 567–568; вошло в прижизненный сборник стихотворений: Лермонтов 1840: 39–41.

По свидетельству А. П. Шан-Гирея, стихотворение относится к февралю 1837 г. Лермонтов в это время (с 18 по 27 февраля; см.: Летопись 2003: 227–234) находился под арестом за стихи, написанные на смерть Пушкина. Поэт был помещен в одной из комнат верхнего этажа Главного штаба. «Под арестом к Мишелю пускали только его камердинера, приносившего обед; Мишель велел завертывать хлеб в серую бумагу и на этих клочках с помощью вина, печной сажи и спички написал несколько пьес, а именно: „Когда волнуется желтеющая нива“ <№ 337>; „Я, Матерь Божия, ныне с молитвою“ <№ 338>; „Кто б ни был ты, печальный мой сосед“ <№ 336>, и переделал старую пьесу „Отворите мне темницу“ <№ 293>, прибавив к ней последнюю строфу „Но окно тюрьмы высоко“» (Воспоминания 1989: 44–45). «Сосед» (№ 336) и «Узник» положили начало циклу «тюремной лирики» Лермон-

това, к которому можно отнести также «Соседка» (1840; № 387) и «Пленный рыцарь» (1840; № 388) — см.: Вацуро 2008: 609.

Ст. 21–24. *...за дверями, / Звучномерными шагами / Ходит в тишине ночной / Безответный часовой.* — Эти строки обнаруживают знакомство со стихотворением Н. М. Языкова «Конь» (1831): «Снова в дело, конь ретивый! / В сбруе легкой и красивой, / И блистающий седлом, / И бренчащий поводами, / Стройноверными шагами / Ты пойдешь под седоком» (Языков 1964: 314). Лермонтов варьирует типичный языковский неологизм (у Языкова: «стройноверными»). Ср. также стихи 12–16 в черновом автографе «Узника»:

Добрый конь без седока
Ходит мирно в чистом поле
Без узды один на воле
Топчет смело без подков
Зелень бархатных лугов.

Лит.: ЛЭ 1981: 589; Шевырев 1841: 530–531; Дурылин 1934: 35–38; Виноградов 1938: 291; Дурылин 1940: 33–37; Виноградов 1941: 368–372; Мордовченко 1941: 757–758; Белинский 1953–1959: IV, 123; Коровин 1959: 74; Эйхенбаум 1961: 76; Иконников 1962: 53–54; Максимов 1964: 157; Пейсахович 1964: 472, 479–480; Архипов 1965: 157–158; Островская 1965: 168–169; Рубанович 1972: 81–82; Проблемы мировоззрения 1973: 40–42; Удодов 1973: 79; Чичерин 1974: 417; Вацуро 1976: 225; Воспоминания 1989: 44–45; Васильев 1992: 131; Горланова 2003: 14–18; Гончарова 2004: 26–32; Дроздова 2007: 40–42; Вацуро 2008: 609; Силантьев 2009: 31–32; Терещенко 2010: 148–150.

336. Сосед («Кто б ни был ты, печальный мой сосед...»).

Автограф неизвестен.
Копия: РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 1. № 15. Л. 4 об. — в тетради 15.
Печатается по прижизненному изданию.
Датируется февралем 1837 г. по свидетельству А. П. Шан-Гирея (см. примеч. к № 335) и помете в: Лермонтов 1840: 164.
Впервые: Лермонтов 1840: 163–164.

Создание стихотворения связано с биографическими обстоятельствами — с арестом, которому был подвергнут Лермонтов за стихи «Смерть поэта» (18–27 февраля 1837 г.; см. примеч. к № 335).

Лит.: ЛЭ 1981: 523; Гинцбург 1915: 146–147; Бем 1924: 286–287; Лермонтов 1935–1937: 185–186; Пумпянский 1941: 416; Федоров 1941: 197; Шувалов 1941: 295; Эйгес 1948: 516–518; Максимов 1964: 144–147; Пейсахович 1964: 462; Коровин 1973: 75–76; Удодов 1973: 182–185; Ломинадзе 1985: 12; Розанов 1990: 273–277; Vickery 2001: 150–157.

337. «Когда волнуется желтеющая нива...».

Автограф: ОР РГБ. Ф. 500. Карт. 1. № 3. Л. 1 об. — беловой, на одном листе с автографом стихотворения «Ангел».

Копия: РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 1. № 15. Л. 3 об. — в тетради 15.

Печатается по первой прижизненной публикации (с исправлением опечаток в ст. 3 и 8, отмеченных в списке опечаток).

Датируется февралем 1837 г. по свидетельству А. П. Шан-Гирея (см. ниже) и помете в: Лермонтов 1840: 162.

Впервые: Лермонтов 1840: 161–162.

По свидетельству А. П. Шан-Гирея, написано во время пребывания Лермонтова под арестом за стихи на смерть Пушкина (18–27 февраля 1837 г.; см. примеч. к № 335). По предположению М. Л. Гаспарова (2001: 43–55), в лермонтовских стихах отразились основная идея и риторическая структура стихотворения А. де Ламартина «Le cri de l'âme» («Зов души») из третьей книги «Harmonies poétiques et religieuses» (Lamartine 1830: 149–150).

Лит.: ЛЭ 1981: 227; Орлов 1883: 38–39; Воскресенский 1886: 98–99, 108, 128–130; Браиловский 1893: 5–6; Розанов 1904: 11–20; Гинцбург 1915: 153–154; Котляревский 1915: 212; Соловьев 1914: 69–70; Ефимов 1940: 137–138; Пумпянский 1941: 417; Федоров 1941: 178–179; Белинский 1953–1959: IV, 532; Bowra 1955: 190; Иконников 1960: 82–83; Рубанович 1963: 70–71; Кедровский 1964: 128–139; Максимов 1964: 34–35; Архипов 1965: 35–39; Эйхенбаум 1969: 422–431; Удодов 1973: 179–189; Жирмунский 1975: 437–438, 480–481; Фохт 1975: 52–54; Сухарев-Мурышкин 1981: 122–132; Ломинадзе 1985: 102–106, 108–128; Матяш 1985: 140–147; Семенова 1989: 25–26; Серман 1997: 201–203; Адамович 1998: 385; Копельман 2000: 111–128; Рассказова 2004: 76–77.

338. Молитва («Я, Матерь Божия, ныне с молитвою...»).

Автографы: 1) ОПИ ГИМ. Ф. 445. № 227а. Л. 56 — беловой с правкой, в тетради Чертковской библиотеки, на одном листе со стихотворениями «Расстались мы; но твой портрет...» (№ 339) и «Ангел» (№ 225), заглавие: «Молитва странника» (фотокопия листа: РГАЛИ. Ф. 276. Оп. 1. № 66. Л. 10); 2) РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 1. № 34. Л. 2 об. — беловой, в письме Лермонтова от 15 февраля 1838 г. к М. А. Лопухиной (см.: Т. 4. № 568), заглавие «Молитва странника».

Копии: 1) РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 1. № 15. Л. 4 — в тетради 15, заглавие «Молитва странника»; 2) РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 1. № 47. Л. 1 об.–2 — рукой В. А. Соллогуба, на одном листе с автографом стихотворения «Ребенку» (№ 395) и копией стихотворения «А. О. Смирновой» (№ 369), заглавие «Молитва», дата: «1836»; 3) РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 1. № 50. Л. 1 — рукой В. П. Боткина, на отдельном листе, поднесенном Л. А. Бакуниной, без заглавия, подпись: «Лермонтов».

Печатается по последней прижизненной публикации с исправлением в ст. 2 по списку опечаток («Пред» вместо «Перед»).

Датируется февралем–апрелем 1837 г. по помете в: Лермонтов 1840: 44; и письму Лермонтова к М. А. Лопухиной от 15 февраля 1838 г. (см. ниже).

Впервые: ОЗ. 1840. Т. 11. № 7. Отд. 3. С. 1; вошло в прижизненный сборник стихотворений: Лермонтов 1840: 43–44.

Введено в текст письма Лермонтова к М. А. Лопухиной от 15 февраля 1838 г. под названием «Молитва странника»: «В заключение этого письма посылаю вам стихотворение, которое я случайно нашел в моих дорожных бумагах и которое мне даже понравилось именно потому, что я забыл его — впрочем, это ровно ничего не доказывает» (Т. 4. № 568). А. П. Шан-Гирей относил «Молитву» к числу тех стихотворений, которые Лермонтов написал, находясь под арестом 18–27 февраля 1837 г. (см. примеч. к № 335). Однако, принимая во внимание приведенные выше слова Лермонтова из письма к М. А. Лопухиной и приведенное там же заглавие стихотворения, вероятно, следует датировать «Молитву» первыми месяцами ссылки, то есть весной 1837 г.

Лит.: ЛЭ 1981: 284; Орлов 1883: 35; Лернер 1901: 529–532; Дурылин 1914: 29–30; Замотин 1914: 84–85; Розанов 1914a: 245–246; Соловьев 1914: 68; Шувалов 1914a: 323; Гинцбург 1915: 152–153; Дурылин 1916b: 5–24; Эйхенбаум 1924a: 114–115; Гоголь 1937–1952: VIII, 402; Федоров 1940: 111–112; Пумпянский 1941: 391–393; Шувалов 1941: 274, 286; Розанов 1942: 82; Белинский 1953–1959: IV, 529; Иванова 1957: 311; Lavrin 1959: 57–58; Григорьян 1964: 276–278; Максимов 1964: 102; Пейсахович 1964: 443; Gerlinghoff 1968: 136; Адамович 1998: 385; Русова 2005: 53–59; Котельников 2010: 92–93; Щенникова 2010: 246.

339. «Расстались мы; но твой портрет...».

Автограф: ОПИ ГИМ. Ф. 445. № 227а. Л. 56 — беловой с правкой, в тетради Чертковской библиотеки, на одном листе со стих. «Молитва» (№ 338) и «Ангел» (№ 225). Фотокопия листа: РГАЛИ. Ф. 276. Оп. 1. № 66. Л. 10.
Копия: РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 1. № 15. Л. 5 — в тетради 15.
Печатается по прижизненной публикации.
Датируется предположительно февралем — апрелем 1837 г. по положению автографа на одном листе с «Молитвой» и по помете в: Лермонтов 1840: 165.
Впервые: Лермонтов 1840: 165.

Стихотворение восходит к раннему тексту Лермонтова «Я не люблю тебя; страстей...» (1831; № 243), обращенному к Е. А. Сушковой. Мотив разлуки и бесконечности любовного чувства восходит к Байрону — к его стихотворению «Стансы к***, написанные при отплытии из Англии» («Stanzas to a Lady on leaving England», 1809; известен также рассказ Байрона о портрете-миниатюре Мэри Чаворт, с которым поэт не расставался; см. примеч. к № 205 и 241).

Ст. 7–8. *Так храм оставленный — всё храм, / Кумир поверженный — всё бог!*— См. примеч. к № 243.

Лит.: ЛЭ 1981: 462–463; Голицын 1888: 515–516; Дюшен 1914: 128–129; Гинцбург 1915: 151; Бем 1924: 283; Эйхенбаум 1924a: 42–44; Сушкова 1928: 175–176; Bowra 1955: 184–185; Gerlinghoff 1968: 135–136; Удодов 1973: 136–139; Удодов 1973: 5–9; Глассе 1979: 119; Лотман 1996: 163–172.

340. **<Эпиграмма на Н. Кукольника>**
(«В Большом театре я сидел...»).

Автограф: ОПИ ГИМ. Ф. 445. № 227а. Л. 56 об. — беловой, в тетради Чертковской библиотеки, записан сразу вслед за зачеркнутым первоначальным вариантом:

Сидел в театре я один
И молча Скопину дивился.
Когда же занавес упал,
Сосед мой жалобно сказал:
Как жаль, что умер наш Скопин:
Ну, право, лучше б не родился.

Печатается по автографу.
По положению в тетради Чертковской библиотеки (ГИМ) датируется предположительно январем–апрелем 1837 г.: на обороте этого листа записаны стихотворения «Молитва странника» («Молитва», № 338) и «Расстались мы; но твой портрет...» (№ 339), относящиеся к началу 1837 г. Биографические обстоятельства (см. ниже) могут сдвинуть верхнюю границу датировки на ноябрь–декабрь 1836 г.
Впервые: РС. 1875. № 9. С. 59.

Написано в связи с постановкой драмы Н. В. Кукольника (1809–1868) «Князь Михаил Васильевич Скопин-Шуйский» (первое представление на Александринской сцене в Петербурге — 14 января 1835 г.). Лермонтов мог смотреть пьесу лишь 25 октября 1836-го или 20 января 1837 г. в Петербурге (ИРДТ 1977–1987: III, 264).

Лит.: ЛЭ 1981: 631; Дурылин 1941а: 38–39; Мануйлов 1964: 141; Лермонтов 1964: I, 674; Пейсахович 1964: 461; Оксман 1964: 646–647; Лермонтов 1975–1976: I, 600–601; Скобелева 2005: 67–69; Ермоленко 2006: 36–40; Нилова 2006: 122–133.

341. Послание («Катерина, Катерина!..»).

Автограф — в домашнем альбоме А. М. Верещагиной, под текстом подпись: «М. Л.»; находился в частном собрании семьи фон Кёниг (Германия, Бавария, замок Вартхаузен); нынешнее местонахождение не установлено.
Печатается по факсимиле автографа (Андроников 1964: 237).
Датируется мартом — апрелем 1837 г., как и другие записи Лермонтова в этом альбоме, заполнявшемся не ранее 1836 г. После 1836 г. Лермонтов был в Москве с 23 марта по 10 апреля 1837 г., когда и мог встречаться с Верещагиной (Летопись 2003: 237–240).
Впервые: Андроников 1964: 236 (по автографу).

Адресовано Е. А. Сушковой (см. примеч. к № 105). Стихотворение представляет собой насмешливую реплику поэта на сделанные Сушковой в этом же альбоме французские записи изречений св. Августина — на листке голубого цвета.

Лит.: ЛЭ 1981: 435–436; Андроников 1967: 236–239; Глассе 1979: 118.

342. Бородино («Скажи-ка, дядя, ведь недаром...»).

Автограф неизвестен.
Печатается по последней прижизненной публикации.
Датируется не позднее середины апреля 1837 г. по помете в: Лермонтов 1840: 38; и дате цензурного разрешения «Современнику», где стихотворение появилось впервые (см. ниже).

Впервые: Современник. 1837. Т. 6. № 2. С. 207–211; вошло в прижизненный сборник стихотворений: Лермонтов 1840: 33–38.

П. А. Висковатов полагал, что «Бородино» было написано Лермонтовым уже на Кавказе, в ссылке, а не в Москве: «Раевский в объяснительной записке своей о стихах Лермонтова на смерть Пушкина, желая выгородить друга и выставить его патриотизм, выискивает проникнутые патриотизмом стихотворения Михаила Юрьевича. Если бы „Бородино“ было уже написано, он не преминул бы упомянуть о нем вместе с другими» (Висковатов 1891: 259). Однако цензурная дата номера «Современника», где было напечатано «Бородино», — 2 мая 1837 г. Это означает, что стихотворение должно было быть послано в Петербург не позднее середины апреля 1837 г., т. е. могло быть закончено как до отъезда Лермонтова из Петербурга (19 марта), так и в Москве (где поэт пробыл с 23 марта по 10 апреля) или даже по дороге в Ставрополь (см.: Летопись 2003: 237–240).

В 1837 г. исполнялось двадцать пять лет со времени Отечественной войны 1812 г. Этот юбилей был важен как для официальной идеологии, развивающейся в рамках «уваровской триады» («православие, самодержавие, народность»), так и для различных общественных кругов, в том числе и оппозиционных. Таким образом формировался своего рода социальный заказ, на который в массовом порядке откликнулся литературный цех. Уже с 1836 г. стали во множестве появляться всевозможные «записки», «рассказы» и воспоминания участников Отечественной войны, исторические очерки и романтические новеллы. Лермонтов не остался равнодушным к общественному запросу: он радикально переделывает свою старую пьесу «Поле Бородина» (1830; № 163), конструируя вместо патетического монолога, в котором были видны следы одического стиля (в изводе «Певца во стане русских воинов» Жуковского), — диалог, свободный разговор старого служаки с молодыми слушателями. Солдатское просторечие, как поэтическое средство, было до того использовано, в частности, Пушкиным (ср. в его «Гусаре»: «Ты, хлопец, может и не трус, / Да глуп, а мы видали виды», «Занес же вражий дух меня / На распроклятую квартеру»). С. П. Шевырев справедливо отметил и другой источник лермонтовской стилизации: «В военной песенке „Бородино“ есть ухватки, напоминающие музу в кивере Дениса Давыдова» (Москвитянин. 1841. Ч. II. № 4. С. 533). Наконец, в «Бородине» эти стилистические пласты органично согласуются с возвышенной героической интонацией, в то же время лишенной архаической выспренности.

Опыт Лермонтова тем более удачен, что текст «Бородина» оказался почти свободен от предвзятых идеологических установок: именно поэтому лермонтовский шедевр могли присвоить и использовать самые разные общественные группы — вследствие этой универсальности, «Бородино» быстро проникло в школьные хрестоматии и книги для народа (см.: Вдовин 2013: 311) и тем самым стало одним из главных источников внесословной патриотической риторики.

Об исторических источниках стихотворения см.: Т. 4, примеч. к юношескому сочинению Лермонтова «Le champ de Borodino» (№ 592)

Лит.: ЛЭ 1981: 67–68; Скабичевский 1879: 16–17; Орлов 1883: 59; Браиловский 1893: 6–10; Александров 1913: 87–97; Нейман 1914a: 104–105; Семенов 1914b:

109–117; Соловьев 1914: 40–41; Гинцбург 1915: 149; Гинцбург 1915: 149–150; Белый 1917: 198–199; Егоров 1922: 47–48; Гроссман 1928; Дурылин 1934: 30–33; Виноградов 1938: 289–291; Дурылин 1939: 10–12; Евгеньев 1939: 296–302; Касторский 1939: 160–161; Мануйлов 1939: 37; Гинзбург 1940: 205; Эйхенбаум 1940: 330–331; Азадовский 1941: 250–251; Дурылин 1941b: 181–186, 190–191; Михайлова 1941: 158–160; Пумпянский 1941: 411–412, 421; Эйхенбаум 1941a: 34; Эйхенбаум 1941b: 180; Прянишников 1946: 243–253; Заславский 1947: 33–34; Бродский 1948: 4–67; Попов 1949: 13–27; Gregoire 1951: 145–159; Попов 1954: 34; Bowra 1955: 1921–194; Белинский 1953–1959: I, 503–504; Цурикова 1955: 412–413; Пятницкая 1958: 205–219; Lavrin 1959: 96; Краснов 1959: 9–10; Азадовский 1960: 243–248; Семенов 1960: 101–118; Ефимова 1961: 89–95; Эйхенбаум 1961: 72–73; Иконников 1962: 55–58; Нейман 1963: 402–403; Бродский 1964: 100–117, 181–196; Кретов 1964: 131–132; Максимов 1964: 137–141; Пейсахович 1964: 446–466, 484–485; Архипов 1965: 190–191, 400–410; Андроников 1967: 77–93; Гербстман 1967: 281–282; Петровский 1967: 25–40; Guisti 1968: 192–193; Кирпотин 1970: 263; Гончаров 1973: 115–116; Коровин 1973: 59–66; Нейман 1973: 338–339; Кузьмин 1974: 222–245; Фохт 1975: 56–58; Фризман 1975: 212–214; Напольнова 1976: 114–119; Пульхритудова 1979: 299–305; Турбин 1979: 392–403; Розенов 1982: 124–129; Баевский 1983: 469–471; Левидов 1983: 93–94; Андроников 1984: 21–23; Панченко 1984: 202–203; Виноградов ... Симанович 1984: 31–45; Кривошапова 1987: 57–58; Макогоненко 1987: 274–284; Коган 1988: 68–77; Горланов 1989: 97–105; Ломинадзе 1989: 73–80, 201–284; Буранок 1990: 106–118; Матяш 1992: 112–121; Ходанен 1994a: 32–36; Медриш 1996: 89–94; Серман 1997: 129–133, 189; Ладыгин 2002: 64; Сиротин 2002: 335–508; Щеблыкин 2003b: 51–68; Рымашевский 2004: 55–57; Фризман 2005: 356–368; Бочаров 2007: 542–543; Попов 2007: 747–750; Логунова 2010: 55–58; Пронин 2011: 49–50; Гринбаум 2012: 195–212; Сахаров 2012: 89–106; Абрамов 2013: 9–17; Ходанен 2013: 176–186; Кормилов 2014: 27–38.

343–344. <Эпиграммы на Ф. Булгарина, I и II>.

Автограф: ОР РНБ. Ф. 429. № 10. Л. 1 — беловой, с поправкой в ст. 3 первой эпиграммы, на отдельном листе, из бумаг Е. П. Ростопчиной. На обороте листа — эпиграммы «Се Маккавей-водопийца...» и «Остаться без носу — наш Маккавей боялся...» (№ 346–347).
Копия: ОР РНБ. Ф. 429. № 63. Л. 1 — эпиграмма I, рукой Е. П. Ростопчиной, на отдельном листке; на его обороте начата карандашная запись 1-й строки эпиграммы «Се Маккавей водопийца кудрявые речи...».
Печатаются по автографу.
Датируются предположительно по содержанию апрелем 1837 г.
Впервые: ЛН. 1952. Т. 58. С. 359.

Эпиграммы адресованы Ф. В. Булгарину (1789–1859), редактору газеты «Северная пчела», негласному агенту III Отделения Собственной Е. И. В. канцелярии. Булгарину посвящен ряд пушкинских памфлетов и эпиграмм, которые, скорее всего, знал Лермонтов и на которые он ориентировался при создании сатирических стихов, обращенных к тому же адресату.

В 1837 г. под именем Булгарина вышла в свет книга Н. А. Иванова «Россия в историческом, статистическом, географическом и литературном отношениях...»

(СПб., 1837). Книга успеха не имела, ее не покупали, в связи с чем Булгарин напечатал в «Северной пчеле» (1837, 30 и 31 марта) объявление, где откровенно рекламировал издание. Это, видимо, и послужило поводом для создания лермонтовских эпиграмм.

№ 343. Ст. 2. *Не в первый раз, как вам известно* (№ 344. Ст. 2. *И уж не в первый раз, злодей*) — Строки эти содержат намек на польское происхождение и иностранную службу Булгарина (в 1812 г. состоял в армии Наполеона).

Лит.: ЛЭ 1981: 631; Найдич 1952а: 359–368; Пейсахович 1964: 459.

345. «Тебе, Кавказ, суровый царь земли...» (I).

Автограф: РГАЛИ. Ф. 3290 (собрание И. С. Зильберштейна, не разобрано); воспроизведено: ЛН. 1941. Т. 43–44. Кн. 1. С. 24.

Копия: РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 2. № 49. Л. 1 — на отдельном листке, неизвестной рукой, подписано: «М. Лермонтов», из собрания А. А. Краевского.

Печатается по автографу с исправлением описки в ст. 21 («Всё» вместо «Всего»).

Датируется серединой мая 1837 г. по расположению автографа на одном листе с рисунком Лермонтова, содержащим помету: «21 мая <1837 года> после прогулки на мельницу Волобуева».

Впервые: Лермонтов 1880: I, 554 (не полностью, в качестве варианта посвящения к поэме «Демон»); Лермонтов 1954–1957: II, 234 (полностью, включая зачеркнутые ст. 10–11).

Статус текста не вполне определен. П. А. Ефремов, первым опубликовавший стихотворение по автографу (см.: Лермонтов 1880: I, 554), полученному от П. И. Бартенева, счел его другой редакцией «Тебе, Кавказ, суровый царь земли...» (II), которое начиная с публикации 1855 г. устойчиво трактовалось как один из вариантов посвящения к поэме «Демон» (подробнее см. примеч. к этому стихотворению, № 365; см. также: Т. 2. С.222, 516). В этом качестве «Тебе, Кавказ, суровый царь земли...» (I) печатался в ряде авторитетных изданий, вплоть до Лермонтов 1935–1937, — см.: Эйхенбаум, Халабаев 1926: 269; Эйхенбаум, Халабаев 1931: 313–314.

Пересмотр этого решения был связан с обнаружением и публикацией в юбилейном 1941 г. автографов обоих стихотворений с зачином «Тебе, Кавказ, суровый царь земли...» на отдельных листах (см.: ЛН. 1941. Т. 43–44. Кн. 1. С. 17, 24). На этом основании в издании Лермонтов 1954–1957 (II, 234) текст был впервые напечатан как отдельное стихотворение, «так как ни автограф, ни копия Краевского не дают никаких оснований считать его посвящением к „Демону“. Оно отсутствует во всех автографах и авторитетных списках поэмы „Демон“» (Там же: 370). Это решение было поддержано в примечаниях к изданию Лермонтов 1979–1981 (II, 564), но в основном корпусе не отразилось: текст «Тебе, Кавказ, суровый царь земли...» (I) был помещен не как отдельный текст в томе стихотворений, но — в качестве первоначального варианта «Тебе, Кавказ, суровый царь земли...» (II) — среди ранних редакций «Демона» (Лермонтов 1979–1981: II, 487).

В настоящем издании мы помещаем текст в томе стихотворений, исходя из того, что его прямая связь с поэмой «Демон» не может быть фактически обосно-

вана, а совпадение фрагментов текста (ст. 1–4) с посвящением к «Аулу Бастунджи» и «Тебе, Кавказ, суровый царь земли...» (II), статус которого также неясен, не доказывает общность этих замыслов, учитывая пристрастие Лермонтова к самоповторам и автоцитатам. Более того, все потенциальные реконструкции существенно затрудняются черновым характером текста, правка в котором не была доведена до конца.

В отличие от посвящения к «Аулу Бастунджи» и «Тебе, Кавказ, суровый царь земли...» (II), написанных октавами, в этом наброске Лермонтов обращается к иной строфической форме — 11-стишию (так называемой «лермонтовской строфе», aBaBaCCddEE), построенному по образцу байроновской строфы «Паломничества Чайльд-Гарольда» (см.: Пейсахович 1964: 486–487). Такой строфой Лермонтов написал поэмы «Сказка для детей» (Т. 2. № 477) и «Сашка» (Т. 2. № 470), а 11-стишием с несколько иной схемой рифмовки (aBaBcDDccEE) и последним 6-стопным стихом — стихотворение «Памяти А. И. О<доевско>го» (№ 375). Близкие образно-фразеологические переклички с «Сашкой» (см. построчные примечания) и более дальние — со стихотворением «Памяти А. И. О<доевско>го» позволяет предположить, что этот черновой текст был попыткой разработки не поэмной, а лирической 11-строчной строфы, что было окончательно реализовано уже в стихотворении «Памяти А. И. О<доевско>го».

Ст. 12–16. *И мысль моя, свободна и легка, / Бродила по утесам, где, блистая / Лучом зари, сбирались облака, / Туманные вершины омрачая, / Косматые, как перья шишака...* — ср. сходные образы в поэме «Сашка»: «О, я люблю густые облака, / Когда они толпятся над горою, / Как на хребте стального шишака / Колеблемые перья!..» (Т. 2. С. 333), а также в Ереванском списке «Демона»: «Все так же бродят облака, — / На них роскошно колебаясь, / То развиваясь, то свиваясь / Как будто перья шишака, — / И, пляской заняты воздушной, / На землю смотрят равнодушно» (Т. 2. С. 519). См. также в поэме «Аул Бастунджи» (Т. 2. С. 229).

Лит.: ЛЭ 1981: 574; Эйхенбаум 1941а: 17, 24; Городецкий 1958: 240; Пейсахович 1964: 477, 484–487; Андроников 1967: 602–604.

346–347. «Се Маккавей водопийца...»; «Остаться без носу — наш Маккавей боялся...».

Автограф: ОР РНБ. Ф. 429. № 10. Л. 1 об. — беловой, на обороте листа, где записаны две эпиграммы на Булгарина. Двустишие «Остаться без носу — наш Маккавей боялся...» записано карандашом сверху.

Печатаются по автографу.

Датируются маем — началом (до 10) августа 1837 г. по расположению автографа на обороте листа с эпиграммой на Булгарина (см. примеч к стих. «<Эпиграммы на Ф. Булгарина, I и II>», № 343–344) и исходя из предположения, что имеются в виду Кавказские минеральные воды, где Лермонтов был летом 1837 г.

Впервые: ЛН. 1952. Т. 58. С. 359.

Адресаты эпиграмм, написанных на Кавказских минеральных водах, где Лермонтов был летом 1837 г., не установлен, и поэтому смысл сравнения его с Маккавеем (см. ниже) остается неясным. Считается, что речь идет о каком-то доносчике,

агенте III Отделения Собственной Е. И. В. канцелярии. В этой связи называлось имя бывшего на водах генерала И. Н. Скобелева (1778–1849), однако никаких документальных подтверждений эта гипотеза не получила. Адресатами эпиграмм считали (так же бездоказательно) Н. И. Тарасенко-Отрешкова (1805–1873) и А. Л. Элькана (1786–1868), связанных с III Отделением. В пользу кандидатуры Элькана говорит то, что он к этому времени уже послужил мишенью желчного лермонтовского остроумия (прототип Шприха из «Маскарада»; Т. 3. С. 570), к тому же еврейское происхождение Элькана можно соотнести с прозвищем Маккавей (Иуда Маккавей, библейский персонаж, вождь народного восстания в Иудее против власти Селевкидов во II в. до н. э). Однако до сих пор ничего не известно о пребывании Элькана на Кавказских минеральных водах в указанный период.

Первая эпиграмма написана дериватом гекзаметра, с неупорядоченным чередованием пяти-, шести- и семи-иктных строк. Заметны черты гомеровской стилизации, прежде всего нарочито многосоставные слова.

Каламбур *остаться с носом / остаться без носа*, лежащий в основе второй эпиграммы, был ранее использован Пушкиным в четверостишии 1821 г. (опубл. 1881): «Лечись — иль быть тебе Панглосом, / Ты жертва вредной красоты — / И то-то, братец, будешь с носом, / Когда без носа будешь ты» (Пушкин 1937–1959: II, 206). Обе эпиграммы намекают на последствия венерической болезни.

Лит.: ЛЭ 1981: 500; Найдич 1952а: 359–368; Пейсахович 1964: 425; Жаткин 2002: 50–53; Скобелева 2005: 45–52.

348. <**А. Петрову**> («Ну что скажу тебе я спросту?..»).

Автограф неизвестен.

Копия: РО ИРЛИ. № 4224. Л. 7 — Г. П. Данилевского в альбоме С. Н. Степанова, датированная 19 февраля 1855 г.; в копии пояснение: «Неизданное стихотворение Лермонтова. Продиктовано А. П. Петровым Г. П. Данилевскому в 1846 году в Москве»; по этой копии сделана первая публикация в РА. 1864.

Печатается по публикации А. П. Петрова в РА. 1867.

Датируется предположительно октябрем 1837 г. (Летопись 2003: 272–273) на основании воспоминаний А. П. Петрова (см. ниже).

Впервые: РА. 1864. № 10. Стб. 1088 (под заглавием «Ребенку», с неточностями в ст. 1–2; РА. 1867. № 7. Стб. 1175 (уточненный текст по сообщению А. П. Петрова).

Текст копии Данилевского и РА. 1864:

Ну что тебе сказать мне спросту?
Мне не с сродни хвала и лесть...
Дай Бог тебе побольше росту,
Другие качества — все есть!

Иной вариант текста приведен в публикации И. Власова (Власов 1928: 7), который, по его словам, пользовался автографами поэта, хранившимися в Иваново-Вознесенском губернском музее:

Что мне сказать тебе по просту,
Мне чужды похвала и лесть, —
Дай бог тебе побольше росту,
Другие качества все есть.

Экспромт относится к Аркадию Павловичу Петрову (1825–1895), троюродному брату Лермонтова, в 1837 г. двенадцатилетнему мальчику. Вписан в его детский альбом. Как следует из воспоминаний А. П. Петрова, Лермонтов «в 1837 г., во время служения своего в Нижегородском драгунском полку, <...> находился в Ставрополе, перед приездом туда государя Николая Павловича» и навещал отца мемуариста, П. И. Петрова, бывшего тогда начальником штаба»: «он совершенно родственно старался развлекать грусть его по кончине жены, приходившейся Лермонтову двоюродной теткой» (РА. 1867. № 7. Стб. 1175).

Лит.: ЛЭ 1981: 414; Пейсахович 1964: 423; Скобелева 2008: 82–88.

349. «Слышу ли голос твой...».

Автограф: ОПИ ГИМ. Ф. 445. № 227а. Л. 46 об. — черновой, в тетради Чертковской библиотеки (фотокопия: РГАЛИ. Ф. 276. Оп. 1. № 66. Л. 5).

Печатается по автографу.

Датируется предположительно ноябрем 1837 г. по расположению автографа на том же листе, что и запись «Я в Тифлисе...» (Т. 4. № 520), которую уверенно относят к этому времени по биографическим основаниям.

Впервые: Вчера и сегодня. 1845. Кн. 1. С. 92 (под заглавием «Неотделанное стихотворенье»; текст с неточностями).

По содержанию связано со стихотворениями «Как небеса, твой взор блистает...» и «Она поет — и звуки тают...» (№ 351, 354), по всей вероятности, относящимися к одному лицу и написанными в тот же период. Возможно, названные стихи обращены к известной певице П. А. Бартеневой (1811–1872; см.: Найдич 1964: 17). В 1838–1841 гг. Бартенева одновременно с Лермонтовым часто бывала в литературных салонах Карамзиных и А. О. Смирновой (1809–1882); в августе–сентябре 1838 г. Лермонтов и Бартенева готовились выступить в любительском спектакле на вечере у Карамзиных, где должны были исполнять главные роли.

Адресатами стихотворения называли также дочь поэта А. Г. Чавчавадзе Е. А. Чавчавадзе (1816–1882; см.: Шадури 1964а: 102–108) и С. М. Виельгорскую (в замужестве гр. Соллогуб, 1820–1878; см.: Герштейн 1964: 225–237).

Лит.: ЛЭ 1981: 510–511; Гинцбург 1915: 186–187; Дурылин 1916а: 133; Киселев 1916; Шувалов 1941: 276–277; Gerlinghoff 1968: 131–132; Чичерин 1974: 413; Найдич 1994а: 130–132.

350. «Спеша на север издалека...».

Автограф: ОПИ ГИМ. Ф. 445. № 227а. Л. 45 — беловой, в тетради Чертковской библиотеки (фотокопия: РГАЛИ. Ф. 276. Оп. 1. № 66. Л. 4). По позднему сообщению М. Н. Лонгинова (РВ. 1860. Т. 26. № 4. Кн. 2. С. 387), последние два

стиха были вписаны в автограф при подготовке посмертной публикации стихотворений Лермонтова (см. ниже), однако это сообщение Лонгинова об обстоятельствах появления поправки грешит неточностями; не подтверждает его указание и характер рукописи. Ср. заметку П. А. Ефремова в тетради его подготовительных выписок к изданию Лермонтова: «Все стих<отворение> написано рукою Л<ермонтова> и поэтому Лонгинов врет, говоря <...> будто 2 последние стиха приписаны <...> (и чернила и почерк — все одно)» (РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 2. № 43. Л. 3).

Копия: ОР РГБ. Ф. 99. Карт. 16. № 60. Л. 1–1 об. — рукой М. В. Киреевской, под заглавием «Казбек».

Печатается по автографу.

Предположительно датируется концом 1837 г. (по биографическим основаниям). Написано, по всей вероятности, в начале декабря 1837 г. на пути из Тифлиса во Владикавказ (см.: Летопись 2003: 279).

Впервые: Вчера и сегодня. 1845. Кн. 1. С. 93–94 (под заглавием «Казбеку», с цензурными купюрами в ст. 12 и 23 и неточностями в ст. 4 и 35); уточнения и поправки к публикации «Вчера и сегодня»: БЗ. 1859. Т. 2. № 1. Стб. 20. «В 3-й строфе последнее слово: *Аллы* и в 6-й строфе слова: *со дня изгнанья*» были исключены Петербургским цензурным комитетом на заседании 6 марта 1845 г. по представлении стихотворений для «Вчера и сегодня» цензором А. И. Фрейгангом (см.: Здобнов 1939: 264–265; РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 3. № 82. Л. 1; РГИА. Ф. 777. Оп. 1. № 1828. Л. 13).

Ст. 5–8. *Чалмою белою от века ~ Твой гордый мир не возмутит.* — Эта строфа текстуально совпадает с заключительными строками поэмы «Демон»: «Скала угрюмого Казбека / Добычу жадно сторожит, / И вечный ропот человека / Их вечный мир не возмутит» (Т. 2. С. 423).

Ст. 35–36. *И прах бездомный по ущелью / Без сожаления развей.* — Реминисценция из стихотворения А. И. Одоевского (1802–1839) «Куда несетесь вы, крылатые станицы?» (1837–1838): «...кровью жаркою обрызганный чакал / Гостей бездомный прах разбросит по ущельям» (Одоевский 1958: 174).

Лит.: ЛЭ 1981: 524–525; Абрамович 1910–1913: II, 471; Семенов 1914b: 76, 169; Гинцбург 1915: 154–155; Здобнов 1939: 264; Эйхенбаум 1941a: 38–40; Попов 1954: 126; Эйхенбаум 1961: 77–78; Кедровский 1964: 128–139; Максимов 1964: 100–101; Соколов 1964: 195; Андроников 1967: 267; Найдич 1976b: 117–123; Ломинадзе 1985: 139–144; Холмухамедова 1985: 17; Аксаков 1995: 124–125; Серман 1997: 164–166.

351. «Как небеса, твой взор блистает...».

Автограф: ОПИ ГИМ. Ф. 445. № 227а. Л. 63 об. — беловой с правкой, в тетради Чертковской библиотеки; верх листа оборван, начальные строки стихотворения, очевидно, не сохранились (фотокопия: РГАЛИ. Ф. 276. Оп. 1. № 66. Л. 12).
Копия: РГАЛИ. Ф. 276. Оп. 1. № 67а. Л. 6–6 об. — в тетради стихотворений Лермонтова, полученных Е. П. Ростопчиной от Л. И. Арнольди и затем переданных А. Н. Афанасьеву для публикации в БЗ.
Печатается по автографу.

Датируется предположительно концом 1837 — началом 1838 гг. по расположению автографа на одном листе с черновиком последних строф поэмы «Тамбовская казначейша» (Т. 2. № 473), законченной не позднее начала февраля 1838 г. (см. письмо Лермонтова к М. А. Лопухиной от 15 февраля 1838 г. с упоминанием о том, что он отнес поэму В. А. Жуковскому: Т. 4. № 568).
Впервые: БЗ. 1859. Т. 2. № 1. Стб. 22–23.

По мнению И. З. Сермана (1997: 88–90), развернутое уподобление взгляда и голоса возлюбленной кинжалу восходит к стихотворению В. Г. Бенедиктова «Бранная красавица» (1835), посвященному другому холодному оружию — сабле. О возможных адресатах см. примечания к стихотворению «Слышу ли голос твой...» (№ 349).

Ст. 13–15. *Но жизнью бранной и мятежной / <...> Как услыхал твой голос нежный....* — Неоднократно указывалось, что выражение «твой голос нежный» и рифма «мятежной — нежный» являются здесь реминисценцией из стихотворения Пушкина «К***» («Я помню чудное мгновенье...», 1825; см.: Пушкин 1937–1959: II, 406). Однако данная рифма (как и выражение «твой / свой/ сей / тот голос нежный») широко употреблялась в русской поэзии и до 1825 г. (зафиксирована, в частности, у Н. М. Карамзина, Н. А. Львова, В. В. Капниста, Е. А. Боратынского); указанная рифмопара получила статус поэтического клише уже с середины 1820-х гг.

Лит.: ЛЭ 1981: 215; Гинцбург 1915: 157–158; Бем 1924: 287; Шадури 1964а: 102–108; Найдич 1964: 17; Герштейн 1986: 85–95; Серман 1997: 89; Лотман 1998: 115–118.

352. «Гляжу на будущность с боязнью...».

Автограф: ОПИ ГИМ. Ф. 445. № 227а. Л. 43 — беловой с правкой, в тетради Чертковской библиотеки (фотокопия: РГАЛИ. Ф. 276. Оп. 1. № 66. Л. 2).

Копия: РГАЛИ. Ф. 276. Оп. 1. № 67а. Л. 2–2 об. — в тетради стихотворений Лермонтова, полученных Е. П. Ростопчиной от Л. И. Арнольди и затем переданных А. Н. Афанасьеву для публикации в БЗ.

Печатается по автографу.

Датируется предположительно концом 1837— началом 1838 гг. по расположению автографа на одном листе с черновиком посвящения к поэме «Тамбовская казначейша» (Т. 2. № 473), законченной не позднее начала февраля 1838 г. (см. письмо Лермонтова к М. А. Лопухиной от 15 февраля 1838 г. с упоминанием о том, что он отнес поэму В. А. Жуковскому: Т. 4. № 568).

Впервые: Вчера и сегодня. 1845. Кн. 1. С. 95 (под заглавием «Гляжу и пр.», с рядом неточностей, вызванных трудностями прочтения автографа); уточнения текста: БЗ. 1859. Т. 2. № 1. Стб. 20.

Первоначальную редакцию стихотворения представляет набросок «Мое грядущее в тумане...» (№ 332). Стихотворение написано одической строфой (AbAbCCdEEd) и, по мнению У. Викери, перекликается с более ранним текстом «Когда б в покорности незнанья...» (1831; № 218), где употребляется та же строфическая форма (Vickery 2001: 165–168).

Ст. 3. *И, как преступник перед казнью...* — Цитата из баллады В. А. Жуковского «Адельстан» (1813): «Как преступник перед казнью, / Адельстан затрепетал»

(Жуковский 1999–2013: III, 27). Ср. также у А. И. Полежаева: «Как злой преступник перед казнью, / Непостижимою боязнью / Мой дух смущенный замирал...» («Кольцо», 1832; Полежаев 1987: 107).

Лит.: ЛЭ 1981: 113–114; Шувалов 1914b: 139, 141; Семенов 1915: 60, 83; Гинцбург 1915: 58–60; Бем 1924: 283; Эйхенбаум 1924а: 58; Пахомов 1935: 505–506; Здобнов 1939: 264; Благой 1941: 415; Эйхенбаум 1961: 337–338; Гуревич 1964: 166–167; Соколов 1964: 178, 195; Лотман 1970: 205–208; Фризман 1973: 131–132; Герштейн 1976: 91–93; Кирпотин 1978: 80–81; Аринштейн 1985: 25; Васильев 1992: 131; Эткинд 1992: 26–28; Лотман 1998: 166–168.

353. Кинжал («Люблю тебя, булатный мой кинжал...»).

Автографы: 1) ОПИ ГИМ. Ф. 445. № 227а. Л. 43 об. — черновой, в тетради Чертковской библиотеки, автограф дает раннюю редакцию стихотворения (фотокопия: РГАЛИ. Ф. 276. Оп. 1. № 66. Л. 3); 2) в собрании А. и В. Гофманов (Париж) — беловой; автограф находился в собрании С. М. Лифаря (см.: Измайлов 1965; Зильберштейн 1970), затем продан на аукционе Сотби в 2002 г. Фотокопия: РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 1. № 57. Л. 1.

Копии: РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 1. № 15. Л. 17–17 об. — на отдельном листке, вложенном в тетрадь 15, первоначальное заглавие «Подарок» зачеркнуто и исправлено на «Кинжал»; 2) РГАЛИ. Ф. 276. Оп. 1. № 38. Л. 1 — на отдельном листке, вместе со стихотворением «И скучно, и грустно» (№ 381).

Печатается по первой публикации с исправлением ошибки в ст. 11 по автографам (в публикации, как и в копии в тетради 15, — неверное чтение, нарушающее рифменную структуру: «Как сталь твоя пред трепетом огня»).

Датируется предположительно концом 1837 — началом 1838 гг. по расположению автографа на одном листе с черновиком посвящения к поэме «Тамбовская казначейша» (Т. 2. № 473), законченной не позднее начала февраля 1838 г. (см. письмо Лермонтова к М. А. Лопухиной от 15 февраля 1838 г. с упоминанием о том, что он отнес поэму В. А. Жуковскому: Т. 4. № 568). Окончательно стихотворение было доработано, по-видимому, уже при подготовке к первой публикации в 1841 г., вероятно, до отъезда Лермонтова из Петербурга и во всяком случае не позднее 10-х чисел мая 1841 г. (ценз. разр. номеру ОЗ — 30 мая 1841 г.; Боград 1985: 124).

Впервые: ОЗ. 1841. Т. 16. № 6. Отд. 3. С. 234. При публикации в ОЗ ст. 4 вызвала сомнения цензора А. В. Никитенко, представившего стихотворение на рассмотрение Петербургского цензурного комитета, который дозволил его к напечатанию без изменений (Здобнов 1939: 260).

Написано, по всей вероятности, после отъезда Лермонтова с Кавказа в Петербург в конце 1837 или в начале 1838 г. Первоначальное название «Подарок» позволяет предположить, что в стихотворении речь идет о подаренном поэту кинжале. Известно, что среди вещей Лермонтова находился кинжал, привезенный из первой ссылки. Поэтика «Кинжала», по мнению И. З. Сермана (1997: 89–90), сближает стихотворение с циклом В. Г. Бенедиктова «К моей сабле» (1835).

Лит.: ЛЭ 1981: 221; Фишер 1914: 196–236; Гинцбург 1915: 155–157; Здобнов 1939: 260; Семенов 1939: 170; Эйхенбаум 1941а: 37; Иконников 1962: 42–44; Пейсахович 1964: 436; Шадури 1964b: 178–181; Измайлов 1965; Андроников

1967: 377–379; Gerlinghoff 1968: 138–139; Иванова 1968: 110–113; Петер 1968: 51–65; Шестакова 1968: 21–28; Махлевич 1991: 46–48; Ходанен 1995; Ходанен 1996: 20–24; Голлер 1998: 202–238;

354. «Она поет — и звуки тают...».

Автограф: ОПИ ГИМ. Ф. 445. № 227а. Л. 43 об. — беловой, в тетради Чертковской библиотеки (фотокопия: РГАЛИ. Ф. 276. Оп. 1. № 66. Л. 3). На том же листе — черновой автограф стихотворения «Кинжал» (№ 353), на обороте — «Гляжу на будущность с боязнью...» (№ 352) и посвящение к поэме «Тамбовская казначейша» (Т. 2. № 473).

Копия: РГАЛИ. Ф. 276. Оп. 1. № 67а. Л. 14 — в тетради стихотворений Лермонтова, полученных Е. П. Ростопчиной от Л. И. Арнольди и затем переданных А. Н. Афанасьеву для публикации в БЗ.

Печатается по автографу, с исправлением явной описки в ст. 8 («дивной» вместо «дивно»).

Датируется предположительно концом 1837— началом 1838 гг. по расположению автографа на одном листе с черновиком посвящения к поэме «Тамбовская казначейша», законченной не позднее начала февраля 1838 г. (см. письмо Лермонтова к М. А. Лопухиной от 15 февраля 1838 г. с упоминанием о том, что он отнес поэму В. А. Жуковскому; Т. 4. № 568).

Впервые: БЗ. 1859. Т. 2. № 1. Стб. 23.

О возможном адресате стихотворения, П. А. Бартеневой, см. выше примеч. к стих. «Слышу ли голос твой...» (№ 349). Последние четыре стиха перенесены с некоторыми изменениями из стихотворения «Она не гордой красотою...» (1832; № 301); ср. также описание пляски Тамары в поэме «Демон»: «И были все ее движенья / Так стройны, полны выраженья, / Так полны милой простоты» (Т. 2. С. 395).

Лит.: ЛЭ 1981: 354–355; Бем 1924: 287; Лермонтов 1935–1937: II, 191–192; Найдич 1964: 17; Шадури 1964а: 102–108; Gerlinghoff 1968: 130–131; Герштейн 1986: 85–95; Найдич 1994а: 123–132; Vickery 2001: 168–172.

355. «Я не хочу, чтоб свет узнал...».

Автограф: ОПИ ГИМ. Ф. 445. № 227а. Л. 64 — беловой с правкой, в тетради Чертковской библиотеки (фотокопия: РГАЛИ. Ф. 276. Оп. 1. № 66. Л. 13).
Копия: РГАЛИ. Ф. 276. Оп. 1. № 67а. Л. 4–4 об. — в тетради стихотворений Лермонтова, полученных Е. П. Ростопчиной от Л. И. Арнольди и затем переданных А. Н. Афанасьеву для публикации в БЗ.
Печатается по автографу.
Датируется предположительно 1837–1838 гг. по расположению автографа в тетради Чертковской библиотеки.
Впервые: Вчера и сегодня. 1845. Кн. 1. С. 94–95 (под заглавием «Я не хочу», с цензурным пропуском ст. 7–8 и неточностью в ст. 3); уточнения текста: БЗ. 1859. Т. 2. № 1. Стб. 20. Петербургский цензурный комитет на заседании 6 марта 1845 г. не допустил к печати ст. 7–8 (см.: Здобнов 1939: 264; РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 3. № 82. Л. 1; РГИА. Ф. 777. Оп. 1. № 1828. Л. 13).

Лит.: ЛЭ 1981: 641; Соловьев 1914: 62–63; Гинцбург 1915: 147; Здобнов 1939: 264; Пейсахович 1964: 433; Серман 1997: 87.

356. «Не смейся над моей пророческой тоскою...».

Автограф: ОПИ ГИМ. Ф. 445. № 227а. Л. 64 об. — беловой с правкой, в тетради Чертковской библиотеки. Текст записан темными чернилами поверх первоначального текста, чернилами более светлого оттенка. На обороте того же листа — автограф стихотворения «Я не хочу, чтоб свет узнал...» (№ 355).

Копии: 1) РГАЛИ. Ф. 276. Оп. 1. № 67а. Л. 4 об.–5 — в тетради стихотворений Лермонтова, полученных Е. П. Ростопчиной от Л. И. Арнольди и затем переданных А. Н. Афанасьеву для публикации в БЗ; 2) ОР РГБ. Ф. 622. Карт. 2. № 4. Л. 1 — на отдельном листке вместе со стихотворением «Люблю я цепи синих гор...» (ст. 1–22), с пометами: «1841 года (Лермонтов)» и «(неокончено)» (№ 261).

Печатается по автографу. Датируется предположительно 1837 —1838 гг. по положению в тетради Чертковской библиотеки.

Впервые: Вчера и сегодня. 1846. Кн. 2. С. 153 (под заглавием «Не смейся», без последней строки и с цензурным пропуском слова «плаха» в ст. 4); уточнения текста: БЗ. 1859. Т. 2. № 1. Стб. 20. Слово «плаха» в ст. 4 было исключено Петербургским цензурным комитетом на заседании 6 марта 1845 г. по представлении стихотворений для «Вчера и сегодня» цензором А. И. Фрейгангом (см.: Здобнов 1939: 264–265; РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 3. № 82. Л. 1; РГИА. Ф. 777. Оп. 1. № 1828. Л. 13).

Варьирует начальную строфу юношеского стихотворения «К*» («Когда твой друг с пророческой тоскою»; № 142). В начале 1830-х годов в лирике Лермонтова устойчив мотив трагического конца, гибели на плахе, возникший отчасти под влиянием стихотворения Пушкина «Андрей Шенье» (1825).

Существует версия о связи стихотворения с откликом Лермонтова на гибель автора «Андрея Шенье» и последовавшими за ним преследованиями со стороны властей: оно «хранит в себе намек на постигшую поэта катастрофу вслед за смертью Пушкина» (Лермонтов 1889–1891: I, 370), и в этом случае дата его написания — 1837 г.

Ст. 8. *С улыбкой очернит мой недоцветший гений...* — Эта строка близка следующей формуле из предсмертного монолога героя элегии Пушкина «Андрей Шенье»: «...мой недозрелый гений / Для славы не свершил возвышенных творений» (Пушкин 1937–1959: II, 399).

Ст. 14. *Венец певца, венец терновый!..* — ср. сходный образ в стихотворении «Смерть поэта»: «И прежний сняв венок, — они венец терновый, / Увитый лаврами, надели на него» (см.: примеч. к №. 334).

Лит.: ЛЭ 1981: 337; Гинцбург 1915: 147–149; Дурылин 1916а: 103; Соловьев 1914: 64; Бем 1924: 285; Здобнов 1939: 264; Кирпотин 1941: 35–36; Максимов 1964: 95; Эйхенбаум 1961: 340; Герштейн 1985а: 132–143; Вольперт 2008: 75–85.

357. Поэт («Отделкой золотой блистает мой кинжал...»).

Автограф: ОПИ ГИМ. Ф. 445. № 227а. Л. 61 — черновой, без заглавия, с карандашными поправками, в тетради Чертковской библиотеки.

Копия: РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 2. № 103. Л. 97–98 об. — писарским почерком, для посмертного издания «Стихотворений Лермонтова» 1842 г., в цензурном экземпляре Лермонтов 1842–1844: I.
Печатается по прижизненной публикации.
Датируется предположительно 1837–1838 гг. по положению автографа в тетради Чертковской библиотеки; датировка окончательной редакции определяется датой цензурного разрешения номеру ОЗ (не позднее 14 февраля 1839 г.; см.: Боград 1985: 36).
Впервые: ОЗ. 1839. Т. 2. № 2. Отд. 3. С. 163–164.

В тексте «Поэта» обнаруживаются определенные соответствия со стихотворением А. С. Хомякова (1804–1860) «Клинок» (1830). Заметны также следы чтения «Ямбов» (Jambes, 1831) О. Барбье (Aug. Barbier, 1805–1882) с их пафосом гражданской инвективы — прежде всего стихотворения «Мельпомена» («A Melpomene»: Barbier 1831: 123). См.: Федоров 1967: 341; Лермонтов 1935–1937: II, 199.

Ст. 1–2. *Отделкой золотой блистает мой кинжал; / Клинок надежный, без порока...* — В черновом автографе в стихах 1–2 упоминается известный тифлисский оружейный мастер Геург (Георгий Елизарашвили) («В серебряных ножнах блистает мой кинжал, / Геурга старого изделье»).

Ст. 19–20. *Игрушкой золотой он блещет на стене — / Увы, бесславный и безвредный!* — Символ утраты поэзией ее гражданской роли. Показательно, что оценивая сборник стихотворений В. Г. Бенедиктова (1807–1873), Белинский, акцентируя свойственные им вычурность и внешний блеск, с горечью писал о превращении поэзии в «игрушку» (см.: Белинский 1953–1859: I, 364–365).

Ст. 33–36. *Твой стих, как Божий дух, носился над толпой ~ Во дни торжеств и бед народных.* — Отзвук декабристских представлений о поэте, призванном пробуждать в согражданах стремление к свободе. Упоминание в стихе 35 вечевого колокола, напоминающего о вольности древнего Новгорода, — автоцитата из раннего отрывка «Приветствую тебя, воинственных славян...» (1832; № 294).

Ст. 41. *Проснешься ль ты опять, осмеянный пророк?* — Мысль, вложенная в это афористическое определение трагедии современного поэта, впоследствии получила развитие в стихотворении «Пророк» (1841; № 413).

Лит.: ЛЭ 1981: 441; Милюков 1864: 222–268; Орлов 1883: 30; Бороздин 1903: 244–246; Соловьев 1914: 64–65; Гинзбург 1940: 83–84; Эйхенбаум 1941а: 3–82; Никитина 1960: 82–84; Эйхенбаум 1961: 340–341; Иконников 1962: 62–64, 72; Рубанович 1963: 67–68; Пейсахович 1964: 436; Шестакова 1968: 24–26; Кирпотин 1970: 270–271; Коровин 1973: 136–137; Чичерин 1974: 436; Маймин 1975: 134–135; Степанов 1978: 87–88; Прийма 1980: 196–210; Калачева 1986: 45–50; Палкин 1986: 24–25; Макогоненко 1987: 191–196; Жижина 1991; Махлевич 1991: 40–48; Холшевников 1991: 207–208; Эткинд 2001: 62.

358. Экспромт М. И. Ц. («Русский немец белокурый...»).

Автограф неизвестен.
Копии: 1) РГАЛИ. Ф. 276. Оп. 1. № 67а. Л. 14–14 об. — в тетради стихотворений Лермонтова, полученных Е. П. Ростопчиной от Л. И. Арнольди и затем пере-

данных А. Н. Афанасьеву для публикации в БЗ; 2) РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 4. № 25. Л. 119 об. — П. А. Ефремова в тетради «Список с черновых тетрадей Лермонтова», с пометой «Из тетради стихотворений Лермонтова сообщенных гр. Ростопчиной Львом Ивановичем Арнольди (от А. Н. Афанасьева)».
Печатается по копии РГАЛИ.
Датируется 3 марта 1838 г. по воспоминаниям Цейдлера (РВ. 1888. № 9. С. 125–126).
Впервые: Атеней. 1858. Ч. 6. № 48. С. 303 (без заглавия, по сообщению А. Н. Меринского); БЗ. 1859. Т. 2. № 1. Стб. 23 (под заглавием «М. И. Ц.»; публикация по копии РГАЛИ).

Экспромт посвящен Михаилу Ивановичу Цейдлеру (1816–1892), товарищу Лермонтова по Школе гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров, служившему в л.-гв. Гродненском полку, куда с Кавказа был переведен Лермонтов. Как вспоминал Цейдлер, стихотворение написано на проводах, устроенных в честь его отъезда в действующую армию на Кавказ 3 марта 1838 г. «Экспромт этот, — добавлял Цейдлер, — имел для меня и отчасти для наших товарищей особенное значение, заключая в конце некоторую, понятную только нам, игру слов» (Воспоминания 1989: 255). Эта игра была основана на двойном значении слова «сталь» — Цейдлер был влюблен в Софью Николаевну *Стааль* фон Гольштейн, жену дивизионного командира.

Лит.: ЛЭ 1981: 211; Елец 1890: 206; Арнольди 1952: 453, 459, 462–63, 464, 474; Перчаткин 1957: 125–126; Штейнпресс 1959: 84–85; Пейсахович 1964: 439; Воспоминания 1989: 175, 255; Жогин 1994: 15–17.

359. Вид гор из степей Козлова (Из Мицкевича)

(«Аллах ли там среди пустыни...»).

Автограф неизвестен.
Копия: РГАЛИ. Ф. 276. Оп. 1. № 67а. Л. 14 об. — 15 об. — в тетради стихотворений Лермонтова, полученных Е. П. Ростопчиной от Л. И. Арнольди и затем переданных А. Н. Афанасьеву для публикации в БЗ (ср. также запись разночтений по копии, сообщенной Афанасьевым, в тетради П. А. Ефремова: РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 4. № 25. Л. 119 об).
Печатается по копии РГАЛИ, с исправлением описки в ст. 17 («потоков» вместо «потомков»).
Датируется концом февраля — концом апреля 1838 г. по времени пребывания Лермонтова в Городненском гусарском полку (см. ниже).
Впервые: Вчера и сегодня. 1846. Кн. 2. С. 153–154 (заглавие «Вид гор из степей Козлова»); уточнения текста: БЗ. 1859. Т. 2. № 1. Стб. 20–21.

Вольный перевод сонета А. Мицкевича (1798–1855) «Widok gór ze stepów Kozłowa» из цикла «Крымские сонеты» («Sonety Krymskie», 1826). По свидетельству А. И. Арнольди, стихотворение было написано во время службы Лермонтова в лейб-гвардии Гродненском гусарском полку, с опорой на подстрочный перевод «стансов Мицкевича», сделанный сослуживцем Лермонтова и Арнольди корнетом Николаем Александровичем Краснокутским (1819–1891; см.: Воспоминания 1989: 268; в Гродненском полку поэт находился с конца февраля до второй половины

апреля 1838 г. — Летопись 2003: 282–287). Другим источником Лермонтову, возможно, послужил перевод И. И. Козлова (1828; вошел в книгу: Крымские сонеты Адама Мицкевича. Переводы и подражания Ивана Козлова. СПб., 1829). В качестве свидетельства влияния козловского переложения на текст Лермонтова традиционно указывали на совпадающий неверный перевод польского «łuna» (зарево) как «луна» — ср. вариант «Вчера и сегодня», восходящий, однако, к неизвестному ныне источнику: «Вот месяц небо озарил». По предположению Э. Э. Найдича, обращение Лермонтова к этому сонету Мицкевича также могло быть связано с похвальным отзывом о нем Белинского в статье о стихотворениях Бенедиктова (Телескоп. 1835. Ч. XXVII. № 11. С. 357–387; см.: Найдич 1963: 98–99).

Козлов (Гёзлев) — старинное название Евпатории.

Ст. 3. *Престолы ангелам своим.* — Начиная с первой публикации во «Вчера и сегодня» этот стих печатался с явной ошибкой: «Притоны ангелам своим». Ср. в оригинальном тексте Мицкевича: «Czy aniołom tron odtał z zamrożonéj chmury?» (Мицкевич 1976: 33), а также в переводах И. И. Козлова (1828) и П. А. Вяземского (1827): «И кто из мерзлых облаков / Престолы отлил вековые / Для роя светлого духов?» (Козлов 1960: 149), «Не ангелам ли отлил он престол из замерзших облаков?» (Мицкевич 1976: 105).

Ст. 4–6. *Иль дивы словом роковым / Стеной умели так высоко / Громады скал нагромоздить...* — В издании «Сонетов» 1826 г. слово «Diwy» было специально разъяснено Мицкевичем: «По древней персидской мифологии, злые гении, некогда царствовавшие на земле, потом изгнанные ангелами и ныне живущие на краю света за горою Каф» (Мицкевич 1976: 97). В переводе Козлова упоминания о дивах нет.

Ст. 9–10. *Вот свет всё небо озарил, / То не пожар ли Цареграда...* — Ср. пояснение Мицкевича: «Вершина Чатырдага после заката солнца благодаря отражающимся лучам в течение некоторого времени представляется как бы охваченной пламенем» (Там же).

Лит.: ЛЭ 1981: 85–86; Афанасьев 1858: 256–257; Дюшен 1914: 31; Шувалов 1914а: 340–341; Гинцбург 1915: 204–205; Лермонтов 1935–1937: II, 239–240; Белинский 1953–1959: IX, 588; Колташева 1956: 95–96; Найдич 1963: 98–99; Эткинд 1963: 21–26; Пейсахович 1964: 490–491; Федоров 1967: 263–264; Borsukiewicz 1969: 117–123; Ланда 1976: 323–324; Холмухамедова 1985: 17; Буранок 1990: 106–118; Федотов 2011: 146–156.

360. «Quand je te vois sourire...».

Автограф неизвестен.

Копия: РГАЛИ. Ф. 276. Оп. 1. № 67а. Л. 15 об.–16 — в тетради стихотворений Лермонтова, полученных Е. П. Ростопчиной от Л. И. Арнольди и затем переданных А. Н. Афанасьеву для публикации в БЗ.

Печатается по копии РГАЛИ.

Датируется предположительно 1838 г. по положению в тетради копий, полученных Ростопчиной от Л. И. Арнольди и переданных в редакцию БЗ. (подробнее см. в Преамбуле, п. 2.4).

Непосредственно перед комментируемым стихотворением в тетради находятся два текста, надежно датируемые весной 1838 г., – «Экспромт М. И. Ц.» (№ 358) и «Вид гор из степей Козлова» (№ 359), и, хотя надежно судить о датировке, исходя из копийной тетради, невозможно, тем не менее можно предполагать, что в оригинале выписок Арнольди эти тексты составляли единый комплекс, объединенный, вероятно, и временем создания. В любом случае, никаких иных оснований для датировки не имеется.

Впервые: БЗ. 1859. Т. 2. № 1. Стб. 23.

Перевод: Когда я вижу тебя улыбающейся, мое сердце расцветает, и я хотел бы высказать тебе, что говорит мне мое сердце. — Тогда вся жизнь моя встает перед моими глазами; я проклинаю и молюсь, и плачу тайно. — Потому что без тебя, моего единственного путеводителя, без твоего огненного взгляда, мое прошедшее кажется пусто, как небо без бога. — И потом — странная причуда! — я ловлю себя на том, что благословляю прекрасный день, — о ангел мой! — когда ты заставила мена страдать.

Отмечалась отдаленная связь между этим стихотворением и стихотворением А. С. Пушкина «Воспоминание» (1828; см.: Нейман 1914a: 75).

Лит.: ЛЭ 1981: 643; Семенов 1914b: 459; Пильщиков 2015.

361. **<А. Г. Хомутовой>** («Слепец, страданьем вдохновенный...»).

Автограф: Biblioteka Jagiellońska, Kraków. Varnhagen-Sammlung. № 107, Lermontov — беловой, с поправками в ст. 3, 7, 20 на отдельном листе; с пометой над текстом рукой П. А. Вяземского: «Lermontoff» (описание см.: РС. 1893. № 4. С. 59).

Копия: РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 2. № 32. Л. 24–24 об. — без заглавия, в тетради В. Шульца.

Печатается по автографу.

Датируется предположительно второй половиной мая — осенью 1838 г. — временем встреч Лермонтова с А. Г. Хомутовой (см. ниже).

Впервые: Молодик на 1844 г. СПб., 1844. С. 10.

Обращено к Анне Григорьевне Хомутовой (1784–1856), сестре генерала Михаила Григорьевича Хомутова (1795–1864), командира лейб-гвардии Гусарского полка (1833–1839), на службу в который Лермонтов вернулся в мае 1838 г. после высочайшего прощения. Согласно позднему сообщению мемуариста, поводом к сочинению стихотворения стало знакомство Лермонтова со стихами И. И. Козлова, посвященными Хомутовой, двоюродной сестре слепого поэта, в которую тот некогда был влюблен — «Другу весны моей после долгой, долгой разлуки» (опубл.: ЛПРИ. 1838. № 5. 29 января; Козлов 1960: 49, 291–293): «А. Г. Хомутова показала Лермонтову стихи Козлова; он попросил позволения взять их с собой и на другой день возвратил их с своими стихами на имя Хомутовой» (РА. 1886. № 2. С. 198; к этой публикации А. Хомутова следует относиться с осторожностью: опубликованное в той подборке письмо Боратынского к Козлову является фальсификацией).

Лит.: ЛЭ 1981: 603; Розе 1867: 1051; Хомутов 1886: 198–199; Гинцбург 1915: 205–206; Пейсахович 1964: 489.

362. «Смотрите, как летит, отвагою пылая...».

Автограф неизвестен.

Копия: РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 1. № 44. Л. 1 — авторизованная, на отдельном листке. Текст записан под рисунком товарища Лермонтова, лейб-гусара кн. А. Н. Долгорукого (1819–1842), который изобразил Н. И. Бухарова (см. ниже) верхом на коне. Под текстом помета «Рис. К<нязь> Долгорукий 2. 1838», сделанная, как и подпись «Лермонтов», рукой поэта (см.: Каталог 2014: 24–25).

Печатается по копии ИРЛИ.

Датируется на основании пометы в копии — 1838 г., не ранее середины мая, времени перевода Лермонтова в л.-гв. Гусарский полк, где служил и Н. И. Бухаров.

Впервые: ОЗ. 1843. Т. 31. № 12. Отд. 1. С. 193 (заглавие: «К портрету старого гусара (Н. И. Б—ву)»).

Стихотворение представляет собой подпись к рисунку. Николай Иванович Бухаров (1799–1861/1862) — участник Отечественной войны 1812 г., полковник лейб-гвардии Гусарского полка, старший сослуживец Лермонтова (с 1847 г. — в отставке, в чине ген.-майора). По воспоминаниям кн. А. В. Мещерского, это был «настоящий тип старого гусара прежнего времени, так верно и неподражаемо описанного Денисом Давыдовым в его известном стихотворении <...> вечно добродушный собутыльник, дорогой и добрейший товарищ, он был любим всеми офицерами полка» (Мещерский 1900: 614). Портреты Бухарова см. также: Каталог 2014: 194–195, 213).

Лит.: ЛЭ 1981: 211; Гинцбург 1915: 140–141; Модзалевский 1911: 530; Герштейн 1986: 159–160.

363. <**К Н. И. Бухарову**> («Мы ждем тебя, спеши, Бухаров...»).

Автограф: РГАЛИ. Ф. 195. Оп. 1. № 5083. Л. 148 — на отдельном листке, в альбоме автографов П. А. Вяземского, без заглавия и подписи; сначала записано последнее четверостишие. Под текстом помета неизвестной рукой: «Отдано в Молодик». На оборотной стороне листа рисунок пером, изображающий, видимо, Бухарова (военный курит трубку с длинным чубуком).

Копия: РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 2. № 32. Л. 24 — в тетради В. Шульца, заглавие «К Бухарову», сделана с посмертной публикации (см. ниже).

Печатается по автографу.

Датируется 1838 г. (не ранее середины мая) по аналогии со стихотворением «Смотрите, как летит, отвагою пылая...».

Впервые: Молодик на 1844 год. СПб., 1844. С. 9 (под заглавием «К Бухарову», с делением на строфы и с ошибкой в ст. 6).

Адресовано Н. И. Бухарову (см. примеч. к № 362).

Ст. 9–12. *Нам дорога твоя отвага, / Огнем душа твоя полна, / Как вновь раскупренная влага / В бутылке старого вина.* — Вариация темы стихотворения «Смотрите, как летит, отвагою пылая…» (см. № 362).

Ст. 13–16. *Столетья прошлого обломок ~ Пиров и битвы гражданин.* — Парафраз из стихотворения Пушкина «Моя родословная» (1830): «Родов дряхлеющих обломок / (И по несчастью не один), / Бояр старинных я потомок; / Я, братцы, мелкий мещанин» (Пушкин 1937–1959: III, 261).

Лит.: ЛЭ 1981: 208; Лонгинов 1873: 390; Левицкий 1899: 533–534; Лонгинов 1873: 390; Мещерский 1900: 614; Герштейн 1986: 156.

364. «Расписку просишь ты, гусар…».

Автограф: ОПИ ГИМ. Ф. 445. № 227а. Л. 44 — беловой с поправками, карандашом, в тетради Чертковской библиотеки.

Печатается по автографу.

Датируется предположительно концом 1838 г. по биографическим основаниям (см. ниже) и положению в Чертковской тетради (в которой нет текстов, написанных позднее 1839 г.).

Впервые: РС. 1875. № 9. С. 58 (третья строфа); Лермонтов 1889–1891: I, 265–266 (полностью, под заглавием «Гусару поэту А. Л. П—ву»).

По мнению Висковатова, стихотворение обращено к товарищу Лермонтова по л.-гв. Гусарскому полку А. Л. Потапову (1818–1886), будущему шефу жандармов и начальнику III Отделения Собственной Е. И. В. канцелярии (1874–1876).

Возможно, что стихотворение было написано в сентябре–октябре 1838 г., когда Лермонтов по распоряжению в. к. Михаила Павловича был посажен под арест на царскосельскую гауптвахту за очередную гусарскую шалость: «из-за слишком короткой сабли, с которой он явился на парад» (письмо С. Н. Карамзиной к Е. Н. Мещерской от 27 октября 1838 г. — Лермонтов 1979: 350); косвенно в пользу этого утверждения говорит то, что послание Потапова, на которое поэт ответил стихотворением, было передано адресату под расписку. Однако, по документированному предположению Д. А. Алексеева в октябре и в ноябре (до 24-го) 1838 г. Потапова не было в столице, а стихи, тем самым, следует датировать 2-ой половиной мая 1840 г., когда старые сослуживцы могли снова встретиться, но уже в Москве (Алексеев 2014: 245–251). В то же время, по сведениям Д. А. Алексеева 24 ноября 1838 г. Потапов вернулся в Петербург, поэтому существует вероятность того, что обмен посланиями мог состояться как раз в период с конца ноября 1838-го по февраль 1839 г.

Ст. 4. *И легче стал судьбы удар* — Возможно, строка связана с нахождением поэта под арестом (см. выше).

Ст. 9–10. *Бордели грязная свобода / Тебя в пророки избрала…* — Сохранились документы о венерических заболеваниях, полученных Потаповым еще в эпоху пребывания в юнкерской школе (1835); в 1876 г. он сошел с ума и спустя десять лет умер от последствий сифилиса (Алексеев 2014: 248–249).

Ст. 18–25. *Премудрый пастырь Аарон ~ Новорожденною струей.* — Библейская легенда о чуде с жезлом на самом деле связана не с именем Аарона, а с именем его брата Моисея, предводителя евреев, которые страдали в пустыне от жажды (Числа. 20, 11). О посохе Аарона говорится в другой легенде: он покрылся листьями и цветами и принес плоды миндаля (Числа. 17, 8).

Лит.: ЛЭ 1981: 462; Алексеев 2014: 245–251.

365. «Тебе, Кавказ, суровый царь земли...» (II).

Автограф — беловой, с правкой, без заглавия, с пометой неизвестной рукой: «Отдано в Молодик», находился в 1941 г. в частном собрании в Париже; нынешнее местонахождение автографа не установлено. Воспроизведение: ЛН. 1941. Т. 43–44. Кн. 1. С. 17.
Копия: РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 2. № 32. Л. 24 об.–25 — в тетради В. Шульца, заглавие «К Кавказу»; судя по всему, переписана с публикации в альманахе «Молодик» (см. ниже).
Печатается по факсимиле автографа.
Датируется предположительно первой половиной 1838 г., так как текст помещен в качестве посвящения к поэме «Демон» в Ереванском списке, редакция которого, предшествовавшая VI редакции поэмы, датируется не позднее лета 1838 г. (см.: Т. 2. С. 516). Во всяком случае, этот текст был создан позднее тематически и текстуально близкого к нему стихотворения «Тебе, Кавказ, суровый царь земли...» (I), написанного в середине мая 1837 г. (см. примеч. к № 345).
Впервые: Молодик на 1844 год. СПб., 1844. С. 8 (заглавие «К Кавказу»).

Статус и история текста стихотворения не вполне ясны, как и в случае с «Тебе, Кавказ, суровый царь земли...» (I). Первоначально стихотворение было напечатано по автографу в альманахе «Молодик» как самостоятельное произведение, но в 1855 г. тот же текст — с незначительными отличиями — был снова опубликован уже с указанием: «Посвящение к поэме „Демон“» (Современник. 1855. Т. 50. № 4. Отд. 1. С. 435–436) и с примечанием, что текст был получен от некоего Ч* (по предположению Л. М. Аринштейна, за этим криптонимом мог скрываться Б. Н. Чичерин — ЛЭ 1981: 574). Несмотря на неоднозначность оценок этой публикации современной критикой (см.: Санкт-Петербургские ведомости. 1855. № 85. 20 апреля. С. 423–425; Москвитянин. 1855. Т. II. № 6. Март. Кн. 2. С. 186), в последующих авторитетных изданиях, вплоть до Лермонтов 1935–1937, этот текст публиковался под заголовком «Посвящение к поэме Демон» (см.: Лермонтов 1860: II, 601–602; Ефремов 1873: I, 114–115, Ефремов 1880: I, 198–199; Абрамович 1910–1913: II, 414) или среди посвящений к поэме (Лермонтов 1889–1891: III, 5; Лермонтов 1935–1937: III, 530–531).

Такая эдиционная практика была поколеблена после обнаружения и публикации в 1941 г. автографа стихотворения, располагающегося на отдельном листке и не содержащего никаких указаний о соотнесенности с «Демоном». В издании Лермонтов 1954–1957 (I, 233) «Тебе, Кавказ, суровый царь земли...» (II) было напечатано как отдельное стихотворение, «так как ни автограф, ни копия В. Шульца не дают никаких оснований считать его посвящением к „Демону“. Оно отсутствует во всех автографах и авторитетных списках поэмы „Демон“» (Там же: 369).

Однако практически одновременно с автографом в научный оборот был введен так называемый ереванский список «Демона», найденный в 1939 г. К. А. Степаняном в архиве армянского ученого Х. И. Кучук-Ованесяна. Этот список содержал неизвестную редакцию поэмы (первоначальный вариант VI редакции), предваренную текстом «Тебе, Кавказ, суровый царь земли...» (II) в качестве посвящения (о ереванском списке см.: Мануйлов, Новиков, Степанян 1939: 1–2; Лермонтов 1941: 7–11, Базиянц 1982: 78–93). Хотя сам список датирован на обложке «Москва, 25 февраля 1842 года», он, судя по особенностям текста, восходит к ранней кавказской редакции «Демона», предшествовавшей тексту «лопухинского списка», датированного «1838 года сентября 8 дня» (см.: Т. 2. С. 641). Таким образом, ереванский список, наряду с указанием публикации в «Современнике», может свидетельствовать о намерении Лермонтова поместить «Тебе, Кавказ, суровый царь земли...» (II) в качестве посвящения к одной из поздних редакций «Демона». С другой стороны, учитывая, что протограф ереванского списка не установлен, нельзя исключать, что текст стихотворения был присоединен к тексту «Демона» не автором, но переписчиком — самого ереванского списка или его протографа. Учитывая, что в нашем распоряжении нет точных фактических данных в пользу трактовки «Тебе, Кавказ, суровый царь земли...» (II) как посвящения к «Демону», в настоящем издании мы помещаем текст в томе стихотворений, не исключая и самостоятельный его статус.

«Тебе, Кавказ, суровый царь земли...» (II) на формальном и содержательном уровне варьирует мотивы и образы, разработанные Лермонтовым в посвящении к поэме «Аул Бастунджи» и «Тебе, Кавказ, суровый царь земли...» (I). Лермонтов вновь обращается к октаве, которой были написаны как сама поэма «Аул Бастунджи», так и посвящение к ней, заимствует, с незначительными изменениями, первую строфу посвящения, но затем иначе разрабатывает основную тему.

Лит.: ЛЭ 1981: 574; Эйхенбаум 1941а: 17, 24; Городецкий 1958: 240; Пейсахович 1964: 477, 484–487; Андроников 1967: 602–604.

366. «Ma cousine...».

Автограф: ОР РГБ. Ф. 456. Карт. 1. № 13. Л. 27 об. — беловой; приписка Лермонтова к письму Е. А. Верещагиной к дочери, А. М. Верещагиной-Хюгель, из Петербурга в Штутгарт от 16/28 ноября 1838 г. (Т. 4. № 571). Рядом с текстом стихотворения Лермонтов изобразил фигуру коленопреклоненного человечка, умоляющего о прощении.

Печатается по автографу.

Датируется 16 ноября 1838 г. по дате в письме Е. А. Верещагиной.

Впервые: Андроников 1963: 26.

Перевод: Дорогая кузина, склоняюсь на колени на этом месте. Как сладостно быть милостивым! Простите мою лень и т. д. (*фр.*).

Лит.: ЛЭ 1981: 643; Андроников 1967: 219.

367. Казачья колыбельная песня
(«Спи, младенец мой прекрасный...»).

Автограф неизвестен.
Копия: ОР РГБ. Ф. 456. Карт. 1. № 18. Л. 1–1 об. — в письме бабушки Лермонтова Е. А. Арсеньевой к А. М. Верещагиной-Хюгель от конца декабря 1838 г.; заглавие «Казачья колыбельная песня», под текстом подпись: «М. Л.».
Печатается по последней прижизненной публикации.
Датируется концом декабря 1838 г. на основании упомянутого письма, в котором Е. А. Арсеньева посылала стихотворение для новорожденной дочери А. М. Хюгель, появившейся на свет 23 ноября / 5 декабря 1838 г. (см.: Гладыш, Динесман 1963: 61–62)
Впервые: ОЗ. 1840. Т. 8. № 2. Отд. 3. С. 245–246; вошло в прижизненный сборник стихотворений: Лермонтов 1840: С. 89–92 (с датировкой: 1840).

По преданию, Лермонтов сочинил «Казачью колыбельную...» под впечатлением «баюкашной» песни казачки, которую услышал в одной из терских станиц. В станице Червленой Лермонтов будто бы слышал, как молодая красавица казачка Дунька Догадиха напевала песни над колыбелью сына своей сестры; поэт тут же присел к столу и записал на клочке бумаги свое стихотворение (см.: Ткачев 1912: 116, 211–212; Кулебякин 1886: 2). По сведениям биографа Лермонтова П. А. Висковатова, поэт сам сочинил музыку на слова «Казачьей колыбельной...», когда гостил у своего товарища по лейб-гвардии Гусарскому полку А. Л. Потапова (см. прим. к № 364) в его имении Семидубравном Воронежской губернии (Висковатов 1891: 408).

«Казачья колыбельная песня» — фольклорная стилизация, но тем не менее очевидна и ее близость к «Колыбельной сына вождя» («Lullaby of an infant chief», 1815) Вальтера Скотта (Scott, 1771–1832); см.: Шевырев 1841: 534; Вацуро 2008: 135; Головин 2000: 37–40.

Белинский увидел в «Казачьей колыбельной...» превосходное выражение общей идеи и вместе с тем отметил не менее яркое конкретное содержание стихотворения: «Ее идея — мать; но поэт умел дать индивидуальное значение этой общей идее: его мать — казачка, и потому содержание ее колыбельной песни выражает собою особенности и оттенки казачьего быта <...> Где, откуда взял поэт эти простодушные слова, эту умилительную нежность тона, эти кроткие и задушевные звуки, эту женственность и прелесть выражения?» (Белинский 1953–1959: IV, 535–536).

Стихотворение впоследствии подверглось обратной фольклоризации, и — нередко в переработанном виде — прочно вошло в городской песенный обиход (Виноградов 1941: 353–358); также необычайно высокой была частотность включения «Колыбельной» в учебные и общелитературные хрестоматии (Головин 2000: 34–37; Вдовин 2013: 311).

Ст. 11–12. *Злой чечен ползет на берег, / Точит свой кинжал...* — Характеристика чеченцев как «злой» нации обуславливается не только «казацкой» точкой зрения, принятой в тексте, но и экзостереотипами, сформированными в русской исторической и мемуарной литературе. Ср., например: «Нравы сего колена отличают его

от всех Кавказских народов злобою, хищностью и свирепым бесстрашием в разбоях, составляющих главное ремесло чеченцев» — Броневский 1825: 172 (подробнее см.: Жогин 1994).

Лит.: ЛЭ 1981: 214; Шевырев 1841: 534–536; Орлов 1883: 43–44; Кулебякин 1886: 2; Браиловский 1893: 15–19; Дюшен 1914: 25, 117; Мендельсон 1914; Соловьев 1914: 70–71; Висковатов 1891: 408; Семенов 1914b: 118–139, 421–426; Якубович 1935: 265–267; Касторский 1939: 159–166; Эйхенбаум 1940: 329; Виноградов 1941: 353–358; Дурылин 1941b: 175–176; Попов 1954: 4; Гладыш, Динесман 1963: 61–62; Кнорринг 1964: 91; Кретов 1964: 132–133; Пейсахович 1964: 469; Андроников 1967: 391–395; Вацуро 1976: 242–244; Найдич 1976a: 66–67; Холшевников 1991: 195–196; Ходанен 1994a: 32–36; Гаспаров 1999: 152–175; Головин 2000: 34–53; Щеблыкин 2003b:107–114.

368. Дума («Печально я гляжу на наше поколенье!..»).

Автограф: РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 1. № 55. Л. 3 — ст. 29–30 с подписью «Лерм<онтов>» в альбоме В. С. Оболенской (см.: Андроников 1977: 470–477).

Печатается по последней прижизненной публикации: Лермонтов 1840: 45–48, с восстановлением цензурного пропуска в ст. 11–12 и исправлением опечатки в ст. 33.

Датируется 1838 г. по помете в: Лермонтов 1840 и по первой публикации (ценз. разр. 1-му номеру ОЗ — 1 января 1839 г.; Боград 1985: 34).

Впервые: ОЗ. 1839. Т. 1. № 1. Отд. 3. С. 148–149 (с цензурными пропусками в ст. 11–12 и опечаткой в ст. 33); вошло в прижизненный сборник стихотворений: Лермонтов 1840: 45–48; ст. 11 сообщен в печати А. Н. Меринским (БЗ. 1859. Т. 2. № 12. Стб. 373); Лермонтов 1862: 124 (сообщен ст. 12: «И перед властию презренные рабы»; а также варианты ст. 11–12 по неустановленному источнику: «Пред подвигом добра постыдно-малодушны, / Пред властию ничтожные рабы»).

В «Думе», как и в авторском предисловии к «Герою нашего времени» (Т. 4. С. 155), наблюдается определенное сходство с тезисами вводной главы романа Альфреда де Мюссе (Musset, 1810–1857) «Исповедь сына века» («La Confession d'un enfant du siècle», 1836) — подробнее см.: Родзевич 1914: 80–83. Лермонтовское стихотворение также неоднократно сближалось с политической сатирой в духе Огюста Барбье (Barbier, 1805–1882), однако прямых перекличек с текстами французского поэта обнаружено было очень немного. В частности, Э. Дюшен (Duchesne 1910: 312) указывал на содержательное и риторическое сродство «Думы» со следующим пассажем из стихотворения Барбье «Le Campo Vaccino» (1833):

Nous sommes tous, hélas ! sous ce souffle de glace,
Et partout où ce vent nous arrive à la face,
Nous perdons la vigueur, nous n'avons plus de poulx,
Sous nos corps fatigués fléchissent nos genoux,
Nous prenons le dégoût de toute gloire humaine,
Et vivant pour nous seuls, sans amour et sans haine,
Nous n'aspirons qu'au jour où le froid du tombeau,

Comme un vieux parchemin, nous jaunira la peau;
Alors nous nous disons sous le mal qui nous ronge,
L'art n'est plus qu'un vain mot, un stérile mensonge;

(Barbier 1833: 53–54; *пер.:* «Мы родились, увы, под этим ледяным дыханием, и везде, где этот ветер дует нам в лицо, мы теряем силы, наше сердце перестает биться, и под тяжестью склоненного тела дрожат наши колени. Мы отвращаемся от всякой человеческой славы и, живя только для самих себя, без любви и ненависти, стремимся к тому дню, когда холод могилы изжелтит нашу кожу как старый пергамент. Тогда мы скажем со злостью, которая нас гложет, что искусство — не более, чем пустые слова, бесплодная ложь»). Однако подобные соответствия можно найти и в более ранней сатирической традиции, в частности, в знаменитой сатире Н.-Ж.-Л. Жильбера (Gilbert, 1750–1780) «Восемнадцатый век» (Le dix-huitième siècle, 1775): «Suis les pas de nos grands: énervés de mollesse, / Ils se traînent à peine en leur vieille jeunesse; / Courbés avant le temps, consumés de langueur, / Enfants efféminés de pères sans vigueur» (Gilbert 1823: 22; «Разве это не наши вельможи — расслабленные робостью, они с трудом влачат свою старческую юность, преждевременно согнувшись, охваченные скукой, женоподобные дети лишенных силы отцов»; см.: Эйхенбаум 1961: 329).

«Думу» нередко сближают с «Философическим письмом» П. Я. Чаадаева (1836) и другими критическими рефлексиями в современной русской публицистике (подробнее см.: Бродский 1914: 95–97). Гражданский характер стихотворения был прокомментирован В. Г. Белинским (1840): «Лермонтов вышел снова на арену литературы с стихотворением „Дума“, изумившим всех алмазною крепостию стиха, громовою силою бурного одушевления, исполинскою энергиею благородного негодования и глубокой грусти <...> Эти стихи писаны кровью; они вышли из глубины оскорбленного духа: это вопль, это стон человека, для которого отсутствие внутренней жизни есть зло, в тысячу раз ужаснейшее физической смерти!.. И кто же из людей нового поколения не найдет в нем разгадки собственного уныния, душевной апатии, пустоты внутренней и не откликнется на него своим воплем, своим стоном?.. Если под „сатирою“ должно разуметь не невинное зубоскальство веселеньких остроумцев, а громы негодования, грозу духа, оскорбленного позором общества, — то „Дума“ Лермонтова есть сатира» (Белинский 1953–1959: IV, 521–522).

Ст. 9, 31. *К добру и злу постыдно равнодушны... И царствует в душе какой-то холод тайный...* Ср. у Мюссе: «Ainsi le principe de mort descendit froidement et sans secousse de la tête aux entrailles. Au lieu d'avoir l'enthousiasme du mal nous n'eûmes que l'abnégation du bien ; au lieu du désespoir, l'insensibilité» (Musset 1836: I, 36; *пер.:* «И вот холод смерти медленно и незаметно перешел из головы в недра души. Мы не стали увлекаться злом, мы только начали отвергать добро. На смену отчаянию пришла бесчувственность» — Мюссе 1957: 14; отмечено: Родзевич 1914: 81).

Ст. 13–16. *Так тощий плод, до времени созрелый, / Ни вкуса нашего не радуя, ни глаз, / Висит между цветов, пришлец осиротелый, / И час их красоты — его паденья*

час! — Образ до времени созревших, обманчивых плодов неоднократно использовался Лермонтовым и ранее — см., например, в стихотворениях «Он был рожден для счастья, для надежд…» (1832, № 311), «Мое грядущее в тумане…» (1836–1837, № 332), «Гляжу на будущность с боязнью…» (1837–1838, № 358), а также — в несколько иной вариации — в юношеском романе «Вадим» (Т. 4. С. 70). Про предположению Э. Г. Герштейн (1985b: 255–259), стихи восходят к строкам из романа Гете «Годы учения Вильгельма Мейстера» (Wilhelm Meisters Lehrjahre, 1796), который, безусловно, был известен Лермонтову (Миньона упоминается в «Герое нашего времени»): «Nicht allein die ersten Blüten fallen ab, die ihr da oben in jenen kleinen Räumen verwahren könnt, sondern auch Früchte, die am Zweige hängend uns noch lange die schönste Hoffnung geben, indes ein heimlicher Wurm ihre frühere Reife und ihre Zerstörung vorbereitet» (Goethe 1828–1830: XX, 201 — фрагмент, содержащий предсказание ранней смерти Миньоны, нередко включался в учебные хрестоматии; *пер.:* «Опадают не только первые цветы, которые вы можете беречь там, наверху, в своих маленьких комнатах, но и плоды, которые, вися на ветках, долго еще внушают нам прекраснейшие надежды, в то время как тайный червь уже готовит им преждевременную зрелость и разрушение» — Гете 1932–1949: VII, 542). Однако образ, заимствованный из «Вильгельма Мейстера», является метафорой развития личности; перенос его на социальную категорию — поколение — возможно, произошел под влиянием куда более известной цитаты — изречения, которое приписывалось Дидро и широко разошлось благодаря запискам Жермены де Сталь о России: «Les Russes sont pourris avant d'être mûrs» (Staël 1830: XV, 214; *пер.:* «Русские сгнили, не успев созреть» — Сталь 2005: 215, 445). Ср. производный афоризм Пушкина: «зрелости нет у нас на севере, мы или сохнем, или гнием» (Письмо к П. А. Вяземскому от второй половины сентября 1825 г. — Пушкин 1937–1959: XIII, 231).

Лит.: ЛЭ 1981: 147–149; Бурачок 1840: 149–171; Зотов 1863: 343–354; Орлов 1883: 32–34; Воскресенский 1886: 98–99; Браиловский 1892: 58, 78–80; Котляревский 1915: 167–169; Терновский 1898: 120–123; Бороздин 1903: 241–243, 252; Шувалов 1914a: 338; Гинцбург 1915: 162–164; Бем 1924: 283, 287; Эйхенбаум 1924a: 109–110; Иоффе 1933: 195–201; Евгеньев 1939: 296–302; Здобнов 1939: 266; Гинзбург 1940: 115; Михайлова 1941: 143–144, 15; Нольман 1941: 497–498; Мордовченко 1950: 84–90; Белинский 1953–1959: IV, 255, 266, 521–522; V, 42, 50, 52; Lednicki 1954: 59–64; Евзерихина 1957: 222–224; Анненков 1960: 178–181; Качурин, Шнеерсон 1961: 178–183; Эйхенбаум 1961: 90–98, 329; Рубанович 1963: 62–64; Григорьян 1964: 228–234; Пейсахович 1964: 437–438, 480; Архипов 1965: 304–349; Федоров 1967: 341–342; Коровин 1969: 142–155; Guski 1970: 117–122; Кирпотин 1970: 268–270; Коровин 1973: 104–120; Найдич 1973a: 72–73; Усок 1973a: 156–159; Фризман 1973: 118–133; Фохт 1975: 24–25; Найдич 1976a: 64–66; Степанов 1978: 87–88; Рубанович 1980: 37–39; Палкин 1986: 145–146; Ильинский 1990: 12–15; Эткинд 1992: 24–25; Найдич 1994a: 141–144; Лотман 1996: 83–89; Полукарова 1997: 46–49; Серман 1997: 192–195; Гришунин 1998: 74–75; Лотман 1998: 57–58; Журавлева 2002: 81; Удодов 2004: 249–250; Мехтиев 2006: 74–82.

369. <А. О. Смирновой> («В простосердечии невежды...»).

Автографы: 1) РО ИРЛИ. Ф. 244. Оп. 1. № 180. Л. 3 об. — беловой, без заглавия, в альбоме А. О. Смирновой, подпись «Лермонтов» (фотокопия: РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 2. № 124. Л. 1); 2) ОПИ ГИМ. Ф. 445. № 105. Л. 69 — беловой, под заглавием «А. О. Смирновой», на отдельном листе, вклеенном в альбом М. П. Полуденского, внизу листа подпись: «М. Лермонтов». Вместо ст. 9–12: «Стесняем робостию детской, / Нет, не впишу я ничего / В альбоме жизни вашей светской, — / Ни даже имя своего. // Мое вранье так неискусно, / Что им тревожить вас грешно... / Все это было бы смешно, / Когда бы не было так грустно!».

Копия: РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 1. № 47. Л. 2 — неполная, рукой В. А. Соллогуба, на одном листе с автографом стихотворения «Ребенку» (№ 395) и копией стихотворения «Молитва» (№ 338), заглавие «А. О. Смирновой»; сделана, по-видимому, с чернового автографа.

Печатается по автографу ИРЛИ.

Датируется не ранее лета 1838 — не позднее апреля 1839 гг. по хронологии записей в альбоме Смирновой (см. ниже).

Впервые: ОЗ. 1840. Т. 12. № 10. Отд. 3. С. 229 (ст. 5–12; под заглавием «А. О. Смирновой»; с неточностями в ст. 9–10); БЗ. 1858. Т. 1. № 6. Стб. 182 (полный текст по автографу в альбоме М. П. Полуденского; заглавие «А. О. Смирновой).

Традиционно стихотворение датировалось началом 1840 г. — по времени первой публикации, но до отъезда Лермонтова на Кавказ — когда он мог вписать стихотворение в альбом Смирновой. Однако, как показал Е. И. Прохоров, более вероятным временем создания и записи стихотворения в альбом Смирновой представляется конец 1838 — начало 1839 г. Осенью 1838 г. датируется знакомство Лермонтова со Смирновой, с которой в продолжение осени — зимы 1838–1839 гг. он часто встречался в салоне Карамзиных (см.: Майский 1960: 135–136, 141). В альбоме Смирновой текст Лермонтова записан перед стихотворением Е. П. Ростопчиной с авторской датой: апрель 1839 г. (РО ИРЛИ. Ф. 244. Оп. 1. № 180. Л. 3 об.), причем запись Ростопчиной была сделана вплотную к лермонтовскому тексту и, соответственно, могла появиться в альбоме только после того, как Лермонтов записал на этой странице свое стихотворное посвящение владелице альбома (см.: Прохоров 1960: 133–136). Более того, именно под датой «1838» стихотворение было напечатано в посмертном издании, подготовленном Краевским (Лермонтов 1842–1844: I, 201–202).

Стихотворение обращено к Александре Осиповне Смирновой (урожд. Россет; 1809–1882), одной из блестящих дам петербургского света, красота и ум которой были воспеты в поэзии современников. Известный литературный салон Смирновой посещали Жуковский, Пушкин, Вяземский, Гоголь, Карамзины. Бывал там и Лермонтов. Стихотворение написано в альбом Смирновой. Этот эпизод отмечен в воспоминаниях владелицы альбома: «Софи Карамзина мне раз сказала, что Лермонтов был обижен тем, что я ничего ему не сказала об его стихах. Альбом всегда лежал на маленьком столике в моем салоне. Он пришел как-то утром, не застал меня, поднялся вверх, открыл альбом и написал эти стихи» (Смирнова1989: 291, 403).

Лит.: ЛЭ 1981: 513–514; Гинцбург 1915: 185; Александров 1924: 314–315; Прохоров 1960; Лермонтов 1964: II, 689; Пятина 1981: 127–136; Воспоминания 1989: 294–295; Резник 2000: 42–43.

370. «Ребенка милого рожденье...».

Автограф — в частном собрании (продан на аукционе Сотбис в 2002 г.); ранее (до 1916 г.) находился в собрании барона Д. Г. Гинцбурга (см.: Лермонтов 1935–1937: V, 552; Лермонтов 1954–1957: VI, 742).

Печатается по: Лермонтов 1910–1913: IV, 335, где было напечатано по автографу.

Датируется февралем — первой половиной марта 1839 г. по биографическим основаниям (см. ниже).

Впервые: ОЗ. 1843. Т. 31. № 12. Отд. 1. С. 342.

Стихотворение написано по случаю рождения 13 февраля 1839 г. сына Александра у А. А. Лопухина; было послано в письме Лермонтова к Лопухину кон. февраля — 1-й пол. марта 1839 г. (Т. 4. № 574).

Алексей Александрович Лопухин (1813–1872), близкий друг и соученик Лермонтова по Московскому университету, брат Варвары и Марии Лопухиных (подробнее см.: ЛЭ 1981: 261; см. также прим. к № 207).

Лит.: ЛЭ 1981: 463–464; Гинцбург 1915: 173–174; Белинский 1953–1959: VIII, 94; Vickery 2001: 179–180.

371. Не верь себе («Не верь, не верь себе, мечтатель молодой...»).

Автограф неизвестен.

Печатается по последней прижизненной публикации.

Датируется не позднее начала мая 1839 г. по первой публикации (ценз. разр. 5-му номеру ОЗ — 14 мая 1839 г.; Боград 1985: 46).

Впервые: ОЗ. 1839. Т. 3. № 5. Отд. 3. С. 277–278; вошло в прижизненный сборник стихотворений: Лермонтов 1840: 57–60 (с датировкой: 1839).

Эпиграф: *Que nous font après tout les vulgaires abois... — Пер.*: «Какое нам, в конце концов, дело до грубого крика всех этих горланящих шарлатанов, продавцов пафоса и мастеров напыщенности и всех плясунов, танцующих на фразе? О. Барбье». Взят из «Пролога» к «Ямбам» («Jambes, 1831)») А.-О. Барбье с изменением первого стиха. Вместо «Que me font» («Какое мне дело») Лермонтов написал «Que nous font» («Какое нам дело»).

Ст. 3. *Оно — тяжелый бред души твоей больной.* — Автоцитата из «Демона» (шестая редакция, 1838): «Больной души тяжелый бред...» (Т. 2. С. 553).

Лит.: ЛЭ 1981: 336–337; Бурачок 1840: 152; Висковатов 1885: 476–477; Брюсов 1903: 786–788; Шестов 1905: 130–131, 138–143, 176–177; Розанов 1914а: 246–247; Соловьев 1914: 61–62; Гинцбург 1915: 164–166; Котляревский 1915: 161–163; Дурылин 1941а: 39; Пумпянский 1941: 402; Эйхенбаум 1948: 3–10; Белинский 1953–1959: III, 190–191; IV, 523–524; V, 42, 50, 52; Коровин 1959: 44–45; Никитина 1960: 84–85; Григорьян 1964: 71–77; Максимов 1964: 93, 96; Тойбин 1964: 15–25; Усок 1964: 225–228; Андроников 1967: 567; Эйхенбаум 1969: 308–310;

Эткинд 1969: 160–163; Guski 1970: 107–117; Коровин 1973: 137–140; Сквозников 1975: 312–332; Скибин 1980: 29–30; Гинзбург 1940: 79–88, 115–117; Эткинд 1992: 28–33; Вацуро 1993; Найдич 1994а: 144–147; Савинков 2003: 118–126; Удодов 2004: 249–250; Злочевская 2008: 11–17.

372. Три пальмы (Восточное сказание)

(«В песчаных степях аравийской земли...»).

Автограф неизвестен.

Печатается по последней прижизненной публикации.

Датируется не позднее начала августа 1839 г. по первой публикации (ценз. разр. 8-му номеру ОЗ — 14 августа 1839 г.; Боград 1985: 55).

Впервые: ОЗ. 1839. Т. 5. № 8. Отд. 3. С. 168–170; вошло в прижизненный сборник стихотворений: Лермонтов 1840: 65–70 (с датировкой: 1839).

При подготовке сборника 1840 г. ст. 13 («И стали три пальмы на Бога роптать») и ст. 18 («Не прав твой, о небо, святой приговор!») вызвали сомнения цензора А. В. Никитенко, представившего их 13 августа 1840 г. на рассмотрение Петербургского цензурного комитета, который «разрешил одобрить их к напечатанию» (см.: Здобнов 1939: 267; РГИА. Ф. 777. Оп. 1. № 1535. Л. 25).

Сюжетные источники баллады до сих пор не установлены. Предложенные до сих пор параллели ограничиваются отдельными мотивами, изолированными формальными перекличками и общим ориентальным колоритом. Чаще всего «Три пальмы» соотносят с IX «Подражанием Корану» Пушкина («И путник усталый на Бога роптал», 1824 — Пушкин 1937–1959: II, 356) — по ориентальной окраске, притчевому характеру повествования, строфической форме и стихотворному размеру. Однако сюжет и семантика лермонтовской баллады далеки от пушкинского стихотворения, даже полемика с Пушкиным тут проблематична. Не слишком убедительна и гипотеза о полемике со стихотворением Д. А. Кропоткина «Пальма» (БдЧ. 1838. Т. 27. Отд. I. С. 12–14), предложенная С. Лейтон (Layton 1994: 788–792): сюжетные и смысловые связи «Трех пальм» с этим «подражанием арабской песне» далеко не очевидны. Столь же отдаленны параллели и с отрывком из поэмы Ю. Словацкого «Араб», напечатанным в прозаическом переводе П. Дубровского в журнале «Московский наблюдатель» (1835. Ч. V. Декабрь. Кн. 1. С. 296; см.: Миллер 1986: 181–183) — и здесь, как в случае со стихотворением Кропоткина, сюжетное сходство ограничивается лишь мотивом гибели пальмы, стоящей над источником (но уже не от грозы, а от руки злодея).

Лермонтов использует в стихотворении строфическую форму, восходящую к «Песни араба над могилою коня» В. А. Жуковского (1810); та же «ориентальная» строфа использована в IX «Подражании Корану» и, с некоторым изменением, в «священной идиллии» С. Е. Раича «Вифлеемские пастыри» (Северная лира на 1827 год. М., 1827. С. 203–204), стилистически зависимой от пушкинских «Подражаний...», но, возможно, оказавшей отдельное влияние на лермонтовскую балладу (см.: Вацуро 1985а: 68–70).

Ст. 2, 7. *Три гордые пальмы высоко росли. <...> И многие годы неслышно прошли...* — Ср. у Раича: «Высоко ливанское древо взнесло / Роскошное тенью прохлад-

ной чело, / И веки безвредно над ним пролетали, / И бурные ветры ветвей не измяли» (Северная лира… С. 203; Вацуро 1985a: 69).

Ст. 44–48. *По корням упругим топор застучал… ~ И медленно жгли их до утра огнем.* — По мнению В. Э. Вацуро, Лермонтов использует здесь евангельские стихи: «Уже бо и сѣкира при корени древа лежитъ: всяко убо древо, еже не творитъ плода добра, посѣкаемо бываетъ и во огнь вметаемо (Мф. 3, 10; Лк. 3, 9).

Лит.: ЛЭ 1981: 579–581; Шевырев 1841: 532; Орлов 1883: 34–35; Майков 1891: 257–258; Юшков 1893: 55; Сумцов 1900: 162–167; Александров 1913: 97–110; Замотин 1914: 87; Нейман 1914a: 107–109; Гинцбург 1915: 166; Винокур 1927: 81–82; Вельтман 1928: 148–149; Нейштадт 1939: 198; Михайлова 1941: 149–150, 160; Нейман 1941b: 331–332; Благой 1941: 412–413; Эйхенбаум 1941a: 69; Белинский 1953–1959: IV, 534–535; Томашевский 1961: 383–384; Эйхенбаум 1961: 112–113; Кедровский 1964: 128–139; Пейсахович 1964: 455–456; Федоров 1967: 121–122; Одинцов 1969: 94–96; Коровин 1973: 94–96; Удодов 1973: 197–199; Маймин 1975: 132–133; Найдич 1976a: 68–69; Жижина 1978: 41–45; Розенов 1982: 124–129; Холмухамедова 1985; Гаджиев 1986: 172–173; Розанов 1990: 171–175; Винокур 1991: 116; Седов 1992: 110–111; Эткинд 1992: 11–38; Щеблыкин 1993: 91; Балашова 1996: 117–129; Серман 1997: 207–211; Хабибулина 1998: 119–120; Соломонова 2006: 99–121; Потебня 2003: 135–139, 143.

373. А. А. Олениной («Ах! Анна Алексевна…»).

Автограф неизвестен.
Копии: 1) ОР РНБ. Ф. 542. № 912. Л. 1 — рукой В. А. Олениной, на отдельном листке, с припиской тем же почерком: «Приветствие больного Гусарского Офицера и Поэта г. Лермантова, Анне Алексеевне Олениной в ее альбом 1839 года»; 2) РГАЛИ. Ф. 276. Оп. 1. № 2. Л. 1 — рукой А. В. Головина на отдельном листе, с припиской: «Приветствие больного Гусарского Офицера и Поэта г. Лермантова, Анне Алексеевне Олениной в день ее рождения 1839 г.».
Печатается по копии РНБ.
Датируется днем рождения А. А. Олениной — 11 августа 1839 г.
Впервые: Лермонтов 1954–1957: II, 121.

Анна Алексеевна Оленина (1808–1888) — младшая дочь директора Публичной библиотеки, президента Академии художеств А. Н. Оленина (1763–1843); с 1840 г. — жена Ф. А. Андро, полковника (с 1838) л.-гв. Гусарского полка, сослуживца Лермонтова. А. А. Олениной посвящали стихи Пушкин, Крылов, Н. И. Гнедич, И. И. Козлов, Д. В. Веневитинов — частые посетители оленинского салона.

Ст. 6–8 …А мне кричат: «Plus vite!» ~ Et je vous félicite. — *Пер.*: А мне кричат «Скорей!» <…> И я вас поздравляю (*фр.*).

Лит.: ЛЭ 1981: 353; Городецкий 1958: 240–241; Михайлова 1960: 165–170; Мануйлов 1979: 336–337; Оленина 1999: 330–331.

374. «Есть речи — значенье…».

Автографы: 1) РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 1. № 54. Л. 25 — беловой, в альбоме М. А. Бартеневой, под текстом подпись: «Лермонтов» и дата: «4 сентября

Ц<арское> С<ело>»; автограф дает раннюю редакцию стихотворения (варианты ст. 9–20 см. ниже); 2) РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 1. № 15. Л. 20 — беловой с поправкой, на отдельном листе, вложенном в тетрадь 15; подпись: «М. Лермонтов»; текст, соответствующий публикации в ОЗ.

Копии: 1) РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 2. № 51. Л. 2 — неизвестной рукой, на одном листе вместе со стихотворениями «Оправдание» (№ 402), «Родина» (№ 403) и «Завещание» (№ 396), из архива Бакуниных; 2) РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 2. № 103. Л. 100–100 об. — писарским почерком, в цензурном экземпляре Лермонтов 1842–1844: I.

Печатается по прижизненной публикации.

Датируется 4 сентября 1839 г. в соответствии с датой в автографе в альбоме Бартеневой. Год определяется по времени заполнения альбома (первая запись сделана 24 августа 1839 г. — см.: Андроников 1977: 479) и в соответствии с биографией Лермонтова (в 1840 г., к которому теоретически могла бы относиться дата 4 сентября, поэт был на Кавказе). Очевидно, перед публикацией стихотворение было доработано — доработка текста датируется не позднее конца декабря 1840 г. (ценз. разр. 1-му номеру ОЗ — 1 января 1841 г.; Боград 1985: 108).

Впервые: ОЗ. 1841. Т. 14. № 1. Отд. 3. С. 2 (текст, соответствующий редакции позднего автографа ИРЛИ (2)).

Стихотворение известно в трех редакциях. Первый вариант записан 4 сентября 1839 г. в альбом Марии Арсеньевны Бартеневой (1816–1870), фрейлины, сестры П. А. Бартеневой (о П. А. Бартеневой см. в примеч. к № 349). В альбомной редакции после 8 стиха следовали строфы:

Надежды в них дышут,
И жизнь в них играет...
Их многие слышут
Один понимает.

Лишь сердца родного
Коснутся в день муки
Волшебного слова
Целебные звуки;

Душа их с моленьем,
Как ангела, встретит,
И долгим биеньем
Им сердце ответит.

Вторая редакция была напечатана в журнале «Отечественные записки» (1841. № 1). Стихотворение Лермонтов сам передал редактору журнала Краевскому, приехав из Царского Села в Петербург. Текст третьей редакции, соединяющей варианты раннего и позднего автографов, под заглавием «Волшебные звуки», известен по публикации в литературном сборнике «Вчера и сегодня» (Кн. 2. СПб., 1846. С. 168), однако его хронологическое соотношение с двумя другими, точно

датирующимися редакциями не вполне ясно. Нельзя исключать, что это — наиболее ранний вариант, затем переработанный для альбомной записи и публикации в ОЗ.

Есть речи, — значенье
Темно иль ничтожно —
Но им без волненья
Внимать невозможно.

Как полны их звуки
Тоскою желанья!
В них слезы разлуки,
В них трепет свиданья...

Их кратким приветом,
Едва он домчится,
Как Божиим светом,
Душа озарится.

Средь шума мирского
И где я ни буду,
Я сердцем то слово
Узнаю повсюду;

Не кончив молитвы,
На звук тот отвечу,
И брошусь из битвы
Ему я навстречу.

Надежды в них дышат,
И жизнь в них играет, —
Их многие слышат —
Один понимает.

Лишь сердца родного
Коснутся в дни муки
Волшебного слова
Целебные звуки.

Душа их с моленьем,
Как ангела, встретит,
И долгим биеньем
Им сердце ответит.

Ст. 11–12. *...Из пламя и света / Рожденное слово.* — В этих строках Краевский отметил грамматическую неточность. По воспоминаниям писателя и мемуариста И. И. Панаева (1812–1862), свидетеля разговора Лермонтова с Краевским, поэт пытался исправить «маленький грамматический промах, неправильность» (Панаев 1950: 134) в этом стихе («пламя» вместо «пламени»), но не нашел соответствующей замены.

Лит.: ЛЭ 1981: 158; Розанов 1942: 136–140; Лермонтов 1964–1965: I, 574–576; Пейсахович 1964: 440; Фризман 1971: 27–37; Чичерин 1974: 413; Рейсер 1979: 409–410; Бройтман 1979: 40–52; Новикова-Зарина 1979: 409–410; Андроников 1981: 232; Красухин 1983: 195–197; Красухин 1985: 87–89; Найдич 1994 а: 156–163; Николаева 1997: 774–787; Кузнецова 1998: 140–141; Зельцер 2001: 25–26; Фризман 2005: 102–115; Эткинд 2005: 78–79.

375. Памяти А. И. О–го («Я знал его: мы странствовали с ним...»).

Автограф: ОПИ ГИМ. Ф. 445. № 227а. Л. 54, 55 об. — беловой с правкой, без заглавия, в тетради Чертковской библиотеки (фотокопия: РГАЛИ. Ф. 276. Оп. 1. № 66. Л. 7–8).

Печатается по последней прижизненной публикации с исправлением в ст. 16 по автографу («Бог» вместо «рок») исходя из предположения, что вариант, появившийся в печатном тексте, был следствием автоцензурной или цензурной замены.

Датируется осенью 1839 г. — временем, когда Лермонтов узнал о смерти Одоевского (см. ниже) и по первой публикации (ценз. разр. 12-му номеру ОЗ — 14 декабря 1839 г.; Боград 1985: 68).

Впервые: ОЗ. 1839. Т. 7. № 12. Отд. 3. С. 209–210; вошло в прижизненный сборник стихотворений: Лермонтов 1840: 79–84 (с датировкой: 1839).

Обращено к Александру Ивановичу Одоевскому (1802–1839), поэту-декабристу, близкому другу Лермонтова. После десяти лет сибирской каторги и ссылки Одоевский был переведен на Кавказ в Нижегородский драгунский полк, где служил Лермонтов. Знакомство Одоевского с Лермонтовым относится либо к 8–11 октября 1837 г. (в Ставрополе), либо к ноябрю того же года (в Грузии). Стихотворение написано в связи со смертью Одоевского от лихорадки 15 августа 1839 г.

Ст. 1–2. *Я знал его: мы странствовали с ним / В горах востока...* — Существует версия о совместной поездке Лермонтова и Одоевского по Кавказу.

Ст. 12–16. *Он был рожден для них, для тех надежд ~ И свет не пощадил — и Бог не спас!* — Повторение (с изменениями) второй строфы юношеского стихотворения «К *» («Когда твой друг с пророческой тоскою...») (1830?; № 142) и начала стихотворения (первые пять стихов) «Он был рожден для счастья, для надежд...» (1832; № 311).

Строфы 3–5. *Но он погиб далеко от друзей ~ Любил ты моря шум, молчанье синей степи...* — Эти строфы текстуально сходны со строфами 3, 4, 136 и 137 поэмы «Сашка» (1835–1836; Т. 2. № 470).

Ст. 41–44. *...Все исчезло без следов, / Как легкий пар вечерних облаков: ~ Куда они? зачем? откуда? — кто их спросит...* — В рамках устойчивого поэтического

сравнения намечен поворот к сюжету стихотворения «Тучи»: «Кто же вас гонит...» (№ 391)

Ст. 65. *А море Черное шумит не умолкая.* — Ср. предпоследнюю строку «Отрывков из путешествия Онегина» (впервые опубл. в 1833 г.): «Лишь море Черное шумит» (Пушкин 1937–1959: VI, 205).

Лит.: ЛЭ 1981: 362–363; Афанасьев 1859: 378–384; Огарев 1861: 348–349; Орлов 1883: 35; Розен 1883: 13; Гинцбург 1915: 169–171; Нейман 1917b: 38–40; Бродский 1925: 197–198; Семенов 1939: 77–78; Михайлова 1941: 147–148; Нейман 1941c: 38–40; Пумпянский 1941: 390–391, 396, 398; Никитина 1960: 85–87; Эйхенбаум 1961: 327–328; Иконников 1962: 44–47; Фам Вын-кы, Ходукина 1963: 184–187; Пейсахович 1964: 480, 484–85, 486; Альбеткова 1973: 65–66; Удодов 1973: 111–112, 149–154; Найдич 1976c: 117–123; Чистова 1979: 194–195; Андроников 1981: 149–150; Лорер 1984: 186, 243; Макогоненко 1987: 198–201; Фризман 1988: 125–130; Серман 1997: 157–163; Нилова 2007a: 249–252; Эйдельман 2006: 292–310.

376. «На буйном пиршестве задумчив он сидел...».

Автограф: ОПИ ГИМ. Ф. 445. № 227а. Л. 55 — беловой с правкой, в тетради Чертковской библиотеки. Третья строфа зачеркнута. Ниже записано стихотворение «<Э. К. Мусиной-Пушкиной>» («Графиня Эмилия...»). Фотокопии: РГАЛИ. Ф. 276. Оп. 1. № 66. Л. 9; РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 2. № 126. Л. 1, 2.
Печатается по автографу.
Датируется осенью — началом зимы 1839 г. по расположению автографа на обороте листа с окончанием стихотворения «Памяти А. И. О<доевско>го», относящегося к этому времени (см. примеч. к № 375).
Впервые: Современник. 1854. Т. 43. № 1. Отд. 1. С. 8 (две первые строфы, под заглавием «Отрывок»); Современник. 1857. Т. 65. № 10. Отд. 1. С. 189 — полностью; под заглавием «Казот (Отрывок)».

Стихотворение не закончено. В основе сюжета — поэтический рассказ о пророчестве Жака Казота (Cazotte; 1719–1792), французского писателя-роялиста, погибшего на гильотине. В начале 1788 г. на вечере в кругу парижских вельмож Казот предсказал революцию и гибель присутствовавших на банкете гостей, в том числе и свою собственную. Рассказ о Казоте, представляющий собою литературную мистификацию, был широко известен в изложении французского писателя Жана Франсуа Лагарпа (La Harpe; 1739–1803); начиная с 1806 г. он несколько раз появлялся на страницах русской печати.

Лит.: ЛЭ 1981: 329; Горленко 1892; Кирпотин 1939: 139–140; Эйхенбаум 1940: 314; Кирпотин 1941: 35–36; Любович 1960: 91–96; Найдич 1976b: 122–123; Вольперт 2008: 249–262.

377. <Э. К. Мусиной-Пушкиной> («Графиня Эмилия...»).

Автограф: ОПИ ГИМ. Ф. 445. № 227а. Л. 55 — беловой с правкой, в тетради Чертковской библиотеки, на одном листе со стихотворением «На буйном пиршестве задумчив он сидел...» (№ 376). Фотокопии: РГАЛИ. Ф. 276. Оп. 1. № 66. Л. 9; РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 2. № 126. Л. 1, 2.

Печатается по автографу.
Датируется осенью — началом зимы 1839 г. по расположению автографа на обороте листа с окончанием стихотворения «Памяти А. И. О<доевско>го» (см. примеч. к № 375).
Впервые: РВ. 1860. Т. 26. № 4. Кн. 2. С. 387 (с неточностями в ст. 2–4).

Обращено к известной своей красотой графине Эмилии Карловне Мусиной-Пушкиной (урожд. Шернваль; 1810–1846). По свидетельству приятеля Лермонтова писателя В. А. Соллогуба (1813–1882), в Эмилию Мусину-Пушкину Лермонтов «страстно был влюблен <...> и следовал за нею всюду, как тень» (Соллогуб 1988: 490–491) Стихотворение носит мадригальный характер; в центре его — традиционный образ «жестокой красавицы», шутливо гиперболизированный.

Ст. 5–6. *И небо Италии / В глазах ее светится...* — Возможно, реминисценция из «Беппо» Байрона: «Heart on her lips, and soul within her eyes, / Soft as her clime, and sunny as her skies» (*пер.:* «Их <итальянок> сердце — на устах, душа — во взоре, / Их солнце в нем, их небеса и море»).

Лит.: ЛЭ 1981: 324; Устимович 1887: 455–456; Пейсахович 1964: 476; Соллогуб 1988: 444.

378. Молитва («В минуту жизни трудную...»).

Автограф неизвестен.
Копия: РГАЛИ. Ф. 276. Оп. 1. № 42. Л. 1 — на отдельном листе, заглавие «Молитва», подпись: «Лермонтов».
Печатается по последней прижизненной публикации.
Датируется не позднее начала ноября 1839 г. по первой публикации (ценз. разр. 11-му номеру ОЗ — 14 ноября 1839 г.; Боград 1985: 65) и помете в Лермонтов 1840.
Впервые: ОЗ. 1839. Т. 6. № 11. Отд. 3. С. 272 (поправка к тексту см.: ЛПРИ. 1839. Т. 2. № 21. 25 ноября. С. 420); вошло в прижизненный сборник стихотворений: Лермонтов 1840: 71–72 (с датировкой: 1839).

По свидетельству А. О. Смирновой (см. примеч. к № 369), написано для княгини Марии Александровны Щербатовой (урожд. Штерич; 1820–1879; о ней также см. примеч. к № 390), которой Лермонтов был увлечен в 1839–1840 гг.: «Машенька велела ему молиться, когда у него тоска. Он ей обещал и написал эти стихи» (Смирнова 1989: 292).

Лит.: ЛЭ 1981: 283; Воскресенский 1886: 98–99, 108, 128–130; Браиловский 1893: 13–15; Шувалов 1914b: 152; Гинцбург 1915: 166–169; Гинзбург 1940: 66, 118; Виноградов 1941: 356–357; Белинский 1953–1959: XI, 442; Пейсахович 1964: 431–432, 443–444; Архипов 1965: 34–35; Воспоминания 1989: 151–152; Гаспаров 1999: 88–265; Тарановский 2000: 351–352; Лейбов 2008: 92–93; Сахарова 2012: 105–112.

379. Дары Терека («Терек воет, дик и злобен...»).

Автограф неизвестен.
Печатается по последней прижизненной публикации.

Датируется не позднее начала декабря 1839 г. по первой публикации (ценз. разр. 12-му номеру ОЗ — 14 декабря 1839 г.; Боград 1985: 68).
Впервые: ОЗ. 1839. Т. 7. № 12. Отд. 3. С. 1–3; вошло в прижизненный сборник стихотворений: Лермонтов 1840: 73–77 (с датировкой: 1839).

Источники балладного сюжета не установлены. Связь ее с преданиями терских казаков не подтверждена. По мнению А. Н. Журавлевой (2002: 33), «Дары Терека» в сюжетном плане соотносятся со стихотворением С. П. Шевырева «Тибр» (1829), однако единственное, что роднит эти тексты, это форма диалога с рекой (литературная форма диалога / спора природных сущностей имеет древнейшие мифологические корни).

Лит.: ЛЭ 1981: 126–127; Зотов 1863: 343–354; Мендельсон 1914: 165–195; Семенов 1914b: 118–139, 421–424; Гинцбург 1915: 169; Семенов 1939: 79–80, 102–103, 133–135; Нейштадт 1939: 198; Гинзбург 1940: 114; Эйхенбаум 1940: 331; Эйхенбаум 1941a: 69; Сигал 1941: 344–345; Пумпянский 1941: 416; Попов 1949: 31–33; Белинский 1953–1959: IV, 174, 535, 544, 642; V, 48, 434; XI, 441; Семенов 1960: 101–118; Пейсахович 1964: 439; Андроников 1967: 395–397, 398–407; Коровин 1973: 87–88; Вацуро 1976: 247–248; Найдич 1976a: 67–68; Берковский 1985: 337–341; Ермоленко 1986; Розанов 1990: 268–269; Найдич 1994a: 133–134; Турбин 1994: 123–159; Черная 1997: 82–92; Чеснокова 2002: 344–357; Подкорытова 1999: 68–72.

380. «Как часто, пестрою толпою окружен...».

Автограф неизвестен.
Печатается по последней прижизненной публикации.
Датируется не позднее начала января 1840 г. по первой публикации (ценз. разр. 1-му номеру ОЗ — 14 января 1840 г.; Боград 1985: 72).
Впервые: ОЗ. 1840. Т. 8. № 1. Отд. 3. С. 140 (с датой перед текстом: «1 января», в оглавлении дана как заглавие); вошло в прижизненный сборник стихотворений: Лермонтов 1840: 85–88 (с датировкой: 1840; перед текстом дата: «1-е Января», в оглавлении дана как заглавие).

Стихотворение создано под впечатлением новогодних празднеств под новый 1840 г. Существует мемуарный рассказ И. С. Тургенева о его встрече с Лермонтовым «на маскараде в Благородном собрании, под новый 1840 год»: «На бале дворянского собрания ему не давали покоя, беспрестанно приставали к нему, брали его за руки; одна маска сменялась другою, а он почти не сходил с места и молча слушал их писк, поочередно обращая на них свои сумрачные глаза. Мне тогда же почудилось, что я уловил на лице его прекрасное выражение поэтического творчества. Быть может, ему приходили в голову те стихи: „Когда касаются холодных рук моих / С небрежной смелостью красавиц городских / Давно бестрепетные руки...“ и т. д.» (Воспоминания 1989: 297).

Прокомментировать в достаточной мере свидетельство Тургенева пока не удается; «под новый 1840 год» в Дворянском собрании была целая серия балов — в течение всего декабря. Лермонтов мог быть там 6, 21, 30 декабря; в самый канун нового года, 31 декабря, бала в Дворянском собрании не было. Биографы Лермонтова не раз

пытались на основании воспоминаний современников установить реальную основу стихотворения. Однако свидетельства опиравшихся на городские толки мемуаристов (А. А. Краевский, В. А. Соллогуб, А. В. Дружинин, П. И. Бартенев) относительно обстоятельств, послуживших поводом к созданию стихотворения, недостаточно определенны и нередко в чем-то даже противоречат друг другу (дата и характер бала, его участники, место действия и т. д.). Существует ряд версий, реконструирующих историко-бытовой контекст стихотворения, но все они в равной степени гипотетичны. Творческая история стихотворения продолжает оставаться неясной.

Ст. 41–42. *...И дерзко бросить им в глаза железный стих, / Облитый горечью и злостью!..* — Ср. в сатире Никола Жильбера «Моя апология» («Mon Apologie», 1778): «Je veux, de vos pareils ennemi sans retour, / Fouetter d'un vers sanglant ces grands hommes d'un jour» (Gilbert 1823: 57; *пер.:* «Непримиримому врагу вам подобных, мне хочется хлестнуть жестким стихом этих сегодняшних господ»; отмечено: Эйхенбаум 1961*:* 329).

Лит.: ЛЭ 1981: 215–216; Висковатов 1891: 315, 324; Гинзбург 1940: 78, 83, 88; Гуковский 1941: 22–23; Эйхенбаум 1941а: 61; Розанов 1942: 11, 89–92, 114–115, 211–212; Белинский 1953–1959: IV, 529–30; XI, 474, 493; Рейфман 1958: 94–95; Иконников 1960: 78–79; Пейсахович 1964: 462–463; Герштейн 1964: 74–83; Григорьян 1964: 129–130; Жданов 1965: 257–258; Архипов 1965: 218–225; Яшин 1969: 180; Маймин 1972: 195–206; Коровин 1973: 101–103; Удодов 1973: 49; Чичерин 1974: 410–411; Лермонтов 1975–1976: I, 531–532; Найдич 1979: 71–73; Герштейн 1981: 194–199; Палкин 1986: 140; Воспоминания 1989: 228–229; Марченко 1989: 252–259; Марченко 1991: 173–187; Полукарова 1997: 46–49; Серман 1997: 193–194; Эткинд 1998: 177–180; Герштейн 2001: 189— 198; Сквозников 2002: 47–52; Юхнова 2003: 115–121.

381. И скучно, и грустно («И скучно, и грустно, и некому руку подать...»).

Автограф: РГАЛИ. Ф. 427. Оп. 1. № 986. Л. 66 — беловой, с правкой, без заглавия, в альбоме автографов С. А. Рачинского, на одном листе со стихотворением «Посреди небесных тел...», на обороте — черновой автограф стихотворения «К портрету».

Копия: РГАЛИ. Ф. 276. Оп. 1. № 38. Л. 1 — на отдельном листке, вместе со стихотворением «Кинжал» (№ 353).

Печатается по последней прижизненной публикации.

Датируется не позднее начала января 1840 г. по первой публикации.

Впервые: ЛГ. 1840. № 6. 20 января. С. 133; вошло в прижизненный сборник стихотворений: Лермонтов 1840: 109–110 (с датировкой: 1840). Согласно сообщению В. Г. Белинского в письме В. П. Боткину от 3–10 февраля 1840 г., первоначально стихотворение должно было быть напечатано в ОЗ, но не было пропущено цензурой, «а в „Литературной газете“, у которой другие цензора, пропущен[о]» (Белинский 1953–1959: XI, 445).

Белинский писал об этом стихотворении: «Страшен этот глухой, могильный голос подземного страдания, нездешней муки, этот потрясающий душу реквием всех надежд, всех чувств человеческих, всех обаяний жизни! <...> Это не минута

духовной дисгармонии, сердечного отчаяния: это — похоронная песня всей жизни! Кому не знакомо по опыту состояние духа, выраженное в ней, в чьей натуре не скрывается возможность ее страшных диссонансов, — те, конечно, увидят в ней не больше, как маленькую пьеску грустного содержания, и будут правы; но тот, кто не раз слышал внутри себя ее могильный напев, а в ней увидел только художественное выражение давно знакомого ему ужасного чувства, тот припишет ей слишком глубокое значение, слишком высокую цену, даст ей почетное место между величайшими созданиями поэзии...» (Белинский 1953–1959: IV, 525–526). Стихотворение было характерно для мироощущения Лермонтова и людей его поколения. Так, И. Р. Грузинов, однокашник Лермонтова по Московскому Университетскому пансиону (см. примеч. к № 31), взял в качестве эпиграфа к своей автобиографической повести «Записки покойного Якова Васильевича Базлова» стихи «И скучно и грустно» (см.: Вацуро 2008: 355; книга издана посмертно в 1863 г.).

Ст. 8. *И радость, и муки, и всё там ничтожно...* — В автографе иной вариант: «и все *так* ничтожно»; нельзя исключать, что в прижизненных публикациях опечатка (см.: Лермонтов 1935–1937: II, 208).

Ст. 9–12. *Что страсти? — ведь рано иль поздно их сладкий недуг ~ Такая пустая и глупая шутка...* — По мнению К. Б. Бархина (1912: 124–125), эти строфа и все стихотворение в целом могут быть сопоставлены с монологом Макбета, узнавшего о смерти жены (Акт V, сц. 5):

To-morrow, and to-morrow, and to-morrow,
Creeps in this petty pace from day to day,
To the last syllable of recorded time;
And all our yesterdays have lighted fools
The way to dusty death. Out, out, brief candle!
Life's but a walking shadow; a poor player,
That struts and frets his hour upon the stage,
And then is heard no more: it is a tale
Told by an idiot, full of sound and fury,
Signifying nothing.

(Shakespeare 1824: 375)

Да! завтра, завтра — и всё то же завтра
Скользит невидимо со дня на день
И по складам отсчитывает время;
А все вчера глупцам лишь озаряли
Дорогу в гроб. Так догорай, огарок!
Что жизнь? — тень мимолетная, фигляр,
Неистово шумящий на помосте
И через час забытый всеми: сказка
В устах глупца, богатая словами
И звоном фраз, но нищая значеньем!

(Шекспир 1862: 134; пер. А. И. Кронеберга, 1834)

Не исключено, что Лермонтов мог помнить этот монолог из шиллеровой переделки, в этом месте довольно близкой к оригиналу (десятью годами ранее юный поэт переводил песню трех ведьм именно из Шиллера — см. примеч. к № 20):

Morgen, Morgen
Und wieder Morgen kriecht in seinem kurzen Schritt
Von einem Tag zum andern, bis zum letzten
Buchstaben der uns zugemeßnen Zeit,
Und alle unsre Gestern haben Narren
Zum modervollen Grabe hingeleuchtet!
— Aus, aus, du kleine Kerze! Was ist Leben?
Ein Schatte, der vorüber streicht! Ein armer Gaukler,
Der seine Stunde lang sich auf der Bühne
Zerquält und tobt; dann hört man ihn nicht mehr.
Ein Märchen ist es, das ein Thor erzählt,
Voll Wortschwall, und bedeutet nichts.

(Schiller 1817–1819: XI, 329)

Завтра, Завтра
И снова Завтра ползет короткими шагами
От одного дня к другому, до последней
Буквы, отмеренной нам временем,
И все наше Вчера шуты
Высветили как могилу, полную гнили!
— Гасни, гасни, маленькая свеча! Что жизнь?
Тень, что проносится мимо! Бедный фигляр,
Который все свое время на сцене
Мучается и шумит, и вот его уже не слышно.
Это сказка, которую рассказывает безумец,
Полна пустословия, и ничего не значит.

(ср. также сглаженный пер. А. Г. Ротчева: Шекспир 1830: 108).

Близкие мотивы содержатся в монологе Арбенина («Маскарад», д. 3. сц. 2): «Ты права! что такое жизнь? — жизнь вещь пустая», и далее (Т. 3. С. 331).

Лит.: ЛЭ 1981: 179–180; Эйхенбаум 1961: 103–104; Максимов 1964: 105, 106, 157, 159; Пейсахович 1964: 441; Соколов 1964: 179–180, 186; Усок 1964: 228–232; Григорьян 1964: 82–83; Григорьев 1967: 201; Зунделович 1968: 10–12; Гиллельсон 1969: 285; Коровин 1973: 99–101; Фризман 1973: 128–129; Чичерин 1974: 412; Ломинадзе 1976: 345–346, 367–369; Лосев 1982: 417–418; Гореликова, Магомедова 1983: 112; Левитан, Цилевич 1990: 398–412; Петина 1990: 113; Никишов 1990: 17–18; Монина 1991: 47–52; Чернец 2003: 464; Лукьяненко 2010: 65–70.

382. «Посреди небесных тел...».

Автографы: 1) РГАЛИ. Ф. 276. Оп. 1. № 35. Л. 12 — карандашный черновой набросок двух с половиной строк («Посреди небесных тел / Лик луны туманной, / Как он кругл и») в Записной книжке из архива П. А. Вяземского; вся запись зачеркнута карандашом; 2) РГАЛИ. Ф. 427. Оп. 1. № 986. Л. 66 — беловой, в альбоме автографов С. А. Рачинского, на одном листе со стихотворением «И скучно и грустно» (№ 381); на обороте — черновик стихотворения «К портрету» (№ 383); 3) Staatsbibliothek zu Berlin. Preussische Kulturbesitz. Handschriftenabteilung. Sammlung Autographa, acc.ms. 1957.18 — беловой, на листке из альбоме К. К. Павловой (Яниш), под текстом дата: «1840 год<?> 16 мая» (фотокопия: Фридкин 1987: 145).
Печатается по автографу Берлинской библиотеки.
Датируется не позднее начала 1840 г. по положению автографа на одном листе со стихотворением «И скучно и грустно», опубликованным 20 января 1840 г.
Впервые: БЗ. 1858. Т. 1. № 20. Стб. 634–635 (без заглавия).

Стихотворная шутка, вписанная 16 мая 1840 г. в альбом поэтессы и переводчицы Каролины Карловны Павловой (урожд. Яниш; 1807–1893). Лермонтов посещал салон Павловой в мае 1840 г., задержавшись в Москве по дороге на Кавказ.

Лит.: ЛЭ 1981: 437; Коровин 1959: 43–44; Усок 1963: 166–167; Усок 1964: 230–232; Пейсахович 1964: 439; Альтман 1964: 759–769; Olias 1965: 669–672; Гуськова 1994: 44–45.

383. К портрету («Как мальчик кудрявый, резва...»).

Автографы: 1) РГАЛИ. Ф. 427. Оп. 1. № 986. Л. 66 об. — черновой, в альбоме автографов С. А. Рачинского; заглавие: «Портрет. Светска<я> женщин<а>»; на обороте листа — автографы стихотворений «И скучно и грустно» (№ 381) и «Посреди небесных тел...» (№ 382); 2) РГАЛИ. Ф. 276. Оп. 1. № 40. Л. 1 — беловой, на отдельном листе, под текстом пометы В. Ф. Одоевского и П. А. Вяземского: «Писано собственною рукою Лермонтова. К<нязь> В. Одоевский», «Это портрет графини Воронцовой-Дашковой. К<нязь> Вяземский»; 3) Biblioteka Jagiellońska, Kraków. Varnhagen-Sammlung. № 107, Lermontov — беловой, без заглавия на отдельном листе (краткое описание см.: РС. 1893. № 4. С. 59).
Копия: РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 2. № 103. Л. 99 об.–100 — писарским почерком, для посмертного издания Лермонтов 1842–1844: I; заглавие: «К портрету Графини В–вой-Д–вой».
Печатается по прижизненной публикации.
Датируется началом января по положению чернового автографа на одном листе со стихотворением «И скучно, и грустно», опубликованном в середине января 1840 г. Окончательно стихотворение, по-видимому, было отделано перед подготовкой публикации, эту доработку можно датировать не позднее начала декабря 1840 г. (ценз. разр. 12-му номеру ОЗ — 13 декабря 1840 г.; Бойград 1985: 105).
Впервые: ОЗ. 1840. Т. 13. № 12. Отд. 3. С. 290 (заглавие «К портрету»).

Обращено к знакомой Лермонтова графине Александре Кирилловне Воронцовой-Дашковой (урожд. Нарышкиной; 1818–1856), портрет которой (рисунок Дей-

ца) был литографирован в Париже А. Греведоном в 1840 г. (см.: Описание 1953: 102). «...Никогда не встретил я, — писал В. А. Соллогуб, — такого соединения самого тонкого вкуса, изящества, грации с такой неподдельной веселостью, живостью, почти мальчишеской проказливостью. Живым ключом била в ней жизнь и оживляла, скрашивала все ее окружающее» (Соллогуб 1988: 433).

Лит.: ЛЭ 1981: 211; Бобров 1910: 73–80; Глинка 1950: 29; Иконников 1962: 19–21; Палкин 1986: 154–155; Горланов 1993: 2; Чижова 2006: 356–372;.

384. И. П. Мятлеву («На здешних дам морозных...»).

Автограф: РГАЛИ. Ф. 276. Оп. 1. № 45. Л. 1 — беловой, на отдельном листке.
Копии: 1) РГАЛИ. Ф. 276. Оп. 1. № 46. Л. 1 — на отдельном листке, сделана с автографа РГАЛИ; 2) РГАЛИ. Ф. 276. Оп. 1. № 6. Л. 1 — на отдельном листке, заглавие «В альбом Автору Курдюковой»; текст, соответствующий первой публикации (см. ниже), с разночтениями относительно автографа.
Печатается по автографу, с конъектурой в ст. 12 (вместо «De madame Курдюков!» — «Madame de Курдюков!»); полемику о выборе источника основного текста см.: Ашукина 1957: 229; Городецкий 1958: 239; также см.: Филькина 2011: 284.
Датируется 1840 г., предположительно периодом с 15 января по 11 марта 1840 г. (см. ниже).
Впервые: ОЗ. 1842. Т. 24. № 9. Отд. 1. С. 174 (под заглавием «В альбом автору „Курдюковой“» — с разночтениями относительно автографа).

Стихотворение обращено к поэту Ивану Петровичу Мятлеву (1796–1844), автору описательно-юмористической поэмы «Сенсации и замечания госпожи Курдюковой за границею, дан л’этранже» (1840–1844), написанной в так называемом макароническом стиле, основанном на смешении различных языков (в «Сенсациях...» смесь русского и французского). Мятлев был усердным посетителем петербургских светских салонов, где после возвращения из поездки по Европе (15 января 1840 г.) с огромным успехом читал свою шутливую поэму, представляющую события европейской истории и современной жизни от лица невежественной провинциальной помещицы. Лермонтов познакомился с Мятлевым, скорее всего, у Карамзиных (см. примеч к № 408), где Мятлев бывал особенно часто и где в январе–феврале 1840 г. знакомил хозяев и их гостей со своей поэмой еще до выхода ее из печати (см.: Белинский 1953–1959: V, 166). От имени Курдюковой написан и его шуточный мадригал, обращенный к Лермонтову:

Мосье Лермонтов, вы пеночка,
Птичка певчая, *времеман!*
Ту во вер сон си шарман,
Что они по мне как пеночка
Нон де крем, ме де Креман.
Так полны они *эр фиксом*
Де дусер и *де бон гу*,
Что с душевным только *книгсом*
Вспоминать о них могу

Пер.: «Господин Лермонтов, вы пеночка, / Птичка певчая, *поистине! / Все ваши стихи так прекрасны, /* Что они по мне как пеночка / *Не сливок, но Кремана <шампанского>. /* Так полны они *духа нежности* и *хорошего вкуса, /* Что с душевным только *поклоном /* Вспоминать о них могу» (Мятлев 1969: 104). 17 февраля П. А. Вяземский, который чуть ли не ежедневно общался с Мятлевым в разных петербургских домах, включил текст мадригала в свое письмо к жене, назвав его «новым произведением» (Герштейн 1959: 171).

В литературе нет единого мнения, является ли стихотворение Лермонтова началом или продолжением поэтического разговора с Мятлевым. Однако резоннее предположить, что стихи Лермонтова с оценкой поэмы Мятлева и вызвали признательную реакцию последнего. Учитывая, что к 17 февраля ответ Мятлева был уже известен Вяземскому, создание лермонтовских стихов следует в этом случае отнести к периоду с 15 января по 15 февраля 1840 г. Обратная последовательность стихотворной переписки заставила бы датировать лермонтовский текст периодом с 15–17 февраля до 11 марта 1840 г. (арест Лермонтова за дуэль с Э. де Барантом; см. примеч. к № 390). В любом случае, датировка стихотворения не может выходить за рамки периода с 15 января по 11 марта 1840 г.

Стихотворение «И. П. Мятлеву» построено на ироническом признании превосходства мадам Курдюковой над «морозными» светскими кра-савицами; в основе шутки каламбур, в котором Лермонтов использовал созвучие русского слова «мороз» с французским «morose» (угрюмый, серьезный). Последняя строка имитирует мятлевский макаронический стиль, который также использован в посланиях, адресованных А. А. Олениной (№ 373) и А. А. Углицкой (№ 404).

Лит.: ЛЭ 1981: 75; Герштейн 1959: 170–173; Мануйлов 1979: 334–337; Скобелева 2009b: 128–142; Пильщиков 2015.

385. «Воздушный корабль» (Из Зейдлица) («По синим волнам океана...»).

Автограф неизвестен.

Печатается по последней прижизненной публикации.

Датируется мартом 1840 г. по свидетельству В. Г. Белинского в письме В. П. Боткину от 14–15 марта 1840 г., где он сообщал, что Лермонтов, которого он навестил в Ордонанс-гаузе, «...читает Гофмана, переводит Зейдлица и не унывает» (Белинский 1953–1959: XI, 496).

Впервые: ОЗ. 1840. Т. 10. № 5. Отд. 3. С. 1–3; вошло в прижизненный сборник стихотворений: Лермонтов 1840: 103–107 (с датировкой: 1840).

Свободное переложение посвященной Наполеону баллады австрийского поэта Й.-К. Цедлица (Zedlitz; 1790–1862) «Корабль призраков» («Geisterschiff», 1832). В ряде строф сказалось влияние другой баллады этого же автора: «Ночной смотр» («Nächtliche Heerschau», 1827), переведенной в 1836 г. В. А. Жуковским. Стихотворение входит в «наполеоновский цикл» стихотворений Лермонтова (см. примеч. к № 38).

Ст. 45–48. *Но спят усачи-гренадеры — / В равнине, где Эльба шумит, / Под снегом холодной России, / Под знойным песком пирамид...* — В этих строках обозначены основные вехи военной карьеры Наполеона (в обратном хронологическом порядке): битва при Лейпциге в 1813 г., война 1812 г. с Россией, египетский поход 1798–1801 гг.

Лит.: ЛЭ 1981: 90–91; Гинцбург 1915: 178–179; Эйхенбаум 1948: 319; Белинский 1953–1959: XI, 496; Эйхенбаум 1961: 345; Пейсахович 1964: 440; Микушевич 1967: 71, 75–79; Федоров 1967: 260–261; Шагалов 1970: 194–218; Микушевич 1971: 58–65; Тарле 1981: 255–257; Черная 1996: 60–62; Кац 1997: 77–78; Гаспаров 1999: 120–151; Жолковский 2005: 88; Куликова 2009: 39–43; Fröberg 1905: 45–53; Dechamps 1929: 285–307; Žinkin 1957: 348–362.

386. Журналист, читатель и писатель

(«Я очень рад, что вы больны...»).

Автограф: РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 1. № 15. Л. 11–12 об. — беловой, на отдельных листах, вложенных в тетрадь 15; подпись: «М. Лермонтов». В автографе позднейшая помета: «Печатать позволяется. С.-Петербург, 19 марта 1859 г. Цензор И. Гончаров».

Копия: РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 2. № 62. Л. 2–2 об. — рукой В. А. Соллогуба, с подписью «М. Лермонтов» и припиской: «С.-Петербург. 20 марта 1840. Под арестом, на Арсенальной Гаубтвахте».

Печатается по последней прижизненной публикации с исправлением по автографу в ст. 84: «свежее» вместо «светлое».

Датируется второй половиной марта 1840 г. по помете в копии В. А. Соллогуба и по первой публикации (ценз. разр. 4-му номеру ОЗ — 11 апреля 1840 г.; Боград 1985: 81).

Впервые: ОЗ. 1840. Т. 9. № 4. Отд. 3. С. 307–310; вошло в прижизненный сборник стихотворений: Лермонтов 1840: 93–102 (с датировкой: 1840).

Написано в Петербурге на Арсенальной гауптвахте, где Лермонтов находился под арестом за дуэль с Э. де Барантом (см. примеч. к № 390). В жанровом отношении ориентировано на «Разговор книгопродавца с поэтом» (1824) А. С. Пушкина, где в форме поэтического диалога рассматривается проблема положения поэзии в «коммерческий век» (в свою очередь, Пушкин опирался, вероятно, на «Пролог в театре», открывающий трагедию Гете «Фауст»).

Экспозиционная ремарка стихотворения, возможно, повторена в рисунке Лермонтова, изображающем самого Лермонтова в позе Читателя и А. С. Хомякова (1804–1860) в позе Писателя (альбом Лермонтова 1840–1841 гг.; ОР РНБ. Ф. 429. № 11. Л. 17; Ковалевская 1980: 210–211).

Эпиграф. *Les poètes ressemblent aux ours... — Пер.:* «Поэты похожи на медведей, сытых тем, что сосут лапу. Неизданное». Лермонтов приводит по-французски фразу И.-В. Гете из «Изречений в стихах» («Sprüche in Reimen», 1815).

Ст. 10. *Зато, какая благодать, / Коль Небо вздумает послать / Ему изгнанье, заточенье...* — Парафраза строк из «Ответа анониму» (1830) Пушкина: «Постигнет ли певца ~ изгнанье, заточенье...» (Пушкин 1937–1959: III, 229).

Ст. 16–17. *Порой влюбляется он страстно / В свою нарядную печаль...* — Цитата из послания Боратынского «Богдановичу» (1824; опубл. 1827), важного «метапоэтического» текста середины 1820-х гг.: «В печаль влюбились мы. Новейшие поэты / Не улыбаются в творениях своих» (Боратынский 2000–2012: II, 69). Ср. также в стихотворении Боратынского «<Подражателям>» (1829): «Когда печалью вдохновенный / Певец печаль свою поет...» (Там же. С. 248).

Ст. 18–19. *Ну, что́ вы пишете? нельзя ль / Узнать?..* — Парафраза из «Разговора...» А. С. Пушкина: «о чем вздохнули так глубоко? Нельзя ль узнать?» (Пушкин 1937–1959: II, 324).

Ст. 31–33. *Во-первых, серая бумага ~ Да как-то страшно без перчаток...* — Парафраза замечания П. А. Вяземского («Отрывок их письма к А. И. Г<отовцевой>», 1830), которое принял на свой счет издатель журнала «Московский телеграф» (1825–1834) Николай Алексеевич Полевой (1796–1846): «Кто-то сказал, что с некоторого времени журналы наши так грязны, что их не иначе можно брать в руки, как в перчатках» (Вяземский 1982: II, 133).

Ст. 69. *Войдите в наше положенье!* — По мнению Э. Г. Герштейн (1964: 197) и В. Э. Вацуро (2008: 86–87) это выражение, любимое Пушкиным и произносимое им с особой интонацией, попало в стихи Лермонтова из кружкового жаргона салона Карамзиных. Однако следует учитывать, что эта и близкие языковые формулы зафиксированы в литературных текстах по крайней мере с 1820-х гг., и могли не иметь в стихотворении никаких кружковых коннотаций.

Ст. 100–101. *На мысли, дышащие силой, / Как жемчуг нижутся слова.* — Эти строки соотносятся с отрывком из «Осени» (1833) Пушкина: «И мысли в голове волнуются в отваге, / И рифмы легкие навстречу им бегут....» (Пушкин 1837–1959: III, 321).

Лит.: ЛЭ 1981: 170–172; Бурачок 1840: 155–156; Шевырев 1841: 538–539; Майков 1846: 9; Булгарин 1849: 1145; Дружинин 1850: 79–80; Булгарин 1855: 1291; Булгарин 1856: 336; Нейман 1914a: 117–119; Котляревский 1915: 164–166; Благой 1941: 410–411; Мордовченко 1941: 758–765; Пумпянский 1941: 408; Эйхенбаум 1943: 160–164; Дурылин 1948: 564–566; Белинский 1953–1959: IV, 154, 272, 318, 434, 530; V, 443; VIII, 546; Кулешов 1958: 51–56; Эйхенбаум 1961: 104–107, 341–342; Иконников 1962: 16–18, 52; Герштейн 1964: 181–211; Григорьян 1964: 149–157; Коровин 1973: 140–148; Вацуро 1974: 105–106; Найдич 1976d: 155–163; Журавлева 1978: 14–15; Турбин 1979: 399, 402; Жирмунский 1981: 112; Бочарова 1983: 62–69; Буранок 1990: 106–118; Вацуро 1993: 505–519; Найдич 1994a: 145–155; Розанов 1994: 284; Лотман 1996: 530–542; Голлер 1997: 209–224; Голлер 1998: 202–238; Афанасьева 2002: 111–120; Магомедова 2006: 13–44.

387. Соседка («Не дождаться мне видно свободы...»).

Автограф: РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 1. № 15. Л. 19 — беловой с правкой, на отдельном листке, вложенном в 15-ю тетрадь.

Печатается по автографу.

Датируется мартом — апрелем 1840 г. по воспоминаниям А. П. Шан-Гирея (см. ниже).

Впервые: ОЗ. 1842. Т. 20. № 2. Отд. 1. С. 127–128.

Об истории создания «Соседки» рассказал в своих воспоминаниях А. П. Шан-Гирей, навещавший Лермонтова в Ордонанс-гаузе, где тот находился под арестом за дуэль с Э. де Барантом (см. примеч. к № 390): «Здесь написана была пьеса „Соседка“, только с маленьким прибавлением. Она действительно была интересная соседка, я ее видел в окно, но решеток у окна не было, и она была вовсе не дочь тюремщика, а, вероятно, дочь какого-нибудь чиновника, служащего при Ордонанс-гаузе, где и тюремщиков нет, а часовой с ружьем точно стоял у двери...» (Воспоминания 1989: 50). По свидетельству биографа Лермонтова П. А. Висковатова, граф В. А. Соллогуб «видел даже изображение этой девушки, нарисованное Лермонтовым, с подписью: „La jolie fille d'un sous-officier“ <хорошенькая дочь одного унтер-офицера — *фр.*>. Поэт с ней действительно переговаривался через окно» (Висковатов 1891: 330).

Лит.: ЛЭ 1981: 523–524; Висковатов 1891: 329–330; Дурылин 1934: 52–54; Лермонтов 1935–1937: II, 213–214; Виноградов 1941: 372–373; Пумпянский 1941: 416; Федоров 1941: 197; Сигал 1941: 344; Белинский 1953–1959: VI, 533; Чуковский 1959: 308; Иконников 1962: 54–55, 67, 74; Максимов 1964: 147–150, 157; Коровин 1973: 75–76; Удодов 1973: 110–111; Фохт 1975: 29–32; Вацуро 1976: 245–247; Воспоминания 1989: 50; Носова 1991: 38–43; Быдина 2004: 195–204.

388. Пленный рыцарь («Молча сижу под окошком темницы...»).

Автограф неизвестен.

Копия: РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 1. № 15. Л. 18 — на отдельном листке, вложенном в 15-ю тетрадь.

Печатается по первой публикации.

Датируется предположительно весной 1840 г. по тематической связи со стихотворениями, написанными в то же время, когда Лермонтов находился в Ордонанс-гаузе за дуэль с Э. де Барантом (см. примеч. к № 390). Однако нельзя исключать, что стихотворение было доработано перед посылкой его в печать — не позднее середины–конца апреля 1841 г., что устанавливается по обстоятельствам цензурной истории текста. Стихотворение, «где рыцарь жалуется на свое заточение и радуется, что смерть освободит его», вызвало сомнение цензора С. С. Куторги, представившего его 6 мая 1841 г. на рассмотрение Петербургского цензурного комитета, который «разрешил одобрить» текст к напечатанию (РГИА. Ф. 777. Оп. 1. № 1594. Л. 1; Здобнов 1939: 260). Такая дата цензурного рассмотрения стихотворения свидетельствует о том, что текст был передан в «Отечественные записки» самим Лермонтовым — вероятно, еще до отъезда из Петербурга.

Впервые: ОЗ. 1841. Т. 17. № 8. Отд. 3. С. 268.

Лит.: ЛЭ 1981: 421; Здобнов 1939: 260; Гинзбург 1940: 71; Шувалов 1941: 291; Усок 1963: 164–165; Герштейн 1964: 342–343; Пейсахович 1964: 443; Коровин 1973: 74–75; Лотман 1996: 815–818; Канунова 2009: 377; Заславский 2011: 150–158.

389. М. П. Соломирской («Над бездной адскою блуждая...»).

Автограф неизвестен.
Копия: ОР РНБ. Ф. 429. № 62. Л. 1 — на отдельном листке, на обороте которого — копия эпиграммы «Под фирмой иностранной, иноземец...» (№ 398).
Печатается по первой публикации.
Датируется предположительно весной 1840 г. по биографическим основаниям (см. ниже).
Впервые: ОЗ. 1842. Т. 24. № 10. Отд. 1. С. 320.

Обращено к Марии Петровне Соломирской (урожд. графине Апраксиной; 1811–1859), жене камер-юнкера Владимира Дмитриевича Соломирского (1802–1884), поэта-любителя и поклонника Байрона. Брат Владимира, Павел Дмитриевич Соломирский (1801–1861), был полковником л.-гв. Гусарского полка (с 1833 г.) и одно время начальником Лермонтова (о нем см.: Каталог 2014: 219).

Ст. 9–10. *Так, разбирая в заточенье / Досель мне чуждые черты...* — Послание Лермонтова написано, по-видимому, в ответ на записку, которую поэт получил от Соломирской, находясь весной 1840 г в Ордонанс-гаузе под арестом за дуэль с Э. де Барантом (см. примеч. к № 390).

Лит.: ЛЭ 1981: 521.

390. <М. А. Щербатовой> («На светские цепи...»).

Автограф: РГАЛИ. Ф. 276. Оп. 1. № 48. Л. 1 — беловой с правкой, на отдельном листе, без заглавия.
Копия: РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 1. № 15. Л. 10 об. — без заглавия, с отличиями от автографа в ст. 2 и 6, соответствующими первой публикации, на отдельном листе, вложенном в тетрадь 15. На том же листе — копия стихотворения «Парус» (№ 309) (фотокопия: РГАЛИ. Ф. 276. Оп. 1. № 57. Л. 1), на обороте — копии стихотворений «Желание» (№ 293) и «На севере диком...» (№ 406).
Печатается по автографу.
Датируется 1840 г., предположительно весной, в соответствии с датировкой в первой публикации и по биографическим основаниям (см. ниже).
Впервые: ОЗ. 1842. Т. 20. № 1. Отд. 1. С. 126.

Обращено к кн. М. А. Щербатовой, ур. Штерич (о ней см. примеч. к № 378). 10 мая 1840 г. А. И. Тургенев, знакомый Лермонтова, записал в дневнике: «Был у кн. Щербатовой. Сквозь слезы смеется. Любит Лермонт<ова>...» (ЛН. 1948. Т. 45–46. С. 420). Имя Щербатовой называли в связи с разговорами о дуэли Лермонтова с Эрнестом де Барантом (1818–1859), атташе французского посольства, сыном французского посла А.-Г.-П. Баранта. Дуэль состоялась 18 февраля 1840 г.

Принято считать, что характеристика внешности и характера М. А. Щербатовой связана с ее украинским происхождением (хотя имение ее отца было в Екатеринославской губернии, которая в ту эпоху скорей относилась к Новороссии). Однако, Штеричи принадлежали к древнему иллирийскому (хорватскому) дворянству, исторически тесно связанному с Венецианской республикой. Живописуя Щербатову, Лермонтов следовал канонам описания идеальной южной (прежде всего

итальянской) красоты, а говоря о ее «печальной отчизне» мог иметь в виду австрийское владычество в иллирийских провинциях. В то же время, романтическая Украина примыкала к «полуденным странам» и ассоциации украинского и средиземноморского (как и Крыма с Грецией или Италией) в литературных текстах были достаточно обыкновенны. В этом смысле показательна аллегория Е. П. Гребенки «Признание» (ОЗ. 1839. Т. 2. С. 140–141), где Украина изображена в образе южной красавицы.

Лит.: ЛЭ 1981: 628; Розанов 1941: 462; Белинский 1953–1959: VI, 533; Коровин 1957: 408–409; Иконников 1962: 64–66; Максимов 1964: 102–103; Альбеткова 1973: 66–68; Пигарев 1973: 434; Заславский 1977: 13–19; Найдич 1979: 403–408; Раевская 2001: 326–327; Ходанен 2006: 236–244.

391. Тучи («Тучки небесные, вечные странники!..»).

Автограф неизвестен.

Копия: РГАЛИ. Ф. 276. Оп. 1. № 71. Л. 1 — на отдельном листе, рукой С. Н. Карамзиной (?), под заглавием «Тучки», подписано «Лермонтов»; сверху листа — запись «Samedi» (суббота — *фр.*).

Печатается по первой публикации.

Датируется апрелем 1840 г. по помете в: Лермонтов 1840 и по времени отъезда поэта из Петербурга.

Впервые: Лермонтов 1840: 167–168 (с датой: «Апрель 1840»). При подготовке сборника 1840 г. стихотворение вызвало сомнения цензора А. В. Никитенко, представившего его 13 августа 1840 г. на рассмотрение Петербургского цензурного комитета, который «разрешил одобрить <...> к напечатанию» (Здобнов 1939: 267; РГИА. Ф. 777. Оп. 1. № 1535. Л. 25).

Написано в последние дни апреля 1840 г. перед отъездом Лермонтова во вторую кавказскую ссылку. По рассказу В. А. Соллогуба в передаче П. А. Висковатова, «друзья и приятели собрались в квартире Карамзиных проститься с юным другом своим, и тут, растроганный вниманием к себе и непритворною любовью избранного кружка, поэт, стоя в окне и глядя на тучи, которые ползли над Летним садом и Невою, написал стихотворение „Тучки небесные, вечные странники!..“. Софья Карамзина и несколько человек гостей окружили поэта и просили прочесть только что набросанное стихотворение. Он оглянул всех грустным взглядом выразительных глаз своих и прочел его. Когда он кончил, глаза были влажные от слез...» (Висковатов 1891: 338; следует отметить, что квартира Карамзиных располагалась в доме на Гагаринской улице, ее окна издали выходили на Фонтанку и Летний сад, но Невы из них видно быть не могло (ее загораживали городские строения).

По мнению Р. Ю. Данилевского (2013: 269), в стихотворении, возможно, использованы мотивы романса Марии Стюарт из третьего акта одноименной трагедии Ф. Шиллера (1800):

Eilende Wolken! Segler der Lüfte!
Wer mit euch wanderte, mit euch schiffte!
Grüßet mir freundlich mein Jugendland!

Ich bin gefangen, ich bin in Banden,
Ach, ich hab' keinen andern Gesandten!
Frei in Lüften ist eure Bahn,
Ihr seid nicht dieser Königin unterthan.

(Schiller 1817–1819: XI, 99)

Быстрые тучи! Корабли воздуха!
Кто с вами странствует, кто с вами плавает!
Приветствуйте от меня страну моей юности!
Я поймана, я в оковах,
Ах, нет у меня других посланцев!
Свободен в небесах ваш путь,
Вы этой королеве не подвластны.

Лит.: ЛЭ 1981: 585; Коровяков 1893: 78–83; Бархин 1912: 135–139; Гинцбург 1915: 185–86; Лермонтов 1935–1937: II, 313; Белинский 1953–1959: IV, 377–78; Рубанович 1963: 73; Пейсахович 1964: 443–444; Усок 1963: 164; Удодов 1973: 426; Чичерин 1974: 413; Мануйлов, Назарова 1984: 155–156; Соколова 1986: 83–89; Холшевников 1991: 206–207; Шуршина, Солоджук 1994: 47–49; Серман 1997: 91–92, 170; Гаспаров 1999: 176–191; Перелешин 1999: 246–249; Ноздренкова 2002: 90–93; Перлина 2003: 108–114; Аюпов 2009: 161–162.

392. Отчего («Мне грустно, потому что я тебя люблю...»).

Автограф неизвестен.

Печатается по последней прижизненной публикации.

Датируется не позднее конца мая 1840 г. по первой публикации (ценз. разр. 6-му номеру ОЗ — 14 июня 1840 г.; Бograd 1840: 87). Лермонтов покинул Петербург 3–5 мая и до конца месяца находился в Москве, выехав затем на Кавказ — таким образом, крайняя дата для посылки текстов в Петербург — конец мая 1840 г. Однако нельзя исключать, что стихотворения для публикации в 6–7 номерах ОЗ («Отчего», «Благодарность» (№ 393), «Из Гете» (№ 394)) были переданы Краевскому еще до отъезда поэта из Петербурга.

Впервые: ОЗ. 1840. Т. 10. № 6. Отд. 3. С. 280; вошло в прижизненный сборник стихотворений: Лермонтов 1840: 115–116 (с датировкой: 1840).

Лит.: ЛЭ 1981: 360; Гинцбург 1915: 180–181; Эйхенбаум 1924а: 116; Белинский 1953–1959: IV, 532; Эйхенбаум 1961: 317; Шувалов 1941: 269; Максимов 1964: 100–102; Андроников 1971: 148–149; Bowra 1955: 185–186.

393. Благодарность («За всё, за всё тебя благодарю я...»).

Автограф: РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 1. № 15. Л. 13 — беловой, на отдельном листе, вложенном в тетрадь 15.

Печатается по последней прижизненной публикации.

Датируется не позднее конца мая 1840 г по первой публикации (обоснование датировки см. в примеч. к стих. «Отчего», № 392).

Впервые: ОЗ. 1840. Т. 10. № 6. Отд. 3. С. 290; вошло в прижизненный сборник стихотворений: Лермонтов 1840: 117–118 (с датировкой: 1840).

Ст. 1. *За все, за все тебя благодарю я...* — В первой публикации, так же как и в сборнике (Лермонтов 1840) местоимение «тебя» было написано со строчной буквы. Стихотворение таким образом воспринималось как обращение к женщине и потому не привлекало внимания цензуры (иронически-инвективное обращение к Богу могло вызвать цензурный запрет). Есть основание предполагать, что стихотворение полемически соотносится с напечатанным в 1839 г. стихотворением Василия Ивановича Красова (1810–1854) «Молитва», прославляющим премудрое и благое устройство мира (см.: ОЗ. 1839. Т. 7. С. 133); стихотворение кончалось стихом : «Благодарю, Творец, за все благодарю!» (см.: Бухштаб 1952: 406–409). Лермонтовская риторическая конструкция соотносится также со стихами из 6-й главы «Евгения Онегина», обращенными поэтом к своей юности: «Благодарю за наслажденья, / За грусть, за милые мученья, / За шум, за бури, за пиры, / За все, за все твои дары, / Благодарю тебя...» (Пушкин 1937–1959: VI, 136).

Лит.: ЛЭ 1981: 63; Щеголев 1929: II, 73; Лермонтов 1935–1937: II, 218; Здобнов 1939: 259; Благой 1941: 414–415; Асмус 1941: 117; Розанов 1942: 126–127; Белинский 1953–1959: IV, 532; Пейсахович 1964: 468; Григорьян 1964: 284–285; Архипов 1965: 91–92; Удодов 1973: 169, 188, 200; Коровин 1973: 26–27; Паперный 1992: 139–152; Серман 1997: 171–172; Минц 1999: 162; Гершензон 2000: 296–299; Чой Чжон Сул 2000: 173–178; Vickery 2001: 203; Голуб 2004: 88–103; Долинин 2004а: 234–239; Жолковский 2005: 401; Нестор 2011: 124–130.

394. Из Гёте («Горные вершины...»).

Автограф неизвестен.
Печатается по последней прижизненной публикации.
Датируется не позднее середины июня 1840 г. по первой публикации (ценз. разр. 7-му номеру ОЗ — 17 июля 1840; Боград 1985: 90), учитывая, что с 10 июня Лермонтов находился на Кавказе (см.: Летопись 2003: 384), однако стихотворение могло быть передано Краевскому еще до отъезда поэта из Петербурга (см. примеч. к № 392).
Впервые: ОЗ. 1840. Т. 11. № 7. Отд. 3. С. 1; вошло в прижизненный сборник стихотворений: Лермонтов 1840: 119–120 (с датировкой: 1840).

Свободный перевод второй «Ночной песни странника» («Wanderers Nachtlied», 1780) И.-В. Гете:

Über allen Gipfeln
Ist Ruh,
In allen Wipfeln
Spürest du
Kaum einen Hauch;
Die Vogelein schweigen im Walde.
Warte nur, balde
Ruhest du auch.

Точно переведены только первая и две последние строки, остальное — вариации гетевской темы. Размер оригинала (дольник) Лермонтов заменяет плавным трехстопным хореем, до него мало разработанным в русской лирике. История создания стихотворения Лермонтова отражена в воспоминаниях поэта и переводчика Гете Александра Николаевича Струговщикова (1808–1878): «На вопрос его <Лермонтова>: не перевел ли я „Молитву путника“ Гете? — я отвечал, что с первой половиной сладил, а во второй — недостает мне ее певучести и неуловимого ритма. „А я, напротив, мог только вторую половину перевести“, — сказал Лермонтов и тут же, по просьбе моей, набросал мне на клочке бумаги свои „Горные вершины“» (РС. 1874. № 4. С. 712). Свой разговор с Лермонтовым Струговщиков ошибочно относил к концу ноября 1840 г.: в это время Лермонтов уже был на Кавказе.

Лит.: ЛЭ 1981: 183; Струговщиков 1874: 712; Сидоров 1914: 39–42; Брюсов 1918: 72, 181; Виноградов 1941: 368; Эйхенбаум 1941а: 70; Белинский 1953–1959: IV, 537; Пейсахович 1964: 468–469; Федоров 1967: 261–63; Žinkin 1957: 362–63; Сидер 1960: 124–127; Statkov 1966: 16–20; Dyck 1973: 29–44; Жижина 1981: 23–27; Саакян 1983: 195–197; Данилевский 1984: 155–156; Заболоцкий 1987: 427; Мкртчян 1987: 146–147; Фет 1987: 409–410; Хелемский 1987: 187–203; Мальчукова 1988: 30; Волошин 1989: 429; Шидловский 1989: 100–103; Кишкин 1992: 223–224; Аксаков 1995: 124–125; Бельская 1995: 9–11; Ивлева 1995: 131–135; Серман 1997: 197–199; Хазин 1997: 201–208; Чайковский 1997: 29–50, 70; Кузьмина 1998: 20–24; Отрощенко 1998: 49–58; Гаспаров 1999: 50–55; Лейнонен 1999: IV, 203–205; Попов 1999: 40–44; Стадников 1999: 22–31; Пранцова 2001: 115–123; Ставицкий 2003: 81–83; Грязнова 2004: 152–157; Козлова 2004: 70–73; Демешкина 2006: 15; Кафанова 2006: 18–39; Финкель 2006: 109–140; Левушкина 2008: 118–133; Немова 2009: 92; Губарева 2010: 7–9; Лебедев 2010: 79, 80.

***395.* Ребенку** («О грезах юности томим воспоминаньем...»).

Автограф: РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 1. № 47. Л. 1–1 об. — беловой, на отдельном листе, на котором вслед за автографом рукой Соллогуба вписаны копии стихотворений «Молитва» (№ 338) и «А. О. Смирновой» (№ 369). Под текстом рукою В. А. Соллогуба (?) дата: «1838 г.» и подпись: «Лермонтов». Фотокопия: РГАЛИ. Ф. 276. Оп. 1. № 63. Л. 1.

Печатается по последней прижизненной публикации.

Датируется не позднее середины августа 1840 г. по помете в: Лермонтов 1840; и по первой публикации (ценз. разр. 9-му номеру ОЗ — 14 сентября 1840 г.; Боград 1985: 96), но нельзя исключать, что стихотворение могло быть передано Краевскому еще до отъезда поэта из Петербурга (см. выше, примеч. к № 392). В свою очередь, дата, поставленная не лермонтовской рукой в автографе, при отсутствии дополнительных фактических свидетельств не может быть признана более авторитетным указанием.

Впервые: ОЗ. 1840. Т. 12. № 9. Отд. 3. С. 1–2; вошло в прижизненный сборник стихотворений: Лермонтов 1840: 111–114 (с датировкой: 1840).

К кому обращено стихотворение — не вполне ясно. Предположительно адресатом его считают Ольгу, дочь В. А. Бахметевой (см. примеч. к № 207). Мужской

род («Ты на нее похож...» и т. д.) в этом случае объясняется грамматическим требованием согласования со словом «ребенок»).

Лит.: ЛЭ 1981: 464; Лермонтов 1889–1891: IV, 291; Дюшен 1914: 71–72; Фишер 1914: 224–225; Шувалов 1914a: 323–324; Розанов 1942: 128–130; Пейсахович 1964: 422–423; Бойко 2005: 8–16.

396. Завещание («Наедине с тобою, брат...»).

Автограф неизвестен.
Копии: 1) РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 2. № 103. 101–101 об. — писарским почерком, в цензурном экземпляре Лермонтов 1842–1844: I; 2) РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 2. № 51. Л. 2 об. — неизвестной рукой, на двойном листе, вместе со стихотворениями «Оправдание» (№ 402), «Родина» (№ 403) и «Есть речи — значенье...» (№ 374), из архива Бакуниных.
Печатается по первой публикации.
Датируется концом 1840 г. по первой публикации и сообщению в письме Краевского М. Н. Каткову от 9/21 января 1841 г.: «У нас в так называемой литературе тихо и глухо, как никогда еще не бывало. Лермонтов прислал мне одно чудесное стихотворение: он жив и здоров» (ЛН. 1948. Т. 45–46. Кн. 2. С. 374).
Впервые: ОЗ. 1841. Т. 14. № 2. Отд. 3. С. 157–158.

Считается, что стихотворение связано с участием Лермонтова в конце 1840 г. в военных действиях на Кавказской линии (поход в Большую и Малую Чечню).

Ст. 9–29. *А если спросит кто-нибудь ~ Ты расскажи всю правду ей...* — Ср. в стихотворении Дмитрия Петровича Ознобишина (1804–1877) «Исповедь», опубликованном в «Московском наблюдателе» (1835. Ч. 2. С. 230–233), герой которого, моряк, не надеясь вернуться домой, обращается к своим товарищам со словами:

Быть может, из вас уцелеет один,
Счастливец, домой возвратится!
Там мать моя встретит и спросит: «Где сын?»
Скажите: «Вдали веселится».
Быть может, один уцелеет в сей миг,
И к дому вернется он вскоре...
И спросит невеста: «А где мой жених?»
Скажите: «Погиб в синем море».

Возможно, для Лермонтова были актуальны и фольклорные мотивы, в частности формулы, зафиксированные в казачьих песнях о прощании умирающего воина (см., например: Хрещатицкий 1906: 53; ср. также: Vickery 2001: 212–215).

Лит.: ЛЭ 1981: 173; Беринг 1913: 26; Семенов 1914b: 135–139; Гинзбург 1940: 189, 192–194, 210; Сигал 1941: 331; Эйхенбаум 1961: 348; Максимов 1964: 158–168; Пейсахович 1964: 474–475; Усок 1964: 234; Коровин 1973: 76–82; Удодов 1973: 169, 588; Виноградов 1981: 3–64; Макогоненко 1987: 293–300; Никишов 1990: 80–85; Каплан 1992: 42–46; Полякова 1994: 288–293; Немзер 1995–1996: 211–222; Нахапетов, Ознобишина 1998: 15–20; Нахапетов 2002: 56–62; Русова 2005: 53–59; Фомичев 2005: 53–62; Пахомова 2010: 208–209.

397. «Я к вам пишу случайно; право...».

Автограф: ОР РГБ. Ф. 500. Карт. 1. № 4. Л. 1–2 об. — черновой, без заглавия, на двух листах большого формата. На Л. 1 в левом углу помета чернилами: «Бецкого», справа от текста запись карандашом, рукой И. Е. Бецкого: «*Лермонтова*. Подарено мне Л. Арнольди, он же получил от Столыпина с Кавказа».

Копии: 1) ОР РГБ. Ф. 265. Карт. 132. № 7. Л. 1–7 об. — в тетрадочке из вложенных один в другой двойных листов, на обложке заглавие: «Валерик. Сочинение М. Лермонтова», там же в правом верхнем углу карандашная помета: «подарено автором» (на самом деле Самарин получил это стихотворение не напрямую); 2) РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 2. № 57. Л. 1–12 — копия с чернового автографа, из собрания П. А. Ефремова.

Печатается по черновому автографу (о проблеме выбора текста и статусе списка из архива Самариных см.: Нечаева 1939: 70–73).

Датируется предположительно 1840–1841 гг. Традиционно стихотворение датировалось 1840 г. или даже точнее — второй половиной июля 1840 г. (см.: Лермонтов 1935–1937: II, 89, 223–230; Лермонтов 1954–1957: II, 116, 352) — по времени реальных событий, положенных в основу стихотворения. Бой при реке Валерик, в котором участвовал Лермонтов, произошел 11 июля 1840 г. Однако, если стихотворение было полностью написано в 1840 г., неясно, что помешало Лермонтову опубликовать его в конце 1840 — начале 1841 г. При первой публикации стихотворение было снабжено подзаголовком «Последнее стихотворение М. Ю. Лермантова» (см. ниже), а в издании Лермонтов 1842–1844 (II, 212), готовившемся при участии Краевского, текст был датирован 1841 г. Впрочем, предлагавшиеся аргументы в пользу поздней датировки стихотворения 1841 г. (см.: Герштейн 1964: 341–342; Бойко 2007: 126–132) также не могут быть признаны однозначно убедительными.

Впервые: Утренняя заря, альманах на 1843 год, изданный В. Владиславлевым. СПб., 1843. С. 66–78 (под заглавием: «Валлерик. (Последнее стихотворение М. Ю. Лермантова)», с разночтениями и пропусками).

После стиха «Нам был обещан бой жестокий» в черновом автографе первоначально следовал другой текст:

Чечня восстала вся кругом;
У нас двух тысяч под ружьем
Не набралось бы. Слава [Богу],
Выходит из кустов обоз,
В цепи стрельба; но началось
И в арьергарде понемногу;
Вот жарче, жарче... Крик! Глядим,
Уж тащат одного, — за ним
Других... и много... ружья носят
И кличут громко лекарей!
Уж им не в мочь — подмоги просят:
«Сюда орудие — скорей
Картечи»... тихо развернулся

Меж тем в поляне весь отряд.
Кругом зеленый лес замкнулся;
Дымится весь. Свистят, жужжат
Над нами пули. — Перед нами
Овраг, река, — по берегам
Валежник, бревна здесь и там —
Но ни души — кусты ветвями
Сплелись — мы ближе подошли,
Орудий восемь навели
На дерева, в овраг без цели.
Гранаты глухо загудели
И лопнули... Ответа нет,
Мы ближе... Что за притча, право!
Вот от ружья как будто свет,
Вот кто-то выбежал направо...
Мелькнул и скрылся враг лукавый.
Мы снова тронулись вперед,
Послали выстрел им прощальный —
И ружей вдруг из семисот
Осыпал нас огонь батальный
И затрещало... по бокам,
И впереди, и здесь, и там
Валятся целыми рядами...
Как птиц нас бьют со всех сторон...
Второй и третий батальон
[В штыки, дружнее, молодцами];

После стиха «Была тепла, была красна» вычеркнуто:

Тогда на самом месте сечи
У батареи я прилег
Без сил и чувств; я изнемог,
Но слышал, как просил картечи
Артиллерист. Он приберег
Один заряд на всякий случай.
Уж раза три чеченцы тучей
Кидали шашки наголо;
Прикрытье всё почти лег<л>о.
Я слушал очень равнодушно;
Хотелось спать и было душно.

Обращено, по всей вероятности, к В. А. Бахметевой (урожд. Лопухиной; о ней см. примеч. к № 207). В послании запечатлен один из эпизодов Кавказской войны,

связанный с боевыми действиями отряда генерал-лейтенанта А. В. Галафеева в Чечне — бой на речке Валерик (11 июля 1840 г.), в котором Лермонтов принимал участие. По свидетельству участника сражения офицера-артиллериста К. Х. Мамацева, Лермонтов, «заметив опасное положение артиллерии, подоспел <…> со своими охотниками. Но едва начался штурм, как он уже бросил орудия и верхом на белом коне, ринувшись вперед, исчез за завалами» (Воспоминания 1989: 336). Рассказ Лермонтова о валерикском бое близок описанию сражения, содержащемуся в «Журнале военных действий» отряда Галафеева.

В лермонтовском послании неоднократно отмечалось снижение, «бытовизация» батальной стилистики. Связывать эту тенденцию с общим влиянием французской реалистической прозы (в частности, Стендаля — см.: Вольперт 2011a: 98–107), видимо, избыточно: гораздо актуальнее для Лермонтова были, вероятно, опыты «кавказских поэм» А. И. Полежаева («Эрпели» и «Чир-Юрт», опубл. 1832).

Ст. 67–68. *Как при Ермолове ходили / В Чечню, в Аварию, к горам…* — Ермолов Алексей Петрович (1777–1861) — полководец, герой войны 1812 г., в 1816–1827 гг. главнокомандующий войсками на Кавказе. Авария — Аварское ханство в Дагестане.

Ст. 101–102. *А вот в чалме один мюрид / В черкеске красной ездит важно…* — Мюрид у мусульман — последователь суфизма, мистического течения в исламе. Под лозунгами мюридизма велась освободительная борьба кавказских горцев во главе с имамом Дагестана и Чечни Шамилем. (1799–1871).

Ст. 126. *Из гор Ичкерии далекой.* — Ичкерия — расположенная южнее Терека и Сунжи территория Северного Кавказа, граничащая с Большой Чечней.

Ст. 229. *Он отвечал мне: Валерик…* — Валерик (чеченское Валарг, Валлариг) — река, приток Сунжи, впадающей в реку Терек. Название возникло от первоначального «Валеран хи» — «смерти река», о чем Лермонтов мог знать от местного населения.

Лит.: ЛЭ 1981: 78–79; Семенов 1914b: 56–74, 428–431; Гинцбург 1915: 187–191; Гроссман 1928: 26–27; Нечаева 1939: 70–73; Гинзбург 1940: 188–191, 210; Пумпянский 1941: 418–424; Дурылин 1941b: 187–193; Белинский 1953–1959: VI, 489–490; Пятницкая 1958: 205–219; Пульхритудова 1960: 57–80; Герштейн 1964: 339–342; Максимов 1964: 101, 106, 168–172; Архипов 1965: 423–425; Коровин 1964: 330–332; Гониашвили 1980: 56–61; Виноградов 1981: 3–64; Эсенбаева 1981: 65–77; Виноградов 1982: 14–21; Арзамасцев 1984: 9; Хазан 1986: 75–77; Виноградов 1989: 98–100; Воспоминания 1989: 336–337; Бриггс 1991: 404–410; Васильев 1992: 132–133; Просужих 1995: 83–88; Эткинд 1998: 203–210; Маркелов 2000: 141— 168; Никишов 2001: 38–48; Эткинд 2001: 208–210; Лебедев 2002: 154–156; Нахапетов 2002: 56–62; Нилова 2002: 140–148; Потебня 2003: 135–139, 143; Березин 2004: 128–132; Удодов 2004: 252–253; Корман 2006: 53–73; Смирнов 2006: 56–68; Бойко 2007: 126–132; Виноградов 2007: 17–19; Нилова 2007b: 266–270; Попов 2007: 747–750; Бойко 2008: 9–20; Алексеев 2009: 80–88; Нилова 2009: 55–65; Очман 2009a: 97–117; Очман 2009b: 66–79; Логунова 2010: 55–58.

398. Эпиграмма («Под фирмой иностранной иноземец...»).

Автограф неизвестен.

Копии: 1) ОР РНБ. Ф. 429. № 62. Л. 1 об. — на отдельном листке, с обозначением адресата: «(Брамбеус)» под текстом; на обороте листа — копия стихотворения «М. П. Соломирской»; 2) РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 2. № 145. Л. 1 — на отдельном листке из архива «Русской старины», под текстом обозначен адресат, как в копии (1) — «Брамбеус».

Предположительно датируется 1841 г. (см. ниже).

Печатается по копии РНБ.

Впервые: БЗ. 1861. Т. 3. № 18. Стб. 556 (заглавие «Эпиграмма», к которому сделано примечание: «На О. И. Сенковского»).

Адресат эпиграммы назван (без указания на источник) П. А. Ефремовым в его примечании к первой публикации текста. Осип Иванович Сенковский (1800–1858), поляк по национальности, с 1834 г. издавал журнал «Библиотека для чтения». Постоянно подписывался псевдонимом «Барон Брамбеус», вызывавшим немецкие языковые ассоциации. Возможно, в эпиграмме отразилась полемика вокруг литературной деятельности Сенковского. По словам Н. В. Гоголя, «критика его была или безусловная похвала, в которой рецензент от всей души тешился собственными фразами, или хула, в которой отзывалось какое-то странное ожесточение <...>. Его собственные сочинения, повести и тому подобное являлись под фирмою Брамбеуса...» («О движении журнальной литературы в 1834 и 1835 году»: Гоголь 1952: VIII, 160–161). Статья Гоголя, напечатанная анонимно в первом томе пушкинского «Современника» за 1836 г. и воспринятая некоторыми читателями и критиками как декларация нового издания, вероятно, была замечена Лермонтовым. Сенковского предлагают в качестве адресата лермонтовских стихов и другие комментаторы (Лермонтов 1954–1957: II, 178), считающие, что поводом к эпиграмме были противоречащие друг другу рецензии Сенковского на «Героя нашего времени» (БдЧ. 1840. Т. 3. Ч. 2. № 4. Отд. VI. С. 17) и «Стихотворения Лермонтова» (БдЧ. 1840. Т. 43. Ч. 1. № 11. Отд. VI. С. 1–11). Но если реакция Барона Брамбеуса на «Стихотворения» была фамильярно-восторженной, то отзыв на «Героя...» был уклончив, и уж ни в каком случае не содержал грубой брани. Такое, несколько натянутое предположение требует датировать эпиграмму 1841 г.

К датировке 1841 г. склоняется и Андроников (1964: 652), по мнению которого в эпиграмме речь идет об отрицательной рецензии на «Героя нашего времени» в «Сыне Отечества» (1840) и хвалебной — в булгаринской «Северной Пчеле». Пуант этой слишком тонкой интерпретации заключается в том, что Н. И. Греч («немец») и Ф. В. Булгарин («поляк») с 1825 совместно издавали «Сын Отечества», который якобы был для них (с гипотетической точки зрения Лермонтова) «иностранной фирмой».

Лит.: ЛЭ 1981: 631; Мордовченко 1950: 110–112, 115; Лермонтов 1954–1957: II, 178; Найдич 1963: 93–94; Лермонтов 1964–1965: I, 652; Пейсахович 1964: 438; Ермоленко 1991: 32–38; Найдич 1994а: 49–63.

399. Договор («Пускай толпа клеймит презреньем...»).

Автограф неизвестен.
Копия: РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 1. № 15. Л. 21 — рукой А. А. Краевского (?), на отдельном листе, вложенном в тетрадь 15.
Печатается по копии ИРЛИ.
Датируется предположительно 1840–1841 гг.
Впервые: ОЗ. 1842. Т. 21. № 3. Отд. 1. С. 1–2.

Точное время создания стихотворения неизвестно; возможно, «Договор» находился среди тех текстов, которые в апреле 1841 г. перед отъездом Лермонтова на Кавказ были оставлены им Краевскому для публикации. См. упоминания об этом «наследстве» в рецензии Белинского на 2-е издание «Героя нашего времени»: «Найдется пьес десяток первых его опытов, кроме большой его поэмы „Демон“; пьес пять новых, которые подарил он редактору „Отечественных записок“ перед отъездом своим на Кавказ <...> „Отечественные записки“ почтут священным долгом скоро поделиться ими со своими читателями» (Белинский 1953–1959: V, 455).

Белинскому также принадлежит указание (не подтверждаемое, однако, никакими другими источниками), что при первой публикации стихотворение было напечатано «не вполне» (см. письмо Белинского В. П. Боткину от 17 марта 1842 г.; Там же: XII, 85), а после опубликованного текста должны были следовать строки: «Так две волны несутся дружно <...> И ласки вечные свои», совпадающие со второй частью стихотворения «Графине Ростопчиной» (см. № 409). Определенная мотивная близость «Договора» к финальному фрагменту более позднего послания Ростопчиной (ср. мотив встречи родственных душ и внезапной разлуки «Так две волны несутся дружно / <...> Но их разрознит где-нибудь...», мотив стоически безрадостной любви: «И, полны холодом привычным / <...> Без сожаленья и любви...») не исключает генетической общности замыслов и вероятного соотнесения героини «Договора» с фигурой Ростопчиной (см.: Горшкова 2014).

«Договор» представляет собой переработку юношеского стихотворения «Прелестнице» (1832; № 274), откуда с отдельными изменениями заимствованы первые три строфы (сопоставление раннего и позднего текстов см. в работах: Дурылин 1934: 40–43; Иконников 1962: 58–61). Но в «Договоре» Лермонтов отходит от юношески-максималистской разработки темы «свободной любви» (ср. в «Прелестнице» выбор «беззаконного союза», вызывающее презрение к мнению «ханжей», оптимистическая вера в возможность счастья — «Мы смехом брань их уничтожим, / Нас клеветы не разлучат; / Мы будем счастливы как можем, / Они пусть будут как хотят!»), переводя сюжет в контекст светского психологического романа.

Лит.: ЛЭ 1981: 141–142; Гинцбург 1915: 200–201; Дурылин 1934: 40–43; Белинский 1953–1959: XII, 84–85; Эйхенбаум 1961: 115–116, 316; Иконников 1962: 58–61; Пейсахович 1964: 432; Миллер 1980: 30–31; Боткин 1984: 242–250.

400 «Из-под таинственной холодной полумаски...».

Автограф неизвестен.
Копия: ОРФ ГЛМ. Ф. 47. Оп. 1. № 2. Л. 1 — рукой В. Г. Белинского, на отдельном листке, вместе с копиями стихотворения «Не плачь, не плачь, мое дитя...» (№ 401) и посвящения к «Демону» («Я кончил — и в груди невольное сомненье...», под заглавием «Посвящение, приписанное в конце одного из экземпляров поэмы „Демон“»; см.: Т. 2. С. 553). Описание копии и истории ее происхождения см.: Варенцова 2011: 215–216.
Печатается по первой публикации.
Датируется предположительно 1840–1841 гг.
Впервые: ОЗ. 1843. Т. 28. № 5. Отд. 1. С. 80 (заглавие «***»).

Ст. 9–12. *И создал я тогда в моем воображеньи / По легким признакам красавицу мою: / И с той поры бесплотное виденье / Ношу в душе моей, ласкаю и люблю.* — Ср. в стихотворении «Как часто, пестрою толпою окружен...», (1840; № 380): «Люблю мечты моей созданье / С глазами, полными лазурного огня, / С улыбкой розовой, как молодого дня / За рощей первое сиянье».

Лит.: ЛЭ 1981: 189; Гинцбург1915: 207–208; Пумпянский 1941: 417; Толстой 1958: II, 152–153; Пейсахович 1964: 435; Удодов 1973: 127–131; Альбеткова 1979: 40–43; Винокур 1991: 114.

401. «Не плачь, не плачь, мое дитя...».

Автограф — беловой, с правкой, карандашом, на отдельном листке — в частном собрании (продан на аукционе Сотбис в 2004 г.). Под автографом Лермонтова чернилами текст переписан полностью рукой А. А. Краевского (?). Автограф находился в коллекции С. М. Лифаря (см.: Измайлов 1965; Зильберштейн 1970).
Копия: ОРФ ГЛМ. Ф. 47. Оп. 1. № 2. Л. 1 об. — рукой В. Г. Белинского (?), на отдельном листке, вместе с копиями стихотворения «Из-под таинственной холодной полумаски...» (№ 400) и посвящения к «Демону» («Я кончил — и в груди невольное сомненье...», под заглавием «Посвящение, приписанное в конце одного из экземпляров поэмы „Демон“»; см.: Т. 2. С. 553). Под текстом подпись: «Лермонтов» (описание копии и истории ее происхождения см.: Варенцова 2011: 215–216).
Печатается по фотокопии автографа.
Датируется предположительно 1840–1841 гг.
Впервые: ОЗ. 1843. Т. 28. № 6. Отд. 1. С. 195.

Стихотворение написано, по всей вероятности, в последние годы жизни Лермонтова. Сюжет о героине, страдающей от холодности возлюбленного, сходен с историей Бэлы («Герой нашего времени»). Первый и последний стихи («Но слез твоих он не оценит!») частично совпадают со стихами 312 и 318 из первого монолога Демона (Т. 2. С. 400).

Лит.: ЛЭ 1981: 337; Гинцбург 1915: 208; Лермонтов 1935–1937: II, 253; Лермонтов 1964–1965: I, 640.

402. Оправдание («Когда одни воспоминанья...»).

Автограф неизвестен.
Копия: РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 2. № 51. Л. 1 — на отдельном листе, вместе со стихотворениями «Родина» (№ 403), «Есть речи — значенье...» (№ 374) и «Завещание» (№ 396), из архива Бакуниных.
Печатается по прижизненной публикации.
Датируется не позднее второй половины февраля 1841 г. по первой публикации (ценз. разр. 3-му номеру ОЗ — 28 февраля 1841 г.; Боград 1985: 114).
Впервые: ОЗ. 1841. Т. 15. № 3. Отд. 3. С. 44.

Является переработкой двух юношеских стихотворений Лермонтова: «Романса к ****» (1831; № 140) и «Когда одни воспоминанья...», включенного в драму «Странный человек» (1831; Т. 3. С. 227, 559). К кому обращено стихотворение, окончательно не установлено. Существует неподтвержденное предположение (см.: Лермонтов 1889–1891: I, 292), что адресат его — В. А. Бахметева (урожд. Лопухина; о ней см. примеч. к № 207).

Лит.: ЛЭ 1981: 355–356; Лермонтов 1889–1891: I, 292; Гинцбург 1915:194; Шувалов 1925: 72–73; Вацуро 1965: 191; Дурылин 1914: 11; Зайцева 2012: 347–368.

403. Родина («Люблю отчизну я, но странною любовью...»).

Автограф: РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 1. № 15. Л. 14 — беловой, на отдельном листе, вложенном в тетрадь 15; заглавие «Отчизна».
Копия: РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 2. № 51. Л. 1 об. — на отдельном листе, вместе со стихотворениями «Оправдание» (№ 402), «Есть речи — значенье...» (№ 374) и «Завещание» (№ 396), из архива Бакуниных.
Печатается по ОЗ с исправлением в ст. 16 («В степи кочующий обоз») по автографу («В степи ночующий обоз»).
Датируется не позднее начала марта 1841 г. по упоминанию в письме Белинского к Боткину от 13 марта 1841 г.: «Лермонтов еще в Питере. Если будет напечатана его „Родина“ — то, аллах-керим, — что за вещь — пушкинская, т. е. одна из лучших пушкинских» (Белинский 1953–1959: XII, 35).
Впервые: ОЗ. 1841. Т. 15. № 4. Отд. 3. С. 283.

Импульсом к созданию стихотворения, возможно, послужила публикация «Отчизны» А. С. Хомякова — в газете «Санкт-Петербургские ведомости» (1839. 8 октября. С. 1042) и журнале «Отечественные записки» (1839. Т. 6. № 10. Отд. 3. С. 143–144; без заглавия); ср. Хомяков 2005: 180–182. Анафорическая структура с многократным повторением слова «люблю» — не редкость в русской поэзии: см. например, аналогичные конструкции у И. М. Долгорукова («Приношение С. Н. Р. VIII»), Е. А. Боратынского («К*** при отъезде в армию», 1820), С. Стромилова («Люблю», 1839), А. С. Пушкина (вступление к «Медному всаднику»), и т. д. Особого внимания заслуживает употребление этого риторического приема в 47-й и 48-й строфе байроновского «Беппо», где поэт иронически объясняется в любви к родине (наблюдение Р. Г. Лейбова).

Лит.: ЛЭ 1981: 469–470; Гинзбург 1940: 189, 191–192, 210; Дурылин 1941b: 194–195; Благой 1941: 419; Эйхенбаум 1961: 332; Рез 1963: 110–118; Максимов 1964:

170–177; Максимов 1969: 121–128; Герштейн 1960: 253–284; Архипов 1965: 458–461; Андроников 1971: 146–148; Пигарев 1972: 26–29; Жижина 1976: 13–24; Ильин 1973; Коровин 1973: 66–74; Гинзбург 1974: 233–235; Чичерин 1974: 416–417; Муравьев 1974; Благово 1981: 138–140; Гореликова, Магомедова 1983: 84; Медведкин 1984: 33–36; Светана 1985: 42; Палкин 1986: 146; Касаткина 1987: 181; Макогоненко 1987: 300–318; Огарев 1988: 179; Самвелян 1989: 119–141; Левитан, Цилевич 1990: 398–412; Каплан 1992: 31–38; Найдич 1994а: 229–232; Максяшев 1996: 18–24; Журавлева 2002: 120–126; Зубков 2002: 28–42; Трофимова 2002: 98–104; Русова 2005: 53–59; Корман 2006: 398; Колесова 2009: 96–103.

404. <А. А. Углицкой> («Ma chère Alexandrine...»).

Автограф: РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 1. № 42. Л. 1 — беловой, карандашом, на отдельном листе из альбома А. А. Альбрехт (урожд. Углицкой); без заглавия. Справа внизу под текстом — рисунок, изображающий женскую фигуру (вероятно, портрет адресатки). Фотокопия: РГАЛИ. Ф. 276. Оп. 1. № 41. Л. 1.
Печатается по автографу.
Датируется февралем — началом апреля 1841 г. по биографическим основаниям (см. ниже).
Впервые: Радуга. Альманах Пушкинского Дома. Пб., 1922. С. 111.

Пер.: Моя милая Александрина, / Простите, я вас прошу, / За мой армейский чин / Всё, что я вам пишу. — / Меж тем, я вас уверяю, / Я желаю счастья вам, / А главное много любви, / Когда вы будете *Мадам. (Фр. и нем.)*.

Стихотворная шутка в макароническом стиле, адресована троюродной сестре Лермонтова Александре Александровне Углицкой (в замужестве Альбрехт; 1822–1862), в чей альбом она и была записана. Поводом к сочинению экспромта послужила, очевидно, предстоящая свадьба Углицкой с К. И. Альбрехтом («Ich wünsche счастья вам, / Surtout beaucoup d'amour, / Quand vous serez *Мадам*»), состоявшаяся 18 апреля 1841 г. Соответственно, наиболее вероятное время создания стихотворения — последний приезд Лермонтова в Петербург, где он пробыл с начала февраля до 13 апреля 1841 г. (см. подробнее: Модзалевский 1922: 111–125).

Ст. 2–3. *Простите, же ву при, / За мой армейский чин.* — «Армейский чин» Лермонтов имел после перевода в апреле 1840 г. из л.-гв. Гусарского полка в Тенгинский пехотный полк за дуэль с Э. де Барантом (см. примеч. к № 390).

Лит.: ЛЭ 1981: 589; Пейсахович 1964: 431; Мануйлов 1979: 336; Вацуро 1979: 33–34; Пильщиков 2015.

405. Любовь мертвеца («Пускай холодною землёю...»).

Автографы: 1) ОР РНБ. Ф. 429. № 11. Л. 2–2 об. — беловой, карандашом; затем обведен чернилами неизвестной рукой, в альбоме Лермонтова 1840–1841 гг.; заглавие «Новый мертвец» исправлено рукой Лермонтова (?) карандашом на «Живой мертвец»; 2) РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 1. № 54. Л. 24–24 об. — беловой, в альбоме М. А. Бартеневой, где также записано стихотворение «Есть речи — значенье...»; под текстом подпись рукой поэта: «Лермонтов» и дата: «Марта 10-го 1841».

Копия: РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 1. № 25. Л. 1–1 об. — авторизованная, на отдельном листке, рукой Лермонтова первоначальное заглавие «Влюбленный мертвец» исправлено на «Любовь мертвеца» и сделаны отдельные поправки; на обороте листа — копия стихотворения «На севере диком...» (№ 406).
Печатается по автографу в альбоме Бартеневой.
Датируется 10 марта 1841 г. по помете в альбоме Бартеневой (автограф ИРЛИ).
Впервые: Утренняя заря на 1842 год. СПб., 1842 (ценз. разр. 24 июля 1841 г.). С. 44–46 (заглавие: «Любовь мертвеца», подпись: «Лермантов»), с цензурным пропуском ст. 17–18, которые заменены строками многоточий.

Написано в альбом М. А. Бартеневой 10 марта 1841 г. Несколькими страницами ранее рукою графини Е. Н. фон Барановой, с пометой «14 сентября 1839 года», записано стихотворение французского поэта и романиста Альфонса Карра (1808–1890) «Влюбленный мертвец» («Le mort amoureux», 1839; впервые — в составе романа «Клотильда»: Karr A. Clotilde. T. I. Bruxelles, 1839. P. 211–212). Продолжая тему посмертной любви и ревности (ср.: «Письмо», 1829; «Русская песня», 1830; «Гость», 1835 — № 14, 139, 324), Лермонтов изменил смысл стихотворения Карра, где герой, предчувствуя измену, не призывает возлюбленную хранить ему верность, но благословляет ее и молится за счастье в земной жизни.

Лит.: ЛЭ 1981: 268; Штейн 1916: 1–10; Лермонтов 1940–1941: I, 318–319; Гинзбург 1940: 71; Федоров 1941: 204; Белинский 1953–1959: V, 589, 590; Bowra 1955: 187; Kerndl 1955: 139–140; Пейсахович 1964: 468; Андроников 1977: 448–450; 469–472; Семенова 2004а: 201.

406. «На севере диком стоит одиноко...».

Автографы: 1) ОР РНБ. Ф. 429. № 11. Л. 15 об. — черновой, на листке, вклеенном в альбом Лермонтова 1840–1841 г.; ранняя редакция с правкой; после правки карандашом и чернилами текст зачеркнут и ниже записан набело; 2) ОР РНБ. Ф. 429. № 11. Л. 15 об. — беловой, ранняя редакция, с эпиграфом из Гейне «Ein Fichtenbaum steht einsam / Im Norden auf Kahler Höf. / Heine»); 3) РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 1. № 50. Л. 16 — беловой, ранняя редакция («На хладной и голой вершине...»), на отдельном листке, вклеенном в альбом З. И. Юсуповой-Шове; в автографе помета, сделанная неизвестной рукой: «Писано в Санкт-Петербурге, перед отъездом на Кавказ, в 1841 году, М. Ю. Лермонтовым»; 4) ОР РНБ. Ф. 429. № 11. Л. 3 — черновой, карандашом; карандашом записаны ст. 5–8 ранней редакции, чернилами — те же строки в поздней. Все наброски перечеркнуты карандашом и выше набело, другой рукой (?) записан чернилами сводный текст; под текстом слева — карандашный рисунок, изображающий сосну на вершине, а в отдалении пальму на скале и скачущего всадника; справа — два мужских профиля.

Копии: 1) РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 1. № 25. Л. 1 об. — на отдельном листке, вместе с авторизованной копией стихотворения «Любовь мертвеца» (№ 405); текст поздней редакции, без подписи; 2) РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 1. № 15. Л. 10 — без заглавия, на отдельном листе, вложенном в тетрадь 15, текст поздней редакции («На севере диком...»); на том же листе — копия стихотворения «Желание» (№ 293), на обороте листа — «Парус» (№ 309) и «На светские цепи...» (№ 390);

3) РГАЛИ. Ф. 1336. Оп. 1. № 21. Л. 12 — в альбоме М. Д. Жедринской, заглавие «Сосна», подпись: «Лермонтов»; текст поздней редакции.

Печатается по копии ИРЛИ (1) как наиболее авторитетному источнику текста поздней редакции (авторские поправки в тексте «Любви мертвеца», записанной на том листке, позволяют считать, что эта копия была просмотрена Лермонтовым).

Датируется мартом — началом апреля 1841 г. по расположению чернового автографа в альбоме М. Ю. Лермонтова, записи в альбоме Юсуповой-Шове и свидетельству П. П. Вяземского (см. ниже).

Впервые: ОЗ. 1842. Т. 20. № 1. Отд. 1. С. 124 (текст поздней редакции; заглавие «Сосна»); Нива. 1888. № 46. 12 ноября. С. 1161 (текст ранней редакции).

Вольный перевод стихотворения Г. Гейне «Сосна стоит одиноко» из сборника «Книга песен» («Buch der Lieder», 1827):

Ein Fichtenbaum steht einsam
Im Norden auf kahler Höh'
Ihn schläfert; mit weißer Decke
Umhüllen ihn Eis and Schnee.
Er träumt von einer Palme,
Die fern im Morgenland
Einsam und schweigend trauert
Auf brennender Felsenwand.

Как утверждал сын поэта П. А. Вяземского Павел Петрович Вяземский (1820–1888) (с ним Лермонтов в 1838–1841 гг. встречался у Карамзиных), перевод стихотворения Гейне был сделан по его просьбе: «Немецкого Гейне нам принесла С. Н. Карамзина. Он наскоро, в недоделанных стихах, набросал на клочке бумаги свой перевод. Я подарил его тогда же княгине Юсуповой. Вероятно, это первый набросок, который сделал Лермонтов, уезжая на Кавказ в 1841 г., и который ныне хранится в императорской Публичной библиотеке» (Воспоминания 1989: 342).

Перевод известен в двух редакциях, весьма далеких от немецкого источника, при этом первая редакция ближе к подлиннику, чем окончательный текст:

На хладной и голой вершине
Стоит одиноко сосна,
И дремлет... под снегом сыпучим
Качаяся дремлет она.

Ей снится прекрасная пальма
В далекой восточной земле,
Растущая тихо и грустно
На жаркой песчаной скале.

В обеих редакциях перевода изменен смысл оригинала. Лермонтов не принял во внимание существенных для Гейне грамматических родовых различий (в немецком языке «сосна» — мужского рода, «пальма» — женского) и, тем самым, трансформировал любовный сюжет в экзистенциальный.

Лит.: ЛЭ 1981: 330; Лермонтов 1935–1937: II, 245–248; Белинский 1953–1959: VI, 548; Щерба 1957: 97–109; Эйхенбаум 1961: 113, 345–346; Калиничева 1963: 189–201; Воспоминания 1989: 264, 342; Пейсахович 1964: 442; Федоров 1967: 264–70; Žinkin 1957: 347–365; Вацуро 1979: 31; Гордон 1979: 190–192; Смольников 1979: 198–205; Тарле 1981: 255–257; Бельская 1987: 187–188; Волошин 1989: 429; Самвелян 1989: 119–141; Лотман 1996: 819–821; Лейнонен 1999: III, 200–203; Попов 1999: 40–44; Шанский 1999: 256–265; Сурин 2002: 161–162; Иванов 1998–2010: III, 492–494; Доманский 2006: 40–62; Хазиев 2006: 42–55; Воронина 2009: 711–716; Чигарова 2009: 99; Губарева 2010: 7–9; Пронин 2011: 62–66.

407. Последнее новоселье
(«Меж тем, как Франция, среди рукоплесканий...»).

Автографы: 1) ОР РНБ. Ф. 429. № 11. Л. 9 об.–11 — черновой, карандашом, без заглавия, в альбоме Лермонтова 1840–1841 гг.; 2) РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 1. № 38. Л. 1–2 — беловой, на листах из альбома А. Д. Боратынской (Абамелек).

Копия: РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 1. № 15. Л. 15–16 — авторизованная, с поправками рукой Лермонтова, на двойном листе, вложенном в тетрадь 15.

Стихотворение разошлось в большом числе списков (см. выявленные в фондах РО ИРЛИ: Ф. 524. Оп. 1. № 53 — копия с поправками А. Ф. Онегина, из бумаг В. А. Жуковского; Ф. 524. Оп. 1. № 54 — из собрания Н. Б. Хвостова; Ф. 524. Оп. 1. № 55 — из собрания Лермонтовского музея; Ф. 244. Оп. 8. № 41. Л. 4–5 об. — в альбоме А. П. Керн).

Печатается по прижизненной публикации.

Датируется концом марта — началом апреля 1841 г. по времени отъезда Лермонтова из Петербурга и по воспоминаниям А. П. Шан-Гирея, сообщавшего, что «пьесу „Последнее новоселье“» Лермонтов написал на Святой неделе, которая в 1841 г. началась 31 марта (Воспоминания 1989: 52).

Впервые: ОЗ. 1841. Т. 16. № 5. Отд. 3. С. 1–2. В тексте ОЗ все местоимения, относящиеся к Наполеону, последовательно были набраны с заглавной буквы («Он», «Ему», «Его»).

Стихотворение входит в «наполеоновский цикл» стихотворений Лермонтова (см. примеч. к № 38). Написано в связи с известием о перенесении праха Наполеона с острова Св. Елены в Париж 15 декабря 1840 г. Оценку личности Наполеона и характер его изображения в известной мере определила разнонаправленная полемика во французской печати, начатая еще весной 1840 г. (12 мая решение о перенесении праха императора было оглашено королем Луи-Филиппом в палате депутатов). Амбивалентность исторического облика Наполеона, разнобой в публичных оценках его деятельности — неотъемлемые элементы поэтической наполеоники; см. например, оду В. Гюго «Два острова» («Les deux îles», 1825), целиком построенную на этом репутационном конфликте. Данный конфликт, и у Гюго, и у Лермонтова расценивается как свидетельство релятивизма людских мнений, их принципиальной незначимости в оценке героя, ведомого судьбой. Однако Лермонтов

замечает и деградацию народа, который цинически относится к славе и достоинству национального героя. В этом смысле Лермонтову близки рассуждения А. де Мюссе в вводной главе «Исповеди сына века» (1836) о растерянности и разочарованности постнаполеоновских поколений во Франции (см. примеч. к № 368).

Любопытен отзыв на «Последнее новоселье» в письме Белинского к П. Н. Кудрявцеву от 28 июня 1841 г.: «Какую дрянь написал Лермонтов о Наполеоне и французах — жаль думать, что это Лермонтов, а не Хомяков» (Белинский 1953–1959: XII, 57). Свой стихотворный цикл, посвященный перенесению праха Наполеона (Москвитянин. 1841. № 1–3), сам А. С. Хомяков позднее расценивал как полемический по отношению лермонтовскому стихотворению, хотя первое произведение цикла и содержало упрек Франции: «С шумом буйных ликований, / Поздней ревности полна, / В дни несчастья, в дни страданий / Изменившая страна!» (Хомяков 2005: 190–194, 564–566). Определенный скепсис по отношению к торжеству перенесения праха выражала и Е. П. Ростопчина: «Не сыщет исполин покоя / Там, где шумит толпа пигмей!..» (1840). Тому же событию посвящены также стихи А. И. Подолинского («Звезда» и «Остров Св. Елены», 1841).

Ст. 12. *Ты жалкий и пустой народ!* — Эта характеристика французского обывателя опирается на формулу из пушкинской статьи «Последний из свойственников Жанны д'Арк» (1837): «Жалкий век! жалкий народ!» (Пушкин 1937–1959: XII, 155).

Ст. 31–32. *В степях египетских, у стен покорной Вены, / В снегах пылающей Москвы.* — Речь идет о Египетской экспедиции 1798–1801 гг., разгроме Австрии, закончившемся Венским миром (1809 г.), и пожаре Москвы 1812 г.

Ст. 41–48. *Лишенный прав и места гражданина ~ Забытый, он угас один.* — 31 марта 1814 г. союзники вступили в Париж, 6 апреля Наполеон отрекся от престола, сохранив, однако, титул императора; после неудачной попытки восстановить свою власть 22 июня 1815 г. последовало окончательное отречение в пользу сына; Наполеон был сослан на остров Св. Елены, где и скончался в 1821 г., а его сын вместе с матерью был отправлен в Австрию.

Ст. 75–76. *...Где сторожил его, как он непобедимый, / Как он великий, океан!* — Сравнение Наполеона с океаном, возможно, имеет источником пушкинские строки: «Твой образ был на нем означен, / Он духом создан был твоим: / Как ты, могущ, глубок и мрачен, / Как ты, ничем неукротим» («К морю», 1824). Пушкин адресовал эти стихи Байрону, образ которого, однако, в контексте стихотворения тесно связан с Наполеоном, строфы о котором непосредственно предшествовали пассажу о Байроне: «Одна скала, гробница славы... / Там погружались в хладный сон / Воспоминанья величавы: / Там угасал Наполеон...» (Пушкин 1937–1959: III, 332). Другой мотив, содержащийся в этих строках Лермонтова, находит соответствие у Гюго в «Двух островах» (1825): «Et le géant captif fut remis par la terre / A la garde de l'océan» (Hugo 1829: 274; *пер.:* «И пленный исполин был отдан землею под стражу океана»).

Лит.: ЛЭ 1981: 436–437; Сухомлинов 1895: 216–233; Грунский 1898: 279–290; Нейман 1914а: 121–122; Эйхенбаум 1924 а: 111–113; Dechamps 1929: 285–307; Лермонтов 1935–1937: II, 232–236; Эйхенбаум 1961: 116–121, 324–325; Мор-

довченко 1941: 789–790; Герштейн 1948: 427–428; Герштейн 1977: 312; Иконников 1962: 36–41, 68–69; Архипов 1965: 200–209; Фризман 1973: 126; Гиллельсон 1979: 259–260; Лемке 1909: 137; Базиянц 1982: 78–93; Огарев 1988: 179; Щеблыкина 1993: 5; Жуковский 1999–2013: XIV, 253, 528.

408. <**Из альбома С. Н. Карамзиной**> («Любил и я в былые годы...»).

Автограф утрачен; фотокопия с утраченного автографа, принадлежавшего Е. П. Клейнмихель (урожд. Мещерской): РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 1. № 48. Л. 1–1 об.

Копия: РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 2. № 52. Л. 5 об. — текст последней строфы, рукой П. А. Ефремова, с отличиями от известных источников: «Люблю я разговоры ваши, / И хахаха, и хихихи! / Смирновой штучки, фарсы Саши / И Ишки Мятлева стихи...».

Печатается по фотокопии автографа.

Датируется предположительно зимой–весной 1841 г. по времени активного посещения Лермонтовым салона Карамзиных. Не исключено, однако, что стихотворение относится к 1839 г. и было написано взамен стихов, уничтоженных Лермонтовым 26 июня 1839 г. (см. ниже).

Впервые: Русская беседа. 1841. Т. 2. С. [1] (12-й паг.) (заглавие «Из альбома *С. Н. Карамзиной*», без последней строфы, вместо которой поставлены 4 строки точек; подпись: «М. Ю. Лермонтов»); полностью: РБ. 1916. № 6. Октябрь. С. 70 (с приложением факсимиле автографа).

Обращено к Софье Николаевне Карамзиной (1802–1856), старшей дочери писателя и историка Н. М. Карамзина, хозяйке известного литературного салона. Лермонтов в последние годы жизни часто бывал у Карамзиных, где и встречался с упоминаемыми в стихотворении лицами — А. О. Смирновой, И. П. Мятлевым, А. Н. Карамзиным. Карамзина была дружна с Лермонтовым, его поэтический талант сравнивала с «блестящей звездой», которая «восходит на нашем ныне столь бледном литературном небосклоне» (Лермонтов 1979: 355); 26 июня 1839 г. Лермонтов написал в альбом С. Н. Карамзиной стихи. Хозяйке альбома они не понравились; об этом известно из письма Карамзиной к ее сестре Екатерине Николаевне Мещерской (1806–1867): «Я давно уже дала ему <Лермонтову> свой *альбом*, чтобы он в него написал. Вчера он мне объявляет, „*что когда все разойдутся, я что-то прочту и скажу ему доброе слово*“. Я догадываюсь, что речь идет о моем альбоме, — и в самом деле, когда все разъехались, он мне его вручает с просьбой прочесть вслух и, *если стихи мне не понравятся, порвать их, и он тогда напишет мне другие.* Он не мог бы угадать вернее! Эти стихи, слабые и попросту скверные, написанные на *последней* странице, были ужасно банальны: „он-де не осмеливается писать там, где оставили свои имена столько знаменитых людей, с большинством из которых он не знаком; что среди них он чувствует себя как неловкий дебютант, который входит в гостиную, где оказывается не в курсе идей и разговоров, но он улыбается шуткам, делая вид, что понимает их, и наконец, смущенный и сбитый с толку, с грустью забивается в *укромный уголок*“ — и это все». «Я, — продолжает С. Н. Карамзина, —

вырвала листок и, разорвав его на мелкие кусочки, бросила на пол. Он их подобрал и сжег над свечой... Он попросил обратно у меня альбом, чтобы написать что-нибудь другое, так как теперь *задета его честь*» (Лермонтов 1979: 357). Альбом Карамзиной не сохранился, однако в свое время он был изучен Б. Л. Модзалевским; Модзалевский обнаружил в альбоме только один текст Лермонтова — «Любил и я в былые годы...» (видимо, именно он был написан Лермонтовым взамен уничтоженного и ныне неизвестного стихотворения).

Ст. 15–16. *С<мирновой> штучку, фарсу Саши / И Ишки М<ятлева> стихи...* — Упомянуты А. О. Смирнова (о ней см. в примеч. к № 369), Саша — Александр Николаевич Карамзин (1815–1888), сын Н. М. Карамзина от второго брака, и поэт Иван Петрович Мятлев (1796–1844; см. примеч. к № 384).

Лит.: ЛЭ 1981: 182; Модзалевский 1916: 70–71; Эйхенбаум 1924а: 116; Гинзбург 1940: 137–139; Нольман 1941: 504–505; Белинский 1953–1959: V, 595; Герштейн 1959: 170–173; Найдич 1963: 102; Гуревич 1964: 167–168; Григорьян 1964: 291–293; Архипов 1965: 51–55; Зунделович 1968: 12–18; Рубанович 1968: 169–171; Андроников 1971: 149; Коровин 1973: 97–98; Чичерин 1974: 416; Герштейн 2001: 126–131; Ходасевич 2002: 434–443.

409. Графине Ростопчиной («Я верю: под одной звездою...»).

Автограф неизвестен.
Печатается по первой публикации.
Датируется серединой апреля 1841 г. по биографическим основаниям (см. ниже).
Впервые: Русская беседа. 1841. Т. 2. С. [2] (12-й паг.)

В той же книжке «Русской беседы», рядом со стихотворением было напечатано стихотворение Лермонтова «Из альбома С. Н. Карамзиной», а также ответное послание Ростопчиной «На дорогу Михайлу Юрьевичу Лермонтову» («Есть длинный, скучный, трудный путь...»); гибели Лермонтова, очевидно, посвящено опубликованное в том же сборнике стихотворение С. П. Шевырева «На смерть поэта» («Не призывай небесных вдохновений...»).

Обращено к поэтессе графине Евдокии Петровне Ростопчиной (урожд. Сушковой; 1811/12–1858); знакомство ее с Лермонтовым относится к началу 1830-х годов (Ростопчина была сестрой товарища Лермонтова пансионских лет Сергея Петровича Сушкова (1816–1893) и кузиной Е. А. Сушковой (см. примеч. к № 105). Ростопчиной посвящены стихотворения «Крест на скале» (1830?, № 192) и «Додо» (1831, № 253). В 1841 г. Лермонтов встречался с Ростопчиной у Карамзиных. Как вспоминал С. П. Сушков, Лермонтов и Ростопчина виделись у Карамзиных по вечерам «почти ежедневно. Весьма скоро они сблизились между собою, потому что между ними было много общего и сочувственного: оба были одних лет (Лермонтов немного моложе), оба очень умны и остроумны, оба поэты с юного возраста, оба принадлежали к одному кружку общества, имели общих друзей и оба в своей еще недолгой жизни уже успели испытать разочарование и невзгоды...» (см.: Ростопчина 1890: I, 14). 27 марта 1841 г. Ростопчина посвятила Лермонтову стихотворе-

ние «На дорогу»; в середине апреля, перед отъездом на Кавказ, поэт вписал свое послание в альбом, который подарил Ростопчиной. («Этот альбом был мне подарен М. Ю. Лермонтовым, перед отъездом его на Кавказ в <...> 1841 <...> стало быть незадолго перед его смертью. В нем написал он свое стихотворение ко мне: „Я знаю, под одной звездою мы были с Вами рождены“» (Ростопчина 1856–1859: II, 85).

В написанном уже после смерти Лермонтова стихотворении «Пустой альбом» (ноябрь 1841 г.) Ростопчина сумела передать домашнюю атмосферу салона Карамзиных, где так хорошо чувствовал себя поэт (Ростопчина 1856–1859: II, 96–97):

Он отдыхал в беседе непритворной,
Он находил свободу и простор,
И кров как будто свой, и быт семейный...
О! живо помню я тот грустный вечер,
Когда его мы вместе провожали,
Когда ему желали дружно мы
Счастливый путь, счастливейший возврат,
Как он тогда предчувствием невольным
Нас испугал! Как нехотя, как скорбно
Прощался он!.. Как верно сердце в нем
Недоброе, тоскуя, предвещало!

Лит.: ЛЭ 1981: 119; Ростопчина 1856–1859: II, 85; Шувалов 1941: 264–265; Белинский 1953–1959: VI, 548; XII, 498; Найдич 1976а: 27–31; Гиллельсон 1977: 190–199; Семенова 1989: 56–59.

410. «Прощай, немытая Россия...».

Автограф неизвестен.

Копии: 1) РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 2. № 52. Л. 4 об.–5 — рукой П. И. Бартенева в письме к П. А. Ефремову от 9 марта 1873 г.; посылка текста сопровождается припиской (Там же. Л. 4): «Вот еще стихи Лермонтова, списанные с подлинника»; 2) РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 4. № 25. Л. 79 — рукой П. А. Ефремова в тетради «Список с черновых тетрадей Лермонтова», под текстом примечание: «(Написано Лермонтовым в Москве при последнем его отъезде на Кавказ) В Музее Лермонтова»; 3) РГАЛИ. Ф. 394. Оп. 1. № 71. Л. 20 — рукой П. И. Бартенева, на отдельном листке из собрания Н. В. Путяты, с пометой под текстом: «С подлинника руки Лермонтова» (впервые опубл.: Пигарев 1955: 372–373).

Печатается — согласно традиции — по публикации П. И. Бартенева 1890 г. (РА. 1890. № 11. Стб. 375). Текст был озаглавлен «Неизданное осмистишие М. Ю. Лермонтова (Перед отъездом на Кавказ)» и сопровождался примечанием: «Записано со слов поэта современником».

Датируется апрелем 1841 г. по указанию П. А. Висковатова (1891: 379).

Впервые: РС. 1887. № 12. С. 738–739 (без заглавия; в ст. 6 «Укроюсь от твоих вождей»; публикация П. А. Висковатова).

Известные рукописные списки, также восходящие к Бартеневу, дают текст, отличный от публикаций в РА и РС.

Текст по копии Бартенева 1873 г.:

Прощай, немытая Россия,
Страна рабов, страна господ,
И вы, мундиры голубые,
И ты, послушный им народ.
Быть может, за хребтом Кавказа
Укроюсь от твоих ц<арей>,
От их всевидящего глаза,
От их всеслышащих ушей.

Копия Ефремова (2) и копия из архива Н. В. Путяты (3) дают некупированное чтение в ст. 6 («Укроюсь от твоих царей»), в копии Путяты — также иное чтение в ст. 4 («И ты, покорный им народ»), отличное от копий Бартенева (1) и Ефремова (2). Вариативность текста во всех известных списках и публикациях, даже восходящих к одному лицу (Бартенев), не позволяет однозначно установить подлинный авторский вариант.

Обличительный характер стихотворения неоднократно провоцировал обсуждение его авторства. Действительно, статус сохранившихся источников неизбежно заставляет сомневаться если не в авторстве текста, то в его исправности (см., например: Эльзон 2004: 206–209). Однако текстологических и фактологических оснований для перевода стихотворения в категорию Dubia, не говоря уже об исключении из числа лермонтовских сочинений, явно не хватает: текстов, обладающих низким рейтингом аутентичности, в наследии поэта достаточно много, но вопрос об их изъятии из основного корпуса никто не ставит. Прибегать же для отвержения лермонтовского авторства к идеологическим аргументам (см., например: Кутырева 2008), представляется непродуктивным. Показательно, что идеологически мотивированные поиски претендентов на истинное авторство стихотворения до сих пор приводили лишь к крайне неубедительным результатам.

Ст. 3. *И вы, мундиры голубые...* — Офицеры корпуса жандармов носили форму голубого цвета. По предположению В. П. Воробьева (2009: 57), эта строчка, как и вся риторическая конструкция лермонтовского восьмистишия, находит ближайшую параллель в сатире Байрона «Прощание с Мальтой» («Farewell to Malta», 1811; Byron 1828: 712–713): «Adieu, red coats, and redder faces!» («Прощайте, красные мундиры и еще более красные лица»).

Лит.: ЛЭ 1981: 452; Кирпотин 1939: 144–145; Шувалов 1941: 272; Андреев-Кривич 1952: 199–200; Ашукина 1959: 159–166; Прохоров 1959: 166–171; Виноградов 1961: 104–119; Герштейн 1964: 325–326; Архипов 1965: 67–69; Лермонтов 1975–1976: I, 547–549; Славецкий 1983: 162; Макогоненко 1987: 305–307; Андреев-Кривич 1989: 136–157; Бушин 1989a: 45–48; Бушин 1989b: 80–90; Каплан 1992: 38–41; Клеченов 1994: 12; Найдич 1994a: 232–233; Очман 2003: 142–148; Ранкур-Лаферьер 2004: 243–255; Кутырева 2008: 279–280; Чумак-Жунь 2010: 122–124.

411. Спор («Как-то раз перед толпою...»).

Автографы: 1) ОР РНБ. Ф. 429. № 12. Л. 2 об.–5 (нумерация от передней обложки) — черновой, карандашом, без заглавия, в Записной книжке, подаренной Лермонтову Одоевским; на л. 5 об., между черновым и беловым автографом (см. ниже), запись чернилами: «Восток»; 2) ОР РНБ. Ф. 429. № 12. Л. 6–7 (нумерация от передней обложки) — беловой с поправками; 3) ОР РГБ. Ф. 265. Карт. 132. № 1. Л. 1–2 об. — беловой, с несколькими поправками и авторскими примечаниями; на л. 1 карандашная помета рукой Ю. Ф. Самарина: «Писан рукою Лермонтова и подарен мне».

Печатается по прижизненной публикации.

Датируется 13–23 апреля 1841 г. по положению чернового автографа в Записной книжке (подарена Одоевским 13 апреля 1841 г.) и свидетельству Самарина, сообщавшего, что Лермонтов передал ему беловой автограф стихотворения в день своего отъезда из Москвы 23 апреля 1841 г. (Летопись 2003: 549).

Впервые: Москвитянин. 1841. Ч. III. № 6. С. 291–294.

Стихотворение Лермонтова было своего рода ответом на критические статьи С. П. Шевырева в «Москвитянине» (1841. Ч. I. № 2. С. 515–538; Ч. II. № 4. С. 525–540) — ответом отчасти полемическим, отчасти примирительным. В своей статье о романе «Герой нашего времени» Шевырев, в частности, затрагивал и тему Кавказа: «Замечательно, что новый поэт наш начинает также Кавказом... Недаром фантазия многих наших писателей увлекалась этою страною. Здесь, кроме великолепного ландшафта природы, обольщающего очи поэта, сходятся в вечной непримиримой вражде Европа и Азия. Здесь Россия, граждански устроенная, ставит отпор этим вечно рвущимся потокам горных народов, не знающих, что такое договор общественный... Здесь вечная борьба наша, незаметная для исполина России... Здесь поединок двух сил, образованной и дикой... Здесь жизнь!.. Как же не рваться сюда воображению поэта?» (Москвитянин. 1841. Ч. I. № 2). Вскоре после выхода статей Шевырева Лермонтов, по сообщению Ю. Ф. Самарина (1911: 55), передал его редактору «Москвитянина» М. П. Погодину для напечатания. 15 июня 1841 г. Самарин писал Погодину: «Посылаю Вам приношение Лермонтова в Ваш журнал. Он просит напечатать его просто, без всяких примечаний от издателя, с подписью его имени. Радуюсь душевно и за него, и за Вас, и за всех читателей „Москвитянина“» (Барсуков 1888–1910: VI, 236–237). А. С. Хомяков, один из самых видных сотрудников журнала, в письме Н. М. Языкову летом 1841 г. сообщал: «В „Москвитянине“ был разбор Лермонтова Шевыревым, и разбор не совсем приятный, по-моему, несколько несправедливый. Лермонтов ответил очень благоразумно: дал в „Москвитянин“ славную пьесу „Спор Шата с Казбеком“, стихи прекрасные» (Хомяков 1904: 107).

На обороте листа, предшествующего беловому автографу РНБ (2), рукою Лермонтова написано: «Восток». Возможно, этим стихотворением Лермонтов хотел открыть новый цикл стихов (далее в Зап. книжке следуют «Тамара», «Свиданье»; см.: № 416, 419).

Ст. 84. *Генерал седой.* — Речь идет об Алексее Петровиче Ермолове (1777–1861), командовавшем войсками кавказского корпуса с 1816 по 1827 г.

Лит.: ЛЭ 1981: 525–526; Соловьев 1914: 71–72; Семенов 1939: 138–139; Нейман 1941a: 441–442; Сигал 1941: 345–346, 349; Гроссман 1941: 673–744; Пумпянский 1941; Андреев-Кривич 1954: 86–96; Эйхенбаум 1961: 120–124; Герштейн 1964: 355–356; Иконников 1962: 21–27; Андроников 1977: 480–496; Черепнин 1968: 73–74; Коровин 1973: 51–57; Усок 1973b: 296; Виноградов 1981: 3–64; Шадури 1983: 174–194; Холмухамедова 1985: 16–20; Реизов 1986: 201–210; Тургенев 1982–2003: IV, 316–317; Дахкильгов 1989: 44–45; Михайловский 1989: 301–302; Иванов 1993: 5–12; Щеблыкин 1993: 85–94; Найдич 1994 b: 16–22; Корнилов 1995: 330; Ломинадзе 1995: 328–333; Корнилов 1997: 189–200; Моисеев 1997: 80–88; Иванов 1998–2010: III, 69, 77, 78, 176; Гаспаров 1999: 156–157; Гумилев 2005: 678–682.

412. Утес («Ночевала тучка золотая...»).

Автографы: 1) ОР РНБ. Ф. 429. № 12. Л. 2 (нумерация от задней обложки) — черновой, карандашом, без заглавия, в Записной книжке, подаренной Лермонтову В. Ф. Одоевским; 2) ОР РНБ. Ф. 429. № 12. Л. 8 (нумерация от передней обложки) — беловой, в той же Записной книжке (фотокопия: РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 2. № 122. Л. 1).

Копия: ОР РГБ. Ф. 138. № 307. Л. 63 об. — в дневнике А. П. Петрова, сделанная в мае–июле 1843 г. с Записной книжки Одоевского.

Печатается по беловому автографу.

Датируется не ранее 20-х чисел апреля — не позднее начала мая 1841 г. по положению чернового автографа в Записной книжке, подаренной Одоевским.

Впервые: ОЗ. 1843. Т. 27. № 4. Отд. 1. С. 331.

Лит.: ЛЭ 1981: 591–592; Дурылин 1934: 55; Семенов 1939: 35; Федоров 1941: 181–182; Шувалов 1941: 258, 282; Эйхенбаум 1961: 113, 346; Иконников 1962: 69–70; Пейсахович 1964: 447–448; Маймин 1972: 184–194; Гордон 1973: 92; Горланов 1976: 39–46; Тарасов 1976: 52–56; Секе 1966: 39–40; Gerlinghoff 1968: 140–142; Король 1989: 96–97; Самвелян 1989: 119–141; Серман 1997: 87; Попов 1999: 40–44; Мельников-Давыдов 2004b: 104–113; Пименова 2005: 147–148; Кутыркина 2006: 196–198; Мельников-Давыдов 2006: 224–230; Левушкина 2007: 59–64.

413. Пророк («С тех пор как вечный судия...»).

Автографы: 1) ОР РНБ. Ф. 429. № 12. Л. 2 об.–3 (нумерация от задней обложки) — черновой, карандашом, в Записной книжке, подаренной Лермонтову Одоевским; 2) ОР РНБ. Ф. 429. № 12. Л. 13 об.–14 (нумерация от передней обложки) — беловой, с отдельными поправками, в той же Записной книжке.

Копии: 1) ОР РГБ. Ф. 138. № 307. Л. 71 об.–72 — копия в дневнике А. П. Петрова, сделанная в мае–июле 1843 г. с Записной книжки Одоевского; 2) РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 2. № 10. Л. 27 — в тетради А. Штейна (1844), вместе со списком «Демона» и копиями стихотворения «Свиданье» (№ 419) и наброска «На бурке, под сенью чинары...» (№ 414).

Печатается по беловому автографу.

Датируется не ранее 20-х чисел апреля — не позднее начала мая 1841 г. по положению чернового автографа в Записной книжке, подаренной Лермонтову Одоевским.

Впервые: ОЗ. 1844. Т. 32. № 2. Отд. 1. С. 197.

В концептуальной разработке библейской темы Лермонтов в определенной степени следует за одноименным текстом А. С. Пушкина («Пророк», 1826). Однако на образ гневного ветхозаветного проповедника накладываются у Лермонтова мотивы раннехристианской агиографии и аскетики. По предположению О. В. Миллер (1998: 58–59), некоторые детали для описания пророка, возможно, были найдены при чтении книги «Первые четыре века христианства», которую ее автор, А. Н. Муравьев, хорошо знакомый с Лермонтовым (см. примеч. к № 330), мог подарить поэту вскоре после выхода из печати. Ср., например: «Убогий вид его, изнуренная плоть, простота обращения не вселили сперва должного к нему уважения в народе, привыкшем к пышности столичных архиереев. Ариане и духоборцы <...> повлекли его пред судилища, возбуждая чернь метать на улицах камни в чуждого старца» (Муравьев 1840b: 378).

Ст. 6. *И правды чистыя ученья.* — Дореформенное правописание из-за омонимичности окончания *–ыя* в род. пад. жен. рода ед. числа и в именит. пад. множ. числа жен. и ср. рода допускало здесь двойственную интерпретацию: «чистые ученья правды» и «ученья чистой правды». Семантически и стилистически более вероятен именно второй вариант, учитывая фразеологизированное сочетание «чистая правда», — ср., мнение С. М. Бонди: «Обычная публикация — „любви и правды чистые ученья", по-моему, неправильна. У Лермонтова церковнославянизм, родительный падеж» (Бонди 1978: 466).

Лит.: ЛЭ 1981: 449–450; Дюшен 1914: 14–15; Котляревский 1915: 166–167; Гинзбург 1940: 79–80, 83; Благой 1941: 415–416; Кирпотин 1941: 38–39; Нейман 1941b: 334, 341, 345; Эйхенбаум 1941a: 80–81; Белинский 1953–1959: VIII, 117, 339, 475, 478, 485; Заборова 1958: 187–188; Никитина 1960: 91–92; Иконников 1962: 27–28, 51–52; Пейсахович 1964: 449; Заславский 1965: 23–37; Федоров 1967: 123–127; Шестакова 1968: 21–28; Лосев 1970: 389; Достоевский 1972–1990: XXV, 408; Коровин 1973: 134–136; Микешин 1973: 188–189; Чичерин 1974: 411; Маймин 1975: 135; Фохт 1975: 36–38; Битов 1976: 145–174; Мкртчян 1987: 306–307; Давыдов 1990: 19–28; Жижина 1991: 53–61; Найдич 1994a: 153–155; Найдич 1994b: 16–22; Сыроватко 1995: 47–55; Доливо-Добровольский 1998: 137–143; Миллер 1998: 58–61; Гиршман 1999: 110–117; Сомова 1999: 139–140; Зябрева, Ишин 2000: 191–196; Дякина 2001: 42–43; Эгеберг 2001: 163–170; Павлихина 2002: 83–85; Ходанен 2002: 232–240; Гончарова 2004: 26–32; Капрусова 2004: 120–131; Удодов 2004: 249; Скатов 2004: 87–97; Липич 2006: 138–141; Евчук 2007: 177–181; Горланов 2010: 105–116.

414. «На бурке под тенью чинары...».

Автограф: ОР РНБ. Ф. 429. № 12. Л. 4 (нумерация от задней обложки) — черновой, карандашом (строфы 1–2); Л. 3 об (нумерация от задней обложки) — черновой, карандашом (строфа 3), в Записной книжке, подаренной Лермонтову Одоевским.

Копия: РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 2. № 10. Л. 27 — в тетради А. Штейна (1844), вместе со списком «Демона» и копиями стихотворения «Свиданье» (№ 419) и «Пророк» (№ 413); заглавие «Неоконч. стихотворение» (строфы 1–2).

Печатается по автографу.

Датируется не ранее 20-х чисел апреля — не позднее начала мая 1841 г. по положению автографа в Записной книжке, подаренной Лермонтову Одоевским. Впервые: ОЗ. 1844. Т. 32. № 2. Отд. 1. С. 200–201 (с неточностями).

В первых собраниях сочинений Лермонтова наброски публиковались как одно произведение, однако под заглавием «Из записной книги недоконченн*ые* стихотворен*ия*» — причем сначала шли нумерованные две строфы («На бурке, под тенью чинары... ~ Мне ваша жизнь дорога»), а вслед за ними, после графического знака отбивки, была помещена строфа «Лилейной рукой поправляя...» (Лермонтов 1847: I, 284; Лермонтов 1852: I, 281–282; Лермонтов 1856: I, 281–282). Начиная с издания Ефремов 1873 (I, 375) наброски стали печататься по отдельности и в соответствии с порядком следования текстов в Записной книжке Одоевского: первой была помещена строфа «Лилейной рукой поправляя...», а затем нумерованные строфы «На бурке, под тенью чинары... ~ Мне ваша жизнь дорога!», причем сюжетно-тематическая связь отрывков в комментариях специально не оговаривалась (см.: Лермонтов 1889–1891: I, 346; Абрамович 1910–1913: II, 416; Эйхенбаум, Халабаев 1926: 109; Лермонтов 1935–1937: II, 128–129; Лермонтов 1954–1957: II, 199–200).

О принадлежности к одному замыслу — по-видимому, сюжетного стихотворения на восточную тему — говорит, помимо характерного ориентального колорита, единство метрики: все три строфы написаны чрезвычайно редким для конца 1830-х — начала 1840-х гг. трехиктным дольником (Пейсахович 1964: 446; Гаспаров 2000: 129–131). Более того, Лермонтов последовательно — как в строфах «На бурке, под тенью чинары...», так и в строфе «Лилейной рукой поправляя...» — выдерживает определенный ритмический рисунок: «„настоящие“ дольники, которые составляют четные пары стихов, <...> чередуются с нечетными „правильными“ трехстопными амфибрахическими стихами» (Пейсахович 1964: 446). Начальным фрагментом были, очевидно, строфы «На бурке, под тенью чинары... ~ Мне ваша жизнь дорога!», имеющие соответствующую нумерацию и, по-видимому, записанные первыми на развороте Л. 3 об.–4 (в этой части тетради Лермонтов не раз начинал запись с правой страницы разворота).

Изображение повелителя (царя, хана, князя, императора и т. д.), находящегося (восседающего, возлежащего, стоящего и т. д.) в окружении своих слуг, к которым он обращается с повелением, приказом, вопрошанием и т. д., — характерная экспозиция романтической поэмы и/или баллады, памятная по таким образцам жанра, как «Граф Гапсбургский» или «Перчатка» Шиллера-Жуковского, «Абидосская невеста» Байрона «Бахчисарайский фонтан» Пушкина (ср. также зачин «Песни про... купца Калашникова»). Нередкая черта тех же зачинных зарисовок — выделение в толпе одного, обычного молодого героя (своего рода переход от общей панорамы к «крупному плану») или его внезапное появление перед властителем, и в этом отношении строфа о «молодом туксусе» представляется вполне логичным продолжением намеченного сюжетного движения. Однако, по всей вероятности, «крупный план» в четверостишии о «молодом туксусе» должен был быть подготовлен «связующими» строфами или строфой, мотивировавшими переход от повествования в прошедшем времени в начальных строфах (ср. «лежал», «стояли»,

«молвил») к описательному настоящему во фрагменте о «молодом туксусе» (подробнее см.: Бодрова 2013).

Вероятным источником Лермонтову могла послужить экспозиция повести А. А. Бестужева-Марлинского «Мулла Нур» (1836) , написанная на «экзотическом» кавказском материале:

«...двор главный Дербендской мечети кипел народом. Вкруг иссохшего водоема, *под тенью чинаров*, на галлерее, еще блестящей зеркалами, парчами, золотошвейными занавесками, знаменами с надписью из Корана, толпы притекали и утекали. <...> Промежду длинными бородами из второго круга, и то с великим подобострастием, осмеливались просовывать носы свои *тюкли*, то есть полубородые, молодые люди уже с усами, но еще без речей <...> *Тюксюсы, или безбородые, отроки или юноши от десяти до семнадцати лет, бродили поодаль*, не имея права мешаться не только в важные дела, но даже просто в разговоры со старшими. <...> *Вот наконец возвысил речь один агамир*, муж святой по наследству <...> Отцы и деды наши в истому засухи выбирали <...> чистого душой и телом юношу, и посылали его со своей молитвой к Аллаху ближе, на высь гор. <...> Дербендцы крепко затруднились, когда дело дошло до выбора <...> Этот слишком молод, чтоб мог назваться невинным; этот чересчур смышлен, чтобы невинным быть. <...> Спор и перебор этот делал мало чести невинности Дербендцев, по крайней мере много чести их совести. — Взять бы Сафар-Кули, говорили иные. *Он стыдлив словно красная девушка*, да та беда, что недавно обесчестили у него коня, отрубил какой-то разбойник хвост, и это верно не даром!..»

(Бестужев-Марлинский 1838: 23, 25, 26, 32, 35, 36; соответствия выделены курсивом; впервые опубл.: БдЧ. 1836. Т. 17. № 7. Отд. 1. С. 17–190 (гл. I—X); Сто русских литераторов. Т. 1. СПб., 1839. С. 141–158 (Заключение); см. также: Бестужев-Марлинский 1838; Бестужев-Марлинский 1840).

Ст. 1–2. *На бурке под тенью чинары / Лежал Ахмет Ибрагим.* — Ср. сходную зарисовку в стихотворении «Свиданье» (№ 419), написанном практически одновременно с набросками: «Под свежею чинарою / Лежу я на ковре».

Ст. 3. *...татары...* — Лермонтов, как и его современники, довольно условно пользовался именованием «татары» применительно к различным народностям Кавказа, а также определением «татарский язык» для обозначения различных тюркских (прежде всего азербайджанского) и не тюркских языков (ЛЭ 1981: 564–565).

Ст. 11–12. *Краснеет, как дева младая, / Капгар, молодой туксус.* — Капгар — «черноволосый, брюнет» (впервые сходную расшифровку — «кап-кара — очень черный» предложил В. Д. Смирнов; см.: Лермонтов 1891а: II, 363; ср. также: Восток. 1923. Кн. 3. С. 181–182). «Туксус» — «отрок, безбородый юноша», в том числе о юношах, содержавшихся в гаремах, наряду с девушками-наложницами; «наперсник в специфически-восточном смысле» (Восток. 1923. Кн. 3. С. 181–182).

Лит.: ЛЭ 1981: 255, 329; Шувалов 1941: 280; Михайлов 1951: 133–134; Лермонтов 1964–1965: I, 658; Курбанов 1964: 119; Гаджиев 1981: 84–97; Заславский 2014: 45–52.

415. Сон («В полдневный жар в долине Дагестана...»).

Автографы: 1) ОР РНБ. Ф. 429. № 12. Л. 5–5 об. (нумерация от задней обложки) — черновой, карандашом, без заглавия, в Записной книжке, подаренной Лермонтову Одоевским; на Л. 4 об. — запись отдельной поправки; 2) ОР РНБ. Ф. 429. № 12. Л. 7 об. (нумерация от передней обложки) — беловой, с поправками, в той же Записной книжке.
Копия: ОР РГБ. Ф. 138. № 307. Л. 65–65 об. — в дневнике А. П. Петрова, сделанная в мае–июле 1843 г. с Записной книжки Одоевского.
Печатается по беловому автографу.
Датируется не ранее 20-х чисел апреля — не позднее начала мая 1841 г. по положению чернового автографа в Записной книжке, подаренной Лермонтову Одоевским.
Впервые: ОЗ. 1843. Т. 27. № 4. Отд. 1. С. 183.

Относительно реальной основы стихотворения и повода к его написанию существует несколько версий. Е. А. Сушкова (см. примеч. к № 105) связывала «Сон» с одним из эпизодов своей биографии (см.: Сушкова Е. А. Записки. Л., 1928. С. 226); генерал Морис Христианович Шульц (1806–1888), знакомый Лермонтова, соотносил сюжет стихотворения со своим рассказом о ранении, полученном им во время штурма в 1839 г. дагестанской крепости Ахульго (см.: Воспоминания 1989: 392) и т. д. Ни одна из существующих версий не получила необходимого подтверждения.

Лит.: ЛЭ 1981: 521–522; Лернер 1908: 4; Мережковский 1909: 35–36; Розанов 1914a: 242; Семенов 1939: 136–137; Шувалов 1941: 269; Виноградов 1941: 361–363; Розанов 1942: 115–122, 169–170; Белинский 1953–1959: VII, 38; VIII, 94, 339; Попов 1954: 150–153; Эйхенбаум 1961: 350–351; Герштейн 1964: 344–345; Максимов 1964: 101; Заславский 1965: 28–31; Удодов 1973: 169–171; Чичерин 1974: 413; Григорьян 1979: 94–99; Федоров 1984: 34–36; Воспоминания 1989: 391–392; Полукарова 1992: 1; Михельсон 1993: 46–49; Лотман 1996: 821–823; Лотман 1998: 435; Отрощенко 1998: 49–58; Бит-Бабик 1999: 17–19; Ляпина 2000: 70; Ужаревич 2002: 331–342; Кузьмина 2004b: 174–176; Штайн 2004a: 538–539; Ремизов 2005: 215–216; Виноградова 2007: 325–331; Вольперт 2009: 142–154; Вольперт 2011b: 173–182.

416. Тамара («В глубокой теснине Дарьяла...»).

Автографы: 1) ОР РНБ. Ф. 429. № 12. Л. 6–7 (нумерация от задней обложки) — черновой, карандашом, в Записной книжке, подаренной Лермонтову Одоевским; 2) ОР РНБ. Ф. 429. № 12. Л. 8 об.–9 (нумерация от передней обложки) — беловой, с отдельными поправками.
Копия: ОР РГБ. Ф. 138. № 307. Л. 65 об.–67 — в дневнике А. П. Петрова, сделанная в мае–июле 1843 г. с Записной книжки Одоевского.
Печатается по беловому автографу.
Датируется не ранее 20-х чисел апреля — не позднее начала мая 1841 г. по положению чернового автографа в Записной книжке, подаренной Лермонтову Одоевским.
Впервые: ОЗ. 1843. Т. 27. № 4. Отд. 1. С. 229–230.

В двухтомном труде известного путешественника, французского консула в Тифлисе Жана Франсуа Гамба (G. F. Gamba, 1763–1833) «Путешествие в южную Россию» (Voyage dans la Russie méridionale… T. 2. Paris, 1826. P. 21–22) — он упомянут в романе Лермонтова «Герой нашего времени» (см.: Т. 4. С. 173 и примеч.) — приведена легенда о коварной царице Дарье, которая заманивала путешественников в свой замок в Дарьяльском ущелье и после ночи любви убивала их, сбрасывая затем трупы в Терек. Возможно, что Лермонтов знал другой вариант легенды, связанный с именем имеретинской царицы Тамары (вторая половина XVII в), отличавшейся редкой красотой в сочетании с хитростью и вероломством.

Лит.: ЛЭ 1981: 559–560; Семенов 1939: 137–138, 176; Виноградов 1941: 357–359; Белинский 1953–1959: VII, 38; VIII, 94, 339, 478; Андроников 1958: 35–39, 220; Эйхенбаум 1961: 356–357; Гиллельсон 1979: 265; Альбеткова 1971: 98; Удодов 1973: 167–168; Коровин 1973: 85–90; Турбин 1978: 92–94; Пульхритудова 1979: 311–312; Ермоленко 1986: 22–33; Лебедева 2009: 431–433, 437–440; Пронин 2011: 71.

417. «Они любили друг друга так долго и нежно…».

Автографы: 1) ОР РНБ. Ф. 429. № 12. Л. 7 (нумерация от задней обложки) — черновой, карандашом, без заглавия и эпиграфа, в Записной книжке, подаренной Лермонтову Одоевским; на л. 6 об. запись отдельной поправки; 2) ОР РНБ. Ф. 429. № 12. Л. 8 (нумерация от передней обложки) — беловой, затем перешедший в черновой, с обильной правкой, весь текст зачеркнут крест-накрест, и стихотворение записано набело ниже; над текстом вписан эпиграф из Г. Гейне; 3) ОР РНБ. Ф. 429. № 12. Л. 8 (нумерация от передней обложки) — беловой, с отдельными поправками, без заглавия и эпиграфа. Фотокопии автографов 1–3: РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 2. № 122. Л. 1–2.

Копия: ОР РГБ. Ф. 138. № 307. Л. 65 об. — в дневнике А. П. Петрова, сделанная в мае–июле 1843 г. с Записной книжки Одоевского.

Печатается по беловому автографу (3); эпиграф из Гейне воспроизведен в соответствии с правленым беловиком (2), предшествовавшим записи окончательного текста.

Датируется не ранее 20-х чисел апреля — не позднее начала мая 1841 г. по положению чернового автографа в Записной книжке, подаренной Лермонтову Одоевским.

Впервые: ОЗ. 1843. Т. 31. № 12. Отд. 1. С. 317.

Вольный перевод стихотворения Г. Гейне «Они любили друг друга, но никто из них…» («Sie liebten sich beide, doch keiner…») из сборника «Книга песен» («Buch der Lieder», 1827). Два первых стиха этого стихотворения взяты в качестве эпиграфа. В переводе претерпели изменения ритмико-синтаксическое строение стиха и система рифмовки (у Гейне рифмуются четные стихи, у Лермонтова в первой строфе рифмовка смежная, во второй — перекрестная).

Sie liebten sich beide, doch keiner
Wollt es dem andern gestehn;

Sie sahen sich an so feindlich,
Und wollten vor Liebe vergehn.

Sie trennten sich endlich und sahn sich
Nur noch zuweilen im Traum;
Sie waren längst gestorben,
Und wußten es selber kaum.

Редакция чернового автографа (1) — нерифмованная; ср. редакторскую сводку (Лермонтов 1954–1957: II, 302):

Они любили друг друга так нежно,
С такой глубокой и страстной тоскою,
Но, как враги, друг друга боялись,
И были речи их пусты и хладны.
Они расстали<сь> и только порою
Во сне друг друга видали, — но скоро
Им смерть настала — и встретились в небе,
И что ж? Друг друга они не узнали.

Первый беловой автограф (2), затем подвергшийся обильной правке, давал редакцию, более близкую к окончательному тексту, однако с иным метрическим рисунком (4-иктный дольник):

Они любили друг друга так нежно,
С тоской глубокой и страстью мятежной!
Но как враги опасалися встречи,
И были пусты и хладны их речи.
Они расстались в безмолвном страданье
И милый образ во сне лишь видали.
Им смерть пришла, им настало свиданье...
И что ж? друг друга они не узнали.

Лит.: ЛЭ 1981: 355; Гинцбург 1915: 218–219; Дурылин 1916а: 106, 130–131; Лермонтов 1935–1937: II, 253–254; Сигал 1941: 346; Шувалов 1941: 258–259, 260, 280; Белинский 1953–1959: VIII, 94; Иконников 1962: 47–50, 67; Федоров 1967: 267, 270–272; Старосельская 1983: 70–72; Бухштаб 1988: 181–185; Иванов 1998–2010: III, 492–494; Исрапова 2005: 239–247; Воронина 2009: 711–716; Губарева 2010: 7–9; Пронин 2011: 71.

418. Листок («Дубовый листок оторвался от ветки родимой...»).

Автографы: 1) ОР РНБ. Ф. 429. № 12. Л. 7 об. — 8 (нумерация от задней обложки) — черновой, карандашом, без заглавия, в Записной книжке, подаренной

Лермонтову Одоевским; 2) ОР РНБ. Ф. 429. № 12. Л. 10 об.–11 (нумерация от передней обложки) — беловой, с отдельными поправками, заглавие «Лис<ток?>».
Копия: ОР РГБ. Ф. 138. № 307. Л. 69–69 об. — в дневнике А. П. Петрова, сделанная в мае–июле 1843 г. с Записной книжки Одоевского.
Печатается по беловому автографу.
Датируется не ранее 20-х чисел апреля — не позднее начала мая 1841 г. по положению чернового автографа в Записной книжке, подаренной Лермонтову Одоевским.
Впервые: ОЗ. 1843. Т. 28. № 5. Отд. 1. С. 193 (вместо ст. 10 — строка точек).

Символический образ гонимого бурей листка проходит через всю поэзию Лермонтова: «Портреты. 1» (1829; № 32); «К***» (1830–1831; № 183); «Аул Бастунджи» (1833–1834; Т. 2. С. 234); «Демон» (ред. 1833–1834; Т. 2. С. 498); «Мцыри» (1839; Т. 2. С. 427). В стихотворении «Листок» этот образ нашел наиболее полное выражение. Он восходит к элегии французского драматурга и поэта Антуана Венсана Арно (Arnault, 1766–1834) «Листок» («La feuille», 1815), которая была чрезвычайно популярна, в том числе и в России. Ее переводили В. Л. Пушкин, Жуковский, Д. В. Давыдов, и др. (всего до нач. 1840-х гг. зафиксировано не менее восьми рус. переводов стихотворения — см.: Французская элегия 1989: 638–639). В статье Пушкина «Французская академия», напечатанной в 1836 г. в «Современнике», приводится история шумного успеха этой элегии Арно (см.: Пушкин 1937–1959: XII, 46).

Лит.: ЛЭ 1981: 263; Семенов 1914b: 364–383; Эйхенбаум 1924b: 52–54; Розенкранц 1926: 100–106; Шувалов 1941: 297; Белинский 1953–1959: VII, 38, VIII, 94; Рубанович 1963: 107–108; Пейсахович 1964: 428; Кононко 1966: 99–105; Чичерин 1974: 413, 414; Найдич 1994 а: 44–48; Вольперт 2008: 263–275.

419. Свиданье («Уж за горой дремучею...»).

Автографы: 1) ОР РНБ. Ф. 429. № 12. Л. 8 об.–10 (нумерация от задней обложки) — черновой, карандашом, без заглавия, в Записной книжке, подаренной Лермонтову Одоевским; 2) ОР РНБ. Ф. 429. № 12. Л. 9 об.–10 об. (нумерация от передней обложки) — беловой, с отдельными поправками.

Копии: 1) ОР РГБ. Ф. 138. № 307. Л. 67–69 — копия в дневнике А. П. Петрова, сделанная в мае–июле 1843 г. с Записной книжки Одоевского; 2) РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 2. № 10. Л. 27 об.–28 об. — в тетради А. Штейна (1844), вместе со списком «Демона» и копиями стихотворения «Пророк» (№ 413) и наброска «На бурке, под тенью чинары...» (№ 414); заглавие «Свидание»; 3) РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 2. № 171. Л. 1–2 об. — на отдельном листке, под заглавием «Свидание», под текстом помета: «1841 г.».

Печатается по беловому автографу.

Датируется не ранее 20-х чисел апреля — не позднее начала мая 1841 г. по положению автографа в записной книжке, подаренной Лермонтову Одоевским.

Впервые: ОЗ. 1844. Т. 32. № 2. Отд. 1. С. 198–200 (заглавие: «Свидание»).

Баллада написана по воспоминаниям о пребывании в Тифлисе в ноябре–декабре 1837 г. Некоторые черты пейзажа, отраженного в «Свидании», зафиксированы на картине Лермонтова «Тифлис» (1837), подаренной автором своему став-

ропольскому родственнику П. И. Петрову (воспроизведение и описание см.: Ковалевская 1980: 190–191, 244).

Ст. 13–14. *Там за твердыней старою / На сумрачной горе...* — Развалины старинной крепости Нарикала хорошо видны за Ортачальскими садами, если смотреть от офицерских казарм в предместье Авлабар (здесь, вероятно, останавливался Лермонтов во время своего визита).

Лит.: ЛЭ 1981: 500; Гинцбург 1915: 220–222; Эйхенбаум 1924b: 116–117; Лермонтов 1935–1937: II, 259; Лермонтов 1940–1941: I, 334; Дурылин 1916a: 123–126; Виноградов 1941: 374–375; Гроссман 1941: 692; Пумпянский 1941: 416; Лермонтов 1964–1965: I, 597; Андроников 1958: 103–107; Иконников 1962: 29–31; Вишневский 1965: 84; Заславский 1965: 34–37; Эткинд 1969: 151–154; Вацуро 1976: 244–245; Гаджиев 1981: 84–97; Вишневский 1985: 132–140; Эткинд 2005: 606–607.

420. L'attente («Je l'attends dans la plaine sombre...»).

Автографы: 1) ОР РНБ. Ф. 429. № 12. Л. 10 об. (нумерация от задней обложки) — беловой, карандашом, без заглавия, в Записной книжке, подаренной Лермонтову Одоевским; 2) РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 1. № 37. Л. 1 об. — беловой, в письме Лермонтова к С. Н. Карамзиной от 10 мая 1841 г., заглавие: «L'attente».
Копия: РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 2. № 63. Л. 1 — на отдельном листке, без заглавия; под текстом помета: «Из бумаг, оставшихся после покойного Лермонтова»; сделана с автографа в Записной книжке, подаренной Одоевским.
Печатается по автографу в письме Карамзиной.
Датируется около 10 мая 1841 г. по письму Лермонтова к С. Н. Карамзиной и положению в Записной книжке, подаренной Лермонтову Одоевским.
Впервые: РС. 1887. № 5. С. 405–406.

Пер.:

Ожидание.

Я жду ее в угрюмой долине. Вдали, вижу, белеет призрак, который тихо приближается. Но нет! обманчивая надежда! То старая ива колеблет свой сухой и блестящий ствол.

Я наклоняюсь и долго прислушиваюсь: мне кажется, что я слышу звук легких шагов по дороге. Нет, не то! Это лист шумит по мху, поднимаемый ароматным ветром ночи.

Полный горькой тоски, я ложусь в густую траву и засыпаю глубоким сном. Вдруг, вздрагивая, я просыпаюсь: ее голос шептал мне на ухо, ее уста целовали мой лоб.

Посылая свое французское стихотворение Карамзиной (письмо от 10 мая 1841 г.), Лермонтов писал: «Я не знаю, будет ли это продолжаться; но во время моего путешествия мной овладел демон поэзии, или — стихов. Я заполнил половину книжки, которую мне подарил Одоевский, что, вероятно, принесло мне счастье. Я дошел до того, что стал сочинять французские стихи, — о падение! Если позволите, я напишу вам их здесь; они очень красивы для первых стихов и в жанре Пар-

ни, если вы его знаете» (см.: Т. 4. № 589). Сообщение Лермонтова о множестве стихов, записанных в книжку, подаренную Одоевским, и дата письма Карамзиной, позволяет предположительно датировать черновые тексты, предшествующие комментируемому стихотворению в записной книжке (в части, заполнявшейся от задней обложки), не ранее 20-х чисел апреля — не позднее начала мая 1841 г. См. последовательность записи черновых автографов: «Утес», «Пророк», «На бурке под тенью чинары...», «Сон», «Тамара», «Они любили друг друга так долго и нежно...», «Листок», «Свиданье» (№ 412–419).

Несмотря на авторское утверждение об ориентации на знаменитого французского элегика Э. Парни (1753–1814), чья литературная популярность в России пришлась на 1810-е — начало 1820-х гг., ближайшим источником Лермонтову послужило стихотворение Шиллера «Ожидание» («Die Erwartung», 1799; положено на музыку Ф. Шубертом, 1816; см.: Шувалов 1914а: 320; Федоров 1941: 204–205):

Hör' ich das Pförtchen nicht gehen?	Чу! Скрипнули дверцей садовой!
Hat nicht der Riegel geklirrt?	Чу! Брякнула ручка замка!
Nein, es war des Windes Wehen,	Нет, то в тополи махровой
Der durch diese Pappeln schwirrt.	Слышен лепет ветерка.
<...>	<...>
Stille, was schlüpft durch die Hecken	Чу, кто это там торопливо
Raschelnd mit eilendem Lauf?	Скользит, шелестя, по кустам?
Nein, es scheuchte nur der Schrecken	Нет, то птица боязливо
Aus dem Busch den Vogel auf.	Пропорхнула по ветвям.
<...>	<...>
Hör' ich nicht Tritte erschallen?	Чу, кажется, входят в аллею!
Rauscht's nicht den Laubgang daher?	Чу, девственный шаг прозвучал?
Nein, die Frucht ist dort gefallen,	Нет, под тяжестью своею
Von der eignen Fülle schwer.	С ветки спелый плод упал.
<...>	<...>
Und in das Leben tritt der hohle Traum.	И надо мною сон простер незримо крылья.
Und leis, wie aus himmlischen Höhen	И тихо, незримо, как лучünпованья,
Die Stunde des Glückes erscheint,	Нежданной зарею блаженного дня
So war sie genaht, ungesehen,	Она подошла — и лобзанья
Und weckte mit Küssen den Freund	Ее пробудили меня.

(пер. Л. А. Мея; Шиллер 1937: 168–170)

Воспользовавшись публикацией Висковатова, П. П. Вяземский включил текст стихотворения — в несколько измененном виде и под заглавием «A Madame Hommaire de Hell» («К мадам Оммер де Гелль»), — в одно из сочиненных им «писем» А. Оммер де Гелль, как будто бы оно было прислано ей самим Лермонтовым 28 октября 1840 г. в Мисхоре (см.: Лермонтов и г-жа Гоммер де-Гелль в 1840 году //

РА. 1887. Кн. 3. № 9. С. 129–142; о мистификации Вяземского см.: Попов 1935: 282–293; Каплан 1948: 761–766).

Лит.: ЛЭ 1981: 643; Шувалов 1914а: 320; Федоров 1941: 204–205; Чичерин 1974: 415; Пильщиков 2015.

421. «Нет, не тебя так пылко я люблю...».

Автографы: 1) ОР РНБ. Ф. 429. № 12. Л. 11 (нумерация от задней обложки) — беловой с поправками, карандашом, в Записной книжке, подаренной Лермонтову Одоевским; 2) ОР РНБ. Ф. 429. № 12. Л. 11 об. (нумерация от передней обложки) — беловой, с нумерацией строф.
Копия: ОР РГБ. Ф. 138. № 307. Л. 70 — в дневнике А. П. Петрова, сделанная в мае–июле 1843 г. с Записной книжки Одоевского.
Печатается по беловому автографу 2.
Датируется не ранее 10 мая 1841 г. по положению автографа 1 в Записной книжке, подаренной Лермонтову Одоевским.
Впервые: ОЗ. 1843. Т. 28. № 5. Отд. 1. С. 194.

К кому обращено стихотворение, окончательно не установлено. Возможно, адресат его — Екатерина Григорьевна Быховец (1820–1880), дальняя родственница Лермонтова, с которой поэт встречался летом 1841 г. в Пятигорске.

Ст. 9–10. *Я говорю с подругой юных дней; / В твоих чертах ищу черты другие...* — По свидетельству самой Быховец, она напоминала Лермонтову В. А. Бахметеву (урожд. Лопухину; о ней см. примеч. к № 207): «...он был страстно влюблен в В. А. Бахметеву; она ему была кузина; я думаю, он и меня оттого любил, что находил в нас сходство...» (Воспоминания 1989: 447).

Лит.: ЛЭ 1981: 340; Висковатов 1891: 326–327; Дюшен 1914: 241; Гинцбург 1915: 222–223; Розанов 1914а: 278; Лермонтов 1935–1937: I, 245; Асмус 1941: 110; Шувалов 1941: 259–260; Белинский 1953–1959: VII, 38; VIII, 94, 339; Баранов 1957: 182–192; Фам Вын-кы, Ходукина 1963: 187–188; Чичерин 1977: 366–369; Рожина 1980: 119–120; Вениаминов 1981: 70–72; Лотман 1996: 165–168; Красильников 2004: 83–86; Аболина 2012: 99–105.

422. «Выхожу один я на дорогу...».

Автограф: ОР РНБ. Ф. 429. № 12. Л. 11 об.–12 (нумерация от передней обложки) — беловой, с поправками, в Записной книжке, подаренной Лермонтову Одоевским.
Копия: ОР РГБ. Ф. 138. № 307. Л. 70–70 об. — в дневнике А. П. Петрова, сделанная в мае–июле 1843 г. с Записной книжки Одоевского.
Печатается по автографу.
Датируется не ранее второй половины мая — не позднее начала июля 1841 г. по положению автографа в Записной книжке, подаренной Лермонтову Одоевским.
Впервые: ОЗ. 1843. Т. 27. № 4. Отд. 1. С. 332.

Ст. 2. *Сквозь туман кремнистый путь блестит...* — Л. Н. Толстой характеризовал эту строку как «замечательно выраженное впечатление кавказского пейзажа» (Толстой 1958: I, 309).

Ст. 3–4. *Ночь тиха. Пустыня внемлет Богу, / И звезда с звездою говорит.* — Ср. у Ламартина в «Гимне Ночи»: «L'étoile à l'étoile murmure / Quel Dieu nous imposa nos lois?» («Звезда шепчет звезде: какой Бог диктует нам законы?» — Lamartine 1830: I, 27). Возможно, тот же образ Ламартина отозвался у Тютчева: «Звезды в небе им внимали, / Проходя за строем строй, / И беседу продолжали / Тихомолком меж собой» («Там, где горы, убегая...», 1835, опубл.: 1837 — Тютчев 2002–2004: I, 163). Указано А. Б. Блюмбаумом.

Ст. 17–20. *Чтоб всю ночь, весь день мой слух лелея, / Про любовь мне сладкий голос пел, / Надо мной чтоб вечно зеленея / Темный дуб склонялся и шумел.* — Строфа, возможно, навеяна стихотворением Генриха Гейне «Смерть — это прохладная ночь...» из «Книги песен» (Heine 1827: 256).

Der Tod, das ist die kühle Nacht,
Das Leben ist der schwüle Tag.
Es dunkelt schon, mich schläfert,
Der Tag hat mich müd' gemacht.

Über mein Bett erhebt sich ein Baum,
Drin singt die junge Nachtigall;
Sie singt von lauter Liebe,
Ich hör'es sogar im Traum.

Пер.: «Смерть — это прохладная ночь. Жизнь — это знойный день. Уже темнеет, меня клонит ко сну, день утомил меня. Над моим ложем поднимается дерево, на нем поет молодой соловей, он все поет о любви, я даже во сне слышу эту песню» (отмечено И. М. Болдаковым: Лермонтов 1891b: II, 405–406).

Лит.: ЛЭ 1981: 95–96; Бархин 1912: 170–173; Овсянико-Куликовский 1914: 35–39; Гинцбург 1915: 223–224; Эйхенбаум 1924a: 118; Виноградов 1941: 360–361; Михайлова 1941: 146–147; Маршак 1961: 147–149; Эйхенбаум 1961: 116; Максимов 1964: 239; Максимов 1969: 127–141; Коровин 1973: 129–133; Чичерин 1974: 417; Bowra 1955: 195–196; Тарановский 1963: 287–322; Сибинович 1969: 110–112; Эйхенбаум 1969: 431–434; Некрасова 1982: 14–20; Гореликова, Магомедова 1983: 82; Калачева 1986: 196–197; Ильичев 1987: 103–104; Макогоненко 1987: 318–355; Савченко 1988: 107–108; Асоян 1989: 9–13; Левитан, Цилевич 1990: 398–412; Холшевников 1991: 191–193; Устин 1995: 48–55; Лотман 1996: 823–828; Моисеев 1996: 114–116; Адамович 1998: 124–125; Отрощенко 1998: 49–58; Бит-Бабик 1999: 17–19; Гаспаров 1999: 88–265; Дякина 2001: 81–82; Петрова 2001: 83–84; Ломинадзе 2002: 742–765; Очман 2002: 144–215; Алексеева 2005: 339; Дедусенко 2005: 4; Ичин 2005: 25–51; Косяков 2005: 56–60; Медведев 2005: 49–59; Невзглядова 2005: 15, 16, 53, 59; Парецкая 2006: 121–127; Еремина 2007: 45–47; Нилова 2009: 157–165.

423. Морская царевна («В море царевич купает коня...»).

Автограф: ОР РНБ. Ф. 429. № 12. Л. 12–13 (нумерация от передней обложки) — беловой, с поправками, в Записной книжке, подаренной Лермонтову Одоевским.
Копия: ОР РГБ. Ф. 138. № 307. Л. 70 об.–71 об. — в дневнике А. П. Петрова, сделанная в мае–июле 1843 г. с Записной книжки Одоевского.
Печатается по автографу.
Датируется не ранее второй половины мая — не позднее начала июля 1841 г. по положению автографа в Записной книжке, подаренной Лермонтову Одоевским.
Впервые: ОЗ. 1843. Т. 28. № 5. Отд. 1. С. 1–2.

Стихотворение написано в жанре баллады. Тематически и сюжетно входит в круг баллад и преданий о русалках (как переводных, так и оригинальных), распространенных в русской поэзии 1820–1830-х гг. — известны баллады О. М. Сомова (1829), Н. А. Маркевича (1830), И. И. Козлова (1832), В. Ф. Щ. (1834), П. Волкова (1839), Е. Бернета (1840), и др. (ср. также лермонтовскую «Русалку», 1832, № 303). Наиболее близкий аналог — «Яныш-королевич» из цикла Пушкина «Песни западных славян» (1833—1834).

Существует гипотеза (Герштейн 1939: 505–506), что в стихах подразумевалась великая княжна Мария Николаевна, проявлявшая благосклонность к поэту и отвергнутая им (это якобы и привело к его убийству на дуэли). Впоследствии (1964) эта версия за недоказуемостью была отвергнута самой исследовательницей, однако продолжает бытовать в популярных биографических опусах.

Лит.: ЛЭ 1981: 285; Пумпянский 1941: 391; Белинский 1953–1959: VIII, 94; Томашевский 1961: 389; Ермоленко 1986: 22–33; Жижина 1989: 49–56; Носова 1991: 38–43; Жижина 1994: 57–61; Ходанен 1994b: 11–25; Розанов 1999: 313–320; Красильников 2000: 92–97; Семенова 2004а: 202.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Коллективное

424. «Благодарим тебя, <Тевес>».

Автограф: РГАЛИ. Ф. 276. Оп. 1. № 4. Л. 1. — беловой, окончание первой строки с именем адресата стерто. Под текстом две подписи: Лермонтов, Русинов (?) или Грицевич (?).
Печатается по автографу.
Предположительно датируется летом–осенью 1833 или 1834 гг. по времени пребывания Лермонтова в летних лагерях во время учебы в Юнкерской школе.
Впервые: Эйхенбаум 1935: 487.

Вероятно, стихи сочинены на память о летних приключениях в военном лагере под Петергофом и записаны в альбом кому-то из товарищей по Школе Гвардей-

ских подпрапорщиков и Кавалерийских юнкеров. Ниже на том же листе записаны вирши на украинском языке (с подписью *Веремій*), посвященные тому же эпизоду.

Стертое слово в рифменной позиции, очевидно, является фамилией или прозвищем адресата и предположительно реконструируется как *Тевес* (единственная фамилия в списке соучеников Лермонтова, которую можно срифмовать с третьей строкой, — см.: Рябов 2006: 83). Федор Федорович Тевес, сын бывш. чиновника Коллегии иностранных дел, акционера и управляющего ряда государственных компаний, поступил в Школу одновременно с поэтом 8 ноября 1832 г., во время учебы был приписан к л.-гв. Преображенскому полку, выпущен 1 сентября 1835 г. подпрапорщиком в л.-гв. Финляндский полк, затем перевелся в л.-гв. Литовский полк, где и прослужил до 1864 г., когда произведен в генерал-майоры и назначен состоять при 3-й пехотной гвардейской дивизии. С 1868 г. в службе не числился.

Фамилия соавтора Лермонтова расшифрована при первой публикации как *Гринев*, а позднее — как *Румнев* (Филькина 2011: 286). Люди с такими фамилиями в списках соучеников Лермонтова не значатся (см.: Рябов 2006). Учитывая реальный состав лермонтовских соучеников, начертание второй подписи под стихами можно расшифровать либо как *Русиновъ,* либо, с меньшей уверенностью, как *Грицевичъ.* Михаил Иванович Русинов, поступил в Школу 10 октября 1832 г., приписан к л.-гв. Преображенскому полку, выпущен подпрапорщиком в л.-гв. Измайловский полк 1 сентября 1835 г. Грицевич Ильдефонс (Илья) Францевич, поступил в Школу 10 октября 1832 г., приписан к л.-гв. Кирасирскому е. и. в. полку, выпущен корнетом в тот же полк 22 ноября 1834 г.; служил в кирасирах по крайней мере до 1853 г., когда числился в списке полковников того же полка, умер в 1882 г. в чине генерал-майора (кирасир Грицевич участвовал в тех же летних учениях кавалерийского эскадрона, что и гусар Лермонтов). О контактах Лермонтова с кем-либо из них (как и с Тевесом) после окончания юнкерской школы ничего не известно.

Коллективный сексуальный афронт, описанный в альбомной записи, легко соотносится с сюжетом поэмы «Уланша» (1834), где в сходных обстоятельствах, наоборот, подчеркивается эротическая доблесть юнкеров (см.: Т. 2. № 481) (Бодрова 2014: 76–78).

Ст. 2. *И будем помнить вечно Ямки…* — Ямки, возможно, — название деревни (Ям, Яма, Ямóк, Ямки — нередкое название населенных пунктов или их частей, располагавшихся рядом с почтовыми станциями). Немало подобных топонимов фиксируется и в Петербургской губернии, однако на картах той эпохи в окрестностях Б. Ижоры / Ижорки (район Ораниенбаума), где проводились маневры юнкерских частей в 1834 г., топоним с таким корнем не обнаруживается (существующая до сих пор станция Ям-Ижоры находилась на Московском тракте).

Ст. 4. *…На брюхо оскорбленной самки…* — Сходная ситуация позднее описана в «Сашке» (1835–1839): «И долго, долго бился, но напрасно! / Огня и сил лишен уж был несчастный. <…> Оставив тут обманутую деву, / Как Ариадну, преданную гневу» (Т. 2. С. 319).

Лит.: Эйхенбаум 1935: 487.

425. Баллада («До рассвета поднявшись, перо очинил...»).

Автограф — в домашнем альбоме А. М. Верещагиной, находился в частном собрании семьи фон Кёниг (Германия, Бавария, замок Вартхаузен); нынешнее местонахождение не установлено. Факсимиле (ст. 1–20): Андроников 1964: 233. Рукою Лермонтова записаны первые 15 строк, продолжение вписано В. Н. Анненковой.

Печатается по первой публикации.

Датируется 23 марта — 10 апреля 1837 г., временем пребывания Лермонтова в Москве по пути на Кавказ (см. подробнее ниже).

Впервые: Для избранных. Стихотворения Варвары Анненковой. М., 1844. С. 193–195 (под заглавием «Баллада. Югельский барон» и с посвящением «Ал. М. В<ерещагин>ой»).

Тексту стихотворения в сборнике Анненковой предшествует примечание: «Начало Лерм<онтова> — до знака — конец мой», однако никакого знака в дальнейшем тексте нет, из-за чего до публикации автографа не был известен «вклад» Лермонтова в шутливую балладу, да и само участие поэта в ее сочинении подвергалось сомнению, а текст печатался в разделе «Dubia». Впрочем, сама запись рукой Лермонтова не исключает возможности коллективного авторства первых 15 строк, равно как и участия поэта в сочинении продолжения, записанного не его рукой.

В основе сюжета стихотворения, вслед за другими литературными образцами пародирующего балладу Жуковского «Замок Смальгольм» (1822), — бытовая сценка, связанная с предстоящим замужеством родственницы и приятельницы Лермонтова А. М. Верещагиной. Как следует из ее пометы в альбоме, текст был «сочинен Михаилом Лермонтовым и Варварой Анненковой в то время, когда она <Верещагина> читала письмо от жениха» — барона Карла фон Хюгеля, откуда название — «Югельский барон» (запись в оригинале по-французски: «Composé pendant que je lisais une lettre de mon fiancé par Michel Lermontoff et Barbe Annenkoff»). Датировка «Баллады» определяется временем свадьбы Верещагиной (1837) и временем их последней встречи с Лермонтовым, состоявшейся весной 1837 г. в Москве, где Лермонтов останавливался по пути на Кавказ (см.: Андроников 1977: 248–250).

«Соавтор» Лермонтова — Варвара Николаевна Анненкова (1795–1866/1870), поэтесса, двоюродная сестра А. М. Верещагиной (Хюгель). В ее сборнике 1844 г. три стихотворения посвящены памяти Лермонтова («К Елизавете Ал<ексеевне> Арс<еньев>ой», «К М. Ю. Лермонтову», «К памяти Лермонтова» — Анненкова 1844: 86–87, 224–225; см. также: Розанов 1948: 788–789). Подробнее о ней см.: Охотин 1989: 82–83.

Ст. 1. *До рассвета поднявшись, перо очинил...* — эта строка полностью совпадает с первой строкой стихотворения К. А. Бахтурина (1807–1841) «Барон Брамбеус» (1838 или 1839), направленного против редактора «Библиотеки для чтения» О. И. Сенковского (1800–1858); Бахтурин, так же, как и Лермонтов, пародийно использует балладу Жуковского «Замок Смальгольм, или Иванов вечер» (см.: Эпиграмма и сатира. Из истории литературной борьбы XIX века. Т. 1. М.; Л., 1931. С. 320).

Лит.: ЛЭ 1981: 32, 47; Нейман 1914с: 13–14; Бегак 1930: 60; Кравцов 1930: 78–79; Лермонтов 1935–1937: II, 263; Лермонтов 1954–1957: II, 373–374; Ашукина 1957: 225; Гаркави 1959: 283–285; Андроников 1967: 234–235; Лермонтов 1989: II, 653; Белова 1991: 14–16; Скобелева 2009а: 119–121.

426. «О, как прохладно и весело нам...».

Автографы: 1) Архив СПбИИ РАН. Колл. 238. Оп. 2. Карт. 277. № 40. Л. 1 — черновой, на отдельном листке, часть строк записана рукой Лермонтова, другие — рукой В. А. Соллогуба (см. ниже); под текстом — позднейшая помета: «Черновое стихотворение (перевод с немецкого) графа В. А. Соллогуба с поправками рукой Лермонтова» (см.: Бессонов 1965: 193–196); 2) ОР РНБ. Ф. 539. Оп. 2. № 1509. Л. 1–1 об. — беловой, рукой В. А. Соллогуба, на отдельном листке (см. ниже).
Печатается по беловому автографу Соллогуба (2).
Датируется предположительно 1839 г. — по времени интенсивного общения Лермонтова и Соллогуба в Петербурге.
Впервые: ЛН. 1952. Т. 58. С. 369.

Судя по почерку в черновом автографе Лермонтову принадлежат следующие строки и отдельные поправки (выделены жирным шрифтом; см.: Бессонов 1965: 194, 196):

О, как [чудно] **отрадно**, как весело нам
Вечером плыть по заснувшим волнам.
[Последний луч со<л>нца сокрылся вдали]
Солнце погасло в туманной дали,
[И] Звезды ночные лампады зажгли.

[О, как чудно с песнями плыть]
[О, как чудно, как чудно нам...]
О, как чудно здесь петь, о как чудно здесь плыть
И [локон свой влажный] **влажные кудри** над морем сушить.
Резво играя по высям холмов,
Ветер разносит дыханье цветов.

Чудно-прохладно [здесь] **нам с** песнями плыть

Тихо порхает здесь ветер ночной.

Перед стихотворением в рукописи запись по-русски и по-французски: «Сей час сделано. Produit d'une colique poétique de Lermontoff en combinaison une diarrhée epouvantable littéraire de moi. NB. Arrangez les vers comme vous pouvez avec la musique» (*пер.:* «Продукт поэтической колики Лермонтова в сочетании с моим ужасающим литературным поносом. NB. Положите эти стихи, как сможете, на музыку»). Вслед за текстом приписка Одоевского (?): «Ох! не буду». По всей видимости, эта совмест-

ная импровизация предназначалась для музыкального исполнения — предполагалось, что музыку напишет В. Ф. Одоевский, которому Соллогуб посылал текст. Вероятный немецкий источник стихотворения не установлен.

Лит.: ЛЭ 1981: 346; Заборова 1958: 192; Бессонов 1965: 193–96; Лермонтов 1989: II, 653–654.

Dubia

427. «Любить вас долго было б скучно...».

Автограф неизвестен.

Копия: ОР РГБ. Ф. 48. Карт. 50. № 31. Л. 1 — на отдельном листке, рукой Михаила Алексеевича Веневитинова (1841–1901), директора Румянцевского музея, с его примечанием: «Неизвестно, кому написано. Со слов Вас. Петр. Ушакова, знавшего Лермонтова в детстве. Написано Лермонтовым в 15, 16-летнем возрасте». Под текстом подпись: «Лермонтов».

Печатается по копии РГБ.

Датируется предположительно 1829–1831 гг. по указаниям Ушакова в записи Веневитинова.

Впервые: Недумов 1960: 239.

Авторство Лермонтова зиждется исключительно на репутации людей, сохранивших текст стихотворения: В. А. Ушаков (1789–1838) слыл у современников человеком правдивым до грубости (ср.: Полевой 1934: 184), а «М. А. Веневитинов был настолько видным и авторитетным по своему служебному положению лицом, что оспаривать принадлежность юноше Лермонтову обнаруженного неизвестного стихотворения нет достаточных оснований» (Недумов 1960: 239).

Лит.: ЛЭ 1981: 445–447; Недумов 1960: 239; Лермонтов 1989: II, 654.

428. «Три грации считались в древнем мире...».

Автограф неизвестен.

Копия: ОР РГБ. Ф. 178. Карт. 10897. № 16. Л. 5 — неизвестной рукой, среди списков сатирических стихотворений второй половины 1850-х — 1860-х гг. из собрания Бибиковых; рядом с текстом помета: «Лермонтова».

Печатается по публикации «Записок» Е. А. Сушковой в «Вестнике Европы» (1869. Кн. 8. С. 735), сделанной по рукописи и более исправной по сравнению с первой публикацией отрывка из ее мемуаров в РВ (см. ниже), а также дающей более авторитетный текст, чем копия РГБ.

Датируется предположительно 1830–1831 гг. в соответствии с рассказом Сушковой и по публикации сходного экспромта в газете «Листок» 1831 г. (см. ниже).

Впервые (в качестве текста, приписываемого Лермонтову): [Сушкова Е. А.] Воспоминания о Лермонтове. Отрывок из записок // Русский вестник. 1857. Т. 11. Кн. 2. С. 402.

Е. А. Сушкова рассказывала об общении с Лермонтовым в Москве летом 1830 г.: «...всякий вечер после чтения затевались игры, но не шумные, чтобы не обеспоко-

ить бабушку. Тут-то отличался Лермонтов. Один раз он предложил нам сказать всякому из присутствующих, в стихах или в прозе, что-нибудь такое, что бы приходилось кстати. У Лермонтова был всегда злой ум и резкий язык, и мы хотя с трепетом, но согласились выслушать его приговоры. <...> Еще была тут одна барышня, соседка Лермонтова по чембарской деревне, и упрашивала его не терять слов для нее и для воспоминания написать ей хоть строчку правды для ее альбома. Он ненавидел попрошаек и, чтоб отделаться от ее настойчивости, сказал: „ну хорошо, дайте лист бумаги, я вам выскажу правду". Соседка поспешно принесла бумагу и перо, он начал: „Три грации...". Барышня смотрела через плечо на рождающиеся слова и воскликнула. „Михаил Юрьевич, без комплиментов, я правды хочу". — Не тревожьтесь, будет правда, отвечал он и продолжал: „Три грации считались в древнем мире, / Родились вы... всё три, а не четыре". <...> Я до сих пор не дозналась, Лермонтова ли эта эпиграмма или нет» (Сушкова 1928: 121–123; Воспоминания 1989: 95).

Показательно, что все экспромты, сказанные в тот вечер Лермонтовым и приведенные Сушковой, — не оригинальны, а цитатны (А. М. Верещагиной Лермонтов прочел мадригал Пушкина «К А. Б***», самой Сушковой адресовал строки из «Бахчисарайского фонтана», а для их знакомицы Дашеньки перефразировал строки из «Кавказского пленника»). Исходя из этого, вероятно, что Лермонтов мог заимствовать этот экспромт из фельетона «Первый блин да комом» московской газеты «Листок» (Листок. 1831. № 16. 24 февраля. [С. 2]), где рассказан аналогичный случай: некая «барышня» Матрена Савишна просит молодого человека Николая Максимовича написать ей в альбом. «Долго отговаривался он, наконец, *кто может против власти женской?* взял перо, чтоб удовлетворить неотвязчивую Матрену Савишну, открыл первой лист и — пишет: „Три Грации считалось в древнем мире; Родились Вы..." — „Нет, полноте! зачем! уж это явная лесть!" — „Дайте кончить", — сказал хладнокровно избранный на важное начало и продолжал: „Родились Вы — всё *три*, а не *четыре*!"». В «Записках» Сушковой нередки хронологические аберрации, поэтому допустимо предположить, что этот эпизод мог относиться и к более позднему времени, чем 1830 г., называемый мемуаристкой.

Ср. также анекдот о количестве граций, будто бы рассказываемый генерал-майором П. С. Верзилиным, пятигорским знакомым Лермонтова, о своем семействе: «...у моей жены две дочери и у меня две, а всего три... только три грации, а не четыре» (у Верзилина и его жены были дочери от первых браков и одна общая; см.: Мартьянов 1892: 432).

Как было отмечено еще М. М. Масловым (1908: 77–78), в эпиграмме инвертируется сюжет латинской эпитафии, которая еще в начале XIX в. приписывалась Дециму Магну Авсонию (IV в. н. э.; в настоящее время атрибуция считается ошибочной: Ep. Bob. 33): «Tres fuerant Charites, sed dum mea Lesbia vixit, / quattuor. at periit: tres numerantur item» (Ausonius 1823: I, 140; греч. прототипы см.: Anth. Pal. V 146; IX, 515); *пер.:* «Харит было три, но когда родилась моя Лесбия, / Стало четыре. Она умерла, три считается снова». В русской традиции известны несколько

вариаций этой эпитафии, как правило, трансформированной в мадригал. Из них наиболее близки к комментируемому тексту строки В. П. Петрова из стихотворения «К ...» («Девиц избранный хор...»): «Три только Грации во всем считались мире: / Когда родилась Ты; вдруг стало их четыре» (Нейман 1917а: 70–71); схожие варианты встречаются в альбомах нач. XIX в. (см.: Вацуро 1979: 41–42).

Лит.: ЛЭ 1981: 445–447; Лермонтов 1935–1937: I, 527–528; Душенко 2009: 33–38.

429. «Хвала тебе, приют лентяев...».

Ни автографа, ни авторитетных копий не сохранилось.
Печатается по первой публикации.
Датируется предположительно 1830–1832 гг. по времени учебы Лермонтова в Московском университете.
Впервые: Головачев Г.Ф. Университетские воспоминания // День. 1863. № 42. 19 октября. С. 7 (подпись: Г. Г.).

Григорий Филиппович Головачев (1818–1880) учился с Лермонтовым в Московском университете. Стихи, из которых он привел несколько начальных строк, ходили между студентами во время его учебы: «Исчезновение Лермонтова, отправившегося в Петербург для поступления в гвардейскую юнкерскую школу, не обратило на себя особого внимания; припоминали только, что он изредка показывался на лекциях, да и то почти всегда читал какую-нибудь книгу, не слушая профессора; да еще ходили между студентами стихи его к Московскому университету...» (Там же).

Принадлежность этого стихотворения Лермонтову, по мнению И. Л. Андроникова, косвенно подтверждается текстуальной близостью с CXVIII и CXIX строфами поэмы «Сашка» (Т. 2. С. 327–328), в которых воспроизведена атмосфера Московского университета начала 1830-х гг. и строфой XXXIII, где Лермонтов упоминает о судьбе Полежаева и героя его поэмы (Лермонтов 1983–1984: I, 413–414).

Ст. 3. *Где цвел наш бурный Полежаев.* — Поэт Александр Иванович Полежаев (1804 / 1805–1838), будучи студентом Московского университета, написал фривольную поэму «Сашка» (1825), за которую был отдан в солдаты и сослан на Кавказ.

Лит.: ЛЭ 1981: 445–447; Лермонтов 1954–1957: II, 373; Лермонтов 1989: II, 654; Васильев 1992: 126.

430. Экспр<омт> («Ах, как мила моя княгиня!..»).

Автограф неизвестен.
Копии: 1) РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 4. № 25. Л. 135 об. — в письме А. М. Меринского к П. А. Ефремову от 3 февраля 1862 г., под заглавием «Экспр<омт>» (опубл.: Михайлова 1960: 176); 2) ОР РНБ. Ф. 905. Q 812. Л. 28 об. — в сборнике разных стихотворений конца XIX — нач. XX вв., под заглавием «На княгиню Щербатову и Баранта»; 3) РГАЛИ. Ф. 276. Оп. 1. № 68. Л. 23 — в сборнике стихотворений эротического содержания конца XIX в. (тексты скопированы,

вероятно, с печатного источника), под заглавием «Экспромт. На княгиню Щербатову».
Печатается по копии А. М. Меринского как наиболее раннему авторитетному источнику.
Датируется предположительно — либо 1832–1834 гг. по позднейшим указаниям Меринского, либо зимой 1839–1840 гг. по первоначальному сообщению того же Меринского (см. ниже).
Впервые: Лермонтов 1862: 126 — в составе «Библиографической статьи о сочинениях Лермонтова», вариант текста, отличный от копии и позднейшей публикации Меринского (см. ниже).

А. М. Меринский дважды и несколько по-разному сообщал текст и историю создания эпиграммы. Посылая в письме Ефремову экспромт («Ах, как мила моя княгиня! / За ней волочится француз; / У нее лицо — как дыня, / Зато ж..а <так!> — как арбуз»), Меринский указывал, что «его сказал Лермонтов по поводу ухаживанья за княгинею Щ<ербатовой> молодого Баранта, сына французского посланника, с которым, впоследствии, он из-за этой дамы имел дуэль. Позднее он был к ней неравнодушен, к ней же относится стихотворение „На светские цепи“ <см. № 390>. <...> противоречие большое с экспромтом. <...> Надо прибавить, что дама эта была очень мила и красива, но имела довольно полное лицо и округлый стан» (РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 4. № 25. Л. 135–135 об.; Михайлова 1960: 175–176).

Затем, в 1872 г., в заметке «М. Ю. Лермонтов в юнкерской школе» Меринский привел другой вариант текста эпиграммы («О, как мила твоя богиня! / За ней волочится француз, — / У нее лицо как дыня, / Зато [жопа] как арбуз»), а его возникновение связал с историей, относившейся ко времени пребывания Лермонтова в школе юнкеров, оговорив, что «позднее <...> слышал от многих, что будто экспромт этот сказан был поэтом нашим по поводу ухаживания молодого француза Баранта за одною из великосветских дам. Не знаю, может, это так и было, но, во всяком случае, это было уже повторение экспромта, сказанного Лермонтовым, чтобы посердить Шаховского для забавы товарищей» ([Меринский А.] М. Ю. Лермонтов в юнкерской школе // Русский мир. 1872. № 205. 10 августа. С. 1). В изложении Меринского, первоначальным поводом к сочинению эпиграммы стал случай с соучеником Лермонтова по Юнкерской школе князем И. Шаховским, который «часто влюблялся в молодых девиц и <...> всегда называл предмет своей страсти богинею». Однажды Шаховской влюбился в гувернантку, жившую в одном семействе, которое посещал как Шаховской, так и находившийся при Юнкерской школе офицер уланского полка И. С. Клерон (о нем см.: Бурнашев В. П. Улан Клерон // Бирж. ведомости. 1872. № 268. 3 окт. С. 1–3; № 269. 4 окт. С. 1–2). «Клерон <...> однажды подшутил над ним, проведя целый вечер в разговорах с гувернанткой, которая <...> не отходила от него все время <...> Ш<аховско>й был очень взволнован этим. Некоторые из товарищей, бывших там вместе с ними, <...> передали другим об этой шутке Клерона. На другой день многие <...> начали приставать с своими насмешками к Ш<аховском>у. Лермонтов, разумеется, тоже, и тогда-то появился его <...> экспромт (надо сказать, что гувернантка, обожаемая Ш<аховски>м

была недурна собой, но довольно толста)» ([Меринский А.] М. Ю. Лермонтов в юнкерской школе // Русский мир. 1872. № 205. 10 августа. С. 1; Воспоминания 1989: 167–168; ту же версию воспроизвел в своем очерке и Бурнашев).

Еще одна версия истории экспромта, близкая к первоначальному изложению Меринского, была приведена в примечаниях к первой публикации текста, отличающихся, впрочем, явной фактической неточностью: «Лермонтов не всегда относился так <как это выражено в стихотворении „На светские цепи...“> к княгине <Щербатовой>, и даже, когда года за три перед тем, за ней ухаживал Барант, сын французского посланника при петербургском дворе, сказал следующий весьма не скромный экспромт: Ах, как мила моя княгиня! / За ней волочится француз — / Хотя лицо у ней как дыня, — / За то и .... как арбуз» (Лермонтов 1862: 126).

Противоречия в разновременных свидетельствах Меринского не позволяют точно датировать сочинение эпиграммы, однако, по-видимому, стоит отдать предпочтение более ранним показаниям, в целом совпадающим с версией бесцензурного сборника 1862 г. Однако нельзя исключать, что в 1840 г. Лермонтов использовал уже сочиненный в Юнкерской школе экспромт, поэтому наиболее корректным решением представляется дать две гипотетические даты. При этом, однако, гипотеза О. В. Миллер, согласно которой «экспромт, написанный поэтом еще в юнкерской школе, был затем слегка изменен („Ах, как мила моя княгиня!..“) и переадресован его врагами женщине, которую Лермонтов любил» (Воспоминания 1989: 533), представляется маловероятной.

Лит.: ЛЭ 1981: 445–447; Бурнашев 1872: 1–2; Михайлова 1960: 175–176; Лермонтов 1989: II, 655.

431. «Когда легковерен и молод я был...».

Ни автографа, ни авторитетных копий не сохранилось.

Печатается по первой публикации.

Датируется предположительно 1837 г. по времени возможных встреч В. М. Голицына с Лермонтовым (см. ниже).

Впервые: РА. 1877. № 2. С. 263 (по записи Т. Толычевой, 1853–1856).

Т. Толычева — псевдоним Екатерины Владимировны Новосильцевой (1820–1885) — прозаика, литературного критика, драматурга, а также первой писательницы, начавшей сбор устных воспоминаний об Отечественной войне 1812 г. и о Крымской войне.

Записано Толычевой со слов декабриста Валерьяна Михайловича Голицына (1803–1859), сосланного на Кавказ и встречавшегося там в 1837 г. с Лермонтовым. Как сообщил Голицын, стихотворение было послано в записке Лермонтова, когда поэт долго не являлся на один из дружеских вечеров, «и его отсутствие начинало беспокоить общество, тем более, что один из гостей слышал, будто Лермонтов попал в неприятную историю» (РА. 1877. № 2. С. 263).

Стихотворение пародирует «Черную шаль» (1820) Пушкина.

Лит.: ЛЭ 1981: 445–447; Лермонтов 1954–1957: II, 374; Лермонтов 1989: II, 655.

432. Христос Воскресе («Умолкнул стон, и цепи сокрушились...»).

Автограф неизвестен.

Копия: РГИА. Ф. 931. Оп. 3. № 720. Л. 91 — рукой Н. А. Долгорукова (см. о нем в примеч. к стихотворению «Леший», № 61), в тетради стихов и переводов 1865–1871 гг.; при заглавии помета: «М. Ю. Лермонтова» и примечание: «Написано для товарища в Унив<ерситетском> Благор<одном> Пансионе 30 марта 1840 г. <так!> во время праздников Пасхи».

Печатается по копии РГИА.

Датировка проблематична, так как помета Долгорукова не может быть однозначно интерпретирована. Формулировка «написано для товарища в Унив<ерситетском> <...> Пансионе» может означать «написано в Пансионе», и тогда поздняя дата безусловно ошибочна (однако Пасха ни в один из пансионских годов не приходилась на конец марта: в 1829 г. — 14 апреля, в 1830 г. — 6 апреля; весной 1828 г. Лермонтов в Пансион еще не поступил). С другой стороны, нельзя исключать, что здесь имеется в виду «для товарища по Пансиону», — и тогда поздняя дата возможна, но здесь либо ошибка в дате, либо в годе: 30 марта Пасха была в 1841 г., а в 1840 г. Пасха приходилась на 14 апреля. Тем не менее версификационное и стилистическое качество текста заставляет сомневаться как в возможности поздней датировки стихотворения (позже пансионских лет), так и в авторстве Лермонтова вообще.

Впервые: Чистова 1995: 29.

По указанию И. С. Чистовой (1995: 29), наиболее вероятный адресат текста — однокашник Лермонтова по Университетскому пансиону М. И. Сабуров, с которым Лермонтова связывали сложные, подчас драматические отношения (см. примеч. к стихотворению № 5).

Лермонтову приписывалось еще одно пасхальное стихотворение — «Христос Воскресе!», опубликованное в 1840 г. в «Литературной газете» (ЛГ. 1840. № 30. 13 апреля. Стлб. 701–702; подпись «Л») и сохранившееся, например, в копии Е. П. Ростопчиной с указанием под текстом: «Лермонтов» (РГАЛИ. Ф. 46. Оп. 2. № 453). Эта атрибуция, однако, не имеет под собой никаких фактических оснований. В 1853 г. И. С. Тургенев мистифицировал П. В. Анненкова, приписывая эти стихи сначала дворовому художнику Н. Ф. Градову, а затем безвестному малоярославскому попу. В результате Анненков уверился, что стихотворение вышло из-под пера самого Тургенева, что последний категорически отрицал. См.: Тургенев 1982–2003: XII, 553–555, 710–711.

Лит.: Юшков 1889: 2–3; Юшков 1893: 68–83; Чистова 1995: 25–32.

433. Толбину («Ты помнишь ли былые шашни...»).

Автограф неизвестен.

Копия: РО ИРЛИ (материалы из собрания К. С. Шохор-Троцкого; поступили 29.03.1978, протокол № 38) — карандашная запись рукой В. В. Толбина (?); закреплена чернилами.

Печатается по копии ИРЛИ.

Датируется предположительно 17–23 апреля 1841 г. по времени вероятной по-

следней встречи Лермонтова с Толбиным в Москве и биографическим данным (см. ниже).
Впервые: Прометей. Т. 14. М., 1987. С. 266 (публикация И. С. Чистовой).

Экспромт обращен к поэту и беллетристу 1840–1850-х гг. Василию Васильевичу Толбину (1819–1869). Лермонтов познакомился с Толбиным, вероятно, в 1838 или 1840 г. в Москве, посещая одни и те же литературные кружки и салоны. В посвященных Толбину шутливых строчках Лермонтов намекает на увлечение адресата Клеопатрой Дмитриевной Раевской, дочерью статского советника Дмитрия Федоровича и Марии Антоновны Раевских; семья Раевских в 1841 г жила на Петровке.

Лит.: Чистова: 1985: 6; Чистова 1987: 262–272.

434–450. <Экспромты 1841 года>

Лит.: ЛЭ 1981: 445; Лермонтов 1935–1937: II, 264–269; Лермонтов 1954–1957: II, 374–377; Лермонтов 1989: II, 655–657.

434. «Куда, седой прелюбодей...».
Ни автографа, ни авторитетных копий не сохранилось.
Печатается по первой публикации.
Датируется июнем 1841 г. по биографическим обстоятельствам.
Впервые: Нива. 1885. № 8. С. 186 — по сообщению Н. П. Раевского в записи В. П. Желиховской.

Николай Павлович Раевский (?–1889) — знакомый Лермонтова, офицер, проводивший лето 1841 г. в Пятигорске, сообщил, что экспромт адресован полковнику Александру Логгиновичу Манзею (?–1854), который был прикомандирован к Кавказскому линейному казачьему войску и летом 1841 г. жил в Пятигорске, где близко общался с Лермонтовым (см.: Нива. 1885. № 8. С. 186; Воспоминания 1989: 421).

435. «Очарователен кавказский наш Монако!..».
Ни автографа, ни авторитетных копий не сохранилось.
Печатается по первой публикации.
Датируется июнем 1841 г. по биографическим обстоятельствам.
Впервые: ИВ. 1892. № 2. С. 431 — запись П. К. Мартьянова со слов поручика Куликовского, который в 1870 г. занимал должность пятигорского военного начальника.

По указаниям Куликовского, экспромт был произнесен Лермонтовым на одной из пирушек во время последнего пребывания поэта в Пятигорске.

Этот и все следующие экспромты располагаются в соответствии с хронологией источника, который содержит записи текстов № 435–450, — публикации П. К. Мартьянова «Последние дни жизни М. Ю. Лермонтова» в «Историческом вестнике» (Мартьянов 1892).

436. «В игре, как лев, силен...».

Ни автографа, ни авторитетных копий не сохранилось.
Печатается по первой публикации.
Датируется июнем 1841 г. по биографическим обстоятельствам.
Впервые: ИВ. 1892. № 2. С. 442 — запись П. К. Мартьянова со слов В. И. Чиляева, хозяина дома, где квартировал Лермонтов в Пятигорске.

Экспромт относится к Льву Сергеевичу Пушкину (1805–1852), брату поэта, с которым Лермонтов встречался в последнее свое пребывание на Кавказе. Согласно записи Мартьянова, экспромт был сказан в июне 1841 г. в квартире Лермонтова в доме В. И. Чиляева во время карточной игры: «Лермонтов взял новую колоду карт, стасовал и, выбросся одну, накрыл ее бумажником и с увлечением продекламировал: „В игре, как лев, силен“ <...> Банкомет медленно и неуверенно метал <...> Наконец возглас „бита!“ разрешил состязание в пользу Пушкина. Лермонтов махнул рукой и, засмеявшись, сказал: „Ну, так я, значит, в дуэли счастлив!“» (Мартьянов 1892: 442; Воспоминания 1972: 320).

437. «Милый Глебов...».

Ни автографа, ни авторитетных копий не сохранилось.
Печатается по первой публикации.
Датируется июнем 1841 г. по биографическим обстоятельствам.
Впервые: ИВ. 1892. № 2. С. 443 — запись П. К. Мартьянова со слов В. И. Чиляева.

Стихи адресованы Михаилу Павловичу Глебову (1818/1819–1847), корнету л.-гв. Конного полка, впоследствии секунданту на дуэли Лермонтова. Впоследствии — ротмистр того же полка, адъютант кавказского наместника кн. М. С. Воронцова; убит при осаде аула Салты. Его портрет см.: Каталог 2014: 200–201.

Экспромт произнесен во время игры в карты, тот же вечер, когда были сказаны экспромты, обращенные ко Льву Пушкину, Н. С. Мартынову («Скинь бешмет свой, друг Мартыш...», № 438) и С. В. Трубецкому («Смело в пире жизни надо...», № 439).

Ст. 4–6. *Но на Наде, / Христа ради, / Не женись! — Надя* — Надежда Петровна Верзилина, за которой ухаживал Глебов (см. примеч. к экспромту «Надежда Петровна...», № 443).

438. «Скинь бешмет свой, друг Мартыш...».

Ни автографа, ни авторитетных копий не сохранилось.
Печатается по первой публикации.
Датируется июнем 1841 г. по биографическим обстоятельствам.
Впервые: ИВ. 1892. № 2. С. 443 — запись П. К. Мартьянова со слов В. И. Чиляева.

Экспромт, произнесенный в один из июньских вечеров 1841 г. за картами, адресован Николаю Соломоновичу Мартынову (1815–1875), жаловавшемуся на жару (Мартьянов 1892: 443). В тот же вечер, по воспоминаниям Чиляева, были сочинены экспромты Льву Пушкину, Глебову и Трубецкому.

В 1841 г., выйдя в отставку, Мартынов приехал в Пятигорск, поселился в одном доме с Глебовым и часто встречался с Лермонтовым, неоднократно становясь предметом шуток и насмешек поэта, приведших в итоге к роковой дуэли.

Мартынов также писал эпиграммы на Лермонтова. Известна его стихотворная шутка, относящаяся, по всей вероятности, к 1841 г.; в ней упоминаются три знакомые Лермонтову женщины: Э. А. Клингенберг (по отчиму — Верзилина), Н. А. Реброва и Адель Оммер де Гель (РГАЛИ. Ф. 276. Оп. 1. № 77. Л. 2):

Mon cher Michel!
Оставь Adel...
А нет сил,
Пей Элексир...
И вернется снова
К тебе Реброва.
Рецепт возврати не иной
Лишь Эмиль Верзилиной

Текст эпиграммы, за подписью N., записанный вслед за старинным рецептом «Как изготовлять жизненный эликсир», дважды перечеркнут карандашом, поверх текста — рукой Лермонтова (?) — сделана карандашная запись: «Подлец Мартышка. N.» (опубл.: Гладыш 1963: 136–137; Филькина 2011: 286).

Ст. 4. *И блюди нас, как хожалый!* — Хожалый — рассыльный, служитель при полиции для разных поручений, полицейский.

439. «Смело в пире жизни надо...».

Ни автографа, ни авторитетных копий не сохранилось.
Печатается по первой публикации.
Датируется июнем 1841 г. по биографическим обстоятельствам.
Впервые: ИВ. 1892. № 2. С. 444 — запись П. К. Мартьянова со слов В. И. Чиляева.

Экспромт адресован кн. Сергею Васильевичу Трубецкому (1815–1859), который, по словам В. И. Чиляева, однажды высказал мысль, что «пир жизни» «надо уметь продолжить как можно долее и окончить, когда вино все будет выпито» (Мартьянов 1892: 443–444; Воспоминания 1972: 321). Произнесен в тот же вечер после игры в карты, когда были сочинены экспромты Льву Пушкину, Глебову, Мартынову.

440. «Велик князь Ксандр и тонок, гибок он...».

Ни автографа, ни авторитетных копий не сохранилось.
Печатается по первой публикации.
Датируется июнем 1841 г. по биографическим обстоятельствам.
Впервые: ИВ. 1892. № 2. С. 454 — запись П. К. Мартьянова.

Экспромт относится к кн. Александру Илларионовичу Васильчикову (1818–1881), впоследствии секунданту на дуэли Лермонтова. Васильчиков — сын пред-

седателя Государственного совета, одного из приближенных Николая I, по окончании Петербургского университета принял приглашение ехать на Кавказ для участия в работе Комиссии сенатора Гана по обследованию Закавказского края. Впоследствии — ученый-экономист, крупный земский деятель, участник крестьянской реформы.

Лето 1841 г. Васильчиков проводил в Пятигорске, постоянно встречаясь с Лермонтовым (они были хорошо знакомы по Петербургу, Васильчиков, вероятно, входил в «кружок шестнадцати», см. примеч. к № 318). В 1872 г. Васильчиков опубликовал статью «Несколько слов о кончине М. Ю. Лермонтова и о дуэли его с Н. С. Мартыновым» (РА. 1872. № 1. С. 205–213).

По словам В. И. Чиляева, Васильчиков первоначально «ухаживал» за Лермонтовым, «часто бывал у него и с ним на прогулках и в гостиных общих знакомых», «но с конца июня <...> вдруг перешел в тот лагерь, где враждебно смотрели на поэта». «Лермонтов все это видел и бросал ему в глаза клички „Дон-Кихот езуитизма“, „князь-пустельга“, „дипломат не у дел“, „мученик фавора“ и др.». Согласно рассказу Чиляева, эпиграмма была сказана «как-то вечером, когда луна светила ярко и тень князя Васильчикова в шинели и шляпе, беседовавшего с каким-то питерским стариком, длинной полосою ложилась на песок площадки» (Мартьянов 1892: 454).

Ст. 1. *Велик князь Ксандр...* — Васильчиков был высокого роста. Его портрет работы Г. Г. Гагарина см.: Каталог 2014: 198–199.

441. «Наш князь Василь-...».

Ни автографа, ни авторитетных копий не сохранилось.
Печатается по первой публикации.
Датируется июнем 1841 г. по биографическим обстоятельствам.
Впервые: ИВ. 1892. № 2. С. 454–455 — запись П. К. Мартьянова со слов В. И. Чиляева.

По сообщению Чиляева, эпиграмма была записана мелом на карточном столе после того, как Васильчиков «сказал какое-то энергичное слово» (Мартьянов 1892: 454). См. примеч. к предыдущей эпиграмме.

442. «За девицей Emilie...».

Автограф неизвестен.
Копии: 1) РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 2. № 52. Л. 2 — рукой П. И. Бартенева на отдельном листе, приплетенном к письму Бартенева П. А. Ефремову от 9 марта 1873 г.; под стихотворением приписка: «(Мужу Груши была фамилия *Дикой*»); 2) РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 4. № 25. Л. 79 — рукой П. А. Ефремова в тетради «Список с черновых тетрадей Лермонтова», под текстом примечание: «(NB Груша была за Диким замужем»); текст соответствует копии (1).
Печатается по копии П. И. Бартенева.
Датируется июнем 1841 г. по биографическим обстоятельствам.
Впервые: Висковатов 1891: 397 (другой вариант текста).

Экспромт относится к дочерям П. С. и М. И. Верзилиных — Э. А. Клингенберг (дочери М. И. Верзилиной, падчерице П. С. Верзилина), Надежде Петровне (1826–1863) и Аграфене Петровне (1822–1901). В июне–июле 1841 г. Лермонтов часто посещал дом Верзилиных, где собиралось «водяное общество». «Молодежь ухаживала за барышнями в доме Верзилиных, в особенности за Эмилией Александровной, носившей название „Розы Кавказа", и младшей из сестер Надеждой Петровной, главными поклонниками коей были Мартынов и Лисаневич. Старшая Аграфена Петровна была „просватана за приставом Трухменских народов Диковым" — ее и называли Трухменской царицей» (Висковатов 1891: 397).

В печати стихотворение впервые появилось в ином варианте (см.: Висковатов 1891: 397; Мартьянов 1892: 702):

Пред девицей Emilie
Молодежь лежит в пыли,
У девицы же Nadine
Был поклонник не один;
А у Груши целый век
Был лишь дикий человек.

443. «Надежда Петровна...».

Автограф неизвестен.
Копия: РО ИРЛИ. Ф. 524. Оп. 4. № 67. Л. 1 — почерком неустановленного лица, на отдельном листке из альбома Н. П. Верзилиной, над текстом помета: «Ставрополь. Декабря 7-го 1842», под текстом подписано «Лермонтов».
Печатается по копии ИРЛИ.
Датируется июнем — июлем 1841 г. по биографическим обстоятельствам.
Впервые: Нива. 1885. № 7. С. 167 (иной вариант текста).

Это единственный из экспромтов 1841 г., дошедший до нас в ранней записи. История сочинения экспромта известна по рассказам нескольких мемуаристов, которые приводили и его текст — в отличных друг от друга вариантах.

В не слишком точных мемуарах К. И. Карпова, записанных С. Филипповым, история создания экспромта передана так: «Хозяйка дома, Марья Ивановна <Верзилина> <...> раз как-то на вечере <...> отозвала Надю в свою спальню и заметила ей, что она неровно себя держит среди молодежи и особенно с Лермонтовым. Барышня, разумеется, сейчас же расплакалась и даже не хотела более выходить в залу. Марья Ивановна, однако, настояла <...> Наскоро умывшись <...>, Надя решилась выйти. Выходя, она прицепила к своему поясу маленькую кинжал-игрушку в малиновой оправе с серебром. <...> Надя вышла решительно, с надувшимся, сердитым лицом. Вместе с кинжалом это выражение могло показаться комически-воинственным <....> От Лермонтова оно не могло укрыться <...> Подойдя с нею с ломберному столу, поэт, не задумываясь, начертал мелком на сукне: <далее следует текст экспромта>» (см.: РМ. 1890. № 12. С. 79–80).

Обстоятельства сочинения экспромта были уточнены Э. А. Шан-Гирей, раздраженной чрезмерной фамильярностью воспоминаний майора Карпова. По ее

словам, Н. П. Верзилина не могла позволить себе такие «глупые выходки», а «миниатюрный кинжальчик <...> она носила постоянно на поясе. <...> шутка-стихи были написаны Лермонтовым в минуту шаловливого настроения и не вечером, а пред обедом. Все <...> приставали к нему, чтобы написал что-нибудь. Лермонтов долго отговаривался, что по приказанию писать не может, тогда его усадили насильно, всунули в руку перо, развернули перед ним альбом Надежды Петровны и все в один голос настаивали, чтоб он написал непременно. Тогда он написал <далее следует текст экспромта>. Конечно, все <...> очень смеялись этому экспромту. Альбом этот сохранился у старшей дочери Надежды Петровны, Н. А. Токаревой» (РО. 1891. № 4. С. 708).

Между тем указание Э. А. Шан-Гирей, по-видимому, неточно: в альбом Верзилиной, судя по дошедшему до нас листу, экспромт вписан не лермонтовской рукой, и не в 1841 г., а в конце 1842 г. — очевидно, по памяти (см.: Лермонтов 1975–1976: I, 417–418).

Разные мемуаристы сообщали различные варианты текста экспромта: «Надежда Петровна, / Зачем так неровно / Разобран ваш ряд / И букли назад? / Платочек небрежно / Под шейкою нежной / Завязан узлом... / Пропал мой Монго потом!» (Рассказ [Н. П.] Раевского о дуэли Лермонтова / Записано В. Желиховской // Нива. 1885. № 7. С. 167); «Надежда Петровна, / Зачем так неровно / Разобран ваш ряд, / И локон небрежный / Над шейкою нежной, / На поясе нож — / C'est un vers qui cloche» (Нива. 1885. № 27. С. 646; Лермонтов 1889–1891: I, 348; РО. 1891. № 4. С. 708); «Надежда Петровна, / Зачем так неровно / Разобран ваш ряд / И букли назад? На шейке лежит / Платочек неровно, / На поясе нож» (РМ. 1890. № 12. С. 80); «Надежда Петровна, / Зачем так неровно / Разобран ваш ряд, / И локон небрежно / Над шейкою нежно... / На поясе нож. / C'est un vers qui cloche» (Мартьянов 1892: 703).

Ст. 7. *C'est un vers qui cloche*. — *Пер.*: Вот стих, который хромает. По предположению И. А. Пильщикова, Лермонтов называет французский стих хромым, «во-первых — вероятно — потому, что силлабический пятисложник с ямбическим кадансом звучит неуклюже в русском амфибрахическом ритмическом контексте. Во-вторых и в-третьих — небрежна рифма „нож — cloch[e]“: а) в рифме непроясненная „немая“ *e*; б) рифма дважды графически неточная (кириллица : латиница; кириллическому *ж* соответствует латинский диграф *ch* = *ш*). А. Добрицын обратил внимание на то, что в этом экспромте «хромает» еще один стих: „*Отчего так неровно*“, с двусложной анакрусой вместо односложной. Таким образом, оба стиха иконичны: описывая аристократическую небрежность (адресата стихотворения и самого стихотворения), они сами отличаются версификационной небрежностью, становящейся к тому же предметом поэтической авторефлексии» (Пильщиков 2015). К сказанному можно добавить, что определение «хромой» можно отнести не к последнему французскому стиху, а к предыдущему русскому («На поясе нож»), который резко ломает структуру рифмовки: по своей позиции он должен рифмоваться с оставшимся без рифмы стихом «Разобран ваш ряд».

444. «Он прав! Наш друг Мартыш не Соломон...».

Ни автографа, ни авторитетных копий не сохранилось.

Печатается по первой публикации.

Датируется июнем 1841 г. по биографическим обстоятельствам.

Впервые: ИВ. 1892. № 3. С. 705 — запись П. К. Мартьянова со слов Куликовского (см. примеч. к экспромту № 434).

Экспромт относится к Н. С. Мартынову: «кто-то из кавказцев в защиту его какой-то неловкости заметил: „ну, что вы хотите, господа, ведь он не Соломон же у нас“. Лермонтов не выдержал, встал со стула и сказал внушительно: „Он прав!.. <далее следует текст экспромта>“. Неистовое „браво, браво! Михаил Юрьевич!“ покрыло эту характеристику отсутствовавшего соперника» (Мартьянов 1892: 704–705).

В эпиграмме собран набор различных колкостей, которые неоднократно высказывались в адрес Мартынова Лермонтовым и их общей компанией: прозвище Мартыш, обыгрывание отчества, намеки на волокитство за разными женщинами.

Ст. 3. *Не мудр, как царь Шалима, но умен...* — Шалим (Солим) — одно из библейских названий Иерусалима.

445. «С лишком месяц у Мерлини...».

Ни автографа, ни авторитетных копий не сохранилось.

Печатается по первой публикации.

Датируется июнем 1841 г. по биографическим обстоятельствам.

Впервые: ИВ. 1892. № 3. С. 705 — запись П. К. Мартьянова со слов В. И. Чиляева, который, в свою очередь, ссылался на сообщение М. П. Глебова.

По указанию П. К. Мартьянова, экспромт адресован вдове генерала С. Д. Мерлини (1775–1833) Екатерине Ивановне Мерлини (1793–1858), конкурентке дочерей Верзилиных за внимание «водяной» молодежи (ЛЭ 1981: 279). Согласно свидетельству очевидца, Лермонтов импровизировал этот текст для М. И. Верзилиной, потакая ее слабости «услышать что-нибудь о сопернице своих дочерей» (Мартьянов 1892: 705).

Ст. 3. *Что творится у княгини...* — По указанию Чиляева-Мартьянова, имеется в виду княгиня Эристова (Мартьянов 1892: 705).

Ст. 9–13. *Пьер обедал у Мерлини <...> Пьер отрекся.* — Согласно сведениям мемуариста, Пьер — П. В. Волков, атташе княгини Эристовой (Там же).

Ст. 10–12. *Ездил с ней в Шотландку раз ~ Вышла ссора за Каррас.* — *Шотландка* или *Каррас* — немецкая колония в семи верстах от Пятигорска. В этой колонии находился ресторан Рошке.

446. «Он метил в умники, попался в дураки...».

Ни автографа, ни авторитетных копий не сохранилось.

Печатается по первой публикации.

Датируется июнем 1841 г. по биографическим обстоятельствам.

Впервые: ИВ. 1892. № 3. С. 705 — запись П. К. Мартьянова со слов В. И. Чиляева.

По сообщению В. И. Чиляева, Лермонтов этим экспромтом завершил анекдот, рассказанный им хозяйке пятигорского светского салона М. И. Верзилиной (1798–1848), — о том, как один калужский помещик привез в Пятигорск трех своих дочерей с намерением выдать их замуж за кавказских офицеров, но, не найдя им женихов, бросил их и уехал один обратно к себе в имение (Мартьянов 1892: 705).

447. «Зачем, о счастии мечтая...».

Ни автографа, ни авторитетных копий не сохранилось.
Печатается по первой публикации.
Датируется июнем — началом июля 1841 г. по биографическим обстоятельствам.
Впервые: ИВ. 1892. № 3. С. 706 — запись П. К. Мартьянова со слов В. И. Чиляева.

Экспромт обращен к падчерице П. С. Верзилина Эмилии Александровне Клингенберг (1815–1891), и вызван, по словам Чиляева, соперничеством Лермонтова и Мартынова из-за Эмилии и того явного предпочтения, которое она отдавала Мартынову (Мартьянов 1892: 706). Эмилия Клингенберг в 1851 г. вышла замуж за друга и родственника Лермонтова Акима Павловича Шан-Гирея и написала ряд воспоминаний о Лермонтове (см. также: ЛЭ 1981: 222–223; и примеч. к № 442).

448–449. «Мои друзья вчерашние — враги...»,
«Им жизнь нужна моя...».

Ни автографа, ни авторитетных копий не сохранилось.
Печатается по первой публикации.
Датируется 12 июля 1841 г. по указаниям Чиляева (см. ниже).
Впервые: ИВ. 1892. № 3. С. 713–714 — запись П. К. Мартьянова со слов В. И. Чиляева.

Как вспоминал В. И. Чиляев, утром 12 июля 1841 г. Лермонтов и его друг и родственник Алексей Аркадьевич Столыпин (1816–1858) явились к пятигорскому коменданту полковнику В. И. Ильяшенкову с просьбой продлить им курс лечения минеральными водами. Ильяшенков, после официального разговора, советовал Лермонтову быстрее уезжать из Пятигорска, где у него появилось много врагов, которые еще недавно считались его друзьями. Лермонтов на это ответил ему первым экспромтом: «Мои друзья вчерашние — враги». На заявление Ильяшенкова о том, что Лермонтова могут убить, поэт ответил вторым экспромтом: «Им жизнь нужна моя...» (см.: Мартьянов 1892: 712–714).

450. «Ну, вот теперь у вас для разговоров будет...».

Ни автографа, ни авторитетных копий не сохранилось.
Печатается по первой публикации.
Датируется 12 июля 1841 г. по указаниям Чиляева (см. ниже).
Впервые: ИВ. 1892. № 3. С. 718 — запись П. К. Мартьянова со слов В. И. Чиляева.

Согласно записи Мартьянова (со слов В. И. Чиляева), этот экспромт Лермонтова был едва ли не последний в его жизни. В роковой вечер 12 июля 1841 г., когда Мартынов вызвал его на дуэль, Михаил Юрьевич, по выходе из дома Верзилиных, прощаясь с товарищами, пожимая им руки, сказал этот экспромт. «И только после дуэли, когда схоронили предательски убитого поэта, кто-то, кажется, Дмитревский, разгадал смысл сказанных им слов. Под именем *Миллер* были скрыты инициалы поэта: *Ми Лер*, а под именем *Эмма* — инициалы Мартынова: *М*(Эм)*а* или же инициалы Эмилии и Мартынова *Эм Ма*» (Мартьянов 1892: 719).

ЛИТЕРАТУРА

Аболина 2012 — *Аболина Т. М.* О последнем стихотворении «лопухинского» цикла М. Ю. Лермонтова // Лермонтовские чт. на Кавминводах-2012. Пятигорск, 2012. С. 99–105.

Абрамов 2013 — *Абрамов Е. П.* Образ русского офицера в стихотворении М. Ю. Лермонтова «Бородино» // М. Ю. Лермонтов в русской и зарубежной науке и культуре: Мат-лы Всеросс. науч. конференции. Пятигорск, 2013. С. 9–17.

Абрамова 2008 — *Абрамова В. И.* Легенда о видении Рафаэля в интерпретации иенских и русских романтиков // Русско-зарубежные литературные связи: Межвуз. сб. науч. тр. Н. Новгород, 2008. С. 18–20.

Абрамович 1910–1913 — <Комментарии> // Лермонтов М. Ю. Полн. собр. соч.: В 5 т. / Ред. и примеч. Д. И. Абрамовича. СПб.: Изд. Разряда изящной словесности Имп. Академии наук, 1910–1913.

Адамович 1998 — *Адамович Г. В.* Литературные беседы: Кн. 1–2. СПб., 1998.

Азадовский 1941 — *Азадовский М. К.* Фольклоризм Лермонтова // ЛН 1941: XLIII–XLIV, 227–262.

Азадовский 1960 — *Азадовский М. К.* Статьи о литературе и фольклоре. М.; Л., 1960.

Азбелев 1995 — *Азбелев С. Н.* Отношение к русской монархии в поэзии Лермонтова // ТВ. 1995. № 4. С. 11–18.

Аксаков 1881 — *Аксаков И. С.* Неизданное стихотворение М. Ю. Лермонтова // Русь. 1881. № 10. С. 21.

Аксаков 1995 — *Аксаков К. С.* Эстетика и литературная критика. М., 1995.

Александров 1913 — *Александров А.* Разборы стихотворений // ФЗ. 1913. Вып. 1. С. 74–128.

Александров 1924 — *Александров Н.* Историко-лит. сб. Посвящ. В. И. Срезневскому. 1891–1916. Л. 1924. С. 297–334.

Александрова 2004 — *Александрова Н. Г.* «Звездное небо» иенских романтиков и байроновская «тема» в поэтическом универсуме раннего Лермонтова // Проблемы филологии и методики преподавания языков на рубеже веков: Межвуз. сб. науч.-метод. ст. Псков, 2004. Вып. 4. С. 12–20.

Алексеев 1940 — *Алексеев М. П.* Этюды из истории испано-русских литературных отношений // Культура Испании: Сб. М., 1940. С. 353–425.

Алексеев 2009 — *Алексеев Д. А.* О последнем варианте стихотворения «Валерик» // М. Ю. Лермонтов: Исслед. и мат-лы. Вып. 1. М.; Воронеж, 2009. С. 80–88.

Алексеев 2013 — *Алексеев Д. А.* Лермонтов: Исследования и находки. М., 2013.

Алексеев 2014 — *Алексеев Д. А.* Лермонтов: Новые материалы к биографии. М., 2014.

Алексеева 2005 — *Алексеева Н. Ю.* Русская ода: Развитие одической формы в 17–18 вв. СПб., 2005.

Альбеткова 1971 — *Альбеткова Р. И.* Фантастические образы в русском романтизме 30-х гг. 19 в. // Из истории русского романтизма. Вып. 1. Кемерово, 1971. С. 86–101.

Альбеткова 1973 — *Альбеткова Р. И.* Человек и природа в лирике Лермонтова 1837–1841 гг. // Традиции и новаторство в русской литературе. М., 1973. С. 58–75.

Альбеткова 1979 — *Альбеткова Р. И.* «Из-под таинственной, холодной полумаски…» // РР. 1979. № 1. С. 40–43.

Альтман 1964 — *Альтман М. С.* Заметки о Лермонтове // Учен. зап. Горьк. ун-та. Сер. ист.-филол. 1964. Вып. 72. Т. 2. С. 759–769.

Андреев 1936 — *Андреев Н.П.* Песни-баллады в русском фольклоре // Русская баллада / Предисл., ред. и примеч. В. И. Чернышева; Вступ. ст. Н. П. Андреева. М.; Л., 1936. С. 14–48 1-й паг.

Андреев 2003 — *Андреев Д. Л.* Созерцатель «обеих бездн» // Другие берега — Контекст. 2003. № 18. С. 231–236.

Андреев-Кривич 1952 — *Андреев-Кривич С. А.* Два распоряжения Николая I // ЛН 1952: LVIII, 411–430.

Андреев-Кривич 1954 — *Андреев-Кривич С. А.* Лермонтов: Вопросы творчества и биографии. М., 1954.

Андреев-Кривич 1973 — *Андреев-Кривич С. А.* Всеведение поэта. М., 1973.

Андреев-Кривич 1989 — *Андреев-Кривич С. А.* Нет, это не Лермонтов: (К спорам о подлинном тексте стихотворения «Прощай, немытая Россия») // М. Ю. Лермонтов: Проблемы идеала: Межвуз. сб. науч. тр. Куйбышев; Пенза, 1989. С. 136–157.

Андроников 1936 — *Андроникашвили И.* К биографии М. Ю. Лермонтова // Тр. Тифлис. гос. ун-та. 1936. С. 200–214.

Андроников 1951 — *Андроников И. Л.* Лермонтов: (Новые разыскания). М., 1951.

Андроников 1958 — *Андроников И. Л.* Лермонтов в Грузии в 1837 г. Тбилиси, 1958.

Андроников 1962 — *Андроников И. Л.* Сокровища замка Хохберг // Известия. <Московский вечерний выпуск>. 1962. № 296. 14 декабря. С. 6; То же // Известия. <Общесоюзный выпуск>. 1962. № 296. 15 декабря. С. 6.

Андроников 1963 — *Андроников И. Л.* Рукописи из Фельдафинга // ЗОР. Вып. 26. М., 1963. С. 5–33.

Андроников 1964 — *Андроников И. Л.* Лермонтов: Исследования и находки. М., 1964.

Андроников 1967 — *Андроников И. Л.* Лермонтов: Исследования и находки. 2-е изд., испр. М., 1967.

Андроников 1971 — *Андроников И. Л.* Из наблюдений над стилем Лермонтова // Поэтика и стилистика русской литературы. Л., 1971. С. 146–152.

Андроников 1975 — *Андроников И. Л.* Великая эстафета: Воспоминания. Беседы. М., 1975.

Андроников 1977 — *Андроников И. Л.* Лермонтов: Исследования и находки. 4-е изд. М., 1977.

Андроников 1981 — *Андроников И. Л.* А теперь об этом. М., 1981.

Андроников 1984 — *Андроников И. Л.* «Бородино» // РР. 1984. № 5. С. 21–23.

Анекдот 1990 — Русский литературный анекдот XVIII — нач. XIX вв. / Сост. Е. Курганов, Н. Охотин. М., 1990.

Аничков 1925–1926 — *Аничков Е. В.* Заметки по рукописям и творчеству Лермонтова // Slavia. 1925–1926. Roč. 4. Seš. 3. S. 547–750.

Анненков 1960 — *Анненков П. В.* Литературные воспоминания. М., 1960.

Анненкова 1844 — Для избранных. Стихотворения Варвары Анненковой. М., 1844.

Анненкова 2004 — *Анненкова Н. А.* О стихе стихотворной сатиры М. Ю. Лермонтова: К проблеме жанровой дифференциации стихосложения Лермонтова // Вестн. Оренбург. пед. ун-та. 2004. № 11. С. 57–61.

Анненкова 2009 — *Анненкова Н. А.* Место сатиры и инвективы в системе лирических жанров М. Ю. Лермонтова // Вестн. Оренбург. гос. ун-та. Оренбург, 2009. № 11. С. 17–19.

Арзамасцев 1984 — *Арзамасцев В. П.* «Звук высоких ощущений...»: Новое о М. Ю. Лермонтове. Саратов; Пенза, 1984.

Аринштейн 1985 — *Аринштейн Л. М.* Реминисценции и автореминисценции в системе лермонтовской поэтики // Лермонтовский сб. Л., 1985. С. 23–48.

Арнольди 1952 — Лермонтов в записках А. И. Арнольди / Публ., введение и прим. Ю. Оксмана // ЛН 1952: LVIII, 449–76.

Архипов 1965 — *Архипов В.* М. Ю. Лермонтов: Поэзия познания и действия. М., 1965.

Асмус 1941 — *Асмус В.* Круг идей Лермонтова // ЛН 1941: XLIII—XLIV, 83–128.

Асоян 1989 — *Асоян А. А.* Стихотворение М. Ю. Лермонтова «Выхожу один я на дорогу...» // Целостный анализ литературного произведения: Сб. науч. тр. Свердловск, 1989. С. 9–13.

Афанасьев 1858 — Афанасьев [Чужбинский] А. С. «Крымские сонеты» А. Мицкевича // Атеней. 1858. № 39. С. 250–257.

Афанасьев 1859 — *Афанасьев А. Н.* Библиографические заметки о Лермонтове // БЗ. 1859. № 12. Стб. 378–384.

Афанасьев 1869 — *Афанасьев А. Н.* Поэтические воззрения славян на природу. Т. 1–3. М., 1869.

Афанасьева 2000 — *Афанасьева Э. М.* «Моя мольба» и «Юнкерская молитва»: Поэтика шутливых «молитв» М. Ю. Лермонтова // Вестн. Томск. пед. ун-та. Сер. гуманит. науки (филология). Томск, 2000. Вып. 6. С. 22–25.

Афанасьева 2002 — *Афанасьева Э. М.* «Маленькая драма» М. Ю. Лермонтова: («Журналист, читатель и писатель») // Вестн. Кемеровск. ун-та. Сер. Журналистика. 2002. № 3. С. 111–120.

Афанасьева 2011 — *Афанасьева Э. М.* Мотив имени в стихотворениях М. Ю. Лермонтова 1830 г. («Дереву», «Мое завещание») // Изв. Уральского гос. ун-та. Сер. 2. Гуманитарные науки. 2011. № 2(90). С. 129–133.

Афанасьева 2013 — *Афанасьева Э. М.* Стихотворение М. Ю. Лермонтова «Силуэт»: Художественная символика портретного изображения // Лермонтовские чтения. 2012: Сб. ст. Лермонтов и изобразительное искусство. СПб., 2013. С. 199–206.

Афанасьева, Скутина 2008 — *Афанасьева Э. М., Скутина А. Л.* Образ душевных ключей: «Поток» М. Ю. Лермонтова и «Silentium» Ф. И. Тютчева // М. Ю. Лермонтов: Худож. картина мира. Томск, 2008. С. 86–93.

Ашукина 1957 — *Ашукина М. Г.* Серьезные недостатки академического издания Лермонтова // ВЛ. 1957. № 8. С. 220–231.

Ашукина 1959 — *Ашукина М.* История — опора текстолога // ВЛ. 1959. № 5. С. 159–166.

Аюпов 2009 — *Аюпов С. М.* Западно-восточный синтез в стихотворении М. Ю. Лермонтова «Тучи» // Интерпретация текста: Лингвистич., литературовед. и методич. аспекты: 2 междунар. науч. конф., 30–31 окт. 2009. Чита, 2009. С. 161–162.

Баак 1995 — *Баак Й. ван.* Дом как утопия в русской литературе // Канун: Альманах. [Вып. 1]. Русские утопии. СПб., 1995. С. 136–153.

Баевский 1983 — *Баевский В. С.* Из разысканий о Пушкине и Лермонтове // ИСЛЯ. 1983. № 5. С. 464–474.

Базиянц 1982 — *Базиянц А. П.* Над архивом Лазаревых: (Очерки). М., 1982.

Байрон 1981 — *Байрон Дж.-Г.* Собр. соч.: В 4 т. М., 1981.

Бакалдин 2010 — *Бакалдин И. П.* Барковские традиции в творчестве М. Ю. Лермонтова // Лермонтовские чтения на Кавминводах — 2010: Мат-лы междунар. науч. конф. Пятигорск, 2010. С. 93–95.

Балашова 1996 — *Балашова И. А.* Традиции А. Мицкевича и И. В. Гете в поэзии М. Ю. Лермонтова: (Стихотворение «Три пальмы») // Балашова И. А. Источники пленительных образов: Традиции в русской романтической литературе. Ростов н/Д., 1996. С. 117–129.

Баранов 1934 — *Баранов В.* Судьба литературного наследства А. И. Полежаева: Обзор // ЛН 1934: XV, 221–257.

Баранов 1957 — *Баранов В. В.* Об истинном адресате стихотворения Лермонтова «Нет, не тебя так пылко я люблю» // Учен. зап. Калужск. пед. ин-та. 1957. Вып. 4. С. 182–192.

Баранов 1960 — *Баранов В. В.* Достоверен ли комментарий к стихотворению М. Ю. Лермонтова «Ветка Палестины»? // Учен. зап. Калужск. пед. ин-та. 1960. Вып. 8. С. 55–61.

Барсуков 1892 — *Барсуков Н. П.* Жизнь и труды М. П. Погодина. СПб., 1892. Кн. 6.

Барсуков 1888–1910 — *Барсуков Н. П.* Жизнь и труды М. П. Погодина. Кн. I–XX. СПб., 1888–1910.

Бартенев 1872 — *Б.<артенев> П.* Неизд. стихотворение Лермонтова (1831) // РА. 1872. № 9. Стлб. 1850–1852.

Бархин 1912 — Школьная библиотека великих писателей, с подробными историко-литературными комментариями. Вып. I. Сочиненія М. Ю. Лермонтова съ объяснительными статьями К. Б. Бархина. Ч. I. Лирическія стихотворенія. Одесса, 1912.

Бархин 1937 — *Бархин К. Б.* Два стихотворения на смерть А. С. Пушкина // Стиль и язык А. С. Пушкина. 1837–1937. М., 1937. С. 16–35.

Батюшков 1977 — *Батюшков К. Н.* Опыты в стихах и прозе. М., 1977.
Бауэр 2014 — *Бауэр А. Э.* Мотив арфы в лирическом творчестве М. Ю. Лермонтова // Лермонтовские чтения — 2013: Сб. ст. СПб., 2014. С. 66–73
Бахтин 1908 — *Бахтин Н.* Лермонтов и Роберт Бернс // Минувшие годы. 1908. № 9. С. 149–151.
Бегак 1930 — *Бегак Б.* Пародия и ее приемы // Бегак Б., Кравцов Н., Морозов А. Русская литературная пародия. М.; Л., 1930. С. 51–65.
Белинский 1953–1959 — *Белинский В. Г.* Полн. собр. соч.: В 13 т. М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1953–1959.
Белова 1991 — *Белова М. М.* Литературная полемика соавторов: (Стихотворение М. Ю. Лермонтова и В. Н. Анненковой «Баллада») // Вестн. МГУ. Филология. 1991. № 6. С. 14–16.
Белова 2003 — *Белова Л. А.* Московский приятель Лермонтова: К 200-летию со дня рождения Н. Ф. Павлова (1803–1864) // Отечество. 2003. № 9. С. 52–55; № 10. С. 30–33.
Белый 1917 — *Белый А.* Жезл Аарона // Скифы. Сб. 1. СПб., 1917. С. 197–199.
Бельская 1987 — *Бельская Л.* «Алгебра гармонии», или Анализ поэзии и поэзия анализа // ЛУ. 1987. № 2. С. 185–189.
Бельская 1995 — *Бельская Л. Л.* Три «чудные картины» // РР. 1995. № 5. С. 9–11.
Бем 1924 — *Бем А.* «Самоповторения» в творчестве Лермонтова // Историко-лит сб., посвящ. В. И. Срезневскому. 1891–1916. Л., 1924. С. 269–290.
Бем 1926 — *Бем А.* «Лирическая дерзость»: (Опыт комментария к одной эстетической формуле Л. Н. Толстого) // Slavia. 1926. Roč. 4. Seš. 4. S. 765–766.
Березин 2004 — *Березин Вл.* Лермонтов и Кавказская война // ЛУ. 2004. № 2. С. 128–132.
Беринг 1913 — *Беринг М.* Вехи русской литературы. М., 1913.
Берия 2004 — *Берия К. Г.* Семантика звука в зрелой лирике М. Ю. Лермонтова // Проблемы изучения рус. и зарубежной литератур: Сб. науч. работ. Таганрог, 2004. Вып. 5. С. 128–137.
Берковский 1985 — *Берковский Н. Я.* Заметки о Лермонтове // Лермонтовский сборник. Л., 1985. С. 337–341.
Бессмертных 1994 — *Бессмертных Л. В.* О некоторых изданиях эротических произведений А. С. Пушкина и М. Ю. Лермонтова // НЛО. 1994. № 6. С. 296–305.
Бессонов 1965 — *Бессонов Б. Л.* Новые автографы русских писателей // РЛ. 1965. № 3. С. 193–196.
Бестужев-Марлинский 1838 — [*Бестужев А. А.*] Полн. собр. соч. А. Марлинского. Ч. 9. Кавказские очерки. СПб., 1838.
Бестужев-Марлинский 1840 — [*Бестужев А. А.*] Полн. собр. соч. А. Марлинского. [Изд. 2.]. Ч. 9. Кавказские очерки. СПб., 1840.
Бестужев-Марлинский 1948 — *Бестужев-Марлинский А. А.* Собрание стихотворений / Подгот. текста Г. В. Прохорова; Вступ. ст., ред. и примеч. Н. И. Мордовченко. М., 1948.
Бестужев-Марлинский 1958 — *Бестужев-Марлинский А. А.* Сочинения: В 2 т. М., 1958.

Бит-Бабик 1999 — *Бит-Бабик О.* Фоносемантический анализ некоторых стихотворений М. Ю. Лермонтова: [«Выхожу один я на дорогу…», «Сон» («В полдневный жар…»)] // М. Ю. Лермонтов и его межнациональное значение. Тбилиси, 1999. С. 17–19.

Битов 1976 — *Битов А. Г.* Три «пророка» // ВЛ. 1976. № 7. С. 145–174.

Благово 1981 — *Благово В. А.* Поэзия и личность Ю. В. Жадовской. Саратов, 1981.

Благой 1941 — *Благой Д. Д.* Лермонтов и Пушкин // Жизнь и творчество М. Ю. Лермонтова. Сб. 1. М., 1941. С. 356–421.

Блок 1921 — *Блок А. А.* Примечания // Лермонтов М. Ю. Избранные сочинения в одном томе. Берлин; Пг., 1921. С. 491–492.

Блок 1934 — *Блок А. А.* Собр. соч. Л., 1934. Т. 11.

Бобров 1910 — *Бобров Е. А.* Два поэта о светской женщине // Бобров Е. А. Из истории русской литературы XVIII и XIX столетий. СПб., 1910.

Боград 1985 — *Боград В. Э.* Журнал «Отечественные записки», 1839–1848: Указатель содержания. М., 1985.

Бодрова 2013 — *Бодрова А. С.* К реконструкции одного поэтического замысла Лермонтова // Статьи на случай: Сб. к 50-летию Р. Г. Лейбова. Тарту, 2013 [электронная публикация; режим доступа свободный: http://www.ruthenia.ru/leibov_50/Bodrova.pdf].

Бодрова 2014 — *Бодрова А. С.* (Не)академический Лермонтов: Тезисы к изучению «юнкерских текстов». // Дундуковские чт.: Мат-лы конференции памяти Акад. наук (26 окт. 2013 г.). М., 2014. С. 66–78.

Божков 1958 — *Божков Ст.* Образът на гладиатора у Байрон, Лермонтов и Смирненски // Литературна мисьл. 1958. № 5. С. 70–79.

Бойко 2005 — *Бойко С. А.* К истории отношений М. Ю. Лермонтова и Вареньки Лопухиной // «Глубокий и могучий дух!»: Мат-лы юб. конф., посвященной 190-летию М. Ю. Лермонтова. Москва, 7 окт. 2004. М., 2005. С. 8–16.

Бойко 2007 — *Бойко С. А.* К вопросу о датировке стихотворения М. Ю. Лермонтова «Валерик» // ТВ. 2007. Вып. 20. С. 126–132.

Бойко 2008 — *Бойко С. А.* «Я к Вам пишу случайно, право…» // Моск. лермонтовский сб. Вып. 1: «Из пламя и света рожденное слово…». М., 2008. С. 9–20.

Бойко, Яценко 2001— *Бойко С. А., Яценко Е. Л.* Примечания: Письма М. А. Лопухиной к баронессе А. М. Хюгель // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв.: Альманах. М., 2001. Т. XI. С. 302–311.

Болдаков 1889 — *Болдаков И.* Неизданные стихотворения М. Ю. Лермонтова: Из 20-й тетради Лермонтовского музея // СВ. 1889. № 1. Отд. 1. С. 1–7.

Болдина 2003 — *Болдина Н. Н.* Опыт филологического анализа стихотворения М. Ю. Лермонтова «Как луч зари, как розы Леля…» // ТВ. 2003. Вып. 16. С. 142–147.

Болдина 2005 — *Болдина Н. Н.* Интерпретация стихотворения М. Ю. Лермонтова «Я видел раз ее в веселом вихре бала…» // ТВ. 2005. Вып. 18. С. 126–130.

Бонди 1978 — *Бонди С. М.* О Пушкине: Статьи и исследования. М., 1978.

Боратынский 2000–2012 — *Боратынский Е. А.* Полн. собр. соч. и писем. М., 2000–2012. Т. 1–3.

Боричевский 1948 — *Боричевский И.* Пушкин и Лермонтов в борьбе с придворной аристократией // ЛН 1948: XLV–XLVI, 323–362.
Бороздин 1903 — *Бороздин А. К.* Литературные характеристики девятнадцатого века. Том 1. СПб., 1903.
Борсукевич 1970 — *Борсукевич Ю. С.* Польский вопрос в жизни и творчестве Лермонтова // ВРЛ. Вып. 2(14). [Львов], 1970. С. 50–51.
Боткин 1984 — *Боткин В. П.* Письмо В. Г. Белинскому. 22 марта 1842 // Боткин В. П. Литературная критика; Публицистика; Письма. М., 1984. С. 242–250.
Бочаров 1972 — *Бочаров Г. К.* За сорок лет. Записки словесника. М., 1972.
Бочаров 2007 — *Бочаров С. Г.* Филологические сюжеты. М., 2007.
Бочарова 1983 — *Бочарова А. К.* Лирический повествователь в стихотворениях Лермонтова: Спор поэтов // М. Ю. Лермонтов: Вопросы традиций и новаторства. Рязань, 1983. С. 62–69.
Браиловский 1892 — *Браиловский С. Н.* Из прошлого отечественной литературы: Ист.-лит. очерки. Очерк 3. Графиня Евдокия Петровна Ростопчина // ФЗ. 1892. Вып. 3. С. 53–84.
Браиловский 1893 — *Браиловский С. Н.* М. Ю. Лермонтов. (1814–1841 гг.): Чтение и разбор его произведений // ФЗ. 1893. Вып. 2–3. С. 1–51.
Брейтман 1922 — *Брейтман М. Я.* Лермонтов, Байрон и Шендолле // Вестн. лит. 1922. № 2–3 (38–39). С. 9–10.
Бриггс 1991 — *Бриггс Э.* Смешение жанров в «Валерике» Лермонтова // Litteraria humanitas: Genologické studie. Brno, 1991. T. 1. S. 404–410.
Бродский 1914 — *Бродский Н. Л.* Поэтическая исповедь русского интеллигента 30–40-х годов // Венок М. Ю. Лермонтову: Юбилейный сб. М.; Пг., 1914. С. 56–110.
Бродский 1925 — *Бродский Н. Л.* Декабристы в русской художественной литературе // Каторга и ссылка. 1925. Кн. 21. № 8. С. 127–226.
Бродский 1941 — *Бродский Н. Л.* Лермонтов-студент и его товарищи // Жизнь и творчество М. Ю. Лермонтова. Сб. 1. М., 1941. С. 40–76.
Бродский 1945 — *Бродский Н. Л.* М. Ю. Лермонтов: Биография, 1814–1832. М., 1945. Т. 1.
Бродский 1948 — *Бродский Н. Л.* «Бородино» М. Ю. Лермонтова и его патриотические традиции. М.; Л., 1948.
Бродский 1964 — *Бродский Н. Л.* Избранные труды. М., 1964.
Бройтман 1979 — *Бройтман С. Н.* К проблеме диалогичности лирического текста: Стихотворение М. Лермонтова «Есть речи — значенье» // Лит. произведение как целое и проблемы его анализа: Межвуз. сб. науч. тр. Кемерово, 1979. С. 40–52.
Броневский 1825 — Новейшие географические и исторические известия о Кавказе, собранные и пополненные Семеном Броневским. М., 1825. Ч. 2.
Брюсов 1903 — *Брюсов В. Я.* Оклеветанный стих // Беседа. 1903. № 11. С. 786–788.
Брюсов 1918 — *Брюсов В. Я.* Опыты по метрике и ритмике, по евфонии и созвучиям, по строфике и формам. М., 1918.
Будрин 1941 — *Будрин В. А.* «Парус» Лермонтова // Прикамье. 1941. № 3. С. 113–121.

Булгаков 2010 — *Булгаков А. Я.* Современные записки и воспоминания мои (отрывки из дневника) // МЖ. 2010. № 7(235). С. 68–81.
Булгарин 1849 — *Ф. Б<улгарин>*. Журнальная всякая всячина // СП. 1849. 24 декабря. С. 1145.
Булгарин 1855 — *Ф. Б<улгарин>*. Журнальная всякая всячина // СП. 1855. 5 ноября. С. 1291.
Булгарин 1856 — *Ф. Б<улгарин>*. Заметки, выписки и корреспонденция // СП. 1856. 9 мая. С. 336.
Буранок 1990 — *Буранок Н. А.* Драматическое стихотворение в лирике М. Ю. Лермонтова // Развитие жанров русской лирики конца XVIII–XIX веков: Межвуз. сб. науч. тр. Куйбышев, 1990. С. 106–118.
Буранок 1996 — *Буранок Н. А.* К вопросу о характере воспроизведения античных мотивов в лирике М. Ю. Лермонтова // Лермонтовский выпуск. Пенза, 1996. Вып. 5. С. 97–102.
Бурачок 1840 — *С. Б<урачок>*. Стихотворения М. Лермонтова // Маяк. 1840. Ч. 12. Гл. 4. С. 149–171.
Бурнашев 1872 — *Бурнашев В. П.* Улан Клерон // Бирж. ведомости. 1872. № 268. 3 окт. С. 1–3; № 269. 4 окт. С. 1–2.
Бурцева 2007 — *Бурцева Е. В.* Лирика «сильнейших страстей» и глубоких страданий (из опыта работы: анализ стихотворения М. Ю. Лермонтова «Она не гордой красотою») // Текст и языковая личность. Томск, 2007. С. 377–381.
Бухштаб 1952 — *Бухштаб Б. Я.* «Благодарность» // ЛН 1952: LVIII, 406–410.
Бухштаб 1988 — *Бухштаб Б. Я.* К истории текста стихотворения Лермонтова «Они любили друг друга так долго и нежно...» // ИСЛЯ. 1988. № 2. С. 181–185.
Бушин 1989a — *Бушин В.* Курьез с шедевром // Слово. 1989. № 10. С. 45–48.
Бушин 1989b — *Бушин В.* Странная судьба одного стихотворения [«Прощай, немытая Россия»] // Кубань. 1989. № 10. С. 80–90.
Быдина 2004 — *Быдина И. В.* Актуализация концепта воля в стихотворении М. Ю. Лермонтова «Соседка» // Рус. язык и межкультурная коммуникация. 2004. № 1. С. 195–204.
Бюлер 1876 — *Бюлер Ф. А.* Заметка о Лермонтове // РС. 1876. № 1. С. 220–221.

Вакенродер 1914 — *Вакенродер В. Г.* Об искусстве и художниках. Размышления отшельника, любителя изящного, изданные Л. Тиком / С послесл. и прим. П. Н. Сакулина. М., 1914.
Ваняшова 1968 — *Ваняшова М. Г.* Лермонтов и Рембрандт // Проблемы рус. лит. Вып. 2. Ярославль, 1968. С. 269–287.
Варенцова 2011 — *Варенцова Е. М.* Материалы М. Ю. Лермонтова в отделе рукописных фондов Гос. литературного музея (Москва) // М. Ю. Лермонтов в русской и зарубежной науке и культуре. Мат-лы Всеросс. науч. лермонтовской конф.: 26–28 мая 2010 г. Пятигорск, 2011. С. 212–222.
Варзаева 2004 — *Варзаева М. А.* Модификация жанра элегии в творчестве А. С. Пушкина и М. Ю. Лермонтова // «Я жил века...»: Мат-лы Пятых Лермонтовских чт. Ярославль, 2004. С. 29–31.

Васильев 1992 — *Васильев Н. Л.* А. И. Полежаев и русская литература. Саранск, 1992.
Вацуро 1964 — *Вацуро В. Э.* Ранняя лирика Лермонтова и поэтическая традиция 20-х гг. // РЛ. 1964. № 3. С. 46–56.
Вацуро 1965 — *Вацуро В. Э.* «Ирландские мелодии» Томаса Мура в творчестве Лермонтова // РЛ. 1965. № 3. С. 184–192.
Вацуро 1973 — *Вацуро В. Э.* Первый русский переводчик «Фариса» А. Мицкевича // Славянские страны и рус. лит. Л., 1973. С. 57–59.
Вацуро 1974 — *Вацуро В. Э.* Пушкинская поговорка у Лермонтова // Временник Пушкинской комиссии. [Вып. 10]. 1972. Л., 1974. С. 105–106.
Вацуро 1976 — *Вацуро В. Э.* М. Ю. Лермонтов // Рус. лит. и фольклор. (Первая половина XIX в.). Л., 1976. С. 210–248.
Вацуро 1979 — *Вацуро В. Э.* Литературные альбомы в собрании Пушкинского Дома: 1750–1840-е гг. // Ежегодник Рукописн. отд. Пушкинского Дома на 1977 год. Л., 1979. С. 3–56.
Вацуро 1985a — *Вацуро В. Э.* Литературная школа Лермонтова // Лермонтовский сб. Л., 1985. С. 49–90.
Вацуро 1985b — *Вацуро В. Э.* Пушкинские «литературные жесты» у М. Ю. Лермонтова // РР. 1985. № 5. С. 17–21.
Вацуро 1989 — *Вацуро В. Э.* Из записок филолога: «Камень, сглаженный потоком…» // РР. 1989. № 5. С. 16–19.
Вацуро 1992a — *Вацуро В. Э.* Грузинов Иосиф Романович // Русские писатели: 1801–1917: Биобиблиогр. словарь. М., 1992. Т. 2: Г–К. С. 50–51.
Вацуро 1992b — *Вацуро В. Э.* Лермонтов и Андре Шенье: (К интерпретации одного стихотворения) // Михаил Лермонтов, 1814–1989: Норвичский симпозиум. Нортфилд, 1992. С. 117–130.
Вацуро 1993 — *Вацуро В. Э.* Чужое «я» в лермонтовском творчестве // Russian Literature. 1993. Vol. 33. № 4. С. 505–519.
Вацуро 1994 — *Вацуро В. Э.* Лирика пушкинской поры: «Элегическая школа». СПб., 1994.
Вацуро 2002 — *Вацуро В. Э.* Готический роман в России. М., 2002.
Вацуро 2008 — *Вацуро В. Э.* О Лермонтове: Работы разных лет. М., 2008.
Вдовин 2013 — *Вдовин А. В.* Частотность авторов и их текстов в русских хрестоматиях XIX в. (1805–1912) // Русская поэтическая практика XIX в. и поэтический канон. Тарту, 2013. С. 310–317 (Acta Slavica Estonica. IV).
Вельтман 1928 — *Вельтман С.* Восток в художественной литературе. М.; Л., 1928.
Веневитинов 1829 — Сочинения Д. В. Веневитинова. Ч. 1. Стихотворения. М., 1829.
Веневитинов 1980 — *Веневитинов Д. В.* Стихотворения и проза. М., 1980.
Вениаминов 1981 — *Вениаминов С. С.* К вопросу о трактовке образов стихотворения Лермонтова «Нет, не тебя так пылко я люблю…» // ФН. 1981. № 6. С. 70–72.
Веселовский 1906 — *Веселовский А. Н.* Западное влияние в новой русской литературе. 3-е изд. М., 1906.
Вигель 1891–1893 — Записки Филиппа Филипповича Вигеля. М., 1891–1893. Ч. 1–7.
Видяева 2004 — *Видяева Н. Н.* «Они на судьбу пошли»: Тема судьбы и рока в творчестве М. Ю. Лермонтова // Лермонтовское наследие в самосознании XXI столетия. Пенза, 2004. С. 22–26.

Виноградов 1938 — *Виноградов В. В.* Очерки по истории рус. лит. яз. XVII–XIX вв. Изд. 2-е. М., 1938.

Виноградов 1941 — *Виноградов Г.* Произведения Лермонтова в народно-поэтическом обиходе // ЛН 1941: XLIII–XLIV, 353–388.

Виноградов 1961 — *Виноградов В. В.* Проблема авторства и теория стилей. М., 1961.

Виноградов 1981 — *Виноградов Б. С., Виноградов В. Б.* Этюды о Лермонтове // М. Ю. Лермонтов и Чечено-Ингушетия: Сб. ст. Грозный, 1981. С. 3–64.

Виноградов 1982 — *Виноградов Б. С., Виноградов В. Б.* Черты «невольного сближенья»: (Некоторые штрихи к истории создания стихотворения «Валерик») // Рус. худож. культура и вопросы духовного наследия чеченцев и ингушей. Грозный, 1982. С. 14–21.

Виноградов 1989 — *Виноградов В. Б.* О времени создания стихотворения «Валерик» // Актуальные вопросы современного лермонтоведения: Литературоведение: Мат-лы и метод. рекомендации для общих и специальных курсов. Киев, 1989. С. 98–100.

Виноградов 2007 — *Виноградов А. В., Виноградов В. Б.* Тайна валерикского эпизода // Его отчизна в небесах. Ярославль, 2007. С. 17–19.

Виноградова 2007 — *Виноградова Е. М.* Логические аномалии в стихотворении М. Ю. Лермонтова «Сон» // Лингвистика и поэтика в начале третьего тысячелетия. М., 2007. С. 325–331.

Винокур 1927 — *Винокур Г. О.* Критика поэтического текста. М., 1927.

Винокур 1991 — *Винокур Г. О.* О языке художественной литературы. М., 1991.

Висковатов 1884 — *Висковатый П. А.* Ненапечатанное стихотворение М. Ю. Лермонтова [«Одиночество»] // Нива. 1884. № 12. С. 270.

Висковатов 1885 — *Висковатый П.* Ответ на статью Миклашевского «М. Ю. Лермонтов в заметках его товарища» // РС. 1885. № 2. С. 475–477.

Висковатов 1887 — *Висковатый П. А.* Михаил Юрьевич Лермонтов: Неизд. юношеское стихотворение его «Исповедь». 1829–1830 гг. // РС. 1887. № 10. С. 107–126.

Висковатов 1891 — *Висковатый П. А.* Михаил Юрьевич Лермонтов: Жизнь и творчество. М., 1891.

Вишневский 1965 — *Вишневский К. Д.* Строфика Лермонтова // Творчество М. Ю. Лермонтова. Пенза, 1965. С. 3–131.

Вишневский 1985 — *Вишневский К. Д.* Стихотворение М. Ю. Лермонтова «Свидание» // Анализ одного стихотворения: Межвуз. сб. Л., 1985. С. 132–140.

Владимиров 1892 — *Владимиров П. В.* Исторические и народно-бытовые сюжеты в поэзии М. Ю. Лермонтова. Киев, 1892.

Владимирская 1962 — *Владимирская Н. М.* Антикрепостнические традиции русской литературы XVIII в. в творчестве М. Ю. Лермонтова // Учен. зап. Великолук. пед. ин-та. 1962. Вып. 19. С. 67–70.

Владимирская 1983 — *Владимирская Н. М.* Лермонтовские мотивы и образы в поэзии Блока // М. Ю. Лермонтов: Вопросы традиций и новаторства. Рязань, 1983. С. 78–101.

Власов 1928 — *Власов И.* Лермонтов в семье П. И. Петрова (Комментарий к письму поэта) // Лит. сб. [Т.] I. Письма М. Ю. Лермонтова, Н. В. Гоголя, В. А. Жуковского, А. А. Потехина, А. Н. Островского, Н. Я. Соловьева, В. Г. Короленко и Л. Н. Толстого. Кострома, 1928. С. 3–10.

Власов 1937 — *Власов И.* М. Ю. Лермонтов на берегах Клязьмы // Пламя. 1937. № 4. С. 14–15.
Водовозов 1966 — *Водовозов Н. В.* Образы и темы древнерусской литературы в творчестве М. Ю. Лермонтова // Учен. зап. МГПИ им. В. И. Ленина. 1966. Т. 248. С. 3–28.
Войтехович 2010 — *Войтехович Р. С.* Пересказ // Con Amore: Ист.-филол. сб. в честь Л. Н. Киселевой. М., 2010. С. 108–117.
Волошин 1989 — *Волошин М. А.* Лики творчества. Л., 1989.
Вольперт 2008 — *Вольперт Л. И.* Лермонтов и литература Франции. 2-е изд. СПб., 2008.
Вольперт 2009 — *Вольперт Л.* Лермонтовская концепция сна и европейская традиция (стихотворения «Сон» Лермонтова и поэма «Дон Жуан» Байрона) // Тр. по рус. и славян. филол. Литературоведение. Новая серия. Tartu, 2009. [Вып.] 7. С. 142–154.
Вольперт 2011a — *Вольперт Л.* Деэстетизация войны в творчестве Лермонтова и Стендаля: («Валерик» Лермонтова и «Пармская обитель» Стендаля) // Лермонтовские чтения. 2010: Сб. ст. СПб., 2011. С. 98–107.
Вольперт 2011b — *Вольперт Л.* Сновидение как пограничье жизни и смерти: («Сон» Лермонтова и «Сон» Байрона) // Пограничные феномены культуры. Перевод. Диалог. Семиосфера: Мат-лы Первых Лотмановских дней в Таллин. ун-те (4–7 июля 2009 г.). Таллинн, 2011. С. 173–182.
Воробьев 2009 — *Воробьев В. П.* Лермонтов и Байрон. Смоленск, 2009.
Воронина 2009 — *Воронина И. П.* Проблема «точного» поэтического перевода Г. Гейне в лирике М. Ю. Лермонтова // Изв. Самарск. науч. центра РАН. 2009. Т. 11. № 4(3). С. 711–716.
Воронина 2010 — *Воронина И. П.* Проблема «точного» поэтического перевода Ф. Шиллера в лирике М. Ю. Лермонтова // Вестн. Воронежск. гос. ун-та. Сер.: Филология. Журналистика. 2010. № 2. С. 29–33.
Воскресенский 1886 — *Воскресенский Н. А.* Свет и тени русской словесности. СПб., 1886.
Воскресенский 1989 — *Воскресенский А.* О первой стихотворной публикации [М. Ю. Лермонтова]: [К датировке стихотворения «Весна»] // Наше наследие. 1989. № 5. С. 49.
Воспоминания 1972 — М. Ю. Лермонтов в воспоминаниях современников. М., 1972.
Воспоминания 1989 — М. Ю. Лермонтов в воспоминаниях современников. М., 1989.
Врангель 1913 — *Врангель Н.* Лермонтов — художник // Лермонтов 1910–1913. Т. 5. С. 210–217.
Вяземский 1982 — *Вяземский П. А.* Сочинения: В 2 т. М., 1982.
Вяземский 1986 — *Вяземский П. А.* Стихотворения. [Л.], 1986.

Гаджиев 1981 — *Гаджиев А.* В поисках героя: Литературные исследования, размышления, разборы. Баку, 1981.
Гаджиев 1986 — *Гаджиев А.* Этапы литературного братства: Из истории литературных связей России с Кавказом. Баку, 1986.
Гаркави 1959 — *Гаркави А. М.* Заметки о М. Ю. Лермонтове // Учен. зап. Калининград. пед. ин-та. 1959. Вып. 6. С. 274–296.
Гаспаров 1999 — *Гаспаров М. Л.* Метр и смысл: Об одном из механизмов культурной памяти. М., 1999.

Гаспаров 2000 — *Гаспаров М. Л.* Очерк истории русского стиха: Метрика. Ритмика. Рифма. Строфика. 2-е изд., доп. М., 2000.
Гаспаров 2001 — *Гаспаров М. Л.* О русской поэзии: Анализы. Интерпретации. Характеристики. М., 2001.
Гербстман 1967 — *Гербстман А. И.* Звукопись и вопросы художественного перевода // Актуальные проблемы теории худож. перевода: Мат-лы Всесоюзн. симпозиума 25 февр. — 2 марта 1966 г. М., 1967. Т. 2. С. 278–286.
Гербель 1861 — *Гербель Н.* Письмо к редактору «Библиографических записок» // БЗ. 1861. № 18. Стб. 563–564.
Гершензон 1915 — *Гершензон М.* Пушкин и Лермонтов // Пушкин А. С. Собр. соч. / Под ред. С. А. Венгерова. Пг., 1915. Т. 6. С. 514–519.
Гершензон 2000 — *Гершензон М. О.* Избранное. Т. 4. М.; Иерусалим, 2000.
Герштейн 1939 — *Герштейн Э. Г.* К вопросу о дуэли Лермонтова // Год двадцать второй: Альманах 16. М., 1939. С. 505–506.
Герштейн 1948 — *Герштейн Э.* Дуэль Лермонтова с Барантом // ЛН 1948: XLV–XLVI, 389–432.
Герштейн 1959 — *Герштейн Э.* «Мятлевские» стихотворения Лермонтова // ВЛ. 1959. № 7. С. 170–173.
Герштейн 1960 — *Герштейн Э. Г.* Николай I и А. А. Столыпин (Монго) // М. Ю. Лермонтов. [Ставрополь], 1960. С. 288–290.
Герштейн 1964 — *Герштейн Э.* Судьба Лермонтова. М., 1964.
Герштейн 1976 — *Герштейн Э.* «Герой нашего времени» М. Ю. Лермонтова. М., 1976
Герштейн 1977 — *Герштейн Э.* Послесловие // Ахматова А. О Пушкине. Л., 1977. С. 277–317.
Герштейн 1981 — *Герштейн Э. Г.* «Первое января» [«Как часто пестрою толпою окружен...»] // ЛУ. 1981. № 3. С. 194–199.
Герштейн 1985a — *Герштейн Э. Г.* Об одном лирическом цикле Лермонтова // Лермонтовский сб. Л., 1985. С. 131–151.
Герштейн 1985b — *Герштейн Э. Г.* Скрытая цитата в «Думе» // Лермонтовский сб. Л., 1985. С. 255–259.
Герштейн 1986 — *Герштейн Э.* Судьба Лермонтова. М., 1986.
Герштейн 2001 — *Герштейн Э. Г.* Память писателя: Статьи и исследования 30–90-х гг. СПб., 2001.
Гете 1932–1949 — *Гете И.-В.* Собр. соч.: В 13 т. М.; Л., 1932–1949.
Гиллельсон 1969 — *Гиллельсон М. И.* П. А. Вяземский: Жизнь и творчество. Л., 1969.
Гиллельсон 1977 — *Гиллельсон М.* Последний приезд Лермонтова в Петербург // Звезда. 1977. № 3. С. 190–199.
Гиллельсон 1979 — *Гиллельсон М. И.* Поэзия Лермонтова в салоне Елагиных // М. Ю. Лермонтов: Исслед. и мат-лы. Л., 1979. С. 253–270.
Гильманов 1989 — *Гильманов Г. Х.* Татарская баллада: (Истоки и этапы развития). Казань, 1989.
Гинзбург 1930 — *Гинзбург Л. С.* К анализу стихотворения Лермонтова «Смерть поэта». Кого подразумевает Лермонтов под словами: «певец, неведомый, но милый»? (Опыт построения новой гипотезы) // Slavia. 1930. Roč. 9. Šeč. 1. C. 85–102.

Гинзбург 1940 — *Гинзбург Л. Я.* Творческий путь Лермонтова. Л., 1940.
Гинзбург 1962 — *Гинзбург Л. Я.* Пушкин и лирический герой русского романтизма // Пушкин: Исслед. и мат-лы. М.; Л., 1962. Т. 4. С. 140–153.
Гинзбург 1974 — *Гинзбург Л. Я.* О лирике. Л., 1974.
Гинцбург 1915 — *Гинцбург Д. Г.* О русском стихосложении. Пг., 1915.
Гиреев 1958 — *Гиреев Д. А.* Поэма М. Ю. Лермонтова «Демон»: Творческая история и текстологический анализ. Орджоникидзе, 1958.
Гиривенко 1987 — *Гиривенко А. Н.* «Арфа» М. Ю. Лермонтова и «Завещание» Томаса Мура // РЛ. 1987. № 4. С. 224–226.
Гиривенко 1991 — *Гиривенко А. Н.* М. Ю. Лермонтов и поэзия Томаса Мура // Изучение творчества М. Ю. Лермонтова в вузе и школе. Пенза, 1991. С. 113–114.
Гиривенко 1992 — *Гиривенко А. Н.* Русская рецепция Томаса Мура. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 1992.
Гиршман 1999 — *Гиршман М. М.* Ритмическая композиция стихотворений М. Ю. Лермонтова, написанных четырехстопным ямбом // Studia metrica et poetica: Сб. ст. памяти П. А. Руднева. СПб., 1999. С. 110–117.
Гладыш 1963 — *Гладыш И. А.* К истории взаимоотношений М. Ю. Лермонтова и Н. С. Мартынова: (неизвестная эпиграмма Мартынова) // РЛ. 1963. № 2. С. 136–137.
Гладыш, Динесман 1963 — *Гладыш И. А., Динесман Т. Г.* Архив А. М. Верещагиной // ЗОР ГБЛ. 1963. Вып. 26. С. 34–62.
Глассе 1979 — *Глассе А.* Лермонтов и Е. А. Сушкова // М. Ю. Лермонтов: Исслед. и мат-лы. Л., 1979. С. 80–121.
Глассе 2005 — *Глассе А.* М. Ю. Лермонтов и С. И. Сабурова: Создание канона // «Глубокий и могучий дух!»: Мат-лы юб. конф., посвящ. 190-летию со дня рождения М. Ю. Лермонтова. Москва, 7 окт. 2004. М., 2005. С. 17–29.
Глинка 1950 — М. И. Глинка: Сб. мат-лов и ст. М.; Л., 1950.
Гнедич 1964 — *Гнедич Т.* Коллективный перевод сборника стихов // Мастерство перевода: Сб. 1963. М., 1964. С. 278–280.
Гоголь 1937–1952 — *Гоголь Н. В.* Полн. собр. соч.: В 14 т. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1937–1952.
Голицын 1888 — *Голицын Б. И.* К истории прежней цензуры // ИВ. 1888. Т. 31. № 2. С. 515–516.
Голлер 1997 — *Голлер Б. А.* Два предисловия к двум романам: (к проблеме «Лермонтов и Пушкин») // Пушкинский сб. Иерусалим, 1997. Вып. 1. С. 209–224.
Голлер 1998 — *Голлер Б. А.* Пейзаж с фигурами на заднем плане // ВЛ. 1998. № 3. С. 202–238.
Голованова 1958 — *Голованова Т. П.* <Комментарии> // Лермонтов М. Ю. Собр. соч.: В 4 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1958–1959. Т. 1. С. 711–714.
Голованова 1972 — *Голованова Т. П.* Наследие Лермонтова в поэзии XX в. // Русская советская поэзия. Л., 1972. С. 90–155.
Голованова 1979 — *Голованова Т. П.* Автографы Лермонтова в альбомах А. М. Верещагиной // М. Ю. Лермонтов: Исслед. и мат-лы. Л., 1979. С. 7–23.

Головенкина 2012 — *Головенкина Е. В.* Ангел и демон в системе лермонтовских образов // Лермонтовские чт. на Кавминводах-2012. Пятигорск, 2012. С. 146–160.

Головин 2000 — *Головин В. В.* Фольклоризация и литературная традиция «Казачьей колыбельной песни» Лермонтова // Северный сборник. Proceeding of the NorFA Network in Russian Literature: 1995–2000. Stockholm, 2000. P. 37–53.

Голуб 2004 — *Голуб В. Я., Мельников-Давыдов П. И.* Опыт филологического анализа стихотворения М. Ю. Лермонтова «Благодарность» // Лермонтов и его худож. мир: Межвуз. сб. науч. ст. Борисоглебск, 2004. С. 88–103.

Гониашвили 1980 — *Гониашвили Т. Б.* Заметки к чеченским словам в повести «Хаджи-Мурат» Л. Толстого и в стихотворении «Валерик» М. Лермонтова // Вопросы вайнахской лексики: Сб. ст. Грозный, 1980. С. 56–61.

Гончаров 1973 — *Гончаров Б. П.* Звуковая организация стиха и проблемы рифмы. М., 1973.

Гончарова 2004 — *Гончарова Л. Ф.* «Что в имени тебе моем?»: Лингвостилистические особенности одноименных стихотворений А. С. Пушкина и М. Ю. Лермонтова // Язык и социум: Современные проблемы: Сб. тезисов. Волгоград, 2004. С. 26–32.

Горбачева 2006 — *Горбачева Н. И.* Система древнегреческой мифологии как одна из подсистем контекста лирики М. Ю. Лермонтова // Вестн. Алтайск. ун-та. 2006. № 1. С. 98–100.

Гордон 1973 — *Гордон Я. И.* Гейне в России (1830–1860-е гг.). Душанбе, 1973.

Гордон 1979 — *Гордон Я. И.* Гейне в России (1870–1917). Душанбе, 1979.

Гореликова, Магомедова 1983 — *Гореликова М. И., Магомедова Д. М.* Лингвистический анализ художественного текста. М., 1983.

Горланов 1976 — *Горланов Г. Е.* Стихотворение М. Ю. Лермонтова «Утес» // Русская литература 30–40-х гг. XIX в. Рязань, 1976. С. 39–46.

Горланов 1989 — *Горланов Г. Е.* В поисках положительного идеала: («Бородино» М. Ю. Лермонтова) // М. Ю. Лермонтов: Проблема идеала: Межвуз. сб. науч. тр. Куйбышев; Пенза, 1989. С. 97–105.

Горланов 1993 — *Горланов Г. Е.* «К портрету» М. Ю. Лермонтова: (Из опыта стиховедческого анализа) // Тархан. листок. 1993. № 3. С. 2.

Горланов 2010 — *Горланов Г. Е.* «Пророчество» и «покаяние» в художественном осмыслении М. Ю. Лермонтова // ТВ. 2010. Вып. 23. С. 105–116.

Горланова 2003 — *Горланова Н. Г.* Поэзия М. Ю. Лермонтова и русский фольклор // Проблемы лит. образования: Межвуз. сб. науч. тр. Пенза, 2003. Вып. 3. С. 14–18.

Горленко 1892 — *В. Г. <Горленко В. П.>* Объяснение к стихотворению Лермонтова «Казот» // РА. 1892. № 7. С 382–386.

Городецкий 1958 — *Городецкий Б.* [и др.]. Серьезные недостатки одной рецензии // РЛ. 1958. № 2. С. 240–241.

Городецкий 1974 — *Городецкий Б. П.* Русские лирики: Ист.-лит. очерки. Л., 1974.

Горохова 1980 — *Горохова Р. М.* Тассо в России конца XVIII в.: (Мат-лы к истории восприятия) // Русская культура XVIII века и западноевропейские литературы. Л., 1980. С. 127–161.

Горшкова 2014 — *Горшкова А. А.* Из комментариев к стихотворению «Договор» (в печати).
Горький 1939 — *Горький М.* История русской литературы. М., 1939.
Гречишникова 1941 — *Гречишникова А. Д.* Изучение Лермонтова в школе (V–VII классы) // М. Ю. Лермонтов. Сб. ст. М., 1941. С. 164–187.
Грибушин 1968 — *Грибушин И. И.* Заметки о Д. Веневитинове // РЛ. 1968. № 1. С. 196–198.
Грибушин 1976 — *Грибушин И. И.* Ошибся ли М. Ю. Лермонтов в элегическом дистихе? // ВРЛ. Вып. 1(27). Львов, 1976. С. 125–127.
Григорьев 1967 — *Григорьев А. А.* Литературная критика. М., 1967.
Григорьев 2002 — *Григорьев А. А.* Лермонтов и его направление: Крайние грани развития отрицательного взгляда: <отрывки> // М. Ю. Лермонтов: Pro et contra. СПб., 2002. С. 200–219.
Григорьева 1979 — *Григорьева А. Д.* Судьба поэтической фразеологии в русской поэзии XIX — начала XX в. // Очерки по стилистике художественной речи. М., 1979. С. 165–198.
Григорьян 1964 — *Григорьян К. Н.* Лермонтов и романтизм. М.; Л., 1964.
Григорьян 1979 — *Григорьян К. Н.* К истории одного патриотического мотива: Лермонтов, Ботев, Исаакян // Лит. Армения. 1979. № 2. С. 94–99.
Гринбаум 2012 — *Гринбаум О. Н.* «Бородино» М. Ю. Лермонтова: Ритм, смысл и эмоции в свете гармонии // Реалии и легенды Отечественной войны 1812 года: Сб. науч. ст. СПб.; Тверь, 2012. С. 195–212.
Гришунин 1998 — *Гришунин А. Л.* Исследовательские аспекты текстологии. М., 1998.
Гроссман 1928 — *Гроссман Л. П.* Лермонтов — баталист // Гроссман Л. П. Собр. соч.: В 5 т. М., 1928. Т. 4. Мастера слова. С. 19–27.
Гроссман 1941 — *Гроссман Л.* Лермонтов и культуры Востока // ЛН 1941: XLIII–XLIV, 673–744.
Гроссман 1946 — *Гроссман Л. П.* Лермонтов и Рембрандт // Учен. зап. Московск. гор. пед. ин-та. 1946. Т. 7. С. 61–74.
Гроссман 1948 — *Гроссман Л.* Стиховедческая школа Лермонтова // ЛН 1948: XLV–XLVI, 255–288.
Грунский 1898 — *Грунский И. К.* Наполеон I в русской художественной литературе // РФВ. 1898. Т. 40. № 3–4. С. 279–290.
Грушевская 2005 — *Грушевская К. И.* Семантический объем образов змеи и русалки в художественном мире М. Ю. Лермонтова // Рус. язык и межкультурная коммуникация. 2005. № 1. С. 143–144.
Грязнова 2004 — *Грязнова А. Т.* Соотношение вольности и адекватности в переводе М. Ю. Лермонтова «Из Гете» // Этика и социология текста. Ставрополь, 2004. Вып. 10. С. 152–157.
Губарева 2010 — *Губарева М. Н.* Проблемы переводческой адаптации немецкой элегии русскими поэтами: (М. Ю. Лермонтов, Ф. И. Тютчев) // Актуальные проблемы образования в России и за рубежом: Лингвистич., методич., педагогич. аспекты: Мат-лы 3 междунар. науч.-практич. конф. Ульяновск, 2010. С. 7–9.
Гуковский 1941 — *Гуковский Г. А.* Путь Лермонтова // Лермонтов в школе. Л., 1941. С. 22–23.

Гулова 1994 — *Гулова И. А.* «Я вас никак забыть не мог»: (К 180-летию со дня рождения М. Ю. Лермонтова) // Рус. яз. в школе. 1994. № 3. С. 53–59.

Гумилев 2005 — *Гумилев Л. Н.* Сила эпохи // Гумилев Л. Н. Ландшафт и этнос: Статьи и работы (1949–1990). СПб., 2005. С. 678–682.

Гуревич 1964 — *Гуревич А.* Проблема нравственного идеала в лирике Лермонтова // Творчество М. Ю. Лермонтова: 150 лет со дня рождения, 1814–1964. М., 1964. С. 149–171.

Гуськова 1994 — *Гуськова Т. П.* Аграмматизм или грамматическая экспрессия? (Стихотворение М. Ю. Лермонтова «Посреди небесных тел...») // М. Ю. Лермонтов: Тезисы межвуз. науч. конф. Ставрополь, 1994. С. 44–45.

Давыдов 1984 — *Давыдов Д. В.* Стихотворения. Л., 1984.

Давыдов 1990 — *Давыдов С.* Два пророка: Пушкин и Лермонтов // Зап. рус. акад. группы в США. Т. 23. Нью-Йорк, 1990. С. 19–28.

Данилевский 1984 — *Данилевский Р. Ю.* Россия и Швейцария: Литературные связи XVIII–XIX вв. Л., 1984.

Данилевский 2013 — *Данилевский Р. Ю.* Фридрих Шиллер и Россия. СПб., 2013.

Дахкильгов 1989 — *Дахкильгов Ш. Э.* Слово о родном крае: (Записки краеведа). Грозный, 1989.

Двинянинов 1964 — *Двинянинов Б.* О потомках Лермонтова в Тамбове // Тамбовская правда. 1964. № 246. 18 окт. С. 4.

Девицкий 1967 — *Девицкий И. И.* Жуковский и стихотворение М. Ю. Лермонтова «Смерть поэта» // Тезисы докладов и сообщений на 1-й науч.-метод. конф. Кокчетавск. пед. ин-та. Кокчетав, 1967. С. 45–47.

Девицкий 1970 — *Девицкий И. И.* Об эпиграфе к стихотворению М. Ю. Лермонтова «Смерть поэта» // ФН. 1970. № 6. С. 60–73.

Дедусенко 2005 — *Дедусенко И.* Там дуб стоял могучий // Кавказская здравница. 2005. 11 октября. С. 4.

Дельвиг 1986 — *Дельвиг А. А.* Сочинения. Л., 1986.

Демешкина 2006 — *Демешкина Т. А.* Модели восприятия в поэтическом тексте как способ интерпретации мира // Европейский интерлингвизм в зеркале литературы: Картина мира в немецкоязычной поэзии и ее русских переводах. Томск, 2006. С. 9–17.

Демиденко 2010 — *Демиденко А. Н.* Библейские и литературные мотивы в «Еврейских мелодиях» М. Ю. Лермонтова // Святоотеческие традиции в рус. лит. Омск, 2010. С. 59–63.

Державин 1865–1883 — *Державин Г. Р.* Сочинения: В 9 т. / Под ред. Я. К. Грота. СПб.: Изд-во Имп. Академии наук, 1865–1883.

Детков 2002 — *Детков Д.* Мое понимание стихотворения М. Ю. Лермонтова «К себе» // Лермонтовский текст в пространстве времени. Пятигорск, 2002. С. 149–150.

Дидро 1935–1947 — *Дидро Д.* Собр. соч.: В 10 т. М.; Л.: Academia; Гослитиздат, 1935–1947.

Дмитриев 1967 — *Дмитриев И. И.* Полн. собр. стихотворений. Л., 1967.

Дмитриев 1973 — *Дмитриев В. Г.* Замаскированная литература. М., 1973.

Добрицын 2008 — *Добрицын А. А.* Вечный жанр. Западноевропейские истоки русской эпиграммы XVIII — начала XIX века. Bern, 2008 (Slavica Helvetica, vol. 79).

Добрицын 2010 — *Добрицын А. А.* Заметки о французских источниках и посредниках Дмитриева // Иван Иванович Дмитриев (1760–1837): Жизнь, творчество, круг общения. СПб., 2010. С. 109–119.

Доливо-Добровольский 1998 — *Доливо-Добровольский А. В.* Два пророка: К 200-летию со дня рождения А. С. Пушкина и 185-летию М. Ю. Лермонтова // Рог Борея: Альманах лит. собрания «Соратники». СПб., 1998. С. 137–143.

Долинин 2004a — *Долинин А. А.* Истинная жизнь писателя Сирина. СПб., 2004.

Долинин 2004b — *Долинин А. А.* Цикл «Смерть поэта» и «29 января 1837» Тютчева // Пушкинские чтения в Тарту — 3: Материалы международной научной конференции, посвященной 220-летию В. А. Жуковского и 200-летию Ф. И. Тютчева. Тарту, 2004. С. 381–396.

Долинин 2010 — *Долинин А. А.* Гибель Запада: К истории одного стойкого верования // К истории идей на Западе: «Русская идея». СПб., 2010. С. 26–76.

Доманский 2006 — *Доманский В. А.* Лирика Г. Гейне в русских переводах: Дискурсивные практики // Европейский интерлингвизм в зеркале литературы: Картина мира в немецкоязычной поэзии и ее русских переводах. Томск, 2006. С. 40–62.

Донская 1999 — *Донская Н. А.* Псалом в альбом: (Трансформация текста 36-го псалма у Державина, Пушкина и Лермонтова) // Пушкин и рус. культура: (Работы молодых ученых). М., 1999. Вып. 2. С. 29–35.

Достоевский 1972–1990 — *Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч.: В 30 т. Л.: Наука, 1972–1990.

Дроздова 2007 — *Дроздова Н. Г.* Фольклорное начало стихотворений М. Ю. Лермонтова «Желанье» и «Узник» // Изв. Пензенск. гос. пед. ун-та. Обществ. науки. Пенза, 2007. № 4. С. 40–42.

Дружинин 1850 — <*А. В. Дружинин*>. Письма иногороднего подписчика в редакцию «Современника» о русской журналистике // Современник. 1850. Т. XX. № 3. Отд. 6. С. 79–80.

Дубин, Бройтман 2004 — *Дубин А. С., Бройтман Л. И.* Моховая улица. М., 2004.

Дурылин 1914 — *Дурылин С.* Судьба Лермонтова // РМ. 1914. Кн. 10. Отд. 2. С. 11.

Дурылин 1916a — *Дурылин С.* Академический Лермонтов и лермонтовская поэтика // Труды и дни. Тетрадь 8. М., 1916. С. 96–134.

Дурылин 1916b — *Дурылин С. Н.* М. Ю. Лермонтов // Лермонтов М. Ю. Лирические стихотворения. М., 1916. С. 5–24.

Дурылин 1934 — *Дурылин С. Н.* Как работал Лермонтов. М., 1934.

Дурылин 1939 — *Дурылин С. Н.* Мятежная лира // Огонек. 1939. № 25–26. С. 10–12.

Дурылин 1940 — *Дурылин С. Н.* «Герой нашего времени» М. Ю. Лермонтова. М., 1940.

Дурылин 1941a — *Дурылин С.* Лермонтов и романтический театр // «Маскарад» Лермонтова. М.; Л., 1941. С. 15–42.

Дурылин 1941b — *Дурылин С.* На путях к реализму // Жизнь и творчество М. Ю. Лермонтова: Сб. 1. М., 1941. С. 163–250.

Дурылин 1948 — *Дурылин С.* Врубель и Лермонтов // ЛН 1948: XLV–XLVI, 541–622.
Дюшен 1914 — *Дюшен Э.* Поэзия М. Ю. Лермонтова в ее отношении к русской и западноевропейским литературам. Казань, 1914.
Душенко 2009 — *Душенко К. В.* «Три грации считались в древнем мире...»: Эпитафия — мадригал — эпиграмма// Культурология. 2009. № 4. С. 33–38.
Дякина 2001 — *Дякина А. А.* Духовное наследие М. Ю. Лермонтова и поэзия серебряного века. М., 2001.

Евгеньев 1939 — *Евгеньев А.* О Лермонтове // Знамя. 1939. № 10–11. С. 296–302.
Евзерихина 1957 — *Евзерихина В. А.* М. Ю. Лермонтов на пути к созданию образа Печорина // Тр. IV науч. конф. Новосибирск. пед. ин-та. Новосибирск, 1957. Т. 1. С. 217–248.
Евсеева 2004 — *Евсеева В. А.* Образ гор в произведениях М. Ю. Лермонтова // Лермонтовское наследие в самосознании XXI столетия. Пенза, 2004. С. 30–33.
Евчук 2002 — *Евчук О. П.* Топос дома в традиции русской книжности: (От «Слова о полку Игореве» к поэзии М. Ю. Лермонтова) // Вопросы фольклора и литературы. Омск, 2002. С. 10–16.
Евчук 2007 — *Евчук О. П.* Религиозно-философская концепция судьбы поэта в стихотворении М. Ю. Лермонтова «Пророк» // Духовные начала рус. искусства и образования. В./Новгород, 2007. С. 177–181.
Егоров 1922 — *Егоров И. В.* Общественность в русской художественной литературе XIX века. Пг., 1922.
Елеонский 1956 — *Елеонский С. Ф.* Литература и народное творчество. М., 1956.
Елец 1890 — *Елец Ю. Л.* История лейб-гвардии Гродненского гусарского полка. СПб., 1890. Т. 1.
Ельницкая 2004 — *Ельницкая С. И.* О некоторых особенностях цветаевского антигастрономизма и неприятия «строительства жизни» в ее лирике 1930-х годов // Ельницкая С. И. Статьи о Марине Цветаевой. М., 2004. С. 174–253.
Ениколопов 1971 — *Ениколопов И. К.* О стихотворении М. Ю. Лермонтова «Великий муж» // РЛ. 1971. № 2. С. 157–160.
Еремина 2007 — *Еремина Т. Я.* Анализ стихотворения М. Ю. Лермонтова «Выхожу один я на дорогу...» // Рус. словесность. М., 2007. № 8. С. 45–47.
Ермилова 1970 — *Ермилова Л. Я.* Об особенностях восприятия времени в поэзии Лермонтова, Тютчева и Пушкина // Учен. зап. Московск. пед. ин-та. 1970. № 405. С. 370.
Ермоленко 1986 — *Ермоленко С. И.* Мифологические баллады М. Ю. Лермонтова: [«Русалка», «Дары Терека», «Морская царевна», «Тамара»] // Проблемы стиля и жанра в рус. лит. XIX — начала XX веков: Сб. науч. тр. Свердловск, 1986. С. 22–33.
Ермоленко 1988 — *Ермоленко С. И.* Пародия как фактор эволюции жанра: О балладной пародии первой трети XIX в. // Модификации худож. форм в ист.-лит. процессе: Сб. науч. тр. Свердловск, 1988. С. 31–44.
Ермоленко 1991 — *Ермоленко С. И.* Жанр эпиграммы в лирике М. Ю. Лермонтова // Проблемы изучения и преподавания творчества М. Ю. Лермонтова. Ставрополь, 1991. С. 32–38.

Ермоленко 2006 — *Ермоленко С. И.* Эпиграммы М. Ю. Лермонтова: Позиция лирического «Я» // Вестн. Южно-Уральск. гос. ун-та. Сер. Лингвистика. 2006. Вып. 3. С. 36–40.

Есин 2003 — *Есин А. Б.* Литературоведение. Культурология: Избранные труды. 2-е изд., испр. М., 2003.

Есипов 2010 — *Есипов В. М.* Божественный глагол. Пушкин. Блок. Ахматова. М., 2010.

Ефимов 1940 — *Ефимов А. И.* Лермонтовские речевые периоды // Прикамье: Лит.-худож. сб. Молотов, 1940. С. 135–143.

Ефимова 1949 — *Ефимова М. Т.* Историческая тема в творчестве М. Ю. Лермонтова // Учен. зап. Северо-Осетинск. пед. ин-та. 1949. Т. 18. С. 126–71.

Ефимова 1961 — *Ефимова М. Т.* Тема 1812 года в юношеских стихах М. Ю. Лермонтова // Ежегодн. науч. работ Херсонск. пед. ин-та. 1960. Херсон, 1961. [Ч. 1]. С. 89–95.

Ефремов 1861 — *Ефремов П. А.* Поправки и дополнения к сочинениям Лермонтова // БЗ. 1861. № 16. Стб. 488–497.

Ефремов 1873 — *Ефремов П. А.* <Комментарий> // Лермонтов 1873.

Ефремов 1887 — *Ефремов П. А.* <Комментарий> // Сочинения Лермонтова / Под ред. П. А. Ефремова: [В 2 т.]. СПб.: Глазунов, 1887.

Жаворонков 1965 — *Жаворонков А. З.* М. Ю. Лермонтов и Новгород. // М. Ю. Лермонтов: Мат-лы и сообщения VI Всесоюзн. Лермонтовской конф. Ставрополь, 1965. С. 101–112.

Жаткин 2001 — *Жаткин Д. Н.* «Чаша жизни»: Из комментария // ТВ. 2001. Вып. 14. С. 32–35.

Жаткин 2002 — *Жаткин Д. Н.* Маккавей: Опыт осмысления библейского образа // ТВ. 2002. Вып. 15. С. 50–53.

Жаткин 2008 — *Жаткин Д. Н.* Роберт Бернс в ранних русских переводах: (к постановке проблемы) // Вестн. Тамбовск. ун-та. Сер. Гуманитарные науки. 2008. № 5. С. 280–284.

Жданов 1965 — *Жданов В.* Гипотезы и находки // Новый мир. 1965. № 5. С. 257–258.

Жезлова 1988 — *Жезлова Е. М.* Александр Иванович Левитов // Левитов А. И. Избранные произведения. М., 1988. С. 3–16.

Жернакова 1990 — *Жернакова Н.* Лермонтовские альбомы в Нью-Йорке // Зап. Рус. академ. группы в США. 1990. Т. 23. С. 125–135.

Жижина 1976 — *Жижина А. Д.* Демон как «герой времени» // Рус. лит. 30–40-х гг. XIX в. Рязань, 1976. С. 13–24.

Жижина 1978 — *Жижина А. Д.* Стихотворение М. Ю. Лермонтова «Три пальмы» // РР. 1978. № 5. С. 41–45.

Жижина 1981 — *Жижина А. Д.* Лиризм лермонтовского слова: Стихотворение Лермонтова «Горные вершины» // РР. 1981. № 4. С. 23–27.

Жижина 1989 — *Жижина А. Д.* Два стихотворения М. Ю. Лермонтова: [«Русалка» и «Морская царевна»]: (К вопросу о характере философского осмысления действительности) // М. Ю. Лермонтов: Проблемы идеала: Межвуз. сб. науч. тр. Куйбышев; Пенза, 1989. С. 49–56.

Жижина 1991 — *Жижина А. Д.* «Глубина мысли», «энергия выражения» // Болгарская русистика. София. 1991. № 1. С. 53–61.
Жижина 1994 — *Жижина А. Д.* Анализ баллады М. Ю. Лермонтова [«Морская царевна»] // Рус. словесность. 1994. № 2. С. 57–61.
Жирмунский 1975 — *Жирмунский В. М.* Теория стиха. Л., 1975.
Жирмунский 1977 — *Жирмунский В. М.* Теория литературы. Поэтика. Стилистика. Л., 1977.
Жирмунский 1981 — *Жирмунский В. М.* Гете в русской литературе. Л., 1981.
Жирмунский 2001 — *Жирмунский В. М.* Мелодика стиха: (По поводу кн. Б. М. Эйхенбаума «Мелодика стиха») // Жирмунский В. М. Поэтика русской поэзии. СПб., 2001. С. 111–160.
Жогин 1994 — *Жогин Б. Г.* «Злые» чечены и «робкие» грузины: Источники некоторых представления Лермонтова о народах Кавказа // М. Ю. Лермонтов: Проблемы изучения и преподавания. Ставрополь, 1994. С. 116–124.
Жогин, Жогина 1996 — *Жогин Б. Г., Жогина К. Б.* М. Ю. Лермонтов и античность: Анализ одного стихотворения [«Утро на Кавказе»] // М. Ю. Лермонтов: Проблемы изучения и преподавания. Ставрополь, 1996. С. 112–117.
Жолковский 2005 — *Жолковский А. К.* Избранные статьи о русской поэзии: Инварианты, структуры, стратегии, интертексты. М., 2005.
Жуковский 1959 — *Жуковский В. А.* Собр. соч.: В 4 т. М.; Л., 1959–1960.
Жуковский 1999–2013 — *Жуковский В. А.* Полн. собр. соч. и писем: В 20 т. М., 1999–2013.
Журавлева 1978 — *Журавлева А. И.* Лермонтов и Хомяков // Вестн. МГУ. Филология. 1978. № 1. С. 14–15.
Журавлева 2002 — *Журавлева А. И.* Лермонтов в русской литературе: Проблемы поэтики. М., 2002.

Заболоцкий 1987 — *Заболоцкий Н. А.* Заметки переводчика // Перевод — средство взаимного сближения народов: Худож. публицистика. М., 1987. С. 426–428.
Заборова 1958 — *Заборова Р. Б.* Материалы о М. Ю. Лермонтове в фонде В. Ф. Одоевского // Тр. ГПБ. 1958. Т. 5 (8). С. 187–188.
Загорулько 1995 — *Загорулько В. И.* «Послушай! Вспомни обо мне...»: (Лермонтов и Поливановы) // С.-Петерб. ун-т. 1995. № 3. С. 22–24.
Зайцева 2012 — *Зайцева И. А.* «Когда одни воспоминанья...»: К биографии лермонтовского «Оправдания» // Памяти А. И. Журавлевой: Сб. ст. М., 2012. С. 347–368.
Закруткин 1957 — *Закруткин Р. А.* К спору о «Великом муже» // Учен. зап. Калининградск. пед. ин-та. 1957. Вып. 3. С. 261–270.
Замотин 1914 — *Замотин И. И.* М. Ю. Лермонтов: Мотивы идеального строительства жизни. Варшава, 1914.
Занько 1940 — *Занько Б. Ф.* Лермонтов в обработке В. Кирпотина // Лит. критик. 1940. № 3–4. С. 209–222.
Заславский 1947 — *Заславский И. Я.* «Странная любовь»: (Тема родины у Лермонтова) // Наук. зап. Київськ. держ. ун-ту. Т. 6. Вып. 1. С. 27–48.

Заславский 1965 — *Заславский И. Я.* О поэтическом мастерстве Лермонтова: (из наблюдений над последними стихами поэта) // Slavica. Debrecen, 1965. Т. 5. С. 23–37.
Заславский 1977 — *Заславский И. Я.* М. Ю. Лермонтов и украинская поэзия. Киев, 1977.
Заславский 1998 — *Заславский О. Б.* Между Демоном и Христом: (О неоконченном произведении Лермонтова «Это случилось в последние годы могучего Рима...») // Wiener Slawistischer Almanach. 1998. Bd. 42. С. 43–52.
Заславский 2010 — *Заславский О. Б.* Противоречия «Паруса» // Toronto Slavic Quarterly. 2010. № 31 [Электронная публикация: http://sites.utoronto.ca/tsq/31/zaslavsky31.shtml].
Заславский 2011 — *Заславский О. Б.* «Мчись же быстрее, летучее время!» // Toronto Slavic Quarterly. 2011. № 37. P. 150–158.
Заславский 2014 — *Заславский О. Б.* Лермонтовский набросок «На бурке...»: Мостивная структура и реконструкция замысла // ИСЛЯ. 2014. Т. 73. № 4. С. 45–52.
Захаров 2006 — *Захаров В. А.* Образы Кавказа в русском общественно-политическом сознании XIX — нач. XX вв. // Кавказский сб. М., 2006. Т. 3. С. 218–228.
Здобнов 1939 — *Здобнов Н. В.* Новые цензурные материалы о Лермонтове // Красная новь. 1939. № 10–11. С. 259–269.
Зельцер 2001 — *Зельцер Л.* Выразительный мир художественного произведения. М., 2001.
Зильберштейн 1970 — *Зильберштейн И. С.* Лучшая зарубежная коллекция реликвий русской культуры // Огонек. 1970. № 5. С. 16–21.
Злочевская 2008 — *Злочевская А. В* «Не верь себе» М. Ю. Лермонтова: Трагические парадоксы и антиномии поэтического творчества // Рус. словесность. 2008. № 4. С. 11–17.
Зотов 1863 — *Зотов В.* Лермонтов в его лучших произведениях // Северное сияние. 1863. Т. 2. Стлб. 343–354.
Зубков 2002 — *Зубков В. А.* Две Родины: (от Лермонтова до Ахматовой) // Рус. лит. 1920-х годов: Худож. текст и ист.-культурный контекст: Мат-лы межвуз. науч. конф. памяти И. А. Смирина (1925–1993). Пермь, 2002. С. 28–42.
Зунделович 1968 — *Зунделович Я. О.* Из творческих связей Лермонтова и Пушкина // Проблемы поэтики. Ташкент, 1968. С. 10–19.
Зырянов 1994 — *Зырянов О. В.* Тип ситуационно-символической новеллизации в стихотворении М. Ю. Лермонтова «Нищий» // Дергачевские чт.-1994. Екатеринбург, 1994. С. 18–19.
Зырянов 2006 — *Зырянов О. В.* Эволюция жанрового сознания русской лирики: Феноменологический аспект. Екатеринбург, 2006.
Зябрева, Ишин 2000 — *Зябрева Г. А., Ишин А. В.* Два взгляда на смысл стихотворения М. Ю. Лермонтова «Пророк» // Пушкин и Крым: IX Крым. пушкин. междунар. чт.: Крым, Гурзуф, 18–21 сент. 1999 г.: Мат-лы: В 2 кн. Симферополь, 2000. Кн. 1. С. 191–196.

Иваницкий 1910 — *Иваницкий Н. И.* Пушкин в воспоминаниях и дневник Н. И. Иваницкого // ПиС. СПб., 1910. Вып. XIII. С. 30–37.
Иванов 1964 — *Иванов С. В.* М. Ю. Лермонтов: Жизнь и творчество. М., 1964.

Иванов 1993 — *Иванов Вяч. Вс.* «Память жанра» в текстах «прений» или споров // Славянское и балканское языкознание: Структура малых фольклорных текстов: Сб. ст. М., 1993. С. 5–12.

Иванов 1998–2010 — *Иванов Вяч. Вс.* Избранные труды по семиотике и истории культуры: [В 7 т.] М., 1998–2010.

Иванова 1950 — *Иванова Т. А.* Москва в жизни и творчестве М. Ю. Лермонтова. М., 1950.

Иванова 1957 — *Иванова Т. А.* Юность Лермонтова. М., 1957.

Иванова 1959 — *Иванова Т. А.* Четыре лета. Лермонтов в Середникове. М., 1959.

Иванова 1962 — *Иванова Т А.* М. Ю. Лермонтов в Подмосковье. М., 1962.

Иванова 1967 — *Иванова Т. А.* Посмертная судьба поэта. М., 1967.

Иванова 1968 — *Иванова Т. А.* Лермонтов на Кавказе. М., 1968.

Иванова 1970 — *Иванова Т. А.* Об эпиграфе в стихотворении Лермонтова «Смерть поэта» // ВЛ. 1970. № 8. С. 91–105.

Иванова 1979 — *Иванова Т. А.* Лермонтов в Москве. М., 1979.

Ивлева 1995 — *Ивлева Т. Г.* Роль многоточия в лирике М. Ю. Лермонтова: (К интерпретации стихотворения «Из Гете») // Литературный текст: Проблемы и методы исследования. Тверь, 1995. С. 131–135.

Измайлов 1965 — Измайлов Н. В., Андроников И. Л. Рукою Пушкина и Лермонтова: В Париже найдены новые автографы великих поэтов // Сов. Россия, 1965. 17 июня.

Изотова 2006 — *Изотова Я. П.* Мотивы стихотворения М. Ю. Лермонтова «Тростник» // Проблемы изучения литературы в вузе и школе: Мат-лы Всерос. науч.-практ. конф., 12–13 окт. 2006. Пенза, 2006. С. 14–18.

Иконников 1960 — *Иконников С. Н.* О некоторых особенностях стиля зрелой лирики Лермонтова // Учен. зап. Московск. обл. пед. ин-та. 1960. Т. 85. Вып. 6. С. 45–90.

Иконников 1962 — *Иконников С. Н.* Как работал М. Ю. Лермонтов над стихотворением. [Пенза], 1962.

Ильин 1973 — *Ильин В. С.* Изображение идей // РР. 1973. № 2.

Ильин 1996 — *Ильин И. А.* Россия в русской поэзии; Талант и творческое созерцание // Ильин И. А. Собр. соч. М., 1996. Т. 6. Кн. 2. С. 199–258; 340–351.

Ильинский 1990 — *Ильинский О. П.* Религиозно-романтическая образность лирики Лермонтова // Зап. рус. акад. группы в США. Т. 23. Нью-Йорк, 1990. С. 3–18.

Ильичев 1987 — *Ильичев А. В.* «Когда за городом задумчив я брожу...» // Временник Пушкинской комиссии: Сб. науч. тр. Л., 1987. Вып. 21. С. 98–104.

Илюшин 1984 — *Илюшин А. А.* Лермонтов в истории русского стиха // Вестн. Московск. ун-та. Серия 9. Филология. 1984. № 5. С. 31–38.

Илюшин 1994 — *Илюшин А. А.* «Старый русский великан» // РР. 1994. № 2. С. 11–14.

Интизаров 2003 — *Интизаров М. М.* Михаил Юрьевич Лермонтов (по его произведениям) // Актуальные проблемы современной науки. 2003. № 1. С. 190–196.

ИРДТ 1977–1987 — История русского драматического театра: В 7 т. М., 1977–1987.

Исрапова 2005 — *Исрапова Ф.* Об эпиграфе стихотворения М. Ю. Лермонтова «Они любили друг друга так долго и нежно...»: Поэтический перевод как форма осуществления «поэзии поэзии» // Поэтика заглавия. Тверь, 2005. С. 239–247.

Ичин 2005 — *Ичин К.* Элегические раскопки. М.; Белград, 2005.

Каганович 2006 — *Каганович С. Л.* Обучение анализу поэтического текста: Метод. пособие для учителей-словесников. М., 2006.
Калачева 1986 — *Калачева С. В.* Эволюция русского стиха. М., 1986.
Калиничева 1963 — *Калиничева Л. А.* К вопросу о переводах Лермонтова из Гейне // М. Ю. Лермонтов: Вопросы жизни и творчества. Орджоникидзе, 1963. С. 189–201.
Канн 1945 — *Канн Е.* «Звуки» // Смена. 1945. № 5. С. 12.
Канунова 2009 — *Канунова З. Ф.* Эстетика и поэтика переводов В. А. Жуковского 1820–1840-х гг.: Проблемы диалога, нарратива, инфопоэтики. Томск, 2009.
Каплан 1948 — *Каплан Л. Б.* П. П. Вяземский — автор «Писем и записок» Омэр де Гелль // ЛН 1948: XLV–XLVI, 761–766.
Каплан 1992 — *Каплан И. Е.* Анализ языка художественных произведений. СПб., 1992.
Капрусова 2004 — *Капрусова М. Н.* Мастер как вариант образа пророка: (Лермонтовская традиция в «Мастере и Маргарите») // Лермонтов и его худож. мир: Межвуз. сб. науч. ст. Борисоглебск, 2004. С. 120–131.
Карамзин 1816–1829 — *Карамзин Н. М.* История Государства Российского. Т. I—XII. СПб., 1816–1829.
Карамзин 1966 — *Карамзин Н. М.* Полное собрание стихотворений / Вступ. ст., подг. текста и примеч. Ю. М. Лотмана. Л., 1966.
Кардаш, Охотин 2015 — *Кардаш Е. В., Охотин Н. Г.* Птичка рая: О стихотворении М. Ю. Лермонтова «Надежда» (в печати).
Касаткина 1987 — *Касаткина В. Н.* Поэзия гражданского подвига: Литературная деятельность декабристов. М., 1987.
Касторский 1939 — *Касторский С. В.* Тема родины в творчестве М. Ю. Лермонтова // Звезда. 1939. № 12. С. 159–166.
Катанов 1975 — *Катанов В.* Друзья на всю жизнь: Заметки книголюба. Тула, 1975.
Каталог 2014 — М. Ю. Лермонтов: Сводный каталог материалов из собрания Пушкинского Дома / Отв. ред. Л. Г. Агамалян. СПб., 2014.
Кафанова 2006 — *Кафанова О. Б.* Лирические шедевры Гете в русских переводах: Проблемы и дискуссии // Европейский интерлингвизм в зеркале литературы: Картина мира в немецкоязычной поэзии и ее русских переводах. Томск, 2006. С. 18–39.
Кац 1997 — *Кац Б. А.* Музыкальные ключи к русской поэзии: Исследовательские очерки и комментарии. СПб., 1997.
Качурин, Шнеерсон 1961 — *Качурин М. Г., Шнеерсон М. А.* Изучение языка писателей. Пушкин. Лермонтов. Гоголь. М., 1961.
Кашкин 1987 — *Кашкин И. А.* Вопросы перевода // Перевод — средство взаимного сближения народов: Худож. публицистика. М., 1987. С. 327–357.
Кедровский 1964 — *Кедровский А. Е.* Природа в лирике Лермонтова // Вопросы стиля худож. лит. Учен. зап. Московск. пед. ин-та. № 231. М., 1964. С. 128–139.
Кедровский 1967 — *Кедровский А. Е.* О положительном начале в лирике М. Ю. Лермонтова // Учен. зап. Курск. пед. ин-та. 1967. Вып. 32. С. 99–101.
Келли 2008 — *Келли Лоренс.* Лермонтов: Трагедия на Кавказе. М., 2008.
Кибальник 1990 — *Кибальник С. А.* Русская антологическая поэзия первой трети XIX в. Л., 1990.

Киреевский 1860–1874 — Песни собранные П. В. Киреевским. М., 1860–1874.
Кирпотин 1939 — *Кирпотин В. Я.* Политические мотивы в творчестве Лермонтова. М., 1939.
Кирпотин 1941 — *Кирпотин В. Я.* «Неведомый избранник» // Жизнь и творчество М. Ю. Лермонтова: Исслед. и мат-лы. Сб. 1. М., 1941. С. 3–39.
Кирпотин 1970 — *Кирпотин В. Я.* Политические мотивы в творчестве Лермонтова // Кирпотин В. Я. Вершины. Пушкин. Лермонтов. Некрасов. М., 1970. С. 175–294.
Кирпотин 1978 — *Кирпотин В.* Избранные работы. М., 1978. Т. 1.
Кирша Данилов 1818 — Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым. М., 1818.
Киселев 1916 — *Киселев Н. П.* Эфемериды // Труды и дни. 1916. № 8. С. 135–147.
Киселева 1997 — *Киселева И. А.* Опыт интерпретации некоторых поэтических текстов М. Ю. Лермонтова; Эстетика чудесного // Религиозные и мифологические тенденции в рус. лит. XIX века: Межвуз. сб. науч. тр. М., 1997. С. 62–70.
Киселева 2006 — *Киселева И. А.* Стихотворение Лермонтова «Парус»: Поэзия духовной перспективы // Литературовед. журнал. 2006. № 20. С. 40–48.
Кичеев 1858 — *Кичеев П. Г.* Воспоминания о пребывании неприятеля в Москве в 1812 году. М., 1858.
Кишкин 1992 — *Кишкин Л. С.* Литературные связи: Предмет, цели, проблематика и методика изучения. М., 1992.
Клейбер 1958 — *Клейбер Б.* «Два страшных года». Л.: Scando-Slavica, 1958. Т. 4. С. 45–46.
Клейн 1966 — *Клейн Б.* Гусар Гродненского полка // Неман. 1966. № 8. С. 190–192.
Клейн 2005 — *Клейн И.* Пути культурного импорта: Тр. по рус. лит. XVIII века. М., 2005.
Клеченов 1994 — *Клеченов Г.* Об одной очень странной мистификации // Лит. Россия. 1994. 18 февр. № 7. С. 12.
Клингер 1961 — Клингер Ф.-М. Фауст, его жизнь, деяния и низвержение в ад. М.; Л., 1961.
Кнорринг 1964 — *Кнорринг Н.* О мелодии «Колыбельной» М. Ю. Лермонтова // Простор. 1964. № 11. С. 91.
Ковалевская 1980 — Лермонтов: Картины. Акварели. Рисунки / Сост. и каталог Е. А. Ковалевской; вступ. ст. И. Л. Андроникова. М., 1980.
Коган 1988 — *Коган А. С.* О становлении книги стихов в первой половине XIX века // Древнерус. и классич. лит. в свете исторической поэтики и критики. Махачкала, 1988. С. 65–79.
Кожевникова 2009 — *Кожевникова Н. А.* Избранные работы по языку художественной литературы. М., 2009.
Козлов 1960 — *Козлов И. И.* Полн. собр. стихотворений / Вступ. ст., подгот. текста и примеч. И. Д. Гликмана. Л., 1960.
Козлова 2004 — *Козлова Н. П.* Мечта о горных вершинах: Романтика лермонтовского перевода // Лермонтовское наследие в самосознании 21 столетия. Пенза, 2004. С. 70–73.
Козьмина 1978 — *Козьмина М. А.* Художественное пространство и время в лирике М. Ю. Лермонтова // Индивидуальность писателя и лит.-общ. процесс: Сб. ст. Воронеж, 1978. С. 27–36.

Козьмина 1985 — *Козьмина М. А.* Художественно-онтологические идеи в лирике М. Ю. Лермонтова // Рус. классич. лит. и современность: Межвуз. сб. науч. тр. Воронеж, 1985. С. 24–40.
Колесова 2007 — *Колесова С. Н.* Стихотворение К. Н. Батюшкова «Выздоровление»: Лирический сюжет и жанровая форма // ФН. 2007. № 2. С. 32–41.
Колесова 2009 — *Колесова С. Н.* Формулы батюшковского «Пробуждения» у Лермонтова: (к интертекстуальной технике Лермонтова) // Молодая филология 2009. Новосибирск, 2009. С. 96–103.
Колотаев 1996 — *Колотаев А. В.* Анализ системы местоимений в стихотворении М. Ю. Лермонтова «Одиночество» // М. Ю. Лермонтов: Проблемы изучения и преподавания. Ставрополь, 1996. С. 74–81.
Колташева 1956 — *Колташева И. Н.* О русских переводах «Крымских сонетов» А. Мицкевича // Адам Мицкевич: К 100-летию со дня смерти. М., 1956. С. 93–104.
Комарович 1941 — *Комарович В. Л.* Автобиографическая основа «Маскарада» // ЛН 1941: XLIII–XLIV, 629–672.
Кононко 1966 — *Кононко Е. Н.* К вопросу об источниках поэзии М. Ю. Лермонтова: (Стихотворение «Листок») // ВРЛ. Вып. 1. [Львов], 1966. С. 99–105.
Копылова 1976 — *Копылова Н. И.* Фольклоризм композиции русской литературной баллады 1-й трети XIX в. // Вопросы поэтики лит. и фольклора. Воронеж, 1976. С. 106–117.
Корман 2006 — *Корман Б. О.* Теория литературы: Избранные труды. Ижевск, 2006.
Кормилов 2012 — *Кормилов С. И.* Два Михаила и 1812 год: Лермонтов и Барклай де Толли // Вестн. Московск. ун-та. Сер. 9: Филология. 2012. № 5. С. 7–29.
Кормилов 2014 — *Кормилов С. И.* Лермонтовские «Поле Бородина» и «Бородино» на фоне исторических источников // Лермонтов и история: Сб. науч. статей. Новгород; Тверь, 2014. С. 27–38.
Корнилов 1995 — *Корнилов В. Н.* Спор о лермонтовском «Споре», или Несостоявшаяся полемика // ВЛ. 1995. № 6. С. 330.
Корнилов 1997 — *Корнилов В. Н.* Первый обитатель: (Лермонтов) // Корнилов В. Н. Покуда над стихами плачут...: Книга о рус. лирике. М., 1997. С. 189–200.
Коровин 1957 — *Коровин В. И.* Наблюдения над метафорой и сравнением в лирике Лермонтова 1837–1841 гг. // Учен. зап.и МГПИ им. Ленина. 1957. Т. 115. Вып. 7. С. 395–411.
Коровин 1959 — *Коровин В. И.* Проблема поэта и поэзии в лирике Лермонтова. 1837–1841 гг. // Рус. лит. XIX в. М., 1959. С. 33–51.
Коровин 1964 — *Коровин В. И.* Лермонтов и русская лирика его времени // Творчество М. Ю. Лермонтова. М., 1964. С. 311–340.
Коровин 1969 — *Коровин В. И.* «Дума», стихотворение М. Ю. Лермонтова // Русская классическая лит-ра. М., 1969. С. 142–155.
Коровин 1973 — *Коровин В. И.* Творческий путь М. Ю. Лермонтова. М., 1973.
Коровяков 1893 — *Коровяков Д.* Этюды выразительного чтения художественных литературных произведений. СПб, 1893.
Королева 2003 — *Королева Е. А.* Лермонтов как переводчик лирики Байрона: (На примере стихотворения «Farewell, If ever fondest prayer») // Шестая Общерос. межвуз.

конф. «Наука и образование», 15–20 апр. 2002. Томск, 2003. Т. 2: Лингвистика и филология. С. 166–170.
Король 1989 — *Король Н. Н.* Стихотворение М. Ю. Лермонтова «Утес» и повесть А. Приставкина «Ночевала тучка золотая» // Актуальные вопросы современ. лермонтоведения: Литературоведение. Киев, 1989. С. 96–97.
Костин 2014 — *Костин А. А.* «Веселый час». К вопросу о переводах в ранней поэзии Лермонтова // РЛ. 2014. № 3. С. 6–12.
Косяков 1999 — *Косяков Г. В.* Ранняя лирика М. Ю. Лермонтова и образные модели «кладбищенской» элегии // Вопросы фольклора и лит-ры: К 70-летию со дня рождения Т. Г. Леоновой. Омск, 1999. С. 142–152.
Косяков 2005 — *Косяков Г. В.* Метафизика бессмертия в стихотворении М. Ю. Лермонтова «Выхожу один я на дорогу...» // Вопросы лит. и журналистики: Сб. ст. Омск, 2005. С. 56–60.
Котельников 2010 — *Котельников В. А.* Литературные версии критического идеализма. СПб., 2010.
Котляревский 1915 — *Котляревский Н. А.* Михаил Юрьевич Лермонтов: Личность поэта и его произведения: Опыт ист.-лит. оценки. Изд. 5-е, испр. и доп. Пг., 1915.
Кошелева 2009 — *Кошелева И. Н.* Мифология природы в поэзии В. А. Жуковского и М. Ю. Лермонтова // Мир науки, культуры, образования. 2009. № 6. С. 82–84.
Кравцов 1930 — *Кравцов Н.* К истории русской пародии // Бегак Б., Кравцов Н., Морозов А. Рус. лит. пародия. М.; Л., 1930. С. 60–103.
Краков 1914 — *Краков А. Я.* Лермонтов и античность // Сб. Харьковск. ист.-филол. об-ва в честь проф. В. П. Бузескула. Харьков, 1914.
Красикова 2004 — *Красикова Е. В.* Концепт «судьба» в космологии М. Ю. Лермонтова // Вестн. МГУ. Сер. 9, Филология. 2004. № 5. С. 104–112.
Красильников 2000 — *Красильников Р. Л.* «Морская царевна» М. Ю. Лермонтова: (Специфика образности) // Текст. Культура. Социум: Сб. ст., посвященных 70-летию проф. М. А. Вавиловой. Вологда, 2000. С. 92–97.
Красильников 2004 — *Красильников Р. Л.* «Нет, не тебя так пылко я люблю»: Мотив нелюбви в творчестве М. Ю. Лермонтова // Лермонтовское наследие в самосознании 21 столетия. Пенза, 2004. С. 83–86.
Краснов 1959 — *Краснов Г. В.* Проблема изображения народа и развитие критического реализма: Из курса лекций по истории рус. лит. XIX в. Горький, 1959.
Красухин 1983 — *Красухин Г. Г.* «Усовершенствуя плоды любимых дум...»: Текстологические заметки // ЛУ. 1983. № 2. С. 194–200.
Красухин 1985 — *Красухин Г. Г.* В присутствии Пушкина: Современная поэзия и классическая традиция. М., 1985.
Красюк 2009 — *Красюк Т. Д.* «Мой демон» М. Ю. Лермонтова: Поэтический мир картины мира // М. Ю. Лермонтов: Художественная картина мира: Сб. ст. Томск, 2009. С. 39–48.
Краткий отчет 1940 — Краткий отчет Рукописного отд. Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина за 1914–1938 гг. [Л., 1940].

Кретов 1964 — *Кретов А. И.* Лермонтов и народное творчество: (к истории вопроса) // М. Ю. Лермонтов: Исслед. и мат-лы. Воронеж, 1964. С. 110–136.
Кривошапова 1987 — *Кривошапова С. А.* Концепция демократического героя в творчестве М. Ю. Лермонтова. Киев, 1987.
Кузнецов 2003 — *Кузнецов А. Ю.* Интерференция трех коммуникативных позиций как эстетический маркер в тексте лирического стихотворения: («Парус» М. Ю. Лермонтова) // Актуальные проблемы современной филологии: Языкознание: Сб. ст. по мат-лам всерос. науч.-практич. конф.: В 2 ч. Киров, 2003. Ч. 2. С. 93–95.
Кузнецова 1998 — *Кузнецова А. В.* Структура языковых средств контраста в стихотворении Лермонтова «Есть речи — значенье...» // Актуальные проблемы лингвистики в вузе и школе: Мат-лы молодых лингвистов. (Пенза. 24–28 марта 1998). М.; Пенза, 1998. С. 140–141.
Кузнецова 2002 — *Кузнецова А. В.* Символ «звезда» в лирической поэзии М. Ю. Лермонтова // Предложение и слово: Межвуз. сб. науч. тр. Саратов, 2002. С. 449–453.
Кузнецова 2003 — *Кузнецова А. В.* Концепт «счастье» в семантическом пространстве лирической поэзии М. Ю. Лермонтова // Рус. словесность. 2003. № 7. С. 28–38.
Кузьмин 1974 — *Кузьмин А. И.* Героическая тема в русской литературе. М., 1974.
Кузьмина 1998 — *Кузьмина Е. О.* «Горные вершины» И. В. Гете и М. Ю. Лермонтова: (Единство человека и природы в постижении философского смысла жизни) // Атриум: Межвуз. сб. науч. ст. Филология. 1998. № 2. С. 20–24.
Кузьмина 2004a — *Кузьмина С. И.* Мифологема звезды в ранней лирике М. Ю. Лермонтова // Сб. тр. молодых ученых Кемеровск. ун-та. Кемерово, 2004. Вып. 4. С. 110–112.
Кузьмина 2004b — *Кузьмина С. И.* Психологический анализ литературного произведения: (На материале творчества М. Ю. Лермонтова) // Сб. тр. студ. и молодых ученых Кемеровск. гос. ун-та. Кемерово, 2004. Вып. 5. Т. 1. С. 174–176.
Кулебякин 1886 — *Кулебякин П.* Из местных воспоминаний о М. Ю. Лермонтове // Терские ведомости. 1886. № 14. С. 2.
Кулешов 1958 — *Кулешов В. И.* «Отечественные записки» и литература 40-х гг. XIX в. [М.], 1958.
Кулешов 1989 — *Кулешов В. И.* Русская демократическая литература 50–60 годов XIX века. М., 1989. С. 51–52.
Куликова 2009 — *Куликова Е. Ю.* «Летучий голландец» в «заблудившемся трамвае» // Гуманитарные науки в Сибири. 2009. № 4. С. 39–43.
Курбанов 1964 — *Курбанов Ш.* Этапы развития азербайджано-русских лит. связей в XIX в. Баку, 1964.
Кутырева 2008 — *Кутырева А. А.* Кто был автором стихотворения «Прощай, немытая Россия»? // Вопросы биографии М. Ю. Лермонтова. 2008. № 3. С. 274–280.
Кутыркина 2006 — *Кутыркина Н. С.* Проблема судьбы в произведениях М. Ю. Лермонтова на примере стихотворения «Утес» 1841 г. // Изв. Пензенск. пед. ун-та. Сектор молодых ученых. 2006. № 2. С. 196–198.
Кюхельбекер 1967 — *Кюхельбекер В. К.* Избранные произведения: В 2 т. / Вступ. ст., подгот. текста и примеч. Н. В. Королевой. М.; Л., 1967.

Ладыгин 2002 — *Ладыгин М. Б.* Основы поэтики литературного произведения. М., 2002.
Ланда 1976 — *Ланда С. С.* [Примеч.] // А. Мицкевич. Сонеты. Л., 1976.
Лаптева 2010 — *Лаптева С. И.* Образ Демона в ранней лирике М. Ю. Лермонтова // Образование, наука, инновации — вклад молодых исследователей: Мат-лы 5(27) международ. науч.-практич. конф. студ., аспирант. и молодых ученых. Кемерово, 2010. Т. 1. Вып. 11. С. 456–459.
Лебедев 2002 — *Лебедев А.* О стихотворении М. Ю. Лермонтова «Валерик» // Лермонтовский текст в пространстве времени. Пятигорск, 2002. С. 154–156.
Лебедев 2010 — *Лебедев О. Б.* Интертекст множественного перевода: (Стихотворение И. В. Гете «Ночная песнь странника» в рецепции русской литературы) // Худож. перевод и сравнительное изучение культур. СПб., 2010. С. 69–81.
Лебедева 2009 — *Лебедева О. Б.* «Дворец обрушился... очнулося преданье»: (легенда о королеве Иоанне в русской словесности XIX в.) // Образы Италии в рус. словесности XVIII–XX вв. Томск, 2009. С. 420–444.
Левагина 2003 — *Левагина С. Н.* «На светские цепи...»: М. Ю. Лермонтов и Н. Ф. Павлов: Некоторые итоги литературной полемики // Мир Лермонтова. Ярославль, 2003. С. 46–56.
Левидов 1983 — *Левидов А. М.* Автор — образ — читатель. 2-е изд., доп. Л., 1983.
Левин 1980 — *Левин Ю. Д.* Оссиан в русской литературе: Конец XVIII — 1-я треть XIX в. Л., 1980.
Левин 1990 — *Левин Ю. Д.* Восприятие английской литературы в России: Исслед. и мат-лы. Л., 1990.
Левинтон 1998 — *Левинтон Г. А.* Смерть поэта: Иосиф Бродский // Иосиф Бродский: Творчество, личность, судьба. СПб., 1998. С. 190–215.
Левит 1948 — *Левит Т.* Литературная среда Лермонтова в Московском благородном пансионе // ЛН 1948: XLV–XLVI, 225–254.
Левитан, Цилевич 1990 — *Левитан Л. С., Цилевич Л. М.* Сюжет в художественной системе литературного произведения. Рига, 1990.
Левицкий 1899 — *Левицкий П. П.* А. С. Пушкин и Н. И. Бухаров // РС. 1899. № 9. С. 531–535.
Левушкина 2007 — *Левушкина О. Н.* Анализ стихотворения М. Ю. Лермонтова «Утес»: Лингвокультурологический подход // Рус. словесность. М., 2007. № 4. С. 59–64.
Левушкина 2008 — *Левушкина О. Н.* Лингвокультурологический анализ образов-символов художественного текста: Теория и история вопроса. Ульяновск, 2008.
Левченко 1988 — *Левченко О. А.* Сюжеты русской романтической баллады // Стилистический анализ худож. текста: Межвуз. сб. науч. тр. Смоленск, 1988. С. 108–111.
Лейбов 2008 — *Лейбов Р. Г.* Две неизвестных строки Лермонтова // Труды по русской и славянской филологии. Литературоведение. VI (Новая серия). Тарту, 2008. С. 86–96.
Лейнонен 1999 — *Лейнонен Р.* Лирика Генриха Гейне на русском языке // Феникс. 1999. № 3: Весна. С. 177–211; № 4: Лето. С. 179–206.
Лейтон 2004 — *Лейтон Л. Г.* Утлый челн в бурном море русской романтической поэзии. М., 2004.
Лемке 1909 — *Лемке М.* Николаевские жандармы и литература 1825–1855 гг. СПб., 1909.

Лермонтов 1840 — *Лермонтов М. Ю.* Стихотворения. СПб., 1840.
Лермонтов 1842–1844 — Стихотворения М. Лермонтова. СПб.: В тип. Ильи Глазунова и К°, 1842–1844. Ч. I–IV.
Лермонтов 1847 — Сочинения Лермонтова. Изд. Александра Смирдина. СПб., 1847 (Полное собрание сочинений русских авторов). Т. 1–2.
Лермонтов 1852 — Сочинения Лермонтова. 3-е изд. СПб., 1852. Т. 1–2.
Лермонтов 1856 — Сочинения Лермонтова. 4-е изд., доп. несколькими стихотв., не помещенными в прежних изд. СПб., 1856. Т. 1–2.
Лермонтов 1860 — Сочинения Лермонтова, приведенные в порядок и дополненные С. С. Дудышкиным. Том I–II. СПб., 1860.
Лермонтов 1862 — Стихотворения М. Ю. Лермонтова, не вошедшие в последнее издание его сочинений / Изд. Ф. Шнейдера. Берлин, 1862.
Лермонтов 1873 — *Лермонтов М. Ю.* Сочинения. 3-е изд., вновь сверенное с рукописями, исп. и доп. / Под ред. П. А. Ефремова: В 2 т. СПб., 1873.
Лермонтов 1880 — Юношеские драмы М. Ю. Лермонтова / Под ред. П. А. Ефремова. СПб., 1880.
Лермонтов 1887 — *Лермонтов М. Ю.* Сочинения. 6-е изд., вновь испр. / Под ред. П. А. Ефремова: [В 2 т.]. СПб., 1887.
Лермонтов 1889–1891 — *Лермонтов М. Ю.* Сочинения / Первое полн. изд. под ред. П. А. Висковатова: В 6 т. М., 1889–1891.
Лермонтов 1891a — *Лермонтов М. Ю.* Полн. собр. соч.: В 4 т. / Под ред. А. И. Введенского. СПб., 1891.
Лермонтов 1891b — Сочинения М. Ю. Лермонтова: В 5 т. / Под ред. и с примеч. И. М. Болдакова. М.: Изд. Елизаветы Гербек. 1891.
Лермонтов 1910–1913 — *Лермонтов М. Ю.* Полн. собр. соч.: В 5 т. / Под ред. и с примеч. Д. И. Абрамовича. СПб.: Изд. Имп. Академии наук, 1910–1913.
Лермонтов 1914–1915 — *Лермонтов М. Ю.* Иллюстрированное полн. собр. соч. / Под ред. В. В. Каллаша: В 6 т. М., 1914–1915.
Лермонтов 1935–1937 — *Лермонтов М. Ю.* Полн. собр. соч.: В 5 т. / Ред. текста, коммент. и предисл. Б. М. Эйхенбаума; Подгот. текстов Б. М. Эйхенбаума и К. И. Халабаева. М.; Л.: Academia, 1935–1937.
Лермонтов 1940–1941 — *Лермонтов М. Ю.* Стихотворения. Поэмы. Драмы в стихах: В 2 т. / Вступ. ст., ред. и коммент. Б. М. Эйхенбаума. Л.: Сов. писатель, 1940–1941.
Лермонтов 1941 — *Лермонтов М. Ю.* Демон. Ереванский список. Ереван, 1941.
Лермонтов 1954–1957 — *Лермонтов М. Ю.* Сочинения: В 6 т. / Ред. Н. Ф. Бельчиков, Б. П. Городецкий, Б. В. Томашевский. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1954–1957.
Лермонтов 1964 — Лермонтов М. Ю. Избранные произведения: В 2 т. / Сост. и подг. текста Б. М. Эйхенбаума; примеч. Э. Э. Найдича М.; Л.: Сов. писатель, 1964.
Лермонтов 1964–1965 — *Лермонтов М. Ю.* Собр. соч.: В 4 т. / Под ред. И. Л. Андроникова и Ю. Г. Оксмана. М.: Худож. лит., 1964–1965.
Лермонтов 1975–1976 — *Лермонтов М. Ю.* Собр. соч.: В 4 т. / Вступ. ст. и примеч. И. Л. Андроникова. М.: Худож. лит., 1975–1976.
Лермонтов 1979 — М. Ю. Лермонтов: Исследования и материалы. Л., 1979.

Лермонтов 1979–1981 — *Лермонтов М. Ю.* Собр. соч.: В 4 т. Изд. 2-е, испр. и доп. / Отв. ред. В. А. Мануйлов. Л.: Наука, 1979–1981.
Лермонтов 1983–1984 — *Лермонтов М. Ю.* Собрание сочинений: В 4 т. / Ред. И. Л. Андроников, В. Э. Вацуро, И. С. Чистова. М.: Худож. лит., 1983–1984.
Лермонтов 1989 — *Лермонтов М. Ю.* Полн. собр. стихотворений: В 2 т. / Сост., подгот. текста и примеч. Э. Э. Найдича. Л.: Сов. писатель, 1989.
Лермонтов 2001–2002 — *Лермонтов М. Ю.* Полн. собр. соч.: В 10 т. М.: Воскресенье, 2001–2002.
Лернер 1901 — *Лернер Н. О.* Три «Молитвы» // РС. 1901. № 12. С. 529–532.
Лернер 1908 — *Лернер Н.* О «Сне» Лермонтова // НВ. 1908. 24 июня. № 11595. С. 4.
Лернер 1911 — *Лернер Н. О.* <Комментарии> // Пушкин А. С. Собр. соч. СПб., 1911. Т. 5.
Лернер 1913 — *Лернер Н.* Неизданные стихотворения Лермонтова // РБ. 1913. № 8. С. 79–81.
Лернер 1916 — *Лернер Н. О.* Лермонтов ли? // Рус. библиофил. 1916. № 4. С. 77–78.
Леснов 2001 — *Леснов П.* Крест на скале // Лит. Россия. 2001. 8 июня. С. 16.
Летопись 2003 — *Захаров В. А.*, [*Мануйлов В. А.*]. Летопись жизни и творчества М. Ю. Лермонтова. М., 2003.
Лилли 1997 — *Лилли И.* Динамика русского стиха. М., 1997.
Липич 2006 — *Липич В. В.* «Пророк» А. С. Пушкина и «Пророк» М. Ю. Лермонтова в контексте эстетического кредо поэтов-романтиков // Актуальные проблемы социогуманитарного знания: Сб. науч. тр. М., 2006. Вып. 35. С. 138–141.
Литвинова 2012 — *Литвинова В. И.* Концептуальное и денотативное пространство стихотворения «Парус» М. Ю. Лермонтова // Лермонтовские чт. на Кавминводах-2012: Мат-лы международ. науч. конф., 24–26 мая 2012. Пятигорск, 2012. С. 69–74.
Логунова 2010 — *Логунова Н. А.* «Война!.. Знакомый людям звук» // Московск. лермонтовский сб. Вып. 2: «Моя душа, я помню, с детских лет чудесного искала...». М., 2010. С. 55–58.
Ложкова 2004 — *Ложкова Т. А.* Модификация жанра баллады в творчестве П. А. Катенина и М. Ю. Лермонтова // Лермонтовские чт.-2: К 190-летию со дня рождения М. Ю. Лермонтова. Екатеринбург, 2004. С. 92–117.
Ломинадзе 1976 — *Ломинадзе С. В.* На фоне гармонии (Лермонтов) // Типология стилевого развития нового времени. Классический стиль. Соотношение гармонии и дисгармонии в стиле. М., 1976. С. 343–385.
Ломинадзе 1985 — *Ломинадзе С. В.* Поэтический мир Лермонтова. М., 1985.
Ломинадзе 1989 — *Ломинадзе С. В.* О классиках и современниках. М., 1989.
Ломинадзе 1995 — *Ломинадзе С. В.* Спор о «Споре» // ВЛ. 1995. № 2. С. 328–333.
Ломинадзе 2002 — *Ломинадзе С. В.* Тайный холод // М. Ю. Лермонтов: Pro et contra. СПб., 2002. С. 742–765.
Лонгинов 1873 — *Лонгинов М. Н.* Заметки о Лермонтове и о некоторых его современниках // РС. 1873. № 3. С. 380–392.
Лорер 1984 — *Лорер Н. И.* Записки декабриста. Иркутск, 1984.

Лосев 1970 — *Лосев А. Ф.* Проблема символа в связи с близкими к нему литературоведческими категориями // ИСЛЯ. 1970. Т. 29. Вып. 5. С. 377–390.
Лосев 1982 — *Лосев А. Ф.* Знак. Символ. Миф: Труды по языкознанию. М., 1982.
Лотман 1970 — *Лотман Ю. М.* Структура художественного текста. М., 1970.
Лотман 1996 — *Лотман Ю. М.* О поэтах и поэзии: Анализ поэтич. текста: Ст. и исслед. Заметки. Рецензии. Выступления. СПб., 1996.
Лотман 1997 — *Лотман Ю. М.* О русской литературе: Ст. и исслед. (1958–1993): История русской прозы; Теория литературы. СПб., 1997.
Лотман 1998 — *Лотман Ю. М.* Об искусстве. СПб., 1998.
Лукьяненко 2010 — *Лукьяненко И. Н.* Синтаксические средства выражения концептуального смысла стихотворения М. Ю. Лермонтова «И скучно и грустно»: Статья 1 // Вестн. БФУ им. И. Канта. Калининград, 2010. № 8. С. 65–70.
Луткова 2008 — *Луткова Е. А.* Рафаэль и Рембрандт в художественном мире М. Ю. Лермонтова // Культурология, культура и искусство в современном российском социуме. Кемерово, 2008. Ч. 2. С. 122–132.
ЛЭ 1981 — Лермонтовская энциклопедия / Гл. ред. В. А. Мануйлов. М., 1981.
Любович 1952a — *Любович Н.* «Веселый час» // ЛН 1952: LVIII, 373–377.
Любович 1952b — *Любович Н. А.* «10 июля (1830)» // ЛН 1952: LVIII, 378–386.
Любович 1952c — *Любович Н.* «Из Паткуля» // ЛН 1952: LVIII, 387–392.
Любович 1960 — *Любович Н. А.* О пересмотре традиционных толкований некоторых стихотворений Лермонтова // М. Ю. Лермонтов: Сб. ст. и мат-лов. Ставрополь, 1960. С. 81–96.
Любович 1964 — *Любович Н. А.* «Мцыри» в идейной борьбе 30–40-х гг. // Творчество М. Ю. Лермонтова. М., 1964. С. 106–131.
Ляпина 2000 — *Ляпина Л. Е.* Об одной модели «герой и мир» в русской послепушкинской лирике // Славянские чт. Даугавпилс; Резекне, 2000. [Т.] 1. С. 68–74.

Магидсон 1990 — *Магидсон С.* Жизнь и песня // Музыкальная жизнь. 1990. № 4. С. 24–25.
Магомедова 2006 — *Магомедова Д. М.* «Диалог-манифест» и типы «стилистических поединков» в русской поэзии 19 в.: К вопросу об эволюции стихотворного диалога // Поэтика рус. лит.: Сб. ст. к 75-летию проф. Ю. В. Манна. М., 2006. С. 13–44.
Мазур 2001 — *Мазур Н. Н.* Пушкин и «московские юноши»: Вокруг проблемы гения // Пушкинская конф. в Стэнфорде, 1999: Мат-лы и исслед. М., 2001. С. 54–105.
Мазур 2007 — *Мазур Н. Н.* Еще раз о деве-розе: (в связи со стихотворением Боратынского «Еще как патриарх не древен я...») // Пушкинские чт. в Тарту. [Вып.] 4. Пушкинская эпоха: Проблемы рефлексии и комментария. Тарту, 2007. С. 345–378.
Мазур 2013 — *Мазур Н. Н.* Поэтический badinage Пушкина и Языкова: Новые перспективы // ПиС. Вып. 6 (45). СПб., 2013.
Майков 1846 — [*Майков В.*]. Краткое начертание истории русской литературы, составленное В. Аскоченским // ОЗ. 1846. № 9. Отд. 5. С. 9.
Майков 1891 — *Майков В.* Критические опыты. СПб., 1891.
Маймин 1969 — *Маймин Е. А.* Стихотворения М. Ю. Лермонтова «Дума» и «1 января» // РР. 1969. № 6. С. 13–19.

Маймин 1972 — *Маймин Е. А.* Опыты литературного анализа. М., 1972.
Маймин 1975 — *Маймин Е. А.* О русском романтизме. М., 1975.
Майский 1941 — *Майский Ф. Ф.* Новые материалы к биографии М. Ю. Лермонтова: Из документов о пребывании поэта в Благородном пансионе в 1828–1830 гг. // Жизнь и творчество М. Ю. Лермонтова: Сб. 1: Исслед. и мат-лы. М., 1941. С. 633–643.
Майский 1947 — *Майский Ф. Ф.* Юность Лермонтова // Тр. Воронеж. ун-та. 1947. Т. 14. Вып. 2. С. 185–259.
Майский 1960 — *Майский Ф. Ф.* М. Ю. Лермонтов и Карамзины // Михаил Юрьевич Лермонтов: Сб. ст. и мат-лов. Ставрополь, 1960. С. 123–164.
Макогоненко 1987 — *Макогоненко Г. П.* Лермонтов и Пушкин: Проблемы преемственного развития литературы. Л., 1987.
Максимов 1891 — *Максимов С. В.* Сибирь и каторга. СПб., 1891. Ч. 1.
Максимов 1964 — *Максимов Д. Е.* Поэзия Лермонтова. 2-е изд. М.; Л., 1964.
Максимов 1969 — *Максимов Д. Е.* Русская классическая литература: Разборы и анализы. М., 1969.
Максяшев 1996 — *Максяшев П. Ф.* «Родина» или «Отчизна» // ТВ. 1996. Вып. 6. С. 18–24.
Мальчукова 1988 — *Мальчукова Т. Г.* Античное наследие и современная литература: Текст лекции. Петрозаводск, 1988.
Мансурова 2003 — *Мансурова А. В.* Звуки как проявление «наития» — вдохновения свыше в лирике М. Ю. Лермонтова // Вестн. Томск. пед. ун-та. Сер. Гуманитар. науки (филология). 2003. № 1. С. 81–86.
Мануйлов 1936 — *Мануйлов В. А.* Записки неизвестного гусара о Лермонтове // Звезда. 1936. № 5. С. 183–196.
Мануйлов 1939 — *Мануйлов В. А.* Лермонтов: Жизнь и творчество. Л., 1939.
Мануйлов 1948 — *Мануйлов В. А.* Заметки о двух стихотворениях // Учен. зап. ЛГПИ им. А. И. Герцена. 1948. Т. 67. С. 82–87.
Мануйлов 1950 — *Мануйлов В. А.* <Комментарии> // М. Ю. Лермонтов. Стихотворения. Л., 1950. Т. 1.
Мануйлов 1954 — *Мануйлов В. А.* Один из воспетых Лермонтовым: Гитарист М. Т. Высотский: Ленинградск. альманах. 1954. Кн. 9. С. 322–324.
Мануйлов 1964 — *Мануйлов В. А.* Летопись жизни и творчества М. Ю. Лермонтова. М.; Л., 1964.
Мануйлов 1966 — *Мануйлов В. А.* Роман М. Ю. Лермонтова «Герой нашего времени». Комментарий. Л., 1966 (2 изд.: Л., 1975).
Мануйлов 1979 — *Мануйлов В. А.* Лермонтов и Карамзины // М. Ю. Лермонтов: Исслед. и мат-лы. Л., 1979. С. 323–369.
Мануйлов, Модзалевский 1939 — *Мануйлов В. А., Модзалевский Л. Б.* «Полководец» Пушкина // Пушкин: Временник Пушкинской комиссии. Т. 4–5. М.; Л., 1939. С. 125–164.
Мануйлов, Назарова 1984 — *Мануйлов В. А., Назарова Л. И.* Лермонтов в Петербурге. 2-е изд. Л., 1984.
Мануйлов, Новиков, Степанян 1939 — *Мануйлов В., Новиков А., Степанян К.* Неизвестный список поэмы Лермонтова «Демон» // ЛГ. 1939. № 50. 10 сентября.

Манышева 2005 — *Манышева Н. Ю.* Опыт филологического анализа стихотворения М. Ю. Лермонтова «Поток» // ТВ. 2005. Вып. 18. С. 144–147.

Маранцман 1969 — *Маранцман В. Г.* Единство субъективного восприятия и объективного смысла произведения при анализе лирического стихотворения в VI классе // Учен. зап. Ленинградск. пед. ин-та. 1969. Т. 375. Вып. 4. С. 97–125.

Маркелов 2000 — *Маркелов Н. В.* «Все картины военной жизни, которых я был свидетелем...»: М. Ю. Лермонтов и события кавказской войны // Новый журнал. 2000. № 3. С. 141–168.

Маркелов 2012 — *Маркелов Н. В.* О возможном адресате стихотворения М. Ю. Лермонтова «Великий муж» // Лермонтовские чт. на Кавминводах-2012: Мат-лы междунарoд. науч. конф., 24–26 мая 2012. Пятигорск, 2012. С. 128–134.

Маркович 1985 — *Маркович В. М.* Стихотворение М. Ю. Лермонтова «Парус» // Анализ одного стихотворения: Межвуз. сб. Л., 1985. С. 122–132.

Мартыненко 1980 — *Мартыненко О. П.* Элементы фольклора в лирике Лермонтова: Баллада «Тростник» // М. Ю. Лермонтов: Проблемы типологии и историзма. Рязань, 1980. С. 43–47.

Мартьянов 1892 — *Мартьянов П. К.* Последние дни жизни М. Ю. Лермонтова // ИВ. 1892. № 2. С. 427–455.

Мартьянов 1893 — *Мартьянов П. К.* Дела и люди века: Отрывки из старой записной книжки, ст. и заметки. Т. I–III. СПб., 1893–1896.

Марченко 1989 — *Марченко А. М.* Из истории двух литературных дуэлей... [Творчество М. Ю. Лермонтова в оценке В. Набокова] // Дружба народов. 1989. № 10. С. 252–259.

Марченко 1991 — *Марченко А. М.* Лермонтов — сто пятьдесят лет спустя // Согласие. 1991. № 6. С. 173–187.

Маршак 1961 — *Маршак С. Я.* Об одном стихотворении // Маршак С. Я. Воспитание словом. М., 1961. С. 147–149.

Маслов 1908 — *Маслов М. М.* Античные мотивы в русской литературе // Почесть: Сб. статей по славяноведению, посвящ. проф. М. С. Дринову его учениками и почитателями. Харьков, 1908. С. 75–78.

Маслов 1926 — *Маслов Г.* Послание Лермонтова к Пушкину 1830 г. // Пушкин в мировой лит. Л., 1926. С. 309–312.

Матвиевская 1977 — *Матвиевская Л. А.* О стилистическом использовании антонимов в лирике и поэмах М. Ю. Лермонтова // Рус. яз. в школе. 1977. № 2. С. 71–72.

Матяш 1985 — *Матяш С. А.* «Когда волнуется желтеющая нива...» М. Ю. Лермонтова и «Когда в высокие минуты бытия...» Н. Ф. Щербины: Сопостав. анализ // Анализ одного стихотворения: Межвуз. сб. Л., 1985. С. 140–147.

Матяш 1992 — *Матяш С. А.* О европейском и русском источниках «Бородина» Лермонтова: [«Поле Ватерлоо» В. Скотта и «Смерть Фигнера» Ф. Глинки] // РЛ. 1992. № 3. С. 112–121.

Махлевич 1977 — *Махлевич Я.* Новое о Лермонтове в Москве // РЛ. 1977. № 1. С. 102–113.

Махлевич 1991 — *Махлевич Я. Л.* «И Эльборус на юге...». М., 1991.

Медведев 2005 — *Медведев А. А.* «И эон с эоном говорит»: Диалог Р. Рильке и М. Лермонтова в «большом времени» // Зарубеж. лит.: ист.-культ. и типологические аспекты: Мат-лы междунар. науч.-практич. конф., посвященной 30-летию основания каф. зарубеж. лит. Тюменск. ун-та, 18–20 окт. 2004. Тюмень, 2005. Ч. 1. С. 49–59.

Медведкин 1984 — *Медведкин В.* О некоторых особенностях лексики стихотворения М. Ю. Лермонтова «Родина» // Мат-лы по рус.-славян. языкознанию. Воронеж, 1984. С. 33–36.

Медриш 1996 — *Медриш Д. Н.* Из жизни традиционных формул // РР. 1996. № 6. С. 89–94.

Мельников-Давыдов 2004a — *Мельников-Давыдов П. И.* Опыт лингвостилистического анализа стихотворения М. Ю. Лермонтова «Нищий» // Лермонтов и его худож. мир: Межвуз. сб. науч. ст. Борисоглебск, 2004. С. 113–119.

Мельников-Давыдов 2004b — *Мельников-Давыдов П. И.* Опыт филологического (лингвостилистического) анализа стихотворения М. Ю. Лермонтова «Утес» // Лермонтов и его худож. мир: Межвуз. сб. науч. ст. Борисоглебск, 2004. С. 104–113.

Мельников-Давыдов 2006 — *Мельников-Давыдов П. И.* Историческая стилистика русского языка (художественный текст). 2-е изд., испр. и доп. Борисоглебск, 2006.

Мендельсон 1914 — *Мендельсон Н. М.* Народные мотивы в поэзии Лермонтова // Венок М. Ю. Лермонтову. М.; Пг., 1914. С. 165–195.

Мережковский 1909 — *Мережковский Д. С.* М. Ю. Лермонтов. Поэт сверхчеловечества. СПб., 1909.

Мерзляков 1826 — *Мерзляков А. Ф.* Подражания и переводы из греческих и латинских стихотворцев. М., 1826. Ч. II. С. 54–55.

Мерзляков 1958 — *Мерзляков А. Ф.* Стихотворения / Вступ. ст., подг. текста и примеч. Ю. М. Лотмана. Л., 1958

Меринский 2004 — *Меринский А. М.* Из воспоминаний о М. Ю. Лермонтове: [В юнкерской школе] (в сокращении) // «Мой гений веки пролетит...»: (К 190-летию со дня рождения М. Ю. Лермонтова). Воспоминания. Критика. Суждения. Пенза, 2004. С. 52–58.

Мехтиев 2006 — *Мехтиев В. Г.* Герменевтика стихотворения М.Ю. Лермонтова «Дума» // Литература и диалог культур: Мат-лы междунар. практ. конф. Хабаровск, 2006. С. 74–82.

Мещерский 1900 — *Мещерский А. В.* Из моей старины. Воспоминания // РА. 1900. № 12. С. 600–621.

Микешин 1973 — *Микешин А. М.* Исторические судьбы русской романтической поэзии. Ч. 1. Кемерово, 1973.

Микушевич 1967 — *Микушевич В.* К вопросу о романтическом переводе // Актуальные проблемы теории худож. перевода: Мат-лы Всесоюзн. симпозиума (25 февраля — 2 марта 1966 г.). М., 1967. Т. 1. С. 69–79.

Микушевич 1971 — *Микушевич В.* Поэтический мотив и контекст // Вопросы теории худож. перевода. М., 1971. С. 58–65.

Милевская 1996 — *Милевская Н. И.* Мотив «сна-смерти» в раннем творчестве М. Ю. Лермонтова // М. Ю. Лермонтов: Проблемы изучения и преподавания: Сб. науч. тр. Ставрополь, 1996. С. 36–54.

Милевская 2003 — *Милевская Н. И.* Значение эпитафии в творчестве М. Ю. Лермонтова // Рус. литературоведение в новом тысячелетии: Мат-лы 2 междунар. конф.: В 2 т. М., 2003. Т. 1. С. 193–199.

Миллер 1980 — *Миллер О. В.* К вопросу об автобиографизме творчества М. Ю. Лермонтова // Творческий процесс и эстетические принципы писателя: Сб. науч. тр. Иркутск, 1980. С. 11–31.

Миллер 1986 — *Миллер О. В.* К вопросу о литературных реминисценциях в балладе Лермонтова «Три пальмы» // РЛ. 1986. № 3. С. 181–183.

Миллер 1991 — *Миллер О. В.* По страницам юнкерских тетрадей: [Стихотворение «Посвящение»] // Вперед (Пушкин). 1991. 27 июля.

Миллер 1994 — *Миллер О. В.* Стихотворение М. Ю. Лермонтова «Посвящение» // ТВ. 1994. Вып. 2. С. 9–11.

Миллер 1998 — *Миллер О. В.* Стихотворение М. Ю. Лермонтова «Это случилось в последние годы могучего Рима...»: Лит. источники и датировка // РЛ. 1998. № 1. С. 58–61.

Миллер 2008 — *Миллер О. В.* Опыт анализа стихотворения Лермонтова «Гусар» на литературном, биографическом и историческом фоне // «Волшебным словом пробужденный...»: Мат-лы седьмых Лермонтовских чт. Ярославль, 2008. С. 11–16.

Милюков 1864 — *Милюков А. П.* Очерк истории русской поэзии. 3-е изд. СПб., 1864.

Минц 1999 — *Минц З. Г.* Поэтика Александра Блока. СПб., 1999.

Миронычева 2005 — *Миронычева В. Ф.* Две парадигмы любви: М. Ю. Лермонтов («Я не унижусь пред тобою...») и Ф. И. Тютчев («О, как убийственно мы любим...»): К проблеме обучения старшеклассников сопоставит. анализу лирич. произведений // ТВ. 2005. Вып. 18. С. 148–154.

Михайлов 1951 — *Михайлов М. С.* К вопросу о занятиях М. Ю. Лермонтова «татарским» языком // Тюркологический сб. 1. М.; Л., 1951. С. 133–134.

Михайлова 1941 — *Михайлова Е. Н.* Идея личности у Лермонтова и особенности ее худож. воплощения // Жизнь и творчество М. Ю. Лермонтова: Сб. 1. М., 1941. С. 125–162.

Михайлова 1960 — *Михайлова А. Н.* Стихотворение М. Ю. Лермонтова А. А. Олениной // Михаил Юрьевич Лермонтов: Сб. ст. и мат-лов. Ставрополь, 1960. С. 236–238.

Михайловский 1989 — *Михайловский Н. К.* Литературная критика. Л., 1989.

Михельсон 1903 — *Михельсон М. И.* Русская мысль и речь. Свое и чужое. Опыт русской фразеологии: Сборник образных слов и иносказаний: В 2 т. СПб., 1903.

Михельсон 1993 — *Михельсон В. А.* Стихотворение М. Ю. Лермонтова «Сон»: (О пушкинской традиции в лирике Лермонтова) // Филология: Науч. и образоват. журнал. Краснодар, 1993. № 1. С. 46–49.

Мицкевич 1976 — *Мицкевич А.* Сонеты. Л., 1976.

Мкртчян 1987 — *Мкртчян Л. М.* Если бы в Вавилоне были переводчики: Статьи, размышления, заметки. Ереван, 1987.

Мнимая поэзия 1931 — Мнимая поэзия: Мат-лы по ист. поэтической пародии XVIII–XIX вв. М.; Л., 1931.

Модзалевский 1911 — *Модзалевский Б. Л.* Список рукописей и некоторых других предметов, принадлежащих Пушкинскому Дому // Изв. Акад. наук. VI сер. 1911. Т. 5. № 7. С. 509–538.

Модзалевский 1916 — *Модзалевский Б. Л.* Из альбомной старины // РБ. 1916. № 6. С. 70–71.

Модзалевский 1922 — *Модзалевский Б. Л.* Лермонтов. Стихотворная шутка // Радуга. Альманах Пушкинского Дома. СПб., 1922. С. 111–125.

Моисеев 1996 — *Моисеев А. И.* М. Ю. Лермонтов. «Выхожу один я на дорогу...»: Когезия и когерентность текста // Рус. худож. слово: Многообразие литературоведческих и лингвометодических методов: Тезисы докладов Междунар. конф. СПб., 3–7 июня 1996. СПб., 1996. С. 114–116.

Моисеев 1997 — *Моисеев А. И.* М. Ю. Лермонтов. «Спор»: (Построение текста) // ФН. 1997. № 5. С. 80–88.

Монина 1991 — *Монина Т. С.* Опыт структурного анализа лирики М. Ю. Лермонтова: («И скучно и грустно...») // Изучение творчества М. Ю. Лермонтова в вузе и школе. Пенза, 1991. С. 47–52.

Мордовченко 1941 — *Мордовченко Н. И.* Лермонтов и русская критика 40-х годов // ЛН 1941: XLIII–XLIV, 745–796.

Мордовченко 1950 — *Мордовченко Н. И.* Белинский и русская литература его времени. М.; Л., 1950.

Морихин 2003 — *Морихин В. Е.* Традиции офицерского корпуса России: Науч.-ист. исслед. М., 2003.

Морозов 1981 — *Морозов М. М.* Образы романтизма // Контекст. 1980: Лит.-теорет. исслед. М., 1981. С. 274–287.

Морозова 1965 — *Морозова М. Н.* Опыт сопоставительного стилистического исследования // Вестн. МГУ. Филология, журналистика. 1965. № 1. С. 85–93.

Музыкальная энциклопедия 1973 — Музыкальная энциклопедия: В 5 т. М., 1973. Т. 1.

Муравьев 1832 — *Муравьев А. Н.* Путешествие по Святым местам в 1830 году. Ч. I–II. СПб., 1832.

Муравьев 1836 — *Муравьев А. Н.* Путешествие по святым местам русским. М., 1836.

Муравьев 1840a — *Муравьев А. Н.* Путешествие по святым местам русским. 3-е изд. М., 1840.

Муравьев 1840b — *Муравьев А. Н.* Первые четыре века христианства. СПб., 1840.

Муравьев 1871 — *Муравьев А. Н.* Знакомство с русскими поэтами. Киев, 1871.

Муравьев 1872 — *Муравьев А. Н.* Описание предметов древности и святыни, собранных путешественником по святым местам. Киев, 1872.

Муравьев 1974 — *Муравьев Д. П.* Послесловие // Лермонтов М. Ю. Стихотворения и поэмы. М., 1974.

Муравьев 1996 — *Муравьев В. Б.* Тверской бульвар. М., 1996.

Мурьянов 1978 — *Мурьянов М. Ф.* Время (понятие и слово) // Вопр. языкознания. 1978. № 2. С. 52–66.

Мурьянов 1999 — *Мурьянов М. Ф.* Пушкин и Германия. М., 1999.

Мюссе 1957 — *Мюссе А.* Избранные произведения: В 2 т. М., 1957.

Мятлев 1969 — *Мятлев И. П.* Стихотворения. Сенсации и замечания госпожи Курдюковой / Вступ. ст. и сост. Н. А. Коварского; подг. текста Н. А. Коварского и Е. П. Бахметьевой. Л., 1969.

Назарова 1959 — *Назарова Л. Н.* М. Ю. Лермонтов // Литературные памятные места Ленинграда. Л., 1959. С. 191–214.

Найдич 1948 — *Найдич Э. Э.* Комментарии // Лермонтов М. Ю. Полн. собр. соч. М.; Л.: Гослитиздат, 1948. Т. 1.

Найдич 1952a — *Найдич Э. Э.* Неизвестные эпиграммы Лермонтова // ЛН 1952: LVIII, 359–368.

Найдич 1952b — *Найдич Э.* «К***» («О, полно извинять разврат») // ЛН 1952: LVIII, 393–400.

Найдич 1963 — *Найдич Э. Э.* Лермонтов и Пушкин. (К вопросу об эволюции творчества Лермонтова в 1834–1837 гг.) // М. Ю. Лермонтов. Вопросы жизни и творчества. Орджоникидзе, 1963. С. 88–103.

Найдич 1964 — *Найдич Э.* Московский соловей // Огонек. 1964. № 35. С. 17.

Найдич 1973a — *Найдич Э.* Ответы на вопросы читателей [О стих. Л. «Дума»]... // Лит. в школе. 1973. № 1. С. 72–73.

Найдич 1973b — *Найдич Э. Э.* Лермонтов «Парус» // Поэтический строй рус. лирики. Л., 1973. С. 122–134.

Найдич 1976a — *Найдич Э. Э.* Избранное самим поэтом: (О сборнике стихотворений Лермонтова 1840 г.) // РЛ. 1976. № 3. С. 62–74.

Найдич 1976b — *Найдич Э. Э.* Иносказательные образы у Лермонтова // РР. 1976. № 6. С. 27–31.

Найдич 1976c — *Найдич Э. Э.* Лермонтов и декабристы // Проблемы метода и жанра. Вып. 3. Томск, 1976. С. 117–123.

Найдич 1976d — *Найдич Э. Э.* У истоков критического реализма: (О стихотворении М. Ю. Лермонтова «Журналист, Читатель и Писатель») // Проблемы реализма. Вологда, 1976. Вып. 3. С. 155–163.

Найдич 1979 — *Найдич Э. Э.* Стихотворение «М. А. Щербатовой»: (Лермонтов и Е. П. Гребенка) // М. Ю. Лермонтов: Исслед. и мат-лы. Л., 1979. С. 403–408.

Найдич 1991 — *Найдич Э. Э.* И все-таки Чаадаев! // РЛ. 1991. № 4. С. 72–82.

Найдич 1994a — *Найдич Э. Э.* Этюды о Лермонтове. СПб., 1994.

Найдич 1994b — *Найдич Э. Э.* Великий спор // Мера. 1994. № 3. С. 16–22.

Напольнова 1976 — *Напольнова Т. В.* «Бородино» М. Ю. Лермонтова // РР. 1976. № 1. С. 114–119.

Нахапетов 2002 — *Нахапетов Б. А.* «Весь ваш М. Лермонтов»: Несколько врачебных заметок о жизни и творчестве великого русского поэта. М., 2002.

Нахапетов, Ознобишина 1998 — *Нахапетов Б. А., Ознобишина Т. Н.* «Завещание» М. Ю. Лермонтова: О возможном прототипе главного героя // Рус. словесность. 1998. № 2. С. 15–20.

Невзглядова 2005 — *Невзглядова Е.* О стихе. СПб., 2005.

Недзвецкий 1972 — *Недзвецкий В. А.* Поэт, толпа, судьба: («Смерть поэта» М. Ю. Лермонтова) // ИСЛЯ. 1972. Т. 31. Вып. 3. С. 239–247.

Недумов 1960 — *Недумов С. И.* Неизвестное стихотворение, приписываемое Лермонтову [«Любить вас долго было б скучно...»] // Михаил Юрьевич Лермонтов: Сб. ст. и мат-лов. Ставрополь, 1960. С. 239.

Недумов 2004 — *Недумов С. И.* Лермонтовский Пятигорск // Лермонтовский текст: Ставропольские исследователи о жизни и творчестве М. Ю. Лермонтова: Антология. Ставрополь, 2004. С. 339–413.

Нейман 1914a — *Нейман Б. В.* Влияние Пушкина в творчестве Лермонтова. Киев, 1914.

Нейман 1914b — *Нейман Б. В.* Лермонтов и «Московский вестник» // РС. 1914. № 10. С. 203–205.

Нейман 1914c — *Нейман Б. В.* Лермонтов и Жуковский // РБ. 1914. № 6. С. 13–14.

Нейман 1915 — *Нейман Б.* К вопросу об источниках поэзии Лермонтова // ЖМНП. 1915. № 4. С. 282–288.

Нейман 1916 — *Нейман Б. В.* Одна из воспетых Лермонтовым // РБ. 1916. № 8. С. 61–70.

Нейман 1917a — *Нейман Б. В.* К вопросу об источниках поэзии Лермонтова. Ч. VII–IX. // ЖМНП. 1917. № 3–4. С. 70–77 (3-й паг.).

Нейман 1917b — *Нейман Б. В.* Элементы сентиментализма в творчестве Лермонтова // ИОРЯС. 1917. Т. 22. Кн. 2. С. 39–57.

Нейман 1941a — *Нейман Б. В.* Русские литературные влияния в творчестве Лермонтова // Жизнь и творчество М. Ю. Лермонтова: Исслед. и мат-лы: Сб. 1. М., 1941. С. 422–465.

Нейман 1941b — *Нейман Б. В.* Пушкин и Лермонтов: Из наблюдений над стилем // Пушкин. Сб. ст. М., 1941. С. 315–348.

Нейман 1941c — *Нейман Б. В.* Лермонтов и декабристы // М. Ю. Лермонтов: Сб. ст. М., 1941. С. 31–61.

Нейман 1960 — *Нейман Б. В.* Комментарии // Веневитинов Д. В. Полн. собр. стихотворений. Л., 1960.

Нейман 1963 — *Нейман Б. В.* М. Ю. Лермонтов. // История рус. лит. XIX века. Изд. 2-е. М., 1963. Т. 1. С. 374–431.

Нейман 1973 — *Нейман Б. В.* М. Ю. Лермонтов // История рус. лит. XIX в. (первая половина). Изд. 4-е, испр. и доп. М., 1973. С. 318–360.

Нейштадт 1939 — *Нейштадт В.* Лермонтов на Западе // Интернациональная лит. 1939. № 11. С. 196–204.

Некрасова 1982 — *Некрасова Е. А.* Слово и образ в поэзии М. Ю. Лермонтова // РР. 1982. № 4. С. 14–20.

Немзер 1995–1996 — *Немзер А. С.* О балладном подтексте «Завещания» // Новые безделки: Сб. ст. к 60-летию В. Э. Вацуро. М., 1995–1996. С. 211–222.

Немзер 2008 — *Немзер А.* Дневник читателя: Русская литература в 2007 году. М., 2008.

Немова 2009 — *Немова О. А.* Перевод поэтического текста как проблема передачи образов иной культутры (на примере стихотворения Гете «Ночная песнь странника») // Язык, культура, коммуникация: Науч.-метод. бюллетень. Хакасский гос. ун-т, 2009. Вып. 5. С. 90–93.

Непомнящий 1987 — *Непомнящий В. С.* Поэзия и судьба: Над страницами духовной биографии Пушкина. М., 1987.
Нестор 2011 — *Нестор (Кумыш)*. О стихотворении Лермонтова «Благодарность» // Лермонтовские чт.-2010: Сб. ст. СПб., 2011. С. 124–130.
Нечаева 1939 — *Нечаева В. С.* К истории текста стихотворения «Валерик» (список из архива Ю. Ф. Самарина) // М. Ю. Лермонтов: Ст. и мат-лы. М., 1939. С. 70–73.
Никитин 1915 — *Никитин М.* Идеи о боге и судьбе в поэзии Лермонтова. Н.-Новгород, 1915.
Никитин 1999 — *Никитин М.* Честь имеем, поручик Лермонтов! Впервые опубликовано стихотворение великого поэта, которое полтора века оставалось неизвестным: [«К портрету бабушки Ольги Николаевны Талызиной»] // Комсомольская правда. 1999. 4 дек. С. 15.
Никитина 1960 — *Никитина Л. М.* Тема поэзии в лирике М. Ю. Лермонтова // Тр. объединения каф. лит. вузов Сибири и Дальнего Востока. Красноярск, 1960. Т. 1. Вып. 2. С. 72–94.
Никишов 1990 — *Никишов Ю. М.* Лирика: Поэтика и типология композиции: Учеб. пособие. Калинин, 1990.
Никишов 2001 — *Никишов Ю. М.* Человек и мир в сознании Пушкина («Кавказ» и «Обвал») и Лермонтова («Валерик») // Межрегион. сб. ст. и мат-лов. Пенза, 2001. Лермонтовский выпуск. № 6. С. 38–48.
Никкарева 2009 — *Никкарева Е. В.* Жанр романса в лирике М. Ю. Лермонтова // Дергачевские чтения-2008. Екатеринбург, 2009. Т. 1. С. 106–112.
Николаев 2002 — *Николаев С. И.* Имя на дереве: Из истории идиллического мотива // XVIII век: Сб. Вып. 22. СПб., 2002. С. 46–65.
Николаева 1997 — *Николаева Т. М.* «Из пламя и света рожденное слово...» // Из работ московск. семиотического круга. М., 1997. С. 774–787.
Николева 1947 — *Николева М. Ф.* О двух ошибках в изданиях стихотворений М. Ю. Лермонтова // М. Ю. Лермонтов: Временник гос. музея «Домик Лермонтова». Пятигорск, 1947. С. 70–78.
Нилова 2002 — *Нилова А. Ю.* Традиции жанра послания в стихотворении М. Ю. Лермонтова «Валерик» // Текст худож.: В поисках утраченного: Междисциплинар. семинар-5. Петрозаводск, 2002. Вып. 1. С. 140–148.
Нилова 2006 — *Нилова А. Ю.* Жанр эпиграммы в ранней лирике М. Ю. Лермонтова // Россия и Греция: Диалоги культур: Мат-лы 1 междунар. конф. Петрозаводск, 2006. Ч. 1. С. 122–133.
Нилова 2007a — *Нилова А. Ю.* Андре Шенье в лирике Лермонтова // Худож. текст: Явное и скрытое. Петрозаводск, 2007. С. 249–252.
Нилова 2007b — *Нилова А. Ю.* Гомеровский образ в стихотворении М. Ю. Лермонтова «Валерик» // Россия и Греция: Диалоги культур. Петрозаводск, 2007. Ч. 2. С. 266–270.
Нилова 2009 — *Нилова А. Ю.* Жанрово-стилистические традиции в лирике М. Ю. Лермонтова (послание, элегия): Учеб. пособие. Петрозаводск, 2009.
Нилова 2012 — *Нилова А. Ю.* К вопросу о горацианских традициях в лирике М. Ю. Лермонтова // Учен. зап. Петрозаводск. гос. ун-та. 2012. № 7. Т. 2. С. 77–79.

Новиков 2003 — *Новиков Л. А.* Художественный текст и его анализ. 2-е изд., испр. М., 2003.

Новикова-Зарина 1979 — *Новикова-Зарина Е. И.* Неизвестный рассказ о стихотворении Лермонтова «Есть речи значенье» // М. Ю. Лермонтов: Исслед. и мат-лы. Л., 1979. С. 409–410.

Ноздренкова 2002 — *Ноздренкова О. А.* Особенности поэтического мира М. Ю. Лермонтова в стихотворении «Тучи» // Пространство и время в худож. произведении: Сб. ст. Оренбург, 2002. С. 90–93.

Нольман 1941 — *Нольман М.* Лермонтов и Байрон // Жизнь и творчество М. Ю. Лермонтова: Исслед. и мат-лы. Сб. 1. М., 1941. С. 466–515.

Носова 1991 — *Носова Т. Ф.* Фольклорные мотивы в балладной лирике М. Ю. Лермонтова // Изучение творчества М. Ю. Лермонтова в вузе и школе. Пенза, 1991. С. 38–43.

Обручев 1965 — *Обручев С. В.* Над тетрадями Лермонтова. М., 1965.

Овсянико-Куликовский 1914 — *Овсянико-Куликовский Д. Н.* М. Ю. Лермонтов. СПб., 1914.

Огарев 1861 — *Огарев Н. П.* Кавказские воды: (Отрывок из моей исповеди) // Полярная звезда (Лондон). 1861. Кн. 6. С. 338–358.

Огарев 1988 — *Огарев Н. П.* Огарев Н. П. О литературе и искусстве. М., 1988.

Одиноков 2003 — *Одиноков В. Г.* «Земное» и «небесное» в поэтике М. Ю. Лермонтова // Одиноков В. Г. Рус. писатели XIX века и духовная культура. Новосибирск, 2003. С. 69–90.

Одинцов 1969 — *Одинцов Г. Ф.* Фарис в «Трех пальмах» М. Ю. Лермонтова // РР. 1969. № 6. С. 94–96.

Одоевский 1958 — *Одоевский А. И.* Полн. собр. стихотворений. Л., 1958.

Оксман 1964 — Оксман Ю. Г. <Комментарий> // Лермонтов 1964–1965. Т. 1.

Оксман 1967 — *Григорьев Ю.* [Оксман Ю. Г.] Летопись жизни и творчества Лермонтова [Рец.] // Прометей. Т. 2. М., 1967. С. 315–321.

Оленина 1999 — *Оленина А. А.* Дневник. Воспоминания. СПб., 1999.

Описание 1953 — Описание рукописных и изобразительных материалов Пушкинского Дома. II: М. Ю. Лермонтов. М.; Л., 1953.

Орлик 1968 — *Орлик О. В.* Россия и французская революция 1830 года. М., 1968.

Орлик 1973 — *Орлик О. В.* Передовая Россия и революционная Франция. М., 1973.

Орлов 1883 — *Орлов М. А.* Михаил Юрьевич Лермонтов, его личность и поэзия. СПб., 1883.

Останкович 1994 — *Останкович А. В.* Гармоническая организация лермонтовских сонетов в контексте традиций русского драматического сонета // М. Ю. Лермонтов: Проблемы изучения и преподавания. Ставрополь, 1994. С. 76–86.

Островская 1965 — *Островская Н.* Первая публикация // Радуга (Киев). № 12. С. 168–169.

Отрощенко 1998 — *Отрощенко Е.* К проблеме композиционного построения лирики Лермонтова // К 60-летию проф. А. И. Журавлевой. М., 1998. С. 49–58.

Отчет 1894 — Отчет о заседаниях Неофилологического общества за 1891–1893 гг. // Зап. Неофилол. о-ва при имп. СПб. ун-те. 1894. Вып. 3. № 1. С. 1–48.

Охотин 1989 — *Охотин Н. Г.* Анненкова Варвара Николаевна // Рус. писатели: 1801–1917 Биографический словарь. Т. 1. А–Г. М., 1989. С. 82–83.

Охотин 2014 — *Охотин Н. Г.* Обыкновенная история // Русско-французский разговорник: Сб. ст. в честь 60-летия В. А. Мильчиной. М., 2014. С. 504–512.

Охотин 2015 — *Охотин Н. Г.* Из заметок к лермонтовскому комментарию // РЛ. 2015. № 2. (В печати).

Очман 2002 — *Очман А.* Новый Парнас: Русские писатели Золотого и Серебряного века на Кавказских Минеральных водах. Пятигорск, 2002.

Очман 2003 — *Очман А. В.* «Прощай, немытая Россия...»: Проблема авторства // Межвуз. сб. науч. тр.: Гуманит. науки. Минеральные Воды, 2003. Вып. 8. С. 142–148.

Очман 2009a — *Очман А. В.* «Валерик» М. Ю. Лермонтова: Время и обстоятельства создания. Версия // Лермонтовские чт.-2008: Сб. ст. СПб., 2009. С. 97–117.

Очман 2009b — *Очман А. В.* Как создавался «Валерик» // М. Ю. Лермонтов: Исслед. и мат-лы. М.; Воронеж, 2009. Вып. 1. С. 66–79.

Очман 2012 — *Очман А. В.* Стихотворение «Парус» в контексте лермонтовской биографии // Лермонтовские чт. на Кавминводах-2012: Мат-лы международ. науч. конф., 24–26 мая 2012. Пятигорск, 2012. С. 48–69.

Павлихина 2002 — *Павлихина И.* Продолжение «Пророка» // Лермонтовский текст в пространстве времени. Пятигорск, 2002. С. 83–85.

Палкин 1986 — *Палкин М. А.* Лирика как искусство стихотворного слова. Минск, 1986.

Панаев 1950 — *Панаев И. И.* Литературные воспоминания. [Л.], 1950.

Панченко 1984 — *Панченко А. М.* Русская культура в канун Петровских реформ. Л., 1984.

Паперный 1992 — *Паперный З. С.* Ирония и лирика: Лермонтовская традиция у Чехова // Связь времен: Проблема преемственности в рус. лит. конца XIX — нач. XX в. М., 1992. С. 139–152.

Парецкая 2006 — *Парецкая М. Э.* Художественный текст в религиозном контексте: На мат-ле стихотворения М. Ю. Лермонтова «Выхожу один я на дорогу» // Изучение рус. яз. как иностранного в современных условиях. Ростов н/Д., 2006. С. 121–127.

Паскаль 1974 — *Ларошфуко Ф. де, Паскаль Б., Лабрюйер Ж. де.* Максимы. Мысли. Характеры. М., 1974.

Пахомов 1935 — *Пахомов Н. П.* Два новых автографа Лермонтова // ЛН 1935: XIX–XXI, 502–510.

Пахомова 2010 — *Пахомова Е. В.* Стихотворения-завещания М. Ю. Лермонтова // Молодежь и наука: Реальность и будущее: Мат-лы 3 международ. науч.-практич. конф., 2010. Невинномысск, 2010. Т. 2: Филол. и юридич. науки. С. 208–209.

Пейсахович 1964 — *Пейсахович М. А.* Строфика Лермонтова // Творчество М. Ю. Лермонтова: 150 лет со дня рождения, 1814–1964. М., 1964. С. 417–491.

Пейсахович 1969 — *Пейсахович М. А.* Онегинская строфа в поэмах Лермонтова // ФН. 1969. № 1. С. 25–38.

Пеньковский 2005 — *Пеньковский А. Б.* Загадки пушкинского текста и словаря: Опыт филол. герменевтики. М., 2005. С. 82–95.

Перелешин 1999 — *Перелешин В.* «Тучи» Лермонтова // Фаталист: Из наследия первой эмиграции. М., 1999. С. 246–249. (Зарубежная Россия и Лермонтов).

Перлина 2003 — *Перлина Н.* «Тучки небесные» или «Парусники воздушных пространств» в изображении Лермонтова и Шиллера // Эткиндовские чт.: Сб. ст. по мат-лам Чтений памяти Е. Г. Эткинда, 27–29 июня 2000. СПб., 2003. [Вып.] 1. С. 108–114.

Перси 2003 — *Перси У.* М. Ю. Лермонтов: Музыка между адом и раем // Перси У. «Не пой, красавица, при мне...»: Культурая территория рус. романтизма. М., 2003. С. 162–189.

Перчаткин 1957 — *Перчаткин С.* Русские писатели в Новгородском крае // Новгород: Лит.-худож. сб. 1957. № 5. С. 125–126.

Песни 1936 — Песни русских поэтов (XVIII — 1-я пол. XIX вв.). М.; Л., 1936.

Петер 1968 — *Петер М.* Стихотворение Лермонтова «Кинжал» и его два венгерских перевода // Annales Universitatis Scientiarum Budapestinensis de Rolando Eötvös nominatae, sectio philological. 1968. Т. 8. S. 51–65.

Петина 1990 — *Петина Л. И.* Об особенностях альбомной литературы // Пушкинские чт.: Сб. ст. Таллин, 1990. С. 108–128.

Петрова 2001 — *Петрова Н. А.* Литература в неантропоцентрическую эпоху: Опыт О. Мандельштама. Пермь, 2001.

Петровский 1967 — *Петровский В. И.* М. Ю. Лермонтов. «Бородино»: Слово и образ // Вопросы рус. и удмуртской лит.: Ист. и метод. преподавания. Вып. 1. Ижевск, 1967. С. 25–40.

Петросов 1989 — *Петросов К. Г.* «Земля» и «небо» в русской поэзии 19 — начала 20 вв. // Ист.-лит. процесс: Методолог. аспекты: Науч.-информ. сообщ. Рига, 1989. Вып. 2. С. 74–76.

Пешков 1971 — *Пешков В. П.* «Муз прилежный обожатель» // Собеседник: Портреты, этюды, ист. повествования, очерки. Т. 1. Воронеж, 1971. С. 246–250.

Пигарев 1955 — *Пигарев К. В.* Новый список стихотворения Лермонтова «Прощай, немытая Россия...» // ИСЛЯ. 1955. Т. 14. Вып. 4. С. 372–373.

Пигарев 1972 — *Пигарев К.* Русская литература и изобразительное искусство. М., 1972.

Пигарев 1973 — *Пигарев К.* Романтическая поэзия в ее соотношении с живописью // Романтический реализм. М., 1973. С. 424–451.

Пильщиков 2015 — *Пильщиков И. А.* Иноязычная фоника в стихах Лермонтова // М. Ю. Лермонтов и мировая культура: Сб. статей. СПб., 2015 (в печати).

Пименова 2005 — *Пименова М. А.* Мотив «следа — пути — странничества» в стихотворении М. Ю. Лермонтова «Утес» // Рус. яз. и межкультурная коммуникация. 2005. № 1. С. 147–148.

Пименова 2006 — *Пименова М. В.* Концептуальная метафора дома как способ объективации концепта «небо»: (На мат-ле произведений М. Ю. Лермонтова) // Язык. Культура. Коммуникация: Мат-лы междунар. науч. конф. Волгоград, 18–20 апр. 2006: В 3 ч. Волгоград, 2006. Ч. 2. С. 276–285.

Погосян 1992 — *Погосян Е.* К проблеме значения символа «золотой петушок» в сказке Пушкина // В честь 70-летия профессора Ю. М. Лотмана. Тарту, 1992. С. 98–106.

Подкорытова 1999 — *Подкорытова Л. Ю.* Мотив «мертвого сна» в балладах М. Ю. Лермонтова («Русалка», «Дары Терека») // Лермонтовские чт.: Мат-лы зон. науч. конф. Екатеринбург, 1999.

Полевой 1934 — Николай Полевой. Материалы по истории русской литературы и журналистики тридцатых годов. Л., 1934.

Полежаев 1987 — *Полежаев А. И.* Стихотворения и поэмы. Л., 1987.

Поливанов 1875 — *Поливанов В. П.* М. Ю. Лермонтов // РС. 1875. Т. 12. № 4. С. 812–814.

Полотай 1968 — *Полотай А. М.* Новый список стихотворения М. Ю. Лермонтова «Смерть поэта» // РЛ. 1968. № 1. С. 188–191.

Полукарова 1992 — *Полукарова Л. В.* Об одном стихотворении поэта // Тархан. листок. 1992. № 2. С. 1.

Полукарова 1997 — *Полукарова Л. В.* «О судьбе и нравах человеческой личности» // ТВ. 1997. Вып. 7. С. 46–49.

Полякова 1994 — *Полякова Н.* О двух стихотворениях Лермонтова // Нева. 1994. № 11. С. 288–293.

Попов 1935 — *Попов П. С.* Мистификация: (Лермонтов и Омэр де Гелль) // Новый мир. 1935. № 3. С. 282–293.

Попов 1949 — *Попов А. В.* М. Ю. Лермонтов в первой ссылке // Тр. Ставропольск. пед. ин-та. 1949. Вып. 3. С. 6–122.

Попов 1954 — *Попов А. В.* Лермонтов на Кавказе. Ставрополь, 1954.

Попов 1957 — *Попов А. В.* Загадка «Великого мужа» // Ставрополье. 1957. № 16. С. 76–79.

Попов 1984 — *Попов О. П.* Быть может, Сперанский? // РЛ. 1984. № 2. С. 185–187.

Попов 1999 — *Попов О. П.* Маленькие шедевры // ТВ. 1999. Вып. 9. С. 40–44.

Попов 2007 — *Попов О. П.* Речка смерти // Лермонтовский текст: Исследования 1900–2007 гг. Антология: В 2 т. Ставрополь, 2007. Т. 1. С. 747–750.

Потебня 2003 — *Потебня А. А.* Теоретическая поэтика. 2-е изд., испр. М., 2003.

Пранцова 2001 — *Пранцова Г. В.* «...Вновь создать уж созданное раз»: Стихотворение И. В. Гете «Ночная песнь странника» в переводах русских поэтов XIX и XX веков: (М. Ю. Лермонтов, В. Я. Брюсов, И. Ф. Анненский) // ТВ. 2001. Вып. 14. С. 115–123.

Прийма 1961 — *Прийма Ф. Я.* Шевченко и русская литература XIX в. М.; Л., 1961.

Прийма 1980 — *Прийма Ф. Я.* «Слово о полку Игореве» в русском ист.-лит. процессе первой трети XIX века. Л., 1980.

Приказчикова 1998 — *Приказчикова Е. Е.* Отражение мифологемы Великой матери богини в балладах М. Ю. Лермонтова «Русалка», «Морская царевна», «Тамара» // Дергачевские чт. — 98. Екатеринбург, 1998. С. 232–234.

Проблемы мировоззрения 1973 — Проблемы мировоззрения и мастерства М. Ю. Лермонтова: [Колл. монография: А. Л. Рубанович, С. Сердюкова, С. Смирнов, Л. Голомбиевская, С. Маркова, Т. Швецова]. Иркутск, 1973.

Пронин 2011 — *Пронин В. А.* Поэзия Генриха Гейне: Генезис и рецепция. М., 2011.

Просужих 1995 — *Просужих Ф.* Речка смерти // Диалог. 1995. № 5/6. С. 83–88.

Прохоров 1959 — *Прохоров Е.* Источники и анализ текста // ВЛ. 1959. № 5. С. 166–171.

Прохоров 1960 — *Прохоров Е.* О тексте и дате стихотворения Лермонтова «А. О. Смирновой» // РЛ. 1960. № 4. С. 130–136.

Прусова 1999 — *Прусова М. А.* Культ смерти в русской романтической поэзии. Симферополь, 1999.

Прянишников 1946 — *Прянишников Н.* Заметки о «Войне и мире» Льва Толстого // Степные огни. Чкалов, 1946. № 5. С. 243–253.

Пугачев 2004 — *Пугачев О. С.* Топография счастья в творчестве М. Ю. Лермонтова // Лермонтовское наследие в самосознании XXI столетия. Пенза, 2004. С. 125–130.

Пульхритудова 1960 — *Пульхритудова Е. М.* «Валерик» М. Ю. Лермонтова и становление психологического реализма в русской литературе 30-х гг. XIX в. // М. Ю. Лермонтов. Сб. ст. и мат-лов. [Ставрополь], 1960. С. 57–80.

Пульхритудова 1979 — *Пульхритудова Е. М.* Романтизм в русской литературе 30-х годов XIX в. Лермонтов // История романтизма в рус. лит. [Кн. 2]. М., 1979. С. 258–326.

Пумпянский 1941 — *Пумпянский Л. В.* Стиховая речь Лермонтова // ЛН 1941: XLIII–XLIV, 389–424.

Пушкин 1937–1959 — *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч., 1837–1937: В 16 т. М.; Л.: Изд. АН СССР, 1937–1959.

Пушкин 1960 — Пушкин в письмах Карамзиных 1836–1837 годов. М.; Л., 1960.

Пушкин 1999–2010 — *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч.: В 20 т. СПб.: Наука, 1999–2010 [издание продолжается].

Пятина 1981 — *Пятина Р. Д.* М. Ю. Лермонтов и А. С. Пушкин: (Средства худож. изобразительности в стихотворениях А. С. Пушкина «Я вас любил...» и М. Ю. Лермонтова «А. О. Смирновой») // Проблема традиций и новаторства в рус. лит. XIX — начала XX в.: Межвуз. сб. науч. тр. Горький, 1981. С. 127–136.

Пяткова 2008 — *Пяткова Н. С.* Стихотворение Лермонтова «К*** (Не ты, но судьба...)» и элегия Проперция «Hoc ver num est tota te ferri, Cynthia, Roma» // Ломоносов 2008: Мат-лы XV междунар. науч. конф. студ., аспирант. и молодых ученых. М., 2008. С. 448–450.

Пятницкая 1958 — *Пятницкая Л. Б.* Изображение народа и войны в «Бородино» (1837) и «Валерике» (1840) М. Ю. Лермонтова // Учен. зап. Горьковск. пед. ин-та. 1958. Т. 26. С. 205–219.

Радомская 2006 — *Радомская Т. И.* Дом и Отечество в русской классической литературе первой трети 19 в.: Опыт духовного, семейного, гос. устроения. М., 2006.

Раевская 2001 — *Раевская Е. И.* Полвека тому назад: Из воспоминаний // Российский архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв.: Новая серия. М., 2001. С. 320–328.

Ранкур-Лаферьер 2004 — *Ранкур-Лаферьер Д.* Прощание Лермонтова с немытой Россией: Исследование нарциссического гнева // Ранкур-Лаферьер Д. Рус. лит. и психоанализ. Пер. с англ. М., 2004. С. 243–255.

Рез 1963 — *Рез З. Я.* М. Ю. Лермонтов в школе. 2 изд. Л., 1963.

Резник 1996 — *Резник Н. А.* Стилевое своеобразие ранних стихотворений М. Ю. Лермонтова «Жалобы турка» и «Монолог» // Лит.-философ. проблемы в контексте современных духовных исканий: Сб. науч. тр. Нижневартовск, 1996. С. 29–35.

Резник 2000 — *Резник Н. А.* Спутницы русских поэтов начала XIX века: Жизнь и литература. Челябинск, 2000.
Реизов 1986 — *Реизов Б. Г.* История и теория литературы: Сб. ст. Л., 1986.
Рейсер 1970 — *Рейсер С. А.* Палеография и текстология нового времени. М., 1970.
Рейсер 1979 — *Рейсер С. А.* Неизвестный рассказ о стихотворении Лермонтова «Есть речи — значенье» // М. Ю. Лермонтов: Исслед. и мат-лы. Л., 1979. С. 409–410.
Рейфман 1958 — *Рейфман П. С.* Стихотворение Лермонтова «Как часто, пестрою толпою окружен» и повесть Соллогуба «Большой свет» // Лит. в школе. 1958. № 3. С. 94–95.
Ремизов 2005 — *Ремизов А. М.* Огонь вещей: Сны и предсонья. Гоголь. Пушкин. Лермонтов. Тургенев. Достоевский. СПб., 2005.
Рогачевский 1990 — *Рогачевский А. Б.* Риторика и индивидуальный стиль: Жуковский — Пушкин — Лермонтов // ИСЛЯ. 1990. Т.49. № 3. С. 223–230.
Рогова 2008 — *Рогова Е. Н.* Образ утесов в стихотворении М. Ю. Лермонтова «Время сердцу быть в покое» и поэме «Кристабель» С. Т. Кольриджа: Опыт сопоставит. анализа // М. Ю. Лермонтов: Худож. картина мира. Томск, 2008. С. 236–241.
Родзевич 1914 — *Родзевич С. И.* Лермонтов, как романист. Киев, 1914.
Рожина 1980 — *Рожина Л. Н.* Твой путь к книге. Минск, 1980.
Розанов 1901 — *Розанов В. В.* М. Ю. Лермонтов (К 60-летию кончины) // НВ. 1901. 15(28) июля. С. 2–3.
Розанов 1904 — *Розанов В. В.* В мире неясного и нерешенного. СПб., 1904.
Розанов 1914a — *Розанов И. Н.* Отзвуки Лермонтова // Венок М. Ю. Лермонтову. М.; Пг., 1914. С. 237–289.
Розанов 1914b — *Розанов М. Н.* Байронические мотивы в творчестве Лермонтова // Венок М. Ю. Лермонтову. М.; Пг., 1914. С. 343–384.
Розанов 1941 — *Розанов И. Н.* Лермонтов в истории русского стиха // ЛН 1941: XLIII–XLIV, 425–468.
Розанов 1942 — *Розанов И. Н.* Лермонтов — мастер стиха. М., 1942.
Розанов 1948 — *Розанов И. Н.* Лермонтов в поэзии его современников // ЛН 1948: XLV–XLVI. С. 782–793.
Розанов 1990 — *Розанов И. Н.* Литературные репутации: Работы разных лет. М., 1990.
Розанов 1994 — *Розанов В. В.* Среди художников: Итальянские впечатления. М., 1994.
Розанов 1999 — *Розанов В. В.* Во дворе язычников. М., 1999.
Розе 1867 — *Розе Е.* Анна Григорьевна Хомутова: (Биограф. очерк) // РА. 1867. № 7. Стлб. 1067–1068.
Розен 1883 — *Розен А. Е.* Биографический очерк // Одоевский А. И. Полное собрание стихотворений. СПб., 1883. С. 7–15.
Розенкранц 1926 — *Розенкранц И.* Мотив одиночества у Лермонтова // Slavia. 1926. Roč. 5. Seš. 1. С. 100–106.
Розенов 1982 — *Розенов Э. К.* Закон «золотого сечения» в поэзии и в музыке // Розенов Э. К. Статьи о музыке: Избранное. М., 1982. С. 119–157.
Ростопчина 1856–1859 — *Ростопчина Е. П.* Стихотворения графини Е. П. Ростопчиной: В 4 т. СПб., 1856–1859.
Ростопчина 1890 — *Ростопчина Е. П.* Сочинения: В 2 т. СПб., 1890.

Рубанович 1963 — *Рубанович А. Л.* Проблемы мастерства М. Ю. Лермонтова-поэта. Иркутск, 1963.
Рубанович 1968 — [*Рубанович А. Л.*] Эстетические идеалы М. Ю. Лермонтова. Иркутск, 1968.
Рубанович 1971 — *Рубанович А. Л.* Проблемы мастерства М. Ю. Лермонтова-поэта // Тр. Иркутск. ун-та. 1971. Т. 48. Сер. литературовед. и критики. С. 147–183.
Рубанович 1972 — *Рубанович А.* Песня в творчестве М. Ю. Лермонтова // Сибирь. 1972. № 5. С. 78–84.
Рубанович 1980 — *Рубанович А. Л.* Эстетический смысл контрастирования в лирике М. Ю. Лермонтова // Творческий процесс и эстетические принципы писателя: Сб. науч. тр. Иркутск, 1980. С. 32–50.
Русанов 1899 — *Русанов В. А.* М. Т. Высоцкий, русский гитарист-виртуоз, композитор народных песен. М., 1899.
Русова 2005 — *Русова Н. Ю.* Тайна лирического стихотворения: От Державина до Ходасевича: Комментарии поэтических текстов. М., 2005.
Рылеев 1971 — *Рылеев. К. Ф.* Полн. собр. стихотворений. Л., 1971.
Рымашевский 2004 — *Рымашевский В. В.* Урок ратного мужества // «Страницы прошлого читая». Ярославль, 2004. С. 55–57.
Рябов 2006 — *Рябов Е. Н.* К пребыванию Лермонтова в Школе Гвардейских подпрапорщиков и Кавалерийских юнкеров // Вопросы биографии М. Ю. Лермонтова. 2006. № 1. С. 19–85.
Рябова 2012 — *Рябова А. А.* Творчество С.-Т. Кольриджа в русских переводах XIX — начала XX века. М., 2012.

Саакян 1983 — *Саакян Н.* Один кочующий мотив // ЛУ. 1983. № 1. С. 195–197.
Савинков 2003 — *Савинков С. В.* Поэт и толпа: (Логика перехода от Пушкина к Лермонтову) // Болдинские чтения [2003]. Н./Новгород, 2004. С. 118–126.
Савинков 2010 — *Савинков С. В.* Буря versus покой: О поэтике «рокировки» в творчестве Лермонтова // Лермонтовские чт. — 2009: Сб. ст. СПб., 2010. С. 90–95.
Савченко 1988 — *Савченко А. Н.* Речь и искусство. Ростов н/Д., 1988.
Сакулин 1914 — *Сакулин П. Н.* Земля и небо в поэзии Лермонтова // Венок М. Ю. Лермонтову. М.; Пг., 1914. С. 21–32.
Самарин 1911 — *Самарин Ю. Ф.* Сочинения. Т. 12. М., 1911.
Самвелян 1989 — *Самвелян Г. К.* Лингвистический анализ художественного текста. Ереван, 1989.
Сандомирская 1974 — *Сандомирская В. Б.* «Андрей Шенье» // Стихотворения Пушкина 1820–1830-х гг. Л., 1974. С. 31–32.
Саришвили 1999 — *Саришвили В.* Заметки о «Сонете» («Я памятью живу...») М. Лермонтова // М. Ю. Лермонтов и его межнациональное значение. Тбилиси, 1999. С. 45–49.
Сафатова 2008 — *Сафатова Е. Ю.* «Ветка Палестины» М. Ю. Лермонтова и мотивы почитания пальмы в «Путешествии по святым местам в 1830 году» А. Н. Муравьева // М. Ю. Лермонтов. Художественная картина мира. Томск, 2008. С. 94–102.

Сахаров 1993 — *Сахаров А.* «При свете трепетном лампады образной...» // Московск. журнал. 1993. № 6. С. 61–62.
Сахаров 2004 — *Сахаров В. И.* Боренье с демоном // Сахаров В. И. Рус. романтизм XIX в.: Лирика и лирики. М., 2004. С. 137–164.
Сахаров 2012 — *Сахаров А. А.* О проблеме прототипов героев стихотворения М. Ю. Лермонтова «Бородино» // ТВ. 2012. Вып. 25. С. 89–106.
Сахарова 2009 — *Сахарова О. В.* Стихотворение М. Ю. Лермонтова «Мой демон»: Лирический текст в фокусе православной ангеологии // Худож. текст: Варианты интерпретации: Тр. 14-й междунар. науч.-практич. конф. Бийск, 2009. С. 295–301.
Сахарова 2012 — *Сахарова О. В.* Традиции канонической молитвы в стихотворных «Молитвах» М. Ю. Лермонтова // Лермонтовские чт. на Кавминводах-2012: Мат-лы междунар. науч. конф., 24–26 мая 2012. Пятигорск, 2012. С. 105–112.
Светана 1985 — *Светана С. В.* О диалогизации монолога // ФН. 1985. № 4. С. 39–46.
Седов 1992 — *Седов А. Ф.* «Три пальмы» М. Ю. Лермонтова: (Автор, замысел и возможности интерпретации поэтического текста) // Лит. и яз. в контексте культуры и общественной жизни: Тез. Межгос. науч. конф. (Казань. 26–29 мая 1992). Казань, 1992. Ч. 1. С. 110–111.
Сёке 1966 — *Сёке Д.* О структуре стихотворения Лермонтова «Утес» // Dissertationes Slavicae. IV. Szeged, 1966. С. 39–40.
Семенов 1914a — *Семенов Л. П.* К вопросу о влиянии Марлинского на Лермонтова // ФЗ. 1914. Вып. 5–6. С. 614–639.
Семенов 1914b — *Семенов Л. П.* Лермонтов и Лев Толстой. М., 1914.
Семенов 1915 — *Семенов Л. П.* М. Ю. Лермонтов: Статьи и заметки. М., 1915.
Семенов 1939 — *Семенов Л. П.* Лермонтов на Кавказе. Пятигорск, 1939.
Семенов 1942 — *Семенов Л. П.* Об источнике стихотворения Лермонтова «Незабудка» // Уч. зап. Северо-Осетинск. пед. ин-та. 1942. Т. 3(16). С. 17–21.
Семенов 1960 — *Семенов Л. П.* Элементы разговорной речи в лирике Лермонтова. «Бородино», «Дары Терека», «Валерик» и пр. // Изв. Северо-Осетинск. науч.-исслед. ин-та. 1960. Т. 22. Вып. 2. Вопросы лит. С. 101–118.
Семенов 2007 — *Семенов Л. П.* Заметки // Лермонтовский текст: Исследования 1900–2007 годов: Антология: В 2 т. Ставрополь, 2007. С. 112–132.
Семенова 2004a — *Семенова С. Г.* Метафизика русской литературы: В 2 т. М., 2004. Т. 1.
Семенова 2004b — *Семенова М. Л.* Лермонтов и Байрон: К вопросу о типологии романтического героя. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 2004.
Семинарий 1960 — *Мануйлов В. А., Гиллельсон М. И., Вацуро В. Э.* М. Ю. Лермонтов: Семинарий. Л., 1960.
Сергеева-Клятис 2001 — *Сергеева-Клятис А. Ю.* Русский ампир и поэзия Константина Батюшкова: [В 2 ч.]. М., 2001. Ч. 2.
Серман 1997 — *Серман И. З.* Михаил Лермонтов: Жизнь в литературе, 1836–1841. Иерусалим, 1997.
Серяев 1976 — *Серяев М. П.* Разгадана ли «загадка» Н. Ф. И.? // РЛ. 1976. № 4. С. 107–114.
Сеченых 1995 — *Сеченых И. А.* М. Ю. Лермонтов и его баллада «Тростник» (1832) в контексте религиозно-мифологического опыта // Лит. отношения рус. писателей XIX — начала XX в.: Межвуз. сб. науч. тр. М., 1995. С. 106–113.

Сибиновић 1969 — *Сибиновић М.* Љермонтовљево дело у стваралаштву српских песника XIX в. Београд, 1969.
Сигал 1941 — *Сигал Н. А.* Боденштедт — переводчик Лермонтова // Уч. зап. ЛГУ. Сер. филол. наук. 1941. Вып. 8. С. 328–349.
Сидер 1960 — *Сидер Ф.* Гьоте или Лермонтов? // Език и литература. 1960. № 2. С. 124–127.
Сидоров 1914 — *Сидоров А.* Гете и переводчик // Труды и дни. Тетрадь 7. М., 1914. С. 39–42.
Силантьев 2009 — *Силантьев И. В.* Сюжетологические исследования. М., 2009.
Симанович 1984 — *Симанович Д. Г.* Сквозь даль времен: Очерки. Минск, 1984.
Сиротин 2002 — *Сиротин В. И.* На весах безвременья: Очерки ист. и лит. [Кн. 1. Сумерки Просвещения]. М., 2002.
Ситдикова 2005 — *Ситдикова Г. Ф.* К вопросу о небе Михаила Лермонтова и Марины Цветаевой // Филол. и культура: Мат-лы 5 междунар. науч. конф., 19–21 окт. 2005. Тамбов, 2005. С. 578–580.
Ситдикова 2006a — *Ситдикова Г. Ф.* Образ дома и мотив одиночества в лирике М. Ю. Лермонтова и М. И. Цветаевой // Бочкаревские чт.: Мат-лы 30 зон. конф. литературоведов Поволжья: В 4 т. Самара, 2006. Т. 2. С. 170–179.
Ситдикова 2006b — *Ситдикова Г. Ф.* Сон как реализация мотива одиночества в лирике М. Ю. Лермонтова и М. И. Цветаевой // Классические и неклассические модели мира в отеч. и зарубеж. лит.: Мат-лы междунар. науч. конф. Волгоград, 12–15 апр. 2006. Волгоград, 2006. С. 554–559.
Скабичевский 1879 — *Скабичевский А. М.* К биографии Николая Алексеевича Некрасова // ОЗ. 1879. № 7. Отд. 2. С. 1–40.
Скатов 2004 — *Скатов Н. Н.* Всеведенье пророка // ФН. 2004. № 6. С. 87–97.
Сквозников 1975 — *Сквозников В. Д.* Реализм лирической поэзии. Становление реализма в русской лирике. М., 1975.
Сквозников 2002 — *Сквозников В. Д.* Русская лирика: Развитие реализма. М., 2002.
Скибин 1980 — *Скибин С. М.* Своеобразие и социально-историческая обусловленность иронии в лирике М. Ю. Лермонтова // М. Ю. Лермонтов: Проблемы типологии и историзма. Рязань, 1980. С. 23–32.
Скобелева 2005 — *Скобелева М. Л.* Карикатура и эпиграмма М. Ю. Лермонтова: Горизонты творческого «я» // Человек в мире культуры: Мат-лы науч. конф. молодых ученых. Екатеринбург, 2005. Вып. 2. С. 67–69.
Скобелева 2006 — *Скобелева М. Л.* От «маски» к «роли». Диалектика позиции лирического субъекта в ранних эпиграммах М. Ю. Лермонтова // Шадринские чт.: Мат-лы 2 междунар. науч.-практ. конф.: Литературоведение. Культурология. Шадринск, 2006. С. 20–24.
Скобелева 2008 — *Скобелева М. Л.* Шутливое послание М. Ю. Лермонтова: Постановка проблемы // Шадринские чт. Шадринск, 2008. С. 82–88.
Скобелева 2009a — *Скобелева М. Л.* Динамика пародии в лирике М. Ю. Лермонтова: Освобождение от балладного канона // Изв. Уральского гос. ун-та. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2009. № 1/2 (63). С. 113–122.

Скобелева 2009b — *Скобелева М. Л.* «Макаронический» диалог в «мятлевском цикле» М. Ю. Лермонтова // Русская классика: Динамика художественных систем. Вып. 3. Екатеринбург, 2009. С. 128–142.
Славецкий 1983 — *Славецкий В.* От Пушкина до песней жней // Неман. 1983. № 12. С. 161–166.
Слонь 2006 — *Слонь О. В.* «Колизей» Н. А. Некрасова в контексте традиции романтического отрывка // Худож. текст: Варианты интерпретации: Тр. 1 всерос. науч.-практ. конф. Бийск, 12–13 мая 2006: В 2 ч. Бийск, 2006. Ч. 2. С. 203–207.
Смирнов 2006 — *Смирнов А. М.* М. Ю. Лермонтов в сражении при речке Валерик // ТВ. 2006. Вып. 19. С. 56–68.
Смирнова 1989 — *Смирнова (Россет) А. О.* Дневник. Воспоминания. М., 1989.
Смольников 1979 — *Смольников А.* Восемь строк Гейне // ЛУ. 1979. № 2. С. 198–205.
Соболев 1928 — Соболев П. М. О песенном репертуаре современной фабрики: (По мат-лам, собранным в Орехово-Зуевском уезде Московск. губ.) // Уч. зап. Ин-та яз. и лит. 1928. Т. 2. С. 59–69.
Соколов 1964 — *Соколов А. Н.* Художественный образ в лирике Лермонтова // Творчество М. Ю. Лермонтова. М., 1964. С. 172–201.
Соколова 1986 — *Соколова Н. А.* Модификация медитативной лирики: (Анализ текста) // Жанр и композиция литературного произведения: Межвуз. сб. Петрозаводск, 1986. С. 83–89.
Соллогуб 1988 — *Соллогуб В. А.* Повести. Воспоминания. Л., 1988.
Соловьев 1914 — *Соловьев Д.* Поэзия Лермонтова. Владимир, 1914.
Соловьева 2006a — *Соловьева И. Ф.* Мотив лопнувшей струны в стихотворении М. Ю. Лермонтова «Наполеон» // Сб. ст. по мат-лам науч. конф. Всерос. форума «Родная речь — Отечеству основа», 18–21 окт. 2006. М., 2006. С. 155–160.
Соловьева 2006b — *Соловьева И. Ф.* Поэтика художественного времени в стихотворении М. Ю. Лермонтова «Арфа» // Вестн. Томск. ун-та: Мат-лы науч. конф., симпозиумов, школ, проводимых ТГУ. 2006. № 22. С. 27–30.
Соломонова 2006 — *Соломонова А. А.* «В песчаных степях аравийской земли три гордые пальмы высоко росли» // Рус. баллада: История и теория жанра. М., 2006. С. 99–121.
Сомова 1999 — *Сомова Е. В.* Пушкинский «Пророк» на рубеже XIX–XX веков: Идейные и сюжетные трансформации // Поэтика рус. лит.: (Пушкин. Эпоха. Серебряный век): Сб. науч. ст. Краснодар, 1999. С. 132–154.
Спасович 1889 — *Спасович В. Д.* Сочинения: В 2 т. СПб., 1889. Т. 1.
Спасович 1911 — *Спасович В. Д.* Байронизм у Пушкина и Лермонтова. Вильна, 1911.
Ставицкий 2003 — *Ставицкий А. В.* «Эстетический объект» в свете сравнительного литературоведения // Сравнит. литературоведение: Теоретич. и историч. аспекты: Мат-лы междунар. науч. конф. М., 2003. С. 77–85.
Стадников 1997 — *Стадников Г. В.* О комментариях к стихотворению М. Ю. Лермонтова «Завещание» [«Есть место близ тропы глухой...»] // РЛ. 1997. № 3. С. 108–114.
Стадников 1999 — *Стадников Г. В.* Лермонтов и Гете // РЛ. 1999. № 3. С. 22–31.
Сталь 2005 — *Сталь Ж. де.* Десять лет в изгнании / Пер. с франц., вступ. ст., комментар. В. А. Мильчиной. М., 2005.

Старосельская 1983 — *Старосельская Н.* «...Песни нам останутся» // Лит. обозрение. 1983. № 5. С. 70–72.
Степанов 1978 — *Степанов Л. А.* Пушкин, Гораций, Ювенал // Пушкин: Исследования и материалы. Т. 8. Л., 1978. С. 70–89.
Столыпин 1914 — *Столыпин А.* Средниково // Столица и усадьба. 1914. № 1. С. 2–4.
Стромилов 1830 — Опыты в стихах С. С[тромилова]. М., 1830.
Струговщиков 1874 — *Струговщиков А. Н.* Воспоминания [о Лермонтове] // РС. 1874. Апрель. С. 712.
Субботина 2004 — *Субботина М. В.* Семантическая структура макрообраза «сон» в поэтических текстах М. Ю. Лермонтова и А. А. Блока // Актуальные проблемы современного языкознания и методики преподавания языка: Сб. мат-лов междунар. науч. конф. Елец, 2004. С. 257–267.
Сумцов 1900 — *Сумцов Н. Ф.* А. С. Пушкин: Исследования. Харьков, 1900.
Сурин 2002 — *Сурин М.* Лексико-стилистический анализ двух стихотворений: Лермонтова «На севере диком...» и Гейне «Ein Fichtenbaum» // Лермонтовский текст в пространстве времени. Пятигорск, 2002. С. 161–162.
Сухарев-Мурышкин 1981 — *Сухарев-Мурышкин С. Л.* Стихотворный период и тип целостной организации лирического произведения: (Стихотворение М. Ю. Лермонтова «Когда волнуется желтеющая нива...» и сонет Джона Китса «When I have fears...») // Художественное целое как предмет типологического анализа: Межвуз. сб. научн. тр. Кемерово, 1981. С. 122–132.
Сухая 2002 — *Сухая Д.* Кавказ в творчестве М. Ю. Лермонтова // Лермонтовский текст в пространстве времени. Пятигорск, 2002. С. 162–164.
Сухов 2003 — *Сухов В. А.* Образ паруса в поэзии Сергея Есенина: (К проблеме развития лермонтовских традиций) // ТВ. 2003. Вып. 16. С. 148–152.
Сухомлинов 1895 — *Сухомлинов М. И.* «Последнее новоселье». Стихотворение Лермонтова // РВ. 1895. Март. С. 216–233.
Сушкова 1928 — *Сушкова Е. А.* Записки. Л., 1928.
Сырица 2005 — *Сырица Г. С.* Филологический анализ художественного текста: Учеб. пособие. М., 2005.
Сыроватко 1995 — *Сыроватко Л.* Пророк смирения и пророк своеволия // Начало: Сб. ст. М., 1995. С. 47–55.

Тарановский 1963 — *Тарановский К.* О взаимоотношении стихотворного ритма и тематики // American contributions to the 5-th international congress ot slavists. V. l. The Hague, 1963. P. 287–322.
Тарановский 2000 — *Тарановский К. Ф.* О поэзии и поэтике. М., 2000.
Тарасов 1976 — *Тарасов Л. Ф.* «Утес» М. Ю. Лермонтова // РР. 1976. № 4. С. 52–56.
Тарле 1965 — *Тарле Е. В.* О стихотворении М. Ю. Лермонтова «Великий муж»: (Из переписки Е. В. Тарле и Б. М. Эйхенбаума) // РЛ. 1965. № 1. С. 187–189.
Тарле 1981 — *Тарле Е. В.* Письмо Е. Л. Ланну. 9 янв. 1949 г. // Из лит. наследия акад. Е. В. Тарле. М., 1981.С. 255–257.

Тепляков 2004 — *Тепляков В. Г.* Книга странника. Стихотворения. Проза. Письма / Изд. подгот. Е. В. Петренко, М. В. Строганов. Тверь, 2004.

Терещенко 2010 — *Терещенко Т. М.* Одноименные стихи в творчестве А. С. Пушкина и М. Ю. Лермонтова — случайность и закономерность // Альманах совр. науки и образования. — 2010. № 1. Ч. 1. С. 148–151.

Терновский 1898 — *Терновский Н. М.* Историко-литературные очерки. Житомир, 1898.

Тихомирова 2010 — *Тихомирова Л. Н.* «Ночная» поэзия в русской романтической традиции: Генезис, онтология, поэтика. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2010.

Тицкая 2002 — *Тицкая В.* Образ Демона в творчестве Лермонтова // Лермонтовский текст в пространстве времени. Пятигорск, 2002. С. 164–165.

Ткачев 1912 — *Ткачев Г. А.* Станица Червленная: Исторический очерк. Вып. 1.Владикавказ, 1912.

Тойбин 1964 — *Тойбин И. М.* Стихотворение Лермонтова «Не верь себе» // ФН. 1964. № 3 (27). С. 15–25.

Толстогузова 2004 — *Толстогузова Е. В.* Элегический жанр Байрона и Лермонтова: Проблема типологии // Интерпретация лит. и культ. текста: традиция и современность: Межвуз. сб. науч. ст. Биробиджан, 2004. С. 108–120.

Толстой 1958 — Лев Толстой об искусстве и литературе: В 2 т. М., 1958.

Томашевский 1961 — *Томашевский Б.* Пушкин. М.; Л., 1961. Кн. 2.

Трофимова 2002 — *Трофимова Т. Б.* Тургенев и Лермонтов: К проблеме реминисценций в цикле «Стихотворения в прозе» // Спасский вестник. 2002. Вып. 9. С. 98–104.

Трубицын 1912 — *Трубицын Н.* О народной поэзии в общественном и литературном обиходе первой трети XIX в.: (Очерки). СПб., 1912.

Турбин 1978 — *Турбин В. Н.* Пушкин. Гоголь. Лермонтов: Об изучении литературных жанров. М., 1978.

Турбин 1979 — *Турбин В. Н.* О литературно-полемическом аспекте стихотворения Лермонтова «Бородино» // М. Ю. Лермонтов: Исслед. и мат-лы. Л., 1979. С. 392–403.

Турбин 1994 — *Турбин В. Н.* «Ужасная судьба отца и сына...»: К проблематике поэзии Лермонтова // Турбин В. Н. Незадолго до Водолея: Сб. ст. М., 1994. С. 123–159.

Тургенев 1982–2003 — *Тургенев И. С.* Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. 2-е изд. М., 1982–2003.

Тынянов 1924 — *Тынянов Ю. Н.* Проблема стихотворного языка. Л., 1924.

Тынянов 1964 — *Тынянов Ю. Н.* Литературный источник «Смерти поэта» // ВЛ. 1964. № 10. С. 98–106.

Тютчев 2002–2004 — *Тютчев Ф. И.* Полн. собр. соч. и писем: В 6 т. М., 2002–2004.

Удодов 1973 — *Удодов С. Д.* М. Ю. Лермонтов: Художественная индивидуальность и творческие процессы. Воронеж, 1973.

Удодов 1974 — *Удодов Б. Т.* К вопросу о лирическом герое Лермонтова // Вопросы поэтики литературы и фольклора. Воронеж, 1974. С. 73–90.

Удодов 1978 — *Удодов Б. Т.* О творческих связях М. Ю. Лермонтова и К. Ф. Рылеева // Индивидуальность писателя и лит.-общ. процесс: Сб. ст. Воронеж, 1978. С. 3–21.

Удодов 2004 — *Удодов Б. Т.* Очерки истории рус. лит. 1820–1830-х гг.: Учеб. пособие для студентов-филологов. Воронеж, 2004.
Ужаревич 2002 — *Ужаревич И.* Взаимосновидение // Russian literature. Amsterdam, 2002. Т. 51. № 3. С. 331–342.
Уилкинсон 1985 — *Уилкинсон Дж.* К источникам «Русской песни» Лермонтова // Лермонтовский сб. Л., 1985. С. 251–254.
Уманская 1971 — *Уманская М. М.* Лермонтов и романтизм его времени. Ярославль, 1971.
Уразаева 1994 — *Уразаева Т. Т.* «Ночной цикл» в лирике Лермонтова: (Полемика с немецкой романтической традицией) // Пуришевские чт. IV. М., 1994. С. 28–29.
Усок 1963 — *Усок И. Е.* Внутренние противоречия лирического героя Лермонтова // М. Ю. Лермонтов: Вопросы жизни и творчества. Орджоникидзе, 1963. С. 160–175.
Усок 1964 — *Усок И. Е.* Герой лирики Лермонтова // Творчество М. Ю. Лермонтова: 150 лет со дня рождения, 1814–1964. М., 1964. С. 202–235.
Усок 1973a — *Усок И. Е.* Время в лирике М. Ю. Лермонтова // Искусство слова: Сб. ст. к 80-летию Д. Д. Благого. М., 1973. С. 151–160.
Усок 1973b — *Усок И. Е.* К спорам о художественном методе М. Ю. Лермонтова // К истории русского романтизма. М., 1973. С. 283–302.
Устимович 1887 — Устимович П. Литературные заметки // РС. 1887. № 8. С. 453–462.
Устин 1995 — *Устин А. К.* Текст как семиосинтез объективного и субъективного. СПб., 1995.

Фам Вын-кы, Ходукина 1963 — *Фам Вын-кы, Ходукина Т.* Особенности эпитета в лирике Лермонтова // М. Ю. Лермонтов: Вопросы жизни и творчества. Орджоникидзе, 1963. С. 176–188.
Федоров 1940 — *Федоров А. В.* Лермонтов и Гейне // Учен. зап. 1-го Ленинградск. пед. ин-та иностр. языков. 1940. Т. 1. С. 108–109.
Федоров 1941 — *Федоров А. В.* Творчество Лермонтова и западные литературы // ЛН 1941: XLIII–XLIV, 129–226.
Федоров 1967 — *Федоров А. В.* Лермонтов и литература его времени. Л., 1967.
Федоров 1984 — *Федоров А. И.* Как устроен художественный текст // Изв. Сибирск. отд. АН СССР. 1984. № 3, вып. 1. С. 32–38.
Федоров 2004 — *Федоров Г. А.* Московский мир Достоевского. М., 2004.
Федотов 2001 — *Федотов О. И.* О метрическом и ритмическом строе трехсложников с вариацией анакруз: На примере «Русалки» // Формальные методы в лингвистической поэтике: Сб. науч. тр. СПб., 2001. С. 114–123.
Федотов 2010 — *Федотов О. И.* Родословная «Мелкого беса»: О лермонтовской составляющей заголовка // Мир литературы: К юб. проф. А. С. Карпова: Сб. науч. тр. М., 2010. С. 121–130.
Федотов 2011 — *Федотов О. И.* Сонет. М., 2011.
Фет 1986 — *Фет А. А.* Стихотворения и поэмы / Вступ. ст., сост. и примеч. Б. Я. Бухштаба. Л., 1986.
Фет 1987 — *Фет А. А.* Ответ на статью «Русского вестника» об «Одах Горация» // Перевод — средство взаимного сближения народов: Худож. публицистика. М., 1987. С. 408–412.

Фидлер 1893 — *Фидлер Ф. Ф.* Заметка о Лермонтове // СВ. 1893. № 5. С. 142–143.
Филькина 2011 — *Филькина Е. Ю.* Материалы М. Ю. Лермонтова в Российском гос. архиве литературы и искусства // Лермонтовские чтения — 2010: Сб. статей. СПб., 2011. С. 283–289.
Финкель 1970 — *Финкель А.* Лермонтов и другие переводчики «Еврейской мелодии» Байрона // Мастерство перевода. Сб. 6. М., 1970. С. 169–200.
Финкель 2006 — *Финкель А. М.* «Ночная песня странника» Гете в русских переводах // Московск. лингвистич. журнал. 2006. Т. 9, № 1. С. 109–140.
Фишер 1914 — *Фишер В. М.* Поэтика Лермонтова // Венок М. Ю. Лермонтову. М.; Пг., 1914. С. 196–236.
Фойницкий 1993 — *Фойницкий В. Н.* О возможном источнике стихотворения М. Ю. Лермонтова «Парус» // РЛ. 1993. № 4. С. 112–113.
Фомина 2003 — *Фомина О. А.* Категории «жизнь» и «смерть» в трех лермонтовских стихотворениях [«Смерть», «Смерть I», «Смерть II»] // Проблемы изучения лирики в школе: К 200-летию со дня рождения Ф. И. Тютчева: Мат-лы регион. науч.-практ. конф. Арзамас, 2003. С. 107–112.
Фомина 2004 — *Фомина О.* Мотив искушения жизнью в лирической «трилогии» «Смерть» (1830–1831) // Православие и рус. лит.: Мат-лы всерос. науч.-практич. конф. Арзамас, 2004. С. 40–46.
Фомичев 2005 — *Фомичев С. А.* «На Фойницкий едине с тобою, брат...»: Стихотворение М. Ю. Лермонтова «Завещание» // «Свет мой канет в бездну. Я вам оставлю луч...»: Сб. публикаций, ст. и мат-лов, посвященных памяти В. В. Мусатова. В./Новгород, 2005. С. 53–62.
Фомичев 2014 — Фомичев С. А. «Ветка Палестины» М.Ю.Лермонтова: Библейский подтекст // М. Ю. Лермонтов и мировая культура. СПб., 2015 (в печати)..
Фохт 1975 — *Фохт У. Р.* Лермонтов. Логика творчества. М., 1975.
Франк 1993 — *Франк И. М.* Третий глаз: Диалектика искусства. М., 1993.
Французская элегия 1989 — Французская элегия XVIII–XIX веков в переводах поэтов пушкинской поры. М., 1989.
Фридкин 1987 — *Фридкин В. М.* Альбомы Каролины Павловой // Наука и жизнь. 1987. № 12. С. 140–148.
Фридрих 2014 — *Фридрих К. А.* Поэтика сарказма у молодого Лермонтова: «Что толку жить? без приключений...» в контексте лирики 1832 г. (в печати).
Физман 1971 — *Фризман Л. Г.* Стихотворение М. Ю. Лермонтова «Есть речи — значенье» // ФН. 1971. № 4. С. 27–37.
Фризман 1973 — *Фризман Л. Г.* Жизнь лирического жанра. М., 1973.
Фризман 1975 — *Фризман Л. Г.* «Думы» Рылеева // *Рылеев К. Ф.* Думы. М., 1975. С. 171–226.
Фризман 1988 — *Фризман Л. Г.* Декабристы и русская литература. М., 1988.
Фризман 2005 — *Фризман Л. Г.* Предварительные итоги. Харьков, 2005.

Хабибулина 1998 — *Хабибулина А З.* Эстетическая интерференция: (На мат-ле баллады М. Ю. Лермонтова «Три пальмы») // Н. П. Огарев от XIX к XXI веку: Мат-лы и тез. докл. XXVII Саран. междунар. Огаревских чт. Саранск, 1999. С. 119–120.

Хазан 1986 — *Хазан В. И.* К проблеме жанрового своеобразия стихотворения М. Ю. Лермонтова «Валерик» // ФН. 1986. № 2. С. 75–77.
Хазиев 2006 — *Хазиев В. С.* Герменевтические упражнения над стихотворением Гейне «Fichtenbaum» // Вестн. Московск. ун-та. Сер. 7. Философия. 2006. № 6. С. 42–55.
Хазин 1997 — *Хазин В.* Хрестоматийный Лермонтов // Urbi: Лит. альманах. Вып. 14: Опыты в стихах и прозе. СПб., 1997. С. 201–208.
Ханенко 1888 — *Ханенко И. И.* За Пушкина // РА. 1888. № 8. С. 500–501.
Харитонов 2001 — *Харитонов Г. Ю.* Переложение и перевод М. Ю. Лермонтовым стихотворения Дж. Байрона «Строки, написанные в альбом на Мальте»: Опыт концептуального подхода к анализу текста // Рус. словесность: Теория и практика. Липецк, 2001. С. 122–130.
Харитонов 2004 — *Харитонов Г. Ю.* Значение реального пространства слова «земля» в текстовых проекциях: На мат-ле лирики М. Ю. Лермонтова // Семантика языковых единиц и категорий в диахронии и синхронии: Сб. науч. тр. Калининград, 2004. С. 127–132.
Хелемский 1987 — *Хелемский Я. А.* Из речи в речь...: (Фрагменты) // Перевод — средство взаимного сближения народов: Худож. публицистика.М., 1987. С. 187–203.
Хетсо 1973 — *Хетсо Г.* Несколько замечаний о лексике стихотворений М. Ю. Лермонтова // Scandoslavica. 1973. T. 19. S. 49–56.
Ходанен 1994a — *Ходанен Л. А.* Фольклорные и мифологические образы в лирике Лермонтова («Бородино», «Казачья колыбельная песня») // Рус. словесность. 1994. № 2. С. 32–36.
Ходанен 1994b — *Ходанен Л. А.* Баллада «Русалка» и русалочий мотив в творчестве М. Ю. Лермонтова // М. Ю. Лермонтов: Проблемы изучения и преподавания. Ставрополь, 1994. С. 11–25.
Ходанен 1995 — *Ходанен Л. А.* Поэтика Лермонтова: Аспекты мифопоэтики. Кемерово, 1995.
Ходанен 1996 — *Ходанен Л. А.* «Свободы тайный страж...»: Романтический миф о кинжале в поэзии Пушкина и Лермонтова // Рус. словесность. 1996. № 3.
Ходанен 2002 — *Ходанен Л. А.* Романтический миф о поэте-пророке в творчестве М. Ю. Лермонтова // Православие — культура — образование: Сб. ст. по мат-лам межрегион. науч.-практич. конф. Кемерово, 2002. С. 232–240.
Ходанен 2006 — *Ходанен Л. А.* Стихотворения М. Ю. Лермонтова, посвященные М. А. Щербатовой: Проблема «читательского цикла» // Антропотекст-1: Сб. науч. ст., посвященных 60-летию Н. Д. Голева. Томск, 2006. С. 236–244.
Ходанен 2011 — *Ходанен Л. А.* М. Ю. Лермонтов и А. Н. Муравьев: Стихотворение «Оставленная пустынь предо мной...» // Лермонтовские чт. — 2010: Сб. ст. СПб., 2011. С. 131–138.
Ходанен 2013 — *Ходанен Л. А.* Стихотворение М. Ю. Лермонтова «Бородино» и русская патриотическая лирика 1810–20-х гг.: Аспекты мифопоэтики // М. Ю. Лермонтов в русской и зарубежной науке и культуре: Мат-лы Всеросс. науч. конференции. Пятигорск, 2013. С. 176–186
Ходасевич 2002 — *Ходасевич В. Ф.* Фрагменты о Лермонтове // М. Ю. Лермонтов: Pro et contra. СПб., 2002. С. 434–443.

Холмухамедова 1985 — *Холмухамедова Н. Н.* Концепция Востока в творчестве М. Ю. Лермонтова // ФН. 1985. № 4. С. 16–20.
Холшевников 1991 — *Холшевников В. Е.* Стихотворение и поэзия. Л., 1991.
Хомутов 1886 — *Хомутов А.* Из бумаг поэта И. И. Козлова // РА. 1886. № 2. С. 177–202.
Хомяков 1904 — *Хомяков А. С.* Полн. собр. соч. Т. 8. Письма. М., 1904.
Хомяков 2005 — *Хомяков А. С.* Стихотворения / Сост., вступ. ст. и коммент. В. А. Кошелева. М., 2005.
Хохлова 2004 — *Хохлова Н. А.* М. Ю. Лермонтов и А. Н. Муравьев: Еще раз к вопросу о датировке стихотворения Лермонтова «Ветка Палестины» // «Я жил века...»: Материалы 5 Лермонтовских чтений. Ярославль, 2004. С. 46–58.
Хрещатицкий 1906 — *Хрещатицкий Р. А.* Войска Донского казачьи песни. 2-е изд. М., 1906.
Хубиева 2005 — *Хубиева Ф. М.* Поэтический образ Кавказа в русской литературе XIX в. // Кавказский текст. Национальный образ мира как концепт. Поликультурная система: Мат-лы междунар. науч.-практич. конф. Пятигорск, 2005. С. 229–233.
Хьетсо 1995 — *Хьетсо Г.* Загадочное стихотворение Лермонтова: [«Жена Севера»] // Ист.-лит. сб. к 60-летию Л. Г. Фризмана. Харьков, 1995. С. 71–76.

Цурикова 1955 — *Цурикова Г.* Лирический образ в поэзии // Молодой Ленинград. Сб. I. Л., 1955. С. 408–420.

Чагин 2003 — *Чагин Г. В.* Тютчевы. СПб., 2003.
Чайковский 1997 — *Чайковский Р. Р.* Реальности поэтического перевода: (Типологические и социологические аспекты). Магадан, 1997.
Чекалина 2005 — *Чекалина Н. Г.* Образ Демона в авторской мифологии М. Ю. Лермонтова и в лингво-эстетической парадигме поэзии Серебряного века // Рус. яз. и межкультурная коммуникация. 2005. № 1. С. 104.
Чередниченко 1986 — *Чередниченко В. И.* Типология временны́х отношений в лирике. Тбилиси, 1986.
Черепнин 1968 — *Черепнин Л. В.* Исторические взгляды классиков русской литературы. М., 1968.
Черная 1996 — *Черная Т. К.* «Он двух стихий жилец угрюмый»: (О духовном пространстве лермонтовского лирического героя) // М. Ю. Лермонтов: Проблемы изучения и преподавания. Ставрополь, 1996. С. 54–74.
Черная 1997 — *Черная Т. К.* Философско-эстетическая концепция стихотворения М. Ю. Лермонтова «Дары Терека» // М. Ю. Лермонтов: Проблемы изучения и преподавания. Вып. 4. Ставрополь, 1997. С. 82–92.
Черная 2004 — *Черная Т. К.* Онтология стихотворения «Парус» — символическое выражение хронотопа лирического героя Лермонтова // Лермонтовское наследие в самосознании XXI столетия. Пенза, 2004. С. 169–174.
Чернец 2003 — *Чернец Л. В.* Образ в литературном произведении // А. Н. Островский, А. П. Чехов и литературный процесс 19–20 вв. М., 2003. С. 458–478.

Чернышев 2008 — *Чернышев В. И.* Об одной песне у М. Ю. Лермонтова // Рус. яз. XIX века: Динамика языковых процессов. СПб., 2008. С. 303–308.

Чеснокова 2002 — *Чеснокова Г. Д.* Два кавказских стихотворения М. Ю. Лермонтова, «Кавказский пленник» А. С. Пушкина и сочинение ставропольского гимназиста Серафима Патканова // Глагол будущего. Вып. 8.4.2. Ставрополь, 2002. С. 344–357.

Чигарова 2009 — *Чигарова С. В.* Мелодический рисунок стихотворения Гейне «Ein Fichtenbaum steht einsem...» (1821) и его переводов на русский язык // Вопросы филол. науки. 2 Междунар. научн. конф., 15–16 мая 2009: Мат-лы. СПб., 2009. С. 96–100.

Чижова 2006 — *Чижова И. Б.* «К портрету» М. Ю. Лермонтова // Чижова И. Б. Давно замолкшие слова. М., 2006. С. 356–372.

Чистова 1979 — *Чистова И. С.* О кавказском окружении Лермонтова (по мат-ам альбома А. А. Капнист) // М. Ю. Лермонтов: Исслед. и мат-лы. Л., 1979. С. 188–208.

Чистова 1981 — *Чистова И. С.* Заметки о двух стихотворениях Лермонтова [«Бой» и «Черны очи»] // РЛ. 1981. № 2. С. 178–182.

Чистова 1987 — *Чистова И. С.* Страница московской биографии М. Ю. Лермонтова // Прометей. Т. 14. М., 1987. С. 262–272.

Чистова 1992 — *Чистова И. С.* К вопросу об утраченных рукописях Лермонтова: (Лит. опыты пансионского периода) // Михаил Лермонтов: 1814–1989. Нортфилд (Вермонт); СПб., 1992. С. 81–95.

Чистова 1995 — *Чистова И. С.* И все-таки Лермонтов? // РР. 1995. № 6. С. 25–32.

Чичерин 1974 — *Чичерин А. В.* Стиль лирики Лермонтова // ИСЛЯ. 1974. Т. 33. № 5. С. 410–417.

Чичерин 1977 — *Чичерин А. В.* Лермонтов // Чичерин А. В. Очерки по истории рус. лит. стиля. М., 1977. С. 100–116, 371–387.

Чичеров 1959 — *Чичеров В. И.* Вопросы теории и истории народного творчества. М., 1959.

Чой Чжон Сул 2000 — *Чой Чжон Сул.* Стихотворение М. Лермонтова «Благодарность» в восприятии А. Блока // РЛ. 2000. № 1. С. 173–178.

Чуковский 1919 — *Чуковский К. И.* Переводы прозаические // Принципы худож. перевода. Ст. К. Чуковского и Н. Гумилева. Пб., 1919. С. 7–24.

Чуковский 1959 — *Чуковский К. И.* Мастерство Некрасова. 3-е изд. М., 1959.

Чулков 1780–1781 — [*Чулков М. Д.*] Новое и полное собрание российских песен. Ч. 1–6. М., 1780–1781.

Чумак-Жунь 2010 — *Чумак-Жунь И. И.* Поэт и власть: Опыт филологического анализа стихотворений М. Лермонтова и О. Мандельштама // Роль учителя рус. яз. и лит. в сохранении культурных традиций российск. общества: Мат-лы регион. науч.-практич. конф. Белгород, 2010. С. 122–124.

Шабанова 2006 — *Шабанова А.* Образ русалки в отечественном искусстве XIX — начала XX вв., его воплощение в хоре «Русалка» П. Г. Чеснокова на стихи М. Ю. Лермонтова // Проблемы культуры и искусства в мировоззрении современной молодежи: Преемственность и новаторство: Сб. науч. ст. Саратов, 2006. С. 143–148.

Шагалов 1970 — *Шагалов А. Ш.* Тема Наполеона в творчестве М. Ю. Лермонтова // Вопросы рус. лит. М., 1970. С. 194–218.
Шадури 1964a — *Шадури В.* Заметки о грузинских связях Лермонтова // Лит. Грузия. 1964. № 10. С. 102–108.
Шадури 1964b — *Шадури В.* Клятва Лермонтова // Дружба народов. 1964. № 10. С. 178–181.
Шадури 1983 — *Шадури В. С.* Открытие нового поэтического мира // Лит. Грузия. 1983. № 6. С. 174–194.
Шаликов 1819 — *Шаликов П. И.* Сочинения. Ч. II. Стихи. М., 1819.
Шанский 1999 — *Шанский Н. М.* Стихотворение «На севере диком...» // Шанский Н. М., Махмудов Ш. А. Филол. анализ худож. текста: Пособие для студентов филол. факультетов пед. вузов. СПб., 1999. С. 256–265.
Шанский 2002 — *Шанский Н. М.* Лингвистический анализ стихотворного текста: книга для учителя. М., 2002.
Шарыпкин 1980 — *Шарыпкин Д. М.* Скандинавская литература в России. Л., 1980.
Шаталов 1961 — *Шаталов С. Е.* Символ или человек? // Вопросы стилистики. Арзамас, 1961. С. 25–29.
Швачич 2005 — *Швачич Е. А.* Художники и живопись в творчестве М. Ю. Лермонтова // Рус. яз. и межкультурная коммуникация. 2005. № 1 (5). С. 29–35.
Шевырев 1841 — *Шевырев С.* Стихотворения М. Лермонтова // Москвитянин. 1841. Ч. 2. № 4. С. 525–540.
Шекспир 1828 — Гамлет, трагедия в пяти действиях. Соч. В. Шекспира. Пер. с англ. М. В<ронченко>. СПб. 1828.
Шекспир 1830 — Макбет. Трагедия Шекспира. Из соч. Шиллера. Пер. А. Ротчев. СПб., 1830.
Шекспир 1862 — Макбет. Трагедия Шекспира. Пер. А. Кронеберга. М., 1862.
Шенье 1995 — *Шенье А.* Сочинения: 1819. М., 1995.
Шестов 1905 — *Шестов Л.* Апофеоз беспочвенности: Опыт адогмат. мышления. СПб., 1905.
Шестакова 1968 — *Шестакова О. А.* О некоторых стилистических особенностях стихотворений А. С. Пушкина и М. Ю. Лермонтова о поэзии и поэте // Мат-лы науч. конф. по итогам исслед. работы за 1967. Кишинев, 1968. С. 21–28.
Шестопалова 1996 — *Шестопалова Г. А.* Устно-поэтические традиции в стихотворении М. Ю. Лермонтова «Два великана» // Лермонтовский вып. Пенза, 1996. № 5. С. 59–64.
Шефер 2004 — *Шефер Е. Ф.* Античные мотивы и образы в лирике М. Ю. Лермонтова // Лермонтовские чт.-2: К 190-летию со дня рождения М. Ю. Лермонтова: Мат-лы всерос. науч. конф. «Дергачевские чт.-2004», 7–9 окт. 2004. Екатеринбург, 2004. С. 59–72.
Шидловский 1989 — *Шидловский Ф.* Песнь о неспящем в ночных горах: К 175-летию М. Ю. Лермонтова [Стихотворение «Из Гете»] // Север. 1989. № 12. С. 100–103.
Шиллер 1860 — Разные сочинения Шиллера в переводе русских писателей, изданные под редакцией Н. В. Гербеля. Т. VIII. СПб., 1860.
Шиллер 1937 — *Шиллер И.-Х.-Ф.* Собр. соч.: В 8 т. Т. 1: Стихотворения. М.; Л., 1937.
Штайн 1997 — *Штайн К. Э.* «Тоска по вечности» М. Ю. Лермонтова // М. Ю. Лермонтов: Проблемы изучения и преподавания. Ставрополь, 1997. Вып. 4. С. 74–82.

Штайн 2004a — *Штайн К. Э.* «Скрытое» имя в стихотворениях М. Ю. Лермонтова о смерти: К вопросу об анаграммах // Лермонтовский текст: Ставропольские исследователи о жизни и творчестве М. Ю. Лермонтова: Антология. Ставрополь, 2004. С. 538–539.

Штайн 2004b — *Штайн К. Э.* Эйдос звука в лирике М. Ю. Лермонтова // Лермонтовский текст: Ставропольские исследователи о жизни и творчестве М. Ю. Лермонтова: Антология. Ставрополь, 2004. С. 533–537.

Штайн 2004c — *Штайн К. Э.* «А еще над нами волен Лермонтов мучитель наш...» // Лермонтовский текст: Ставропольские исследователи о жизни и творчестве М. Ю. Лермонтова: Антология. Ставрополь, 2004. С. 513–523.

Штейн 1916 — *Штейн С. В.* «Любовь мертвеца» у Лермонтова и Альфонса Карра // ИОРЯС. 1916. Т. 21. Кн. 1. С. 1–10.

Штейнпресс 1959 — *Штейнпресс Б. А.* А. Алябьев в изгнании. М., 1959.

Штокмар 1941 — *Штокмар М.* Народно-поэтические традиции в творчестве Лермонтова // ЛН 1941: XLIII–XLIV, 263–352.

Шувалов 1914a — *Шувалов С. В.* Влияния на творчество Лермонтова русской и европейской поэзии // Венок М. Ю. Лермонтову. М.; Пг., 1914. С. 290–342.

Шувалов 1914b — *Шувалов С. В.* Религия Лермонтова // Венок М. Ю. Лермонтову. М.; Пг., 1914.С. 135–164.

Шувалов 1925 — *Шувалов С. В.* М. Ю. Лермонтов. М.; Л., 1925.

Шувалов 1941 — *Шувалов С. В.* Мастерство Лермонтова // Жизнь и творчество М. Ю. Лермонтова: Исслед. и мат-лы: Сб. 1. М., 1941. С. 251–309.

Шуршина, Солоджук 1994 — *Шуршина Т. И., Солоджук С. Д.* Из опыта лингвистического анализа стихотворения [«Тучи»] // М. Ю. Лермонтов: Тезисы межвуз. науч. конф. Ставрополь, 1994. С. 47–49.

Щеблыкин 1993 — *Щеблыкин И. П.* Этюды о Лермонтове. Пенза, 1993.

Щеблыкин 2003a — *Щеблыкин И. П.* «Пловец» Н. М. Языкова и «Парус» М. Ю. Лермонтова (сопоставит. анализ) // По царству и поэт: Мат-лы всерос. науч. конф. «Н. М. Языков и лит. пушкинской эпохи». Ульяновск, 2003. С. 112–117.

Щеблыкин 2003b — *Щеблыкин И. П.* Страницы лермонтоведения: Интерпретация. Анализы. Полемика. Пенза, 2003.

Щеблыкина 1993 — *Щеблыкина Л. И.* Два стихотворения на сходную тему: (Е. П. Ростопчина и М. Ю. Лермонтов) // Тархан. листок. 1993. № 3. С. 5.

Щеголев 1929 — *Щеголев П. Е.* Книга о Лермонтове. Вып. 1–2. Л., 1929.

Щенникова 2010 — *Щенникова Л. П.* Русский поэтический неоромантизм 1880–1890-х годов. Эстетика. Мифология. Феноменология. СПб., 2010.

Щерба 1957 — *Щерба Л. В.* Опыты лингвистического толкования стихотворений. II. «Сосна» Лермонтова в сравнении с ее немецким прототипом // Щерба Л. В. Избран. работы по рус. яз. М., 1957. С. 97–109.

Эгеберг 2001 — *Эгеберг Э.* Пророк у Пушкина и Лермонтова // Евангельский текст в рус. лит. XVIII—XX в.: Цитата, реминисценция, мотив, сюжет, жанр: Сб. науч. тр. Петрозаводск, 2001. Вып. 3. С. 163–170.

Эйгес 1933 — *Эйгес И.* Перевод М. Ю. Лермонтова из «Вертера» Гете // Звенья. Т. 2. М.; Л., 1933.
Эйгес 1948 — *Эйгес И.* Музыка в жизни и творчестве Лермонтова // ЛН 1948: XLV–XLVI, 497–540.
Эйдельман 1966 — *Эйдельман Н. Я.* Тайные корреспонденты «Полярной Звезды». М., 1966.
Эйдельман 2006 — *Эйдельман Н. Я.* Быть может за хребтом Кавказа. М., 2006.
Эйхенбаум 1924a — *Эйхенбаум Б. М.* Лермонтов: Опыт историко-литературной оценки. Л., 1924.
Эйхенбаум 1924b — *Эйхенбаум Б. М.* Лермонтов как историко-литературная проблема // Атеней. Ист.-лит. временник. Кн. 1–2. Л., 1924. С. 79–111.
Эйхенбаум 1935 — *Эйхенбаум Б. М.* О текстах Лермонтова // ЛН. Т. XIX–XXI. М.; Л., 1935. С. 485–501.
Эйхенбаум 1936 — *Эйхенбаум Б. М.* Жизнь М. Ю. Лермонтова // М. Ю. Лермонтов. Избран. произведения. М.; Л., 1936.
Эйхенбаум 1940 — *Эйхенбаум Б. М.* Художественная проблематика Лермонтова; <Комментарии> // Лермонтов М. Ю. Стихотворения. Л., 1940. Т. 1. С. 7–28; 277–335.
Эйхенбаум 1941a — *Эйхенбаум Б. М.* Литературная позиция Лермонтова // ЛН 1941: XLIII–XLIV, 3–82.
Эйхенбаум 1941b — *Эйхенбаум Б. М.* Эволюция Лермонтова // Звезда. 1941. № 7–8. С. 178–183.
Эйхенбаум 1943 — *Эйхенбаум Б. М.* Общественно-политические декларации Лермонтова (1838–1841) // Учен. зап. ЛГУ. Сер. гуманит. наук. 1943. № 87. С. 152–172.
Эйхенбаум 1948 — *Эйхенбаум Б. М.* Казанская тетрадь Лермонтова // ЛН 1948: XLV–XLVI, 3–10.
Эйхенбаум 1961 — *Эйхенбаум Б. М.* Статьи о Лермонтове. М.; Л., 1961.
Эйхенбаум 1968 — *Эйхенбаум Б. М.* К истории «Гамлета» в России // Шекспировский сборник, 1967. М., 1968. С. 60–70.
Эйхенбаум 1969 — *Эйхенбаум Б. М.* О поэзии. Л., 1969.
Эйхенбаум, Халабаев 1926 — *Лермонтов М. Ю.* Полн. собр. соч. / Ред. К. Халабаев, Б. Эйхенбаум. М.; Л., 1926.
Эйхенбаум, Халабаев 1931 — Лермонтов М. Ю. Полное собрание сочинений. 5-е изд. / Ред. К. Халабаева и Б. Эйхенбаума. М.; Л., 1931.
Элиасов 1973 — *Элиасов Л. Е.* Фольклор Восточной Сибири. Ч. 3. Локальные песни. Улан-Удэ, 1973.
Эльзон 1996a — *Эльзон М. Д.* «Есть Божий суд...»: К биографии М. Ю. Лермонтова // Russian Studies. 1996. Т. 2. № 1. С. 113.
Эльзон 1996b — *Эльзон М. Д.* Загадочен ли «Великий муж» М. Ю. Лермонтова?: К спорам об адресате // Russian studies: Ежеквартальник рус. филологии и культуры. СПб., 1996. Т. 2. № 3. С. 204–206.
Эльзон 2004 — *Эльзон М. Д.* Об авторе стихотворения «Прощай, немытая Россия» // Звезда. 2004. № 2. С. 206–209.

Эсенбаева 1981 — *Эсенбаева Р. М.* Еще раз об авторской позиции в стихотворении М. Ю. Лермонтова «Валерик» // М. Ю. Лермонтов и Чечено-Ингушетия: Сб. ст. Грозный, 1981. С. 65–77.
Эткинд 1963 — *Эткинд Е. Г.* Поэзия и перевод. М. ; Л., 1963.
Эткинд 1969 — *Эткинд Е. Г.* О лирическом субъекте поэзии романтизма // Искусство романтической эпохи. М., 1969. С. 150–169.
Эткинд 1992 — *Эткинд Е. Г.* Поэтическая личность Лермонтова: («Диалектика души» в лирике) // Михаил Лермонтов, 1814–1989: Норвич. симпозиум. Нортфилд, 1992. С. 11–38.
Эткинд 1998 — *Эткинд Е. Г.* Материя стиха: Репринт. изд. СПб., 1998.
Эткинд 2001 — *Эткинд Е. Г.* Проза о стихах. СПб., 2001.
Эткинд 2005 — *Эткинд Е. Г.* Психопоэтика. «Внутренний человек» и внешняя речь: Ст. и исслед. СПб., 2005.

Юсупова 2005 — *Юсупова И. Н.* «Демон» А. С. Пушкина и «Мой Демон» М. Ю. Лермонтова // Рус. яз. и межкультурная коммуникация. 2005. № 1. С. 122–123.
Юсуфов 1970 — *Юсуфов Р. Ф.* Русский романтизм начала XIX в. и национальные культуры. М., 1970.
Юхнова 2003 — *Юхнова И. С.* Человек и мир в стихотворениях Пушкина «Брожу ли я вдоль улиц шумных...» и Лермонтова «Как часто пестрою толпою окружен...» // Болдинские чт. [2001]. Н./Новгород, 2003. С. 115–121.
Юшков 1889 — *Юшков Н. Ф.* «Христос Воскрес» // Волжский вестник. 1889. 9 (21) апр., № 88. С. 2–3.
Юшков 1893 — *Юшков Н. Ф.* Материалы для истории русской литературы и театра. Казань, 1893.

Языков 1964 — *Языков Н. М.* Стихотворения и поэмы. Л., 1964.
Якубович 1935 — *Якубович Д. П.* Лермонтов и Вальтер Скотт // ИСЛЯ. 1935. № 3. С. 243–272.
Яцевич 1935 — *Яцевич А.* Пушкинский Петербург. Л., 1935. С. 366–367.
Яшин 1969 — *Яшин М.* История гибели Пушкина // Нева. 1969. № 4. С. 180.
Яшина 2012 — *Яшина Т. А.* Творчество Томаса Мура в русских переводах первой трети XIX века. М., 2012.

Ausonius 1823 — D. Magni Ausonii burdigalensis opera omnia. Vol I. London, 1823.

Balzac 1831 — Romans et contes philosophiques. 2-e éd. T. 1—3. Paris, 1831.
Barbier 1831 — *Barbier A.* Jambes et Poèmes. Paris, 1831.
Barbier 1833 — *Barbier A.* Il Pianto, poèmes. Paris, 1833.
Beard 2007 — *Beard, Mary.* The Roman Triumph. Cambridge, Mass.; London, 2007.
Boele 1996 — *Boele O. F.* The North in Russian Romantic Literature. Amsterdam; Atlanta (GA), 1996 (Studies in Slavic Literature and Poetics; Vol. XXVI).

Borsukiewicz 1969 — *Borsukiewicz Y.* Lermontov a Mickiewicz // O wzajemnych powiązaniach literackich polsko-rosyjskich. Wrocław; Warsz; Kraków, 1969. S. 98–106.
Bowra 1955 — *Bowra C. M.* Inspiration and poetry. London: MacMillan, 1955.
Byron 1828 — The Works of Lord Byron, including The Suppressed Poems. Complete in one volume. Paris, 1828.
Byron 1830 — Letters and Journals of Lord Byron with Notices of His Life, by Thomas Moore. Vol. 1–2. London, 1830.

Cabinet des fées 1786 — Cabinet des fées; ou, Collection choisie des contes des fées, et autres contes merveilleux. T. XXXI. Gèneve, 1786.
Chénier 1819 — Œuvres complètes d'André de Chénier. Paris, 1819.
Child 1965 — The English and Scottish popular ballads / Ed. by F. J. Child. Vol. 1–5. N.-Y., 1965.
Coyaud 1991 — *Coyaud M.* Faune et flore dans la poésie russe*:* Пушкин, Лермонтов, Некрасов, Есенин. Paris, 1991.

Dechamps 1929 — *Dechamps J.* La légende de Napoléon et la littérature compare // Revue de littérature compare. 1929. № 2. P. 285–307.
Diderot 1821 — *Diderot, Denis.* Œuvres de Denis Diderot, précédées de Mémoires historiques et philosophiques sur sa vie et ses œuvres / Par J. A. Naigeon, de l'Institut. Nouvelle édition. T. 1–20. Paris, 1821.
Duchesne 1910 — *Duchesne E.* Michel Iouriévitch Lermontov; sa vie et ses œuvres. Paris, 1910.
Dyck 1973 — *Dyck M.* Goethe und Lermontow, «Wandrers Nachtlied»; «Klein Gleiches» und doch «Ein Gleiches» // Germano-Slavica. 1973. № 1. P. 29–44.

Fröberg 1905 — *Fröberg T.* Lermontov als Übersetzer deutscher Gedichte. St. Pb., 1905.

Gerlinghoff 1968 — *Gerlinghoff P.* Frauengestalten und Liebesproblematik bei M. J. Lermontov. Meisenheim am Glan: A. Hain, 1968.
Gilbert 1823 — Œuvres complètes de Gilbert. Paris, 1823.
Giusti 1968 — *Giusti W.* Il demone e l'angelo. Lermontove la Russia del suo tempo. Messina; Firenze, [1968]. P. 157–158.
Goethe 1828–1830 — *Goethe, J.W. v.* Werke. Vollständige Ausgabe letzter Hand: 27 Bdn. Stuttgart; Tübingen, 1828–1830.
Graziadei 2000 — *Graziadei C.* Il Gladiatore morente: Saggi di poesia russa. Firenze: Cadmo, 2000.
Gregoire 1951 — *Gregoire H.* Les sources rytmiques écossaises du Borodino de M. J. Lermontov // Revue des etudes slaves. T. 27. 1951. P. 145–159.
Gronicka 1966 — *Gronicka A. von.* Lermontov's debt to Goethe // Revue de Littérature comparée. 1966. № 4. P. 567–584.

Giusti 1968 — *Giusti W.* Il demone e l'angelo. Lermontov e la Russia del suo tempo. Messina; Firenze, 1968.
Gurski 1970 — *Gurski A.* M. Ju. Lermontovs konzeption des literarischen Helden. München, 1970.

Heine 1827 — *Heine H.* Buch der Lieder. Hamburg, 1827.
Hopkins 1976 — *Hopkins, William H.* Lermontov's Hussar Poems // Russian Literature Triquarterly. Ann Arbor, (Mich.). 1976. Vol. 14. P. 36–47.
Hugo 1829 — Odes et ballades par Victor Hugo. 5 ed. T. I. Paris, 1829.

Kerndl 1955 — *Kerndl A.* Studien über Heine in Russland // Zeitschrift für Slawische Philologie. 1955. Bd 24. H. l. S. 144–154.
Kostka 1965 — *Kostka E. K.* Schiller in Russian literature. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1965.

Lamartine 1830 — Œuvres d'Alphonse de Lamartine. Éd. complète. Bruxelles, 1830.
Langleben 1994 — *Langleben M.* «A Hebrew Melody» by Byron and Lermontov: Persuasion by Paradigm // Approaches to Poetry. Berlin; New York, 1994. P. 152–180.
Lavrin 1959 — *Lavrin J.* Lermontov. London, 1959.
Layton 1994 — *Layton S.* Lermontov in combat with «Biblioteka dlia chteniia» // Cahiers du Monde russe. 1994. Vol 35. № 4. P. 787–802.
Lednicki 1954 — *Lednicki W.* Russia, Poland and the West Essays in literary and cultural history. London, 1954.

Medwin 1824 — Journal of the conversations of Lord Byron noted during a residence with his lordship at Pisa, in the years 1821 and 1822 by Thomas Medwin. London, 1824.
Michailoff 1974 — *Michailoff Helen.* The Vereshchagina Albums // Russian Literature Triquarterly. 1974. № 10. P. 363–407.
Michelet 1831 — *Michelet J.* Introduction à l'histoire universelle. Paris, 1831.
Mickiewicz 1828 — *Mickiewicz A.* Konrad Wallenrod, powieść historyczna z dziejów litewskich i pruskich. SPb., 1828.
Moore 1840–1841 — The Poetical Works of Thomas Moore, collected by himself: 10 vols. London, 1840–1841.
Musset 1836 — *Musset A. de.* La Confession d'un enfant du siècle. Vol. I–II. Paris, 1836.

Nodier 1832 — Œuvres de Charles Nodier. Romans, Contes et Nouvelles. V. 5: Rêveries. Paris, 1932.

Olias 1965 — *Olias, G.* Ein unbeachtetes Lermontov-Autograph // Wissenschaftliche Zeitschrift. Humboldt-Universität zu Berlin, Gesellschafts und sprachwissenschaftliche Reihe. 1965. Jg. 14. H. 5. S. 669–672.

Parny 1808 — Oeuvres d’Évariste Parny. T. 1. Paris, 1808.
Pascal 1814 — Pensées, fragments et lettres de Blaise Pascal. Vol. I–II. Paris, 1814.
Platen 1821 — *Platen A. von.* Lyrische Blätter. B. 1. Leipzig, 1821.
Powelstock 2005 — *Powelstock D.* Becoming Mikhail Lermontov: the ironies of romantic individualism in Nicholas I’s Russia. Evanston, Ill.: Northwestern University Press, 2005.
Rotrou 1820 — Œuvres de Jean Rotrou. Vol. 5. Paris, 1820.

Shakespeare 1824 — The Dramatic Works of Shakspeare. Printed from the Text of Johnson and Steevens. Complete in One Volume. London, 1824.
Schiller 1817–1819 — *Schiller Fr.* Sämmtliche Werke. Bd. 1–18. Carlsruhe, 1817–1819.
Shelley 1840 — *Shelley P.-B.* Essays, Letters from Abroad, Translations and Fragments / Ed. by Mrs. Shelley. London, 1840.
Shaw 1961 — *Shaw J. T.* Byron, Shêndollé and Lermontov’s «Dying Gladiator» // Studies in honor of J. C. Hodges and A. Thaler. Knoxville, 1961. P. 1–10.
Staël 1830 — Œuvres complètes de Madame de Staël: 17 vol. Bruxelles, 1830.
Statkov 1966 — *Statkov D.* Goethes «Wandrers Nachtlied» und zwei slawische Umdichtungen // Osterreichische Hefte. 1966. H. 1. S. 16–20.

Vickery 2001 — *Vickery W. N.* M. Iu. Lermontov: his life and work. München, 2001 (Slavistische Beiträge, Bd. 409).
Voltaire 1819—1825 — Œuvres complètes de Voltaire. Vol. 1–66. Paris, 1819–1825.

Wilkinson 1977 — *Wilkinson J. L.* The development of the ballad in Russian literature by Mixail Jurévič Lermontov (1814–1841): Thesis (Ph.D.). University of Kansas, 1977.
Wordsworth 1827 — The Poetical Works of William Wordsworth: In 5 vol. London, 1827.

Žinkin 1957 — *Žinkin N. P.* Zu M. Lermontovs Übertragungen deutscher Dichter // Zeitschrift für Slawistik. 1957. Bd 2. H. 3. S. 347–365.

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

Архивохранилища и библиотеки

ОПИ ГИМ — Отдел письменных источников Государственного исторического музея (Москва).

ОР РГБ — Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (Москва).

ОР РНБ — Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (Санкт-Петербург).

ОРФ ГЛМ — Отдел рукописных фондов Государственного литературного музея (Москва).

РГАЛИ — Российский государственный архив литературы и искусства (Москва).

РГИА — Российский государственный исторический архив (Санкт-Петербург).

РО ИРЛИ — Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинского Дома) Российской Академии наук (Санкт-Петербург).

СПбИИ — Санкт-Петербургский Институт истории Российской Академии наук.

Периодические издания

БдЧ — Библиотека для чтения (журнал).

БЗ — Библиографические записки (журнал).

ВЕ — Вестник Европы (журнал).

ВЛ — Вопросы литературы (журнал).

ВРЛ — Вопросы русской литературы (периодический сборник, Львов).

ДЖ — Дамский журнал.

ЖМНП — Журнал Министерства народного просвещения.

ЗОР — Записки отдела рукописей ГБЛ / РГБ (сборник).

ИВ — Исторический вестник (журнал).

ИОРЯС — Известия Отделения русского языка и словесности АН.

ИСЛЯ — Известия АН СССР / РАН. Отделение / Серия Литературы и языка.
ЛГ — Литературная газета.
ЛН — Литературное наследство (документальный сборник).
ЛПРИ — Литературные прибавления к «Русскому инвалиду» (газета).
ЛУ — Литературная учеба (журнал).
МВ — Московский вестник (журнал).
МВед — Московские ведомости (газета).
МЖ — Московский журнал.
МН — Московский наблюдатель (журнал).
НВ — Новое время (газета).
НЛО — Новое литературное обозрение (журнал).
ОЗ — Отечественные записки (журнал).
ПЗ — Полярная звезда (непериодический сборник).
ПиС — Пушкин и его современники (непериодический сборник).
РА — Русский архив (журнал).
РБ — Русский библиофил (журнал).
РВ — Русский вестник (журнал).
РЛ — Русская литература (журнал).
РМ — Русская мысль (журнал).
РО — Русское обозрение (журнал).
РР — Русская речь (журнал).
РС — Русская старина (журнал).
РФВ — Русский филологический вестник (журнал).
СВ — Северный вестник (журнал).
СО — Сын отечества (журнал).
СП — Северная пчела (газета).
СЦ — Северные цветы (альманах).
ТВ — Тарханский вестник (непериодический сборник).
ФЗ — Филологические записки (журнал).
ФН — Научные доклады высшей школы. Филологические науки (журнал).

СОДЕРЖАНИЕ

Художественая проблематика Лермонтова.
Вступительная статья В. Э. Вацуро ... 5

СТИХОТВОРЕНИЯ

1. Осень ... 35
2. Заблуждение Купидона ... 35
3. Цевница ... 36
4. Поэт («Когда Рафаэль вдохновенный...») ... 36
5. Посвящение. N. N. («Вот, друг, плоды моей небрежной музы!») ... 37
6. Пир ... 37
7. Веселый час ... 38
8. К друзьям ... 39
9. Эпиграмма («Дурак и старая кокетка — всё равно...») ... 40
10. Мадригал ... 40
11. Романс («Коварной жизнью недовольный...») ... 40
12. К гению ... 41
13. Покаяние ... 43
14. Письмо ... 44
15. Война ... 46
16. Русская мелодия ... 46
17. Песня («Светлый призрак дней минувших...») ... 47
18. К...... («Не привлекай меня красой!») ... 47
19. Романс («Невинный нежною душою...») ... 48
20. Три ведьмы ... 48
21. К Нине ... 49
22. К N. N.*** («Ты не хотел! но скоро волю рока...») ... 50

23—28. Эпиграммы 51
1. «Есть люди странные, которые с друзьями...» 51
2. «Тот самый человек пустой...» 51
3. «Поэтом (хоть и это бремя)...» 51
4. Г-ну П.... («Аминт твой на глупца походит...») 51
5. «Стыдить лжеца, шутить над дураком...» 51
6. «Дамон, наш врач, о друге прослезился...» 51
29. К П.....ну 52
30. К Д...ву 52
31. К Грузинову 53
32—37. Портреты 53
1. «Он некрасив, он невысок...» 53
2. «Довольно толст, довольно тучен...» 54
3. «Лукав, завистлив, зол и страстен...» 54
4. «Всё в мире суета, он мнит, или отрава...» 54
5. «Всегда он с улыбкой веселой...» 54
6. «Он любимец мягкой лени...» 54
38. Наполеон («Где бьет волна о брег высокой...») 55
39. Пан 57
40. Жалобы турка 57
41. К N. N. *** («Не играй моей тоской...») 58
42. Черкешенка 58
43. Ответ 59
44. Два сокола 59
45. Грузинская песня 60
46. Мой демон 61
47. Жена Севера 62
48. К другу («Взлелеянный на лоне вдохновенья...») 62
49. Элегия («О! Если б дни мои текли...») 63
50. «Забывши волнения жизни мятежной...» 63
51. К*** («Глядися чаще в зеркала...») 64
52. В день рождения N. N. 64
53. К*** («Мы снова встретились с тобой...») 64
54. Монолог 65
55. Встреча 65
56. Баллада («Над морем красавица-дева сидит...») 66
57. Перчатка 67
58. Дитя в люльке 69
59. К * («Делись со мною тем, что знаешь...») 69
60. Молитва («Не обвиняй меня, всесильный...») 69

61. Леший 70
62. «Один среди людского шума...» 73
63. «Ты помнишь ли, как мы с тобою...» 73
64. Кавказ 74
65. Весна 75
66. К **** («Не говори: одним высоким...») 75
67. Опасение 76
68. Стансы («Люблю, когда, борясь с душою...») 76
69. Н. Ф. И...вой 77
70. Ночь. I 78
71. Разлука 80
72. Ночь. II 81
73. Had we never loved so kindly 83
74. «В старинны годы жили-были...» 83
75. Незабудка 83
76. Совет 85
77. Одиночество 86
78. В альбом («Нет! — я не требую вниманья...») 87
79. Гроза 87
80. «Гроза шумит в морях с конца в конец» 88
81. Звезда («Светись, светись, далекая звезда...») 88
82. Еврейская мелодия («Я видал иногда, как ночная звезда...») 89
83. Вечер после дождя 89
84. Наполеон («В неверный час, меж днем и темнотой...») 90
85. Эпитафия Наполеона 91
86. К глупой красавице 92
87. Очи. N. N 92
88. Кавказу 92
89. Утро на Кавказе 93
90. «Прости, мой друг!.. как призрак, я лечу...» 93
91. Челнок («Воет ветр и свистит пред недальной грозой...») 94
92. Отрывок («На жизнь надеяться страшась...») 95
93. «Оставленная пустынь предо мной...» 98
94. К... («Простите мне, что я решился к вам...») 99
95. Ночь. III 100
96. Farewell 100
97. Элегия («Дробись, дробись, волна ночная...») 101
98. Эпитафия («Простосердечный сын свободы...») 102
99. Sentenz 102
100. Гроб Оссиана 103

101. Посвящение («Прими, прими мой грустный труд...») 103
102. Кладбище 104
103. Посвящение («Тебе я некогда вверял...») 104
104. Моя мольба 105
105. К Су... («Вблизи тебя до этих пор...») 105
106. Гость («Как пришлец иноплеменный...») 105
107. 1830 года. Майя 16 дня 106
108. К*** («Не думай, чтоб я был достоин сожаленья...») 107
109. Эпитафия («Кто яму для других копать трудился...») 108
110. Дереву 108
111. Предсказание 109
112. «Всё тихо — полная луна...» 109
113. «Никто, никто, никто не усладил...» 110
114. 1830 год. Июля 15-го 110
115. Булевар 111
116. Песнь барда 114
117. 10 июля. (1830) 115
118. Благодарю! 115
119. Нищий 116
120. Ночь («Один я в тишине ночной...») 117
121. К... («Не говори: я трус, глупец!..») 118
122. Чума в Саратове 118
123. «Плачь! плачь! Израиля народ...» 119
124. 30 июля. — (Париж). 1830 года 119
125. Стансы («Взгляни, как мой спокоен взор...») 120
126. Чума 121
127. «Нередко люди и бранили...» 123
128. Романс («В те дни, когда уж нет надежд...») 123
129. Отрывок («Приметив юной девы грудь...») 124
130. Баллада («Берегись! берегись! над бургосским путем...») 124
131. К*** («Когда к тебе молвы рассказ...») 125
132. «Передо мной лежит листок...» 125
133. «Свершилось! полно ожидать...» 126
134. «Итак, прощай! впервые этот звук...» 126
135. Новгород 126
136. Глупой красавице 127
137. Могила бойца 127
138. Смерть («Закат горит огнистой полосою...») 128
139. Русская песня 129
140. Романс к И... («Когда я унесу в чужбину...») 130

141. Черны очи («Много звезд у летней ночи...») 130
142. К * («Когда твой друг с пророческой тоскою...») 131
143. Звезда («Вверху одна...») 131
144. Раскаянье 132
145. Венеция 133
146. «Я видел раз ее в веселом вихре бала...» 134
147. Подражание Байрону 135
148. К Дурнову 135
149. Арфа 136
150. «На темной скале над шумящим Днепром...» 136
151. Песня («Не знаю, обманут ли был я...») 137
152. Пир Асмодея 138
153. Сон («Я видел сон: прохладный гаснул день...») 140
154. На картину Рембрандта 140
155. К *** («О, полно извинять разврат!») 141
156. Прощанье («Прости, прости!») 142
157. К приятелю («Мой друг, не плач перед разлукой...») 142
158. Смерть («Оборвана цепь жизни молодой...») 143
159. Волны и люди 144
160. Звуки 144
161. 11 июля 145
162. Первая любовь 145
163. Поле Бородина 146
164. Мой дом 148
165. Смерть («Ласкаемый цветущими мечтами...») 149
166. Стансы («Мне любить до могилы творцом суждено...») 152
167. 1831-го июня 11 дня 152
168. Солнце осени 161
169. Поток 162
170. К*** («Не ты, но судьба виновата была...») 163
171. Ночь («В чугун печальный сторож бьет...») 163
172. 1831-го января 164
173. К себе 165
174. «Душа моя должна прожить в земной неволе...» 165
175. Песня («Колокол стонет...») 166
176. «Пускай поэта обвиняет...» 166
177. Слава 167
178. Вечер 168
179. «Унылый колокола звон...» 168
180. «Хоть давно изменила мне радость...» 169

181. Звуки и взор ... 170
182. Земля и небо ... 170
183. К *** («Дай руку мне, склонись к груди поэта...») ... 171
184. Из Андрея Шенье ... 171
185. К *** («Не медли в дальной стороне...») ... 172
186. Сосед («Погаснул день на вышинах небесных...») ... 173
187. Стансы («Не могу на родине томиться...») ... 173
188. Мой демон ... 174
189. Романс («Хоть бегут по струнам моим звуки веселья...») ... 175
190. «Я не крушуся о былом...» ... 176
191. «Возьми назад тот нежный взгляд...» ... 177
192. Крест на скале ... 177
193. «Послушай! вспомни обо мне...» ... 178
194. Завещание («Есть место: близ тропы глухой...») ... 178
195. «Сижу я в комнате старинной...» ... 179
196. К *** («Всевышний произнес свой приговор...») ... 180
197. Желание («Зачем я не птица, не ворон степной...») ... 181
198. К деве небесной ... 181
199. С<в.> Елена ... 182
200. К другу В. Ш. ... 183
201. «Блистая пробегают облака...» ... 183
202. Атаман ... 184
203. Исповедь («Я верю, обещаю верить...») ... 186
204. Надежда ... 187
205. Видение ... 188
206. Чаша жизни ... 190
207. К Л.— ... 191
208. К Н. И...... («Я не достоин, может быть...») ... 192
209. А. Д. З.... ... 193
210. Воля ... 193
211. Сентября 28 ... 194
212. «Не верь хвалам иувереньям...» ... 195
213. «Прекрасны вы, поля земли родной...» ... 195
214. «Метель шумит и снег валит...» ... 196
215. Песня («Ликуйте, друзья, ставьте чаши вверх дном...») ... 196
216. Небо и звезды ... 197
217. Счастливый миг ... 197
218. «Когда б в покорности незнанья...» ... 198
219. К кн. Л. Г-ой ... 199
220. «Кто видел Кремль в час утра золотой...» ... 200

221. «Я видел тень блаженства; но вполне...» 200
222. К*** («О, не скрывай! ты плакала об нем...») 201
223. К*** («Ты слишком для невинности мила...») 202
224. «Кто в утро зимнее, когда валит...» 202
225. Ангел 202
226. Стансы («Я не могу ни произнесть...») 203
227. «Ужасная судьба отца и сына...» 205
228. «Пусть я кого-нибудь люблю...» 206
229. К другу («Забудь опять...») 206
230. «Пора уснуть последним сном...» 207
231. Из Паткуля 207
232. <Н. Н. Арсеньеву> 208
233. «Я не для ангелов и рая...» 208
234. Портрет («Взгляни на этот лик; искусством он...») 209
235. «Настанет день — и миром осужденный...» 209
236. К Д. («Будь со мною, как прежде бывала...») 210
237. Песня («Желтый лист о стебель бьется...») 211
238. К Нэере 211
239. Отрывок («Три ночи я провел без сна — в тоске...») 212
240. Баллада («В избушке позднею порою...») 213
241. Силуэт 215
242. «Как дух отчаянья и зла...» 215
243. «Я не люблю тебя; страстей...» 215
244—260. <Новогодние мадригалы и эпиграммы> 216
1. Н. Ф. И. («Дай бог, чтоб вечно вы не знали...») 216
2. Бухариной («Не чудно ль, что зовут вас Вера?..») 216
3. Трубецкому («Нет! мир совсем пошел не так...») 216
4. Г<осподину> Павлову («Как вас зовут? ужель поэтом?») 216
5. Алябьевой («Вам красота, чтобы блеснуть...») 217
6. Нарышкиной («Всем жалко вас: вы так устали!») 217
7. Толстой («Не даром она, не даром...») 217
8. Бартеневой («Скажи мне: где переняла...») 217
9. Мартыновой («Когда поспорить вам придется...») 218
10. Додо («Умеешь ты сердца тревожить...») 218
11. Башилову («Вы старшина собранья верно...») 218
12. Кропоткиной («Я оклеветан перед вами...») 219
13. Щербатовой («Поверю ль я, чтоб вы хотели...») 219
14. Булгакову («На вздор и шалости ты хват...») 219
15. Сабуровой («Как? вы поэта огорчили...») 220
16. Уваровой («Вы мне однажды говорили...») 220
17. «Вы не знавали князь Петра...» 220

261. «Люблю я цепи синих гор...» 220
262. Солнце 222
263. «Я счастлив! — тайный яд течет в моей крови...» 222
264. Прощанье («Не уезжай, лезгинец молодой...») 222
265. «Она была прекрасна, как мечта...» 223
266. «Время сердцу быть в покое...» 224
267. «Склонись ко мне, красавец молодой!» 225
268. «Девятый час; уж темно; близ заставы...» 226
269. «Как в ночь звезды падучей пламень...» 228
270. К* («Я не унижусь пред тобою...») 229
271. «Как луч зари, как розы Леля...» 230
272. «Синие горы Кавказа, приветствую вас!» 230
273. Романс («Стояла серая скала на берегу морском...») 231
274. Прелестнице 232
275. «Ты молод. Цвет твоих кудрей...» 232
276. Эпитафия («Прости! увидимся ль мы снова?») 233
277. «Измученный тоскою и недугом...» 233
278. «Когда последнее мгновенье...» 234
279. <В альбом Д. Ф. Ивановой>
(«Когда судьба тебя захочет обмануть...») 235
280. <В альбом Н. Ф. Ивановой> («Что может краткое свиданье...») 235
281. «Нет, я не Байрон, я другой...» 235
282. Романс («Ты идешь на поле битвы...») 236
283. Сонет («Я памятью живу с увядшими мечтами..») 236
284. «Болезнь в груди моей, и нет мне исцеленья...» 237
285. К* («Мы случайно сведены судьбою...») 238
286. «Поцелуями прежде считал...» 238
287. «Послушай, быть может, когда мы покинем...» 239
288. К* («Оставь напрасные заботы...») 239
289. Баллада («Из ворот выезжают три витязя в ряд...») 240
290. Бой 240
291. «Я жить хочу! хочу печали...» 240
292. «Смело верь тому, что вечно...» 241
293. Желанье («Отворите мне темницу...») 241
294. «Приветствую тебя, воинственных славян...» 242
295. К* («Мой друг, напрасное старанье!») 243
296. К* («Печаль в моих песнях, но что за нужда?») 243
297. Два великана 244
298. К* («Прости! — мы не встретимся боле...») 245
299. «Слова разлуки повторяя...» 246
300. «Безумец я! вы правы, правы!» 246

301. «Она не гордой красотою...» 247
302. Тростник 247
303. Русалка 249
304. Челнок («По произволу дивной власти...») 250
305. «Примите дивное посланье...» 251
306. Посвященье («Опять явилось вдохновенье...») 251
307. «Что толку жить!.. без приключений...» 252
308. «Для чего я не родился...» 253
309. Парус 254
310. Баллада («Куда так проворно, жидовка младая?») 254
311. «Он был рожден для счастья, для надежд...» 256
312. «Прости! — забудь, что ты певца...» 256
313. Гусар 257
314. «На серебряные шпоры...» 258
315. «В рядах стояли безмолвной толпой...» 258
316. Юнкерская молитва 259
317. Ода к нужнику 260
318. К Т*** («Не води так томно оком...») 261
319. «Он был в краю святом...» 262
320. «Ах! — ныне я не тот совсем...» 262
321. «Когда надежде недоступный...» 263
322. А-ру А-чу Фаддееву («О ты, которого зовут...») 264
323. «Опять народные витии...» 265
324. Гость («Кларису юноша любил...») 266
325. «И на театре, как на сцене света...» 269
326. «Это случилось в последние годы могучего Рима.» 269
327. Умирающий гладиатор 270
328. Еврейская мелодия («Душа моя мрачна. Скорей, певец, скорей!») ... 271
329. В альбом («Как одинокая гробница...») 272
330. Ветка Палестины 272
331. «Никто моим словам не внемлет... я один.» 273
332. «Мое грядущее в тумане...» 274
333. «Великий муж! Здесь нет награды...» 274
334. Смерть поэта 275
335. Узник 277
336. Сосед («Кто б ни был ты, печальный мой сосед...») 278
337. «Когда волнуется желтеющая нива...» 279
338. Молитва («Я, Матерь Божия, ныне с молитвою...») 279
339. «Расстались мы; но твой портрет...» 280
340. <Эпиграмма на Н. Кукольника> («В Большом театре я сидел...») 280
341. Послание («Катерина, Катерина!») 280

342. Бородино 281
343. <Эпиграмма на Ф. Булгарина, I> 284
344. <Эпиграмма на Ф. Булгарина, II> 284
345. «Тебе, Кавказ, суровый царь земли» (I) 284
346. «Се Маккавей водопийца кудрявые речи раскинул, как сети...» 285
347. «Остаться без носу — наш Маккавей боялся...» 285
348. <А. Петрову> («Ну что скажу тебе я спросту?») 285
349. «Слышу ли голос твой...» 286
350. «Спеша на север издалека...» 286
351. «Как небеса, твой взор блистает...» 287
352. «Гляжу на будущность с боязнью...» 288
353. Кинжал 289
354. «Она поет — и звуки тают...» 289
355. «Я не хочу, чтоб свет узнал...» 290
356. «Не смейся над моей пророческой тоскою...» 290
357. Поэт («Отделкой золотой блистает мой кинжал...») 291
358. Экспромт М. И. Ц. («Русский немец белокурый...») 292
359. Вид гор из степей Козлова 292
360. «Quand je te vois sourire...» 293
361. <А. Г. Хомутовой> («Слепец, страданьем вдохновенный...») 294
362. «Смотрите, как летит, отвагою пылая...» 295
363. <К Н. И. Бухарову> («Мы ждем тебя, спеши, Бухаров...») 295
364. «Расписку просишь ты, гусар...» 295
365. «Тебе, Кавказ, суровый царь земли...» (II) 296
366. «Ma cousine...» 297
367. Казачья колыбельная песня («Спи, младенец мой прекрасный...») 297
368. Дума 299
369. <А. О. Смирновой> («В простосердечии невежды...») 300
370. «Ребенка милого рожденье...» 300
371. Не верь себе 301
372. Три пальмы 302
373. <А. А. Олениной> («Ах! Анна Алексевна...») 304
374. «Есть речи — значенье...» 304
375. Памяти А. И. О-го 305
376. «На буйном пиршестве задумчив он сидел...» 307
377. <Э. К. Мусиной-Пушкиной> («Графиня Эмилия...») 308
378. Молитва («В минуту жизни трудную...») 308
379. Дары Терека 308
380. «Как часто, пестрою толпою окружен...» 311
381. И скучно, и грустно 312
382. «Посреди небесных тел...» 312

383. К портрету («Как мальчик кудрявый, резва...») 313
384. И. П. Мятлеву 313
385. Воздушный корабль 314
386. Журналист, читатель и писатель 316
387. Соседка («Не дождаться мне видно свободы...») 321
388. Пленный рыцарь 322
389. М. П. Соломирской («Над бездной адскою блуждая...») 323
390. <М. А. Щербатовой> («На светские цепи...») 324
391. Тучи 325
392. Отчего 325
393. Благодарность («За всё, за всё тебя благодарю я...») 326
394. Из Гете 326
395. Ребенку («О грёзах юности томим воспоминаньем...») 326
396. Завещание («Наедине с тобою, брат...») 327
397. «Я к вам пишу случайно; право...» 328
398. Эпиграмма («Под фирмой иностранной иноземец...») 335
399. Договор 335
400. «Из-под таинственной холодной полумаски...» 336
401. «Не плачь, не плачь, мое дитя...» 336
402. Оправдание 337
403. Родина 337
404. <А. А. Углицкой> («Ma chère Alexandrine...») 338
405. Любовь мертвеца 339
406. «На севере диком стоит одиноко...» 340
407. Последнее новоселье 340
408. <Из альбома С. Н. Карамзиной> («Любил и я в былые годы...») 342
409. Графине Ростопчиной 343
410. «Прощай, немытая Россия...» 344
411. Спор 344
412. Утес 347
413. Пророк 347
414. «На бурке под тенью чинары...» 348
415. Сон («В полдневный жар в долине Дагестана...») 349
416. Тамара 350
417. «Они любили друг друга так долго и нежно...» 351
418. Листок 352
419. Свиданье («Уж за горой дремучею...») 352
420. L'attente 355
421. «Нет, не тебя так пылко я люблю...» 356
422. «Выхожу один я на дорогу...» 356
423. Морская царевна 357

ПРИЛОЖЕНИЕ

Коллективное

424. «Благодарим тебя, <Тевес>...» 361
425. Баллада («До рассвета поднявшись, перо очинил...») 361
426. «О, как прохладно и весело нам...» 362

Dubia

427. «Любить вас долго было б скучно...» 364
428. «Три грации считались в древнем мире...» 364
429. «Хвала тебе, приют лентяев...» 364
430. Экспр<омт> («Ах, как мила моя княгиня!») 364
431. «Когда легковерен и молод я был...» 365
432. Христос Воскресе 365
433. Толбину («Ты помнишь ли былые шашни...») 366
434—450. <Экспромты 1841 года> 366
<1>. «Куда, седой прелюбодей...» 366
<2>. «Очарователен кавказский наш Монако!» 366
<3>. «В игре, как лев, силен...» 366
<4>. «Милый Глебов...» 367
<5>. «Скинь бешмет свой, друг Мартыш...» 367
<6>. «Смело в пире жизни надо...» 367
<7>. «Велик князь Ксандр и тонок, гибок он...» 367
<8>. «Наш князь Василь-...» 367
<9>. «За девицей Emilie...» 368
<10>. «Надежда Петровна...» 368
<11>. «Он прав! Наш друг Мартыш не Соломон...» 368
<12>. «С лишком месяц у Мерлини...» 368
<13>. «Он метил в умники, попался в дураки...» 369
<14>. «Зачем, о счастии мечтая...» 369
<15>. «Мои друзья вчерашние — враги...» 369
<16>. «Им жизнь нужна моя, — ну, что же, пусть возьмут...» 370
<17>. «Ну, вот теперь у вас для разговоров будет...» 370

Комментарии 371

Литература 698
Список сокращений 761

М. Ю. ЛЕРМОНТОВ

собрание сочинений в четырех томах

ТОМ ПЕРВЫЙ

СТИХОТВОРЕНИЯ 1828–1841

16+

Редактор *А. Е. Барзах*
Художник *Ю. С. Александров*
Верстка *Н. Ю. Травкин*
Корректор *О. И. Абрамович*

Издательство Пушкинского Дома.
199034, Санкт-Петербург, наб. Макарова, 4.
Тел.: (812) 328-19-01. Факс: (812) 328-11-40

Подписано в печать 12.12.2014. Формат $70 \times 100^1/_{16}$.
Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура Octava.
Усл. п. л. 43,5. Уч. изд. п. л. 36. Тираж 300 экз. Заказ № 152.

Отпечатано в типографии ООО «ИПК „Бионт“»
199026, Санкт-Петербург, Средний пр. ВО, 86.
Тел. (812) 322-68-43

